

ПТИЦЫ ТЯНЬ-ШАНЯ

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Прикаспийская низменность
плато Устюрт
Аральское море
Кызылкум
Каракумы
Ашхабад
Казахский мелкосопочник
Караганда
оз. Балхаш
оз. Зайсан
оз. Алаколь
Алма-Ата
оз. Иссык-Куль
Фрунзе
Кашгар
пустыня Такла-Макан
Турфанская впад.
оз. Лобнор
Монгольский Алтай
Гобийский Алтай
пустыня Гоби
Улан-Батор
Омск
Новосибирск
Томск
Красноярск
Барнаул
Иркутск
оз. Байкал
Чита
Селенга
Кама
Свердловск
Ханты-Мансийск
Сургут
Енисейск
Подкаменная Тунгуска
Нижн. Тунгуска
Западно-Сибирская равнина
Среднесибирское плоскогорье
Якутск
Алданское нагорье
Становое нагорье
Становой хребет
Амур
Хабаровск
Харбин
ОХОТСКОЕ МОРЕ
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
ЖЁЛТОЕ МОРЕ
ВОСТОЧНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ
Пекин
Ланьчжоу
Иньчуань
оз. Кукунор
хребет Куньлунь
хребет Нукушили
ТИБЕТ
Тибетское нагорье
Лхаса
ГИМАЛАИ
Гиндукуш
Кабул
Памир
Делли
пустыня Тар
Инд
Ганг
Брахмапутра
плато Шиллонг
Калькутта
Катманду
Бомбей
п-ов Индостан
Западные Гаты
Восточные Гаты
Мадрас
БЕНГАЛЬСКИЙ
пр. Сев. Препарис
Рангун
Бангкок
Индокитай
Ханой
о. Хайнань
Сянган (Гонконг)
Тайвань
Шанхай
Ухань
Чунцин
Наньлин
ФИЛИППИНСКАЯ
Марианская
АРАВИЙСКОЕ МОРЕ
Аравийская котловина
Персидский залив
Руб-эль-Хали
Иранское нагорье
Загрос
Тегеран
Эльбурс
Копетдаг
ЧЁРНОЕ МОРЕ
Азовское море
Днепр
Киев
Дон
Волга
Урал
Сейм
Пермь
Оренбург

Первопроходцам Тянь-Шаня
Николаю Алексеевичу Северцову,
Николаю Алексеевичу Зарудному
и сотням их последователей,
наблюдения которых заложили основу
наших знаний о птицах этой горной страны

Institute of Zoology MES RK
Menzbier Ornithological Society
Kazakhstan Birds Conservation Union

Anatoliy F. Kovshar

BIRDS OF
TIEN SHAN

(Middle Asian part of the mountain system in the limits
of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan)

In two volumes

Volume 2. Passeriformes

Almaty – 2019

Институт зоологии МОН РК
Мензбировское орнитологическое общество
Союз охраны птиц Казахстана

А.Ф. Ковшарь

ПТИЦЫ
ТЯНЬ-ШАНЯ

(среднеазиатской половины горной системы
в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана)

В двух томах

Том 2. Воробьиные

Алматы – 2019

УДК 598.2-598.9 (235.216)
ББК 28.693.35
К56

Ковшарь А.Ф.

ПТИЦЫ ТЯНЬ-ШАНЯ (западной половины горной системы в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана). В двух томах. Том 2. Воробьиные. Алматы, 2019. С. 577-1184. Библ. 1055.

ISBN 978-601-7287-34-4

Второй том монографии, написанной по материалам многолетних (1959-2015 гг.) полевых исследований автора в разных местах среднеазиатской части горной системы Тянь-Шаня с критическим использованием всех доступных публикаций по птицам этого региона, содержит полное описание фауны птиц (220 видов) последнего отряда – Воробьеобразных (Passeriformes), относящихся к 26 семействам: жаворонковые, ласточковые, трясогузковые, свиристелевые, оляпковые, крапивниковые, завирушковые, дроздовые, мухоловковые, славковые, корольковые, суторовые, ополовниковые, расписные синички, ремезовые, синицевые, поползневые, пищуховые, сорокопутовые, иволговые, монарховые, врановые, скворцовые, ткачиковые (воробьиные), вьюрковые и овсянковые. Главное внимание уделено динамике распространения и численности каждого вида в пределах избранного региона, а также срокам пребывания их здесь, особенно для мигрирующих видов. Рассматривается также степень изученности биологии того или иного вида в пределах среднеазиатской половины Тянь-Шаня.

Издано при финансовой поддержке Германского общества охраны природы (NABU)

Anatoliy F. Kovshar

BIRDS OF TIEN SHAN (Middle Asian part of the mountain system in the limits of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Tajikistan). In two volumes. Volume 2. Passeriformes. Almaty, 2019. P. 577-1184. References – 1055.

ISBN 978-601-7287-34-4

The second volume of the monograph, written on the basis of materials of long-term (1959-2015) field studies of the author in different places of the Central Asian part of the Tien Shan mountain system with critical revision of all available publications on the birds of this region. It contains a complete description of the bird fauna (220 species) of the last order – passerines (Passeriformes), belonging to 26 families: Alaudidae, Hirundinidae, Motacillidae, Bombycilidae, Cinclidae, Troglodytidae, Prunellidae, Turdidae, Muscicapidae, Sylviidae, Regulidae, Paradoxornithidae, Aegithalidae, Leptopoecilidae, Remizidae, Paridae, Sittidae, Certhidae, Laniidae, Oriolidae, Monarchidae, Corvidae, Sturnidae, Passeridae, Fringillidae, Emberizidae.

The main attention is given to the distribution dynamics and abundance of each species within the chosen region, as well as the duration of their stay, especially for migratory species. The level of knowledge of the species biology within the Central Asian half of Tien Shan is also considered.

Published with financial support of Nature and Biodiversity Conservation Union (NABU)

ISBN 978-601-7287-34-4

© А.Ф. Ковшарь, 2019, текст и составление
© О.В. Белялов, Е.М. Белоусов, А. Исабеков, В.А. Ковшарь, А.В. Коваленко, С. Сапарбаев, В.А. Федоренко, фото птиц
© Ф.Ф. Карпов, 2019, штриховые рисунки птиц
© Г.Н. Бейкова, 2019, компьютерный дизайн, вёрстка

Семейство **Жаворонковые** Alaudidae

237. **Степной жаворонок** – *Melanocorypha calandra* (Linnaeus, 1766)

calandra lark (англ.), Kalanderlerche (нем.), alouette calandre (фр.),
дала бозторғайы (каз.), чон торгой, карача торгой (кирг.), дашт тўрғайи (узб.)

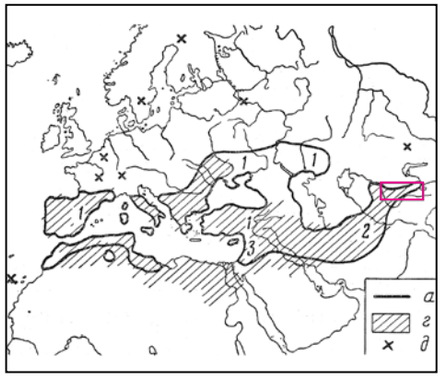
Синонимы: *Alauda collaris* P.L.S. Müller, 1776; *Melanocorypha subcalandra* C.L. Brehm, 1831; *M. albigularis* C.L. Brehm, 1855; *M. semitorquata* C.L. Brehm, 1856.

Подвид. Из 4 признаваемых подвидов в Тянь-Шане обитает *M. c. psammochroa* Hartert, 1904.

Характер пребывания. Гнездится и пролетает, периодически встречается в зимнее время.

Биотоп. Гнездится в степях – ковыльных, пырейно-ковыльных, полынно-злаковых и даже среди посевов в предгорьях не выше 1300 м и практически не проникает в горы. У южной границы Тянь-Шаня, в Ферганской долине, гнездится по глинистым участкам адыров, поросших полынью и эфемерами, на залежах и богарных изреженных посевах люцерны и зерновых (Д.Ю. Кашкаров, 1995). В долине Копы (Чу-Илийские горы) многочислен на гнездовании в полынной полупустыне и на злаково-разнотравных увалах, в меньшем числе гнездится на посевах житняка и ячменя и на брошенных пашнях (Березовиков, Ковшарь, 1994).

Распространение. Тянь-Шань расположен у восточных пределов ареала степного жаворонка (рис. 240), о чём свидетельствуют и более поздние источники, определяющие восточную границу ареала этого вида вдоль западных и юго-западных предгорий Тянь-Шаня, в области хребта Каратау до 44-й параллели и вдоль северных подножий Киргизского, Заилийского и Джунгарского Алатау – до Зайсанской котловины (Степанян, 2003, с. 381-382). У южных границ Тянь-Шаня степной жаворонок гнездится и встречается зимой в северных предгорьях Алайского и Туркестанского хребтов (Иванов, 1969), в западной части Ферганской долины (рис. 241) найден в районе Заркента (Д.Ю. Кашкаров, 1995). Обычен на гнездовании по предгорьям южного макросклона Западного Тянь-Шаня в долине Чирчика у Газалкента, а по долине Аксакаты в небольшом числе доходит до места впадения в неё Нуракаты (Корелов, 1956); также обычен на Келесском массиве и степных холмах, прилегающих к Куруккелесу (Д.Ю. Кашкаров, 1995). Севернее обычен у Чимкента и по степным

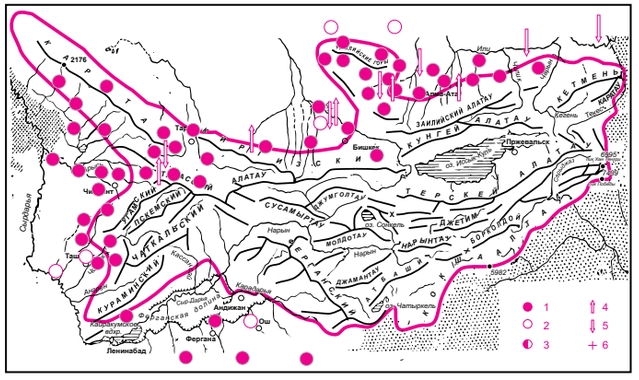

Рис. 240. Ареал степного жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954. с. 573
Рис. 241. Распространение степного жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

предгорьям Каржантау. «В предгорных степях южных склонов Каратау в довольно большом количестве он гнездится по Боялдыру, за Туркестаном (крайнее северо-западное нахождение), между Арыстанды, Чаяном и Бугунью (Долгушин, 1951). По Арыси прослежен нами по степям южных предгорий Боролдая от ст. Арысь до верховьев… От верховьев Арыси идёт в Джувалинскую долину и кое-где гнездится в нагорной степи «джонов» в самой восточной части Каратау (Долгушин, 1951). По северным предгорьям Каратау прослежен до Сузака, далее которого в северо-западном направлении не гнездится» (Корелов, 1970, с. 265). В верховьях Арыси степной жаворонок обычен на гнездовье в северных предгорьях Таласского Алатау, где поднимается до 1300 м (Ковшарь, 1966), а также на Чокпакской перемычке между Таласским Алатау и Каратау; обычен, а в иные годы и многочислен в районе озёр Бийликоль и Кызылколь (Губин, Карпов, 1999; Коваленко и др., 2002). В северных предгорьях западной части Киргизского хребта встречается лишь местами, но уже в районе Мерке обычен и восточнее гнездится везде по предгорьям и в Чуйской долине – вверх до Токмака и гор Беш-Кунгей (Портенко, 1961; Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961; Умрихина, 1970; Торопова, Шукуров, 1991; Корелов, 2012; Архипов, Коблик и др., 2018). Обычен, а местами многочислен в межгорных долинах Чу-Илийских гор (Корелов, 1970; Березовиков, Ковшарь, 1994; Березовиков и др., 1999; Губин, 2007). Далее к востоку степной жаворонок обычен в подгорной равнине и по предгорьям Заилийского Алатау – до Сюгатинской долины, где гнездится местами и в небольшой числе (Корелов, 1948, 1970). В долине Или он гнездится в Карачингиле (устье Тургени) и многочислен на Сорбулаке (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). Во внутренних районах Тянь-Шаня не встречен даже на пролёте (рис. 241).

Численность. Обычная птица, а местами (особенно на миграции или зимовке) образует тысячные скопления, не поддающиеся учёту. Однако конкретных цифровых показателей численности мало. Так, на берегах озера Бийликоль, где степной жаворонок является фоновым видом сухих возвышений среди сырых лугов, в 1991-1992 г. насчитывали до 20 особей на 3 км пешего маршрута, а на щебнистых опустыненных участках выше автотрассы «г. Джамбул – г. Каратау» – всего 6-8 особей на 3 км (Губин, Карпов, 1999). По наблюдениям в Чу-Илийских горах (Серектас), до 80% кладок этого жаворонка вытаптывает скот (Левин, 1991). Там же, на степных увалах между посёлками Айдарлы и Куртты, по мере восстановления травостоя после прекращения массового выпаса скота в 1998 и 1999 гг. степной жаворонок снова стал фоновым видом и полностью заместил здесь двупятнистого жаворонка (Березовиков и др., 1999). Там же, в долине Копы, 28 марта 1987 г. за 2,5 часа утренней экскурсии учтено 130 пар и 95 одиночных токующих самцов (Березовиков, Ковшарь, 1994), а в предотлётное время (август-сентябрь) степные жаворонки скапливаются в стаи до 3000 особей, и с 2 по 19 сентября 1989 г. здесь неоднократно наблюдали гибель их, когда, спасаясь от нападения пернатого хищника, жаворонки разбивались о провода высоковольтных ЛЭП (Карпов, 2005: КОБ-2004). На Курттинском вдхр. во время весеннего пролёта на водопоях наблюдали *тысячные* скопления степных жаворонков, например, 29 августа 2004 г. – около 2000 птиц вместе (Белялов, Карпов, 2013).

На перевале Чокпак (Западный Тянь-Шань) в середине дня 11 марта 1969 г. степные жаворонки полтора часа летели сплошным потоком, при этом за 5 минут насчитали около 9 тысяч, а всего пролетело не менее 100 тысяч (Гаврилов, Гисцов, 1985). Зимой сотенные стаи степных жаворонков встречали в Ферганской долине (Иванов, 1969), а в последние годы их стали встречать и у северных пределов нашего района. Так, на Сорбулаке 14 января 2000 г. отметили около 500 особей, а начиная с зимы 2004/05 г. в небольшом количестве стали встречать регулярно; в долинах Жусандалы и на плато Бозой (50 км западнее Сорбулака) зимой 2010/11 г. встретили уже *тысячные* стаи жаворонков (Белялов, Карпов. 2013). С 18 по 21 декабря 2003 г. на Чардаринском вдхр. в среднем течении Сырдарьи кроме небольших групп наблюдали огромное скопление степных жаворонков – порядка 20-30 тысяч особей (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003).

Сроки. Даты. У южной границы Тянь-Шаня, в Ферганской долине, местные перемещения зимующих стай становятся заметны уже в самом начале февраля, а 8-10 февраля начинают петь отдельные самцы, но частые возвраты холодов вызывают откочёвку. «Катастрофические весенние снегопады в марте и даже в апреле, когда уже все жаворонки распределились по местам гнездования и воздух звенит от песен, могут поразительно изменить картину: на покрытых толстым слоем снега холмах не остаётся ни одного степного жаворонка, а их место занимают рогатые жаворонки, спустившиеся из высокогорья. Проходит 3-4 дня, солнце быстро сгоняет снег, и нормальная весенняя картина восстанавливается: вновь звенят песни степных

жаворонков, а рогатые жаворонки исчезают бесследно» (Иванов, 1969, с.187). Но иногда степные жаворонки не успевают откочевать и тогда, как было с 6 по 10 марта 1948 г. в северных предгорьях Таласского Алатау, бывает массовая их гибель: в упомянутые дни около села Новониколаевка в Аксу-Джабаглы собрали 256 трупов степных жаворонков (Шевченко, 1949). Там же гибель степных жаворонков от морозов наблюдал Ф.Д. Шапошников 19-22 февраля 1954 г., когда захваченные бураном и морозами степные жаворонки (вместе с полевыми и хохлатыми) стаями садились на преющие навозные кучи; но во время мартовского похолодания 1960 г. степные жаворонки успели откочевать, и мне не удалось найти ни одного погибшего (Ковшарь, 1966). Самое раннее появление в Аксу-Джабаглы в другие годы отмечено 16 февраля (1946, 1961 и 1962) и 17 февраля 1960 г. (Шевченко, 1948; Ковшарь, 1966). На Чокпаке их отлавливали уже в первые дни работы ловушек – 21 февраля 1970 и 27 февраля 1971 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В Чуйской долине их добывали 18 февраля 1941, 22 февраля 1958 и 27 февраля 1957 гг. (Янушевич, Яковлева, 1959). В 1957 г. массовый пролёт здесь шёл 3 марта: широким фронтом, охватывая всю долину, жаворонки летели стаями по 100-200 особей; такой пролёт шёл несколько дней с раннего утра до 12-13 час, стаи пролетали каждые 7-8 минут (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961). Также стаями по 100-200 особей жаворонки летели здесь 3 марта 1962 г. (Умрихина, 1970), а в 70-х гг. первых в долине отметили 26 февраля 1973 г. (Токмак) и 24 февраля 1977 г. (Манас), до 11 марта они летели стаями по 15-20, до 100 особей (Торопова, Шукуров, 1991). В Алма-Ате в некоторые годы степные жаворонки появлялись в середине февраля, в иные – с 1 марта (Бородихин, 1968). На Сорбулаке самые ранние встречи в разные годы – 16 февраля 2003, 18 февраля 2006 и 21 февраля 2009 гг. (Белялов, Карпов, 2013); в Карачингиле в 2004-2011 гг. – между 18 и 27 февраля (Бевза, 2012). В марте разбиваются на пары.

Осенний пролёт в августе-сентябре менее заметен. В Карачингиле последних степных жаворонков видели 9 октября 2011 и 16 октября 2008 гг. (Бевза, 2012). На Сорбулаке они становятся многочисленными с конца августа (28 августа 2004 г. встречено около 2000), в сентябре-октябре встречаются стайки по 10-15 птиц, в ноябре – одиночки (Белялов, Карпов, 2013). В Чуйской долине пролёт наблюдали в августе 1973 г., в сентябре 1971 и в ноябре 1977 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке степные жаворонки вместе с двупятнистыми жаворонками (*M. bimaculata*) летят общими стаями на большой высоте с конца августа до конца октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. в период с 15 октября (1984) по 30 октября (2011) окольцован 71 степной жаворонок, срединная дата осеннего пролёта в эти годы – 24 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Небольшое количество пролетает и в ноябре (Корелов, 1970). В Ферганской долине близ города Ош степной жаворонок добыт из стаи в 50 особей (Птицы Киргизии, 1960). В Ташкенте в последние дни 1959 г. вдруг выпал глубокий снег, и в центральной части старого города несколько крупных стай степных жаворонков искали пищу на плоских крышах домов, с которых счистили снег (Мекленбурцев, 1982).

В северных предгорьях Тянь-Шаня зимние встречи степных жаворонков раньше были редки. Так, 3 декабря 1995 г. среди массы зимующих чёрных и белокрылых жаворонков в предгорьях Чу-Илийских гор О.В. Белялов заметил нескольких степных (Березовиков и др., 1999); в Карачингиле их видели 15 декабря 2009 г. (Бевза, 2012). Сейчас они встречаются здесь зимой чаще: о зимних встречах на Сорбулаке, в Жусандале, на плато Бозой и в окрестностях Чардаринского вдхр. см. выше, в разделе «Численность».

Биология. Единственная специальная публикация по биологии степного жаворонка в нашем районе основана на результатах 61 час. наблюдений за 32 гнёздами в долине Копы в 1987-1988 гг. (Березовиков, Ковшарь, 1994). В ней описаны: биотоп этого вида в Чу-Илийских горах и в северных предгорьях западной части Заилийского Алатау, пение и токование, расположение и устройство гнёзд, размеры 86 яиц из 19 кладок, некоторые подробности насиживания кладки и выкармливания птенцов. Судя по срокам гнездования (самые ранние наполовину построенные гнёзда – 13 апреля 1987 и 7 апреля 1988 г.; первые слётки 18-19 мая), эти жаворонки имеют здесь один репродуктивный цикл, и только часть пар откладывает повторные кладки взамен погибших в конце мая и даже начале июня. После 10 июня, когда температура воздуха поднимается до +35+40ºС, прекращаются характерные для этого вида групповые полёты с пением, а к концу июня степные жаворонки сбиваются в стаи по 30-50 особей и концентрируются вблизи хлебных полей; в полдень можно наблюдать огромные их стаи, летящие на водопой. Успешность гнездования очень низкая: из 20 гнёзд с прослеженной судьбой 14 разорено

хищниками, а в остальных 6 гнёздах вывелось 26, покинули гнёзда 25 птенцов (Березовиков, Ковшарь, 1994). В соседних горах Серектас до 80% кладок этого жаворонка вытаптывает скот (Левин, 1991). Для других мест в печати имеются отрывочные сведения о находках гнёзд и их содержимом. Так, в Таласской долине близ с. Покровка 28 мая 1959 г. в гнезде степного жаворонка было 5 слабо насиженных яиц, а 5 июня 1955 г. добыт плохо летающий птенец (Птицы Киргизии, 1960). В горах Каратау в урочище Арыстанды 8 мая 1941 г. в гнезде степного жаворонка под кустиком ковыля было 4 начавших оперяться птенца (Долгушин, 1951). В северных предгорьях Каратау близ озера Бийликоль 19 апреля 1991 г. и 25 апреля 1992 г. степные жаворонки строили гнёзда, а 8 мая в одном из них было 3 яйца; с конца первой декады мая часто встречали жаворонков с кормом для птенцов (Губин, Карпов, 1999). На перевале Чокпак кладки степного жаворонка находили 20 апреля 1971, 23 апреля 1968 и 29 апреля 1970 гг., а 12 апреля 1969 г. встречена птица с кормом для птенцов (Гаврилов, Гисцов, 1985). Там же, в истоках р. Арысь, весной 1974 г. в типчаково-ковыльной степи найдены 4 гнезда, строительство одного из них началось уже 29 марта (Губин, 2012). Ниже по течению Арыси, в степи между сёлами Новониколаевка и Ванновка 17 мая 1948 г. В.В. Шевченко нашёл птенца степного жаворонка (масса всего 14.5 г), погибшего от холодного дождя (Ковшарь, 1966). В Ферганской долине (близ Тергачи) летающих молодых встречали в конце мая, а 7 июня найдена свежая кладка, на основании чего сделан вывод о наличии у этого вида двух репродуктивных циклов (Мекленбурцев, 1958; Д.Ю. Кашкаров, 1995), однако это предположение нуждается в доказательствах (а с учётом крайне низкой успешности гнездования вторая кладка может быть лишь у отдельных успешно отгнездившихся пар). Указание на нахождение двух гнёзд степного жаворонка 16 июня 1977 г. на плато Кунгур, на высоте 2200 м (Батурин, 1981), скорее всего, относится к двупятнистому жаворонку (Головцов, 2007). Все перечисленные сведения свидетельствуют о необходимости специального изучения биологии степного жаворонка в условиях предгорий Тянь-Шаня.

238. Двупятнистый жаворонок – *Melanocorypha bimaculata* (Ménétries, 1832)

bimaculated lark (англ.), Bergkalanderlerche (нем.), alouette monticole (фр.),
қараалқалы торғай, карача тургай (каз.), ала моюн торгой (кирг.), қўшхолли тўрғай, жўр (узб.)

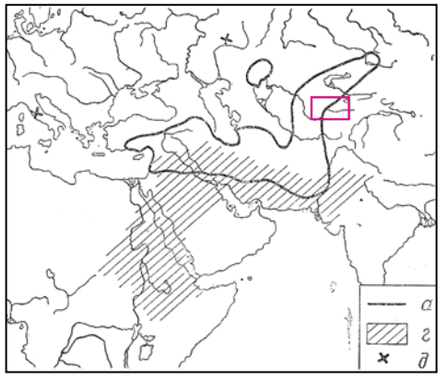
Подвид. Одно время считался монотипичным видом (Волчанецкий, 1954; Корелов, 1970). Сейчас признают три подвида, из них в Тянь-Шане встречается *M. b. torquata* Blyth, 1847 (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Гнездится и пролетает, у южной границы Тянь-Шаня встречается зимой.

Биотоп. Сухие степи и полупустыни. В Чу-Илийских горах (Серектас) населяет каменистую степь, поросшую полынью, злаками и кустиками спиреи (Ковшарь, Березовиков, 1999). В предгорьях Тянь-Шаня гнездится на покатых глинисто-щебнистых равнинах, покрытых разреженной растительностью из полыни и солянок; в горах селится на полынно-типчаковых степных участках. В Каратау – самый многочисленный жаворонок на опустыненных щебенистых местах до высот 1300 м, а в Беркаре – даже 1600 м (Долгушин, 1951). В районе Малого Каратау, где более влажные участки предгорной степи заняты степным жаворонком, двупятнистый гнездится в более сухих степях на «джонах» – выположенном гребне хребта (Корелов, 1970). В Таласском Алатау доминирует в предгорных степях, поднимаясь в горы до 1900 м в Чуулдаке, а в 1926 г. на одной из степных террас в верховьях р. Джабаглы А.П. Коровин нашёл его даже на высоте 2270 м (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). В типчаковой степи Угамского хребта встречается до 2000 м (Корелов, 1956). В Ферганской долине гнездится в каменистой пустыне, прилегающей к подножью юго-западного склона Кураминского хребта, и по адырам Чаткальского хребта, на высотах 500-1700 м; здесь он обычен в культурном поясе, часто гнездится на богарных посевах зерновых и люцерны, а у верхней границы своего распространения выбирает сухие водораздельные участки, поросшие разреженным луговостепным разнотравьем (Д.Ю. Кашкаров, 1995). В сходной обстановке живёт в предгорьях Алайского хребта.

Распространение. Наш район расположен на восточной границе ареала этого южного вида (рис. 242), который соответственно гнездится по северной, западной и южной окраинам Тянь-Шаня (рис. 243). Самые восточные точки встреч двупятнистого жаворонка у северных границ нашего района –

район Дубунской переправы на р. Или, где его встретил в мае 1956 г. М.Н. Корелов (1970), и район села Б. Кетмень в щебнистой полупустыне северного шлейфа одноименного хребта, где мы встретили его 30 июля 2002 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003). К западу он населяет все северные предгорья Кетменя, где мы находили его гнёзда 20 апреля 1989 г. у с. Сункар (Березовиков и др., 2004), в районе Чунджи и Темирлика, Сюгатинской долине (1000-1100 м) и по северным предгорьям Больших и Малых Богутов (Корелов, 1970). В северных предгорьях Заилийского Алатау гнездится между Узунагачом и Отаром, в долине Копы отсутствует, но обычен в Серектасе и других горных группах Чу-Илийских гор (Ковшарь, Березовиков, 1999). В Карачингиле (устье Тургени) не гнездится, как и на Сорбулаке (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013), но встречается по краям Капчагайского каньона по обеим берегам р. Или, а также в предгорьях Чулака и Алтынэмеля (Корелов, 1970). В Чуйской долине наблюдался только на весеннем пролёте (Умрихина, 1970). В Киргизском Алатау найден в предгорьях западной половины хребта: «в 1957 г. нами найден в районе Мерке (Актыкен-сай), но далее, до западного окончания хребта, его не было ни в 1957, ни в 1958 г., хотя по характеру местности он, казалось бы, должен был быть. Дальше начинает встречаться у Джамбула и в районе горы Буруллтау уже многочислен. В Каратау очень обычен в предгорных шлейфах предгорий как северных, так и южных склонов, а в юго-восточной части гнездится в полынных степях верхних поверхностей «джонов» – в районе Беркары до 1600 м (Долгушин, 1951); нами найден в 1960 г. в высокой Джувалинской долине. Гнездится в районе Чокпакского перевала (1100-1200 м) в области стыка Каратау с Таласом, а также всюду в степях южных предгорий Боролдая, в бассейнах Арыси и Бугуни» (Корелов, 1970, с.273-274). Обычен в высоких предгорьях Таласского Алатау в районе Аксу-Джабаглы (Ковшарь, 1966), на Ирсу-Даубабинском плато (Чаликова, 2009). Гнездится на Казгурте. Многочислен в предгорьях Каржантау и Угамского хр. По Угаму гнездится до Хумсана, в верхней широкой части долины у Кызылтала и в типчаковой степи Угамского хребта на высоте около 2000 м (Корелов, 1956). «В Ташкентской области найден Г.П. Третьяковым (устное сообщение) в верховьях р. Ахангарана (урочище Ташкенткараулсай), по нашим наблюдениям, гнездится в адырах левобережий р. Чирчика. Наблюдался в окрестностях пос. Невич (Железняков, 1950)» (Д.Ю. Кашкаров, 1995, с. 28). На территории Киргизии этого жаворонка лишь несколько раз добыли в марте 1953 и 1957 гг. в Чуйской долине и близ города Ош, на основании чего он длительное время числился только пролётным видом (Птицы Киргизии, 1960, с.136). Однако уже 23-25 апреля 1957 г. Л.С. Степанян (1967) нашёл его довольно многочисленным на юге Ферганской долины (урочище Джапалак и пос. Кара-Тюбе Ошской области, урочище Джида в северных предгорьях Алайского хребта); жаворонки держались парами, самцы в которых пели, семенники у двух добытых были увеличены. Там же, на северных склонах Алайского хребта в районе Соха, в 1968-1972 гг. Д.Ю. Кашкаров (1974) провёл интересные наблюдения над гнездованием этого жаворонка. На юго-западе Ферганской долины, близ села Карабулак в предгорьях Туркестанского хребта, на дороге среди посевов ячменя 16 июня 1987 г. добыли из пары самку двупятнистого жаворонка с развитым наседным пятном (Остащенко, 1991). По северному краю Ферганской долины, в южных предгорьях Кураминского и Чаткальского хребтов, двупятнистого жаворонка нашёл Д.Ю. Кашкаров (1974); мне в июле 2006 г. попадались одиночки севернее Касансайского вдхр.

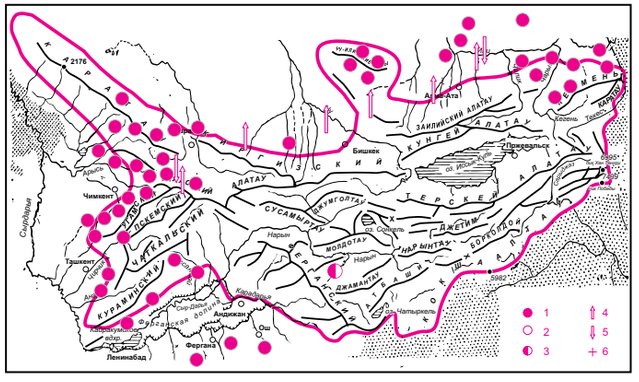

Рис. 242. Ареал двупятнистого жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 580
Рис. 243. Распространение двупятнистого жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летняя встреча, 4,5 – пролёт

Внутри горной системы двупятнистых жаворонков не встречали ни летом, ни в иное время. Тем неожиданнее для меня была встреча пары их 29 июля 2006 г. на правобережье реки Алабуга перед селом Осовиахим (рис. 243) в сухой степи с чием, местами – с посевами. В тот же день, час спустя, мы встретили стаю около 50 этих жаворонков в каменистой сухой степи между селами Карабёргён и Байетово. Последние были явно кочующими, но встреченная пара наводит на мысль о возможности гнездования.

Численность. Обычен, местами бывает многочислен. У северных границ района немногочислен, в Карачингиле случаи гнездования вообще не известны, а на Сорбулаке, видимо. перестал гнездиться: с мая по август здесь лишь несколько раз встречали одиночек (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). Вместе со степным жаворонком обычен на холмистой степной равнине Жусандала, прилегающей с севера к Чу-Илийским горам, тогда как в соседних песках Таукум многочислен, являясь здесь фоновым видом вместе с *Calandrella rufescens*; обычен и в горах Серектас (Березовиков и др., 1999; Ковшарь, Березовиков, 1999). В северных предгорьях Киргизского Алатау на участке Луговая – Акыртюбе был многочислен 4 и 5 апреля 1958 г., во время снегопада, где 6 апреля, кроме пролётных стаек наблюдались и отдельные пары (Корелов, 2007). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) обычен на гнездовании, явно преобладает над степным жаворонком, лишь немного уступает в числе полевому (Ковшарь, 1966). В Каратау в мае 1941 г. был самым многочисленным из жаворонков (Долгушин, 1951), а 10-15 мая 1958 г. был фоновым видом на «джонах» над Кашкаратой (Корелов, 2012). По наблюдениям в Ферганской долине в 1968-1972 гг., плотность этого жаворонка на гнездовании зависит от степени увлажнённости биотопа: «Так, на богарных посевах в районе Кассана и Заркента (Чаткальский хребет) плотность гнездования составила 8-10 пар на 10 га, на склонах Алайского хребта (Сох) на зерновых гнездится в среднем 12 птиц на 10 га. Значительно больше их на посевах люцерны – 22.6 экз. на 10 га. Но наиболее многочисленны они на залежных землях. Так, в районе Соха и Хайдаркана на старых брошенных полях мы встречали в среднем 23 птицы на 10 га» (Д.Ю. Кашкаров, 1974, с. 113). По данным того же автора, на водораздельных участках у верхней границы распространения гнездится всего одна пара на 10 га. На «мягковолнистых сухостепных пространствах» близ пос. Кара-Тюбе и в предгорьях северных склонов Алайского хребта 23-25 апреля 1957 г. двупятнистый жаворонок был многочислен (Степанян, 1967). Таким же фоновым был этот жаворонок и в 10 км южнее города Ош, где 17 июля 2004 г. за 2 часа экскурсии утром я насчитал 15 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На пролёте в Чуйской долине редок и наблюдался только весной (Умрихина, 1970), на Чокпаке в некоторые вёсны бывает многочислен (до 722 особей за сезон), а осенью летит над долиной Арыси очень высоко (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Сроки. Даты. Поскольку ближайшие зимовки этого вида находятся уже в Гиссарской долине Памиро-Алая (Иванов, 1969), весной он появляется рано – вслед за степным жаворонком. Близ города Ош их добывали 6 марта 1957 г., а 4 марта того же года – у с. Камышановка в долине Чу (Птицы Киргизии, 1960). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) первые весенние встречи были зарегистрированы: 27 февраля 1960 и 1963, 2 марта 1945, 3 марта 1964, 7 марта 1962 и 11 марта 1961 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке первых отмечали: 5 марта 1970, 4 марта 1971 и 11 марта 1972 гг. Основная миграция (91.2% всех весенних) проходит во 2-4 пятидневках марта, и к концу месяца пролёт завершается (Гаврилов, Гисцов, 1985). В Чуйской долине в 1962 г. первые появились 10 марта (Умрихина, 1970). В Карачингиле первых пролётных одиночек встречали 12 марта 2005 и 2009 гг. и трёх птиц – 21 марта 2010 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке пролётных одиночек отмечали 17 марта 2001, 21 марта 2002 и 7 марта 2009 гг., а 12 марта 2005 г. за один день насчитали около 100 двупятнистых жаворонков (Белялов, Карпов, 2013).

Осенний пролёт слабо выражен. В Карачингиле последняя встреча – 6 октября 2005 г. (Бевза, 2012). На Чокпаке начало миграций приходится на 3-ю декаду августа, пик – на конец сентября, последних видели 26 октября 1967, 20 октября 1971, 19 октября 1978, 24 октября 2000 г.; всего за 50 лет окольцевали: весной – 81, осенью – 101 особь (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). По моим наблюдениям 1959-1966 гг., в предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) двупятнистые жаворонки весь август и часть сентября *сотенными скоплениями* кочуют по возделанным участкам культурного пояса (чаще всего – по убранным полям пшеницы, овса и сафлора) и только в середине сентября начинается их отлёт. Массовый пролёт захватывает вторую половину сентября и первую половину октября, но пролёт средней силы идёт до начала ноября, усиливаясь в последних числах

октября. Во время валового пролёта летят крупными стаями – по нескольку десятков или сотен птиц; характерная форма стаи – шеренга («поперечная лента»); иногда в ней видны и другие жаворонки, а однажды с ними летели галки, предпочитающие такую же форму стаи. Направление пролёта – на юго-запад, высота в районе Чокпакских ворот не менее 30 м, а к югу она возрастает, поэтому о провода ЛЭП жаворонки разбиваются очень редко (Ковшарь, 1966). В Ташкентской области массовый пролёт этого вида завершается в первой половине ноября (Д.Ю. Кашкаров, 1995). В горах на пролёте не встречен ни разу, тогда как на Памире Р.Н. Мекленбурцев (1946) добыл двух 23 апреля 1937 г. из стаи рогатых жаворонков, а на озере Искандеркуль их видел 15 сентября Рыпл (Иванов, 1969).

Биология. Наблюдения над размножением этого жаворонка провёл в 1968-1972 гг. у южной границы Тянь-Шаня, в районе Соха в северных предгорьях Алайского хребта Д.Ю. Кашкаров (1974), пришедший к выводу о наличии у него здесь двух репродуктивных циклов – первый завершается до 10 июня, второй начинается с середины этого месяца. В интересном видовом очерке сборника «Позвоночные животные Ферганской долины» (1974, с. 112-116) он описал гнезда, процесс их строительства обеими членами пары, поведение хозяев гнезда в период насиживания кладки и выкармливания птенцов, в частности, – активную защиту от перегрева: «Двупятнистый жаворонок – обитатель засушливых, сильно прогреваемых солнцем биотопов. Видимо, поэтому он менее чувствителен к действию перегревания. Его гнёзда укрыты в тени не так тщательно, как у других жаворонков, и насиживающая птица большую часть дня находится на солнце. Наседка привстаёт на гнезде и приподнимает крылья, чем создаёт вентиляцию гнезда и кладки. Охлаждающие движения прекращаются с 17 час, когда температура воздуха вновь начинает снижаться. В конце периода инкубации самка покидала гнездо в течение дня 14 раз, средняя продолжительность каждого периода охлаждения яиц – 16 мин. Частота уходов птицы с гнезда незначительно увеличивается в утренние и вечерние часы. Общая продолжительность насиживания за сутки 20 час. 20 мин.» (Д.Ю. Кашкаров, 1974, с. 114-115). То же повторяется и при наличии в гнезде птенцов: «Взрослые жаворонки заботятся о сохранении птенцов от перегревания. Периодически самка становится над гнездом и разворачивает крылья. В среднем такая процедура повторяется 9-10 раз за день, причём каждый раз птица остаётся над гнездом от 10 до 25 мин. На 9-10 день птенцы покидают гнездо. Взрослые продолжают подкармливать птенцов 10-12 дней» (там же, с. 116). Из других мест имеются только отрывочные сведения о датах нахождения жилых гнёзд или встреч выводков. Так, по всей вероятности, именно двупятнистому жаворонку принадлежали два гнезда, найденные 16 июня 1977 г. на плато Кунгур (выше 2200 м) в Чаткальском заповеднике (Батурин, 1981; Головцов, 2007). В северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) носивших корм птенцам *M. bimaculata* видел я 11 мая 1965 г. «В начале июня уже встречаются птенцы вне гнезда, но в то же время попадаются и кладки. Кладку из четырёх свежеснесенных яиц нашёл А.П. Коровин в степи под Новониколаевкой 2 июня 1926 г. Л.М.Шульпин (1956) оживлённое пение слышал 12 июня, а к 20 июля многие выводки уже вылетели… По всей вероятности, эти наблюдения относятся к нормальной второй кладке» (Ковшарь, 1966, с. 198). На щебнисто-галечниковом шлейфе северного подножья западной части хребта Кетмень 20 апреля 1989 г. мы с Н.Н. Березовиковым нашли два гнезда: в одном было 4 свежих яйца (на следующий день осталось одно), в другом – 4 насиженных; описание и размеры гнёзд и яиц опубликованы (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На р. Копалысай (Чу-Илийские горы) 20 мая 1996 г. встречены неуверенно летающие птенцы, а 4-7 июня 1996 г. – самостоятельные молодые (Березовиков и др., 1999).

239. Белокрылый жаворонок – *Melanocorypha leucoptera* (Pallas, 1811)

white-winged lark (англ.), Weißflügellerche (нем.), alouette leucoptère (фр.),
аққанат бозторғай (каз.), ак канат торгой (кирг.), оқ қанотли тўрғай (узб.)

Синоним: сибирский жаворонок (Шнитников, 1949). Монотипичный вид.

Характер пребывания. Пролётный и зимующий вид. Известно спорадичное гнездование в 1995 и 2002-2006 гг. на самом севере района – в Анархае (Чу-Илийские горы).

Биотоп. «Селится в ковыльно-типчаковых степях, в ковыльных предпочитает сухие луговины у солончаков, в долинах рек и озёр преимущественно в полынных ассоциациях с плешинами кокпека и в прибрежных засолённых луговинах. На покатых шлейфах небольших поднятий живёт в белополынниках на дресвяных почвах. В распаханных степях наиболее обычен на неудобных землях, остающихся нераспаханными, и на залежах.

На выгоревших участках степи селится первым и бывает здесь единственным из жаворонков» (Корелов, 1970, с. 259). На пролёте и зимой встречается на любых открытых пространствах степного характера.

Распространение. Южная граница ареала этого вида проходит около 47° с.ш., т.е. намного севернее Тянь-Шаня, на территории которого он местами пролетает и периодически встречается зимой (рис. 245). О пролёте и зимовке белокрылого жаворонка во 2-м и 3-м поясах Тянь-Шаня упоминал ещё Н.А. Северцов (1873). В сборах Г. Мерцбахера были два экземпляра от 2 сентября и 1 декабря 1902 г. (Шнитников, 1949). Полвека спустя, 20 января 1956 г. на северном берегу Иссык-Куля (Средние Урюкты) Е.П. Спангенберг и А.К. Кыдыралиев добыли двух белокрылых жаворонков из стайки в 12-15 особей, смешанной с рогатыми жаворонками (Кыдыралиев, 1959). Здесь же, в восточной части нашего района, известны ещё две встречи – видимо, залётных особей: 27 апреля 1900 г. под Джаркентом (Зарудный, Кореев, 1905) и 2 мая 1903 г. один добыт Г. Мерцбахером на Кашкасу восточнее Иссык-Куля (Schalov, 1908).

О пролёте белокрылых жаворонков есть отрывочные сведения с северных предгорий Западного Тянь-Шаня. В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) за более чем 80-летний период наблюдений его отметили только два раза: 8 марта 1948 г. во время сильного снегопада и похолодания одного нашли среди большого количества трупов степных жаворонков (Шевченко, 1949) и 15 ноября 1972 г. одиночку встретили среди полевых жаворонков на стерне ячменного поля (Губин, 1989). Рядом, на Чокпакском перевале, за 50 лет наблюдений пролёта птиц одного белокрылого жаворонка видели 2 марта 1971 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Для Чуйской долины есть указание, что этот вид пролетает (Умрихина, 1970), однако на стационарах Манас и Токмак в этой долине в 70-80-х гг. его ни разу не встретили (Торопова, Шукуров, 1991).

Единственное место, где белокрылые жаворонки встречаются регулярно, – Чу-Илийские горы и их ближайшие окрестности, где в апреле проходит пролёт этого вида, а нередко он встречается и зимой. Так, в степной долине Жусандала, между Чу-Илийскими горами и песками Таукум, 3 декабря 1995 г. О.В. Белялов встретил около 300, а 7-8 декабря – 200 белокрылых жаворонков (Березовиков и др., 1999). Немного восточнее, на плато Бозой, белокрылые жаворонки зимой обычны, а в районе Сорбулака несколько раз встречены стаями: 23 января 2005 г. – 30 особей и 26 января 2006 г. – 50 (Белялов, Карпов, 2013). В устье Тургени (Карачингиль) на побережье Капчагайского вдхр. впервые 6 белокрылых жаворонков наблюдали и сфотографировали 16 января 2018 г. (Бевза, 2018).

Особый интерес представляет неожиданное гнездование белокрылого жаворонка намного южнее границы ареала (рис. 245). Так, в 1995 г. к концу пролёта, 21-30 апреля, в полынной степи Жусандала на участке длиной 5 км ежедневно токовали от 2 до 5 ярких самцов, а в конце мая найдено гнездо с птенцами, опустевшее к 4 июня (Березовиков и др., 1999). Ещё более массовым было появление белокрылых жаворонков в степных долинках Чу-Илийских гор в 2002-2008 гг. На маршруте «ж-д. станция Копа – Каншенгель» к северу от урочища Тамгалы в мае каждого года организованные группы орнитологических туристов во главе с профессиональными гидами-орнитологами регулярно встречали поющих и токующих белокрылых жаворонков: 15 мая **2002** г. – 4; 18 мая 2002 г. – пара и 1 с признаками

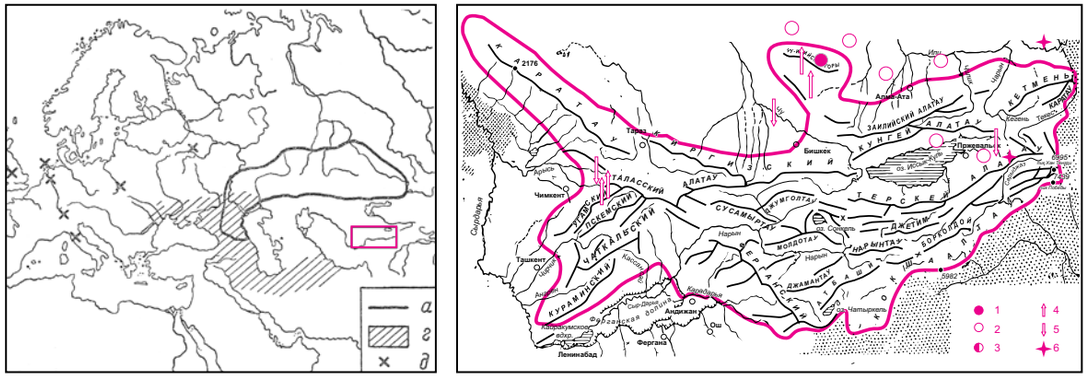

Рис. 244. Ареал белокрылого жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 568
Рис. 245. Распространение белокрылого жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4,5 – пролёт, 6 – залёт

гнездового поведения (Ковшарь, 2003: КОБ-2002); 27 мая **2003** г. – 4 самца (Ковшарь, 2004: КОБ-2003), 8 самцов (Скляренко, 2004: КОБ-2003), 29 мая 2003 г. – 1 самец (Анненкова, 2004: КОБ-2003); 22 мая **2004** г. – более 10 (В. Ковшарь, 2005: КОБ-2004), 25 мая 2004 г. – около 15 (Коваленко, 2005: КОБ-2004), 26 мая 2004 г. – 10 (Ашби, Анненкова, 2005: КОБ-2004); 25 мая **2005** – минимум 3 пары и ещё несколько птиц на протяжении 20 км (Скляренко, 2006: КОБ-2005); 14 мая **2006** г. – 7 поющих самцов среди 60 степных (Ковшарь, 2007: КОБ-2006), 20 мая 2006 г. – 4 на том же 107-м км, что и 14 мая, один из них трижды садился с кормом в одно место (Ковшарь, 2007: КОБ-2006), 25 мая 2006 г. – около 10 в сумме, в т.ч. один слёток (Скляренко, 2007: КОБ-2006); 12 мая **2007** г. – 5 особей (Колбинцев, 2008: КОБ-2007), 15 мая 2007 г. – 2 пары и 3 одиночки (107-й км), а 23 мая 2007 г. – 7 одиночек (Ковшарь, 2008: КОБ-2007); 2 мая **2008** г. – одна пара на 107-м км (Ковшарь, 2009: КОБ-2008).

240. Чёрный жаворонок – *Melanocorypha yeltoniensis* (J.R. Forster, 1768)

black lark (англ.), Mohrenlerche (нем.), alouette nègre (фр.),
қара бозторғай (каз.), кара торгой (кирг.), қора тўрғай (узб.)

Синонимы: *Alauda tatarica* Pallas, 1773; *Tanagra siberica* Sparrman, 1786; *A. mutabilis* Gmelin, 1788; *A. nigra* Stephens, 1825; *Nigrilauda nigra* Bogdanov, 1879. Подвидов не образует.

Характер пребывания. Изредка зимует в холодные зимы.

Биотоп. Степи, предпочтительно с участием полыни. Во время миграции и зимой – разнообразные степные участки, часто у дорог, а в самое трудное время года – у посёлков.

Распространение. Тянь-Шань расположен в районе зимних кочёвок этого вида (рис. 246), поэтому и встречается здесь он только зимой, но как правило, ограничивается подгорной равниной на значительном удалении от гор и не проникает не только в сами горы, но и в высокие предгорья (рис. 247). Исключения очень редки. Так, в окрестностях Алма-Аты один был добыт 31 декабря 1903 г. (Шнитников, 1949); стайку отметил А.А. Винокуров (1960) 7 января 1957 г. у трассы «с. Сарыджаз – Кегень»; одиночного самца встретил после сильного снегопада в январе 1972 г. в предгорьях Таласского Алатау Б.М. Губин (1989), но рядом, на Чокпаке, его ни разу не видели за 50 лет наблюдений за миграциями птиц (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В 15 км от Ташкента (ручей Ащикуль) стайку встретил Р.Н. Мекленбурцев зимой 1954 г. – единственный раз за многие десятилетия наблюдений в этих местах (Д.Ю. Кашкаров, 1995). Считаю полезным привести выдержку из «Птицы Семиречья» о проникновении чёрного жаворонка в горы: «В горную часть Семиречья, даже в степного характера долину Иссык-Куля, он залетает, по-видимому, лишь в совершенно исключительных случаях. Например, Садырбек говорил мне, что он видел чёрного жаворонка – огромную стаю между Б. и М. Аксу – лишь единственный раз за всю свою жизнь. Года он не помнит, но указывает, что зима эта по обилию снега была из

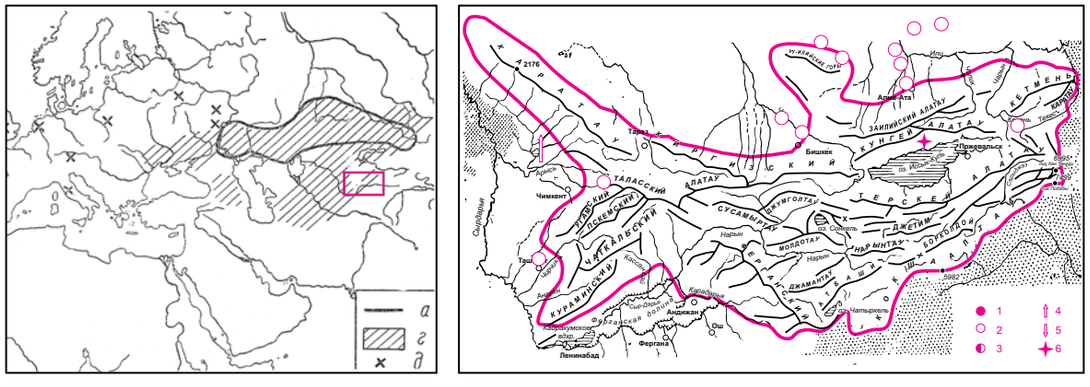

Рис. 246. Ареал чёрного жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 565
Рис. 247. Распространение чёрного жаворонка в Тянь-Шане: 2 – зимовка, 4 – весенний пролёт, 6 – залёт

ряда вон выходящей, в результате чего погиб не только скот у киргизов, но и все кеклики» (Шнитников, 1949, с. 411). Чаще всего чёрного жаворонка встречали близ северных границ нашего района, о чём находим упоминание в том же труде: «В исключительно обильную зиму 1907/08 г. эти жаворонки встречались в очень большом количестве по тракту между Копалом и Алма-Атой. Однако следует отметить, что и тут они попадались не везде, а старались придерживаться той части тракта, которая проходит по более низко расположенным местам, носящим более степной характер. В особенно большом количестве они держались около ст. Алтын-Эмель, где сходятся два почтовых тракта. В 1912 г. я только однажды встретил стайку чёрных жаворонков, притом уже очень поздно, а именно 2/IV, между станциями Ак-Ичке и Сары-Булак. На другие годы появления чёрного жаворонка в нашем крае указывают экземпляры СОМ[1]. Один из них был добыт в окрестностях Алма-Аты 31/I 1903 г., другие два 28/II 1910 г. на ст. Чингильды, ещё два зимой 1879/80 г. и один в крайне суровую зиму 1930/31 г. в Илийске» (Шнитников, 1949, с.411). В холодную зиму 1953/54 г. чёрных жаворонков добывали в январе и марте из сотенных стай в Чуйской долине близ границы Казахстана и Киргизии (Птицы Киргизии, 1960). В Жусандале, близ северных предгорий Чу-Илийских гор, в ноябре – декабре 1995-1997 гг. встречали кочующие стаи чёрных жаворонков до 50 особей в стае (Березовиков и др., 1999). Единственное наблюдение весеннего пролёта чёрных жаворонков в нашем районе принадлежит Н.А. Зарудному, привожу его в изложении М.Н. Корелова (1970, с. 253): «На Бугуни в 1916 и 1917 гг. пролёт начинался в начале марта, вал проходил в середине марта. Это, вероятно, были исключительные годы, так как обычно зимой чёрный жаворонок не доходит до южных предгорий Каратау. По наблюдениям Н.А. Зарудного, в эти годы в период наиболее интенсивного валового пролёта летели полчища до 500 особей по фронту, стаи следовали с интервалом в 20-30 минут». Для нашего времени такие цифры – фантастика.

241. Малый жаворонок – *Calandrella brachydactyla* (Leisler, 1814)

short-toed lark (англ.), Kurzzehenlerche (нем.), alouette calandrelle (фр.),
теңбілтес бозторғай (каз.), кичи торгой (кирг.), калта бармоқли тўрғай (узб.)

Синонимы: *Alauda cinerea* Gmelin, 1789; *A. arenaria* Vieillot, 1816; *A. calandrella* Savi, 1829; *Melanocorypha itala* Brehm,1831; *Phileremos moreatica* Muhle, 1844; *M. affinis* Brehm, 1845; *M. gallica* Brehm, 1845; *M. tenuirostris* Brehm, 1845; *Calandritis kollyi* Cabanis, 1851; *Alauda macroptera* A.E.Brehm, 1854; *M. graeca* Brehm, 1855; *C. immaculata* Homeyer, 1873; *C. syriaca* Homeyer, 1873; *C.b. orientalis* Sushkin, 1925. Судя по столь длинному списку синонимов, вопрос с названием этого вида ещё не окончательно решён, и я не удивлюсь, если рано или поздно ему вернут первоначальное название, данное ещё Гмелиным за четверть века до признаваемого сейчас (тем более, что *Calandrella brachydactyla* населяет только Европу). Русский синоним – короткопалый жаворонок (Иванов, 1969, с. 183).

Подвид. Из 11 признаваемых подвидов в Тянь-Шане встречается *C.b. longipennis* Eversmann, 1848.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная и пролётная птица. Зимует на юге Азии (Индия, Иран, Малая Азия), ближайшие места зимовок находятся в южных районах Туркменистана.

Биотоп. Населяет в основном равнинные и предгорные полынные степи, типчаково-полынные и ковыльно-полынные, избегая высокотравных участков и полностью открытых солончаков. В низкогорных Каратау и Чу-Илийских горах населяет сухие полынные степи пологих нагорий. На пролёте может быть встречен на любых открытых пространствах степного, пустынного и полупустынного характера.

Распространение. Наш район находится практически в центре обширного ареала этого вида, который «населяет сухие предгорья всех хребтов Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Тарбагатая. По широким сухим долинам проникает довольно глубоко в горы – гнездится в Сюгатинской долине (1000-1100 м), между Чарыном и Темирликом. Гнездится в полынных степях на верхних пологих поверхностях невысоких хребтов – на джонах в Каратау, в Чу-Илийских горах, в Больших Богутах, где живёт на высоте 1100-1600 м. Указание В.Н. Шнитникова (1949) о том, что он гнездится на высоте даже около 3600 м в системе сыртов Сарджаса в Тянь-Шане вряд ли можно относить именно к малому жаворонку, гораздо вероятнее, что там гнездился тонкоклювый жаворонок, которого и сейчас ещё некоторые орнитологи считают подвидом малого» (Корелов, 1970, с. 235). Последняя фраза затрагивает очень важную для этой группы жаворонков тему – полевые различия среди

[1] Семипалатинский окружной музей – *АК*

представителей рода малые жаворонки (*Calandrella*). Двух основных из них – малого (*C. cinerea=bracydactyla*) и серого (*C. pispoletta=rufescens*) многие орнитологи постоянно путали (по этой причине в некоторых фаунистических статьях нередко приводился общий для двух этих видов очерк!), причём с заменой прежних видовых названий на новые положение нисколько не улучшилось, а с приданием видового статуса тонкоклювому (*C. acutirostris*) и солончаковому (*C. leucophaea=cheleensis*) жаворонкам путаницы в публикациях только прибавилось. Всё это затрудняет выяснение распространения каждого из этих видов, в том числе и в нашем районе, которое не может считаться установленным окончательно. Здесь нужны специальные исследования с применением старого, но единственно верного метода – сбора коллекционного материала, особенно во внутренних районах Тянь-Шаня. Пока же, на основании имеющихся на сегодня сведений, распространение в Тянь-Шане каждого из четырёх видов рода можно представить очень приблизительно, с массой вопросов. В частности, малый жаворонок (короткопалым его не хочется называть) распространён вокруг нашего горного района, начиная с северных предгорий Кетменя, упомянутых выше Чарына с Темирликом и Сюгатинской долиной; в низкогорьях Чу-Илийских гор и Каратау (в предгорьях Киргизского Алатау гнездование не доказано), а также в западных предгорьях Тянь-Шаня и по южному горному обрамлению Ферганской долины – в предгорных степях Туркестанского и Алайского хребтов (рис. 248). В последнем месте малый жаворонок гнездится в пустынных предгорьях около городов Ош, Маргилан, Ленинабад. Здесь он обычен у подножий и на пологих склонах останцовых гор, редко поднимаясь на адыры – лишь там, где они щебнисты и опустынены (Мальчевский, 1941; Иванов, 1969; Д.Ю. Кашкаров, 1995). В Западном Тянь-Шане он широко населяет все предгорья Каратау (как северные, так и южные), а в долине Арыси Л.М. Шульпин (1956) нашёл его гнездящимся в степи между сёлами Новониколаевка, Ванновка, Высокое и станцией Абаил (рядом с перевалом Чокпак), однако после него никто летом здесь этого жаворонка не встречал; к тому же часть добытых им в заповеднике экземпляров впоследствии оказались тонкоклювыми жаворонками (*C. acutirostris*), который в его работе даже не упомянут (Ковшарь, 1966). К сожалению, это неизбежное следствие частых смен статуса «вид-подвид», когда работа полевых исследователей (фаунистов и экологов) не поспевает за творческой мыслью систематиков.

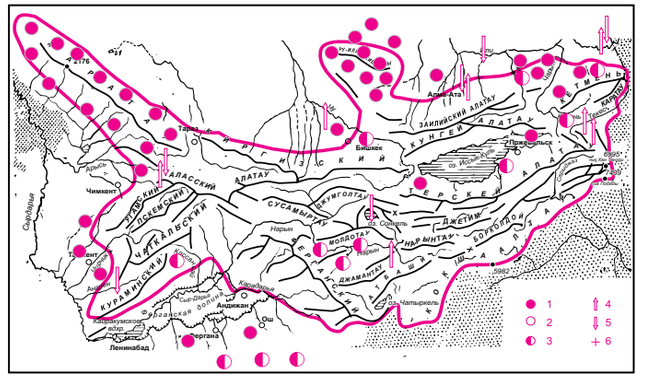

Рис. 248. Распространение малого жаворонка:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 и 5 – пролёт

Во внутренних районах Тянь-Шаня гнездование малого жаворонка возможно в пустынной долине Нарына ниже одноименного города, где мы 17 июля 1999 г. встретили трёх одиночек между сёлами Учкун и Жолоан-арык, Конгорчок и Челок-кайым, а также вблизи Казармана (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2006 г. каких-то малых жаворонков встречали мы также 28 июля у Казармана и 29 июля – за перевалом Аккоюн, по дороге на Алабугу и в самой долине Алабуги (кроме одиночек – группы до 15-20 особей)… На мысе Карабулун (юго-восток Иссык-Кульской котловины) 31 мая 1956 г. Л.С. Степанян (1967) добыл самку с развитым наседным пятном, а на участках каменистой пустыни и солонцеватой степи юго-западного побережья в 1971-1973 гг. найдены три гнезда с кладками и встречены слётки (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). Этим исчерпываются сведения о возможном гнездовании малого жаворонка в межгорных долинах и впадинах Тянь-Шаня. Особняком стоит встреча нами малых жаворонков (птицы не добыты!) в высокогорной Алайской долине 21-25 июля 1999 г. группами по 6-15 птиц и скопления около 50 близ с. Талдысу (всего отмечено около 100 особей). Конечно, визуальное определение с автомашины ненадёжно и здесь скорее можно было ожидать тонкоклювого жаворонка, на встречу которого в Алайском хребте указывали Г.П. и Д.П. Дементьевы (1930, 1955), однако в сборах Н.А. Северцова, хранящихся в ЗИН РАН (Петербург) имеется экземпляр малого жаворонка с южных склонов Алайского хребта (Птицы Киргизии, 1960). В Центральном Тянь-Шане каких-то малых

жаворонков (одного и пару) я видел с машины 27 июля 2005 г. на левом берегу Инылычека на окраине полуразрушенного посёлка горняков чуть выше места слияния с Сарыджазом. Всё это говорит о необходимости проведения здесь дополнительных исследований с обязательным коллектированием представителей рода *Calandrella*.

Численность. На подгорной равнине обычен, а местами многочислен на гнездовании. Так, в долине Копы (окраина Чу-Илийских гор) наряду со степным жаворонком – самый многочисленный обитатель полынной глинистой полупустыни и солончаковой сарсазановой поймы, где в 1987-1988 гг. мы провели наблюдения за 23 гнёздами этого вида (Березовиков, Ковшарь, 1994). В горах немногочислен, чаще редок. Данных о плотности на гнездовании практически нет. У северных подножий хребта Кетмень на прошлогодней пшеничной стерне и участкам клеверных полей 20 апреля 1989 г. учтено 70 особей/4 часа (Березовиков и др., 2004). На пролёте многочислен. На Чокпаке, где в 1966-1981 гг. было отловлено 326 представителей рода *Calandrella* весной и 2663 осенью, он составлял 99.4% весной и 98.2% осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). Во время массового пролёта 10-13 сентября 1973 г. насчитывали до 1425 пролетевших малых жаворонков за день (Гисцов, 1976). На юго-западном берегу Иссык-Куля в начале сентября стаи малых жаворонков состояли из 100-200 и более особей (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977).

Сроки. Даты. Весной появляются в начале марта. В южном подгорье Кураминского хребта близ Пунгана (Ферганская долина) первых отметили 4 марта 1971 г., стайки – 16 марта, а 19 марта они уже встречались в большом числе – до 10 апреля (Кашкаров, 1995). В окрестностях города Нарын Г. Мерцбахер добыл этого жаворонка 3 марта 1908 г. (Шнитников, 1949). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) двух едва живых малых жаворонков я нашёл во время сильного снегопада с похолоданием 13 марта 1960 г., масса их всего 13.5 и 14.3 г (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. малые жаворонки появлялись 5 марта – 4 апреля, в среднем 22 марта, заканчивался пролёт 25 апреля – 25 мая, в среднем за 11 лет – 8 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт наблюдали с 20 марта (1986) по 28 апреля (1982), срединная дата весеннего пролёта – 2 апреля; всего весной окольцовано 675 особей (А. Гаврилов и др., 2017). В северных предгорьях Киргизского Алатау малые жаворонки были многочисленны во время сильного снегопада 3 и 4 апреля 1958 г. (Корелов, 2012). На юго-западе Иссык-Кульской котловины малые жаворонки начинают петь в середине марта (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). В Алма-Ате 11 марта 1994 г., после ночного снегопада с резким похолоданием, над городом постоянно были видны стаи жаворонков, а на проспекте Абая найден сбитый машиной малый жаворонок *C. brachydactyla* (Карпов, 1994). В долине Текеса близ Нарынкола А.А. Винокуров (1960) первого малого жаворонка отметил 21 марта 1956 г., а в 1957 г. – только 17 апреля. Там же, между посёлками Сарыджаз и Крупское, первого встретили 23 мая 1970 г. (Аракелянц, Березовиков, 2006). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 6 марта 2004 г. (Белялов, Карпов, 2013). В долине Копы весной 1987-1988 гг. выраженный пролёт малого жаворонка стайками по 5-25 особей мы наблюдали с 22-23 марта по 5-10 апреля (Березовиков, Ковшарь, 1994).

Осенью на севере нашего района заметного пролёта не наблюдается: в Карачингиле стайки по 5-10 жаворонков видели в сентябре (Бевза, 2012), на Сорбулаке только раз, 4 сентября 2004 г. отметили около 100 особей, а последняя встреча здесь – 28 сентября 2002 г. (Белялов, Карпов, 2013). Под Джаркентом последняя встреча – 12 октября 1918 г. (Шестопёров, 1929), на Или одного добыл Н.А. Северцов 18 октября, а в верховьях Каракола – 21 октября (Шнитников, 1949). В Алма-Ате в августе 1976 г. находили трупы малых жаворонков, разбившихся о мачту телевышки (Сема, 1978). На Чокпаке пролёт начинается в середине августа и продолжается до 4-30 октября, в среднем за 12 лет – 19 октября; за это время окольцовано 2615 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1981-2016 гг. за период с 26 августа (2005) по 26 октября (1983, 1999) здесь окольцевали 1866 малых жаворонков; срединная дата осеннего пролёта в эти годы – 11 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) Л.М. Шульпин (1956) в 1933 г. первых малых жаворонков встретил уже 12 августа, в последующие дни они летели стайками до 20 особей до конца августа (в сентябре уже не встречены); мне же такие стайки попадались с 9 по 28 сентября 1961 г. и 13 сентября 1963 г., но в разгар пролёта (в середине сентября) встречались и сотенные стаи (Ковшарь, 1966). Южнее, на Ангренском плато, О.В. Митропольский 31 августа 1995 г. добыл самку этого жаворонка на высоте 2700 м и встретил стайку из 8 птиц, а также обычных здесь тонкоклювых жаворонков, что наводит на мысль о совместном пролёте этих видов в горах (М. Митропольский, 2002). В Ташкентской области одиночные малые

жаворонки начинают встречаться на скошенных полях в конце августа, а в Ферганской долине (Пунган) пролётные стайки наблюдались после 26 сентября (Д.Ю. Кашкаров, 1995). Зимой нигде достоверно не встречен, а сообщение о встречах стай на юге Каршинской степи в декабре и феврале (Салихбаев и др., 1967) вполне могло относиться к другим жаворонкам, например – серому.

Биология. Единственная для нашего района специальная публикация «К экологии малого жаворонка на юго-востоке Казахстана» (Березовиков, Ковшарь, 1994) написана по материалам, собранным у 23 гнёзд этого вида с 22 марта по 29 июня 1987 и с 23 марта по 5 июля 1988 гг. в долине р. Копа недалеко от ж-д станции того же названия. В ней приводятся описания гнёзд и яиц (включая размеры), результаты наблюдений за насиживанием кладки и сроками вылупления птенцов, а также успешность гнездования: птенцы благополучно покинули 4 гнезда из 14 (28.6%). Дополнительные сведения в фаунистических публикациях немногочисленны. Так, под Джаркентом 7 мая 1913 г. в гнезде было 5 птенцов недельного возраста (Шестопёров, 1929). В Анархае (Чу-Илийские горы) гнёзда с кладками найдены 5 и 8 июня 1951 г. и в северных предгорьях – 21 мая (Корелов, 1970). На р. Копалысай 29 апреля 1997 г. в гнезде было одно свежее яйцо, а 30 мая 1999 г. встречены два слётка (Березовиков и др., 1999). Немного севернее, у кромки песков Таукум, 7 мая 2008 г. в одном гнезде было 4 яйца (насиживающая птица взлетела с 3 м от наблюдателя), в другом – 3 пуховых птенца (Ковшарь, 2009: КОБ-2008). Для гор Серектас (Чу-Илийские горы) имеется указание, что пасущийся скот вытаптывает до 80% кладок жаворонков (Левин, 1991).

В каменистой пустыне и солонцеватой степи западного побережья Иссык-Куля 23 апреля 1971 г. в одном гнезде было 3 яйца, в другом 21 апреля – 2 яйца (26 апреля стало 4), в третьем 24 мая – 3 насиженных яйца (приведены размеры 9 яиц); слётки появились 5-7 июня (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). В северных предгорьях Кетменя, близ с. Сункар, 20 апреля 1989 г. в двух гнёздах мы обнаружили по 3 птенца в возрасте 2-3 суток (Березовиков и др., 2004). Эти отрывочные данные свидетельствуют о необходимости изучения биологии малого жаворонка в нашем регионе с надёжной идентификацией видовой принадлежности.

242. Тонкоклювый жаворонок – *Calandrella acutirostris* Hume, 1873

Hume's short-toed lark (англ.), Tibetlerche (нем.), Pispolette aux bec fin (фр.),
нәзіктұмсық бозторғай (каз.), ичке тумшук торгой (кирг.), ингичка тумшуқли тўрғай (узб.)

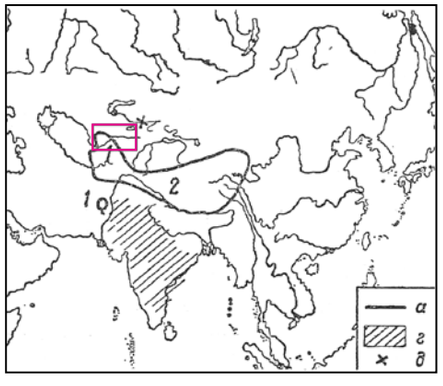
Синоним: Остроклювый жаворонок (Иванов, 1969).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане встречается номинативный *C. a. acutirostris* Hume, 1873.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Индии (рис. 249).

Биотоп. Поскольку этот горный жаворонок занимает большой диапазон высот в горах, от 1000 до 4000 м, биотоп его на разных высотных уровнях значительно различается. По наблюдениям Д.Ю. Кашкарова (1974), в Ферганской долине, у нижней границы распространения (1000-1100 м) этот жаворонок населяет пустынно-степные участки с полынно-эфемеровой растительностью, залежи; а поля сельскохозяйственных культур (чаще других – скошенные поля люцерны или эспарцета, сильно разреженные посевы зерновых) служат ему в основном местами кормёжки, причём густых посевов он избегает. Выше, на пологих северных склонах Алайского хребта, он избирает самые верхние, оголённые части увалов, а ещё выше – в субальпийском поясе – щебнистые участки с разреженной растительностью. На Ангренском плато тонкоклювый жаворонок населяет заросли морковника и лигулярии в субальпийском поясе, в Каржантау и Угамском хребте – нагорные степи, поднимаясь да снежников альпийского пояса, по крайней мере до 2800 м (Корелов, 1956). В хребтах соседнего Памиро-Алая «основная гнездовая стация остроклювого жаворонка – сухая степь со щебнистой почвой и рано выгорающим травяным покровом» (Иванов, 1969, с. 185), а на Памире (на высотах до 4000 м) они выбирают для гнездования пологие склоны разрушенных морен, речные террасы или сухие русла речек, усыпанные галькой, хотя могут гнездиться и в местах с густой луговой растительностью, явно избегая сильно опустыненных мест (Потапов, 1966).

Распространение. Тянь-Шань находится на северо-западной оконечности ареала этого центрально-азиатского жаворонка (рис. 249), который встречается только на юге и юго-западе нашего района (рис. 250). Самое лаконичное описание его распространения дано в 5-м томе «Птицы Советского Союза»: «Тянь-Шань к северу до р. Арысь, Памир» (Волчанецкий, 1954, с. 555). Немногим подробнее описана эта часть ареала спустя 50 лет: «Изолированный участок ареала лежит в Западном Тянь-Шане (хребты Каржантау, Угамский, Пскемский, Чаткальский, Кураминский)» (Степанян, 2003, с. 377) и далее – в описании ареала номинативного подвида: «Долина Кушки, Западный Тянь-Шань (хребты: Каржантау, Угамский, Пскемский, Чаткальский, Кураминский). Памиро-Алайская система к западу до хребтов Нуратау, Байсунского, Кугитанга. К востоку и к югу до границы СССР (исключая низменные пространства к югу от Гиссарского хребта). К северу до хребтов Нуратау, Туркестанского, Алайского» (Степанян, 2003, с. 378). Современное представление о распространении этого вида в нашем районе отражено на рис 250, ниже – комментарии по указанным точкам. Гнездование во всех перечисленных хребтах Западного Тянь-Шаня подтверждено многими публикациями (Железняков, 1950; Корелов, 1950, 1956; Ковшарь, 1966; Д.Ю. Кашкаров, 1995). Северная граница ареала действительно проходит в области долины Арыси, где тонкоклювого жаворонка добыл ещё в июле 1933 г. Л.М. Шульпин на Майликентском перевале крайнего западного окончания Таласского Алатау, ограничивающего эту долину с юга, и в августе того же года – на Чапрашты-джайляу и в верховьях Кши и Улькен-Каинды на территории заповедника Аксу-Джабаглы (Ковшарь, 1966), последний экземпляр мог быть уже пролётным. В этом же заповеднике двух взрослых отгнездившихся жаворонков добыл 16 июля 1942 г. Д.Ф. Железняков (Корелов, 1970). После этого тонкоклювого жаворонка здесь не добывали, хотя 21 июля 1960 г. мы с М.Н. Кореловым видели трёх *Calandrella* sp. в степи у каньона Аксу (Корелов, 2012) и там же в конце мая 2002 г. я встречал одиночку. Однако визуальные наблюдения в данном случае ненадёжны, и не случайно наблюдение 21 июля 1960 г. не использовано в сводке «Птицы Казахстана» (Корелов, 1970, с. 242). Нигде севернее и восточнее тонкоклювого жаворонка не встречали, включая и район исхоженного орнитологами Чокпакского перевала. Старое указание на встречу летом в восточной части Таласского хребта (Янушевич, Дементьев, Яковлева, 1955; Птицы Киргизии, 1960) совсем недавно получило уточнение для южных склонов этого хребта: «Вид оказался обычен на плато, поросших ферулой в верховьях реки Чаткал, в районе впадения рек Кара-Касмак и Кара-Токой 24 и 25 июня [2017 г. – *АК*]. Самцы активно пели, взрослые кормили лётных молодых» (Архипов, Коблик и др., 2018). Подробности южной границы тянь-шаньского участка ареала этого вида описаны в очерке сводки «Птицы Узбекистана»: «Наши наблюдения показали, что эта птица обычна на гнездовье в западной части Алайского хребта от верхнего течения р. Сох до окрестностей Шахимардана. В северо-восточной части Ферганской долины найден в верховьях Касансая, спадающего с Чаткальского хребта. М.Н. Кореловым (1956) на Чаткальском найден гнездящимся на плато Палатхан. На Кураминском хребте наблюдался Г.П. Треьяковым и О.В. Митропольским (устное сообщение) в верховьях Камчиксая и на Ангренском плато, в Чаткальском хребте – в районе Килимчека и Джанаарыка» (Д.Ю. Кашкаров, 1995, с. 16-17). У подножья южных склонов восточной части Алайского хребта лётных птенцов тонкоклювого жаворонка добыли в районе Дарауткургана (2700 м) в Алайской

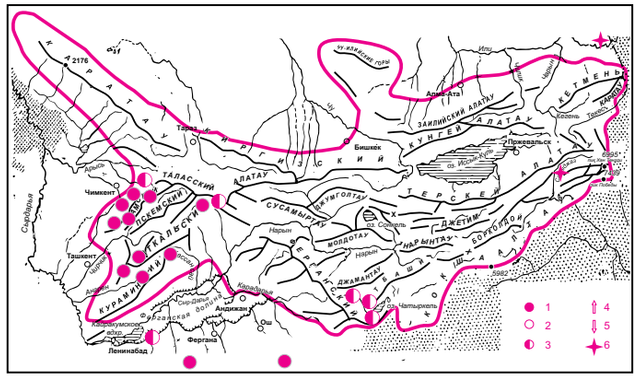

Рис. 249. Ареал тонкоклювого жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 556
Рис. 250. Распространение тонкоклювого жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 6 – залёт

долине (Иванов, 1960, с. 185). Восточнее в той же Алайской долине, близ села Талдысу и выше (3000-3500 м), с 21 по 25 июля 1999 г. мы встретили более сотни малых жаворонков (*Calandrella* sp.) как группами по 6-15, так и в скоплении около 50 особей (Ковшарь, Торопова, 2000), которых отнесли к виду *Calandrella cinerea* (*brachydactyla*) на основании того, что в сборах Н.А. Северцова, хранящихся в ЗИН РАН, имеется экземпляр от 13 июля с южных склонов Алайского хребта (Янушевич и др., 1960). Однако благодаря любезности заведующего орнитологическим отделом ЗИН РАН В.М. Лоскота, нам удалось получить исчерпывающую информацию об этом загадочном экземпляре Н.А. Северцова, который оказался *Calandrella acutirostris*, что позволяет отнести к этому виду и встреченных в 1999 г. птиц. Кроме того, в коллекции Биолого-почвенного института в Бишкеке среди 11 экземпляров малых жаворонков, добытых в гнездовое время, с мая по август, хранится один экземпляр самки *C. acutirostris*, добытой Б. Кумушалиевым 7 мая 1975 г. близ с. Чак в Алайской долине, у южных подножий Алайского хребта; вершину крыла у неё составляют почти равные 2-е – 5-е первостепенные маховые, хотя длина тонкого клюва и равна всего 10 мм (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Во время поездок 2000 и 2003 гг. мы встретили *Calandrella* sp. и восточнее – за Ферганским хребтом: «Пять стай *Calandrella sp.* по 10-30 особей (всего 96 птиц), встречены 19 июля 2000 г. в каменистой полынной степи вокруг подножий западной оконечности хребта Атбаши (перевалы Акбеит и Тузбель, 3180 и 3574 м) и в котловине озера Чатыркуль. Самая низкая точка встречи этих жаворонков в долине Каракоюна – 2500 м над уровнем моря (41º00’31.5’’с.ш. и 075º23’19.3’’в.д.), там же, где встречены саджи. Поскольку ни одна птица не добыта, можно лишь предположить, что это были тонкоклювые жаворонки (*C. acutirostris*). В 2003 г. нескольких жаворонков из рода *Calandrella* встретили мы с 27 по 30 июля на автомаршруте «село Байетов – перевал Кулак-ашуу через хребет Байбичетоо – долина Арпы – Чатыркульская котловина – Аксайская долина». Поскольку отмечены они с автомобиля, о видовой принадлежности можно судить лишь предположительно: учитывая высокогорную местность, скорее всего встреченные особи относятся к виду *Calandrella acutirostris*.» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Предпринятая в июне 2016 г. попытка встретить здесь этот вид успехом не увенчалась (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Не исключено, что степные участки пониженных частей среднего течения Нарына и его притоков могут оказаться зонами симпатрии тонкоклювого и малого жаворонков, как это предполагалось для долины Кушки в Южной Туркмении (Степанян, 1971). Встреченный Г. Алмаши в 1902 г. на сыртах Сарджаса, на высоте 3600 м малый жаворонок (Шнитников, 1949), скорее всего, был залётный *C. acutirostris*. Такой же залётный экземпляр тонкоклювого жаворонка добыт из стайки малых жаворонков 31 марта 1900 г. на крайнем северо-востоке нашего района – в окрестностях Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905).

Численность. В нагорных степях Угамского хребта и плато Палатхан тонкоклювый жаворонок обычен и многочислен (Корелов, 1950, 1956); в Каржантау (2400-2700 м) – фоновый вид, лишь немного уступающий в численности рогатому жаворонку (Капитонов, 1969; Лобачёв, 1969). Для этих мест есть указание: «На пологих увалах со степной растительностью он наиболее многочислен и составляет фон птичьего населения с плотностью до 5-7 пар на 1 км маршрута» (Корелов, 1970, с. 243). В более южных хребтах обычен, а на Ангренском плато многочислен (Митропольский, 2005). К концу XX ст. численность этого вида по сравнению с 50-60 гг. как в Угамском хребте, так и в Каржантау заметно снизилась (В. Ковшарь, 2004; Чаликова, 2004). Цифровые показатели имеются для северных склонов Алайского хребта. Здесь плотность тонкоклювого жаворонка на гнездовании около 6.3 особи/10 га, а у верхней границы распространения она снижается до 1.4-3.5 особей/10 га (Д.Ю. Кашкаров, 1974).

Сроки. Даты. Ход весеннего пролёта не прослежен, есть предположение, что пролёт идёт горами. Южнее, в Гиссарской долине, первые стайки по 10-20 особей отмечены между 17 марта и 10 апреля (Иванов, 1969), а на Памире весной 1936 г. первые одиночки на р. Аличур появились только 14 мая (Мекленбурцев, 1946), на высокогорном оз. Рангкуль прилетели 17 мая (Абдусалямов, 1961). В это время в Западном Тянь-Шане у этого вида уже идёт откладка яиц (Д.Ю. Кашкаров, 1995).

Сроки и характер осеннего отлёта и пролёта в нашем районе также не известны. Южнее, в верховьях Зеравшана, они исчезают уже во второй половине сентября (Абдусалямов, 1964), в Гиссарской долине их наблюдали с 11 сентября до середины ноября (Иванов, 1969), а на Памире – в конце октября 1936 г. стайки несколько раз встречены между перевалом Кызыл-арт и Мургабом (Мекленбурцев, 1946).

Биология. До сих пор очень мало известна. На холмистом степном гребне хребта Каржантау (2400-2700 м) в мае – июне 1962 г. В.И. Капитонов и Ю.С. Лобачёв нашли 8 гнёзд с кладками, но

опубликовали только сведения о гибели яиц и птенцов (Лобачёв, 1969). По их наблюдениям, гнездо тонкоклювого жаворонка намного меньше утеплено, чем у рогатого (только в одном обнаружена овечья шерсть, остальные выстланы летучками сложноцветных); из 18 яиц этого жаворонка, отложенных в 5 гнёздах, вывелось 13 (72%) птенцов, отход яиц и птенцов составил 33%, покинули гнездо в среднем 2.4 птенца. Сведения о сроках размножения опубликованы в очерке «Птицы Казахстана»: в одном гнезде 19 мая было 2 яйца, но после снегопада 25 мая кладка погибла; в другом 20 мая было одно яйцо, четвёртое отложено 23 мая, а 3 июня вылупились птенцы; в третьем гнезде первое яйцо появилось 24 мая, четвёртое – 27 мая (5 июня самка насиживала кладку под сильным дождём и градом, но на следующий день гнездо было разорено); в четвёртом гнезде 8 июня – 4 сильно насиженных яйца (11-12 июня вылупление); в пятом 9 июня – 3 яйца (птенцы покинули его 21 июня); гнёзда с кладками встречались до 26 июня (Корелов, 1970). В Чаткальском и Кураминском хребтах первые кладки найдены О.В. Митропольским и Г.П. Третьяковым уже 12 мая, последние – 14 июня, к 8 июля птицы были уже свободны от выводков (Д.Ю. Кашкаров, 1995). Одна из самых поздних кладок (3 свежих яйца) найдена М.Н. Кореловым (1970) в Угамском хребте (ур. Чакырташ) 15 июля, это позволило автору предположить, что часть рано загнездившихся пар имеет две кладки в лето.

На юге Ферганской долины (северные склоны Алайского хребта) в 1968-1972 гг. наблюдения над 10 гнёздами тонкоклювого жаворонка провёл Д.Ю. Кашкаров (1974), причём в 6 гнёздах проследил почти весь гнездовой цикл – от момента откладки первого яйца до выхода птенцов из гнезда. В его публикации подробно описаны гнёзда, их расположение и ориентация, устройство и состав материала; размеры и окраска яиц, которые насиживает только самка в течение 10-11 дней, а самец охраняет гнездовой участок; динамику роста птенцов за 9-10 дней пребывания в гнезде, когда они пешком уходят из гнезда, будучи ещё не способными летать, и в течение 10-12 дней их опекают родители. Самостоятельно летающие молодые тонкоклювые жаворонки в массе появляются в середине июля. Трудно согласиться с утверждением автора: «Количество кладок установить не удалось, так как наблюдения проводились только с 1 июня. Первые молодые птицы стали появляться после 20 июня…Все добытые взрослые самки к этому времени имели сильно сокращённые яичники, что говорит о завершении периода размножения. Следовательно, можно предполагать, что в условиях изучаемого района тонкоклювый жаворонок имеет одну кладку, период которой растянут с конца мая до начала июля» (Д.Ю. Кашкаров, 1995). По всей вероятности, большая часть, если не все наблюдения автора, относится уже ко *второй* кладке, а первая имела место до начала наблюдений. Очень желательно провести детальный цикл наблюдений в ранневесеннее время за размножением этого вида у южной границы Тянь-Шаня.

243. Серый жаворонок – *Calandrella rufescens* (Vieillot, 1819)

lesser short-toed lark (англ.), Stummellerche (нем.), alouette pispolette (фр.),
сұр бозторғай (каз.), боз торгой (кирг.), кул ранг тўрғай (узб.)

Синонимы: *Alauda pispoletta* Pallas, 1811; *A. seebohmi* Sharpe, 1890; *Calandrella pispoletta obscura* Tugarinov, 1932; *C. minor pseudobaetica* Stegmann, 1932. Более 100 лет этот жаворонок в русской орнитологической литературе носил имя, данное ему академиком П.С. Палласом в 1811 г. Однако в силу трудности отличий[2] его по палласовским описаниям от *Calandrella cinerea* ему присвоили **имя** *Calandrella rufescens,* данное Vieillot в 1819 г. птицам с Канарских островов (тогда ещё не знали, что менее чем через сто лет многие виды будут идентифицировать только по генетическим анализам!). Одно время этот вид носил даже название *Calandrella minor,* хотя обитающие в азиатской части ареала серые жаворонки явно крупнее, чем *C. cinerea* (*brachydactyla*), а название *minor* принадлежит мелкому подвиду, населяющему Северную Африку. Таковы гримасы систематики. Можно полагать, что имя «*rufescens*» – не последнее для этого вида. Кстати, русский синоним серого жаворонка – солонцовый жаворонок (Шнитников, 1949, с. 412).

[2] «Вообще у этого жаворонка нет таких признаков, которые позволяли бы с полной уверенностью узнавать его в поле. Надёжным можно считать только тщательное определение добытых экземпляров» (Корелов, 1970, с. 224).

Подвид. Из 9 подвидов в Тянь-Шане обитает *Calandrella rufescens heinei* Homeyer, 1873. Кроме того, в «Птицах Семиречья» приводится кашгарский подвид *C. r. seebohmi*: «Под этим названием приводится Зарудным и Кореевым добытый Кореевым 10 марта 1899 г. в Карасуйской. Так же определил Иоганзен экземпляр, добытый экспедицией Сапожникова в июле 1902 г. в окр. Пржевальска» (Шнитников, 1949, с. 413).

Характер пребывания. Гнездится и пролетает, местами встречается и зимой.

Биотоп. В Казахстане серый жаворонок «Селится в равнинах и нигде не проникает в горы, избегая даже невысоких пенепленизированных поднятий. В западной и центральной части ареала занимает преимущественно солончаки, засолённые озёрные котловины, сорово-такырные понижения, однако севернее идёт и в равнины, покрытые полынью, а местами и в степи. В песчаных пустынях избирает засолённые межбарханные понижения, селится и на уплотнённых, закреплённых песках, обильно поросших саксаулом. В восточной части встречается на солончаках в речных долинах, в саксаульниках, на глинистых участках, проникает и в сухие степи» (Корелов, 1970, с. 224). В Иссык-Кульской котловине, где этот жаворонок гнездится и зимует, «летней и зимней стациями являются сухие и пустые солончаковые места, обычно с редкими кустиками чия» (Птицы Киргизии, 1960, с. 135).

Распространение. В области Тянь-Шаня серый жаворонок гнездится в основном на равнинах севернее гор, в частности, довольно многочислен в песках Таукум на левом берегу низовьев р. Или, нередок в межгорных долинах Серектаса (Чу-Илийские горы), в долине Копы и по северным предгорьям Каратау. По левобережью р. Или указан гнездящимся для низовьев Чилика (Корелов, 1948. 1970), но в Карачингиле (устье Тургени) встречается только на пролёте и зимовках (Бевза, 2012), не гнездится он и в районе Сорбулакских озёр (Белялов, Карпов, 2013). В горы проникает только в Иссык-Кульскую котловину, где гнездится в пустынной западной части, а зимой встречается по всей котловине (Птицы Киргизии, 1960). На остальной части Тянь-Шаня отсутствует не только на гнездовании, но и в период миграций. Даже на Чокпаке пролёт его слабо выражен и во много раз уступает другим видам жаворонков, в т.ч. и его двойнику – малому жаворонку.

Численность. Многочислен в песках Таукум, где осмотрено 15 гнёзд (Березовиков и др., 1999) и в долинах Чу-Илийских гор (Губин, 2007), но в степи Жусандала между ними отсутствует. Сравнительно редкий гнездящийся вид полупустынно-пустынной долины Копы (Ковшарь, Березовиков, 1999). В северных предгорьях Каратау в полынной степи с солонцами у озера Бийликоль живёт в очень незначительном числе (Губин, Карпов, 1999), обычен на гнездовании везде на окружающих горы пустынных равнинах, но в горной обстановке встречен только в одном месте – на южном склоне хребта, при подъёме к перевалу Ранг в долине реки Домба, где 9 июня 2014 г. встретили несколько территориальных пар (Губин, Белялов, 2017). Только для окрестностей озера Кызылколь указан как фоновый гнездящийся, в мае 2000 и 2001 гг. он был здесь многочислен (Коваленко и др., 2002). Немногочислен он и на Иссык-Куле, но точных данных нет. На Чокпаке, по данным отловов, весной на пролёте он составляет всего 0.6%, а осенью – 1.8% от всех отловленных представителей рода *Calandrella*: в 1966-1981 гг. всего окольцевали двух весной и 48 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985), в 1982-2016 гг. – соответственно 1 и 47 (А. Гаврилов и др., 2017). Зимой на Иссык-Куле некоторые стаи в феврале насчитывали до 50 особей (Птицы Киргизии, 1960), на Сорбулаке 12 декабря 2004 г. насчитали 100, а 27 февраля 2000 г. – около 200 серых жаворонков (Белялов, Карпов, 2013).

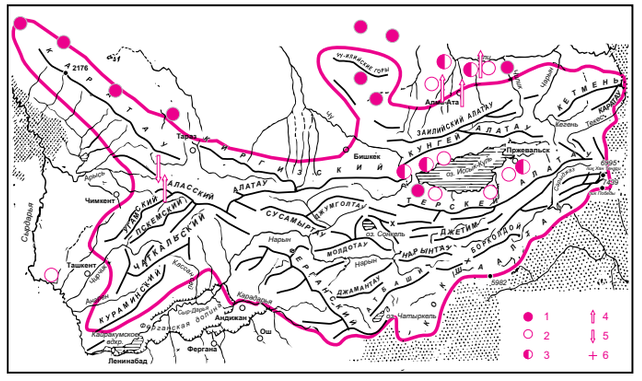

Рис. 251. Распространение серого жаворонка в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4 – весенний пролёт, 5 – осенний пролёт

Сроки. Даты. Данных практически нет как в силу невозможности надёжных отличий от близкого вида (малого жаворонка), так и по причине зимовки этого вида во многих местах: И.Б. Волчанецкий (1954) вообще полагал, что в Средней Азии это оседло-кочующая птица. Западнее Тянь-Шаня, в Узбекистане: «В 1974 г. массовый пролёт зафиксирован

12.03, но уже к 27 марта количество серых жаворонков уменьшилось» (Д.Ю. Кашкаров, 1995, с. 19). В Казахстане, по мнению М.Н. Корелова (1970), весной на юге появляется в конце февраля – начале марта. По его же данным, под Алма-Атой в 1952 г. их было уже много 16 марта, а на Или Б.П. Кореев добыл его 10 марта 1899 г. На Чокпаке двух пролётных отловили 15 мая 1973 г. и одного – 27 апреля 1986 г. На Сорбулаке самая поздняя встреча – 3 мая 1999 г. (Белялов, Карпов, 2013). Осенью на Чокпаке их отлавливали 17-30 октября 1968, 27 октября 1977, 19 октября 1978 и с 13 по 26 октября в 1983-1991 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В нашем районе не изучена (гораздо больше материалов по пустыням, где этот жаворонок многочислен). У западных отрогов Каратау И.А. Долгушин (1951) нашёл сильно насиженную кладку 20 мая 1941 г. На самой западной оконечности этого хребта, в районе Теликульских озёр, 20 мая 1927 г. в гнезде была свежая кладка (Спангенберг, 1941). В долине Или, в окрестностях Чилика, 15 апреля добыта самка с гнездовым материалом в клюве, на р. Каскеленка в песках 14 июля 1955 г. «встречались уже группы молодых и старых отгнездившихся птиц» (Корелов, 1970, с. 226). В долине Копы 6 мая 1989 г. в гнезде было 4 яйца, выводки дорослых молодых встречены здесь 9-10 мая и 1-8 июня 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 1999). По наблюдениям в этой долине мы пытались найти хоть какие-то голосовые отличия этого вида от малого жаворонка: «Позывка серого жаворонка – сухое трещание «трррьрьрь-трррь», хорошо отличимое от отрывистой позывки малого жаворонка. Песня звучная. Состоит из подражательных элементов, чередующихся с позывкой. Чаще всего, взлетая, самец начинает песню с многократного повторения позывки «трррьрьрь-трррь», затем следует тягучий звук «пиии» и вставка «твит-твит-твит», напоминающая тревожный крик деревенской ласточки. После этого вновь повторяется позывка, затем вставка и т.д. Среди заимствований отмечался также начальный фрагмент токовой песни малого зуйка «пию-пиу-пи-пию», тревожный крик обыкновенной овсянки «црик-црик» и другие» (там же, с. 127). В западной части Иссык-Кульской котловины 21 и 27 июля добыты два пуховых птенца, а 3 августа – слёток (Птицы Киргизии, 1960). Там же, на юго-западном побережье у с. Оттук, 18 мая 1972 г. в гнезде было 5 свежих яиц, которые взял в коллекцию Г.В. Вердин (Торопова, 1999).

244. Солончаковый жаворонок – *Calandrella leucophaea*[3] Severtzov, 1873.

Salt-Marsh lark (англ.), Salzwüstenlerche (нем.), Calandrelle leucophée (фр.),
сор бозторгайы (каз.), шор торгою (кирг.)

Систематические замечания. За 145 лет со дня описания этого жаворонка Н.А. Северцовым как обитателя арало-каспийских солонцовых степей, его систематическая принадлежность претерпела длинный и сложный ряд превращений, а сам ареал расширен до подножий Тянь-Шаня и берегов Жёлтого моря (Корелов, 1970, с. 228); история эта частично описана (Белялов, 2004: КОБ-2003). Но уже в начале XX ст. В.Л. Бианки (1905) пришёл к выводу, что *C. leucophaea* – всего лишь цветовая вариация серого жаворонка, не имеющая собственного ареала. Этого же мнения придерживался И.Б. Волчанецкий (1954, с. 562): «Предположение о разделении этих двух форм [*leucophaea* и *pispoletta – AK*] в качестве самостоятельных видов не выдерживает критики. Вернее всего, форму, описанную как «*leucophaea*», следует считать как связанную с определённым субстратом (солонцы) цветовую вариацию подвида *C. p. pispoletta* – примерно тем, что в других группах животных принято называть морфой». В качестве подвида серого жаворонка (*Calandrella pispoletta leucophaea*) солончаковый жаворонок приводится в капитальных фаунистических работах о птицах пустыни Кызылкум (Зарудный, 1915), птицах нижней Сырдарьи (Спангенберг, 1941) и сводке «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949). Но и после придания солончаковому жаворонку видового статуса (Корелов, 1958) имя «*leucophaea*» не стало видовым, а было включено в качестве названия подвида в вид *Calandrella cheleensis* (Swinhoe, 1871) с ареалом: «От Мангышлака к востоку до котловины оз. Алакуль, западных подножий Тянь-Шаня и Памиро-Алайской системы» (Степанян, 1978, с. 24). В этом же статусе приводится солончаковый жаворонок и в сводке «Птицы Казахстана» (Корелов, 1970), тогда как

[3] В современных систематических сводках и списках (Степанян, 2003; Коблик, Архипов, 2014 и др.) этот вид носит имя *Calandrella cheleensis* (Swinhoe, 1871). Я умышленно использую здесь название, данное ему Н.А. Северцовым, чтобы привлечь внимание орнитологов к этому вопросу, который не может считаться окончательно решённым. – *AK*

А.И. Янушевич в сводке «Птицы Киргизии» (1960) даже не выделил его как подвид, объяснив это следующим образом: «В нашей коллекции имеются птицы, которых, по описанным М.Н. Кореловым (1958) особенностям строения крыла и хвоста, можно подразделить на серых и солончаковых жаворонков. Но в этом случае остаётся неясным положение птиц, отличительные признаки которых не позволяют отнести их к той или иной группе. Поэтому мы пока не выделяем солончакового жаворонка как самостоятельный вид, и все вариации имеющихся у нас экземпляров описываем как подвид обыкновенного серого жаворонка – *C. p. pispoletta* Pall» (Птицы Киргизии, 1960, с. 134-135). Наконец, 10 лет назад появилась интересная публикация: «О гибридизации серого и солончакового жаворонков в долине нижней Сырдарьи» (Коваленко, 2006: КОБ-2005). Основываясь на том, что в чистом виде солончаковый жаворонок сохранился только в дельте Сырдарьи, на мизерной территории площадью в несколько десятков км^2 (Губин, 1999; В. Ковшарь, 2000), автор считает, что вся остальная территория восточнее этого места населена гибридами, при этом серый жаворонок поглощает солончакового. Всё это свидетельствует о необходимости капитальной ревизии систематического положения этого «вида-подвида-морфы» с учётом современного состояния его популяций на значительной территории его обитания – по крайней мере от Арала до Прибалхашья и Тянь-Шаня.

Характер пребывания. Гнездится и зимует.

Биотоп. «Селится на пухлых солончаках с чахлой солянковой растительностью, на солончаках, поросших редким низким тростничком, на пятнах солончаков среди белополынников и боялычников или близ зарослей тамариска и саксаула, а также на засолённых глинистых понижениях с осокой, солянками и полынью в межбарханных понижениях» (Корелов, 1970, с. 230). Нередко встречается на такырах. На Иссык-Куле встречается в сухих пустынных степях западной части котловины, на засолённых участках с редкими кустиками чия.

Распространение. Как видно по рис. 252, солончаковый жаворонок встречается вдоль северных окраин нашего района. Для северо-восточного угла Н.А. Зарудный и Б.П. Кореев (1905), а также Е.Л. Шестопёров (1929) приводят этого жаворонка как гнездящуюся птицу только для местности между Борохудзиром и переправой через Или, где особенно развиты солонцы. В другом месте Илийской долины (Кош-Агач), где солонцы занимают ещё большую площадь, гнездо его нашёл В.Н. Шнитников (1949). Западнее, в низовьях Чилика, гнёзда его находили М.Н. Корелов и Э.И. Гаврилов (Корелов, 1948, 1970). В солончаковой сарсазановой пойме р. Копа на одном и том же участке с 29 мая по 4 июня 1988 г. пел самец (Ковшарь, Березовиков, 1999). В долине Чу возле с. Новотроицкого 30 августа 1933 г. молодого добыл В.А. Селевин; он же добыл самца 28 мая 1929 г. в пустыне у озера Ащикуль вблизи северных предгорий Каратау и ещё одного самца – 25 мая 1929 г. в пустыне между Сырдарьёй и западными предгорьями Каратау, по дороге от ст. Байгакум к Бил-кудуку (Селевин, 1935). На прибрежном солончаке озера Кызылколь одного встретили 16 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). Южнее Тянь-Шаня, в Ферганской долине, этого жаворонка добывал Н.А. Северцов, но ни время добычи, ни более точное место на этикетке добытого экземпляра не указаны (колл. ЗИН РАН; Корелов, 1958). Во внутренних районах Тянь-Шаня гнездится только в юго-западной части Иссык-Кульской котловины – в районе мыса Ак-Улен, где в июне-июле 1953-1954 гг. встречали до 5-6 особей в день; отдельные редкие пары отмечались также среди щебнистой пустыни с редкими кустиками караганы и эфедры немного восточнее – в предгорьях средней части хребта Терской Алатау (Степанян, 1959).

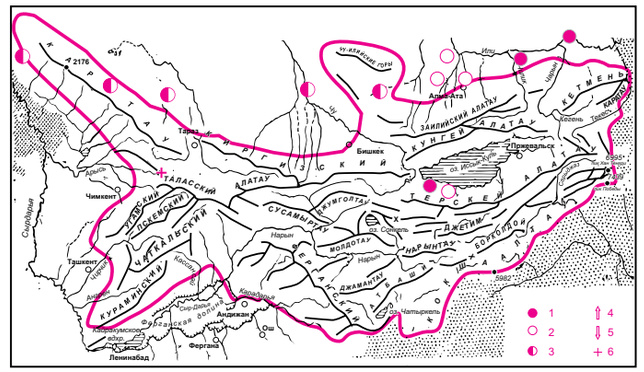

Рис. 252. Распространение солончакового жаворонка в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 6 – залёт

Численность. Сроки. Везде в нашем районе малочислен (см. выше). Пролёт отсутствует даже на Чокпаке; в 1966-1981 гг. – ни одной встречи при тысячных отловах других малых жаворонков (*Calandrella*); в 1982-2016 гг. отловили только одного – 9 сентября 2016 г. (Гаврилов, Гисцов,

1985; А. Гаврилов и др. 2017). На Сорбулаке двух солончаковых жаворонков добыл 22 ноября 1978 г. Э.И. Гаврилов. Есть сведения об исчезновении солончакового жаворонка в долине Или: «В среднем течении реки Или в междуречье Чилика и Чарына он был многочисленым в 50-е годы XX века (Корелов, 1970). В начале 80-х гг. в этих местах на водопой прилетали стаи по несколько десятков, а в 1985 г. в мае встречен только один поющий самец. Начиная с 1986 г., несмотря на специальные поиски, *leucophaea* в этих местах не был отмечен, зато *heinei* является фоновым видом. Последние сведения о встречах солончакового жаворонка в среднем течении р. Или есть из района Дубунской пристани и датированы апрелем 1989 г. (Березовиков, Гисцов, в печати)» (Белялов, 2004: КОБ-2003).

Биология. Не изучена. В литературе имеются сведения лишь о 4 гнёздах из нашего района. В долине Или 23 мая 1913 г. в гнезде, расположенном под кустиком на солонце, находилось 5 яиц (Шнитников, 1949). Этот автор первым обратил внимание на особенность гнёзд этого жаворонка. «Устройство гнезда отличалось от обычного для гнёзд жаворонков: постройка была тщательно и довольно прочно свита из тончайших стебельков и листьев какого-то растения сероватого цвета и имела примесь растительного пуха» (Шнитнков, 194 с. 413). Там же, на левом берегу Или в 20 км восточнее Аяк-Калкана, 23 апреля 1968 г. Э.И. Гаврилов и Ю.Н. Грачёв нашли кладку из 3 слегка насиженных яиц (Ковшарь, Левин, 1982). Это гнездо помещалось в ямке на солонце между двумя кустиками злаков высотой 4-5 см вблизи кустика солянки и было очень толстостенным: диаметр гнезда 80х95, а диаметр лотка около 60 мм, глубина его 43 мм (Корелов, 1970). Слётки здесь появляются в 20-х числах мая, а с 25 мая 1956 г. близ Борохудзира и в низовьях Усека было уже много вполне самостоятельных молодых (Корелов, 1970), но ещё 14 июня 1907 г. В.Н. Шнитников (1949) ловил в Илийской долине только что покинувших гнездо короткохвостых поршков этого вида. В Иссык-Кульской котловине (Ак-Улен) самцы, добытые 30 июня 1953 г. и 4 июля 1954 г., имели семенники уже в стадии редукции, но там же 5 июля 1954 г. в гнезде была слабо насиженная кладка из трёх яиц, «оно помещалось под кустиком эфедры и имело весьма ветхое устройство» (Степанян, 1959, с. 97). Различие с описанием гнезда В.Н. Шнитниковым (см. выше), возможно, связано с очень поздними сроками его строительства. Там же, на мысе Ак-Булун (Иссык-Куль) 19 июня 2017 г. в двух выводках взрослые кормили летающих молодых (Архипов, Коблик и др., 2018), а близ города Рыбачье 22 мая 1971 г. Г.В. Вердин взял кладку из 4 свежих яиц (Торопова, 1999). В последнем случае нет уверенности в правильности видового определения птицы, это мог быть и обитающий здесь серый жаворонок (визуальное определение этих птиц очень сложно).

245. Рогатый жаворонок – *Eremophila alpestris* (Linnaeus, 1758)

horned lark (англ.), Ohrenlerche (нем.), alouette hausse-col (фр.),
құлақты бозторғай, жол торғай (каз.), кара каш торгой (кирг.), шохли тўрғай (узб.)

Синонимы: *Alauda flava* Gmelin, 1789; *A. nivalis* Pallas, 1811; *Otocoris albigula* Bonaparte, 1850; *Phileremos striatus* Brehm, 1855; *Otocorys brandti* Dresser, 1874; *O. pallida* Sharpe 1890; *O. diluta* Sharpe 1890; *O. penicillata transcaspia* Floricke, 1898; *O. p. oreodroma Oberholser*, 1902. Рюм. Горный жаворонок.

Подвиды. Считается, что из 33-40 описанных подвидов в Тянь-Шане встречается 3: в горах гнездится *E. a. albigula* Bonaparte, 1950; в подгорной степи зимует *E. a. brandti* Dresser, 1874; изредка северных подгорий Тянь-Шаня достигают зимой отдельные особи желтогорлого подвида *E. a. flava* Gmelin, 1789. Для сухих степей хребта Кетмень и долины Чулкудысу приводился ещё *E. a. montana* Bianchi, 1904 (Корелов, 1956), под этим же именем рогатый жаворонок фигурирует и в сводке «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949). Позднее *E. a. montana* сведен в синонимы *E. a. brandti* (Волчанецкий, 1954; Степанян, 1978, 2003), в результате чего в очерке «Птицы Казахстана» в Кетмене и Чулкудысу гнездится *E. a. brandti* (Корелов, 1970). Более вероятно, что здесь всё же обитают рогатые жаворонки подвида *E. a. montana,* описанного В.Л. Бианки по птицам из соседнего Юлдуса, на границе Восточного и Центрального Тянь-Шаня. Во всяком случае, вопрос этот нуждается в пересмотре с использованием всех доступных коллекционных материалов.

Характер пребывания. Гнездится и зимует. *E. a. albigula* оседлый в пределах Тянь-Шаня.

Биотоп. Гнездится в высокогорных каменистых степях и «пустынях» от 1000 до 3000-4000 м.

Распространение. На гнездовании в высокогорье Тянь-Шаня рогатый жаворонок распространён широко, но неравномерно (рис. 253). На склонах хребтов с хорошо развитым поясом хвойного леса он гнездится только выше этого пояса и только там, где помимо скал, осыпей и лугов имеются участки каменистой степи, а в некоторых хребтах (например, на северных склонах восточной половины Заилийского и Терской Алатау) он совсем отсутствует, тогда как гнездится на южных склонах. В целом он очень характерен для высоких хребтов Западного и Центрального Тянь-Шаня, а также для обширных сыртовых пространств Внутреннего Тянь-Шаня. В хребтах Северного Тянь-Шаня и Киргизском Алатау распространён спорадично и далеко не так многочислен, как в предыдущих районах. У южной границы Тянь-Шаня многочислен в высокогорной Алайской долине, а в низкогорных районах на севере практически отсутствует: в Каратау он не гнездится (хотя зимой по предгорьям, видимо встречаются стаи *E. a. brandti*), а для Чу-Илийских гор указан гнездящимся для самых северных их отрогов (Корелов, 1970; Березовиков и др., 1999; Губин, 2007), куда проникает из окраинных юго-восточных районов Бетпак-Далы (Байгора, Джамбулгора); если это так, то здесь должен гнездиться *E. a. brandti*. Зимой здесь рогатые жаворонки этого подвида (а иногда и *E. a. flava*) встречаются регулярно.

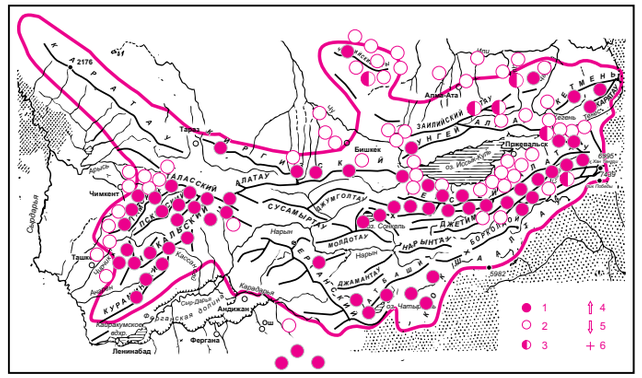

Рис. 253. Распространение рогатого жаворонка в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка

Некоторые детали распространения в отдельных хребтах хорошо описаны в публикациях, например: «На северных склонах Терской Алатау в небольшом количестве гнездится в верховьях Текеса. Обыкновенен в сухой межгорной Сюгатинской долине и не гнездится в восточной части Заилийского Алатау. Имеется лишь один молодой экземпляр, добытый нами в июле 1937 г. в верховьях Дженишке, по-видимому, уже сместившийся из мест гнездования. Не найден он и в западной части северных склонов этого хребта, к западу от верховьев Каскелена. Здесь он был добыт М.А. Кузминой в мае и, возможно, гнездится; многочислен в верховьях Кастека (Шнитников, 1949)» (Корелов, 1970, с. 280). Кстати, в верховьях Дженишке рюм встречен также 16 июля 1995 г. (Губин, 2009), в последние годы здесь и на плато Ассы их регулярно фотографируют любители (www.birds.kz), а в Среднем Талгаре на щебнистом склоне (3400 м) пара кормилась 25 октября 2005 г. (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003). Очень подробно описано по наблюдениям 1953-1954 гг. распределение этого вида в хребте Терской Алатау: «Распространение рогатого жаворонка в пределах Терской Алатау тесно связано с определённым биотопом – сухими степями и засушливо-холодолюбивыми комплексами сыртовых областей. Этим определяется его как вертикальное, так и горизонтальное размещение по хребту, в значительной степени вне зависимости от абсолютной высоты. Не встречается только на подгорной равнине (кроме крайнего востока района долины реки Каркары, где он был мной отмечен 27 июля 1953 г.), во всех же остальных вертикальных поясах, вплоть до сыртов, он мной наблюдался в гнездовой период. Детали размещения его таковы. В восточной части хребта, где наиболее хорошо выражен пояс леса, т.е. в наиболее влажных районах, он вообще отсутствует (кроме указанного района реки Каркары). Далее на запад, приблизительно с долготы урочище Тоссор – урочище Бугумуюз, по мере исчезновения леса, он занимает области средневысотных гор, спускаясь к западу всё ниже и ниже. В урочищах Улахол, Ала-Баш и в районах западнее Ак-Улена он гнездится уже в предгорьях… Основная же масса обитает на сыртах Центрального Тянь-Шаня, по южную сторону от гребня Терской Алатау. Здесь распространение в общем равномерно» (Степанян, 1959, с. 97-98).

Численность. В местах гнездования обычен, нередко многочислен. На сыртах Центрального Тянь-Шаня это в полном смысле слова ландшафтный вид. Здесь в середине августа 1953 г. пары и небольшие стайки рогатых жаворонков встречались через каждые 50-100 м (Степанян, 1959). На Покровских сыртах в 1955 г. был многочислен (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). На Сарыджазских сыртах обычен в их северной половине и практически отсутствует ниже устья реки Куйлю (Крылов, 1969). В северной части Центрального Тянь-Шаня, в горах Айбыржал, 5 мая 1956 г. территориальные пары встречались через каждые 700-900 м (Винокуров, 1961), а по дороге через глинистые холмы

Жабыртау между пос. Текес и озером Тузколь 5 августа 2004 г. учтено 105 особей на 25 км маршрута (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В горах южного макросклона Западного Тянь-Шаня рогатые жаворонки очень многочисленны и создают фон птичьего населения от снежников альпийского пояса вниз до верхнего предела древесной растительности: «Плотность их размещения так велика, что вспугнутая со своего гнездового участка птичка неизменно попадает в пределы соседнего гнездового участка. Это незамедлительно вызывает погоню за нарушителем границ. Поэтому наблюдатель, вспугивая одного жаворонка, замечает нескольких, гоняющихся друг за другом» (Корелов, 1956, с. 295). Там же, в субальпийском поясе южного склона Чаткальского хребта, в августе 2001 г. на одном каменистом участке насчитали за час 56 жаворонков, а на другом, поросшем прангосом, – 48 особей/час (Митропольский, 2005). На плато Пулатхан (2700-2800 м) это основной фоновый вид среди гнездящихся птиц (М. Митропольский, 2008). В долине Пскема от Байкыраксая до Атджайляу на прангоснике 9-11 августа 2015 г. насчитали 64 рогатых жаворонка, среди них – 8 выводков (Тен и др., 2017). В хребте Каржантау на водоразделе рек Бадам и Угам, в гнездовое время 1961-1962 гг. встречали до 10 особей за час маршрута, а гнездилось 4-7 пар/га (Лобачёв, Капитонов, 1968). Многочислен этот жаворонок в Алайской долине (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016), а также в высокогорной степи по Арпе, Аксаю и Тереку, где 28-30 июля 2003 г. мы встретили 306 особей, или 98% всех учтённых в этой экспедиции (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Немногочислен рогатый жаворонок в Сарычелекском заповеднике, редок здесь и летом, и зимой (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1992), а также в Киргизском Алатау (Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007; Карпов, Белялов, 2007). Недавно высказано интересное предположение, что в связи со снижением с 90-х гг. XX ст. в горах Тянь-Шаня пастбищной нагрузки и вызванного этим восстановления высоты и густоты травяного покрова можно ожидать снижения численности рогатого жаворонка (Остащенко, 2010).

Зимой в Иссык-Кульской котловине, где рогатый жаворонок встречается сотенными стаями (Птицы Киргизии, 1960), в январе-феврале 1962 г. на специальных учётах насчитали: в щебнистой пустыне 32 особи/10 км [32особи/км^2], или 82% от всех птиц, встреченных на маршруте; на посевных землях среди пустыни – 168 особей/км^2, на плоских адырах с посевными землями – 272/8 км [340 особей/км^2], на эродированных склонах адыров с выходами красноцветов – 50/6 км [83/км^2]; в облепиховых зарослях рогатый жаворонок не встречен ни разу (Второв, 1963). В восточной части котловины в 1973-1984 гг. он каждый год появлялся в октябре и стаями по 30-100 особей встречался до середины апреля (Верещагин, 1991). Во время учёта водоплавающих вокруг озера Иссык-Куль с 21 по 31 января 2004 г. насчитали 509 рогатых жаворонков (Кулагин, 2005: КОБ-2004), а 27-30 марта 2004 г. – всего 85, и только на южном склоне (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Чуйской долине зимой держатся стаями по 25-30 особей (Умрихина, 1970); выше по долине у подножья Кастекского хребта за три дня 11-13 января 2008 г. встречена стайка из 10 жаворонков (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). В урочище Суык-тобе (Жетыжол, западная оконечность Заилийского Алатау) в ноябре-январе 1986-1990 гг. регулярно встречался стайками по 5-20 особей, от подножия массива до снежных полей наверху плато (около 3000 м), предпочитая выровненные степные участки и особенно – овечьи «тырла» в местах стоянок чабанов (Карпов, 1994). Кстати, во внутренних районах Тянь-Шаня зимой рогатый жаворонок обычен до высоты 3840 м (Остащенко, 2010).

На равнине у северной границы Тянь-Шаня зимой рогатый жаворонок немногочислен. В Карачингиле (устье Тургени) он вообще редок: стайки до 15 птиц отмечали здесь на степных участках с 10 декабря 2006 г. до 26 февраля 2010 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке с середины ноября до начала марта за дневную экскурсию встречается 10-30, иногда в смешанных стайках с серыми и полевыми жаворонками. В основном это *E. a. brandti,* лишь изредка среди них попадаются горные *E. a. albigula,* а желтогорлые *E. a. flava* встречены всего дважды – 9 декабря 2000 г. и 14 января 2001 г. (Белялов, Карпов, 2013). Интересно, что в сводке «Птицы Семиречья» В.Н. Шнитников (1949) посвятил *E. a. brandti* отдельный очерк, в котором приводит его имя «зимочка», принятое у семиреченских казаков, и казахское название «жол торғай», которое дано за привычку встречаться зимой вдоль дорог; а также указывает о колебаниях в разные годы численности этих жаворонков, прилетающих к нам на зиму.

Сроки. Даты. В предгорной степи Таласского Алатау *E. a. brandti* обычны с конца ноября (в 1962 г. появились 27 ноября) до конца февраля (Ковшарь, 1966). На Чокпаке самых ранних видели

23 октября 1968 и 19 октября 1969 гг., весной самых поздних – 5 марта 1971 и 1974 гг., 13 марта 1972 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Пролёт их здесь не выражен – одного поймали случайно 25 октября 1997 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. По размножению рогатого жаворонка в нашем районе собрано больше материалов, чем по другим жаворонкам. Имеется специальная публикация «Экология рогатого жаворонка (*Eremophila alpestris albigula* Br.) в горах Каржантау (Западный Тянь-Шань)» (Лобачёв, Капитонов, 1968), написанная по наблюдениям в 1961-1962 гг. за 23 жилыми гнёздами. В ней подробно описано расположение и устройство гнёзд, дано описание пуховых птенцов и поведения взрослых птиц на разных этапах гнездового цикла, много внимания уделено составу пищи птенцов и взрослых птиц. Анализируя сроки размножения, авторы приходят к выводу о наличии у этого вида в Каржантау двух репродуктивных циклов. Перечень 37 гнёзд с датами и содержимым, найденных в Алайской долине (11), на озёрах Сонкуль (6) и Чатыркуль (8), на Покровских и Тонских сыртах (12), приводится в сводке «Птицы Киргизии» (1960, с. 239). В статье «Материалы к оологической характеристике птиц Западного Тянь-Шаня» (Митропольский и др., 1981) приведены подробные сведения о 72 кладках рогатого жаворонка – величина кладки, их размеры и изменчивость, сроки откладки (с начала мая до конца июля), что также говорит о наличии двух кладок в сезон. Некоторым дополнением к этим данным могут служить сведения из других мест, опубликованные в фаунистических работах. Так, в Таласском Алатау в одном гнезде 2 июня 1961 г. было 3 яйца, в другом 2 июля 1962 г. – 2 оперившихся птенца и яйцо; в третьем 14 июня 1972 г. – 3 птенца перед вылетом, в четвёртом 11 июня 1973 г. – три яйца (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). В 1955-1957 гг. в Центральном Тянь-Шане гнездо с одним яйцом найдено на озере Тузколь уже 5 мая, а 20 июня в верховьях Кокжара (3300 м) – гнездо с 4 сильно насиженными яйцами; третье гнездо в урочище Жолбусай (3200 м) 22 июня птицы только начали строить, в четвёртом 25 июня было 3 сильно насиженных яйца, в пятом (верховья Текеса, 3400 м) – 4 средне насиженных (Винокуров, 1961). В верховьях Западного Каракола (южный склон Киргизского хребта) 28 июля 1913 г. в гнезде рогатого жаворонка было 4 яйца (Шнитников, 1949). В высокогорной долине Аксая (выше 3000 м) с 11 июня по 30 августа 1989 г. найдено 5 гнёзд, содержавших: 11 июня – 3 насиженных яйца; 18 июля – 2 насиженных (24 июля вылупились 2 птенца); 23 июля – 2 пуховичка (1 августа покинули гнездо); 25 июля – 3 насиженных яйца (вылупились 2 птенца, 9 августа оба покинули гнездо); 5 августа – 2 пуховичка и яйцо, один погиб, а второй покинул гнездо 14 августа (Давранов, Курманкулов, 1991). Там же, в Аксайской долине, гнездо с одним яйцом мы нашли 29 июля 2003 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). И в этом районе рогатый жаворонок, судя по приведенным датам, имеет два репродуктивных цикла в сезон.

246. Хохлатый жаворонок – *Galerida cristata* (Linnaeus, 1758)

crested lark (англ.), Haubenlerche (нем.), cochevis huppé (фр.),
айдарлы бозторғай (каз.), молдо торгой (кирг.), сўфитўрғай (узб.)

Синонимы: *Alauda cochevis* P.L.S. Müller, 1776; *A. plumata* P.L.S. Müller, 1776; *A. matutina* Boddaert, 1783; *A. undata* Gmelin, 1788; *A. provincialis* Schrenk, 1798; *A. galerita* Pallas, 1811; *Galerida viarum* Brehm, 1831; *G. viarum* Brehm, 1831; *G. major* Brehm, 1841; *G. pagorum* Brehm, 1841; *G. magna* Hume, 1871.

Подвид. Длительное время считалось, что из большого количества описанных подвидов (более 30) южную половину Казахстана до подножий Тянь-Шаня населяет туранский подвид *Galerida cristata magna* Hume, 1871 (Зарудный, 1915; Волчанецкий, 1954; Птицы Киргизии, 1960; Корелов, 1970). Однако сейчас обитающих здесь хохлатых жаворонков относят к подвиду *Galerida cristata iwanowi* Loudon et Zarudny, 1903.

Характер пребывания. На большей части ареала оседлая птица, но гнездящиеся у северной границы ареала на зиму откочёвывают южнее. В нашем районе может быть встречен в любое время года.

Биотоп. Как правило, открытые места со скудной растительностью. В пустынной зоне чаще населяет песчаные участки среди саксаульников, а также солонцовые и каменистые. Часто поселяется

по окраинам населённых пунктов в культурной предгорной зоне, а зимой концентрируется в основном около них и у дорог. В горы по долинам и открытым склонам проникает на гнездовании до 1800-2000 м.

Распространение. В Тянь-Шане, который находится близ северной границы ареала вида (рис. 254), хохлатый жаворонок гнездится не только по периметру гор, но по долинам рек заходит довольно глубоко в горы (рис. 255). Так, на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня он обычен в долине Чирчика, изредка проникает здесь до середины лесного пояса (Корелов, 1956), на северном макросклоне (Таласский Алатау в районе Аксу-Джабаглы) – до 1900 м у кордонов Дарбаза и Чуулдак (Ковшарь, 1966). Такой же высоты достигал хохлатый жаворонок в северной части Центрального Тянь-Шаня, где А.А. Винокуров 18 мая 1956 г. нашёл гнездо с кладкой близ озера Тузколь (1990 м); однако во время посещений этих мест в 1996-2004 гг. хохлатого жаворонка не встретили ни разу. Непостоянство численности отмечено и для западной части Тянь-Шаня: в заповеднике Аксу-Джабаглы в 1926 г. А.П. Коровин встретил хохлатого жаворонка только раз за всё лето, Л.М. Шульпин (1956) в 1933 и 1935 гг. вообще не встречал его летом, а в 1959-1966 гг. мне они попадались практически около каждой колхозной фермы и отдельного скотного двора в предгорьях, а также у кордонов заповедника Дарбаза и Чуулдак, на высотах 1830-1900 м (Ковшарь, 1966). Будучи обычен в Ферганской долине, хохлатый жаворонок населяет подгорные участки Чаткальского и Ферганского хребтов, а во внутренних районах Тянь-Шаня – пустынную часть долины Нарына ниже одноименного города, а также юго-западную часть Иссык-Кульской котловины и долину Кочкорки вплоть до перевала Кызарт в долину Джумгола (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; наши наблюдения 1998-2006 гг.). Кроме того, 18 июля 2000 г. я встречал их в нижней части долины Каракоюна (выше 2000 м) и 29 июля 2006 г. – выводки на правобережье долины р. Алабуга, а 21 июля 1998 г. по дороге из Ташкумыра в Сарычелек они были обычны. Зимует в Ферганской долине, предгорьях Западного Тянь-Шаня, включая южный склон Каратау; по всему побережью озера Иссык-Куль и в долинах рек Талас, Чу и Или.

Численность. Обычная птица, хотя В.Н. Шнитников (1949) справедливо отмечал спорадичность этого вида. Для предгорий Терскей Алатау Л.С. Степанян (1959) численность этого жаворонка определил, как умеренную. В январе-феврале 1962 г. П.П. Второв (1963) учитывал здесь до 1 особи/10 км маршрута в щебнистой пустыне, 56 особей/10 км на посевах среди пустыни и 58 особей/8 км на посевах среди адыров, или 72 особи/км^2. В долине Копы (Чу-Илийские горы) в апреле-мае 1987 г. мы учитывали 1-2 пары/10 км, а на окраине ж-д станции Копа гнездилось 5 пар/км^2 (Ковшарь, Березовиков, 1999). По дороге из Ташкумыра в Сарычелек 21 июля 1998 г. мы насчитывали до 8 хохлатых жаворонков за час пути, а 27 июля хохлатый жаворонок оказался обычным и перед началом подъёма на перевал Чапчыма – в окрестностях сёл Алабука, Достук, Урукту, Кенкол, Кызылтокой и Бузук; однако наиболее многочисленным он был в населённых пунктах и на полях Ферганской долины: в Джалалабаде и его пригородах, на степных буграх у водохранилищ Папан и Андижанское, а также вдоль трассы Ош – Бишкек вплоть до Базаркургана и реки Майлису (Ковшарь, Торопова, 2000). В июле 2003 г. на отрезке

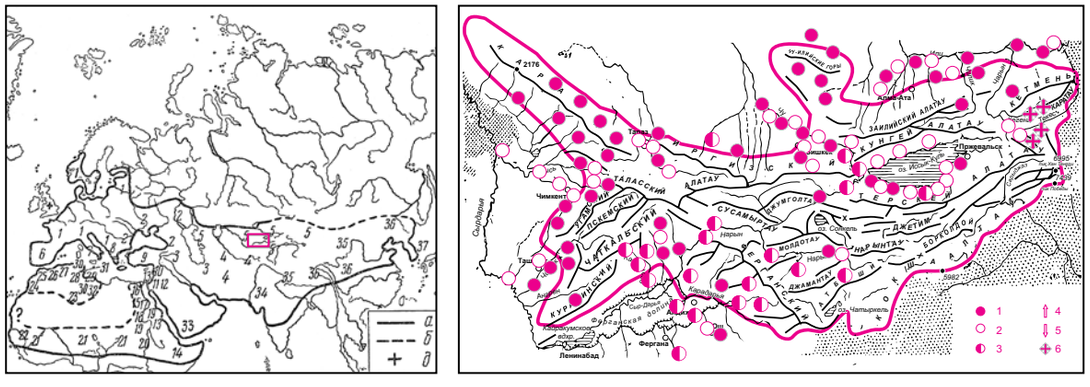

Рис. 254. Ареал хохлатого жаворонка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 541
Рис. 255. Распространение хохлатого жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 6 – былое гнездование

дороги от каскада нарынских водохранилищ в районе Ташкумыра до города Узген и Каракульджи мы встретили 25 хохлатых жаворонков, в районе Ташкумыра 17 июля они кормили уже летающих молодых (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В южных предгорьях центральной части Каратау (от ущелья Актогай и далее на северо-запад) с 28 августа по 15 сентября 2002 г. насчитали 47 хохлатых жаворонков, из них 30 – на участке «г. Туркестан – с. Яныкурган» (Чаликова, Колбинцев, 2006). На Сорбулаке, где обычно около каждой скотоводческой фермы гнездится по 1-2 пары, зимой можно встретить до 10-25 хохлатых жаворонков за день (Белялов, Карпов, 2013), а в Карачингиле (устье Тургени), где они не гнездятся, и зимой их видят лишь случайно (Бевза, 2012). На Иссык-Куле во время учёта водоплавающих 21-31 января 2004 г. насчитали 73 хохлатых жаворонка (Кулагин, 2005), а на берегах Чардаринского вдхр. 18-21 декабря 2003 г. он был обычен наряду с полевым, степным и серым жаворонками (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003).

Сроки. Даты. Пролёт хохлатых жаворонков нигде не выражен, даже на Чокпаке, где за 50 лет отловов окольцевали всего 59 птиц (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Однако какие-то передвижения их имеют место. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы, весеннее оживление среди зимующих хохлатых жаворонков заметно уже с конца февраля, первую песню я слышал здесь 17 февраля 1960 г., а во время снегопадов и похолодания с 7 по 28 марта 1960 г. они держались в предгорьях большими смешанными стаями с полевыми и двупятнистыми жаворонками – по нескольку сотен (Ковшарь, 1965). В такое же время – 25 марта 1958 г. – одного хохлатого жаворонка добыли из залётной стайки у елового леса в ущелье Ала-Арча Киргизского Алатау, на высоте 2100 м (Кузнецов, 1962). Под Джаркентом в 1900 г. появился 4 (17) марта «и сделался здесь вполне обыкновенным с началом второй трети марта» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 62). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) появились 11 марта 1956 г. одновременно с полевыми жаворонками, нередко – даже в совместных стаях (Винокуров, 1960). По данным того же автора, отлетает к концу сентября. Однако других сведений об осеннем отлёте и пролёте этого вида нет. На Чокпаке осенью встречается несколько чаще, чем весной, – до 50 особей за сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Биология. В нашем районе не изучалась, имеются только отрывочные сведения о находках гнёзд и встречах выводков. В полынной степи под Джаркентом 29 апреля[4] 1900 г. в гнезде было 4 свежих яйца (Зарудный, Кореев, 1905). Там же 19 мая 1918 г. гнездо только строилось, а 27 мая в нём – 6 свежих яиц; в другом гнезде 13 июня 1918 г. – 5 сильно насиженных (Шестопёров, 1929). На озере Тузколь 18 мая 1956 г. в гнезде было 4 ещё не насиженных яйца (Винокуров, 1961). В долине Копы в 1987 г. брачные пары встречены в 3-й декаде марта, ухаживание самца за самкой отмечали 22 апреля, птицу с кормом видели 4 июня 1987 г., а выводок с тремя доросшими птенцами – 23 июня 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 1999). В окрестностях станции Арысь 6 июня 1929 г. в гнезде было 2 яйца (Портенко, 1961), а на Боролдае (Каратау) 18 июня 1958 г. – пять слегка насиженных яиц (Корелов, 1970). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) самое раннее токование я наблюдал 2 апреля 1960 г., а в полной кладке близ с. Новониколаевка 17 мая 1965 г. было 4 свежих яйца; там же 11 июня 1962 г. в гнезде были уже большие птенцы, а в селе Тонкурус близ Дарбазы (1830 м) хохлатые жаворонки носили корм в гнездо 30 июня 1963 г.; хорошо летающий молодой пойман в Новониколаевке 27 июня 1965 г. (Ковшарь, 1966). У крайней западной оконечности Тянь-Шаня, в Дальверзине (предгорья Кураминского хребта), Г.П. Третьяков наблюдал недостроенные гнёзда 1-2 апреля 1988 г., в одном из них 4 апреля появилось первое яйцо, а 8 апреля самка села насиживать кладку из 4 яиц; по его же наблюдениям, в долине Ахангарана гнездо строилось 11 апреля, а в долине Чирчика, у Газалкента, хохлатые жаворонки спаривались 15 мая (Д.Ю. Кашкаров, 1995). На юге Ферганской долины, в подгорной части долины р. Сох, взрослый хохлатый жаворонок кормил летающего птенца ещё 21 июля 2004 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Даже по этим отрывочным сведениям есть основания предполагать, что этот вид имеет в нашем районе два репродуктивных цикла за сезон размножения. Интересные сведения о питании, по данным анализа 116 желудков из Ферганской долины, приводит Д.Ю. Кашкаров (1995).

[4] Этому гнезду не повезло дважды: у В.Н. Шнитникова (1949, с. 415) искажена дата – 28 июня, а у М.Н. Корелова (1970, с. 219) – число яиц («5 ненасиженных»), но дата указана верно. – *АК*

247. Полевой жаворонок – *Alauda arvensis* Linnaeus, 1758

skylark (англ.), Feldlerche (нем.), alouette des champs (фр.),
бозторғай (каз.), талаа торгою (кирг.), дала тўрғайи (узб.)

Синонимы: *A. cinerea* Gmelin, 1789; *A. coelipeta* Pallas, 1811; *A. agrestis* Brehm, 1831; *A. montana* Brehm, 1831; *A. segetum* Brehm, 1831; *A. pratorum* Brehm, 1841; *A. robusta* Brehm, 1841; *A. bugiensis* Brehm, 1841; *A. galeridaria* Brehm, 1841; *A. albigularis* Brehm, 1841; *A. gracilis* Brehm, 1841; *A. crassirostris* Brehm, 1855; *A. minor* Brehm, 1855; *A. dulcivox* Hume, 1873; *A. nana* Giglioli, 1886; *A. subalpina* Ehmke, 1903; *A. cinerascens* Ehmke, 1904; *A. schach* Ehmke, 1904; *A. sordida* Ehmke, 1904.

Подвид. Из признаваемых 10 подвидов в нашем районе встречается два: гнездится *A.a. almasyi* Keve, 1943 (*A. a. dementjevi* Korelov, 1953 – его младший синоним, что убедительно показал А.Я. Редькин, 2012), а на пролёте встречается сибирский *A. a. dulcivox* Hume, 1873; по всей вероятности, он же (сибирский подвид) встречается здесь и зимой.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, часть пролётных особей северного подвида регулярно зимует в предгорьях Тянь-Шаня (Корелов, 1970).

Биотоп. Предгорные и нагорные степи – типчаковые, типчаково-ковыльные, типчаково-полынные; в горах также разнотравные и луговые участки; наряду с этим гнездится на полях по межам и залежам. В горы поднимается в Западном Тянь-Шане как минимум до 2500 м, в Центральном и Внутреннем – до 3500 м, где населяет высокогорные степи и сыртовые пространства.

Распространение. Широко, хотя и неравномерно, распространён на гнездовании не только в подгорной полосе и в предгорьях, но и во внутренних частях Тянь-Шаня (рис. 256). Отсутствуя в лесистых хребтах и на крутых каменистых склонах, он многочислен на выровненных участках долин и высокогорий, покрытых степными и лугово-степными формациями. Детали распространения в отдельных хребтах и участках таковы. «В Каратау область его гнездования начинается в средней части, у Мынжилки, и далее он становится обычным в степях пологих поверхностей «джонов» как в самом Каратау, так и в Бороддае, особенно многочислен в Джувалинской долине. В предгорьях он начинает встречаться между Чаяном и Бугунью (возможно, и несколько западнее по направлению к Туркестану), во всяком случае у Леонтьевки он уже не является редкостью, а в верховьях Арыси очень обычен» (Корелов, 1970, с. 198). Дальнейшие наблюдения подтвердили это (Губин, Белялов, 2017). Широко распространён в Таласском Алатау, в частности, в области заповедника Аксу-Джабаглы (Шевченко, 1948; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). «Южнее в небольшом количестве гнездится в предгорьях хребтов Каржантау и Угамского, а также в нагорных степях, но в Пскемском хр. его нет. В Чаткальском населяет плато Палатхан» (Корелов, 1970, с. 198). Есть указание на гнездование его также на юго-западном склоне Чаткальского хребта и в Кураминском хребте, в урочище Чадаксай (Д.Ю. Кашкаров, 1995), однако относительно последнего нет доказательств (Митропольский, 2005), а указание на гнездование в Чаткальском заповеднике (Лановенко, 1997) основано на встрече В.И. Машкиным 16 мая 1981 г. поющего самца и также подвергнуто сомнению (Головцов, 2007). Таким образом, здесь желательно провести дополнительные исследования. Для Сарычелекского заповедника приводится как обычный на гнездовании во втором поясе, а зимой редкий (Воробьёв, Чичикин, 1966), более поздних данных отсюда не имеется. По южному горному обрамлению Ферганской долины полевой жаворонок довольно обычен на гнездовании в северных предгорьях Туркестанского и Алайского хребтов, в районе Соха и Хайдаркана, добыт в гнездовое время также близ Гульчи (Иванов, 1969; Д.Ю. Кашкаров, 1974); по данным последнего автора, в полынно-эфемеровых ассоциациях ниже 1600 м (во всяком случае, в районе Соха) он уступает место тонкоклювому и двупятнистому жаворонкам.

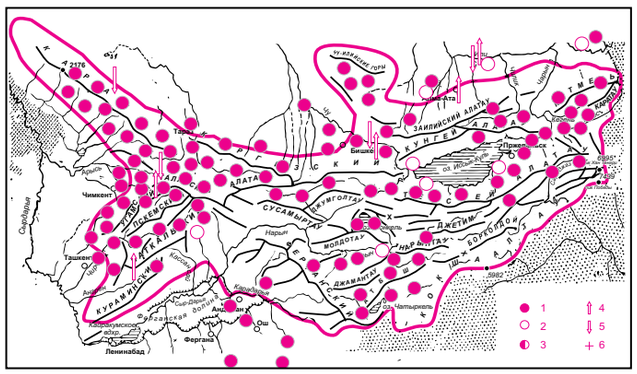

Рис. 256. Распространение полевого жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

«На северных склонах Киргизского хр. встречается лишь местами в связи с тем, что степи здесь на пологих поверхностях редки, но там, где такие степи имеются, как, например, в районе Чонгурсая, он даже многочислен» (Корелов, 1970, с. 198). На альпийском лугу ущелья Мерке в июле 1929 г. его нашёл гнездящимся Л.А. Портенко (1961), здесь же на лугах альпийского пояса пару наблюдали 28 апреля 1989 г. (Карпов, Белялов, 2007). Восточнее в этом хребте никем не отмечен, хотя внизу, в Чуйской долине, в горах Беш-Кунгей южнее города Бишкек, 27-28 июня 2017 г. поющие самцы были обычны, как и на плато перед перевалом Кувакы из Боомского ущелья к Орто-Токойскому вдхр. (Архипов, Коблик и др., 2018).

В Чу-Илийских горах гнездится в широких долинах, особенно многочислен в местах с ковыльными участками между станциями Чокпар и Отар (Корелов, 1970; Губин, 2007). Это обычная гнездящаяся птица сарсазановой поймы реки Копа и полынно-эбелековых участков около животноводческих ферм и близ артезианских скважин (Ковшарь, Березовиков, 1999). На Сорбулаке гнездится в песках по южному берегу; здесь же в небольшом числе и нерегулярно встречается также зимой (Белялов, Карпов, 2013).

«Гнездится всюду в степях западных отрогов Заилийского Алатау, в центральной части – только в предгорьях, очень обычен в восточных отрогах. Далее, между отрогами Заилийского и Терскей Алатау и хр. Кетмень, господствуют широкие межгорные долины на разных уровнях, разобщённые низкими небольшими хребтами. Эти долины, простирающиеся на многие десятки километров, как и подножия хребтов, заняты степями, соответственно и полевой жаворонок здесь во многих участках не только многочислен, но и доминирует. На северных склонах Терскей Алатау гнездится в значительном количестве в верховьях Текеса. В Кетмене населяет предгорные и хорошо в нём представленные нагорные степи» (Корелов, 1970, с. 198). К сказанному необходимо добавить, что полевой жаворонок многочислен на гнездовании в Джаланашской, Кегеньской, Чулкудинской и Текесской долинах, в котловине озера Тузколь и в холмистой местности невысоких гор Жолайгар, Айбыржал, Жабыртау (1700-2500 м) и населяет высокогорные долины северо-восточной оконечности Терскей Алатау до самых сыртов, на высотах 3000-3500 м (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Во внутренних районах Тянь-Шаня этот жаворонок гнездится везде, где имеются подходящие условия, – гораздо шире, чем это показано на рис. 256. Так, на северном склоне Ферганского хребта, при подъёме к руднику Макмал (2500-2600 м) я встречал его 17 июля 1999 г. в лугово-степных и степных биотопах, а через два дня – в жарких предгорьях южного склона этого хребта, у водохранилищ Папан и Андижанское; хотя не исключено, что последние две встречи относятся к другому виду – индийскому жаворонку *Alauda gulgula* (Ковшарь, Торопова, 2000).

Численность. В большинстве мест на гнездовании обычен, часто – многочислен, а в ряде публикаций упоминается как самая многочисленная из всех встреченных птиц; однако цифровых показателей учётов очень мало. Так, по результатам маршрутных учётов, проведенных в июле 1968 г. в районе перевала Санташ из Каркары в Иссык-Кульскую котловину (2000 м), на разнотравно-злаковых лугах пологих террас реки Ирсу учтено 50 особей/км^2, на разнотравно-осоково-злаковых лугах – 45 особей/км^2, по остепнённым террасам левого берега Каркары выше устья Ирсу – 10 особей/км^2 (Второв, 1972). Восточнее, в долине Баянкола (Центральный Тянь-Шань) 6 июня 1957 г. на маршруте 3 км, при ширине поисковой полосы 10 м, А.А. Винокуров (1961) обнаружил не менее 6 гнёзд. На южном берегу Сорбулака в 2000-2010 гг. обитало несколько десятков пар полевых жаворонков, который был здесь фоновым видом при полном отсутствии степного жаворонка (Белялов, Карпов, 2013). Замечены колебания численности гнездящихся жаворонков по годам. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) летом 1926 г. А.П. Коровин нашёл его многочисленным на степных террасах долины р. Джабаглы, где отмечал более 30 особей за дневную экскурсию; но в 1933 г. на большой террасе Джабаглы он отсутствовал вообще, а выше Улькен-Каинды встречен всего один выводок у Каскабулака, тогда как в предгорной степи *A. arvensis* и в 1933 г. был многочисленным, доминирующим видом (Шульпин, 1956). В годы моей работы (1959-1966) полевой жаворонок в массе гнездился в предгорной степи и в несколько меньшем числе – на участках субальпийской и альпийской степи, где гнездование отмечено именно на *степных* участках с разреженным травостоем, состоящим из типчака и других невысоких злаков; на лугово-степных и луговых местах с высоким сомкнутым травостоем он отсутствовал (Ковшарь, 1966, с. 190). В последующие 20 лет никаких заметных изменений численности у этого жаворонка здесь не замечено (Ковшарь, Чаликова, 1992). На северных склонах Алайского хребта (долина р. Сох) в 1968-1972 гг. на участках естественной степи, по данным 4 учётов, гнездилось в среднем 15.2 полевых жаворонков на 10 га, а на полях (люцерна, эспарцет,

зерновые), по данным 28 учётов, – от 15 до 20.6 особей/10 га (Д.Ю. Кашкаров, 1974). В засушливой типчаковой степи высокогорной Арпинской долины, выше 3000 м (Внутренний Тянь-Шань) полевой жаворонок – содоминант рогатому жаворонку и горному коньку (Кыдыралиев, 1972), а в Сусамырской долине (2700-3000 м) 14 и 15 июля 2003 г. мы встретили 16 полевых жаворонков из 25, отмеченных по всему маршруту от Бишкека до Чатыркуля (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Немногочисленным оказался полевой жаворонок в июне 2016 г. по маршруту от озера Сонкуль через перевал Кулак Ашуу и долину р. Атбаши в долину Нарына в месте слияния Чон Нарына и Кичи Нарына (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). О численности на пролёте (в основном подвида *A. a. dulcivox*) дают представление данные отловов на Чокпаке, где в осенние сезоны 1982-2016 гг. окольцевали 2 186 полевых жаворонков (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной появляется уже в феврале. В северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) первые встречи: 16 февраля 1962, 21 февраля 1939, 24 февраля 1963, 2 марта 1944 и 1948, 3 марта 1949 и 1964 гг. Судя по экземплярам коллекций, первыми прилетают представители местного подвида, а уже через несколько дней начинается пролёт северных *A. a. dulcivox* (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 21 февраля (1970) – 8 марта (1973), в среднем за 5 лет – 3 марта. До 20 марта пролетело 99% всех полевых жаворонков, завершается пролёт в разные годы 14-30 марта, в среднем 19 марта (Гаврилов, Гисцов, 1985). В Чуйскую долину в 1958 г. прилетели 17-19 февраля (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961). На стационаре Манас в 1977 г. первые появились 26 февраля, а с 7 по 25 марта шёл массовый пролёт стаями по 20-200 особей (Торопова, Шукуров, 1991). На Иссык-Куле первые стайки в 1956 г. появились 17 марта, в 1952 г. их добывали здесь 19 марта, а в 1957-1958 гг. – 24-26 марта; на Чатыркуле и в долине Атбаши в 1958 г. добыты 26 марта; в Алайской долине в 1959 г. первые полевые жаворонки появились только 13 апреля (Птицы Киргизии, 1960). Над городом Алматы пролёт полевых жаворонков проходил ежегодно с 1 марта 1954, 4 марта 1955, 12 марта 1961 и 1962 гг., а после внезапных снегопадов наблюдали большие скопления их: «В Алмате подобное явление наблюдалось в 1955 г., когда 11 и 12 апреля выпал снег глубиной около 20 см. В течение двух следующих дней на окраинах города встречалась масса жаворонков. Особенно много было их в юго-западной части города. Кормились они на огородах, пустырях и прямо на улицах семенами амарантуса и полыни. Однако корма было недостаточно, и многие птицы были на грани гибели. Спасло их начавшееся потепление и интенсивное таяние снега» (Бородихин, 1968, с. 40). В долине Копы в 1987 г. весенний пролёт был хорошо выражен до 31 марта (Ковшарь, Березовиков, 1999). На Сорбулак прилетают в первой декаде марта и сразу же начинают петь (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле первых пролётных наблюдали 4 марта 2011 и 9 марта 2004 гг. (Бевза, 2012). В долинах Текеса и Баянкола (Центральный Тянь-Шань) А.А. Винокуров (1960) с 11 по 16 марта 1956 гг. и с 12 по 19 марта 1957 г. встречал стаи по 15-20 особей. В окрестностях Джаркента в 1900 г. сильный пролёт на северо-восток шёл с 15 по 19 марта, а 22 марта он затих и прекратился окончательно в начале апреля (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенью у Джаркента «довольно обильный пролёт наблюдался 23 сентября 1918 г. Полевые жаворонки летели вместе с малыми» (Шестопёров, 1929, с. 170). В Карачингиле пролётных встречали 26 октября 2010, 29 октября 2005 и 10 ноября 2009 гг. (Бевза, 2012). На Сорбулаке хорошо выраженный пролёт наблюдали несколько раз в октябре: 3 октября 2010 г. и 21 октября 2007 г. учитывали более 10 особей в день: на зимовке, с ноября по февраль они встречаются здесь единицами (Белялов, Карпов, 2013). В Чуйской долине осенняя миграция менее заметна, чем весенняя, на стационаре Токмак пролётные стаи по 5-70 жаворонков встречали до 20 октября (Торопова, Шукуров, 1991). Небольшое количество полевых жаворонков остаётся здесь на зиму (Умрихина, 1970). В долине Текеса отлетают с начала сентября до середины октября, последний добытый экземпляр – 26 октября 1954 г. (Винокуров, 1960). На Чокпаке массовый пролёт (хотя и слабее весеннего) идёт с первой по пятую 5-дневку октября, однако 30 октября 1968 г. они были здесь ещё многочисленны (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 29 августа (1996) по 30 октября (2011) в сети отловили 2 186 пролётных полевых жаворонков; срединная дата осеннего пролёта в эти годы – 17 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Как правильно подметил ещё в 1933-1935 гг. Л.М. Шульпин (1956), летят здесь жаворонки в основном вдоль наиболее пониженных частей долины Арыси, и даже в Новониколаевке (южнее середины долины) их пролёт уже явно слабее выражен. По моим наблюдениям 1959-1966 гг., здесь пролёт начинается в конце августа и в иные годы заканчивается в начале ноября, стаи жаворонков очень неплотные, вытянуты шеренгой:

летящая стая из 100 птиц может занимать всю ширину Чокпакских ворот (от Боролдайского хребта до Джабаглытау, около 7 км). Высота полёта около 20-30 м, но при встречном ветре иногда и ниже, тогда жаворонки разбиваются о провода ЛЭП. Интересно, что в стороне от линии самого интенсивного пролёта встречаются кочующие стаи – от 5-15 до нескольких сотен особей, нередко вместе с другими жаворонками; иногда в это время можно услышать их пение. Последние встречи: 3 ноября 1961 г. (Чокпакские ворота, большие стаи); 14-16 октября 1963 г. (субальпийская степь от Кызольгенколя, 2200 м, до Топшаксаза, 2700 м); 25 октября 1964 г. (Чуулдак. 1900 м). В.В. Шевченко (1948) приводит коллекционные экземпляры от 3 декабря 1938 г., однако в коллекциях их не оказалось и мне зимой этот жаворонок не встретился ни разу (Ковшарь, 1966). В глубинных районах Тянь-Шаня пролёт этих жаворонков не наблюдали, хотя особей сибирского подвида (*A. a. dulcivox*) добывали на северном берегу Иссык-Куля, в долине Кочкорки и на Сонкуле (Птицы Киргизии, 1960), а на Памире в 1936 г. пролёт шёл с 10 ноября по 17 декабря (Мекленбурцев, 1946). Зимуют в небольшом числе в разных местах Тянь-Шаня (рис. 256), а на берегах Чардаринского вдхр. 18-21 декабря 2003 г. они были обычны наряду со степными, хохлатыми и серыми жаворонками (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003).

Биология. Специальных публикаций по биологии этого вида в условиях Тянь-Шаня нет, но в статьях и сводках фаунистического характера накопилось много материала по его фенологии, размножению и питанию. Даже простое перечисление этих сведений (например, дат и содержимого обследованных гнёзд) заняло бы очень много времени, поэтому ограничусь лишь указанием основных литературных источников, где эти материалы опубликованы. Так, на юго-западе Иссык-Кульской котловины (долина Ала-Баш) в 1953 г. Л.С. Степанян (1959) нашёл 6 гнёзд со слабо насиженными кладками по 4-5 яиц. На северо-восточном побережье Исссык-Куля пустые гнёзда их находили с 9 апреля 1958 г., а 14 апреля в одном из них – 2 свежих яйца; здесь же кладки находили 22 апреля и 16 июня 1899 г., 12 мая 1956 г. (Зарудный, Кореев, 1905; Волчанецкий, 1954; Птицы Киргизии, 1960). На Сонкуле свежие кладки найдены 25 мая 1959 и 18 июня 1953 гг., а 12 июля 1957 г. – гнездо с тремя пуховичками; в Алайской долине свежие кладки – 14 июня 1959 г. на северном склоне Заалайского хребта и 26 июня 1954 г. – на южном склоне Алайского хребта (Птицы Киргизии, 1960). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1961-1965 гг. мы осмотрели 19 жилых гнёзд – 15 в апреле и 4 в мае; в горах – всего два, точные даты и содержимое приведены в публикациях (Ковшарь, 1964а, 1966). Здесь же, близ ст. Чокпак (1200 м), весной 1974 г. описано 22 гнезда (Губин, 2012). В Ферганской долине, на северных склонах Алайского хребта, цикл наблюдений над гнездованием полевого жаворонка провёл в 1968-1972 гг. Д.Ю. Кашкаров (1974, с. 116-119), сделавший вывод о наличии здесь двух репродуктивных циклов. Этот вывод справедлив для большинства мест Тянь-Шаня, кроме сыртов и Алайской долины – самых высокогорных районов. Отдельные сведения о гнёздах или встречах вылетевших птенцов имеются в публикациях по району Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929), Угамскому хребту в Западном Тянь-Шане (Корелов, 1956), Текесской долине в Центральном Тянь-Шане (Винокуров, 1961), долине Копы (Ковшарь, Березовиков, 1999), по хребту Каратау (Губин, Белялов, 2017).

248. Индийский жаворонок – *Alauda gulgula* Franklin, 1831

Oriental skylark (англ.), Kleine Feldlerche (нем.), petite alouette des champs (фр.),
кіші бозторғай (каз.), кичи талаа торгою (кирг.), кичик дала тўрғайи (узб.)

Синонимы: *A. inconspicua* Severtzov, 1873; *A. transcaspica* Ehmke, 1904. Малый полевой жаворонок.

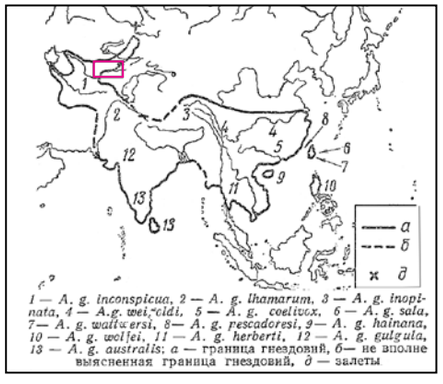
Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – *Alauda gulgula inconspicua* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимние встречи не известны.

Биотоп. В основном луга речных долин (Портенко, 1954). В полупустынной долине р. Копы, где мы имели возможность наблюдать за его гнездованием, он обитал по зарослям эбелека и полыни, злаков и белой мари вокруг животноводческих зимовок, а также по зелёным лужайкам с порослью белой полыни вдоль ручейков у самоизливающихся скважин; отдельные пары встречались на припойменных

террасах с пышным злаково-разнотравным покровом и по зарослям сарсазана и полыни (Ковшарь, Березовиков, 1995). На южной окраине Западного Тянь-Шаня типичные места его обитания: «окраины оазисов, долины рек, прибрежная полоса равнинных озёр и разливов, предгорные разнотравные биотопы, нагорные степи. В засушливых районах тяготеет к увлажнённым местообитаниям, в том числе к антропогенным биотопам, не проявляя склонности к синантропизации» (Д.Ю. Кашкаров, 1995, с. 31). В пойме р. Каркары (Центральный Тянь-Шань) поющих самцов встретили на сухом злаково-разнотравном лугу, на высоте 1946 м, а в верхнем течении Текеса – на сорном высокотравии среди брошенных полей и картофельных огородов (Березовиков, Левин, 2003).

Распространение. Этот южный жаворонок, долгое время считавшийся одним из 20 подвидов полевого жаворонка, с кратким обозначением ареала: «Распространён по лугам речных долин в Средней Азии от Ашхабада почти до Семиречья, к северу до среднего течения Сырдарьи, к югу до Таджикистана» (Портенко, 1954, с. 20-21), сам насчитывает в своём составе более 10 подвидов, и ареал его занимает Индию и Индокитай, заходя к северу в Среднюю Азию до Аральского моря, Балхаша и Алакольской котловины (рис. 257; Волчанецкий, 1954, карта 95). На этом рисунке отчётливо видно, что самый северный выступ ареала занимает предгорья Тарбагатая и достигает Зайсана (Хахлов, 1926, 1928). Однако в сводке «Птицы Казахстана» М.Н. Корелов (1970), ограничил ареал этого вида в Казахстане северными предгорьями Киргизского Алатау и окрестностями ж-д станции Чу на одноименной реке. Дальнейшие описания ареала следовали этому предписанию: «к востоку до долины Чу в районе станции Чу, северных предгорий Киргизского хребта, западных предгорий Западного Тянь-Шаня, Ферганской долины, западных предгорий Алайской системы» (Степанян, 1978, 1990, 2003, с. 391). В результате более поздние встречи индийского жаворонка восточнее р. Чу стали трактоваться как расширение ареала (Ковшарь, Березовиков, 1995; Березовиков, Левин, 2003). Детали распространения в нашем районе (рис. 258) следующие. На крайнем западе – юго-западе, помимо обитания в предгорьях, летом его встречали в верхней части долины Чирчика (Аксаката), на высоте 1300 м (Д.Ю. Кашкаров, 1995), но это единственная встреча в горах (Митропольский, 2005). Распространение в Западном Тянь-Шане очень детально описано в сводке «Птицы Казахстана», текст этот стоит привести дословно во избежание искажения: «В Каратау И.А. Долгушиным найден только у северо-западных подножий в солончаках у Ак-Сумбе, но здесь он был обычен. В южных предгорьях Боролдая это один из фоновых видов, многочислен между Бугунью и Чимкентом. Вероятно, южные предгорья Каратау в западном направлении населяет значительно дальше, очень возможно его нахождение вплоть до Туркестана, но материалов отсюда пока нет. Обыкновенен в предгорьях Каржантау вплоть до долины Чирчика. По долине Арыси они гнездятся в большом количестве у Манкента, но уже у Сас-тюбе редок и вскоре исчезает, в окрестностях Ванновки его уже нет. Затем он появляется у подножий Каратау с северной стороны. В Джувалинской долине, между Боролдаем и Каратау, его нет. Между северо-восточными предгорьями Каратау и Джамбулом, в окрестностях этого города и по Таласу, во всяком случае до Будённовки, а возможно и дальше, довольно обычен на мелкотравных участках выгонов, по прибрежным низкотравным лугам. Насколько далеко он проникает вниз по Таласу – не

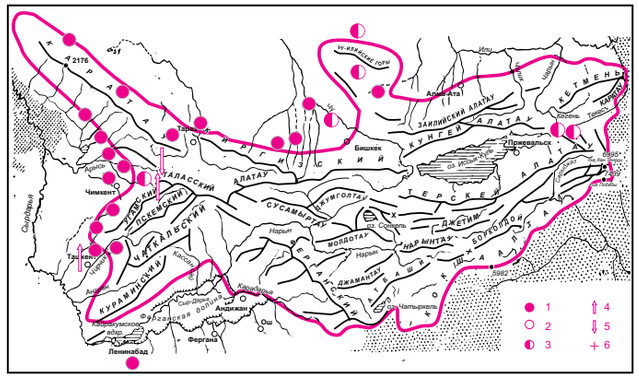

Рис. 257. Ареал индийского жаворонка и место расположения Тянь-Шаня (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 533, карта 95

Рис. 258. Распространение индийского жаворонка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

известно. Ещё восточнее он нами найден в самой нижней части северных предгорий Киргизского хр., между станциями Акыр-тюбе и Мерке. Здесь он немногочислен и распространён прерывисто. Самым северо-восточным местонахождением пока остаётся долина Чу, у ст. Чу» (Корелов, 1970, с. 208). Кроме последней фразы, все детали распространения соответствуют литературным данным того времени (Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966) и в целом – современному положению. Так, многолетние наблюдения в районе Чокпакского перевала и Аксу-Джабаглинского заповедника подтверждают отсутствие здесь на гнездовании индийского жаворонка. Только на лугах у озера Кызылколь (восточные предгорья Каратау) 15-17 мая 2000 г. встречены поющие самцы, а 29 мая 2001 г. взрослые кормили летающих птенцов (Коваленко и др., 2002). Восточнее долины Чу найден на гнездовании в долине р. Копа, где проведены наблюдения у 8 гнёзд (Ковшарь, Березовиков, 1995), а в Чу-Илийских горах 27 мая 2003 г. один встречен близ урочища Тамгалы (Скляренко, 2004: КОБ-2003). В июле 2002 г совершенно неожиданно поющие самцы встречены в долинах Каркары и Текеса в Центральном Тянь-Шане, на высоте 1946 м (Березовиков, Левин, 2003). Нигде больше в горах Тянь-Шаня индийского жаворонка не встречали – видимо, не случайно он отсутствует в сборах Н.А. Северцова, Т. Барея и Н. Доценко из северных окраин Алайского и Туркестанского хребтов. А.И. Иванов, просмотревший все коллекционные материалы из южной Ферганы, нашёл только три экземпляра, один из которых добыт недалеко от станции Мельниково, вблизи южной границы Тянь-Шаня, и приводит из хранящейся в ЗИН РАН неопубликованной рукописи Н.А. Зарудного «Птицы Туркестана» следующие строки: «Обыкновенен на гнездовье во многих местах Ферганской долины, между долготами станций Мельниково и Ванновской. Весьма часто по тугаям Сырдарьи (безлесным луговым участкам) около Мельниковой, на степи около этой последней, на берегах Марашуле и тех озёр, что к востоку от Багашамаль. Любит сырые лугоподобные местности и близость стоячих вод, хотя бы даже сильно солоноватых» (Иванов, 1969, с. 180). Видимо, с тех пор обстановка очень изменилась, так как работавший на юге Ферганы в 1968-1972 гг. Д.Ю. Кашкаров (1974), собравший интересные сведения о полевом, двупятнистом и тонкоклювом жаворонках, совершенно не упоминает об индийском.

Численность. Данных очень мало. На озере Бийликуль (предгорья Каратау) в 1926 г. он совсем не был встречен, как и полевой (Кашкаров, 1928), а в 1991-1992 гг. по сырым солончакам восточного берега озера индийский жаворонок был фоновым видом (Губин, Карпов, 1999). В долине Копы в 1987-1988 гг. гнездилось от одной до 5 пар/км^2. В пролётное время, 27-31 марта, они встречались в одиночку и группами по 2-8 особей – до 22-45 особей на 1 км маршрута (Ковшарь, Березовиков, 1995). Однако в 2002 г., растительность в этих местах сильно изменилась, и 15 мая при специальных поисках мы не встретили ни одного, а 19 мая только к концу часа поисков большой группой орнитологов удалось увидеть одного индийского жаворонка среди массы полевых (Ковшарь, 2003: КОБ-2002). В пойме р. Каркары 13 июля 2002 г. встречены 3 поющих самца на 1 км маршрута (злаково-разнотравный луг, сильно выбитое пастбище), а в верхнем течении Текеса на сорном высокотравии среди брошенных полей и картофельных огородов 15 июля отмечен один поющий (Березовиков, Левин, 2003). На Чокпаке в 1966-1981 гг. за весенний сезон отлавливали всего 2-8, в среднем – 4 индийских жаворонков, а осенью – ещё меньше; всего окольцевали 23 особи (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. за все весенние сезоны поймали 5 индийских жаворонков (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. На Чокпаке первых весной отлавливали 12 апреля 1975 – 29 апреля 1977, в среднем за 4 года – 20 апреля; в 1982-2016 гг. они ловились с 16 апреля 1982 г. по 23 мая 1983 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Из других мест имеются только визуальные наблюдения. На Келесе близ Ташкента, их наблюдали 20-26 апреля (Д.Ю. Кашкаров, 1995), в Каратау, близ с. Балыкчи, 22 апреля 1958 г. встречались уже парами (Корелов, 2012), а близ г. Джамбул (Тараз) встречены 10 апреля (Корелов, 1970). В долине Копы первых индийских жаворонков встретили уже 27 марта 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 1995). Достоверных сведений о послегнездовых перемещениях и сроках осеннего пролёта практически нет. Так, в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) он встречен только раз: «Во время наших поездок этот жаворонок был отмечен только однажды – 23 июля 1933 г. – в степи верховьев р. Ирсу. Птички держались парочкой в выжженной степи и были очень подвижны. Судя по их поведению, это были скорее бродячие экземпляры» (Шульпин, 1956, с. 173). Северо-восточнее, на Чокпаке, 13 сентября 1970 г. поймали двух самцов, а ещё восточнее – у с. Михайловка (около Тараза) 2 августа 1974 г. добыли молодую самку (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Биология. Не изучена. Единственная специальная публикация (Ковшарь, Березовиков, 1995) – по материалам, собранным в 1987 и 1988 гг. в долине Копы. В ней, по наблюдениям за 8 жилыми гнёздами в течение 60 часов описаны некоторые подробности гнездовой жизни этого вида. Основное внимание уделено описанию песни и других акустических сигналов, по которым его можно было бы отличить от полевого жаворонка; прослежены изменения вокальной активности в течение репродуктивного цикла, длительность отдельных этапов этого цикла и поведение членов пары, а также – расположение и устройство гнёзд, яйца, пуховые птенцы, сроки размножения (апрель – май). Из 8 бывших под наблюдением гнёзд погибли половина: одно брошено, одно растоптано овцами, два разорены хищниками. Из других мест сведений мало. У самки, добытой близ Ак-Сумбе (северо-западная оконечность Каратау) 24 мая 1941 г. в яйцеводе было готовое к сносу яйцо с окрашенной скорлупой (Долгушин, 1951). На озере Кызылколь 15-17 мая 2000 г. и 28-29 мая 2001 г. встречены выводки (Коваленко и др., 2002). Кладка из 4 яиц, взятая Г.В. Вердиным на Иссык-Куле (Торопова, 1999), вполне могла принадлежать и полевому жаворонку (никаких доказательств принадлежности её именно индийскому жаворонку в публикации не приводится). Нет биологических сведений по этому виду и в фаунистических сводках по птицам Казахстана, Узбекистана и других регионов Средней Азии (Иванов, 1969; Корелов, 1970; Д.Ю. Кашкаров, 1995). Цикл исследований биологии этого неизученного вида особенно интересно было бы провести в местах, где он гнездится рядом с близким видом – полевым жаворонком, биология которого известна намного лучше.

Семейство **Ласточковые** Hirundinidae

249. Береговушка – *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758)

sand martin (англ.), Uferschwalbe (нем.), hirondelle de rivage (фр.),
жар карлығаш (каз.), боз чабалекей (кирг.), қирғоқ қолдирғочи (узб.)

Синонимы: *R. europaea* Forster, 1817; *Hirundo cinerea* Vieillot, 1817; *Cotyle fluviatilis* Brehm, 1831; *Chelidon microrhynchos* Brehm, 1831; *H. litoralis* Gloger, 1933. Береговая ласточка. Стрижик (народное).

Подвид. Для юго-востока Казахстана недавно описана *R.r. dolguschini* Gavrilov et Savchenko, 1991, однако вскоре (Степанян, 2003, с. 363) это имя без каких бы то ни было обоснований было сведено в синонимы *R.r. riparia* Linnaeus, 1758. Впредь, до окончательного решения этого вопроса и для накопления биологических сведений, считаю более правильным называть гнездящихся на юго-востоке Казахстана береговушек именем *R.r. dolguschini,* в отличие от пролетающих здесь северных популяций *R.r. riparia.*

Характер пребывания. В Тянь-Шане – пролётная птица, в предгорьях и на подгорной равнине известны отдельные поселения, совместные с бледной береговушкой. Зимует в Африке и на юге Азии.

Биотоп. Открытые пространства с обрывами (чаще всего – береговыми), в которых эти ласточки роют норы. На пролёте в Тянь-Шане летит преимущественно предгорьями.

Распространение. До придания видового статуса подвиду *R.r. diluta* (Гаврилов, Савченко, 1991), который в поле практически не отличается от номинативного *R.r. riparia*[5], все литературные сведения по ним за более чем столетний период общие. Поэтому при описании распространения приходится исходить из того, что в горных и предгорных районах Тянь-Шаня и Памиро-Алая обитает в основном бледная береговушка, а более северная *Riparia riparia* здесь только пролетает (Шнитников, 1949; Мекленбурцев, 1954; Портенко, 1954; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Корелов, 1970; Д.Ю. Кашкаров, 1995), хотя в ряде мест (рис. 259) известны совместные поселения обоих видов. Так, на Сорбулаке гнездование в общих колониях *R. riparia* и *R. diluta* установлено впервые в 1979 г., что стало впоследствии одним из главных аргументов для выделения *R. diluta* в самостоятельный вид (Гаврилов, Савченко, 1991). Второе такое место известно в низинной части северных предгорий восточных отрогов Заилийского Алатау, у пос. Майлыбай

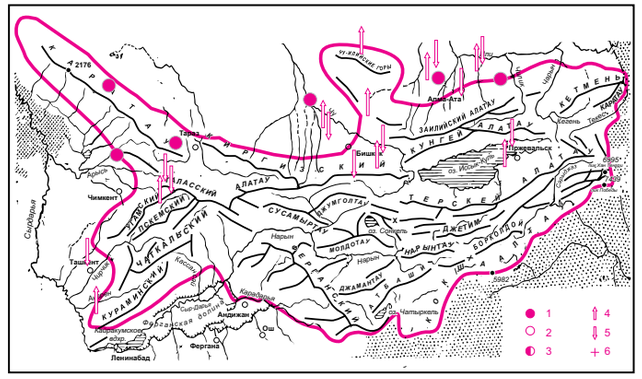

Рис. 259. Распространение береговушки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 4, 5 – пролёт весной и осенью

[5] «В природе эти формы неразличимы, поэтому сведения по ним объединены» (Иванов, 1969, с. 192)

(В. Ковшарь, 2015). На западе, в районе Каратау, поселение тёмных береговушек *Riparia riparia* указано для ущелья р. Боролдай с южной стороны одноименного хребта, гор Улькен Борултау и района озёр Акколь и Кызылколь (Губин, Белялов, 2017), где известны и отдельные встречи бледных береговушек. Теперь предстоит более тщательно проверять всё подобные указания с точным определением видовой принадлежности и доказательствами верности этого определения.

Численность. На гнездовании спорадична и малочисленна. На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. отловлено и окольцовано 1 359, в осенние сезоны – 5 402 *Riparia riparia* (А. Гаврилов и др., 2017). Там же, в северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), за час интенсивного пролёта 3 сентября 1960 г. я с одного места насчитал 250 береговушек, пролетевших на запад (Ковшарь, 1966).

Сроки. Даты. Пролетают в одни сроки с бледными береговушками, только начинается пролёт почти на месяц позже. Так, весной на Чокпаке их ловили с 6 апреля (1982) по 25 мая (2004), тогда как бледных – с 5 марта (2005) по 25 мая (2004); срединная дата весеннего пролёта – 6 мая (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью летят с середины августа до середины октября. На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 19-31 августа, в среднем за 12 лет – 25 августа, массовый шёл в сентябре; исключительно сильный пролёт наблюдали 13 сентября 1973 г. и 21 сентября 1970 г., когда береговушки широким фронтом и непрерывным потоком летели по нескольку часов подряд; всего в эти годы окольцовано почти 36 тысяч береговушек обоих видов (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 18 августа (1986) по 13 октября (1984), срединная дата осеннего пролёта – 13 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Данные визуальных наблюдений несколько шире по срокам, однако они могут относиться к обоим видам. Об этом достаточно ясно сказано в работе по птицам южного макросклона Западного Тянь-Шаня: «Обыкновенная и южная береговушки многочисленны в период сезонных миграций. Весной придерживаются преимущественно предгорного и адырного поясов, но на осенних миграциях могут быть встречены и в высокогорьях. В регионе имеются только визуальные наблюдения береговушек, причём в ряде случаев мы констатировали наличие обоих недавно выделенных самостоятельных видов. Однако дать более детальную характеристику каждого вида сейчас не представляется возможным» (Митропольский, 2005). То же можно сказать о пролёте береговушек с конца июля до середины августа 1971-1973 гг. в арчовых лесах заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау, 1800-1900 м), где они составили 37% из 16 900 ласточек четырёх видов, пролетевших на запад (Губин, 1976); о массовом пролёте в Токмаке (Чуйская долина), где 13 сентября 1974 г. пролетело 19 тысяч ласточек нескольких видов (Торопова, 1978); а также об интенсивном пролёте в южных предгорьях Кураминского хребта близ Пунгана 19-22 сентября 1972 г. (Лановенко, 1995). Южнее, в Гиссарской долине, 25 сентября (год не указан) «тысячные стаи береговушек непрерывно тянули на восток; уже через два дня ласточки исчезли полностью» (Иванов, 1969, с. 193). О наличии пролёта в высокогорье свидетельствуют встречи береговушек на Памире 4 мая 1937 г. (Мекленбурцев, 1946). Под Ташкентом 4 октября 1972 г. береговушек было ещё много, у Чиназа последних видели 9 октября 1986 г., а в Ферганской долине с 5 сентября по 9 октября 1969 г. они летели тысячными стаями (Лановенко, 1995).

Биология. Никаких достоверных данных из нашего района не имеется.

250. Бледная береговушка – *Riparia diluta* (Sharpe et Wyatt, 1893)

pale sand martin (англ.), Blaßuferschwalbe (нем.), hirondelle de rivage pâle (фр.), сұр қарлығаш (каз.),

Синонимы: *Cotile fohkienensis* La Touche, 1908; *Riparia riparia plumipes* Zarudny, 1916; *R.r. indica* Ticehurst, 1916**;** *R.r. tibetana* Stegmann, 1925. Бледная ласточка (Степанян, 2003).

Подвиды. Гнездится *R. d. diluta* Sharpe et Wyatt, 1893, пролетает *R. d. taczanowskii* Stegmann, 1925.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Пакистане и Индии.

Биотоп. Открытые пространства с наличием обрывов, удобных для устройства нор. Поднимается довольно высоко в горы, в Тянь-Шане колонии находили на 2820 м, самих птиц встречали на 3000 м.

Распространение. «Ареал выяснен недостаточно. Предположительно от северо-западного Ирана и нижней Амударьи к востоку до Приморья. К северу до 60-й параллели, к югу до Афганистана, северной Индии и южного Китая» (Степанян, 2003, с. 364). В Тянь-Шане (рис. 260) бледная береговушка гнездится не

только в предгорьях, но и глубоко в горах. В Центральном Тянь-Шане она селится в южных предгорьях Кетменя, по долинам рек Чулкудысу, Кегень, Каркара, Текес и Баянкол до высоты 1900-2000 м (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Стогов, 2009: КОБ-2008). На Иссык-Куле гнездится по юго-восточному, южному побережью и в предгорьях Терской Алатау, поднимаясь в межгорные долины типа Алабашской; в Тюпском заливе и в долине Джергалана (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, Султанбаева, 1977), а на западном берегу, около Рыбачьего, 31 июля 2003 г. мы наблюдали более 200 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В Кочкорской долине гнездится от Орто-Токойского вдхр. и излучины реки Чу близ Иссык-Куля до перевала Кызарт на высоте 2630 м (Птицы Киргизии, 1960; мои наблюдения 5 августа 2006 г.). Гнездится по долине Нарына, на реке Атбаши и даже в высокогорной Арпинской долине, около 3000 м (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Гнездится в самых верховьях р. Сусамыр, где колонию их обнаружили мы в июле 2004 г. на спуске с перевала Алабель, на высоте 2820 м (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005); в июне 2017 г. колонии их найдены в средней части Сусамырской долины, по западному Караколу и на спуске с перевала Кызарт в долину Кокомерена (Архипов, Коблик и др., 2018). В списке птиц Сарычелекского заповедника значится как залётная птица (Воробьёв, Чичикин, 1966), но не исключено, что встречается здесь на пролёте. В Алайской долине колонии её находили близ Дарауткургана, на высоте 2800 м (Птицы Киргизии, 1960). В Западном Тянь-Шане в горах не найдена, гнездование отмечено лишь около Чиназа на правом берегу Сырдарьи (Лановенко, 1995). На севере Западного Тянь-Шаня гнездится кое-где в Каратау: в долине Боролдая, в северных предгорьях юго-восточной оконечности хребта и, возможно, в районе озера Кызылколь (Губин, Белялов, 2017). Восточнее гнездится в долине Чу, в Чу-Илийских горах и долине Копы, на Сорбулаке, а также местами по предгорьям восточной части Заилийского Алатау – вплоть до низовьев Чарына (Корелов, 1948; Бородихин, 1970; Умрихина, 1970; Ковшарь, Березовиков, 1999; Березовиков и др., 1999). В районе Джаркента колонию этих ласточек осмотрел в июне 1913 г. Е.Л. Шестопёров (1929).

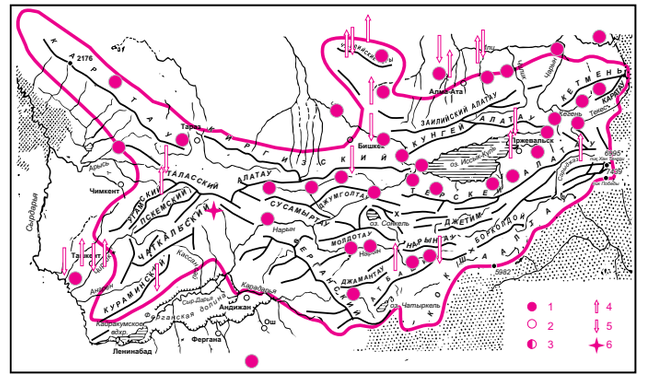

Рис. 260. Распространение бледной береговушки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 4, 5– пролёт, 6 – залёт

Численность. Обычная птица, поселяется колониями. В горах Тянь-Шаня колонии невелики – до 50 пар. На открытых склонах перевала Санташ (2000 м) из Каркары в Иссык-Кульскую котловину летом учитывали от 6 до 8 особей/км^2 (Второв, 1972). На пролёте местами многочисленна. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной отлавливали до 985, а осенью – до 6 835 за сезон; всего окольцевали весной 4 367, осенью 35 997 береговушек обоих видов (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. только бледных береговушек окольцевали 5 615 весной и 18 428 осенью (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной на Чокпаке *Riparia diluta* явно преобладают над северными береговушками и начинают пролёт на 1-3 недели раньше: первых отлавливали с 5 марта 2005 г. (самые ранние *R. riparia* – 6 апреля 1982), хотя окончание отловов для обоих видов – 24 мая 2004 г., а срединные даты пролёта также совпадают – 6 и 8 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине в 60-х гг. прилёт отмечен в первой декаде апреля (Умрихина, 1970), в 70-х гг. – 12 апреля 1977 г. (стационар Манас) и 14 апреля 1974 г. (Токмак); массовый пролёт шёл с конца апреля до середины мая, последние стайки отмечены 19 мая 1973, 20 мая 1972 и 1977 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы слабый пролёт начался 14 апреля 1987 г. и 16 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В северных предгорьях Чу-Илийских гор, где бледные береговушки местами гнездятся по обрывам, 22 апреля 1998 г. в каньоне Копалысай наблюдали пролёт на восток стайками по 2-10, иногда до 40-60 особей (Березовиков и др., 1999). На Сорбулаке самые ранние встречи – 11 апреля 2002 г. и 13 апреля 2006 г. (Белялов, Карпов, 2013); в Карачингиле (устье Тургени) – 31 марта 2006, 1 апреля 2004, 4 апреля 2011 и 7 апреля 2005 гг. (Бевза,

2012). В низовьях Баянкола (Центральный Тянь-Шань) первые отмечены 7 апреля 1956 г. (Винокуров, 1960). Для окрестностей Джаркента прилёт указан 15 апреля 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). Летят до середины мая: в Джаланаше В.Н. Шнитников (1949) наблюдал «большое количество пролётных или по крайней мере только что прилетевших местных ласточек» ещё 15 мая 1909 г., а по долинам Кегени и Каркары хорошо выраженный пролёт стайками по 10-15 особей шёл 16-17 мая 1997 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов. 2004).

Осенний пролёт длится с августа по октябрь. В Карачингиле самое раннее начало пролёта – 11 августа 2004 г., с этого времени береговушки встречаются здесь стаями от десятков до сотен особей (Бевза, 2012). На Сорбулаке большие скопления обоих видов – от 500 до 1000 особей – наблюдали в августе, когда к вылетевшему молодняку присоединяются пролётные птицы (Белялов. Карпов, 2013). В Чу-Илийских горах пролёт наблюдали 20-21 августа 1998 г. (Березовиков и др., 1999). В Тюпском заливе (восток Иссык-Кульской котловины) в 1974 г. осенний пролёт ласточек шёл с августа по октябрь, причём все виды, включая касаток и воронков, летели в основном на восток (!), тогда как весной направление пролёта было обратное – на запад (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). Осенью (3 сентября 1959, 4 и 17 сентября 1961 гг.) отмечен пролёт береговушек над городом Алма-Ата (Бородихин, 1968). В Чуйской долине осенний пролёт более интенсиный и более растянутый, чем весенний. Первые стайки в Токмаке отмечены уже 15 июля 1973 и 21 июля 1974 гг. Летят весь август и сентябрь, максимум – на стыке этих месяцев. Так, 1 сентября 1974 г. учтено 2 850 особей, пролетевших за 2 часа в полосе шириной 500 м; последние встречи – 2 октября 1974 г. и 20 октября 1975 г. (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт в разные годы начинался 19-31 августа (в среднем за 12 лет – 25 августа), массовый пролёт – в сентябре, последние встречи 2-28 октября, в среднем за 16 лет – 12 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 18 августа (1986) по 13 октября (1984) отловили и окольцевали 18 428 бледных береговушек (А. Гаврилов и др., 2017). Наблюдения в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), проведенные в 1971-1973 гг. в арчевых редколесьях (1800 м), показали, что в отличие от весны, когда ласточки на пролёте здесь очень редки, осенью береговушки составили 69.8% от всех пролетевших этим поясом ласточек; пролёт их начинался с конца июля – начала августа и заканчивался к середине сентября (Губин, 1976). Относительно осеннего пролёта в высокогорье интересная информация имеется в сводке о птицах Семиречья: «Особняком стоит наблюдение Северцова, который в 1867 г. встретил несколько стрижиков[6] у перевала Тас-Асу (из сел. Атбаши на Аксай) на высоте 3000 м ещё 24/X» (Шнитников, 1949, с. 590). Более поздняя встреча – 28 октября – отмечена только на Чокпаке.

Биология. Данных из нашего района почти нет, в частности, совсем нет сведений по Тянь-Шаню в сводке «Птицы Казахстана» (Бородихин, 1970). Немногим больше инофрмации по территории Киргизии: «Наиболее ранняя кладка из пяти насиженных яиц найдена была около Орто-Токоя 5 июня 1953 г. Более детально сроки размножения мы проследили в 1958 г. в одной из колоний около Улахола (южный берег Иссык-Куля). В колонии обитало более 50 пар береговых ласточек. Размножение проходило следующим образом: 4 июня гнёзда были уже готовы, с подстилкой из сухой и зелёной травы и перьев, но без яиц; 10 июня почти во всех гнёздах были яйца, в двух раскопанных норах находилось по пять слегка насиженных яиц; на дне карьера валялось около десятка потерянных яиц; 6 июля в некоторых гнёздах появились слётки, в других – уже большие разновозрастные птенцы, вес их из одного гнезда колебался от 9.8 до 14.3 г» (Птицы Киргизии, 1960, с. 263). В колонии, помещавшейся в придорожном обрыве на спуске из перевала Алабель в Сусамырскую долину (2820 м), 1 августа 2004 г. мы насчитали более 50 гнёзд, из котрых около 30 были жилыми – ласточки часто залетали в них, видимо, с кормом для птенцов; светлая окраска оперения позволяла считать их *Riparia diluta* (Ковшарь, Ланге Торопова, 2005). В колонии, размещавшейся в лёссовом обрыве у села Кочкор, у трёх отловленных 29 июня 2017 г. самок были наседные пятна на ранней стадии развития (Архипов, Коблик и др., 2018). На обрыве юго-западного берега Сорбулака в смешанной колонии из 100 пар, 8 июня 2003 г. гнездилось почти одинаковое количество представителей обоих видов – береговушек и бледных береговушек, тогда как 8 июня 2005 г. здесь встречены только 50 пар темноокрашенных *Riparia riparia* (Белялов, Карпов, 2013). Более подробные сведения по биологии бледной береговушки равнинных популяций на территории Узбекистана приводит Е.Н. Лановенко (1995).

[6] Народное название береговушки, принятое во многих местах России и Украины – *АК*

251. Деревенская ласточка – *Hirundo rustica* Linnaeus, 1758

swallow (англ.), Rauchschwalbe (нем.), hirondelle rustique (фр.),
қосрең қарлығаш (каз.), чабалекей, чавалакей, чабьеке (кирг.), қишлоқ қалдирғочи (узб.)

Синонимы: *H. gutturalis* Scopoli, 1786; *H. domestica* Frenzel, 1801; *H. domestica* Pallas, 1811; *Chelidon procne* Forster, 1817; *Cecropis pagorum* Brehm, 1831; *C. aedium* Brehm, 1841; *C. stabulorum* Brehm, 1855; *C. rustica rufescens* Brehm, 1860; *H. tytleri* Jerdon, 1864. Касатка. Ласточка-касатка.

Подвид. В Тянь-Шане гнездится и пролетает номинативный подвид *H. r. rustica* Linnaeus, 1758. Есть старое указание на залёт в Джаркент (4 апреля 1900 г.) и в Пржевальск (4 мая) уссурийского подвида *H.r. gutturalis* Scopoli, 1786 (Зарудный, Кореев, 1905, с. 80), позднее никем не подтверждённое.

Замечания к подвидам. На пролёте в Западном Тянь-Шане (Чокпак) отлавливали особей, по окраске очень похожих на *H.r. tytleri* Jerdon, 1864 и *H. r. gutturalis* Scopoli, 1786, а также на их помесь; область их гибридизации занимает широкую полосу на востоке (Гаврилов, 1993). В следующей работе этого автора идёт речь лишь о теоретической возможности встречи обоих этих подвидов (Гаврилов, 1999). Совсем недавно В.Ю. Ильяшенко (2012) предпринял попытку восстановить подвид *H.r. loudoni* Zarudny, 1923. Однако мне кажется справедливым следующее суждение, высказанное в сводной работе о гнездящихся птицах хребта Каратау: «В настоящее время здесь встречаются птицы номинативной формы, появившиеся только в конце XIX в. с приходом сюда переселенцев. Видимо, обитавшая здесь аборигенная форма *H.r. sawitzkii*, имеющая явную рыжину на груди, постепенно растворилась в массе птиц появившейся здесь новой расы, что произошло и с другой местной расой *H.r. loudoni* (Ильяшенко, 2012). Но, видимо, присутствие генов всё ещё отмечается среди местных птиц, и они бывают достаточно рыжегрудыми, и, возможно, именно такие особи определяются как *H.r. gutturalis* (Гаврилов, Гисцов, 1985)» (Губин, Белялов, 2017, с. 102). Здесь ещё есть над чем поработать систематику.

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится и пролетает. Зимует в Африке и Южной Азии.

Биотоп. Открытые пространства с поселениями человека, в большинстве случаев она – синантроп; в горах также безлесные открытые склоны и долины со скалами до высоты 2000-2500 м над уровнем моря. Все случаи гнездования выше 2500 м продолжались, как правило, не более одного – двух сезонов. Так, на Большом Алматинском озере (2500 м) за 10 лет стационарных работ безуспешные попытки гнездования касаток мы наблюдали только дважды: 8 июня 1974 и 3 июня 1975 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983).

Распространение. В Тянь-Шане деревенская ласточка распространена почти везде (рис. 261), где в той или иной степени ощущается присутствие человека: гнёзда их находили даже на чердаках так называемых «культцентров» на сыртах и в высокогорных долинах, например, Аксайской (Злотин, 1968). А после вывода птенцов, со второй половины лета, деревенские ласточки встречаются на всех высотах, где в августе и сентябре идёт их пролёт.

Численность. На гнездовании – обычная птица подгорной полосы и предгорий, где в местах развитого животноводства и в населённых пунктах сельского типа поселяется чем-то вроде колоний. Так, в Чуйской долине в одной свиноферме было одновременно 39, а в здании гидроэлектростанции – 47 жилых гнёзд (Умрихина, 1970). Там же в 1971-1975 гг. на ферме у с. Тюлёк 26 июня насчитали 96 гнёзд (39 – с яйцами и 57 – с птенцами), а 2 августа в той же колонии – 70 гнёзд с птенцами (Умрихина и др., 1980). Для северо-восточной части нашего районе имеются сведения о снижении численности. Так, в долинах Текеса и Баянкола в 1955-1957 гг. А.А. Винокуров (1960) нашёл её гнездящейся во всех посёлках и кошарах вплоть до середины пояса ельников; в 1996-1997 гг. она была

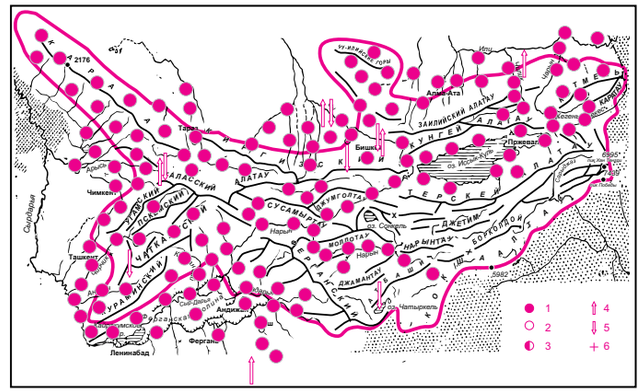

Рис. 261. Распространение деревенской ласточки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 4, 5 – пролёт

здесь исключительно редка, а в некоторых местах совсем отсутствовала (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004); снижение произошло в 1994-1995 гг., по словам местных жителей, после ядерных взрывов, произведенных на полигоне Лоб-Нор в Синьцзяне. Низкая численность ласточек держалась здесь по крайней мере до 2004 г., когда в июле 2002 г. на 740 км маршрута учтено всего 39 особей в 12 пунктах, а с 4 по 6 августа 2004 г. на том же маршруте – 45 ласточек (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На северном склоне Киргизского Алатау в эти годы резко упала численность касатки в буферной зоне Ала-Арчинского национального парка (Шукуров, Кормилицын, 2005).

В те же годы во внутренних и южных районах Тянь-Шаня, по данным наших учётов с автомобиля, численность деревенских ласточек была достаточно высокой. Так, 27 июля 1999 г. по Памирскому тракту от г. Гульчи до с. Мады в 13 скоплениях молодняка на проводах мы насчитали 220 особей, а 20 июля только у сёл Мады и Бешбулак – более 120; почти столь же многочисленной была она в долине Майлису и везде в посёлках – до самого Токтогульского вдхр. (Ковшарь, Торопова, 2000). В июле 2000 г. более или менее обычной эта ласточка была на северном побережье Иссык-Куля, где в районе сёл Кичи и Орто Урюкты мы встретили около 20 особей; но на высокогорном отрезке маршрута (озеро Чатыркуль, Аксай, Сарыджаз, Инылычек) не встречена ни разу. В июле 2003 г. на участке Ташкумыр – Узген отмечено 70% от 439, встреченных на всём маршруте; немногочисленной была она в районе Казармана, Алабуги, а также в горной части долин рек Яссы и Тар на южном склоне Ферганского хребта. В 2004 г. 16 июля на маршруте Токтогул – Ош учтено 283 касатки, а на обратном пути 30 июля менее чем на половине этого маршрута (Кызылкия – Узген) – 1421, причём большинство их (1333) встречено между городами Ош и Узген (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В южных предгорьях Чаткальского хребта, в сёлах Касансай, Алабука, Караван 24-27 июля 2006 г. мы насчитали около 200 деревенских ласточек, обычными они были в конце июля и в Чаткальской долине (до Янгибазара), а также на большей части Таласской долины.

Заметные изменения численности гнездящихся деревенских ласточек известны для крупных городов, расположеных в предгорьях Тянь-Шаня. Так, в первые два десятилетия XX ст. они были обычны в Ташкенте и даже в 1928-1929 г. преобладали над рыжепоясничными *H. daurica*; однако к 80-м гг. соотношение стало обратным, что объясняют заменой одноэтажных глиняных построек многоэтажными из жжённого кирпича и бетонных блоков (Мекленбурцев, 1982). В Алматы (Верном) они были обычны до 60-х гг., а во время миграций через город пролетали громадными стаями – по нескольку сотен и даже тысяч особей (Бородихин, 1968). К концу XX ст. ласточки постепенно исчезли – сначала из центра города, затем – из района многоэтажной застройки, но на одноэтажных окраинах (например, в районе аэропорта или в восточной части города) они гнездятся и сейчас. В Бишкеке (Фрунзе) была многочисленной на гнездовании до 60-х гг. (Птицы Киргизии, 1960), но в 70-80-х гг. по мере сноса старых одноэтажных зданий их осталось очень мало (Торопова, Командиров, 1995). Численность мигрирующих за последние 50 лет не снизилась: на Чокпакском орнитологическом стационаре в 1966-1981 гг. отловлено и окольцовано 17 787 касаток весной и 67 113 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 49 904 и 47 109 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной деревенские ласточки повляются в апреле. У южной границы Тянь-Шаня, в Алайской долине их отметили уже 8 апреля 1959 г., в долине Атбаши – 8 апреля 1956 г. (Птицы Киргизии, 1960), в Дальверзине (южные предгорья Кураминского хребта) хороший пролёт Г.П. Третьяков наблюдал 7-8 апреля, а под Ташкентом в разные годы они появлялись между 22 марта и 9 апреля (Лановенко, 1995). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) появляется в первой половине апреля, а в иные годы – даже в конце марта (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 29 марта (1972) – 19 апреля (1977), а основной пролёт шёл с 16 апреля до 16 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – с 1 апреля (1983) до 27 мая (1992, 1993, 2004), срединная дата весеннего пролёта – 7 мая (А.Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине в 1956 и 1957 гг. касатки появились 8-10 апреля, 14 апреля их было уже много (Птицы Киргизии, 1960), в 70-х гг. в Токмаке первых отмечали 8 апреля 1973 и 10 апреля 1974 гг., в Манасе – 9 апреля 1977 и 11 апреля 1976 гг.; массовый пролёт шёл с 20 апреля по 15 мая (Торопова, Шукуров, 1991). В Алма-Ате самый ранний прилёт – 17 апреля (Бородихин, 1968), но в 2007 г. в нижней части города они появились уже 10 апреля, а 16 апреля здесь шёл массовый пролёт (В. Ковшарь, 2008: КОБ-2007). В долине Копы в 1987 и 1988 гг. первые появились 11 апреля, а массовый пролёт в восточном направлении шёл с 18 апреля по 14 мая

(Ковшарь, Березовиков, 1999). В Чу-Илийских горах и Жусандале пролёт шёл 17 апреля – 25 мая 1996, 19 апреля 1997 и 20 апреля 1998 гг.; в последний день был обильный снегопад, и одна ласточка залетела в салон автомашины и провела в нём ночь и половину следующего дня (Березовиков и др., 1999). В Карачингиле (устье Тургени) за 8 лет наблюдений касатки появлялись между 7 и 15 апреля, а в 2010 г. – даже 17 марта (Бевза, 2012). В верхней части долины Текеса (Центральный Тянь-Шань) в пос. Нарынкол ласточки прилетели 19 апреля 1952 г. и 25 апреля 1951 г. (Бибиков, 2009), 26 апреля 1956 г. и 4 мая 1957 г., а на озере Тузколь одна добыта 28 апреля 1940 г. (Винокуров, 1960). В Джаркенте первые три ласточки встречены 17 апреля 1918 г. (Шестопёров, 1929). Пролёт по долине Или идёт ещё в середине мая: 18 мая 2008 г. за два часа утром в глинистой подгорной пустыне у северных подножий гор Богуты я насчитал более 20 касаток, низко над землёй пролетевших на восток (Ковшарь, 2009: КОБ-2008).

Осенний пролёт идёт с августа по октябрь. Так, в Джаркенте в 1918 г. касатки летели с 17 августа по 1 сентября, после чего до 27 сенября и 11 октября наблюдались лишь отдельные стайки (Шестопёров, 1929). В Карачингиле в сентябре касатки собираются в сотенные и тысячные стаи; на ночёвку устраиваются в полузатопленных зарослях тростника; последних в 2003-2010 гг. видели 2-12 октября; самая поздняя встреча здесь – 15 ноября 2016 г., когда одна ласточка пролетела на юго-запад (Бевза, 2012, 2017). В городе Алматы в 50-х гг. с конца августа по середину октября можно было видеть громадные стаи пролётных ласточек – до нескольких тысяч вместе, самая последняя встреча – 24 октября 1960 г. (Бородихин, 1968), но через 50 лет над верхней частью города эти пролётные стаи перестали встречаться (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В Чуйской долине самый ранний пролёт отмечен 31 июля 1974 г., в этот день в 7 час утра на запад пролетело около 300 касаток. За 2 часа ежедневных учётов пролетающих птиц на стационаре Токмак насчитывали от 2150 (20 августа 1971) до 10375 (15 сентября 1974) касаток; последних отмечали: 15 октября 1974, 16 октября 1977, 17 октября 1973 и 25 октября 1975 гг., в последнюю дату – уже под снегопадом (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 7-31 августа, в среднем за 12 лет – 22 августа; массовый наблюдался 11сентября – 10 октября. Особенно интенсивно летели ласточки 1 октября 1967 г., когда с 13 до 17 час беспрерывным потоком и широким фронтом через перевал пролетело порядка 300-400 тысяч деревенских ласточек; конец пролёта 16 – 30 октября, в среднем за 16 лет – 25 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт проходил с 17 августа (1986) по 27 октября (1983), срединная дата осеннего пролёта – 25 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) начало предотлётных кочёвок ласточек в субальпийском поясе выше 2400 м отмечали: А.П. Коровин 21 июля 1926 г., Р.Н. Мекленбурцев 13 июля 1933 г., В.В. Шевченко 19 июля 1948 г., а на перевале Кши-Каинды (3000 м) – 22 июля 1962 г. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). В течение всего августа и первой половины сентября 1959-1964 гг. деревенские ласточки в огромном количестве каждое утро появлялись здесь на кормёжке над освещёнными склонами, следуя за границей отступающей тени, а к вечеру улетали; в нижних поясах гор в этот период они были малочисленны; настоящий пролёт в горах начинался с первых чисел сентября и наибольшей силы достигал во второй половине этого месяца. Особенно грандиозный пролёт довелось наблюдать мне 29-30 сентября 1964 г., когда в течение двух дней почти непрерывно через Новониколаевку и окрестную степь летели на запад ласточки (Ковшарь, 1966). Самая поздняя встреча деревенской ласточки в высокогорье – одиночка 30 октября 1975 г. в окрестностях Большого Алматинского озера (2500 м) в Заилийском Алатау (Ковшарь, Лопатин, 1983). Пролетают они осенью и через озеро Чатыркуль (3530 м), а южнее известен весенний и осенний пролёт деревенских ласточек через Памир: «по наблюдениям Рыпла, во время снегопада и заморозков в начале мая 1943 г. на оз. Искандеркуль стайки деревенских ласточек по 10-20 особей охотно залетали на ночёвку в помещение метеорологической станции через специально открытые для этого двери. Аналогичное явление описывает Северцов: в конце сентября 1878 г. одиночная ласточка залетела в юрту В.Ф. Ошанина в ущелье Алтындара в Заалайском хребте; после этого ласточка следовала за караваном до перевала Талдык, залетая на ночь в юрту; по пути к первой ласточке присоединились ещё три» (Иванов, 1969, с. 195-196). Здесь же сказано, что на Памире Н.А. Северцов наблюдал пролёт небольших стаек деревенских ласточек с начала сентября до начала октября, при этом застигнутые ненастьем ласточки спускались с Памира в Ферганскую долину. Самая поздняя дата наблюдения – 16 ноября 1941 г.:в хмурую ненастную погоду после снегопада стайку деревенских ласточек близ Душанбе встретил А.И. Иванов (1969, с. 196).

Биология. В литературе накопилось довольно много данных по размножению деревенской ласточки в области предгорий Тянь-Шаня (Шнитников, 1949; Корелов, 1956 а, б; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1970; Умрихина, 1970; Умрихина и др., 1980; Березовиков и др., 1999; Ковшарь, Берзовиков, 1999; Губин, 2012 и т.д.), однако систематизацией и анализом этого материала никто не занимался, ограничиваясь вполне корректными выводами о наличии двух репродуктивных циклов. Между тем представляют интерес такие вопросы, как способы устройства и прикрепления гнёзд, в том числе «висячих» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 81; Ковшарь, 1966, с. 335); истинная роль конского волоса в выстилке гнезда и утверждения некоторых авторов о привязывании ласточками этим волосом птенцов к гнезду (Умрихина, 1970), потенциальная и реальная плодовитость и многие другие. Интересен факт выведения в Чуйской долине в гнезде этой ласточки кукушонка (Умрихина, 1970).

252. Рыжепоясничная ласточка – *Cecropis daurica* (Laxmann, 1769)

red-rumped [Daurian] swallow (англ.), Rötelschwalbe (нем.), hirondelle rousseline (фр.), секпілтес қарлығаш (каз.), сары бел чабалекей (кирг.), туя қалдирғоч (узб.)

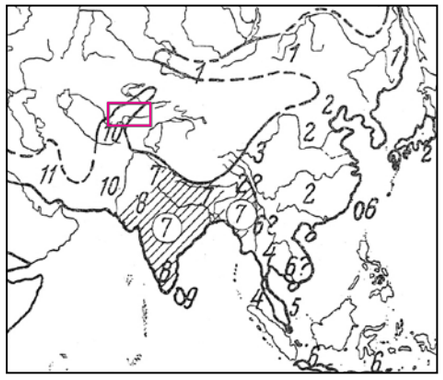
Синонимы: *Hirundo alpestris* Pallas, 1773; *H. rufula* Temminck, 1835; *Lillia temminckii* Hume, 1877; *L. intermedia* Hume, 1877; *H. scullii* Seebohm, 1883; *C. rufula ferghanensis* Buturlin, 1912. Каменная ласточка (Иванов, 1969, с. 197). Даурская ласточка (Митропольский, 2005).

Подвид. Из 11-15 описанных подвидов в нашем районе гнездится *C. daurica rufula* Temminck, 1835. На пролёте может быть встречена *Cecropis daurica daurica* Laxmann, 1769.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Индии (рис. 262).

Биотоп. Скалы в предгорьях и населённые пункты, включая города. Гнездится до 1800-2000 м.

Распространение. Ареал подвида *C. d. rufula* подробно описан в Конспекте орнитологической фауны России и сопредельных территорий: «От средней части хребта Каратау, хребта Боролдайтау, района Ташкента, западных отрогов хребтов Зеравшанского, Туркестанского, Байсунского и Кугитанга к востоку до Джунгарского Алатау, южнее к востоку до границы СССР. К северу до хребта Каратау, района Джамбула, до Чу-Илийских гор, на Или до Капчагая, в Джунгарском Алатау к северу до Тышкана» (Степанян, 2003, с. 369). Детали распространения в Тянь-Шане отражены на рис. 263. Как видно, основная область обитания этого вида – Западный Тянь-Шань в широком смысле, с включением его приферганских подгорных пространств и южных склонов Чаткальского, Кураминского и Ферганского хребтов. В Каратау рыжепоясничная ласточка населяет только юго-восточное его основание, к северу до верховьев Чаяна и Кашкараты (Долгушин, 1951; Бородихин, 1970; Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017); единственная точка на севере – территория Каратауского заповедника, где эту ласточку встретили в 2006 г. на кордоне Биресик (Исмаил уулу, 2007). Восточнее рыжепоясничная ласточка гнездится по предгорьям и местами в нижней части

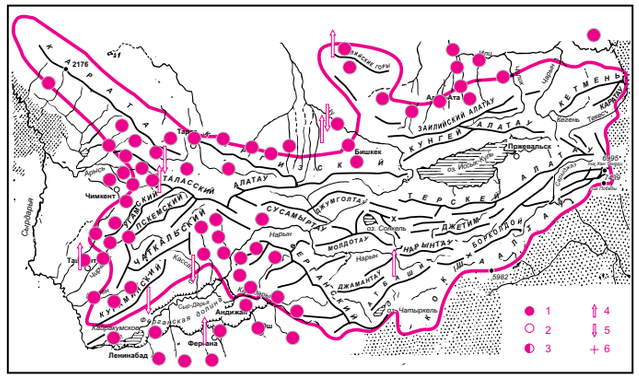

Рис. 262. Азиатская часть ареала рыжепоясничной ласточки и Тянь-Шань. По: Мекленбурцев, 1954, с. 703 (обрез.)
Рис. 263. Распространение рыжепоясничной ласточки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 4, 5 – пролёт весной и осенью

ущелий северного склона Киргизского Алатау практически на всём его протяжении, от Тараза до Ала-Арчи (Портенко, 1961; Корелов, 1961, 2008; Шукуров, Кормилицын, 2005). В Чуйской долине гнездится в Бишкеке (Шнитников, 1949; Торопова, Командиров, 1995) и в селениях ниже по течению реки. Известно гнездование в Чу-Илийских горах (Серектас, Анархай) и в селениях по северным предгорьям Заилийского Алатау вдоль трассы Алматы – Ташкент: «Гнездовые нахождения известны из разных мест Заилийсого Алатау и его предгорий (от Курдая до Чилика). Встречается по посёлкам между Алма-Атой и Илийском и в скалах Капчагая на Или» (Бородихин, 1970, с. 173). В самом городе Алматы (Верный), по мнению В.Н. Шнитникова (1949) появилась незадолго до 1907 г. и до 30-х гг. была малочисленной (Бородихин, 1968, 1970). Крайняя восточная точка гнездования – с. Чилик перед одноименной речкой (Корелов, 1948), хотя в районе Джаркента, на правом берегу Или, небольшую колонию рыжепоясничных ласточек находили в Тышкане ещё в 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). Во Внутреннем Тянь-Шане гнездование рыжепоясничной ласточки известно на южных склонах Ферганского хребта и по нижней части долины Нарына – от Токтогула вниз, где их в последние годы встречали неоднократно (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов и др., 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). На весеннем пролёте в апреле-мае 1983 г. встречена в долине Нарына гораздо выше (Кумушалиев, Шукуров, 1990), хотя в целом пролёт её довольно слабо выражен даже на Чокпаке.

Численность. Почти везде на порядок, а то и больше, ниже, чем у деревенской ласточки. Только в некоторых населённых пунктах Ферганской долины её можно было назвать многочисленной, например, в городе Узген, где 20 июля 1999 г. они явно преобладали над деревенской ласточкой; довольно обычны были рыжепоясничные ласточки и в южных предгорьях Чаткальского хребта – в сёлах Караван и Алабука в июле 1998 г. (Ковшарь, Торопова, 2000). Но уже 17-24 июля 2003 г. в долине Нарына мы отмечали их только отдельными парами в Ташкумыре, Узгене, Каракульдже; в июле 2004 г. – также отдельными парами и одиночками в населённых пунктах от перевала Кокбель (хребет Такталык) до сёл Сурх и Ворух на Исфаре, а в ущелье Исфайрамсай (северный склон Алайского хребта) 29 июля 2004 г. обнаружили её гнезда на скалах (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В 2015 г. эта ласточка встречена только 3 июля в Арсланбобе (Белялов и др., 2016), а в 2017 г. за двухнедельную поездку видели всего 24 птицы: пару 21 июня у Токтогула, около 14 птиц в ущелье Сары-Бель Ферганского хребта, две пары в городе Ташкумыр и 4 особи 22 июня по дороге от этого города до села Кара-Джигач (Архипов, Коблик и др., 2018). Немного выше их численность на пролёте. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. отловлено и окольцоывно весной 360, осенью 3 657 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. – весной 331, осенью 717 (А. Гаврилов и др., 2017). Только один раз, 25 августа 1987 г. в южных предгорьях Чаткальского хребта, между Касансаем и Исковатом, Г.П. Третьяков видел на проводах скопление из 200 рыжепоясничных ласточек (Лановенко, 1995). Достоверных сведений о направленном снижении или увеличении численности этого вида не имеется, хотя локальные изменения их числа известны для таких городов как Ташкент, Алматы, Бишкек (Мекленбурцев, 1982; Бородихин, 1968).

Сроки. Даты. Прилетает в апреле. В Маргилане (Ферганская долина) Е.Л. Шестопёров встретил первых 11 апреля, а под Ташкентом, по многолетним наблюдениям Н.А. Зарудного, они появляются между 13 и 22 апреля (Иванов, 1969). В южных предгорьях Западного Тянь-Шаня, в посёлках по Угаму и Пскему, 20 апреля 1954 г. их было уже много (Корелов, 1956). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) первых рыжепоясничных ласточек В.Д. Крестьянинов встречал 15 апреля 1945 и 1946 гг., 16 апреля 1949 г.; В.В. Шевченко – 23 апреля 1948 г.; Ф.Д. Шапошников – 21 апреля 1952 г. В 1965 г. я встретил первых 29 апреля, а в 1960 г., когда были неоднократные мартовские похолодания со снегопадами, – только 10 мая (касатки в этом году появились 3 мая). При похолоданиях, как и деревенские ласточки, рыжепоясничные целыми днями отсиживаются в гнёздах (Ковшарь, 1966). В Боролдае в 1958 г. они повились 22 апреля (Бородихин, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт этих ласточек начинался 8-29 апреля, в среднем 20 апреля, заканчивался 14-26 мая, в среднем за 14 лет – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт проходил с 9 апреля (1982) по 26 мая (2004), срединная дата весеннего пролёта – 9 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйскую долину они прилетали: 25 апреля 1953, 18 апреля 1954 и 23 апреля 1959 гг. (Птицы Киргизии, 1960); в Алма-Ату и её окрестности – 20 апреля 1949, 25 апреля 1952, 24 апреля 1953, 15 апреля 1956, 18 апреля 1959, 17 апреля 1960, 26 апреля 1961, 16 апреля 1962 и 21 апреля 1963 гг. (Бородихин, 1968, 1970). Обычно первыми появляются одиночки или отдельные пары, и только через несколько дней начинает лететь

основная масса – небольшими стайками (крупных стай не образуют). В предгорьях Анархая пролётных рыжепоясничных ласточек встречали 23 апреля 1998 г. (Березовиков и др., 1999). В Карачингиле (устье Тургени) 27 апреля 2004 г. видели 10 особей (Бевза, 2012).

Осенью из Алматы отлетают в середине сентября, последняя встреча – 9 октября 1961 г., а по трассе на Фрунзе – 13 октября 1961 г. (Бородихин, 1968). В Чуйской долине интенсивный пролёт отмечен 16-17 сентября 1961 г., отдельные особи встречались до 20 октября (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 15-31, в среднем 25 августа, завершался 2-18, в среднем за 15 лет – 12 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. эти ласточки летели с 20 августа (1985) по 19 октября (1985), срединная дата осеннего пролёта – 15 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Налётов этих ласточек в высокогорье, как это бывает у касаток перед пролётом или в самом начале миграций, мы ни разу не отмечали. Пролёт их идёт предгорьями незаметно и совершенно не захватывает гор (Ковшарь, 1966). Не встречали их осенью в горах и на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (Лановенко, 1995), и в Памиро-Алае (Иванов, 1969).

Биология. Очень мало изучена. Одна из причин – закрытость гнёзд этого вида, не позволяющая проводить осмотр их содержимого и даже определить количество яиц и птенцов, не разрушив при этом гнездо. Так, фраза: «Гнездо с тремя свежими яйцами мы нашли в Таласской долине 3 июня 1959 г. Яйца белого цвета без крапинок, размер их: 20,0x14,0-14,2 мм, вес 1,9 и 2,1 г» (Птицы Киргизии, 1960, с. 260) говорит о том, что эта кладка просто была взята в коллекцию, и на этом все наблюдения закончены. Та же судьба постигла кладки, найденные Е.П. Спангенбергом в Киргизском Алатау 26 мая и 6 июня 1936 г., а также 17 июня 1934 г. (Шнитников, 1949). Кстати, в этой работе есть интересные суждения о сроках появления этой ласточки в Заилийском Алатау и об относительно недавнем переходе её к гнездованию в домах (там же, с. 583-585). Ряд интересных наблюдений и соображений по биологии рыжепоясничной ласточки содержится в публикациях И.Ф. Бородихина (1968, 1970) и в фаунистических работах – по птицам Памиро-Алая (Иванов, 1969), Таласского Алатау (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Губин, 2012), Ташкента (Мекленбурцев, 1982) и Узбекистана (Лановенко, 1995). Наличие двух репродуктивных циклов не вызывает сомнений, хотя второй выводок, выкармливание которого часто приходится не только на август, но нередко и на сентябрь, как и предполагал Л.М. Шульпин (1965), чаще всего бывает неудачным – очень поздние птенцы обычно погибают в гнёздах, и засохшие их трупы, остающиеся в гнёздах, вынуждают птиц на будущий год строить новое гнездо. Очень желательно провести прямые наблюдения у гнёзд с индивидуально помеченными птицами и с доступными для осмотра их содержимого прозрачными задними стенками гнёзд.

253. Скальная ласточка – *Ptyonoprogne rupestris* (Scopoli, 1769)

crag martin (англ.), Felsenchwalbe (нем.), hirondelle des roches (фр.),
құз қарлығаш (каз.), тоо чабалекей (кирг.), тоғ қалдирғочи (узб.)

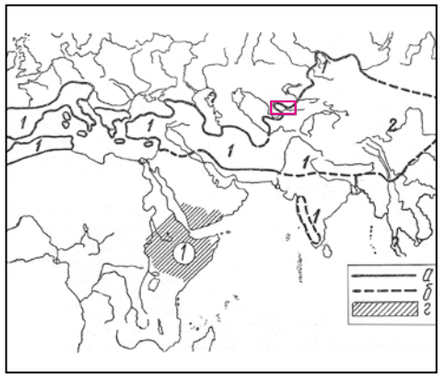
Синонимы: *Hirundo montana* Gmelin, 1789; *H. rupicola* Hodgson, 1836; *H. inornata* Jerdon, 1844; *Cotile obsoleta sarda* Arrigoni, 1902; *Riparia rupestris centralasica* Stachanov, 1933; *R.r. theresae* Meinertzhagen, 1939. Горная ласточка (Кашкаров и др., 1937). Скалистая ласточка (неправильно).

Подвид. Описаны два подвида, но сейчас вид считают монотипичным (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Восточной Африке (рис. 264).

Биотоп. Скалистые участки в широких высотных пределах (500-3500 м), чаще – в среднем поясе гор. Связана с водой, необходимой для постройки лепных гнёзд, в безводных ущельях не поселяется.

Распространение. Тянь-Шань расположен на участке северной границы ареала этого южного вида (рис. 264), поэтому распространена здесь скальная ласточка довольно спорадично, на что указывал ещё В.Н. Шнитников (1949). В Западном Тянь-Шане она гнездится почти во всех хребтах – от невысокого поднятия Казгурт южнее Чимкента до высокогорий Чаткальского и Таласского хребтов, а в Каратау доходит к северо-западу до его высшей точки Бессаз и территории Каратауского заповедника (Кашкаров, 1927; Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Корелов, 1956, 2012; Железняков,

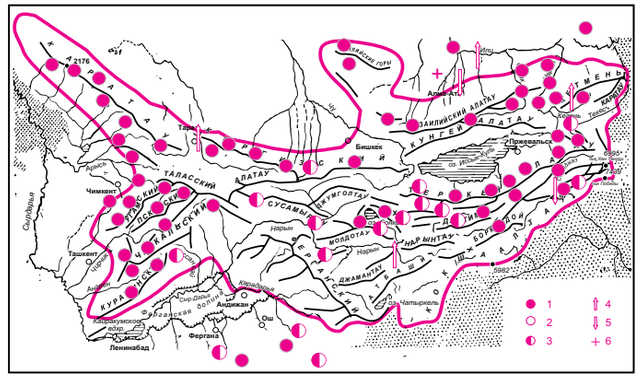

Рис. 264. Ареал скальной ласточки и Тянь-Шань (прямоугольник). По: Мекленбурцев, 1954, с. 745
Рис. 265. Распространение скальной ласточки: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4,5 – пролёт, 6 – залёт

Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др, 1981, 2005; Комарова, Шевелев, 1986; Лановенко, 1995; Чаликова, Колбинцев, 2005, 2006; Исмаил уулу, 2007; Губин, Белялов, 2017). Восточнее населяет Киргизский Алатау, по-видимому, на всём его протяжении; гнездится в Чу-Илийских горах, в западной и восточной оконечностях северного склона Заилийского Алатау вплоть до рек Чилик и Чарын на востоке; а также на южных его склонах в районе Талгарского узла, обращённых в долину Чилика (Корелов, 1948, 2007, 2012; Шнитников, 1949; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Бородихин, 1970; Березовиков и др., 1999; Джаныспаев, 2005, 2012; Губин, 2009: КОБ-2008; Зарипова, Гаврилов, 2017). В долине Или скальная ласточка гнездится в каньоне Капчагай близ впадения р. Каскелен, а также намного выше – на правом берегу в ущелье Тышкан (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949). В Центральном Тянь-Шане она гнездится в скалах южного склона хребта Кетмень, в ущельях Баянкол, Кокжар и Каркара на самой северо-восточной оконечности Терскей Алатау, а южнее – в сыртовой области Сарыджаза, Куйлю, Инильчека, на Покровских и других сыртах (Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Винокуров, 1961; Остащенко, 1990; Березовиков и др., 2004; Верещагин, Немченко, 2005). По северному склону Терскей Алатау распространена до ущелья Оттук на самом западе хребта, южнее найдена по Каракуджуру, у перевала Долон, в верховьях Кичи-Нарына и по Тарагаю, в горах вокруг озера Сонкуль, а западнее – в среднем течении Нарына, в месте впадения Кокомерена и в районе невысокого сухого хребта Такталык (Степанян, 1959, 2001; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В июле 1998 г. встречена нами в Чичкане, на западной оконечности хребта Сусамыртоо (Ковшарь, Торопова, 2000). Южнее в гнездовое время скальная ласточка неоднократно встречена по северному склону Алайского хребта (р. Гульча), а также в Алайской долине (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. На гнездовании везде невысокая. Поселяются небольшими колониями, до 10-20 пар, а часто – просто отдельными парами. В истоках Чилика (Талгарский узел Заилийского Алатау) в июле 1989 г. обнаружено поселение скальных ласточек, состоящее из 10 пар (Джаныспаев, 2012). В Терскей Алатау в 1953 г. наибольшее поселение состояло из 4 гнёзд, а общая численность оценена как низкая (Степанян, 1959). Те же выводы сделаны для южного макросклона Западного Тянь-Шаня (Лановенко, 1995). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933 и 1935 гг. эта ласточка была малочисленной (Шульпин, 1965), в 1959-1965 гг. – вполне обычной, а в мае в каньоне Аксу – даже многочисленной; осенью большие предотлётные скопления их в этом каньоне наблюдал я 19 сентября 1963 г., а В.В. Шевченко здесь же несколько сотен видел 12 сентября 1943 г. (Ковшарь, 1966). Рядом, на Чокпаке, пролёта их практически нет, и встречаемые изредка одиночки трактуются как залётные (Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977). Настоящий залёт отмечен на Сорбулаке, где в 70-80-х гг. была окольцована одна скальная ласточка (Белялов, 2014).

Сроки. Даты. Прилетают и пролетают в апреле, но на крайнем юге иногда появляются и в марте. Так, в районе Пунгана (южные предгорья Кураминского хребта, Ферганская долина) Д.Ю. Кашкаров наблюдал их пролёт с 14 марта по 5 апреля 1971 г., а в бассейне Ангрена (Чаткальский хребет) Г.П. Третьяков встречал их довольно много 16-22 апреля 1986 г. (Лановенко, 1995). В Чаткальский заповедник скальная ласточки в 1967 г. прилетела 26 марта (Головцов, 2007). В каньоне р. Аксу (Таласский Алатау) я встречал первых 16 апреля 1963 г. и 22 апреля 1965 г., а в 1964 г. они были здесь уже 27 марта; у водопада Кши-Каинды первых видели 29 марта 1971 г., 5 апреля 1972, 19 апреля 1973 гг. (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). На Чокпаке летящих на восток одиночек видели 3 апреля 1971, 21 апреля 1972 и 2 апреля 1974 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. вообще весной не встречали (А. Гаврилов и др., 2017). В северных предгорьях западной оконечности Киргизского Алатау их встретили 8 апреля 1958 г., на второй день после снегопада (Корелов, 2012), а в ущелье Мерке того же хребта около 20 особей встречены 21 апреля 2001 г. (Карпов, Белялов, 2007). В Карачингиле, где эта ласточка – редкий пролётный вид, первое появление группы из 5 птиц отметили 14 марта 2006 г., затем 4 апреля видели одну в стае воронков и 10 апреля – около 10 особей скальных ласточек (Бевза, 2012). В Анархае (Чу-Илийские горы) прилёт отмечен 5 апреля, в Чулакских горах (правобережье Или) – 6 апреля (Бородихин, 1970). В предгорьях Кетменя 1 (14) апреля 1901 г. пара скальных ласточек летела на восток вдоль хребта (Зарудный, Кореев, 1905).

Отлетают в сентябре. Только в этом месяце их встречали в городе Алматы в стаях других ласточек (Бородихин, 1968). Пролёт в предгорьях не выражен, даже на Чокпаке их встретили осенью всего дважды – 26 сентября 1984 г. и 11 октября 1986 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Зато в горах он заметен. Так, в посёлке Иныльчек (система Сарыджаза, Центральный Тянь-Шань) с 7 по 23 сентября 1983 г. за 100 часов учтено около 30 скальных ласточек (Остащенко, 1990). На другом конце Тянь-Шаня, в Каратау и Боролдае, с 25 августа по 15 сентября 2002 г. около 30 особей насчитали в скалах Боролдая, 10 – в ущелье Актогай, 5 – в ущелье Кенчектау и по одной – в районе вершины Бессаз и в верховьях Боялдыра (Чаликова, Колбинцев, 2006). О больших предотлётных скоплениях в каньоне Аксу сказано выше («Численность»). Последних ласточек в этом каньоне Л.М. Шульпин (1965) наблюдал 4 октября, а 15 октября их здесь уже не было. В долине Пскема последнюю пролётную стаю М.Н. Корелов (1956) видел 17 октября, там же Б.Б. Абдуназаров встречал их до 20 октября 1986 г. (Лановенко, 1995).

Биология. Мало изучена, поэтому даже отрывочные сведения, которые встречаются в литературе по нашему району, представляют интерес. Около Тюлека (по дороге на Сонкуль) на высоте 2400-2500 м 18 июня 1953 г. в гнезде было 5 свежих яиц; в Алайской долине (2800-3000 м) 28 июня 1954 г. в гнезде 4 свежих яйца; на Покровских сыртах (3300-3500 м) 12 июля в гнезде 5 свежих яиц; в верховьях Кичи Нарына (3000-3100 м) 26 июля 1967 г. – гнездо с птенцами, недоступное для осмотра (Птицы Киргизии, 1960).

В каньоне Капчагая (на реке Или) И.А. Долгушин обнаружил три гнезда этой ласточки; в одном, расположенном под потолком глубокой ниши в 4 м от земли, 16 июня 1933 г. были насиженные яйца с вполне сформировавшимися птенцами; два других, помещавшихся на большой высоте на отвесных скалах, обрывавшихся прямо в реку, были недоступны для осмотра (Шнитников, 1949). Там же приведены сведения о двух гнёздах из Киргизского Алатау (ущелье Узунбулак): 28 июня 1934 г. – 4 свежих яйца, 1 июня 1936 г. – 5 свежих яиц. В горах Большие Богуты 30 июня 1939 г. было 4 голых птенца (Корелов, 1948), а в Хантау (Чу-Илийские горы) М.Н. Корелов 15 мая нашёл гнездо с птенцами (Бородихин, 1970). В пойме Чарына, в сухом боковом каньоне, 29 июня 2016 г. найдено 6 жилых гнёзд с птенцами, к сожалению, недоступных для осмотра (Зарипова, Гаврилов, 2017). В верхней части Каркары (Турук, восточная оконечность Терской Алатау) 2 августа 1957 г. А.А. Винокуров у гнезда на скале наблюдал четырёх слётков, которые на ночь возвращались в гнездо (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Для Терской Алатау опубликованы следующие сведения: «16 июля 1954 г. в ущелье Текели-Тер мною было осмотрено поселение из 4 гнёзд. Последние располагались на потолке в глубокой пещере (длиной не менее 3 м и высотой около 2 м) непосредственно под группой гнёзд белоголовых сипов. Вся выстилка состояла исключительно из перьев этих хищников. Гнёзда были пусты, но птицы настойчиво держались около них. Возможно должна была быть вторая кладка, однако наличие её у этих птиц пока не доказано» (Степанян, 1959, с. 128). В урочище Семизбель (Иссык-Куль) 28 июня 1979 г. Г.В. Вердин коллектировал две кладки – в 4 и 5 яиц (Торопова, 1999). На правом берегу Тарагая (Покровские сырты, ущелье Суёк) одна пара скальных ласточек 21 июня 1955 г. строила гнездо, в котором 8 июля оказалось 5 свежих яиц (Янушевич, Кыдыралиев, 1956).

Для Западного Тянь-Шаня известны нахождения гнёзд от Кураминского хребта до Каратау. В последнем, в долине Кашкараты, ласточки строили гнездо 15 мая 1958 г., а в пещере Ак-Мечеть 22 июня насиживали кладку; в скалах у Леонтьевки 24 июня в гнезде были маленькие птенцы, а в гнезде в стенке известнякового обрыва в районе прорыва р. Боролдай 12 июля 1960 г. в гнезде был один птенец[7] (Бородихин, 1970; Корелов, 2012). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) у части популяции этих ласточек вполне возможны 2 репродуктивных цикла. Молодые довольно дружно вылетают здесь в первой половине июля (Шульпин, 1965), я наблюдал это 20 июля 1960 г. и 25 июля 1964 г.; с этого времени скальные ласточки сразу становятся многочисленными – видимо, вылетает основная масса выводков. В то же время 3 июля 1958 г. Н.М. Литвиненко добыла здесь самку, только начавшую нестись, а я нашёл в Кши-Каинды (1800 м) гнездо с тремя пуховичками ещё 15 августа 1961 г. (Ковшарь, 1966). По времени это вполне мог быть второй выводок. В Кураминском хребте 22 июня 1977 г. в гнезде было 3 свежих яйца (Митропольский и др., 1981). В долине Ангрена вылет птенцов из гнёзд наблюдали 23 июня, 7 и 9 июля 1977 г., что само по себе говорит в пользу возможности второй кладки, хотя автор наблюдений (Лановенко, 1995) и не уверена в этом. Кстати, в этой работе приводится ряд сведений из гнездовой биологии – например, о длительности насиживания (13-14 дней) и пребывания птенцов в гнезде (25-26 дней). Всё же следует признать, что настоящее изучение биологии этого вида в Тянь-Шане ещё только предстоит.

254. Воронок – *Delichon urbica* (Linnaeus, 1758)

house martin (англ.), Mehlschwalbe, Hausschwalbe (нем.), hirondelle de fenêtre (фр.),
кент карлыгаш (каз.), шаар чабалекейи (кирг.), шаҳар қалдирғочи (узб.)

Синонимы: *Chelidon fenestrarum* Brehm, 1831; *Ch. rupestris* Brehm, 1831; *Ch. tectorum* Brehm, 1831; *Hirundo urbica orientalis* Somov, 1896; *Ch. urbica alexandrovi* Zarudny, 1916; *H. vogti* Kleinschmidt, 1935-1943. Городская ласточка (Шнитников, 1949; Мекленбурцев, 1954; Иванов, 1969).

Подвид. Из 6 описанных в разное время подвидов в нашем районе встречается три: номинативный *D. u. urbica* Linnaeus, 1758 гнездится в Северном Тянь-Шане и повсеместно на пролёте; средиземноморский *D. u. meridionalis* Hartert, 1910 гнездится во внутренних и западных районах Тянь-Шаня; *D. u. lagopoda* Pallas, 1811 встречен однажды на пролёте в Западном Тянь-Шане (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Гаврилов, 1993а, 1999). Сведение *D. u. meridionalis* в синонимы *D. u. urbica* (Степанян, 2003) вряд ли верно.

Характер пребывания. Гнездится и пролетает. Зимует в Африке и на юге Азии (рис. 266).

Биотоп. В горах – склоны со скалами, аналогом которых являются многоэтажные здания в городах. Для средиземноморского подвида в фаунистических сводках (Мекленбурцев, 1954; Иванов, 1969) особо подчёркивается, что в пределах Средней Азии он не гнездится на зданиях, однако это не так. По вертикали распространён очень широко – от 700 до 4000 м.

Распространение. Среди громадного ареала воронка, занимающего почти всю Евразию, за исключением крайнего севера и крайнего юга, есть обширное пространство в области пустынь и полупустынь Турана (включая Бетпак-Далу, Кызылкумы и Муюнкумы), где этот вид не гнездится. Наш горный район располагается как раз на границе с этими пустынными равнинными пространствами (рис. 266), и по краю этой границы воронок гнездится хоть и на большей части горной территории, но неравномерно. Так, в Каратау, он встречается спорадично: колонии его известны в каньоне р. Раис близ Мынжилке, у высшей точки хребта – вершины Бессаз, в скальниках Келиншектау, по долине Боролдая и в районе Турланского перевала (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017). Южнее он довольно плотно населяет горы Западного Тянь-Шаня до Кураминского хребта

[7] Разночтение: у первого автора – «12 июня в гнезде на стенке известнякового обрыва… было четыре птенца (Корелов)» (Бородихин, 1970, с. 193). – *АК*

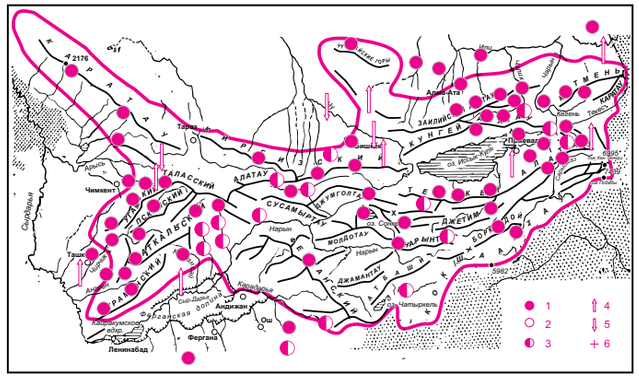

Рис. 266. Ареал воронка (по: Мекленбурцев, 1954, с. 715) и расположение Тянь-Шаня (красный прямоугольник)
Рис. 267. Распространение воронка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт весной, осенью

на юге и района озера Сарычелек на востоке (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Мекленбурцев, 1954; Корелов, 1956, 2012; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Д.Ю. Кашкаров, 2002 и др.).

Восточнее по северным окраинным хребтам Тянь-Шаня он гнездится местами в Киргизском Алатау, где гнездо обнаружено 15 июля 1957 г. в скалах ущелья Чунгурсай (Корелов, 2007), а в ущелье Ала-Арча в 1957-1960 гг. колония ежегодно размещалась на высоте 2100 м (Кузнецов, 1962). Между этими двумя точками воронков не встречали ни Л.А. Портенко (1961), посетивший ущелье Мерке в 1929 г., ни Е.П. Спангенберг, работавший в ущельях Карабалты и Иссыката в 1933, 1934 и 1951 гг. (Spangenberg, Dementieff, 1935; Спангенберг, Судиловская, 1959). Видимо, во второй половине XX ст. он расселился здесь более широко, так как в июле 1998 г. мы обнаружили их колонию перед перевалом Тюе-Ашу (прямо на трассе «Фрунзе – Ош», под бетонными перекрытиями противолавинных галлерей), а в 2004 г. воронки были обычны не только в самом Бишкеке, но и в сёлах северных предгорий Киргизского хребта вплоть до Сосновки перед входом в ущелье Карабалты (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Шукуров, Кормилицын, 2005). На южном склоне Киргизского Алатау гнездится в Сусамырской долине, где в июле 1999 г. мы видели колонию под шиферной крышей одноэтажного здания пекарни около трассы (Ковшарь, Торопова, 2000). В Заилийском Алатау известно гнездование в восточной половине хребта – от Большого Алматинского ущелья до Чилика в районе Бартагоя (Бородихин, 1970; Ковшарь, Лопатин, 1983; Джаныспаев, 2005, 2012; Губин, 2009; Березовиков, 2012; В. Ковшарь, 2015). На северном склоне Кунгей Алатау гнездование установлено для ущелья Кульсай и пос. Саты (Ковшарь, 1972; Березовиков, 2005: КОБ-2004). В Чарынском каньоне воронки гнездились в 1939-1940 и 1996-2002 гг. (Корелов, 1948; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Гнездится на северном и южном склонах Кетменя (Корелов, 1956). Южнее в Центральном Тянь-Шане воронок гнездится от Баянкола, Кокжара и Каркары на севере до Сарыджаза и р. Куйлю на юге (Кашкаров и др., 1937; Винокуров, 1961; Кыдыралиев, 1961; Злотин, 1968; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; мои наблюдения в Сарыджазе и Куйлю в июле 2005 г.).

В области Иссык-Кульской котловины гнездование известно на южных склонах Кунгей Алатау (Птицы Киргизии, 1960) и по всему северному склону Терской Алатау, кроме его крайней западной части. Детали распространения здесь воронка хорошо описал Л.С. Степанян (1959): «На подгорной равнине птицы гнездятся, по-видимому, только в крайней восточной части Иссык-Кульской котловины, в долинах рек Тюп и Джергалан. В предгорьях поселяется в зависимости от наличия песчаников («красных глин»), на которых прикрепляет гнёзда. В более высоко лежащих поясах распространена уже довольно равномерно, доходя на гнездовье до верхних частей альпийского пояса, т.е. до высоты 3900-4000 м н. у. о. (например, в ущельях Кок-Сай, Улахол). Однако в восточной части хребта из гнездового ареала этой птицы полностью выпадает пояс леса, так как здесь птицы не бывают совершенно. И вообще в восточной части хребта гнездование их гораздо более спорадично, чем в западной. Биотоп – вертикальные стены различного происхождения. В долинах рек Тюпа и Джергалана – это высокие лёссовые обрывы берегов, в которых проходят слои гальки и крупных камней, служащих

местом прикрепления гнезда. В предгорьях – песчаниковые обрывы и, наконец, во всех вышележащих поясах – скалы» (Степанян, 1959, с. 127).

Во Внутреннем Тянь-Шане гнездование воронка установлено в ряде мест высокогорий, пограничных с Центральным Тянь-Шанем – на Покровских и Тонских сыртах, в верховьях Кичи Нарына, на Сонкуле (Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961). На перевале Кызарт (2600 м) из бассейна Чу в бассейн Нарына 1 августа 1999 г. мы обнаружили колонию около 50 гнёзд под шиферной крышей одноэтажного домика на спуске в долину Кочкорки; в самой долине Нарына более сотни воронков утром 16 июля 2004 г. кормились на северном побережье Токтогульского вдхр., ниже мы встречали их в июле 1998 г. в городе Ташкумыр, в скальном участке долины р. Коджо-ата ниже с. Аркит, а также в сёлах Кызылту (Карасу) и Алабука, уже в южных предгорьях Чаткальского хребта (Ковшарь, Торопова, 2000). Выше по Нарыну, у т.н. Чёртова Моста, колонию воронков видел ещё в начале XX ст. В.Н. Шнитников (1949), а 25 июня 2016 г. их встретили в каньоне Нарына выше пос. Кайынды и у скал Кичи Нарына (Белялов и др., 2017). На северном склоне Ферганского хребта, под перевалом Сарыкыр, или Кугарт (2800 м), мы обнаружили колонию (20 пар) 28 июля 2006 г., а самих воронков неоднократно встречали по дороге на Казарман. Одного воронка встретили 30 июля 2003 г. в Аксайской долине (3000 м) восточнее Чатыркуля. В южных предгорьях Ферганского хребта воронок оказался нередок в верховьях р. Тар – около 20 особей мы встретили 23 июля 2003 г. близ с. Каин-талаа. Ещё южнее в июле 1999 г. мы встречали их на гнездовье в центре города Гульча (1650 м) – колонию из 30 гнёзд под крышей одноэтажного здания почты; в скалах по р. Гульча на спуске с перевала Талдык (северный склон Алайского хребта, 2320 м), а также в верхней части Алайской долины – застава Иркештам, с. Нура, скалы по р. Кельтебулак (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2004 г. воронок был обычен во многих местах маршрута по северным предгорьям Алайского хребта; много их было в скалистых верховьях р. Кичи Алай, одного из истоков Исфайрамсая; гнёзда на скалах видели мы в урочищах Абширата и Калай-Махмуд (Ковшарь, Лангре, Торопова, 2005).

Численность. Обычная птица, местами в горах бывает многочисленной и в целом по численности превосходит скальную. Колонии крупнее, чем у скальной. Кроме упомянутых выше, можно привести ещё примеры: на Чаткальском хребте, в урочище Мазарсай, в колонии было около 50 гнёзд, на Ангренском плато в 1976 г. – около 80 (Лановенко, 1995); выше города Чирчик (абс. высота 600 м) в колонии под аркой железобетонного моста было 90 гнёзд (Д.Ю. Кашкаров, 2002); в Бишкеке в 1977-1980 гг. найдено несколько колоний по 20-50 гнёзд, а в самой крупной – на здании высотной гостиницы «Иссык-Куль» в 1993 г. насчитали более 200 гнёзд (Торопова, Командиров, 1995). Здесь необходимо сказать об изменении численности этого вида в городах. Так, в Бишкеке первую пару встретили только 14 апреля 1959 г., а первое гнездо обнаружили 17 мая 1960 г. (Умрихина, 1970), а в 90-х гг. они были здесь более чем обычны и даже вытесняли из центра города на окраины деревенскую ласточку (Торопова, Командиров, 1995). В Алма-Ате воронок загнездился в 1961 г., а в 1962 г. на зданиях Академии наук, Оперного театра и Дома Правительства было уже 5-6 гнёзд; кормились они в самых верхних слоях воздуха (Бородихин, 1968). В настоящее время воронка в центре города нет, но на окраинах он местами сохранился. В Ташкенте воронок встречался только на пролёте (Сатаева, 1937; Мекленбурцев, 1982), впервые колония их численностью 25 пар обнаружена под мостом через р. Каракамыш, а в 2001 г. они гнездились и под вторым мостом через эту речку, уже в пределах городской черты (М. Митропольский, 2002). Численность на пролёте осенью намного выше, чем весной. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. окольцовано 66 воронков весной и 3886 осенью, а в 1982-2016 гг. – 120 весной и 1335 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. На юге весной появляются в начале апреля. Близ пос. Пунган (южное подгорье Кураминского хребта. Ферганская долина) воронки летели в сообществе с чёрными и белобрюхими стрижами 5-11 апреля 1971 г. (Лановенко, 1995). Под Ташкентом пролёт идёт с 24 апреля по 25 мая (Зарудный, 1916; Сатаева, 1937), а на Ташморе Г.П.Третьяков около сотни воронков встретил уже 6 апреля 1987 г. (Лановенко, 1995). В Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) первых воронков встречал В.В. Шевченко 12 апреля 1945 г., 19 апреля 1944 и 1948 гг.; В.Д.Крестьянинов – 23 апреля 1949 г.; мне первые попадались 19 апреля 1961 г., а 27 апреля1963 г. и 28 апреля 1965 г. их было уже много на местах гнездования в Кши-Каинды и Дарбазе (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых воронков отмечали 23 марта – 3 апреля, в среднем за 7 лет – 1 апреля, последних 4-24, в среднем за 11

лет – 14 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт отмечали с 15 апреля (1988) по 23 мая (1983), срединная дата весеннего пролёта – 7 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине начало пролёта в Токмаке отмечали 5 апреля 1973 г., в Манасе – 9 апреля 1977 г., а в аномально тёплую весну 1974 г. уже 23 марта видели три стаи – 10, 20 и 30 воронков (Торопова, Шукуров, 1991). В Алма-Ате прилёт отмечен 3 апреля 1963 г. (Бородихин, 1968), а в колонию на Б.Алматинском озере (2500 м) они прилетали: 18 апреля 1973 и 1974, 5 апреля 1975, 21 апреля 1976 и 3 мая 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Копы пролётных одиночек мы видели 27 марта 1987 и 12 мая 1988 гг. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. первые воронки 6 лет появлялись 16-29 марта и три года – 3, 4 и 19 апреля (Бевза, 2012).

Осенью отлетают с августа по октябрь. В Карачингиле пролёт идёт до середины сентября (Бевза, 2012). В местах гнездования в долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) последняя встреча – 28 августа 1956 г. (Винокуров, 1960). На колонии в Б. Алматинском ущелье (2500 м) последних видели 4 сентября 1971, 29 августа 1972 и 29 августа 1974 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйской долине осенний пролёт не выражен: 18 августа 1974 г. на стационаре Токмак за 4 часа учёта насчитали 1300 воронков, но позднее их не видели (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. осенний пролёт начинался 18-30 августа, в среднем за 8 лет – 27 августа; в первой половине сентября пролетало 94.6% всех воронков; заканчивался пролёт 21 сентября – 29 октября, в среднем за 14 лет – 4 октября (Гаврилов, Гисцов, 1095); в 1982-2016 гг. воронки летели с 17 августа (1986) до 8 октября (1984), срединная дата осеннего пролёта – 12 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), воронки в основной массе отлетают уже в начале сентября, но в небольшом количестве попадаются до середины этого месяца: я встречал последних 2 сентября 1959 г. и 3 сентября 1960 г., Л.М. Шульпин (1965) – 16 сентября 1935 г. В Ташкенте они пролетают с 19 августа по 29 сентября (Сатаева, 1937), но Н.А. Зарудный (1916) добывал их ещё 4 октября.

Биология. Не изучена. Вот *вся информация* из основной фаунистической сводки по птицам Тянь-Шаня (типичный пример): «Начало постройки гнезда наблюдалось на Сонкуле 24 мая 1956 г. В Алайской долине 17 июня 1956 г. у добытой самки самый крупный фолликул был 3 мм. На Покровских сыртах 24 июня 1955 г. у самки размер фолликула достигал 14х9 мм. В Кунгей Ала-Тоо 7 июля 1968 г. в гнезде были птенцы 5-7-дневного возраста. На Тонских сыртах (верховье М. Нарына) 26 июля 1956 г. в гнезде слышали писк птенцов, но добраться до них было трудно. В Терской Ала-Тоо 6 августа 1956 г. найден слёток» (Птицы Киргизии, 1960, с. 262). Ещё меньше данных по нашему району в сводках по птицам Казахстана и Узбекистана (Бородихин, 1970; Лановенко, 1995), хотя во второй из них сделан вывод о наличии двух кладок у этого вида. Нет сведений и по соседнему Памиро-Алаю, но в сводке по этому региону приводится одно интересное наблюдение: «На р. Западный Пшарт Потапов видел 24 августа птенцов накануне вылета из гнёзд или даже покинувших гнёзда. Из-за такого позднего времени вывода птенцы всё время находятся под угрозой гибели от бескормицы во время ненастья. И действительно, Потапову и Абдусалямову приходилось находить в старых гнёздах по 2-3 трупика мумифицированных, вполне оперённых птенцов, погибших, очевидно, от голода» (Иванов, 1969, с. 201). В статье, посвящённой оологии птиц Западного Тянь-Шаня, приведены размеры яиц воронков из 14 кладок, осмотренных авторами в июне-июле 1977 г. на Ангренском плато (Митропольский и др., 1981). В остальных публикациях встречаются сведения о сроках нахождения гнёзд. Так, на выходе из ущелья Чон Кызыл-Су (Терской Алатау) в обрывах «Красных глин» 19 июля 1953 г. воронки кормили птенцов в гнёздах, то же – 1 июля 1954 г. в ущелье Тоссор (Степанян, 1959). На северном склоне Кунгей-Алатау (ущелье Кульсай) в колонии из 15 пар на скале Каскатор (2800 м) 17 июня 1968 г. воронки лепили гнёзда, 23 июня носили выстилку, а 6 июля в одном гнезде было уже 4 яйца, из которых два сильно насижены, а два неоплодотворены (Ковшарь, 1972). В пос. Нарынкол (Центральный Тянь-Шань) в одном из гнёзд 18 июня 1956 г. А.А. Винокуров наблюдал откладку первого яйца, а 27 июня в нём была полная кладка из 4 яиц средней насиженности. В долине Малого Кокпака 9 июля 1856 г. в гнезде было4 слабо насиженных яйца, а 25 июля – 6 августа 1957 г. близ Чокморташа (Кокжар) в большинстве гнёзд были крупные птенцы и слётки, только в одном – 3 слабо насиженных яйца (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Там же, в М. Кокпаке, внутри скотоводческой базы в урочище Элюбай 4 июля 1951 г. в одном гнезде было 4 оперённых птенца, в другом – 6 слётков, в третьем – 5 голых птенцов. Все три гнезда были прикреплены к балкам под крышей в виде корзинок из глины, навоза и соломы, высланы перьями и одно гнездо – конским волосом (Бибиков, 2009: КОБ-

2008). Близ Чу-Илийских гор колонию из 100 пар под мостом через р. Куртты (выше водохранилища) воронки занимали с 1996 по 1999 г. (Березовиков и др., 1999; мои наблюдения). В Бишкеке в колонии на гостинице «Иссык-Куль», 13 апреля 1993 г. воронки достраивали гнёзда; 19 июня 1992 г. в гнёздах были 3-8-дневные птенцы, а 26 июня – уже слабо летающие птенцы; 6 мая 1991 г. шло насиживание кладок, но некоторые пары ещё достраивали гнёзда (Торопова, Командиров, 1995). В трёх колониях воронков – в городе Гульча, в Сусамырской долине и на перевале Кызарт (2600 м) – 27 июля и 1 августа 1999 г. шло выкармливание птенцов (Ковшарь, Торопова, 2000).

Восточный воронок – *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850)

Asiatic house martin (англ.), Kaschmir-Schwalbe (нем.), hirondelle de Bonaparte [du Cachemire] (фр.)

Залёт этого восточного вида на перевал Чокпак описан в двух публикациях (Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э., 2004, 2004 а): «На Чокпакском перевале в предгорьях Западного Тянь-Шаня 9 сентября 2003 г. поймали несколько воронков, из которых две птицы (молодая и взрослая) отличались бурым надхвостьем с узкими светлыми вершинами перьев, чёрно-бурой спиной (без блеска), дымчато-буроватым горлом и зобом, светло-бурыми боками. В коллекции Института зоологии имеются две взрослые самки, типичные *dasypus*, пойманные здесь же 9 и 14 сентября 1970 (!) г. и ещё несколько птиц с недостаточно чётко выраженными признаками, добытых как на Чокпаке, так и вблизи Алматы» (Гавриловы Э. и А., 2004 с. 210). Отлавливали их на Чокпаке и позже: с 2 сентября (2015) по 30 сентября (2013) здесь окольцован 31 *Delichon dasypus,* а срединная дата осеннего пролёта установлена 9 сентября (А. Гаврилов и др., 2017).

Семейство **Трясогузковые** Motacillidae

256. Степной конёк – *Anthus richardi* Vieillot, 1818

Richard's Pipit (англ.), Spornpieper (нем.), pipit de Richard (фр.)

Синонимы: *Alauda novaeseelandiae* Gmelin, 1789; *Anthus macronyx* Gloger, 1834; *A. longipes* Holandre, 1836; *Corydale orientalis* Brehm, 1856; *A. maximus* Blyth, 1858. Сибирский конёк (Сушкин, 1938: *Agrodroma*)**.**

Подвид. Из 4 подвидов в Казахстане гнездится номинативный – *A.r. richardi* Vieillot, 1818, хотя в область Тарбагатая и Джаркента заходит с востока более светлый и крупный *A.r. centralasiae* Kistyakowski, 1928: «Западная граница в Китае неясна, известно, что на север она идёт к верховьям Или… Кашгария и Восточный Тянь-Шань включаются в область распространения этой птицы» (Гладков, 1954, с. 650). На севере Центрального Тянь-Шаня вполне может гнездиться именно этот подвид, что ещё только предстоит установить.

Характер пребывания. В нашем районе гнездится и пролетает только на крайнем северо-востоке, в остальных местах – редкие залёты. Зимует в Индии, Индокитае и других местах Южной Азии (рис. 268).

Биотоп. «Русское название совершенно непригодно для этого конька, так как живёт он не в степях, а исключительно на кочкарниковых болотах» (Корелов, 1956, с. 138). Это обстоятельство побудило П.П. Сушкина (1938) дать данному коньку название «сибирский конёк», а степным назвать полевого – *Anthus campestris*, что оказалось неприемлемым, потому что название «сибирский конёк» давно уже носит *Anthus gustavi*. Что же касается биотопа, то для условий Чулкудинской и Текесской долин М.Н. Корелов (1956, с. 138) более подробно описываеет его так: «Однако гнездится он не на всяком болоте. Болота с ровным травостоем он совершенно избегает, как и суховатые сенокосные луга, явно предпочитая селиться на кочкарниковых болотах, разобщённых узкими сухими гривками и с кустарничком из низкорослых ив и караганы. Селится также на луговых берегах родниковых протоков и на участках солончаков вблизи воды. Но на обширных солончаках, как и в степи с ковылём, никогда не бывает. В вертикальном направлении доходит до 2000 м… В некоторых местах сталкивается с *Anthus campestris*».

Распространение. Наш район находится около западной границы ареала (рис. 268) этого восточного вида, и гнездование его здесь известно лишь для района Тышкана и Джаркента на правом берегу р. Или (Шестопёров, 1929; Шнитников, 1949), Чулкудинской, Текесской долин и котловины озера Тузколь в Центральном Тянь-Шане (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Остальные встречи – явно залётные, кроме устья Тургени (Карачингиль), где одиночка 19 апреля 2005 г. и около десятка особей, встреченные 27 сентября 2006 г. (Бевза, 2012), могли быть и пролётными. У подножья гор Турайгыр по дороге к Красному каньону Чарына трёх степных коньков встретили 6 июня 2003 г. (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003), а 20 апреля 2003 г. там же – одиночку (Коваленко, 2005: КОБ-2004). В окрестностях Алматы один экземпляр был добыт 12 августа 1905 г., а 19 мая 1864 г. (видимо, по старому стилю) на берегах Чу и в ближайших предгорьях степных коньков наблюдал Н.А. Северцов, о чём есть упоминание в его дневниках (Шнитников, 1949, с. 434). Единственный для территории Киргизии экземпляр степного конька, добытый 24 июля 1932 г. в восточной части Иссык-Куля, трактуется как «несомненно залётный» (Птицы Киргизии, 1960). Наконец, на Чокпаке за 50 лет отловов (1966-2016) степной конёк пойман только раз – 16 сентября 1973 г. (Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977; Гаврилов, Гисцов, 1985). Намного западнее двух степных коньков добыли в Туркмении: 9 сентября

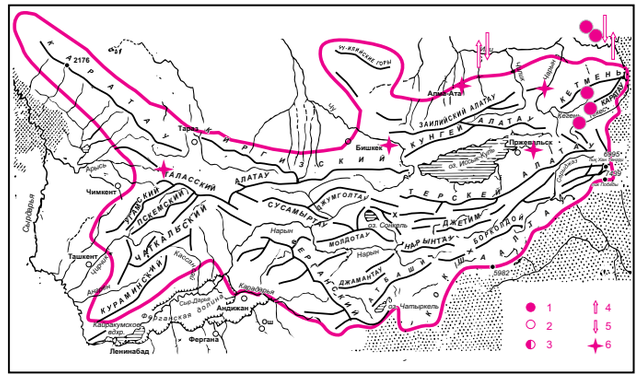

Рис. 268. Ареал степного конька и местоположение Тянь-Шаня (прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 650
Рис. 269. Распространение степного конька в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 4, 5 – пролёт, 6 – залёт

1939 г. в Гасанкули (Воробьёв, 1941) и 23 апреля 1947 г. у южного чинка Устюрта (Рустамов, 1951); это самые дальние залёты представителей данного вида.

Численность. Невысокая, хотя в 1953 г. в Текесской и Чулкудинской долинах он гнездился «в большом количестве, достигая плотности 3-4 пары на га болот» (Корелов, 1956, с. 138). Однако там же в 1996-1999 гг. был «исключительно редок»: 16 мая и 16 июля 1996 и 1997 гг. у западного подножия горы Чоладыр в долине солёного ручья Тузген (1968 м) периодически встречали лишь 1-2 токующих самцов; лишь в июле 2002 г. он снова оказался обычным в этих местах: в пойме М. Каркары 10-11 июля 2002 г. токовало 2 самца на площади 1 км^2, а по заболоченному руслу ручья Карасу (между посёлками Каркара и Ереулы) учтено 6 самцов на 3 км маршрута (Березовиков, Левин, 2004: КОБ-2003; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Сроки. Даты. Биология. Данных из нашего района практически нет, если не считать, что 23 июля 1953 г. в Чулкудинской долине собака поймала слётка в половину взрослой птицы (Корелов, 1956), а 10 июля 2002 г. близ с. Каркара пара кормила двух молодых с недоросшим хвостом (Березовиков и др., 2004). Около Джаркента Е.Л. Шестопёров (1929) встречал самостоятельные выводки 26 июля 1916 г.; пролёт этих коньков наблюдал в августе и сентябре, а отдельных «одиночек и парочек» встретил даже 5 ноября 1918 г.

257. Полевой конёк – *Anthus campestris* (Linnaeus, 1758)

tawny pipit (англ.), Brachpieper (нем.), pipit rousselin (фр.),
түз жадырағы (каз.), эл эрсынаар (кирг.), дала йилқичиси, дала йўрға тўрғайи (узб.)

Синонимы: *Alauda mosellana* Gmelin, 1788; *Motacilla massiliensis* Gmelin, 1788; *Alauda paludosa* Bonnaterre, 1791; *Anthus rufescens* Temminck,1820; *A. brachycentrus* Hemprich et Ehtenberg, 1828; *A. agrorum* Brehm, 1831; *A. subarquatus* Brehm, 1831; *A. flavescens* Brehm, 1831; *Corydalla gracilis* Brehm, 1831; *C. vierthaleri* Brehm, 1855; *C. arenaria* Brehm, 1856. Степной конёк (Сушкин, 1938: *Agrodroma*)**.**

Подвид. Из 3 признаваемых подвидов в Тянь-Шане встречается 2: номинативный *A. c. campestris* Linnaeus, 1758 только пролётает; *Anthus campestris griseus* Nicoll, 1820 гнездится и пролетает.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Северной Африке и Южной Азии.

Биотоп. Открытые пространства степного и пустынного характера: «Название «полевой» совершенно непригодно для этого конька в Семиречье, так как именно на полях его здесь встретить невозможно. Гораздо более подходило бы ему название «пустынный», так как для своей жизни он всюду выбирает наиболее пустынные ландшафты, немедленно исчезая там, где растительный покров становится более густым и высоким» (Шнитников, 1949, с. 435). Эти слова справедливы для всего нашего района – так же, как и красочное описание этим автором его высотного распространения: «…он встречается на гнездовье от побережья

Балхаша и Алакульской котловины до высотной зоны альпийского луга, т.е. 3000 м и даже выше, всюду, где на эти высоты заходит полынная степь, что в Тянь-Шане мы видим в очень многих местах. И так как на больших высотах полынная степь обыкновенно носит ещё более пустынный и мёртвый характер, чем внизу, то эта странная птичка, придерживающаяся при выборе гнездовых мест правила «чем хуже, тем лучше», находит здесь как раз то, что ей нужно» (Шнитников, 1949, с. 436). Предельная высота гнездования полевого конька в горах Тянь-Шаня – около 3600 м.

Распространение. В Тянь-Шане гнездится очень широко (рис. 270). На приведенной картосхеме значки гнездования поставлены по литературным указаниям о гнездовании полевого конька; значком «летние встречи» также в большинстве случаев показаны места встречи птиц в местах гнездования – во время маршрутных поездок в июне-августе (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Кашкаров и др., 1937; Корелов, 1948, 1956 а, б, 1961, 2007, 2012; Шнитников, 1949; Долгушин, 1951; Шульпин, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Ковшарь, 1966; Гаврилов, 1970; Фоттелер, 1995; Березовиков и др., 1999, 2004; Губин, Карпов, 1999; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Березовиков, 2005, 2008, 2009; Губин, 2007, 2009; Чаликова, 2009; Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013; Белялов и др., 2016; Губин, Белялов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Нижние значки за пределами Тянь-Шаня соответствуют северным предгорьям и склонам Алайского хребта, а также высокогорной Алайской долине выше Дарауткургана. Следует подчеркнуть, что полевой конёк так же, как и более чем полвека назад (Птицы Киргизии, 1960), пока не найден в Чуйской долине, на озере Сонкуль и на Покровских сыртах.

Численность. В отличие от пустынной зоны, где полевой конёк многочислен и местами входит в число фоновых видов, в горах и предгорьях численность его намного ниже, а во многих местах он просто спорадичен и немногочислен. Точных данных, основанных на специальных учётах, практически нет. Так, на южном побережье озера Бийликоль в 1991 г. отмечены 2 пары на 4 км маршрута (Губин, Карпов, 1999). В заповеднике Аксу-Джабаглы летом 1926 г. он был довольно редок, в 1933 г. многочислен (Шульпин, 1965), как и в 1943-1948 гг. (Шевченко, 1948), но в 1959-1966 г. был немногочислен (Ковшарь, 1966). Л.М. Шульпин (1965) даже предположил, что имеется обратная зависимость между численностью полевого конька и полевого жаворонка, занимающих сходные стации, хотя вряд ли это так, поскольку стации у них всё-таки довольно разные. В Кетмене в 1953 г. полевой конёк был особенно многочислен на щебнистых подножьях северного и западного склонов (Корелов, 1956). В предгорьях Терской Алатау (Иссык-Кульская котловина), где полевой конёк населяет пустынные сухие степи и настоящую щебнистую пустыню, в 1953-1954 гг. встречали до 5-7 особей за экскурсию (Степанян, 1959). В Сюгатинской и Джаланашской долинах в конце июля 1996 г. по дорогам учитывали до 3-5 особей/км маршрута (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В июле 1988 г. за три недели маршрута из Бишкека через Токтогул, Сарычелек и Чаткальскую долину до Чокпака и Аксу-Джабаглы мы встретили полевого конька только раз – 17 июля на сухостепном склоне Сусамырской долины, на высоте 2300 м; в июле 1999 г. на маршруте такой же длительности через Внутренний Тянь-Шань в Алайскую долину – всего в четырёх местах: Сусамырская долина, бедленды долины Нарына у р. Алабуга, перевал над Токтогульским вдхр. и степной южный слон Алайского хребта в урочище Кызыл-алай, 2680 м (Ковшарь, Торопова, 2000). Немногочислен был он и в июле 2000, 2003 и 2004 гг. по южному побережью Иссык-Куля, в северных предгорьях хребта Атбаши (у места слияния Каракоюна и Таш-Рабата), в верховьях р. Тар (Ферганский хребет), а также по предгорьям Алайского хребта до р. Сох (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Столь же немногочислен был этот

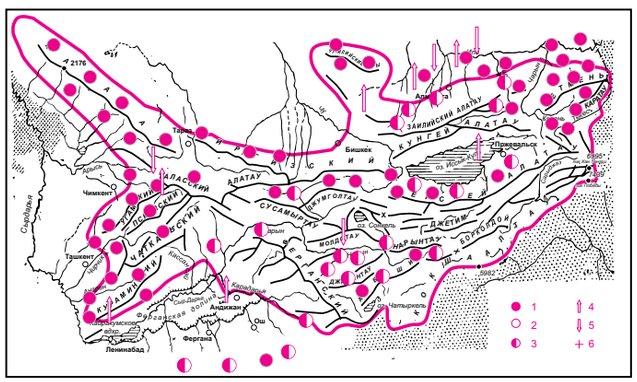

Рис. 270. Распространение полевого конька в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи (тоже, видимо, гнездовые), 4 и 5 – пролёт весной и осенью

конёк и во время маршрутных поездок по Внутреннему Тянь-Шаню в 2015-2017 гг. (Белялов и др., 2016, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018).

Сроки. Даты. Самая ранняя встреча весной у границ нашего района – 16 марта на р. Келес недалеко от Ташкента (Гаврилов, 1970). В Таласском Алатау В.В. Шевченко встретил первого 12 апреля 1948 г. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 г. пролёт начинался 29 марта 1970 г. – 14 апреля 1971 г., в среднем – 7 апреля; около 72% пролетало до конца апреля; последних видели 25 мая; отлавливали до 15 коньков за сезон, а всего весной окольцевали 51 полевого конька (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 3 апреля (2003) по 20 мая (1982) окольцевали 45 полевых коньков, срединная дата весеннего пролёта – 26 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы слабый пролёт одиночками наблюдали с 12 апреля до 9 мая 1987 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000), а в 70-80 км севернее, по щебнистым северным шлейфам Чу-Илийских гор, 21-23 апреля 1998 и 28-29 апреля 1997 гг. видели уже токующих самцов (Березовиков и др., 1999). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2011 гг. первых отмечали 8-17 апреля (Бевза, 2012). Близ Джаркента самая ранняя встреча одиночки – 5 апреля 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). В Центральном Тянь-Шане самого раннего полевого конька добыл 2 апреля 1909 г. Г. Мерцбахер (Шнитников, 1949).

Отлетают в сентябре, а начало пролёта местами отмечали уже в августе. Так, на самом северо-востоке, в районе Джаркента, последний полевой конёк добыт 27 сентября, в октябре их уже не встречали (Шнитников, 1949). В Таукумах и Чу-Илийских горах пролёт наблюдали 3-25 сентября 1996 г. (Березовиков и др., 1999). В предгорьях Киргизского Алатау (близ Мерке) много пролётных полевых коньков видел 17 и 21 августа 1929 г. Л.А. Портенко (1961), среди которых добыл явно пролётных *A.c. kastschenkoi* H. Johansen 1944 (1952) в свежем пере (ныне – синоним номинативного подвида). На Чокпаке осенний пролёт выражен значительно лучше, чем весенний. В 1966-1981 гг. в период с 15 августа 14 сентября (в среднем 29 августа) по 22 сентября – 25 октября (в среднем 7 октября) отловили и окольцевали 341 конька (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 25 августа (1985) по 23 октября (1994) – 194 особи; срединная дата осеннего пролёта составила 17 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау, осенний пролёт выражен слабо (Губин, 1976). Начало его Л.М. Шульпин (1956) отметил 13 августа 1933 г., полностью они исчезли в горах к 8-9 сентября, а в предгорьях – к 16 сентября 1933 г.; особей номинативного подвида добывали 16 сентября 1935 г., 17 и 28 сентября 1961 г. (Ковшарь, 1966). Подробности пролёта полевого конька во внутренних районах Тянь-Шаня не известны (имеются только указания на то, что он там пролетает). Самая поздняя встреча в Средней Азии – 6 ноября 1907 г. один добыт под Самаркандом (Carruthers, 1910).

Биология. В Тянь-Шане специально не изучалась и данных накоплено мало. Наиболее подробные данные по территории восточной окраины Узбекистана, включая Западный Тянь-Шань, опубликовал в 3-м томе сводки «Птицы Узбекистана» Э.Р.Фоттелер (1995, с.55-58), очень интересные наблюдения – в статье Л.М. Шульпина (1956) о птицах заповедника Аксу-Джабаглы. Там же, в предгорьях Таласского Алатау близ Новониколаевки 26 мая 1961 г. в гнезде полевого конька было 5 сильно насиженных яиц (Ковшарь, 1966). В окр. с.Покровки (восточная часть Иссык-Кульской котловины) 9 июня 1953 г. пара коньков носила корм в гнездо, а на южном берегу (Ак-Улен) 4 июля добыта самка с редуцированным яичником и 8 июля 1954 г. – самостоятельный молодой, линявший в осеннее перо (Степанян, 1959). В Алайской долине 28 июня 1957 г. в гнезде было два насиженных яйца и птенец кукушки, которого кормила самка конька, добытая здесь же; лётные молодые, линявшие из гнездового наряда в зимной, добыты 10 июля в предгорьях Кунгей Алатау и 4 августа в Таласе (Птицы Киргизии, 1960). У подножия Турайгыра в начале июля 1939 г. нашли несколько гнёзд со свежими кладками, тогда как в Сюгатинской долине и на речках Чилик и Чарын птенцы уже покинули гнёзда (Корелов, 1948). Там же, в Турайгыре, в лощинке среди сопок, в гнезде под кустиком нанофитона с типчаком 22 мая 2006 г. было 5 яиц (Скляренко, 2007: КОБ-2006). На озере Тузколь 16 июля 2002 г. – выводок из двух взрослых и 4 птенцов, а 1 августа 1999 г. – 3 дорослых молодых (Березовиков и др., 2004). В Киргизии (хребет Чон-Курчак) 2 июня 1974 г. Г.В. Вердин коллектировал 5 насиженных яиц (Торопова, 1999). В Карачингиле 3 августа 2006 г. встречен слёток (Бевза, 2012). По этим отрывочным данным трудно составить даже представление о числе репродуктивных циклов; большинство авторов склоняются в пользу одного нормального цикла. Однако я допускаю, что при более тщательном изучении размножения этого вида окажется, что часть особей успевает вывести птенцов дважды.

258. Луговой конёк – *Anthus pratensis* (Linnaeus, 1758)

meadow pipit (англ.), Wiesenpieper (нем.), pipit des pres (фр.),
шиаяқ жадырақ (каз.), кадимки эрсынар (кирг.), йилқичи (узб.)

Синонимы: *Motacilla littorea* Gmelin, 1771; *A. sepiarius* Vieillot, 1818; *A. palustris* Brehm, 1823; *A. lichtensteinii* Brehm, 1824; *A. stagnatilis* Brehm, 1831; *A. danicus* Brehm, 1831; *A. pratoeum* Brehm, 1831; *A. alticeps* Brehm, 1831; *A. tenuirostris* Brehm, 1831; *A. musicus* Brehm, 1831; *A. virescens* Brehm, 1831; *A. desertorum* Brehm, 1831; *A. montanellus* Brehm, 1831; *A. tristis* Baillon, 1834; *A. acurostris* Brehm, 1841; *A. hydrophilos* Brehm, 1841; *A. limicola* Brehm, 1841; *A. alaudarius* Brehm, 1841; *A. communis* White, 1850.

Подвид. Описанный для Средней Азии *Anthus pratensis enigmaticus* Zarudny, 1909 сведен в синонимы номинативного подвида Л.А. Портенко (1960), признававшим всего 2 подвида. В последние годы этот вид считают монотипичным (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Пролетает весной и осенью. Зимует у южных границ района, а возможно – и на Иссык-Куле (Птицы Киргизии, 1960).

Биотоп. Луга, обычно мокрые, заболоченные.

Распространение. Численность. Сроки. Даты. Встречен на пролёте всего в нескольких местах (рис. 271). Близ Джаркента, на отмелях Усека стайки этих коньков по 15-20 особей держались на болоте в предгорьях в первой декаде ноября, а осенью 1918 г. луговой конёк часто попадался до середины октября (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929). Восточнее этого места, у Кульджи, первого лугового конька видели 20 марта 1913 г., после чего пролёт шёл в течение всего апреля (Шестопёров, 1929). На лугах в долине Чу (около Константиновки) стаи пролётных коньков В.Н. Шнитников (1949) встретил 20 апреля 1907 г., а на следующий день на болотистом лугу около ст. Отар, на окраине Чу-Илийских гор, их было много. На Сорбулаке во время стационарных работ в 70-80-х гг. окольцевали 22 луговых конька (А.Э. Гаврилов, устное сообщ.), а 20 октября 2013 г. сфотографировали одного в стае горных и гольцовых коньков (А. Коваленко, Г. Дякин, www.birds.kz; Белялов, 2014). Через перевал Чокпак в Западном Тянь-Шане пролетают регулярно в небольшом числе. В 1966-1981 гг. весной их отлавливали: 29 марта 1971, 31 марта 1970, 2 апреля 1969, 8 апреля 1975, 12 апреля 1971 и 25 апреля 1981 гг.; всего окольцеали 9 особей. Осенью отлавливались чаще, с 3 октября (1978) – 27 октября (1976), в среднем 13 октября, по середину ноября; всего окольцовано 36 луговых коньков (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 4 апреля (1983) по 27 апреля (1986) отловили 7 особей, а с 3 сентября (1997) по 25 октября (1985) окольцевани 64 луговых конька; срединная дата осеннего пролёта – 17 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Для Киргизии есть единственное указание на добычу лугового конька: «В нашей коллекции имется всего лишь один экземпляр лугового конька, добытого на южном берегу Иссык-Куля (Улахол) 23 ноября 1955 г. Птицы держались рассеянной стайкой из 30-35 особей на заболоченном берегу озера. В декабре 1959 г. мы здесь же видели коньков в количестве 20-30 птиц. Между прочим, в местах, где найдены коньки, снега зимой почти не бывает, возможно, птицы здесь зимуют регулярно» (Птицы Киргизии, 1960, с. 151). Почти через 50 лет, 29 марта 2004 г. одного конька встретили на южном берегу Иссык-Куля во время зимнего учёта водоплавающих птиц (Кулагин, Сагымбаев, 2005). На юго-западной окраине Тянь-Шаня луговых коньков регулярно встречали на пролётах и зимой: с декабря по февраль Н.А. Зарудный добыл под Ташкентом 21 экземпляр (колл. ТашГУ). Одного лугового конька добыли близ Чимкента 22 ноября 1938 г. (Гаврилов, 1970). Смешанные стайки луговых и гольцовых коньков Э.Р. Фоттелер (1995) встречал на зимовке 12-18 декабря 1988 г. на берегах очистных сооружений города Ферганы, а также 19-21 декабря 1988 г. на северном берегу Кайраккумского вдхр. в 30 км к востоку

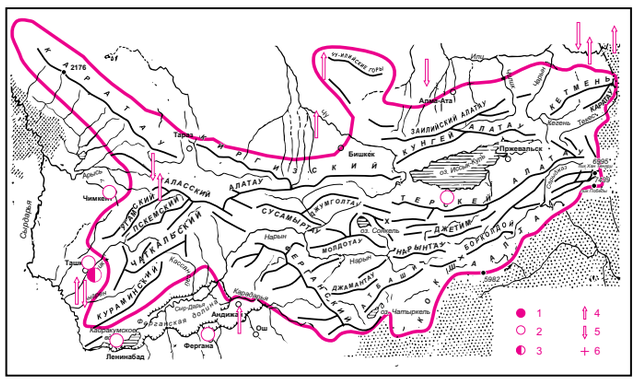

Рис. 271. Распространение лугового конька в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

от плотины. Ещё более интересен приводимый этим автором факт летней встречи лугового конька: «В коллекции ТашГУ хранится один экземпляр лугового конька, добытого Н.А. Зарудным 3.07.11 в окрестностях Ташкента. Если нет случайной ошибки при заполнении этикетки, то, видимо, эта птица должна характеризоваться как бродячая, летующая» (Фоттелер, 1995, с. 65).

259. Лесной конёк – *Anthus trivialis* (Linnaeus, 1758)

tree pipit (англ.), Baumpieper (нем.), pipit des arbes (фр.),
орман жадырағы (каз.), токой эрсынары, токой чыйпылдагы (кирг.), ўрмон йилқичиси (узб.)

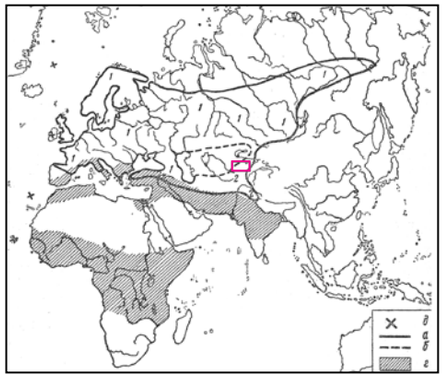
Синонимы: *Alauda minor* Gmelin, 1788; *Anthus arboreus* Bechstein, 1807; *A. foliorum* Brehm, 1831; *A. juncorum* Brehm, 1831; *A. herbarum* Brehm, 1831; *A. agilis* Sykes, 1832; *A. microrhynchus* Severtzov, 1883.

Подвид. В Тянь-Шане встречаются два подвида. Номинативный *Anthus trivialis trivialis* Linnaeus, 1758 только пролетает весной и осенью; *A.t. harringtoni* Witherby, 1917 гнездится и пролетает. Последнее имя сменило ранее использовавшееся *A. microrhynchus* Severtzov, 1883 (Дементьев, 1937; Шульпин, 1956).

Характер пребывания. Гнездится и пролетает. Зимует в Средиземноморье, Африке и Индии.

Биотоп. Наиболее предпочтительный – лесные опушки. Поэтому в большинстве хребтов Тянь-Шаня, имеющих лесной пояс, этот конёк селится в основном у верхней границы леса, а ниже – только на крупных лесных полянах и среди редколесья. Гнездится он и на субальпийских лугах – до 2700-2800 м, а для центральных районов Тянь-Шаня указываются даже высоты выше 3000 м (Птицы Киргизии, 1960). Прав был В.Н. Шнитников (1949) в том, что здесь это скорее вид горный, чем лесной. Для Терскей Алатау имеется подробное описание: «Характернейший биотоп в горах – пологие открытые склоны лесистых ущелий или широкие вырубки, покрытые густой травянистой растительностью. Собственно, с лесом здесь этот конёк не связан и положительно избегает густых сомкнутых ельников, поселяясь в наиболее разреженных участках. В предгорьях селится по оврагам и балкам, имеющим кустарниковые заросли и более или менее густой травянистый покров» (Степанян, 1959, с. 101). Надо сказать, что термин «предгорья» в условиях Иссык-Кульской котловины относится к высоте не ниже 1700 м над уровнем моря; в настоящих же предгорьях нигде в Тянь-Шане лесной конёк не гнездится. Избегает леса он и в Западном Тянь-Шане, где отсутствует в высокоствольных арчевниках, а появляется лишь на субальпийских лугах и в арчовом стланике – выше 2000 м (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). По окончании гнездования встречается во всех поясах, а массовый пролёт идёт предгорьями.

Распространение. Тянь-Шань расположен на юго-восточной границе ареала вида (рис. 272). Здесь лесной конёк гнездится во всех хребтах, имеющих высокогорья, и отсутствует в низкогорных – Каратау и Чу-Илийский горах, где встречается только на пролёте (рис. 273). Детали его распространения таковы. Он гнездится выше пояса леса во всех хребтах Северного и Центрального Тянь-Шаня – Заилийском и Кунгей Алатау, Кетмене и на северных отрогах Терскей Алатау (Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Гаврилов, 1970; Ковшарь, 1972, 1979; Второв, 1972; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В собственно Терскей Алатау (в пределах Иссык-Кульской котловины) в 1953-1954 гг. отмечен только для восточной половины, имеющей лесной пояс – до урочища Бугумуюз (Степанян, 1959, 1967), однако сейчас, видимо, живёт и западнее. Так, утром 22 июля 2000 г. мы встретили поющих самцов на окраине высокоствольного тополевника около трассы близ с. Оттук на юго-западном побережье Иссык-Куля (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005), а 23 июля 2005 г. – в безлесной долине р. Тоссор, на спуске к Иссык-Кулю. В области Сарыджазских сыртов гнездится только в южной их половине (Крылов, 1969), где отмечен нами в долине Иныльчека. Однако 27-30 июля 2005 г. я встречал их неоднократно (вперемежку с поющими горными коньками) не только на всём протяжении р. Оттук – от перевала Чон-ашу до места впадения в р. Сарыджаз, но и на самих сыртах (3000 м) в верховьях Сарыджаза, где 29 и 30 июля удалось рассмотреть 7 одиночек, а 31 июля – также одиночку на спуске в ущелье Турук (Каркара). На Покровских сыртах они отсутствуют, как и в долине Чатыркуля (Птицы Киргизии, 1960), однако в верховьях Кичи Нарына (2400 м) и р. Атбаши (3000 м) в июне 2016 г. они оказались обычны: «В ущелье Аки-Булак самцы пели 24 июня как в островных ельниках (2800-3200 м), так и в зоне стелющейся арчи (3300 м), где

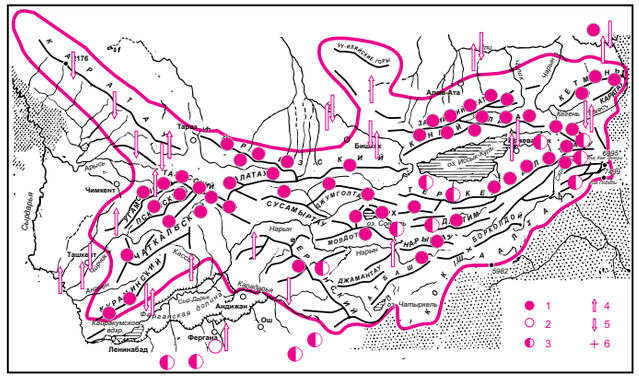

Рис. 272. Расположение Тянь-Шаня (прямоугольник) на границе ареала лесного конька. По: Гладков, 1954, с. 660
Рис. 273. Распространение лесного конька: 1 – гнездование, 3 – летние встречи; 4, 5 – пролёт весной и осенью

пересекались с также поющими горными коньками» (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017, с. 101). Для других мест Внутреннего Тянь-Шаня лесной конёк указан обычным и даже многочисленным на гнездовье в горах, окружающих Сонкуль; на Сусамыре, в Атбашинском, Нарынском, Таласском, Ферганском и Алайском хребтах (Птицы Киргизии, 1960), что было подтверждено и более поздними наблюдениями. Так, мне приходилось встречать лесных коньков 18 июля 1999 г. на южном склоне Ферганского хребта при подъёме на перевал Кугарт (Сарыкыр) и 29 июля 2006 г. на северном склоне, при спуске с перевала Аккоюн в приток р. Алабуга (2400 м), 21 августа 2006 г. слышать песни в ельниках Молдосу, а 1 августа того же года – в ущелье Караункур между Нарыном и перевалом Долон.

В западной половине нашего района лесной конёк населяет оба склона Киргизского Алатау (Шнитников, 1949; Кузнецов, 1962; Корелов, 2007, 2012), верхнюю часть Таласской долины и Таласский Алатау на всём протяжении (Шевченко, 1948; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Ковшарь, Торопова, 2000). Обычен на гнездовании в Сарычелеке (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991, 1992). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня гнездится в хребтах Каржантау, Угамском, Пскемском, в районе Ойгаинга и Майдантала; в последнем месте, на перевале Майдантал-ашу Н.А. Зарудный добывал его ещё 29 июня 1907 г. Видимо, населяет также Чаткальский и Кураминский хребты, однако здесь были высказаны сомнения: «В системе Чаткальского хребта обнаружен только в северозападных отрогах в урочищах Кумбель, Курганчик, Минджилке (все к востоку и юго-востоку от Большого Чимгана), откуда имеется ряд экземпляров, добытых в конце июня – начале июля Н.А. Зарудным в 1908 г. (колл.ТашГУ). В остальных районах Чаткальского хребта отсутствует. В бассейне р. Ангрен при многолетних наблюдениях нами не обнаружен ни по Чаткальскому, ни по Кураминскому хребтам. И.А. Абдусалямов (1972) упоминает о его обитании по южным склонам Кураминского хребта (Таджикистан) в ур. Караулхона, Нодаксай и др., но фактов, подтверждающих его гнездование здесь, не приводит, в связи с этим считаем находки сомнительными» (Фоттелер, 1995, с. 59). В этом плане интересны новейшие наблюдения в Кураминском хребте, где 24-29 апреля 2003 г. встретили 25 лесных коньков: «На фоне активного пролёта (встречались группы по 10-12 птиц), отмечено токование в течение часа на выположенной опушке арчевника в водораздельной части Сарыташсая и Кандырсая, поведение было похоже на территориальное. И.А. Абдусалямов (1973) указывает на гнездование его по южному макросклону этого хребта, однако Э.Р. Фоттелер (1995) считает, что этот вид отсутствует на гнездовании в бассейне Ангрена, а мнение предыдущего автора считает ошибочным. Встреча токующего территориального самца так и не проясняет этого вопроса» (В. Ковшарь, 2005, с. 98). Конечно, необходимы доказательства гнездования, хотя у меня оно не вызывает сомнения. К тому же на Майдантальском участке Чаткальского заповедника лесной конёк – многочисленная гнездящаяся птица, на высотах 2600-3000 м это фоновый вид низкотравных субальпийских и альпийских лугов (Батурин, 1981; Конюхов, 1982; Головцов, 2007). Южнее, по северным склонам Алайского хребта, в 2004 г. мы встречали поющих самцов лесного конька в двух местах: 23 июля – на р. Калай-Махмуд (верховья р. Сох) и 26 июля – в верховьях р. Чечекты, притока Кшемыша (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Следует сказать, что ранее в восточной части Алайского хребта (на перевалах Акбогуз и Тарткуль) леных коньков добывал Т. Барей, в гнездовое время они добыты также на перевале Ягачарт (Иванов, 1969).

Численность. В целом на гнездовании в Тянь-Шане обычная птица, хотя субъективные оценки разных авторов значительно расходятся – от «в небольшом числе и довольно спорадичен» (Шульпин, 1956 – для Таласского Алатау) до «многочислен» (Корелов, 1956 – для хребта Кетмень). Кстати, в первом месте, в заповеднике Аксу-Джабаглы, в 1926 г. А.П. Коровин вообще не встретил лесного конька летом; оценка Л.М. Шульпина относится с 1933-1935 гг., а в годы моей работы (1959-1966) он был здесь весьма обычен: по всей вероятности, численность за указанные годы явно возросла. Впоследствии, в 70-80-х гг., численность лесного конька здесь практически не изменялась (Ковшарь, Чаликова, 1992). Конкретных учётных данных немного. Так, в арчовом стланике Терской Алатау, по учётам 1962-1965 гг., в гнездовое время насчитывали в среднем 15 особей/км^2, в августе-сентябре – 6, в апреле – 4 особи/км^2, с октября по март – ни одной (Второв, 1967). В ельниках Чонкемина (между Кунгей Алатау и Заилийским Алатау) в августе-сентябре 1968 г. тот же автор насчитал 10 особей/км^2 в ельниках с участием высокотравных лугов в средней части долины и менее 1 особи/км^2 – в ельниках средней части пояса (Орто-Каинды, левый приток Чон-Кемина) и совсем не отметил лесных коньков у нижней границы ельников с кустарниками и высокотравьем, в моховых ельниках средней части Чон-Кемина и у верхней границы леса с выходами скал и субальпийскими ивняками (Второв, 1972). В Заилийском Алатау у верхней границы леса близ Б. Алматинского озера (2500-2700 м), по наблюдениям 1971-1976 гг., лесной конёк был обычен. На открытом луговом участке площадью около 6 га ежегодно токовало 5-6 самцов; гнёзда располагались порядка 100 м одно от другого (в двух случаях – даже 50 и 47 м!), причём в одном случае в них были птенцы примерно одинакового возраста; косвенным показателем численности служит то, что здесь проведены наблюдения у 60 жилых гнёзд (Ковшарь, 1979).

В Сарычелекском заповеднике (Чаткальский хребет) в 80-х гг. лесной конёк доминировал на субальпийских лугах (17% всех учтённых гнездящихся) вместе с горной овсянкой, черноголовым чеканом и седоголовым щеглом; плотность на гнездовании достигала 66 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991, 1992). О численности мигрантов, по данным Чокпакской орнитологической станции, – см. в следующем разделе.

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт с конца марта-начала апреля почти до середины мая. У Чиназа на Сырдарье их добывали 29 марта и 2-19 апреля 1978 г. (Pleske,1888). Под Ташкентом из 47 лесных коньков, добытых весной Н.А. Зарудным, наиболее ранние – 30 марта 1908 и 31 марта 1914 гг.; 24 добыты в первой декаде апреля, 14 – во второй и 4 – в третьей (колл. САГУ). В разных пунктах Ферганской долины их добывали в апреле, в т.ч. у Пунгана (южные предгорья Кураминского хребта) – 2, 7 и 10 апреля 1971 г., а в Кассансае (предгорья Чаткальского хребта) – 15-17 апреля 1968 г. (Фоттелер, 1995). В 2003 г. в Кураминском хребте 24-29 апреля насчитали 25 лесных коньков (В. Ковшарь, 2005). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 28 марта – 8 апреля, в среднем 3 апреля; с 11 до 30 апреля небольшими разреженными группами пролетало около 78% всех лесных коньков; заканчивался пролёт 3-17, в среднем 12 мая; учитывали до 308 коньков за сезон, а окольцевали за все сезоны 690 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 2 апреля (1986) по 19 мая (1995) отловили 907 лесных коньков, срединная дата весеннего пролёта – 24 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Близ города Джамбул (Тараз) первых лесных коньков отметили 30 марта 1941 г. (Долгушин, 1951) и 31 марта 1964 г. (Гаврилов, 1970). Немного восточнее в предгорьях Киргизского Алатау «сильный пролёт при снегопаде на трассе Луговая – Фрунзе» наблюдали 3 апреля 1958 г. (Корелов, 2012). В Чуйской долине, на стационаре Тюлёк, первого лесного конька отметили 31 марта 1972 г., а массовый пролёт на стационаре Токмак – 20 апреля 1972 г., когда насчитали 2250 коньков за 4 часа учёта (Торопова, Шукуров, 1991). На стационаре Большое Алматинское озеро (2500 м) в Заилийском Алатау прилёт лесного конька зарегистрирован 23 апреля 1972, 19 апреля 1973, 21 апреля 1974, 20 апреля 1975, 21 апреля 1976 и 17 апреля 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). У Алматы их добывали 12 и 16 апреля, годы не указаны (Гаврилов, 1970). В долине Копы одиночки и группы по 5-8 лесных коньков летели в восточном направлении с 15 апреля по 12 мая 1987 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). Удивительно, что намного восточнее, у впадения Чарына в Или, пролёт коньков в восточном направлении в 1960 г. шёл уже 15-20 марта, а в 300 км северо-западнее Алматы, в дельте Или, за 6 лет наблюдений первых лесных коньков В.А. Грачёв встречал 18 марта – 22 апреля, в среднем – 2 апреля (Гаврилов, 1970). Только 21 апреля (в 1900 и 1918 гг.) отмечены первые лесные коньки в районе Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Шнитников, 1949),

тогда как на Иссык-Куле (Тюпский залив) в 1974 г. они летели на восток вместе с горными коньками и трясогузками только в марте (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977).

Осенний пролёт проходит в августе – сентябре. В районе Джаркента в 1900 г. заметный пролёт на юго-запад шёл с первых чисел сентября до конца месяца (Зарудный, Кореев, 1905), а в 1918 г. «довольно обильный пролёт» наблюдался с 17 августа до 9 сентября (Шестопёров, 1929). В долине Текеса и Чулкудысу 4-6 августа 2004 г. уже изредка встречались пролётные коньки (Березовиков и др., 2004). В Карачингиле пролёт отмечен 6 сентября 2010 г. (Бевза, 2012). На Б. Алматинском озере (2500 м) последних встречали 23 августа 1971 и 1972, 31 августа 1973, 21 августа 1974, 24 августа 1975 и 23 августа 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Алматы последняя встреча 5 октября 1965 г. (Гаврилов, 1970) и 16 октября 1985 г. (Губин, Ковшарь, 1988). На восточном берегу Иссык-Куля (Тюпский залив) осенью 1974 г. первые появились в августе, в большом числе летели на восток (так же, как и весной!) в сентябре и октябре, когда в этом направлении пролетело соответственно 72.6 и 75.2% наблюдавшихся коньков (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) последних встречали 27 августа (Кузнецов, 1962). В Чуйской долине осенний пролёт менее заметен, чем весенний, последняя встреча – 15 октября 1972 г. (Торопова, Шукуров. 1991). В Каратау в 1927 г. пролёт начался 14 августа (Гаврилов, 1970), а 1-3 октября 2001 г. на озере Кызылколь встретили всего несколько одиночек (Коваленко и др., 2002). На Чокпаке осенью численность пролётных лесных коньков значительно выше, чем весной: учитывали до 358 за сезон, а за все сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 1537 особей. Начало пролёта в эти годы 20 августа – 9 сентября, в среднем 29 августа, массовый пролёт 11-30 сентября (пролетает 78%). Исключительно сильный пролёт шёл 21 сентября 1967 г. – стая за стаей летели почти беспрерывным потоком (через учётную полосу шириной 100 м пролетело 2700 лесных коньков); почти такую же миграцию наблюдали 25 сентября 1971 и 1975 гг. Завершался пролёт 4-30, в среднем 20 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 17 августа (1986) по 2 ноября (2011) окольцовано 2044; срединная дата пролёта – 19 сентября (А. Гаврилов и др., 2017).

Рядом, в горах Таласского Алатау, 14 августа 1933 г. Л.М. Шульпин (1956) добыл уже перелинявшего самца северного подвида (*A. t. trivialis*), а в 1935 г. – 15 августа; после 20 августа они появились в большом количестве, а массовый пролёт наблюдался с 6 сентября. В то же время конёк местного подвида (*A.t. harringtoni*) добыт им в горах 27 августа 1935 г., что позволило прийти к следующему заключению: «Из сопоставления наблюдений, сделанных в период пролёта, можно заключить, что *A. t. microrhynchus* [=*A. t. harringtoni – AK*] улетают примерно в конце августа, причём не наблюдаются на пролёте в предгорных степях. Что касается *A. t. trivialis*, то они появляются довольно рано, уже в половине августа, и, возможно, что первое время чаще встречаются в горах. В дальнейшем пролёт становится более интенсивным, захватывает всю страну в целом, но большой напряжённости достигает в предгорной степи. В горах в это время коньки сравнительно малочисленны» (Шульпин, 1956, с. 177-178). Последнее подтвердили наблюдения за пролётом, проведенные в 1971-1973 гг. в поясе арчевников заповедника Аксу-Джабаглы Б.М. Губиным (1976). Как исключительный случай известна добыча лесного конька Г.П. Третьяковым 12 декабря 1971 г. в урочище Вуадиль в Ферганской долине (колл. САГУ; Фоттелер, 1995). Второй столь же необъяснимый случай – добыча Е.П. Спангенбергом (1941) лесного конька 26 февраля 1927 г. на Кара-Узяке в долине Сырдарьи: нормально здесь он не зимует.

Биология. Специальные исследования гнездовой биологии лесного конька были проведены в 1971-1976 гг. на стационаре «Большое Алматинское озеро» (Заилийский Алатау, 2500-2700 м). Результаты наблюдений за 60 жилыми гнёздами (у некоторых – с применением индивидуального мечения хозяев) были опубликованы в монографии «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979, с. 29-38), где описаны: пение и его интенсивность на разных этапах гнездового цикла, гнездовой консерватизм, гнездовой участок, расположение и устройство гнезда, поведение членов пары на разных этапах гнездового цикла (постройка гнезда, насиживание яиц, выкармливание птенцов), состав кормов птенцов, календарные сроки размножения и плодовитость. Вероятность второго репродуктивного цикла в субвысокогорье очень низка: лишь однажды, в 1975 г. меченый самец кормил птенцов в гнезде, которое они покинули 24 июня, а через месяц, с 21 по 26 июля он снова кормил птенцов в новом гнезде на том же участке (самка не была окольцована, т.е. смена партнёров не исключена). Из 41 гнезда, судьба которых прослежена, птенцы благополучно покинули 29 (70.7%), что немного выше среднего показателя для певчих птиц в Тянь-Шане.

Отрывочные сведения по биологии лесного конька имеются в ряде публикаций: по Таласскому Алатау (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 2012), по хребту Кетмень (Корелов, 1956), по Заилийскому Алатау (Гаврилов, 1970; Нейфельдт и др., 1978; Джаныспаев, 2012), по Кунгей Алатау (Ковшарь, 1972), по хребту Ойгаинг на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (Фоттелер, 1995). Упоминания об отдельных гнёздах, найденных на территории Внутреннего Тянь-Шаня (Сусамыр, Атбаши, Терскей Алатау, Нарынтоо, район Гульчи) имеются в сводных работах (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986). В целом биологию этого обычного в Тянь-Шане вида, с учётом географической изменчивости, нельзя считать достаточно изученной, хотя основа для её детального исследования заложена.

260. Пятнистый конёк – *Anthus hodgsoni* Richmond, 1907

olive-backed [Hodgson's] pipit (англ.), Waldpieper (нем.), pipit d'Hodgson (фр.),

Синонимы: *A. maculatus yunnanensis* Uchida et Kuroda, 1916. Зелёный конёк.

Единственная встреча этого восточного вида в нашем районе – 25 сентября 2002 г. один был отловлен стационарной ловушкой на перевале Чокпак в предгорьях Западного Тянь-Шаня (А. Гаврилов и др., 2017). До этого ближайший залёт был известен с северного берега Балхаша, где его добыл И.А. Долгушин в октябре 1936 г. Ближайшее место гнездования на Алтае – район Семинского перевала, уже на территории России у границ Казахстана (Гаврилов, 1970, 1999).

261. Сибирский конёк – *Anthus gustavi* Swinhoe, 1863

Petchora pipit (англ.), Petchora-Pieper (нем.), pipit de la Petchora [de Gustave] (фр.)

Этот обитатель тундр и лесотундр северо-востока Азии в прошлом несколько раз залетал в предгорья Западного Тянь-Шаня (Зарудный, 1912): 3 и 15 октября 1906 г. добыт на болоте Джаманбаткак на окраине Ташкента (ныне – черта города); кроме того, пара отмечена здесь 24 сентября 1909 г. и одиночка – 5 октября 1910 г. У Чиназа одного сибирского конька встретил Н.А. Зарудный 18 сентября 1909 г., а весной его препаратор добыл одного 10 мая 1909 г. около ст. Кауфманской, ныне город Янгиюль (Фоттелер, 1995). На Чокпаке за 50 лет работы стационара по отлову и кольцеванию птиц сибирский конёк не встречен ни разу.

262. Краснозобый конёк – *Anthus cervinus* (Pallas, 1811)

red-throated pipit (англ.), Rotkehlpieper (нем), pipit à gorge rousse (фр.),
қызылтөс жадырақ (каз.), қизил жиғилдон йилқичи (узб.)

Синонимы: *Motacilla cervina* Pallas, 1811; *Anthus anadyrensis* Allen, 1905.

Подвид. «Систематическая принадлежность краснозобых коньков, встречающихся в Казахстане, не выяснена» (Гаврилов, 1970, с. 314), хотя в следующей работе этого автора для предгорий Западного Тянь-Шаня приводится номинативный *A.c. cervinus* Pallas, 1811 (Гаврилов, 1999, с. 97). Для Памиро-Алая приводится западный подвид *A. cervinus rufogularis* Brehm 1824 (Иванов, 1969, с. 334). Подвидовую принадлежность особей, пролетающих предгорьями Тянь-Шаня, ещё предстоит установить.

Характер пребывания. Пролетает весной и осенью.

Биотоп. На пролёте обычно по берегам водоёмов и в открытой степи – одиночками, группами.

Распространение. Очень редок на пролёте, в нашем районе известно несколько достоверных встреч. В Гульче (северный склон Алайского хребта) одного добыл Томас Барей 12 мая 1894 г. (Stolzmann, 1897), а до этого также одиночку добыл Ф. Столичка 16 апреля 1874 г. в Вахане у Калаи-Пянджа (Sharpe, 1891) – вот всё, что известно для соседнего Памиро-Алая (Иванов, 1969). На болоте Джаманбаткак на окраине Ташкента (сейчас это – город) 19 ноября 1910 г. одного самца добыл Н.А. Зарудный (колл. САГУ). На Сорбулаке в период стационарных работ 1981-1986 гг., по данным С.Н. Ерохова (устное сообщение), один краснозобый конёк был отловлен в паутинную сеть (Белялов, 2014). О крайней редкости этого вида на пролёте свидетельствует тот факт, что за 50 лет (1966-2016) работы Чокпакской орнитологической станции по отлову и кольцеванию птиц краснозобый конёк не был здесь отмечен ни разу (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В последние годы стали накапливаться *визуальные* наблюдения и фотографии. Так, в долине Копы ярко окрашенных одиночек мы наблюдали 12 и 18 апреля 1987 г. и 16 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000), а немного севернее шлейфа Чу-Илийских гор, на водопое у артезиана Каншенгель (кромка песков Таукум) 3 мая 2008 г. одного и двух ярко окрашенных самцов наблюдала группа орнитологов (Ковшарь, 2009: КОБ-2008). В районе озера Кызылколь (хребет Каратау) 17 сентября 2003 г. также впервые для этого района встречен яркий самец (А. Гаврилов, Колбинцев, 2004: КОБ-2003). Наконец, намного восточнее (берег Бартагойского вдхр. на р. Чилик) группа орнитологов из Швейцарии 3 мая 2017 г. наблюдала и сфотографировала яркого самца краснозобого конька (В. Ковшарь, 2017). Достоверность видового определения во всех этих случаях у меня сомнения не вызывает, тогда как имеющееся указание на встречу трёх краснозобых коньков 12 июля 2008 г. «на северном макросклоне Киргизского хребта, на перевале Тоо-Ашу, на выс 2900 м» (Давлетбаков, 2011) очень сомнительно – вероятнее всего это были коньки другого вида. Во всяком случае в горах Тянь-Шаня краснозобого конька пока никто достоверно не встречал. С другой стороны, необходимы целенаправленные поиски здесь этого вида, с отловами птиц, поскольку помимо ярко окрашенных самцов остальные особи (в том числе самки и солодые самцы) на расстоянии практически неопределимы.

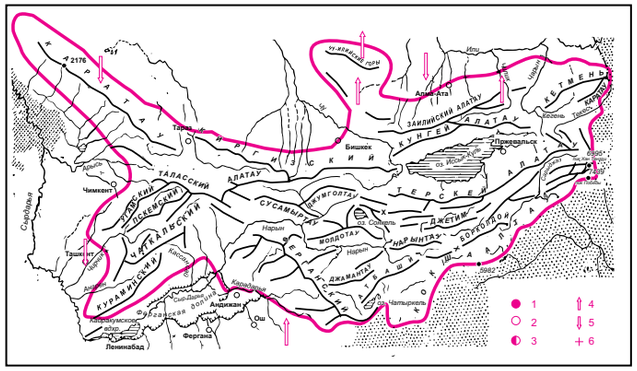

Рис. 274. Распространение краснозобого конька в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

263. Гольцовый конёк – *Anthus rubescens* (Tunstall, 1771)

American pipit, buff-bellied pipit (англ.), Amerikan Pieper (нем.), pipitd'Amerique (фр.)

Синонимы: *Anthus pratensis japonicus* Temminck et Schlegel, 1847; *A. japonicus härmsi* Sarudny, 1909; *A. borealis* Hesse, 1915; *A. spinoletta reuteri* Munsterhjelm, 1916. Американский конёк (Степанян, 2003).

Подвид. Из 2–3 признаваемых разными авторами подвидов в нашем районе встречается *A. r. japonicus* Temminck et Schlegel, 1847.

Характер пребывания. В Тянь-Шане зимует и дважды пролетает – весной и осенью.

Биотоп. Зимой и на пролёте в нашем районе встречается на открытых пространствах, чаще – по берегам незамерзающих источников (Шнитников, 1949).

Распространение. Численность. Таксономические перипетии этого восточного конька весьма поучительны. Будучи описан в 1847 г. как подвид лугового конька, он в начале XX в. уже считался

самостоятельным видом и по зимующим экземплярам из Ташкента Н.А. Зарудный даже описал подвид *A. japonicus härmsi* Sarudny, 1909. Затем *japonicus* длительное время числился подвидом горного конька *Anthus spinoletta* (Дементьев, 1937; Гладков, 1954; Портенко, 1960), причём в некоторых источниках – наряду с *A. spinoletta rubescens* Tunstall, 1771 (Дементьев, 1937, с. 152), в других, ещё более авторитетных, – одновременно с *A. spinoletta härmsi* Sarudny, 1909 (Портенко, 1960, с. 178). Г.П. Дементьев (1937) в «Полном определителе птиц СССР, том IV» приводит даже русское название этого подвида: **якутский горный** конёк (*Anthus spinoletta japonicus*). Однако Ч. Вори (Vaurie, 1959), а следом Л.С. Степанян (1978), признавая видовую самостоятельность американского конька *Anthus rubescens*, «подарили» ему в качестве подвида и якутского горного конька. В настоящее время последняя точка зрения является «статус кво» и закреплена такими авторитетами в систематике этой группы как Пер Альстром и др. (Shirihai, 1996; Alstrom, Mild, 2003). Однако я не удивлюсь, если со временем появятся ещё более продвинутые систематики, которые найдут для нашего многострадального «якутянина» более подходящее для него место, а если учесть, что всё новое нередко есть хорошо забытое старое, то как знать… Одно несомненно: никакого открытия нового американского вида в последние годы у нас не произошло (этот конёк был всегда, только под другими именами, что в конечном счёте и внесло изрядную путаницу в сведения о его распространении) и уж во всяком случае не стоит называть его американским коньком, как это в эйфории «открытия» сделано в ряде солидных работ (Гаврилов, 1999; Фоттелер, 1995).

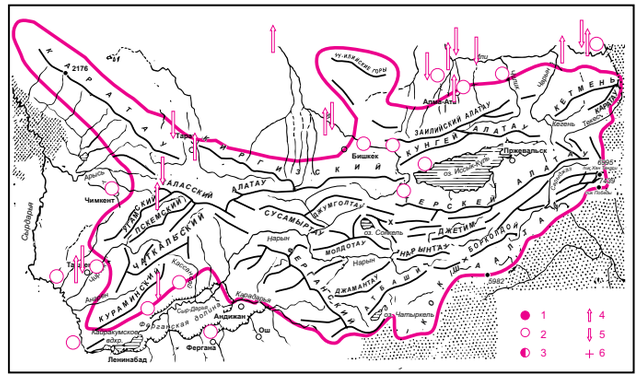

Рис. 275. Распространение гольцового конька в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Само распространение этого конька показано на рис. 275. Он зимует и пролетает по северным и южным окраинам Тянь-Шаня, проникая зимой также в Иссык-Кульскую котловину. Достоверных встреч не так уж много. Они относятся в основном к району Чокпака, где 6 экземпляров были добыты: 2 апреля 1969 и 15 апреля 1983; 9 октября 1969, 1 октября 1971, 15 октября 1984 и 25 октября 1989 гг.; один самец добыт 25 апреля 1964 г. в с. Михайловка около г.Тараза, а самка – 24 апреля 1967 г. у с. Старый Байтал в низовьях р. Чу; все эти экземпляры определил в 2003 г. Пер Альстрем (Белялов, 2004: КОБ-2003). После этого молодого самца отловили на Чокпаке 13 октября 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Серию птиц на осеннем пролёте добыл под Ташкентом Н.А. Зарудный: 11 – в третьей декаде октября, 9 – в ноябре и по одной птице – в каждой декаде декабря (колл. САГУ; Фоттелер, 1995). В коллекции Музея природы г. Ташкента хранится экземпляр самца от 13 декабря 1908 г. – котип описанного Н.А. Зарудным подвида *A. japonicus härmsi* (Балан, 1966, с. 115). Все остальные встречи (рис. 275) – визуальные наблюдения, причём в ряде случаев наблюдатели пишут о встречах горных коньков, хотя есть основания полагать, что это скоре всего были гольцовые коньки. Наиболее верятны встречи одиночных гольцовых коньков: на Сорбулаке 25 декабря 2004, 7 марта 2005 и 9 октября 2011 гг. (Белялов, Карпов, 2013), а также 5 птиц в смешанной стае с горными коньками 20 октября 2013 г., когда их удалось сфотографировать (А. Коваленко, Г. Дякин, www.birds.kz; Белялов, 2014); в Карачингиле 31 октября 2015 г. (Бевза, 2017); на Чардаринском вдхр. 11 февраля 2006 г. (Коваленко, Кравченко, 2007: КОБ-2006); на берегу р.Чу близ пос. Карасу 11 января 2008 г. (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). Интересно, что на учёте водоплавающих 27-30 марта 2004 г. на Иссык-Куле насчитали 85 горных коньков (видимо, шёл их пролёт) и, как пишут авторы; «не исключено, что часть этих особей – гольцовый конёк, о котором тогда ещё не знали» (Кулагин, Сагымбаев, 2005). Вполне возможно, что гольцовым был и единственный конёк, встреченный между 21 и 31 января 2004 г. там же (Кулагин. 2005: КОБ-2004). Распространение, фенологию и биологию гольцового конька в Тянь-Шане надо изучать. Об этом же писал 50 лет назад А.И. Иванов в сводке по птицам Памиро-Алая: «Северосибирская форма горного конька – *A. s. härmsi*

видимо, изредка бывает на зимовках в пределах Памиро-Алая. Мне известны три экземпляра, добытые Герхнером на оз. Марашуле близ ст. Мельниково 17 и 18 апреля (колл.ТашГУ). Гржибовский 18 марта 1934 г. добыл этого конька на оз. Искандеркуль. Наконец, Зарудный и Билькевич (1918) указывают на зимовки *A. s. härmsi* в долине верхнего течения р. Амударья, но материалы, послужившие для этого основой, мне не известны – никаких записей об этом в рукописи Зарудного нет, как нет и коллекционных материалов» (Иванов, 1969, с. 385). Это писал руководитель орнитологического отдела ЗИН, прекрасно знакомый как с коллекцией ЗИН РАН, так и с хранящейся там же неопубликованной рукописью Н.А. Зарудного о птицах Туркестана.

264. Горный конёк – *Anthus spinoletta* (Linnaeus, 1758)

water pipit (англ.), Wasserpieper, Bergpieper, Strandpieper (нем.), pipit spioncelle [maritime, aquatique] (фр)
тау жадырағы (каз.), тоо эрсынары (кирг.), тоғ йилқичиси (узб.)

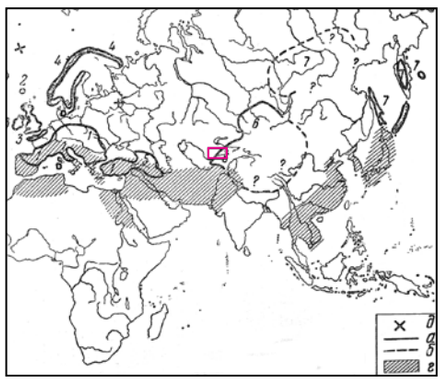
Синонимы: *A. petrosus schiöleri* Christiani, 1920; *A. orientalis* Brehm, 1855; *A. neglectus* Brooks, 1876.

Подвид. Из 6 подвидов в Тянь-Шане встречается один – *A. s. blakistoni* Swinhoe, 1863.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная и пролётная птица. Зимние встречи горных коньков в связи с выделением из его состава гольцового конька нуждаются в ревизии – действительно ли (и в каком количестве) были встречены зимой в Тянь-Шане именно *A. s. blakistoni*. Указание на оседлость горного конька в высокогорье Центрального Тянь-Шаня (Кыдыралиев, 1961) – явная ошибка.

Биотоп. Гнездится на высокогорных альпийских лугах, независимо от крутизны склона и от наличия или отсутствия скал и низкорослых кустиков стелющейся арчи, на высотах 2600-3600 м. В Западном Тянь-Шане большинство найденных гнёзд были приурочены к увлажнённым участкам высокогорья, самые низкие гнёзда найдены на высоте 2400 м (южный склон Чаткальского хребта), в остальных местах – выше 2700 м (Ковшарь, 1966, 1979; Губин, Губина, 1976; Фоттелер, 1995). На пролёте – в предгорной степи.

Распространение. Тянь-Шань расположен на западной границе ареала *A. s. blakistoni* (рис. 276). Здесь горный конёк гнездится практически во всех высокогорьях, где находит подходящие места (рис. 277). Отсутствие на этой картосхеме обозначений на некоторых высоких хребтах (Сусамыртау, Джумголтау, Борколдой, западные половины Заилийского и Кунгей Алатау) свидетельствует лишь о том, что из этих мест просто нет сведений, так же, как нет их с большей части высокогорий хребтов: Ферганского, Джетим, Молдотоо и др. И только для Кураминского хребта в Западном Тянь-Шане имеются принципиальные возражения: «Вызывают сомнения сведения о гнездовании горного конька по южным склонам Кураминского хребта в ур. Караулхона, горах Карамазар и Нодаксай и повсеместном гнездовании в горах Моголтау (Питикли, Боромбек и др.) (Абдусалямов, 1972), так как это не типичные для обитания вида сухие

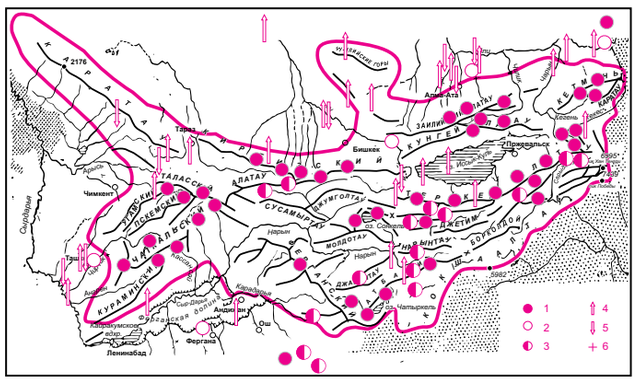

Рис. 276.Расположение Тянь-Шаня (прямоугольник) на границе ареала *A. s. blakistoni*. По: Гладков, 1954, с. 684
Рис. 277. Распространение горного конька в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

склоны, расположенные к тому же значительно ниже нижнего предела распространения. По нашему мнению, эти наблюдения, как и сведения о гнездовании горного конька по северным склонам Туркестанского хребта, приуроченные к ксерофитным участкам (Абдусалямов, 1972), должны относиться к полевому коньку, который здесь весьма обычен» (Фоттелер, 1995, с. 69). Аргументация эта вполне убедительная. Во всяком случае высокогорье Кураминского хребта не мешало бы обследовать более тщательно, как и высокогорье Ферганского хребта в других местах (помимо перевала Сарыкыр [Кугарт], где этот вид обычен и гнездование его не вызывает сомнений). Три самых нижних точки на рис. 277 обозначают участки высокогорья восточной части Алайского хребта и Алайской долины на перевале в Иркештам, где встречены поющие самцы 29 июня 2015 г. (Птицы Киргизии, 1960; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. На гнездовании в большинстве мест обычен, а во многих многочислен, являясь фоновым видом альпийских лугов и лужаек, – например, в Таласском Алатау (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). О численности здесь говорит тот факт, что на перевале Кши-Каинды (Аксу-Джабаглы, 3000 м) в 1971-1973 гг. Б.М. и О.М. Губины (1976) провели наблюдения у 81 жилого гнезда этого вида. «Плотность гнездования на северных склонах доходила до 5-6 пар на 1 га, в то время как на сухих щебенистых южных склонах, поросших редкими куртинками злаков, она значительно меньше (1 пара на 1 га). На северных склонах гнёзда располагаются в 10-50 м друг от друга, на южных – в 100-500 м, а порой и более» (Губин, Губина, 1976, с. 125). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (узбекская часть) численность горных коньков «повсеместно низкая» (Фоттелер, 1995), а в долине Пскема в 1949-1954 гг. его вообще не было до 80-х гг. (Корелов, 1956; Фоттелер, 1995). Однако в июле-августе 2002 г. горный конёк оказался одной из самых многочисленных птиц высокогорий Пскема: за месяц с небольшим встречено более 100 особей, среди них много молодых, которых кормили родители (В. Ковшарь, 2003). По всей вероятности, численность этого вида за 20 лет здесь многократно увеличилась. В Чаткальском заповеднике горного конька на участке Башкызылсай стали отмечать только с 90-х гг. XX ст. (Головцов, 2007). В Сарычелекском заповеднике был обычен на гнездовье (Воробьёв, Чичикин, 1966), а в 80-х гг. доминировал на альпийских лугах вместе с гималайским вьюрком и альпийской завирушкой (Лебяжинская, 2001). В арчовом стланике ущелья Чон-Кызыл-Су (Терскей Алатау) в 1962-1965 гг. в мае-июле учитывали до 10 особей/км^2, в августе – сентябре – 7, в октябре и марте – по 15 особей/км^2, а с ноября по февраль – ни одного конька (Второв, 1967). И нигде больше в Тянь-Шане на местах гнездования горных коньков зимой не находили, поэтому указания об оседлости птиц, которые можно встретить в некоторых литературных источниках, не соответствуют действительности.

На пролёте бывает многочислен как в северной равнинной части нашего района – на Сорбулаке (Белялов, Карпов, 2013), так и в предгорьях Западного Тянь-Шаня. На Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. учитывали до 305, а отлавливали – до 258 горных коньков за сезон, осенью – до 597. Всего в эти годы окольцовано 588 горных коньков весной и 2030 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). В весенние сезоны 1982-2016 гг. здесь поймали 658, в осенние – 3 224 горных конька (А. Гаврилов и др., 2017). Неожиданно много горных коньков оказалось в Чуйской долине 11-13 января 2008 г.: «Всего по берегам и отмелям р. Чу было встречено 40 птиц, из них 25 – 12 января на участке 10 км между пос. Рисполе и Кишмиши. Птицы встречались одиночками. Нигде в Семиречье горный конёк также не встречался в таком количестве на зимовке. Одиночные коньки отмечались не каждую зиму, и это явление всегда рассматривалось, как случайное» (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008, с. 91). Особо следует отметить, что здесь идёт речь именно об *A. s. blakistoni*, поскольку гольцовый конёк (*Anthus rubescens*) встречен там же всего один раз – 11 января одиночная птица.

Сроки. Даты. Весенний пролёт начинаетя в марте и длится до конца апреля – начала мая. Следует учесть, что многие визуальные наблюдения могут относиться и к предыдущему виду, особенно за те годы, когда он числился подвидом горного конька. К тому же не всегда можно установить начало пролёта в тех местах, где горный конёк встречается зимой. Так, птиц, добытых в Ферганской долине (Тергачи) 18 февраля 1970 г. правильнее, видимо, считать зимующими, а добытых 25 марта 1969 г. близ Андижана и 16 марта 1971 г. у Пунгана (предгорья Кураминского хр.) – пролётными (колл. САГУ; Фоттелер, 1995). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 5-23, в среднем 14 марта; интенсивный пролёт шёл 2-3 апреля 1969, 25 марта 1971 и 6 апреля 1974гг.; заканчивался пролёт 6 апреля (1974) – 1 мая (1970), в среднем за 10 лет – 19 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. крайние сроки пролёта 2 марта (1983) – 27 апреля (1986), срединная дата весеннего пролёта 8 апреля (А. Гаврилов и др.,

2017). В Чуйской долине в 1957-1959 гг. пролёт наблюдали с 16 марта по 6 апреля, на Иссык-Куле – с 20 марта по 22 апреля, в долине Атбаши много летело 20 марта – 8 апреля (Птицы Киргизии, 1960). Близ Алматы появление горных коньков отмечали 16-26 марта, в среднем за 8 лет – 22 марта; пролёт здесь заканчивался в середине апреля (Гаврилов, 1970). В долине Или, у Чарына, много их наблюдали 11-20 марта 1956 г., выше Борохудзира одного встретили 20 марта 1958 г., а через три дня их было здесь уже много (Гаврилов, 1970). В Карачингиле в 2004-2011 гг. первых горных коньков отмечали 13-26 марта (Бевза, 2012). В долине Копы заметный пролёт шёл 23 марта – 9 апреля 1987 г. и 25 марта – 23 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000); на Сорбулаке самые ранние встречи – 12 марта 2005 и 13 марта 2004 гг., самая поздняя – 13 апреля 2006 г. (Белялов, Карпов, 2013). В горах появляются на 1-2 недели позднее, чем в предгорьях: на Б. Алматинском озере (2500 м) первых отмечали 9 апреля 1972, 29 марта 1974, 4 апреля 1975 и 2 апреля 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Близ Нарынкола (Центральный Тянь-Шань) первые горные коньки встречены 31 марта 1957 г. и 5 апреля 1956 г. (Винокуров, 1960); в долине М. Кокпака – 26 марта 1951 г., а 19 апреля 1951 г. наблюдали пролётные стаи до 50-150 особей; 21 апреля 1952 г. двух добыли (Бибиков, 2009: КОБ-2008).

Осенью отлетают и пролетают в сентябре-октябре. Близ Джаркента в 1918 г. интенсивный пролёт шёл в середине сентября, наибольшей силы достиг к концу месяца, но ещё 21 октября продолжали лететь стайки, а в ноябре остались только немногочисленные зимующие (Шестопёров, 1929). В долине Или, восточнее Илийска (Капчагай), стайки держались ещё 24 октября 1965 г., в Карачингиле пролёт наблюдали с 24 сентября по 15 октября 2011 г. (Гаврилов, 1970; Бевза, 2012). В Заилийском Алатау, близ Алма-Аты, в середине сентября они ещё держались на субальпийских лугах; 24 сентября, несмотря на обильный снег, на Кумбели их было ещё много, а 4 октября осталось мало; под Алма-Атой 8 октября много коньков держалось на мочажинах (Гаврилов, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых горных коньков наблюдали и отлавливали 7 сентября – 7 октября, в среднем за 15 лет – 27 сентября; с 6 по 20 октября пролетело 82.3% всех учтённых, последних встречали 25-31, в среднем 29 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. крайние сроки пролёта здесь 10 сентября (2009) – 28 октября (1983, 2011), срединная дата осеннего пролёта – 13 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау к 8-11 октября 1933 г. большая часть горных коньков спустилась из альпийского пояса в субальпийский (озёра Айнакуль и Кызольгенкуль, 2200-2400 м), а 16 октября, после значительного снегопада в горах, Л.М. Шульпин (1956) встретил их стайками в степи под Сайрамом, уже на значительном расстоянии от гор. В.В. Шевченко в 1947 г. отметил массовый пролёт горных коньков в предгорной степи у Новониколаевки 31 октября – 1 ноября; это самые поздние встречи вида в данной местности – зимой он здесь ни разу не встречен (Ковшарь, 1966).

В окрестностях Ташкента Н.А. Зарудный добывал горных коньков в течение всего октября и ноября, а также в декабре и январе (колл. САГУ). Э.Р. Фоттелер (1995) в небольшом числе встречал горных коньков в Ферганской долине – в 40 км северо-западнее города Фергана во второй декаде декабря 1988 г.

Биология. Наиболее полное исследование размножения горного конька выполнено в Таласском Алатау (Губин, Губина, 1976, с. 123-138; Губин, 2012, с. 113-126). Авторы проследили весь летний цикл этого вида – от прилёта в средний пояс гор (1800 м) 26 марта 1972 г. и 17 марта 1973 г., постепенного продвижения к местам гнездования, которых коньки, по мере схода снежного покрова, достигли только к середине мая; до вылета птенцов из самых поздних кладок в июле; им удалось наблюдать две кладки у одной пары после успешного вылета птенцов первого репродуктивного цикла (в первой кладке самка отложила 5 яиц, из которых вылупилось 5 птенцов; во второй кладке из 4 яиц вылупилось только 2 птенца). По наблюдениям за 81 жилым гнездом в течение трёх сезонов (1971-1973) подробно описаны: гнездо и гнездовой участок, кладка, пуховые птенцы, процесс строительства гнезда, насиживания кладки и выкармливания птенцов, состав пищи птенцов (120 проб, взятых при помощи лигатур), а также потенциальная и реальная плодовитость: в 51 гнезде было отложено 241 яйцо, из которых вывелось 217 птенцов; из 79 гнёзд с прослеженной судьбой птенцы благополучно покинули 37 (47%). Дополнением к этим данным могут служить наблюдения над тремя гнёздами, проведенные там же в 1961-1964 гг. (Ковшарь, 1966). На южных склонах Западного Тянь-Шаня (Чаткальский и Кураминский хребты) в 1977 г. осмотрено 6 жилых гнёзд с кладками и птенцами (Фоттелер, 1995). В горах близ озера Чатыркуль (3500 м) 15 июня 1957 г. в гнезде было 5 свежих яиц; в горах, окружающих озеро Сонкуль (3000 м), 24 июня 1956 г. молодые были уже лётные; в верховьях р. Атбаши 8 июля 1958 г. в гнезде были

оперяющиеся птенцы, а на Покровских сыртах 14 июля 1955 г. встретили 5 перепархивающих слётков с родителями (Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960). В Заилийском Алатау, в районе Б. Алматинского озера (2500 м), описано 9 гнёзд (Гаврилов, 1970; Нейфельдт, Леонович, Малышевский, 1978; Ковшарь, 1979). Отдельные упоминания о гнёздах или слабо летающих птенцах имеются также в некоторых фаунистических публикациях (Штегман, 1954; Ковшарь, 1972; Торопова, 1999; Аракелянц, Березовиков, 2006; Джаныспаев, 2012; Тен и др., 2017).

265. Жёлтая трясогузка – *Motacilla flava* Linnaeus, 1758

yellow wagtail (англ.), Schafstelze, Wiesenstelze (нем.), bergeronnette printaniere (фр.),
сары шақшақай (каз.), сары жилкычы кучкач (кирг.), сариқ жибилажибон (узб.)

Синонимы: *Parus luteus* S.G. Gmelin, 1774; *M. flaveola* Pallas, 1811; *M. chrysogastra* Bechstein, 1811; *M. thunbergii* Billberg, 1828; *M. neglecta* Gould, 1832; *Budytes bema* Sykes, 1832; *B. gouldi* MacGillivray, 1840; *B. boarulus* Brehm, 1842; *B. chrysogaster* Brehm, 1842; *B. chlorocephalus* Brehm, 1851; *B. pallidus* Brehm, 1851; *B. brevicaudatus* Homeyer, 1878; *B. leucocephala* Przevalski 1887.

Подвид. Из 11-14 признаваемых в разное время подвидов в нашем районе встречаются на пролёте как минимум 5: *Motacilla flava flava* Linnaeus, 1758; *M. f. beema* Sykes, 1832, *M. f. thunbergii* Billberg, 1828, *M. f. zaissanensis* Polyakov, 1911, *M. f. leucocephala* Przevalski, 1887.

Характер пребывания. Пролетает весной и осенью через Тянь-Шань и его предгорья.

Биотоп. Влажные луговые места. В период миграций встречаются и в более сухих открытых местах, особенно среди стад пасущегося скота, но предпочитают берега рек, озёр и других водоёмов.

Распространение. Жёлтые трясогузки пролетают не только предгорьями Тянь-Шаня, но и в горах (рис. 278), только сведений для гор очень мало. В долинах рек Или, Чу и Талас весной и осенью они обычны, как и на Чокпакском перевале, а также вдоль западных подножий Тянь-Шаня. Странным образом даже в таких источниках, как сводки о птицах Памиро-Алая и Узбекистана (Иванов, 1969; Остапенко, Лаханов, 1995), нет никаких сведений об их пролёте у южной границы Тянь-Шаня – в Ферганской долине и предгорьях окружающих её хребтов. Для гор имеются лишь отдельные упоминания без подробностей. Так в верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1955-1957 гг. жёлтые трясогузки встречены только раз – 12 апреля 1956 г., но в большом количестве (Винокуров, 1960), ничего не сообщают об этой трясогузке и многократно бывавшие в этих местах в 1996-2004 гг. Н.Н. Березовиков и О.В. Белялов (Березовиков и др., 2004). О добыче осенью (с 14 августа по 16 сентября) в Киргизском хребте и на Сонкуле «нескольких экземпляров птиц, похожих на зайсанских жёлтых трясогузок M. f. zaissanensis Poljak., отличающихся от черноголовых хорошо выраженной светлой бровью и серовато-оливково-буроватым верхом головы» вскользь сообщается в сводке о птицах Киргизии (1960, с. 149), а в статье о весеннем пролёте птиц в долине Нарына в марте – мае 1983 г. жёлтая трясогузка есть в списке встреченных птиц (Кумушалиев, Шукуров, 1990). Так же лаконично в опубликованном списке птиц Чаткальского заповедника (Головцов, 2007) указано, что 12 сентября 1935 г. экземпляр этого вида добыт на пролёте И.И. Колесниковым. И только для Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) имеются более подробные сведения о численности и сроках пролёта этого вида в горах (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 1976).

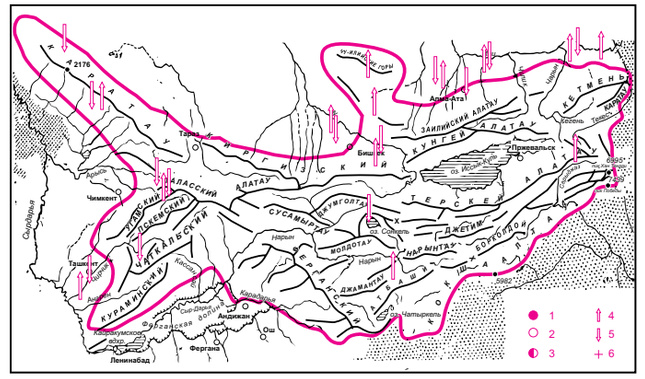

Рис. 278. Распространение жёлтой трясогузки в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Численность. На пролёте местами бывает многочисленной, но точных учётных данных нет. На Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 2 323, в осенние – 10 168 жёлтых трясогузок (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 7 740 и 21 327 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весенний пролёт – с марта до середины мая. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), где жёлтая трясогузка весной менее многочисленна, чем осенью, самая ранняя встреча – 9 марта 1960 г.; чаще встречается в смешанных стаях с другими трясогузками (Ковшарь, 1966). В горах (арчевники Кши-Каинды, 1800 м) только 22 марта 1973 г. одиночные жёлтые трясогузки летели утром на восток (Губин, 1976). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых отмечали 17 марта (1974) – 5 апреля (1975), в среднем 28 марта. Интенсивную миграцию трясогузок наблюдали здесь 24-25 апреля 1969, 15 апреля 1970, 21-22 апреля 1972 гг. Среди жёлтых трясогузок преобладали *M. f. beema* (67%), меньше летело *M. f. thunbergii* (14.3%) и *M.f. flava* (11.5%); относительно часто – *M. f. leucocephala* (6.7%) и дважды (0.5%) поймана *M. f. zaissanensis*. Заканчивался пролёт 1 мая (1967) – 25 мая (1977), в среднем за 13 лет – 13 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). Там же в 1982-2016 гг. крайние сроки пролёта были 30 марта (1983) – 27 мая (1993), срединная дата весеннего пролёта – 26 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). На стационарах в Чуйской долине начало пролёта жёлтых трясогузок (без указания подвидов) отметили 18 марта 1971, 20 марта 1974 и 15 марта 1976 гг. Массовый пролёт шёл в третьей декаде марта – первой половине апреля: 22 марта 1977 г. учтено 1500 трясогузок, 2 апреля 1976 г. – 3220, 10 апреля 1972 г. – 2500; окончание пролёта в Токмаке отметили 20 апреля 1972 и 1974 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы жёлтые трясогузки летели в большом числе на восток смешанными стаями с черноголовыми трясогузками с 26 марта по 10 мая 1987 г. и 16 апреля – 1 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке, где за один день весной можно встретить 10-20 жёлтых трясогузок, первой 31 марта 2002 г. встречена *M. f. thunbergii* (птицы этого подвида встречаются до конца апреля). С середины апреля (13 апреля 2006 г.) до середины мая летят *M. f. beema;* один раз, 1 мая 2006 г., встречен самец *M. f. leucocephala* (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле, где жёлтые трясогузки весной немногочисленны, первых в 2006-2011 гг. встречали 30 марта – 27 апреля (Бевза, 2012). У Джаркента слабый пролёт *M. f. beema* в 1918 г. наблюдали с середины апреля до 10 мая (Шестопёров, 1929).

Осенний пролёт идёт с августа по октябрь. Под Джаркентом 5 сентября 1918 г. их было ещё довольно много (Шестопёров, 1929). В Карачингиле их встречали (не каждую осень) с 6 августа (2007) до 2 сентября (2006) как одиночками, так и стайками до 15 особей (Бевза, 2012). На Сорбулаке численность осенью выше, чем весной – за день можно встретить до 100 трясогузок; крайние сроки: 20 августа 2006 г. и 18 сентября 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Чуйской долине осенний пролёт (конец августа – октябрь) менее заметен, чем весной, последних на стационарах Тюлек и Манас видели 1 октября 1974 и 15 октября 1976 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). В Каратау на маршруте с 25 августа по 15 сентября 2002 г. жёлтых трясогузок отмечали регулярно с 8 сентября: на берегах Турланского вдхр. и в Аксумбэ – 20 и 10, в ущелье Карагур и его предгорьях – 50 и 40 особей (Чаликова, Колбинцев, 2006). На Чокпаке осенью численность значительно выше, чем весной – отлавливали до 1807 за сезон. Начало пролёта в 1966-1981 гг. отмечали 10 августа (1969) – 31 августа (1979), в среднем за 12 лет – 25 августа; с 1 по 20 сентября учтено 79.6%; последних встречали 6 октября (1978) – 31 октября (1970), в среднем за 12 лет – 16 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). Там же с 17 августа (1986) по 26 октября (1996) окольцевали более 21 тысячи жёлтых трясогузок; срединная дата осеннего пролёта – 10 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), первое появление жёлтых трясогузок в степях по Балдабреку (1900 м) А.П. Коровин отметил 24 августа 1926 г.; 13 августа 1933 г. они уже были в степях у Кши-Чимбулака, а 15 августа 1935 г. – около Новониколаевки (Шульпин, 1956). На суходольных лугах Улькен-Каинды (1900 м) я встретил первых уже 16 августа 1961 г., а на субальпийских лугах Топшак-саза (2700 м) – 29 августа 1962, 24 августа 1963 и 25 августа 1964 гг. (Ковшарь, 1966). Валовой пролёт жёлтых трясогузок в горах шёл с 20 августа по 3 сентября 1933 г. и с 22 августа по 6 сентября 1935 г., когда они летели крупными стаями – до 100 особей, часто вместе с другими трясогузками (Шульпин, 1956). Там же пролёт начался 8 августа 1972 и 20 августа 1973 гг. С этого времени трясогузки летели всеми поясами гор – от 1200 до 3000 м. Так, 9 сентября 1971 г. и 6 сентября 1973 г. на перевале Кши-Каинды (3000 м) в полдень часто пролетали стаи по 10-50 трясогузок, а около лошадей собиралось до 100 птиц. По ежедневным учётам пик пролёта (7500 особей/день) пришёлся на 15 сентября 1972 г. В этот день трясогузки летели весь день только над руслом р. Джабаглы,

так как выше 2300 м всё было закрыто облаками. В 1973 г. трясогузки наиболее интенсивно летели в августе (125 трясогузок/день), в сентябре учтено 43 особи/день, в октябре – 19 птиц/день (Губин. 1976).

266. Черноголовая трясогузка – *Motacilla feldegg* Michahelles, 1830

black-headed wagtail (англ.), Maskenstelze (нем.), bergeronnette à tête noire (фр.),
қарабас шақшақай (каз.), кара башыл жылкычы кучкач (кирг.), қорабошли жибилажибон (узб.)

Синонимы: *Budytes nigricapilla* Bonaparte, 1850; *B. aralensis* Homeyer, 1878; *B. melanocervix* Homeyer et Tancre, 1883; *Motacilla xanthophrys* Sharpe, 1885.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане один – *Motacilla feldegg melanogrisea* Homeyer, 1878.

Характер пребывания. Гнездится и пролетает в подгорной полосе, реже – в горах (рис. 279).

Биотоп. Влажные травянистые места вблизи водоёмов, заросшие осокой сырые низины, на берегах озера Бийликуль – мокрые солончаки. Гнездится также по окраинам посевов (долина Копы).

Распространение. Гнездится в долинах рек Или, Чу, Талас, Сырдарья и в нижнем течении их притоков, поднимаясь до предгорий, примерно до 600-700 м над уровнем моря. По северной окраине нашего района гнездование известно для районов Джаркента, Карачингиля, окрестностей Алматы (северная окраина города в долинах рек Б. и М. Алматинки), на Сорбулаке, в долинах рек Каскелен, Копа, Куртты (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Шнитников, 1949; Бородихин, 1968; Гаврилов, 1970; Ковшарь, Березовиков, 1999; Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). Для Чу-Илийских гор гнездование не указано, но по северному их шлейфу, в месте контакта со степью Жусандала и песками Таукум, черноголовая трясогузка местами гнездится около разливов артезианских скважин и близ посёлков. В долине Чу гнёзда её находили у Чумышской плотины (Умрихина, 1970), в предгорьях Киргизского Алатау в 1929 г. Л.А. Портенко (1961) встречал черноголовых трясогузок 16-30 июня на огородах около Мерке, а 13 июня – на влажных лугах в долине Таласа между Гродековым и Джамбулом (ныне Тараз). «Фоновый вид на мокрых солончаках восточного берега Бийликуля. В меньшем числе гнездится в окрестностях пос. Карабастау по сырым низинам, заросшим осокой. На лугах южного берега встречаются редкие пары» (Губин, Карпов, 1999). В Джувалинской долине и в верховьях Арыси, у Чокпака, её нет, а в районе Аксу-Джабаглы летом её встретил А.П. Коровин только раз – 29 июня 1926 г. у выхода из гор р. Джабаглы. Л.М. Шульпин (1956) справедливо полагает, что это был бродячий летний экземпляр, поскольку подходящие для неё места обитания встречаются ниже 700 м, в более широкой части долины Арыси; ни разу не попадалась она и мне в 1959-1966 гг. (Ковшарь, 1966). Для южного макросклона Западного Тянь-Шаня, обращённого к Ташкенту, черноголовая трясогузка указана как «гнездящаяся птица самого нижнего, адырного пояса гор, где придерживается широких долин гор. В целом этот равнинный вид не характерен для горных районов и выше 1000 м не отмечался» (Митропольский, 2005). В горах гнездование доказано только для Иссык-Кульской котловины (Степанян, 1959; Птицы Киргизии. 1960; Торопова, 1999; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016). В 1912 г. в гнездовое время встречена на озере Тузколь в Центральном Тянь-Шане: «Единственная моя встреча с этой трясогузкой в горном Семиречье на высоте около 2000 м, в долине оз. Бурадо-Босун и тут же поблизости, на Текесе (1900 м). На озере птички держались на болотистом лугу по берегам этого солоноватого водоёма

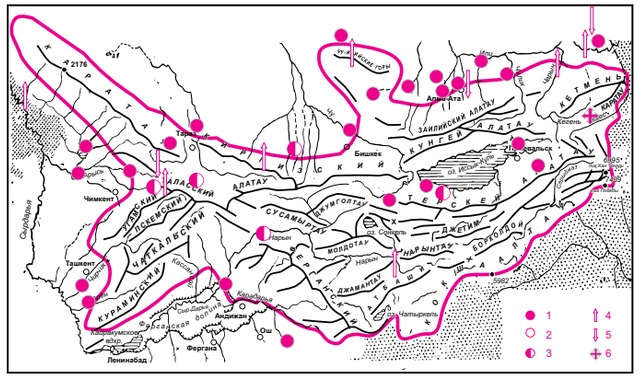

Рис. 279. Распространение черноголовой трясогузки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи,
4, 5 – пролёт весной и осенью, 6 – былое гнездование

в обстановке, в сущности ничем не отличающейся от той, в которой они живут и внизу; этот район представлет собой самый обычный степной ландшафт низменного Семиречья с полынью, чием и даже многочисленными норками тарантулов. Здесь встречаются и другие жители равнины: дрофа, журавль-красавка и бульдурук» (Шнитников, 1949, с. 432). Ни работавший в 1955-1957 гг. в этих местах А.А. Винокуров, ни часто посещавшие это место в 1996-2002 гг. Н.Н. Березовиков и О.В. Белялов (Березовиков и др., 2004) ни разу черноголовую трясогузку здесь не встречали и пришли к выводу, что она исчезла из этого района (хотя доказательств гнездования не было и у В.Н. Шнитникова, т.е. не гнездилась она и в его время).

Есть также указание на гнездование этого вида в долине Кочкорки и в пойме Нарына близ Учкургана (Птицы Киргизии, 1960), выше по Нарыну одну черноголовую трясогузку видели 21 июня 2017 г. западнее города Токтогул (Архипов, Коблик и др., 2018), а на северном склоне Алайского хребта гнездо с 4 слегка насиженными яйцами нашёл 5 мая (год не указан) Е.Л. Шестопёров в Чийирчике близ Гульчи (Иванов, 1969). В последней работе приводятся ещё интересные сведения о распространении этого вида: «На севере страны[8] найдена на пролёте в Гульче (колл.ЗИН). По наблюдениям Зарудного, гнездилась в сырых лугах долины Сырдарьи у ст. Мельниково и в центральных частях Ферганы на оз. Марашуле и на озёрах к востоку от Багашамаля» (Иванов, 1969, с. 329). К сожалению, в очерке об этом виде в сводке «Птицы Узбекистана» (Остапенко, Лаханов, 1995) эти сведения упущены и вообще весь очерк написан в основном по данным из долины Амударьи, Зеравшанской долины и Голодной степи; Сырдарья и Ферганская долина почти не упоминаются.

Численность. На гнездовании в нашем районе повсюду немногочисленна, в том числе на Сорбулаке, где образует небольшие колонии по 5-10 пар, и в долине Копы, где поселяется группами по 2-4 пары. На юго-западном побережье Иссык-Куля распространена более или менее равномерно по влажным лугам и сазам вместе с желтоголовой трясогузкой, которой уступает в численности (Степанян, 1959). На Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 1041, в осенние – 861, а в 1982-2016 гг. – соответственно 1350 и 467 черноголовых трясогузок (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной прилетают в марте, на юге Средней Азии (Термез) – в середине месяца (Иванов, 1969); пролёт идёт до середины мая. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых отмечали 22 марта (1974) – 8 апреля (1968, 1976), а до середины апреля пролетало 88.8% всех учтённных особей; завершался пролёт 27 апреля (1969) – 18 мая (1974), в среднем 11 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982 – 2016 гг. крайние сроки пролёта 31марта (1987) – 25 мая (1983), срединная дата весеннего пролёта – 15 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) одиночки и стайки встречались 15-17 мая 2000 и 28-29 мая 2001 гг. (Коваленко и др., 2002). У северных подножий Киргизского Алатау вдоль дороги «ст. Луговая – Акыртюбе» много пролётных встречено 4 и 5 апреля 1958 г. (Корелов, 2012). В Чуйской долине попадалась среди 5.5 тысяч жёлтых трясогузок нескольких видов, встреченных здесь 25 марта 1974 г. (Торопова, 1978). В долине Нарына также отмечена среди пролётных жёлтых трясогузок в марте-апреле 1983 г. (Кумушалиев, Шукуров, 1990). В Алма-Ате на пролёте встречена только раз – 21 апреля 1957 г. во время снегопада (Бородихин, 1968). В долине Копы в 1987 г. 16 апреля самцы появились уже на местах гнездовий (Ковшарь, Березовиков, 1999), а вдоль северного шлейфа Чу-Илийских гор (Жусандала) выраженный пролёт в 1996 г. наблюдали с 11 апреля до 17 мая (Березовиков и др., 1999). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 7 апреля 2001 г. (Белялов, Карпов, 2013), в Карачингиле – 28 марта 2011, 30 марта 2008 и 10 апреля 2010 гг. (Бевза, 2012). Под Джаркентом в 1900 г. появилась 4 апреля, или 21 марта по ст. ст. (Зарудный, Кореев, 1905). Восточнее, близ Кульджи, 11 апреля 1913 г. «уже в порядочном числе наблюдалась на луговом берегу р. Или: 11 апреля 1918 г. здесь же продолжался оживлённый пролёт» (Шестопёров, 1929, с. 176).

Осенний пролёт у Джаркента начинается в середине августа и продолжается до конца первой трети сентября (Шестопёров, 1929). На Сорбулаке самая поздняя встреча – 28 августа 2004 г., позже они терялись в большой массе пролётных жёлтых трясогузок (Белялов, Карпов, 2013). В Чуйской долине была среди тех 5 тысяч пролётных трясогузок, которых наблюдали в Токмаке 13 сентября 1974 г. (Торопова, 1978). Вообще в свежем пере они плохо отличимы от других жёлтых трясогузок (а самки и молодёжь вообще неотличимы). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 29 августа – 3 сентября, в среднем 31 августа; до 15 сентября окольцовано 81.3% черноголовых трясогузок от всех

[8] Имеется в виду Памиро-Алай – *АК*

861, отловленных осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их кольцевали с 24 августа (1986) по 28 сентября, срединная дата осеннего пролёта – 4 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Интересные наблюдения над пролётом трясогузок в горах Таласского Алатау (средний пояс выше 1900 м) провёл в августе – сентябре 1971-1973 гг. Б.М. Губин (1976).

Биология. В Тянь-Шане специально не изучалась. Имеются лишь отрывочные сведения. В долине Копы в 1987 и 1988 гг. нам удалось провести некоторые наблюдения у 4 гнёзд. Первые пары отмечены здесь 20 апреля, собирающие материал для гнёзд трясогузки – 29 апреля 1987 г., а подготовленная гнездовая ямка, которую только начали выстилать стебельками осоки и корешками – 27 апреля 1988 г. Описан ток самцов, который мы наблюдали 10 мая 1987 г. и 8 мая 1988 г.; спаривание отмечено 14 мая. В одном гнезде 18 мая 1988 г. было 6 яиц (25 мая – 5 птенцов, 4 июня вылетели), во втором 24 мая 1988 г. – 6 слабо насиженных яиц (27 мая растоптано овцами), в третьем 4 июня 1988 г. – 5 насиженных яиц (8 июня осталось 2 яйца). Приведены описания расположения и размеры этих гнёзд и 17 яиц, а также описание пухового птенца: «желтоватый пух длиной 5 мм располагался на 5 птерилиях: надглазничной, затылочной, плечевой, локтевой и спинной. У одного из 5 птенцов отмечены рудиментарные пушинки на бедренной птерилии, а у 4 из 5 на надглазничной птерилии находилось лишь по одной пушинке» (Ковшарь, Березовиков, 1999, с. 128).

В Терской Алатау в нижней части ущелья Чон-Кызыл-Су 13 июня 1953 г. пара черноголовых трясогузок носила корм в гнездо, которое найти не удалось; 20 июня 1953 г. в ущелье Кок-Сай в гнезде на берегу ручья были 4 слабо насиженных яйца; 3 июля 1953 г. на западном побережье Иссык-Куля видели слётков, недавно покинувших гнездо, а 5 июля 1954 г. там же было много слётков – от самостоятельных до недавно покинувших гнездо (Степанян, 1959). В Чуйской долине около Чумышской плотины 8 мая 1962 г. в гнезде было 4 свежих яйца, а 30 мая 1960 г. гнездо только строили; слётков встречали в конце мая и в июне (Умрихина, 1970). Опубликованы также данные о двух кладках, коллектированных Г.В. Вердиным: «оз. Иссык-Куль, Тюп, 11 мая 1973 г. (4 свежих яйца); Нарын, Кара-Куджур, 1972 (3 яйца)» (Торопова, 1999, с. 221).

267. Желтолобая трясогузка – *Motacilla lutea* (S.G. Gmelin, 1774)

lutea yellow wagtail (англ.), Grünköpfige Schafstelze (нем.), bergeronnette à tête jaune (фр.), сарымандай шақшақай (каз.), фотимачумчуки зардпешона (тадж.), сариқ пешанали жибилажибон (узб.)

Синоним: *Budytes flavifrons* Severtzov, 1875. Желтоспинная трясогузка (Гладков, 1954).

Южная граница ареала этой трясогузки проходит «… в северном Казахстане до 50-й параллели, в восточном Казахстане до северного склона Тарбагатая. Имеются указания на изолированное гнездование в низовьях и дельте Сырдарьи, на восточном побережье Аральского моря, а также у юго-восточного угла Каспийского моря» (Степанян, 2003, с. 405). В нашем районе известны всего две встречи. О первой сообщается в сводке «Птицы Семиречья»: «Гильденстольпе упоминает об экземпляре трясогузки, добытом 17/III 1910 г. в Нарыне, определяя его как *B. flava taivana* Swinh. Так как ареал этой трясогузки – Дальний Восток и Сахалин, с зимовками в юго-восточной Азии, то мало вероятно, чтобы она могла попасть в Нарын. Надо полагать, что здесь произошла ошибка в определении и что в действительности речь идёт о форме *B. flava lutea*» (Шнитников, 1949, с. 434). Второй случай – недавний: одну желтолобую трясогузку окольцевали на Чокпаке 23 апреля 2000 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Кроме того, есть указание, что этот вид отмечен в Кызылкумах и под Ташкентом (Гладков, 1954). Интересные сведения и соображения по этому виду приводит А.И. Иванов (1969, с. 329): «Желтолобая жёлтая трясогузка – *M. f. lutea*, видимо, лишь очень редко бывает на пролёте в пределах Памиро-Алая. Зарудный и Билькевич (1918) указывают на пролёт в верхнем течении Амударьи. Даль (1941) упоминает об экземпляре, добытом 15 августа 1936 г. в районе Самарканда у кишл. Актюбе. Наконец, Столичка (Sharpe, 1891) добыл её 9 и 10 мая 1874 г. на юго-востоке Памира в долине Сарыкол». Все эти сведения, с учётом того, что граница этого вида подходит к Тарбагатаю (см. выше), дают основание ожидать в Тянь-Шане и его предгорьях не случайные залёты, а слабый пролёт этого немногочисленного здесь вида.

268. Желтоголовая трясогузка – *Motacilla citreola* Pallas, 1776

citrine wagtail (англ.), Zitronenstelze (нем.), bergeronnette citrine (фр.),

Синонимы: *Motacilla citrinella* Pallas, 1811; *Budytes citreola iranica* Zarudny,1909.

До начала XXI ст. все три желтоголовые трясогузки (включая черноспинную) считались подвидами одного вида *Motacilla citreola* Pallas, 1776, в том числе и в сводках по территории СССР и крупных регионов (Шнитников, 1949; Гладков, 1954; Портенко, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Гаврилов, 1970 и др.). Многие десятилетия сведения о распространении, фенологии и т.д. накапливались в литературе совместно для всех трёх форм и разделить их сейчас далеко не всегда представляется возможным, поскольку подвидовая принадлежность наблюдавшихся особей изначально не была установлена. А сложности с определением их подвидов (ныне – видов) привели к таким казусам, как утверждение о том, что в Иссык-Кульской котловине гнездится *Motacilla citreola,* а *Motacilla werae* вообще не встречается на территории Киргизии, т.е. во всех внутренних и центральных районах Тянь-Шаня (Птицы Киргизии, 1960). Очень примечательна следующая информация в данной сводке: «Кроме описанных двух подвидов [*M. citreola, M. calcarata – АК*] имелись в коллекции 7 самцов переходной формы от черноспинных к сероспинным: чёрный ошейник очень широкий, захватывает шею и переднюю часть спины. Они добывались в марте, апреле и в июне на Сусамыре, в Кочкорке, на Иссык-Куле, в Алайской долине и Таласе. Таким образом, в Киргизии гнездятся оба подвида, между ними наблюдаются переходные формы» (Птицы Киргизии, 1960, с. 147). Кстати, подобные переходные формы я встречал неоднократно в разных местах Внутреннего Тянь-Шаня и в истоках Таласа. Наличие их ещё более усложняет полевое определение теперь уже не подвидов – а видов (и, возможно, свидетельствует о преждевременности их разделения).

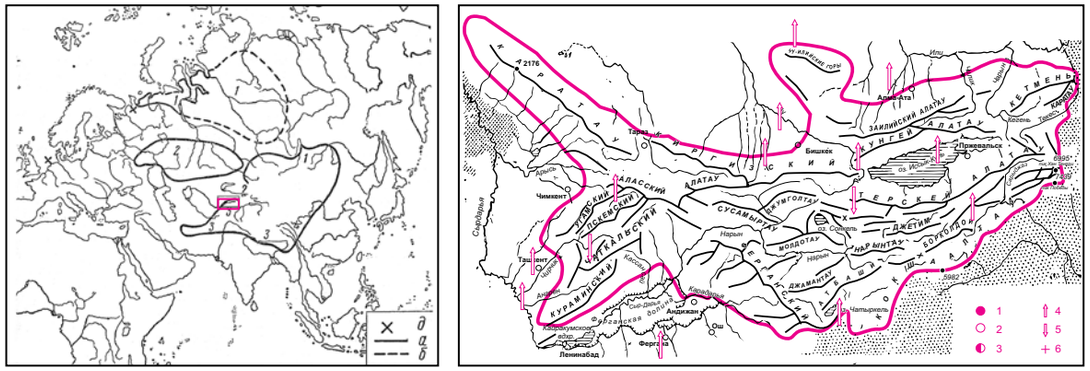

Рис. 280. Ареалы желтоголовых трясогузок: 1 – *M. citreola,* 2 – *M. werae,* 3 – *M. calcarata* (Гладков, 1954, с. 623)
Рис. 281. Распространение желтоголовой трясогузки *M. citreola* в Тянь-Шане: 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Возвращаясь к номинативной, так сказать исходной форме *Motacilla citreola*, следует сказать, что в нашем районе она встречается только на миграциях (рис. 281), причём точными сведениями о сроках этого пролёта мы не располагаем, поскольку не только визуально на расстоянии, но даже при кольцевании на стационарах, их не отделяли от *M. werae,* выделяя только хорошо отличающихся *M. calcarata* (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Поэтому сроки пролёта привожу вместе со следующим видом. Лишь два экземпляра, добытые мной в Аксу-Джабаглы 14 и 27 марта 1963 г., И.А. Долгушин определил, как номинативный подвид *Motacilla citreola citreola* (Ковшарь, 1966).

269. Малая желтоголовая трясогузка – *Motacilla werae* [*citreola*] (Buturlin, 1907)

citrine wagtail (англ.), Zitronenstelze (нем.), bergeronnette citrine (фр.),
сарыбас шақшақай (каз.), сары башыл жылкычы кучкач (кирг.), сариқбошли жибилажибон (узб.)

Синонимы: *Budytes citreola sindzianicus* Portenko 1960; *B. c. quassatrix* Portenko, 1960.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане гнездится *M. w. sindzianicus* Portenko 1960, а северный *M. w. werae* встречается на пролёте (Рябицев и др., 2019, с. 223).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная и пролётная птица. Зимует в юго-восточной Азии.

Биотоп. Влажные места: берега рек и озёр, кочковатые луга и мочажины (сазы).

Распространение. На гнездовании чаще встречается в восточной части нашего района, во время миграций – более широко (рис. 282). В Центральном Тянь-Шане в 1953 г. в значительном количестве населяла луга и кочкарниковые болота Чулкудинской долины в южных предгорьях Кетменя, целая серия добыта в 20-х числах апреля 1940 г. на берегу озера Тузколь (Корелов, 1956). Однако уже в 90-х гг. в этих местах преобладала *Motacilla calcarata* (черноспинная), а *M. werae* везде уступала ей в численности (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Южнее, на сыртах Центрального Тянь-Шаня также везде уступает в численности черноспинной, что подтверждают в частности наши наблюдения 2004, 2005 и 2006 гг. Так 29 июля 2005 г. в верховьях р. Куйлю среди массы черноспинных *M. calcarata* я встретил два выводка, которых кормили сероспинные самцы (один – только с узким чёрным зашейком, второй – вообще без чёрного). В Кичине Кара-Куджуре 2 августа 2006 г. среди массы черноспинных я встретил всего двух сероспинных с узким чёрным ошейником на затылке. В июле 1999 г. среди преобладающих везде во Внутреннем Тянь-Шане черноспинных трясогузок мы встретили всего лишь 5 самцов сероспинных: двух – 16 июля перед перевалом Долон, двух – на спуске по р. Оттук и одного – на правобережном притоке Алабуги у с. Караборгон, причём последний встречен рядом с типичным черноспинным самцом (Ковшарь, Торопова, 2000). Наконец, 1 августа 2004 г. на северном склоне Таласского Алатау в его самой восточной части (на спуске с перевала Отмёк) среди нескольких черноспинных самцов один сероспинный носил корм для птенцов-слётков (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В списке птиц Сарычелекского заповедника желтоголовая трясогузка, без указания подвида, значится в графе «залёт» (Воробьёв, Чичикин, 1966). К этой же, видимо, категории следует отнести и следующее наблюдение на берегу озера Бийликуль: «*Motacilla citreola.* 15 мая 1991 г., возможно при попытке загнездиться, мы наблюдали самку со строительным материалом в сопровождении самца. Пара держалась здесь до 19 мая» (Губин, Карпов, 1999). К сожалению, подвидовой (по тем временам) принадлежности наблюдавшихся птиц авторы не указывают. Гнездование на северном берегу Иссык-Куля, в Чон-Кемине и в долине Чу, указанное для номинативного подвида *Motacilla citreola citreola* (Птицы Киргизии, 1960), следует всё же отнести к малой желтоголовой трясогузке *M. werae.*

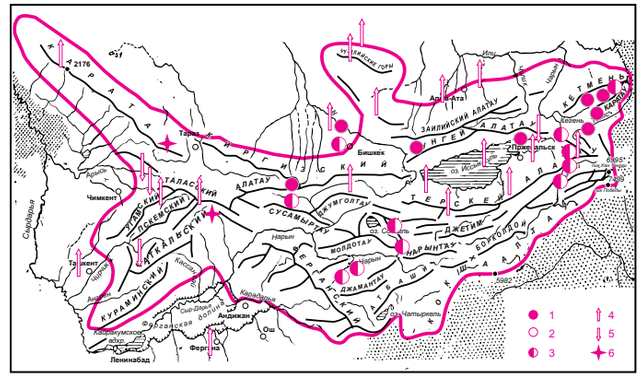

Рис. 282. Распространение малой желтоголовой трясогузки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Численность. Конкретных данных нет, но всюду уступает в численности черноспинной трясогузке. Только на пролёте сероспинные желтоголовые трясогузки (два вида) встречаются повсеместно явно чаще, чем черноспинные. На Чокпаке в 1966-1981 гг. среди 106 отловленных весной самцов трёх видов только 10 принадлежали к черноспинным *M. calcarata,* которые мигрируют позже сероспинных, а осенью в отловах попадались только отдельные особи (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной отловили 535, а осенью – 225 особей всех трёх видов, т.е. *Motacilla citreola* в широком смысле (А. Гаврилов и др., 2017). На Сорбулаке на весеннем пролёте в 1981-1986 г. из 599 отловенных самцов желтоголовых трясогузок, только 20 были черноспинными; среди остальных преобладали *M. c. quassatrix*, в меньшем количестве встречались *M. c. citreola* и *M. c. werae* (С.Н. Ерохов, по: Белялов, Карпов, 2013).

Сроки. Даты. Весной летят вместе с предыдущим видом и сведения по ним в литературе не разделены. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых встречали 14 марта (1970, 1972) – 1 апреля (1979), в среднем – 20 марта, последних – 24 апреля (1969) – 24 мая (1975), в среднем – 11 мая; в 1982-2016 гг. их отлавливали с 20 марта (1987) по 20 мая (1995), срединная дата весеннего пролёта – 10 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине прилёт отметили 10 марта 1961 (окрестности г. Фрунзе), 6 марта 1973, 15 марта 1972 и 1977, 16 марта 1974, 18 марта 1976 и 23 марта 1975 гг., причём 15 марта 1973 г. насчитали 1500, а 23 марта 1974 г. – 1050 желтоголовых трясогузок всех трёх видов (Торопова, Шукуров, 1991). На Иссык-Куле прилёт их отметили 17 марта 1957 г. (Птицы Киргизии, 1960), а 27-30 марта 2004 г. насчитали 262 желтоголовых трясогузки, из них 162 – на западном берегу, 47 – на северном, 17 – на южном и 36 – на восточном (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В долине Копы заметный пролёт в основном сероспинных желтоголовых трясогузок мы наблюдали с 24 марта по 16 апреля 1987 г. и 25 марта – 18 апреля 1988 г. (Ковшарь, Берзовиков, 2000). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 10 марта 2002 г., самая поздняя – 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле (устье Тургени) в 2006-2011 гг. появлялись с 10 по 16 марта; максимальное число единовременно – два десятка трясогузок на льду озера 14 марта 2009 г.; летом и осенью не отмечены (Бевза, 2012). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) пролёт отмечали только весной: с 18 марта по 12 апреля 1956 г. и с 31 марта по 6 апреля 1957 г. (Винокуров, 1960). Северо-восточнее, около Кульджи в верхнем течении Или, первая *M. werae* появилась 20 марта 1913 г., с 23 марта до 5 апреля пролётные стайки их встречались довольно часто, а возле Джаркента ещё 25 апреля 1918 г. отмечена масса пролётных (Шестопёров, 1929). В 1900 г. первая у Джаркента замечена уже 16 марта, заметный пролёт шёл до конца месяца (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенний пролёт малозаметен и данных по нему очень мало – нет их даже по таким местам как район Джаркента, Карачингиля и Сорбулака. По Чуйской долине все сведения ограничиваются фразой «летит во второй половине сентября вместе с другими трясогузками» (Торопова, Шукуров, 1991). Для Тюпского залива Иссык-Куля есть сведения, что в 1974 г. пролёт начался в августе, причём, как и весной, 80% этих трясогузок пролетели на восток, в сентябре примерно одинаковое число пролетело на восток и на запад, а последние в октябре снова летели на восток; наблюдения относятся ко всем трём видам желтоголовых трсогузок (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). На Чокпаке осенью встречались редко: в 1966-1981 гг. отдельных отмечали 28 августа 1972 и 13 сентября 1967 гг., а отловили всего 4 особи – 9 сентября 1966 и 10-11 сентября 1969 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 22 августа (1986) по 5 октября (1992) поймали 225 желтоголовых трясогузок; срединная дата пролёта – 15 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). На Чирчик-Ангренском водоразделе (Западный Тянь-Шань) в третьей декаде августа 1948 г. наблюдали большие скопления сероспинных желтоголовых трясогузок (у авторов – *M. c. citreola*) около водопоев для скота в высокогорной степи у высоты Кызыл-Нура (Железняков, Колесников, 1958).

Биология. Не изучена. Имеются отрывочные сведения о найденных гнёздах и встреченных выводках, но, к сожалению, без указания подвидовой (сейчас – видовой!) принадлежности. Таковы сведения о более чем 10 гнёздах на Иссык-Куле и Покровских сыртах (Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Торопова, 1999), а также о 5 гнёздах из Чуйской долины (Умрихина, 1970). Только для долины Чулкудысу и Тузколя приводятся сообщения о появлении с 23 июня 1953 г. слётков *M. c. werae* (Корелов, 1956) и там же, в Чулкудысу, выше устья р. Алтынген (2100 м) 2-3 августа 2006 г. встретили два выводка сероспинной формы – по всей вероятности *M. c. werae* (Березовиков, Карпов, Анненков, 2007: КОБ-2006).

270. Черноспинная трясогузка – *Motacilla calcarata* [*citreola*] Hodgson, 1836

citrine wagtail (англ.), Zitronenstelze (нем.), bergeronnette citrine (фр.),
сарыбас шақшақай (каз.), сары башыл жылкычы кучкач (кирг.), сариқбошли жибилажибон (узб.)

Синонимы: *Budytes citreoloides* Gould, 1865; *M. citreola weigoldi* Rensch, 1924.
Подвидов нет. До недавнего времени сама была подвидом *Motacilla citreola* Pallas, 1776.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная. Зимует в Индии, Индокитае, Южном Китае.
Биотоп. Влажные места: берега рек и озёр, кочковатые луга и мочажины (сазы).
Распространение. Довольно широко гнездится в высокогорье Центрального, Внутреннего, Западного, а в последние годы – и Северного Тянь-Шаня (рис. 283). До 80-х гг. XX ст. считалось, что эта трясогузка гнездится только в центральных и внутренних районах Тянь-Шаня и отсутствует в Западном и Северном Тянь-Шане, включая северную часть Центрального Тянь-Шаня, в районе хребта Кетмень и верховьев Текеса. Но в 1976-1980 гг. её обнаружили на гнездовании в верховьях рек Ангрен и Ойгаинг в Западном Тянь-Шане, в 1989 г. – на южном склоне Заилийского Алатау и в 1993 г. – в долинах Каркары и Чулкудысу в Центральном Тянь-Шане (Митропольский и др., 1981; Фоттелер и др., 1984; Гаврилов и др., 1993; Ковшарь, Губин, 1993); в последнем месте гнездование затем подтвердилось для района озера Тузколь и долины Текеса (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Вскоре последовали новые нахождения в долине р. Чилик, в восточной, а затем – и в западной частях Заилийского Алатау (Панов, 2006: КОБ-2005; Джаныспаев, 2011, 2012; Коваленко, 2012), а также в более северных участках Западного Тянь-Шаня: в верховьях рек Каскасу и Майдантал (Иващенко, 2004; Чаликова, 2004: КОБ-2003). Но наиболее плотно населены этой трясогузкой высокогорья центральных и внутренних районов Тянь-Шаня – от Сарыджазских сыртов на востоке до Сусамырской и Арпинской высокогорных долин на западе, включая котловину высокогорного озера Чатыркуль и Аксайскую долину на юге Тянь-Шаня (Янушнвич, Кыдыралиев, 1956; Степанян, 1959; Кыдыралиев, 1961, 1972; Крылов, 1969; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003, 2005; Архипов, Коблик и др., 2018). Ещё южнее она многочисленна в восточных частях Алайского хребта (Гульча, Чийирчик, Талдык) и по всей высокогорной Алайской долине (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко Кулагин, 2016).

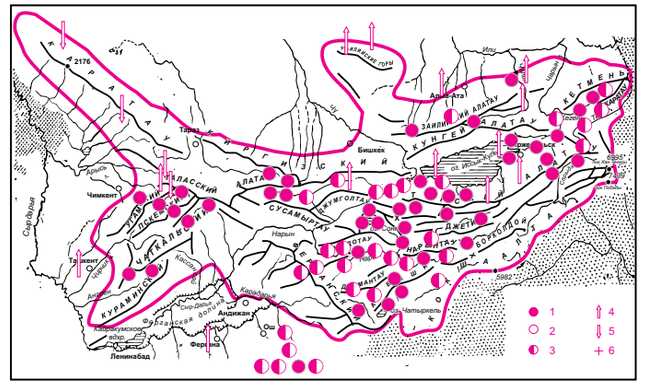

Рис. 283. Распространение черноспинной трясогузки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Численность. Самая многочисленная из трясогузок в высокогорье. Хотя точных данных, основанных на учётах, для этого вида нет и приходится пользоваться косвенными показателями. Единственные учёты, проведенные П.П. Второвым (1972) в июле 1968 г. близ перевала Санташ (из Иссык-Кульской котловины в Каркару), включают в себя *Motacilla citreola* в широком смысле (ныне – три вида!): на разнотравно-злаковых лугах высокой террасы р. Ирсу он насчитал 10 особей/км^2, а на осоково-злаковых лугах – 20 особей/км^2. Можно только предполагать, что большая часть из них были черноспинными трясогузками. О численности гнездящихся на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня можно судить по тому, что в 1976-1980 гг. в верховьях Ангрена и Ойгаинга провели наблюдения у 47 гнёзд этого вида (Митропольский и др., 1981; Фоттелер и др., 1984); в июле-августе 2002 г. в верховьях Пскема (Ихначкуль, Тастарсай, Ойгаинг, Шабырсай) встретили около 90 взрослых особей и нашли гнездо с птенцами (В. Ковшарь, 2003), а в июле 2016 г. по Ойгаингу от Байкыраксая до верхних болот Шабырсая (2300-3000 м) встретили 98 черноспинных трясогузок (Тен и др.. 2017). На наших маршрутах 1999-2006 гг. по Центральному и Внутреннему Тянь-Шаню везде в большом числе встречалась именно *Motacilla calcarata,* а сероспинные – только единично; при этом черноспинная трясогузка была фоновым видом в Сусамырской, Чаткальской и Кочкорской долинах; на северных склонах Ферганского хребта в районе перевалов Макмал и Аккоюн; на южных и северных склонах хребтов Ак-Шийрак, Кара-Джоро и Байдулу а также по левобережью Нарына и правому берегу его притока Алабуги: а по дороге от Нарына на перевал Долон 2 августа 2006 г. оказалась вообще самой многочисленной птицей. Очень многочисленной была она в Алайской долине: с 21 по 25 июля 1999 г. мы встретили здесь несколько десятков характернейших черноспинных самцов *Motacilla calcarata* – до 5 особей/км маршрута (и до 10 особей за 5 мин езды на автомашине); очень

обычной была она также на северном склоне Алайского хребта – от перевала Талдык до города Гульча (Ковшарь, Торопова, 2000). В июле 2005 г. она была обычна в Каракуджуре, до самых верховьев, в истоках Кичи-Нарына, в верховьях рек Болгарт, Куйлю и по Сарыджазским сыртам вплоть до спуска в Турук (начало Каркары). В 2016 г. с 17 по 27 июня по маршруту «перевал Долон – озеро Сонкуль – р. Нарын – хр. Байбиче – долина Каракоюн – долина Атбаши – Еки-Нарын» насчитали 62 самца и 3 самки черноспинных трясогузок, у которых в это время, видимо, шло насиживание яиц (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

Сроки. Даты. В отличие от двух предыдущих видов желтоголовых трясогузок, весенний пролёт которых начинается уже в середине марта (см. выше), черноспинные появляются намного позже. Южнее нашего района, в Памиро-Алае, первых в разные годы встречали 22-25 апреля (Гиссарская и Зеравшанская долины, озеро Искандеркуль), и даже на южном склоне Гиндукуша R. Meinertzhagen (1938) отметил начало пролёта 24 апреля (Иванов, 1969). Зимовавший в 1936/37 г. на Памире Р.Н.Мекленбурцев (1946) первого самца черноспинной трясогузки отметил только 15 апреля 1937 г. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) я добыл одну 14 мая 1965 г. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. черноспинных трясогузок отлавливали с 12 апреля по 24 мая, в основном – в мае (Гаврилов, Гисцов, 1985). Одиночных пролётных самцов *Motacilla calcarata* отмечали: 22 мая 2002 г. на артезианской скважине близ пос. Нурлы, на северном подгорном шлейфе гор Богуты; 22 мая 2003 г. – на берегу Бартагойского вдхр. на р. Чилик; 23 мая 2004 г. – на артезианской скважине Каншенгеля, на южной кромке песков Таукум (Гаврилов, 2003; Ковшарь, 2004; Коваленко, 2005: КОБ-2002, 2003, 2004). По другим местам наблюдений сведения о сроках весеннего пролёта в литературных источниках приводятся для всех трёх видов желтоголовых трясогузок вместе. Также практически нет данных о сроках ***осеннего*** пролёта этого вида. На Чокпаке четырёх поймали 9 сентября 1966 и 10-11 сентября 1969 гг., визуально наблюдали 28 августа 1972 и 13 сентября 1967 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Биология. Наибольшие материалы (47 жилых гнёзд) собраны и опубликованы по южным склонам Чаткальского хребта (Ангренское плато) и верховьям р. Ойгаинг на Пскемском хребте (Митропольский и др., 1981; Фоттелер и др., 1984). В этих публикациях подробно описаны 25 кладок, места и способы устройства гнёзд и сами гнёзда, сроки размножения: наиболее ранние кладки от 9 июня (5 и 6 яиц) были уже насижены, а вообще 9-11 июня найдено 18 кладок (10 полных и 8 начатых); наиболее поздние кладки – 13 и 14 августа с 4 слабо насиженными яйцами; плодовитость 3-6, в среднем 4.58 яйца/гнездо; в одном гнезде 11 июня был птенец кукушки (Фоттелер и др., 1984, с. 117). Очень позднее гнездо с 3 птенцами найдено 10 августа 2002 г. в верховьях р. Пскем (В. Ковшарь, 2003). Севернее, в Каржантау, в верховьях р. Каскасу (2600 м) 16 июля 2003 г. в гнезде было 5 яиц (Иващенко, 2004: КОБ-2003). На северном склоне западной части хребта Терской Алатау, в котловине Алабаш, найдены 2 гнезда: «2 июля 1954 г. в одном гнезде было 4 сильно насиженных яйца, в другом – 3 свежих и яйцо кукушки; 3 июля 1953 г. на западном побережье Иссык-Куля были многочисленны слётки; 10 июля 1954 г. в долине р. Джергалан (восток хребта) также наблюдались слётки, державшиеся ещё с родителями. Здесь у этих птиц, так же, как и в других частях ареала вида, по-видимому одна кладка в году» (Степанян, 1959, с. 100). На Покровских сыртах, на сазах речки, стекающей с хребта Жетим (3000 м), 29 июня 1955 г. в гнезде было 3 яйца, 1 июля – 5 яиц, а 14 июля из них вылупились птенцы (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В долине Каркары и в Чулкудинской долине с 3 по 9 июня 1993 г. мы дважды видели черноспинных трясогузок со строительным материалом (Ковшарь, Губин, 1993), а в верховьях р. Чилик (южный склон Заилийского Алатау) 5-11 июня 1989 г. О.В. Белялов и А.Д. Джаныспаев обнаружили гнездо с 5 яйцами и встретили слётков, которых кормили родители (Гаврилов и др., 1993). Там же 21 июня 2011 г. в одном гнезде было 5 слегка насиженных яиц, в другом (в 70 м от первого) – также 5 яиц, которые попеременно насиживали самец и самка (Джаныспаев, 2012). На северном склоне хребта Атбаши, в месте слияния Таш-Рабата и Каракоюна (2750 м), в гнезде черноспинной трясогузки среди густых злаков высотой 15 см 18 июля 2000 г. было два только что вылупившихся птенца и 2 яйца; желтоватый пух располагался у птенцов на надглазничной, затылочной, плечевой, локтевой и спинной птерилиях (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

271. Горная трясогузка – *Motacilla cinerea* Tunstall, 1771

grey wagtail (англ.), Gebirgsstelze (нем.), bergeronnette des ruisseaux (фр.),
тау шақшақай (каз.), тоо жылкычы кучкач (кирг.), тоғ жибилажибони (узб.)

Синонимы: *Parus caspicus* S.G. Gmelin, 1774; *M. boarula* Linnaeus, 1776; *M. grisea* P.L.S. Müller, 1776; *M. melanope* Pallas, 1776; *M. sulphurea* Bechstein, 1807; *M. bistrigata* Raffles, 1820; *M. montium* Brehm, 1831; *M. lunulata* Prévost, 1845; *M. ophthalmica* Des Murs et Prévost, 1845; *M. lindermayeri* Brehm, 1843; *M. montana* Brehm, 1855; *M. rivalis* Brehm, 1855; *Budytes novaeguineae* Meyer, 1875.

Подвид. Из 2-6 признаваемых подвидов в Тянь-Шане один – *Motacilla cinerea melanope* Pallas, 1776.

Характер пребывания. Гнездится и пролетает. Зимует в Передней и Южной Азии (рис. 284).

Биотоп. Гнездится по берегам горных речек и озёр. На пролёте обычно встречается у воды.

Распространение. Тянь-Шань находится на одной из границ сложной конфигурации ареала этого вида (рис. 284), который отсутствует как в среднеазиатских, так и в джунгарских пустынях. В самом Тянь-Шане горная трясогузка распространена на гнездовании более или менее равномерно (рис. 285). Пустые места на этой схеме обусловлены в основном отсутствием сведений для той или иной местности, а также характером самой местности, не подходящим для гнездования этого вида, который занимает в горах высоты от 1000-1300 до 3000-3500 м над уровнем моря, а в предгорную степь проникает лишь изредка по глубоким каньонам – таким, как каньон р. Аксу в Западном Тянь-Шане (до 700 м) или Чарынский каньон в Северном.

Численность. Обычная, местами даже многочисленная птица, поселяется отдельными парами. Для бассейна р. Ангрен приводятся такие сведения: на высоте 1400-1500 м гнездится в небольшом числе, обычна у верхней границы арчового леса (2000 м) и многочисленна в субальпийском и альпийском поясах, на высотах 2400-3100 м, где занимает в основном русла небольших притоков, а из крупных водных потоков её вытесняет многочисленная здесь маскированная трясогузка (Фоттелер и др., 1984). В верховьях Пскема за июль-август 2002 г. встречено более 140 особей горных трясогузок (В. Ковшарь, 2003), а по всем речкам Кураминского хребта 24-25 апреля 2003 г. – 17 особей за 5 дней (В. Ковшарь, 2004). В Чаткальском заповеднике на гнездовании обычна до снежников (Головцов, 2007). В Сарычелекском заповеднике в 1982-1983 гг. плотность на гнездовании определена в 50-53 особи/км^2 (Лебяжинская, 1991). В субальпийском и лесном поясах ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау, до 3300 м) в 1957-1960 гг. встречена на 34 экскурсиях общим числом 160 особей (Кузнецов, 1962); в этом же ущелье 40 лет спустя была малочисленной (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Терской Алатау, где встречена до перевала Барскаун (3700 м), в 1953-1954 гг. была вполне обычна: пара от пары поселялась в 300-500 м (Степанян, 1959); по летним учётам 1962-1965 гг. в ущелье Чон-Кызыл-Су гнездилось в среднем 10 особей/км^2 (Второв, 1967). В ельниках верхней части долины Чонкемин (между Кунгей и Заилийским Алатау) с субальпийскими ивняками и выходами скал в августе-сентябре 1968 г. учитывали в среднем 30 особей/км^2 (Второв, 1972). На пролёте уступает в численности другим трясогузкам. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. отловили и окольцевали весной 106 и осенью – 10 горных трясогузок

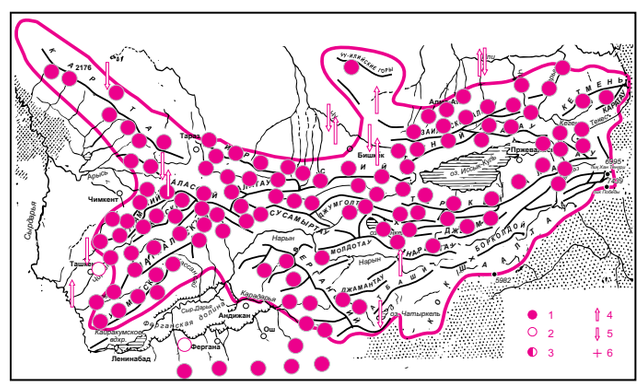

Рис. 284. Ареал горной трясогузки (Гладков, 1954, с. 615). Тянь-Шань обозначен красным прямоугольником
Рис. 285. Распространение горной трясогузки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 4, 5 – пролёт

(Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 419 и 70 (А. Гаврилов и др., 2017). Имеется только одно указание, что на стационаре Токмак (Чуйская долина) во время массового пролёта 10 сентября 1972 г. за 2 часа пролетело 650 трясогузок (Торопова, Шукуров, 1991), однако никаких доказательств, что все они относились к этому виду (*Motacilla cinerea*), не приводится, а как известно, смешанные стаи у трясогузок на пролёте – самое обычное яление.

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в марте – мае. Для южных предгорий Западного Тянь-Шаня самые ранние сроки появления горных трясогузок – 16 и 19 марта у Чиназа (Pleske, 1888). В Ташкенте за все годы наблюдений Р.Н.Мекленбурцев (1982) всего дважды встречал одиночных самцов у арыков в самом центре города в конце апреля и в мае. В Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) самых ранних встречали Ф.Д. Шапошников 11 марта 1954 г. и В.В. Шевченко 15 марта 1948 г.; мне они попадались 21 марта 1962 г. и 22 марта 1961 г. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке самые ранние встречи – 24 февраля 1970 г. (возможно, зимующая?) и 17 марта 1971 г.; регулярные встречи – с 26 марта (1973) – 11 апреля (1975), в среднем в 1966-1981 гг. начало пролёта – 3 апреля; основной пролёт в эти годы шёл 21 апреля – 5 мая, завершался 3 мая (1977) – 25 мая (1975), в среднем за 12 лет – 14 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. крайние сроки пролёта 3 апреля (2003) – 22 мая (2003), срединная дата весеннего пролёта – 1 мая (А. Гаврилов и др., 2016). В Чуйской долине у Камышановки самый ранний самец встречен 24 марта 1959 г. (Умрихина, 1970), а на стационаре Токмак первых отлавливали 4 марта 1973 г. и 16 марта 1972 г., последних – 1 мая 1973 г. (Торопова, Шукуров, 1991). На Иссык-Куле прилёт отмечен 28 марта 1957 г. (Птицы Киргизии. 1960). В городе Алматы появляются в начале апреля, пролёт заканчивается к началу мая (Бородихин, 1968). Однако на Большом Алматинском озере (2500 м) над городом мы отмечали прилёт уже 22 марта 1973 и 28 марта 1974 гг.; в другие годы – 5 апреля 1975, 7 апреля 1972, 10 апреля 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Карачингиле (устье Тургени) крайние сроки появления пролётных горных трясогузок в 2003-2011 гг. – 27 марта (2008) – 2 мая (2011), самая поздняя встреча – 17 мая 2009 г. (Бевза. 2012). В долине Копы в небольшом числе они летели 2 апреля – 25 мая 1987 и 14 апреля – 18 мая 1988 гг. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Жусандале (севернее Чу-Илийских гор) выраженный пролёт наблюдали с 11 апреля по 20 мая 1996 г. (Березовиков и др., 1999). В горах Ельчин-Буйрюк (Центральный Тянь-Шань) А.А.Винокуров (1960) уже 11 апреля 1956 г. нередко встречал их в ущелье Узунбулак. В верхнем течении р. Или, близ Кульджи, где пролёт горной трясогузки не выражен, Е.Л. Шестопёров (1929) встречал её уже 18 апреля 1913 г.

Осенью летит с августа по октябрь. В Карачингиле пролётных встречали с 9 августа (2004) по 22 августа 2005 г. (Бевза, 2012). Редкие пролётные особи отмечены 4-6 августа 2004 г. на Б. Кокпаке, в верховьях Чулкудысу и на р. Кегень; последняя встреча в долине Баянкола – 6 сентября 1956 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В Алма-Ате: «Осенний пролёт заканчивается в конце сентября; в 1961 г. одиночки были отмечены в городе ещё 19 и 23 числа. Но, по данным В.Н. Шнитникова, в сборах Н.А. Северцова был экземпляр, добытый в окрестностях города 2 октября 1875 г., а сам В.Н. Шнитников видел здесь горную трясогузку в 1918 г. ещё позднее – 25 октября» (Бородихин, 1968, с. 42). На стационаре Токмак (Чуйская долина) первые отловлены 4 сентября 1975 г., а 10 сентября 1972 г. наблюдался массовый пролёт (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке осенний пролёт этого вида намного слабее, чем весенний. В 1966-1981 гг. начало его отмечали 15 августа (1969) – 13 сентября (1967), в среднем 31 августа; последних наблюдали 1 октября (1967) – 15 октября (1973), в среднем 9 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 26 августа (2005) по 22 октября (1987), срединная дата осеннего пролёта – 20 сентября (А.Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) Л.М.Шульпин (1956) не встречал горных трясогузок поздее 20 сентября 1933 г., В.В. Шевченко видел их ещё 9 октября 1947 г., мне самые поздние попались 12 октября 1960 г. в каньоне р. Аксу (Ковшарь, 1966). Зимой здесь горную трясогузку не встречали.

Зимние встречи известны в Фергане, у южных окраин Тянь-Шаня: «И. Штольцман (1897) указывает на находки её здесь в феврале. По-видимому, отдельные птицы здесь зимуют, о чём свидетельствует добыча трясогузки Г.П. Третьяковым 10.12.70. Под Ташкентом, в окрестностях г. Янгиюль, горная трясогузка добыта С.Д. Матякубовым 20.02.67 (колл. ИЗ АН РУз)» (Остапенко, Лаханов, 1995, с. 78). Но и южнее, на Памиро-Алае, в зимнее время горная трясогузка не встречена, самая поздняя встреча их близ Рамита А.В. Поповым (1959) – 15 ноября. По мнению А.И. Иванова (1969), они могли бы найти для себя подходящие для зимовки места на берегах незамерзающих речек в горных долинах Памиро-Алая. В норме горная трясогузка зимует намного южнее.

Биология. Самый полный очерк биологии гнездового периода опубликован по материалам из субвысокогорья Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро), где в 1971-1976 гг. группой орнитологов были проведены наблюдения за 68 гнёздами с применением индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов (Ковшарь, 1979, с. 8-18). По этим материалам описаны: пение и образование пар, гнездовой участок, гнездо (включая процесс строительства), кладка яиц и её насиживание, выкармливание птенцов в гнезде и состав их кормов, сроки размножения, плодовитость – потенциальная и реальная (из 53 гнёзд с прослеженной судьбой птенцы благополучно вылетели в 32, или 60.4%). Отмечено 4 случая двух репродуктивных циклов у помеченых пар, а также изменение взаимоотношений с кукушкой: если в 1967 г. в этом ущелье одна пара дважды за сезон выкормила птенцов кукушки (Гаврилов, 1970), то в 1971-1976 гг. ни в одном из 68 гнёзд яйца кукушки не отмечены, как и случаи выкармливания горной трясогузкой кукушат вне гнезда.

Для Западного Тянь-Шаня опубликованы данные о 35 гнёздах из бассейна р. Ангрен (Митропольский и др., 1981; Фоттелер и др., 1984) и 4 гнёздах из Таласского Алатау (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). Для других хребтов и долин Тянь-Шаня упоминания о находках отдельных гнёзд встречаются в фаунистических статьях и сводках (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949; Степанян, 1959, 1967; Птицы Киргизии, 1960; Бородихин, 1968; Гаврилов, 1970; Ковшарь, 1972; Торопова, 1999; Корелов, 2007; Корнев, 2016). Особо следует упомянуть о гнездовании горной трясогузки в городских условиях. В Алма-Ате в 1961 г. пара строила гнездо между камнями на берегу р. Малая Алматинка (Бородихин, 1968), а в 2001-2002 гг. в центре города пара гнездилась на пирамидальных тополях, растущих вдоль арыков на пересечении проспекта Абая и улицы Кунаева (бывшая Карла Маркса). Здесь гнездо первой кладки помещалось в розетке веток на высоте 2.5 м от земли, 22 мая в нём были трёхдневные птенцы, а 1 июня они покинули гнездо. Гнездо второй кладки располагалось на том же дереве в 20 см ниже первого и было закончено к 9 июня, а 10 июля 5 слётков покинули это гнездо. В следующем году трясогузки гнездились на соседнем тополе (Карпов, 2003: КОБ-2002). По-видимому, также на дереве вывелся слёток горной трясогузки, которого кормил самец у фонтана в сквере около оперного театра 14 июня 2018 г.

272. Белая трясогузка – *Motacilla alba* Linnaeus, 1758

white wagtail (англ.), Bachstelze (нем.), bergeronnette [lavandiere] grise (фр.),
ақ шақшақай (каз.), ак жылкычы кучкач (кирг.), оқ жибилажибон (узб.)

Синонимы: *M. cinerea* Gmelin, 1788; *M. albeola* Pallas, 1811; *M. septentrionalis* Brehm, 1831; *M. sylvestris* Brehm, 1831; *M. brachyrhynchos* Brehm, 1831; *M. dukhunensis* Sykes, 1832; *M. gularis* Swainson, 1837; *M. brissoni* MacGillivray, 1840; *M. cervicalis* Brehm, 1855; *M. fasciata* Brehm, 1855; *M. ocularis* Swinhoe, 1860; *M. felix* Swinhoe, 1870; *M. francisci* Swinhoe, 1870; *M. frontana* Swinhoe, 1870; *M. baicalensis* Swinhoe, 1871. Обыкновенная трясогузка (Шнитников, 1949, с. 420).

Подвид. Из 7-15 признаваемых разными авторами подвидов через территорию нашего района пролетает *Motacilla alba dukhunensis* Sykes, 1832. Указание (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949) на залёт ещё двух подвидов – *M.a. ocularis* Swinhoe и *M.a. baicalensis* Swinhoe – не подтверждено коллекционными экземплярами, хотя В.Н. Шнитников, говоря о *M.a. baicalensis,* ссылается на экземпляры Н.А. Северцова 3 октября 1875 г. из Талгара и 18 сентября 1875 г. из окр. Верного (Алматы), Б.П. Кореева из последней точки от 15 марта и 12 апреля 1899 г., а также 9 апреля 1900 г. из Джаркента; и экземпляр Г. Мерцбахера от 5 сентября 1902 г. из Кашкасу. Проверить сейчас правильность определения невозможно.

Характер пребывания. Пролетают через Тянь-Шань. На юге – редкие случайные встречи зимой.

Биотоп. Гнездятся обычно по берегам водоёмов, на пролёте встречаются и вдали от них.

Распространение. Встречается на пролёте в основном по окраинам гор и в Иссык-Кульской котловине (рис. 286), во внутренних частях Тянь-Шаня – единичные встречи. Как сказано в сводке «Птицы Киргизии» (1960), из 60 добытых в Тянь-Шане белых трясогузок 57 – *Motacilla personata* и только 3 – *Motacilla alba dukhunensis*, добытые 14 мая 1956 г. в с. Средние Урюкты (Иссык-Куль), 1 октября 1957 г. – в Нарынском хребте, 3 октября 1953 г. и в марте 1959 г. – в Чуйской долине. На востоке слабый пролёт отмечен в районе Джаркента и в верховьях Текеса, на западе более оживлённый пролёт идёт через Чокпакский перевал и по южным предгорьям Западного Тянь-Шаня близ Ташкента. Зимние встречи в нашем районе случайны, даже южнее, в долинах Памиро-Алая, белая трясогузка нигде нормально не зимует, встречаясь только в отдельные тёплые зимы.

Численность. Невысокая, почти везде уступает в числе маскированной трясогузке. На Чокпаке в 1966-1981 гг. всего окольцевали 222 весной и 595 осенью; по материалам отловов весной белые трясогузки составили 47.8%, маскированные – 52.2%; осенью – соответственно 76.9% и 23.1% (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцовано 217, осенью – 1409 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта 11 марта (1970) – 5 апреля (1972), в среднем – 23 марта, окончание 25 апреля – 17 мая, в среднем 5 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. крайние сроки отловов 1 апреля (1983) – 13 мая (1987), срединная дата весеннего пролёта – 22 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). На стационарах в Чуйской долине первые отмечены: 3 марта 1975 г. в Тюлёке, 4 марта 1973 и 1974 гг. в Токмаке и Манасе; 5 марта 1979 г. в Канте (Торопова, Шукуров, 1991). В Ала-Арче (Киргизский Алатау) пролёт шёл в апреле 1988 г. (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Иссык-Кульской котловине 27-30 марта 2004 г. насчитали 176 белых трясогузок (в т.ч. 44 на западном и 102 на южном берегу), часть из них вполне могли быть маскированными (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В долине Копы в заметном числе летели с 26 марта по 18 мая 1987 г. и 28 марта – 13 мая 988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Чу-Илийских горах и Жусандале пролёт шёл 9 апреля – 16 мая 1996 г. и 16 апреля 1999 г. (Березовиков и др., 1999). Там же, на разливах артезиана у с. Каншенгель, *M.a. dukhunensis* отмечены ещё 10 и 11 мая 2007 г. (Колбинцев, 2008). В Карачингиле в 2005-2011 гг. пролётных белых трясогузок наблюдали с 21 марта по 26 апреля (Бевза, 2012).

Осенью летят в сентябре – октябре, начиная с последних дней августа. В Джаркенте первая пролётная встречена 11 сентября 1918 г., довольно оживлённый пролёт шёл до конца месяца (Шестоперов, 1929). Там же в 1899-1900 гг. была «на осеннем пролёте весьма обыкновенна, причём встречается стаями до сорока штук в каждой. Валовой осенний пролёт в два года наблюдения совершался около 10-15.IX[9]» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 73). В Карачингиле стайки до 10 особей наблюдали с 2 сентября (2006) до 11 октября 2009 г. (Бевза, 2012). Под Алма-Атой пролётных встречали в середине сентября (Гаврилов, 1970), а в горах (Б. Алматинское озеро, 2500) – 22 и 23 сентября 1973 г. и 27 сентября 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйской долине массовый лёт идёт весь сентябрь, начиная с конца августа, в Токмаке последних отмечали 12 октября 1973 и 1974 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). В Ала-Арче (Киргизский Алатау) трёх встретили 12 сентября 1995 г. (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Каратау на маршруте с 25 августа по 15 сентября 2002 г. пролётные *M. alba* стали встречаться с 9 сентября – в ущелье Боялдыр и на вдхр. Аксумбе (Чаликова, Колбинцев, 2006). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 5 сентября (1975) – 19 сентября (1977, 1981), в среднем за 16 лет – 12 сентября, заканчивался 29 сентября (1974) – 31 октября (1976), в среднем – 15 октября

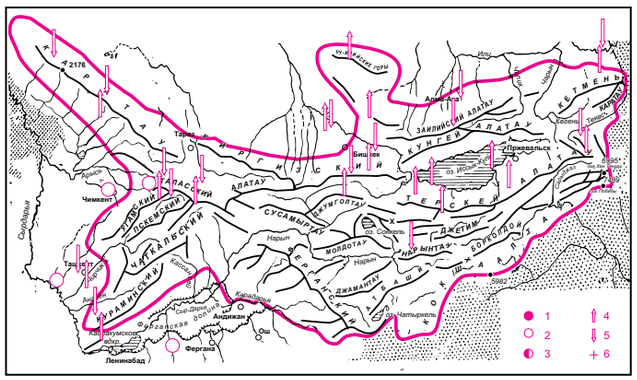

Рис. 286. Распространение белой трясогузки в Тянь-Шане:
2 – зимние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

[9] Старого стиля. При переводе на новый: 23-28 сентября – *АК*

(Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. крайние сроки пролёта 30 августа (1992) – 26 октября (1995), срединная дата осеннего пролёта – 25 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) пролётные появлялись 12 сентября 1935 и 25 сентября 1939 гг. и встречались в течение всего октября; наиболее поздних встречал в Новониколаевке В.В. Шевченко 11 и 15 ноября 1948 г. Мне они позднее 29 октября 1960 г. и 25 октября 1964 г. не попадались (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня «белая трясогузка многочисленна на весеннем и осеннем пролёте по всему региону, однако в высокогорьях встречается редко и нерегулярно» (Митропольский, 2005). Во внутренних районах Тянь-Шаня одна добыта 1 октября 1957 г. в Нарынском хребте (Птицы Киргизии, 1960). Зимовавший в 1936/37 г. на Памире Р.Н. Мекленбурцев (1946) видел осенью *M.a. dukhunensis* только раз – 26 октября, а однажды отметил её в Хороге – 4 ноября. Также всего один раз встретил её на Памире Р.Л. Потапов – 29 сентября на озере Зоркуль (Иванов, 1969).

О зимних встречах в районе Чимкента впервые упоминал Л.М. Шульпин (1956), а в необычно мягкую зиму 1991/92 г. одну белую трясогузку встретил 24 декабря 1991 г. в с. Новониколаевка В.Г. Колбинцев (1997). [О необычности этой зимы свидетельствуют и другие встречи: 18 декабря – журавля-красавки, 19 декабря – черноголового ибиса, а 10 января 1992 г. – белого аиста под Таразом]. Есть указание и на встречу зимой белой трясогузки в Ферганской долине: «М. Шариповым в Ферганской долине под Кокандом и Ферганой 2, 4 и 16 декабря добыты зимующие птицы другого подвида – европейской» (Остапенко, Лаханов, 1995, с. 80). Утверждение о европейском подвиде ничем не подтверждено и остаётся на совести авторов, как и сама стилистика приведенной фразы, без указания года добычи. Наконец во время учёта водоплавающих птиц на Чардаринском вдхр. между 18 и 21 декабря 2003 г. одиночную белую трясогузку встретили у воды на берегу Куруккелеса (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003). Все эти примеры – случайная зимовка одиночек.

273. Маскированная трясогузка – *Motacilla personata* [*alba*] Gould, 1861

masked wagtail (англ.), Maskenbachstelze (нем.), bergeronnette [lavandiere] grise masquée (фр.), қарамойын шақшақай (каз.), жылкычы кучкач (кирг.), ниқобли жибилажибон (узб.)

Синонимы: *M. cashmeriensis* Brooks, 1871; *M. personata melanota* Severtzov, 1873; *M.p. transcaspica* Stresemann, 1928. **Подвид.** Описанные Н.А.Северцовым и Э.Штреземанном подвиды сейчас не признаются. В «Конспекте орнитофауны России и сопред. территорий» (Степанян, 2003) вид считается монотипичным.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует на юге Азии. Изредка, в тёплые зимы, отдельные особи проводят зиму и в пределах нашего района (см. ниже).

Биотоп. Берега любых водоёмов и элементы культурного ландшафта. В горы поднимается до 3500 м не столько вдоль речек, сколько вместе с постройками человека, даже если они находятся в стороне от водных потоков – например, Космостанция в Заилийском Алатау (3300 м) или культцентры на сыртах Центрального Тянь-Шаня (3500 м). Во время миграции может быть встречена на любой высоте и практически в любом биотопе.

Распространение. Поскольку Тянь-Шань расположен почти в центре ареала маскированной трясогузки, она здесь распространена практически повсеместно (рис. 287) – везде, где имеются берега водоёмов и элементы культурного ландшафта в виде жилых и нежилых построек, мостов и других сооружений, в нишах которых она устраивает свои гнезда, а присутствие домашнего скота увеличивает её кормовую базу, состоящую в значительной степени из двукрылых насекомых, повсюду сопровождающих домашних животных. Как выяснилось, абсолютная высота не является препятствием для гнездования этого вида: на Памире она гнездится даже выше 4000 м. Мигрируют также на разной высоте, но по-настоящему массовый пролёт отмечали только на Чокпаке.

Численность. Одна из самых обычных гнездящихся птиц, местами многочисленна: «На южных склонах Чаткальского хребта (урочища Кызылча, Келимчек) она является доминирующим видом вдоль русел горных потоков. Её численность здесь определяется наличием удобных для гнездования мест. На 3 км маршрута вдоль русла отмечено 30 пар, которые нередко устраивали гнёзда в 30-40 м друг

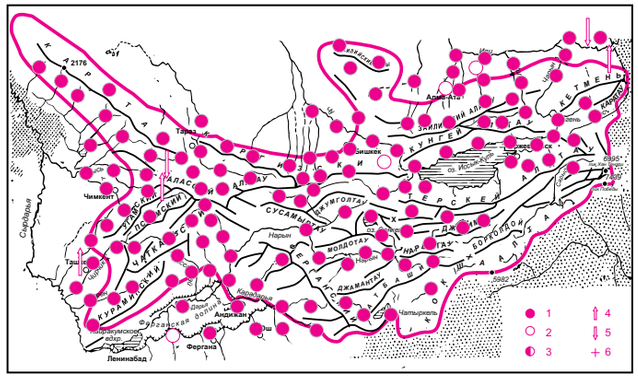

Рис .287. Распространение маскированной трясогузки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

от друга» (Митропольский, 2005). Кстати, на Кураминском хребте на тех же высотах она гнездится отдельными парами на большом удалении одна от другой, а на Ангренском плато (2800-3000 м) отмечены только единичные особи (Фоттелер и др., 1984). В верховьях Пскема в июле-августе 2002 г. маскированная трясогузка встречена 113 раз (В. Ковшарь, 2003). В Сарычелекском заповеднике (южный склон восточной части Чаткальского хребта) в 1982-1983 гг. в поймах речек гнездилось 6-10 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). По югу Иссык-Кульской котловины, в Терской Алатау в 1953-1954 гг. она была: «В общем довольно многочисленна. Например, в ущелье Чон-Кызыл-Су наблюдатель, идущий вдоль речки, почти беспрерывно отмечает в поле зрения одну – три птицы. Ещё более обычна в долинах Ала-Баш, Улахол. У верхнего предела распространения уже редка, так же, как и в западной части хребта, где строго приурочена к человеческим поселениям» (Степанян, 1959, с. 98). На северо-восточной оконечности Терской Алатау, в Кегеньской, Текесской и Каркаринской долинах с 10 по 19 июля 2002 г. на автомаршрутах протяжённостью 740 км в 20 населённых пунктах насчитали 57 особей (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), т.е. не так уж много. В субальпийском и альпийском поясах восточной части Киргизского Алатау, в ущелье Ала-Арча, в 1957-1960 гг. на постоянных альпинистских маршрутах (900 за три года) А.А. Кузнецов (1962) встретил на 31 маршруте 164 маскированных трясогузки. Косвенным показателем численности этой трясогузки в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау может служить тот факт, что в 1971-1976 гг. в этом ущелье группа орнитологов провела наблюдения за 66 жилыми гнёздами этого вида (Ковшарь, 1979). То же можно сказать о численности в субальпийском поясе Чаткальского хребта, где было исследовано 47 кладок (Митропольский и др., 1981). Многочисленной была также маскированнная трясогузка по всему нашему маршруту «Бишкек – Сусамырская долина – Чичкан – Токтогул – Сарычелек – Чаткальская долина – Таласская долина» в июле 1998 г.; однако в июле 1999 г. в Алайской долине она уступала в численности желтоголовой *Motacilla calcarata* (Ковшарь, Торопова, 2000). На маршрутах 2003-2004 гг. маскированная трясогузка была обычной по всей южной половине Внутреннего Тянь-Шаня и в подгорной части Ферганской долины, включая долины Яссы, Тара, Исфайрамсая и Соха (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В долинах Кочкорки, Каракуджура, Нарына, Кичи-Нарына и Сарыджаза в июле-августе 2005 и 2006 гг. мы встречали её выводки в несколько меньшем количестве. Обыкновенная, а местами многочисленная гнездящаяся птица всех населённых пунктов, включая мегаполисы. В Ташкенте – одна из смых многочисленных воробьиных птиц в городе (Мекленбурцев, 1982). В Алма-Ате до 60-х гг. была немногочисленной и гнездилась чаще на деревьях (Бородихин, 1968), а по учётам 1984-1986 гг. была на 12 месте (из 31) в районах сельской застройки с показателями 2.3-3.0 особей/час (встречена в 16.8% июньских экскурсий) и на 8 месте (из 32) в центральных районах городской многоэтажной застройки – соответственно 1.1-3.6 особей/час и 21.6% встречаемости в июне (Ковшарь, 1988). В Бишкеке в 80-90-х гг. была обычным гнездящимся видом городской авифауны (Торопова, Командиров, 1995).

Сроки. Даты. Весной появляется рано – в некоторые годы уже в конце февраля. Пролёт длится до конца апреля – начала мая. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) самое раннее появление – 15 февраля 1952, 24 февраля 1961, 25 февраля 1946 и 26 февраля 1963 гг.; ряд лет (1962, 1964, 1965) их замечали 1 марта, почти столько же (1939, 1948, 1949, 1953) между 2 и 4 марта (Ковшарь, 1966). В некоторые годы маскированные трясогузки прилетают как раз к началу возврата холодов и тогда либо откочёвывают сразу же из-за начавшегося снегопада, как было в марте 1948 г. (Шевченко, 1949), либо с трудом переносят это трудное время и часть их при этом гибнет.

Так было в марте 1960 г., когда нам приходилось ловить трясогузок руками – настолько они были обессилены; вес одной такой полуживой трясогузки был всего 23.5 г, а погибших – 17.5 и 17.8 г. (Ковшарь, 1965). Интересно, что на Памире в 1937 году пролёт начался 16 марта, при глубоко зимней обстановке (Мекленбурцев, 1946). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт наблюдали с 23 февраля (1973) – 17 марта (1974), в среднем – с 4 марта по 20 апреля (1976) – 15 мая (1969), в среднем – 3 мая; всего в эти годы весной окольцевали 242 маскированных трясогузки (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 30 марта (1986) по 14 мая (2004) окольцевали 272 особи (А. Гаврилов и др., 2017). «В Алма-Ате за 12 лет появление первых трясогузок регистрировали с 24 февраля по 26 марта, срединная дата прилёта 7 марта» (Гаврилов, 1970, с. 332), а на Б. Алматинском озере (2500 м) – 15 марта 1975, 19 марта 1974 (ещё по глубокому снежному покрову), 22 марта 1973, 2 апреля 1976 и 7 апреля 1972 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В устье Тургени (Карачингиль) в 2004-2011 гг. прилёт отмечали 28 февраля 2010 г. и 3-13 марта в остальные годы (Бевза, 2012). У пос. Нарынкол (долина Баянкола, Центральный Тянь-Шань) прилетели 11 марта 1956 г. и 13 марта 1957 г. (Винокуров, 1960). У Кульджи (верхнее течение р. Или) первая отмечена 2 марта 1913 г., но только с 20 марта 1913 г. она стала обыкновенной (Шестопёров, 1929).

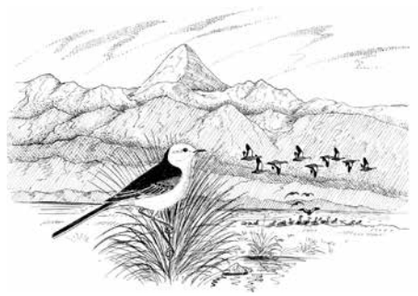
Осенний пролёт начинается в августе, у Кульджи разгар его в 1913 г. отмечен в середине месяца (Шестопёров, 1929). Обычно пролёт малозаметен, поскольку больших стай маскированные трясогузки не образуют, что позволило даже высказать предположение, что многие осенью летят горами (Гаврилов, Гисцов, 1985), со ссылкой на мою встречу стаи более 15 особей на субальпийском лугу Топшаксаза (Таласский Алатау, 2700 м) 26 августа 1964 г. (Ковшарь, 1966). В Карачингиле последняя встреча – 2 октября 2009 г. (Бевза, 2012), в Алматы – 15 октября 1961 и 1985 гг. (Бородихин, 1968; Губин, Ковшарь, 1988), а на Б. Алматинском озере – 12 сентября 1972 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Данных о пролёте в Чуйской долине нет, указано лишь, что пролёт идёт до октября (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 9 августа (1969) – 13 сентября (1967), в среднем за 13 лет – 4 сентября, заканчивался 7 октября (1980) – 27 октября (1976), в среднем 18 октября; всего за осенние сезоны окольцовано 179 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. за период с 11 августа (2003) по 25 октября (1987) поймали 300 особей, срединная дата осеннего пролёта – 17 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Самая поздняя встреча маскированной трясогузки в Аксу-Джабаглы – 25 октября 1964 г. (Ковшарь, 1966). На Памире последних пролётных встретил Р.Н. Мекленбурцев (1946) 16 ноября 1936 г.

Отдельные особи встречаются в нашем районе зимой. О зимних встречах под Чимкентом и в долине Чирчика (без приведения дат) упоминает М.Н. Корелов (1956). Для Ферганской долины в январе и ноябре в районе Коканда маскированную трясогузку указывает Я. Штольцман (Stolzmann, 1897). В посёлке Эльтай (долина Арыси близ ст. Тюлькубас) её встретили 10 декабря 1972 г. (Губин, 2012).

В последние годы их стали встречать и севернее. Так, 6 января 1996 г. одиночку наблюдали в верхней (южной) части города Алматы (Березовиков, 2004: КОБ-2003). В Чуйской долине у пос. Славное 13 января 2008 г. встретили на берегу реки двух трясогузок (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). В русле р. Тургень ниже Кульджинской трассы одиночку встретили 5 января 2018 г. (Бевза, 2018). Интересная информация появилась в статье о птицах Каратау: «Отдельные встречаются в южных районах в зимнее время. В последние годы на юге и юго-востоке Казахстана периодически отмечаются особи с чёрной окраской спины, неотличимые от гималайской формы *Motacilla alba alboides*. Такие птицы сфотографированы 23 февраля 2016 г. и 18 марта 2017 г. в с. Ертай в Жуалинской долине (М.С. Нукусбеков, www.birds.kz)» (Губин, Белялов, 2017, с. 106). Кстати, специальные поиски формы *alboides* во Внутреннем Тянь-Шане, предпринятые в июне 2016 г., результатов не дали (Белялов и др., 2017).

Биология. Наибольшие материлы по размножению маскированной трясогузки (по наблюдениям у 66 жилых гнёзд) собраны в 60-70-х гг. в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м). Попытка систематизации и анализа их по всем этапам репродуктивного цикла предпринята в видовом очерке книги «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979, с. 19-29). Наличие второго цикла размножения доказано здесь при помощи индивидуального мечения партнёров. Для южных склонов Чаткальского хребта (Западный Тянь-Шань) опубликованы сведения о 47 гнёздах (Митропольский и др., 1981; Фоттелер и др., 1984); для Таласского Алатау – сведения о 8 гнёздах

(Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966), для Ферганского хребта – о трёх гнёздах (Птицы Киргизии, 1960), для города Алматы – о 10 гнёздах, в том числе интересные подробности о гнездовании на деревьях (Бородихин, 1968). Упоминания об отдельных гнёздах имеются и в других фаунистических работах (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949; Гаврилов, 1970; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995; Торопова, 1999; Губин, Карпов, 1999; Аракелянц, Березовиков, 2006 и др.). В целом накопилось довольно много публикаций для проведения общего анализа биологии маскированной трясогузки в условиях Тянь-Шаня, однако материалы эти имеют один недостаток: они собраны в основном в двух местах – Северном и Западном Тянь-Шане, по остальным местам обширной горной территории с очень разнообразными условиями сведений по биологии этого вида почти нет.

Семейство **Свиристелевые** Bombycilidae

274. Свиристель – *Bombycilla garrulus* (Linnaeus, 1758)

Waxwing (англ.), Seidenschwanz (нем.), jaseur de Bohême (фр.),
самыр (каз.), урпок чымчык (кирг.), заргилдок, тупикуллох (тадж.)

Синонимы: *Ampelis lientericus* Meyer, 1790; *Parus bombycilla* Pallas, 1811; *Bombyciphora poliocoelia* Meyer, 1815; *Bombycilla brachyrhynchos* Brehm, 1855.

Подвид. Из 2 подвидов в Тянь-Шане встречается один – *B. g. garrulus* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. В Тянь-Шане зимует и пролетает весной и осенью.

Биотоп. Леса, сады и парки с наличием плодовых деревьев и кустарников.

Распространение. Свиристели появляются в Тянь-Шане далеко не каждую зиму и обычно в местах с хорошей кормовой базой в виде ягод и других мягких плодов. На эту нерегулярность для Семиречья обратил внимание В.Н. Шнитников (1949), не встречавший свиристелей стаями более чем 10 особей и пришедший к заключению, что «многочисленным он здесь не бывает никогда». Он же на основании систематических наблюдений И.А. Долгушина в низовьях р. Или в 1933/34 г. предположил, что в эти пустынные тугайные леса свиристели попадают осенью с гор и предгорий Тянь-Шаня продвигаясь постепенно по тугаям долины Или, чем и объясняется странное направление их весеннего пролёта – по той же долине с *севера* на *юг*: «В противном случае они должны были бы лететь многие сотни километров над безнадёжной пустыней, лишённой не только деревьев, но и кустарников» (Шнитников, 1949, с. 481). В целом, судя по картосхеме встреч (рис. 288), на территории Тянь-Шаня можно выделить четыре района более или менее частых зимовок свиристелей: Западный Тянь-Шань, Чуйская долина с предгорьями Киргизского хребта, Иссык-Кульская котловина и средняя часть долины Или с северными предгорьями Заилийского Алатау. Кстати, пролёт их нигде особо не выражен, а стрелки на картосхеме указывают лишь места весенних и осенних встреч прилетающих и отлетающих стай.

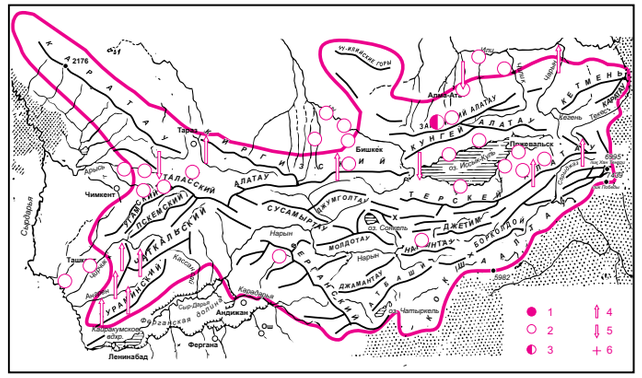

Рис. 288. Распространение свиристеля в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 3 – встреча летом, 4, 5 – пролёт (весна, осень)

Численность. Со времён В.Н. Шнитникова (1949) значительно увеличилась, особенно в Западном Тянь-Шане, где свиристели встречаются и чаще и в большем числе, чем в более восточных районах. Здесь по многолетним наблюдениям накопились сведения об изменениях численности по годам. Так, в районе Ташкента в начале XX века Н.А. Зарудный, добывший самку 16 ноября 1907 г. в месте впадения Келеса в Сырдарью, не встречал их за все годы проживания в Ташкенте (1906-1919), причём пропуски исключены. Впервые встречена зимой в Ташкенте 23 и 30 января 1927 г. (Сатаева, 1937), а затем их встречали здесь в 1933, 1940, 1941, 1946 и 1949 гг., но нерегулярно и в небольшом

числе (Мекленбурцев, 1950, 1982). В большом числе они появлялись в этом городе только в январе 1969 г. и в феврале 1971 г.; следующее массовое появление – через 10 лет, в конце декабря 1984 г., причём свиристели держались до мая 1985 г. (Кашкаров, Аюпов, 1987). В большом числе встречены свиристели на весеннем пролёте 1966 г. в арчовых лесах юго-западных отрогов Чаткальского хребта: 23 и 24 марта – 4 стаи общим числом 200 птиц, 15 апреля – также 4 стаи (136 особей), 16 апреля – ещё 4 стаи (190); пролёт шёл до 30 апреля (Тараненко, 1968).

В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) Р.Н. Мекленбурцев стаю из 200 свиристелей встретил в Жетымсае (1500 м) 24 декабря 1926 г. (Шульпин, 1961), а мне стая из 100 свиристелей попалась в арчевниках Кши-Каинды (1800 м) 19 ноября 1959 г.; в зимы 1960-1966 гг. они встречались небольшими группами – до 10-11 особей (Ковшарь, 1966). С 1970 по 2013 год свиристели зимовали здесь 9 зим (1970-1973, 2000/01, 2002/03, 2004-2006, 2009/09 и 2012/13), причём в отдельные дни января 2013 г. только в с. Жабаглы держалось до 700 свиристелей (Чаликова, 2015). В Чуйской долине зимой встречалась стайками по 6-10 особей (Умрихина, 1970), а на северных склонах Киргизского Алатау (Ала-Арча, 1957-1960 гг.) из 900 регулярных маршрутов от верхних ельников до ледника встречен в 7 общим числом 143 особи, в поясе елового леса с 31 марта по 15 апреля (Кузнецов, 1962 а, б). В этом же ущелье за более чем 10 лет работы в Ала-Арчинском национальном парке Ю.Г. Кормилицын встретил свиристелей только раз – 5 птиц в начале апреля 1984 г. на фруктовых деревьях дач (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Восточном Прииссыккулье в 1973-1984 гг. с декабря до апреля встречались по 10-15, иногда – до 100-200 особей (Верещагин, 1991), но в январе-феврале 1962 г. ни разу не встречен при проведении учётов птиц в облепиховых зарослях на маршруте в 22 км по берегам Иссык-Куля (Второв, 1963). На западном берегу Иссык-Куля первые стайки свиристелей появились 17 и 18 ноября 2003 г. (Березовиков, Кулагин, 2004: КОБ-2003); 21-31 января 2004 г. на берегах Иссык-Куля насчитали 66 свиристелей (Кулагин, 2005: КОБ-2004), а 29 марта 2004 г. встретили 6 свиристелей на южном берегу (Кулагин, Сагымбаев, 2005).

В Алма-Ате зимует нерегулярно (зимой 1960/61 г. не встречен ни разу), а на пролёте иногда бывает огромными стаями. Так, во время снегопада 25 ноября 1961 г. в городе видели стаи по 200-300, а в одной было не менее тысячи свиристелей (Бородихин, 1968, с. 54-55). В низовьях Чарына «13-14 марта 1940 г. огромные стаи свиристелей поминутно пролетали… вниз по р. Чарын» (Корелов, 1948). Огромные стаи зимующих свиристелей в зимы 1992-1999 гг. видели в посадках лоха серебристого в низовьях Чилика (Губин, 2001). В Карачингиле (устье реки Тургень) за период 2003-2011 гг. свиристелей не было только зимой 2004/05 г., обычно в стаях насчитывалось от 30 до 100 и более особей (Бевза, 2012). В долине Текеса и Баянкола в 1955-1957 гг. А.А. Винокуров свиристелей не наблюдал, а 10 мая 2008 г. у пос. Нарынкол встретили стаю из 22 особей (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008). Это все встречи в Центральном Тянь-Шане.

Сроки. Даты. В Тянь-Шане встречается с ноября по май. Самое раннее появление осенью – 26 октября 1953 г. в Алма-Ате (Бородихин, 1968), а 28 октября 1967 г. через перевал Чокпак пролетели на запад 60 свиристелей (Гаврилов, Гисцов, 1985). Самые поздние встречи весной: 12 мая 1966 г. в Башкызылсае (Чаткальский хребет), где одиночку, поедавшую завязь яблони Сиверса, видел Л.И. Тараненко (1968); 17 мая 1971 г. в арчевниках Кши-Каинды заповедника Аксу-Джабаглы (Губин, 1976) и 10 мая 2008 г. в пойме Баянкола у пос. Нарынкол (Березовиков и др., 2009: КОБ-2008). Однако в 1968 г. пары свиристелей в окрестностях Большого Алматинского озера видели с 13 мая по 9 июня (Нейфельдт и др., 1978), а в 2003 г. в том же ущелье одиночку наблюдали в течение трёх дней 2-4 июня (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003).

Биология. По наблюдениям в Тянь-Шане получен ряд интересных сведений о зимнем питании этого вида. Помимо частого поедания плодов лоха серебристого, шиповника и других ягодных пород, массовым кормом свиристелей зимой в Заилийском Алатау и на Иссык-Куле служат оставшиеся на деревьях яблоки, в том числе промёрзшие (Бородихин, 1968; Верещагин, 1991; мои наблюдения). В Ташкенте в массе поедают плоды софоры японской (Мекленбурцев, 1982). Особый интерес представляет поедание шишкоягод арчи (*Juniperus semiglobosa, J. turkestanica*), что наблюдал Р.Н. Мекленбурцев 24 декабря 1926 г. в Аксу-Джабаглы и я там же 19 ноября 1959 г. и 31 января 1964 г., а также 20 января 1980 г. в арчовом стланике в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау (Ковшарь, 1966; Ковшарь, Лопатин, 1983). Нередко зимой поедают насекомых, остатками которых

(жуки 9 видов) были заполнены желудки двух добытых в Аксу-Джабаглы 27 февраля 1960 и 25 февраля 1965 гг. (Ковшарь, 1966). Очень интересные наблюдения за ловлей активных насекомых, проведенные в ельниках ущелья Малой Алматинки (Заилийский Алатау) 4 ноября и 4 декабря 1937 г. М.Н. Кореловым, описаны в видовом очерке «Птиц Казахстана» (Долгушин, 1970, с. 402) там же упоминается о поедании почек ясеня и хвои тянь-шаньской ели (последнее – видимо, попутно).

275. Амурский свиристель – *Bombycilla japonica* (P.F. Siebold, 1824)

Japanese waxwing (англ.), Blutseidenschwanz (нем.), jaseur de Japon (фр.)

Синонимы: *B. phoenicoptera* Temminck, 1827; *Ampelis maesi* Oustalet, 1892. Японский свиристель

Этот дальневосточный свиристель изредка залетает в северные предгорья Тянь-Шаня, о чём не раз говорили птицеловы, однако доказательств не было. Впервые достоверно встречен в необычайно снежную и морозную зиму 2012/13 г.: 3 января 2013 г. одного отловил Д.В. Афанасьев из крупной стаи обыкновенных свиристелей, кормившихся на мёрзлых яблоках в районе Каменского плато, чуть выше города. Фото было размещено на сайте www.birds.kz, а сама птица взята для содержания в клетке (Афанасьев, Дворянов, 2013). Опрос птицеловов подтвердил, что никто в городе в последние годы не содержал амурских свиристелей, поэтому возможность встречи птицы, случайно вылетевшей из клетки, исключается.

Семейство **Оляпковые** Cinclidae

Оляпка – *Cinclus cinclus* (Linnaeus, 1758)

dipper (англ.), Wasseramsel (нем.), cincle plongeur (фр.),
сушылқара (каз.), ак боор суучул кара (кирг.), чирри обии сафедшикам (тадж.), сувчумчук (узб).

Синонимы: *Cinclus leucogaster triznae* Zarudny, 1909.

Подвид. Из 13 подвидов в Тянь-Шане обитает белобрюхая *C. c. leucogaster* Bonaparte, 1850.

Характер пребывания. Оседлая птица, совершает высотные сезонные перемещения в пределах гор.

Биотоп. Берега горных речек с прозрачной водой. На гнездовании встречается от 1000 до 4000 м, в Каратау – даже на высоте 600-700 м. Зимой спускается до уровня 500-600 м как в долине Или, так и по рекам Чу и Сырдарья.

Распространение. В Тянь-Шане оляпка гнездится достаточно широко (рис. 289), практически везде, где есть горные речки. Отсутствие обозначений в южной части рис. 289 объясняется недостаточностью сведений – например из Таласской долины, где оляпка наверняка гнездится, как и в долинах Кокомерена, Джумгола и на речках, стекающих с южных склонов Ферганского и Кураминского хребтов. Зимой спускающаяся вниз по предгорьям часть популяции оляпок достигает на севере долины реки Или, а на юге – Ферганской долины и среднего течения Сырдарьи (Чиназ).

Численность. Линейный характер населяемого оляпкой биотопа не даёт ей возможности быть особо многочисленной. На реках заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) это обычная птица. В долине Пскема (Западный Тянь-Шань) в 1948-1949 гг. встречалась редко (Корелов, 1956), но в июле-августе 2002 г. в верховьях этой реки встречена 13 раз (В. Ковшарь, 2003). На речках Келимчек и Кызылча (Чаткальский хр.) учтено 10 белобрюхих оляпок на 8 км маршрута и столько же – бурых оляпок (Митропольский, 2005). На Ойгаинге и в верховьях Шабырсая в июле-августе 2015 г. встречено 14 оляпок (Тен и др., 2017). В Сарычелеке в 1925 г. была «весьма многочисленной во всём районе» (Кашкаров, 1927), а в 60-х гг. – обычной (Воробьёв, Чичикин. 1966). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) за 900 маршрутов от верхних ельников до ледников в течение круглого года 1957-1960 гг. оляпку встретили 27 раз общим числом 92 особи, причём весной и летом встречали в среднем 1 оляпку за три экскурсионных дня, весной – одна за день, а зимой – 2.5/день (Кузнецов, 1962). В июле 1957 г. оляпка была обычна в ущельях западной половины Киргизского Алатау (Корелов, 2007), а летом 2007 г. встречалась на всех посещениях, но не более двух птиц за экскурсию (Карпов, Белялов, 2007). В Терской Алатау в 1953-1854 гг. на всём протяжении хребта на высотах 2000-3200 м встречалась в среднем одна пара на 1.5 км протяжённости ущелья (Степанян, 1959). В ущелье Чон-Кызыл-Су в январе-феврале 1962 г. учитывали до 5 оляпок на 10 км ущелья, а на побережье озера Иссык-Куль – до 15 птиц на 22 км

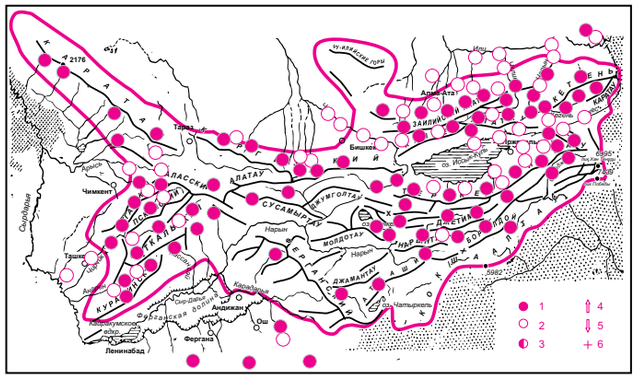

Рис. 289. Распространение белобрюхой оляпки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка

маршрута [8 км^2] (Второв, 1963). По данным того же автора, в поясе арчового стланика Терскей Алатау в 1962-1965 гг. с апреля по сентябрь учитывали в среднем 1 оляпку/км^2, а в октябре-ноябре – ни одной (Второв, 1967). На западной оконечности Заилийского Алатау на каждом из ручьёв, впадающих в р. Кастек, зимой 1986-1990 гг. держалось по 3-5 оляпок (Карпов, 1994). В центральной части Заилийского Алатау, в котловине Б. Алматинского озера, в 60-70-х гг. обитало 3 пары оляпок – по одной на впадающих в озеро речке Озёрной и ручье Серкебулак, и одна – ниже озёрной дамбы. Здесь белобрюхая оляпка встречается чаще, чем бурая (Нейфельдт и др., 1978; Ковшарь, 1979), как и в долине Дженишке на востоке хребта (Губин, 2008). В долине Б. Кокпака (Центральный Тянь-Шань) А.А. Винокуров в июле 1956 г. встретил две пары оляпок и ещё одну – в нижней части р. Туюк; он же нашёл два гнезда в верховьях Кокжара, причём оляпки здесь были представлены белогорлой морфой; в горах Ельчин-Буйрюк он же 5 мая 1956 г. встретил 2 пары оляпок на 2 км русла р. Узунбулак, а в ущелье р. Кызылсай 12 мая 1956 г. – 3-4 пары (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В июле 2004 г. во Внутреннем Тянь-Шане белобрюхая оляпка встречалась реже, чем бурая (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В речках, впадающих в озеро Чатыркуль, вообще не обнаружена (Кыдыралиев, 1973).

Сроки. Даты. Пролёта оляпок никто не видел. На Чокпаке, где в верховьях р. Арысь ежегодно зимует 2-3 оляпки, последних встречали: 9 марта 1872, 10 марта 1971, 20 марта 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В это же время (7 марта 1962 и 15 марта 1961 гг.) наблюдали весеннее оживление и пение самцов оляпок, зимующих рядом, в Аксу-Джабаглы (Ковшарь, 1966). На Иссык-Куле брачные игры начинаются в середине марта (Кыдыралиев, 1976). Летом, в период паводка, во второй половине дня совершает суточные кормовые миграции в верховья боковых притоков, где вода прозрачнее и условия поиска корма лучше (Степанян, 1959; Шукуров, Кормилицын, 2005). По наблюдениям в Таласском Алатау в 1933-1935 и 1959-1966 гг. оляпки остаются на местах гнездования по крайней мере до конца октября (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966), после чего вся популяция как бы сдвигается вниз, сосредотачиваясь в нижней части лугостепного пояса (1700-1300 м), и лишь часть птиц приникает ниже – в культурный пояс (до 1000 м); это перемещение происходит поздно и постепенно: ещё в ноябре оляпок я встречал даже в субальпийском поясе. Не выясненным остаётся – все ли птицы спускаются на одинаковую высоту или же гнездящиеся у верхней границы смещаются к нижней, а средняя часть остаётся на местах гнездования (что можно выяснить только путём индивидуального мечения). По наблюдениям в Иссык-Кульской котловине, оляпка в целом оседла, только часть особей спускается на зиму до берегов озера, т.е. 1600 м (Кыдыралиев, 1976), а в зимы 1973-1984 гг. их встречали по всем незамерзающим речкам и ручьям юго-восточной части котловины, причём не только в подгорной зоне, но и выше лесного пояса (Верещагин, 1991). Максимальная абсолютная высота зимовки оляпки во Внутреннем Тянь-Шане – 3250 м на притоках Нарына Улан и Каракол, где их встречали в пустотах подо льдом (Остащенко, 2010). На северных склонах Заилийского Алатау оляпки проводят зиму выше 1300-1500 м, а в городе появляются изредка после сильных снегопадов в горах – в поисках открытой воды, например, 19 ноября 1953 г. на р. Малая Алматинка в районе улицы Калинина, в центре города (Бородихин, 1968). В долине Текеса в 1955-1957 гг. зимовала на высоте 1700-3200 м (Винокуров, 1960), но есть и другая точка зрения: «Часть птиц живёт оседло в местах гнездования, большинство с наступлением зимы откочёвывает вниз» (Березовиков и др., 2004). Конечно, в разных местах и в разные зимы птицы, по всей вероятности, ведут себя по-разному. Однако на равнинных водоёмах вдали от гор оляпка бывает зимой скорее в виде исключения: 15 декабря 2004 г. одну видели на р. Тургень в 5 км от устья (Бевза, 2005: КОБ-2004), а на канале Сорбулака единственный раз её сфотографировали 13 ноября 2011 г. (А. Исабеков, www.birds.kz; Белялов, Карпов, 2013).

Биология. Мало известна, несмотря на оригинальность самой птицы и её образа жизни. Основное внимание орнитологи уделяли высотному размещению по сравнению с близким видом – бурой оляпкой, а также местам расположения гнёзд; подробные описания последних, по наблюдениям в районе Джаркента, были сделаны Б.П. Кореевым (Зарудный, Кореев, 1905) и Е.Л. Шестопёровым (1929) и повторены в замечательной книге В.Н. Шнитникова (1949). По части высотного распределения двух видов оляпок в литературе накопилось немало взаимоисключающих утверждений – кто же из них живёт выше. Наиболее интересны рассуждения Л.М. Шульпина (1965), посвятившего этим двум видам, по наблюдениям в Таласском Алатау в 1933-1935 гг., общий очерк: «Как и в Заилийском Алатау и в других местах Тянь-Шаня, чёрная оляпка селится в более высоких поясах, а белобрюхая – в нижних поясах, но чёрная

оляпка здесь более малочисленна, а белобрюхая более обыкновенная … Белобрюхая оляпка распространена по вертикали до предела, доступного виду, но с большей численностью обитает в нижних частях горных долин, чёрная же встречается лишь на высотах от 1700 до 2500 м и сравнительно более редка. Здесь пары чёрных оляпок занимают особые гнездовые участки, вкрапленные в участки, занятые белобрюхими парами. Случаев смешения видов в одну пару не наблюдалось» (Шульпин, 1965, с. 193-194). Далее он приводит примеры, когда оляпки занимали гнездовый участок, занятый в предыдущем году другим видом. То же самое мне приходилось наблюдать в Заилийском Алатау (Ковшарь, 1979). Интересные территориальные взаимоотношения двух видов оляпок на границах соседних гнездовых участков наблюдали там же, в окрестностях Б. Алматинского озера, в 1968-1969 гг. (Нейфельдт и др., 1978).

Наиболее полный очерк гнездовой биологии опубликован по наблюдениям за 10 гнёздами в условиях субвысокогорья Заилийского Алатау (Ковшарь, 1979). По результатам этих наблюдений выяснено, что на высотах 2500 м и выше оляпка имеет один репродуктивный цикл, но в низкогорье возможны случаи второй кладки – например, в Таласском Алатау, где гнездо с оперёнными птенцами нашли уже 16 мая 1965 г. (Ковшарь, 1966). Потенциальная плодовитость (4-5, редко – 3 яйца) в Тянь-Шане невысокая, однако она компенсируется надёжной защитой гнёзд, укрытых в большинстве случаев горным потоком: мне не известен ни один случай разорения гнёзд оляпки хищниками (без содействия человека). Реальную угрозу представляют лишь резкие паводки, которые затапливают гнёзда оляпок, расположенные в береговых обрывчиках низко над водой. Дополнением к упомянутому очерку служат наблюдения в том же ущелье в 1968-1969 гг. (Нейфельдт и др., 1978), подробные описания гнёзд и повадок самих птиц у В.Н. Шнитникова (1949) и опубликованные сведения о сроках размножения оляпок в Терской Алатау (Степанян, 1959, 1967), в разных местах Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1973, 1976, 1990; Ковшарь, Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), в Таласском Алатау (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966), в Кунгей Алатау (Ковшарь, 1972), в Чаткальском хребте Западного Тянь-Шаня (Митропольский и др.. 1981) и др.

277. Бурая оляпка – *Cinclus pallasii* Temminck, 1820

brown dipper (англ.), Flußwasseramsel (нем.), cincle brun, cincle de Pallas (фр.),
коңыр сушылқара (каз.), суучул кара (кирг.), чирри оби (тадж.), қунғир сувчумчуқ (узб).

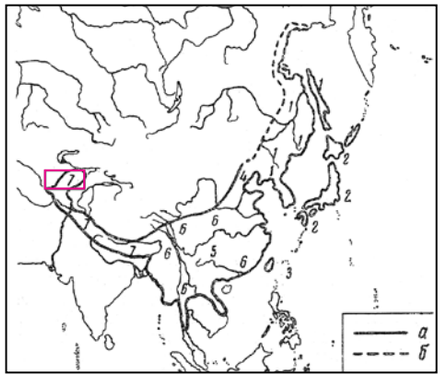
Синонимы: *Cinclus tenuirostris* Bonaparte, 1850; *C. t. korejewi* Zarudny, 1909. Темнобрюхая оляпка (Шнитников, 1949). Чёрная оляпка (Шульпин, 1965).

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане обитает один – *Cinclus pallasii tenuirostris* Bonaparte, 1850.

Характер пребывания. Оседлая птица, совершает небольшие сезонные перемещения в пределах гор.

Биотоп. Берега горных речек с прозрачной водой. В отличие от белобрюхой предпочитает крупные реки с наличие скал или хотя бы крупных валунов на берегу, однако поселяется также бок-о-бок с белобрюхой оляпкой в местах, где упомянутых условий нет. О сходстве требований обоих видов к стациям может свидетельствовать та лёгкость, с которой обе оляпки занимают участки, на которых в предыдущем году гнездился представитель другого вида (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966, 1979; Нейфельдт и др., 1978). Высотные пределы распространения на гнездовье немного уже, чем у белобрюхой: в Таласском Алатау 1700-2000 м (Ковшарь, 1966), в Заилийском 1500-2700 м (Бородихин, 1970), в Терской Алатау 2000-3200 м (Степанян, 1962), и только для южного макросклона Западного Тянь-Шаня приводится более широкий диапазон высот в зимнее время – от 800 до 3800 м (Третьяков, 1995, с. 185).

Распространение. Тянь-Шань находится на крайнем северо-западном выступе ареала вида (рис. 290), здесь проходит западная граница этого ареала: по хребтам Западного Тянь-Шаня, Киргизскому, Заилийскому и Терской Алатау (рис. 291). В Западном Тянь-Шане бурая оляпка довольно обычна (хотя и уступает в численности белобрюхой) в Чаткальском, Пскемском и Угамской хребтах, в Таласском Алатау в районе заповедника Аксу-Джабаглы (Кашкаров, 1927, 1931; Корелов, 1956; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991; Третьяков, 1995; В. Ковшарь, 2003; Головцов, 2007). Нигде в Каратау не встречена (Шапошников, 1931; Долгушин. 1952; Губин, Белялов, 2017). В Киргизском Алатау обычна в восточной половине хребта – от ущелья Мерке до Боомского ущелья

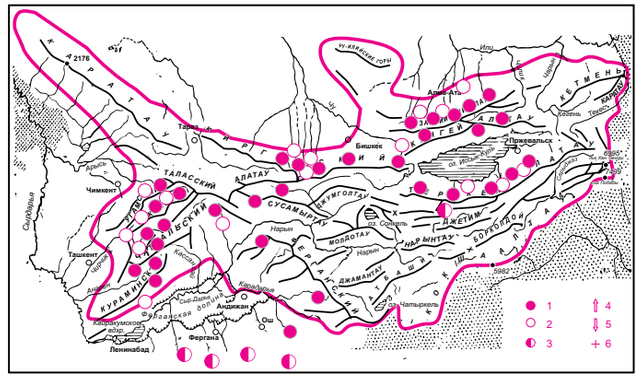

Рис. 290. Ареал бурой оляпки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Судиловская, 1954, с. 681
Рис. 291. Распространение бурой оляпки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

(Спангенберг, Судиловская, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007; Карпов, Белялов, 2007). Населяет также Заилийский и Кунгей Алатау на восток до ущелий Дженишке и Кульсай (Ковшарь, 1972; Губин, 2009). В Центральном Тянь-Шане отсутствует как в его северной части (бассейн Чулкудысу и Текеса – на восток до Кунгеса и долин Юлдуса), так и в бассейне Сарыджаза (Алфераки, 1891; Козлов, 1899; Шнитников, 1949; Тарасов, 1961; Крылов, 1969; Кыдыралиев, 1990). Хребет Терской Алатау в пределах Иссык-Кульской котловины населяет на всём его протяжении, но основные сведения собраны в восточной части этого хребта (Степанян, 1959, 1962). Южнее Терской Алатау, во Внутреннем Тянь-Шане, известны единичные встречи. Так, 22 июля 2005 г. я встретил бурую оляпку на р. Джилуу-суу (верховья Болгарта, 3000 м) – там же, где серпоклюва и краснобрюхую горихвостку, а в зимнее время 2000-2007 гг. (более точно дата не указана) бурую оляпку, как и белобрюхую, на притоках Нарына Улан и Каракол, на высоте 3250 м, наблюдал А.Н. Остащенко (2010, с. 244). В Сусамырской долине в ущелье Шикимбай-сай пару бурых оляпок встретил 2 июля 1957 г. М.Н. Корелов (2007). В ущелье Чичкан (западная оконечность хребта Сусамыртау) я встречал бурую оляпку 29 июля 1999 г., а за три дня до этого видел её на р. Гульча, на северном склоне Алайского хребта (Ковшарь, Торопова, 2000). Кстати, к западу от последнего места в июле 2004 г. бурая оляпка встречалась нам *вдвое чаще чем белобрюхая*, в следующих ущельях северного склона Алайского хребта: Абширсай, Исфайрамсай, Дугоба, Калай-Махмуд; а в июле 2003 г. мы встречали бурую оляпку в национальном парке «Кара-шоро», в верхней части р. Яссы, на южном склоне Ферганского хребта (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На добычу линяющих бурых оляпок 25 июля в западной части Ферганского хребта есть указание в сводке «Птицы Киргизии» (1960). На южных склонах Кураминского хребта бурая оляпка отмечена в верховьях Чадаксая (Митропольский, 2005).

Констатируя отсутствие бурой оляпки на обширной территории Центрального Тянь-Шаня, А.К. Кыдыралиев (1989, с. 68) предположил: «По всей вероятности, в Тянь-Шань она, как молодая форма, не успела проникнуть и заселить центральные и восточные участки… Можно предполагать возможность расселения её на восток по р. Нарын». Однако за прошедшие 30 лет такого расселения не произошло. Между прочим, детали западной границы этого вида остаются такими, какими были описаны 50 лет назад: «Крайние западные точки, откуда известна бурая оляпка, это верховья рек Санзар и Хырсхона в Туркестанском хребте, р. Шинг в Зеравшанском хребте, р. Танхас (верховья Кашкадарьи) в Гиссарском хребте. Весь юго-запад Памиро-Алая с его безводными горами выпадает из ареала… На восток она доходит по Алайскому хребту до его восточной оконечности (пер. Акбогуз), по хр. Петра Первого – до его восточного конца и заходит в западную часть Алайской долины (кишл. Дарауткурган); затем известна из пределов Бадахшана (Рушан, Шугнан и Вахан), но на Памирское нагорье бурая оляпка не заходит совершенно» (Иванов, 1969, с. 237).

Численность. В большинстве мест значительно ниже, чем у белобрюхой оляпки, за исключением Киргизского, Кунгей и Терской Алатау, где численность их почти равна (Птицы Киргизии, 1960). То же можно сказать и сейчас, добавив, что на северных склонах Алайского хребта в 2004 г. бурая оляпка встречалась нам даже вдвое чаще, чем белобрюхая (см. выше). Почти достигает численности белобрюхой оляпки на притоках Чаткала и Чирчика в Чаткальском хребте (Кашкаров, 1931; Железняков,

Колесников, 1958; Третьяков, 1995). Конкретных сведений мало. Так, в верхнем течении Пскема в июле-августе 2002 г. встретили 13 бурых оляпок (В. Ковшарь, 2003). В Сарычелекском заповеднике, где бурая оляпка в верховьях преобладала над белобрюхой (Кашкаров, 1927), по учётам 1982-1983 гг. в поймах рек гнездилось 2-4 особи/км^2 (Лебяжинская, 1991). В ущелье Туюк Киргизского Алатау в 1951 г. бурая оляпка гнездилась «в значительно большем числе, чем белобрюхая» (Спангенберг, Судиловская, 1959), а в ущелье Ала-Арча того же хребта в 1957-1960 гг. она встречена на 43 маршрутах из 900 (от верхней границы леса до ледников) общим числом 141 особь (Кузнецов, 1962). В восточной части хребта Терскей Алатау, в ущелье Чон-Кызылсу, по наблюдениям 1953-1960 гг., встречалась в среднем одна пара на 3-5 км течения реки: «Важно отметить, что такой уровень численности сохранялся на протяжении всего времени исследований и ни разу не было зарегистрировано его колебаний ни в сторону увеличения, ни в сторону уменьшения численности. Весьма строгий, практически постоянный уровень численности – свидетельство экологического равновесия, достигнутого этим видом в биоценозе» (Степанян, 1962, с. 244). В этом же ущелье в январе-феврале 1962 г. П.П. Второв (1963) учитывал в среднем 2 бурых оляпки на 10 км маршрута. В котловине Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м) в 1971-1976 гг. ежегодно гнездилось 2-3 пары бурых оляпок и 3 пары белобрюхих (Ковшарь, 1979).

Сроки. Даты. Бурая оляпка более оседла, чем белобрюхая, зимние кочёвки её короче и не выходят за пределы гор. Одна помеченная нами в Заилийском Алатау пара несколько раз встречена в декабре и январе всего в 40-50 м от своего гнезда, на высоте 2500 м (Ковшарь, 1979). На подгорной равнине бурая оляпка не появляется в долинах Или, Чу, Таласа и Сырдарьи; даже на Чокпаке не встречена ни разу за 50 лет (1966-2016). Пары образуются, возможно, зимой, так как в зимнее время бурые оляпки встречаются по две чаще, чем белобрюхие. Поют они всю зиму и весну; самые поздние песни в Большом Алматинском ущелье Заилийского Алатау отмечены 3 июня 1973 г. и 4 июня 1974 г. Гнездование начинается в марте – к концу этого месяца кладки бурых оляпок находили в Киргизском и Терскей Алатау (Степанян, 1959, 1962; Спангенберг, Судиловская, 1959).

Биология. Единственная специальная публикация по биологии этого вида в Тянь-Шане (Степанян, 1962, с. 243-248) написана по материалам, собранным в 1953-1960 гг. в Терскей Алатау и содержит подробное описание расположения и устройства четырёх гнёзд; отрывочные наблюдения за ходом их строительства и взаимоотношениями с белобрюхой оляпкой. По наблюдениям за 8 гнёздами в окрестностях Большого Алматинского озера (Заилийский Алатау) в 1971-1976 гг. с применением индивидуального цветного мечения получены новые сведения о гнездовом участке, местах и способах устройства гнёзд, процессе их строительства, выкармливании птенцов, а также о взаимоотношениях с белобрюхой оляпкой – в частности, о вытеснении последней и занятии её гнёзд бурой оляпкой (Ковшарь, 1979). Сопоставление этих сведений с литературными данными, по которым начало кладки у бурой оляпки в низкогорье и среднегорье разных хребтов Тянь-Шаня растянуто на 70-80 дней (с конца марта до начала июня), позволило согласиться с высказывавшимся неоднократно (Шнитников, 1949; Спангенберг, Судиловская, 1959; Кузнецов, 1962; Степанян, 1962) предположением о возможности двух репродуктивных циклов у бурой оляпки на высотах до 2000 м. Иная картина в субвысокогорье Заилийского Алатау, у верхних пределов гнездования бурой оляпки. Здесь она приступает к откладке яиц на месяц-полтора позже, чем в лесном поясе, и успевает вывести птенцов только один раз (Ковшарь, 1979). Очень интересные сведения о размножении и поведении бурой оляпки имеются в сводках «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949, с. 578-580), «Птицы Казахстана, том 3», (Бородихин, 1970, с. 411-415), «Птицы Узбекистана, том 3» (Третьяков, 1995, с. 184-188), а также в других публикациях (Кузнецов, 1962; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Митропольский и др., 1981). Однако в биологии этого вида ещё очень много непознанного, и сейчас вполне актуальны слова, сказанные более полувека назад: «В заключение следует отметить, что сравнительное изучение экологии и взаимоотношений бурой и обыкновенной оляпок в области их совместного обитания будет благодатной темой для решения ряда вопросов как частных, так и общих, проливающих свет на формы взаимоотношений в природе двух близких филогенетически и экологически видов» (Степанян, 1962, с. 248).

Семейство **Крапивниковые** Troglodytidae

278. Крапивник – *Troglodytes troglodytes* (Linnaeus, 1758)

wren (англ.), Zaunkönig (нем.), troglodyte mignon (фр.),
үнгірек (каз.), королоу (кирг.), пистокисар (тадж.), қичитқон (узб.)

Синонимы: *T. parvulus* Koch, 1816; *T. europaea* Vieillot, 1819; *T. vulgaris* Fleming, 1822; *T. regulus* Meyer, 1822**;** *Anorthura communis* Rennie, 1831; *T. tenuirostris* Brehm, 1855; *T. bifasciatus* Brehm, 1855; *T. naumanni* Brehm, 1855; *T. verus* Burmeister, 1856; *T. linnei* Malm, 1877; *T. tianschanica* Sharpe, 1881; *Anorthura tarbagataica* Sushkin, 1906.

Подвид. Из 38 подвидов в Тянь-Шане гнездится и зимует *T. t. tianschanicus* Sharpe, 1881 (рис. 292, 3).

Характер пребывания. В Тянь-Шане оседло-кочующая птица, на юге и западе в основном зимует.

Биотоп. Хвойный лес в пределах высот 1500-3000 м. Селится, как правило, в местах с буреломом, по обрывам у родников и речек в верхней половине лесного пояса и на границе его с субальпийским. В хребтах Западного Тянь-Шаня поселяется в скалистых участках высокогорья с кустами арчи. На кочёвках и зимой часто держится вблизи воды, в тростниках и зарослях по берегам озёр, по обрывчикам с нависшей дерновиной и по зелёным изгородям в селитебном ландшафте (например, в городе Алматы).

Распространение. Этот единственный представитель американского семейства крапивниковых широко расселился по хвойным лесам Европы и юго-восточной Азии; в Тянь-Шане и Джунгарском Алатау обитает изолированный подвид *T. t. tianschanicus* Sharpe (рис. 292, 3). У северо-восточной границы нашего района он гнездится в еловых лесах по Тышкану вблизи Джаркента (Шестопёров, 1929), а в восточной половине района – в ельниках Кетменя, Заилийского, Кунгей и восточной части Терскей Алатау (Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Второв, 1963, 1968; Родионов, 1968; Ковшарь, 1972). Южнее, в островных лесах области сыртов, крапивник не гнездится и в другое время не встречен (Крылов, 1969). Западнее гнездование крапивника известно в еловых лесах хребтов Нарынтау, Молдотау и Атбаши (Птицы Киргизии, 1960), и в сводной работе «Птицы еловых лесов Тянь-Шаня» западная граница распространения крапивника проведена по меридиану озера Сонкуль (Шукуров, 1986), при этом сказано, что в Зеравшанском и Таласском хребтах он отсутствует.

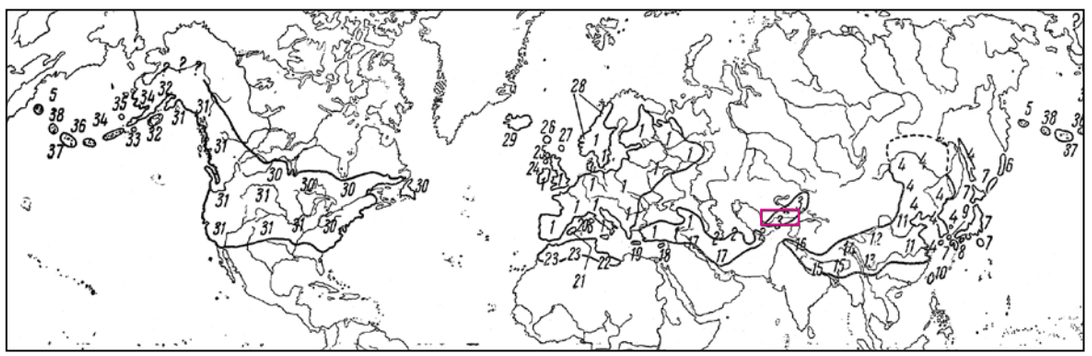

Рис. 292. Ареал крапивника и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Судиловская, 1954, с. 662

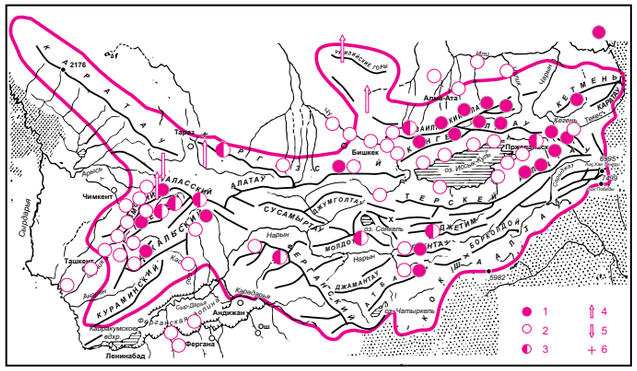

Рис. 293. Распространение крапивника: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

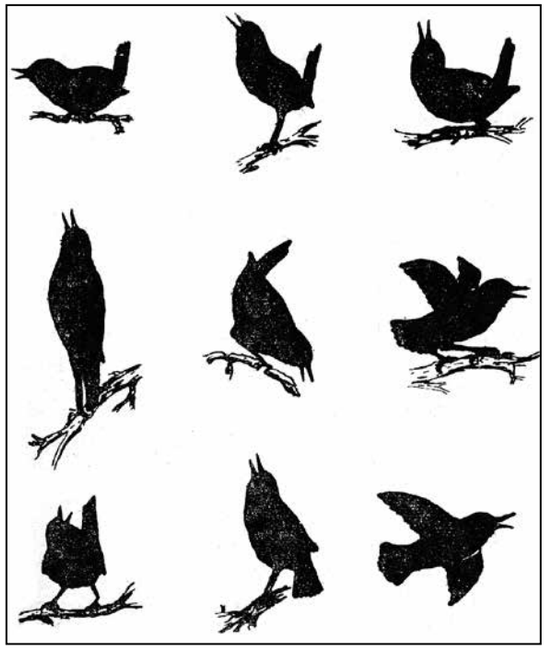
Между тем, на зимние встречи в орехово-плодовых лесах Арсланбоба имеется указание в сводке «Птицы Киргизии» (1960), а трёх крапивников мы встретили 25 июля 2003 г. в орехово-плодовом лесу южного склона Ферганского хребта на реке Кугарт недалеко от Джалалабада (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В западной части Киргизского Алатау, в верховьях ущелья Куртыбай (у с. Подгорное) одного крапивника, скорее всего – молодую птицу, встретили 24 июля 1957 г. (Корелов, 2007). Отсутствие крапивника на гнездовании в Западном Тянь-Шане долгое время считалось характерной чертой его авифауны (Шульпин, 1936), хотя на восточной окраине, в Сарычелеке, его нашли ещё в 1925 г. (Кашкаров, 1927). В Таласском Алатау, где крапивник обычен зимой, летом его не встречали с 1926 по 1961 г. (Шульпин, 1936, 1965; Шевченко, 1948), а при стационарной работе с 1959 по 1966 г. только раз, 6 июля 1962 г., на перевале Кши-Каинды (3000 м) встречен выводок: взрослый крапивник кормил двух летающих птенцов (Ковшарь, 1966). Через 11 лет, 24 июля 1973 г., в этом же месте встречен ещё один выводок (Губин, 1989), а 12 июля 1983 г. найдено гнездо с 2 яйцами и 2 птенцами (Ковшарь, Чаликова, 1992). Гнездился он здесь в 1998, 2000 и 2003 гг. (Чаликова, 2006). Последний автор делает вывод: «Судя по тому, что доказательства гнездования крапивника в разное время найдены и в других частях Западного Тянь-Шаня (Кашкаров 1927; Железняков, Колесников 1958; Петров 1958; Лановенко 1997а, 2002; Ковшарь, 2003), можно предположить, что он гнездился здесь всегда» (Чаликова, 2006, с. 401), с чем мне трудно согласиться, хотя обе точки зрения имеют право на существование. Однако скорее всего и на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня крапивник появился на гнездовании во второй половине XX ст., так как раньше его здесь летом не встречали (Сатаева, 1937; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Петров, 1958), а ничем не подтверждённые указания на гнездование в ближайших к Ташкенту горах (Аюпов, 1978; Матякубов, 1984) скорее всего были ошибочными (Мекленбурцев, 1995). И только на рубеже XX и XXI столетий крапивника стали изредка встречать здесь летом. Так, 19 августа 2002 г. одного встретили в стланиковой арче у скал в урочище Тюз-ашу на южном склоне Таласского Алатау (В. Ковшарь, 2003). В долине Пскема в 2003 г. крапивника отметили уже в трёх ущельях: 21 июня – пару на окраине пос. Урунгач, а на следующий день – трёх молодых в 7 км выше по течению; 29 июня – трёх поющих самцов в 200-300 м друг от друга, а 6 июля – по 2 поющих самца в районе перевала из Аскарсая в долину р. Коксу (2600 м), что говорит о заселённости крапивником не только Угамского, но и Пскемского хребтов (В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003). Южнее, в Чаткальском хребте, крапивника нашли гнездящимся в Башкызылсайском участке Чаткальского заповедника (Лановенко, 2002), а вскоре его включили в список оседлых птиц заповедника как гнездящегося в альпийском поясе обоих участков – кроме упомянутого, также Майдантальского (Головцов, 2007). На плато Пулатхан крапивника встретил 19 июля 2007 г. М. Митропольский (2007). Явно численность его за последние десятилетия увеличилась: заселение видом Западного Тянь-Шаня налицо.

Следует сказать, что в соседнем Памиро-Алае, южнее Ферганской долины, гнездование крапивника долгое время предполагалось согласно находке Т. Барея в августе 1894 г. у перевала Акбогус, восточнее Гульчи, на северном склоне Алайского хребта (Иванов, 1969). Здесь обитает другой подвид – *T. t. cineraceus* Portenko, 1954, несколько экземпляров которого хранится в коллекциях САГУ и Института зоологии (Ташкент), в том числе – три слётка, добытых Р.Н. Мекленбурцевым 8-11 августа 1960 г. в верховьях р. Сох на северном склоне Алайского хребта (Мекленбурцев, 1995, с. 189).

Численность. В хвойных лесах Северного Тянь-Шаня довольно многочислен. Так, в субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское ущелье, 2500-2700 м) в 1964-1967 гг. найдено 65 (Родионов, 1968, 1970), а в 1971-1975 гг. там же – 50 жилых гнёзд крапивника (Ковшарь, 1979).

В Сарычелеке, по данным учётов 1982-1983 гг., в ореховом лесу обитали 13-25 особей/км², в яблоневом – 11, в елово-пихтовом 70-72, елово-ореховом – 9, в арчовом редколесье – 1 крапивник/км² (Лебяжинская, 1991, табл. 5); по наблюдениям того же автора, в 1986-1987 гг. крапивник составил 4.7% всех птиц, учтённых в елово-пихтовом лесу и включён в число фоновых видов птиц этого биотопа (Лебяжинская, 1992, с. 99). В высокогорье Киргизского Алатау (Ала-Арча, 2700-3000 м) в 1957-1960 гг. А.А. Кузнецов (1962) из 900 маршрутов в течение круглого года встретил крапивника на 24-х общим числом 57 особей. В северной части Центрального Тянь-Шаня (верховья Текеса, Кокпак) крапивник был немногочислен как в 1955-1957 гг. (А.А. Винокуров), так и в 1968-1975 гг. (В.С. Аракелянц) и в 90-х гг. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006), а в ущелье Чон-Кызылсу (Терской Алатау, 2100-3000 м) летом 1953-1954 гг. Л.С. Степанян (1959) встречал не более 2-3 крапивников в день. В январе-феврале 1962 г. в облепиховых зарослях по берегам Иссык-Куля насчитали 4 крапивника на маршруте 22 км, или 4 особи/км² (Второв, 1963), а в с. Покровка – менее 10 крапивников/км² (Второв, 1968). В ельниках Чонкемина («мохово-тенетравных с вырубками») между хребтами Заилийский и Кунгей Алатау в августе – сентябре 1968 г. П.П. Второв (1972) учитывал до 10 крапивников на км²; столько же встречал за день экскурсии зимой по тугаям реки Чилик в 1992-1999 гг. Б.М. Губин (2001, с.196). У незамерзающих речек и ручьёв национального парка «Ала-Арча» (Киргизский Алатау) плотность зимующих крапивников 0.83-3.33 особи/км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Чуйской долине выше Бишкека 11-13 января 2008 г. в местах с тростниковыми заломами насчитали 13 одиночных крапивников за 3 дня (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). Мигрируют также редкими одиночками.

Сроки. Даты. Как и другие подвиды, тянь-шанский крапивник на зиму откочёвывает с мест гнездования, причём кочёвки эти имеют значительный размах (Штегман, 1948). На северных склонах Заилийского Алатау крапивники покидают не только высокогорье, но и весь лесной пояс, тогда как в Таласском Алатау, куда они прикочёвывают на зиму, они поднимаются до 1900-2000 м. В Киргизском Алатау встречаются зимой и выше 2000 м, есть указания, что крапивник здесь оседлый (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005). Сроки зимнего пребывания крапивников в Ташкенте и южных предгорьях Западного Тянь-Шаня, судя по добытым Н.А. Зарудным экземплярам, – с 6 октября по 17 марта, а по визуальным наблюдениям в 20-х гг. – с 4 октября по 29 марта (Сатаева, 1937).

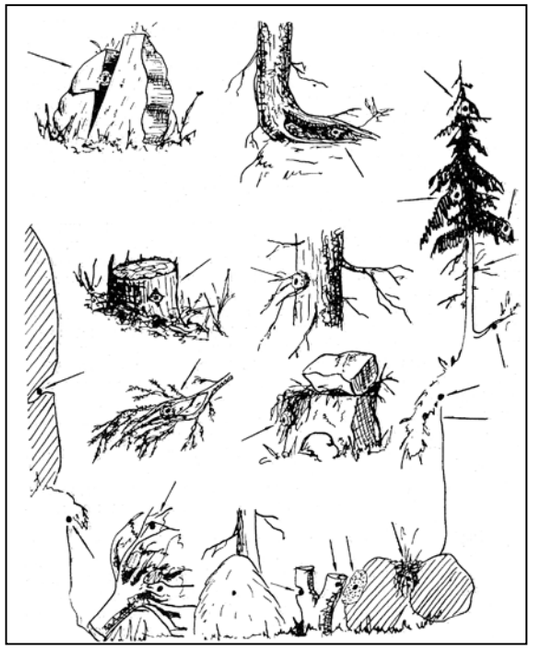

Рис. 294. Токовые позы самца крапивника (рисунок И. Джаркешева).
Рис. 295. Места расположения гнёзд крапивника (рисунок Р.Г. Пфеффера)

На северных склонах Таласского Алатау, в заповеднике Аксу-Джабаглы, в разные годы их встречали с 9-29 сентября (дважды – даже 25 августа 1935 и 14 августа 1926 гг.) до 11-18 апреля 1948, 1960 и 1963 гг. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). Рядом, на Чокпакском перевале, осенью небольшой пролёт крапивников отмечали 10 и 12 октября 1971, 19 и 22 октября 1970, 20 и 23 октября 1967, 24 октября 1969 гг., а с 2 октября (2005) по 27 октября (2002) отловили 15 крапивников. Весной здесь их отмечали 13 марта 1972, 12 марта 1973, 11 и 16 марта 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине зимующих крапивников встречали с октября по март (Умрихина, 1970), в Алма-Ате крайние даты – 22 октября 1960 г. и 19 марта 1962 г. (Бородихин, 1968). В окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) первых крапивников весной мы встречали 9 апреля 1972, 17 апреля 1973, 7 апреля 1974 и 13 апреля 1975 гг. До конца сентября они ещё обычны в лесу и арчовом стланике до высоты 2800-3000 м, но в октябре уже редки; последние встречи – 21 октября 1973, 26 октября 1975 и даже 22 ноября 1972 гг. (Ковшарь, 1979). В самых нижних точках откочёвки крапивников встречали вблизи юрт и загонов для скота: на кромке песков Таукум – 16 апреля 1996 г. (Березовиков и др., 1999), в долине Копы – 10 апреля 1987 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000), на Сорбулаке – с начала ноября по начало февраля (Белялов, Карпов, 2013), в Карачингиле (устье Тургени) – с 21 сентября (2010) по 31 марта 2006 г. (Бевза, 2012).

Биология. Наиболее полно изучена в Заилийском Алатау (Родионов, 1968, 1970; Ковшарь, 1979). Здесь в окрестностях Б. Алматинского озера (2300-2800 м) в 1964-1967 и 1971-1976 гг. по наблюдениям за более чем 100 гнёздами крапивника с применением индивидуального цветного мечения (именно на этой птице Э.Ф. Родионов впервые начал использовать цветные метки) изучены основные моменты гнездовой биологии крапивника, начиная от токового поведения и образования пар, устройства гнёзд (рис. 294 и 295) и заканчивая основными этапами репродуктивного цикла у этого вида. При растянутости начала кладки яиц на 80 дней – с начала мая до 20 июля – документально доказано наличие второй кладки: в 1964-1967 гг. две самки начали вторую кладку через 4-6 суток после вылета первого выводка (Родионов, 1968), в 1974 г. первый выводок покинул гнездо 10 июня, а 19 июля меченая самка носила корм в новое гнездо (Ковшарь, 1979). Плодовитость довольно высокая: в 33 кладках было 4-6, в среднем 5.6 яйца/гнездо, а в 20 гнёздах с птенцами – 4-7, в среднем 5.45 птенца/гнездо. Выявлена стабильность величины кладки у меченых самок: в 1971-1974 гг. одна 4 раза откладывала по 6 яиц (2 первые кладки и 2 вторые), а в 1967 г. самка трижды отложила по 6 яиц (возобновляя утраченную кладку) и только в четвёртый раз, во второй декаде июля – 4 яйца (Родионов, 1968, 1970; Ковшарь, 1979). Также довольно высокой (намного выше, чем у большинства гнездящихся в субвысокогорье воробьиных птиц) оказалась успешность гнездования крапивника: в 1964-1969 гг. птенцы благополучно покинули 22 гнезда из 27, судьба которых прослежена (81.5%), а в 1971-1975 гг. – соответственно 18 из 21 (85.7%).

По другим хребтам Тянь-Шаня сведения отрывочны. В Тышкане, близ Джаркента, в одном гнезде 9 июня было 6 слепых птенцов, в другом 9 июня – 5 свежих яиц (Шестопёров, 1929). В Терской Алатау (Чон-Кызылсу, 2700 м) 6 августа 1953 г. слётки ещё едва перепархивали на 5-6 м (Степанян, 1959), а в ущелье Джиланды 16 мая 1962 г. была кладка из 6 яиц, из которых 28 мая вылупились птенцы; здесь же слабо летающих птенцов встретили 18-20 августа 1959 г. (Шукуров, 1986). В Иссык-Кульской котловине (Теплоключенка) 21 мая Г.В. Вердин взял кладку из 6 свежих яиц, а 8 июня 1986 г. – из 5 насиженных (Торопова, 1999). В восточной части Кунгей Алатау (Кульсай, среднее озеро) с 21 июня 1968 г. до конца месяца часто пели самцы, а 4 июля в одном месте крапивник кормил слётка, в другом – носил пух в гнездо (Ковшарь, 1972). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) на перевале Кши-Каинды (3000 м) 6 июля 1962 г. самка кормила двух хорошо летающих птенцов (Ковшарь, 1966). Там же 1 июля 1973 г. самец строил гнездо в трещине скалы (3100 м), а 24 июля 1973 г. встречены два слабо летающих птенца (Губин, 1989). В верховьях Жетымсая (тот же массив, что и Кши-Каинды) 12 июля 1983 г. в гнезде было 2 птенца и 2 яйца, шло вылупление (Ковшарь, Чаликова, 1992). Гнездился здесь крапивник и в 1998-2003 гг. (Чаликова, 2006).

Семейство **Завирушковые** Prunellidae

279. Альпийская завирушка – *Prunella collaris* (Scopoli, 1769)

Alpine accentor (англ.), Alpenbraunelle (нем.), accenteur alpin (фр.),
сұржон содырғы (каз.), альп кок шалкасы (кирг.), валвалаи алпи (тадж.), альп завирушкаси (узб.)

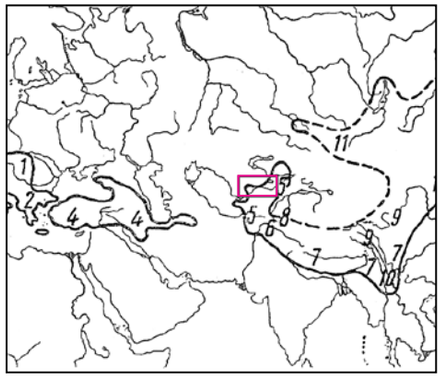
Синонимы: *Motacilla pyrenaica* Hermann, 1783; *M. alpina* Gmelin, 1789; *Accentor major* Brehm, 1831; *A. erythropygius* Swinhoe, 1870; *A. erythropygus* Cabanis, 1870; *A. rufilatus* Severtzov, 1879; *A. r. turcestanicus* Reichenow, 1907; *Laiscopus collaris kwenlunensis* Buturlin, 1910.

Подвид. Из 8 подвидов в Тянь-Шане – *Prunella collaris rufilatus* Severtzov, 1879.

Характер пребывания. Гнездится в высокогорье выше 2800-3000 м. Зимует также в горах, переходя на южные склоны и смещаясь несколько ниже (особенно после снегопадов), но за пределы гор не выходит.

Биотоп. Гнездится среди скал и каменистых россыпей альпийского пояса, вблизи морен и ледников с небольшими пятнами альпийских лужаек. В зимнее время может быть встречена на скалах в лесном поясе, а в Таласском Алатау в январе встречена даже в каньоне р. Аксу и в облепиховом тугае у выхода р. Джабаглы в долину Арыси (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966); ещё ниже добывали её в северных предгорьях Алайского хребта Р.Н. Мекленбурцев и Д.Ю. Кашкаров – 20 января 1961 г. в окрестностях Вуадиля (2 самца) и 23 января 1961 г. – самца в окрестностях Шахимардана (Митропольский, 1995).

Распространение. Тянь-Шань находится на западной границе восточного участка разорванного ареала этого вида, который населяет высокогорья юга Евразии от Пиренеев до Сихотэ-Алиня и Японских островов (рис. 296). Довольно верно подробности распространения альпийской завирушки в казахстанской части Тянь-Шаня описаны в 4-м томе сводки «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1972), а с учётом старых и новых сведений по территории Киргизии и Узбекистана картина современного распространения этого вида в Тянь-Шане выглядит следующим образом (рис. 297). Наглядно видно, что эта завирушка гнездится в самых высоких участках большинства хребтов, отчего создаётся впечатление о некоей спорадичности её распространения. Небольшое число зимних встреч свидетельствует

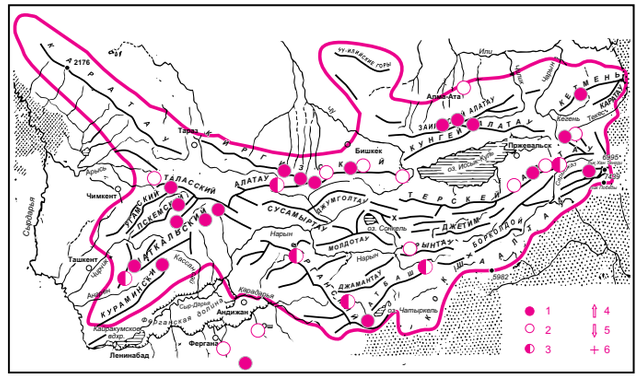

Рис. 296. Ареал альпийской завирушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Мекленбурцев, 1954, с. 651
Рис. 297. Распространение альпийской завирушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

о зимовке в основном в горах, где орнитологи зимой бывают не так уж часто. Некоторые пояснения к рис. 297: в Заилийском Алатау гнездование установлено в ущельях Б. и М. Алматинском, а также в истоках Чилика на южном склоне хребта (Шульпин, 1939; Штегман, 1954; Гаврилов, 1972; Нейфельдт и др., 1978; Джаныспаев, 2012); в Кетмене – в ущелье Кумурчи (Корелов, 1956); в Центральном Тянь-Шане – в верховьях Текеса, Большого Кокпака и Кокжара, в восточной части Терской Алатау (Степанян, 1959; Винокуров, 1961; Второв, 1967; Кузнецов, 1986), здесь же мы встретили альпийскую завирушку 26 июля 2005 г. на перевале Чон-Ашу (2822 м) в долину Сарыджаза. В Киргизском Алатау на гнездовании найдена в ущельях Ала-Арча, Иссык-Ата, Карабалты (у перевала Тюе-ашу), Мерке, Чонкурчак (Шнитников, 1949; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Торопова, 2000; Корелов, 2007; Карпов, Белялов, 2007). По-видимому, гнездится в хр. Атбаши, где поющий самец встречен 24 июня 2016 г. на осыпи в цирке верховьев р. Акибулак, на высоте 3400 м (Белялов и др., 2017). Указана гнездящейся для высокогорной Арпинской долины, где её добывали летом (Шнитников, 1949; Кыдыралиев, 1972). Видимо, гнездится на перевале Сарыкыр (Ферганский хребет, 3000 м), где я видел пару 26 июля 2003 г.; явно гнездовой была и пара, встреченная 2 августа 2004 г. на перевале Отмёк из Сусамырской долины в Таласскую (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В восточной оконечности Алайского хребта встречается у ледника Абрамова в истоках р. Коксу (3500-4500 м), где очень редка (Ноздрюхин, 1989). В Западном Тянь-Шане гнездится на территории заповедников Сарычелек, Чаткальский и Аксу-Джабаглы, а также на Ангренском плато, в Кураминском, Пскемском и Ойгаингском хребтах (Кашкаров, 1927; Шевченко, 1948; Корелов, 1956; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский, 1995; В. Ковшарь, 2003; Головцов, 2007; Митропольский и др., 2008; Тен и др., 2017). За пределами высокогорья известны единичные встречи, имеющие характер залётов после снегопадов в зимне-весеннее время: 8 марта и 8 апреля 1960 г. в северные предгорья Таласского Алатау (Ковшарь, 1965), туда же 13 марта 1996 г и 12 ноября 1999 г. (Чаликова, 2012), в город Алматы 4 апреля 1986 г. (Губин, Ковшарь, 1988). Пролёта у альпийских завирушек нет, во всяком случае никто его не наблюдал.

Численность. Повсеместно невысокая. На южных склонах Чаткальского хребта в июне 1976 г. на учётных маршрутах продолжительностью 2.5 часа встречены 3 пары, на Ангренском плато (2700-3200 м) – одна пара (Митропольский, 2005). В верховьях Пскема (Шабырсай, Шабыркуль) в июле-августе 2002 г. встречены 4 пары (В. Ковшарь, 2003). Там же, на мокрых склонах у Шабыркуля, 10 августа 2015 г. в нескольких встреченных выводках насчитали до 30 особей (Тен и др., 2017). Судя по добыче 4-х экземпляров, была нередка в июле 1925 г. на Сарычелеке (Кашкаров, 1927), а в 80-х гг. даже доминировала на альпийских лугах – после горного конька и гималайского вьюрка (Лебяжинская, 2001). К последнему утверждению надо относиться с осторожностью, поскольку при общей низкой численности птиц в числе доминантов могут оказаться и немногочисленные виды. Так, на моренах ледника Дикого (Центральный Тянь-Шань) альпийская и гималайская завирушки отнесены к числу фоновых видов на основании того, что «на левых склонах гнездились 3 пары альпийских завирушек и 2 пары гималайских, на правых – 4 пары альпийских и 1 – гималайских» (Кузнецов, 1986, с. 135). На леднике Абрамова (Алайский хребет) альпийская завирушка чрезвычайно редка (Ноздрюхин, 1989). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1960-1966 гг. я встречал альпийскую завирушку в гнездовое время 5 раз, однако впоследствии за 20 лет (1985-2005) её ни разу здесь не встретили (Чаликова, 2006), а после этого – только два раза: одиночку 8 июля 2010 г. и кормящую слётка 20 июля 2011 г. (Чаликова, 2012). В высокогорье ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) на ежедневных маршрутах от ледника до верхней границы леса в течение всего года альпийская завирушка встречена на 30 маршрутах из 900, общим числом 102 особи (Кузнецов, 1962). В Терской Алатау в 1953-1954 гг. встречалась редкими парами (Степанян, 1959). В поясе арчового стланика этого хребта в марте 1962-1965 гг. учитывали до 2, в апреле – 1, в октябре – до 5, а с ноября по февраль – не более 1 особи/км^2 (Второв, 1967). Низкой была численность в Восточном Прииссыккулье в зимы 1973-1984 гг. (Верещагин, 1991), а в ноябре 1959 г. в горах Орто-Токоя (1800-2000 м), западнее Иссык-Куля, где снега зимой почти не бывает, наблюдали стайки из 3-15 завирушек, некоторые из них держались вместе с горными чечётками (Кыдыралиев, 1961).

Сроки. Даты. Конкретных данных о сроках начала и окончания высотных миграций не имеется.

Биология. Не изучена. В литературе очень немного упоминаний о нахождении гнёзд и встречах выводков. Поскольку из нашего района известно всего несколько гнёзд, считаю полезным для будущих исследователей привести некоторые подробности. Первое жилое гнездо найдено в высокогорье

Киргизского хребта (Кузнецов, 1961), где в ущелье Ала-Арча проводились наблюдения с 1957 по 1960 г.: «Все летние встречи альпийской завирушки происходили на моренах ледников, на скалах и осыпях не ниже 2800 м. В зимнее время завирушки встречались в тех ж биотопах, притом как на значительной высоте, в районе ледников, так и ниже… Разбивка на пары происходит уже в апреле. К этому времени птицы подтягиваются к моренам и ниже почти не встречаются. К размножению они приступают в июне. 7 июля 1959 г. на морене ледника Тез-тор (3400-3500 м) нами было найдено гнездо туркестанской альпийской завирушки с полной кладкой из 4 яиц. Яйца оказались слегка насиженными. Гнездо находилось под большими камнями морены. Около него добыта самка, самца близко не было… 12 августа 1959 г. слёток был в гнездовом наряде, который уже начал сменяться на комбинированный гнездовый наряд. 3 сентября 1960 г. и 4 сентября 1957 г. добыты молодые, одевающие взрослый наряд» (Кузнецов, 1962б, с. 239). В ущелье Карабалты того же хребта, у перевала Тюе-ашу, 5-7 июля 1957 г. на моренах кормились несколько пар взрослых и слётки, самцы пели; у добытой 6 июля самки в яйцеводе было готовое яйцо (Корелов, 2007). В том же хребте (ущелье Чонкурчак) 19 июля 1979 г. Г.В. Вердин коллектировал 5 яиц (Торопова, 1999).

В Таласском Алатау, в верховьях р. Кши-Аксу, на морене ледника, недалеко от погребённой его части, на дне расщелины между крупным (1.5 м высотой) камнем и осыпью (размер отверстия щели 20х6 см, глубина её 40 см) 30 июня 1961 г. я нашёл гнездо альпийской завирушки с 2 свежими яйцами, с которого дважды была вспугнута взрослая птица (Ковшарь, 1966). Краткое описание и размеры гнезда и яиц приведены в этой публикации. Молодого с крылом всего 80 мм А.П. Коровин добыл здесь 6 июля 1926 г. (Шульпин, 1965). В 1973 г. на перевале Кши Каинды найдено ещё одно гнездо: «Устроено оно было в скальной нише размерами 300, глубиной 200 и шириной 500 мм, которая была как бы вырублена в отвесной мраморной растрескавшейся скале. Вход в нишу прикрывала куртинка растения. Плотное и сложенное из мха, стеблей злаков и других трав гнездо было выстлано шерстью и перьями. Внешний диаметр гнезда 150х180, диаметр лотка 65х70 и глубина его 40 мм» (Губин, 2012, с. 138). В этом гнезде 15 июня 1973 г. было 3 насиженных голубых яйца, из них 18 июня вылупились два птенца, которые 1 июля ещё были в гнезде, а к вечеру 2 июля оставили его; в 16 пробах пищи птенцов, взятых методом лигатур (Мальчевский, Кадочников, 1953), преобладали личинки и имаго насекомых: клопов-мирид (88 экз.), цикад (81), тлей (38), ногохвосток (23), грибных комариков (12) и др. (Губин, 2012).

В Заилийском Алатау (Больше Алматинское ущелье) гнездо альпийской завирушки с птенцами помещалось в отвесной скале высотой 11 м, в неглубокой нише примерно в 8 м от подножия, прикрытой небольшим пучком травы; 29 июня 1965 г. в нём были недавно вылупившиеся птенцы – судя по тому, что при кормлении они не издавали звуков (Гаврилов, 1972). В этой же работе приведены дополнительные сведения: «попытки копуляции наблюдали 18 мая и 5 июня 1965 г., спаривание – 18 июня 1967 г., строительство гнезда – 28 июня 1967. Завирушек с кормом для птенцов здесь видели 28 июня 1967 г. и 4 июля 1965 г… Докармливание родителями лётных молодых видели 13 июля 1967 г., а слётков с недоросшими хвостами встретили 17 июля 1965 г. (Долгушин, Гаврилов, Ковшарь, Родионов, Ю. Грачёв)» (Гаврилов, 1972, с. 339-340). В хребте Кетмень выводок молодых, которых кормили родители, видели 22 июля (Корелов, 1956). В Центральном Тянь-Шане (Б. Кокпак) выводок из трёх плохо летающих птенцов встретили 17 июля 1956 г. Покинутое птенцами гнездо находилось в узкой щели между крупными камнями россыпи (Винокуров, 1961).

«На южных склонах Чаткальского хребта в верхней части субальпийского пояса, на нижнем пределе распространения альпийской завирушки первые кладки появляются уже в самом конце мая. Так, в верховьях р. Келимчек (2700 м) 10.06.77 под камнем в береговом обрывчике, всего в 25 см от воды, найдено гнездо с четырьмя очень сильно насиженными яйцами, практически перед вылуплением. Размеры яиц (мм): 20,6х15,5; 20,9х15,4; 21,2х15,3 и 21,7х15,5, средние – 21,10х15,42. Эти величины хорошо согласуются с данными Schonwetter (1971) для подвида *P. c. rufilata* – 19,5-23,0х14,0-15,4 мм, в среднем – 21,3х14,9 мм и значительно меньше размеров двух свежих яиц у гораздо более поздней (30.06.61), найденной выше (3000 м) кладки из Таласского Алатау – 24,0х16,7 и 24,3х16,8 мм (сборы А.Ф. Ковшаря в колл. Ин-та зоологии АН Казахстана). Самостоятельный выводок в верховьях р. Келимчек встречен 14.07.82. На Ангренском плато (Кураминский хребет) в верховьях р. Кенькол (2700 м) 08.07.76 поймали короткохвостого слётка, которого родители кормили уже вне гнезда» (Митропольский, 1995, с. 193). Следует обратить внимание на то, что описанное этим автором гнездо как по своему расположению (под обрывчиком у реки) и очень ранним срокам (начало кладки в мае!), так и по мелким размерам яиц больше подходит для обитающего на этой высоте близкого вида – гималайской завирушки.

Интересные зарисовки летнего биотопа и кормовой базы альпийской завирушки привёл в своей широко известной публикации о птицах высокогорной зоны Заилийского Алатау Б.К. Штегман (1954). Хорошим дополнением к ней может служить короткая заметка о птицах ледника Дикого (Центральный

Тянь-Шань): «Основными причинами бедности орнитофауны на ледниках Центрального Тянь-Шаня, подобных Дикому, скорее всего служат частая непогода, сильные ветры и большая заснеженность. Альпийская и гималайская завирушки гнездятся в осыпях под камнями на большой глубине, где нет иссушающего и охлаждающего воздействия ветра, а кормятся на освещённых склонах южной экспозиции, свободных от снега. Среднеазиатское высокогорье само по себе не является безжизненной пустыней, на высотах 5 и 6 тыс. м птицы могут не только обитать, но и гнездиться, находя здесь для себя оптимальные условия существования. Видимо, географическая широта расположения гор значительно повышает экстремальность этих условий, и приближение гор к северу для состава обитающих в них птиц – фактор, не менее важный, чем высота над уровнем моря» (Кузнецов, 1986, с. 135).

280. Гималайская завирушка – *Prunella himalayana* (Blyth, 1842)

Himalayan accentor (англ.), Himalajabraunelle (нем.), accenteuer d'Himalaya (фр.), қаратұмсық содырғы (каз.), гималай кок шалкысы (кирг.), валвалаи химолойи (тадж.)

Синонимы: *Accentor altaicus* Brandt, 1843; *A. variegatus* Blyth, 1843. Пёстрогрудая завирушка (Портенко, 1961). Подвидов не образует, монотипичный вид.

Характер пребывания. Оседло-кочующий вид. В северных хребтах Тянь-Шаня эти кочёвки имеют значительный размах – вплоть до отлёта птиц из пределов целого хребта или его северного макросклона, как, например, в Заилийском Алатау (Гаврилов, 1972). Единичные зимние встречи известны для Таласского Алатау, Чаткальского заповедника и города Ош (Петров, 1958; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966). Возможно, большая часть гнездящихся покидает на зиму пределы Тянь-Шаня, поскольку в коллекциях Алматы, Бишкека и Ташкента зимние экземпляры этого вида отсутствуют. Кстати, А.К. Кыдыралиев (1965) прямо считает гималайскую завирушку для Тянь-Шаня перелётной. Ему вторит Э.И. Гаврилов (1972, с. 346): «Регулярно в Казахстане, вероятно, не зимует». Это ещё предстоит уточнить. На Памире зимой 1936/37 г. также не встречена, первая появилась только 9 апреля 1937 г. (Мекленбурцев, 1946).

Биотоп. Гималайская завирушка – характерный обитатель низкотравного высокогорного луга с обилием камней, у верхней части своего распространения она населяет крупнообломочные осыпи, россыпи валунов и обломков скал с участками альпийских лужаек между ними. Высотные пределы гнездования 2800-3500 м, а во Внутреннем, Центральном Тянь-Шане и южнее она гнездится и на 4000 м (Иванов, 1969). Р.И. Злотин (1968) считает её «характерным редким видом тундровых подушечников и расчленённых влажно-луговых урочищ у верхних границ растительности». Очень требовательна к степени увлажнения. Так, на северных склонах восточной части хребта Кунгей Алатау, где выпадает много летних осадков, я встречал её преимущественно в остепнённых местах, а в более сухом Таласском Алатау она тяготеет к снежным полям, вокруг которых всегда есть крошечные альпийские лужайки. В ещё более засушливом Памирском нагорье гималайская завирушка населяет только более влажные окраинные хребты – Заалайский и Южно-Аличурский (Потапов, 1966).

Распространение. Тянь-Шань расположен на западной границе южной части ареала этой восточной завирушки (рис. 298). Здесь она гнездится в наиболее высоких частях хребтов Центрального, Северного, Внутреннего и Западного Тянь-Шаня (рис. 299). В Центральном найдена на гнездовании в Кетмене, верховьях Текеса, в восточной части Терской Алатау, на сыртах (Сарыджазских, Покровских, Тонских, Арабельских), в районе ледников Инильчека и Дикого (Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Винокуров, 1961; Кыдыралиев, 1961, 1965; Кузнецов, 1986). В Северном Тянь-Шане гималайская завирушка населяет большую часть хребтов Заилийский и Кунгей Алатау (Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1972, 1979; Джаныспаев, 2012). В Киргизском Алатау она населяет наиболее высокую срединную его часть от ущелья Мерке на западе до ущелья Ала-Арча на востоке (Птицы, Киргизии. 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Корелов, 2007). Во Внутреннем Тянь-Шане гималайская завирушка гнездится в горах, окружающих озеро Сонкуль, реки Каракуджур и Болгарт; в хребте Атбаши, в горах Котур-Таш южнее озера Чатыркуль, в высокогорной Арпинской долине и в высокогорье Ферганского

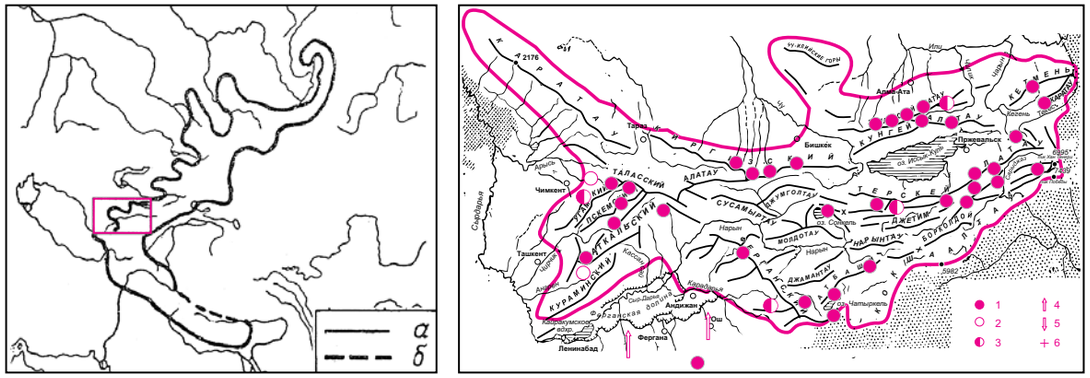

Рис. 298. Ареал гималайской завирушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Мекленбурцев, 1954, с. 658
Рис. 299. Распространение гималайской завирушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2-4 – встречи зимой, летом, весной

хребта, включая и его южные отроги – такие как Узгенский в долине р. Яссы (Кашкаров, 1934; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961, 1965, 1972; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В восточной части Алайского хребта найдена в истоках р. Коксу, у ледника Абрамова (Ноздрюхин, 1989). В Западном Тянь-Шане гнездится в Чаткальском, Пскемском, Угамском и Таласском хребтах; возможно также гнездование в Каржантау, где эту завирушку добыл Ю.С. Лобачёв 29 июня 1962 г. (Кашкаров, 1927; Корелов, 1956; Петров, 1958; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский, 1995, 2005; Головцов, 2007).

Численность. В целом невысокая, но местами это обычная птица, а на некоторых участках высокогорья – даже фоновая. Так, в Заилийском Алатау она достаточно обычна (обследовано 17 гнёзд), хотя и уступает бледной завирушке на большей части их совместного обитания, а на северных склонах восточной части Кунгей-Алатау (Кульсай) вместе с гималайским вьюрком является фоновой птицей сухих каменистых мест от верхней границы арчового стланика до гребня хребта (Ковшарь, 1972). На Покровских сыртах в 1955 г. была более обычной, чем бледная завирушка, и встречалась по всем горам (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В Кетмене в 1953 г. была крайне редка – встречена всего два раза (Корелов, 1956), а в верховьях Текеса – вполне обычна, найдены два гнезда и встречены выводки (Винокуров, 1961). Южнее, в восточной части Терской Алатау, в 1953 г. была более чем обычна – в долине Чон-Кызылсу 12 июня встречено 7 выводков, всего здесь предполагалось гнездование 8-9 пар (Степанян, 1959). Судя по добытым экземплярам, была нередкой и на сыртах Сарыджаза и Куйлю в 1902 г. (Иоганзен, 1908). В районе ледника Дикого (верховья Инильчека) вместе с альпийской завирушкой была фоновой птицей (Кузнецов, 1986).

Для Киргизского Алатау в литературе имеются противоречивые сведения. Летом 1929 года она была обыкновенна в урочищах Аралтюбе и Сандык Меркенского ущелья, и «несравненно многочисленнее альпийской и распространена шире – вниз, в субальпы» (Портенко, 1961), а в июле 1957 г. в скальниках верховий Шикимбай-сай и на моренах возле перевала Тюе-Ашу (ущ. Карабалты) уступала в числе альпийской завирушке (Корелов, 2007). Ещё восточнее, в ущелье Ала-Арча, в 1957-1960 г. была довольно редкой на моренах, скалах и осыпях, где встречена на 14 маршрутах общим числом 67 особей (Кузнецов, 1962 а, б). Возможно, это свидетельство изменения численности по годам, что хорошо прослежено западнее, на территории заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау): в 1926-1935 г. А.П. Коровин, Л.М. Шульпин и Р.Н. Мекленбурцев, а в 1943-1947 гг. – В.В. Шевченко её здесь не встречали; затем в 1960-1966 г. она была довольно обычной, я находил её гнёзда; то же наблюдалось в 1971-1973 гг., однако в 1985-1995 гг. гималайская завирушка снова исчезла, а появилась лишь в 2001-2002 гг. (Шевченко, 1948; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Губин. 1976, 2012; Чаликова, 2006). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, где в первой половине XX ст. эта завирушка встречалась редко (Н.А. Зарудный добыл самца 28 июня 1907 г. в урочище Аютур, а М.Н. Корелов (1956) видел поющих в июле 1949 г. в верховьях Ихначсая), в июле 2015 г. на альпийских лугах (2950-3100 м) встретили 16 особей: в верховьях Байкыраксая и Шабырсая и недалеко от ледника Пахтакор (Тен и др.,

2017). В Сарычелекском заповеднике, где в июле 1925 г. добыли 4 экз. (Кашкаров, 1927), гималайская завирушка была обычной также в 60-х гг. (Воробьёв, Чичикин, 1966).

Сроки. Даты. Сроки сезонных перемещений не прослежены, поскольку пролёта гималайских завирушек никто не наблюдал, даже на Чокпаке за 50 лет работы этого стационара. По-видимому, все эти перемещения идут горами. Весенние перемещения с мест зимовки начинаются уже в марте: 19 марта 1957 г. одну гималайскую завирушку добыли близ города Ош (Птицы Киргизии, 1960), там же, в Ферганской долине, 28 марта 1971 г. Д.Ю. Кашкаров добыл самца в Чадаксае (Митропольский, 1995). На местах гнездования в высокогорье появляются в апреле. На Большом Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500 м) появление первых отметили 10 апреля 1965 и 1975 гг., 17 апреля 1974 г., а 5 мая 1965 г. наблюдали крупную стаю, насчитывающую около сотни птиц: «тихо перекликаясь, компактная стая перелетела из Проходного в Б. Алматинское ущелье» (Гаврилов, 1972, с. 343). Склоны выше 2700 м. в это время покрыты глубоким снежным покровом, поэтому прилетевшие завирушки ещё долго держатся на оттаявших южных склонах и лесных полянах у верхней границы леса, куда не раз возвращаются также после каждого крупного снегопада в мае: мы встречали их здесь одиночками и стаями до 30 особей 3-17 мая 1973 г. и с 11 апреля по 13 мая 1975 г. На места гнездования поднимаются уже парами, самцы в которых поют (Ковшарь, 1979).

Осенью на местах гнездования гималайские завирушки встречаются до сентября. В Заилийском Алатау самая последняя встреча в Б. Алматинском ущелье – 22 сентября 1973 г. В других хребтах Тянь-Шаня исчезают, видимо, ещё раньше (Птицы Киргизии, 1960). Более поздний срок указан для Центрального Тянь-Шаня: «Осенью птицы отлетают незаметно, в Центральном Тянь-Шане они не наблюдались уже в конце сентября» (Кыдыралиев, 1965, с. 202). С этими сроками сочетается встреча 10 сентября 1970 г. стаи из 50-60 гималайских завирушек вблизи Лениногорска (ныне Риддер) на Западном Алтае (Гаврилов, 1972). Очень интересные сведения приведены в сводке «Птицы Памиро-Алая»: «Сроки откочёвки из гнездовых мест не установлены и, видимо, подвержены большим колебаниям. Мекленбурцев (1936) на оз. Яшилькуль видел 8 сентября, как большая стая гималайских завирушек держалась то вместе с горными вьюрками, то с горными чечётками. Наиболее поздняя известная мне находка гималайской завирушки в высокогорье (перевал Талдык) была сделана Бареем в октябре» (Иванов, 1969, с. 319). Зимой гималайская завирушка встречена в Тянь-Шане дважды: 31 января 1957 г. одну добыли в Чаткальском хребте (Петров, 1958), а 4 февраля 1964 г. четыре особи кормились на скалах южной экспозиции каньона р. Аксу в Таласском Алатау (Ковшарь, 1966).

Биология. Мало изучена, хотя в нашем районе собраны интересные сведения и есть специальная публикация (Кыдыралиев, 1965). Последняя содержит описание двух гнёзд и некоторые наблюдения, проведенные в 1955-1960 гг. в высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня – в Атбашинском хребте, в долинах Чатыркуля и Аксая, хребте Терскей. В первом гнезде (горы Котур-Таш южнее Чатыркуля) первое яйцо отложено 10 июня 1960 г. (14 июня – 5 яиц), птенцы вывелись на 13-й день насиживания (26 июня), затем гнездо было разорено хищником. Во втором гнезде (перевал Арабель, Терскей Алатау) 16 июля было 5 начавших оперяться птенцов и одно неоплодотворённое яйцо. Сравнивая эти сведения с литературными данными, автор приходит к выводу, что откладка яиц у гималайской завирушки начинается почти одновременно в Саянах, Тянь-Шане и на Памире (Кыдыралиев, 1965).

В Заилийском Алатау в 1964-1965 и 1971-1976 гг. по наблюдениям у 17 гнёзд гималайской завирушки получены сведения об их расположении и устройстве, об откладке и насиживании яиц, выкармливании птенцов в гнезде, жизни выводков после оставления гнезда (Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1979, с. 63-70). Доказательств наличия второго репродуктивного цикла нам получить не удалось, однако сопоставление собранных в Заилийском Алатау данных о календарных сроках размножения с имеющимися в литературе свидетельствует о том, что в некоторых местах Тянь-Шаня он возможен (Ковшарь, 1979, с. 69).

В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в одном гнезде 14 июля 1961 г. было 3 слабо насиженных яйца, в другом 3 июля 1962 г. – 4 оперившихся птенца (Ковшарь, 1966). Очень интересные сведения собрал в этом заповеднике Б.М. Губин. На перевале Кши-Каинды в пределах высот 2700-3200 м в 1971-1973 гг. он нашёл 15 гнёзд гималайской завирушки – все на склоне северной экспозиции: «Все гнёзда птицы начинали строить в 8-10 м от края снежника через 5-7 дней после освобождения склона от снежного покрова. Здесь они собирали оцепеневших беспозвоночных для собственного пропитания или выкармливания

птенцов» (Губин, 2012, с. 141). В этой работе приводится подробное описание расположения и размеров гнёзд, описание яиц, птерилозиса у 31 пуховичка из 6 гнёзд, состава корма птенцов и интенсивности их кормления в гнёздах; в одном гнезде отмечен факт насиживания кладки в течение 11 суток одной только самкой; в трёх гнёздах откладка яиц была начата в 3-й декаде мая, в 5 – в первой декаде июня, в 4-х – во второй декаде июня, в 2-х – в третьей декаде июня и в одном – 1 июля (Губин, 2012), т.е. все гнёзда укладываются в один репродуктивный цикл. Интересно, что 17 июня 1973 г. он нашёл два гнезда гималайских завирушек всего в 7 м одно от другого. В одном из них самка сидела на трёх яйцах, второе гнездо другая самка в этот день строила. Здесь наблюдались драки, в которых участвовали и самцы, и самки. Через несколько дней в первом гнезде оказались разбитые яйца, а второе было достроено, но кладка так и не появилась (Ковшарь, 1979, с. 65).

Дополнительные сведения по размножению гималайской завирушки получены в других хребтах. Так, в верховьях Кокжара (Центральный Тянь-Шань) в ущелье Джаак (3600 м) 13 июня 1957 г. в гнезде было 6 свежеснесенных яиц, в другом гнезде (1 км выше устья Туза) 14 июля 1957 г. в гнезде было 3 птенца, здесь же добыт слёток и кормившая его самка (Винокуров, 1961). Наблюдения в Терскей Алатау лучше привести дословно: «3 июня 1953 г. в ущелье Сава-Тер наблюдались поющие самцы. Птицы были оживлены, гонялись друг за другом. 23 и 24 июня 1953 г. в ущелье Кок-Сай несколько птиц собирало и носило корм птенцам в гнёзда, при приближении человека птицы очень волновались. 12 июня 1953 г. в ущелье Чон-Джергалчак отмечено 7 выводков слётков, часть из них (3) только что покинули гнездо. Птенцы держались на обломках скал и на ледниковой морене. Взрослые их кормили. 27 июня 1954 г. в ущелье Сава-Тер в то время, как часть птиц кормила птенцов, часть токовала. Самцы усиленно пели и гонялись за самками» (Степанян, 1959, с. 172). Последние фразы говорят о том, что у птиц начинался новый репродуктивный цикл, времени для которого было ещё предостаточно. Здесь уместно привести наблюдения Б.К. Штегмана (1954), встретившего в высокогорье Заилийского Алатау самый поздний выводок короткохвостых птенцов гималайских завирушек 3 сентября 1948 г. В этой же статье содержатся интересные наблюдения за кормовым поведением этих завирушек. В Каракуджуре (верх. р. Чу) в верхней части субальпийского пояса 28 июля 1957 г. в гнезде было 3 оперённых птенца, а 18 июля 1957 г. в горах у озера Сонкуль «отмечены нелётные птенцы в гнёздах» (Птицы Киргизии, 1960, с. 247). В Кульсайском ущелье (северный склон восточной части Кунгей Алатау) 27 июня 1968 г. в гнезде гималайской завирушки было 6 пуховых птенцов; приведено их подробное описание (Ковшарь, 1972), поскольку к тому времени пуховички этого вида в русской орнитологической литературе не были описаны. Желательно дальнейшее изучение биологии этой интересной птицы с применением индивидуального мечения взрослых и птенцов.

281. Сибирская завирушка – *Prunella montanella* (Pallas, 1776)

Siberian accentor (англ.), Bergbraunelle (нем.), accenteur montanelle (фр.)

Эта завирушка, которая отличается от бледной завирушки только меньшими размерами, рыжеватым, а не серым, тоном окраски спины и более широкой яркой бровью, раньше залетала лишь на восток и в центральные районы Казахстана, однако время и количество таких залётов – 8 раз с августа по ноябрь в район Караганды – не исключает и возможность редкого *пролёта* особей, гнездящихся в Западной Сибири. В северных предгорьях Заилийского Алатау (район Алматы) сибирских завирушек отлавливали и содержали в клетке любители птиц: одиночку 2 ноября 1987, 8 ноября 1992 (р. Или, 3 птицы), 16 декабря 1997 (5 птиц), 15 января 2000 г. (2 птицы), 29 октября 2002 г. – 2 птицы (Панов, Корытко, 2003: КОБ-2002). В предгорьях Западного Тянь-Шаня, в Джувалинской долине между Каратау и Боролдаем, с 6 ноября по 21 декабря 2016 г. эту завирушку встречали и фотографировали у с. Ертай 6 раз (Нукусбеков, 2017). Перечисленные встречи свидетельствуют о редком пролёте и спорадичной зимовке у нас этой сибирской птицы.

282. Бледная завирушка – *Prunella fulvescens* (Severtzov, 1873)

brown accentor (англ.), Fahlbraunelle (нем.), accenteur brun (фр.),
боз содырғы (каз.), кок шалкысы (кирг.), валвалаи сафедтоб (тадж.), оқиш завирушка (узб.)

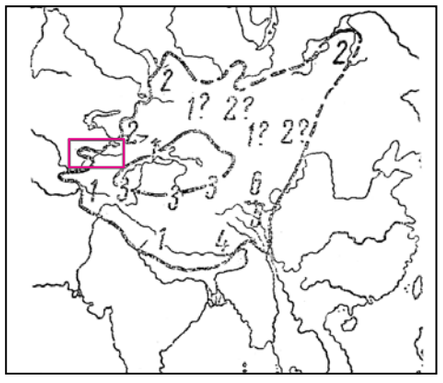
Синонимы: *Tharrhaleus tetricus* Madarász, 1909; *Prunella fulvescens juldassica* Sushkin, 1925; *P. f. mongolica* Sushkin, 1925; *P. f. karlykensis Sushkin, 1925; P. f.* hissarica *Sushkin, 1925.*

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане встречается один – *P. f. fulvescens* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица. Возможно, часть особей на зиму покидает пределы Тянь-Шаня, но в таком случае кочёвка идёт горами: в предгорьях бледную завирушку не встречали, в том числе на Чокпаке, где за 50 осенних и весенних сезонов её отметили только раз – 18 октября 1995 г. (А. Гаврилов и др., 2017). В Заилийском Алатау индивидуально помеченные особи неоднократно встречены зимой на местах гнездования (Ковшарь, 1979). В большом числе зимует в предгорьях восточной части Иссык-Кульской котловины (Верещагин, 1991). На Памире зимой 1936/37 г. её не было с 30 ноября по 4 апреля, а через 5 дней сразу стало много (Мекленбурцев, 1946). В горах Памиро-Алая она проводит зиму на высотах порядка 1600-2000 м, совершенно не спускаясь в предгорья (Иванов, 1969).

Биотоп. В Тянь-Шане населяет очень разнообразные места, что породило многочисленные, порой прямо противоположные описания гнездовых стаций различными авторами. В хребтах Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня это птица «остепнённых склонов альпийского и верхнесубальпийского поясов гор с наличием скал, россыпей и морен» (Кыдыралиев, 1962, с. 257). Жителем типчаковой степи считал бледную завирушку Д.Н. Кашкаров с соавт. (1937). Но уже в Терской Алатау помимо открытых каменистых мест она встречается и в арчевниках (Степанян, 1959; Винокуров, 1961), а в хребтах Западного и Северного Тянь-Шаня стелющиеся арчевники – основное место обитания бледной завирушки. Отсюда она поднимается вверх, в альпийский пояс, поселяясь там на каменистых участках, описанных выше, а также вместе с арчовым стлаником проникает немного ниже верхней границы леса. Высотные границы на гнездовании: 2900-3500 м в Терской Алатау, 2400-3300 м в Таласском и Заилийском Алатау (Степанян, 1959; Ковшарь, 1979).

Распространение. Тянь-Шань находится на западной границе ареала этого центрально-азиатского вида (рис. 300). Здесь бледная завирушка населяет высокогорья большинства хребтов. В Северном Тянь-Шане она найдена на гнездовье по северному склону большей части Заилийского Алатау и восточной половины Кунгей Алатау (Шульпин, 1939; Штегман, 1954; Корелов, 1961; Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1972, 1979; Карпов, 1994; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Губин, 2009: КОБ-2008; Джаныспаев, 2012). В Киргизском Алатау гнездование установлено для срединной части хребта, от ущелья Мерке до ущелья Ала-Арча (Портенко, 1961; Кузнецов, 1962 а, б; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007, 2012). В области Центрального Тянь-Шаня гнездится от Кетменя на севере до Иныльчека на юге, включая всю восточную половину Терской Алатау и сырты к югу от него (Иоганзен, 1908; Кашкаров и

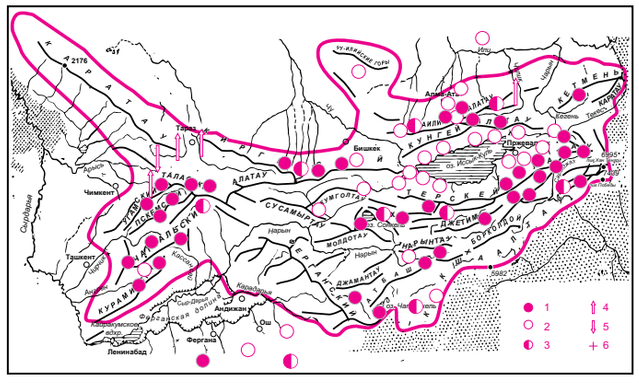

Рис. 300. Ареал бледной завирушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Мекленбурцев, 1954, с. 643
Рис. 301. Распространение бледной завирушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи (скорее всего, также гнездовые), 4 – встречи вне мест гнездования весной, 5 – встречи осенью

др., 1937; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Степанян, 1959; Винокуров, 1961; Кыдыралиев, 1961; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Верещагин, Немченко, 2005). Во Внутреннем Тянь-Шане бледная завирушка найдена на гнездовье на Тонских сыртах (отроги хребта Джетим), на Каракуджуре, в горах, окружающих высокогорные озёра Сонкуль и Чатыркуль, в хребтах Нарынтау и Атбаши и в верховьях р. Атбаши, в высокогорной Арпинской долине (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1962, 1972; Второв, 1963, 1967; Злотин, 1968; Торопова, 2000; Кулагин, 2005; Остащенко, 2010; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В Западном Тянь-Шане гнездится во всех хребтах – от Кураминского до Таласского (Кашкаров, 1927; Шевченко, 1948; Корелов, 1956; Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Митропольский, 1995; В.Ковшарь, 2003; Митропольский и др., 2008; Тен и др., 2017). Нет сведений о гнездовании бледной завирушки в Ферганском хребте, Сусамыртау, Джумголтау и в западной половине Киргизского Алатау. Полностью отсутствует в низкогорьях, включая Каратауский и Чу-Илийский низкогорные районы.

Численность. В большинстве хребтов на гнездовании – обычная птица, а в некоторых даже многочисленна. Так, в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2400-3000 м) в 1971-1976 гг. наблюдали за 132 жилыми гнёздами бледной завирушки (до 32-37 гнёзд за сезон), здесь же в 1964-1965 гг. – за 24 (Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1979), а в районе перевала Кши-Каинды (Таласский Алатау, 2700-3100 м) в 1971-1973 гг. – также за 24 гнёздами (Губин, 2012). В первом месте гнездо от гнезда находилось в 150-200 м, а в 7 случаях – даже в 70-50 м (Ковшарь, 1979); в Таласском Алатау: «расстояния между соседними 5 гнёздами составляли по измерениям от центрального гнезда 15, 300 и два раза по 200 м» (Губин, 2012, с. 147). В Чаткальском хребте и на Ангренском плато (2000-3200 м) в июне-июле 1976-1983 гг. учитывали от 0.5 до 0.9 особи/час, при общей сумме маршрутов 21.2 часа (Митропольский, 1995). В верховьях Пскема в июле-августе 2002 г. на маршрутах встретили около 20 бледных завирушек, включая выводки (В. Ковшарь, 2003), а в 2015-2016 гг. – 63 особи в 26 местах (Тен и др., 2017). Для окрестностей ледника Абрамова (Алайский хребет) есть указание, что бледная завирушка на гнездовании так же обычна, как плясунья и обыкновенная каменка (Ноздрюхин, 1989). В Киргизском Алатау в июле 1929 г. была нередка в альпийском поясе урочища Сандык (Портенко, 1961), в июле 1957 г. – обычна в верховьях ущелья Куртыбай и близ перевала Тюе-Ашу (Корелов, 2007), в 1957-1960 гг. в высокогорье ущелья Ала-Арча (от границы леса до ледника) встречена на 12 экскурсиях из 900, общим числом 73 особи (Кузнецов, 1962). В последнем ущелье в 90-х гг. бледная завирушка была чрезвычайно редка, и встречена одиночками только зимой (в январе и феврале) – на бесснежных склонах с крупными валунами, а плотность, по результатам учётов, – 3.44-6.66 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Иссык-Кульской котловине в январе-феврале 1962 г. учитывали: в облепиховых зарослях – 9 бледных завирушек на 22 км (8 особей/км^2), в щебнистой пустыне – 2 на 10 км, на плоских адырах с посевами – 14/8 км (17 особей/км^2), на эродированных склонах адыров – 63/6 км (103 особи/км^2), причём в последнем месте она составила 37% от всех встреченных птиц 9 видов (Второв, 1963). На востоке котловины в зимы 1973-1984 гг. была многочисленной птицей предгорной зоны Кунгей и Терской Алатау, составляя фон зимней авифауны по сухим водотокам с кустарником (Верещагин, 1991). В восточной части Терской Алатау летом 1953-1954 гг. за день экскурсии встречали одну-две пары (Степанян, 1959), а в 60-х гг. учёты в арчовом стланике Терской Алатау дали средние результаты по месяцам: май-июнь – 1 особь/км^2, август-сентябрь – 3, октябрь – 7, ноябрь-февраль – 15-10, март – 10 особей/км^2 (Второв, 1967). Севернее, в верховьях Текеса, в 1955-1957 гг. численность бледной завирушки была выше, чем у альпийской и гималайской (Винокуров, 1961), тогда как ещё севернее, в Кетмене, она была редка (Корелов, 1956).

На Покровских сыртах в 1955 г. бледная завирушка не представляла редкости (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). Немного иная картина – в высокогорье Внутреннего Тянь-Шаня: «Численность бледной завирушки на гнездовье всюду невысока и неодинакова в разных местах. Так, на северном склоне Котур-Таш (у Чатыр-Куля) и Боор-Албас (у Сон-Куля) на маршруте длиной в 1 км встречались 2-3 пары, тогда как на восточном конце Ат-Башинского хребта (в субальпийском поясе 2550 м) пару птиц можно было встретить лишь на протяжении нескольких километров. Относительно чаще завирушки встречаются на Сары-Джазе, где они придерживаются сухих каменистых участков; на Арабеле (около 4000 м) их опять сравнительно мало, хотя местность, казалось бы, весьма подходящая для них» (Кыдыралиев, 1962, с. 257).

Сроки. Даты. Весеннее движение с мест зимовок к местам гнездовий становится заметным в марте и продолжается до апреля. Так, в предгорьях Таласского Алатау, у Новониколаевки (долина Арыси) первых мы встречали 11 марта 1961 и 12 марта 1963 гг., а также 8 апреля 1960 (видимо, уже не первых) и 14 апреля 1964 гг. (Ковшарь, 1966). В низкогорье западной оконечности Киргизского Алатау (Узунбулак) 7 апреля 1958 г. их было ещё много (Гаврилов, 1972; Корелов, 2012). В Чу-Илийских горах, где бледные завирушки встречаются только зимой, последних видели 8 марта 1960 г., в долине Чилика (Бартагой) – 2 и 3 марта 1961 г., а в горах Чулак, на правом берегу р. Или, последних видели 8 марта 1949 г. (Гаврилов, 1972). Первое появление на местах гнездования откочевавших установить трудно, поскольку часть особей встречается здесь круглый год; первую пару в окрестностях Б. Алматинского озера мы встретили уже 2 марта 1973 г., а 16 марта их было уже много; в 1974 г. пять пар встретили 17 марта, причём в одной из них была меченая самка (прошлого года рождения), которая впоследствии свила гнездо всего в 30 м от места мартовской встречи, т.е. в середине марта эта пара уже заняла свой гнездовый участок. На Чатыркуле (3530 м) ранней весной 1958 г. одиночных бледных завирушек встречали уже 23-24 марта, а в затяжную весну 1957 г. – только 15 апреля (Кыдыралиев, 1962). Осенью с Чатыркуля откочёвывают в октябре: «С гор завирушки спускаются с выпадением снега. В районе Чатыр-Куля и в восточной части Ат-Башинского хребта осенние миграции начинаются обычно с начала октября. На южном берегу оз. Иссык-Куль и в Кочкорском плоскогорье завирушки в значительном количестве встречаются уже 10-12 октября. Зимой они держатся одиночками, но бывают и стайки из 3, 5, иногда 10-15 птиц» (Кыдыралиев, 1962, с. 256). Предельная высота зимовки бледной завирушки в Тянь-Шане – 3840 м. На этой высоте её встретили 10 февраля 2007 г. на северном склоне хребта Кокшаал-тау в Аксайской долине (Остащенко, 2010).

Биология. Наиболее полно изучена в высокогорье Заилийского Алатау, где в окрестностях Б. Алматинского озера в 1964-1965 гг. найдено 24 жилых гнезда, а в 1971-1976 гг. проведены стационарные наблюдения за 132 жилыми гнёздами с применением индивидуального цветного мечения взрослых птиц и птенцов (Ковшарь, 1979, с. 70-76). В результате подробно описаны: пение самцов и его интенсивность на разных этапах репродуктивного цикла, образование пар и степень их постоянства, случаи полигамии; места устройства гнёзд, гнездо и гнездовой участок, гнездовой консерватизм; выбор места и процесс строительства гнезда, насиживание яиц, выкармливание птенцов в гнезде и слётков после оставления ими гнезда; роль самца и самки во всех этих процессах; состав птенцового корма; потенциальная и реальная плодовитость; сроки гнездования и число репродуктивных циклов за сезон. Благодаря применению индивидуального мечения удалось установить наличие второй кладки у 17 пар, а у нескольких пар – даже три нормальных репродуктивных цикла (Ковшарь, 1975, 1979). Все эти факты подробно изложены в упомянутых двух публикациях, попытка их анализа предпринята в следующей работе (Ковшарь, 1981). Здесь стоит привести самый яркий пример одной меченой пары, которая трижды выводила птенцов в 1973 и 1974 гг. Первое гнездо в 1974 г. самка начала строить в обычные сроки – 28 апреля, а 2 июня его покинули 4 птенца. Во втором выводке было также 4 птенца, которые покинули гнездо 8 июля. Ещё до их вылета, 4 июля, самка в 40 м начала строить третье гнездо, а 8 июля (в день вылета второго выводка) отложила первое яйцо третьей кладки. Полная кладка в 6 яиц была закончена

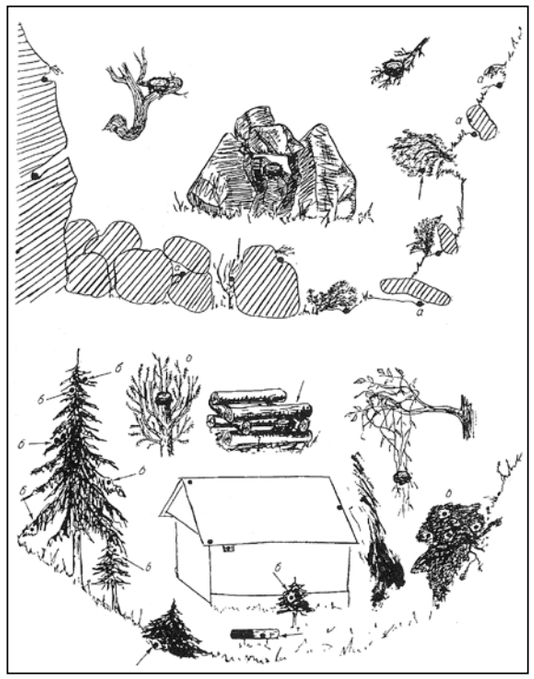

Рис. 302. Места расположения гнёзд у трёх видов завирушек: гималайской (а), черногорлой (б) и бледной (все случаи)
Рис. Р.Г. Пфеффера (по: Ковшарь, 1979)

13 июля, а 24 июля вылупилось 5 птенцов. Чрез неделю, 1 августа, полуоперённые птенцы погибли, а самка на следующий день уже строила четвёртое гнездо на месте первого (!). Полная кладка в 4 яйца была закончена 10 августа, птенцы начали вылупляться 20 августа, а покинули гнездо 3-4 сентября. Таким образом, за один гнездовой сезон, с 28 апреля по 3 сентября, эта пара гнездилась 4 раза, самка отложила 18 яиц, из которых вылупилось 17, а покинули гнездо 12 птенцов (Ковшарь, 1979, с. 92-93). Не подлежит сомнению, что два репродуктивных цикла имеет эта завирушка (и, видимо, значительная часть популяции) во всём Тянь-Шане, а менее удачливые пары имеют возможность после гибели первых кладок *несколько раз* возобновлять откладку яиц. Это создаёт своего рода «запас прочности» для стабилизации численности вида.

Второе место, где собран значительный массив данных по биологии бледной завирушки – Таласский Алатау, где на территории заповедника Аксу-Джабаглы в 1961-1966 и 1971-1973 гг. по наблюдениям у 28 жилых гнёздах получены сведения о деталях их расположения; устройстве и составе строительного материала; поведении партнёров при насиживании яиц и выкармливании птенцов, особенно – о составе их пищи; о сроках гнездования и возможности второго репродуктивного цикла (получены косвенные свидетельства), плодовитости и успешности гнездования и т.д. (Ковшарь, 1966; Губин, 2012).

Представляет интерес описание первых двух гнёзд бледной завирушки из высокогорья Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня в специальной статье (Кыдыралиев, 1962, с. 256-269). Сведения о 6 кладках напечатаны в статье по оологии птиц Западного Тянь-Шаня (Митропольский и др., 1981). Некоторые данные имеются в очерках сводок о птицах Киргизии (1960) и Казахстана (Гаврилов, 1972). Кроме того, упоминания о гнёздах и выводках встречаются в эколого-фаунистических статьях (Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Степанян, 1959; Винокуров, 1961; Нейфельдт и др., 1978; Торопова, 1999; Джаныспаев, 2012).

283. Черногорлая завирушка – *Prunella atrogularis* (J.F. Brandt, 1843)

black-throated accentor (англ.), Schwarzkehlbraunelle (нем.), accenteur à gorge noire (фр.), каратамақ содырғы (каз.), кара тамак созолон (кирг.), валвалаи сиехгардан (тадж.), қоратомоқли завирушка (узб.)

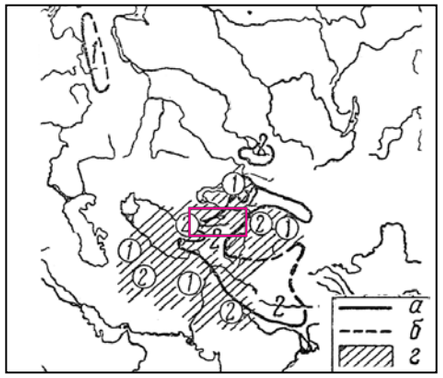
Синонимы: *Accentor huttoni* Horsfield et Moore,1854; *P. a. menzbieri* Portenko, 1929; *P. a. lucens* Portenko, 1929.

Подвид. Тянь-Шань населяет *P. a. huttoni* Horsfield et Moore,1854. Изредка во время миграций в предгорную часть залетают представители подвида *P. a. atrogularis* Brandt, 1843.

Характер пребывания. Оседло-кочующая и пролётная птица: через Тянь-Шань пролетают также северные популяции вида, часть из которых остаётся зимовать в пределах Тянь-Шаня.

Биотоп. Населяет горные еловые леса, в которых предпочитает разреженные участки с кустарниками и молодой порослью, избегая густого сомкнутого леса без подроста. По высоте распространена в пределах всего пояса елового леса и немного выше его – уже в чисто арчовых зарослях. Высотные пределы в Заилийском Алатау 1400-2800 м, но наиболее многочисленная у верхней границы леса (2500-2700 м). В Терскей-Алатау также населяет верхнюю половину лесного пояса – от 2400 до 3100 м (Степанян, 1959). В Киргизском Алатау помимо ельников живёт в арчовых и смешанных арчово-еловых лесах, а также в арчовом стланике (Кузнецов, 1962). В таких же условиях гнездится и в хребтах Внутреннего Тянь-Шаня. В зимний период особенно часто встречаются в тугайных зарослях и в культурном поясе предгорий.

Распространение. Тянь-Шань занимает западный участок границы ареала туркестанского подвида черногорлой завирушки (рис. 303) и находится в северной половине зимовочного ареала этого вида: здесь зимуют представители не только оседло-кочующего местного подвида, но и явно перелётного уральского подвида (рис. 303, цифры в кружочках). Гнездится черногорлая завирушка в восточной половине нашего района, где хорошо развиты еловые леса – к западу до меридиана ущелий

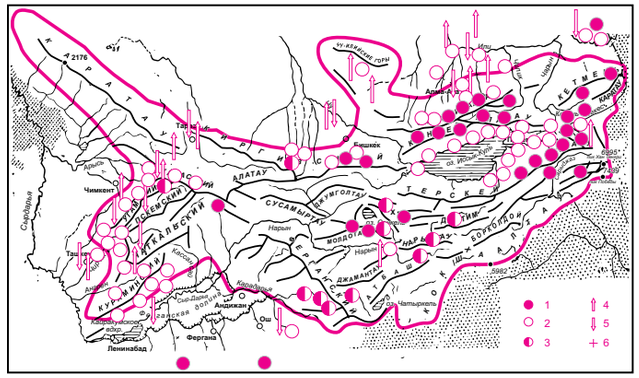

Рис. 303. Ареал черногорлой завирушки (1, 2 – подвиды) и Тянь-Шань. По: Мекленбурцев, 1954, с. 632
Рис. 304. Распространение черногорлой завирушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

Карабалты и Мерке в срединной части Киргизского Алатау, а южнее – до ельников хребта Молдотоо в районе озера Сонкуль (Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии1960; Винокуров, 1960, 1961; Тарасов, 1961; Кыдыралиев, 1961, 1972; Кузнецов, 1962; Второв, 1963, 1967, 1972; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972; Гаврилов, 1972, 1973). Указана гнездящейся для Арпинской долины – в местах, где ещё сохранились арча и ель (Кыдыралиев, 1972). Для хребтов Джумголтау и Сусамыртау ни летних встреч, ни литературных указаний на гнездование не имеется. На южных склонах Ферганского хребта встречена летом только в юго-восточной его части, в верховьях р. Яссы, где Р.Н. Мекленбурцев добыл взрослую птицу 23 августа 1962 г. (Митропольский, 1995), а 20 июля 2003 г. в ельниках Кара-Шоро (верховья р. Яссы, Узгенский хребет) мы встретили 11 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Самые южные встречи в гнездовое время известны в арчовниках северного склона Алайского хребта, где Н.А. Северцов добыл её у перевала Ягачарт и у Джушале, а Т. Барей – у перевалов Тарткуль, Акбогуз и Караказык (Иванов, 1969, с. 319). На крайнем юго-западе ареала, в долине р. Заамин (Туркестанский хребет) ещё 16 июня 1878 г. молодую черногорлую завирушку в гнездовом наряде добыл В. Руссов (Pleske, 1888); эта точка вот уже более 140 лет остаётся самой западной для всего ареала вида. «Восточнее, в хвойных лесах Туркестанского и Алайского хребтов… черногорлые завирушки в гнездовое время отмечались неоднократно, что подтверждается материалами коллекции ТашГУ. Так, молодая птица с не доросшим хвостом добыта Н.А. Зарудным 29.06.1908 г. в верховьях р. Кшемыш. 13.06.60 Р.Н. Мекленбурцев добыл слётка с хвостом, не доросшим наполовину, в урочище Су-баши между реками Сох и Исфара. Такой же слёток добыт им и в местности Каракуйнак, в бассейне р. Сох, в горах Родансая, а молодой полностью доросший самец – 9.08.62 в 5 км северо-восточнее Софи-кургана на оз. Чонкель» (Митропольский, 1995, с.195).

В Тянь-Шане самое западное доказанное место гнездования – елово-пихтовые и елово-ореховые леса Сарычелека (Лебяжинская, 1991, 1992). Ещё западнее, в системе хребтов южного макросклона Западного Тянь-Шаня, Н.А. Зарудный 9-11 июля 1907 г. добыл самца и две самки у перевала Кумбель (Митропольский, 1995), однако за прошедшие с того времени 110 лет никто в этих горах черногорлую завирушку летом не встречал – только зимой и во время миграций. Так же точно, несмотря на указание В.В. Шевченко (1948) на гнездование «в верхних частях субальпийской зоны в кустах стланцевой арчи», отсутствует она летом и на северных склонах Таласского Алатау в районе заповедника Аксу-Джабаглы (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Губин, 1976, 2012). И только в последние годы дважды – 21 июня и 10 августа 1996 г. – встречена в стелющейся арче урочища Каскабулак, на высоте 3100 м (Колбинцев, 1999). Не исключено нахождение этой завирушки на гнездовании на северных склонах восточной половины Таласского Алатау, тем более, что этот участок хребта обследован очень слабо, а сам склон гораздо больше покрыт лесом. На пролёте и зимой встречается очень широко (рис. 304).

Численность. Самая многочисленная из завирушек. Так, у верхней границы леса Б. Алматинского ущелья (Заилийский Алатау, 2300-2800 м) в 1964-1965 гг. обнаружили 50 жилых гнёзд (Гаврилов, 1972, 1973), а в 1971-1976 гг. – 129 (Ковшарь, 1979); минимальное расстояние между соседними жилыми гнёздами в арчовом стланике было 40 – 45 – 65 м, а самцы, распевающие всего

в 40-50, а то и 30 м друг от друга – обычное явление у верхней границы леса. В нижней части того же ущелья в 1974-1975 гг. учитывали: весной 4.8-6.8 особей/км, летом 0.8-1.3, осенью 0.7-2.2, зимой 2.9-6.3 особей/км маршрута (Пфеффер, 1978). В арчовом стланике Терской Алатау в 60-х гг. была самой многочисленной на гнездовании. В пересчёте на км² здесь учитывали: в мае – 70, в июне – 60, в июле-сентябре – 110, в октябре – 100, с ноября по февраль – от 50 до 20, в марте – 20, в апреле – 60 черногорлых завирушек (Второв, 1967). В Иссык-Кульской котловине в январе-феврале 1962 гг. черногорлая завирушка была второй по численности после краснобрюхой горихвостки в облепиховых зарослях побережья, где насчитали 210 особей на 22 км маршрута [191 особь/км²], что было равно 22% от всех встреченных птиц 38 видов. На адырах с посевами встретили 3 завирушки на 8 км, а в ельниках Чон-Кызылсу на маршруте 10 км не встречена (Второв, 1963). Тот же автор в августе – сентябре 1968 г. в ельниках Чонкемина (между Кунгей и Заилийским Алатау) насчитал: в верхних ельниках с субальпийскими ивняками и выходами скал – 80 особей/км²; в ельниках с участками высокотравных лугов в средней части долины – 100; в сомкнутых мохово-тенетравных ельниках в средней части долины – 50; в нижних ельниках у границы с кустарником и высокотравными лугами – 250; в сомкнутых мохово-тенетравных ельниках с вырубками – 160 особей/км² (Второв, 1972). В Киргизском Алатау в 1957-1960 гг. встречена на 26 маршрутах из 900, общим числом 86 особей (Кузнецов, 1962), а в 90-х гг. была довольно малочисленной, хотя и встречалась чаще других завирушек; плотность во время пролёта 0.83-16.66 особей/км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). Зимой 1973-1984 гг. особенно много их было в южных предгорьях Кунгей Алатау (Верещагин, 1991), тогда как в Карачингиле и на Сорбулаке встречаются редко (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). На западной границе гнездования в Тянь-Шане (Сарычелек) в 1982-1987 гг. черногорлая завирушка была фоновой птицей в елово-пихтовом и елово-ореховом лесу: по учётам 1982-1983 гг. в первом биотопе гнездилось 16-25 особей/км² (Лебяжинская, 1991, 1992).

Оригинальные сведения о численности зимующих приводятся в очерке сводки «Птицы Узбекистана» (том 3) для южных склонов и предгорий узбекской части Тянь-Шаня: «Как и в других районах Западного Тянь-Шаня, завирушки зимой многочисленны в арчовниках, так в декабре – феврале в арчовых лесах по склонам гор их численность достигает 3,6 экз. на 1,0 км маршрута, а в арчовниках по ущельям – даже 11,0 экз. (всего пройдено 12,2 км маршрута). В то же время на скалистых склонах с лиственным кустарником (10,7 км) всего 0,4 экз. на 1 км. Птицы отсутствуют в зоне щебнистых и каменистых предгорий (7,8 км) и среди адыров (30,2 км)… В низменных частях Ферганской долины основное место пребывания завирушек – тугаи р. Сырдарьи, где численность этого вида в декабре 2,0 на 1 км учёта (всего 31,5 км учёта), в январе – 9,0, в феврале – 2,0» (Митропольский, 1995, с. 197).

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в марте. В Чаткальском хребте встречена 8 марта 1956 г. (Петров, 1958). У Ташкента летят с середины марта до начала апреля, самая поздняя встреча 9 апреля 1929 г. (Сатаева, 1937) и одиночка 12 апреля 1903 г. (Loudon, 1910); самый поздний экземпляр в коллекции Н.А.Зарудного добыт 23 марта 1912 г., это явный *P. a. huttoni* (Митропольский, 1995). В Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) пролёт начинается уже с конца февраля, крайние сроки его отмечены мной 29 февраля – 10 марта 1960 г., 7-20 марта 1962 г., 8-23 марта 1963 г., 26 февраля 1964 г., 10 марта 1965 г. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке весенняя миграция слабо выражена (несколько завирушек за сезон); начало её в 1966-1981 гг. отметили 9-23 марта, в среднем 16 марта, окончание 27 марта – 2 апреля, в среднем 30 марта (Гаврилов, Гисцов, 1985). В долине Копы пролётных одиночек встречали 24 марта 1987 г., 4 и 16 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле весенний пролёт в 2005 г. отмечали с 28 февраля по 8 апреля, в другие годы он начинался с 11 по 24 марта (Бевза, 2012), на Сорбулаке самая поздняя встреча – 8 марта 2006 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Алма-Ате хорошо выраженный пролёт черногорлых завирушек М.Н. Корелов наблюдал 10 марта, последних в городе отмечали 13 апреля 1955, 22 апреля 1957 и 22 апреля 1963 гг.; в ущелье Аксай у города, среди лиственного леса, они были обычны 27 марта 1952 г. (Гаврилов, 1972). В субвысокогорье Заилийского Алатау появляются около середины марта. На высоте 2700 м первых одиночек мы встречали 16 марта 1974 г. В 1975 г. черногорлые завирушки в небольшом числе встречались на этой высоте весь январь и февраль, а с начала марта в этих местах их было уже много (Ковшарь, 1979). Особей номинативного подвида (*P. a. atrogularis*) добывали в Чуйской долине 17 января 1957 г., на Иссык-Куле – 28 февраля 1954 г., 17 марта 1956 г., 12 и 13 апреля 1952 г. (Птицы Киргизии, 1960). У Нарынкола (верховья Текеса)

пролёт туркестанских черногорлых завирушек в 1956 г. наблюдали с 17 марта по 7 апреля, а в 1957 г. – до 25 апреля (Винокуров, 1960 а).

Осенью в субвысокогорье Заилийского Алатау черногорлые завирушки обычны до конца сентября, в октябре уже редки, а в годы неурожая еловых семян практически совсем исчезают с высот 2400-2600 м. В Карачингиле самую раннюю одиночку видели 25 сентября 2006 г. (Бевза, 2012), на Сорбулаке они встречаются с ноября по март, а 31 октября 2008 г. встретили двух одиночек уральского подвида *P. a. atrogularis* (Белялов, Карпов, 2013). На левом берегу р. Или в среднем течении (район радоновых источников «Арасан») 5 декабря 2004 г. отловили одну *P. a. atrogularis* и затем длительное время содержали в неволе; за последние 10 лет это был третий случай поимки номинативного подвида здесь зимой (Панов, 2005: КОБ-2004). В Чуйской долине особь номинативного подвида добыли 17 октября 1957 г., а на Иссык-Куле – 11 октября 1958 г. (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке осенний пролёт черногорлых завирушек намного заметнее, чем весенний: в 1966-1981 гг. здесь отмечали до 62 завирушек за сезон. Особенно много их было в 1968 г. Пролёт шёл с 23 сентября (1971) – 17 октября (1969) в среднем за 9 лет – с 1 октября по 13-31 октября, в среднем за 10 лет –до 26 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 26 сентября (2009) по 29 октября (1986) наблюдали 21 и поймали 19 черногорлых завирушек; срединная дата осеннего пролёта пришлась на 16 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Более подробно сроки осеннего пролёта этого вида были прослежены в Аксу-Джабаглы: «Осенью появляется поздно, сначала в горах, затем на равнине, в сёлах культурного пояса. В арчевниках первые черногорлые завирушки встречены 5 октября 1960 г. (Талдыбулак); 16 октября 1963 г. они были здесь уже обычны. В Новониколаевке появление черногорлых завирушек отмечено 17 октября 1960 г., 9 октября 1961 г. (найдена разбившаяся о провода) и 27 октября 1964 г. В течение всей оставшейся части октября и большей части ноября ежедневно встречаются в селе одиночками и небольшими группками до пяти особей. Чаще всего они кормятся на огородах вместе с полевыми воробьями, а иногда – юрками и зябликами. В ноябре численность их постепенно уменьшается, а с середины – с конца этого месяца они *совершенно перестают встречаться*. Последние черногорлые завирушки в Новониколаевке отмечены 18 ноября 1960 г., 15 ноября 1961 г. (11 ноября были ещё обычны), 28 ноября 1962 г. и 10 ноября 1964 г. На зиму остаются только единицы: известна только одна встреча черногорлой завирушки – 8 декабря 1960 г. мы добыли одиночную птицу во дворе кордона Джабаглы» (Ковшарь, 1966, с. 323). Проведенные в 1971-1973 гг. в арчовом лесу ущелья Кши-Каинды (1800 м) специальные наблюдения за пролётом уточнили даты: первые черногорлые завирушки появились 3 октября 1971, 21 сентября 1972 и 19 сентября 1973 гг., а весной они встречались здесь до середины апреля (Губин, 1976, с. 66).

Биология. Имеются две специальные публикации по биологии этого вида, написанные по материалам наблюдений за 7 гнёздами в Центральном Тянь-Шане (Винокуров, 1960 в) и за 56 гнёздами в Заилийском Алатау (Гаврилов, 1973). В 1971-1976 гг. в последнем месте (Б. Алматинское озеро, 2500 м) у 129 жилых гнёзд проведен цикл наблюдений с применением индивидуального цветного мечения взрослых птиц и птенцов; результаты опубликованы в видовом очерке в книге «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979, с. 97-108). В этих публикациях на большом фактическом материале описаны все этапы репродуктивного цикла и поведение партнёров на каждом из этапов, состав кормов гнездовых птенцов (239 проб пищи, взятые в 18 гнёздах) и т.д. Предположение о наличии у черногорлой завирушки двух репродуктивных циклов, высказанное ещё В.Н. Шнитниковым (1949), впоследствии оспаривалось (Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960), однако в 1972 г. нам удалось на меченых особях получить документальное подтверждение наличия двух кладок (Ковшарь, 1979). Большая растянутость сроков гнездования всей популяции, подъём вокальной активности самцов во второй половине июня и ряд других характерных черт в поведении птиц позволяют заключить, что в субвысокогорье Заилийского Алатау дважды в год выводит птенцов значительная часть пар черногорлых завирушек. Анализ накопившихся в литературе отрывочных сведений о датах находок гнёзд и встреч выводков в других хребтах Тянь-Шаня (Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1972; Шукуров, 1986) позволяет считать, что 2 репродуктивных цикла свойственны представителям этого вида на большей части территории Тянь-Шаня. В целом биология черногорлой завирушки неплохо изучена в Северном Тянь-Шане.

284. Лесная завирушка – *Prunella modularis* (Linnaeus, 1758)

Dunnock (англ.), Heckenbraunelle (нем.), accenteur mouchet (фр.),
орман содырғысы (каз.), токай овазчысы (туркм.), ўрмон завирушкаси (узб.)

Синонимы: *Motacilla plumbea* Pallas, 1764; *M. griseothorax* Bechstein, 1795; *Prunella variegata* Frenzel, 1801; *Accentor pinetorum* Brehm, 1831.

Известны два залёта в наш район этого западного, европейского вида: 16 декабря 1986 г. в город Алма-Ата (Губин, Ковшарь, 1988) и 10 января 1993 г. на р. Чилик, где в зарослях облепихи близ посёлка Гайрат отмечены 4 лесных завирушки, из которых одну поймали (Губин, 2001).

Семейство **Дроздовые** Turdidae

285. Краснозобый дрозд – *Turdus ruficollis* Pallas, 1776

red-throated thrush (англ.), Rotkehldrossel (нем.), merle à gorge rousse (фр.), қызылжемсаулы сайрақ (каз.), кызыл тош таркылдак (кирг.), дурочи сурхсина (тадж.), қизилтомоқ қораялоқ (узб.)

Этот дрозд, населяющий леса юга Сибири к востоку от Алтая и долгое время объединявшийся орнитологами в один вид с чернозобым (*Turdus ruficollis atrogularis* Jarocki, 1819), залетал в наш район всего несколько раз во время сезонных миграций, как правило, в стаях чернозобых дроздов. Об экземпляре из сборов Н.А. Северцова от 4 апреля из Алматы и экземпляре из коллекции М.А. Мензбира, добытом около Борохудзира 23 октября 1907 г., упоминает В.Н. Шнитников (1949). На Усеке, под Джаркентом, 14 октября 1899 г. из стайки дроздов, кормившихся на облепихе, был добыт гибрид краснозобого и чернозобого дрозда (Зарудный, Кореев, 1905). Близ Алматы добыт 26 февраля 1936 г. (Гаврилов, 1970), а под Ташкентом самца добыл С.М. Алексеев 3 октября 1925 г. (Балан, 1969). В Киргизии добыт один из стаи чернозобых дроздов 22 марта 1958 г. в долине реки Атбаши во Внутреннем Тянь-Шане (Птицы Киргизии, 1960).

После длительного перерыва их начали встречать уже в XXI в. в предгорьях и в подгорной зоне Северного Тянь-Шаня в связи со стремительным развитием тяги к фотографированию птиц. Только зимой 2012/13 г. в Алматинской области эти дрозды и их гибриды сняты в нескольких местах и опубликованы подробные описания: «Первый дрозд обнаружен и сфотографирован 19 января в окрестностях пос. Акбастау, в долине р. Тургень (Г. Дякин, А. Исабеков, А. Коваленко, www.birds.kz). Он кормился в зарослях джиды и подпустил на достаточно близкое расстояние. Птица имела светлую рыжую бровь и «скулу», а также широкий яркий рыжий воротник на груди, заходящий на шею. Горло беловато-рыжее с мелкими более темными рыжими пестринками и черными тонкими окантовками «скул». Нижняя сторона хвоста ярко рыжая, а подхвостье беловато-рыжее. Брюшко и бока светлые с едва заметными коричневатыми пестринами на боках. Следующая птица встречена 17 февраля в яблоневых садах на Каменском плато в г. Алматы (А. Исабеков, В. Федоренко, www.birds.kz). Дрозд, вылетев из сада, сел на крайнее дерево, а затем улетел. Не вооруженным глазом был виден яркий розовато-рыжий воротник, заходящий на шею. Голова птицы сероватая, щеки значительно темнее затылка. Присутствовала светлая розовая бровь и «скула». Горло беловатое, с тонкими черными окантовками «скул». Брюшко и бока светлые, с темными продольными пестринами на боках. Подхвостье и нижняя сторона хвоста светлые. Ещё один краснозобый дрозд сфотографирован 23 февраля в джидовой роще близ пос. Байсерке (В. Федоренко, www.birds.kz). Птица имела темную голову со светло рыжими бровью и «скулой». Яркий рыжий воротник на груди. Горло рыжее, немного светлее воротника, с черными окантовками «скул». Нижняя сторона хвоста ярко рыжего цвета, а подхвостье белое. Брюшко и бока беловатого цвета, с едва заметными бледными пестринами. Гибриды чернозобого дрозда с краснозобым (*Turdus atrogularis* x *Turdus ruficolllis*), видимо, встречаются гораздо чаще в Алматинской области, чем «чистые» краснозобые дрозды, но в основном остаются незамеченными в огромной массе чернозобых дроздов» (Федоренко, 2013, с. 215). Поскольку в последние десятилетия ареал краснозобого дрозда в области юго-восточного Алтая продвинулся к западу (Рябицев и др., 2012), можно ожидать более частых залётов его и гибридов с чернозобым и в наш район. В Карачингиле самца краснозобого дрозда сфотографировали 15 декабря 2016 г., а особей с признаками гибридизации с *Turdus naumanni* – 19 декабря 2017 г., 1 и 12 января 2018 г. (Бевза, 2017, 2018).

286. Чернозобый дрозд – *Turdus atrogularis* Jarocki, 1819

black-throated thrush (англ.), Schwarzkehldrossel (нем.), merle à gorge noire (фр.), қаражемсаулы сайрақ (каз.), кара тош такылдак (кирг.), дурочи сиехсина (тадж.), қоратомоқ қораялоқ (узб.)

Синонимы: *T. bechsteinii* Naumann, 1822; *Merula leucogaster* Blyth, 1847; *T. mystacinus* Severtzov, 1873; *M. relictus* Zarudnyi et Korejew, 1902; *T. ruficollis vogulorum* Portenko, 1981. Одно время чернозобого дрозда в качестве подвида объединяли с краснозобым в один вид под названием «темнозобый дрозд» (Гладков, 1954: Птицы Советского Союза, том 6, с. 446-452).

Подвидов не образует. Описанный по пролётным экземплярам из-под Джаркента вид *Merula relictus* Zarudnyi et Korejew, 1902 впоследствии был сведен в синонимы чернозобого дрозда даже не в качестве подвида, а как черноголовая форма. Имя это полностью вышло из научного обихода уже в сводках «Птицы Советского Союза» (т. 6, 1954) и «Птицы СССР» (ч. 3, 1954). Не упоминается оно и в фаунистических сводках по птицам Киргизии (1960), Казахстана (Гаврилов, 1970), Памиро-Алая (Иванов, 1969). И только в обстоятельной (35 страниц) посмертной статье Л.А. Портенко «Географическая изменчивость темнозобых дроздов (*Turdus ruficollis* Pallas) и её таксономическая оценка» (1981) снова подробно обсуждалось это имя *Merula relicta* и сделан вывод, что это тип индивидуальной изменчивости (Ковшарь, 2006: КОБ-2005). Кроме того, в пределах Тянь-Шаня известны встречи гибридов чернозобого дрозда с *Turdus ruficollis, T. eunomus, T. naumanni* (Федоренко, 2013).

Характер пребывания. В Тянь-Шане массовый зимующий и пролётный вид. Многочисленные предположения о гнездовании его в Тянь-Шане (Г. Алмаши, Б.П. Кореев, Лаубманн, Шалов), поддержанные В.Н. Шнитниковым (1949), а затем и Н.А. Гладковым (1954) для Заилийского Алатау, не подтвердились – нигде в Тянь-Шане чернозобый дрозд не гнездится, хотя и встречается местами с августа по май.

Биотоп. Лесные биотопы, включая культурный ландшафт, желательно с ягодными культурами.

Распространение. Чернозобые дрозды в большом количестве пролетают предгорьями и горами Тянь-Шаня (рис. 305). Отсутствие знаков зимовки во внутренних и южных районах Тянь-Шаня объясняется прежде всего тем, что зимой в этих местах орнитологи мало работали. Об этом хорошо сказано для территории Памиро-Алая: «До крайности обычная пролётная и зимующая птица, не найденная пока в пределах Памиро-Алая лишь в хр. Нуратау, что, видимо, объясняется тем, что орнитологи не посещали этот хребет осенью и зимой» (Иванов, 1969, с. 285). В сводке по птицам Киргизии без указания на конкретные места сказано: «Чернозобый дрозд на зимовках и на пролёте у нас очень многочислен. Его можно найти *по всем пойменным лесам и кустарникам* [курсив мой – *АК*], в зарослях тростников около водоёмов, в горы поднимается примерно до средней полосы еловых лесов, около 2000 м. В 1959 г. 10 апреля добыт в Алайской долине» (Птицы Киргизии, 1960, с. 208). Безусловно зимуют эти дрозды в культурном ландшафте Ферганской долины и по тугайным лесам Сырдарьи и её притоков – так же, как это наблюдается в долинах рек Чу и Или.

Численность. На пролёте бывает многочислен, на зимовке численность меньше, однако местами также бывает довольно высокой. В верховьях Текеса в 1955-1957 гг. был многочислен зимой и на весеннем пролёте (Винокуров, 1960), то же – в 50-60 х гг. в Алма-Ате (Бородихин, 1968) и в нижнем поясе гор, где на высоте до 1800 м зимой 1974/75 г. учитывали до 6.0-8.5 особей/км маршрута (Пфеффер, 1978); однако выше 2400 м в январе-феврале 1971-1977 гг. он встречался исключительно редко (Ковшарь, Лопатин, 1983). Многочислен на пролёте и зимовке в Карачингиле (Бевза, 2012), а восточнее, в долине Или (Дубунская переправа), в декабре 2008 г. за три дня насчитали не менее 2 тысяч чернозобых дроздов стаями по 200-300 особей, которые

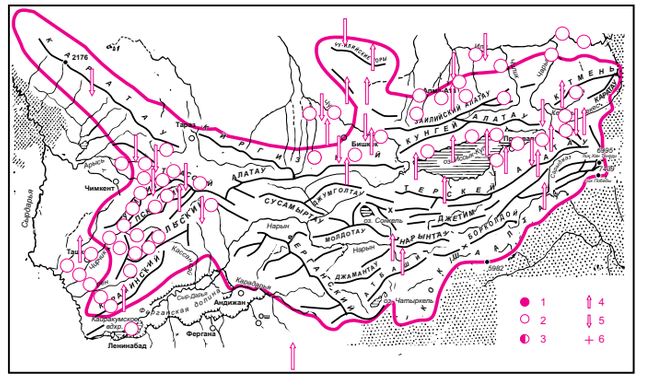

Рис. 305. Распространение чернозобого дрозда в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

кормились ягодами лоха серебристого (Ерохов, Иваненко, 2009: КОБ-2008). На северном берегу Иссык-Куля, близ Кутурги, в 1957/1958 г. зимовали в небольшом числе и только с 7 апреля появились огромными стаями (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961); в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи на побережье насчитали 21 особь/км маршрута [10 особей/км^2], а в ельниках Чон-Кызылсу его вообще не встретили (Второв, 1963). С 27 по 31 марта 2004 г. на учёте водоплавающих вдоль всего побережья Иссык-Куля насчитали 141 особь чернозобых дроздов (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Чуйской долине многочислен на пролёте и зимовке (Умрихина, 1970). В высокогорье Киргизского Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. встречен на 42 экскурсиях из 900, общим числом 357 особей – во всех биотопах высокогорья (Кузнецов, 1962). Там же, по наблюдениям 1986-1995 гг., в массе, большими стаями, появлялся по арчово-кустарниковым зарослям с первой декады марта, а осенью встречался до декабря; за 10 лет только в одну зиму (с 24 декабря 1988 по 26 января 1989) чернозобые дрозды наводнили все биотопы Ала-Арчинского национального парка в огромном количестве – стаями до 200 особей; кормились в основном шишкоягодами арчи и ягодами других пород; но уже 27 февраля они встречались очень редко; плотность населения их была от 0.83 до 89.16 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Сарычелеке осенью чернозобый дрозд входит в число доминантов авифауны смешанного леса (Лебяжинская, 2001). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) многочислен на пролёте и зимой (Шевченко, 1948; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). В арчовом лесу Кши-Каинды весной 1973 г. был самым многочисленным среди пролётных дроздов – стаи их интенсивно летели уже в сумерках, после окончания учётов: в день массового пролёта 6 апреля во время вечернего учёта насчитали 59, а после него – ещё 709 чернозобых дроздов; осенью они составили 71.7% пролетевших дроздов, а пик пролёта приходился на утренние часы (Губин, 1976). Рядом, на Чокпаке, за весенние сезоны 1966-2016 гг. окольцевали 429, а за осенние – 907 чернозобых дроздов (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Многочислен он и на юге Западного Тянь-Шаня – от Пскемского до Кураминского хребта (Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; В. Ковшарь, 2003; Митропольский, 2005; Головцов, 2007).

Сроки. Даты. В пределах Тянь-Шаня чернозобого дрозда можно встретить большую часть года – с августа по май – что и породило в прошлом неверные представления о его гнездовании здесь. Как заметил ещё в 1933-1935 гг. в Таласском Алатау Л.М. Шульпин (1965), первые особи и группы появляются ещё в августе именно в горах, а в предгорьях – только в первой половине сентября. Это подтвердилось по наблюдениям в хребтах Памиро-Алая (Иванов, 1969). В Заилийском Алатау в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) первых чернозобых дроздов (небольшими группами или одиночками среди других дроздов) встречали: 20 августа 1971, 14 августа 1972, 27 августа 1973, 18 августа, 1974, 29 августа 1975 и 21 августа 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Таласском Алатау самые ранние встречи этих дроздов в горах – 24 августа 1933 г. (Джеттез, 2500 м), 29 августа 1961 г. (Каскабулак, 2200 м), 28 августа 1964 г. (Топшак, 2700 м); в предгорьях у Новониколаевки (1200 м) – 13 сентября 1943, 23 сентября 1947, 8 сентября 1953, 9 сентября 1959, 7 сентября 1961, 13 сентября 1963 гг. (Ковшарь, 1966). Рядом, на Чокпаке, где идёт массовый пролёт (до 1311 особей/сезон), в 1966-1981 гг. первых чернозобых дроздов встречали 14 августа (1974) – 13 сентября (1967), в среднем за 9 лет – 1 сентября; с начала сентября они уже встречались регулярно, но массовый пролёт шёл только в октябре – до 20 октября пролетало до 73% всех учтённых дроздов (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт шёл с 2 сентября (2016) по 27 октября (1983, 1997), срединная дата осеннего пролёта – 16 октября (А. Гаврилов и др., 2017). На зиму в горах Таласского Алатау чернозобые дрозды остаются в большом числе – никакого уменьшения по сравнению с пролётным временем не наблюдается; основная масса их зимует в высокоствольных арчевниках, но в отличие от зимующих вместе с ними деряб они встречаются также в садах селений в предгорьях (Ковшарь, 1966). В Ташкенте обычны зимой, а в суровую многоснежную зиму 1968/69 г. наблюдался их массовый налёт (Мекленбурцов, 1982 б).

Весенний пролёт начинается в конце марта, когда становится заметным уменьшение количества зимующих дроздов. На Чокпаке в 1966-1981 гг. (когда за весенний сезон учитывали до 735 пролетевших), основная миграция наблюдалась с последней 5-дневки марта до середины апреля, а заканчивалась миграция 19 апреля (1976) – 10 мая (1968), в среднем за 9 лет – 29 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В следующие 35 лет пролёт чернозобых дроздов наблюдали с 21 марта (1987) по 8 мая (1996, 1998, 2001), а срединная дата весеннего пролёта пришлась на 8 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В арчевниках

Таласского Алатау последние встречи – 18 апреля 1963 г. и 23 апреля 1965 г. (Ковшарь, 1966). В это же время их встречали в Кураминском хребте, где 25-26 апреля отметили около 20 чернозобых дроздов (В. Ковшарь, 2003). На северном берегу Иссык-Куля, близ Кутурги, в 1958 г. они появились «в огромном количестве» 7 апреля, но к 20 апреля исчезли; в 1957 г. последних видели 22 апреля (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1955-1957 гг. массовый пролёт шёл с конца марта до середины апреля, последних видели 12 апреля 1956 г. и 26 апреля 1957 г. (Винокуров, 1960). На Б. Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500) стаи до 30 особей этих дроздов были нередки с конца марта по май, последние встречи – 14 мая 1971, 17 мая 1972, 16 мая 1973, 7 мая 1974, 15 мая 1975 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Копы пролётные чернозобые дрозды были обычны по чиевникам, бурьянникам и пашням с 23 марта по 12 мая 1987 г. и 28 марта – 7 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. последних чернозобых дроздов встречали 11-26 апреля (Бевза, 2012). Самая поздняя встреча в нашем районе – одиночка 24 мая 2004 г. в с. Жабагылы в Таласском Алатау (Чаликова, 2005: КОБ-2004).

Биология. Будучи очень многочисленными и в течение почти полугода (с октября по март) питаясь ягодами, на что имеются указания во многих публикациях, чернозобые дрозды играют большую роль в распространении семян ряда ягодных пород. В первую очередь это касается трёх видов арчи (туркестанской, зеравшанской и полушаровидной), шишкоягоды которых являются основным кормом этих и других дроздов в Западном Тянь-Шане (Ковшарь, 1966; Митропольский, 2005), а также барбариса, который они поедают в массе во многих хребтах (Кузнецов, 1962; Шульпин, 1965; Птицы Киргизии. 1960). Кроме того, массовым кормом для этих дроздов в зимнее время служат ягоды облепихи, лоха серебристого, тёрна и др.

287. Рыжий дрозд – *Turdus naumanni* Temminck, 1820

Naumann's thrush (англ.), Naumanndrossel (нем.), merle de Naumann, grive de Naumann (фр.)

О возможности залётов этого обитателя Восточной Сибири в наш район в литературе упоминалось неоднократно (Зарудный, 1910; Спангенберг, 1941; Иванов, 1969; Гаврилов, 1970), но подтверждения этому пока нет. Имеется только одно недавнее указание на встречу гибридов его с чернозобым дроздом, которое привожу здесь дословно: «**Гибриды чернозобого дрозда с дроздом Науманна** (*Turdus atrogularis x Turdus naumanni*). Кроме всех вышеописанных вариаций дроздов, были встречены и несколько птиц ещё одного, весьма интересного, типа: 16 февраля (А. Исабеков, www.birds.kz) и 23 февраля (В. Федоренко, www.birds.kz) близ пос. Байсерке, и 10 марта в окрестностях пос. Караой (А. Фокина, www.birds.kz). В целом, птицы выглядели как обычные чернозобые дрозды, за одним исключением: на их боках имелись широкие чешуевидные пестрины рыжего цвета. Ввиду того, что ни чернозобый, ни краснозобый дрозды не имеют подобных пестрин, относить таких птиц к гибридам между ними будет недостаточно обоснованным. Подобный рисунок на боках имеет только дрозд Науманна *(Turdus naumanni)*, а значит в данных птицах можно предполагать гибриды чернозобого и дрозда Науманна. Несмотря на то, что достоверных встреч дрозда Науманна в Казахстане не было, такой вариант кажется наиболее логичным. Это же предположение подтвердили и Е.А. Коблик и Я.А. Редькин» (Федоренко, 2013, с. 217).

288. Бурый дрозд – *Turdus eunomus* [*naumanni*] Temminck, 1831

dusky (Naumann's) thrush (англ.), Naumanndrossel (нем.), merle brun (фр.)

Длительное время считался подвидом рыжего дрозда *Turdus naumanni eunomus* (Гаврилов, 1970) и сведений о нём из нашего района не было. Известно лишь, что «в зоне перекрытия ареалов *Turdus eunomus* и *Turdus naumanni* имеет место ограниченная гибридизация между этими видами» (Степанян, 2003, с. 590).

На перевале Чокпак в период 2000-2004 гг. паутинными сетями был отловлен и окольцован дрозд, имеющий признаки гибрида чернозобого дрозда с бурым (Коваленко и др., 2005); к сожалению, сами признаки в этой работе не приведены. В центре города Алматы (парк имени Горького) 22 февраля

2007 г. наблюдали дрозда, похожего на чернозобого, но отличавшегося «тёмным хвостом (иной окраски, чем спина), хорошо заметными коричневыми перьями на крыльях, а также многочисленными угловатыми бурыми пестринами на боках. Сама птица выглядела более кургузой, чем темнозобый дрозд» (Карпов, 2008, с. 172).

Вторая встреча состоялась на северном берегу Иссык-Куля, в 4 км от с. Чолпоната. Здесь 15 мая 2009 г. в ущелье Кашка-суу немецкий орнитолог-любитель с 20-летним стажем Асмус Шрэтер «на расстоянии 20 м наблюдал среди трёх чернозобых дроздов бурого дрозда (*Turdus naumanni eunomus*), сидящего на кусте жимолости. Этот дрозд был чуть меньше чернозобых и имел хорошо заметные ржавые перья на крыльях. На голове были хорошо видны чёрно-каштановая шапочка, белые надбровья и горло, тёмно-коричневые кроющие уха, чёрная уздечка и чёрные усы на белом фоне. Чёрно-коричневые перья на зобе имели тонкие белые края. Плотность окраски уменьшалась в сторону брюха: на груди ещё были интенсивные пятна, а на боках – редкие пятна» (Флехтнер, 2010, с. 240).

Третья встреча была зимой 2012/13 г. в кустах лоха близ пос. Байсерке севернее города Алматы. Здесь 16 февраля 2013 г. В.А. Федоренко (www.birds.kz) наблюдал одиночку в компании с чернозобыми дроздами: «На фотографии хорошо видны белое горло, «скулы» и бровь, чёрные чешуйчатые пестрины на боках, переходящие в сплошной тёмный воротник на груди, а также рыжеватый снизу хвост и крыло насыщенного бурого цвета. Все эти признаки на дают усомниться в правильности определения вида» (Федоренко, 2013). В этой же публикации подробно описываются два гибрида бурого дрозда с чернозобым, которые были сфотографированы 23 февраля 2013 г. в Байсерке (В. Федоренко, www.birds.kz) и 26 января 2013 г. близ пос. Ават (А. Исабеков, В. Федоренко, www.birds.kz).

289. Рябинник – *Turdus pilaris* Linnaeus, 1758

fieldfare (англ.), Wacholderdrossel, Krammetsvogel (нем.), grive litorne (фр.),
шетен сайрақ (каз.), боз таркылдак (кирг.), дурочи-дулонадуроч (тадж.), олашақшақ (узб.)

Синонимы: *T. subpilaris* Brehm, 1831; *T. juniperorum* Brehm, 1831; *T. fuscilateralis* Brehm, 1855; *T. socius* Kleinschmidt, **1903;** *T. ultrapilaris* Kleinschmidt, 1919.

Подвид. Считается монотипичным видом (Степанян, 203), хотя дважды описывали подвиды: *Turdus pilaris sarudnyi* Loudon, 1912; *Turdus pilaris tertius* Hans Johansen, 1936.

Характер пребывания. Дважды пролётный и зимующий вид.

Биотоп. Зимует в лесах различного типа, включая тугаи рек и насаждения культурного ландшафта – парки, лесопарки и сады, при наличии кормовой базы в виде ягодных кустарников.

Распространение. Пролетает и зимует на большей части нашего района, но поскольку немногочислен, то встречен ещё далеко не везде (рис. 306). Так, он ни разу не отмечен в Центральном Тянь-Шане – от хребта Кетмень до сыртов – и на крайнем западе, в низкогорном Каратау: очень редки встречи во Внутреннем Тянь-Шане. Наиболее часто встречали зимой рябинника по северным предгорьям Заилийского Алатау и в Иссык-Кульской котловине, а также в Чуйской и Ферганской долинах, по предгорьям и в низкогорье Западного Тянь-Шаня. В Анархае (Чу-Илийские горы) одиночек видели 23-24 февраля 1950 г. (Гаврилов, 1970), в Карачингиле редок и встречается не ежегодно (Бевза, 2012).

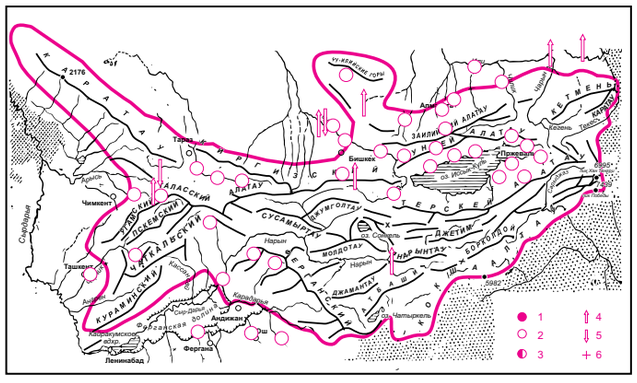

Рис. 306. Распространение рябинника в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Численность. Невысокая – как на пролёте, так и зимой. Например, в Карачингиле около 10 особей встречены 25 ноября 2003, 11 февраля 2007 и 12 января 2011 гг.; ещё 4 раза видели

одиночек (Бевза, 2012). В пойме р. Джергалан (восток Иссык-Кульской котловины) 20 января 1976 г. – стая около 20 рябинников, а зимой 1978/79 г. довольно много зимовало в Пржевальске (Верещагин, 1991). Чаще же встречается одиночками среди чернозобых и других зимующих дроздов. Только для Сарычелека имеется указание, что зимой рябинник доминирует в ореховых лесах вместе с чёрным дроздом и юрком (Лебяжинская, 1989). В Ташкенте только раз появился в большом количестве – после большого снегопада зимой 1979/80 г.; стаи рябинников кормились плодами виргинского можжевельника (Мекленбурцев, 1982 б). В Киргизском Алатау (Ала-Арча), где на осеннем пролёте рябинник встречен до 3000 м, а затем встречается всю зиму, до конца февраля, его встречали на 28 экскурсиях из 900 (проводимых круглый год) общим числом 106 особей (Кузнецов, 1982). В Чуйской долине, в тугае с участинм лоха серебристого, за 3 дня 11-13 января 2008 г. встретили 38 рябинников (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). На пролёте также немногочислен. На Чокпаке весной встречали до 60 за сезон, а осенью вообще не встречали (Гаврилов, Гисцов, 1985), в долине Копы за две весны наблюдений – только раз 28 марта 1988 г. отмечена стая из 6 рябинников (Ковшарь, Березовиков, 2000).

Сроки. Даты. Осенью появляются в сентябре. В Чуйской долине первых отметили 20 сентября (Умрихина, 1970), в Алматы их встречали с октября (Бородихин, 1968), в высокогорье Киргизского Алатау (Ала-Арча) – с начала ноября (Кузнецов, 1962). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) самые ранние встречи – 20 сентября 1943 г. в Новониколаевке и 28 сентября 1959 г. в с. Высокое, около Чокпака (Ковшарь, 1966). Данных о сроках встреч на Чокпаке в 1966-1981 гг. нет совсем, а за период 1982-2016 гг. рябинник был встречен (и окольцован) только раз – 26 октября 2012 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Весной заметный пролёт на Чокпаке идёт в марте – апреле. В 1966-1981 гг. он начинался 9 марта (1972) – 29 марта (1971), в среднем 18 марта; самая поздняя втсреча – 15 апреля 1976 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. отмечен только раз – добыт 30 марта 1983 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Под Алма-Атой в 1899 г. хорошо заметный пролёт шёл с 24 марта по 2 апреля, а последняя встреча – 25 апреля по новому стилю (Шнитников, 1949).

Биология. Никаких сведений по зимней биологии рябинника в Тянь-Шане не публиковалось.

290. Чёрный дрозд – *Turdus merula* Linnaeus, 1758

(common, European, Eurasian) blackbird (англ.), Amsel, Schwarzdrossel (нем.), merle noir (фр.),
қара сайрақ (каз.), кара таркылдак (кирг.), дурочи сиехтан (тадж.), қорашақшақ (узб.)

Синонимы: *Merula pinetorum* Brehm, 1831; *M. truncorum* Brehm, 1831**;** *M. alticeps* Brehm, 1831; *M. carniolica* Brehm, 1831; *M. vulgaris* Selby, 1833; *M. major* Brehm, 1855; *Turdus menegazzianus* Perini, 1858; *M. rubricollis* Zonghi Lotti, 1898; *T. vernus* Kleinschmidt, 1903; *T. m. brodkorbi* Koelz, 1939.

Подвид. Из 16 описанных подвидов в Тянь-Шане обитает один – *T. m. intermedia* Richmond, 1896.

Характер пребывания. Оседлая птица с небольшими местными сезонными перемещениями.

Биотоп. Лиственный лес и заросли кустарников, тугайные и галерейные леса по руслам горных рек; в городах и других населённых пунктах – сады и парки: в хвойном лесу выбирает места с лиственными породами, где в тенистых, более густых участках гнездится до высоты 2600-2700 м.

Распространение. Гнездится на большей части хребтов Тянь-Шаня (рис. 307), а за пределами гор – в населённых пунктах на равнине, включая крупные города. Интересно, что в самых крупных городах региона чёрный дрозд раньше встречался только на пролёте и зимой, а гнездиться стал в 60-х гг., хотя в Алма-Ате первое гнездо его было найдено 22 мая 1917 г. (Шнитников, 1949). По-настоящему он заселил город с 60-х гг., когда численность его возросла настолько, что он стал обращать на себя внимание людей, далёких от орнитологии. Уже с 1962 г. стали регулярно находить и его гнезда (Бородихин, 1968), а к 1986 г. в городе было известно уже 122 гнезда (Ковшарь, М. Пфеффер, 1888). В Ташкенте первое гнездо чёрного дрозда найдено в марте 1963 г. (Мекленбурцев, 1982). Во Фрунзе (Бишкек) до конца 50-х гг. чёрные дрозды появлялись в садах и парках города только осенью, откочёвывая весной обратно в горы (Птицы Киргизии, 1960), а к 90-м гг. они уже гнездились во всех парках города, рощах и садах частного сектора, причём в 1991-1993 гг. здесь не раз находили жилые гнёзда и встречали

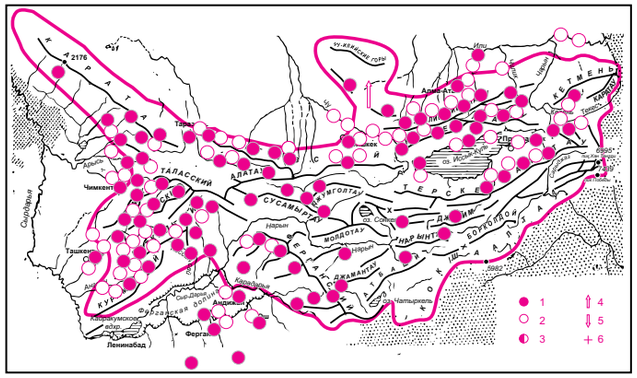

Рис. 307. Распространение чёрного дрозда в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 –зимовка

слабо летающих птенцов (Торопова, Командиров, 1995). Отсутствие чёрного дрозда на гнездовье в ельниках бассейна Сарыджаза подчёркивается в обзоре птиц еловых лесов Тянь-Шаня (Шукуров, 1986). В Каратау он в первой половине XX в. встречался только в садах и сёлах предгорий (Шапошников 1931; Долгушин 1951), а за последние 30 лет не только поднялся по долинам рек в горы, но и продвинулся с юго-востока на северо-запад вдоль хребта до ущелий Кенчектау и Боялдыр, осваивая естественные биотопы (Чаликова, 2006).

Численность. Сильно возросла с середины XX ст., что особенно стало заметно в городах (см. выше). В Алма-Ате в 60-х гг. чёрный дрозд поначалу занимал сады частного сектора и лесопарки типа рощи Баума, в годы наибольшей численности дроздов в парке Горького можно было одновременно слышать до 5-7 поющих самцов, а в центре города он был немногочислен (Бородихин, 1968). В 1983-1986 г., по результатам проведенных нами специальных учётов, чёрный дрозд был на 5-м месте (после двух видов воробьёв, малой горлицы и деревенской ласточки) на участках застройки сельского типа (17.6-19.3 особей/час в мае-июне) и на 4-м месте (после воробьёв и горлицы) на участках многоэтажной застройки в центре города (8.5-12.1), а в зимнее время – на 7-8 месте с чуть более низкими показателями (Ковшарь, 1988). Не менее высокая численность его в этом городе сохраняется и в настоящее время – это одна из фоновых птиц Алматы.

В горах численность немного ниже, но в целом это обычная птица: в окрестностях Б. Алматинского озера, где чёрный дрозд заметно уступает в численности дерябе, в 1964-1975 гг. проведены наблюдения у 36 гнёзд. В Кетмене редок (Корелов, 1956), в верховьях Текеса немногочислен, как и в восточной части Терской Алатау, где в долине Чон-Кызылсу расстояние между соседними парами 1.5-2 км (Степанян, 1959; Винокуров, 1960; Аракелянц, Березовиков, 2006; Бибиков, Стогов, 2009: КОБ-2008). В арчовом стланике Терской Алатау в 1962-1965 гг. летом в учётах чёрные дрозды не попадались совсем, а с августа по март учитывали 1-2 особи/км^2 (Второв, 1967), зато в облепиховых зарослях на побережье Иссык-Куля в январе-феврале 1962 г. насчитали 26 особей/22 км [12 особей/км^2], тогда как в ельниках Чонкызылсу – 8 особей/10 км маршрута (Второв, 1963). В долине Чонкемина в августе – сентябре 1968 г. учитывали менее 10 особей/км^2 в ельниках от средней части долины до субальпийского пояса и 20 особей/км^2 в ельниках Орто-Каинды у нижней границы лесного пояса (Второв, 1972).

В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. на 94 маршрутах из 900 насчитали 291 чёрного дрозда, причём в тёплое время года помимо леса его встречали также на субальпийских лугах, в арчовом стланике и на скалах – до самых ледников (Кузнецов, 1962 а, б). Многочислен в лесах Сарычелека (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966). По данным учётов 1982-1983 гг. плотность на гнездовании составляла: в ореховом лесу – 69-93, в яблонево-алычовом – 113-168, елово-пихтовом – 112, в арчовом редколесье – 40-48 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991, табл. 5). В орехово-плодовых лесах чёрные дрозды доминируют как зимой, так и летом (Лебяжинская, 1989, 1992, 2001). В Таласском Алатау всегда был обычен в заповеднике Аксу-Джабаглы (Шевченко, 1948; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966); к 80-м гг. одновременно с некоторым уменьшением численности дерябы увеличилась численность чёрного дрозда: в мае-июле 1981 г. он был на 5-м месте среди птиц, доминантов арчового леса (Солоха, 1989), а в летние сезоны 1984-1987 гг. на маршрутах в арчевых лесах Кши-Каинды учитывали 0.6-2.2, в арчевниках Чуулдака – 1.5-4.2 особи/час, т.е численность этих видов сравнялась (Ковшарь, Чаликова, 1992). В 40-х гг. был обычен в долине Пскема (Корелов, 1956), а в июле-августе 2002 г. – многочислен: за полтора месяца встречено 62 особи (В. Ковшарь, 2003). В арчевых лесах Кураминского хребта 24-29 апреля 2003 г. чёрный дрозд был одной из самых обычных птиц (В. Ковшарь, 2004). В Чаткальском заповеднике обычен на обоих участках (Головцов, 2007). Зимой постоянно встречается в Иссык-

Кульской котловине в местах, где есть урожай ягод. С 21 по 31 января 2004 г. на побережье учтено 120 чёрных дроздов (Кулагин, 2005: КОБ-2004). В Чуйской долине оказался самым многочисленным из зимующих дроздов: 11-13 января 2008 г. здесь насчитали 150 особей (Белялов, Карпов. 2009: КОБ-2008). В тугайных зарослях низовьев р. Чилик в зимы 1992-1999 гг. достигал численности 300 особей и был в свою очередь основным кормом зимующих здесь пернатых хищников, в частности, ястреба-перепелятника (Губин, 2001).

Сроки. Даты. У верхней границы гнездования откочёвывают вниз в конце октября. Так, на Б. Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500 м) в 1972 г. они были ещё обычны у верхней границы леса 25 и 26 октября, в 1973 г. в последний раз встречены здесь 21 октября, а зимой 1974/75 г. вместе с дерябами и чернозобыми дроздами встречались по ельникам у озера всю зиму – с декабря по март. Весной мы отметили первых здесь 18 марта 1973 и 1974 гг. (Ковшарь, 1979). Миграции слабо выражены даже в таком «бутылочном горлышке», как Чокпак: осенью 1966-1981 гг. первых чёрных дроздов отмечали здесь 15 августа – 21 октября, в среднем 23 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 12 августа (1986) по 29 октября (1986) здесь поймали 351 чёрного дрозда (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау (заповедник Аксу-Джабагли) начало осеннего пролёта в 1935 г. Л.М. Шульпин отмечал уже около 20 августа, а по моим наблюдениям он начинался 9-11 сентября 1963 и 9 сентября 1964 гг., когда в Новониколаевке заметно увеличивалось число чёрных дроздов, которые до этого были редки. Такое же явное увеличение численности наблюдалось 14-15 октября 1960 г. в каньоне р. Аксу, 13-16 октября 1963 г. по всему левобережью р. Джабаглы на высотах 1500-2700 м и 31 октября 1964 г. в урочищах Жетымсай – Улькен-Каинды; пролёт захватывал весь профиль гор, кроме альпийского пояса, и продолжался до начала ноября; к середине этого месяца оставались только немногочисленные зимующие особи (Ковшарь, 1966).

Весной на Чокпаке первых чёрных дроздов встречали 3-23 марта, в среднем 13 марта, последних в разные годы 15 марта – 16 мая, в среднем 10 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 30 марта (1983) по 23 мая (1988, 1993) здесь отловили 21 чёрного дрозда (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы, в неподходящей обстановке, чёрные дрозды весной встречены трижды: 26 марта1987 самка, 28 марта и 8 апреля 1988 г. по одному самцу (Ковшарь, Березовиков, 2000).

Биология. Наибольшие материалы по размножению чёрного дрозда собраны в Заилийском Алатау и в городе Алматы, о чём имеются специальные публикации (Ковшарь, 1979, с. 157-163; Kowschar, Zhujko, 1984, с. 97-105; Ковшарь, М. Пфеффер, 1988, с. 117-131). В окрестностях Б. Алматинского озера проведены наблюдения за 36, а в городе – за 122 жилыми гнёздами. Получено много данных

Рис. 308. *Слева* - места расположения гнёзд чёрного дрозда и дерябы в горах (а – только дерябы, стрелки без буквенного обозначения – оба вида). *Рисунок Р.Г. Пфеффера* (Ковшарь, 1979, с. 159);
Справа – места гнездования чёрного дрозда в городе. *Рисунок Р.Г. Пфеффера* (Ковшарь, М. Пфеффер,1988, с. 125)

о местах устройства гнёзд в высокогорье и в условиях современного крупного города (рис. 308), при этом подтвердилось предположение И.Ф. Бородихина (1968), что именно переход чёрных дроздов городской популяции к гнездованию высоко на деревьях позволил им в короткие сроки заселить этот новый для них ландшафт. А следующим шагом можно считать использование для устроойства гнёзд самих городских зданий (рис. 308).

«Особенностью гнездования чёрных дроздов в Алма-Ате является высокая плотность их поселения и соответственно уменьшенные размеры гнездовых участков отдельных пар. Так, на опытном участке в центре города (городской тип многоэтажной застройки) на площади около 1.2 га одновременно гнездилось 4 пары чёрных дроздов. Высокие здания ограничивают возможность видеть соседей, а зачастую – и слышать их, что позволяет дроздам гнездиться в непосредственной близости. Сама конфигурация гнездовых участков зачастую определяется расположением строений» (Ковшарь, М. Пфеффер, 1988, с. 121). В целом городские дрозды приступают к гнездованию на 3-4 недели раньше, чем живущие в горах. Объясняется это более ранним наступлением весны, в частности, сходом снежного покрова в городе. К этому можно добавить, что постоянный полив в городе продляет время доступности основного корма этого дрозда – дождевых червей, тем самым удлинняя гнездовой период, который в городе оказывается на два месяца дольше, чем в горах. Не случайно здесь удалось наблюдать трёх и даже 4-кратное размножение чёрного дрозда (Kowschar, Zhujko, 1984; Ковшарь, М. Пфеффер,1988), тогда как в субвысокогорье Заилийского Алатау второй репродуктивный цикл только предполагается, но ещё не доказан (Ковшарь, 1979). Совсем недавно 4 успешные кладки одной пары чёрных дроздов наблюдал в с. Куш (Карачингиль) И.Ф. Бородихин: первая кладка из 4 яиц отмечена 26 марта, птенцы вылетели в конце апреля; второй и последующие вылеты птенцов – в конце каждого месяца; гнёзда располагались в густых кронах растущих рядом пирамидальных можжевельников (Бевза, 2018). Три упомянутые выше публикации содержат много данных о поведении чёрных дроздов на разных этапах репродуктивного цикла и вне его, подробности выкармливания птенцов, состав кормов и другие детали гнездовой биологии.

Значительный массив данных по биологии чёрного дрозда накоплен в Таласском Алатау, где в 1965 г. проведены наблюдения у 13 гнёзд (Ковшарь, 1966), а в 1971-1973 гг. – у 23 гнёзд (Губин, 2012). Для ряда внутренних хребтов Тянь-Шаня (в основном Терской Алатау и Ферганский хребет) в сводке по птицам Киргизии (1960) приводится перечень дат нахождения и содержимого 11 гнёзд; те же сведения повторены в общей работе по птицам еловых лесов Тянь-Шаня (Шукуров, 1986). Отдельные интересные случаи нахождения гнёзд и встреч выводков приводятся для Киргизского хребта (Кузнецов, 1962), городов Ташкента (Мекленбурцев, 1982) и Бишкека (Торопова, Командиров, 1995), хребта Каратау (Корнев, 2016).

291. Белобровик – *Turdus iliacus* Linnaeus, 1758

redwing, red-winged thrush (англ.), Rotdrossel, Weindrossel (нем.), grive mauvis [des vignes], rouche-rolle (фр.), аққабақ сайрақ (каз.), ак каш таркылдак (кирг.), оқ қошли шақшақ (узб.)

Этот обитатель северной половины лесной зоны Евразии, зимующий уже в южных районах Средней Азии, на зимовки пролетает несколько севернее и западнее нашего района. В мягкие зимы залёты этого дрозда отмечали у западной окраины Тянь-Шаня: под Чимкент (добыт 28 декабря) и в окрестности Ташкента, где его добывал Н.А. Зарудный 19 января и 24 декабря 1910 г. (Гаврилов, 1970). В северные предгорья залёт его впервые отмечен 31 января 1991 г.: один яркий взрослый белобровик кормился среди группы чёрных дроздов на оттаявшем участке теплотрассы в верхней части города Алматы (Карпов, 1994, 1996). По-видимому, на основании этой встречи он был внесен в третий систематический список птиц Киргизии как мигрирующий и зимующий в этой республике (Торопова, Кулагин, 2007), поскольку никаких конкретных сведений больше не имеется. Зимой 2012/13 г. белобровика встретили в трёх разных местах Алматинской области: «В Алматы, в парке на площади Республики одиночный дрозд сфотографирован 25 ноября (Исабеков А.А. www.birds.kz). Он держался в группе чернозобых дроздов и вместе с ними кормился плодами туи. В течение недели его видели 26 ноября (А. Адилмагамбетов, www.birds.kz), 27 ноября (В. Федоренко, www.birds.kz), и в последний раз –

2 декабря (А. Исабеков, www.birds.kz). Также одиночек встретили 26 января в пос. Ават и 23 февраля в большой роще джиды близ пос. Байсерке (В. Федоренко, www.birds.kz).» (Федоренко, 2013, с. 217). Другими данными об этом дрозде мы не располагаем, но похоже, что эти залёты свидетельствуют о появившейся у нас сравнительно недавно редкой зимовке белобровиков.

292. Певчий дрозд – *Turdus philomelos* C.L. Brehm, 1831

song thrush (англ.), Singdrossel (нем.), grive musicienne [chanteuse, commune] (фр.), әуезшіл сайрақ (каз.), сайрыгач таркылдак (кирг.), сайроқи шақшақ (узб.)

Изредка залетает в период миграций. На Чокпаке за 50 лет наблюдений и отловов птиц встречен всего 4 раза: 25 октября 1969 г. одиночка, 16 октября 1973 г. добыта самка; 19 апреля 1987 г. и 24 октября 2004 г. окольцованы два одиночных дрозда (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). На участке Иссык-Кульского заповедника «Оттук» (юго-западное побережье) в стае чернозобых дроздов в зарослях лоха узколистного 12 ноября 2005 г. отловлена молодая самка; тушка её хранится в Бишкеке (Кулагин, 2006). Ещё две одиночки отмечены 12 октября 2003 г. и 10 мая 2007 г. в Карачингиле (Бевза, 2012). На основании встреч двух поющих самцов в средней части Б. Алматинского ущелья (2000 м) 2, 9, 12, 18, 21 мая и 7 июня 2018 г. (сделаны фотографии и записи песен) и такой же встречи 6 мая 2013 г. высказано предположение о возможном гнездовании здесь певчего дрозда (Федоренко, Пфандер, 2018).

293. Деряба – *Turdus viscivorus* Linnaeus, 1758

mistle thrush (англ.), Misteldrossel (нем.), grive draine [grande, grosse, de gui], turde viscivore (фр.), қылғытпа сайрақ (каз.), чаар таркылдак (кирг.), дурочи холдори сибири (тадж.), бўз шақшақ (узб.)

Синонимы: *T. major* Brehm, 1831; *T. arboreus* Brehm, 1831; *T. viscivorus loudoni* Zarudny, 1912 – новое имя для *Turdus viscivorus sarudnyi* Loudon, 1912; *T. v. transcaspius* Zarudny, 1918.

Подвид. В Тянь-Шане обитает сибирский подвид *Turdus viscivorus bonapartei* Cabanis, 1860.

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится, зимует и пролетает. В Западном Тянь-Шане, по всей вероятности, ведёт оседлый образ жизни (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966), из более северных хребтов на зиму откочёвывает южнее – возможно даже в пределах Тянь-Шаня. Странно, что даже для Памиро-Алая есть указание на откочёвку основной массы деряб южнее (Иванов, 1969, с. 284).

Биотоп. В Тянь-Шане населяет пояс хвойного леса (еловые и арчовые леса), а также заросли арчового стланика в субальпийском поясе, а в некоторых хребтах – даже нижние части альпийского пояса. В Западном Тянь-Шане гнездится в пределах высот 1300-2500 м и до альпийского пояса не поднимается. В Терской Алатау основная масса деряб неселяет еловый лес восточной половины хребта, а в западной, где леса нет, они поселяются в зарослях лиственных кустарников не ниже 2200-2300 м. Высотные пределы на всём протяжении хребта 2100-3100 м (Степанян, 1959). В Заилийском и Кунгей Алатау дерябы гнездятся от 1400 до 3300 м, изредка поселяются даже в садах предгорий (1000 м); дважды наблюдали гнездование в городе Алматы (900 м) и в горах Сюгаты (Ковшарь, Гаврилов, 1973; В. Ковшарь, 2017).

Распространение. Тянь-Шань находится на восточном участке границы ареала вида и совсем близко от северной границы его зимовок (рис. 309). Он широко распространён в большинстве хребтов Северного, Центрального, Внутреннего и Западного Тянь-Шаня, имеющих лесной пояс, отсутствуя только в таких низкогорных и безлесных районах как Чу-Илийские горы и большая часть хребта Каратау (рис. 310). Считалось, что в последнем он вообще не гнездится (Гаврилов, 1970). Однако сравнительно недавно проник из Таласского Алатау – сначала в небольшие участки арчового леса урочища Кокбулак в хребте Боролдай (Чаликова, Колбинцев, 2005; Чаликова, 2012), затем в мае 2009 г. отмечен в районе

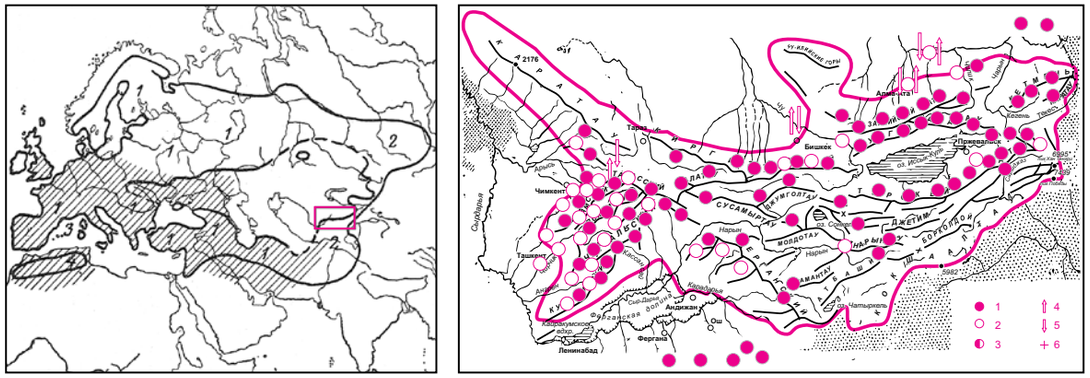

Рис. 309. Ареал дерябы и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 421
Рис. 310. Распространение дерябы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4 и 5 – пролёт

Турлановского перевала В.Ч. Домбровским, а 24 мая 2013 г. – в ущелье Бажи, у кордона лесника, где в ивово-тополевой роще найдено гнездо (Губин, Белялов, 2017). Неясно, гнездится ли деряба в южных островных ельниках Центрального Тянь-Шаня, где 8 июля 1902 г. В.В. Сапожников добыл молодую птицу на Сыртах по р. Сарыджаз (Иоганзен, 1908; Шнитников, 1949); позднее указан в перечне птиц, гнездящихся в еловых лесах Сарыджазских сыртов (Крылов, 1969), хотя конкретных материалов отсюда не имеется. Далее к югу деряба распространён в горных лесах Внутреннего Тянь-Шаня (хребты: Атбашинский, Нарынский, Молдотоо, Ферганский), где является характернейшим гнездящимся видом елового леса и «везде довольно заметен, обычен, а местами даже многочислен» (Шукуров, 1968). В арчовых лесах Западного Тянь-Шаня он многочислен во всех хребтах – от Таласского Алатау на севере до Кураминского на юге (рис. 310).

Численность. Пример максимальной плотности населения дерябы на гнездовании: в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в небольшом островке высокоствольного арчевника среди суходольных лугов долины р. Балдыбрек в апреле 1965 г. мы обнаружили 10 жилых гнёзд дерябы на площади не более 3 га; расстояние между соседними гнёздами были 70, 50 и даже 30 м (Ковшарь, 1966). Кстати, в 1968 г. в этом же островке, по наблюдениям А.А. Иващенко (устное сообщение) гнездилась всего одна пара. Гораздо ниже была здесь численность деряб в 1933-1935 гг. (Шульпин, 1965), однако в остальные годы он был здесь многочислен: в 1960-1965 гг. мне удалось описать в заповеднике 70, в 1971-1973 гг. Б.М. Губину (2012) – 51 жилое гнездо. Далее численность гнездящихся в заповеднике деряб заметно снизилась к концу 80-х гг.: если в 1983-1987 г. на 8 одногектарных площадках ежегодно гнездилось 3-5 пар, то в 1989 г. – только одна; то же показали проводимые Е.С. Чаликовой регулярные маршрутные учёты на участке «Кызылжар – Кши-Каинды»: весной 1984-1987 гг. 3.3-4.2 особи/час, летом 0.2-1 особи/час, а в 1989 г. – ни одного дерябы, ни весной, ни летом (Ковшарь, Чаликова, 1992). Интересные соображения о флуктуациях численности в Таласском Алатау и их причине опубликованы не так недавно: «В течение последних лет период сокращения численности у дерябы длился 6 лет (1987-1992), у чёрного дрозда – 10 (1984-1993), а период роста, соответственно, 12 и 11. Но если у дерябы в 1980-х численность сокращалась постепенно, то у чёрного – скачкообразно. И наоборот, с середины 1990-х подъём численности первого идёт скачкообразно, у второго – постепенно. Такой медленный подъём численности гнездящихся *T. merula* может отражать прирост местной популяции, скачкообразный же у *T. viscivorus* происходит только за счёт иммиграции в ходе перекочёвок. Одну из причин флуктуаций численности дерябы связывали с обилием и регулярностью плодоношения арчи (Митропольский 2002). Нашими наблюдениями, однако, это предположение не подтвердилось. Тем не менее, на пике численности деряба, кроме арчовников, гнездится в приречных горных и яблоневых лесах» (Чаликова, 2006, с. 421).

В окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м) в 1964-1967 гг. осмотрено 50 жилых гнёзд деряб (Гаврилов, 1970; Ковшарь, Гаврилов, 1973), а в 1971-1976 гг. – 100, расстояние между соседними гнёздами не менее 100 м и только в двух случаях – 80 м (Ковшарь, 1979). В Кетмене в 1953 г. был самым многочисленным из дроздов, но конкретные данные не приводятся (Корелов, 1956). В Терской Алатау в июне 1953 г. был многочислен: встречалось до 15 особей в день (Степанян, 1959).

Там же, в поясе арчового стланика, в мае-июне 1962-1965 гг. учитывали 20 особей/км^2, с августа по октябрь и в марте – по 10, в апреле – 40 особей/км^2 (Второв, 1967). В ельниках Чонкемина (Кунгей Алатау) в августе – сентябре 1968 г. насчитывали менее 10 особей/км^2 в верхних ельниках с субальпийскими ивняками и скалами, 10/км^2 – в ельниках средней части долины (Второв, 1972). В высокогорье Киргизского Алатау (Ала-Арча) в разные сезоны 1957-1960 гг. деряба встречен во всех биотопах в 112 экскурсиях из 900, общим числом 587 особей; причём к лесу он тяготел только в гнездовое время и зимой – во время сильных морозов и снегопадов (Кузнецов, 1962 а, б). Также круглый год встречался он в арчово-еловых лесах и в 80-90-х гг., встречаясь по 0.83-10.91 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Сарычелеке также встречается круглый год (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966), в 1982-1983 гг. в гнездовой период здесь учитывали: в ореховых лесах – 7-22 особей/км^2, в яблонево-алычовых – 7-21, в елово-пихтовых лесах – 2-16, арчово-еловых лесах – 19-33, в арчовом редколесье – 5-16 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В южных хребтах Западного Тянь-Шаня (Кураминский, Чаткальский, Пскемский, Угамский) в 1976-1979 и 1985-1987 гг. – обычная оседлая птица, найдено 17 жилых гнёзд; максимальная численность на гнездовании – 5 пар/км маршрута (Фоттелер, Третьяков, 1988). В долине Пскема в июле-августе 2002 г. встречено 68 дроздов-деряб, а в 2015-2016 гг. – 57, включая выводки (В. Ковшарь, 2003; Тен и др., 2017).

Сроки. Даты. Настоящий пролёт дерябы нигде в Тянь-Шане не выражен – даже на Чокпаке, где в период 1966-1981 гг. встречали не более 6 деряб за весенний сезон и не более 16 – осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 23 марта (1983, 1987) по 29 апреля (1984) поймали 26 деряб, и осенью, с 5 по 26 октября (1982, 2012) окольцевали 17 особей (А. Гаврилов и др., 2017). Намного менее заметен пролёт в Чуйской долине (Умрихина, 1970), а на стационарах в 70-х гг его вообще не отмечали (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы в 1987-1988 гг. мы его ни разу не встретили за две весны – с середины марта до середина мая (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени), где деряба в небольшом числе встречается только на миграциях и зимой, в 2004-2011 гг. их отмечали с 28 сентября – 18 октября до 26 марта 2004 г. – 5 апреля 2011 г. (Бевза, 2012). Зимой здесь лишь изредка встречаются одиночки и только раз, 1 февраля 2006 г., в стайке было около 15 деряб. Вообще все случаи зимовки деряб в северной половине нашего района – случайные встречи одиночек: в посадках лоха серебристого в низовьях р. Чилик в зимы 1992-1999 г. одиночные дерябы попадались в огромных стаях других дроздов (Губин, 2001); в Чуйской долине при специальных поисках 11-13 января 2008 г. встретили только одного в лесополосе (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2009); в восточной части Иссык-Кульской котловины в январе-феврале 1962 г. деряба не встречен ни разу – ни в облепиховых зарослях по берегу озера, ни в ельнике Терской Алатау (Второв, 1963); там же, на юго-восточном побережье, 27-30 марта 2004 г. встретили только трёх деряб (Кулагин, Сагымбаев, 2005); в тугаях у Нарынкола (Центральный Тянь-Шань) один добыт 3 декабря 1953 г., а 11-22 февраля 1957 г. встречен в Нарынкольском ущелье (Винокуров, 1960; Гаврилов, 1970). В городе Алма-Ата зимой 1960/61 г. в садах выше проспекта Абая их видели несколько раз с декабря по март, а зимой 1961/62 г. – всего два раза в январе-феврале, после снегопадов (Бородихин, 1968). В Западном Тянь-Шане, наоборот, – это массовый зимующий вид, в Аксу-Джабаглы я встречал их в январе 1961 г. даже на заснеженных каменистых склонах выше 3000 м, где кроме них были только горные козлы.

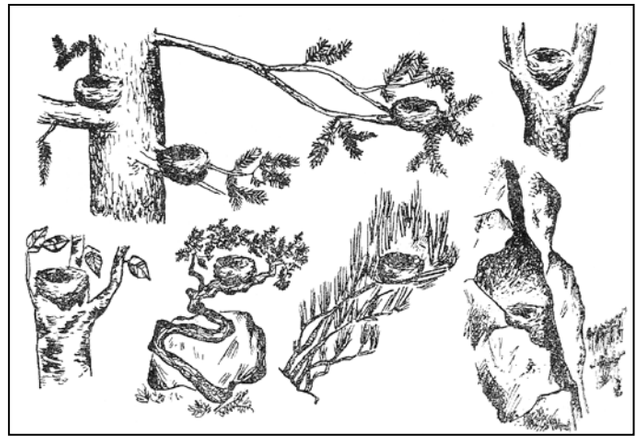

Рис. 311. Расположение гнёзд дерябы в Тянь-Шане (по: Ковшарь, Гаврилов, 1973). *Рис.Э.Ф. Родионова*

Биология. Неплохо изучена в Таласском и Заилийском Алатау (Ковшарь, 1966; Гаврилов, 1970; Ковшарь, Гаврилов, 1973; Ковшарь, 1979), где в общей сложности

обследовано более 150 жилых гнёзд, в том числе и с применением индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов. Дополнением к этим публикациям является статья о гнездовой биологии дерябы в южных хребтах Западного Тянь-Шаня, по наблюдениям за 17 гнёздами (Фоттелер, Третьяков, 1988). Более полувека тому назад в сводке «Птицы Семиречья» появилась фраза: «По наблюдениям Садырбека, деряба, даже живя в лесу, гнёзда свои часто устраивает на открытых местах между группами елей и помещает их на камнях» (Шнитников, 1949, с. 517). Ещё раньше подобное мнение высказали Г.П. Дементьев и Е.П. Спангенберг (Spangenberg, Dementieff, 1935), оно было повторено в 6-м томе «Птицы Советского Союза» (Гладков, 1954), а в книге «Птицы еловых лесов Тянь-Шаня» (1986), со ссылкой на упомянутых авторов, всё это достигло апогея – рассуждений, о переходе дерябы от гнездования на скалах – к гнездованию на деревьях (!): «Если указания авторитетов верны, то всё это указывает на сравнительно недавнее вселение этого вида в пояс ельников и на продолжающийся процесс освоения нового биотопа» (Шукуров, 1986, с. 94). Этот неожиданный вывод настолько неординарный, что поневоле приходится остановиться на нём с доказательствами того, что, казалось бы, должно быть ясно само собой – деряба как лесной дрозд *всегда* гнездился на деревьях… Ещё в специальной статье «Биология размножения сибирского дрозда-дерябы в Тянь-Шане» мы писали об этом следующее: «В Таласском Алатау из 150 известных нам гнёзд дерябы 133 (88%) помещались на высокоствольной арче. Остальные располагались: на иве – 4, на берёзе – 3, яблоне – 1, на кустах жимолости – 5, барбариса – 1, боярышника – 1, эфедры – 2. В Пскемском и Угамском хребтах, по свидетельству Н.А. Зарудного (рукопись) «деряба гнездится всегда на арчевых деревьях на высоте 10-30 футов (3-9 м)», а в Чаткальском хребте Д.Ф. Железняков (1950) нашёл гнездо на боярышнике. На скалах гнёзд этого вида в Западном Тянь-Шане не находили. В Северном Тянь-Шане дерябы предпочитают устраивать гнёзда на елях. В высокогорье Заилийского Алатау мы осмотрели 50 гнёзд, из которых 42 (84%) располагались на елях, 5 – на кустах стелющейся арчи и только 3 – в скалах альпийского пояса, гораздо выше верхней границы арчового стланика (3000-3300 м). В ельниках восточного Кунгей Алатау мы нашли 4 гнезда дерябы на елях и одно гнездо – на скале в альпийском поясе (2900 м)» (Ковшарь, Гаврилов, 1973, с. 44-45). К этому можно добавить статистику 70-х гг.: из 100 осмотренных в 1971-1976 гг. в субвысокогорье Заилийского Алатау гнёзд дерябы только два были расположены в расщелинах скал у верхней границы леса, по одному – на кусте арчи и на металлическом швеллере моста (см. рис. 308), остальные 96 построены на елях (Ковшарь, 1979). В Таласском Алатау в 1971-1973 гг. из 51 жилого гнезда 47 помещались на деревьях арчи, два – на иве и по одному – на берёзе и на скале водопада Кши-Каинды (Губин, 2012). Вряд ли нужны особые комментарии к приведенным цифрам, которые говорят сами за себя. По всей вероятности, на скале строила гнездо 3 мая 2017 г. пара деряб в безлесном каменистом Кокпекском ущелье (140 км восточнее Алматы), где не было никакой древесно-кустарниковой растительности, а до ближайших ельников хребта Турайгыр было не менее 23-24 км по прямой (В. Ковшарь, 2017).

Помимо расположения и устройства гнёзд в Таласском и Заилийском Алатау (рис. 311) в упомянутых публикациях (Ковшарь, Гаврилов, 1973; Ковшарь, 1979) подробно описан состав строительного материала гнёзд и его различия в двух этих хребтах; процесс строительства гнезда и насиживания яиц самкой; детали выкармливания гнездовых птенцов обоими партнёрами, включая частоту кормления, состав корма и расстояния полётов за кормом; длительность докармливания выводка после оставления гнезда; календарные сроки размножения и наличие второго репродуктивного цикла; потенциальная плодовитость и успешность размножения; при этом в последней работе многие данные получены на основе индивидуального мечения. Кстати, доказательства второго репродуктивного цикла получены также для южных хребтов Западного Тянь-Шаня – Пскемского и Чаткальского (Фоттелер, Третьяков, 1988).

Отрывочные сведения о биологии дерябы в других хребтах Тянь-Шаня имеются в ряде публикаций (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Губин, 2007, 2012; Губин, Белялов, 2017). В зимний период основной корм дерябы в Западном Тянь-Шане – шишкоягоды арчи, и при своей многочисленности здесь деряба является одним из основных распространителей-сеятелей этой породы (Ковшарь, 1966, 1966 а; Митропольский, 2002).

294. Пёстрый дрозд – *Zoothera varia* (Pallas, 1811)

White's [golden mountain] trush (англ.), Erddrossel, Buntdrossel (нем.), grive dorée, merle doré (фр.), шұбар сайрақ (каз.), жер таркылдагы (кирг.)

Синонимы: *Turdus dauma* Latham, 1790; *T. aureus* Holandre, 1825; *T. whitei* Eyton, 1836. Земляной дрозд. Золотистый дрозд. Сибирский земляной дрозд.

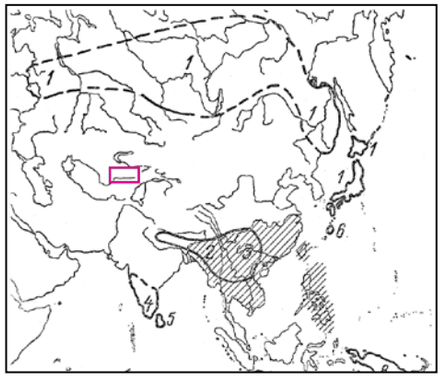
Подвид. Монотипичный вид. До недавнего времени был подвидом *Oreocincla dauma varia.*

Характер пребывания. Спорадично гнездящийся и пролётный вид. Раньше считался залётным.

Биотоп. Леса различного типа – хвойные, смешанные, лиственные. В Тянь-Шане – ельники.

Распространение. Ареал *Zoothera varia* и в бытность его подвидом *Z. dauma* (рис. 312) был слабо выяснен, и сейчас границы его мало известны, хотя указания на гнездование его в Восточном Тянь-Шане, в районе Кульджи и Кунгеса, были ещё в конце XIX столетия (Алфераки, 1891), а В.Н. Шнитников (1949) перечислив ряд коллекционных экземпляров, добытых на Кунгесе в 1879 г. (21 июля, 11 и 15 сентября), высказал предположение, что этот дрозд будет найден и в пределах Семиречья. Впервые выводок из 4-х слётков был обнаружен Э.И. Гавриловым (1974) 7 июля 1971 г. в верховьях Б. Алматинского ущелья, один птенец был добыт. Поскольку предпринятые нами до конца августа того же года поиски в этих местах не дали результатов, было решено, что это случайное гнездование одной пары, тем более что в этом же месте два сезона (1964-1965 гг.) стационарно работал очень квалифицированный отряд орнитологов во главе с проф. И.А. Долгушиным, занимавшийся поисками гнёзд воробьиных птиц. Не было встреч пёстрого дрозда в этом ущелье и в 1972-1974 гг., несмотря на стационарную работу нескольких орнитологов с апреля по август. И только 10 мая 1975 г. в ущелье запели сразу несколько самцов. Интенсивное пение продолжалось до 17 мая, причём один самец исполнил 531 песню за 2 часа (до 116-122 песен за 15 мин), другой – 128 песен/15 мин, несмотря на начавшийся снегопад (Ковшарь и др., 1978). После 17 мая до сентября ни одной песни в этом ущелье не слышали, что привело нас к выводу, что пели пролётные самцы. Однако 3 августа 1987 г. Б.П. Жуйко прямо около орнитологического стационара поймал плохо летающего слётка, а затем песни пёстрого дрозда отмечали в этом ущелье 13 мая 1994, 28 мая 1995, 19 июня 2003 гг. В средней части этого ущелья (правый приток Казачка, 2000 м) в мае 2018 г. найдено два жилых гнезда (Федоренко, 2018).

В других ущельях Заилийского Алатау (Малое Алматинское, Талгарское, Тургеньское) пёстрого дрозда отмечали многократно: 22 июня 1974, 26 апреля и 6 мая 1980, 8 мая 1981, 15 августа 1988, 12 августа 2000 (Э.И. Гаврилов, О.В. Белялов, В.А. Морозов, А.Д. Джаныспаев, С.Ю. Анненкова, 2003: КОБ-2002; www.birds.kz). На северном склоне восточной части Кунгей-Алатау, в 10 км выше с. Курменты (ущелье Кульсай) 13 июля 1978 г. в густом сыром моховом ельнике встречены два слётка, один из них добыт и хранится в коллекции КазГУ в Алматы (Жуйко, 1980). Спустя 30 лет, 1 августа 2012 г. на озере Кульсай (1900 м) одного сфотографировали (М. Дюсебаева, www.birds.kz). На востоке Иссык-Кульской котловины, в ущелье Алтын-Арашан (хр. Терксей Алатау восточнее Пржевальска) пёстрого дрозда встретили летом 2002 г., а в ущелье Джетыогуз того же хребта – 15 июня 2004 г. (Торопова,

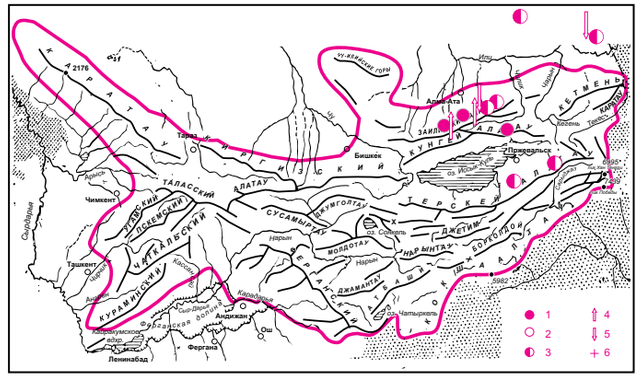

Рис. 312. Ареал *Zoothera varia (1), Z. dauma (2-8)* и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 406
Рис. 313. Распространение пёстрого дрозда в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3-5 – встречи летом, весной, осенью

Торопов, 2005). На крайнем северо-востоке района, уже на правом берегу Или, на хребте Токсанбай (60 км севернее Джаркента) в пойме р. Усек на высоте 1700 м 22-24 августа 1998 г. сфотографирован один пёстрый дрозд (А.Б. Жданко, 2003: КОБ-2002). Все эти факты позволили в последнем издании конспекта авифауны бывшего СССР к описанию ареала этого сибирского вида добавить фразу: «На Тянь-Шане хребты Заилийский Алатау, Кунгей Алатау, Джунгарский Алатау и предположительно Восточный Тянь-Шань» (Степанян, 2003, с. 599).

Численность. Из-за большой скрытности этой птицы численность не установлена, обычно дрозда отмечали по песне или же встречали одиночек. Тем не менее в Алматинском заповеднике была предпринята попытка учёта, результаты которой опубликованы: «В Правом Талгаре 18 мая провели учёт на маршруте протяжённостью 5 км по голосам поющих самцов (1700-2500 м). Всего было учтено 11 птиц... Последний раз песню земляного дрозда слышали 30 мая. Это даёт повод предполагать, что весной через территорию Алматинского заповедника идёт пролёт этого вида… отдельные дрозды, вероятно, остаются на гнездование, о чём свидетельствуют факты встречи слётков в Заилийском Алатау …» (Джаныспаев, 2006: КОБ-2005, с. 217).

Сроки. Даты. Данных практически нет. Крайние даты встреч в Заилийском Алатау: весной – 14 апреля 2005 и 19 апреля 2007 гг.; осенью – 21 сентября 2007 г. в ущелье Талгар (Джаныспаев, 2003, 2008: КОБ-2002, 2007). Эти даты в общем совпадают с указанными в сводке Птицы Казахстана (том 3, 1970) для республики в целом: весенний пролёт проходит в мае, а осенний – в сентябре (Гаврилов, 1979, с. 458).

Биология. Единственная статья, посвящённая биологии этого вида в условиях Тянь-Шаня (Федоренко, 2018), содержит описание трёх гнёзд (из них два – жилые), найденных им в мае 2018 г. в ущелье речки Казачка – правого притока р. Б. Алматинка. Все три гнезда располагались на старых елях в густых затенённых участках старого леса и помещались на основаниях боковых веток у ствола на высоте 5, 9 и 11 м от земли. Вкратце описан материал гнёзд, приведены их размеры. Одно гнездо было разорено кем-то до появления в нём яиц (или во время кладки), другое утром 12 мая было ещё без выстилки, а утром 18 мая самка насиживала 6 яиц, из которых вылупилось 5 птенцов (одно яйцо съела белка), покинувших гнездо 12 июня (Федоренко, 2018). Поскольку это первые (и пока единственные) для Тянь-Шаня сведения, позволю себе процитировать авторское описание яиц и птенцов: «Окраска свежих яиц бледно-бирюзовая с мелкими ржаво-бурыми глубинными крапинками (5 яиц) или более крупными поверхностными бурыми пятнам (1 яйцо), равномерно покрывающими поверхность яйца и чуть плотнее сгруппированными у тупого полюса. При взгляде с расстояния крапины сливаются с фоном и в тени яйца выглядят однородно каменно-серыми с буроватым венчиком. Размеры яиц, мм: 32.8×24.4, 32.3×24.0, 30.8×23.6, 32.2×22.5, 32.3×24.0, 33.3×24.2. Форма – яйцевидная. **Птенцы**. Кожа дорсальной стороны антрацитовая, вентральной желтовато-розовая, когти и яйцевой зуб белые, клюв желтовато-розовый, ноздри широко-эллипсоидальные, зев жёлтый без рисунка (рис. 5D), клювные валики светло-жёлтые, язык жёлтый со слегка расщепленным кончиком. Эмбриональный пух желтоватый, расположен на следующих пуховых птерилиях: надглазничные – по одному ряду, затылочная – один разорванный ряд, спинная – два ряда, крестцовая – два ряда, около-копчиковая – один короткий ряд, рулевые и первостепенные маховые – один ряд щетинок, плечевые и кроющие – отсутствуют. Птерилография птенцов описана по схеме В.Ю. Ильяшенко (2015)» (Федоренко, 2018, с. 5228). Весь текст хорошо иллюстрирован превосходными авторскими фотографиями гнёзд, яиц, птенцов и самих птиц.

295. Синяя птица – *Myophonus caeruleus* (Scopoli, 1786)

blue whistling trush (англ.), Purpurpfeifdrossel (нем.), merle bleu siffleur (фр.),
көк құс (каз.), майна, сай сағызган (кирг.), момочурготи (тадж.), тоғ майнаси (узб.)

Синонимы: *Gracula caerulea* Scopoli, 1786; *M. temmincki turcestanicus* Zarudny,1909. Лиловый дрозд.

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане один – *Myophonus caeruleus turcestanicus* Zarudny, 1909.

Характер пребывания. На большей части ареала оседло-кочующая птица, от северных границ на зиму откочёвывает южнее. Даже на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня основная масса птиц на зиму отлетает, о чём писал ещё Н.А. Зарудный (1912), а позднее М.Н. Корелов (1956). То же на северных склонах Таласского Алатау (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). Позднее было высказано

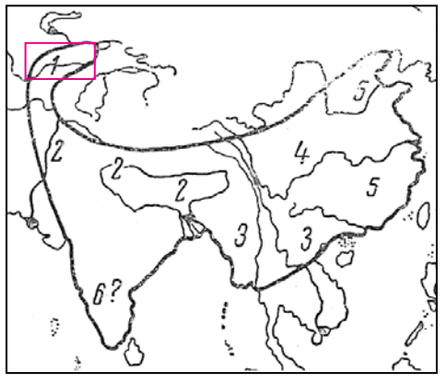
мнение, что половозрелые особи оседлы, а молодёжь отлетает (Митропольский, 2002). В последние годы всё чаще синюю птицу стали встречать зимой также в предгорьях Заилийского Алатау, в т.ч. в районе города Алматы (Бородихин, 1968; Ковшарь, 1970; Карпов, 2004; Жданко, 2007; Иващенко, Колбинцев, 2009; Иващенко, Бекбаев, 2014 и др.), однако большинство отлетает, поскольку в местах, где эта птица летом обычна, зимуют редкие единицы.

Биотоп. Поселяется всегда на берегах бурных горных потоков, как правило, в узких ущельях со скалами или хртя бы крупными камнями у самой воды; на карнизах и в нишах этих скал делает гнёзда.

Распространение. Находясь на крайнем северном выступе ареала синей птицы (рис. 314), Тянь-Шань на протяжении всего XX столетия являлся ареной, на которой происходило постепенное расселение этого южноазиатского вида к северу и северо-востоку (Зарудный, 1912; Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Корелов, 1964; Ковшарь, 1966, 1967, 1970; 1972; Губин, 1991; Кубыкин, 1991; Ковшарь, Березовиков, 2001; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В ряде этих публикаций (особенно у В.Н. Шнитникова) вопрос о расселении синей птицы рассматривается очень подробно, с подразделениями на этапы и т.д. К настоящему времени крайним северо-восточным пределом гнездования является каньон р. Чарын (Кубыкин, 1991) и ущелье Б. Кокпака в Центральном Тянь-Шане (рис. 315), где в 1996 г. В.Г. Березовский обнаружил жилое гнездо синей птицы (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Пролёт нигде не выражен, в том числе на Чокпаке, где весной и осенью встречаются редкие единицы, а свидетельством стремления к дальнейшему расселению можно считать залёты в горы Чулак на правом берегу Или (15 апреля 1973 г., Ю.Н. Грачёв) и в песчаную пустыню Таукум в низовьях Или 27-29 апреля 1996 г. (Березовиков, Ерохов, 1996). Отсутствует на сыртах высокогорья южной части Центрального Тянь-Шаня (Тарасов, 1961; Крылов, 1969; Шукуров, 1986).

В Каратау первую, явно залётную синюю птицу встретил в урочище Беркара 5 апреля 1941 г. И.А. Долгушин (1951), там же одиночку отмечал 12-13 апреля и 2-3 мая 1986 г. В.Г. Колбинцев (1991), а мне она попалась в середине июня 2002 г. намного западнее – в районе Большой Туры; в августе того же года гнездование её отметили на рр. Кокбулак и Боролдай, где взрослых птиц видели 5 раз (Чаликова, 2004, 2012; Чаликова, Колбинцев, 2005). Позднее (21-22 мая 2009, 30 июня 2013 гг.) там же и на водопаде у пещеры Кара-Унгур видели поющего самца и птиц, носящих корм в скалы; а 27 апреля 2015 г. от устья Улькен Бугуни до пос. Байжансай в нескольких местах встречали поющих самцов (Губин, Белялов, 2017)

Численность. Обычная гнездящаяся птица горных ущелий Западного Тянь-Шаня. На южных склонах Чаткальского хребта, где в 70-х гг. найдено 10 кладок, численность на гнездовье, видимо, предельная, хотя более конкретные данные не приводятся (Митропольский и др., 1981). В долине Пскема обычна, в июле-августе 2002 г. в верховьях встречено 76, а летом 2003 г. в нижней части долины – 95 особей (В. Ковшарь, 2003, 2004), летом 2015 г. – 16, а 2016 г. – 25 синих птиц (Тен и др., 2017). В ущелье Сайрамсу (Угамский хребет) 17-20 апреля 1982 г. учтено 4-6 пар на 11 км русла

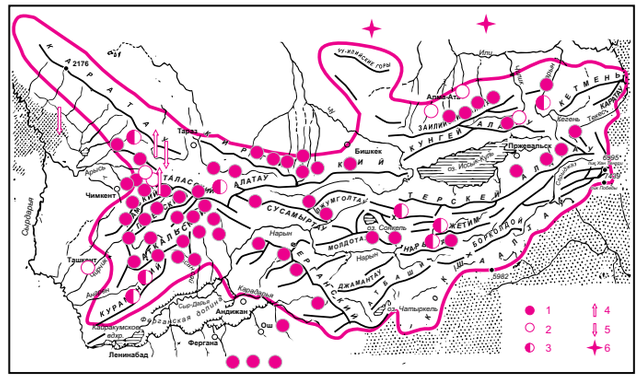

Рис. 314. Ареал синей птицы и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 475
Рис. 315. Распространение синей птицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – залёт

реки (Скляренко, 1991). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1962-1965 гг. в долине Балдабрека гнездилось ежегодно по 7-8 пар; в эти годы в заповеднике найдено 9 (Ковшарь, 1966), в 1971-1973 гг. – 6 жилых гнёзд (Губин, 2012); в 1980-1981 гг. в заповеднике, исключая каньон р. Аксу, гнездилось около 20 пар синих птиц (В. Ковшарь, Ишков, 1991).

В Сарычелеке летом 1925 г. добыли 7 экземпляров и сочли синюю птицу «очень многочисленной» (Кашкаров, 1927), в списке птиц заповедника она числится как обычная оседлая (Воробьёв, Чичикин, 1966), а по учётам 1982-1983 гг. в поймах рек гнездится до 6 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). Немного северо-восточнее, на стыке Таласского Алатау и Сусамыртау, оказалась очень обычной в ущелье Чичкан, где в июле 2003 г. мы отметили 16 особей из 30, встреченных за всю экспедицию (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) в 1957-1960 гг. А.А. Кузнецов (1962) в 17 экскурсиях, проведенных выше 2000 м, учёл 28 синих птиц. Там же в 80-х гг. на территории национального парка ежегодно гнездилось 5-6 пар, плотность на гнездовании составила 0.83-7.49 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Заилийском Алатау достаточно обычна: в Каскеленском ущелье гнездится 4-5 пар (Иващенко, Бекбаев, 2014), в Б. Алматинском – 5-6 пар (Ковшарь, 2010), на р. Тургень в 1986 г. нашли 7 жилых гнёзд (Кушекова, Булгакова, 2014). На территории Алматинского заповедника в 1988 и в 2003 гг. гнездилось по 22 пары синих птиц (Джаныспаев, 1989; 2004: КОБ-2003). В Терской Алатау в ущелье Чон-Кызылсу в 1953-1954 гг. гнездилось 4 пары (Степанян, 1959). Южнее очень обыкновенна по ущельям южного склона Ферганского хребта и северного склона восточной части Алайского хребта, а в некоторых из них (Кичи-Алай, Исфайрам-сай, Дугоба, Калай-Махмуд) численность синей птицы даже выше, чем в восточных частях Западного Тянь-Шаня, например, в Чичкане (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В целом синяя птица довольно обычна на большей части своего распространения в Тянь-Шане и лишь на северо-востоке ещё редка. Надо сказать, что в связи с экзотическим внешним видом и прекрасным пением синяя птица во второй половине XX ст. стала излюбленным объектом клеточного содержания (у меня одна птица, взятая птенцом в 1965 г., прожила 17 лет!) и в ближайших

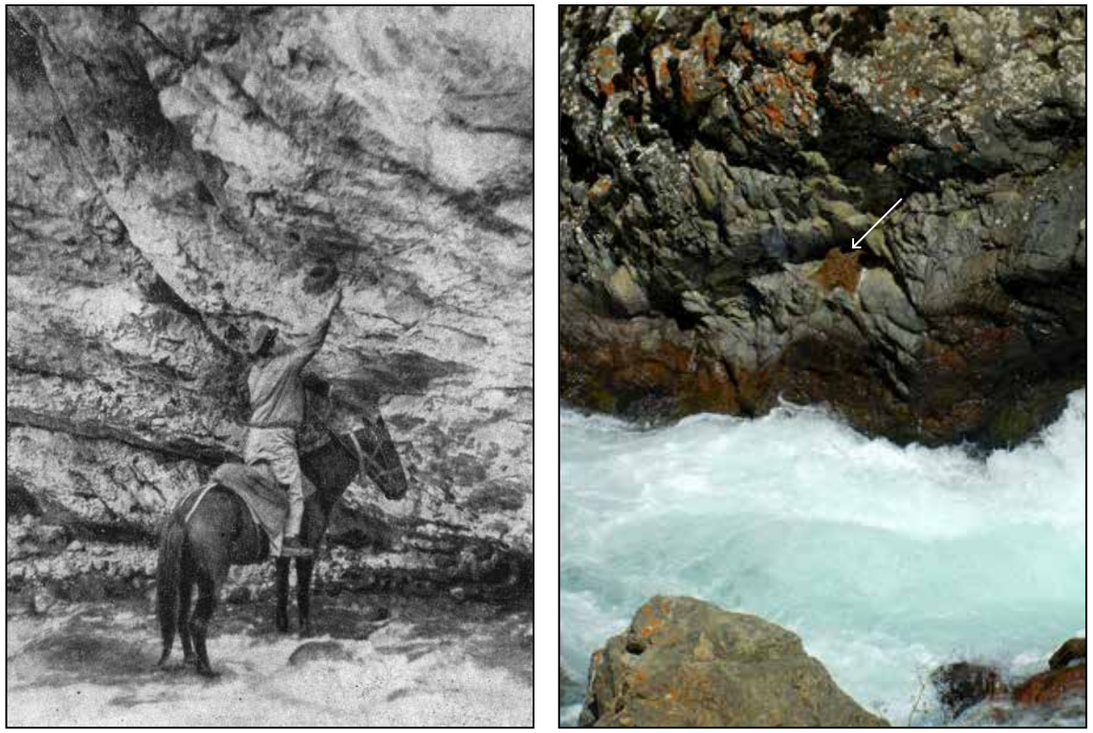

Рис. 316.Типичные места расположения гнёзд синей птицы над горным потоком в Таласском Алатау.
Слева - фото И.А. Кривицкого (1963 г.), *справа* - фото автора (2014 г.)

окрестностях крупных городов её птенцов стали изымать из гнёзд птицеторговцы. Поэтому она была занесена в Красную книгу Казахстана как уязвимый вид и с 1978 года охраняется законодательством. Однако численность её в последние годы остаётся высокой.

Сроки. Даты. Весеннее движение к местам гнездования отмечается с марта до середины апреля и даже начала мая. На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня появляются явно в марте, так как в первой половине апреля уже находили их кладки (Митропольский и др., 1981). В Аксу-Джабаглы в 1973 г. на местах гнездования встречались с 23 марта (Губин, 1991). На Чокпаке явно пролётных одиночек встречали 5 мая 1969 г. и 20 апреля 2004 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В Беркаре (Малый Каратау) залётную отметили 5 апреля 1941 г. (Долгушин, 1951), а в 1986 г. – 12-13 апреля и 2-3 мая (Колбинцев, 1991). В ущелье Джиланды (Терской Алатау, Иссык-Кульская котловина) первых синих птиц отметили уже 19 марта 1961 г., а в середине апреля они уже заняли гнездовые участки (Шукуров, 1986).

Осенние перемещения синих птиц замечены с сентября, когда они начинают появляться в местах, для них не свойственных. Так, на Чокпаке, одиночку встретили 13 сентября 1973 гг., двух птиц – 20 октября 1971 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 2016 г. – даже 26 августа отловили и окольцевали (А. Гаврилов и др., 2017). В сентябре и октябре встречали синих птиц также в с. Каменка у южной окраины города Алматы (Иващенко, Бекбаев 2015). В это же время синюю птицы встретили и вдали от гор: 28 октября 2013 г. в туранговом лесу по правому берегу р. Сырдарья (район моста на автотрассе «г. Туркестан – с. Балтаколь»), в 200 км западнее мест её гнездования в хребте Боролдай (Чаликова, 2013). В последние годы всё чаще синие птицы стали встречаться в зимнее время, как правило, редкими одиночками (см. рис. 315). Большинство обозначенных на этой схеме мест зимних встреч относится к новейшему времени, только ташкентская – столетней давности: «Лишь однажды зимой (между 1920 и 1926 гг.) студент А.П. Коровин видел на берегах канала Анхор в городе синюю птицу» (Мекленбурцев, 1982, б). В Иссык-Кульской котловине, на зимних учётах, проводившихся в январе-феврале 1962 г., она не встречена (Второв, 1963), так же, как и в 2004-2006 гг.

Биология. Само название и экзотические места обитания создали ореол таинственности вокруг этой птицы, предопределили интерес к ней орнитологов и любителей содержания птиц. Однако после блестящего очерка, написанного Н.А. Зарудным (1912) по наблюдениям на юге Западного Тянь-Шаня, долгое время ничего нового орнитологам узнать не удавалось. Короткую, но очень интересную статью о биологии синей птицы с описанием найденного в Заилийском Алатау гнезда и наблюдений за ней в неволе опубликовал И.Ф. Бородихин (1960). В 1962-1966 гг. в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) мне удалось провести ряд наблюдений за 9 гнёздами синей птицы (Ковшарь, 1966, 1967), там же в 70-90-х гг. собраны дополнительные сведения с описанием по крайней мере 10 гнёзд (Белоусов, 1991; Губин, 1991, 2012; Иващенко, 1991; В. Ковшарь, Ишков, 1991). Материалы о 10 кладках синей птицы, собранные в хребтах южного макросклона Западного Тянь-Шаня, имеются в статье по оологии птиц (Митропольский и др., 1981). Для Заилийского Алатау подборку данных о гнёздах синей птицы опубликовали А.Д. Джаныспаев и другие авторы в сборнике «Редкие птицы и звери Казахстана» (1991, с. 252-259).

Для Киргизского Алатау ряд сведений о гнёздах синей птицы опубликовали Е.П. Спангенберг и А.М. Судиловская (1959), немало данных Е.П. Спангенберга по этому хребту за 1936 г. приводит в своей монографии В.Н. Шнитников (1949). Для Терской Алатау подробное описание 4-х гнёзд приводит Л.С. Степанян (1959), обзор сведений по Казахстану сделан в видовом очерке третьего тома «Птицы Казахстана» (Ковшарь, 1970), интересные биологические сведения есть в книге «Птицы еловых лесов Тянь-Шаня» (Шукуров, 1986).

Кроме того, отрывочные сведения по биологии синей птицы имеются в фаунистических статьях последних лет (Ковшарь, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007; Карпов, Белялов, 2007; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018).

На рис. 316 показано типичное расположение гнезда синей птицы – открыто на скале над горным потоком. В последние годы в местах, где мало или нет подходящих скал, синие птицы всё чаще используют вместо них предметы антропогенного происхождения, среди которых на первом месте – мосты (Шукуров, 1986; А. и В. Ковшарь, 1991; Кушекова, Булгакова, 1991; Шукуров, Кормилицын, 2005). В ущелье Аксай (Таласский Алатау) одно гнездо было устроено на шлюзе неработающей

гидростанции (Иващенко, 1991). В противоселевой плотине урочища Медео (М. Алматинское ущелье Заилийского Алатау) в 1983 г. синяя птица построила гнездо в металлической трубе в потолке штольни, через которую сбрасывалась вода через тело плотины; под гнездом в 3 м проходил мощный поток, создавая в самой штольне и у выхода из неё низкую температуру; в этом гнезде 29 мая 1983 г. птица насиживала кладку, а 7 июня шло вылупление: в 12 час находился только что вылупившийся птенец и 2 яйца (В. Ковшарь, Ященко, 1991). В том же ущелье выше плотины пара синих птиц устроила гнездо в бетонном кубе размером 1х1х1 м (1 м^3), лежащем посередине речки; гнездо находилось в центре куба, в полуметре от округлого входа диаметром 30 см; с 13 по 26 июня 1988 г. птицы носили в гнездо корм, а 27 июня небольшой сель сместил этот куб с гнездом на 3 м вниз по течению реки. В этом же кубе синие птицы благополучно гнездились в 1989 и 1990 гг. (А. и В. Ковшарь, 1991). В целом при большом массиве накопленных фактов биология синей птицы в Тянь-Шане всё же не может считаться хорошо изученной. Желательно провести цикл специальных исследований биологии размножения этого вида с применением индивидуального мечения.

296. Пёстрый каменный дрозд – *Monticola saxatilis* (Linnaeus, 1766)

(rufous tailed) rock trush (англ.), Steinrötel (нем.), merle de roche (фр.),
алабажақ сайрақ (каз.), ала соё (кирг.), дурочи ало (тадж.), ола тош шақшақ (узб.)

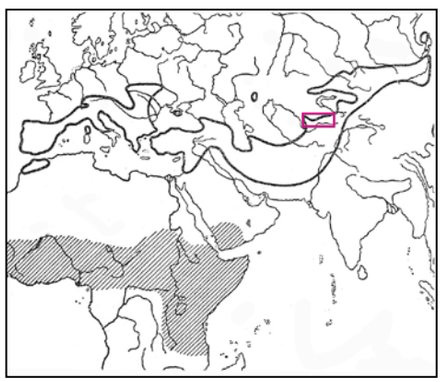
Синонимы: *Lanius infaustus minor* Gmelin, 1789; *Turdus ruber* Frenzel, 1801; *Saxicola montana* Koch, 1816; *Petrocossyphus gourcii* Brehm, 1831; *P. polyglottus* Brehm, 1831; *Petrocincla vulgaris* Brehm, 1863.

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане один – *Monticola saxatilis turkestanicus* Zarudny, 1918.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке (рис. 317).

Биотоп. На гнездовании всюду связан со скалами и другими каменистыми обнажениями, особенно в местах, где они чередуются с открытыми склонами и отдельными кустами. Сплошного леса избегает. В горах гнездится от каньонов на выходе их в предгорную степь (например, каньон р. Аксу в Западном Тянь-Шане) до верхней границы субальпийского пояса и нижних частей альпийского (1100-3500 м).

Распространение. Через наш район проходит участок северной границы ареала вида (рис. 317). Здесь пёстрый каменнный дрозд распространён достаточно широко (рис. 318), а отсутствие обозначений в целом ряде мест (Таласская долина, Южный склон Ферганского хребта), скорее всего обусловлено недостатком сведений в литературе. Обращает на себя внимание, что в большинстве мест наблюдается весенний пролёт и практически отсутствуют данные об осеннем (кроме Карачингиля, где осенью он также бывает редко).

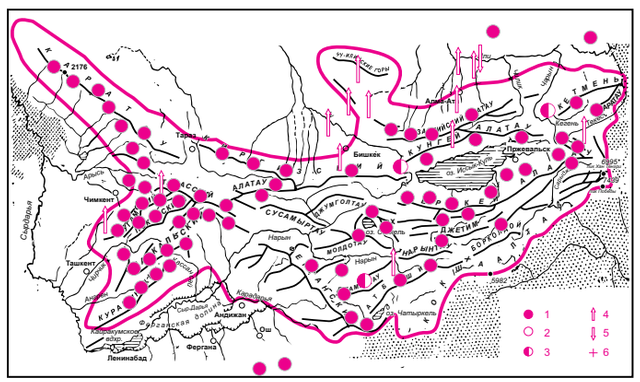

Рис. 317. Ареал пёстрого каменного дрозда и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 479
Рис. 318. Распространение пёстрого каменного дрозда в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – встречи летом, 4 – пролёт

Численность. Немногочислен даже в тех местах, где является обычной птицей. Так, в западной части хребта Терскей Алатау (Корумду, Коксай и Алабаш), где численность пёстрого каменного дрозда выше, чем в лесистой восточной половине, в середине июня 1953 г., когда большинство самок ещё сидели на яйцах, можно было встретить до 10-15 самцов за экскурсионный день, а в конце июля, после вылета птенцов, – до 20 особей в день (Степанян, 1959). Для хребта Атбаши есть данные о гнездовании 3 пар на протяжении 3 км (Птицы Киргизии, 1960). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) выше 2000 м с 1 мая по 11 августа 1957 г. пёстрого каменного дрозда встретили всего 6 раз (Кузнецов, 1962 б), а в западной части того же хребта (ущелья Шикимбай-сай, Ойранды, Чунгур-сай) 12-17 июля того же года пёстрые каменные дрозды «были многочисленны», встречались выводками, самцы ещё пели в полную силу (Корелов, 2007). Кстати, в Ала-Арче в 80-90-х гг. плотность на гнездовании у этого вида определена в 0.42-10 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Для Сарычелека приводится как очень редкий (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966), а в 1986-1987 гг. гнездился здесь только в арчовом редколесье (Лебяжинская, 1992). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933 г. Л.М. Шульпин (1965) нашёл пёстрого каменного дрозда «довольно обыкновенным», о чём косвенно свидетельствуют и 7 добытых им экземпляров. Столь же обычным был он и в 1959-1966 гг., когда найдены 2 гнезда, встречено много выводков и добыто 10 птиц (Ковшарь, 1966). В 1971-1973 гг. здесь же найдено 6 гнёзд, а на маршруте от Кши-Каинды до Топшаксаза (1800-2700 м, более 15 км) 10 августа 1973 г. встречено 10 одиночных пёстрых каменных дроздов (Губин, 2012). Начиная с 80-х гг. численность пёстрого каменного дрозда в заповеднике снизилась, что некоторые авторы связывают с уменьшением антропогенной нагрузки на пастбища (Митропольский, 2002; Чаликова, 2006). В массиве Келиншектау (северная часть Каратау) «является фоновым видом. Здесь 10 мая 2002 г. плотность гнездования составила 3 пары на 1 км маршрута, а два осмотренных гнезда содержали 4 и 5 птенцов в возрасте 10 дней (Гаврилов, Колбинцев, 2002, 2003)» (Губин, Белялов, 2017, с. 117). На весеннем пролёте на Чокпаке учитывали до 10-15 особей за 1-2 часа учёта, а осенью встретили единственный раз 22 августа 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В верховьях Пскема в июле-августе 2002 г. встретили более 30 особей (В. Ковшарь, 2003), а в 2016 г. почти в тех же местах (Байкыраксай, Аккапчигайсай, Восточный Аютор) – 24 особи (Тен и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной прилетают и пролетают в основном в апреле и только однажды, после сильного снегопада, прошедшего 7 марта 1960 г., самец пёстрого каменного дрозда отмечен в предгорьях Таласского Алатау; обычно же первых здесь встречали 27 апреля 1949, 20 апреля 1963 и 1965, 3 мая 1961 гг. (Ковшарь, 1966). В долине Пскема, на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, в середине апреля 1949 г. самцы уже были многочисленными, а самки появились 26 апреля (Корелов, 1956), в районе Казгурта тот же автор отметил много пролётных 26 и 27 апреля 1958 г. На Чокпаке первых видели 23-24 апреля 1966, 16 апреля 1967, 18 апреля 1968, 3 мая 1969 гг.; последних – 11 мая 1968, 20 мая 1969 и 12 мая 1980 гг. (Гаврилов, 1970; Гаврилов, Гисцов, 1985). В Малом Каратау десятки пролётных зарегистрированы с 19 апреля до середины мая 1991 г. (Губин, Белялов, 2017). «В Анархае в небольшом числе преимущественно самцов встречали с 26 апреля по 2 мая 1950 г. У подножий Заилийского Алатау появление первых зарегистрировано 27 апреля 1954 г. и 28 апреля 1957 г., но в районе Большого Алматинского озера (2750 м) первого видели в 1965 г. только 13 мая» (Гаврилов, 1970, с. 510). В последнем месте, на высоте 2500 м, во время стационарных наблюдений мы встречали пёстрых каменных дроздов с 7 мая 1971 и 1974 гг. и 9 мая 1975 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Однако намного восточнее, на берегу озера Тузколь (Центральный Тянь-Шань) 18 апреля и 2 мая 1999 г. в скалах встречены уже территориальные самцы (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В долине Копы редкие одиночки летели 4-25 мая 1987 г. и с 13 апреля по 12 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле, где этот вид редок на пролёте, одиночных самцов отмечали 26 апреля 2006 г. и 27 апреля 2007 г., а четырёх самцов и самку – 6 мая 2004 г. (Бевза, 2012).

Осенний пролёт нигде не выражен. В Карачингиле молодая птица встречена 10 августа и 2 взрослых – 9 сентября 2004 г., в 2011 г. молодая птица – 1 сентября (Бевза, 2012). В окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м), где летом пёстрый каменный гнёзд не встречается, осенью мы отмечали его 11 и 22 августа 1973 г., 8 и 28 августа 1974 г., 8, 10 и 19 августа 1975 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйской долине залётные, как полагает автор, были добыты 21-24 августа (Умрихина, 1970). На Чокпаке единственная встреча осенью – 22 августа 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В горах Таласского Алатау (на территории заповедника Аксу-Джабаглы) в 1959-1966 гг. я не встречал взрослых пёстрых каменных дроздов позже середины августа, молодых видел ещё 21-24 августа 1963 г. (на всём протяжении от Кши-

Каинды до Топшака – только один!) и 28 августа 1964 г. (на том же пути – 10 особей в разных местах). Л.М. Шульпин (1965) встречал здесь последних 5 сентября 1933 г. и даже 15 сентября 1935 г. В Каратау с 25 августа по 15 сентября 2002 г. пёстрого каменного дрозда встретили только 30 августа и 2 сентября в долине р. Боролдай (Чаликова, Колбинцев, 2006); в обоих случаях были самки, а скорее всего – молодые птицы. Примерно те же сроки приводятся для Памиро-Алая: «Осенний отлёт длится с конца августа до конца сентября; на Памире Абдусалямов встречал их до 20-22 сентября, на Зеравшане – до 10-х чисел сентября; на р. Пяндж добыт Розановым 17 сентября. В октябре он не отмечался ни разу» (Иванов, 1969, с. 265).

Биология. В Тянь-Шане не изучена. Сведения о 14 кладках (описание вариаций рисунка и размеров 61 яйца, размер кладки) приведены по материалам из южных хребтов Западного Тянь-Шаня (Митропольский и др., 1981). Для Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) опубликованы данные о 9 жилых гнёздах, в том числе: расположение и устройство гнёзд; окраска и размеры яиц; результаты наблюдений за ростом и развитием птенцов в гнезде и поведением взрослых при их выкармливании; состав кормов птенцов и взрослых птиц (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Упоминания о трёх гнёздах (хребты Терской Алатау и Атбаши, Алайская долина) имеются в сводке Птицы Киргизии (1960), где также приведены интересные сведения о гибели пёстрых каменных дроздов после больших снегопадов в горах – 13 мая 1957 г. в предгорьях Кунгей Алатау и 2 августа 1956 г. в верховьях р. Сарыджаз (там же, с. 216); 9 июля 1958 г. в бассейне Сарыджаза, слётков со взрослыми наблюдал П.П. Тарасов (1961). Наблюдения за двумя гнёздами в верховьях Текеса опубликовал А.А. Винокуров (1961). Некоторые интересные биологические подробности можно найти в других публикациях (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Гаврилов, 1970; Шукуров, 1986; Торопова, 1999; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). Анализ всех опубликованных материалов не даёт оснований для предположений о второй кладке: в условиях Тянь-Шаня пёстрый каменный дрозд является моноцикличным видом, как предполагал ещё Л.С. Степанян (1959).

297. Синий каменный дрозд – *Monticola solitarius* (Linnaeus, 1758)

blue rock trush (англ.), Blaumerle, Blaudrossel (нем.), merle bleu, petrocincle bleu [solitaire] (фр.), көк сайрақ (каз.), кок соё (кирг.), дурочи кабуд (тадж.), кўк тош шақшақ (узб.)

Синонимы: *Petrocincla pandoo* Sykes, 1832; *P. maal* Sykes, 1832; *P. affinis* Blyth, 1843; *P. longirostris* Blyth, 1847; *Turdus erythropterus* Gray, 1860; *Monticola cyanus tenuirostris* Hermann Johansen, 1907; *M. cyanus transcaspicus* Hartert, 1909.

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане один – *Monticola solitarius pandoo* Sykes, 1832.

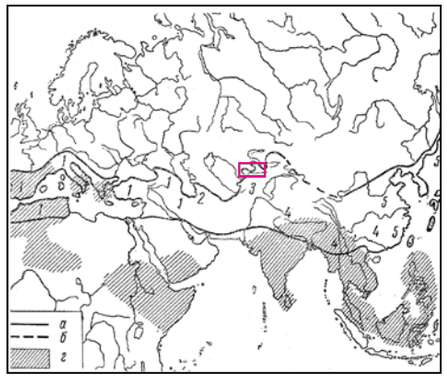
Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии (рис.319).

Биотоп. Подробно описан для Семиречья: «Синий каменный дрозд – настоящая скалистая птица; любимым местом обитания его служат узкие каменистые ущелья с возвышающимися по сторонам скалами сланца тёмных цветов и даже такие мрачные места как глубокий каньон Нарына, особенно если окраска породы переходит в синевато-чёрные тона, напоминающие окраску самой птицы. Однако сланцевые скалы являются не исключительным местообитанием нашего дрозда, и я видел его в достаточном количестве, например, в долине р. Чаманды, в том месте, где окружающие горы были сложены из конгломератов. Для больших высот этот дрозд не известен: 2000-2300 м, пожалуй, наибольшая высота, для которой он отмечен; опускается же очень низко – до высоты 500, а может быть и 400 м, лишь бы имелись настоящие скалы» (Шнитников, 1949, с. 533). Сходным образом описаны места обитания синего дрозда также в Таласском Алатау: «В период гнездования это птица каменистых обнажений, держащаяся у обрывов, в щелях и на уступах которых лепятся кустики таволги, эфедры и других растений. Вне скал и расположенных по соседству каменных осыпей и развалов я их в этот период не видел… Птицы явно обычнее на более прогреваемых солнцем скалах и в глубоких учщельях, и в каньоне Аксу, например, значительно многочисленнее, чем в ущелье Джабаглы. Можно предположить, что это более южная и более теплолюбивая птица, проникновение которой кверху зависит и от прямых климатических факторов» (Шульпин, 1965, с. 171-172). Верхний предел высотного распределения их здесь в гнездовый период не превышает 1900 м, на такой же высоте (1850 м) встретил я его и в Алайском хребте. И только после вылета птенцов синего каменного дрозда можно встретить и вдали от скал – на камнях у речки и среди деревьев, иногда даже на открытых луговых

участках (Гаврилов, 1970). Единственное упоминание о гнездовании в глинистых обрывах в долине Угама (урочище Кызылтал) принадлежит М.Н. Корелову (1956).

Распространение. Через наш район проходит участок северной границы ареала вида (рис. 319), что отражено в описании ареала подвида *M. s. pandoo*: «Большой Балхан, Копетдаг, Западный Памир, Алайская система, Тянь-Шань к северу до Каратау, северного склона Киргизского хребта, Чу-Илийских гор, северного склона Джунгарского Алатау» (Степанян, 2003, с. 565). Детали этого участка границы (рис. 320) описаны в третьем томе «Птицы Казахстана»: «В Казахстане гнездится только по хребтам Тянь-Шаня. Довольно обычен в скалистых ущельях юго-западных отрогов Чаткальского хр. (Чимган), в Каржантау, в Угамском и Пскемском хребтах, в Таласском Алатау, в юго-восточной половине Каратау и на северных склонах Киргизского хр. В Чу-Илийских горах гнездится вплоть до Хантау, а возможно, проникает и до крайнего к северу останца – горы Джамбул, где И.А. Долгушин пару птиц встретил 21 мая 1952 г. Очень обычен в безлесных западных отрогах Заилийского Алатау – в горах Кендыктас и доходит, по-видимому, до Чемолганского ущ., но тут уже редок. В центральной лесной части Заилийского Алатау крайне редок и встречается спорадично (ущ. Иссык), но далее к востоку, в сухих и низких восточных отрогах этого хребта, в горах Турайгыр, Сюгаты и Богуты вновь становится обычным. В Кетмене не найден» (Гаврилов, 1979, с. 514). К этому следует добавить, что в Каратау найден не только в юго-восточной половине, но и северо-западнее, в районе Чаяна и Мынжилке (Долгушин, 1951), а также в Келиншектау (Корнев, 2016; Губин, Белялов, 2017). На крайнем северо-востоке в 1899 г. гнездился в Тышкане около Джаркента, но здесь был редок (Зарудный, Кореев, 1905). В Центральном Тянь-Шане не найден, приведенная на картосхеме сводки «Птицы Семиречья» (с. 531, карта 114) точка в излучине Кегени – Чарына, относится скорее всего к каньону Темирлика (рис. 320), где имеются подходящие условия для гнездования этого вида (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Во внутренних районах Тянь-Шаня гнездится в западной части Терской Алатау, в Боомском ущелье на р. Чу (между Кунгей-Алатау и окончанием Киргизского хребта), в хребтах Молдотоо, Джумголтау, Сусамыртау и в Чаткальском хребте в районе Сарычелека; а также в долине р. Тар на южном склоне Ферганского хребта и по северному склону восточной части Алайского хребта (Кашкаров, 1927; Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1992; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. Как правило, ниже, чем у пёстрого каменного дрозда; во многих местах просто редок, но в 30-х гг. в верхних частях саёв Чирчик-Ангренского водораздела их было довольно много (Железняков, 1950). Видимо, нередок был в 1925 г. на Сарычелеке, так как говоря о его относительной редкости в этих местах, Д.Н. Кашкаров (1927) приводит перечень из 8 добытых экземпляров; а спустя 60 лет, в 1986-1987 гг. в этом заповеднике найден на гнездовании только в елово-ореховом лесу (Лебяжинская, 1992). Интересны в этом отношении свидетельства столетней давности: «Зарудный и Кореев говорят, что синий каменный дрозд довольно обыкновенен в Буамском и Кастекском ущельях. Я нашёл его в большом количестве в ущелье Уч-Тюбе, немало их было и в Чамандах; в ущелье же по пути на перевал Эмель он держался в таком количестве, что у меня в дневнике для характеристики его многочисленности в этом месте употреблено слово «масса» (Шнитников, 1949, с. 533). В ущелье Карабалты (Киргизский Алатау) в 1934 г. был также немалочислен – Е.П. Спангенберг

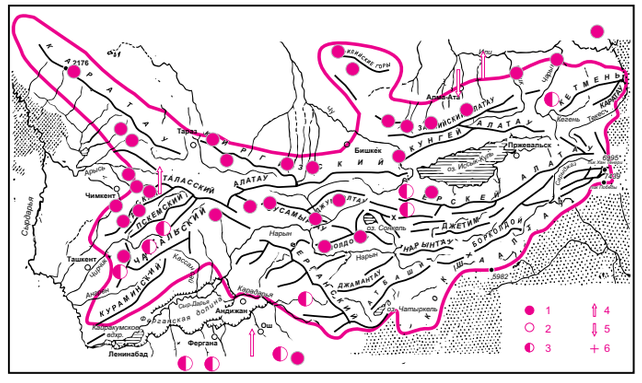

Рис. 319. Ареал синего каменного дрозда и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 483
Рис. 320. Распространение синего каменного дрозда в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

добыл здесь 7 экземпляров. В западной части этого хребта в июле 1957 г. М.Н. Корелов (2007) встречал его неоднократно в ущельях Ойранды, Чунгурсай, Куртыбай, Узунбулак; а в последнем ущелье 5 июля 1960 г. он был просто многочислен (Корелов, 2012). Однако во второй половине XX ст. наметилось повсеместное снижение численности этого вида, ставшее особенно заметным к концу столетия. Так, в Таласском Алатау, где синий каменный дрозд был довольно обычен в 1933-1935 и 1959-1966 гг. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966), в 1971-1973 гг. его встретили всего несколько раз (Губин, 2012), а вскоре и вовсе перестали встречать: последний раз гнездо его найдено в 1981 г. (Иващенко, 1982), а следующая встреча выводка состоялась в 2004 г.; взрослых за эти 23 года видели всего 9 раз (Чаликова, 2005, 2006, 2012; Ковшарь, 2017). Интересное суждение о причинах снижения численности синего каменного дрозда высказал О.В. Митропольский (2002): «В последние десятилетия идёт неуклонное снижение общей численности этого вида в Средней Азии вообще и в Западном Тянь-Шане в частности. Нам известно не менее десятка мест, где этот вид перестал гнездиться, причём в большей их части обстановка в местах гнездования существенно не изменилась. Мы думаем, что основная причина падения численности вида – неблагоприятная ситуация на его афганских зимовках. В то же время в ряде мест в нашем районе синие дрозды исчезли при синантропизации нижних частей горных долин (расширение площади населённых пунктов, строительство кемпингов и зон отдыха, увеличение числа отдыхающих). В целом этот вид – хороший индикатор освоенности ландшафта» (с. 163). Немного обнадёживают результаты наблюдений в долине Таласа: «Был обычен 25 июня [2017 г. – *AK*] в ущелье хребта Эчкили-тоо. Отметили семь поющих самцов, трёх самок и нашли гнездо с птенцами, куда родители носили корм» (Архипов, Коблик и др., 2018, с. 91). Возможно, эти наблюдения – свидетельство начавшегося восстановления численности синего каменного дрозда в Тянь-Шане.

Сроки. Даты. Весной прилетают в конце апреля – начале мая. В долине Пскема они появились 24 апреля 1954 г., на Казгурте 27 и 28 апреля 1958 г. (уже гнездовые пары!), а в Боролдае (Каратау) – 27 апреля 1958 г. (Корелов, 1956, 2007, 2012), в Таласском Алатау – 29 апреля 1965, 4 мая 1962 и 9 мая 1963 г. (Ковшарь, 1966); на Чокпаке одиночек встретили 11 мая 1968 г. и 10 мая 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Однако в Ферганской долине (Сулейман-гора на окраине города Ош) одного добыли очень рано – 25 марта 1956 г. (Птицы Киргизии, 1960). Это аномальная дата, так как даже южнее, в Памиро-Алае их не встречали раньше 21-28 апреля (Иванов, 1969). Вблизи Алматы самец добыт 2 мая 1956 г., в горах Чулак на правом берегу Или – 3 мая 1949 г., а в Анархае (Чу-Илийские горы) одиночку встретили 10 мая 1950 г. (Гаврилов, 1970). В Карачингиле единственная встреча самки этого дрозда – 2 мая 2008 г. на берегу Капчагайского вдхр. (Бевза, 2012). Осенний пролёт не выражен. Около с. Темирлик (между Чарыном и Кетменём) самку добыли 28 августа. В Заилийском Алатау, западнее Чемолгана, одиночных встречали 10-11 сентября 1955 г. В Боролдае (Каратау) одиночных самцов наблюдали до 30 августа 1938 г. (Гаврилов, 1970). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в каньоне Аксу 24 августа 1961 г. синих каменных дроздов было ещё много – возможно, шёл их пролёт. Самые поздние встречи здесь – 31 августа 1933, 3 сентября 1949 и 4 сентября 1935 гг. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). Южнее, в Памиро-Алае, осенний пролёт идёт в сентябре, обычно заканчиваясь к 23-25 сентября, самый поздний синий дрозд добыт на Пяндже 7 октября (Иванов, 1969). Ещё позже – 31 октября 1971 г. – одного добыл в с. Новониколаевка Б.М. Губин (2012).

Биология. Ещё менее известна, чем у пёстрого каменного дрозда. Специальных исследований биологии этого вида не проводилось, нет и посвящённых ему публикаций. Лишь в отдельных работах приводятся упоминания о найденных гнёздах и встреченных выводках. В Карабалтинском ущелье (Киргизский Алатау) в 1934 г. Е.П. Спангенберг нашёл 26 мая и 12 июня две кладки по 5 яиц – свежих и насиженных (Гладков, 1954). В Кашкарате (Каратау) 10-15 мая 1958 г. шло строительство гнёзд, самцы интенсивно пели (Корелов, 2012). В Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) Л.М. Шульпин (1965) отмечал уже лётные выводки со 2 июля 1933 г., а 24-27 июля «в каньоне р. Аксу выводки были многочисленны, хорошо летали и частью, видимо, разбились». Там же гнездо с тремя яйцами В.Д. Крестьянинов нашёл 24 мая 1949 г.; оно располагалось в полупещере конгломератовой скалы, в нише; рядом просачивались грунтовые воды. Там же, в каньоне Аксу, 30 мая 1960 г. пара синих дроздов отводила от гнезда, а 23 июня этого года в скале водопада Кши-Каинды я обнаружил пустое гнездо в трещине скалы на высоте около 1 м от земли. В средней части этой же скалы (120 м высотой) в нише размером 50х20 и глубиной 40 см 24 мая 1971 г. самка строила гнездо, а самец пел и совершал токовые полёты (Губин, 2012). В этом гнезде 31 мая и 10 июня самка насиживала 5 яиц, а 13 июня вылупились два птенца (Губин, 2012, с. 177).

В ущелье Узунбулак (западная оконечность Киргизского Алатау) 21 июля 1957 г. «в гнезде было четыре птенца в чёрном пуху и в пеньках», а 24 июля в ущелье Куртыбай видели самца с кормом (Корелов, 2007). В ущелье Джаманталды (Кендыктас, западная оконечность Заилийского Алатау), где на 1 км гнездились три пары, 3 июля 1960 г. из гнезда были взяты 4 оперяющихся птенца (Корелов, 2012), которых в условиях маршрутной экспедиции выкормил И.Ф. Бородихин, и 20 июля в Аксу-Джабаглы я наблюдал, как они уже свободно вылетали на зов кормильца и после кормёжки возвращались в клетку. В центральной части Заилийского Алатау, в районе озера Иссык, слётка синего каменного дрозда встретили 18 июня 1938 г. (Гаврилов, 1970), а в скалистых, почти лишённых растительности ущельях гор Сюгаты, Богуты и Турайгыр в начале июля 1940 г. птенцы уже покинули гнёзда (Корелов, 1948). В Чу-Илийских горах неполную кладку из двух яиц М.Н. Корелов нашёл 13 мая 1951 г. (Гаврилов, 1970).

Судя по этим материалам, сроки откладки яиц у этого вида значительно растянуты, однако для решения вопроса о наличии второго репродуктивного цикла необходимы дополнительные исследования.

298. Седоголовая горихвостка – *Phoenicurus caeruleocephala* (Vigors, 1831)

blue-capped redstart (англ.), Blaukopfrötel (нем.), rouge-queue à tête bleue (фр.), бозбас откұйрық (каз.), карала кышкуйрук (кирг.), норуи сафедсар (тадж.), оқбошли қизилқуйруқ (узб.)

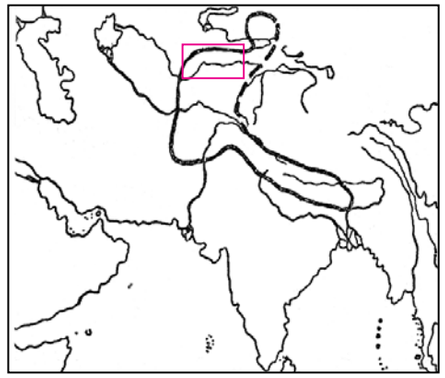
Синонимы: *Ruticilla lugens* Severtzov, 1873; *Phoenicura caerulea* Hodgson, Seebohm, 1881. Траурная (Шнитников, 1949), синеголовая (Портенко, 1954; Степанян, 1960), голубоголовая (Шульпин, 1965) горихвостка. Подвидов не образует.

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездящаяся перелётная птица, в сводке по птицам Казахстана сказано: «Область зимовки седоголовой горихвостки неизвестна» (Кузьмина, 1970, с. 600). Из Памиро-Алая также полностью отлетает к ноябрю, здесь местами хорошо выражен её пролёт (Иванов, 1969). Таким образом, утверждение «гнездящаяся, совершающая вертикальные кочёвки птица, частично подвигается на зиму в южном направлении» (Гладков, 1954, с. 571), возможно, относятся лишь к южной части её ареала (рис. 321).

Биотоп. Густые тенистые хвойные леса, особенно в сырых глубоких ущельях. На северной половине Тянь-Шаня это ельники, в Западном Тянь-Шане и Памиро-Алае – высокоствольные арчовники; в последнем их встречали и в кленовниках, березняках и тополевом лесу, во влажных местах (Иванов, 1969). У верхней границы леса в Заилийском Алатау эта горихвостка многочисленна в редколесье и на опушках (Ковшарь, 1979). Высотные пределы распространения на гнездовании 1800-2700 м. Есть указания, что в арчовых лесах Ферганского и Алайского хребтов она гнездится до высоты 3000 м (Птицы Киргизии, 1960, с. 237) и даже на высоте 3300 м в скалах альпийского пояса Чаткальского заповедника (Батурин, 1961; Головцов, 2007).

Распространение. Через Тянь-Шань проходит северная граница ареала вида (рис. 321). Здесь эта горихвостка населяет ельники Северного (Заилийский и Кунгей Алатау) и частично центрального (Кетмень и восточная половина Терской Алатау), отсутствуя в островных ельниках бассейна Сарыджаза; ельники восточной половины Киргизского хребта и большей части Таласского Алатау (рис. 322: Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Спангенберг, Судиловская, 1959; Винокуров, 1960, 1961; Кузнецов, 1962; Тарасов, 1961; Крылов, 1969; Кузьмина, 1970; Ковшарь, 1972, 1979; Ковшарь, Левин, 1975; Шукуров, 1986).

Во Внутреннем Тянь-Шане и близ его южных границ гнездится в ельниках верховьев Нарына (хребты Джетим, Нарынтау), горах, окружающих озеро Сонкуль, в небольшом числе – в хребте Атбаши, а также в еловых и арчовых лесах северных склонов Ферганского и Алайского хребтов (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972, Шукуров, 1986). Для Западного Тянь-Шаня до середины XX ст. было известно гнездование только в восточной части Чаткальского хребта, в районе Сарычелека (Кашкаров, 1927). В западной части Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933-1935 гг. встречалась только на осеннем пролёте (Шульпин, 1965), причём была довольно малочисленной. На гнездовании я нашёл её здесь только в 1963-1965 гг. – в небольшом числе и лишь в одном урочище; на пролёте в эти

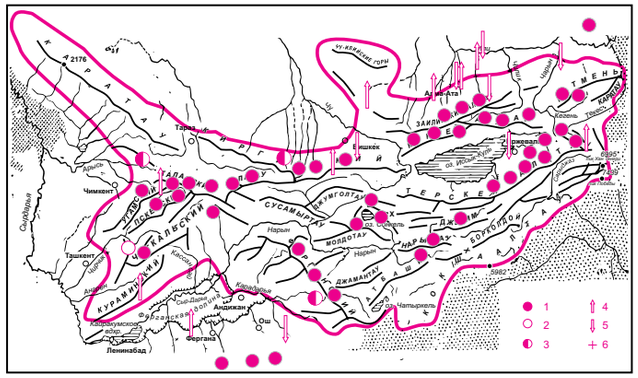

Рис. 321. Ареал седоголовой горихвостки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 571
Рис. 322. Распространение седоголовой горихвостки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

годы она была здесь многочисленна (Ковшарь, 1966). Вскоре седоголовая горихвостка заселила всю западную оконечность Таласского Алатау (Губин, 1989; Ковшарь, Чаликова, 1992; Чаликова, 2006) и в 2002 г. найдена на гнездовании уже в долине Пскема (В. Ковшарь, 2003, 2004). Вскоре её обнаружили на гнездовании в Чаткальском заповеднике (Белялова, 2005; Митропольский, 2005). По-видимому, уже гнездится и в Кураминском хребте, где 25 апреля 2003 г. встречен самец в густом арчовом лесу ур. Сарыташсай (В. Ковшарь, 2004). Не исключено также гнездование в арчовом редколесье хребта Боролдай (Каратау), где в ущелье Кокбет 22 мая 2016 г. сфотографировали самца (Нукусбеков, 2017, www.birds.kz). Пролёт седоголовых горихвосток хорошо выражен в горах и предгорьях – от Ферганской долины до Илийской долины (рис. 322).

Численность. На гнездовании в большинстве мест обычна, на пролёте бывает многочисленна. Местами отмечены значительные изменения численности по годам. Так, в первой половине XX ст. она в Семиречье «не представляла редкости, хотя и попадалась на глаза реже других горихвосток» (Шнитников, 1949, с. 556). В Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау в 1964-1967 гг. И.А. Долгушин, Э.И. Гаврилов и Э.Ф. Родионов нашли 25 гнёзд этого дотоле неизученного вида; там же в 1971-1974 гг. мы провели наблюдения у 85 жилых гнёзд (Ковшарь, 1979). Гнездовые участки здесь около 300-500 м в диаметре, а минимальное расстояние между соседними жилыми гнёздами – околоо 100 м. В густых сомкнутых ельниках восточной части Терской Алатау в 1953-1954 гг. за один день в июне можно было встретить 4-6 поющих самцов (Степанян, 1959). Там же, в ущелье Джиланды, с 1 по 3 июня 1959 г. студент М.Е. Шумаков встретил 5 выводков седоголовой горихвостки на площади 2 га (Птицы Киргизии, 1960). В ельниках Чонкемина (долина между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали до 50 особей/км^2 в средней части долины и столько же – в сомкнутых тенетравных ельниках, около 20 особей/км^2 в нижней части пояса леса (Второв, 1972). В Киргизском Алатау, в ущелье Туюк, летом 1951 г. это был самый многочисленный вид из горихвосток (Спангенберг, Судиловская, 1959). В ущелье Ала-Арча того же хребта в 1957-1960 гг. седоголовую горихвостку встретили на 43 маршрутах из 900, общим количеством 214 особей – чаще всего в древовидных арчевниках, а затем – в ельниках и смешанном лесу (Кузнецов, 1962). Там же в 80-90-х гг. плотность населения этого вида определили, как 0.83-30.89 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В елово-пихтовых лесах Сарычелекского заповедника (Чаткальский хребет) в 1982-1983 гг. гнездилось от 15 до 36 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в высокоствольных арчевниках Кши-Каинды (1800-1900 м) в 1971-1973 гг. найдено 12 жилых гнёзд (Губин, 1989, 2012). В 80-х гг. численность седоголовой горихвостки здесь повысилась, на постоянных маршрутах стали встречать до 0.1-0.4 особи/час (Ковшарь, Чаликова, 1992). Одновременно на рубеже XX и XXI вв. в Заилийском Алатау численность этого вида резко снизилась, что показали ежегодные многократные визиты орнитологов с группами бёрдвотчеров в окрестности Большого Алматинского озера: там, где в 60-70-х гг. седоголовая горихвостка была многочисленной, в мае-июне 2002-2006 гг. с трудом можно было встретить хотя бы одну птицу (КОБ-2002-2006: раздел «Birdwatching»).

Сроки. Даты. Весенний прилёт и пролёт – в марте-апреле. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первых седоголовых горихвосток отмечали: 15 марта 1944 и 1948 гг., 29 марта 1952, 27 марта 1961, 23 марта 1962 и 16 апреля 1963 гг.; самых поздних задержавшихся на пролёте – 26 мая 1961 и 10-15 мая 1965 г. в арчевниках Кши-Каинды, а также 9 мая 1963 в Талдыбулаке (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. за все весенние сезоны её встретили только раз – 7 апреля 1971 г. добыли самца (Гаврилов, Гисцов, 1985); но в следующие 35 лет (1982-2016) с 1 по 8 апреля (2003 и 2004) окольцевали 8 седоголовых горихвосток (А. Гаврилов и др., 2017). На работавших в 1973-1977 гг. миграционных стационарах в Чуйской долине этот вид не отмечали (Торопова, Шукуров, 1991). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) выше 2000 м они прилетели 1 апреля 1959 г. (Кузнецов, 1962), а в 80-90 х гг. прилетали в начале апреля, по снегу (Шукуров, Кормилицын, 2005). В городе Алма-Ата появлялись 11-13 апреля 1955 г. и 22-24 апреля 1957 г. после мощных снегопадов в горах; в 1955 г. отмечена гибель от истощения (Бородихин, 1968). В нижней части пояса елового леса в 1942 г. первые появились 4 апреля, а в конце месяца везде встречались парами. На Б. Алматинском озере (2500 м) в 1965 г. первый самец появился 16 апреля (Кузьмина, 1970), а в 70-х гг. мы отмечали их прилёт 9 апреля 1972, 17 апреля 1973, 16 апреля 1974, 11 апреля 1975, 21 апреля 1976 и 20 апреля 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). У посёлка Нарынкол (Центральный Тянь-Шань) в позднюю весну 1957 года стайки самцов по 3-5 особей наблюдали 21-26 апреля, а первую самку встретили 28 апреля (Винокуров, 1960 а). В долине Копы 13 и 14 апреля 1987 г. встречены одиночные самцы в степи у зимовок (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке седоголовых горихвосток встретили 24 марта 2008 г. и 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013), в Карачингиле – 28 марта 2010 г. и 4 апреля 2011 г. (Бевза, 2012). В те же сроки летят седоголовые горихвостки горами Памиро-Алая (Иванов, 1969), а в ущелье Джиланды (Терской Алатау) в 1961 г. пролёт их начался 28 марта и до середины апреля летели исключительно самцы (Шукуров, 1986).

Осенью с мест гнездовий отлетают в середине сентября (Терской Алатау: Шукуров, 1986). Так, на Б. Алматинском озере последних видели 1 сентября 1971 г., 8 сентября 1972 г. и 13 сентября 1973 г. Однако иногда задерживаются и намного дольше: там же их встречали 11 октября 1962 г., 20 октября 1961 г. и 18 октября 1976 г. (Кузьмина, 1970; Ковшарь, Лопатин, 1983). Пролёт идёт в сентябре и октябре. На Чокпаке с 13 сентября (2013) по 26 октября (2000) поймали и окольцевали 24 седоголовых горихвостки, срединная дата пролёта – 17 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау осенний пролёт этого вида также идёт в сентябре и октябре. В 1933 г. Л.М.Шульпин (1965) первых самцов отметил 8 сентября в субальпийском поясе верховьев р. Джабаглы, затем встретил их 18 сентября в арчёвом редколесье Кши-Каинды и 29 сентября – ещё ниже, в каньоне р. Аксу. В.В.Шевченко в 1943-1949 гг. встречал пролётных с 5 сентября 1948 г. по 28 октября 1949 г. В 1960 г. выраженный пролёт седоголовых горихвосток я наблюдал с 3 по 20 октября в арчевниках Кши-Каинды и Талдыбулака: за час можно было встретить от 10 до 20 особей. В 1961 г. пролёт проходил с 5 по 31 октября, пик его – 18 октября. В 1963 г. в бассейне Балдабрека пролёт шёл с 20 сентября до 15-16 октября, последний самец в этом году встречен в Новониколаевке 4 ноября. Ещё более поздние встречи – 11 ноября 1965 г. в Новониколаевке и 20 ноября 1965 г. – в долине Джабаглы. Вот краткая запись тех лет: «Летят стайками по 5-7 особей, чаще всего самки и самцы отдельно. Пролёт проходит почти исключительно горами и только в самом конце его, когда погода в горах слишком неблагоприятная (дожди, снег), седоголовые горихвостки появляются в сёлах» (Ковшарь, 1966, с. 310). В 70-х гг. самые поздние встречи этих горихвосток – 8 ноября 1971 г. в Новониколаевке и 10 ноября 1970 г. на кордоне Джабаглы (Губин, 2012). Зимой седоголовую горихвостку единственный раз встретил В.А. Вырыпаев 17 февраля 1973 г. в урочище Кушкутан Чаткальского заповедника (Головцов, 2007). Была ли это полноценная особь – не известно.

Биология. Наиболее полно, с применением индивидуального мечения, изучена в субвысокогорье Заилийского Алатау. Здесь проведены подробные наблюдения у 85 гнёзд на всех этапах гнездового цикла и результаты изложены в специальной статье и видовом очерке книги (Ковшарь, Левин, 1975; Ковшарь, 1979). Документально подтверждено наличие второго репродуктивного цикла, причём из ранних вторых кладок птенцы покидают гнездо уже в конце июля, а самая поздняя встреча плохо летающих слётков – 5 сентября, что говорит о возможностях не только наиболее рано загнездившихся пар. Из других хребтов наибольшее число данных опубликовано для Таласского Алатау, где описано 12 гнёзд и собран материал по питанию 15 взрослых птиц (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Немало интересных наблюдений сделано в Терской Алатау, где описано около 15 гнёзд, в том числе и два совершенно уникальных – открыто

в развилке ствола дерева на высоте 3 и 0.8 м от земли (Степанян, 1959; Шукуров, 1986). Данные о трёх гнёздах из Центрального Тянь-Шаня содержатся в статье А.А. Винокурова (1961); подробное описание одного гнезда из Кетменя – в работе М.Н. Корелова (1956). Отрывочные данные о гнёздах и встречах выводков в других хребтах Тянь-Шаня имеются в других работах (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Кузьмина, 1970; Ковшарь, 1972; Шукуров, 1986; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Аракелянц, Березовиков, 2006).

299. Горихвостка-лысушка – *Phoenicurus phoenicurus* (Linnaeus, 1758)

(common) redstart (англ.), Gartenrotschwanz (нем.), rouge-queue à front blanc (фр.).
кәдімгі қызылқұйрық (каз.), кадимки кызыл куйрук (кирг., тадж.), оддий қизилқуйруқ (узб.)

Синонимы: *Motacilla erithacus* Linnaeus, 1758; *M. titys* Linnaeus, 1758; *Phoenicurus ruficilla* Forster, 1817; *Ph. muralis* Forster, 1817; *Ruticilla sylvestris* Brehm, 1831; *R. arborea* Brehm, 1831; *R. hortensis* Brehm, 1831; *Ph. muraria* Swainson, 1831; *Ficedula rutacilla* Eyton, 1836; *Erithacus arboreus* Kleinschmidt, 1903; *E. algeriensis* Kleinschmidt, 1904; *Ph. phoenicurus turkestanicus* Zarudny, 1910. Обыкновенная горихвостка. Садовая горихвостка (Иванов, 1969).

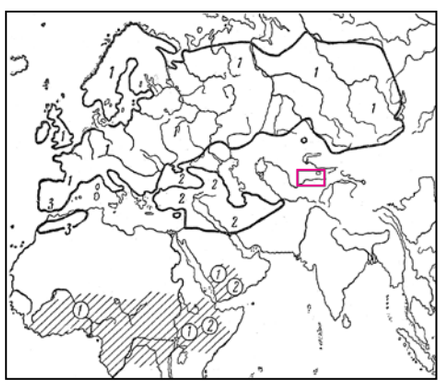
Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – *Phoenicurus phoenicurus phoenicurus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке.

Биотоп. Светлые леса, парки, сады, в т.ч. в населённых пунктах, включая города. В Тянь-Шане найдена на гнездовании сначала на опушках елового леса у верхней его границы (Б. Алматинское озеро, 2500 м), а затем – и в других местах, в том числе: у нижней границы леса в долине Иныльчека (Шукуров, 1986); в еловых и арчовых лесах Ала-Арчинского ущелья (Киргизский Алатау), где охотно поселяется в развешиваемых искусственных гнездовьях (Шукуров, Кормилицын, 2005); в тальниках на берегу озера Кульсай на северном склоне Кунгей Алатау (Березовиков, 2005: КОБ-2004); в спелом березовом тугае на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (Митропольский, 2009); в верхней части берёзового леса (1800 м) в М. Алматинском ущелье (Исабеков, 2013).

Распространение. Тянь-Шань находится южнее сплошного ареала вида, на пути пролёта восточных популяций горихвосток-лысушек на свои африканские зимовки (рис. 323). Впервые на гнездовании здесь она обнаружена в 1964 г. в окрестностях Б. Алматинского озера в Заилийском Алатау (Гаврилов, Родионов, 1968), после чего в тексте описания ареала номинативного подвида появилось добавление: «Изолированное гнездование в центральной части Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань)» (Степанян, 2003, с. 567).

С тех пор лысушка найдена на гнездовании в других ущельях этого и других хребтов (рис. 324). На зоологическом стационаре Джиланды (Терскей Алатау) самца ещё 10-15 мая 1959 г. наблюдал

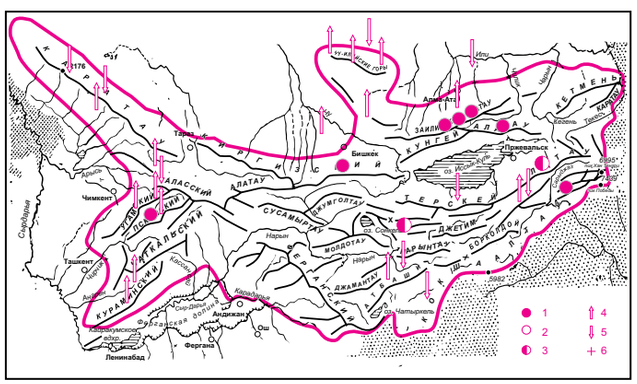

Рис. 323. Ареал горихвостки-лысушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 548
Рис. 324. Распространение горихвостки-лысушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

А.И. Иванов (Птицы Киргизии, 1960), а 24-26 июня 1978 г. самец встречен в ущелье Алтын-Арашан (Банин, 1982). В долине Иныльчека (бассейн Сарыджаза) 7-8 июля 1982 г. пара лысушек кормила птенцов в гнезде под крышей дома, а в июне 1983 г. её встретили в хребте Байдулу, восточнее перевала Долон (Шукуров, 1986). В 80-90 гг. обнаружена на гнездовании в национальном парке Ала-Арча в восточной половине Киргизского Алатау (Шукуров, Кормилицын, 2005). В тальниках у озера Кульсай (северный склон Кунгей Алатау, 1700 м) 31 июля 1996 г. беспокоились две взрослые горихвостки-лысушки, а 26 июля 1999 г. здесь же держалась самостоятельная молодая птица (Березовиков, 2005: КОБ-2004). Наконец, летом 2007 г. её встретили в Западном Тянь-Шане: «В спелом березово-туранговом тугае паркового типа на берегу среднего течения р. Ойгаинг (42° 06,165 с.ш. и 70° 43,076 в.д.; 2050 м) на месте постоянного стойбища коров, в устье р.Текеш-сай 1-2 июля постоянно держался и пел ярко окрашенный самец. Рано утром 2 июля, здесь же была замечена кормящаяся самка, явно сошедшая с гнезда. Самец в это время продолжал активно петь. У меня не было сомнения в том, что это гнездовая пара, но времени на поиски гнезда уже не оставалось. Это первое гнездовое нахождение вида в Узбекистане и в Западном Тянь-Шане вообще» (Митропольский, 2009). В первом списке птиц заповедника Аксу-Джабаглы В.В. Шевченко (1948) приводил экземпляр лысушки, добытый 2 июня 1938 г., который, к сожалению, в коллекции не сохранился. Здесь самое время вспомнить давно забытую наиболее северную находку иранского подвида *Ph. ph. samamisicus*, гнездящегося на юго-западной окраине Памиро-Алая: «Из более северных районов эта форма горихвостки известна нам по единственному самцу, добытому Руссовым 30 мая 1878 г. в арчевниках северного склона Туркестанского хребта в горах Урюклетау (верховья р. Зааминсу). Возможно, что при тщательном обследовании арчевников Памиро-Алая эта горихвостка будет найдена ещё в ряде мест» (Иванов, 1969, с. 267). На пролёте горихвостки-лысушки номинативного подвида встречаются от низкогорий Каратау до Покровских сыртов и Аксайской долины, где их добывал ещё Н.А. Северцов (Шнитников, 1949).

Численность. Редка на пролёте, а гнездится единичными парами. В Б. Алматисnком ущелье в 1971 и 1972 гг. гнездилось по 6 пар, в 1973 г. – 7, в 1974 г. – 8, в 1975 г. – 10 пар в пределах высот 1900-2700 м (Ковшарь, 1979). Опубликованные сведения о численности на гнездовании в ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) привожу дословно: «Обитает в природном парке в еловых лесах ур. Ак-Сай и Адыгене. Прилетает в начале мая. Охотно заселяет искусственные гнездовья. В кладке обычно 4-5 яиц. В течение гнездового периода, с мая по июнь включительно, обычная фоновая птица на второй половине рекреационного стандартного маршрута от ур. Ак-Сай до ур. Карагай-Булак. Затем исчезает. Плотность – от 0,83 до 3,33 ос. на кв. км» (Шукуров, Кормилицын, 2005, с. 268). Во время пролёта на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной отлавливали до 5-9 за сезон, осенью – меньше (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцевали 60, осенью – 5 лысушек (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Крайние даты весенних встреч на Чокпаке в 1966-1981 гг. 13 апреля 1976 г. и 17 мая 1969 г., средние даты пролёта 25 апреля – 10 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их здесь отлавливали с 19 апреля (2004) по 22 мая (1989), срединная дата пролёта – 3 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау я добыл двух самцов 21 апреля и 13 мая 1965 г. (Ковшарь, 1966), в Чаткальском заповеднике их встречали с 5 по 20 апреля (Комарова, Шевелёв, 1986; Митропольский, 2005). В сборах Г. Мерцбахера был экземпляр от 6 мая 1909 г. из Нарына (Шнитников, 1949). В Каратау, в ущелье Беркара, пролётного самца добыли 19 апреля 1958 г. (Корелов, 2012), а на озере Кызылколь одиночку встретили 29 апреля 1989 г. (Коваленко и др., 2002). В Алма-Ате самцов встречали 9 апреля 1921 г. (Шнитников, 1949), 22 апреля 1957 г. после сильного снегопада (Бородихин, 1968); в другие годы их добывали здесь 7 и 11 мая (Кузьмина, 1970). На Б. Алматинском озере (2500 м) прилёт гнездящихся мы отмечали 13 мая 1971, 6 мая 1972, 13 мая 1973, 10 мая 1974, 11 мая 1975 и 10 мая 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Копы двух пролётных самок в степи у зимовки встретили мы 11 и 12 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000), а в степи Жусандала, у северных подножий Чу-Илийских гор, пролёт шёл 30 апреля – 11 мая 1995 г. и 29 апреля 1996 г. (Березовиков и др., 1999).

Осенью на местах гнездования в субвысокогорье Заилийского Алатау последние встречи лысушек – 25 августа 1971, 22 августа 1973, 30 августа 1974 и 1975 гг. (Ковшарь, Лоатин, 1983). Пролёт идёт в сентябре и октябре. В предгорьях Чу-Илийских гор пролётных одиночек встречали 3-6 сентября 1995 г. (Березовиков и др., 1999), в Карачингиле самца встретили 12 сентября 2015 г. (Бевза, 2017). На Чокпаке в осенние сезоны 1966-1981 гг. одиночек встречали 15 сентября 1968, 16 сентября 1973, 20 сентября 1967 гг., последних – 9 октября 1973 и 27 октября 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-

2016 гг. их встречали с 26 сентября по 20 октября (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) несколько одиночек отмечены 1-3 октября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). Во внутренних районах Тянь-Шаня Н.А. Северцов в своих записях отмечал её 11-14 октября на южном берегу Иссык-Куля, 18 октября – на сырте Чакыртау, 24 октября – на Атбаши и 31 октября – на высокогорном Аксае (Шнитников, 1949).

Биология. В пределах Тянь-Шаня изучалась только в субвысокогорье Б. Алматинского ущелья Заилийского Алатау, где в 1971-1976 гг. проведены наблюдения у 26 гнёзд с применением индивидуального мечения, результаты опубликованы (Ковшарь, 1979, с. 144-152). Из 26 гнёзд 22 (84.6%) помещались под крышами строений, одно – в наклонной металлической трубе и три на земле, в полостях под камнями. В 10 гнёздах откладка яиц начата в первой декаде июня, в 11 – во второй и в 4-х – в третьей; птенцы покидали гнёзда во второй половине июля и в начале августа. Репродуктивный цикл один и совпадает со вторым гнездованием других насекомоядных птиц в этом поясе. Величина кладки 5-8, в среднем (по 16 кладкам) 6.5 яйца на гнездо, т.е. не меньше, чем в европейской части ареала (Мальчевский, 1959; Птушенко, Иноземцев. 1968). Из 77 яиц, снесенных в 12 гнёздах, вылупилось 75 птенцов и только 2 яйца (2.6%) оказались стерильными; успешно завершили репродуктивный цикл 15 пар из 19 (78.9%). Получены сведения об интенсивности пения самцов на разных этапах гнездового цикла, интенсивности насиживания кладки самкой, частоте кормления птенцов обоими родителями и составе их кормов. Представляет большой интерес проведение подобных наблюдений в других точках гнездования этого вида в Тянь-Шане.

300. Горихвостка-чернушка – *Phoenicurus ochruros* (S.G. Gmelin, 1774)

black redstart (англ.), Hausrotschwanz (нем.), rouge-queue noir, rubiette rouge-queue (фр.), қошқыл қызылқұйрық (каз.), кара кзыл куйрук (кирг.), норуи сиёхи махалли (тадж.), қорақизилқуйруқ (узб.)

Синонимы: *Motacilla atrata* Gmelin, 1789; *M. erythrourus* Rafinesque, 1810; *Phaeca nilssoni* Billberg, 1828; *Ruticilla atra* Brehm,1831; *Sylvia tites campylonyx* Hemprich et Ehrenberg, 1832; *Ruticilla cairii* Gerbe, 1848; *R. indica* Blyth, 1849; *R. montana* Brehm, 1855; *R. erythroprocta* Gould, 1855; *R. phoenicuroides* Horsfield et Moore, 1854; *R. atrata albifrons* Zarudny, 1889; *R. rufiventris paradoxa* Zarudny, 1896.

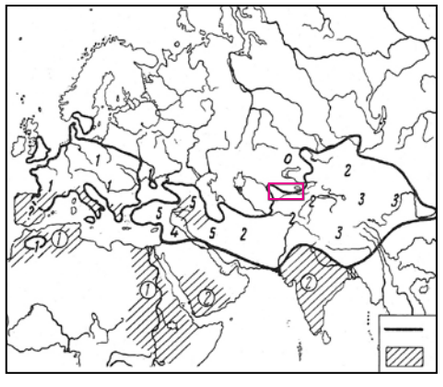
Подвид. До недавнего времени считалось, что из 7 признаваемых подвидов наш район населяет *Phoenicurus ochruros phoenicuroides* Horsfield et Moore, 1854, гнездящийся от 49° с.ш. к югу до северных окраин Ферганской долины, а по южному горному обрамлению этой долины живёт уже населяющий Памиро-Алай подвид *Phoenicurus ochruros rufiventris* Vieillot, 1818 (Степанян, 2003, с. 570). Проведенный недавно, при описании нового подвида для Алтая и Саян, подробнейший анализ 5 подвидов горихвостки-чернушки (Федоренко, 2018), подтвердил территориальные отношения *phoenicuroides* и *rufiventris*.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии и Аравии.

Биотоп. Населяет скалистые участки высокогорья. Самые яркие описания её биотопа принадлежат В.Н. Шнитникову: «Эта горихвостка должна считаться обитательницей камней, скал, береговых обрывов и каменных нагромождений… В крайне суровой и неприветливой обстановке чернушка была встречена, притом тоже в большом количестве, в долине Кок-Джара и в ущелье Макмала. Первая представляет собой совершенно лишённую древесной растительности высокогорную (2500-3000 м) холодную долину со скалистыми склонами, обилием камней на дне, низкорослой, чисто альпийской флорой и редкими жалкими крошечными кустиками арчи и тюё-куйрюка, да и то в нижней части долины. Что касается ущелья Макмала, то это было самое мрачное место, какое мне только приходилось видеть. Узкое ущелье с дном, усыпанным темноцветной, иногда совершенно чёрной галькой, без деревца, без кустика, почти без травинки… мёртвые нагромождения тёмных и обрушившихся скал придают ущелью хотя местами и весьма живописный, но в общем крайне мрачный вид… В этой, казалось бы, безнадёжной с точки зрения возможности существования обстановке наша птичка чувствовала себя, по-видимому, прекрасно» (Шнитников, 1949, с. 548-549). Однако в Таласском Алатау в 1960-1966 гг. я наблюдал за гнёздами чернушек в совсем иной обстановке: на скалистом узком гребне хребта в районе перевала Кши-Каинды (3000-3100 м), откуда далеко к югу были видны Пскемский и Угамский хребты (просматривалась значительная часть панорамы Западного Тянь-Шаня), а крутой северный склон зарос сплошными ковром стланиковой арчи с пятнами снега в понижениях и альпийскими лужайками около

них. Численность чернушек была здесь очень высока: в 1971-1973 гг. именно здесь были проведены исследования 29 гнёзд этого вида (Губин, Немков, 1976).

Распространение. В нашем районе, который находится на участке северной границы ареала вида (рис. 325), горихвостка чернушка распространена в горах довольно широко, но спорадично (рис. 326). Так, в Б. Алматинском ущелье она не гнездится, что установлено многолетними стационарными исследованиями 1964-1967 и 1971-1979 гг., хотя регулярно появляется здесь на пролёте в марте-апреле и августе-сентябре (Кузьмина, 1970; Ковшарь, Лопатин, 1983). Отсутствует она и в других ущельях северного склона центральной, наиболее лесистой части хребта Заилийский Алатау, хотя более ста лет назад, 29 мая 1913 г. В.Н. Шнитников (1949) нашёл гнёздо, в котором шло вылупление птенцов, в так называемой Поганой щели (ныне Весновка) в окрестностях Алматы. Сейчас гнездование достоверно установлено только для южного макросклона этого хребта, в истоках реки Чилик, где эта птица оказалась достаточно обычной (Джаныспаев, 2012). Возможно гнездование на крайнем западе Заилийского Алатау, где в скалах (2600-2700 м) 12 июля 2006 г. видели двух самцов, один из которых пел (Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006). Сложная картина на северном склоне Терской Алатау: «Распространена на всём протяжении Терской Алатау... В вертикальном отношении населяет все пояса, начиная от предгорий и кончая верхней частью альпийского включительно. Но это относится не ко всему хребту. В восточной части его чернушка не поднимается выше нижней границы леса, т.е. в основном населяет полосу предгорий. Начиная с урочищ Бугумуюз и Кажи-саз, по мере исчезновения леса, она поднимается всё выше и выше, дотигая верхних частей альпийского луга (около 3500 м), где и гнездится. В предгорьях и средневысотных горах крайнего запада хребта отсутствует совершенно. Биотоп в предгорьях – песчаниковые и лёссовые обрывы, особенно системы их типа «Красных глин» в нижней части ущелья Чон-Кызыл-Су. Выше в горах – скалы, предпочтительно невысокие, а также осыпи на альпийских лугах» (Степанян, 1959, с. 116-117). Гнездится в Тышканском ущелье близ Джаркента, в Кетмене и на северо-восточной оконечности Терской Алатау, в Кунгей Алатау, в Киргизском Алатау (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Кузьмина, 1970). Гнездование в сыртовой зоне Центрального Тянь-Шаня подтверждено рядом публикаций (Иоганзен, 1908; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Кыдыралиев, 1961: Остащенко, 1991). Во внутренних районах Тянь-Шаня гнездится от истоков Нарына и Кичи-Нарына до гор, окружающих озеро Сонкуль, хребтов Нарынтау, Атбаши, Джамантау, Байбичетау, Ферганского хребта на всём его протяжении, а также в восточной части Алайского хребта и западной половине Алайской долины (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Кыдыралиев, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). В Западном Тянь-Шане гнездится от Кураминского хребта на юге до Таласского на севере, а с запада на восток – от Каржантау до Сарычелека (Кашкаров, 1927; Шевченко, 1948; Юдин, 1949; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Капитонов, 1969; Губин, Немков, 1976; Губин, 2012; Митропольский и др., 1981; В. Ковшарь, 2003, 2004; Тен и др., 2017). Гнездование в Каратау, которое предполагалось на основании встречи чернушки Н.А. Зарудным 6 и 9 июля в бассейне р. Бишарык (Кузьмина, 1970), впоследствии не подтвердилось (Губин,

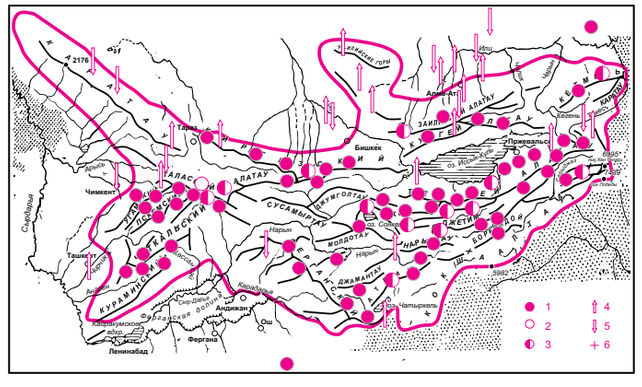

Рис. 325. Ареал горихвостки-чернушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 554
Рис. 326. Распространение горихвостки-чернушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Белялов, 2017), как и предположение того же автора о гнездовании в Анархае (Чу-Илийские горы), где 20 апреля 1950 г. была встречена горихвостка-чернушка с соломинкой в клюве (Кузьмина, 1970, с. 580). Несколько слов о встречах в Тянь-Шане представителей южного подвида *Ph. o. rufiventris*. Впервые самца этого подвида я встретил 16 июля 1999 г. у перевала Долон (хребет Байдулу): вся спина его, от затылка до хвоста, была угольно-чёрной окраски, что совершенно преображало птицу; через 5 дней, 22 июля, в восточной части Алайской долины (2700-3000 м) у одной из трёх пар чернушек, кормивших слётков, чёрной была передняя часть спины, а задняя – серой, как и положено самцам этого подвида; остальные самцы, встреченные во время этой поездки у подножия хребта Байбичетоо (близ Алабуги) и на южном склоне Ферганского хребта (под перевалом Кугарт), были типичные *Ph. o. phoenicuroides* (Ковшарь, Торопова, 2000). В долине Кичи-Нарына 20 июля 2005 г. чёрная спина у одного самца была хорошо видна даже в полёте; хотя в последующие дни, 23-28 июля мы встречали в Тоссоре, на спуске в Сарыджаз (Оттук) и Иныльчеке только представителей подвида *Ph. o. phoenicuroides.*

Численность. Очень разная в различных местах. Так, в Терской Алатау в 1953-1954 гг. в гнездовое время в подходящих местах встречали до 7-10 чернушек в день (Степанян, 1959). Для ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) приводится плотность на гнездовании от 0 до 14.83 особей/км^2 с выводом о малочисленности этой птицы в национальном парке (Шукуров, Кормилицын, 2005). В верховьях этого же ущелья в 1957-1960 гг. чернушка встречена на 13 экскурсиях от ледника до верхней границы леса, общим числом 44 особи (Кузнецов, 1962). В верховьях Чилика (между Заилийским и Кунгей Алатау) 14 августа 2009 г. насчитали 10 чернушек на 2 км маршрута (Джаныспаев, 2012). Во Внутреннем Тянь-Шане в ущелье Кызыл-Эшме 29 и 30 июня 2015 г. чернушка была фоновым видом на высотах 2800-3700 м, до перевала Шиман Бель (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). В Западном Тянь-Шане численность чернушки самая высокая. В заповеднике Аксу-Джабаглы она была стабильно высокой в 1933-1935, 1959-1966 и 1971-1973 гг., в эти годы здесь проведены наблюдения у 36 гнёзд, расстояния между которыми на северных склонах были от 400 до 100, а на южных – от 200 до 50 м (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Губин, Немков, 1976). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня чернушка многочисленна, в 70-х гг. здесь найдено 32 кладки (Митропольский и др., 1981). В верховьях долины Пскема в июле-августе 2002 г. встречено более 100 (В. Ковшарь. 2003), а летом 2016 г. – 96 особей чернушек (Тен и др., 2017). На пролёте немногочисленна. На Чокпакском стационаре весной 1982-2016 гг. отловили 7, а осенью – 45 чернушек (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в марте-апреле. Под Ташкентом он начинается уже в конце февраля, а однажды, 21 февраля 1960 г., двух самцов наблюдали даже в ущелье Сарыбулак, на перевале к озеру Сонкуль (Кыдыралиев, 1960). Автор трактует эту встречу как зимнюю, хотя скорее всего это был ранний прилёт. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) первые появлялись 27 марта 1961 г. в каньоне р. Аксу и 20 марта 1964 г. на кордоне Джабаглы (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых чернушек отмечали 1 марта (1973) – 9 апреля (1970), в среднем 29 марта, последних – 6 мая 1968 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. они встречались с 26 марта (2003) по 28 мая (1987). В Каратау пролёт идёт с конца марта до конца апреля (в коллекциях – добытые 24-28 марта и 24 апреля); в первой половине апреля чернушки обычны в Беркаре и Улькун-Боруртау (Кузьмина, 1970). В Чуйской долине пролётных встречали 27 марта 1957 г., на озере Чатыркуль – 19 апреля 1958 г. (Птицы Киргизии, 1960). В высокогорье ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) самая ранняя встреча – 12 апреля 1959 г. (Кузнецов, 1962). В Алма-Ате весной встречена всего дважды – 25 марта 1953 г. и 13 апреля 1955 г. (Бородихин, 1968), а в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) пролётных самцов отмечали: 30 апреля 1974, 18 апреля 1975, 10 апреля 1976 и с 26 марта по 18 апреля 1979 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В низовьях Баянкола (Центральный Тянь-Шань) в 1957 г. пролёт наблюдали с 31 марта по 10 апреля (Винокуров, 1960). В долине Копы с 25 марта по 15 апреля 1987 г. пролетело 12, а 1-13 апреля 1988 г. – 13 горихвосток-чернушек (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Чу-Илийских горах (Анархай) в 1950 г. первые пролётные появились 21 марта и встречались до начала мая (Кузьмина. 1970). На Сорбулаке крайние сроки весной – 24 марта 2005 г. и 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013), в Карачингиле – 12-28 марта и 24 апреля 2007 г. (Бевза, 2012).

Осенью под Джаркентом пролёт шёл с первой декады до конца сентября 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). В Карачингиле начало пролёта отметили 20 сентября 2006 г., окончание – в конце октября (Бевза, 2012). На Сорбулаке пролётных видели с 27 сентября 2003 г. до 9 октября 2011 г. (Белялов, Карпов, 2013).

В Чулакских горах на правом берегу Или (Алтынэмель) самцов и самок встречали ежедневно 10-20 октября 2017 г. – максимум 15 особей 14 октября (Беляев, 2018). В окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) пролётных чернушек наблюдали 14 августа 1971, 22-31 августа и 22 сентября 1973 (6 одиночных самцов) и 18 августа 1974 г. «В последнюю дату был добыт самец-первогодок с неполностью пневматизированным черепом, перелинявший во взрослый наряд! Как известно (Ковшарь, 1966; Губин, Немков, 1976), у населяющих Тянь-Шань чернушек молодые самцы часто гнездятся в самочьем оперении. Линька в окончательный брачный наряд *первогодка* (курсив мой – *АК*) свидетельствует о том, что не все молодые самцы приобретают брачный наряд на втором году жизни, часть из них перелинивают уже в первый год» (Ковшарь, Лопатин, 1983 с. 74). В пойме Сарыджаза у посёлка Иныльчек с 7 по 23 сентября 1983 г. пролётные чернушки составляли 29% среди всех учтённых птиц (Остащенко, 1990). На озере Кызылколь (Каратау), в пойме р. Ушбас, 1-3 октября 2001 г. встретили около 20 пролётных горихвосток-чернушек (Коваленко и др., 2002). На Чокпаке, где осенний пролёт этого вида выражен немного лучше, чем весенний, в 1966-1981 гг. начало его отмечали 9-28, в среднем 17 сентября, последних видели 16 октября 1970 и 26 октября 1976 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. 45 горихвосток-чернушек отловили с 16 сентября (2015) по 1 ноября (2007), срединная дата осеннего пролёта – 13 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау чернушки спускаются с мест гнездовий в средний пояс гор не раньше сентября, а в октябре становятся здесь многочисленными; в предгорьях и сёлах культурного пояса появляются около середины октября – 10 октября 1947, 12 октября 1959, 17 октября 1961 гг.; при этом пролёт идёт и в верхних поясах (Ковшарь, 1966). В 1972-1973 гг. в арчовых редколесьях Кши-Каинды первые чернушки появились 13 и 24 сентября, а последних здесь видели 19 и 21 октября (Губин, 2012). Самая поздняя встреча в Аксу-Джабаглы – 12 ноября 2009 г. (Чаликова, 2012). На юге Киргизии чернушка была отмечена даже 20 ноября 1953 г. (Птицы Киргизии, 1960). Единственная зимняя встреча состоялась в Таласском Алатау: 13 января 2011 г. самца видели в ущелье Аксай, напротив с. Бурное (Чаликова, 2012).

Биология. Лучше всего изучена в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), на территории которого в 1971-1973 гг. обследовано 29 жилых гнёзд и по этим материалам опубликована специальная статья (Губин, Немков, 1976), материалы которой через много лет перепечатаны в книге (Губин, 2012). Там же ряд наблюдений за 7 гнёздами проведены в 1933-1925 и 1950-1965 гг. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). Для хребтов южного макросклона Западного Тянь-Шаня описаны 32 кладки (Митропольский и др., 1981). По материалам из Таласского Алатау, где начало откладки яиц растянуто со второй декады мая до первой декады июля, причём первый пик (10 кладок) приходится на первую декаду июня, а второй, поменьше (6 кладок) – на третью декаду июня, высказано предположение о возможности второго репродуктивного цикла: «Видимо, часть чернушек, начавших размножаться в мае, может иметь вторую нормальную кладку. Это подтверждается тем, что гнёзда 235 и 363 принадлежали одной самке с двумя пятнышками на груди; птенцы первого цикла размножения покинули гнездо 20 июня, а 21 июля она кормила уже 6 семидневных птенцов» (Губин, 2012, с. 183). Разумеется, это предположение нуждается в подтверждении наблюдениями за индивидуально помеченными птицами. Для Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня в сводке «Птицы Киргизии» (1960) приводятся даты нахождения ещё 9 гнёзд: в Терской Алатау (24 апреля два в стадии постройки, одно из них 28 апреля готово), в хребте Молдотоо (4 мая 1959 г. самка строит), в долине Атбаши (19 и 23 июня 1958 г. в двух гнёздах были7-8-дневные птенцы, в третьем гнезде - слётки), на озере Сонкуль (22 и 23 июня 1959 г. в одном гнезде – 3 голых птенца, в другом – 4 оперяющихся), на Покровских сыртах (28 июня 1954 г. – гнездо с 5 птенцами в возрасте 10-12 дней), на Тонских сыртах Терской Алатау (26 июля 1957 г. в гнезде 5-7-дневные птенцы). Упоминания об отдельных гнёздах и встречах недавно вылетевших птенцов имеются ещё в ряде рябот (Шнитников, 1949; Корелов, 1956, 2007; Степанян, 1967; Кузьмина, 1970; Остащенко, 1991; Торопова, 1999; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; М. Митропольский, 2008; Тен и др., 2017). В некоторых из них подмечены очень интересные биологические детали. Так, в урочище Куёлю (Сарыджазские сырты, 3100 м) в выемке скалы ниже помещавшегося в трещине этой скалы гнезда, в котором чернушка кормила птенцов, «были обнаружены около 20 засушенных дождевых червей (характер их расположения исключал возможность случайного попадания), которые явно были запасами чернушки. Пониженная влажность, даже при выпадающих осадках, способствует быстрой консервации даже таких животных как дождевые черви» (Остащенко, 1991, с. 132). Имеющиеся на сегодня данные свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения биологии этого интересного вида.

301. Красноспинная горихвостка – *Phoenicurus erythronotus* (Eversmann, 1841)

Eversmann's redstart (англ.), Sprosserrotschwanz (нем.), rouge-queue d'Eversmann (фр.), қызылжон қызылқұйрық (каз.), ала канат кызыл куйрук (кирг.), қизил елкали қизилқуйруқ (узб.)

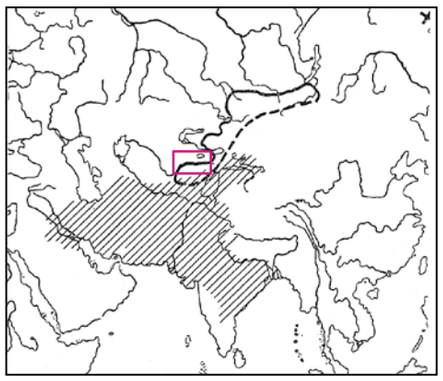
Синоним: *Ruticilla rufogularis* Moore, 1854. Монотипичный вид.

Характер пребывания. Гнездится в северной половине нашего района, а на южной и в западных хребтах зимует. Гнездящиеся в северных хребтах на зиму откочёвывают в предгорья и низкие межгорные долины, а часть их предпринимает более дальние перемещения на юг и запад Тянь-Шаня и за его пределы – в Памиро-Алай, где красноспинная горихвостка только зимует и пролетает (Иванов, 1969). Кроме того, через нашу территорию весной и осенью идёт пролёт более северных популяций этого вида.

Биотоп. На гнездовании в горах связана прежде всего с верхней границей хвойного леса и редколесьем. Вниз, в лесной пояс, она проникает вместе с арчёвыми зарослями, вверх поднимается до самых последних кустарников на скалах и альпийских лужайках. Границы её высотного распространения 2300-3500 м, но в большинстве хребтов редко поднимается выше 3000 м.

Распространение. По нашему району проходит участок юго-западной границы ареала вида (рис.327), которая в последнем издании «Конспекта орнитологической фауны..» описана невнятно, перечисление географических названий с северо-востока на юго-запад заканчивается фразой: «Саур, Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Кетмень; Тянь-Шань к югу и юго-западу до Алайского хребта, к северу до Киргизского и Заилийского хребтов, Восточный Тянь-Шань» (Степанян, 2003, с. 570). Более подробно самое южное в этом районе нахождение указано в сводке «Птицы Памиро-Алая»: «Гнездится только на крайнем северо-востоке Памиро-Алая, в остальной части страны бывает во время пролёта и на зимовках. Все находки красноспинной горихвостки в гнездовое время относятся лишь к северным склонам самой восточной части Алайского хребта: Барей добыл ряд экземпляров в мае, июне и июле в районе перевала Тарткуль, экспедицией Грумм-Гржимайло она добыта в районе пер. Ягачарт и в августе около Суфикургана; самка в гнездовом оперении добыта Северцовым 26 июля на пер. Арчат, наконец, Янушевич и др. (1960) указывают на нахождение слётков в Алайском хребте (очевидно, также в восточной его части) в июле 1954 г.» (Иванов, 1969, с. 271). Ещё южнее, в районе Иркештама (Заалайский хребет) несколько выводков доросших молодых встретил 6 августа 1962 г. Р.Н. Мекленбурцев (1982), это лишь немного юго-восточнее перевала Талдык в Алайском хребте, где встречены слётки 4 июля 1954 г.

Как видно на приведенной ниже картосхеме (рис. 328), красноспинная горихвостка населяет хребты Северного и Центрального Тянь-Шаня, восточную половину Киргизского Алатау, а также те хребты Внутреннего Тянь-Шаня, где хорошо развиты еловые леса. Самая западная точка её гнездования – Сарычелекский заповедник на востоке Чаткальского хребта (Воробьёв, Чичикин, 1966). Дважды в гнездовое время (21 июня и 10 июля 1998 г.) её встретили на северном склоне Таласского Алатау, в ущелье Коксай, на высоте 2100 м (Колбинцев, 1999), но с тех пор никаких новых сведений из этих мест не поступало. В период миграций и на зимовке встречается более широко, включая Западный

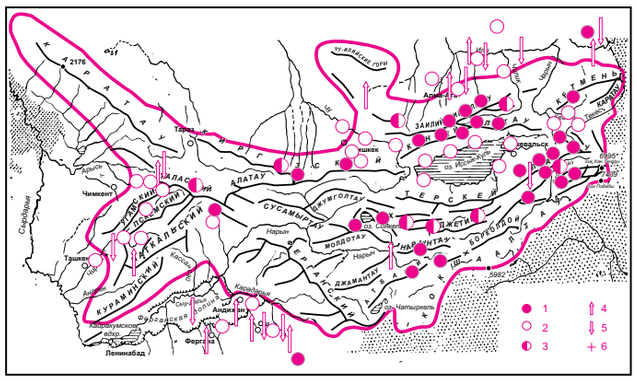

Рис. 327. Ареал красноспинной горихвостки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 561
Рис. 328. Распространение краспоспинной горихвостки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

Тянь-Шань, Илийскую, Чуйскую и Ферганскую долины (рис. 328). Пролёт как таковой выражен слабо даже на Чокпакском перевале, видимо, откочёвки идут горами: на Покровских сыртах осенью её встречал ещё Н.А. Северцов.

Численность. В Заилийском и Киргизском хребтах на гнездовании обычна, в хребтах Внутреннего Тянь-Шаня повсюду немногочисленна. Так, в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) в 1964-1967 гг. найдено 47, а в 1971-1976 гг. – 91 гнездо красноспинной горихвостки (Гаврилов, Ковшарь, 1972; Ковшарь, 1979), причём в последние годы минимальное расстояние между соседними гнёздами составляло 250-200 м, а однажды – даже 70 м, причём оба гнезда были на одинаковых фазах репродуктивного цикла – откладка яиц начата 2 и 4 мая (Ковшарь, 1979). Через 30 лет численность вида здесь снизилась многократно: в мае 2002-2005 гг. в этих же местах стало большой проблемой показать хоть одну красноспинную горихвостку орнитологическим туристам (см. публикации в КОБ 2003-2006). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. красноспинная горихвостка встречена на 49 экскурсиях выше границы леса общим числом 289 особей (Кузнецов, 1962); зимой 1995 г. здесь учитывали десятки особей на маршруте 2-3 км; средняя плотность в другие зимы колебалась от 0.83 до 6.66 особей/км^2, а весной 4.44-38.33 особей/км^2; однако летом 1995-2004 гг. её здесь ни разу не встречали и пришли к выводу, что она здесь не гнездится (Шукуров, Кормилицын, 2005). В восточной части Терскей Алатау в летнее время 1953-1954 гг. красноспинка была немногочисленной, встречаясь до 3-5 особей в день (Степанян, 1959). Здесь же в 1962-1965 гг. в поясе арчового стланика учитывали: в мае-июне – 30, в августе-сентябре – 70, в октябре – 40, а в марте-апреле – по 20 особей/км^2 (Второв, 1967). Здесь же, в ельниках Чон-Кызыл-Су в январе-феврале 1962 г. встретили 8 особей на 10 км маршрута [8 особей/км^2], а в облепиховых зарослях на побережье Иссык-Куля – 19 особей на 22 км [17 особей/км^2] (Второв, 1963). И зимой 1999/2000 г. в учётах птиц облепиховых зарослей красноспинка входила в число 6 видов-доминантов (Кулагин, 2010). В Кунгей Алатау, в верхних ельниках Чонкемина с субальпийскими ивняками и скалами в августе-сентябре 1968 г. насчитали 40 особей/км^2, а в средней части долины – 10 особей/км^2 (Второв, 1972). В верховьях Текеса в 1955-1957 гг. были обычны на гнездовании и нередки зимой (Винокуров, 1960, 1961). В Карачингиле (устье Тургени) зимой можно встретить до 10 птиц за день (Бевза, 2012), а в Чуйской долине 11-13 января 2008 г. встретили 15 красноспинных горихвосток за 3 дня (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008).

Сроки. Даты. Весной на местах гнездования у верхней границы леса краспоспинная горихвостка появляется в марте. На Б. Алматинском озере (2500 м) первые самцы встречены 21 марта 1973 и 18 марта 1974 гг.; первых самок встречали мы в конце марта – начале апреля (Ковшарь, 1979). Немногим раньше, 8 марта 1959 г. встречена красноспинная горихвостка на местах гнездования в Киргизском Алатау (Кузнецов, 1962). Во Внутреннем Тянь-Шане они поднимаются из долин в горы в конце марта – начале апреля (Птицы Киргизии, 1960) и в это же время исчезают с мест зимовок в Таласском Алатау (Ковшарь, 1966). На Чокпаке очень слабый пролёт отмечали 6-23 марта 1969, 17-23 марта 1974 и 20 марта 1979 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. окольцевали всего двух – 4 апреля 1987 и 31 марта 2003 гг. (А. Гаврилов и др., 2017). В Алма-Ате весеннее движения начинается со второй половины февраля и заканчивается к концу апреля (Бородихин, 1968). В долине Копы трёх пролётных встретили 31 марта и 7 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле последних красноспинок в 2003-2011 гг. видели 20-26 марта и 1 апреля (Бевза, 2012), на Сорбулаке самая поздняя встреча – 2 мая 2004 г. (Белялов, Карпов. 2013). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) самца добыл М.И. Исмагилов 25 марта 1953 г., в Б. Кокпаке первых красноспинок отметили 28-29 марта 1970 г., а 4-5 апреля 1971 г. они были уже обычны всюду в долине (Аракелянц, Березовиков, 2006).

Осенью начинают спускаться в нижние пояса гор с конца сентября. В Чуйской долине первые красноспинки отмечены 2 октября, на побережье Иссык-Куля – 6 октября (Птицы Киргизии, 1960). В Алма-Ате самая ранняя встреча – 7 октября 1953 г. (Бородихин, 1968). В субвысокогорье Заилийского Алатау число их постепенно снижается в сентябре-октябре; в районе Б. Алматинского озера последние встречи – 26 октября 1972, 20 октября 1973 и 26 октября 1975 гг. (Ковшарь, 1979). На местах зимовки в Карачингиле (устье Тургени) самая ранняя встреча – 14 октября 2010 и даже 27 сентября 2011 гг. (Бевза, 2012), на Сорбулаке – 24 октября 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). На местах зимовок в Таласском Алатау появляются обычно 7-19 октября; во второй половине октября здесь идёт заметный пролёт горами, когда горихвостки летят группами по 3-5 особей (Ковшарь, 1966), но в 1933 г. одиночку отметили уже

11 сентября (Шульпин, 1965). На Чокпаке в 1966-1985 гг. небольшой пролёт наблюдали 18, 19, 21 и 24 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 12 по 27 октября отловили 15 красноспинок, срединная дата осеннего пролёта расчислена как 22 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В это время уже большинство их на местах зимовки.

Биология. Изучалась в основном в трёх хребтах Тянь-Шаня: Заилийском Алатау, Терскей Алатау и Атбаши. В первой публикации, посвящённой биологии красноспинной горихвостки в Центральном Тянь-Шане (Степанян, 1960) описаны 5 гнёзд этого вида из Терскей Алатау; во второй (Гаврилов, Ковшарь, 1972) – 25 гнёзд, найденных в высокогорье Заилийского Алатау. В сводке о птицах Киргизии (1960) приведен перечень дат и содержимого 13 гнёзд этого вида, найденных в 1958 г. в хребте Атбаши, этот же перечень повторён в книге о птицах еловых лесов Тянь-Шаня (Шукуров, 1986). В окрестностях Б. Алматинского озера (2400-2700 м) в 1971-1976 гг. группа орнитологов провела стационарные наблюдения у 95 жилых гнёзд красноспинной горихвостки с применением индивидуального мечения (Ковшарь, 1979, с. 122-134). В этом видовом очерке полученные материалы приведены по принятому в монографии плану: пение и образование пар; гнездовой консерватизм; гнездовой участок; гнездо (расположение, состав материала, размеры); репродуктивный цикл (строительство гнезда, откладка и насиживание яиц, выкармливание птенцов в гнезде, состав птенцового корма, послегнездовая жизнь выводков); сроки размножения и число репродуктивных циклов; плодовитость. Приведу лишь несколько примеров. Документально установлено 9 случаев двух репродуктивных циклов (приведены их даты, размеры первой и второй кладок, расстояние между гнёздами первой и второй кладки). Из 95 гнёзд только два лежали на поверхности камня – одно в трещине между камнями, второе – на полочке скалы; ещё одно гнездо опиралось дном на веточки арчи, лежащие на земле. Остальные 92 гнезда помещались в земляной ямке под прикрытием камней (50 гнёзд), корней дерева (6), ветвей кустарника (2) или просто травы – как прошлогодней, так и растущей (34). В таких ямках помещались также все 25 гнёзд, найденные здесь в 1964-1967 гг. (Гаврилов, Ковшарь, 1972). Размер кладки (по 63 гнёздам) 3-6, в среднем 4.63 яйца/гнездо, выводка (по 62 данным) 2-6, в среднем 4.4 птенца/гнездо. В течение сезона величина кладки постепенно увеличивается к середине июня, поэтому в ряде случаев величина второй кладки не только не меньше (как принято считать), но даже больше первой.

Для остальных хребтов Тянь-Шаня даты нахождения гнёзд или встреч выводков приводятся в работах: Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Винокуров, 1961; Торопова, 1999; Аракелянц, Березовиков, 2006.

302. Краснобрюхая горихвостка – *Phoenicurus erythrogastrus* (Güldenstädt, 1775)

Güldenstädt's redstart (англ.), Bergrotschwanz (нем.), rouge-queue de Güldenstädt (фр.),
қызылбауыр қызылқұйрық (каз.), кызыл боо кышкуйрук (кирг.), қизил қоринли қизилқуйруқ (узб.)

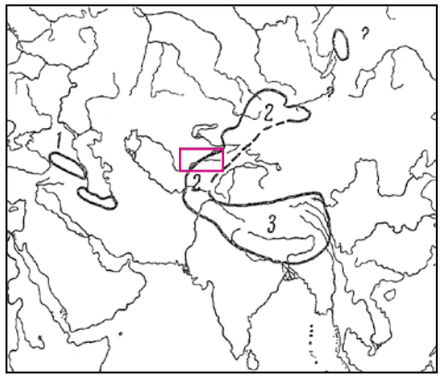
Синонимы: *Motacilla ceraunia* Pallas, 1811; *Ruticilla grandis* Gould, 1850 (1849); *R.vigorsi* Moore, 1854; *R. erythrogastra severzowii* Lorenz, 1887; *Ph. e. maximus* Kleinschmodt, 1924. Большая горихвостка.

Подвид. Из двух подвидов на Тянь-Шане один – *Phoenicurus erythrogastrus grandis* Gould, 1850.

Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая сезонные перемещения по высоте.

Биотоп. Верхняя часть альпийского пояса выше 3000 м: скалы и каменистые россыпи по соседству с вечными снегами и хотя бы небольшими альпийскими лужайками – её излюбленный гнездовой биотоп. В зимнее время особенно охотно держится в долинах, в прибрежной части рек и озёр, где достаточно зарослей облепихи, барбариса и других ягодных кустарников, обеспечивающих её кормом.

Распространение. Наш район расположен на западной границе основной части разорванного ареала этого вида (рис. 329). Здесь краснобрюхая горихвостка распространена довольно спорадично, выбирая для гнездования только наиболее высокие части хребтов, имеющих альпийский и нивальный пояса (рис. 330). Она гнездится в хребте Кетмень (Корелов, 1956), в центральной части Заилийского Алатау (Штегман, 1954; Кузьмина, 1970; Ковшарь и др., 1978;) и по всему высокогорью Центрального Тянь-Шаня – от верховьев Текеса до Сарыджазских и Покровских сыртов (Иоганзен, 1908; Шнитников,

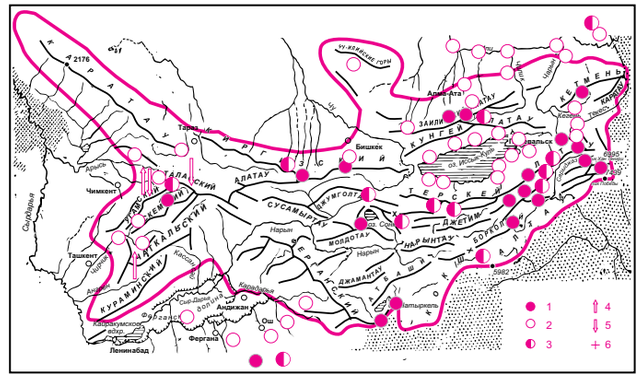

Рис. 329. Ареал краснобрюхой горихвостки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 567
Рис. 330. Распространение краснобрюхой горихвостки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

1949; Кыдыралиев, 1957, 1959, 1961; Степанян, 1959, 1960; Винокуров, 1961; Второв, 1967, 1969; Злотин, 1968; Крылов, 1969). Гнездится в восточной половине Киргизского Алатау, где неоднократно встречена в гнездовое время в ущелье Ала-Арча (Кузнецов, 1962), а в ущелье Карабалты 7 июля 1957 г. самца видели у перевала Тюе-Ашу, около 3000 м; также один самец встречен 24 июля 1957 г. в верховьях р. Куртыбай (Корелов, 2007). Не исключено также гнездование в этом хребте и западнее, в верховьях р. Мерке, где 13-15 июля 1929 г. «встречен очень осторожный самец на перевале к югу от Сандыка, на безжизненной мелкой каменистой россыпи» (Портенко, 1961, с. 124). Распространение во Внутреннем Тянь-Шане, обозначенное полвека назад фразой: «Краснобрюхих горихвосток в гнездовое время мы находили по всем хребтам, за исключением Чаткальского и Ферганского» (Птицы Киргизии, 1960, с. 233) осталось верным лишь для двух упомянутых хребтов – до сих пор они здесь так и не встречены (см. рис. 330). Что же касается остальных хребтов, то гнездование краснобрюхой горихвостки доказано только для двух мест: района высокогорного озера Чатыркуль с ограничивающими его с юга горами Котур-Таш, а также гор Боор-Албас, окружающих второе высокогорное озеро – Сонкуль (Кыдыралиев, 1959). Кроме этих двух точек единичные летние встречи взрослых птиц известны для перевала Кызарт из Джумгола в Кочкор (2800 м, добыты 17 июня 1953 г.), окрестностей перевала Долон, верховьев рек Каракуджур и Болгарт на южном склоне западной части хребта Терскей Алатау (3000 м, июль 2005 г.), верх. ущелья Акибулак (3400 м, хр. Атбаши, 24 июня 2016 г.) и долины Аксая (3100 м, 30 июля 2003 г.) ниже Орто-Корумду (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Указание на гнездование в арчовом редколесье Сарычелекского заповедника (Лебяжинская, 1992) ничем не подтверждено и скорее всего ошибочно. Вообще для Западного Тянь-Шаня до недавнего времени доказательств гнездования краснобрюхой горихвостки не было, что дало повод отрицать здесь это гнездование: «Никаких корректных подтверждений гнездования для Западного Тянь-Шаня нет. Встречи могут быть связаны не с тянь-шанскими высокогорными популяциями, а с птицами, гнездящимися в более северных регионах – Алтай и др.» (Митропольский, 2002, с. 167). Однако вскоре сомнениям был положен конец: 15 июля 2016 г. в верховьях Пскема (верховье Шабырсая) на границе нивального пояса ниже ледника Озёрный встречены пара взрослых и летающий молодой (Тен и др., 2017). Тем самым получили правильную трактовку и наши августовские встречи в заповеднике Аксу-Джабаглы (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966). Наконец, на южной границе нашего района краснобрюхая горихвостка гнездится на востоке Алайского хребта: «В Алайском хребте её нашли Северцов на пер. Актерек, Барей и Молчанов на пер. Тенгизбай, а Кочубей добыл её у Дарауткургана на южном склоне хребта» (Иванов, 1969, с. 269). Чуть западнее последней точки краснобрюхая горихвостка оказалась фоновым видом высокогорья на леднике Абрамова (3500-4500 м) в верховьях р. Коксу на склоне Алайского хребта (Ноздрюхин, 1989).

Численность. Немногочисленная птица, хотя в наиболее подходящих гнездовых обитаниях может быть обычной. И только в районе Чатыркуля (3530 м), где с 28 мая по 2 июля 1957 г. обнаружено 7 жилых гнёзд этого вида, она была многочисленной (Кыдыралиев, 1959). В сыртовой части Терскей Алатау, где в 1953-1954 гг. краснобрюхая горихвостка была «характерным представителем авифауны сыртов

и гнездилась в непосредственной близости от ледниковых морен в пределах 3200-4200 м, численность её была невысокая, но весьма постоянная: в среднем в одном ущелье гнездилось 2-4 пары» (Степанян, 1959, с. 118). Также фоновым видом была она на леднике Абрамова в Алайском хребте (Ноздрюхин. 1989). В научном посёлке «Космостанция» (Заилийский Алатау, 3300 м), состоящем из 15 строений, в 1980 г. на площади 6 га гнездилось 6 пар этих горихвосток, такая высокая плотность (1 пара/га) в естественных биотопах просто невозможна (Ковшарь, Жатканбаев, 1990). Высокой численности и плотности распределения достигают краснобрюхие горихвостки в местах зимовок. В облепиховых зарослях побережий Иссык-Куля это одна из первых по численности птиц. В январе-феврале 1962 г. здесь учитывали 286 особей на 22 км маршрута [220 особей/км^2], что составило 25% от всех встреченных здесь птиц 38 видов (Второв, 1963). Одним из фоновых видов зимней авифауны в кустарниках Восточного Прииссыккулья была она и в зимы 1973-1984 гг. (Верещагин, 1991). В феврале-марте 1968 г. здесь же она доминировала среди птиц вместе с арчовой чечевицей (*Carpodacus rhodochlamys*), учёт на маршруте 20 км дал цифру 540 особей/км^2. «Определение плотности этого вида на круговых гектарных площадках (среднее из 9 подсчётов) дало близкую цифру 6,6±1,4 особей/га (600 особей/кв. км). С вероятностью 0,9 в этом случае можно говорить о доверительном интервале от 3,8 до 9,6 особей/га» (Второв, 1969, с. 149). Спустя более 30 лет, в декабрьских учётах 2000-2002 гг. в облепиховых зарослях на побережье Иссык-Куля учитывали до 18-20 краснобрюхих горихвосток в день, они вошли в число 6 доминантов авифауны, составляя от 18.6 до 25% всех учтённых воробьиных птиц (Кулагин, 2003). В других местах численность зимующих многократно ниже. Так, в прибрежных тугаях ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау), заросших облепихой и шиповником, в ноябре 1990 и 1994 гг. учитывали до 1.66 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) зимой встречаются единично, ещё более редки они зимой в Чаткальском заповеднике (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Головцов, 2007). «Судя по обилию экземпляров, собранных здесь коллекторами Северцова, она обычна зимой у восточной части Алайского хребта» (Иванов, 1969, с. 270). Видимо, раньше часто зимовала в Ферганской долине, до её преобразования.

Сроки. Даты. На местах зимовок краснобрюхие горихвостки находятся с октября по март. Так, в 1957 г. первые особи, покинувшие гнездовый биотоп, отмечены на р. Он-Арча (приток Нарына) 28 сентября, а 6-7 октября 1957 г. они были уже многочисленны на Иссык-Куле (Кыдыралинв, 1959). Откочёвка с мест зимовки начинается в марте и заканчивается в апреле. В Таласском Алатау мы встречали последних 28 марта 1960 и 13 марта 1964 гг. в с. Новониколаевка, 21 марта и 6 апреля 1964 г. в долине р. Джабаглы (Ковшарь, 2966). В Боролдайтау (Каратау) в ущ. Кокбулак двух запоздавших зимующих видели ещё 28 марта 2012 г. (Чаликова, 2012). В одном из ущелий южного склона Турайгыра (восточный отрог Заилийского Алатау) самец встречен ещё 20 апреля 2003 г. (Коваленко, 2005: КОБ-2004). В Б. Алматинском ущелье в 1965 г. самцов краснобрюхой горихвостки встречали на южных склонах лесного пояса (2500 м) с 1 по 15 апреля и только 20 апреля они появились на местах гнездования, на высоте 3300 м (Кузьмина, 1970).

Биология. Всё ещё мало изучена, хотя за вторую половину XX ст. накопилось немало фактов находок её гнёзд, и несколько публикаций посвящены именно биологии данного вида (Кыдыралиев, 1959; Второв, 1969; Ковшарь, Жатканбаев, 1990). В районе озера Чатырколь и гор Котур-Таш южнее его в 1957 г. найдено и описано 7 гнёзд, на Покровских сыртах в 1955 гг. – три гнезда; описаны места расположения гнёзд, их размеры, величина кладок и размеры яиц (Кыдыралиев, 1957, 1959). В Терской Алатау в 1953 и 1954 гг. Л.С. Степанян (1959) нашёл два жилых гнезда красноспинной горихвостки, устроенных в одном и том же месте – в нише стены каменной избушки в ущелье Кара-Баткак; автор подробно описал устройство гнезда и уточнил цвет яиц – белый, а не голубой, как было указано в сводке «Птицы Советского Союза» (Гладков, 1954); он же 27 июня в ущелье Сава-Тер наблюдал, как две пары горихвосток носили корм птенцам в гнёзда, расположенные в скалах, а на Арабельских сыртах 15 августа 1953 г. наблюдал 4 выводка самостоятельных молодых. В 1955 г. два гнезда (в скале и в лёссовом обрыве) найдены на Покровских сыртах, в обоих (4 и 29 июня) было по 4 птенца (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В верховьях Текеса (3400 м) гнездо этой горихвостки в расщелине скалы в 10 м от земли (17 июня 1957 г. – маленькие птенцы) нашёл А.А. Винокуров (1961), встретивший здесь же три выводка летающих птенцов. Сведения о гнездовании краснобрюхой горихвостки под крышами кошар и на чердаках «культцентров» на сыртах Центрального Тянь-Шаня опубликовал Р.И. Злотин (1968). В Заилийском Алатау в научном посёлке «Космостанция», расположенном на перевале Жусалы-Кезень

(3300) из Б. Алматинского ущелья в Проходное (Алмарасан), первые два гнезда под крышами домов найдены в 1965 г. (Кузьмина, 1965), а в 1971-1980 гг. из 10 известных нам гнёзд только одно помещалось в трещине почти отвесной скалы высотой 15 м, расположенной в 1 км от станции (23 июля 1980 г. в нём были пуховые птенцы), остальные 9 помещались в постройках (Ковшарь, Жатканбаев, 1990). В последней публикации описано расположение и устройство каждого из этих гнёзд и их содержимое по датам; дано описание 4 пуховых птенцов. Кроме того, отмечено случайное гнездование краснобрюхой горихвостки (17 июля 1973 г. – два слётка) под крышей дома астрономов в посёлке ГАИШ, на высоте всего 2700 м, у верхней границы леса (Ковшарь и др., 1978).

303. Водяная горихвостка – *Chaimarrornis leucocephalus* (Vigors, 1831)

white-capped water redstart, river chat (англ.), Weißkopfschmätzer (нем.), rouge-queue à calotte blanche (фр.), суу кыш куйрук (кирг.), дучи сафедтуппи (тадж.), сув қизилқуйруғи (узб.)

Синонимы: Белоголовая краснохвостка (Пржевальский, 1876; Портенко, 1954). Белошапочная горихвостка (Дементьев, 1937; Гладков, 1954). Гималайская горихвостка (Дементьев, 1937).

Север-западная граница ареала этого вида, обитающего в Памиро-Алае, всегда проходила по южным склонам Туркестанского и Алайского хребтов (Иванов, 1969), т.е. южнее Тянь-Шаня. На южном склоне Алайского хребта в 1980-1988 гг. её наблюдал на гнездовании В.В. Ноздрюхин (1989) в верховьях р. Коксу в районе ледника Абрамова. Осенью 1992 г. двух кочующих одиночек встретили северо-восточнее, в каньоне Данги в 20 км к югу от города Ош (Касыбеков и др., 1996). В июле 2004 г. мы встретили её на гнездовании в двух ущельях северного склона Алайского хребта: 20 июля – в верховьях правобережного притока р. Аксу выше с. Иордан (39°55′с.ш., 71°45′в.д., высота 2400 м) и 29-30 июля в средней части ущелья Исфайрамсай (39°56′ с.ш., 72°06′в.д., высота 1500 м). В первом месте три взрослые птицы летали друг за другом на каменистых россыпях склона в 10-30 м от речки среди роскошного арчового леса, в другом месте мы два дня наблюдали явно территориальную пару, кормившуюся на прибрежных камнях-валунах. От краснобрюхой горихвостки все 5 встреченных птиц хорошо отличались отсутствием белого зеркальца на крыле и чёрным окончанием рыжего хвоста, что было хорошо заметно, когда птица его распускала – обычно при посадке или при взлёте. Голос их похож на крик оляпки, но более короткий и однократный (цзить… цзить…) – через каждые 10-15 секунд (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

В июне 2015 г. водяная горихвостка оказалась довольно обычной на р. Мурдаш в Алайском хребте: «Здесь 28 июня в начале ущелья (1900 м) держались две пары горихвосток. Одна пара строила гнездо – птицы собирали шерсть и конский волос на берегу реки и носили в расщелину на скале, где виден был край гнезда, скрытый за кустиком на высоте около 1 м над водой. Вторая пара держалась в 100 м выше по реке, где двумя неделями ранее птицы строили гнездо (С.А. Торопов, устн. сообщ.). При повторном посещении 2 июля помимо предыдущих двух пар, выше по ущелью (1900-2300 м) на протяжении 10 км обнаружилось ещё как минимум семь гнездовых участков, на трёх отмечены слётки. Всего было встречено 18 птиц – взрослых и хорошо летающих слётков с доросшими хвостами. В целом, горихвостки по ущелью были найдены везде, где есть подходящие скалы, представляющие собой ровные нависающие над водой стены, на которых они и гнездятся. Поведение горихвосток было очень своеобразным – они подолгу могли сидеть без движения на камнях у потока или затаившись в тени какой-нибудь ниши на скале. Удивительно, что их голос почти не

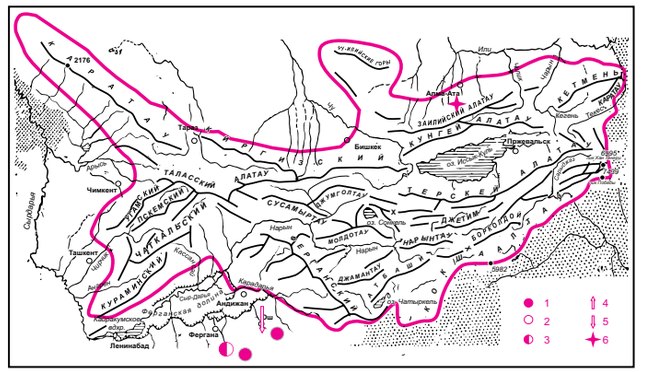

Рис. 331. Распространение водяной горихвостки:
1 – гнездование, 3, 5 –встречи летом, осенью, 6 – залёт

отличался от тревожных криков перевозчиков, которые также встречались по руслу реки» (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016, с. 153-154). Все приведенные встречи свидетельствуют о явном продвижении этого вида к северу. Наконец, 1 сентября 2008 г. одиночного молодого самца сфотографировали в нижней части Б. Алматинского ущелья Заилийского Алатау (1400 м) на берегу р. Алмарасан (Дякин, 2009). Не исключено, что в ближайшие годы встречи водяной горихвостки на территории Тянь-Шаня будут повторяться.

304. Сизая горихвостка – *Rhyacornis fuliginosa* (Vigors, 1831)

plumbeous (water) redstart (англ.), Wasserrötel (нем.), rouge-queue fuligineux (фр.), кок кыш куйрук (кирг.), дучи кабуд (тадж.)

Синонимы: *Phoenicura plumbea* Gould, 1836; *Ruticilla simplex* Lesson, 1840; *Ph. rubricauda* G.R. Gray, 1844; *Ph. lineoventris* Horsfield et Moore, 1854. Сизая краснохвостка (Портенко, 1954).

Эта обитательница гор юго-восточной Азии, западная граница ареала которой ближе всего подходит к нашему району в области Гиндукуша и Памира, видимо, залетала и к юго-западной границе Тянь-Шаня. Так, 7 июля 1908 г. Н.А. Зарудный (1910) добыл самца на р. Кара-Куль южнее с. Исфара в северных предгорьях Туркестанского хребта (Гладков, 1954; Иванов, 1969; Степанян, 1978, 1990, 2003). Однако этот экземпляр в коллекциях не сохранился, а поскольку других встреч не было, А.И. Иванов (1969) воздержался от включения сизой горихвостки в список птиц Памиро-Алая. Однако совсем недавно сизая горихвостка была встречена в северо-восточном Прибалхашье: 9 июня 2011 г. самца сфотографировали на р. Аягуз, в районе станции Актогай (Gabor Papp, www.birds.kz; Исабеков, Белялов, 2013). Залёты её в район Тянь-Шаня в ближайшем будущем вполне вероятны.

305. Соловей-белошейка – *Irania gutturalis* (Guérin-Méneville, 1843)

white-throted robin (англ.), Weißkehlsänger (нем.), Iranie à gorge blanche (фр.), ақмойынды бұлбұл (каз.), ак тамак булбул (кирг.), булбули сафедгардан (тадж.), оқтомоқли булбул (узб.)

Синонимы: *Irania finoti* De Filippi, 1863; *Saxicola albigularis* Pelzein, 1863; *I. albigula* Severtzov, 1873. Белогорлый соловей (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Иванов, 1969). Монотипичный вид.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке и Аравии (рис. 332).

Биотоп. Этот обитатель кустарников довольно разборчив в выборе мест для гнездования. В Каратау белошейка населяет склоны, поросшие крупными кустарниками: клёном, разнолистной грушей, персидской рябиной, между которыми попадаются осыпи крупных камней, высотные пределы здесь 800-1500 м. В Таласском Алатау: «Излюбленной стацией вида являются сухие каменистые склоны, поросшие железным деревом, барбарисом, крушиной, одиночной кустистой арчой, крупными зонтичными и другим ксерофитным высокотравьем. Близость скал, крупных камней. Осыпей делает обстановку ещё более удобной. В этих условиях белогорлый соловей был особенно многочислен на склоне южной экспозиции в каньоне Аксу, в ущелье Кши-Каинды и Джабаглы, на склонах Улькен-Каинды до высоты 2245 м… Вверх по сухим сильно прогреваемым склонам с кустарниками соловей поднимается до верхнего края древовидных арчевников… В предгорную степь соловей глубоко проникает по обильным кустарникам каньонов и в Аксу, например, обычен ещё в пятнадцати километрах от гор» (Шульпин, 1965, с. 188). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня это «типичная птица кустарниковых зарослей мезофильных арчовых редколесий» (Корелов, 1956), а в северных предгорьях Алайского хребта мы встретили их в арчовых редколесьях сухого южного склона хребта Катыранг (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Распространение. Тянь-Шань находится на восточной границе ареала этого средиземноморско-переднеазиатского вида (рис. 332), который занимает здесь только самую западную его часть (рис. 333). Ареал этого соловья в последнем издании «Конспекта орнитологической фауны…» описан следующим

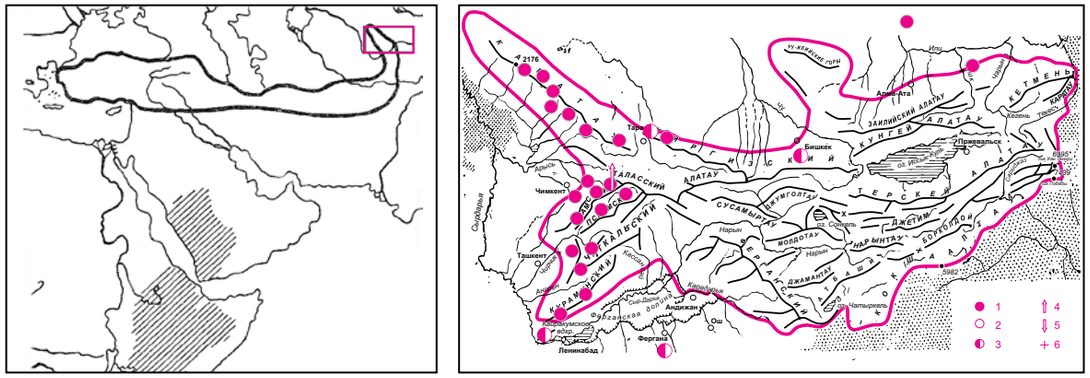

Рис. 332. Ареал соловья-белошейки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 617
Рис. 333. Распространение соловья-белошейки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

образом: «От западного побережья Малой Азии до Западного Тянь-Шаня (западные части Киргизского и Таласского хребтов, хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский, Кураминский), в пределах Алайской системы к востоку до Дарвазского хребта, до западной части Гиндукуша» (Степанян, 2003, с. 585). Однако и в самом Памиро-Алае распространение белошейки известно плохо: «Никаких данных о распространении белогорлого соловья на севере Памиро-Алая нет, если не считать единственной птицы, добытой Северцовым в горах Моголтау против Ленинабада 26 мая, т.е. явно в гнездовое время (колл. ЗИН)» (Иванов, 1969). В этом плане представляет интерес встреча нами трёх взрослых соловьёв-белошеек 28 июля 2004 г. в разреженных высокоствольных арчевниках хребта Катыранг недалеко от села Орозбеков (40º00’ с.ш., 71º33 в.д., высота 1600 м), т.е. в северных предгорьях западной части Алайского хребта (Ковшарь, Ланге, Торопова. 2005). В Западном Тянь-Шане белошейка гнездится во всех хребтах – от южных склонов Кураминского до самой высокой части Каратау (Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Кузьмина, 1970; Абдусалямов, 1973; Иващенко, 1979, 1982; Митропольский и др., 1981; Губин, 1989; Чаликова, Иващенко, 1990; Губин, Карпов, 1999; Гаврилов, Колбинцев, 2002, 2004; Головцов, 2007). За пределами Западного Тянь-Шаня впервые найден летом 1960 г. в самой западной части Киргизского Алатау, где в сухом безымянном ущелье почти напротив станции Акыртюбе встречены пары со слётками, тогда как в 1957 и 1958 гг. это ущелье дважды обследовалось, но «белогорлых соловьёв здесь определённо не было, как не было их и во всех остальных исследованных нами ущельях на северных склонах Киргизского Алатау на всём протяжении – от западного окончания до ущелья Карабалты в центральной части включительно» (Корелов, 1964, с. 151). Эта публикация явилась первым сигналом о расширении ареала белогорлого соловья на северо-восток. В ущелье Улькен Алмалы того же хребта (20 км восточнее города Тараз) двух поющих самцов встретили 4-5 июня 1997 г. (Белялов, 2007). Но ещё до этого, в начале мая 1984 г. птицеловы отловили для содержания в неволе нескольких самцов соловья-белошейки намного восточнее – в урочище Кербулак (горы Малайсары) на правом берегу реки Или (Лапшин, 2003: КОБ-2002). В 2003 г. соловья-белошейку встретили ещё в двух местах восточнее ареала (см. рис. 333): 19 мая – в восточной части Киргизского хребта в 20 км южнее Бишкека, что явилось первой встречей для территории Киргизии (Торопова, Торопов, 2005) и 7 июня 2003 г. в горах Сюгаты, в восточных отрогах Заилийского Алатау (Джаныспаев, Коваленко, Белялов, 2004: КОБ-2003). В последнем месте встречены два самца, один из которых носил корм, а 13 июня осмотрено гнездо с пятью птенцами-слётками. В этом же месте 22 мая 2004 г. видели двух поющих самцов (Коваленко, 2005: КОБ-2004), а 14 июня 2004 г. самец и самка носили корм в гнездо (Ковшарь, 2005: КОБ-2004). Правда, в последующие годы белошеек здесь больше не встречали.

Численность. Подвержена очень сильным изменениям, что можно продемонстрировать на примере территории заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) с её 90-летней историей орнитологических наблюдений. В 1926 г., по наблюдениям А.П. Коровина, соловей-белошейка был здесь «очень обильным», а в 1933 и 1935 гг. встречался повсеместно (Шульпин, 1965), но затем численность стала снижаться: в 40-х гг. он ещё гнездился в небольшом числе по склонам долины Джабаглы (Шевченко, 1948), а в 1959-1965 гг. мне удалось встретить его летом лишь один раз. И только в апреле 1966 г.

удалось найти здесь первое гнездо (Ковшарь, 1966). В 1968-1978 гг. обнаружено ещё 6 гнёзд (Иващенко, 1979), т.е. численность восстановилась. Новая депрессия численности началась в 1991 г. (Чаликова, 2003 а). По наблюдениям 1990-2005 гг., постоянно белошейка гнездится только в Каратау (в Малом Каратау это самый многочисленный после плешанки вид дроздовых – Губин, Карпов, 2000), откуда при возрастании численности расселяется в соседние места (Чаликова, 2006). При высокой численности в 1987 г. в урочище Чуулдак гнездилось 3 пары на 4 га арчевников, а встречаемость на маршрутах была 0.4-0.9 особей/час (Чаликова, Иващенко, 1990).

В Малом Каратау (ущелье Журунсай) 10 мая 1991 г. насчитали 15 поющих самцов на 4 км маршрута и в этом же ущелье нашли 9 гнёзд (Губин, Карпов, 1999). Высокая численность соловья-белошейки отмечена в 2003 г. в скальном массиве Кенчектау (северная часть Каратау), где он оказался фоновым видом наряду с пёстрым каменным дроздом в нижнем поясе гор; со степной пустельгой и белобрюхим стрижом – в верхнем (Гаврилов, Колбинцев, 2004: КОБ-2003). В Кокпекском ущелье (Сюгатинские горы), где 13 июня 2003 г. нашли гнездо с птенцами, в этом же отщелке на маршруте в несколько сотен метров встретили ещё четырёх территориальных самцов, причём трое из них пели (Джаныспаев, Коваленко, Белялов, 2004). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня соловей-белошейка немногочислен, а местами просто редок (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Головцов, 2007), а в долине Пскема в 2001-2016 гг. вообще не встречен (В. Ковшарь, 2003; Митропольский, 2005, 2008; Тен и др., 2017). Высказано мнение о зависимости его численности от антропогенной нагрузки на биотопы (Митропольский, 2002).

Сроки. Даты. Данных очень мало. В долине Угама и в Каратау первых отмечали 24 апреля (Кузьмина, 1970), в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) – 27 апреля 1972 г. (Губин, 1989). Те же даты – с 22 по 28 апреля – приводятся для Памиро-Алая (Иванов, 1969). Позднее 31 августа никто на Памиро-Алае белошейку не наблюдал (Иванов, 1969), а в заповеднике Аксу-Джабаглы самые поздние встречи – 17 августа 1961, 18 августа 1935 и 21 августа 1926 гг. (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966) и только однажды в ущелье р. Джабаглы П.А. Янушко добыл самку намного позже – 11 сентября. Пролёт этого вида нигде не выражен – даже на Чокпаке, где за 50 лет добыли всего одного самца 11 мая 1968 г. на прилегающих южных склонах хребта Боролдай; вполне возможно, что птица была местной.

Биология. Мало известна, несмотря на то, что в литературе накопилось немало разрозненных фактов – данных о датах нахождения гнёзд, вылетевших выводков и пр. Больше всего таких сведений получено по Таласскому Алатау, где в 80-х гг. найдено 29 жилых гнёзд и проведены некоторые отрывочные наблюдения за ними (Чаликова, Иващенко, 1990). В южных хребтах Западного Тянь-Шаня описано 6 гнёзд (Корелов, 1956; Митропольский и др., 1981). В Малом Каратау осмотрено 9 жилых гнёзд (Губин, Карпов, 1999). Очень желательно провести планомерное исследование биологии этого интересного вида.

306. Тугайный соловей – *Erythropygia galactotes* (Temminck, 1820)

rufous bush robin, rufous bush chat (англ.), Heckensänger (нем.), agrobate roux (фр.), тоғай бұлбұлы (каз.), булбули тугайзор (тадж.), тўқай булбули (узб.)

Синонимы: *Sylvia* [*Cercotrichas*] *galactotes* Temminck, 1820; *S. familiaris* Ménétries, 1832; *Aedon familiaris transcaspica* Buturlin, 1909; *Agrobates f. persica* Zarudny et Härms, 1911; *A. galactotes iranica* Ticehurst, 1922. Рыжая славка (Шнитников, 1949; Иванов, 1969). Рыжехвостая славка[10] (Корелов, 1972).

Подвид. Из 5 подвидов в нашем районе встречается *Erythropygia galactotes familiaris* Ménétries, 1832.

Характер пребывания. Гнездящаяся по окраинам перелётная птица. Зимует в Индии (рис. 334).

Биотоп. Кустарники в пустыне и полупустыне, включая саксаульники, заросли чингила, гребенщика; особенно важен для неё последний (*Tamarix*). Гор избегает, но во время пролёта пересекает

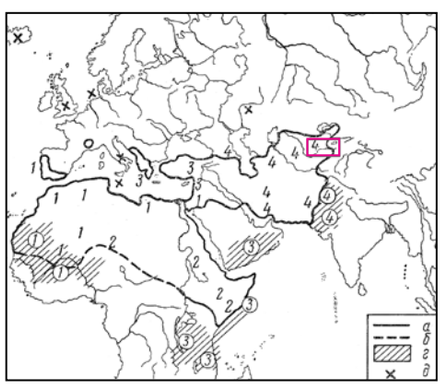
[10] О перемещении этой птицы из семейства славковых в семейство дроздовых рекомендую прочитать обстоятельные «Замечания по систематике» в сводке по птицам Памиро-Алая (Иванов, 1969, с. 315) – *АК*

невысокие хребты – Каратау, Боролдай, в которых в это время встречается регулярно. Гнездится обычно не выше 500-600 м, но на юго-западе Памиро-Алая (Бабатаг) поднимается до 1200-1300 м (Иванов, 1969).

Распространение. Расположение нашего района на северо-восточной границе ареала этого пустынного вида (рис. 334) и горный характер местности обусловили гнездование тугайного соловья только по его окраинам – северным, западным и южным (рис. 335). На севере он гнездится по сухим речным руслам с кустарниками речек Копалысай, Жынгельды, Тесик и др., стекающих с северных склонов Чу-Илийских гор, и там же – по безводным галечниковым конусам выносов, поросшим курчавкой, тамариском и саксаулом (Березовиков и др., 1999). «Гнездится в пустыне у западного окончания хр. Каратау, в этом районе был найден В.А. Селевиным (1935) и И.А. Долгушиным (1951). Местами по сухим руслам проникает в ущелья предгорий южных склонов Каратау» (Корелов, 1972, с. 206). Не представляет редкости в зарослях тамариска на берегах озера Кызылколь (северный склон Каратау), где поющих самцов отмечали 31 мая 1997, 28-29 мая 2001 и 7 июля 2002 г. (Губин, Белялов, 2017), а 16 мая 2014 г. нашли гнездо с кладкой (Корнев, 2016). У южной границы Тянь-Шаня Н.А. Северцов добыл тугайного соловья в горах Моголтау, против Ходжента, в начале июня, т.е. уже в гнездовое время; а Н.А. Зарудный нашёл два гнезда с насиженными кладками 14 июня 1908 г. на окраине песков Кайраккум (Иванов, 1969); сейчас часть песков затоплена водами одноименного водохранилища. Только на осеннем пролёте 23 августа добыт Т. Бареем у кишлака Зардалы в Алайском хребте (Иванов, 1969). В других местах тугайный соловей отмечен на пролёте (рис. 335), хотя в зарослях гребенщика на левобережье Илийской котловины, вблизи северных подножий гор Сюгаты и Богуты, где мы неоднократно встречали его в мае 1997-2005 гг., он вероятнее всего, в небольшом числе гнездится.

Численность. Немногочислен, хотя в северных предгорьях Чу-Илийских гор отмечали 3-5, местами до 10 пар на 1 км, а 9-10 мая 1997 г. в пойме р. Тесик видели 20 особей; в этих местах описано 10 гнёзд (Березовиков и др., 1999). На озере Кызылколь в Каратау 21 мая 2001 г. встретили около 20 поющих самцов (Губин, Белялов, 2017). На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. отловили 5, в осенние – 11 тугайных соловьёв (А. Гаврилов и др., 2017). В остальных местах – редкие встречи одиночных особей.

Сроки. Даты. Прилетает в апреле. Под Ташкентом первых в разные годы отмечали 19-25 апреля, сам пролёт идёт в мае, но во второй его половине попадаются лишь редкие одиночки. На Чокпаке с 3 мая (1982) по 21 мая (1995) отловили 5 тугайных соловьёв (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау одиночек отмечали 24 апреля 1996 г. в ущелье Курсай, 25 апреля 1996 г. – в ущелье Турлан, 2 мая 2013 г. – в ущелье Карагашты; в каждую дату – по 3 одиночки (Губин, Белялов, 2017). В каньоне речки Копалысай (Чу-Илийски горы) первых встретили 29 апреля 1997 г. (Березовиков и др., 1999). Осенью очень незаметный пролёт одиночками идёт в августе. В низовьях р. Чу снижение численности тугайных соловьёв было заметно в конце августа в 1930 г., а после 15 сентября их не встречали; под Ташкентом перестают встречаться к концу августа (Корелов, 1972). На Чокпаке с 16 августа (2003) по 9 сентября

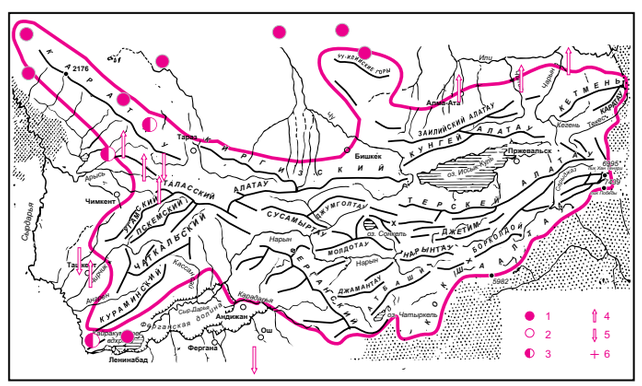

Рис. 334. Ареал тугайного соловья и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Рустамов, 1954, с. 389
Рис. 335. Распространение тугайного соловья в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

(1987, 1998) окольцевали 11 тугайных соловьёв; срединная дата пролёта, по этим данным, – 31 августа (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В нашем районе не изучена. Интересное описание гнёзд этого вида, взятое из рукописи Н.А. Зарудного, опубликовано в книге «Птицы Памиро-Алая». Как представляющее несомненный интерес для будущих исследователей привожу его полностью: «Зарудный даёт описание двух гнёзд, найденных им 14 июня 1908 г. на окраине песков Кайраккум. Одно гнездо располагалось на краю торной тропы, пересекающей негустые заросли гребенщика; оно лежало прямо на ровной земле, без ямки, одной стороной гнездо было прислонено к кусту, с другого бока к гнезду примыкал пологий помост длиной в 24 см. Само гнездо просторное, глубокое, рыхлое и непрочное. Внутренний слой его свит из рыхлых полуистлевших листьев осок и злаков, комков ваты и шерсти, жилок и истлевших листьев камыша и других злаков. Лоточек был выстлан разорванным на куски змеиным выползком. Зарудный особо отмечает, что он не находил гнёзд рыжей славки без такой выстилки. На границе с наружным слоем в стенках гнезда были комки бараньей шерсти и ваты. Наружный слой состоял из грубых соломинок, листьев злаков, прутиков гребенщика и других кустарников; помост сделан из такого же материала, но более грубого. Второе гнездо тоже лежало прямо на земле, примыкая одной стороной к кусту, наружный слой от лоточка спускался к земле очень полого. Материал гнезда тот же. В обоих гнёздах было по 4 довольно сильно насиженных яиц» (Иванов, 1969, с. 315). По наблюдениям 1996-1999 гг. в северных предгорьях Чу-Илийских гор описаны 10 гнёзд тугайного соловья и приведены даты встреч первых слётков – 6 июня 1997 г. и 4 июня 1999 г. (Березовиков и др., 1999). Близ Карамуруна (северо-западная оконечность Каратау) гнездо с 5 свежими яйцами найдено на кусте саксаула 18 мая 1941 г. (Долгушин, 1951), а около озера Кызылколь (северный склон Каратау) 5 слабо насиженных яиц были в гнезде 16 мая 2014 г. (Корнев, 2016). Обращает на себя внимание разница в месяц между данными Н.А. Зарудного и сведениями последних лет, однако для вывода о возможности двух кладок у этого вида необходимо проведение специальных исследований, которые желательны и по многим другим причинам.

307. Зарянка – *Erithacus rubecula* (Linnaeus, 1758)

robin (англ.), Rotkehlchen (нем.), rouge-gorge familier (фр.),
таңшымшық (каз.), танчымчык (кирг.), зарянка (узб.)

Синонимы: *Rubecula pinetorum* Brehm, 1831; *R. foliorum* Brehm, 1831; *R. septentrionalis* Brehm, 1831; *Erithacus dandalus sardus* Kleinschmidt, 1906. Малиновка (Шнитников, 1949; Портенко, 1954).

Подвид. Из 8-10 признаваемых подвидов в Тянь-Шане бывает *E. r. tataricus* Grote, 1928.

Характер пребывания. Зимующая и пролётная птица.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность в горах, предгорьях и населённых пунктах.

Распространение (рис. 336). К нам прилетают на зимовку только самые восточные популяции этого в основном европейского вида, поэтому зарянка у нас редка и спорадична; не исключено, что и появляется не ежегодно. Предположение В.Н. Шнитникова (1949) о возможном гнездовании её в горных лесах ничем не подтверждено до сих пор, спустя 70 лет, и неверно; также вызывает сомнение и упоминние о двух шкурках, добытых 10 июня и 25 августа в Южном Семиречье (год неизвестен), якобы полученных Хартертом от препаратора Куценко. Других достоверных встреч в летнее время в нашем районе нет. Крайние даты встреч в Тянь-Шане – 16 сентября 1925 г. самец добыт Г.З. Кольцовым на р. Чирчик близ Ташкента (Балан, 1960) и 12 апреля 1970 г. одну окольцевали

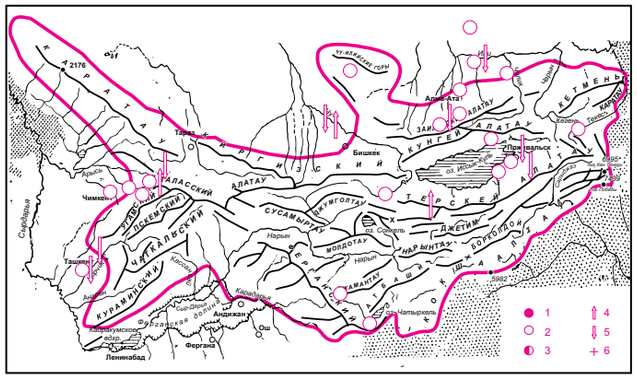

Рис. 336. Распространение зарянки в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

на Чокпаке (Гаврилов, Гисцов, 1985). В зимнее время, с октября по март, зарянок изредка встречали и добывали в районе Ташкента, Чимкента, в долине Арыси и низкогорье Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), в предгорьях и в нижней части пояса елового леса хребта Заилийский Алатау, в т.ч. в городе Алматы; в тугаях р. Или и её притоков; в Чу-Илийских горах; в Иссык-Кульской котловине и Кочкорской долине, а также в высокогорных Текесской и Арпинской долинах (Шевченко, 1948; Шнитников, 1949; Балан, 1960; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии. 1960; Второв, 1963; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968; Умрихина, 1970; Кыдыралиев, 1972; Мекленбурцев, 1982; Ковшарь, Лопатин, 1983; Гаврилов, Гисцов, 1985; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991; Губин, 2001; Митропольский, 2005; Бекбаев и др., 2007; Бевза, 2012). Везде зарянок встречали одиночками и только в Пржевальске в январе 1979 г. их видели стайками по 10-15 особей (Верещагин, 1991). Пролёт очень слабо выражен даже на Чокпаке: весной здесь их отловили только дважды – 12 апреля 1970 г. (см. выше) и 24 апреля 2006 г., осенью с 18 (2001) по 28 (2002) октября поймали и окольцевали одну взрослую и 8 молодых зарянок (А. Гаврилов и др., 2017).

308. Южный соловей – *Luscinia megarhynchos* C.L. Brehm, 1831

nightingale (англ.), Nachtigall (нем.), rossignol philomèle (фр.),
зортұмсық бұлбұл (каз.), булбул (кирг.), булбули чануби (тадж.), жануб булбули (узб.)

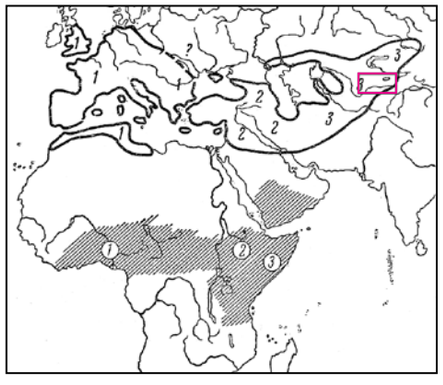
Синонимы: *L. hafizi* Severtzov, 1873; *Lusciola golzii* Cabanis, 1873. Западный соловей (Гладков, 1954). Персидский соловей (Шнитников, 1949).

Подвид. Из трёх подвидов в Тянь-Шане гнездится и пролетает один – *L. m. hafizi* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Африке (рис. 337).

Биотоп. Для гнездования выбирает густые древесно-кустарниковые или просто кустарниковые заросли, предпочтительно во влажных местах, вдоль русел горных рек и ручьёв; охотно поселяется в садах, особенно запущенных, с обилием кустарников, но живёт и в городских парках. В горах обитает до 2200 м.

Распространение. Через наш район проходит участок юго-восточнгой границы ареала этого вида (рис. 337), поэтому здесь южный соловей более плотно заселяет преимущественно западную половину (рис. 338), однако по подходящим местам он доходит до крайней северо-восточной точки: ещё на рубеже XIX и XX вв. гнёзда его находили в Джаркенте и в долине Усека (Зарудный, Кореев, 1905). Он достаточно обычен в тугайных зарослях реки Или и низовьев её левобережных притоков (Чарын, Чилик, Тургень), даже в таком удалённом от основной долины месте, как каньон Темирлика между Чарыном и хребтом Кетмень, где в конце мая 1979 г. я встретил поющих самцов во множестве. Однако на склонах самого Кетменя его нет, по крайней мере – на южном склоне, обращённом в долину

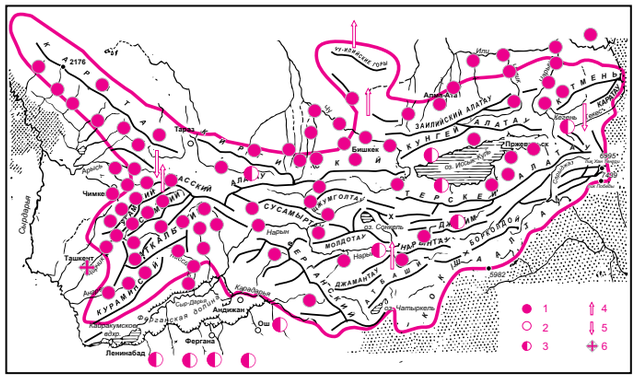

Рис. 337. Ареал южного соловья и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1949, с. 574
Рис. 338. Распространение южного соловья в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – былое гнездование

Чулкудысу; не гнездится он и в самой этой долине, как и в долинах Текеса, Баянкола и Каркары; только в июне 1975 г. пение соловьёв слышали в садах посёлка Кокпак (Корелов, 1948, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006). Обычен, а местами многочислен в нижней части лесного пояса и в садах селений в предгорьях Заилийского Алатау, от центральной его части до ущелья Женишке (Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Бородихин, 1968; Кузьмина, 1970; В. Ковшарь, 1994; Губин, 2009). В то же время нет сведений о гнездовании соловья в Кунгей Алатау, но есть упоминание, что он здесь не гнездится (Кузьмина, 1970). Обычен соловей на гнездовании в тугайных зарослях и садах селений Чуйской долины, включая город Бишкек, как и в предгорьях и нижней части северного склона Киргизского Алатау по крайней мере до Меркенского ущелья на западе (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007). Наиболее обычен южный соловей в Западном Тянь-Шане – от хребта Каратау на западе ло Таласской долины и Сарычелекского заповедника на востоке и Кураминского хребта на юге (Кашкаров, 1927; Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Юдин, 1949; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Кузьмина, 1970; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991, 1992; В. Ковшарь, 2003, 2004; Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017). Во внутренних районах Тянь-Шаня южный соловей населяет Иссык-Кульскую котловину, включая нижнюю часть лесного пояса восточной части Терской Алатау и сады населённых пунктов; в долинах Кочкора, Нарына, Кичи-Нарына, Атбаши, Кокомерена, Западного Каракола; в орехоплодовых лесах южных склонов Ферганского хребта (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Вопрос о гнездовании соловья по южному краю Ферганской долины долгое время был неясен, о чём в сводке «Птицы Памиро Алая» сказано буквально следующее: «Соловей, видимо, достаточно обычен в долинах рек, прорезающих северные склоны Алайского хребта, но я видел всего один экземпляр, добытый в Гульче. То же самое можно сказать и о Туркестанском хребте, для которого соловей указан только Зарудным, встретившим его в садах Исфары и Воруха» (Иванов, 1969, с. 279). Во время экспедиции 2004 г. мы трижды слышали соловья – 24 и 25 июля – в абрикосовом саду по берегам речки Каравшин (левый приток Исфары) и 26 июля – в русле речки Чечекты – правого притока Кшемыша, правого истока Исфары (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Восточнее, близ Дараут-Кургана (2600 м) в высокогорной Алайской долине, находится самая высокая точка гнездования южного соловья (Иванов, 1969).

Численность. Обычен, а местами многочислен на гнездовье. В Чаткальском заповеднике соловей многочислен (Головцов, 2007), в долине Пскема «в огромном количестве населяет сады кишлаков, кустарниковые заросли по склонам гор, почти до верхней границы арчового редколесья, а также галерейные леса и тугайные заросли горных речных долин» (Корелов, 1956, с. 306), а в июле-августе 2002 г., несмотря на то, что соловьи уже перестали петь, встречены в верховьях Пскема 16 раз (В. Ковшарь, 2003). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1933-1935 и 1959-1966 гг. южный соловей был обычен (Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966), а в 80-х гг. даже несколько увеличил свою численность, стал проникать из тугайного леса в арчовые редколесья – в места с достаточным количеством кустарников, где в 1984-1987 гг., по данным маршрутных учётов, встречалось в среднем 4.0-4.6 особей/час (Ковшарь, Чаликова, 1992). В 1971-1973 гг. по тугаю р. Улькен-Каинды учитываля 8 самцов; в арчовом редколесье между Кши-Каинды и Улькен-Каинды (1800-1900 м) гнездилось не менее 10 пар, а по ручью Кши-Каинды выше водопада – 3-4 пары (Губин, 2012).

Для Сарычелекского заповедника (Чаткальский хребет), где в 1925 г. южный соловей был одной из самых многочисленных птиц лиственного леса (Кашкаров, 1927), есть данные учётов 1982-1983 гг.: в яблонево-алычёвых лесах учитывали 110-120 особей/км^2, в елово-ореховых – 15, в арчовом редколесье – 23-30 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991), а по наблюдениям 1986-1987 гг. он входил в состав фоновых видов птиц яблоневого и орехово-елового леса (Лебяжинская, 1992). В Каратау в ущелье Журунсай 31 мая 1991 г. вдоль речки насчитали 10 пар, а далее вверх учтено 10 самцов на 2 км русла реки (Губин, Белялов, 2017). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) плотность на гнездовании 3.33-7.66 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В садах города Алматы был очень многочислен в начале XX ст. и ещё в 40-х гг. (Шнитников, 1949), но уже в 60-х гг. в центре города их почти не осталось (Бородихин, 1968), хотя продолжали гнездиться в роще Баума, парке имени Горького и в Ботсаду. В последнем (площадь

104 га) в 1985-1989 гг. ежегодно гнездилось 15-20 пар, найдено 10 гнёзд (В. Ковшарь, 1994), однако уже в мае-июне 1994 г. отмечено резкое сокращение их численности – до 4-х поющих самцов: причина – разорение гнёзд сильно размножившейся сорокой (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В Ташкенте в 1928-1929 гг. соловьи гнездились в городе регулярно (Сатаева, 1937), а в 30-х гг. численность их снижалась из-за вырубки кустарников; ещё в 40-50-х гг. можно было слышать пение соловья в городе, но вскоре он перестал здесь гнездится (Мекленбурцев, 1982). В Карачингиле многочислен на гнездовании (Бевза, 2012). Любопытные сведения о численности соловья в прошлом опубликовал В.Н. Шнитников (1949, с. 558): «Впрочем, есть и здесь места, где соловьи настолько многочисленны, что невольно обращают на себя внимание. Из таких мест можно назвать Сусамыр, долину р. Чаманды, Кукумерен, Западный Каракол и окрестности ст. Чоктал на Иссык-Куле. По Кореву, соловьи весьма обыкновенны и под Джаркентом». В июне 2017 г. южный соловей был обычен во многих местах Внутреннего Тянь-Шаня: в поймах рек Западный Каракол и Кокомерен, в ущелье Падыша-Ата, по всей пойме Чаткальской долины и в Таласской долине, а в зарослях облепихи на мысе Акбулун (юго-западный берег Иссык-Куля) 19 июня пело не менее 5 самцов (Архипов, Коблик и др., 2018). На пролёте на Чокпаке в 1966-1981 гг. отловили и окольцевали 4 южных соловья весной и 13 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. – соответственно 32 и 118 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетает в последней декаде апреля, пролёт продолжается до середины мая. В долине Угама первую песню слышали 21 апреля 1954 г. (Корелов, 1956). В Кураминском хребте (Сарыташсай) песню соловья слышали 25 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первую песню соловья отмечали 23 апреля 1948 и 26 апреля 1944, 1 мая 1951 и 1952 гг. (В.В. Шевченко), 1 мая 1964, 4 мая 1963 и 1965, 7 мая 1061 гг. (Ковшарь, 1966); 25 апреля 1971 и 30 апреля 1972 гг. (Губин, 2012). На Чокпаке первые песни слышали 3 мая (1973 и 1974), 5 мая 1972 и 5 мая 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 30 апреля (2006) по 25 мая (1984, 1999, 2003) отловили 32 южных соловья (А. Гаврилов и др., 2017). Однако в 1958 г. в ущелье Беркара (Каратау) самую раннюю одиночку М.Н. Корелов (2012) встретил уже 16 апреля. В Чуйской долине (близ с. Камышановка и города Фрунзе) первые песни соловья слышали 27-28 апреля 1961 г. и 29 апреля 1957 г. (Умрихина, 1970). В Карачингиле (устье Тургени) первые песни в 2003-2011 г. отмечали 19-30 апреля и 1-3 мая; осенью последнюю одиночку здесь видели 13 августа 2006 г. (Бевза, 2012). Осенний пролёт незаметен и проходит в основном в августе и первой половине сентября. На Чокпаке в 1966-1981 гг. последние достоверные встречи южного соловья – 17 сентября 1978 и 25 сентября 1971 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. его отлавливали с 16 августа (2003) по 6 октября (1987), срединная дата осеннего пролёта – 29 августа (А. Гаврилов и др., 2017). Последняя дата – одна из самых поздних, лишь в коллекции Н.А. Северцова был экземпляр, добытый в долине Текеса ещё позднее – 8 октября (Шнитников, 1949).

Биология. В Тянь-Шане специально не изучалась, но разрозненных данных опубликовано немало. Так, в сводке по птицам Киргизии (1960) приведен перечень дат нахождения 9 гнёзд (Иссык-Кульская котловина, Чуйская долина, Киргизский хребет, орехово-плодовые леса Ферганского хребта). В Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) найдено 5 гнёзд, в том числе два самых ранних с неполными кладками по два яйца – 12 мая 1951 и 18 мая 1953 гг. и самое позднее, в котором 3 июля 1963 г. шло вылупление птенцов; в двух полных кладках было по 5 яиц (Ковшарь, 1966). В среднем течении р. Ангрен (между Кураминским и Чаткальским хребтами, 1300-1400 м) описано 7 кладок, в которых было 4-5, в среднем 4.3 яйца (Митропольский и др., 1981). Для Каратау опубликованы сведения о 3 гнёздах (Губин, Белялов, 2017). В Киргизском Алатау (Сосновка) в 1934 и 1936 гг. Е.П. Спангенберг нашёл три кладки – с 4, 4 и 5 яйцами; в Алма-Ате в 1918-1920 гг. найдено 7 гнёзд с кладками и 3 гнезда с птенцами (Шнитников 1949). Там же, на территории Ботанического сада, в 1985-1989 гг. осмотрены 10 гнёзд (В. Ковшарь, 1994). В Чуйской долине, от г. Фрунзе (Бишкек) до с. Камышановка осмотрели 4 гнезда: 22 мая 1955 г. – полная кладка, 10 июня 1956 г. – 5 птенцов, 2 июня 1961 г. – 3 свежих яйца, 11 июня 1961 г. – 4 птенца (Умрихина. 1970). Около Джаркента 20 мая 1901 г. в одном гнезде было 4 насиженных, в другом – 5 сильно насиженных яиц, а 20 июня 1899 г. встречены ещё не летающие птенцы (Зарудный, Кореев, 1905); там же в 1918 г. осмотрены ещё 11 гнёзд; 20 мая – 5 свежих яиц; 26 мая – 3, 4, 5 и 5 свежих яиц; в тот же день два гнезда строились; 27 мая – 3, 5 и 5 свежих яиц; 29 мая – 5 свежих яиц (Шестопёров, 1929).

309. Соловей – *Luscinia luscinia* (Linnaeus, 1758)

trush nightingale (англ.), Sprosser (нем.), rossignol progne (фр.),
кәдімгі бұлбұл (каз.), кадимки булбул (кирг.), оддий булбул (узб.)

Синонимы: *Motacilla luscinia major* Gmelin,1789; *M. philomelos* Bechstein, 1795; *M. aëdon* Pallas, 1811; *Luscinia major* Brehm, 1831; *L. eximia* Brehm, 1855; *L. hybrida* Brehm, 1855; *L. infuscata* Severtzov, 1873; *Lusciola böhmi* Reichenow, 1886. Восточный соловей (Гладков, 1954). Обыкновенный соловей (Портенко. 1954; Иванов, 1969; Кузьмина, 1970; Степанян, 1978, 2003). Северный соловей (Ковшарь, 1966; Митропольский, 2005). Русский соловей (Шнитников, 1949). Монотипичный вид, подвиды не описаны.

Характер пребывания. Пролетает предгорьями Тянь-Шаня весной и осенью.

Биотоп. Древесно-кустарниковые заросли, но на пролёте летит и через открытые пространства.

Распространение. В очень небольшом числе этот соловей пролетает западной частью нашего района. Причина этого убедительно объяснена ещё в сводке о птицах Памиро-Алая: «Редкость обыкновенного соловья на пролёте и в пределах Памиро-Алая легко объясняется тем, что гнездовой ареал захватывает лишь небольшую часть Западной Сибири, а места зимовок расположены в Африке, так что пролётные пути не захватывают горную часть Средней Азии, обходя её с запада» (Иванов, 1969, с. 278). Единственная летняя встреча у Чимкента, где 15 июня 1938 г. был добыт один экземпляр (Кузьмина, 1970), не поддаётся объяснению. Это могла быть особь, задержавшаяся после весеннего пролёта. Ещё одно упоминание об экземплярах из Чаткальского заповедника от 18 июня и 11-23 июля (Лановенко, 1997) сомнительно, поскольку экземпляров этих в коллекции САГУ нет, а визуальное определение этого вида в местах массового обитания южного соловья ненадёжно; к тому же и автор в данной статье приводит этот вид как пролётный (Лановенко, 1997; Головцов, 2007). Во всех остальных местах этот соловей встречен только на пролёте (рис. 339). Весной его обычно добывали в мае: 16 – в Чимкенте, 17, 23 и 28 – в Каратау, 18-и 20 – около Джамбула (Тараза), 20 – на Таласе, 19 и 25 – в Чу-Илийских горах (Кузьмина, 1970). Через Чокпак пролетают довольно регулярно, хотя и в небольшом числе: один пойман в сеть 7 мая 1969 г., второй добыт 11 мая 1975 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 6 мая (1995) по 20 мая (2003) окольцевали 15 соловьёв этого вида (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) 15-17 мая 2000 г. отловили двух пролётных (Коваленко и др., 2002). Севернее Чу-Илийских гор, у кромки песков Таукум, в Каншенгеле мы встречали пролётных одиночек до конца мая 2003 г. (Ковшарь, 2004).

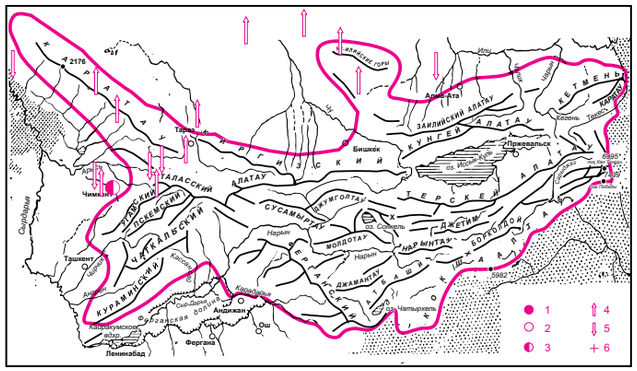

Рис. 339. Распространение соловья в Тянь-Шане:
3 – летняя встреча, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Осенний пролёт на Чокпаке выражен лучше, чем весенний. В 1966-1981 гг. здесь отлавливали до 15 соловьёв за сезон, начиная с 24 августа (1972) – 9 сентября (1969), в среднем за 5 лет – с 1 сентября; последних встречали 15 сентября (1979) – 5 октября (1970), в среднем за 5 лет – 22 сентября; всего был отловлен и окольцован 31 соловей (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 17 августа (2003) по 16 октября (2009) поймали 123 соловья, средняя дата осеннего пролёта – 5 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Немного юго-западнее, в Аксу-Джабаглы, 17 сентября 1961 г. я находил их разбившимися о провода во время ночного пролёта через долину Арыси, а В.В. Шевченко здесь же добыл двух 14 сентября 1948 г. и 8 сентября 1950 г. (Ковшарь, 1966). Одного молодого Л.М. Шульпин (1965) добыл 17 сентября 1935 г. Близ Чимкента их добывали 30 августа, 4 и 14 сентября и даже 10 октября (Кузьмина, 1970). На Сорбулаке соловей этого вида пойман всего два раза: 4 сентября 2004 г. и 25 августа 2006 г. (Белялов, Карпов, 2013).

310. Черногрудая красношейка – *Luscinia pectoralis* (Gould, 1837)

Himalayan rubythroat (англ.), Schwarzbrustrubinkehlchen, Bergrubinkehlchen (нем.), rossignol à gorge rubis (фр.), қаратөс бұлбұл (каз.), кызыл тамак булбул (кирг.), марчончумчуки сурхгардан (тадж.), қоратыш қизилтомоқ (узб.)

Синонимы: *Calliope ballioni* Severtzov, 1873. Красногорлый соловей (Штегман, 1954).

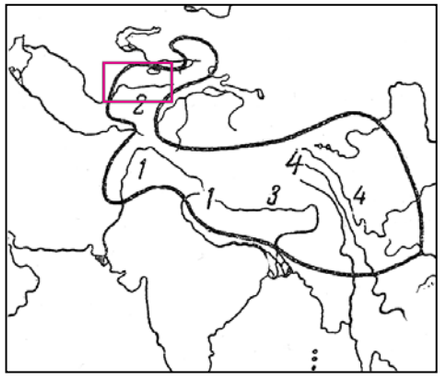
Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане гнездится один – *Luscinia pectoralis ballioni* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. В Тянь-Шане – гнездящаяся перелётная птица, зимует в южных частях своего ареала (рис. 340). Прилетает и улетает горами, пролёт нигде не выражен.

Биотоп. В Тянь-Шане черногрудая красношейка – характерный обитатель арчового стланика, вернее – луговых участков с этим кустарником. Вместе с ним она распространена от верхней границы леса до альпийского пояса, являясь фактически эндемиком субвысокогорья. Южнее, в Памиро-Алае, в местах, где стелющейся арчи нет, красношейки живут на субальпийских лугах с высокотравьем в виде конского щавеля и эстрагона (Леонович, 1962; Иванов, 1969), по склонам с зарослями шиповника (Абдусалямов, 1964). В Заилийском Алатау гнездятся в пределах 2600-3300 м; в Таласском Алатау – 2500-2900 м, на Памиро-Алае – до 3500 м (Шевченко, 1948; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966, 1979; Иванов, 1969; Губин, 2012). Выражение «типичный обитатель еловых лесов западной части Арпинской долины» (Кыдыралиев, 1972) не соответствует истине – видимо, автор имел в виду опушки лесных массивов, поскольку птица эта отнюдь не лесная.

Интересно, что во Внутреннем Тянь-Шане в 2015 г. поющих самцов красношейки встретили «на удивительно больших высотах, среди скальников, практически лишённых кустарников: 29 июня – в боковом отщелке р. Айланма (3500 м) и 30 июня – на перевале Шиман-Бель (3600 м). В арчовом лесу (2800-3200 м) ущ. Ичке-Суу 1 июля наблюдалось несколько поющих самцов» (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016, с. 154).

Распространение. В нашем районе проходит крайний северо-западный участок границы ареала этой центрально-южноазиатской птицы (рис. 340). Описание его у Л.С. Степаняна (1978, 1990, 2003), который населяет этим видом западные окраины Туркестанского и Зеравшанского хребтов, неверно – на это обратил внимание О.В. Митропольский (2001). По всей вероятности, граница ареала проходит по южным склонам Западного Тянь-Шаня (хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский, Кураминский), а южнее Ферганской долины – по восточной половине Туркестанского хребта, где красношейка найдена Н.А. Зарудным в верховьях р. Исфара, на речках Чичак и Кшемыш. О гнездовании восточнее – в сводке Птицы Памиро-Алая: «Большинство известных мне находок было сделано в Алайском хребте как на северном, так и на южном его склонах (перевалы Тарткуль, Акбогуз, Караказык и Ягачарт, кишлаки Софикурган, Ольгин луг, Дарауткурган, Талдык). В восточной части Алайской долины красношейка найдена в районе Иркештама, в частности в долине р. Нура, стекающей с Заалайского хребта (Мекленбурцев, 1862)» (Иванов, 1969, с. 277). В Тянь-Шане черногрудая красношейка (рис. 341) гнездится в субвысокогорье всех его участков – Западного, Северного, Центрального и Внутреннего. Лишь немного севернее заканчивается ареал вида, который ещё гнездится в южных отрогах Джунгарского Алатау (Тышкан близ Джаркента, Алтынэмель),

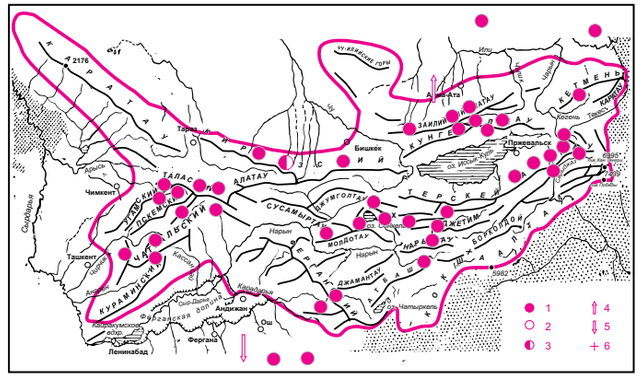

Рис. 340. Ареал черногрудой красношейки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 590
Рис. 341. Распространение черногрудой красношейки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 4, 5 – встречи весной, осенью

а бассейн Б. Баскана – самая северная точка ареала вида (Кузьмина, 1970). Пролёт нигде не выражен, даже на Чокпаке красношейка не встречена ни разу. По-видимому, сезонные перемещения проходят горами. За пределами границ района, в полупустыне у Сорбулака, пролётных красношеек дважды поймали в путинные сети: самку 22 мая 1985 г. и самца 9 мая 2010 г. (А. Гаврилов, устное сообщение; по: Белялов, 2014). А у южных границ Тянь-Шаня, в высокогорье у ледника Абрамова (Алайский хребет, 3800 м) осенний пролёт их шёл с 18 июля по 18 сентября (Ноздрюхин, 1989). Это единственное конкретное указание на пролёт красношейки в нашем районе.

Численность. В большинстве подходящих мест обычна, хотя и распространена спорадично. Так, на территории заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) немногочисленна, но в верховьях р. Кши-Аксу (2400 м) в июне 1961 г. на площади в несколько гектар мы обнаружили 5 гнёзд, и у 2-3 пар они остались не найденными (Ковшарь, 1964, 1966). В другом месте, у перевала Кши-Каинды (2500-2900 м) в 1971-1973 гг. нашли 17 жилых гнёзд (Губин, 2012). В южных хребтах Западного Тянь-Шаня, где этот вид считался очень редким, а первое гнездо найдено только в 1978 г. (Митропольский, 2001; Головцов, 2007), в июле-августе 2002 г. в верховьях Пскема встретили 7 гнездящихся пар (В. Ковшарь, 2003), а в июле-августе 2016 г. там же, от Байкыраксая до Шабыркуля, встретили 36 особей – взрослых и слётков (Тен и др., 2017). Судя по этим данным, численность вида в последние годы в этих местах увеличилась. Самая высокая численность красношеек отмечена в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау), где в 1964-1967 гг. нашли 14, а в 1971-1976 гг. – 82 жилых гнёзда (Gavrilov, Kovshar, 1970; Ковшарь, 1979). Расстояние между соседними гнёздами в 5 случаях не превышало 100 м, а однажды пара красношеек стала строить гнездо даже в 30 м от обитаемого гнезда соседней пары, но после снесения второго яйца бросила гнездо (Ковшарь, 1979). В ущелье Чон-Кызыл-Су (Терскей Алатау) в июне 1953 г. встречали до 5-6 самцов за день (Степанян, 1959). Результаты проведенных здесь в июне-июле 1962-1965 гг. учётов – 15 особей/км^2 (Второв, 1967).

Сроки. Даты. Весной прилетают в конце апреля-начале мая. В местах гнездования на Б. Алматинском озере (2500 м) прилёт их мы отмечали 1 мая 1973, 28 апреля 1974, 9 мая 1975, 30 апреля 1976 и 27 апреля 1977 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В ущелье Джиланды (Терскей Алатау) самые ранние встречи поющих самцов – 9 мая 1959 и 1961 гг. (Шукуров, 1986). В долине Кокжара (Центральный Тянь-Шань, 3000 м) во время снежного бурана 14-15 мая 1952 г. в поясе арчового стланика красношейки кормились у незамерзших ручьёв, при этом в поисках укрытия от снегопада они подлетали к палатке экспедиционного лагеря, где и были добыты самец и самка (Бибиков, 2009: КОБ-2008). О наличии пролёта в мае свидетельствуют две встречи на Сорбулаке – 9 и 22 мая (см. выше), а также добыча 10 мая [год не указан – *АК*] одиночного самца у с. Шокпар Джамбулской области в совсем несвойственной обстановке – в кустиках на равнине (Кузьмина, 1970). Осенью отлетают в основном в августе. На Б. Алматинском озере последних видели 16 августа 1971, 12 августа 1972, 23 августа 1973 и 18 августа 1974 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). На леднике Абрамова (Алайский хребет, 3800 м), где красношейка не гнездится, первых видели 25 июля, последних – 18 сентября (Ноздрюхин, 1989). Это самая поздняя встреча черногрудой красношейки в регионе.

Биология. Наиболее полно изучена в Заилийском Алатау, где около 96 гнёзд проведены специальные наблюдения за гнездованием черногрудой красношейки (Gavrilov, Kovshar, 1970; Ковшарь, 1979), причём в 1971-1976 гг. – с применением индивидуального мечения. Последнее дало возможность получить документальные подтверждения второго репродуктивного цикла, собрать материал по гнездовому консерватизму и т.д. Так, на основании мечения в 36 гнёздах 17 взрослых самок, 17 самцов и 135 птенцов удалось выяснить, что на следующий после мечения год в этом же ущелье встречено 6 взрослых (4 самца и 2 самки) и 3 прошлогодних птенца. Взрослые заняли те же гнездовые участки (новые гнёзда – в 20, 30 и 100 м от прошлогодних), а молодые гнездились в 600-2000 м от места вылупления. Интересно, что самка из позднего выводка (окольцована птенцом 21 июля), на следующий год отложила первое яйцо уже 4 июня (ненамного позже старых птиц) и снесла 5 яиц. Выяснилось, что пары образуются на месте гнездования и на один сезон: ни одна из 11 помеченных пар не сохранилась на следующий год, а в одной партнёры сменились уже во втором репродуктивном цикле того же года. Каждый из меченых самцов ревностно охранял территорию площадью 2-5 тыс. м^2, а корм для птенцов собирал как в 5-15 м от гнезда, так и в 100-150 м, пролетая при этом через охраняемые участки соседних пар. Для 7 пар красношеек получено документальное подтверждение двух репродуктивных циклов

(Гаврилов, Ковшарь, 1968; Ковшарь, 1979). Видимо, два репродуктивных цикла у этого вида есть и в других хребтах, где они предполагались раньше – Алайском (Птицы Киргизии, 1960), Таласском Алатау (Ковшарь, 1966), Кунгей Алатау (Ковшарь, 1972).

Из других хребтов наибольшее число гнёзд (22) описано для Таласского Алатау (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Самые первые для Тянь-Шаня два гнезда красношейки нашёл в Центральном Тянь-Шане в 1957 г. А.А. Винокуров (1961). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) одно не совсем обычно устроенное гнездо описал А.А. Кузнецов (1962). Также по одному гнезду упоминается для верховьев р. Каракуджур и хребта Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986), хребтов Терскей Алатау (Степанян, 1967) и Кунгей Алатау (Ковшарь, 1972), верховьев реки Пскем в Западном Тянь-Шане (Митропольский, 2001). Интересные наблюдения за поведением черногрудых красношеек опубликовал Б.К. Штегман (1954).

311. Варакушка – *Luscinia svecica* (Linnaeus, 1758)

bluethroat (англ.), Blaukehlchen (нем.), gorge bleue [à miroir] (фр.),
алабұлбұл (каз.), кок тамак (кирг.), марчончумчуки мукаррари (тадж.),

Синонимы: *Cyanecula discessa* Madarász,1902; *C. svecica aralensis* Zarudny, 1916. **[***Cyanosylvia* Brehm].

Подвид. Из 8-11 признаваемых подвидов в Тянь-Шане встречаются два: гнездится *Luscinia svecica tianschanica* Tugarinov, 1929 (1928), ареал которого описан так: «Тянь-Шань, Алайская система, Западный Памир. К северу до хребтов Киргизского и Заилийского» (Степанян, 2003, с. 581); на пролёте встречается *Luscinia svecica pallidirostris* Zarudny, 1897. Кроме того, у самых южных границ Тянь-Шаня, в Алайской долине, гнездится населяющий Памир кашмирский подвид *C. s. abbotti* Richmond, 1895 (Мекленбурцев, 1962; Иванов, 1969).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует на севере Африки и юге Азии.

Биотоп. Кустарник во влажных местах. По урёмам горных рек поднимается довольно высоко в горы – до 3000 м, где поселяется в зарослях кустарника по сазам, в том числе и на сыртах.

Распространение. Гнездование доказано только для некоторых точек Центрального, Северного и Внутреннего Тянь-Шаня (рис. 342): на крайнем северо-востоке района – на сазах в окрестностях Джаркента и по Усёку; в Б. Кокпаке и в долине Текеса; в Заилийском Алатау и в долинах Кочкорки (верховья Чу), Сусамыра и Западного Каракола (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Птицы Киргизии. 1960; Кузьмина, 1970; Кыдыралиев, 1972; Ковшарь и др., 1978; Торопова, 1999; Шукуров, 1986; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Джаныспаев, 2012; Архипов, Коблик и др., 2018). Однако большое количество летних встреч свидетельствует, по-видимому, о более широком распространении этого вида на гнездовании в Тянь-Шане, на что имеются и прямые указания. Так, о гнездовании варакушки на Сарыджазских сыртах и в долине Иныльчека упоминается в ряде работ (Птицы Киргизии, 1960; Крылов, 1969), на правом притоке р. Куйлю выше 2600 м в июне 1961 г. её встречал Э.Д. Шукуров (1986). В долине Кичи-Нарына выше урочища Еки-Нарын 21 июля мы встретили молодого с интересной раскраской хвоста (белое основание, чёрная треть и рыжее окончание), а на притоке р. Алабуги, на спуске с перевала Аккоюн (2500 м), 29 июля 2006 г. видели ещё одного молодого самца. Несколько раз в летнее время встречали варакушек в долине

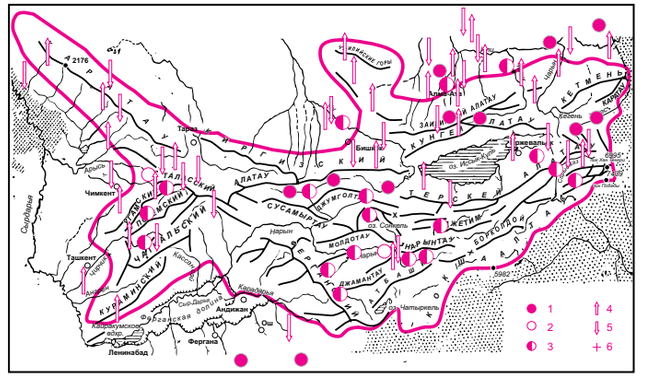

Рис. 342. Распространение варакушки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2, 3 – зимние и летние встречи, 4,5 – пролёт

р. Атбаши среди влажных субальпийских лугов с кустами (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016). У южных границ Тянь-Шаня, в Алайской долине, среди густых кустов мирикарии в 10 км ниже Памирского тракта в 1959 г. встречены два поющих самца кашмирского подвида, один из которых добыт (Мекленбурцев, 1962).

Много споров вызвал вопрос о гнездовании варакушки в Западном Тянь-Шане, поднятый ещё Н.А. Зарудным более 100 лет назад: «В ничтожном числе встречаются гнездовые варакушки в долине Пскемской котловины (6-11 июня, 20-22 июня и 12 июня)» (рукопись; по: Кузьмина, 1970, с. 621). В Таласском Алатау за всё лето 1933 г. Л.М. Шульпин встретил варакушку дважды: 29 июня – хорошо летающего молодого и 4 июля – пару на суходольных лугах Кши-Каинды; он считал гнездование их здесь вероятным (Шульпин, 1933). В.В. Шевченко (1948) в первом списке птиц заповедника Аксу-Джабаглы, не приводя конкретных данных, называл варакушку гнездящейся в предсубальпийских арчевниках. Мне в 1959-1966 г. она ни разу не встретилась раньше 1 августа, хотя на пролёте в августе-сентябре вполне обычна (Ковшарь, 1966). Ничего не добавили к этим данным и почти непрерывные стационарные наблюдения здесь в 1966-2015 гг. (А.А. Иващенко, Б.М. Губин, В.Г. Колбинцев, Е.С. Чаликова). Нет доказательств гнездования варакушки и для хребтов южного макросклона Западного Тянь-Шаня, для которых известна всего одна летняя встреча: 27 июля 1949 г. варакушку добыли в среднем течении Шавас-сая (Чаткальский хребет) в зарослях кустарника среди ивовой рощицы (Железняков, Колесников, 1958). И здесь варакушка является пролётной птицей (Корелов, 1956; Митропольский, 2002, 2005; В. Ковшарь, 2003; Головцов, 2007).

На пролёте весной и осенью варакушку можно встретить в любом месте нашего района (рис. 342).

Численность. На гнездовании редка и спорадична. Встречается одиночками. Конкретных данных о численности нет, если не считать упоминаний о двух поющих самцах на площади 0.5 км^2 в Алайской долине (Мекленбурцев, 1962) и о трёх поющих и токующих самцах 18 апреля 1999 г. ниже плотины Текесского вдхр. в Центральном Тянь-Шане (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На пролёте вполне обычна. На Чокпакском стационаре в весенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 11, в осенние – 131 варакушку (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 37 и 307 (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине 8 апреля 1960 г. встретили 17 пролётных варакушек (Умрихина, 1970).

Сроки. Даты. Весной под Ташкентом первые появляются в первых числах марта, заканчивается пролёт в мае (Кузьмина, 1970). У Чимкента самую раннюю добыл Н.А. Северцов 13 марта (колл. ЗИН), ещё одна добыта 28 марта 1938 г. (Кузьмина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 4 марта (1974) – 15 апреля (1967), в среднем за 10 лет – 30 марта; завершался 1 мая (1972) – 18 мая (1975), в среднем – 9 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. варакушек здесь отлавливали с 12 апреля (1988) по 21 мая (1999), срединная дата весеннего пролёта – 7 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В с. Новониколаевка (предгорья Таласского Алатау) я встречал самцов 8 и 18 апреля 1960 и 8 апреля 1964 гг. (Ковшарь, 1966). В Кураминском хребте самца встретили 29 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2004), а в Каратау (Беркара) 16 апреля 1958 г. (Корелов, 2007). В пойме р. Ушбас в котловине озера Кызылколь (Каратау) 15-21 мая 2000 г. отловили 9 поющих самцов; высказано предположение о возможности гнездования (Коваленко и др., 2002).

В долине Чу в 60-х гг. пролётные появлялись 27-28 марта, массовый пролёт близ села Тюлёк шёл в первой декаде апреля (Умрихина, 1970). Там же на орнитологических стационарах первых варакушек отмечали: 10 марта 1973 (Токмак, Тюлек), 20 марта 1975 (Тюлек), 21 марта 1976 и 1977 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы пролёт шёл с 24 марта по 25 мая 1987 г. и 30 марта – 9 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000); в Чу-Илийских горах (Анархай) варакушек наблюдали с 4 по 15 апреля 1950 г. (Кузьмина, 1970). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2011 г. самая ранняя встреча варакушки – 19 марта 2008 г., но чаще всего первых встречали 26-30 марта (Бевза, 2012). В горах пролёт идёт в апреле-мае. Так, в Б. Алматинском ущелье, где варакушка не гнездится (известны только два случая), у нижней границы леса (1400 м) её отмечали 11 апреля 1976 г., а в окрестностях Б. Алматинского озера – 21 апреля 1975 г. и с 7 по 17 мая 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В тугаях Баянкола и в долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) первая отмечена 21 апреля 1956 г. (Винокуров, 1960), 7 мая 1954 г. и 2 мая 1999 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Под Джаркентом 3 самцов встретили 21 марта 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905), а в 1918 г. много пролётных птиц было здесь ещё 24 апреля, тогда как под Кульджой пролёт прошёл с 28 февраля по 14 апреля 1913 г., после чего остались только местные, гнездящиеся пары (Шестопёров, 1929).

Осенний пролёт идёт в августе-сентябре. В Карачингиле варакушек отмечали со 2 августа (2009) по 2 октября 2006 г. (Бевза, 2012). В Алтынэмеле, на правом берегу Или, взрослого самца встретили ещё 14 октября 2017 г. (Беляев, 2018). В Б. Кокпаке (верховья Текеса) встречена 28 августа 1958 г. (Винокуров, 1960). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500) осенью варакушка появляется уже в первой половине августа: 13 августа 1972, 8 августа 1973, 4 августа 1974, 5 августа 1976 гг. и в немалом числе встречается до конца месяца, в сентябре уже не встречена (Ковшарь, Лопатин, 1983). Явно летят и высокогорьями: 3 сентября 1960 г. варакушку добыли на морене ледника Аксай (3100 м) в Киргизском хребте (Кузнецов, 1962). В Чуйской долине варакушки особенно многочисленны в конце сентября, в окрестностях Фрунзе максимум встреч 23-28 сентября 1962 г. (Умрихина, 1970). В 70-х гг. на стационарах последних отмечали: 15 октября 1972, 21 октября 1974, 26 октября 1975 и 2 ноября 1972 (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых варакушек отмечали 27 августа (1972) – 14 сентября (1968), в среднем за 8 лет – 7 сентября, основной пролёт шёл во второй половине сентября, заканчивался 13-26, в среднем 19 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 20 августа (2003) по 26 октября (2006) поймали 307 варакушек; срединная дата пролёта – 30 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) самых ранних варакушек я встречал 1 августа 1962 г. в Новониколаевке (1200 м) и 9 августа того же года в субальпийском поясе; пролёт здесь идёт весь сентябрь и половину октября, причём 17-21 сентября 1961 г. и 13 сентября 1963 г. я находил варакушек, разбившихся ночью о провода ЛЭП. Последних встречали 16 октября 1961 г. (Топшак, субальпийский луг, 2700 м), 24 октября 1964 г. в Новониколаевке и даже 1 ноября в предгорьях у Чокпакских ворот. В зимнее время отмечена только раз: 2 февраля 1948 г. В.В. Шевченко встретил варакушку в Новониколаевке. Он же (Шевченко, 1949) упоминает о зимовке варакушек в садах селений зимой 1943/44 г. В связи с этим стоит вспомнить, что Г. Мерцбахер добыл варакушку 5 января 1908 г. в городе Нарын (Шнитников, 1949). Пока все эти факты можно рассматривать как исключительные.

Биология. В Тянь-Шане не изучалась. Под Джаркентом в 1918 г. из 5 найденных гнёзд в двух (4 и 22 мая) было по 5 свежих яиц, в одном (6 мая) – 5 слегка насиженных, в одном (22 мая) – 4 сильно насиженных и в одном (19 мая) – были уже оперённые птенцы (Шестопёров, 1929). Гнёзда были устроены в ямках в стенках арыков, тёплой выстилки в виде волос или перьев ни в одном из них не было. В долине Сусамыра Г.В. Вердин в 1965 г. (дата не известна) взял кладку из 4 яиц (Торопова, 1999). «В тальниковой пойме р. Улькен Кокпак (1865 м) между пос. Кокпак и Тегистик 15 июля 2002 г. в густых зарослях осоки обнаружено гнездо с 3 птенцами в пеньках» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В окрестностях Б. Алматинского озера (2600 м) 8 августа 1974 г. на субальпийском лугу с кустиками арчи встречен выводок из двух летающих молодых с неярким самцом, а 28 июля 1975 г. в арчовом стланике у крайних ёлок (2800 м) самец варакушки кормил слётка (Ковшарь и др., 1978). На южном склоне Заилийского Алатау (урочище Шубар-арча) 10 августа 2005 г. встречен выводок из 4 птенцов, а 24 июня 2011 г. в пойме р. Чилик, на болотистом участке с зарослями караганы гривистой (2700 м) встречены самец и самка с кормом для птенцов (Джаныспаев, 2011).

312. Синехвостка – *Tarsiger cyanurus* (Pallas, 1773)

red-flanked bluetail, bluestart (англ.), Blauschwanz (нем.), rossignol à flancs roux (фр.)

Подвид. Из четырёх подвидов, три из которых живут оседло в лесах Непала, Гималаев и восточнее (рис. 343), в наш район залетают, видимо, представители перелётного сибирского *T. c. cyanurus* Pallas, 1773.

Характер пребывания. Редкая залётная птица на северной периферии Тянь-Шаня.

Биотоп. Лесная птица, в нашем районе встречена в разнообразной обстановке, включая город.

Распространение. Ближайшие места гнездования сибирского подвида синехвостки находятся на Алтае. До недавнего времени в Казахстане были известны три залёта – в Кустанай осенью 1920 г. (Гептнер, 1925); в окрестности Семипалатинска на Иртыше, где её добыл В.А. Селевин (1930) 9 октября 1925 г.; и на р. Куланутмес в Тениз-Кургальджинской впадине, где самку добыл И.А. Кривицкий 29 сентября 1960 г. (Кузьмина, 1970). В последнее десятилетие отмечено 6 залётов синехвостки в наш район. Первый

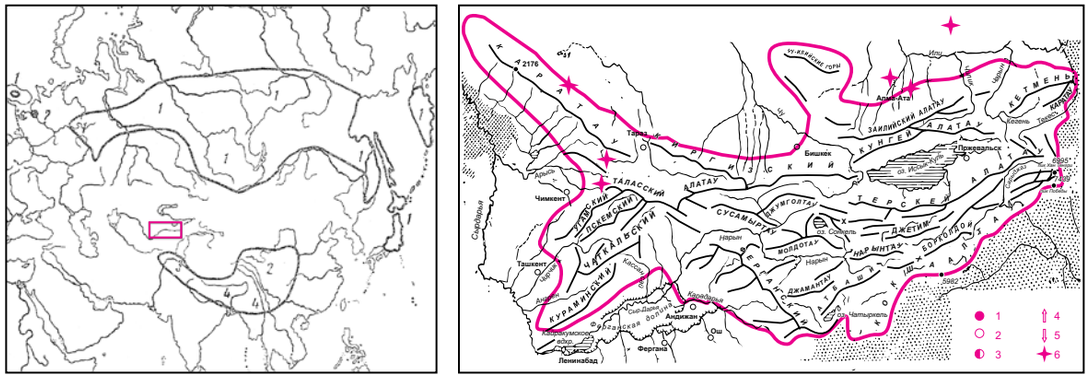

Рис. 343. Ареал синехвостки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 540
Рис. 344. Распространение синехвостки в Тянь-Шане: 6 – залёты

раз самку сфотографировал В.А. Федоренко (www.birds.kz) 2 октября 2011 г. в лесополосе на Сорбулаке (Белялов, Карпов, 2013). Вторично синехвостку сфотографировал А. Виляев (www.birds.kz) 10 октября 2012 г. у разливов артезианской скважины в 50 км северо-западнее Жуантобе, на границе Бетпак-Далы у северных подножий Каратау. В центре города Алматы, в сквере на площади Республики, 19 декабря 2013 г. за самкой синехвостки длительное время наблюдал А. Исабеков (www.birds.kz), подробно описавший эту встречу: «Синехвостка была встречена около 16.00 сидящей на открытых ветках сирени на высоте 1.5 метра от земли. Спугнутая прохожими, она улетела, но через 20 минут вернулась на прежнее место, где наблюдалась ещё примерно в течение 5 минут. Всё это время птица держалась самых нижних ветвей двух лип и сирени, время от времени слетая на ствол липы, где пыталась найти корм. Место встречи находится в парковой зоне, в непосредственной близости от пешеходных дорожек. За два дня до этого выпал снег, и температура воздуха днём была – 4°С. Рядом с синехвосткой держалась зарянка, большие синицы, юрки и чёрный дрозд. Это первая встреча синехвостки в Казахстане в зимнее время» (Исабеков, 2013, с. 224). Осенью 2015 г. синехвостку дважды встретили в Западном Тянь-Шане: 5 сентября её сфотографировали в с. Ертай, в Джувалинской долине между Каратау и Боролдаем (Нукусбеков, 2017), а 19 октября того же года Э. Бис (www.birds.kz) сфотографировала её на берегу озерка Жетымсай (1500 м) в заповеднике Аксу-Джабаглы (Чаликова, 2016). Последняя по времени встреча произошла в октябре 2017 г. на территории центральной усадьбы Алтын-Эмельского национального парка на правобережье р. Или, где одиночную синехвостку встретили 15 октября, а 18 октября наблюдали сразу трёх (Беляев, 2018).

313. Луговой чекан – *Saxicola rubetra* (Linnaeus, 1758)

whinchat (англ.), Braunkehlchen (нем.), traquet tarier (фр.),

Этот европейский чекан, ареал которого только узкой полосой заходит на юг Сибири, а зимовки находятся в тропиках Африки, на пролёте облетает наш район значительно западнее, поэтому попасть сюда может лишь в исключительных случаях. Об этом красноречиво свидетельствует полное отсутствие его в отловах на Чокпаке, где в течение 50 лет окольцовано более полутора миллионов птиц. Ошибочны старые указания (Северцов, 1873; Плотников, 1893) на гнездование лугового чекана в горных районах юга Казахстана и в Чиликтинской долине, на что в своё время обратила внимание в сводке «Птицы Казахстана» М.А. Кузьмина (1970). В этой же работе она приводит и такие интересные сведения: «Под Ташкентом в разные годы появление первых птиц отмечалось с 20 по 27 апреля. Среди коллекционных материалов имеются птицы, добытые 2 мая у Чимкента, 21 мая – в Алма-Ате, 25 мая – в Талгаре и 15 апреля – на Коктале» (Кузьмина, 1970, с. 559). На следующей странице говорится о том, что у озера Алаколь луговых чеканов встречали с 7 по 14 сентября 1914 г., а в долине Чу – в середине месяца (Кузьмина, 1970). Последние данные взяты у В.Н. Шнитникова (1949), который чеканов здесь не добывал (!), хотя

упоминание о встрече 7 сентября 1914 г. самца и самки в чистой полынной степи он закончил словами: «в определении не сомневаюсь» (с. 546). За последние десятилетия имеются всего два упоминания о встрече этого вида в нашем районе: 20 апреля 1989 г. одиночного самца у северного подножья хребта Кетмень у с. Сункар (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004) и 9 сентября 2002 г. в ущелье Боялдыр (Каратау), где одиночный самец в течение полутора часов держался на галечнике (Чаликова, Колбинцев, 2006). В обоих случаях птицы не были добыты. Видимо, надо обратить особое внимание на всех самкоподобных чеканов, мигрирующих предгорьями нашего района.

314. Азиатский черноголовый чекан – *Saxicola maurus* [*torquatus*] (Pallas, 1773)

Siberian stonechat (англ.), Schwarzekehlchen (нем.), traquet pâtre (фр.),
қарабас шақшақ (каз.), котурепей (кирг.), мухраки сиёхсар (тадж.), қорабошли сирчумчук (узб.)

Синонимы: *Muscicapa maura* Pallas, 1773; *Motacilla tschekantschik* Gmelin, 1789; *Saxicola hemprichii* Ehrenberg, 1832; *Pratincola indica* Blyth, 1847; *S. assimilis* Brehm, 1850; *P. albosuperciliaris* Hume, 1873.

Подвид. До недавнего времени был подвидом черноголового чекана *S. torquata maura* Pallas, 1773. После придания этому подвиду видового статуса внутривидовая структура его пока неясна.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимовки в Индии, Пакистане, Месопотамии.

Биотоп. В горах предпочитает луговые участки с высокотравием, гнездится также на субальпийских лугах между куртинами арчового стланика. Сплошного леса и зарослей кустарников избегает. Высотные пределы на гнездовании – от предгорий до верхней границы субальпийского пояса (1100-3200 м), а в Алайском хребте гнездование отмечено даже на 3300 м (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Тянь-Шань находится на западной границе южного выступа ареала этого вида (подвида), протянувшегося через всю Западную Сибирь от Печоры до Иркутска и Гималаев. Здесь он распространён достаточно широко, но спорадично (рис. 345), населяя только высокие горы и отсутствуя в таких низкогорьях как Каратау и Чу-Илийские горы. И если на севере района он гнездится даже в городе Алматы, на высоте всего около 900 м, а самое низкое место, где он указан гнездящимся (Карачингиль в устье Тургени), расположено ещё ниже (Бевза, 2012), то по направлению к югу всё более предпочитает субвысокогорье и на Памиро-Алае гнездится только на этих высотах (Иванов, 1969), хотя и здесь имеются исключения: в Аксакате (Западный Тянь-Шань) в мае 1978 г. найдены гнёзда черноголового чекана на высоте всего 1200 м (Митропольский и др., 1981). Указание на гнездование черноголового чекана в ущельях гор Турайгыр и Богуты (Корелов, 1948) не подтверждено нахождениями гнёзд, а более поздних сведений из этих мест не имеется. В северной части Центрального Тянь-Шаня гнездится в долинах Чулкудысу и Текеса, сравнительно обычным оказался на высокогорных лугах в долинах рек Каркара и Тюп, в районе перевала Санташ (Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Кузьмина, 1970; Второв, 1972; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В бассейне Сарыджаза немногочислен и обитает в основном в южной его части (Крылов, 1969), а на Покровских сыртах и в котловинах высокогорных озёр Сонкуль и Чатыркуль не гнездится (Птицы Киргизии, 1960). В Северном Тянь-Шане населяет подходящие места в Заилийском и Кунгей Алатау, в котловине Иссык-Куля – северное и восточное побережья и субальпийский пояс восточной половины Терской Алатау (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Янушевич, Яковлева, Федянина,

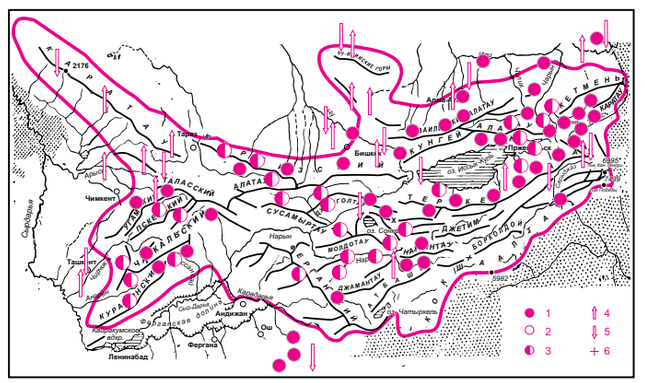

Рис. 345. Распространение черноголового чекана в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

1961; Кузьмина, 1970; Ковшарь, 1979; Березовиков, 2005: КОБ-2004; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Губин, 2009: КОБ-2008), а 23 июля 2005 г. выводки их мы встречали в ущелье Тоссор, на спуске к южному берегу Иссык-Куля. Гнездится в Чуйской долине (Умрихина, 1970) и по северному склону Киргизского Алатау – по крайней мере от Ала-Арчи до Мерке (Портенко, 1961; Кузнецов, 1962), а западнее в июле 1957 г. встречен в ряде ущелий, вплоть до Узунбулака на крайнем западе хребта (Корелов, 2007). Гнездится в Таласской долине (Птицы Киргизии, 1960). В Западном Тянь-Шане обитает в Таласском, Чаткальском, Пскемском, Угамском и Кураминском хребтах (Шевченко, 1948; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966, 2017; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991, 1992; В. Ковшарь, 2003, 2004; Головцов, 2007). Во внутренних районах Тянь-Шаня найден на гнездовании в долинах Нарына и Кичи-Нарына, Алабуги, Атбаши, Кочкорки, Сусамыра и Западного Каракола; в верховьях Каракуджура, в нижней части Арпинской долины на северном склоне Ферганского хребта и на южном его склоне под перевалом Сарыкыр, или Кугарт (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2017). Гнездится также на южной границе Тянь-Шаня: «В Алайском хребте на гнездовье найден Молчановым близ Гульчи, а Шестоперовым – на пер. Чийирчик. Зарудный отмечает, что во время поездки летом 1908 г. в Фергану (в том числе в бассейн Исфары в Туркестанском хребте) он совсем не наблюдал черноголового чекана; я не встречал его в районе пер. Шахристан на высотах порядка 2500-3000 м. Причиной этого, может быть, служит слабое развитие лугов и преобладание степной растительности в этом районе» (Иванов, 1969, с. 251).

Численность. В большинстве мест на гнездовании немногочислен, а местами редок. На северном склоне хребта восточнее перевала Санташ (из Каркары в Тюп) на разнотравно-злаковых лугах на высоте 2000 м в июле 1968 г. учитывали 15 – 18 особей/км^2, а на остепнённых участках – около 10 особей/км^2 (Второв, 1972). В восточной половине Терскей-Алатау, где черноголовый чекан распространён спорадично от предгорий до Арабельских сыртов, летом 1953 и 1954 гг., численность его была «очень невелика» (Степанян, 1959, с. 116). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500-2700 м) за 5 сезонов стационарных исследований (1971-1975) нам удалось разыскать всего 13 гнёзд (Ковшарь, 1979). В истоках ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) на субальпийских лугах в 1957-1970 гг. из 900 дней круглогодичных экскурсий черноголового чекана встретили только на двух, общим числом 7 особей, и автор счёл его залётным (Кузнецов, 1962 а), хотя в другой работе этого автора говорится о 4-х встречах и о том, что ниже он более обычен (Кузнецов, 1962 б). В Сарычелекском заповеднике (восточная часть Чаткальского хребта) по учётам 1982-1983 гг. плотность на гнездовании этого вида оценена в 5-7 особей/км^2 для арчового редколесья, 3-6 особей/км^2 для прангосников и 4 особи/км^2 для субальпийского луга (Лебяжинская, 1991); по результатам учётов 1986-1987 гг. чеканчик включён в число доминантов орнитологического населения прангосовой степи (19% вместе с серой славкой и желчной овсянкой) и нижней части субальпийского пояса – 12.5% вместе с желчной и горной овсянками (Лебяжинская, 1992). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1933-1935 гг. черноголовый чекан был обычен на гнездовании как в предгорьях, так и в субальпийском поясе (Шульпин, 1965), то же было в 1959-1966 гг. (Ковшарь, 1966), а в 1971-1973 гг. в одном только ущелье Кши-Каинды (1800-3000 м) было найдено 26 гнёзд этого вида (Губин, 2012). В верховьях Пскема, где в 1949 г. черноголовый чекан был немногочислен (Корелов, 1956), в июле-августе 2002 г. встречено 117 особей (В. Ковшарь, 2003). На пролёте немногочислен – на Чокпаке в 1966-1981 гг. окольцовано 39, а в 1982-2016 гг. – 111 черноголовых чеканов (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Большую продолжительность весеннего пролёта у этого вида южнее нашего района отмечали ещё более полувека назад: «Весенний пролёт очень длителен; почти весь апрель чеканы наводняют поля и пустыри, затем постепенно количество их уменьшается и только к середине мая полностью заканчивается пролёт на север и откочёвка на гнездовые места в горы. Весенние снегопады в горах могут иногда изменять картину, согнав в долины птиц, уже поднявшихся в гнездовые места» (Иванов, 1969, с. 252). В Чокпакских воротах в 1966-1981 гг. начало весеннего пролёта отмечали 16 марта (1969) – 8 апреля (1976), в среднем – 30 марта; окончание его 23 апреля (1967) – 16 мая (1969, 1972, 1973), в среднем за 10 лет – 8 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – 2 апреля (1988) – 22 мая (1997), срединная дата весеннего пролёта – 28 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине первые появлялись 19 марта 1974 и 26 марта 1973 гг.

(Торопова, Ерёмченко, 1980; Умрихина, 1984). На северный берег Иссык-Куля (Кутурга) в 1958 г. чеканы прилетели 1 апреля (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961), в верховья Текеса прилетели 9 апреля 1956 и 1957 гг. (Винокуров, 1960). На местах гнездования в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау) они появлялись 24 апреля 1972, 16 апреля 1973 и 14 апреля 1975 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Копы 7 апреля – 10 мая 1987 г. и 7 апреля – 12 мая 1988 г. пролетело на север 79 самцов и 43 самки (Ковшарь, Березовиков, 2000). В устье Тургени (Карачингиль) в 2004-2011 г. первых черноголовых чеканов четыре года отмечали 28-30 марта и четыре года – 5-14 апреля (Бевза, 2012).

Осенний пролёт и отлёт черноголовых чеканов проходит с середины августа по середину октября. Под Джаркентом в 1900 г. они уже в третьей декаде августа встречались далеко не часто, а к третьей декаде сентября исчезли окончательно (Зарудный, Кореев, 1905). В Карачингиле последних двух птиц видели 5 сентября 2006 г. и 28 сентября 2007 г., а одиночную самку – 14 ноября 2007 г. (Бевза, 2012). На местах гнездования в субвысокогорье Заилийского Алатау (2500 м) последних чеканов мы встречали 8 сентября 1972, 31 августа 1973 и 30 августа 1974 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйской долине пролёт в 60-х гг. шёл с середины августа; к середине сентября их становилось много, а к концу месяца они исчезали (Умрихина, 1970); в 70-х гг. последние встречи – 16 сентября 1973 и 28 сентября 1971 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 18 августа (1969) – 17 сентября (1968), а заканчивался 28 сентября (1971, 1972) – 20 октября (1967, 1975), в среднем – 9 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 24 августа (2003) по 11 октября (1984) поймали 82 чеканов (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась и, несмотря на несколько десятков найденных здесь гнёзд, остаётся малоизученной. В сводке «Птицы Киргизии» (том 2, 1960) приведен список дат нахождения и содержимого 14 гнёзд, найденных на Иссык-Куле и в Терскей Алатау в 1954-1959 гг., а также по одному гнезду из Каракуджура и хребта Атбаши. В районе Джаркента в 1918 г. найдено 6 гнёзд (Шестопёров, 1929), в городе Алматы в разные годы – 5 гнёзд (Кузьмина, 1970; В. Ковшарь, 1994). Над городом, в субвысокогорье Заилийского Алатау (2500 м) в 1971-1975 гг. проведены наблюдения за 13 жилыми гнёздами (Ковшарь, 1979). Значительный массив данных о гнёздах имеется для Западного Тянь-Шаня. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) описано 27 гнёзд (Ковшарь, 1966; Губин, 2012), а для Чаткальского хребта в верховьях Ангрена – 15 кладок (Митропольский и др., 1981). Упоминания об отдельных гнёздах и встречах выводков имеются ещё в ряде публикаций (Умрихина, 1970; Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

314. Чёрный чекан – *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766)

pied stonechat (англ.), Mohrenschwarezkehlchen (нем.), tarier pie (фр.),
қара шақшақ (каз.), кара котурепей (кирг.), мухраки сиех (тадж.), қора сирчумчуқ (узб.)

Подвид. Из 15 подвидов в нашем районе обитает один – *Saxicola caprata rossorum* Hartert, 1910.

Характер пребывания. В Тянь-Шане – залётный вид на северо-восточной границе своего ареала, а в последние годы, видимо, проникающий на гнездование в самые западные районы Тянь-Шаня.

Биотоп. Для гнездования предпочитает влажные луга недалеко от воды, но в условиях Средней Азии часто поселяется в освоенных районах, включая населённые пункты (Ташкент, Чимкент). Вот как описан его биотоп для Памиро-Алая: «Чёрный чекан – характерный обитатель так называемого культурного ландшафта: пустырей, берегов арыков с высоким бурьяном и сырых лугов в долинах рек… На сухие склоны гор или в ровную безводную степь он не заходит совершенно. Очень часто чёрного чекана можно видеть у недостроенных зданий, штабелей кирпича на стройках, печей для обжигания кирпича и т.д… Городской шум нисколько не смущает чеканов, поющих, сидя высоко на проводах или коньке крыши» (Иванов, 1969, с. 253). В нашем районе в подобной обстановке он гнездился в Ташкенте (Мекленбурцев, 1982) и встречен в Чимкенте (Чаликова, 2016, 2018). В заповеднике Аксу-Джабаглы самец и самка встречены в гнездовое

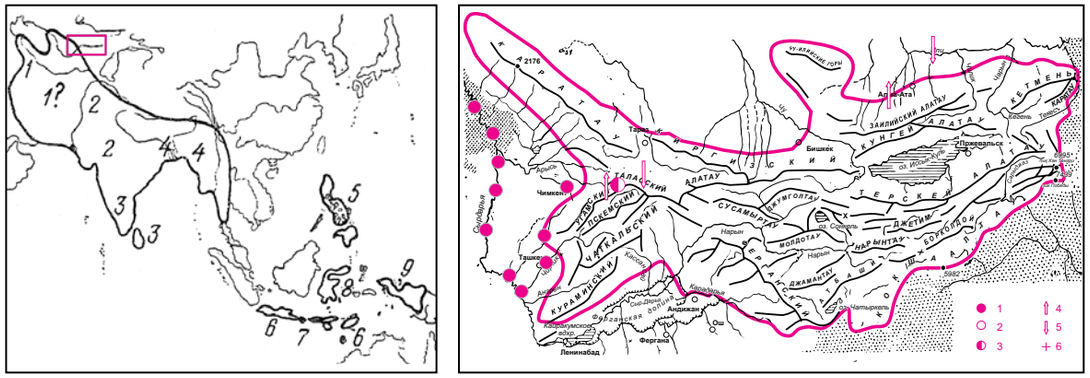

Рис.346. Ареал чёрного чекана и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 536
Рис.347. Распространение чёрного чекана в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

время в субальпийском поясе у озера Айнаколь (2360 м) – на высокотравных сухих лугах, поросших кустарниковой арчой (Колбинцев, 1999).

Распространение. Наш район только самым западным краем захватывает участок северной границы ареала чёрного чекана (рис. 346), который для подвида *S. c. rossorum* описан следующим образом: «От долины Сырдарьи в области 66-й параллели, средней части Кызылкума, устья Амударьи, низовьев и долины Теджена к востоку до долины Чирчика, Ферганы (предположительно), западного подножия Алайской системы, долины Кызыл-су в юго-западном Таджикистане. К северу до долины Сырдарьи и Ферганы (предположительно)» (Степанян, 2003, с. 552). А.И. Иванов (1969) специально подчёркивал, что в отличие от предыдущего вида – обитателя горных лугов – чёрный чекан гнездится по долинам рек низинной юго-западной окраины Памиро-Алая и совсем не заходит в горы. И при этом добавлял: «Для севера страны он совершенно не известен; во всяком случае никакими материалами по Фергане я не располагаю» (Иванов, 1969, с. 253). Для того же времени часть ареала вида на юге Казахстана описана следующим образом: «Населяет оазисы в Кызылкумах и пойму Сырдарьи от Чиназа до Кзыл-Орды и нигде не выходит к северу за пределы этой долины. Н.А. Зарудный (1910), нашедший чёрного чекана в долине Сырдарьи, пишет: «Чёрный чеканчик гнездится в небольшом количестве в долине Чирчика, вверх по которой поднимается включительно до окрестностей с. Чимбайлык. Вниз по долине р. Сыр-Дарьи я проследил его гнездование включительно до тугаёв, лежащих к западу от ст. Аккум. Известно мне его гнездование и у подошвы гор Каратау, например, по луговинам р. Биш-арык». В более поздней рукописи Н.А. Зарудный отмечает чёрного чекана несколько севернее Кзыл-Орды, но указывает, что в долине Сырдарьи он встречается значительно реже, чем на Амударье» (Кузьмина, 1970, с. 568). Известны два случая гнездования чёрного чекана на окраине города Ташкента (Мекленбурцев, 1982). О тенденции к расширению ареала вида в северо-восточном направлении писал О.В. Митропольский (2009). К концу XX ст. в публикациях орнитологов всё чаще стали появляться сообщения о встречах и возможном гнездовании чёрного чекана в Западном Тянь-Шане. В списке птиц Чаткальского заповедника он приведен, как «перелётно-гнездящийся» (Лановенко, 1997), а до этого – как зимующий (Комарова, Шевелёв, 1986), что другими авторами было объяснено ошибкой в определении вида (Митропольский, 2002, 2005; Головцов, 2007). В Таласском Алатау впервые достоверно встречен 13 сентября 1996 г. в ущелье Коксай (восточная часть заповедника Аксу-Джабаглы), где В.Г. Колбинцев наблюдал взрослого самца и двух молодых птиц, а год спустя, 14 сентября 1997 г., на том же месте он встретил самца и самку. Ещё через год, 18 июня 1998 г. он же встретил пару в гнездовое время на озере Айнаколь (2360 м) в верхней части долины р. Джабаглы (Колбинцев, 1999). Все эти встречи позволяли предположить возможное гнездование в указанных местах. В городе Чимкенте 6 июня 2015 г. встретили явно гнездовую пару, а 30 мая 2017 г. всего в 50 м от первой встречи нашли гнездо (Чаликова, 2016, 2018). В эти же годы чёрный чекан стал встречаться здесь и во время миграций: на Чокпаке впервые отловлен 18 мая 2004 г. (А. Гаврилов, 2005: КОБ-2004), на Сорбулаке его сфотографировали 21 мая 2007 г. (А. Коваленко, www.birds.kz; Белялов, 2014), а в Карачингиле (устье Тургени) – впервые 4, 5 и 16 сентября 2015 г. (www.birds.kz; Бевза, 2012). Все эти данные говорят о явной тенденции к расширению ареала чёрного чекана в северо-восточном направлении.

316. Каменка – *Oenanthe oenanthe* (Linnaeus, 1758)

wheatear (англ.), Steinschmetzer (нем.), traquet motteux (фр.), кәдімгі тасшыбжық (каз.), кок чакчыгай (кирг.), сангпараки мукаррари (тадж.), оддий тошсирчумчук (узб.)

Синонимы: *Motacilla vitiflora* Pallas, 1811; *Oenanthe cinerea* Vieillot, 1818; *Vitiflora septentrionalis* Brehm, 1831; *V. grisea* Brehm, 1831; *V. cinerea* Brehm, 1831; *Saxicola rostrata* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *S. libanotica* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *S. oenanthoides* Vigors, 1839. Чекан-попутчик (Шнитников, 1949). Обыкновенная каменка (Портенко, 1954; Птицы Киргизии. 1960; Иванов, 1969; Гаврилов, 1970).

Подвид. Из 6 подвидов в Тянь-Шане один – *Oenanthe oenanthe oenanthe* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке и Передней Азии.

Биотоп. Открытые степные ландшафты, в т.ч. каменистые. Гнездится на участках с низкорослой растительностью при наличии в земле полостей (в том числе нор животных) для устройства гнезда. В горы поднимается до 3000-3300 м, а на сыртах – даже до 3500-3800 м (Птицы Киргизии, 1960). На Памиро-Алае в гнездовой период держится на высотах от 1800-1900 до 3500 м (Иванов, 1969).

Распространение. Тянь-Шань расположен в южной части обширного ареала каменки на довольно значительном удалении от его южных границ. Здесь каменка гнездится во всех хребтах, независимо от их абсолютной высоты, хотя и несколько спорадично (рис. 348). Поселяется на сравнительно мягких склонах и в безлесных долинах со степной растительностью. Среднего, лесного пояса избегает даже там, где леса как такового нет, но есть достаточно высокая травянистая растительность. В ряде хребтов это ведёт к прерывистости распространения каменки по высоте. Детальное описание опубликовано для Терской Алатау: «Распространение каменки в пределах Терской Алатау несколько напоминает распространение пёстрого каменного дрозда. В восточной части хребта птица встречается в высшей степени спорадично и не идёт здесь выше пояса предгорий. В средней части, начиная с урочища Бугумуюз, каменка заселяет все пояса гор, вниз от субальпийского, т.е. поднимается здесь приблизительно до высоты 3000 м. На сыртах по Арабели она полностью отсутствует. На крайнем западе хребта, в районе урочища Ак-Улен, птица отсутствует. В описываемом районе это в общем скорее горная птица, так как на подгорной равнине она очень редка – здесь её заменяет каменка-плясунья. Обыкновенная каменка предпочитает пустынно-степной ландшафт с большим количеством камней, шебня, выходами сильно разрушенных горных пород и участками караганы и чиевников. Указание на то, что каменка селится всегда в открытых местах (Гладков, 1954), не совсем соответствует положению в горах …. в частности в Терскей Алатау птица нередко гнездится в узких ущельях, например, в ущельях Ичке-Тор, Мамбе-Тор и др.» (Степанян, 1959, с. 114). К этому можно добавить, что в Западном Тянь-Шане каменка населяет только верхние пояса гор – не ниже 2000 м (Корелов, 1956; Ковшарь, 1966), хотя, по мнению Л.М. Шульпина (1965), в Таласском Алатау «при повышенной численности каменка способна осваивать и высокие предгорные, участки; что же касается нижележащих поясов, то здесь каменка встречается лишь на пролёте» (с. 175). Восточнее гнездится в предгорьях Киргизского хребта в Чуйской долине (Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995), а на самом северо-востоке района, в северных предгорьях Кетменя, 30 июля 2002 г. мы встретили самку ниже с. Тигермень (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2002). Все остальные летние встречи каменки имели место именно в высокогорных степях и на сыртах (Иоганзен, 1908; Кашкаров, 1927; Кашкаров и др., 1937; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Кыдыралиев, 1961, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Верещагин, Немченко, 2005; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Джаныспаев, 2012; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). На крайнем юге гнездится в Алайской долине от Дарауткурана до Иркештама.

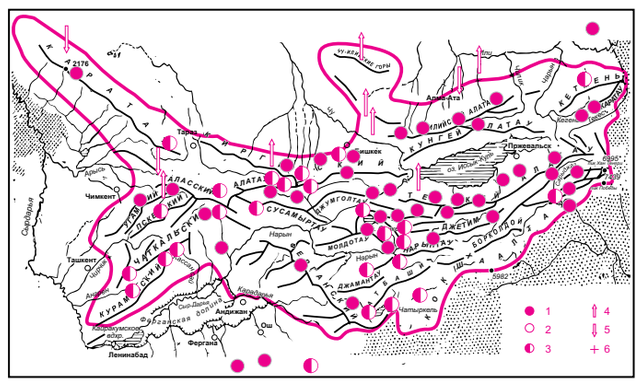

Рис. 348. Распространение каменки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Численность. На гнездовании невысокая, а в ряде мест каменка просто редка – например, в Сарычелеке (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин,

1966), на востоке Иссык-Кульской котловины (Степанян, 1959), в высокогорье Заилийского Алатау (Нейфельдт и др., 1978). Конкретных данных о численности мало. Так, в верхней части долины Пскема (Западный Тянь-Шань) в июле-августе 2002 г. каменку встретили всего два раза – одиночку и выводок (В. Ковшарь, 2003), а в июле 2016 г. там же встретили 83 каменки в прангосниках между Байкыраксаем и Тастарсаем, и на субальпийских лугах (2370-3500 м) в сочетании с выходами каменных материнских пород (Тен и др., 2017). В субальпийском поясе Киргизского Алатау (ущелье Ала-Арча) в 1957-1960 гг. при регулярных маршрутах от верхней границы леса к ледникам за 8 экскурсий встречено 23 каменки (Кузнецов, 1962). На озере Тузколь (Центральный Тянь-Шань) 5 августа 2004 г. учтено 6 особей на 5 км маршрута (Березовиков и др., 2004). В июле 1999 г. на маршруте от перевала Долон до р. Алтындара (Алайская долина) мы встретили 9 каменок (Ковшарь, Торопова, 2000); в июле 2000 г. – по два раза: на Чатыркуле и в месте слияния Иныльчека и Сарыджаза; в июле 2003 г. – на перевале Сарыкыр через Ферганский хребет (13 особей, выводками), на перевале МЭЛС (3383 м) через Байбичетоо, в долине Арпы и на перевале Акбеит (3200 м), в долине Аксая, на перевале Кызылбель из долины Атбаши в Нарын и на хр. Караджоро в 4 км от перевала Долон – всего 19 особей; в июле 2004 г. – только в районе высокогорных перевалов Тюе-ашу, Алабель, Отмёк и в истоках Таласа (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). С 18 по 29 июля 2005 г. на маршруте «Каракуджур – Болгарт – Тоссор – перевал Чон-Ашу – Оттук – Сарыджаз – Иныльчек» мы насчитали 22 каменки, часто – выводками; а с 18 июля по 2 августа 2006 г. на маршруте «перевал Тюе-ашу – Сусамыр – перевалы Отмёк – Карабура – Каракысмак – Чаткальская долина – Ферганский хребет – долина Алабуги – Байетово – озеро Сонкуль – Кичине Каракуджур» – 32 каменки, чаще всего одиночных самцов, в т.ч. линяющих. Такого же порядка была численность каменок на сходных маршрутах по Внутреннему Тянь-Шаню в 2015-2017 гг. (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). И только в высокогорье Алайского хребта (ледник Абрамова. 3500-4500 м) каменка наряду с плясуньей обычна на гнездовании (Ноздрюхин, 1989), а в высокогорье Киргизского Алатау (ущелье Мерке) в 1989 и 2001 гг. была фоновой птицей на альпийских лугах, где 6 июня 1997 г. встречены слётки (Карпов, Белялов, 2007: КОБ-2006). Немногочисленна каменка и во время миграций. Так, на Чокпаке обычно встречали несколько птиц за сезон и в 1966-1981 гг. окольцевали 25 каменок – 12 весной и 13 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. там же отловили 12 каменок весной и 29 осенью (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной появляются в конце марта и летят весь апрель – до начала мая. На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 31 марта – 9 апреля, в среднем 3 апреля с появления самцов, а самки начинали встречаться через10-12 дней; заканчивался пролёт 23 апреля – 10 мая, в среднем – 1 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. каменок отлавливали с 11 апреля (1983) по 13 мая (1987), срединная дата весеннего пролёта – 16 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) первых самцов отмечали 6 апреля 1962 г. и 8 апреля 1963 г. (Ковшарь, 1966), а в высокоствольных арчевниках Кши-Каинды (1800 м) – 13 апреля 1971, 26 марта 1972 и 1 апреля 1973 гг.; пролёт в арчевниках шёл до конца апреля – начала мая (Губин, Ковшарь, 1985). Весной пролёт в горах слабый: в 1971-1973 гг. при специальных наблюдениях за мигрантами отмечено 40 *Oenanthe oenanthe*, тогда как плешанок – 175 (Губин, 1976). «В Каратау пролёт шёл весь апрель, на Курдайском перевале первая встречена 26 марта. В Чу-Илийских горах (Анархай) появились 29 марта, а затем их регулярно наблюдали до 29 апреля» (Кузьмина, 1970, с. 522). В Жусандале, у северных подножий Чу-Илийских гор, пролёт каменок шел 14-25 апреля 1995 г. (Березовиков и др., 1999). В долине Копы мы наблюдали пролёт каменок с 7 апреля по 10 мая 1987 г. и 9 апреля 1988 г.; всего учтено 35 самцов и 9 самок (Ковшарь, Березовиков, 2000). В северных предгорьях Киргизского Алатау, между Луговой и Акыртюбе, пролётных каменок видели 4 апреля 1958 г. (Корелов, 2012); на субальпийских лугах Ала-Арчи их встречали с 18 апреля 1957 г. (Кузнецов, 1962), по другим данным в это ущелье они прилетают в конце марта – начале апреля (Шукуров, Кормилицын, 2005). На восточном берегу Иссык-Куля во время учёта водоплавающих 30 марта 2004 г. насчитали 7 каменок (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Алайской долине в 1959 г. первые каменки появились 7 апреля (Птицы Киргизии, 1960). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500-2700 м) первых каменок мы отмечали: 30 апреля 1972, 18 апреля 1973, 27 апреля 1975 и 1977 гг., 8 мая 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983), а в верховьях Текеса одна добыта из пары 5 апреля 1952 г. (Бибиков, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле пролётных каменок встречали 21 марта 2007, 14 апреля 2005, 22 апреля 2010 и 23 апреля 2011 гг. (Бевза, 2012).

Осенний пролёт идёт в сентябре, редко захватывая часть октября. На местах гнездования в субвысокогорье Заилийского Алатау последних каменок мы встречали: 23 августа, 1971, 16 августа 1972, 22 августа 1973 и 30 августа 1974 гг. (Ковшарь, Лоратин, 1983); в субальпийском поясе Киргизского Алатау (Ала-Арча) самая последняя встреча – 9 августа 1959 г. (Кузнецов, 1962). В августе-сентябре пролетает над Алма-Атой, где в 1976 г. находили разбившихся под высокой мачтой (Сема, 1978). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт шёл с 1 сентября (1971) по 20 октября, заканчиваясь в среднем 30 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 27 августа (1999) по 14 октября (2003) здесь отловили 29 каменок; срединная дата осеннего пролёта для этих лет составила 15 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау на маршруте с 25 августа по 15 сентября 2002 г. каменка в числе 216 особей отмечена повсеместно; наиболее интенсивный пролёт наблюдали 8 и 13 сентября в районе с. Абай (40 особей) и на участке «Дарбаза – Аксумбе», где насчитали 80 особей (Чаликова, Колбинцев, 2006). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) пролёт хорошо заметен: наиболее обычны были каменки 7-10 сентября 1959 г. в ущелье Карасай (2700 м) и 9 сентября 1960 г. в ущелье Аксай (2700 м); самая поздняя встреча – 4 октября 1961 г. (Ковшарь, 1966). В арчовых редколесьях Кши-Каинды осенний пролёт каменок гораздо интенсивнее весеннего: из 1705 мелких дроздовых 1630 составили каменки рода *Oenanthe*; последних встречали 2 октября 1971, 23 сентября 1972 и 7 октября 1973 гг. (Губин, 1976; Губин, Ковшарь, 1985).

Биология. Хотя специальных исследований биологии каменки в Тянь-Шане не проводилось, имеется публикация о её биологии по материалам наблюдений 1959-1973 гг. в Таласском Алатау и 1971-1981 гг. в Заилийском Алатау (Губин, Ковшарь, 1985). В этой статье, по наблюдениям у 8 гнёзд в первом хребте и у 26 гнёзд во втором (с применением цветного индивидуального мечения), опубликованы данные о гнездовом консерватизме, размерах гнездовых участков, устройстве гнёзд, интенсивности выкармливания птенцов и составе их корма, плодовитости и успешности размножения. У двух меченых пар в Заилийском Алатау документально подтверждено наличие второй кладки (Губин, Ковшарь, 1985). По остальным хребтам Тянь-Шаня упоминания о гнёздах и вылетевших выводках каменки имеются в ряде публикаций (Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Умрихина, 1970; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018).

317. Каменка-плешанка – *Oenanthe pleschanka* (Lepechin, 1770)

pied wheatear (англ.), Nonnensteinschmetzer (нем.), traquet pie (фр.),
қасқа тасшыбжық (каз.), кара ала чакчыгай (кирг.), сангпараки тостан (тадж.)

Синонимы: *Motacilla leucomela* Pallas, 1771; *Saxicola morio* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *S. vittata* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *S. atricollis* Müller, 1851; *S. hendersoni* Hume, 1871**;** *S. leucolaema* Antinori et Salvadori, 1872; *S. talas* Severtrzov, 1873; *S. melanogenys* Severtrzov, 1873; *S. melanotis* Severtrzov, 1873; *S. somalica* Sharpe, 1895. Чекан-плешанка (Шнитников, 1949). Чернопегая каменка (Гладков, 1954).

Подвид. Из двух признаваемых в Тянь-Шане встречается номинативный *Oe. p. pleschanka* Lepechin, 1770. В сводках по птицам СССР плешанку объединяли в один вид с испанской и чёрной каменками под названием «чернопегая каменка» в качестве подвидов последней (Гладков, 1954; Портенко, 1954). Кроме того, для орнитологов всегда представляли интерес самцы плешанки с белым горлом, которых со времён Э. Хартерта (Hartert, 1910) считали цветовой морфой «*vittata*», не имеющей определённой географической локализации, а следовательно – и подвидового статуса. Попытку объяснить её происхождение гибридизацией плешанки и *Oenanthe hispanica* (Панов, Иваницкий, 1975) вряд ли можно считать убедительной (Гаврилов, 2003: КОБ-2002), хотя предположение самого Э.И. Гаврилова (там же), что это самостоятельный вид, ещё более фантастично. Вопрос о статусе «*vittata*» ещё ожидает своего решения.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимовки в Африке, Аравии и Месопотамии.

Биотоп. Населяет каменистые низкогорья и сухие хребты с ксерофильной растительностью, а на равнине – места с выходами камней на пересечённой местности, лёссовые обрывы, каменные сооружения. В высоких хребтах гнездится также в безлесных участках среднегорья, где наиболее обычна на высотах 1200-1500, достигая местами 2000 м. На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня поющих самцов встречали также на высоте 2200 м, но доказательств гнездования на этой высоте нет. На северном склоне Терской Алатау отмечена до высот 2200-2300 м (Степанян, 1959). В конце лета мне приходилось встречать её и выше: 27 июля 1998 г. – в районе перевала Чапчыма (около 2800 м), 29 июля 1998 г. – на спуске с перевала Карабура в Таласскую долину (2900 м), 24 и 25 июля 1999 г. – в Алайской долине у с. Кашкасу (2920 м), 27 июля 2005 г. – молодого в долине Инылычека (2600 м) и 29 июля 2005 г. – у впадения Оттука в Сарыджаз (2800 м). Есть указание (Птицы Киргизии, 1960), что в Алайской долине она достигает даже 3300-3500 м.

Распространение. В Тянь-Шане, расположенном в центре ареала вида, плешанка распространена широко (рис. 349). Она обычна в двух низкогорных участках – Каратау и Чу-Илийских горах (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Гаврилов, 1970; Березовиков и др., 1999; Карпов, Белялов, 2003: КОБ-2002; Чаликова, Колбинцев, 2006; Губин, 2007; Корелов, 2012; Корнев, 2016; Губин, Белялов, 2017). Гнездится во всех высоких хребтах Западного Тянь-Шаня – Таласском, Каржантау, Угамском, Пскемском, Чаткальском (Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966, 2017; Митропольский и др., 1981; В. Ковшарь, 2003, 2004; Головцов, 2007). Остаётся неясным, гнездится ли плешанка в Сарычелекском заповеднике. Так, в первой и наиболее обстоятельной фаунистической публикации о птицах (Кашкаров, 1927, с. 97) этот вид отсутствует (приводятся только каменка и плясунья под №№ 104 и 105), хотя в перечне птиц, встреченных близ села Успенское (высота 1370 м), плешанка упоминается (там же, с. 8). Однако в длинных списках птиц в таблицах, опубликованных по результатам количественных учётов, проведенных в 80-х гг. (Лебяжинская, 1991, 1992), этот вид отсутствует, так же, как и в общем списке птиц Сарычелекского заповедника (Воробьёв, Чичикин, 1966). Видимо, этот вопрос нуждается в дополнительном изучении. Скорее всего, вид этот пропущен в силу своей редкости, если только плешанка не перестала здесь гнездиться. На северном склоне Киргизского Алатау плешанка найдена на гнездовании в ряде мест – от западной оконечности до ущелья Ала-Арча (Корелов, 1961, 2007; Кузнецов, 1962; Гаврилов, 1970; Шукуров, Кормилицын, 2005), но в Чуйской долине, на высотах 600-800 м, встречается только на пролёте (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970). Для Заилийского Алатау имеются сведения о гнездовании только в М. Алматинском ущелье и восточнее – в ущелье Женишке и низкогорных отрогах Сюгаты, Турайгыр и Богуты (Шульпин, 1939; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Гаврилов, 1970; Джаныспаев, 2004: КОБ-2003; Губин, 2009: КОБ-2008). Восточнее гнездится в каньоне Чарына и по северным предгорьям Кетменя, но на южных склонах последнего отсутствует; довольно обычна по дороге от Чарына в долину Текеса, в горах Ельчин-Буйрюк и Айбыржал, а также в котловине озера Тузколь, однако в долинах Баянкола, Текеса, Б. и М. Кокпака и Кокжара отсутствует и лишь изредка встречается здесь во время пролёта (Корелов, 1956; Винокуров, 1960; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2002; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Южнее, в бассейне Сарыджаза, я встречал плешанок в устье Оттука и в долине Инылычека в июле 2000 г., а также 27 и 29 июля 2005 г.; гнездование их не вызывает сомнения (Кыдыралиев, 1961). Но на Покровских сыртах она отмечена только Н.А. Северцовым, как заблудившаяся на пролёте (Янушевич, Кыдыралиев, 1956).

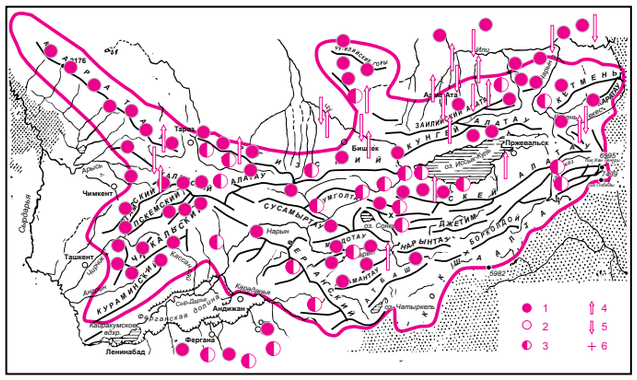

Рис. 349. Распространение плешанки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Алатау, в котором она гнездится только в западной половине, начиная от ущелья Тоссор, а на крайнем западе хребта обитает в типичной щебнистой пустыне с редким растительным покровом (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960). Во Внутреннем Тянь-Шане гнездится по Нарыну, в долинах Атбаши, Сусамыр, Кокомерен, Джумгол, Алабуга; в горах Джамантоо и нижней части Арпинской долины, по южным склонам Ферганского хребта и его отрогов (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). У южных границ Тянь-Шаня плешанка гнездится по северному склону Алайского хребта (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969), у северных границ она обычна по южным отрогам Джунгарского Алатау (Шестопёров, 1929; Гаврилов, 1970).

Численность. Плешанка многочисленна в низких Чу-Илийских горах и Каратау, где местами является фоновой птицей (Долгушин, 1951; Березовиков и др., 1999; Губин, Белялов, 2017), обычна в безлесных среднегорьях высоких хребтов и редка у верхней границы своего распространения. Конкретных данных мало. В Терскей Алатау в июне 1953-1954 гг. встречали до 8-10 особей в день (Степанян, 1959); в щебнистых северных предгорьях Кетменя 19-21 апреля 1989 г. учитывали до 15 особей на 4 км маршрута (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), а на отрезке маршрута «Текес – Чарын» 1 августа 2002 г. насчитали 6 одиночек (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003). В нижней части ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) в 90-х гг. гнездилось 2.08-3.33 особей/км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). В ущелье Женишке (восточная часть Заилийского Алатау) 1 августа 2008 г. насчитали 30 плешанок на 14 км (Губин, 2009). На скальных склонах восточного берега Орто-Токойского вдхр. (р. Чу у выхода в Иссык-Кульскую котловину) 20 июня 2017 г. насчитали 15 плешанок, включая выводок (Архипов, Коблик и др., 2018). В Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) получены данные об изменениях численности по годам. Так, в 1933 г. Л.М. Шульпин (1965) нашёл её более многочисленной, чем А.П. Коровин в 1926 г., и высказал мнение о конкуренции её с *Oenanthe oenanthe*, ссылаясь на наблюдения П.П. Сушкина в степях Казахстана. В годы моей работы (1959-1966) плешанка была довольно обычной на гнездовании в горах и многочисленной на пролёте, а в 1971-1973 гг. Б.М. Губин (1989) застал её редко гнездящейся (преимущественно в предгорной степи) и обнаружил всего одно жилое гнездо; на весеннем пролёте в эти три года она всё ещё преобладала над каменкой в соотношении 175/40 особей (Губин, 1976). В следующие десятилетия численность плешанки резко снизилась, и она практически перестала гнездиться в заповеднике: последнее гнездо найдено в 1987 г. (Ковшарь, Чаликова, 1992), что объясняют зарастанием её основного биотопа высокой травой (Чаликова, 2006). В то же время вне заповедной территории, в местах интенсивного выпаса скота, она, как и прежде, обычна, а местами проявляет склонность к синантропности, освоив для гнездования не только отдельные антропогенные элементы ландшафта (кюветы автомобильных дорог), но и сами населённые пункты (Митропольский, 2002). На южных склонах Чаткальского хребта плешанка – одна из обычных птиц. При количественных учётах, проведенных во второй половине августа 2001 г. в долине р. Кызылча (на 5-часовых маршрутах) насчитывали до 3-6 особей (Митропольский, 2005). В то же время в долине р. Пскем в июле-августе 2002 г. плешанка встречена всего два раза (В. Ковшарь, 2003), а в 2015-2016 гг. там же не отмечена совсем (Тен и др., 2017). Во время миграции по-прежнему многочисленна: на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной окольцевали 143, а осенью – 362 плешанки (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. там же – соответственно 97 и 356 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной появляются в середине марта. В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) мы встречали первых 13 марта 1964, 14 марта 1965, 16 марта 1962, 22 марта 1961 и 1963 гг., а в прежние годы их добывали здесь 16 марта 1939 и 15 марта 1949 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 11-24, в среднем 19 марта; первыми появлялись самцы, а самки – примерно через неделю; белогорлых *Oe. p. vittata* встретили дважды (22 апреля 1967 и 29 апреля 1973 гг.), а у села Новониколаевка добыли 22 июля 1972 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. плешанок здесь отлавливали с 29 марта (1987) по 8 мая (2000), срединная дата весеннего пролёта – 11 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине начало пролёта отметили 20 марта 1962 г. (Умрихина, 1970), в долине Копы его наблюдали 22 марта – 26 апреля 1987 г. и 24 марта – 12 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Иссык-Куле 27-30 марта 2004 г. встретили 8 плешанок на южном и 6 – на восточном побережье (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2011 гг. первых плешанок отмечали 9-23 марта (24 марта 2010 г. впервые встречена белогорлая *Oe. p. vittata*),

последних пролётных одиночек – 27 апреля 2009 и 17 мая 2008 гг. (Бевза, 2012). В высокогорье Заилийского Алатау (2500 м) единственная встреча одиночки – 1 мая 1973 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В посёлке Нарынкол (Центральный Тянь-Шань) первых плешанок отмечали 28 марта 1956 г. и 31 марта 1957 г. (Винокуров, 1960).

Осенний пролёт идёт с начала августа до середины октября. В районе Джаркента исчезают уже к началу сентября: 9 сентября 1918 г. в Тышкане замечена только одна птица (Шестопёров, 1929). В Карачингиле осенью встречена только раз – четырёх птиц видели 14 сентября 2009 г. (Бевза, 2012). На Текесе к 13-15 сентября 1955 г. плешанки полностью отлетели (Винокуров, 1960). На Б. Алматинском озере (2500 м) осенью отмечена только раз – 12 августа 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Алма-Ате в августе 1976 г. их находили в городе разбившимися о высокую мачту (Сема, 1978). В Чуйской долине первую пролётную встретили 6 сентября 1962 г., к середине месяца их было много, а к концу месяца исчезли (Умрихина, 1970). На Чокпаке, где осенью пролёт выражен намного лучше весеннего (за сезон отлавливали до 187 плешанок), в 1966-1981 гг. он начинался в середине августа, интенсивно продолжался 6-20 сентября и заканчивался 7-31 октября, в среднем 17 октября. Исключительно сильный пролёт наблюдался в ночь с 8 на 9 октября, когда в лунную ночь при сильном встречном ветре отловили 123 плешанки (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 2 августа (1992) по 21 октября (2000) поймали 356 плешанок, средняя дата осеннего пролёта – 14 сентября; белогорлую *Oe. p. vittata* окольцевали 7 сентября 2001 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Привожу дословно интересные данные о пролёте плешанок в соседних горах Таласского Алатау: «Осенний пролёт плешанок в горах, по Л.М. Шульпину, проходит с середины августа до конца сентября; мы наблюдали массу плешанок, по-видимому, пролётных, в альпийском поясе Каскабулака (3000 м) 13 августа 1963 г. В культурном поясе хорошо заметным пролёт плешанок становится во второй половине сентября, а особенно интенсивным – в первой половине октября; отдельные особи задерживаются до конца этого месяца. В октябре плешанка летит вместе с пустынной каменкой. В 1960 г. плешанки были ещё многочисленны 15 октября (междуречье Ирсу – Аксу); в 1961 – 17 октября (степь у Новониколаевки), а две одиночки встречены у Чокпака ещё 2 ноября. Видимо, плешанок вместе с пустынными каменками видел 26 октября 1964 г. в степи между Новониколаевкой и Абаилом В.А. Вырыпаев, отметивший в этот день массу каких-то каменок, которые дважды летели стаями по 20-30 особей» (Ковшарь, 1966, с. 298). Единственная зимняя встреча (добыта П.А. Янушко 7 февраля 1937 г. у Новониколаевки) могла быть и следствием ошибки в этикетировании экземпляра. Осенью все каменки в горах летят на юг (Губин, 1976). В высокогорной Арпинской долине их добывали 4 и 5 октября 1958 г., а в приферганских районах серию плешанок с 23 сентября по 12 октября собрал Н.А. Северцов (колл. ЗИН РАН; Птицы Киргизии, 1960).

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась, однако в литературе накопились конкретные отрывочные сведения, представляющие интерес для будущих исследователей. Так, данные о 8 гнёздах из Иссык-Кульской котловины, долины Атбаши, р. Чаманды и окрестностей города Ош упоминаются в сводке «Птицы Киргизии» (1960); о трёх гнёздах из района Джаркента – в работе Е.Л. Шестопёрова (1929); о гнёздах в горах Чулак и Чу-Илийских горах – в сводке «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1970); о 13 кладках – в статье по оологии птиц Западного Тянь-Шаня (Митропольский и др., 1981). Отдельные интересные сведения имеются в других публикациях (Долгушин, 1951; Корелов, 1956, 2007, 2012; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Торопова, 1999; Березовиков и др., 1999; Губин, 2012).

318. Чёрная каменка – *Oenanthe picata* (Blyth, 1847)

Eastern pied wheatear, variable wheatear (англ.), Elstersteinschmetzer (нем.), traquet noir (фр.), қара тасшыбжық (каз.), кара чакчыгай (кирг.), сангпараки сиёх (тадж.), қора тошсирчумчуқ (узб.)

Синонимы: *Saxicola picata* Blyth, 1847; *S. opistholeuca* Strickland, 1849; *S. capistrata* Gould, 1865. Черноголовый **(***Oe. p. picata***),** чёрный **(***opistholeuca***)** и белошапочный **(***capistrata***)** чекан [Иванов, 1940].

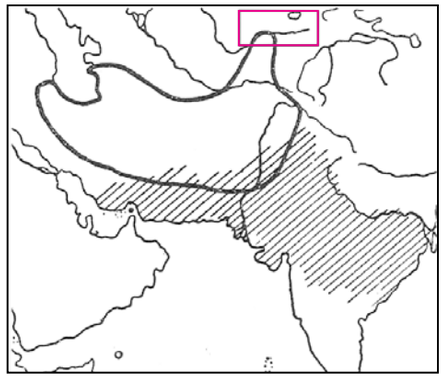
Подвиды. Внутривидовая систематика этого вида (надвида?) до сих пор неясна. Одни систематики (Степанян, 1990, 2003) склонны рассматривать три имеющиеся цветовые морфы (*picata, capistrata, opistholeuca*) в качестве подвидов; другие готовы придать им видовой статус, третьи считают

первые две морфы подвидами, а третью – меланистической мутацией *capistrata* (Гаврилов, 1970). Есть и мнение о том, что комплекс чёрных каменок состоит из двух видов: «в общепринятый в настоящее время видовой комплекс чёрных каменок входят два вида – *Oenanthe picata* и *O. opistholeuca* (+ *capistrata*). Последний вид и распространен в Южном Казахстане, где сохранился реликтовый участок его ареала. На древность данного изолята указывает не только его территориальная приуроченность, но и повышенный процент анцестральной морфы *opistoleuca*. В популяциях большинства других частей ареала этого вида, морфа *capistrata* (развитие белого цвета в оперении каменок мы оцениваем, как признак прогрессивности) абсолютно доминирует» (Митропольский, 2005, с. 199). В настоящее время таксон *Oenanthe picata* рассматривается как надвидовой комплекс, имеющий, видимо, гибридогенное происхождение (Панов, 1999). Вопрос этот, по моему глубокому убеждению, окончательно не решён и заслуживает дальнейшего тщательного изучения специалистами-систематиками[11].

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии и Месопотамии (рис. 350).

Биотоп. Гнездится в пустынных предгорьях со скудной ксерофитной растительностью, по лёссовым и конгломератовым обрывам берегов речек и ручьёв в полынных пустынях на высотах 500-800 м.

Распространение. Небольшой ареал этой южной каменки занимает Переднюю Азию и только крайним северо-восточным выступом достигает с юга нашего района: «Передняя Азия от средней части гор Эльбурс и гор Загрос к востоку до западного подножия Западного Тянь-Шаня, Ферганской долины, Дарваза, Западного Памира» (Степанян, 2003, с. 556). Здесь, вдоль южной и западной границ Тянь-Шаня, проходит северная граница ареала чёрной каменки (рис. 351). Первым около 150 лет назад её нашёл на гнездовании Н.А. Северцов в горах Моголтау на правобережье Сырдарьи, затем – Н.А. Зарудный «в довольно большом количестве» под Ворухом и в горах Ахунтау, в северных предгорьях Туркестанского хребта (Северцов, 1973; Зарудный, 1923). В подгорной части Ферганской долины в гнездовое время её добывали близ Уч-Кургана, Намангана, Чуста, Гава (Иванов, 1940). В низкогорьях Приташкентского Каратау (подгорная часть Западного Тянь-Шаня) чёрную каменку нашёл Р.Н. Мекленбурцев (1951), который в 5 км восточнее станции Дарбаза, близ города Сарыагач, 8 августа и 7 сентября 1949 г. добыл двух самцов *opistoleuca* и одного самца *capistrata*. Впоследствии в этом месте проведены более детальные исследования в 1978 и 1985-2005 гг. (Любущенко и др., 1986; Митропольский, 2002, 2005; Матюхин, 2006, 2014). «Здесь на территории древней сухой долины, обрамлённой невысокими сильно эродированными обрывами конгломератов и песчаника, на площади, вряд ли превышающей тысячу гектаров, обнаружено самое северное для вида поселение, отстоящее на 150-200 км от других, ближайших частей ареала» (Митропольский, 2001, с. 166). Примерно в 50 км северо-западнее этого места, в горах Бельтау (41.759779° с.ш. и 68.574373° в.д.) 19 мая 2015 г. встречен территориальный самец с тремя слётками (Пестов, Коваленко, Даулетов, 2016), а в 10 км севернее гор Бельтау в районе горы Дарбаза

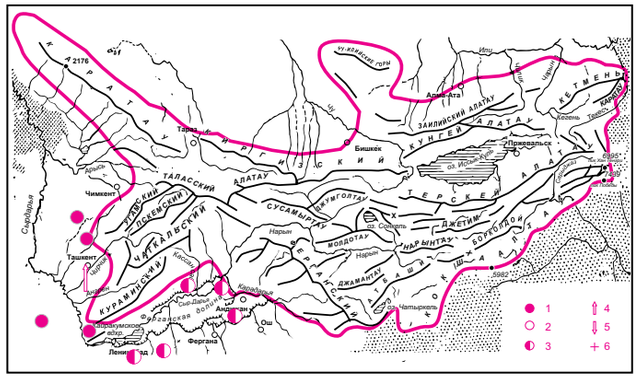

Рис. 350. Ареал чёрной каменки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 520
Рис. 351. Распространение чёрной каменки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной

[11] См. также: Лоскот В.М. Внутривидовая изменчивость и систематика каменки чёрной//Вестник зоологии, 1972, № 4. С. 28-34. – *АК*

(41°51’9.30” с.ш. и 68°32’44.52”в.д.) 4 июня 2016 г. на нескольких сухих чинках, расположенных в 2 км друг от друга, обнаружены 6 гнездовых участков этого вида, на которых взрослые кормили птенцов в гнёздах и слётков (Федоренко, Торопов, 2017). Относительно ферганских летних встреч доказательств гнездования не имеется, но есть мнение, что морфа *capistrata* здесь гнездится: «Гораздо шире распространён подвид *capistrata*, населяющий низинные окраины северной, западной и юго-западной частей Памиро-Алая. В предгорьях Алайского хребта эта каменка, вероятно, распространена достаточно широко, но пока достоверно известно нахождение лишь в долине р. Исфайрамсай у кишл. Уч-Курган» (Иванов, 1969, с. 262).

Численность. В Приташкентском Каратау чёрная каменка оказалась достаточно многочисленной: 14-17 апреля 1978 г. в окрестностях возвышенности «Сундук» в 10-12 км северо-восточнее города Сарыагач отмечены 32 территориальных самца и найдено 6 гнёзд (Митропольский, 2005). В 5 км восточнее станции Дарбаза с 1 мая по 1 июня 1985 г. закартировано 30 пар/2 км^2, в т.ч. 14 *opistholeuca* и 16 *capistrata* (Любущенко и др., 1986). «Всего для данной территории соотношение морф (n=66) составляет: *opistholeuca* 37.8% и *capistrata* 62.2%. Это очень высокий процент морфы *opistholeuca* для северной части ареала чёрных каменок, однако следует отметить, что указание Р.Н. Мекленбурцева (1951) о явном преобладании морфы *opistholeuca*, повторенное Э.И. Гавриловым (1970), не соответствует действительности. Подобные ошибки обычно связаны с тем, что сборщики несознательно акцентируют внимание на чёрных *opistholeuca*, менее обращая внимание на *capistrata*, часто просто путая её с обычными в ареале чёрной каменки каменками-плешанками. Поэтому об истинном соотношении морф каменок того или иного региона судить можно только при специальных полевых исследованиях опытных орнитологов. В коллекциях же процент *opistholeuca* всегда завышен» (Митропольский, 2005, с. 198). По более поздним наблюдениям фенотипический состав данной популяции (соотношение *capistrata/opistholeuca*) следующий: 1986 г. – 52/26, 1987 г. – 81/37, 1988 г. – 51/38, 1989 г. – 51/29, 1990 г. – 44/29, 2005 г. – 3/1 (Матюхин, 2014). По данным этого автора, численность чёрной каменки в этом изолированном участке сократилась с 120-130 пар в 1985-1990 гг. до 10-12 пар в 2005 г., и ей грозит здесь полное исчезновение (Матюхин, 2006).

Сроки. Даты. Данных практически нет, а указания З.Л. Сатаевой (1937) о встречах этих каменок под Ташкентом в марте и ноябре поставлены под сомнение О.В. Митропольским (2005). Судя по нахождению полных кладок этого вида уже в середине апреля, птицы должны прилетать не позднее конца марта, что предполагает и Э.И. Гаврилов (1970). Осенью 1949 г. у станции Дарбаза 7 сентября они были уже редки, а через месяц, 7 октября их здесь уже не было (Мекленбурцов, 1951).

Биология. Все имеющиеся сведения ограничиваются публикациями Р.Н. Мекленбурцева (1951), С.Ю. Любущенко с соавторами (1986), О.В. Митропольского (2002, 2005, 2009), А.В. Матюхина (2006, 2014), М.В. Пестова с соавторами (2016), В.А. Федоренко и С.А. Торопова (2017). В них имеются сведения о 15 жилых гнёздах и величине 17 кладок: «Различий в размерах кладки для пар с самцами разных морф не наблюдается. Так, у *capistrata* из 9 кладок в 8 было 5 яиц и в одной – 6, в среднем – 5.1; у *opistoleuca* из 7 кладок в одной 4, в четырех 5 и в двух 6 яиц, в среднем – 5.1 яйцо. Можно отметить, что у самцов *opistoleuca* размер кладки более вариабелен, а размеры яиц несколько мельче, чем у *capistrata*, но это, возможно, случайно и связано с небольшим объёмом исследованного материала» (Митропольский, 2005, с. 198). Расположение и устройство гнёзд у ст. Дарбаза типично для вида: в нишах обрывов или под крупными камнями, перед гнездом – большое количество плоских камешков, суживающих вход в нишу и маскирующих гнездо. Большая часть гнёзд с яйцами и птенцами найдена в апреле, в мае нередки повторные кладки, а часть пар явно имеет второй репродуктивный цикл (Митропольский, 2005). Все сведения о дарбазинской популяции подытожены в отдельной брошюре, посвящённой этому виду (Матюхин, 2014).

319. Пустынная каменка – *Oenanthe deserti* (Temminck, 1825)

desert wheatear (англ.), Wüstensteinschmätzer (нем.), traquet de désert (фр.),
шөл тасшыбжық (каз.), чол чакчыгай (кирг.), сангпараки биебон (тадж.), чўл тошсирчумчуғи (узб.)

Синонимы: *Saxicola atrogularis* Blyth, 1847; *S. salina* Eversmann, 1850; *S. oreophila* Oberholser, 1900. Чекан пустынный **(***Oe. d. atrogularis***),** горный чекан **(***Oe. d. oreophila***)** [Шнитников, 1949, с. 537, 539].

Подвид. Из 5 подвидов в нашем районе встречаются три: *Oe. d. salina* Eversmann, 1850 – гнездится у западных подножий Тянь-Шаня; *Oe. d. atrogularis* Blyth, 1847, гнездящаяся на юго-восточном Алтае, – пролетает весной и осенью; у южной границы Тянь-Шаня может встретиться *Oe. d. oreophila* Oberholser, 1900, населяющая Памиро-Алай к северу до Заалайского хребта (Степанян, 2003). О трёх экземплярах *Oe. d. oreophila* сообщает В.Н. Шнитников (1949, с. 539): 9 марта 1899 г. добыт в Илийске Б.П. Кореевым; 28 сентября добыт на Аксае Н.А. Северцовым; 16 марта 1913 г. добыт у Пржевальска В.Н. Шнитниковым. Ещё один *oreophila* добыт А.А. Винокуровым 11 марта 1956 г. у пос. Нарынкол (колл. Зоомузея МГУ).

Характер пребывания. Преимущественно пролётный вид, гнездящийся в подгорной пустыне.

Биотоп. Пустыни, преимущественно песчаные, реже – глинисто-щебнистые и солончаковые. Выше 400-500 м на гнездовании не поднимаются, И.А. Долгушин (1951) встречал их в гнездовое время на щебнистых склонах северо-западной оконечности Каратау, почти на тех же высотах. Случаи гнездования в горах Тянь-Шаня не известны, хотя на Алтае, Памиро-Алае и в Восточном Ираке они гнездятся до пределов альпийского пояса (Гаврилов, 1970).

Распространение. Гнездится в пустынной зоне, из которой местами проникает и в пределы нашего района (рис. 352). Как и следовало ожидать, гнездование пустынной каменки установлено для самой пониженной северо-западной оконечности Каратау, где её нашли обычной по полынно-боялычевым ассоциациям на щебнистых склонах (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951), не исключено также гнездование в полупустыне близ озера Кызылколь в северных предгорьях этого хребта, где самца встретили 29 мая 2001 г. (Коваленко и др., 2002). Гнездится также по шлейфу северных предгорий Чу-Илийских гор и в Жусандале, где гнездо найдено И.А. Долгушиным в урочище Бескоян (Гаврилов, 1970), а в 1995-1997 гг. в низовьях рек Копалысай и Жынгельды найдены гнёзда и вылетевшие птенцы (Березовиков и др., 1999). В долине Или гнездится от её низовьев до среднего течения между притоками Чилик и Чарын (Корелов, 1948), откуда заходит даже в Сюгатинскую долину, где 20 мая 2008 г. пара пустынных каменок кормила слётков (Скляренко, 2009: КОБ-2008). Ещё восточнее из пустыни левобережья реки Или поднимается до северного подножья хребта Кетмень, где по безводному руслу речки Шункырсай 20-21 апреля 1989 г. мы встречали территориальные пары пустынных каменок по щебнистому шлейфу; самцы совершали токовые полёты, а невидимые самки явно насиживали кладки (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Наряду с Сюгатинской долиной это самая высокая точка гнездования здесь пустынной каменки – около 1000 м. Заслуживают внимания ещё две летние встречи пустынной каменки в горах. Так, на западной оконечности Киргизского Алатау в ущелье Узунбулак (почти над Таразом) 21-22 июля 1957 г. встречено много этих каменок и одна из них добыта (Корелов, 2007). В Чаткальском хребте, в окрестностях полевой базы Чаткальского заповедника в июле-августе 1980 г. пустынных каменок отмечали несколько раз (Батурин, 1981; Головцов, 2007). Возможно, это были послегнездовые кочёвки, так как для осеннего пролёта июль – слишком раннее время. Однако если учесть, что в Тянь-Шане не раз добывали высокогорный подвид *Oe. d. oreophila*, гнездящийся на Памире на высотах 3600-4300 м (Потапов, 1966; Иванов, 1969), то здесь есть над чем поразмыслить, и даже предположение А.И. Янушевича (Птицы Киргизии, 1960) о гнездовании этой каменки на сыртах уже не кажется столь уж беспочвенным. Во всяком случае вполне оправданы поиски этой каменки в высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня.

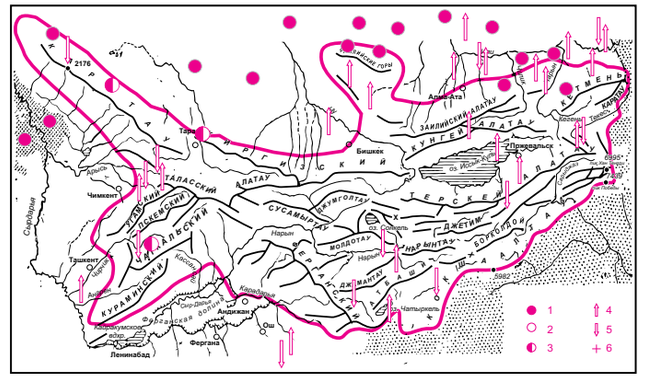

Рис. 352. Распространение пустынной каменки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной,
5 – пролёт осенью

Численность. В пустыне – обычная птица. У подножья хребта Кетмень отмечали в среднем 1-2 пары на 1 км маршрута. На пролёте

немногочисленна даже на Чокпаке, где в 1966-1981 гг. отловили 12, а в 1982-2016 гг. – 9 пустынных каменок (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной самцы пустынных каменок, которые летят раньше самок, появляются в первой половине марта. В предгорьях Таласского Алатау первых я встречал 12 марта 1960, 16 марта 1962, 21 марта 1963 и 3 марта 1965 гг.; обычно одиночками, и только 21-22 марта 1963 г. – группами по 3-5 особей, кормящихся на земле недалеко друг от друга (Ковшарь, 1966). На Чокпаке первых встречали 14 марта 1969 г. и 20 марта 1974 г., последних – 26 апреля 1974 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); 14 апреля 2002 г. пометили одну птицу (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине, где пустынная каменка редка на пролёте, особей подвида *Oe. d. atrogularis* добывали 3 марта 1957, 14 марта 1954 и 23 марта 1958 гг. (Птицы Киргизии, 1960). Около Пржевальска экземпляр *Oe. d. oreophila* В.Н. Шнитников (1949) добыл 16 марта 1913 г. На северо-восточном побережье Иссык-Куля пустынных каменок встречали 8 апреля 1958, 10 апреля 1956 и 28 апреля 1954 гг., а на Чатыркуле – 25 марта 1958 г.; всё это были одиночки (Птицы Киргизии, 1960). В окрестностях Нарынкола (Центральный Тянь-Шань) пролёт наблюдали 11-18 марта 1956 г. (Винокуров, 1960). В долине Копы в 1987 г. пролёт шёл 22 марта – 13 апреля, а в 1988 г. – 26 марта-16 апреля; всего за эти дни пролетело 7 самцов и 9 самок (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени) одиночек, редко – по 2-5 особей, наблюдали с 13 марта (2009) по 14 апреля 2008 г. (Бевза, 2012).

Осенью пролётных отмечали с конца августа до конца октября. Так, в 1899 г. в районе Чунджи двух видели 18 октября, а близ Нарынкола трёх каменок – 20 октября (Зарудный, Кореев, 1905). В Карачингиле их видели с 25 июля (2009) по 11 ноября 2010 г. (Бевза, 2012). Во внутренних районах Тянь-Шаня Н.А. Северцов встречал их на Покровских сыртах, а для высокогорья Центрального Тянь-Шаня в целом А.К. Кыдыралиев (1961), так же без указания дат, указывает её как «встречающуюся почти регулярно». В поймах рек Арпы и Нарына пустынных каменок в 1958 и 1959 гг. встречали с 25 сентября по 5 октября (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке, где осенью пролётные пустынные каменки встречаются чаще, чем весной, первых отмечали 23 сентября 1972, 28 сентября 1966, 8 октября 1971 и 1973 гг.; последних – 21 октября 1973, 25 октября 1975, 31 октября 1976 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – с 7 октября (1991) по 22 октября (1986) отловили 8 особей (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау, пустынная каменка также обычнее, чем весной, пролетает после обыкновенной каменки и плясуньи – в основном в октябре (в 1961 г. пролёт начался 29 сентября), причём самцы и самки летят в одно время, а 15 октября 1964 г. пустынные каменки были буквально многочисленны по всему пространству степи между Новониколаевкой, Ванновкой и Высоким (Ковшарь, 1966). В горы проникает не выше 2000 м, где у каньона р. Аксу 4 октября 1933 г. добыл единственного самца своей коллекции Л.М. Шульпин (1961). На Ангренском плато ещё выше (перевал Чапан-куйды, 2650 м) одиночную каменку 30 августа 1995 г. встретил О.В. Митропольский (2005). На перевале Кызыларт (около 4000 м) в Заалайском хребте двух пустынных каменок добыли в сентябре (Н.А. Зарудный, по А.И. Иванову, 1969, с. 257).

Биология. По нашему району имеются лишь отрывочные сведения. В Каратау массовый вылет молодых И.А. Долгушин (1951) наблюдал 17-22 мая 1941 г., а в Жусандале (урочище Бескоян), на северном шлейфе Чу-Илийских гор, он же 16 мая 1952 г. нашёл гнездо с 5 сильно насиженными яйцами (Гаврилов, 1970). Там же, в Жусандале, в сухом русле р. Тесик, в гнезде, устроенном в нише под кустом курчавки, 9 мая 1997 г. было 4 яйца; в другом гнезде, в низовьях р. Копалысай, 14 июня 1996 г. гнездо было устроено в обрыве дерева, в выемке под камнем (содержимое не указано); в пойме р. Жынгельды 21 и 25 июня 1995 г. встречены два слётка (Березовиков и др., 1999). В низовьях Чарына (долина Или), в глинисто-щебнистой пустыне у северных подножий гор Богуты в конце июня 1939 г. птенцы пустынных каменок уже покинули гнёзда (Корелов, 1948). В щебнистых северных предгорьях хребта Кетмень, по безводному руслу речки Шункырсай, 20-21 апреля 1989 г. самцы совершали брачные полёты, а некоторые самки уже явно насиживали кладки (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В Сюгатинской долине 20 мая 2008 г. пара пустынных каменок кормила слётков (Скляренко, 2009: КОБ-2008).

Для поисков в высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня горного подвида *Oe. d. oreophila* особый интерес представляют сведения, собранные о нём в 1937 г. на Памире, где первые самцы появились 16 апреля, первая самка – 26 апреля, первое пение самцов и начало строительства

гнезда отмечены 12 мая, а три найденных гнезда оказались очень громоздкими и хорошо утеплёнными и помещались в развалинах старых построек (Мекленбурцев, 1946). Не менее важны для поисков и указания на биотоп: «В гнездовое время пустынные каменки держатся преимущественно на шлейфах склонов, в особенности на таких, где участки, заваленные глыбами камней, перемежаются с луговинами. На равнинные участки, где держится каменка-плясунья, пустынная каменка не выходит совершенно» (Иванов, 1969, с. 258).

320. Каменка-плясунья – *Oenanthe isabellina* (Temminck, 1829)

isabelline wheatear (англ.), Isabellsteinschmätzer (нем.), traquet isabelle (фр.),
шыбжың тасшыбжық (каз.), чакчыгай (кирг.), сангпараки раккос (тадж.), ўйноқи тошсирчумчуқ (узб.)

Синонимы: *Saxicola saltator* Ménértries, 1832; *S. squalida* Eversmann, 1835. Чекан-плясун (Шнитников, 1949).

Подвид. Монотипичный вид, хотя ранее был описан подвид *Oe. isabellina sibirica,* Portenko, 1954.

Характер пребывания. Гнездится и пролетает. Ближайшие зимовки в южной Туркмении.

Биотоп. Населяет сухие степные и полупустынные пространства с низким травяным покровом. «Селится в низкотравных предгорных районах и в горах, отсутствует в поясе леса и на участках с пышным разнотравьем. Здесь каменки встречаются преимущественно на мягких склонах и в широких долинах, реже в нагорных степях с выходами материнских пород, на щебнистых породах, однако скалистых участков избегают» (Гаврилов, 1970, с. 529). В горах Внутреннего Тянь-Шаня обычно гнездятся «на сухих глинистых либо щебнистых участках степей и пустынь, независимо от высоты местности; гнездятся на разных высотах от низменных степей и пустынь до сыртов включительно» (Птицы Киргизии, 1960, с. 222). Лишь в одной специальной публикации, посвящённой этому виду, есть указание, что плясунья в Чаткальском и Кураминском хребтах «широко распространена не только на низкотравных участках, но и среди густого ферулово-прангосового разнотравья с выходами скал» (Третьяков, Фоттелер, 1988, с. 59). Очень разнятся высотные пределы гнездования в разных частях Тянь-Шаня. Обычно плясунья селится в предгорных степях и выше границы леса – в Заилийском Алатау на высотах 2800-3200 м (Штегман, 1954), хотя в Б. Алматинском ущелье она не гнездится (Гаврилов, 1970; Ковшарь, Лопатин, 1983). В Таласском Алатау обычна в предгорной степи и очень редка в субальпах, на 2200 м (Шульпин, 1965), а для южного макросклона Западного Тянь-Шаня многими авторами приводится как «исключительно высокогорная птица» с нижней границей гнездования 2100 м (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958; Митропольский, 2002, 2005; Головцов, 2007; М. Митропольский, 2008), хотя по наблюдениям 1949 г. в Угаме и Пскеме в альпийский пояс она не проникает (Корелов, 1956). Везде каменка-плясунья связана с поселениями различных грызунов (сурков, сусликов, песчанок), в норах которых она гнездится.

Распространение. Располагаясь внутри ареала этого вида, в его северной половине, Тянь-Шань населён каменкой-плясуньей *почти* равномерно (рис. 353). На самом северо-востоке нашего района, на правобережье реки Или, она гнездится в южных низкогорных отрогах Джунгарского Алатау и Борохоро, а вдоль всей долины – вплоть до низовьев реки; на левом берегу – в предгорьях Кетменя, низких гор Сюгаты и Богуты, в Сюгатинской долине; почти везде в Центральном Тянь-Шане – от долин Чулкудысу-Кегени, Текеса и котловины озера Тузколь до бассейна Сарыджаза и Инылчека (Зарудный, Кореев, 1905; Иоганзен, 1908; Шестоперов, 1929; Кашкаров и др., 1937; Корелов, 1948, 1956; Шнитников, 1949;

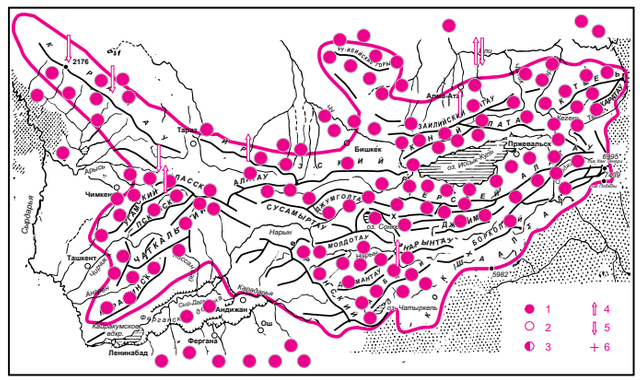

Рис. 353. Распространение каменки-плясуньи в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Бибиков, Бибикова, 1955; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Злотин, 1968; Гаврилов, 1970; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2002, 2005; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Верещагин, Немченко, 2005 и др.). В Северном Тянь-Шане спорадично гнездится в безлесных местах северных склонов восточной и западной оконечности Заилийского Алатау; на северных склонах восточной части Кунгей Алатау найдена в Джаланашской долине и в истоках Чилика, а в западной части – в долине Чонкемина; на южных склонах этого хребта отмечена на гнездовании от уровня с. Ананьево на востоке до Чон-Аксу и Кичи-Аксу на западе (Шнитников, 1949; Штегман. 1954; Птицы Киргизии, 1960; Гаврилов, 1970; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Губин, 2009; Джаныспаев, 2012). По северным склонам Киргизского Алатау столь же спорадично она гнездится на всём его протяжении – от Буамского ущелья до ущелья Узунбулак на уровне Тараза (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007; Карпов, Белялов, 2007). Во Внутреннем Тянь-Шане плясунья гнездится по всей Иссык-Кульской котловине, особенно в её западной пустынной части, в долинах Нарына, Кочкорки, Сусамырской, Атбашинской, Арпинской, Каракоюна, Аксая, в котловинах высокогорных озёр Сонкуль и Чатыркуль (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлоа, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). У южных границ Тянь-Шаня она широко распространена по северным склонам Алайского и Туркестанского хребтов, а также по всей Алайской долине (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Ноздрюхин, 1989; Ковшарь, Торопова, 2000). В центральных пустынных частях Ферганской долины, у Ходжента и между кишлаками Багашамаль и Дивона, ещё в начале XX в. её наблюдал на гнездовании Н.А. Зарудный (Иванов, 1969), но вполне возможно, что сейчас там уже нет условий для её существования. Полностью населяет весь высокогорный Западный Тянь-Шань – от Сарычелека на востоке до Аксу-Джабаглы и Каржантау на западе, а также Кураминского хребта на юге (Кашкаров, 1927; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1965; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Капитонов, 1969; Митропольский и др., 1981; Третьяков, Фоттелер, 1988; В. Ковшарь, 1999, 2003; Митропольский, 2002, 2005; Головцов, 2007; М. Митропольский, 2008; Чаликова, 2009). В Каратау найдена во многих местах, но немногочисленна и распространена спорадично (Долгушин, 1951; Коваленко и др., 2002; Губин, Белялов, 2017). В Чу-Илийских горах на гнездовании каменка-плясунья обычна (Березовиков и др., 1999; Губин, 2007), как и в долине Копы (Ковшарь, Березовиков, 1999).

Численность. Достаточно высокая, но неравномерная: «Например, в Чиликском ущелье отмечены лишь единичные плясуньи, по Сюгатинской долине, в горах Турайгыр, количество их составляет 8-15 птиц на 10 км, на Кегенском перевале – 3-4 птицы на 10 км, на участке с. Акбеит – с. Нарынкол – 10-15 особей на 10 км (Бибиков, Бибикова, 1955)» (Гаврилов, 1970, с. 527). После окончания размножения численность резко возрастает – так, на участке Коксай – Нарынкол (65 км, Центральный Тянь-Шань) средний показатель численности возрос с 9.8 до 25.5 (Бибиков, Бибикова, 1955). В тех же местах через 50 лет: «В горах Жабыртау по дороге между пос. Жана-Текес и пер. Байбакты 15 июля 2002 г. учтено 50 взрослых и доросших молодых на 25 км маршрута, при этом наибольшая плотность их населения наблюдалась среди глинистых холмов. На этом же маршруте 5 августа 2004 г. встречено 49 каменок, в том числе несколько ещё не распавшихся выводков по 5 особей в каждом. На полынно-чиевом побережье оз. Тузколь 15-16 июля учтено 45 особей/25 км» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004, с. 83). По данным тех же авторов, в Джаланашской долине (междуречье Чилика и Чарына) в полынной степи вдоль дороги 1 августа 1996 г. учтено 23 плясуньи на 15 км маршрута. Вдоль северных предгорий хребта Кетмень 30 июля 2002 г. мы насчитали 16 каменок-плясуной; в долине Чулкудысу и на озере Тузколь на следующий день – 6 особей (дождь); по пути от Текеса до Чарына 1 августа 2002 г. встретили 31 плясунью, а на следующий день, при пересечении Сюгатинской долины, – 9 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003). На восточной оконечности Заилийского Алатау, в ущелье Женишке «наиболее многочисленной эта каменка отмечена 30 и 31 июля 2008 г., когда при спуске с перевала Царские ворота до реки зарегистрировали 30, а на плато от конца серпантина до лесопилки было суммарно 40 особей, и на обратном пути 1 августа я видел не менее 100 каменок. Здесь они держались близ нор серого сурка, в которых, очевидно, и гнездились» (Губин, 2009).

Во время наших поездок 1998-2006 гг. по Тянь-Шаню плясунья оказалась самой многочисленной из каменок, особенно во Внутреннем Тянь-Шане и Алайской долине, где высшая точка встречи –

перевал Талдык (3640 м). В средней части Алайской долины, между сёлами Кашкасу и Сарымогол, 25 июля 1999 г. численность плясуньи достигала 11 особей/км маршрута. В более низкогорной части, на маршруте от города Нарын до Казармана через Байетов 17 июля 1999 г. мы насчитали 20 каменок-плясуний, а на маршруте «Сусамырская долина – Кокомеренское ущелье – перевал Кызарт» 1 августа того же года – только 9 одиночек (Ковшарь, Торопова, 2000). «В 2000 г. была обычна на Сонкуле и многочисленна в долине Каракоюна, где плотность населения имеет средний показатель 8 особей на 5 км автомобильного маршрута (62% от всех учтенных). Здесь 18 и 19 июля отмечены 4 выводка у нор серого сурка, численность которого особенно высока у западной окраины хребта Атбаши. Один выводок встречен также 19 июля в долине Кёк-Айгыра, восточнее Чатыркуля. При подъеме к Торугарту в трех местах отмечены трупы молодых плясуний, попавших под колеса автотранспорта. Фоновой птицей (вместе с полевым коньком) оказалась плясунья также в бедлендах южного берега Иссык-Куля, в районе перевала к селам Кумбатыр и Боконбаев. Немногочисленна по Нарыну (2 встречи) и всего по разу встречена в районе перевала Чон-Ашу и в бассейне Сарыджаз – Иныльчек. В 2003 г. была массовым видом по всему маршруту. Особенно многочисленной была плясунья в высокогорье (Арпа – Чатыркуль – Аксай), где 29-30 июля отмечено 160 особей из 197, учтенных за всю экспедицию (82%). На маршруте 2004 г. была немногочисленной: отмечена 21 июля в долине Соха, 27 июля на маршруте Баткен – Айдаркан (8), 28 июля близ села Орозбеков (5), 29 июля в Исфайрамсае (1) и 1 августа у перевала Отмёк (2)» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005, с. 80). Кстати, плясунья была «очень многочисленна» в «Холодной пустыне» Центрального Тянь-Шаня летом 1929 и 1934 гг. (Кашкаров и др., 1937).

Для Западного Тянь-Шаня имеются следующие конкретные данные: «6 августа 2001 г. на автомаршруте Келимчек – Койташ протяжённостью 30 км учтено 128 птиц. Численность этой каменки на пеших маршрутах ещё выше – пятичасовые маршрутные учёты в первой половине августа по различным саям верховьев р. Ангрен (Келимчек, Ташсай, Койташ, Джанарык) показали, что она колебалась в пределах от 45 до 109 птиц за учёт» (Митропольский, 2005). В верховьях Пскема в августе 2002 г. встречено более 50 каменок-плясуний (В. Ковшарь, 2003). Не менее многочисленна плясунья и во время осеннего пролёта. Так, во время массового пролёта в Каратау 6 и 8 сентября 2002 г. в предгорьях между ущельями Актогай и Кенчектау насчитали 50 и 63 плясуньи (Чаликова, Колбинцев, 2006). На Чокпаке в 1966-1981 гг. окольцовано 19 плясуний весной и 108 осенью; в 1982-2016 гг. – соответственно 13 и 113 (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетают в марте. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первых встречали 23 марта 1963, 11 марта 1972 и 20 марта 1971 гг. (Ковшарь, 1966; Губин. 2012). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта плясуньи отмечали 14 марта (1969, 1975) – 9 апреля (1967), в среднем 25 марта; завершался пролёт 16 апреля (1975) – 6 мая (1976), в среднем 27 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. плясунью отлавливали с 7 апреля (1986) по 11 мая (1995), срединная дата весеннего пролёта – 22 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Около Джамбула (ныне Тараз) одну плясунью добыли 16 марта 1954 г. (Гаврилов, 1970). Там же, в северных предгорьях Киргизского Алатау, между Луговой и Акыртюбе, было много пролётных плясуний во время снегопада 4 апреля 1958 г. (Корелов, 2012). На Иссык-Куле 27-30 марта 2004 г., во время учёта водоплавающих по всему побережью, насчитали 61 каменку-плясунью: 47 – на южном берегу, 8 – на восточном и 6 – на северном (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В сборах Н.А. Северцова имеется экземпляр, добытый в Талгаре (Заилийский Алатау) 17 марта (Шнитников, 1949). В Алматы 21 апреля 1994 г. пролётную каменку-плясунью встретили в группе плешанок на пустыре в южной части города (Карпов, 1994). В долине Копы первые пары уже на гнездовых участках встречали мы 24 и 25 марта 1987 г. и 5 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) плясуньи прилетели одновременно с плешанками 28 марта 1956 и 31 марта 1957 гг. (Винокуров, 1960); в 1972 г. 2-15 марта плясуньи здесь ещё отсутствовали, а в 1970 г. первую одиночку встретили 25 марта (Аракелянц, Березовиков, 2006). В устье Тургени (Карачингиль) в 2004-2011 гг. первые плясуньи появлялись обычно 7-16 марта, реже 31 марта – 4 апреля (Бевза, 2012), а у Илийской переправы близ Чунджи в 1918 г. в небольшом числе встречались с 26 марта; разгар пролёта здесь был с 13 по 16 апреля (Шестопёров, 1929).

Осенью летят с августа по октябрь. В Карачингиле их встречали с 28 августа 2004 г., а последнюю одиночку – 7 октября 2008 г. (Бевза, 2012). Из долины Текеса отлетают в конце августа – первой половине сентября (Винокуров, 1960). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское ущелье, 2500-3000 м) за 10 лет стационарных исследований мы встретили каменку-плясунью лишь раз: 8 августа 1973 г. несколько пролётных одиночек в верховьях ручья Мраморный (Ковшарь, Лопатин, 1983).

На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 18-31, в среднем 24 августа: последних видели 5 октября (1971) – 4 ноября (1976), в среднем 16 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 24 августа (1995) по 21 октября (2000), срединная дата осеннего пролёта – 24 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) наиболее заметный осенний пролёт плясуньи я наблюдал 28 сентября 1961, 13 сентября 1963 и 28 сентября 1964 гг.; самая поздняя встреча трёх особей – 24 октября 1964 г. на Майликентском (Буранши-асу) перевале, на который летят птицы с Чокпака (Ковшарь, 1966). В сборах Н.А. Северцова есть экземпляр даже от 29 октября 1867 г. с высокогорного Аксая (Шнитников, 1949).

Биология. В отличие от других каменок биологию плясуньи более пристально изучали специалисты противочумной службы – как вероятного прокормителя переносчиков опасных зоонозных инфекций. Здесь можно было бы перечислить большое число работ, но ограничусь упоминанием нескольких, выполненных ближе к нашему району, – например, в Западном Казахстане (Шевченко В.Л., 1969, 1974, 1978, 1979, 1986; Шевченко, Бибиков, Каймашников, 1971; Шевченко, Каймашников, 1974)[12] Имеются и публикации, выполненные в Центральном Тянь-Шане (Бибиков, Бибикова, 1955; Бибиков, Кузин, 1971; Бибиков, Семенова, Кузин, 1971). Изучали её биологию также в Чаткальском и Кураминском хребтах Западного Тянь-Шаня, где плясунья связана с поселениями двух видов сурков (Мензбира и длиннохвостого, или красного), а также реликтового суслика (Третьяков, Фоттелер, 1988, с. 59-62); в этой работе приводятся данные о 24 гнёздах каменки-плясуньи. Данные о 8 кладках (37 яиц) опубликованы в статье по оологии птиц Западного Тянь-Шаня (Митропольский и др., 1981). Зоологи, не связанные с медицинским направлением, уделяли каменке-плясунье мало внимания, и в их публикациях встречаются лишь отрывочные сведения по биологии этого вида, чаще всего – данные о содержимом желудков взрослых птиц (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Злотин, 1968; Ковшарь, Березовиков, 1999; Торопова, 1999; Ковшарь, Торопова, 2000; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Архипов, Коблик и др., 2018). Исключением является только объёмистый очерк по биологии этого вида в 3-м томе монографии «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1970, с. 527-536). Полезно знать об одной интересной биологической черте плясуньи: будучи самым лучшим певцом среди всех наших чеканов и каменок, она является прекрасным имитатором чужих голосов. Поэтому именно ей мы обязаны большинством литературных указаний на пение в марте таких позднеприлётных птиц как перепел, иволга…

321. Белоножка – *Enicurus scouleri* Vigors, 1832

little forktail (англ.), Stummelscherenschwanz, Zwergscherenschwanz (нем.), enicure nain (фр.), аксирак кус (каз.), ак аял булбул (кирг.), сафедпочак (тадж.), оқ оёқ, оқ қораялоқ (узб.)

Синонимы: *E. nigrifrons* Gray, 1859; *Microcichla scouleri* Vigors, 1832 (1831). Пегий дрозд.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане один – *Enicurus scouleri scouleri* Vigors, 1832.

Характер пребывания. На большей части своего ареала – оседлая птица, совершая перемещения по высоте (Иванов, 1969); характер пребывания в Западном Тянь-Шане ещё предстоит выяснять.

Биотоп. Гнездится у водопадов в узких горных ущельях, как правило в среднем поясе гор (в Памиро-Алае – на высотах 1400-2800 м): «Летом белоножки держатся на нешироких, но быстрых горных потоках, непрерывным каскадом стекающих с камня на камень… Во время пролёта или, вернее, осенних и весенних перекочёвок, белоножки могут держаться и на широких горных реках, которых они явно избегают в гнездовое время. Как летом, так и зимой белоножка держится на таких речках, в руслах которых встречаются крупные камни, и вода по этим камням сливается тонким слоем. Дело в том, что белоножка почти всегда кормится именно в таких местах: усевшись на камень головой навстречу течению, иногда по брюхо в воде, она что-то быстро склёвывает с поверхности камня, по-видимому, водных насекомых, а может быть и водоросли, так как в желудке одной белоножки я нашёл камешки и растительные остатки. Иногда она совсем погружает голову в воду, иногда брызги обдают её с ног до головы, но плотное богатое оперение белоножки не намокает – быстро отряхнувшись, она снова начинает подныривать под струи воды. Ни разу я не видел, чтобы белоножка, подобно оляпке, бросалась в пенящуюся воду, как об этом пишет Зарудный, хотя белоножка и связана с водой в такой же степени, как оляпка.

[12] См. библиографический указатель «Птицы Казахстана и сопред. территорий» (Ковшарь, 2000, с. 254-255) – *АК*

За несколько десятков встреч с этой интересной птицей я всего раз видел, как она кормилась на сырой, поросшей мохом скале в 5-6 м от воды; во всех остальных случаях белоножки либо сидели на камнях у самой воды, либо на камнях среди потока» (Иванов, 1969, с. 250-251). Я специально привёл это подробное описание, поскольку оно в мельчайших деталях совпадает с моими наблюдениями в июле 2004 г. за кормлением этой удивительной и малоизученной птицы на северном склоне Алайского хребта.

Распространение. Тянь-Шань своими юго-западными хребтами едва соприкасается с северо-западной границей крайнего западного выступа ареала этого юго-восточноазиатского вида (рис. 354), который южнее населяет пограничные с Тянь-Шанем хребты Памиро-Алая (рис. 355). В «Конспекте орнитологической фауны…» описание ареала белоножки странным образом начинается именно с этого

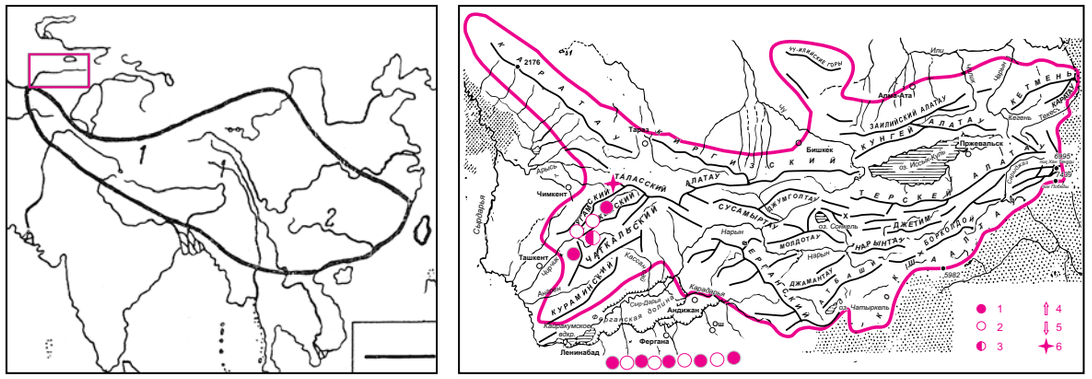

Рис. 354. Ареал белоножки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Гладков, 1954, с. 619
Рис. 355. Распространение белоножки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летняя встреча, 6 – залёт

его окончания: «Западный Тянь-Шань (хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский), Алайская система (хребты Туркестанский, Алайский, Зеравшанский, Гиссарский, Каратегинский, Петра Первого, Дарвазский)» (Степанян, 2003, с. 601), тогда как во всех перечисленных хребтах Памиро-Алая гнездование белоножки было известно давно, а в Западном Тянь-Шане её нашли только в середине XX ст. (Колесников, 1951; Корелов, 1956). С тех пор существует две противоположных точки зрения: о проникновении белоножки в Западный Тянь-Шань (Корелов, 1964) и о реликтовом обитании её здесь (Митропольский, 2002). Подробному разбору этого вопроса посвятил специальную публикацию О.В. Митропольский (2010), и ниже я использую как собранные им литературные данные фактических встреч этого вида, так и предположения этого автора. Представленный в публикации кадастр встреч белоножки в Западном Тянь-Шане (рис. 356) включает в себя описанные в тексте точки встреч этого вида в Угамском (5 мест), Пскемском, Ойгаингском и Чаткальском хребтах, в Таласском Алатау (Колесников, 1951; Корелов, 1956, 1964; Абдуназаров, 1988; Губин, 1989; Д.Ю. Кашкаров, 2002; В. Ковшарь, 2004). В долине Ахангарана, несмотря на большое ландшафтное сходство, белоножка ни разу не встречена; без всяких оснований включена она и в список гнездящихся птиц Чаткальского заповедника (Лановенко, 1997). Отрицает О.В. Митропольский (2005) и включение в ареал белоножки долины Угама в пределах Казахстана (E & A.Gavrilov, 2005). Отрицая идею недавнего появления белоножки в Западном Тянь-Шане, этот автор приводит следующие резонные доводы: «Прежде всего расширение ареала предполагает наличие высокой численности вида

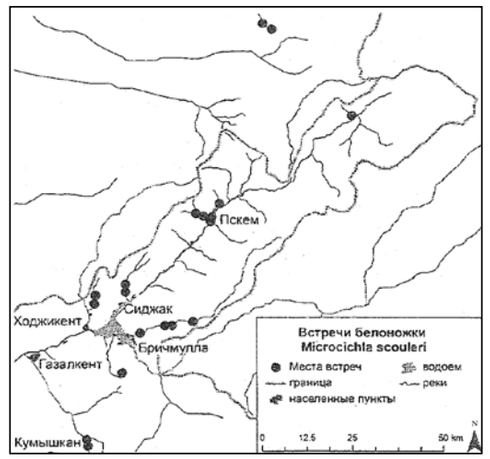

Рис. 356. Встречи белоножки в Западном Тянь-Шане. (по: Митропольский, 2010, с. 120).

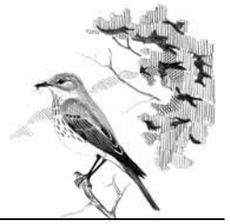
в пределах исходного ареала, что для белоножек в Средней Азии не наблюдается. Везде этот вид спорадичен и относительно малочислен. Кроме того, укажем на отсутствие у белоножек выраженных миграций, позволяющих этому виду пересекать большие расстояния между Памиро-Алаем и Тянь-Шанем. В пользу принятия гипотезы реликтовости говорит и полное отсутствие встреч в других районах Тянь-Шаня, в частности, в Чаткальском и Ферганском хребтах в Киргизии, что неминуемо имело бы место в случае общей экспансии ареала белоножки… В пользу именно местного происхождения белоножек в Западном Тянь-Шане говорит и определённое постоянство их ареала – долины Пскема и Коксу с редкими «выплесками» в Аксу-Джабаглы и на Чаткальский хребет – к югу. Подтверждают стабильность ареала белоножек и зимние встречи этого вида, что говорит об обособленности западно-тяньшанской части его ареала» (Митропольский, 2005, с. 120-121).

Вдоль южных границ Тянь-Шаня белоножка довольно широко распространена на северных склонах Туркестанского и Алайского хребтов: «судя по коллекционным и литературным данным белоножка довольно обычна на многих горных реках северного склона Алайского хребта (Гульча, Исфайрамсай, Шахимардан, Сох). В Туркестанском хребте Зарудный встречал её в верховьях р. Исфара на реках Чичак, Кшемыш и Нурлоу» (Иванов, 1969, с. 250). Мне удалось наблюдать здесь белоножку уже в начале XXI века: «Встречена в 2004 г. в трёх ущельях на северных склонах Алайского хребта и хр. Кичи-Алай. В ущелье Абширсай 19 июля одна пара держалась у водопада урочища Абшир-ата, где она явно гнездилась, несмотря на многолюдность этого места. В этот же вечер и утром следующего дня также пара встречена в ущ. р. Дугоба (правобережный приток реки Аксу), спускающейся с северного склона Коллекторского хребта (39º55’01’’с.ш., 71º45’34.7’’в.д., высота 2300 м). Здесь птицы держались в каменистом ложе речки, протекающей среди высокоствольного арчевого леса с хорошими березовыми зарослями. Третье место встречи белоножки – каменистое русло верховьев р. Кичи-Алай, протекающей между хребтом того же названия и Алайским; здесь в каменистых теснинах 29 июля трижды отмечены одиночки. Следует отметить, что это фактически первые указания о встречах на территории республики, поскольку в сводку «Птицы Киргизии» белоножка включена со следующим текстом: «По литературным данным (по Иванову, 1940; Гладкову, 1954), оседлая птица Туркестанского и Алайского хребтов (верховья р. Гульчи, р. Исфайрам и др.). Обитает по горным ручьям. В нашей коллекции этой птицы нет» (Янушевич и др., 1960, с. 245)» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005, с. 92).

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась. Известны лишь отрывочные факты о гнездовых находках этой птицы в Западном Тянь-Шане. В Угамском хребте, у с. Седжак, 16 августа 1954 г. Э.Ф. Родионов добыл молодого самца (Корелов, 1956). Там же, в устье р. Ахаласай, 12-15 июля 2003 г. в течение трёх дней наблюдали двух взрослых и одну молодую белоножку (В. Ковшарь, 2004). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), на скалах водопада Кши-Каинды, где *ежегодно* в течение десятилетий работают орнитологи, белоножка встречена всего дважды: 18 октября 1973 г. Б.М. Губин встретил самца, а в 1980 г. А. Книстаутас нашёл гнездо с птенцами под самим водопадом (Губин, 1989). Кстати, последний факт, опубликованный без каких бы то ни было деталей, вызывает у меня очень большие сомнения: столь неординарная находка обязана была бы побудить *любого* орнитолога к описанию хотя бы каких-то деталей, которых в публикации нет (даже *даты находки* и хотя бы примерного описания расположения гнезда).

А поскольку изучение биологии этого практически неизученного вида очень желательно, большое значение для проведения таких исследований в Западном Тянь-Шане и Алайском хребте будут иметь две специальные публикации по биологии белоножки в соседнем Памиро-Алае – на р. Артучь в Фанских горах, где не только найдено гнездо, но и прослежены два репродуктивных цикла (Будрис, 1982), и наблюдения за двумя гнёздами этого вида на Памире (Гуров, Панов, 1974).

Семейство **Мухоловковые** Muscicapidae

322. Серая мухоловка – *Muscicapa striata* (Pallas, 1764)

spotted flycatcher (англ.), Grauschnäpper (нем.), gobemouche gris (фр.),
сұр шыбыншы (каз.), чымынчы (кирг.), кулранг пашшахўр (узб.)

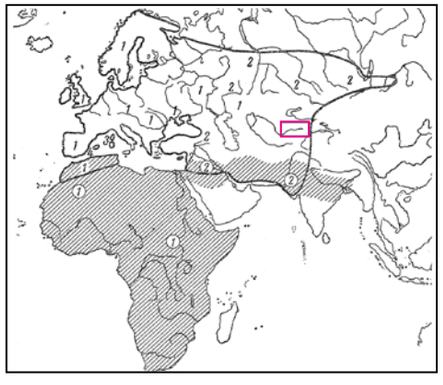
Синонимы: *Butalis grisola pallida* Zarudny, 1903; *M. striata zarudnyi* Snigirewski, 1928 – новое имя для *Butalis grisola pallida* Zarudny; *M. s. mongola* Portenko, 1955.

Подвид. Из 4-7 подвидов в Тянь-Шане встречается три: *M. striata zarudnyi* Snigirewski, 1928 гнездится в хребтах Западного и частично Внутреннего Тянь-Шаня (до Ферганского хребта и бассейна Джумгола на востоке); *Muscicapa striata neumanni* Poche, 1904 пролетает через территорию Тянь-Шаня весной и осенью; в пойме р. Ушбас (Каратау) 15 мая 2000 г. отловили одну особь *M. s. striata* Pallas (Коваленко и др. 2002).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Африке и Индии (рис. 357).

Биотоп. Житель светлых разреженных лесов, эта мухоловка предпочитает сочетание лесных опушек с открытыми пространствами. Во многих местах населяет сосновые боры, в Западном Тянь-Шане тяготеет к лиственным лесам – ясеневым (Каратау), орехоплодным и прирусловым галерейным (Угамский и Пскемский хребты), а в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), помимо того, нередко гнездится в разреженных старых высокоствольных арчевниках южных скалистых склонов на высоте до 2000 м (Ковшарь, 1966, 1970). В Ферганском хребте живёт в ореховых лесах (Птицы Киргизии. 1960), а в ущелье Чаманды (Внутренний Тянь-Шань) выводок встречен в елово-арчовом лесу (Шнитников, 1949). Интервал высот 1000-2100 м.

Распространение. Через наш район проходит восточная граница ареала вида, поэтому гнездится здесь серая мухоловка в западных и южных хребтах (рис. 358). В описании ареала подвида *Muscicapa striata neumanni* (в «Конспекте орнитологической фауны России…» подвид *M. striata zarudnyi* сведен в синонимы сибирского подвида) есть такие слова: «Тянь-Шань к западу до Каратау и западного подножия системы, к востоку до хребта Джумголтау, долины Кокомерена, Ферганского хребта; Алайская система к востоку до хребтов Алайского, восточной части Гиссарского, Дарвазского, к западу до западных склонов хребтов Туркестанского, Зеравшанского, Гиссарского, Байсунтау, Кугитанга…» (Степанян, 2003, с. 545-546). Наиболее плотно населён серой мухоловкой

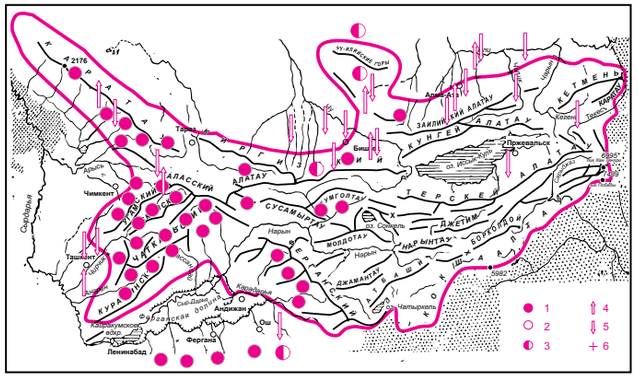

Рис. 357. Ареал серой мухоловки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Благосклонов, 1954, с. 75
Рис.358. Распространение серой мухоловки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

весь Западный Тянь-Шань – от Каратау до Сарычелекского заповедника (Кашкаров, 1927; Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Шульпин, 1965, Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991; Ковшарь, Торопова, 2000). У южных границ Тянь-Шаня серая мухоловка гнездится по северным предгорьям Туркестанского и Алайского хребтов; в первом её изредка встречал Н.А. Зарудный в долине р. Исфара и в садах кишлака Ворух, а в Алайском хребте, где преобладают арчовые насаждения, она приурочена к садам кишлаков в долинах рек (Иванов, 1969). Обычна в ореховых лесах южного склона Ферганского хребта, а самые восточные места гнездования – долины рек Джумгол и Кокомерен, а также нижняя часть ущелья Ала-Арча в Киргизском Алатау, напротив города Бишкек (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960). Старое указание на якобы найденные гнёзда серой мухоловки в городе Фрунзе (ныне Бишкек), где подробно описано раннее гнездование (23 апреля 1939 г.) одной пары (Благосклонов, 1954, с. 82), обосновано опровергнуто ещё в сводке «Птицы Киргизии» (1960), хотя и с неправильной ссылкой на авторство (Спангенберг, 1954). Никто ни до ни после этого гнёзд серой мухоловки в городе Фрунзе (Бишкек) не находил – видимо, Стариков сообщил К.Н. Благосклонову (1954) сведения о гнёздах какой-то другой птицы. Таким образом, восточной границей гнездования серой мухоловки в Тянь-Шане следует считать меридиан, проходящий через ущелье Ала-Арча в Киргизском Алатау и южнее – через урочище Чаманды в долине р. Джумгол (Шнитников, 1949; Кузнецов, 1962). Однако совсем недавно, 15 июня 2013 г. гнездо серой мухоловки с птенцами было найдено в 120 км северо-восточнее, в северных предгорьях западной оконечности Заилийского Алатау – в ущелье Восточные Ргайты, в горах Атджайлау, в 110 км западнее Алматы; второе гнездо с птенцами обнаружено там же 21 июня (Белялов и др., 2013). Предшествующие этой находке летние встречи серой мухоловки в горах Анархай 3 июня (год не указан; Ковшарь, 1970) и в течение июня 2006 г. в ивовой роще в горах Серектас (Чу-Илийские горы; Р.Г. Пфеффер) явно свидетельствуют о попытках продвижения этой птицы на восток.

Численность. В Западном Тянь-Шане обычна, местами многочисленна. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), в зависимости от состояния численности, в разные годы гнездилась то лишь в горном тугае, не поднимаясь в древовидные арчевники (Шульпин, 1961), то в кустарниковых зарослях и садах предгорий (Шевченко, 1948), то в тугае и арчевниках, отсутствуя в предгорьях и в арчовых лесах севернее каньона реки Аксу (Ковшарь, 1966). Позднее она заселила и арчовые леча северной половины заповедника Аксу-Джабаглы, в которых за 20 лет (1985-2005) отсутствовала на гнездовании только 7 лет (Чаликова, 2006). В ореховых лесах Сарычелека серая мухоловка с мая по август доминирует вместе с желтогрудым князьком и чёрным дроздом; плотность на гнездовании 113-128 особей/км^2; в яблонево-алычёвом лесу – 76-94, елово-пихтовом – 19, елово-ореховом – 87 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В долине Пскема – ландшафтная птица горных лиственных лесов, гнездится также в садах кишлаков и в нижней части арчовых редколесий (Корелов, 1956). В верховьях Пскема – одна из самых многочисленных птиц: в июле-августе 2002 г. встречено 134 особи (В. Ковшарь, 2003); там же 2 июля 2016 г. на маршруте от Карабаусая до Восточного Аютора встречено 18 серых мухоловок (Тен и др., 2017). В Малом Каратау с наибольшей плотностью поселяется в рощах близ построек человека: в Журунсае гнездилось 5-10 пар, в Аксакалсае – 3-4 пары (Губин, Белялов, 2017). В пойме р. Чаманды (бассейн р. Кокомерен во Внутреннем Тянь-Шане) 20 мая встретили 7 мухоловок/км, а в ореховых лесах Ферганского хребта гнездилось 3 пары/га; здесь 5-7 июня 1959 г. найдено 5 жилых гнёзд (Птицы Киргизии. 1960). Во время наших экспедиций серая мухоловка была обычной в 2003 г. в лесах верхнего течения р. Яссы, где близ с Актерек 21 июля встречены 4 особи, и в ореховых лесах южного склона Ферганского хребта, в долине Кугарта (24-25 июля – 9 особей); в 2004 г. встречена только в ущелье Исфайрамсай (Алайский хребет), где 28 и 29 июля была довольно обычной по ивово-осиновой урёме и в старом абрикосовом саду (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На пролёте осенью бывает довольно многочисленной. Так, в Чуйской долине на маршруте 500 м 7 сентября 1960 г. встретили 17, а 10 сентября – 12 серых мухоловок (Умрихина, 1970); в Ала-Арчинском ущелье (Киргизский Алатау) во время массового пролёта во второй декаде августа учитывали 6.66-94.99 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Центральном Каратау на маршруте 25 августа – 5 сентября 2002 г. насчитали около 250 серых мухоловок (Чаликова, Колбинцев, 2006). На Чокпаке в осенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 334 (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. – 1166 серых мухоловок (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетает в мае, а в Ташкенте самых ранних встречали даже в апреле (Мекленбурцев, 1982). В Таласском Алатау в разные годы первых отмечали: 3 мая 1963, 4 мая 1964, 9 мая 1948 и 1962, 3 мая 1972, 10 мая 1973 гг. (Ковшарь, 1966; Губин, 2912); на Чокпаке в 1966-1981 гг. –

3 мая (1971) – 15 мая (1969), в среднем 8 мая; последних – 15-22, в среднем 17 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт наблюдали с 2 мая (1987) по 21 мая (1991, 2005), срединная дата весеннего пролёта – 14 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы весной на пролёте встречается единично: с 18 по 26 мая 1987 г. мы отметили 10 особей, а 8-24 мая 1988 г. – четыре (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Алма-Ате весной встречена единственный раз – 13 мая 1952 г. (Бородихин, 1968), а в субвысокогорье Заилийского Алатау (Большое Алматинское озеро, 2500) – ни разу за 10 лет, тогда как осенью, в августе, встречалась здесь ежегодно (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Карачингиле (устье Тургени) весной их отмечали с 10 апреля (2010) по 21 мая (2011), обычно одиночками, редко – две птицы (Бевза, 2012). Под Джаркентом в 1900 г. первая появилась 16 мая (Зарудный, Кореев, 1905), в 1918 г. одиночные отмечены 24 и 27 мая (Шестоперов, 1929).

Осенью во всех названных местах серая мухоловка встречается значительно чаще уже с первой декады августа. Так, под Джаркентом в 1918 г. её наблюдали в значительном числе уже с 17 августа до 5 сентября (Шестопёров, 1929). В Карачингиле первые пролётные в 2004-2010 гг. появлялись 8-16 августа, а в 2011 г. – даже 28 июля; последние встречены 5 сентября 2005 и 2006 гг. (Бевза, 2012). В долине Текеса (приток Суесу) единственного самца добыл К. Ларионов 11 сентября 1875 г. (колл. ИЗ, Алматы). На Большом Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500 м) пролётные серые мухоловки ежегодно появляются в августе: 20 августа 1971, 13 августа 1972, 16 августа 1973, 18 августа 1974 и 1976, 9 августа 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Внизу, в черте города Алматы, первых пролётных встречали 15 августа 1960, 5 августа 1961, 7 августа 1962 гг., а последних – 17 сентября 1955, 20 сентября 1961 и 12 сентября 1962 гг., причём численность их в указанный период была довольно высокой и стабильной (Бородихин. 1968). В Киргизском Алатау встречаются до конца августа (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005), в Чуйской долине пролёт идёт с середины августа до середины сентября (Умрихина, 1970); на стационарах начало его отмечено 16 августа 1977 г. (Манас), 21 августа 1973 и 24 августа 1971 гг. (Токмак), а окончание – 16 октября 1974 г. в Тюлеке (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт шёл с 9 августа (1969) по 12 сентября (1978) – 8 октября (1973), в среднем 21 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – с 12 августа (1986) по 16 октября, срединная дата осеннего пролёта – 3 сентября (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане никто специально биологию серой мухоловки не изучал. Между тем, как справедливо указывал ещё А.И. Иванов (1969), отличия в биологии туркестанского подвида *M. s. zarudnyi* от европейского номинативного заключаются уже в открытом способе гнездования – ни одного гнезда, которое было бы устроено в полудуплах и других полузакрытых местах, в Средней Азии не найдено. Кстати, в этой же работе приведен список из 24 гнёзд с территории Памиро-Алая (преимущественно ущелье Кондара) с подробным указанием их устройства и содержимого по датам. Для ореховых лесов Ферганского хребта есть данные о 5 гнёздах (4 – в развилках ветвей грецкого ореха и одно-на груше), в которых 5-7 июня 1959 г. были неполные кладки (Птицы Киргизии, 1960). Для Таласского Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) было описано 12 гнёзд (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Губин, 2012), все они устроены открыто на деревьях – обычно на горизонтальных ветках близ центрального ствола, но нередко и в 2 м от него; на жимолости 3.5 м высотой, на 15-метровой иве в 1.2 м от ствола и одно – на электрическом изоляторе у дома. Описан состав строительного материала и размеры гнёзд; величина кладки (3-4, в среднем 3.8 яйца/гнездо). В Каратау одно гнездо найдено в прорыве Боролдая, 11 июля в нём было 3 свежих яйца (Корелов, 2012), а в Беркаринском ущелье 12 июня 1999 г. в гнезде было 4 ненасиженных яйца (Панов, 2008). Там же, на р. Боролдай, 26 июня 1988 г. мухоловки строили гнездо, которое было готово 28 июня (Губин, Белялов, 2017). На восточной оконечности Западного Тянь-Шаня 20 июля 1998 г. взрослая серая мухоловка кормила слётка в месте выхода р. Чичкан из ущелья, а 25 июля взрослые кормили слётка в с. Аркит, около центральной усадьбы Сарычелекского заповедника; 26 июля встречен выводок в с. Карасу (Ковшарь, Торопова, 2000). В ореховом лесу Ферганского хребта 22 июня 1964 г. коллектированы 4 слабо насиженных яйца (Торопова, 1999). Наконец в горах Атджайляу (западная часть Заилийского Алатау в 100 км от Алматы) 15 июня 2013 г. в гнезде, устроенном в развилке ствола карагача (*Ulmus pumila*) в 7 м от земли, серые мухоловки кормили двух ещё слепых птенцов, а 21 июня в 100 м обнаружено ещё одно гнездо с птенцами, расположенное также в развилке карагача в 10 м от земли (Белялов, В. Ковшарь, Федоренко, Фокина, 2013). Проведение плановых исследований биологии туркестанского подвида серой мухоловки в Тянь-Шане весьма желательно.

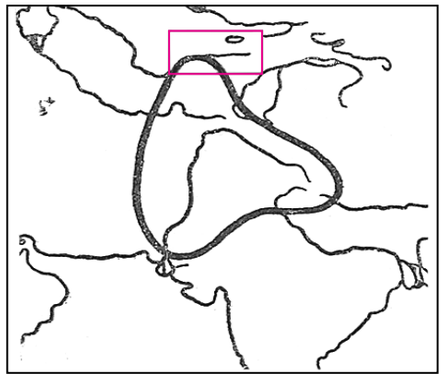
Ширококлювая мухоловка – *Muscicapa latirostris* Raffles, 1822

Упоминание об этом восточноазиатском виде (под № 242) в сводке «Птицы Памиро-Алая» привожу полностью: «Она известна нам только из Алайского и Туркестанского хребтов. Барей (Stolzmann,1897) добыл её 10 сентября 1892 г. на р. Сох у кишл. Зардалы, а Зарудный пишет, что она «в ничтожном количестве найдена в качестве гнездящейся птицы в бассейне р. Нурлоу. Держится по арчовым лесам». Экземпляров в коллекции Зарудного нет» (Иванов, 1969, с. 247). Видимо, добытая птица была всё же залётной.

323. Рыжехвостая мухоловка – *Muscicapa ruficauda* Swainson, 1838

rufoustailed Flycatcher (англ.), Rotschwanzchnäpper (нем.), gobemouche à queue rousse (фр.),
жиренқұйрықты шыбыншы (каз.), қизғиш думли пашшахўр (узб.)

Узкий ареал этого южноазиатского вида подходит почти вплотную к юго-западным хребтам Тянь-Шаня (рис. 359), в пределах которого известно всего несколько встреч (рис. 360). На северном склоне Туркестанского хребта Н.А. Зарудный добыл один экземпляр 23 июня (год не указан) в арчовом перелеске близ озера Каракулькатта в верховьях р. Исфара, он же встретил её в верховьях р. Падша-Ата на северо-востоке Чаткальского хребта (Птицы Киргизии, 1960; Иванов. 1969). Встречи эти не подтверждены коллекционными экземплярами, однако западнее в том же Туркестанском хребте, в верховьях р. Зааминсу (урочище Гуралашсай) 6 июля 1935 г. её добыл Н.В. Минин (колл. ЗИН РАН). Наконец, в долине Пскема, в районе Наная, 17 июня 1907 г. холостую самку добыл Н.А. Зарудный (1910). Последняя находка сделана уже в долине Майдантала, притока Пскема, у самых южных границ заповедника Аксу-Джабаглы. Работавший в этом заповеднике Л.М. Шульпин (1961) считал, что встретил эту мухоловку в арчевниках по скалам Бала-Балдабрека 4 августа 1933 г., что по прямой не более 30-40 км от места добычи этой птицы Н.А. Зарудным. Очень похожую птицу видел здесь и я 27 июня 1963 г., однако полной уверенности в том, что это была рыжехвостая мухоловка, у меня нет, тем более, что ни разу после этого она мне не попадалась. «Явно в пролётное время мухоловки были добыты под Ташкентом (6 мая) и в Чиназе (23 мая). Осенних находок нет совсем» (Иванов, 1969, с. 248). Все перечисленные встречи можно расценивать как случайные залёты вблизи северной границы ареала вида. Очень верно подметил О.В. Митропольский (2005): «Рыжехвостая мухоловка очень редкая, возможно уже выпавшая из состава фауны птица… Учитывая, что в начале прошлого столетия рыжехвостая мухоловка неоднократно отмечалась в горах Тянь-Шаня и северного Памиро-Алая, можно предположить сокращение северной части ареала вида к настоящему времени». Но поскольку залёты её не исключены и в дальнейшем, можно порекомендовать прочитать о рыжехвостой мухоловке результаты наблюдений в горах соседнего Памиро-Алая, где описаны её повадки и гнёзда (Портенко, 1960; Леонович, 1962; Иванов, 1969; Банникова, 1990).

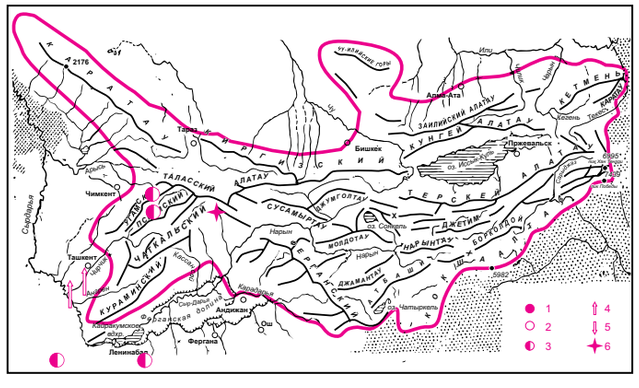

Рис. 359. Ареал рыжехвостой мухоловки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Благосклонов, 1954, с. 90
Рис. 360. Распространение рыжехвостой мухоловки в Тянь-Шане: 3 – летние встречи, 6 – залёт

324. Восточная малая мухоловка – *Ficedula albicilla* [*parva*] (Pallas, 1811)

red-breasted Flycatcher (англ.), Zwergzchnäpper (нем.), gobemouche nain (фр.),
кіші шыбыншы (каз.), кичик пашшахўр (узб.)

Синонимы: *Motacilla luteola* Pallas, 1811; *Saxicola rubeculoides* Sykes, 1832; *Muscicapa leucura* Swainson, 1843. До недавнего времени была подвидом малой мухоловки *F. parva albicilla* Pallas, 1811.

Характер пребывания. Редкий пролётный вид – на уровне залётов.

Распространение. Эта сибирская малая мухоловка в пределах Тянь-Шаня встречена всего несколько раз в период миграций на свои южно-азиатские зимовки и обратно. Ещё Н.А. Северцов (1973) приводил малую мухоловку как пролетающую во втором поясе высоты третьего и четвёртого участков, т.е. Западного Тянь-Шаня, где она и поныне встречается чаще, чем в других местах, причём почти исключительно осенью. Под Ташкентом в очень небольшом числе Н.А. Зарудный наблюдал её с третьей декады сентября до середины октября, под Чимкентом её добыли 25 октября (Ковшарь, 1970; Пекло, 1987; коллекция Зоомузея МГУ). В Таласском Алатау, в селе Новониколаевка (Жабагылы) одну особь наблюдали 25-27 октября 1998 г. (Колбинцев, 1999); там же, в ущелье Талдыбулак, одну встретили 12 октября 2006 г., ещё одну – 13 октября 2007 г. в с. Жабагылы (Чаликова, 2007, 2008: КОБ-2006, 2007); а 16 сентября и 1 октября 2005 г. малую мухоловку впервые отловили на Чокпаке (А. Гаврилов, Гаврилов, 2006). В речном тугае нижней части ущелья Мерке (Киргизский Алатау) 27 апреля 1989 г. встретили яркого самца (Карпов, Белялов, 2007). На Сорбулаке в лесополосе одну самку встретили 2 ноября 2003 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Каншенгеле (между Чу-Илийскими горами и песками Таукум) 11 июня 2004 г. вместе с группой датских орнитологов мы долго наблюдали самку малой мухоловки, а Майклу Андерсену удалось её сфотографировать (Ковшарь, 2005: КОБ-2004); видимо, это была запоздалая пролётная особь. В Алма-Ате одиночную малую мухоловку видел 26 октября Э.И. Гаврилов (Ковшарь, 1970). Для внутренних районов Тянь-Шаня известна всего одна встреча – 23 октября 1952 г. малую мухоловку добыли в ущелье Джиланды хребта Терской Алатау, где она держалась на кустах нижней части елового пояса (Птицы Киргизии, 1960).

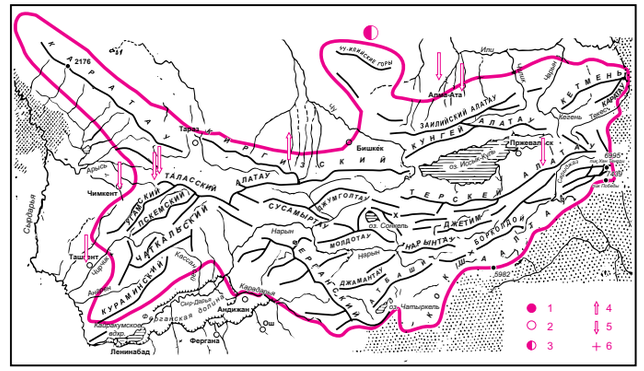

Рис. 361. Распространение малой мухоловки в Тянь-Шане:
3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт весной и осенью

Явное преобладание осенних встреч в нашем районе (см. выше) становится особенно интересным, если учесть, что южнее, в пределах Памиро-Алая, её встречали только весной: «Следует отметить, что за ряд лет я встречал малых мухоловок на пролёте только весной. Абсолютное большинство известных мне находок тоже сделано весной» (Иванов, 1969, с. 249). И далее: «Весенний пролёт у малой мухоловки очень продолжительный. В разные годы я отмечал появление первых мухоловок 3, 4, 10 и 12 апреля. Весь апрель в садах и зарослях бурьяна можно слышать их надоедливую трескучую позывку, и только в начале мая они исчезают. Очевидно, малые мухоловки летят напрямик через горы…» (там же, с. 249). На этой же странице приводятся наблюдения А.В. Попова об осеннем пролёте после снегопада в ночь 5/6 ноября 1955 г., когда малые мухоловки кормились на кустах облепихи, накрытых снежными шапками, умудряясь находить под ними насекомых.

Семейство **Славковые** Sylviidae

325. Скотоцерка – *Scotocerca inquieta* (Cretzschmar, 1826)

Streaked scrub warbler (англ.). Wüstenprinie, Streifenbuschsänger (нем.), dromoïque du dèsert [du Sahara] (фр.), айналғыш мақданторғай (каз.), узун куйрукчол шалкысы (кирг.), жиқ-жиқ (узб.)

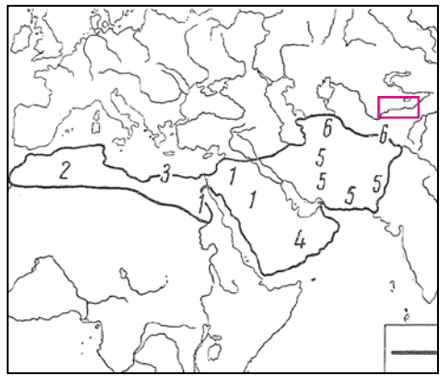
Синонимы: *Malurus inquietus* Cretzschmar, 1827 (1826); *Atraphornis platyura* Severtzov, 1873. Вертлявая славка (Благосклонов, 1954; Портенко, 1960; Иванов, 1969).

Подвид. Из 6-8 подвидов на пространстве от Каспия до Западного Тянь-Шаня встречается *Scotocerca inquieta platyura* Severtzov, 1873. Для горных пограничных районов Памиро-Алая описан *S. i. montana* Stepanyan, 1970; по мнению автора описания, он обитает в горах Моголтау, Чаткальском, Туркестанском и Алайском хребтах, а также во всей Ферганской долине (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица. Масштабы сезонных кочёвок не выяснены.

Биотоп. Населяет кустарники в пустынной и полупустынной местности. «В условиях горной обстановки скотоцерка, помимо кустарников, часто попадается и на выходах скал. Состав кустарниковой растительности не имеет особого значения, и птица одинаково охотно селится в миндальниках Нуратау…, фисташниках Бабатага… и шиповниках Чаткальского хребта. На Туркестанском хребте среди куртин шиповника попадались отдельные деревца арчи, жимолости и кусты барбариса. В предгорьях Алайского хребта эти растения были заменены шапкообразными полукустарниковыми солянками» (Мекленбурцев, 1995, с. 269). «В период кочёвок Зарудный видел вертлявых славок в горах, совершенно лишённых кустарниковой растительности; птицы держались в каких-то высоких сложноцветных, видимо, кузиниях» (Иванов, 1969, с. 306). Летом встречается в пределах высот 400-1300 м, а в период кочёвок Н.А. Зарудный добыл её у кишлака Иол на высоте около 3000 м (экз. коллекции САГУ).

Распространение. Ареал этого средиземноморско-переднеазиатского вида едва достигает юго-западных границ нашего района (рис. 362), соответственно и проникает он на территорию Тянь-Шаня только у границ Западного Тянь-Шаня и Ферганской долины (рис. 363). Здесь скотоцерка была впервые найдена ещё летом 1960 г.: «Одна находка относится к местности, пограничной между Туркестанским и Алайским хребтами (15 км к северу от кишлака Исфара). Вторая лежит в пределах Алайского хребта немного восточнее

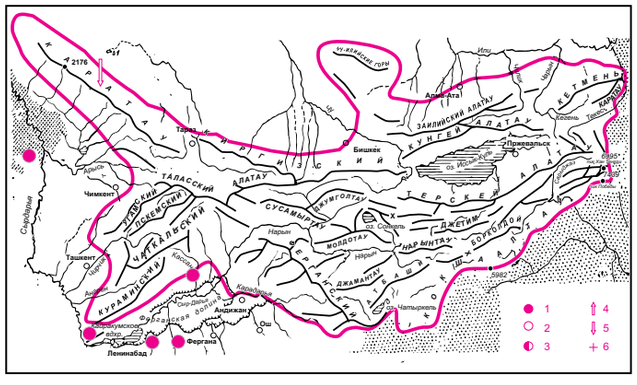

Рис. 362. Ареал скотоцерки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Рустамов, 1954, с. 394
Рис. 363. Распространение скотоцерки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 5 – встреча осенью

р. Сох (в 20 км к югу от Риштана). В первом случае (3 августа) встретилась одна пара, во втором (18 августа) – три. Птицы держались в бугристой гряде с относительными высотами 100-150 м. Здесь растут редкие кустики солянок в тех местах, где склоны усыпаны крупными камнями. Именно среди камней и кустиков и держались скотоцерки. Встреченные 18 августа три пары располагались на расстоянии 1-3 км одна от другой. Две добытых особи вполне сходны по окраске с птицами из предгорий Чаткальского хребта и гор Могол-тау» (Мекленбурцев, 1962, с. 213). Спустя 30 лет этот же автор так уточняет нахождения скотоцерки у юго-западных границ Тянь-Шаня: «Скотоцерки, у которых наиболее наглядно и резко выражены признаки горной формы *S. i. montana*, происходят из хребтов, ограничивающих Ферганскую долину с севера и юга. Они известны из немногих мест. Самые западные местонахождения на севере – горы Моголтау, на юге – долина р. Ходжа-Бакирган на Туркестанском хребте. Крайняя восточная точка на Чаткальском хребте находится у низовьев Кассан-сая, а на Алайском – между посёлками Сох и Рометан (коллекция ТашГУ)» (Мекленбурцев, 1995, с. 269). Кроме перечисленных мест в пределах нашего района скотоцерку встретили только раз: 16 сентября 2003 г. в районе озера Кызылколь (северные предгорья Каратау), где одиночка держалась в сообществе пустынных каменок на участке каменистой пустыни с кустарником (Гаврилов, Колбинцев, 2004). В сводке о птицах Киргизии (1960) скотоцерка не упоминается, и только в третьем по счёту систематическом списке птиц этой страны (Торопова, Кулагин, 2007) она появилась под № 286, с обозначением «**В**» (т.е. как гнездящаяся), без приведения каких-либо фактических данных. Возможно, здесь имелась в виду старая встреча в Кассансае, который находится как раз на границе Киргизии и Узбекистана.

Численность. В указанных местах низкая, хотя южнее и западнее эта птица местами вполне обычна.

Сроки. Даты. По наблюдениям в пустынях и горных районах юга Памиро-Алая, постройка гнёзд в иные годы начинается уже в начале февраля, но возвраты холодов задерживают этот процесс и чаще всего начало откладки яиц приходится на вторую половину февраля или начало марта (Р.Л. Потапов, по: Иванов, 1969), а в Гиссаро-Каратегине А.В. Попов (1959) добывал самку с яйцом в яйцеводе ещё 29 июня. Сроки и направление кочёвок не изучены: «Наиболее вероятно, что по окончании гнездования в жарких низинах вертлявые славки поднимаются в горы, где кормовые ресурсы несравненно лучше, чем в пустыне» (Иванов, 1969, с. 305).

Биология. Гнездование скотоцерки неплохо изучено в пустынях Каракум, Кызылкум, Устюрт и в южных горах Памиро-Алая (Зарудный, 1896; Рустамов, 1954; Сопыев, 1962; Лаханов, 1966; Сагитов, Бакаев, 1980; Шубенкин, 1986, 1989; Губин, 1990). На основе наблюдений за сотнями гнездящихся пар большинство авторов признают у этой птицы два репродуктивных цикла за сезон, а в самых ближайших к Западному Тянь-Шаню окраинных восточных участках песков Кызылкум (подножье останцов Каратау на левом берегу Сырдарьи примерно чуть севернее 42° с.ш.), по наблюдениям за 11 гнёздами в 1986-1988 гг., установлены три нормальных репродуктивных цикла (Губин, 1990), причём все 11 гнёзд были устроены в густых кустах солянки Рихтера высотой до 2 м. Интересно, что на этом же растении строят скотоцерки гнёзда и в Памиро-Алае: «В полупустынных районах основное растение, которое вертлявые славки используют для постройки гнёзд, – это солянка Рихтера (*Salsola richteri*). Во всяком случае из 28 найденных Потаповым гнёзд 26 были на солянке, одно на саксауле и одно на джузгуне. По-видимому, торчащие кверху мутовки ветвей солянки по своей архитектонике очень удобны для постройки гнезда» (Иванов, 1969, с. 306). Кстати, в этой и упомянутых выше работах много других интересных подробностей по биологии данного вида.

326. Соловьиная широкохвостка – *Cettia cetti* (Temminck, 1820)

cetti's warbler (англ.), Seidensenger (нем.), bouscarle de Cetti (фр.), жалпаққұйрық бұлбұлша (каз.), жызы куйрук (кирг.), кенг думли тўқай чумчуқ (узб.)

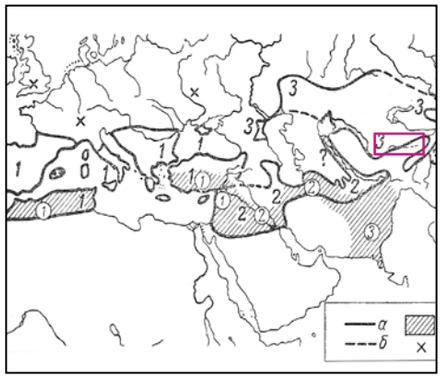
Синонимы: *Cettia albiventris* Severtzov, 1873; *C. scalenura* Severtzov, 1873**;** *C. cettioides* Hume, 1873; *C. stoliczkae* Hume, 1874; *C. cetti semenovi* Zarudny et Loudon, 1903. Белобрюхая камышевка (Шнитников, 1949; Портенко, 1960). Широкохвостка (Птушенко, 1954; Птицы Киргизии, 1960; Корелов, 1972). Широкохвостая камышевка (Иванов, 1969; Степанян, 1978, 1990, 2003; Мекленбурцев, 1995).

Подвид. Из трёх подвидов в Тянь-Шане встречается один – *Cettia cetti albiventris* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Гнездящаяся птица. Зимует в Передней Азии и Сев. Африке (рис. 364), а также в ряде районов Средней Азии, вплоть до окраины Западного Тянь-Шаня у Ташкента, где их наблюдал и добывал в начале XX ст. Н.А. Зарудный, а в 20-30 гг. – З.Л. Сатаева (Мекленбурцев, 1995).

Биотоп. Кустарниковые и тростниковые заросли по берегам водоёмов. У южных границ нашего района найдена летом в верховьях р. Сох (западная оконечность Алайского хребта) на абсолютной высоте 1700-1800 м (Мекленбурцев, 1962). В долине Пскема в июне 2003 г. широкохвостка кормила птенцов на высоте 1335 м (В. Ковшарь, 2003), а в долинах Нарына и Атбаши в 1999-2004 гг. мы неоднократно встречали её на высотах порядка 2000 м (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Распространение. В Тянь-Шане, расположенном на юго-восточной границе ареала вида (рис.364), широкохвостка распространена спорадично, но достаточно широко (рис. 365), причём в большинстве мест восточной половины района она явно появилась за последние 50-70 лет. Так, для территории Киргизии к середине XX ст. в гнездовое время эта камышевка была отмечена лишь в Чуйской и Таласской долинах, а на берегу Иссык-Куля добыта только на весеннем пролёте 22 апреля 1953 г. (Птицы Киргизии, 1960); авторы этой сводки *допускали* возможность её гнездования в подгорных районах юго-западной Киргизии (с. 191). Не густо было сведений и для казахстанской части Тянь-Шаня: «На Бийликольских озёрах, по-видимому, гнездится (Кашкаров, 1928). Несомненно, гнездится на р. Чу вплоть до низовий. В долине Или очень обычна от низовий до Капчагая, но выше этого места, вплоть до государственной границы, гнездование остаётся неустановленным, хотя и очень верятно. Не установлено оно и на притоках Или – в бассейне р. Курты, в низовьях Талгара и Иссыка; в этих местах добывались экземпляры осенью и весной, а в гнездовое время сборы не проводили, чем, возможно, и обусловлен пробел» (Корелов, 1972, с. 149). И далее: «В хребтах Тянь-Шаня, в пределах Казахстана, на гнездовье нигде не найдена, но в период пролёта регулярно встречается на перевале Чокпак (1200 м). В этой приверженности к равнинам, по-видимому, заключена экологическая особенность подвида *C. c. albiventris*. В Таджикистане широкохвостка населяет горные долины от 500-600 до 1200 м в Гиссарском хребте и до 2800 м на р. Шахдара (Иванов, 1969), но там она представлена другим подвидом *C. c. orientalis*, который свойствен также и Кавказу» (Корелов, 1972, с. 150). Во второй половине XX ст. отмечено расширение ареала этого вида в северо-восточном направлении (Ковшарь Березовиков, 2001). Сейчас широкохвостка найдена на гнездовании не только выше Капчагайского каньона (устье Тургени, Сорбулак между долинами Курты и Каскелена), но и во многих местах северной части Центрального Тянь-Шаня до высоты порядка 2000 м (долины Чулкудысу и Кегени, Текесское вдхр.), а летние встречи в ущелье Женишке на восточной оконечности Заилийского Алатау и в районе Кульсая в верхнем течении р. Чилик дают основание предполагать гнездование также в этих местах (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, Левин, 2004: КОБ-2003; Березовиков, 2005; Бевза, 2005, 2012; Губин, 2009; Белялов, Карпов, 2013). То же можно сказать о многочисленных летних встречах в Иссык-Кульской котловине – по северному и южному побережью от района сёл Оттук и Торуайгыр на западе до долины Джергалана на востоке; в долинах

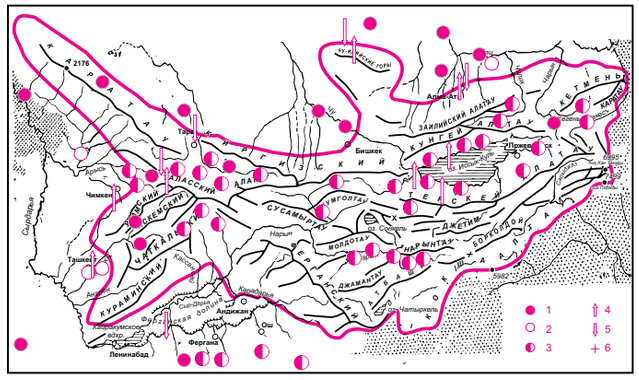

Рис. 364. Ареал соловьиной широкохвостки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 217
Рис. 365. Распространение в Тянь-Шане: 1 – гнездование; 2, 3 –встречи зимой, летом; 4, 5 – пролёт весной, осенью

рек Кочкор, Кокомерен, Западный Каракол, Каракуджур, Нарын, Алабуга и Атбаши (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005 и неопубликованные данные 2005-2006 гг.; Кулагин, Сагынбаев, 2005; Кулагин, 2010; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). У южных границ нашего района широкохвостка гнездится от верховьев р. Сох на западе до восточной части Заалайского хребта, где встречена 30 июня и 1 июля 2015 г. в нижней части ущелья Ичке Суу на высоте 2600-2700 м (Мекленбурцев, 1962, 1995; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). В Западном Тянь-Шане помимо Таласской долины, где гнездование широкохвостки было известно давно, она появилась также в верховьях Арыси и предгорьях Таласского Алатау в Аксу-Джабаглы, где до 70-х гг. XX ст. её определённо не было (Шевченко, 1948; Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966), а также в Пскемской и Чаткальской долинах и в юго-восточных предгорьях северной части Чаткальского хребта в долине р. Афлатунь у посёлка Кара-Джигач (Лановенко, 2002; В. Ковшарь, 2004; Белялова и др., 2004; Митропольский, 2005; Чаликова, 2008, 2009, 2012; Архипов, Коблик и др., 2018). В Каратау гнездится по р. Ушбас у озера Кызылколь (Коваленко и др., 2002), а недавно появилась в верховьях р. Арысь, где 27 июня 2008 г. встретили двух поющих самцов (Чаликова, 2009; Губин, Белялов, 2017).

Численность. В нашем районе невысокая. В верховьях р. Сох (Алайский хребет) на участке 250х50 м встречены 3-4 выводка короткохвостых птенцов (Мекленбурцев, 1962). Имеется очень интересное указание для облепиховых зарослей северного берега озера Иссык-Куль: «Летом доминирует на побережье (вместе с серой славкой, чечевицей и чёрным дроздом)» (Кулагин, 2010, с. 175).

Сроки. Даты. Весной появляются в марте. У Чимкента их добывали 13 и 28 марта; в низовьях р. Или в 1934 г. они появились 11 марта, в 1944 г. – 17 марта, а в период с 1955 по 1963 г. В.А. Грачёв отмечал их появление между 4 марта (1963) и 2 апреля 1959 г. (Корелов, 1972). На Чокпаке весной отловили всего одну широкохвостку – 3 мая 2004 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Близ Алматы пролётную встретили 24 апреля 1950 г. (Корелов, 1972), а на Текесском вдхр. (Центральный Тянь-Шань) самая ранняя встреча поющего самца – 18 апреля 1999 г. (Березовиков и др., 2004). На Сорбулаке самую раннюю песню слышали 31 марта 2002 г. (Белялов, Карпов, 2002), а в Карачингиле – 10 февраля 2006 г. и 8 февраля 2011 г., это пели, видимо, ещё зимующие самцы (Бевза, 2012). Точно так же поющую широкохвостку слышали 3 февраля 2004 г. на озере Кумколь, на Чушкакольских озёрах в юго-западных предгорьях Каратау (Ерохов, Белялов, Карпов, 2005). В Иссык-Кульской котловине на учёте водоплавающих птиц 27-31 марта 2004 г. насчитали 16 широкохвосток – на западном (9), северном (1) и южном (6) берегах озера (Кулагин, Сагымбаев, 2005).

Осенью пролетают в сентябре – октябре. На Сорбулаке одна широкохвостка поймана в паутинную сеть 30 сентября 2007 г., но в отдельные годы они здесь встречаются и зимой, как и в Карачингиле (Бевза, 2012; С.Н. Ерохов, по: Белялов, Карпов, 2013). Под Алма-Атой добыта 26 сентября 1948 г., а у Джамбула (Тараза) – 11 октября 1964 г. (Корелов, 1970). На Чокпаке их добывали 2 и 5 октября 1967 и 12 октября 1970 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); а в 1982-2016 гг. с 7 сентября (2005) по 24 октября (2006) здесь поймали 20 широкохвосток, срединная дата осеннего пролёта – 25 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау в 1959-1966 гг. я встретил широкохвостку всего дважды, оба раза – одиночек: 12 октября 1959 г. в селе Новониколаевка (ныне Жабагылы) и 3 ноября 1961 г. на Чокпаке (Ковшарь, 1966). В районе Ташкента, где эта птица регулярно зимует, хорошие серии их в 1907-1917 гг. собрал Н.А. Зарудный с 7 сентября по 6 февраля (колл. САГУ; Мекленбурцев, 1995). Зимние встречи известны также на Чушкакольских озёрах и в Карачингиле (см. выше). Похоже, что с увеличением численности вида учащаются и его зимние встречи.

Биология. В Тянь-Шане совершенно не изучена – нет даже описаний гнёзд и их содержимого, а в публикациях – только даты встреч поющих самцов или птиц с кормом. Из ближайших южных окрестностей сведения о гнёздах имеются для Алайского и Гиссарского хребтов, Нуратау и Зеравшанского хребта (Мекленбурцев, 1962; Воробьёв, 1968; Е.Н. и Е.Н. Коршуновы, 1987; Пирхал, Карабалиева, 1990).

Речной сверчок – *Locustella fluviatilis* (Wolf, 1810)

river warbler (англ.), Schlagschwirl (нем.), locustelle fluviatile (фр.)

Этот обитатель Западного Казахстана (долины Урала, Илека) дважды был отловлен на Сорбулаке в период стационарных работ в 80-х гг. XX ст. (устное сообщение А.Э. Гаврилова, по: Белялов, 2014). Залёт этот трудно объясним, поскольку ближайшая встреча речного сверчка 17 августа 1986 г. была в низовьях р. Сарысу (Хроков и др., 1991), а пути пролёта даже самых крайних восточных популяций этого вида на его южноафриканские зимовки лежат западнее. Не исключена ошибка в определении вида при кольцевании.

327. Соловьиный сверчок – *Locustella luscinioides* (Savi, 1824)

Savi's warbler (англ.), Rohrschwirl, Nachtigallschwirl, Nachtigall-Rohrsanger (нем.), locustelle luscinioïde (фр.), бұлбұлүн шырылдақ (каз.), булбулнамо чирилдоқ (узб.)

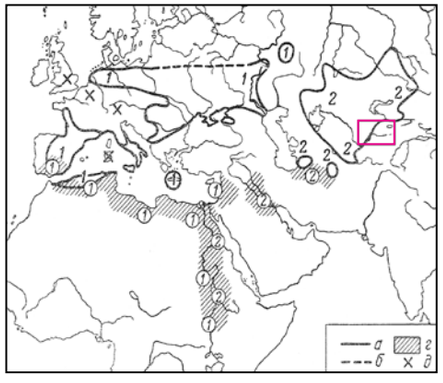
Синонимы: *Pseudoluscinia savi* Bonaparte, 1838; *Locustella wodzickii* Brehm, 1855; *Threnetria acheta* Schauer, 1873; *Cettia fusca* Severtzov, 1873. Камышевка соловьиная (Шнитников, 1949).

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане один – *Locustella luscinioides fusca* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке и Передней Азии (рис. 366).

Биотоп. Селится всегда у воды, преимущественно в топких малодоступных местах: в густых зарослях ивняка, осок, на заросших кустарником мокрых лугах, часто – в тростниках и т.д.

Распространение. На слабую изученность распространения этого вида в юго-восточной части ареала, где на самой границе ареала расположен Тянь-Шань (рис. 366), мне уже приходилось указывать, перечисляя скудные сведения: «Гнездится около Илийска, в устье Каскеленки и близ Панфилова [ныне Джаркент – *АК*]. Обычен в низовьях Чу (Долгушин). Возможно, гнездится у Чимкента. Н.А. Северцовым и Н.А. Зарудным найден гнездящимся в большом числе по долине Сырдарьи от Чиназа до Кзыл-Орды, но впоследствии численность здесь, видимо, снизилась, так как вид этот странным образом оказался пропущенным таким тонким и тщательным наблюдателем как Е.П. Спангенберг (1941)» (Ковшарь, 1972, с. 143). За 40 лет, прошедших с тех пор, о распространении здесь соловьиного сверчка получены новые сведения (рис. 367), из них наиболее интересны летние встречи в трёх местах. Так, в Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) в густых влажных зарослях бузульника у небольшого озерка Айнаколь (2360 м) 18 июля 1998 г. были встречены 4 особи, а 8 июля – ещё два соловьиных сверчка (Колбинцев, 1999). Ещё более интересна первая для Киргизии встреча соловьиного сверчка на участке «Ак-Олен» Иссык-Кульского заповедника

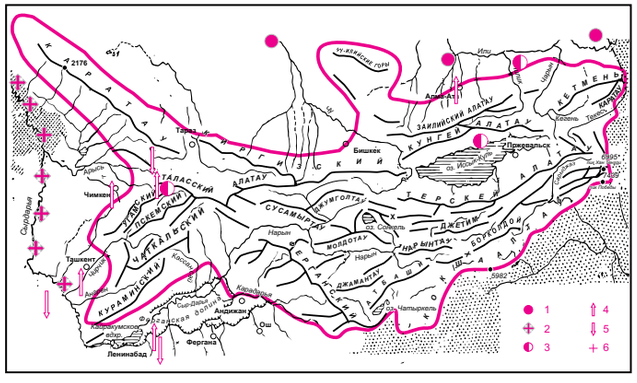

Рис. 366. Ареал соловьиного сверчка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко. 1954, с. 267
Рис. 367. Распространение соловьиного сверчка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – былое гнездование, 3 – летние встречи (недоказанное гнездование), 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

7 июня 2001 г.: «Самец держался на влажном тростниковом участке с отдельными кустами облепихи. Птица пела на вершине куста облепихи, время от времени слетая кормиться в тростниковые заросли. Возможно, это был её гнездовой участок, однако самку и гнездо найти не удалось. Самец, будучи потревоженным, отлетел в сторону, затем опять вернулся на излюбленное место и продолжал петь. Близость известных мест гнездования в Казахстане (Ковшарь, 1972) позволяет предполагать гнездование соловьиного сверчка в Кыргызстане» (Кулагин, 2003, с. 314). В третьем месте, на сырой луговине с зарослями тростника близ северных подножий гор Богуты (близ села Нурлы) мне вместе с группами орнитологов не раз приходилось слышать пение соловьиного сверчка: 24 мая 2003, 14 июня 2004, 24 мая 2006, 13 мая 2007, 9 июня 2007 и 8 мая 2008 гг. (Ковшарь, 2004-2009: КОБ-2004, 2008, 2009). Гнездование в этом месте не вызывает сомнения, тем более, что это северная окраины долины реки Или, вдоль которой этот сверчок и раньше гнездился. Более интересно и требует подтверждения гнездование его в первых двух точках. Во всех остальных местах по западно-юго-западной окраине нашего района (рис. 367) наблюдается слабый пролёт.

Численность. Низкая. На Чокпаке за 50 лет окольцевали четырёх соловьиных сверчков.

Сроки. Даты. Весной пролетает в апреле, осенью в сентябре. Под Ташкентом их добывали 13, 19 и 26 апреля (колл. САГУ), под Чимкентом – 17 и 20 апреля (Ковшарь, 1972). На Чокпаке самец добыт 12 мая 1971 г., второй найден мёртвым в ловушке 26 апреля 1972 г. (Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977). Осенью там же найден под проводами у с. Новониколаевка 4 сентября 1970 г., на Чокпаке отловлен 6 сентября 1969 и 9 октября 1973 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); ещё две одиночки окольцованы 6 сентября 2009 г. и 17 сентября 2008 г. (А. Гаврилов и др., 2017). В северных предгорьях Киргизского Алатау, у ст. Луговая, самца добыл В.Н. Шнитников (1949) 17 апреля 1907 г., а на р. Карасу в окрестностях Алматы этого сверчка встретили 28 апреля 1939 г. (Ковшарь, 1972). Осенью близ Джаркента слабый пролёт в 1900 г. шёл во второй половине августа, а к середине сентября они уже перестали встречаться (Зарудный, Кореев, 1905). Под Ташкентом пролёт наблюдали с середины августа до середины сентября, и лишь в отдельные годы – в начале октября (Ковшарь, 1972; Мекленбурцев, 1995).

Биология. Никаких сведений с территории нашего района в литературе нет.

328. Певчий сверчок – *Locustella certhiola* (Pallas, 1811)

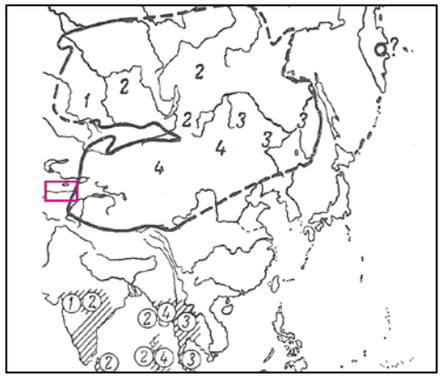
Pallas' grasshopper warbler (англ.), Streifenschwirl (нем.), locustelle de Pallas (фр.)
Русский синоним – сверчок Палласа (Шнитников, 1949).

Подвид. Из 4 подвидов в районе Тянь-Шаня встречается один – *L. c.centralasiae* Sushkin, 1925.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Южной Африке и на юге Азии.

Биотоп. Высокотравные влажные луга с отдельными кустами или древесной порослью. В таких местах охотно селится как в низинах, так и в горах, поднимаясь на Алтае до 1900 м. В Казахстане найден на сырых болотистых местах, поросших тальником, осокой, камышом и тростником.

Распространение. Наш район располагается в южной части западной границы ареала вида (рис. 368), который населяет весь Восточный Тянь-Шань и значительную часть Монголии и южной Сибири. Ближние к нам места гнездования – Зайсанская котловина и правобережье среднего течения Или, где у Джаркента осенью 1900 г. певчего сверчка в довольно большом числе нашёл Б.П. Кореев, добывший с 27 августа по 8 сентября 14 экземпляров (Зарудный, Кореев, 1905). Здесь же в 1952 г. М.Н. Корелов обнаружил певчего сверчка уже в гнездовое время: 25 июня и 25 июля он добыл двух взрослых самцов, а 13 августа – вполне доросшего молодого (Ковшарь, 1972). Неожиданно певчий сверчок был найден в Иссык-Кульской котловине, публикацию об этом привожу дословно: «В окрестностях с. Ананьево (координаты N 42, 72,615''; E 77, 72, 169'') 14 июля 2005 г. были отловлены два взрослых самца певчего сверчка (*Locustella certhiola*) и молодой, уже хорошо летающий слёток. Птицы держались на сыром лугу, поросшем высокой травой и тростником. На площади три га одновременно пело 6 самцов. Во время пения самцы сидели на верхушках тростника или на высокой траве. Иногда они с песней взлетали вверх на 3-4 м, останавливаясь на мгновение в воздухе, затем по наклонной спускались в траву. В случае опасности птицы мгновенно скрывались в густой траве. У двух отловленных самцов семенники были от 4.5 до 5 мм. Слёток имел растущие маховые и рулевые. Тушки двух взрослых самцов и слётка хранятся в коллекции Биолого-почвенного института НАН КР

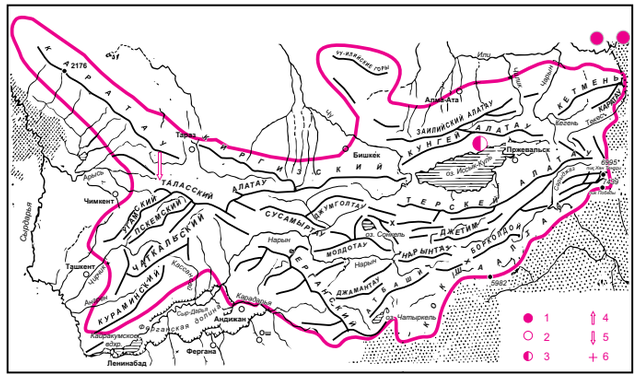

Рис. 368. Ареал певчего сверчка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко. 1954, с. 254
Рис. 369. Распространение певчего сверчка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летняя встреча, 5 – пролёт осенью

(БПИ)» (Кулагин, 2006, с. 180). К сожалению, за прошедшие 13 лет новых сведений из этих мест не поступало: возможно, это было случайное гнездование. Даже на пролёте за все эти годы певчий сверчок был только дважды пойман на Чокпаке – 12 сентября 1995 г. и 20 сентября 2004 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Очень желательно повторное обследование в поисках этого вида Иссык-Кульской котловины, с отловами птиц в районе Ананьево – в местах встречи 2005 г. – а также на р. Джергалан.

329. Обыкновенный сверчок – *Locustella naevia* (Boddaert, 1783)

grasshopper warbler (англ.), Feldschwirl, Heuschreckensänger (нем.), locustelle tachetee (фр.), кәдімі шырылдақ (каз.), сары короолу (кирг.), оддий чирилдоқ (узб.)

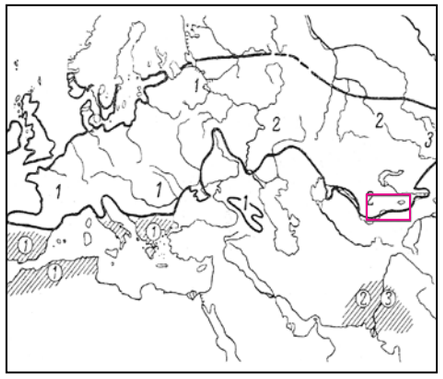
Синонимы: *Sylvia locustella* Latham, 1790; *Muscipeta olivacea* Koch, 1816; *Calamoherpe tenuirostris* Brehm, 1831; *Locustella avicul***a** Gould, 1837; *L. rayi* Bonaparte, 1838; *L. vera* Brehm, 1855; *L. anthirostris* Brehm, 1855; *Sylvia lanceolata* Brehm, 1855; *L. gryllus* Hansmann, 1873; *L. naevia mongolica* Sushkin, 1925.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане один – *Locustella naevia straminea* Seebohm, 1881.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Африке, Аравии, Афганистане.

Биотоп. Высокотравные луга по долинам рек, влажные болотистые места. В Северном Тянь-Шане (Кунгей Алатау) населяет луговые поляны среди ельников на пологих склонах до высот 2600 м (Ковшарь, 1972), в горах Киргизии – субальпийские луга не ниже 2000 м, а на южном склоне Алайского хребта, в верховье р. Талдык, найден даже на высоте более 3300 м (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Наш район находится на юго-восточной границе ареала (рис. 370), поэтому здесь сверчок гнездится в основном в восточной половине (рис. 371). В «Конспекте орнитологической фауны…» эта часть ареала описана так: «К югу… до нижней и средней Сырдарьи, Алайского и Ферганского хребтов, долины Атбаши во Внутреннем Тянь-Шане, восточной части котловины оз. Иссык-Куль» (Степанян, 2003, с. 490). Гнездится в средней части Илийской долины, в районе Джаркента и на левобережье между устьями Чарына и Чилика; на субальпийских лугах северной части Центрального Тянь-Шаня (Кетмень, долина Чулкудысу и верховья Текеса); на северных склонах восточной половины Заилийского и Кунгей Алатау, в восточном Прииссыккулье, включая верховья р. Тюп и восточную часть Терской Алатау (Шестопёров, 1929; Корелов, 1948, 1956; Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1972; Торопова, 1999; Джаныспаев, 2003; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, 2005; Губин, 2009; Карпов, 2013). На северном склоне Киргизского Алатау гнездование нигде не установлено, и только однажды, в июне 1986 г. взрослого сверчка видели в пойме р. Ала-Арча на меридиане Бишкека (Шукуров, Кормилицын, 2005). Зато на южном склоне, в Сусамырской долине он настолько обычен (в иные годы даже многочислен), что встречен всеми орнитологами, которые посещали эти места с 1957 по 2017 г. (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова,

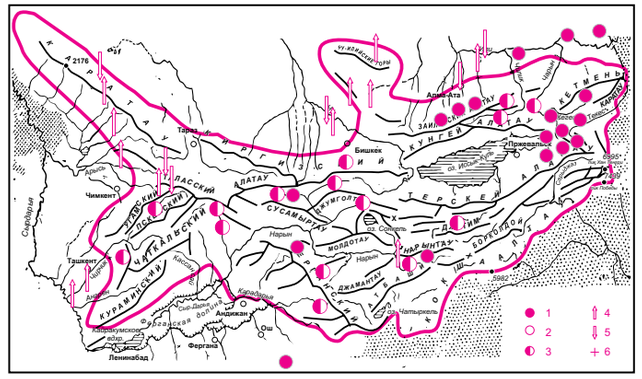

Рис. 370. Ареал обыкновенного сверчка и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 243
Рис. 371. Распространение обыкновенного сверчка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

2005; Корелов, 2007; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Архипов, Коблик и др. 2018). В других местах Внутреннего Тянь-Шаня обыкновенный сверчок гнездится в долинах Западного Каракола, Джумгола, Кичи-Нарына, Атбаши и по обоим склонам Ферганского хребта (включая спуск по северному склону в долину Алабуги и национальный парк «Карашоро» у подножий южного склона); на восточном склоне Чаткальского хребта в заповеднике Сарычелек, а в предгорьях поющих самцов слышали 21 июня 2017 г. на лугах в Падша-Ата и в пойме реки Афлатунь у посёлка Кара-Джигач (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; Лебяжинская, 1992; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005 и наблюдения 2005-2006 гг.; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Даже для Западного Тянь-Шаня, где сверчок всегда считался только пролётной птицей (Корелов, 1956; Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Мекленбурцев, 1995), появились летние встречи, которые могут указывать на возможность гнездования. Во-первых, встреча 25 июля 1948 г. в котловине Чимгана (Корелов, 1956) – слишком уж ранняя для осеннего пролёта, который у этого вида идёт в августе-сентябре. Во-вторых, в конце лета 2002 г. в долине Пскема обыкновенного сверчка встретили 4 раза: 27 июля – поющего самца на лугах в средней части Ахаласая; 28 июля – на лугах урочища Мулла; 3 августа на лугах Анаульгена его вспугивали в трёх местах; 13 августа встретили ещё двух сверчков в 300 м друг от друга на огромной луговине в пойме Ойгаинга близ Аютора (В. Ковшарь, 2003). Предположение автора о возможном гнездовании не лишено основания, что допускает и О.В. Митропольский (2005). В любом случае следует провести здесь более тщательные поиски обыкновенного сверчка в гнездовое время. Пролёт сверчков идёт по всему периметру гор, включая Каратау и Чу-Илийские низкогорья, а также Чуйскую и Илийскую долины.

Численность. Обычная птица и лишь на Сусамыре может быть названа многочисленной. Скрытность самих птиц не позволяет получить конкретные данные. В долине Каркары, между посёлками Каркара и Ереуылы 10-13 июля 2002 г. учтено 6 поющих самцов – 1-2 самца на 3 км маршрута (Березовиков и др., 2004). На Чокпаке весной 1982-2016 гг. поймали 8, осенью – 75 сверчков (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной прилетает в конце апреля – мае. У Чиназа южнее Ташкента В.Ф. Руссов добыл пролётного 1 мая (Pleske, 1888), под Ташкентом в начале XX ст. их добывали между 24 апреля и 12 мая (колл. САГУ, Мекленбурцев, 1995). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) самые ранние встречи – 7 мая 1945 и 6 мая 1965 гг. (Ковшарь, 1966), в верховьях Чаяна (Каратау) первые появились 26 апреля 1941 г. (Долгушин, 1951), в долине Кашкараты (Боролдай) они были обычны с 9 по 18 мая 1958 г. (М.Н. Корелов), а у Джамбула (ныне Тараз) с 29 апреля по 18 мая 1917 г. добыли 6 самцов и одну самку (Ковшарь, 1972); на озере Кызылколь (северный склон Каратау) их встречали 29 апреля 1989 г. и 15-17 мая 2000 г. (Коваленко и др. 2002). На Чокпаке самцов добывали 3 и 10 мая 1971 г., самку – 18 мая 1975 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 28 апреля (2006) по 24 мая (2003), срединная дата весеннего пролёта – 5 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Ешкилы (севернее Курдайского перевала) в трёх местах у речки встретили поющих самцов уже 30 апреля 2001 г.

(Губин, 2007). В долине Копы первых встретили 5 мая 1987 и 8 мая 1988 гг. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В предгорьях Заилийского Алатау их не встречали раньше третьей декады мая, самые ранние близ Алматы добыты 22 мая 1935 г и 23 мая 1951 г. (Ковшарь, 1972), а в горах близ Алматинского озера (2500 м) мы встретили сверчка лишь однажды – 23 мая 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983); в последние годы они стали здесь встречаться и в гнездовое время – 1 и 2 июня 2003 г. (Коваленко, В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003; Джаныспаев, 2004: КОБ-2003). В Карачингиле (устье Тургени) один самец пел уже 29 апреля 2005 г. (Бевза, 2012); близ Джаркента первая песня – 17 мая 1918 г. (Шестопёров, 1929).

Осенний отлёт и малозаметный пролёт идёт в августе-сентябре. В Карачингиле единственный раз этого сверчка отметили 12 августа 2008 г. (Бевза, 2012). На Б. Алматинском озере в Заилийском Алатау (2500 м) в 1971-1978 гг. мы встретили сверчка только дважды: 13 августа 1972 и 7 августа 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983); ниже, в городе Алматы, в августе 1976 г. находили их трупы под высокой телевизионной мачтой (Сема, 1978). Из Чуйской долины они отлетают уже в середине августа (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролётных встречали с середины августа 1971 по 5 октября 1971 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 19 августа (2004) по 16 октября (2009), срединная дата осеннего пролёта – 15 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первые отмечены 7 августа 1933, 8 августа 1962, 16 августа (возможно, не первые) 1963 гг.; до середины сентября они попадаются одиночками во всех поясах гор до 2600 м, а в предгорьях последняя встреча – 1 октября (Ковшарь, 1966). Под Ташкентом пролёт начинается 14-15 августа (данные за 6 лет) и длится до конца сентября, последних здесь наблюдали 27 сентября 1914 г. и 2 октября 1913 г. (Ковшарь, 1972).

Биология. Специально в Тянь-Шане не изучалась, сведения в литературе ограничиваются описанием нескольких гнёзд и встреч выводков. На субальпийском лугу северо-восточных отрогов Ферганского хребта 18 июня 1956 г. в гнезде, помещавшемся под кочкой в густой траве, было 6 слабо насиженных яиц, а в пойме р. Атбаши 29 июля 1953 г. в гнезде были птенцы 7-8-дневного возраста. В верховьях р. Тюп 9 июля 1958 г. добыта самка, недавно отложившая яйца (Птицы Киргизии, 1960). В долине р. Тургень (Терской Алатау) 28 июля 1953 г. добыт молодой сверчок с недоросшими рулевыми (Степанян, 1959). В долине реки Чулкудысу (Кетмень) в 1953 г. слётки появились с 20 июля (Корелов, 1956), а на пойменных лугах долины Или, в междуречье Чилик – Чарын, в 1939 г. подлётывающий молодняк был уже в конце июня (Корелов, 1948). В долине Кегени у посёлка Талды (1777 м) выводок из 4 перепархивающих слётков встречен 19 июля 2002 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В Заилийском Алатау первое гнездо сверчка найдено в Котурбулакском ущелье (1650 м), 7 июля 1992 г. в нём было 3 яйца (видимо, неполная кладка); в ущелье Правый Талгар в июле 2001 г. во время сенокоса выкошено ещё одно гнездо обыкновенного сверчка (Джаныспаев, 2003: КОБ-2002). В третьем гнезде, в ущелье Кыргаулды западнее Алматы, 4 августа 2011 г. в гнезде обыкновенного сверчка было 3 яйца и один только что вылупившийся птенец, а 10 августа здесь выпал снег (Карпов, 2013). Необычность последней находки, помимо очень поздней даты, заключается ещё в том, что гнездо располагалось на крутом склоне (высота 2900 м), где высота травостоя не превышала 25 см. Перечисленными фактами исчерпываются сведения о размножении сверчка в Тянь-Шане.

330. Пятнистый сверчок – *Locustella lanceolata* (Temminck, 1840)

lanceolated [Temminck's] (grasshopper) warbler (англ.), Strichelschwirl (нем.), locustelle lancéolée (фр.),

Этот восточносибирский сверчок несколько раз залетал в наш район. В пределах бывшего Семиречья одного пятнистого сверчка добыли на р. Кашкасу 19 сентября 1892 г. (Schalov, 1908). В окрестностях Джаркента одного самца добыли 22 апреля 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). На болоте Джаманбаткак у Ташкента двух пятнистых сверчков добыл Н.А. Зарудный (1910) 28 сентября 1909 г.; впоследствии это болото было осушено, а территория его вошла в черту города Ташкент. На Чокпаке одного пятнистого сверчка отловили и окольцевали 7 сентября 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

331. Тонкоклювая камышевка – *Acrocephalus [Lusciniola] melanopogon* (Temminck, 1823)

moustached warbler (англ.), Tamariskensänger (нем.), lusciniole à moustaches (фр.),
шитұмсық айқабақ (каз.), ингичка тумшуқли тўқайчумчуқ (узб.)

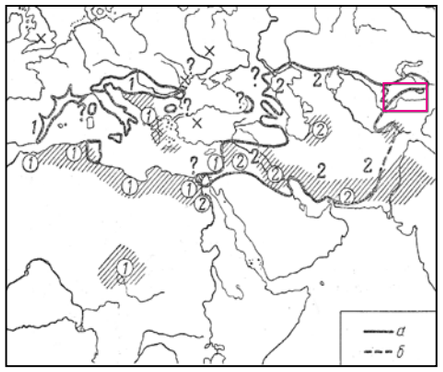
Синонимы: *Sylvia melanopogon* Temminck, 1823; *Caricicola bonelli* Brehm, 1855; *Lusciniola mimica* Madarász, 1903. *L. m. albiventris* Kazakov, 1974.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане встречается *A. melanopogon mimica* Madarász, 1903.

Характер пребывания. Пролетает весной и осенью, гнездится в долине реки Или. В последние годы проникла на гнездование в Текесскую долину Центрального Тянь-Шаня (Березовиков, 2003: КОБ-2002).

Биотоп. Берега водоёмов, поросшие тростником, камышом или рогозом. В горы не идёт даже во время миграций, единственное исключение – долина р. Текес в Центральном Тянь-Шане (около 1800 м)

Распространение. Наш район находится на восточной границе ареала вида (рис. 372) и здесь эта камышевка изредка гнездится в низовьях долин Или, Чу и Таласа (рис. 373): «В дельте Или (Кокозек) И.А. Долгушин добыл одиночку 1 июля 1934 г. [в книге «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949) этот экземпляр ошибочно включён в очерк о камышевке-барсучке – *АК*]… На левобережье среднего течения Или (низовья Чилика) 2 августа 1951 г. тонкоклювую камышевку добыл А.В. Афанасьев. Прямых свидетельств о гнездовании этого вида по Или (находки гнёзд, вылетевших птенцов) не имеется, как и для всей территории между реками Или и Сырдарья. Возможно, гнездится по озёрам и старицам низовий Таласа и Чу. Таким образом, северную границу ареала тонкоклювой камышевки можно обозначить условно линией, соединяющей дельты Сырдарьи и Или и проходящей по низовьям Сарысу и Чу. Сведения о распространении её здесь требуют уточнения и подтверждения конкретными находками гнёзд или птенцов» (Ковшарь, 1972, с. 125). В этой же работе без всяких доказательств сказано: «Она обычна, местами многочисленна, на гнездовье в долине Сырдарьи от Чиназа до Кзыл-Орды» (с. 124), однако 20 лет спустя в сводке «Птицы Узбекистана» вид это приводится как «редкий посетитель Узбекистана в тёплое время года» (Мекленбурцев, 1995, с. 206). Столь же неопределённо и бездоказательно также указание на обитание тонкоклювой камышевки на озере Бийликоль (Каратау): «Довольно обычна в тростниках всего южного берега. Первые песни отмечены с 25 апреля» (Губин, Карпов, 1999, с. 10). В остальных пунктах – Чуйская долина, окрестности городов Тараз и Чимкент, Чокпакские ворота, район Ташкента – тонкоклювую камышевку встречали на пролёте. И только в долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) её однажды встретили среди лета в условиях, позволяющих предположить гнездование: «В заболоченной пойме р. Текес (24°50' с.ш., 80°06' в.д., 1800 м н. . м.) перед впадением её в Текесское водохранилище, в густых зарослях осоки, хвоща и конского щавеля высотой до 1.5 м, затопленных мелкой водой, 14 июля 2002 г. мы длительное время наблюдали за поющим территориальным самцом тонкоклювой камышевки и смогли его хорошо рассмотреть. Это была камышевка средней величины с тёмно-бурой головой и широкой белой бровью от клюва через глаза. Бока головы и шея серые, горло и грудь белые. Верхняя сторона тела бурая. Пел по высоким кустикам конского щавеля, иногда выбираясь на макушку. Периодически с пением поднимался в воздух и пролетал над зарослями до десятка метров и скрывался в них. При этих перелётах иногда крылья держал вертикально вверх. Пение этой камышевки броское, с характерным скрежетанием и вставками голосов других птиц, более всего напоминающее пение барсучка *A. schoenobaenus*. Записанные фрагменты песни следующие: «чррр-чррр-чррр… чив-чив-чёв…

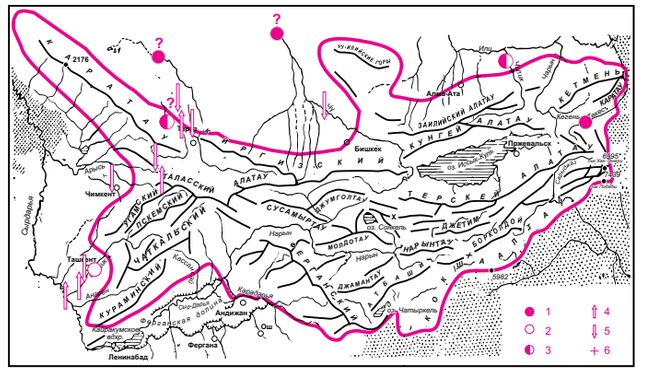

Рис. 372. Ареал тонкоклювой камышевки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 214
Рис. 373. Распространение тонкоклювой камышевки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

чип-чип-чип-чип… ви-ви-ви…зип-зип-зип». Самец постоянно держался на участке размером 15х20 м. В 100 м, на противоположном берегу реки, временами было слышно пение второго самца. Нахождение тонкоклювой камышевки в Центральном Тянь-Шане было полной неожиданностью, т.к. до сих пор её единичные летние находки были известны лишь для Илийской долины и других равнинных рек и озёр юга и юго-востока Казахстана (Ковшарь, 1972). По всей видимости, проникновение её вглубь гор произошло со стороны р. Или по широкой луговой долине Текеса» (Березовиков, 2003: КОБ-2002, с. 106). В следующей статье об авифауне Текесского вдхр. этот автор уже вполне определённо говорит о гнездовании тонкоклювой камышевки по пойменным лугам и заболоченным участкам на берегах водохранилища (Березовиков, 2009).

Численность. Встречаются единично на пролёте. На Чокпаке за 50 лет добыты 5 экземпляров.

Сроки. Даты. У Чиназа (юго-западнее Ташкента) В. Руссов добыл трёх 2 и 7 апреля (Pleske, 1888). Там же её встретили 13 апреля (Loudon, 1910), а под Ташкентом Н.А. Зарудный добывал их с первых чисел марта (самая ранняя – 2 марта 1908 г.) до начала апреля (2 апреля 1910 г.), последних встречал в середине марта (Зарудный, рукопись, по: Ковшарь, 1972). В окрестностях Чимкента добыта 21 апреля 1939 г., в Джамбуле (Тараз) – 2 мая 1917 г., но уже 20 апреля они в массе встречены на берегу Балхаша и в дельте Или (Ковшарь, 1972). На Чокпаке одну отловили 17 апреля 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017), а на южном берегу Бийликоля в 1991 г. первые песни отмечены 25 апреля (Губин, Карпов, 1999). Осенью на Чокпаке тонкоклювых камышевок добывали 4 раза: 17 сентября 1967, 19 сентября 1969, 3 сентября 1997 и 30 сентября 2002 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Под Ташкентом «осенний пролёт проходит с начала августа до начала ноября, и некоторые особи остаются на зимовку» (Мекленбурцев, 1995, с. 207).

Биология. Никаких сведений, кроме приведенных выше наблюдений за пением в долине Текеса, по нашему району не имеется. Поэтому большой интерес представляют наблюдения за их гнездованием в долине Вахша (Памиро-Алай), проведенные Р.Л. Потаповым, который в 1959 г. нашёл гнездо в зарослях рогоза: «2 мая Потапов нашёл гнездо, которое самка строила из пуха рогоза, смачивая его в воде, так что гнездо было сырое. 7 мая гнездо было закончено, а на следующий день погибло – было затоплено сбросовыми водами. 2 июня в этом же районе было найдено ещё одно гнездо, свитое на затопленном кусте гребенщика. Построено оно было грубее первого – из стеблей с примесью пуха рогоза. 7 июня гнездо было взято в коллекцию. По грязно-зеленоватому фону скорлупы яиц были густо разбросаны мелкие коричневые пятна, сгущавшиеся на концах; у тупого конца одного из яиц был тонкий чёрный завиток. Размеры двух яиц были одинаковы: 18.55х13.1 мм. В яйцах были сформировавшиеся зародыши» (Иванов, 1969, с. 302-303).

Камышевка-барсучок – *Acrocephalus schoenobaenus* (Linnaeus, 1758)

Sedge warbler (англ.), Schilfrohrsänger (нем.), phragmite des joncs (фр.)

Имеется единственное указание на встречу в нашем районе: по устному сообщению А.Э. Гаврилова, в период стационарных работ на озере Сорбулак в 80-х гг. было окольцовано 22 особи камышевки-барсучка (Белялов, 2014). Доказательств правильности видовой идентификации этих особей в данной публикации не приводится. Упоминается также в списке птиц Кыргызстана как залётный (Торопова, Кулагин, 2007).

332. Индийская камышевка – *Acrocephalus agricola* (Jerdon, 1845)

paddy-field warbler (англ.), Feldrohrsänger (нем.), rousserolle isabelle (фр.),
кызғылтсары айқабақ (каз.), индостан камышчы (кирг.), ҳинд тўқай чумчуғи (узб.)

Синонимы: *Salicaria brevipennis* Severtzov, 1873; *S. capistrata* Severtzov, 1873.

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане встречается *A. a. brevipennis* Severtzov, 1873.

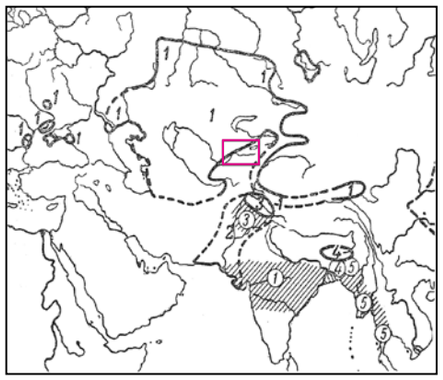
Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии (рис. 374). В области Тянь-Шаня только пролетает, гнездясь на равнинных водоёмах долины реки Или.

Биотоп. Заросли тростника по озёрам и рекам. В горы нигде не проникает.

Распространение. Поскольку Тянь-Шань находится на южной границе ареала, имеющей очень сложную конфигурацию (рис. 374), индийская камышевка встречается здесь в основном на пролёте. Южная граница ареала от долины Или до долины Сырдарьи проходит по северным предгорьям Тянь-Шаня не выше 500 м (Ковшарь, 1972), но в городе Алматы на болоте около Ташкентской аллеи 13 июля 1935 г. М.А. Кузьмина добыла птенца, не умеющего летать (см. ниже – примечание к очерку о садовой камышевке). В окрестностях Джаркента на гнездовании в тростниках отмечена в 1900 и 1918 гг. (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929). Западнее по р. Или обнаружена в тростниках между Чиликом и Чарыном летом 1939 г. (Корелов, 1948). Гнездится на Топарских разливах левобережья дельты Или, где её наблюдал ещё И.А. Долгушин (Шнитников, 1949; Березовиков и др., 1999). В Чуйской долине гнездование не доказано, хотя 9 мая 1957 г. Т.Ф. Федянина добыла около села Камышановки пару (самца и самку) в густых зарослях тростника, в условиях, очень близких к гнездовым (Кыдыралиев, 1959); впоследствии их добывали здесь 3 июля и 4 сентября 1958 г. (Птицы Киргизии, 1960). Ещё западнее, на берегах озера Бийликоль в северных предгорьях Малого Каратау, индийских камышевок в небольшом числе наблюдали в тростниках и околоводных кустарниках с апреля по июль 1991 г. (Губин, Карпов, 1999). Немного севернее в предгорьях Каратау, в небольшом числе индийская камышевка встречена на р. Ушбас в котловине озера Кызылколь; 17 мая 2000 г. здесь отловили одну и предположили гнездование (Коваленко и др., 2002). Возможность нахождения в будущем этого вида на гнездовании в Иссык-Кульской котловине, особенно в тростниках устьев Тюпа и Джергалана, допускал ещё В.Н. Шнитников (1949, с. 497). На северо-восточном берегу, близ с. Кутурга, 19 мая 1958 г. добыли самца с увеличенными семенниками – 10х6.5 см (Птицы Киргизии, 1960). Таких же размеров семенники были у самца, добытого в сухих тростниках на заболоченном юго-западном берегу озера, а наблюдение за пятью встреченными птицами не оставило у автора сомнения в их гнездовании здесь (Степанян, 1959, с. 108). Единственное «доказательство» гнездования индийской камышевки во внутренних районах Тянь-Шаня – указание на кладку яиц, взятую Г.В. Вердиным, в статье, описывающей оологическое собрание этого любителя (Торопова, 1999, с. 222). К сожалению, в ней указано только количество яиц (4), тогда как место (Джалал-Абадская область) и дата (вторая половина июня, без года) – весьма приблизительные. Не меньшее сомнение вызывает и точность видового определения этим любителем птиц. Пролёт индийской камышевки отмечали по всему периметру горной территории и даже в горах (Лановенко, 1997).

Численность. Установить невозможно, поскольку визуальная идентификация вида на пролёте практически исключена, а отлавливали и добывали этих птиц очень мало: на Чокпаке в период 1982-2016 гг. весной окольцовано 10, а осенью – 45 индийских камышевок (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в апреле-мае. В Чиназе В. Руссов добывал их 16 и 18 апреля, 18 мая (Pleske, 1888), у станции Мельниково в Ферганской долине добыта 18 и 19 апреля (Loudon, 1910). Под Ташкентом Н.А. Зарудный добывал их между 20 апреля и 11 мая (колл. САГУ). Близ Чимкента Н.А. Северцов добывал этих камышевок 24 и 27 апреля. На Чокпаке весной 1966-1981 гг.

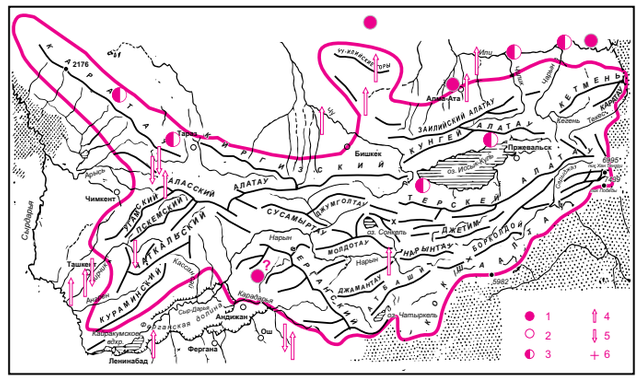

Рис. 374. Ареал индийской камышевки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 292
Рис. 375. Распространение индийской камышевки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

встречена всего дважды – 30 апреля 1970 и 10 мая 1968 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 17 апреля (2002) по 21 мая (2005), срединная дата весеннего пролёта – 30 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Близ города Джамбул (Тараз) самец индийской камышевки добыт 18 апреля 1964 г. (Ковшарь, 1972). В долине Чу близ Камышановки в зарослях тростника самец и самка добыты 9 мая 1957 г. (Кыдыралиев, 1959). В долине Копы одного самца мы добыли в бурьянниках 5 мая 1987 г., а с 8 по 26 мая 1988 г. в тростниках на пруду наблюдали явных *Acrocephalus agricola* – возможно, уже гнездящихся (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Алма-Ате индийскую камышевку весной встретил М.Н. Корелов 12 апреля 1955 г. во время снегопада (Ковшарь, 1972). В Карачингиле (устье Тургени) поющих самцов встречали 15 апреля 2011, 8 и 18 мая 2010 гг. (Бевза, 2012); под Джаркентом 3-9 мая 1900 г. они были уже обычны (Зарудный, Кореев, 1905).

Отлетает в сентябре. Из предгорий Заилийского Алатау известна только одна встреча 31 августа 1935 г. в ущелье Малой Алматинки близ города Алматы (Ковшарь, 1972). На Чокпаке в 1966-1981 гг. встречена осенью 5 раз: 6 сентября 1969, 14 и 27 сентября 1970, 28 сентября 1971 и 4 октября 1970 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 25 августа (1995) по 21 октября (2001) здесь отловили 45 индийских камышевок; срединная дата осеннего пролёта – 9 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Аксу-Джабаглы близ Новониколаевки одну добыли 19 сентября 1963 г. (Ковшарь, 1966), около Чимкента Н.А. Северцов добыл её 2 октября (год не известен), а под Ташкентом последних индийских камышевок в разные годы видели и добывали с 23 сентября по 9 октября (Ковшарь, 1972; Мекленбурцев, 1995). В Гульче (северные предгорья Алайского хребта) самая поздняя встреча – 6 октября (Иванов, 1969).

Биология. В Тянь-Шане никем не изучалась. Нет сведений и по территории соседнего Памиро-Алая, а в фаунистических сводках по птицам Казахстана и Узбекистана (Ковшарь, 1972; Мекленбурцев, 1995) приводятся данные, собранные на водоёмах равнин Средней Азии и Северного Казахстана.

333. Садовая камышевка – *Acrocephalus dumetorum* Blyth, 1849

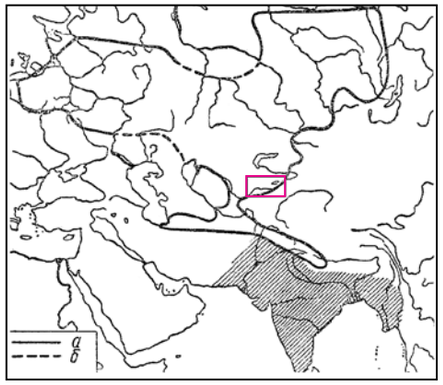
Blyth's reed warbler (англ.), Buschrohrsänger (нем.), rousserolle des buissons (фр.),
бақ айқабағы (каз.), бакчыл камышчы (кирг.), боғ тўқай чумчуғи (узб.)

Синонимы: *Sylvia* **(***Salicaria***)** *magnirostris* Liljeborg, 1859; *Salicaria macronyx* Severtzov, 1873; *S. eurhyncha* Severtzov, 1873; *S. sphenura* Severtzov, 1873; *S. ilensis* Severtzov, 1879; *Acrocephalus dumetorum affinis* Zarudny, 1890; *A. d. turanicus* Zarudny, 1911. Подвидов не образует.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии и Пакистане (рис. 376).

Биотоп. Заросли кустарников по сырым местам. Гнездится в садах, в прибрежных облепихово-тростниковых зарослях Иссык-Куля (Птицы Киргизии, 1960) и даже в не совсем обычных для вида местах: «на Алабуге я нашёл их на пырейном лугу с редкими кустиками и одиночным деревом посередине; на лугу же с высокой травой держались камышевки и в низовьях Иныльчека; но в верховьях этой реки, а также на Каинды и в Коре птички жили и в еловом лесу с обильным кустарниковым подлеском и высокой травянистой растительностью» (Шнитников, 1949, с. 499). На пролёте также встречены в арчевниках Алайской долины и орехоплодовых лесах западных склонов Ферганского хребта, и даже на кочковатых берегах озера Сонкуль (3100 м), где нет никаких кустарников (Птицы Киргизии, 1960). В массе мигрируют через степной Чокпакский перевал.

Распространение. В Тянь-Шане, расположенном на юго-восточной границе ареала вида (рис. 376), гнездование этого вида всегда было под сомнением и надо сказать, что до сих пор твёрдых, не подлежащих сомнению доказательств его не имеется (рис. 377). На этом стоит остановиться подробнее, с приведением конкретных данных и мнений разных авторов. Во втором томе «Птицы Киргизии» (1960) упоминается о гнездовании садовой камышевки в горах, но ни одного факта не приводится. Для Памиро-Алая указано исчерпывающе кратко: «Бывает на пролёте и, возможно, гнездится» (Иванов, 1969, с. 300). А вот выдержка из сводки по птицам Казахстана: «Относительно Заилийского Алатау в районе Алматы существуют противоречивые указания. Одни авторы (Шульпин, 1939) говорят о гнездовании её в яблочнике и нижней половине елового пояса, на склонах близ ручьёв, другие (Деревягин, 1947; Бородихин, 1968) считают, что ни в городе, ни в его окрестностях садовая камышевка не гнездится, а бывает только

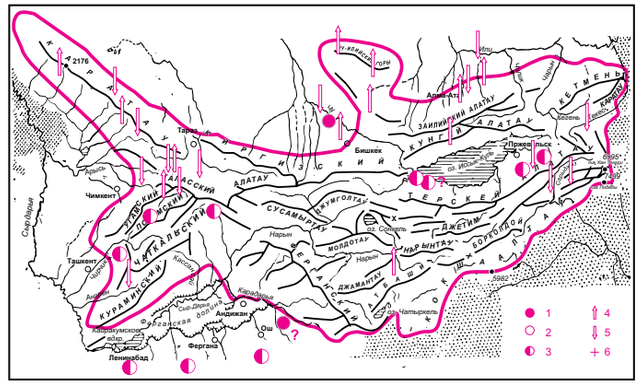

Рис. 376. Ареал садовой камышевки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 296
Рис. 377. Распространение садовой камышевки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

на пролёте. Документального подтверждения гнездования этого вида в горах нет, что же касается предгорий и города, то отсюда имеется единственная находка – явно неспособный ещё летать птенец добыт М.А. Кузьминой[13] на болоте около Ташкентской аллеи 13 июля 1935 г. В то же время, по материалам многолетних наблюдений и сборов, довольно чётко прослеживается исчезновение из города садовых камышевок в начале июня и появление их в самом начале августа; в июне-июле в Алма-Ате они определённо отсутствуют (Бородихин, 1968). Всё это говорит об исключительно редком, нерегулярном гнездовании садовой камышевки в области низких предгорий Заилийского Алатау» (Ковшарь, 1972, с. 102). Через два десятилетия, в сводке по птицам Узбекистана, читаем: «Регулярных и точных наблюдений за гнездованием садовой камышевки в условиях Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и прилежащих участков Казахстана в литературе нет. За неимением находок гнёзд судить о местах и сроках гнездования приходится по косвенным данным» (Мекленбурцев, 1995, с. 212).

В то же время в литературе накопилось ряд указаний о гнездовании садовой камышевки и даже сведений о нахождении её гнёзд в пределах нашего района. Так, в очень содержательной обзорной статье по птицам Терской Алатау весь очерк об этом виде состоит из одной обтекаемой, без единой даты, фразы: «Отмечена для восточной части Иссык-Кульской котловины. Здесь она обитает в кустарниковых зарослях среди лесных полян, поднимаясь и до высоты предгорий» (Степанян, 1959, с. 108). В обзоре птиц Чуйской долины (Умрихина, 1970) упоминается гнездо садовой камышевки на деревце ивы и даже даны его размеры, но ни слова не сказано ни о точном месте и дате этой находки, ни о содержимом гнезда (!). В статье А.К. Кыдыралиева и З.Б. Султанбаевой (1977) о садовой камышевке сказано: «Обычная гнездящаяся птица по всему берегу озера [видимо, Иссык-Куль, так как работа написана по наблюдениям на Иссык-Куле и Сонкуле – *АК*]» и далее: «Откладка яиц в основном проходит в третьей декаде мая. В 1971 г. 22 и 24/V два гнезда с 3 и 5 яйцами, 25 и 26/VI три гнезда с 2 и 3 яйцами, в 1972 г. пять 3-4-дневных птенцов найдено 22, 26 и 30/VI с пятью и шестью подлётными птенцами [дословно – *АК*]» (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977, с. 221-222). В этих данных у меня вызывает большие сомнения видовая идентификация хозяев найденных гнёзд. Ещё бóльшие сомнения вызывает правильность видового определения птиц в статье «Гнездование садовой камышевки в юго-западном Прииссыккулье» (Давранов, 1981), начиная с того, что в тексте ни разу не упоминается латинское название вида (!), отсутствуют детали описания внешнего вида и поведения птиц, которые подтвердили бы их видовую принадлежность, и заканчивая небрежностью в описании гнёзд и их расположения. Однако если видовая принадлежность хозяев 9 гнёзд, о которых пишет автор, установлена верно, то эти данные – первое доказательство гнездования садовой камышевки в районе с. Оттук на юго-западном побережье Иссык-Куля. Кстати, в этих же местах, в облепиховых зарослях близ с. Оттук, мы встретили несколько особей 22 и 23 июля 2000 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005), а в нижней части ущелья Ырдык (восточная часть Терской Алатау) одну садовую камышевку встретили 24 июля 2005 г. в кустах барбариса у реки на выходе её из ущелья.

Более надёжное указание на гнездование садовой камышевки *на юге Киргизии* имеется в книге «Птицы еловых лесов Тянь-Шаня»: «В поясе ели гнёзд до сих пор не найдено, однако постоянные встречи её в течение лета, а также наблюдение поющих самцов в мае и июне позволяют с достаточной уверенностью

[13] Этот экземпляр переопределён П.В. Квартальновым как птенец индийской камышевки *A. agricola – АК*

отнести садовую камышевку к гнездящимся птицам нижнего подпояса елового леса. 29 мая 1966 г. в поясе лиственного леса, на юго-западных склонах Ферганского хребта, в долине р. Гульчи мною было найдено гнездо камышевки с четырьмя слегка насиженными яйцами» (Шукуров, 1986, с. 71). Ещё южнее мы встретили садовых камышевок на гнездовье в северных предгорьях Алайского и Туркестанского хребтов в июле 2004 г.: «В 2004 г. оказалась нередкой в нижнем и среднем течении р. Каравшин (восточная часть северного склона Туркестанского хребта), где 24-26 июля в густых куртинах шиповника и барбариса среди абрикосовых насаждений по руслу речки встречено 20 особей, включая и выводок из 4-х вылетевших молодых; а также в ущелье Исфайрамсай (хр. Кичи-Алай), где в подобной же обстановке 28 и 19 июля встречено 5 птиц и найдено пустое гнездо, видимо, этого вида. Одиночка встречена также на речке Калай-Махмуд (верховье р. Сох). Высота этих встреч 1360-1800 м» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005, с. 78).

Мнение о гнездовании садовой камышевки в Западном Тянь-Шане опроверг ещё Л.М. Шульпин: «Указания на гнездование в Каратау (Шапошников, 1932) и вообще в ближайших районах Западного Тянь-Шаня (Северцов, 1873, 1875) я считаю ошибочными и основанными на неправильной интерпретации значения ранне-осенних или поздне-весенних наблюдений. В коллекции Зарудного я нашёл 78 экземпляров, добытых под Ташкентом или в его окрестностях, и среди них не оказалось ни одного гнездящегося, но в конце лета, уже 23-25 июля, эта птица уже появляется под Ташкентом, а весной задерживается здесь по крайней мере до 19 мая» (Шульпин, 1961, с. 152-153). К этому можно добавить, что севернее Ташкента весенний пролёт этого вида продолжается до начала июня (см. ниже). Дальнейшие многолетние наблюдения (Ковшарь, 1966; Мекленбурцев, 1995; В. Ковшарь, 2002; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; Чаликова, 2006, 2009; Губин, 2012) подтвердили правоту слов Л.М. Шульпина. И только для восточной окраины Западного Тянь-Шаня, заповедника Сарычелек на юго-восточных склонах Чаткальского хребта, по материалам наблюдений 1982-1983 гг. указано: «Впервые зарегистрирована на гнездовье» (Лебяжинская, 1991, с. 54), без приведения каких бы то ни было конкретных данных. На пролёте встречается широко (рис. 377).

Численность. На пролёте обычна весной и многочисленна осенью. Так, в верхней части долины Пскема в августе 2002 г. за 2.5 часа экскурсии по садам и огородам встречено 15 особей (В. Ковшарь, 2003), а в тугаях по р. Арысь 15 мая 2008 г. – 16 птиц (Чаликова, 2009: КОБ-2008). Там же, на Чокпаке, в 1982-2016 гг. с 2 по 28 мая отловили 279, а с 10 августа по 21 октября – 993 садовых камышевки (А. Гаврилов и др., 2017). На перевале Боранши-асу (Ирсу-Машатские горы, крайние западные отроги Таласского Алатау) 26 мая 2006 г. насчитали 18 особей/час экскурсии (Чаликова, 2006). В Сарычелекском заповеднике в ореховом лесу учитывали 0.5 особей/км^2, в яблонево-алычёвом – 1 особь/км^2 (Лебяжинская, 1991). На озере Кызылколь (Каратау) за три дня 15-17 мая в паутинные сети отловлено 77 садовых камышевок (Коваленко и др., 2002).

Сроки. Даты. Под Ташкентом первые пролётные, по наблюдениям Н.А. Зарудного, появляются 23-30 апреля. У Чимкента летят с 12 по 30 мая, но отдельные особи добыты 6 и 12 июня. В северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в небольшом числе встречаются с 19 по 31 мая (Ковшарь, 1966, 1972). На перевале Чокпак в 1969 г. их отлавливали с 3 по 21 мая, а в 1982-2016 гг. – с 2 по 28 мая, срединная дата весеннего пролёта – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) 15-17 мая отловили 77 особей (Коваленко и др., 2002). В долине Копы пролётных наблюдали ещё 4-12 июня 1987 г. и с 9 мая по 6 июня 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Чу-Илийских горах их было много уже 29-30 апреля 2001 г., самцы везде пели (Губин, 2007); в Жусандале они были обычны 13 мая – 11 июня 1996 г. и 9 мая – 8 июня 1997 г. (Березовиков и др., 1999). В Алма-Ате весной первых встречали 13 мая 1955, 15 мая 1959 и 6 мая 1961 гг.; последних – 28 мая 1959, 2-5 июня 1961 и 2-3 июня 1962 гг. (Бородихин, 1968). На Б. Алматинском озере (2500 м) мы встречали их 23 мая 1974, 28 мая 1977, 30 мая и 1 июня 1972 гг. в местах, где до конца лета их определённо не было (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Карачингиле в 2004-2010 гг. первые песни самцов слышали 30 апреля – 12 мая; последние – 30 мая 2005, 1 июня 2007 и 5 июня 2010 гг. (Бевза, 2012). Во внутренних районах Тянь-Шаня в поясе елового леса самые ранние встречи – 8 мая 1961 г. и 11 мая 1959 г. (Шукуров, 1986).

Осенний пролёт идёт с начала августа (в некоторых местах подвижки начинаются уже в конце июля) до второй половины октября. В Карачингиле первые осенью появляются 3 августа (2007, 2008), 5 августа 2009 и 12 августа 2010 гг. (Бевза, 2012); в Алма-Ате – 3 августа 1961 и 2 августа 1962 гг., последняя встреча – 2 сентября (Бородихин, 1968); в августе и начале сентября 1976 г. в городе находили садовых камышевок, разбившихся о высокую мачту (Сема, 1978. В зарослях облепихи у Текесского

вдхр. (Центральный Тянь-Шань) встречена 4 августа 2004 г. (Березовиков и др., 2005), а намного южнее, в еловом лесу с кустарниками и на высокотравных лугах в долинах Иныльчека и Каинды (2500-2900 м) – во второй декаде августа 1912 г. (Шнитников, 1949). На северных склонах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) садовые камышевки появляются в самых первых числах августа, а в некоторые годы – даже в конце июля – например, 25 июля 1935 г., 31 июля 1965 г. (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966), причём в горах – на несколько дней раньше, чем в предгорьях. В течение всего августа они чрезвычайно многочисленны почти по всему вертикальному профилю гор, по крайней мере до 2500 м, максимум их численности приходится на конец августа – начало сентября. В это же время идёт пролёт и в предгорьях, где они нередко разбиваются о провода ЛЭП в открытой степи и залетают в стационарные ловушки на перевале Чокпак. Заканчивается пролёт в горах около середины сентября, в предгорьях – к концу месяца. Последних у Новониколаевки добывали 23 октября 1965 г., на перевале Чокпак – 24 октября 1969 г. (Ковшарь, 1966, 1972). Под Ташкентом «около 80 шкурок, собранных в разные годы, укладываются в период времени от 5 августа до 19 сентября. Одиночки датируются 12 и 25 июля и 9, 10. 25 и 30 октября. В ноябре (5 и 23) добыто только две птицы» (Мекленбурцев, 1995, с. 213). Самая поздняя встреча в Алматы – одиночка на площади Республики в центре города 2 ноября 2013 г. (А. Исабеков: www.birds.kz).

Биология. Кроме приведенных выше сомнительных сведений о нахождении гнёзд данных нет. Пора провести плановые, исследования распространения и биологии садовой камышевки прежде всего в Иссык-Кульской котловине (восточное и юго-западное побережье) по специальной программе с применением отлова, индивидуального мечения взрослых и молодых птиц, подробных описаний гнёзд, яиц, птенцов. Это особенно важно в плане поиска на гнездовании следующего вида камышевок – *Acrocephalus orinus* – как здесь, так и по южному горному обрамлению Ферганской долины – северным склонам Алайского хребта.

Большеклювая камышевка – *Acrocephalus orinus* Oberholser, 1905

(Hume's) large-billed reed warbler (англ.)

Почти детективная история этого вида лучше всего изложена в докладе на XIII орнитологической конференции в Оренбурге «Коллекции Зарудного и Мензбира: открытие век спустя», отрывок из которого приведен ниже: «До 2006 г. большеклювая камышевка (*Acrocephalus orinus*) была известна только по типовому экземпляру, добытому на севере Индии в 1867 г. Отлов на зимовках в Таиланде двух особей в 2006 и 2008 гг. заставил систематиков предпринять целенаправленные поиски вида в музейных коллекциях мира. К 2011 г. зарубежными исследователями были найдены ещё 11 экземпляров, добытых на юго-востоке Казахстана, северо-востоке Афганистана и Пакистана, северо-западе Индии, юге Мьянмы, и ошибочно определённых как садовые камышевки. Генетический анализ подтвердил реальность этого вида. Молодой самец из коллекции Н.А. Зарудного (хранится в Американском музее естественной истории) был добыт 16.08.1900 под Джаркентом (Казахстан), что позволило предположить гнездование этого вида в среднеазиатско-южноказахстанском регионе» (Коблик, Архипов, Редькин, 2010, с. 152-153). В этой же работе сказано, что в 2009 г. в коллекции М.А. Мензбира, хранящейся в Зоомузее МГУ и Дарвиновском музее (Москва) найдены два самца и самка, добытые под Кулябом (Таджикистан) 3 и 19 мая 1910 г., а также экземпляры, собранные в Горном Бадахшане Л.С. Степаняном (25 мая 1971 г. – 1 экз.) и Е.Н. Гуровым (13-22 июня 1976 г. – 6 экз). Летом 2011 г. в Бадахшане интересные наблюдения у гнёзд 13 пар большеклювой камышевки провёл П.В. Квартальнов с соавт. (2012): «Гнёзда были укреплены на веточках облепихи и ивы, на стеблях тростника, солодки, полыни и других растений на высоте 30-168 см. От гнёзд садовой камышевки эти постройки отличало наличие внутреннего слоя из растительного пуха. Полные кладки содержали по 4 яйца (n=7), реже 2 (n=1), 3 (n=3) или 5 яиц (n=2). Мы обнаружили также гнездо с тремя птенцами, готовыми к вылету. Первые пары приступают к размножению в самом начале июня, массовое строительство гнёзд приходится на вторую декаду июня» (Квартальнов и др., 2012, с. 168). Эти данные помогут в поисках *A. orinus* в южных районах Тянь-Шаня, особенно на северных склонах Туркестанского и Алайского хребтов, где в 2004 г. мы встречали, но не добыли «садовых камышевок» (Ковшарь, Торопова, 2012). Очень полезны также признаки взрослых птиц: «… до появления новых данных хорошим отличительным признаком может служить только размер клюва.

У 14 экземпляров *Acrocephalus orinus* он составил 18.0-20.6 мм, в среднем 18.8 мм, а у 180 *Acrocephalus dumetorum* – 15.0-18.0, в среднем 16.6 мм» (Свенссон, 2009: КОБ-2008). Возвращаясь к оренбургскому докладу, хочу акцентировать внимание орнитологов на трёх поставленных в нём вопросах: «К какому виду относятся указания на гнездование «садовой камышевки» в Средней Азии?... Существует ли область симпатрии большеклювой и садовой камышевок?... Не имеет ли одно из названий, присвоенных камышевкам Туркестана Н.А. Северцовым и другими отечественными исследователями, приоритета перед *orinus*?» (Коблик, Архипов, Редькин, 2010, с. 153). На все эти вопросы желательно получить исчерпывающие ответы в ближайшее время.

Болотная камышевка – *Acrocephalus palustris* (Bechstein, 1798)

Marsch warbler (англ.), Sumpfrohrsanger (нем.), rousserolle verderolle (фр.)

К концу XX ст., благодаря массовым отловам паутинными сетями для целей кольцевания, эта камышевка с европейским ареалом в начале мая 1987 г. была обнаружена намного восточнее нашего района – в дельте Тентека в Алакольской котловине (Хроков и др., 1993). В те же годы при стационарных отловах птиц на Сорбулаке были окольцованы 4 болотных камышевки (А.Э. Гаврилов, по: Белялов, 2014). Пока этот факт можно расценивать только как возможный залёт во время миграций. Других сведений нет.

334. Тростниковая камышевка – *Acrocephalus scirpaceus* (Hermann, 1804)

(European) reed warbler (англ.), Teichrohrsänger (нем.), rousserolle effarvatte (фр.), қамыс айқабағы (каз.), камышчы (кирг.), қамишзор тўқайчумчуғи (узб.)

Синонимы: *Curruca fusca* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *Calamoherpe crassirostris* Brehm, 1855; *C. orientalis* Brehm, 1855; *Salicaria macronyx* Severtzov, 1873; *S. eurhyncha* Severtzov, 1873; *S. ilensis* Severtzov, 1873; *Acrocephalus streperus blanfordi* Zarudny, 1911.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане один – *A. scirpaceus fuscus* Hemprich et Ehrenberg, 1833.

Характер пребывания. В Тянь-Шане – пролётная птица, зимует на востоке Африки (рис. 378).

Биотоп. Тростники водоёмов со стоячей или медленно текущей водой.

Распространение. В нашем районе, расположенном на восточной границе ареала вида (рис. 378), тростниковая камышевка встречается только на пролёте (рис. 379). Ближайшие места гнездования находятся на юго-западном побережье Балхаша и в дельте р. Или (Ковшарь, 1972, с. 93, рис. 54). Кстати, указанные на этом рисунке точки *гнездования* в районе Чиназа и Бугуньских озёр не соответствуют действительности, как и высказанное на той же с. 93 предположение М.Н. Корелова о возможном гнездовании этой камышевки в районе Панфилова (Джаркента). В сводке о птицах Киргизии (1960) тростниковая камышевка вообще не упоминается, хотя одна пролётная была добыта В. Чернавиным 15 августа 1903 г. на Чом-Чиккане в системе Западного Каракола (Шнитников, 1949, с. 499). Видимо, на основании этой встречи вид был включён в очередной (третий по счёту) список птиц Кыргызстана (под № 265), но почему-то как пролётный и гнездящийся (Торопова, Кулагин, 2007, с. 50), тогда как сам В.Н. Шнитников считал его случайно залётным. Для Памиро-Алая тростниковая камышевка приводится как «редкая пролётная или залётная птица западных окраин Памиро-Алая» (Иванов, 1969, с. 300), только на пролёте отмечена она и в узбекистанских предгорьях Западного Тянь-Шаня (Мекленбурцев, 1995).

Численность. Не известна, но судя по редким встречам, невысока: на Чокпаке за 50 сезонов (1966-2016) наблюдений и отловов окольцовано всего 4 особи (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Очень показательно, что первая отловленная 9 октября 1973 г. на Чокпаке, была определена как болотная камышевка (Гаврилов, Гисцов, 1985), и та же участь постигла первую добытую в Чиназе В.Ф. Руссовым (Pleske, 1888), которую впоследствии правильно переопределил T. Pleske (1889).

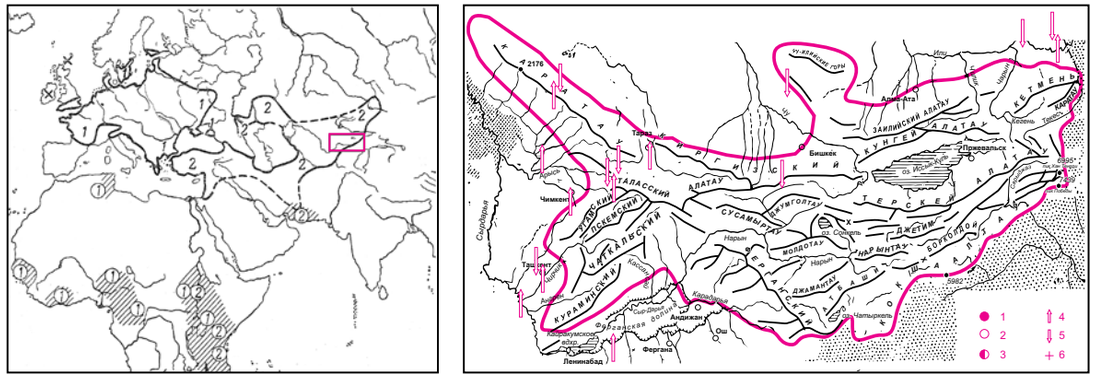

Рис. 378. Ареал тростниковой камышевки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 281
Рис. 379. Распространение тростниковой камышевки в Тянь-Шане: 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Эти примеры лишний раз свидетельствуют о сложности видовой идентификации камышевок и необходимости её подтверждения.

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в апреле – мае. В Ферганской долине у ст. Мельниково их добывали 18 и 10 апреля (Loudon, 1910). Под Ташкентом Н.А. Зарудный наблюдал начало пролёта между 7 и 18 апреля, в 1909 г. – 28 марта, а в 1907 г. – даже 15 марта; заканчивается пролёт между 10 мая и 2 июня (Ковшарь, 1972; Мекленбурцев, 1995). Под Чимкентом их добывали 13-28 мая 1917 г., а под Таразом – 20 мая 1917 г. На оз. Кызылколь (Каратау) одиночку отловили 16 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002).

Осенью у Джаркента начало пролёта отмечено уже 17 августа 1907 г., а 29 сентября 1907 г. самец добыт у Борохудзира на Или (колл. Мензбира; Шнитников, 1949). В системе Западного Каракола пролётная добыта В. Чернавиным 15 августа 1903 г. (Шнитников, 1949, с. 499), а на озере Кызылколь (Каратау) – 15 сентября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). На Чокпаке осенью окольцевали четырёх тростниковых камышевок: 9 октября 1973, 3 сентября 1997, 1 октября 2000 и 7 сентября 2005 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017), а немного западнее в предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) одну добыл В.В. Шевченко 8 октября 1948 г. (Ковшарь, 1966). В окрестностях Ташкента, по многолетним наблюдениям Н.А. Зарудного в начале XX в., тростниковая камышевка обычна на пролёте со второй половины августа; последних здесь отмечали в ноябре, а в 1906 г. – даже 5-7 декабря (Ковшарь, 1972).

335. Туркестанская камышевка – *Acrocephalus stentoreus* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Clamorous reed warbler, southern [Egyptian] great reed warbler (англ.), Steintorrohrsänger (нем.), rousserolle turdoïde d'Egypte (фр.), ақбауыр айқабақ (каз.), туркестан камышчы (кирг.), туркистон тўқайчумчуғи (узб.)

Синонимы: *Agrobates brunnescens* Jerdon, 1839. Иранская дроздовидная (Птушенко, 1954); южная дроздовидная (Иванов, 1969); голосистая камышевка (Архипов, Коблик и др., 2018).

Подвид. В нашем районе обитает *Acrocephalus stentoreus brunnescens* Jerdon, 1839.

Систематические замечания. «Начиная с IV тома сводки-определителя «Птицы СССР» (Бутурлин и Дементьев, 1937), во всех отечественных орнитологических работах туркестанская камышевка приводилась как подвид дроздовидной – *A. a. brunnescens*. Однако резкое различие в форме крыла (у туркестанской камышевки оно более тупое, второе маховое короче пятого, а иногда и шестого) а также тот факт, что на значительном пространстве, в частности, в долине Сырдарьи, она живёт в одних местах с *A. a. zarudnyi*, не давая ни помесей, ни особей с переходными признаками, позволяет считать туркестанскую камышевку самостоятельным видом. В видовом статусе она приводится в «Определитель птиц СССР» (Гладков, Дементьев, Птушенко, Судиловская, 1964) в ряде региональных сводок по птицам Средней Азии (Иванов, 1969; Захидов и Мекленбурцев, 1969), а также в новейшем систематическом списке птиц Советского Союза (Степанян, 1970» (Ковшарь, 1972, с. 88). За 47

лет с того времени список точек совместного обитания этих видов увеличился многократно, а видовой статус *A. stentoreus* уже не вызывает сомнений.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует на севере Индии.

Биотоп. Заросли тростника по берегам водоёмов, в горных долинах – до 1600 м. В Алайской долине встречена у Дарауткургана (2500 м), а в Гималаях поднимается до 3000 м (Иванов, 1969).

Распространение. Гнездясь от Иранского нагорья до западных Гималаев, туркестанская камышевка населяет южные районы Средней Азии, включая Памиро-Алай и подходящие по биотопу южные и западные части Тянь-Шаня (рис. 380). «С северной окраины Памиро-Алая достоверно известны гнездящиеся птицы только из долины Сырдарьи (ст. Мельниково, Ленинабад), долины р. Санзар и с северной окраины хр. Нуратау (оз. Баляндишак)… Возможно, что она проникает и в западную часть Алайской долины, так как Кочубей добыл молодую камышевку в Дарауткургане 5 августа, что слишком рано для пролёта» (Иванов, 1969, с. 298). Эти данные дополняют сведения о гнездовании туркестанской камышевки в разных местах Ферганской долины – от Чиназа и Кайраккумского вдхр. на западе до Зардаля на Алайском хребте, полученные при переопределении сборов старых авторов (Pleske, 1988; Даль, 1936, 1941) и использовании забытых работ (Stolzmann, 1897), в 3-м томе сводки «Птицы Узбекистана» (Мекленбурцев, 1995). В сводке «Птицы Киргизии» (1960) этот вид вообще не упоминается, и все сообщаемые сведения относятся к *Acrocephalus arundinaceus zarudnyi* Hartert. Более подробно описано распространение вида для казахстанской части Тянь-Шаня: «В Казахстане туркестанская камышевка гнездится только в самых южных районах Западного Тянь-Шаня и в долине Сырдарьи. Она многочисленна по Келесу у Аббас-Базара, откуда имеются детальные наблюдения Н.А. Зарудного, обследовавшего около 20 гнёзд этого вида. Добыта в июне 1954 г. в Пахта-Арале, на левобережье Сырдарьи у границы Казахстана. Весьма многочисленна в густых зарослях тростника в низовьях Пскема, встречена в отрогах Чаткальского хребта, в гнездовое время у Аксак-аты и в Главасае (Корелов, 1956). Неоднократно добывалась летом в окрестностях Чимкента, на реках Бадам, Аксу, Машат. В тростниках по Бадаму обычна. Видимо, гнездилась раньше в предгорьях северных склонов Таласского Алатау, у границ заповедника Аксу-Джабаглы (Шевченко, 1948)… Найдена летом на речках юго-западного склона Каратау – Боролдай, Кашкарата, Бугунь. В долине Боролдая в июне 1926 г. Л.В. Шапошниковым обнаружена «большая колония в камышах озера близ посёлка Алексеевка» (надпись на этикетке самца от 13.6.1926, хранящегося в коллекции МГУ), но в 1958 г. М.Н. Корелов не нашёл здесь ни этой камышевки, ни зарослей тростника. Н.А. Северцовым 18 июня добыт самец в урочище Мынбулак близ Джамбула (коллекция ЗИН АН СССР), впоследствии два самца добыты здесь 20 мая 1917 г. Кудашевым» (Ковшарь, 1972, с. 88). В верховьях долины Арыси гнездится и сейчас. В соответствии с перечисленными данными участок северной границы ареала вида в этой работе был проведен от дельты Сырдарьи по восточным предгорьям Каратау, через Бийликоль и низовья Таласа. Позднее она найдена в низовьях Сарысу (Хроков и др., 1991) и на юго-западе Бетпак-Далы (Левин, Белялов, 1988). Восточнее граница проходит через Чу-Илийские горы и вдоль реки Или, по крайней мере, до устья Чарына, где одну встретили 5 июня 2003 г. (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003). В районе Джаркента на правом берегу Или обычна на гнездовании *Acrocephalus arundinaceus zarudnyi* (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929): в первой из этих работ упоминаются два экземпляра, добытые 4 и 9 мая 1900 г.; во второй описаны 4 гнезда с кладками, найденные в мае-июне 1918 г. также в окрестностях Джаркента.

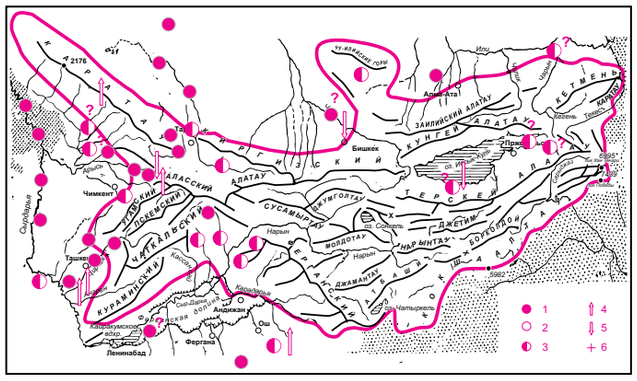

Рис. 380. Распространение туркестанской камышевки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Заслуживают внимания факты гнездования туркестанских камышевок в Чуйской долине, где в 1962 и 1993 гг. найдено три гнезда (Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995). И хотя в обеих работах сказано, что они принадлежали *A. arundinaceus zarudnyi,* это вполне могли быть гнёзда *A. stentoreus*. На Сорбулаке: «Начиная с 1981 г., гнездилась наряду с дроздовидной камышевкой (Панов, 1989; Лопатин и др., 1993). Встречались птицы гибридного происхождения… В 1983 г., по наблюдениям А. Пукаса, соотношение фенотипов в местной популяции, распределялось следующим

образом – на 75 экземпляров *A. arundinaceus*, приходилось 17 *A. stentoreus* и 8 птиц гибридогенного происхождения (Панов, 1989). Начиная с 2000 г. [*A. arundinaceus – AK*] стала немногочисленной, и поющие самцы регистрируются только в 4-5 местах, где есть большие массивы тростниковых зарослей… В период наших наблюдений [после 2000 г. – *AK*] *A. stentoreus* не встречена» (Белялов, Карпов, 2013, с. 102).

Для внутренних районов Тянь-Шаня на гнездовании в Иссык-Кульской котловине, по среднему Нарыну и на озерках у Арсланбоба (Ферганский хребет) указана также *A. arundinaceus zarudnyi* (Кашкаров, 1934; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960), что не мешало бы проверить, как и указание на гнездование в Сарычелеке (Лебяжинская, 1991), тем более, что летом 2017 г. в этих местах встречали именно *A. stentoreus*: «Более 15 поющих самцов отмечены в тростниках реки Карасу после спуска с перевала Кок-Бель 21 июня. Двух поющих самцов слышали в пойме реки Афлатун у посёлка Кара-Джигач 22 июня. Не менее пяти поющих самцов слышали в пойме реки Талас у села Ключёвка 26 июня» (Архипов, Коблик и др., 2018, с. 92); тогда как *A. arundinaceus* за эту поездку встретили только раз – 19 июня на южном берегу Иссык-Куля (там же, с. 92). А в зарослях тростника у пруда близ посёлка Арсланбоб поющего самца видели 3 июля 2015 г. (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. Немногочисленна, хотя местами бывает обычна (см. выше). Изменения численности опубликованы для северных подножий М. Каратау: «Остаётся неизвестным, как складывалась ситуация с ещё одной парой фоновых видов, обитателей тростниковых зарослей – дроздовидной (*A. arundinaceus*) и туркестанской (*A. stentoreus*) камышевками. В настоящее время многочисленные популяции обоих видов сосредоточены на Бийликоле, на небольшом естественном озерке Дарбаза, на Тасколе и в нескольких километрах к востоку от него на озере Акколь… На Бийликоле Д.Н. Кашкаров (1928) добыл только один экземпляр дроздовидной камышевки и отметил этот вид как ландшафтный в полосе кустарниковых зарослей вокруг озера. Во время наших посещений этого озера [1996-2003 гг. – *AK*] было отмечено обитание здесь обоих видов, причём со значительным доминированием туркестанских камышевок. По всей видимости, здесь также произошло вытеснение (или замещение) одного вида камышевок другим» (Колбинцев, 2004, с. 103). В верховьях Арыси, в камышовых зарослях у речки, 15 мая 2008 г. пели 11 самцов, а 27 июня – два самца (Чаликова, 2009: КОБ-2008). На озере Тасколь (М. Каратау) на пролёте в мае и сентябре 2003 г. окольцевали 123 туркестанских и 24 дроздовидных камышевки (А. Гаврилов, Колбинцев, 2004: КОБ-2003).

Сроки. Даты. Весенний пролёт в апреле-мае. Под Чиназом В. Руссов добывал её между 25 апреля и 12 мая (Pleske, 1888). Под Ташкентом Н.А. Зарудный добывал их с 25 апреля по 25 мая (колл. САГУ), но в своей рукописи он упоминает и более ранние встречи, с 15 по 29 апреля (Ковшарь, 1972). На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. с 2 по 19 мая (2002, 2001) отловили 13 туркестанских камышевок (А. Гаврилов и др., 2017). На р. Машат (долина Арыси) поющего самца отметили 21 апреля 2005 г. (Чаликова, 2009). На озере Кызылколь (Каратау) двух отловили 16 мая 2000 г. (Коваленко и др, 2002). Данных об осеннем пролёте ещё меньше. На Чокпаке 30 августа 2005 г. окольцевали 2 особи (А. Гаврилов и др., 2017). Под Ташкентом пролетает в августе – первой половине сентября, в неопубликованной рукописи Н.А. Зарудного, последних здесь видели 20-30 сентября, а в 1908 г. – даже 12 октября (Ковшарь, 1972). «Особый интерес представляют две встречи туркестанских камышевок осенью гораздо восточнее границы ареала вида. Об одном экземпляре, добытом экспедицией Мерцбахера 26 сентября 1907 г. в Барскоунском ущелье (южный берег оз. Иссык-Куль), сообщает Лаубманн; вторая птица добыта в окрестностях Фрунзе 10 сентября 1925 г. (Шнитников, 1949). Оба они, видимо, залетели случайно в период миграции» (Ковшарь, 1972, с. 91).

Биология. Первые достоверные сведения по биологии туркестанской камышевки в нашем районе принадлежат Н.А. Зарудному, который в начале XX ст. проводил исследования в долине Келеса севернее Ташкента; краткое изложение результатов его наблюдений приведено в очерке 4 тома «Птицы Казахстана» (Ковшарь, 1972, с. 90-91). Дополнительные данные содержатся в статье о птицах населённых пунктов юго-западного Таджикистана (Ахмедов, 1957). Кроме того, в городе Ташкенте в 1977 и 1978 гг. пара гнездилась на берегу р. Салар на территории парка имени Тельмана в куртинке тростника площадью всего 12-15 м^2; ни большое количество людей, ни шум вокруг не помешали ей выкормить птенцов (Мекленбурцев, 1982). Возможно, к этому виду относятся также некоторые упоминания в литературе о гнёздах дроздовидной камышевки (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995; Губин, Карпов, 1999: Торопова, 1999). Очень желательно провести сравнительное исследование этих двух видов в нашем районе.

336. Дроздовидная камышевка – *Acrocephalus arundinaceus* (Linnaeus, 1758)

great reed warbler (англ.), Drosselrohrsänger (нем.), rousserolle turdoïde (фр.),
шырылдауыкқ айқабақ (каз.), таркылдак сымал камышчы (кирг.), қораялоқсимон тўқайчумчуқ (узб.)

Синонимы: *Turdus minor* Pallas, 1764; *T. junco* Pallas, 1764; *Acrocephalus lacustris* Naumann, 1811; *Sylvia turdoides* Meyer, 1815; *Calamoherpe stagnatilis* Brehm, 1831; *Sylvia turdina* Gloger, 1842; *Calamodyta media* Malm, 1851; *Calamoherpe major* Brehm, 1855; *A. arabicus* Heuglin, 1869; *A. fulvolateralis* Sharpe, 1877. Камышевый дрозд (Шнитников, 1949).

Подвид. В Тянь-Шане встречается *Acrocephalus arundinaceus zarudnyi* Hartert, 1907, которая «гнездится на большей части равнинного Казахстана к югу до северного побережья Каспия, низовий Сырдарьи (от дельты до Чиили), оз. Чушкаколь (120 км западнее Шымкента) и сточного водоёма Сорбулак около Алматы. Южнее встречается на пролёте» (Гаврилов, 1999, с. 119). Сведение этого подвида в синонимы номинативного, как это сделал Л.С. Степанян (2003, с. 498), на мой взгляд, не обосновано. Однажды, 12 октября 1907 г., у Ташкента добыли залётную особь восточного подвида *A. a. orientalis* Temminck et Schlegel, 1847 (Зарудный, 1910).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке и на юге Азии.

Биотоп. Тростниковые заросли по берегам водоёмов, даже совсем небольшие по площади.

Распространение. В нашем районе выяснено очень плохо. И главная причина – невозможность надёжно отличить в поле дроздовидную камышевку от туркестанской, с которой она встречается южнее 44°с.ш. Именно на этой широте (или на полградуса южнее) находятся известные места гнездования данного вида у восточной границы нашего района – на правобережье р. Или близ Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929) и на западной – у с. Чиили на Сырдарье (Зарудный, 1916; Спангенберг, 1941). Лишь немного южнее крупные камышевки («*arundinaceus*» – «*stentoreus*») гнездятся на озёрах Кызылколь и Бийликоль (северные предгорья Каратау), Тасколь (Малый Каратау), в верховьях Арыси, в Чуйской долине ниже Бишкека, в долине Копы и на водоёме Сорбулак (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Ковшарь, 1972; Ерохов, 1986; Лопатин и др., 1993; Торопова, Командиров, 1995; Губин, Карпов, 1999; Ковшарь, Березовиков, 1999; Торопова, 1999; Гаврилов, Колбинцев, 2004; Белялов, Карпов, 2013), однако только для Кызылколя, Тасколя и Сорбулака имеются точные видовые определения и установлено совместное гнездование обоих видов (Лопатин и др., 1993; Гаврилов, Колбинцев, 2004). В остальных случаях видовая принадлежность гнездящихся птиц не доказана. Ещё хуже обстоит дело с летними встречами «дроздовидных» камышевок во внутренних районах Тянь-Шаня: для 5 из 7 точек, включая восток Иссык-Кульской котловины, северо-запад Ферганского хребта и Сарычелек (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Лебяжинская, 1991) нет уверенности, что были встречены именно дроздовидные камышевки, а не туркестанские. И только поющие самцы, встреченные на мысе Акбулун (южный берег Иссык-Куля) 26 июня 2016 г. и 19 июня 2017 г. (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018), принадлежали именно этому виду – *A. arundinaceus*. Таким образом, надёжных доказательств гнездования дроздовидной камышевки в горах Тянь-Шаня пока не имеется, для получения их необходимы специальные исследования. Нет таких доказательств и для юго-западной, узбекистанской окраины Тянь-Шаня (Мекленбурцев, 1995), а на Памиро-Алае дроздовидная камышевка – только «бывает на пролёте» (Иванов, 1969, с. 298).

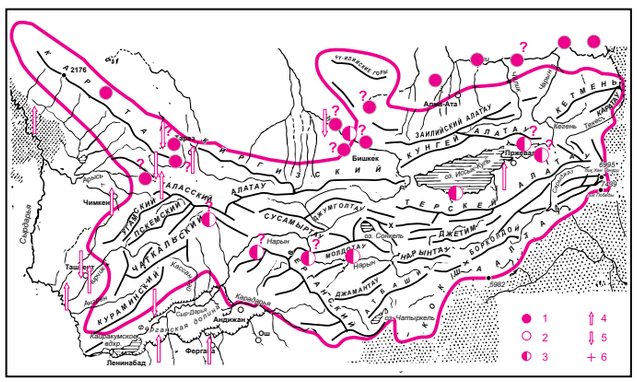

Рис. 381. Распространение дроздовидной камышевки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи (знак вопроса – сомнение в точности видового определения), 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Численность. Данных нет по той же причине – невозможность визуального видового определения. В долине Копы в 1987 г. мы наблюдали до 5 поющих самцов на участке размером 300х300 м

на прудах между речкой Копа и Таргапом (Ковшарь, Березовиков, 1999). Только во время отловов для кольцевания получены конкретные цифры: на озере Тасколь (М. Каратау) в 2003 г. среди отловленных 741 птицы 36 видов оказались 24 дроздовидных и 125 туркестанских камышевок (Гаврилов, Колбинцев, 2004). На Сорбулаке в 1983 г. на 75 отловленных экземпляров дроздовидных камышевок пришлось 14 туркестанских и 8 птиц гибридогенного происхождения (Панов, 1989).

Сроки. Даты. Весной появляются в апреле. У Чиназа добыты 18 и 23 апреля (Pleske, 1888), близ Коканда в Ферганской долине – 12 апреля (Stolzmann, 1897), близ г. Фергана – 19 апреля, под Ташкентом – 15 апреля, 1 и 10 мая (Мекленбурцев, 1995). У Чимкента Н.А. Северцов добыл самца 23 апреля, а около Джамбула (Тараз) также самец добыт 30 апреля 1917 г. (Ковшарь, 1972). На Чокпаке мы добыли пролётную одиночку 13 мая 1968 г., а в весенние сезоны 1982-2016 гг. с 6 мая (1985) по 15 мая (2005) здесь отловили 4 дроздовидных камышевки (А. Гаврилов и др., 2017). На местах гнездования на Бийликоле первые песни отметили 3 мая 1991 г. и 24 апреля 1992 г., а 19 мая 1992 г. наблюдали уже строительство гнёзд (Губин, Карпов, 1999). В Чуйской долине в раннюю весну 1958 г. камышевки прилетели 18 апреля, в 1957 г. – 5 мая, в 1955 г. – 7-8 мая, а 13-15 мая «наблюдался их массовый пролёт» (Птицы Киргизии, 1960); строительство гнёзд отметили здесь уже 15 мая 1962 г. (Умрихина, 1970). На Иссык-Куле в 1956 г. первые камышевки появились 23 апреля, в начале мая их стало много (Птицы Киргизии, 1960). В Карачингиле (устье Тургени) первые песни дроздовидных камышевок в 2005-2011 гг. слышали 21 апреля – 4 мая (Бевза, 2012). Восточнее, у Джаркента, первое пение в 1918 г. слышали 29 апреля (Шестопёров, 1929), а в низовьях реки Или – 25 апреля 1934 г. (И.А. Долгушин, по: Шнитников, 1949).

Осенью малозаметный пролёт идёт с августа по октябрь. Для долины Чу есть описание очень раннего пролёта: «уже 15-16 июля 1958 г. в тростниках у с. Камышановки наблюдались стаи или скопления до 20 птиц. На озерке «Паньково» вблизи с. Камышановки 26 июля было 5 стай из 10-12 и до 20 птиц, а в конце июля обычно встречались скопления до 30 птиц и более. Пролёт здесь закончился в середине августа; 10 августа дроздовидных камышевок стало заметно меньше, лишь кое-где в тростниках встречались одиночные» (Птицы, Киргизии, 1960, с. 193). Однако в низовьях этой реки самец дроздовидной камышевки добыт ещё 4 сентября 1948 г., а на озере Бийликоль – даже 11 октября 1957 г. (Ковшарь, 1972). На Чокпаке добыта 24 августа 1969 г. и 26 августа 1973 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 30 августа (2005) по 30 сентября (1986) поймано и окольцовано 3 особи (А. Гаврилов и др., 2017). В окрестностях Ташкента, по многолетним наблюдениям, пролёт начинается 10-14 августа, а заканчивается 19-30 сентября; залётная особь восточного подвида (см. выше) добыта 12 октября 1907 г. (Зарудный, 1910).

Биология. В нашем районе специально не изучалась. Сведения о 4 гнёздах имеются по району Джаркента (Шестоперов, 1929), в более поздних работах возможны ошибки в определении вида птицы (см. текст предыдущего очерка). Очень желательно провести сравнительное изучение биологии этих двух видов.

337. Северная бормотушка – *Iduna [Hippolais] caligata* (M.H.C. Lichtenstein, 1823)

Booted warbler (англ.), Buschspötter (нем.), hypolaïs russe (фр.),
міңгірлек (каз.), кыймыт (кирг.), шимол кургалаги (узб.)

Синонимы: *Sylvia scita* Eversmann, 1842; *Salicaria scitopsis* Severtzov, 1873; *S. concolor* Severtzov, 1873; *Iduna platyura* Severtzov, 1879. Бормотушка (Шнитников, 1949; Птушенко, 1954; Портенко, 1960, Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969). Малая бормотушка (Корелов, 1962).

Подвид. Из 2 подвидов в Тянь-Шане один – *Iduna* [*Hippolais*] *caligata annectens* Sushkin, 1925. Очень длительное время в русских фаунистических сводках и определителях (Дементьев, 1937; Шнитников, 1949: Птушенко, 1954; Портенко, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Корелов, 1972) *Hippolais caligata* и *H. rama* считались подвидами вида с русским названием «бормотушка» (*Hippolais caligata*). Соответственно и в фаунистических статьях того периода все сведения по ним накапливались под этим именем.

Характер пребывания. Редкая пролётная птица, зимующая в Индии (рис. 382).

Биотоп. Населяет кустарники открытых биотопов. В степной зоне поселяется в кустарниках понижений, в бурьянах и полынниках, но особенно характерна для зарослей таволги, караганы и спиреи. Важная деталь: «Малая бормотушка – типичный равнинник. В восточной части ареала, у отрогов Тянь-Шаня, Джунгарского Алатау и Тарбагатая, она исчезает, как только рельеф приобретает черты горной местности, и лишь в отдельных случаях проникает в нижние части широких саёв и долин» (Корелов, 1972, с. 71).

Распространение. Выяснено недостаточно, а с учётом сказанного выше о длительном пребывании в составе одного вида вместе с *H. rama*, в описании границ ареалов этих двух видов-подвидов (см. рис. 382) немало неточностей. Так, в «Конспекте орнитологической фауны…» сказано, что *H. caligata annectens* гнездится к югу до среднего и верхнего течения р. Или (Степанян, 2003, с. 502), тогда как в списке птиц Казахстана более правильно южные пределы гнездования этого вида ограничиваются Тарбагатаем и Алакольской котловиной (Гаврилов, 1999, с. 119). В пределах нашего района все достоверные встречи северной бормотушки известны только из предгорий Западного Тянь-Шаня, указание же о гнездовании в долине Или и в низких горах Сюгаты и Богуты (Корелов, 1948), несомненно, относится к следующему виду (*H. rama*), к которому относятся также все сведения, опубликованные в сводках «Птицы Семиречья» (1949) и «Птицы Киргизии» (том 2, 1960). Утверждение, что бормотушка гнездится в высокогорье Центрального Тянь-Шаня (Кыдыралиев, 1961), – просто ошибка, так как в этих условиях не может гнездиться ни один из названных видов (подвидов), и не случайно за следующие полвека никто из орнитологов бормотушек здесь не встречал. В предгорьях Западного Тянь-Шаня северная бормотушка редка даже на пролёте, и единственную встречу её в конце лета в Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) можно объяснить лишь очень ранним началом кочёвок. Привожу это наблюдение полностью: «*Hippolais caligata caligata.* Бормотушка наблюдалась мной лишь в конце лета исключительно в предгорных степях и в очень малом количестве, вследствие чего гнездование вида для высокой предгорной степи следует рассматривать проблематичным. 23 июля 1933 г. в районе между Ново-Николаевкой и подъёмом на Майликентский перевал я заметил 2-х бормотушек, из которых одну (самку) удалось добыть. Птицы беспокойно перелетали по мелким балкам с низкой кустарниковой растительностью и по своему поведению производили впечатление скорее бродячих, чем гнездящихся. Добытый экземпляр оказался в летнем обношенном пере с угасшим яичником. В 1935 г. один молодой экземпляр был добыт 23 августа в окрестностях с. Высокого» (Шульпин, 1961, с. 153). К этому могу добавить, что за 7 лет работы в этом заповеднике (1959-1966) я ни разу не встречал здесь бормотушек, как и работавшие здесь в 1971-2000 гг. орнитологи Б.М. Губин, А.А. Иващенко, В.Г. Колбинцев, Е.С. Чаликова и другие.

Косвенным подтверждением очень раннего начала кочёвок у этого вида могут служить наблюдения на Памиро-Алае: «Осенний пролёт идёт, видимо, очень рано, так как Грум-Гржимайло добыл эту бормотушку в западной части Гиссарского хребта у пер. Лангаримардан уже 9 августа, а Руссов на оз. Искандеркуль – 20 августа. 9 августа она добыта на Памире на оз. Каракуль (Тугаринов, 1928)» (Иванов, 1969, с. 297). Рано пролетают они и близ Ташкента, где Н.А. Зарудный добывал их с 31 июля по 31 августа, а последняя встреча здесь – 6 сентября, хотя это могла уже быть и *H. rama* (Мекленбурцев, 1995). Этот же автор, с присущей

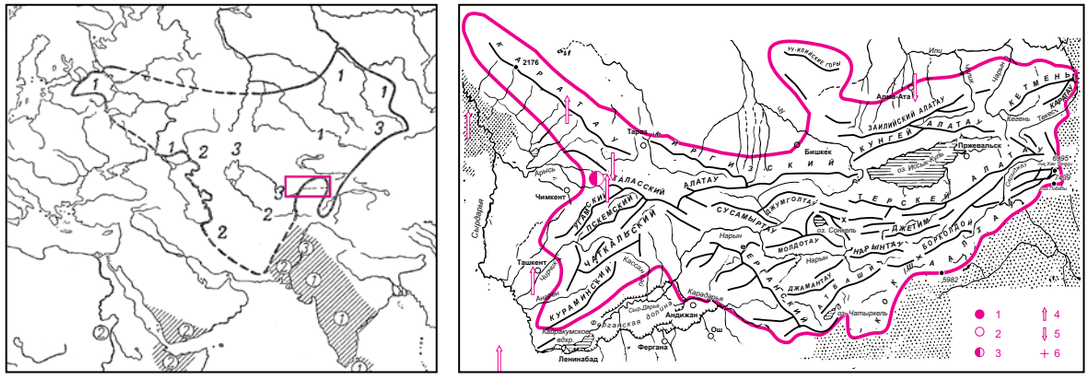

Рис. 382. Совместный ареал северной (1, 3) и южной (2) бормотушек. По: Птушенко. 1954, с. 320
Рис. 283. Распространение северной бормотушки в Тянь-Шане: 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт весной и осенью

ему осторожностью, так пишет о сроках начала пролёта намного южнее нашего района: «На основании этих данных можно допустить, что бормотушки, добытые нами 30 и 31 июля на Кашкадарье и условно названные *H. c. annectens*, принадлежали к северному виду и являлись ранними мигрантами» (Мекленбурцев, 1995, с. 224).

Весной пролетают в мае. На Чокпаке одну добыли 8 мая 1971 г., а двух отловили 1 мая 1984 г. и 17 мая 1992 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) 4-х северных бормотушек отловили 15-17 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). Осенью мигрирует предгорьями. Недалеко от Алматы, в окрестностях Бутаковки, сфотографирована В. Муравским 3 августа 2015 г. (www.birds.kz; В. Ковшарь, 2015). На Чокпаке в 1966-1981 гг. отмечена 29 августа – 16 сентября 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 17 августа (2003) по 20 сентября (2004) окольцевали 22 бормотушки, срединная дата осеннего пролёта – 7 сентября (А. Гаврилов и др., 2017).

338. Южная бормотушка – *Iduna [Hippolais] rama* [*caligata*] (Sykes, 1832)

Sykes' warbler (англ.), Indien Buschspötter (нем.), hypolaïs de Sykes (фр.),
үлкен міңгірлек (каз.), чон кыймыт (кирг.), жануб кургалаги (узб.)

Синонимы: *Salicaria modesta* Severtzov, 1873; *S. obsoleta* Severtzov, 1873; *S. brevipennis* Severtzov, 1873; *S. microptera* Severtzov, 1873; *Hippolais enigmatica* Zarudny, 1915. Подвидов не образует.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимующая в Пакистане и Африке (рис. 282).

Биотоп. Кустарники в пустыне и полупустыне, нередко – саксаульники (Зарудный, 1915), в которых она гнездится и на песчаных участках в Фергане (Мальчевский, 1940); поселяется также в тугаях, состоящих из лоха, туранги, чингила, тамариска (Гладков, 1932). В низких Чу-Илийских горах и Жусандале гнездится по безводным каменистым руслам рек в зарослях курчавки, тамариска; в отличие от *H. caligata*, населяющей густые травостои, *H. rama* здесь – типичная кустарниковая птица, гнёзда её находили на терескене, жузгуне, курчавке (Березовиков и др., 1999). На Памиро-Алае поселяется в кишлачных садах, тугаях и в зарослях высокой травы поблизости от водоёмов; не выше 700-800 м, но на пролёте встречена даже в восточной части Алайской долины, у Иркештама (2600 м), а также на Памире, на р. Аличур и оз. Каракуль (Иванов, 1969). Во внутренних районах Тянь-Шаня 14-24 июля 1953 г. южных бормотушек добывали в пойме Нарына и Атбаши (2000 м), а также «в солончаковой пустыне в котловине оз. Чатыркуль» (3500 м); Н.А. Северцов добывал их летом в окрестностях Пржевальска и в Боомском ущелье (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Тянь-Шань находится на восточной границе ареала *H. rama*, протянувшегося от каспийского побережья, юга Ирана и Пакистана до Бетпак-Далы и Мугоджар на севере; северных предгорий Тянь-Шаня, котловины озера Иссык-Куль, долин Нарына и Атбаши во Внутреннем Тянь-Шане, Ферганской долины и западной части бассейна Тарима (Степанян, 2003, с. 502). У южной границы Тянь-Шаня редок: «Среднеазиатская форма бормотушки [*H. rama – AK*] гнездится лишь в окраинных низинных частях Памиро-Алая, в горах же изредка встречается на пролёте. С севера страны мне известны всего три экземпляра, два добыты в Центральной Фергане у кишл. Дивона и один в предгорьях Туркестанского хребта у кишл. Баляндчакыр (колл. ТашГУ)» (Иванов, 1969, с. 297). В более поздней сводке «Птицы Узбекистана» распространение южной бормотушки на этой окраине Тянь-Шаня детализировано следующим образом: «В долине Сырдарьи между устьем Ангрена и хребтом Моголтау *H. rama*, по нашим наблюдениям, не представляет редкости

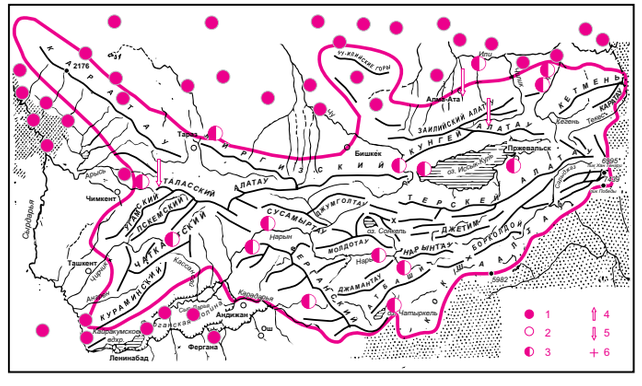

Рис. 384. Распространение южной бормотушки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 5 – пролёт осенью

в подходящих для неё условиях. Выше по течению реки в Ферганской долине она служит одним из характерных представителей «зоны пустыни» (Мальчевский, 1940). По нашим наблюдениям, изобилует у впадения Сырдарьи в Кайраккумское водохранилище. По данным М. Шарипова (1972-1974), один из фоновых видов городских древесных насаждений Ферганской долины» (Мекленбурцев, 1995, с. 226). Нигде в горы (Туркестанский, Алайский хребты) она здесь не поднимается.

Распространение вдоль северных границ Тянь-Шаня (рис. 384) детально описано в видовом очерке сводки «Птицы Казахстана»: «Обычна… по подножиям Каратау, но в самом Каратау нигде не найдена и не гнездится. Мы не располагаем данными о распространении её между Арысью и Келесом. В долине Чу это обычная гнездящаяся птица, проникает и в Муюнкумы. Местами селится в логах южных предгорий Чу-Илийских гор, найдена мной в 1951 г. у Кентау, но в горы не проникает» (Корелов, 1972, с. 70). И далее к востоку, уже в пределах долины реки Или: «По долинам рек поднимается до предгорий, причём численность её постепенно снижается, и в предгорьях она распределяется уже спорадично. Так, по Или выше Капчагая встречаются лишь отдельные пары; нами найдена на гнездовье в низовьях Чилика, в тугаях русла Каракульдек (западнее Чарына) и выше – в Б. Богутах со стороны Сюгатинской долины (1100-1150 м), но гнездование в этом месте не установлено. По правобережной стороне найдена нами в тугаях на Усеке и у озера юго-восточнее Панфилова [Джаркент – *АК*]» (там же, с. 70). К этому можно добавить, что по более поздним наблюдениям, южная бормотушка гнездится в районе озера Кызылколь (северные предгорья Каратау), в долине Копы и на северном шлейфе Чу-Илийских гор (каменистые русла речек Копалысай, Жынгельды и др.), в районе Сорбулака (Ковшарь, Березовиков, 1999; Березовиков и др., 1999; Коваленко и др., 2002; Белялов, Карпов, 2013). Кроме того, в конце мая поющие самцы встречены в каньоне р. Машат (долина Арыси), в Карачингиле (устье Тургени) и в Сюгатинской долине – в предгорьях Б. Богуты и Турайгыр (Коваленко, 2005: КОБ-2004; Чаликова, 2009; Бевза, 2012). Для внутренних районов Тянь-Шаня доказательств гнездования южной бормотушки нет, есть только указания на встречи в конце лета: «В Киргизии мы находили бормотушек в поймах Нарына (около Куланака) и Ат-Баши, а также в солончаковой пустыне в котловине оз. Чатыр-Куль. Все семь наших экземпляров добыты с 14 по 24 июля 1953 г. В другие годы и в других районах бормотушки почему-то не попадались. В коллекции Н.А. Северцова (Зоологический музей АН СССР) есть летние экземпляры из окрестностей Пржевальска и Боомского ущелья (Иссык-Кульская котловина). Д.Н. Кашкаров находил их летом на юго-западе республики около Арсланбоба» (Птицы Киргизии, 1960, с. 198). Более поздних сведений из этих мест не имеется. Только в двух из 7 маршрутных экспедиций 1998-2006 гг., также в конце лета, нам удалось несколько раз наблюдать (но не добыть!) одиночных бормотушек: 28 июля 1998 г. в долине Чаткала и несколько особей в каньоне р. Ирсу близ западных границ заповедника Аксу-Джабаглы; 20 июля 2003 г. в национальном парке Кара-Шоро (Узгенский хребет у подножия южного склона Ферганского хребта) и 1 августа 2003 г. на западном берегу Иссык-Куля, у Рыбачьего; 16 июля 2004 г. – на северном берегу Токтогульского вдхр. около с. Старый Токтогул (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). По всей вероятности, всё это были уже ранние кочующие особи (как и у северной бормотушки). Не гнездится *H. rama* и в Западном Тянь-Шане (рис. 384), а упоминание о встрече 13-25 августа 2002 г. на учётах в горах Чаткальского заповедника (Башкызылсайский участок, 1800-2200 м) 66 особей *H. rama* (Митропольский, 2005, табл. 32, с. 82) – какое-то недоразумение, на что уже указывалось (Головцов, 2007).

Численность. В пустынной зоне очень высокая: в долине Сырдарьи южная бормотушка гнездится в «несметном множестве» (Зарудный, 1916), а в низовьях Амударьи А.М. Мамбетжумаев (1993) проводил наблюдения за 231 гнездом этого вида. Однако по направлению к предгорьям численность падает, и уже на высоте 500-600 м южная бормотушка становится редкой. В северных предгорьях Чу-Илийских гор найдено 12 гнёзд (Березовиков и др., 1999), в долине Копы мы наблюдали всего две брачные пары (Ковшарь, Березовиков, 1999). Немного их гнездится и в зарослях тамариска на Сорбулаке (Белялов, Карпов, 2013). По краю каньона Машат (крайние западные отрога Таласского Алатау) численность на маршруте составляла 3.3 особи/час (Чаликова, 2009). На Чокпаке осенью 1966-2016 гг. отловили 14 *H. rama* (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Сроки весеннего пролёта не известны. Не исключено, что весной эти бормотушки летят другим путём. Так, в серии из 60 экз. коллекции САГУ нет ни одного, добытого весной у Ташкента, а на Чокпаке их не встречали ни разу за 50 лет. В других местах отмечали уже поющих самцов в середине мая – например, на озере Кызылколь – 15-17 мая 2000 г. поймано 27 особей (Коваленко и др., 2002). В долине Копы прилёт их мы отмечали 17 мая 1987 г. и 9 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке самое раннее появление – 10 мая 2008 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле двух

поющих самцов встретил О.В. Белялов 18 мая 1987 г. (Бевза, 2012). О появлении под Джаркентом *Iduna caligata* (*H. rama* в этой работе не приводится!) 22 мая 1918 г. упоминает Е.Л. Шестопёров (1929). На малозаметность весеннего пролёта, проходящего в мае, обращает внимание и М.Н. Корелов (1972). О раннем начале осенних кочёвок упоминалось выше. На Сорбулаке последняя встреча – 16 августа 2003 г. (Белялов, Карпов, 2013). На р. Или в низовьях Чилика в 1939 г. заметный пролёт шёл в августе, в Таучилике, у Актаса (выше 2000 м) добыт экземпляр в конце августа (Корелов, 1972). В западной оконечности Киргизского Алатау (Узунбулак) одну добыли уже 21 июля 1957 г. (Корелов, 2007). На Чокпаке в 1966-1981 гг. их отлавливали с 20 августа по 20 сентября, а в 1982-2016 гг. – с 24 августа по 6 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане никем не изучалась. Сведения о 12 гнёздах из северных предгорий Чу-Илийских гор имеются в фаунистической работе «Птицы Таукумов» (Березовиков и др., 1999).

339. Бледная бормотушка – *Iduna [Hippolais] pallida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

olivaceous warbler (англ.), Indien Blaßspötter (нем.), hypolaïs pâle (фр.), әжуан (каз.), катта кургалак (узб.)

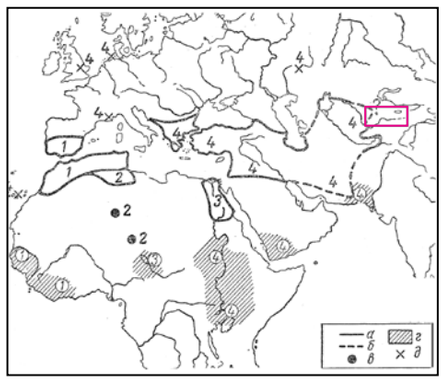
Синонимы: *Salicaria elaeica* Lindermayer, 1843; *Ficedula ambigua* Schlegel, 1844; *Sylvia preglii* Frauenfeld, 1852; *Salicaria tamariceti* Severtzov, 1873; *Hypolais pallido-rama* Seebohm, 1884; *Hippolais pallida turcestanica* Zarudny, 1915. Большая бормотушка (Птушенко, 1954). Бледная пересмешка (Иванов, 1969).

Подвид. Из 5 подвидов в нашем районе один – *Iduna pallida elaeica* Lindermayer, 1843.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Африке и Аравии (рис. 385).

Биотоп. Селится в кронах кустов, не очень густых и не всегда высоких, но в населённых пунктах – в кронах больших деревьев, часто в садах. В поймах рек живёт в не густых зарослях ив, шиповника, таволги, тамариска или по краям их, не выше 1200 м. На пролёте встречается на склонах с редкими кустами.

Распространение. Ареал этого средиземноморско-переднеазиатского вида едва достигает западных хребтов Тянь-Шаня (рис. 385), который расположен за его восточной границей. Ареал подвида *Iduna pallida elaeica* обозначен следующим образом: «Передняя Азия от западного побережья Малой Азии к востоку до юго-восточной части хребта Каратау, хребтов Пскемского, Угамского и Чаткальского (Западный Тянь-Шань), до окраинных хребтов западной части Алайской системы» (Степанян, 2003, с. 502). В Каратау её нашёл ещё Н.А. Северцов (1973), который добыл самца на Бугуни 11 июня (хранится в ЗИН РАН), а по наблюдениям последних лет высказано предположение о гнездовании её в районе озера Кызылколь, где в пойме р. Ушбас 15-17 мая 2000 г. видели много поющих самцов и 4 из них отловили (Коваленко и др., 2002). В мае 1958 г. М.Н. Корелов (2012) отмечал её в разных местах 6 раз в долинах Кашкараты

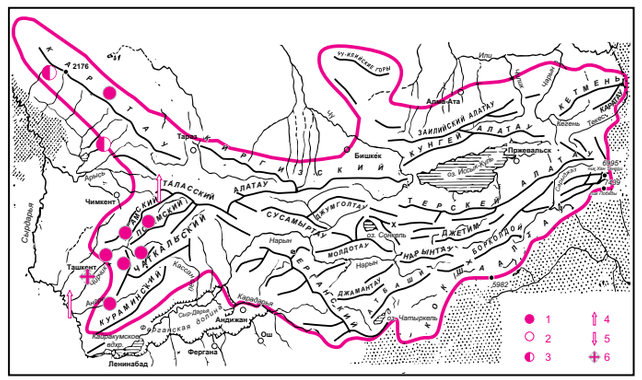

Рис. 385. Ареал бледной бормотушки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 327
Рис. 386. Распространение бледной бормотушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной

и Боролдая. Для южного макросклона Западного Тянь-Шаня распространение бледной бормотушки детализировал О.В. Митропольский (2005): «Бледная бормотушка – гнездящаяся птица широких речных долин и отчасти населённых пунктов в периферийной части хребтов Западного Тянь-Шаня. В долине Пскема отмечена М.Н. Кореловым (1956) в Текянгаке и выше села Нанай, в долине Угама в Кызыл-тале, в долине Аксакаты у устья Нурекаты. Автором найдена в 1976-1977 годах обычной гнездящейся птицей по тамариксовым зарослям в долине Ахангарана выше устья р. Ерташ. В целом выше 1100-1200 м не встречается». В Чаткальском заповеднике гнездится на территории Башкызылсайского участка (Комарова, Шевелёв, 1986; Лановенко, 2002; Белялова и др., 2004; Головцов, 2007). В городе Ташкент эта бормотушка гнездилась, по наблюдениям Р.Н. Мекленбурцева (1982), вплоть до 80-х гг. XX ст., причём видовая принадлежность установлена добытыми экземплярами. По всей вероятности, бледная бормотушка полностью отсутствует в Ферганской долине, где никем не найдена (Иванов, 1969). Указания на встречи одиночек в восточной части нашего района – близ с. Чилик (Анненкова, 2003: КОБ-2002) и в Карачингиле (Бевза, 2012), где экземпляры не добыты, вызывают сомнение в правильности визуального определения[14].

Численность. В пределах нашего района довольно редка, но конкретных данных нет.

Сроки. Даты. У Чиназа в 1878 г. несколько особей добыл В.Ф. Руссов между 27 апреля и 23 мая (Pleske, 1888). На Чокпаке одну окольцевали 8 мая 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017). На осеннем пролёте под Ташкентом бледных бормотушек встречали в августе, сентябре и октябре (Мекленбурцев, 1995).

Биология. В Тянь-Шане и ближайших окрестностях не изучалась. В Западном Копетдаге большое количество гнёзд обследовал Н.А. Зарудный (1896), а интересные наблюдения над размножением этого вида в юго-восточном Прикаспии (низовье Атрека) опубликовал Е.М. Белоусов (1995).

340. Пустынная пересмешка – *Hippolais languida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

upcher's warbler (англ.), Fahlspötter (нем.), hypolaïs d'Upcher (фр.),
әжуан (каз.), чол куудул чымчыгы (кирг.), чўл кургалаги (узб.)

Синонимы: *Hypolais upcheri* Tristram, 1864; *Salicaria magnirostris* Severtzov, 1873; *Acrocephalus sogdianensis* Dresser, 1874. Бледная пересмешка (Птушенко, 1954, с. 316 – опечатка?; Птицы Киргизии, 1960, с. 197). Большая бормотушка (Корелов, 1972; Гаврилов, 1999).

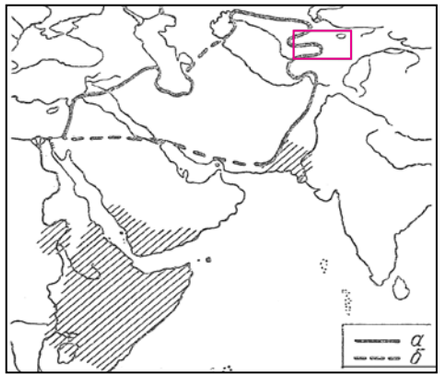
Подвидов не образует (Степанян, 2003), хотя ранее Л.А. Портенко (1960) признавал описанный Н.А. Северцовым подвид *H. l. magnirostris* Severtzov, 1873, а сравнительно недавно (Губин, Карпов, 1994), на основании детального изучения биологии *Hippolais languida* в Каратау высказано мнение о возможно подвидовом уровне различий между горными и пустынными популяциями этого вида. Во всяком случае вопрос этот заслуживает специального изучения систематиками, с учётом биологических сведений.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует на востоке Африки (рис. 387).

Биотоп. Обитатель кустарников, не обязательно густых и высоких. В пустыне это каллигонум и саксаул, в горах – жимолость, шиповник, барбарис, миндаль, фисташка и др. не выше 1800 м. В Каратау, где было найдено 33 гнезда этого вида, характерный биотоп – скалистые склоны с россыпями камней и низким, редко произрастающим кустарником; густых тугайных зарослей эти птицы избегают (Губин, Карпов, 1994).

Распространение. Тянь-Шань расположен на восточной границе ареала этого переднеазиатского пустынного вида (рис. 387), поэтому пустынная пересмешка проникает на его территорию в основном в западной части (рис. 388). Будучи довольно обычной в пустыне Кызылкум, эта птица на правом берегу Сырдарьи проникает в сухой низкий хребет Каратау, что было известно давно (Северцов, 1873; Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Корелов, 1972, 2012), хотя убедительные доказательства гнездования здесь получены лишь совсем недавно (Губин, Карпов, 1994; Корнев, 2016; Губин, Белялов, 2017). На северных склонах и в предгорьях Таласского Алатау пустынная пересмешка отсутствовала

[14] «В связи с этим полезно напомнить, что, встречаясь с этой птицей в природе, Н.А. Зарудный не доверял ни своему опыту, ни остроте своего зрения, хотя, как хорошо известно, обладал удивительной наблюдательностью и птиц знал превосходно» (Корелов, 1972, с. 65). – *АК*

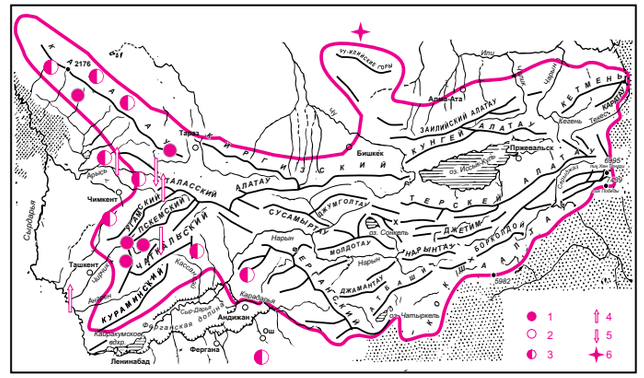

Рис. 387. Ареал пустынной пересмешки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 316
Рис. 388. Распространение пустынной пересмешки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 6 – залёт

до недавнего времени; впервые как редкий пролётный вид она была отмечена 1 и 2 августа 1998 г. в селе Новониколаевка (Жабагылы), где орнитологи работали до этого не один десяток лет (Колбинцев, 1999), и с тех пор её стали встречать в предгорьях западных отрогов Таласского Алатау вдоль верхней части долины Арыси и даже на Казгурте; высказано предположение о единичном гнездовании отдельных пар в районе перевала Боранчи-асу (Чаликова, 2006, 2009, 2013). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня она была найдена на гнездовье у Бричмуллы и Наная ещё в начале XX ст. Н.А. Зарудным, считавшим её здесь на гнездовании обычной, а в Чиназе (устье Чирчика) В.Ф. Руссов добыл её весной 1878 г. (Pleske, 1888). Выше Ташкента по Чирчику, в месте впадения в него р. Коксу, в летнее время одну добыл Р.Н. Мекленбурцев (1982), а в долине Аксакаты он же в разреженной поросли из жимолости и шиповника встретил гнездовую пару (Мекленбурцев, 1995). В Чаткальском заповеднике была обычна на осеннем пролёте в августе 2002 г. (Головцов, 2007). Восточнее поющего самца встретили 23 июня 2017 г. в одном из ущелий юго-восточного склона Чаткальского хребта около села Кызыл-Токой (Архипов, Коблик и др., 2018). Имеется ещё одно старое и не очень точное указание: «В 1954 г. 27 июля на юго-западе Киргизии студентом Д. Ырсалиевым добыта взрослая птица и тут же молодая на взлёте. Птички держались в фисташковом редколесье. В других районах нашей республики пересмешку не встречали» (Птицы Киргизии, 1960, с. 197). Судя по всему, это был южный склон западной части Ферганского хребта, где фисташка, например, у Джалалабада, произрастает в изобилии. Близ южной границы Тянь-Шаня пустынную пересмешку добывал Т. Барей в Исфайрамсае, на северном склоне Алайского хребта (Stolzmann, 1897). Севернее Тянь-Шаня явно залётную птицу встретили 23 мая 2005 г. у с. Каншенгель, между Чу-Илийскими горами и песками Таукум. Хотя птицу удалось хорошо рассмотреть, однако у наблюдателя, прекрасно знающего эту пересмешку по работе с ней в Кызылкумах, всё же остались некоторые сомнения – из-за большого расстояния места встречи от ареала (Скляренко, 2006: КОБ-2005).

Численность. В большинстве мест – отдельные встречи. Только в ущелье Журунсай (М. Каратау), где в 1991-1992 гг. на 3 км ущелья найдено 25 жилых гнёзд, в боковых отщелках насчитывали до 10 пар, на расстоянии 50-200 м одна от другой, а на 2 км речного тугая – только одну пару (Губин, Карпов, 1994).

Сроки. Даты. Весной появляется в апреле: у Чиназа (устье Чирчика) добыта В.Ф. Руссовым 21 апреля 1878 г. (Pleske, 1888). В Боролдае (Каратау) в 1958 г. появились не ранее 11 мая (Корелов, 1972), хотя в мае уже находили их гнёзда. На Чокпаке взрослую птицу поймали 11 мая 2000 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью на пролёте в Чаткальском заповеднике отмечена 13-25 августа 2002 г., приведены даже данные учётов (Белялова и др., 2002), но были ли при этом добыты птицы, в данной статье не сказано. Три особи в кронах тополей в Новониколаевке (Аксу-Джабаглы) также были пролётными (Колбинцев, 1999).

Биология. Хорошо изучена в Кызылкумах (Зарудный, 1915; Губин, Скляренко, 1990). В пределах Тянь-Шаня в 1991-1992 гг. проведены интересные наблюдения у 25 жилых гнёзд в Малом Каратау и по ним опубликована насыщенная фактическими сведениями статья (Губин, Карпов, 1994), в которой

подробно описаны: биотоп, расположение гнёзд, их устройство и строительный материал; пение и его интенсивность в зависимости от фазы гнездового цикла; процесс строительства гнезда, насиживания яиц и выкармливания птенцов; территориальное, гнездовое, кормовое и сексуальное поведение взрослых птиц.

Зелёная пересмешка – *Hippolais icterina* (Vieillot, 1817)

icterine warbler (англ.), Gelbspötter (нем.), hypolaïs icterine (фр.). Пересмешка (Иванов, 1969).

Имеется только одно указание на залёт этого европейского вида в наш район: «Единственный экземпляр пересмешки, известный из пределов Памиро-Алая, был добыт Н.А. Зарудным 18 июня 1910 г. на северном склоне Туркестанского хребта близ кишл. Исфара. Это был холостой самец, очень жирный. Экземпляр в коллекции Зарудного не сохранился» (Иванов, 1969, с. 295).

341. Пеночка-весничка – *Phylloscopus trochilus* (Linnaeus, 1758)

willow warbler (англ.), Fitis (нем.), pouillot fitis (фр.),
көктем сайрауығы (каз.), ала аяк мыймыт (кирг.)

Синонимы: *Motacilla acredula* Linnseus, 1758; *Phyllopneuste eversmanni* Bonaparte, 1850.

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане встречен *Phylloscopus trochilus acredula* Linnseus, 1758.

Характер пребывания. Изредка пролетает весной и осенью.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность, на пролёте даже степные предгорья.

Распространение. Основной пролёт веснички проходит западнее Тянь-Шаня; здесь известны лишь отдельные встречи этой пеночки, также в основном в западной части (рис. 389). Под Ташкентом небольшой пролёт в начале XX в. наблюдал Н.А. Зарудный, добывавший здесь весничек во второй декаде апреля и однажды 4 мая (колл. САГУ), а осенью встречавший их здесь с первой декады сентября до середины октября (Зарудный, рукопись). Указание на встречу в августе 2002 г. в Чаткальском заповеднике (Белялова и др., 2004) – явная ошибка: за весничку были приняты теньковки (Головцов, 2007). На Чокпаке попадаются очень редко. В 1966-1981 гг. здесь отловлено 4 особи: 20 мая 1969 г., 3 мая 1980 г., 29 августа 1974 г. и 27 сентября 1976 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 7 мая (2002) по 24 мая (2003) поймали 12 особей. А с 26 августа (2005) по 15 октября (2001) окольцевали 13 пеночек-весничек (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау одиночка добыта в ивняках по Боялдыру 12 мая 1941 г. (Долгушин, 1951). В Алма-Ате в 1963 г. одиночек отмечал по голосу Э.И. Гаврилов с 23 марта по 6 апреля (Ковшарь, 1972), но позднее Э.И. Гаврилов (1999) об этих встречах не упоминал; то же самое можно сказать о встречах им весничек в Алма-Ате осенью – с 7 августа по 24 октября (Ковшарь, 1972; Гаврилов, 1999). Однако в сентябре 1976 г. труп веснички найден в этом городе под 200-метровой мачтой (Сема, 1978), а 27 сентября 2008 г. одну весничку сфотографировал А. Исабеков (www.birds.kz) в средней части (1900 м) Б. Алматинского ущелья (В. Ковшарь, 2015). Опубликована интересная

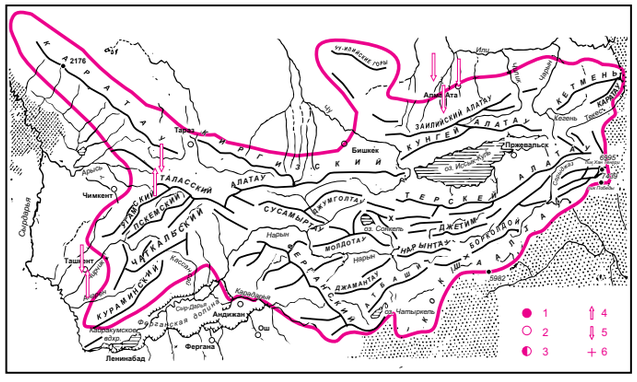

Рис. 389. Распространение пеночки-веснички в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

информация о Сорбулаке: «В период стационарных работ была окольцована 51 птица (А.Э. Гаврилов, неопубликованные данные). Эти находки требуют особого внимания, поскольку были известны только единичные встречи в 1961 и 1963 гг. в Алма-Ате (Ковшарь, 1972). Также известен один экземпляр от 18 августа 1989 г., пойманный на оз. Сассыкколь (Хроков и др., 1993)» (Белялов, 2014, с. 105). Позволю себе более прямо выразить сомнение в правильности видовой идентификации 51 окольцованых особей веснички: при *массовом* кольцевании ошибки в определении вида неизбежны, особенно если в кольцевании участвуют не очень опытные орнитологи. Поэтому данный факт и не вписывается в известные *единичные* встречи. Надо сказать, что весничка ни разу не встречена на территории Киргизии и Памиро-Алая (Иванов, 1969).

342. Пеночка-теньковка – *Phylloscopus collybita* (вкл. *tristis*) (Vieillot, 1817)

chiffchaff (англ.), Zilpzalp (нем.), pouillot véloce (фр.),
саяшыл сайрауық (каз.), кара аяк мыймыт (кирг.)

Синонимы: *Ficedula* **(***Phyllopneuste***)** *fulvescens* Severtzov, 1873; *Phylloscopus tristis* Blyth, 1843; *Ph. t. axillaris* Sushkun, 1904; *Ph. t. altaiana* Sushkun, 1925; *Ph. collybita riphaea* Snigirewski, 1931. Сибирская пеночка **(***tristis* – Шнитников, 1949). Пеночка-кузнечик (Птушенко, 1954). Печальная теньковка (*tristis* – Птушенко, 1954). Теньковка (Портенко, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Ковшарь, 1972).

Подвид. Из нескольких (до 9) признаваемых разными авторами подвидов через территорию Тянь-Шаня пролетают два: *Ph. collybita fulvescens* Severtzov, 1873 и *Ph. collybita tristis* Blyth, 1843.

Характер пребывания. Дважды пролетает через нашу территорию. По-видимому, периодически остаётся на гнездование (Шнитников, 1949). В Заилийском Алатау найдено гнездо (Белялов, 2013). Только для Восточного Тянь-Шаня указана на гнездовании (By Gao Xing-yi, 2005), но данных о находках гнёзд пока нет.

Биотоп. Лесная птица, гнездится в хвойных и лиственных лесах – еловых, елово-пихтовых, березовых. В Заилийском Алатау гнездо найдено в смешанном елово-берёзовом лесу с примесью тополей и ив на галечнике, образовавшемся после селевого потока, на высоте 1700 м (Белялов, 2013). На пролёте может быть встречена и в безлесных местах – в тростниковых зарослях и в открытой степи с кустиками, а в горы во время миграции поднимается до 2500-2700 м.

Распространение. Пролетает на большей части района (рис. 390). Еще В.Н. Шнитников (1949) в общем правильно описал распространение этого вида в Семиречье, обратив внимание на два момента, оба они в дальнейшем подтвердились. Первый – полное отсутствие этой многочисленной птицы на осеннем пролёте в Центральном и Внутреннем Тянь-Шане, включая Иссык-Кульскую котловину: «Единственным исключением является сбор Алмаши с его одной шкуркой *Ph. tristis*. Объяснить это можно только отсутствием нашей птички в период его работы в том районе, где он главным образом коллектировал, а именно в долине Иссык-Куля и в системах верхнего Нарына и Сарджаса, т.е. в восточной половине нашего Тянь-Шаня. Объяснение это подтверждается тем фактом, что не только в сборах Алмаши, но и вообще ни в одной из коллекций, кроме кореевской, нет больше ни одного экземпляра этой пеночки из названной части Семиречья, несмотря на то, что общее число известных мне семиреченских экземпляров *Ph. tristis* достаточно велико: 120.

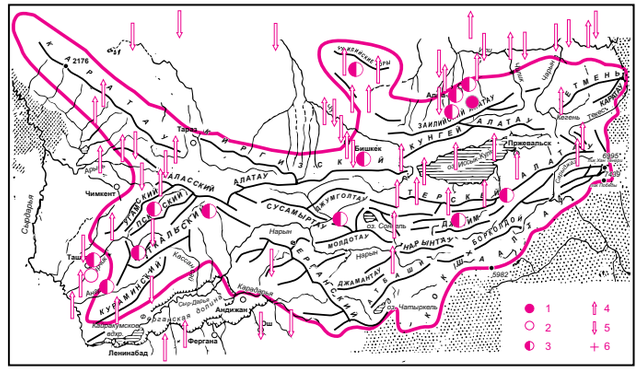

Рис. 390. Распространение пеночки-теньковки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летние встречи,
4, 5 – пролёт

Алмаши и Северцов коллектировали в данном районе только летом, когда *Ph. tristis* здесь нормально встречаться не должна, и осенью. Не заметить эту птичку на пролёте невозможно, настолько она сама бросается в глаза, встречаясь решительно всюду. И если её не добыл здесь осенью никто из исследователей, то можно думать, что осенью она здесь действительно не встречается. В коллекции Кореева есть три весенние шкурки из Пржевальска, где пеночки были в это время (2/V 1899) обыкновенны. Только весенние экземпляры имеются и из Нарына, т.е. из западной части горного Семиречья. Отсюда ясно, что эта птичка осенью летит иными путями, чем весной» (Шнитников, 1949, с. 484). Отсутствие осенних стрелок на рис. 390 наглядно подтверждает справедливость этих выводов и для нашего времени.

Второй момент – предположение о возможности гнездования теньковки «в некотором количестве в горном хвойном лесу нашего края» (там же, с. 486), которое основано на перечисленных автором 11 летних встречах, из которых для нас наиболее интересны следующие: 8 августа 1913 г. – ущелье Чаманды, еловый лес, Кабакские горы (бассейн Джумгола); 7 июля 1907 г. и 6 августа 1909 г. – окрестности Алма-Аты; 24 июня и 6 июля 1907 г. – ущелье Анджайляу, Джунгарский Алатау. При этом автор резонно пишет, что вряд ли такое число птиц могло задержаться на всё лето, и ещё менее правильным было бы считать их пролётными, поскольку осенний пролёт у этого вида почти повсеместно в нашем районе начинается в первой декаде сентября (см. ниже). Эти данные В.Н. Шнитникова дополняют факты из других публикаций. Так, ещё 14 июля 1934 г. в долине Заукучака в Центральном Тянь-Шане (2760 м) дважды в разных местах теньковку отметили по голосу (Кашкаров и др., 1937); а 21 июля 2005 г. пару пеночек, очень похожих на теньковку (возможно, это были *Ph. sindianus*?) я наблюдал в ельнике в долине Кичи-Нарына. В Заилийском Алатау близ Алматы в июле 1942 г. теньковку встретила М.А. Кузьмина в ущелье Малой Алматинки, а 13 и 15 июня 1965 г. Э.И. Гаврилов и Э.Ф. Родионов видели её в Б. Алматинском ущелье (Ковшарь, 1972). Здесь же, в берёзово-еловом лесу урочища Аккаин (1500-1600 м) над городом Алматы 21 июня 2009 г. я длительное время слышал пение двух самцов пеночки-теньковки; 23 июня 2012 г. сбитая машиной теньковка найдена на улицах города, а 25 июля 2012 г. В.А. Ковшарь встретила поющего самца в районе Б. Алматинского озера (2500 м), где много лет стационарно работали орнитологи, но никогда теньковку летом не встречали. Наконец, 13 июля 2012 г. в Иссыкском ущелье Заилийского Алатау О.В. Белялов (2013) в кроне молодой ёлки в 1 м над землёй нашёл гнездо теньковки с тремя птенцами и неоплодотворённым яйцом. При этом автор, который в 70-х гг. работал на орнитологическом стационаре «Б. Алматинское озеро», ссылаясь на мою работу, приводит любопытный факт из очерка о тусклой зарничке: «И только одно гнездо [из 337 осмотренных – *АК*] помещавшееся необычно для этого вида (опиралось задней стенкой о камень, а дном – о ветку стелющейся арчи в 10 см над землёй, было обильно выстлано перьями – почти как у индийской пеночки)» (Ковшарь, 1979, с. 186). Не исключено, что это могло быть гнездо теньковки, как пишет автор: «найденное кем-нибудь из неопытных наблюдателей из числа студентов, неправильно определивших вид хозяина гнезда». Основания для такого предположения логичны. Более спорным является высказанное (со ссылкой на О.В. Митропольского, 2008) предположение о том, что редкое гнездование теньковки можно рассматривать, как *начальный* [курсив мой – *АК*] этап освоения горных лесов Тянь-Шаня, особенно учитывая данные В.Н. Шнитникова столетней давности. Скорее всего, спорадичное гнездование этого вида наблюдалось и раньше, хотя в последние десятилетия случаи эти, безусловно, участились. К ним можно добавить также неясный намёк на гнездование в ущелье Ала Арча (Киргизский Алатау): «Изредка встречается в течение лета. Гнёзд мы не находили. Чаще встречается в нижнем поясе леса на склонах, поросших кустарником с примесью арчи. Плотность 3.33-102.4 особи/км^2» (Шукуров, Кормилицын, 2005). Интересно, что в ущелье Джиланды (Терской Алатау, восточная половина) 8 июня 1962 г. добыт самец теньковки с увеличенными (4x5 см) семенниками, по поводу чего автор сделал следующее заключение: «Можно было бы вслед за В.Н. Шнитниковым строить предположение о гнездовании, однако гнёзда не найдены» (Шукуров, 1986, с. 74).

В Западном Тянь-Шане летние встречи теньковки известны также давно: 4 июня 1939 г. одна добыта в верховьях притока Ангрена Кызылсая (Железняков, Колесников, 1958). На основании этого экземпляра и неоднократных встреч теньковок в июле в районе Ташкента (Сатаева, 1937), высказано предположение, что часть особей остаётся в Узбекистане на лето (Степанян, 1970). Имеются и более поздние летние встречи. Так, в пойменном берёзовом лесу долины Пскема 14 августа 2002 г. пара теньковок встречена среди зелёных пеночек и зарничек (В. Ковшарь, 2002). Заметим, что для осеннего

пролёта, который даже севернее (на Чокпаке и в Аксу-Джабаглы) начинается лишь около 10 сентября, это ещё рано. В то же время в Чаткальском заповеднике недалеко от полевой базы 29 июля 1999 г. найдено гнездо с одним яйцом (Лановенко, 1999), как полагает автор, иранской пеночки *Phylloscpous neglectus* Hume, что справедливо подвергнуто сомнению (Митропольский, 2005). Это вполне могла быть теньковка, или *Ph. sindianus*. Также, видимо, теньковку наблюдали в том же Чаткальском заповеднике в конце августа 2002 г. (Белялова и др., 2004), опубликовав это как встречу с весничкой *Phylloscopus trochilus*, что очень мало вероятно…

Численность. На пролёте многочисленна. На Чокпаке в 1966-1970 гг. кольцевали до 695 за одну осень (Гаврилов, 1972); в 1982-2016 гг. суммарно – 174 весной и 4619 осенью (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной появляется в середине марта и встречается до конца мая. Под Ташкентом из 107 теньковок, добытых Н.А. Зарудным в весенние сезоны 1906-1918 гг., самая ранняя датирована 18 марта, самая поздняя – 29 мая (Мекленбурцев, 1995). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1959-1966 гг. я отмечал их с 18 марта по 3 мая 1961 г. (в последнюю дату были ещё многочислены в арчевниках ущелья Джабаглы), с 27 марта по 11 мая 1962 г., с 9 апреля по 18 мая 1963 г., а в 1965 г. они появились в Новниколаевке уже 14 марта (Ковшарь, 1966). Численность их здесь за время пролёта довольно резко меняется: они то наполняют всю местность, то вдруг полностью исчезают на несколько дней. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых отмечали 11 марта (1969) – 13 апреля (1968), в среднем за 10 лет – 25 марта; завершался пролёт 6 мая (1971) – 20 мая (1969), в среднем 11 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. теньковок здесь отлавливали с 30 марта (1983) по 19 мая (2003), срединная дата весеннего пролёта была определена как 29 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) пролётных теньковок отлавливали 29 апреля 1989 г. и 15-17 мая 2000 г., а 28-29 мая 2000 г. их здесь уже не было. Интересно, что все 6 птиц, отловленных 15-17 мая, относились к подвиду *Ph. c. tristis* (Коваленко и др., 2002). В ельниках Ала-Арчинского ущелья (Киргизский Алатау) пролётных добывали 12 апреля и 13 мая (Кузнецов, 1962), а в 90-х гг. там же их встречали с середины марта (Шукуров, Кормилицын, 2005). На северном берегу Иссык-Куля, близ Кутурги, самцы прилетели 25 марта 1957 и 26 марта 1958 гг., а самки – через две недели; через месяц пеночки из этих мест улетели (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961). На учёте водоплавающих 27-30 марта 2004 г. по всему побережью Иссык-Куля встретили 17 теньковок (Кулагин, Сагымбаев, 2005).

В долине Копы пролётные теньковки встречались изредка 26 марта – 26 мая 1987 г. и 16 апреля – 16 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Алма-Ате первых отмечали: 4 апреля 1960, 31 марта 1961, 29 марта 1962 гг.; последних – в середине мая (Бородихин, 1968); на склонах Заилийского Алатау близ верхней границы леса (2500-2700) – с 17 апреля по 1 мая 1973 г. и с 27 апреля по 1 мая 1975 г.; у нижней границы леса (1500 м) – с 29 марта по 27 апреля 1978 г. и с 30 марта по 14 мая 1979 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В тугаях р. Баянкол (долина Текеса, Центральный Тянь-Шань) первые появились 1 апреля 1956 г. и 31 марта 1957 г. (Винокуров, 1960). В Карачингиле, где теньковка многочисленна на весеннем пролёте, первых в 2003-2011 гг. отмечали 13-28 марта (6 лет) и всего два раза – в апреле (8 и 20); до середины мая идёт массовый пролёт «десятками птиц», самая поздняя встреча – 4 июня 2010 г. (Бевза, 2012). Очень интересные соображения о путях весеннего пролёта теньковок через наш район высказал В.Н. Шнитников: «Вероятно весной сибирские пеночки двигаются долиной Нарына, затем через Долонский перевал добираются до Чу, и часть из них долиной этой реки через Буамское ущелье направляется дальше к северу. Часть же птичек, дойдя до того места, где Чу вплотную подходит к западному концу Иссык-Куля, отделяется и летит вдоль берегов озера к востоку, откуда затем направляется по показанным на карте пролётным путям. Однако главная масса пеночек, мне кажется, должна пролетать не здесь, а попадать к нам из Кульджи: с востока, долиной Или, в район Джаркента…» (Шнитников, 1949, с. 484).

Осенний пролёт идёт в сентябре – октябре. В районе Джаркента в 1899 г. теньковки появились к концу первой декады сентября (8-14 сентября добыто 6 шт.), а в третьей декаде месяца шёл сильный пролёт (Зарудный, Кореев, 1905). Там же в 1918 г. пролёт теньковок начался только 17 сентября, с 23 сентября до 5 октября он был интенсивным и к 28 октября закончился (Шестопёров, 1929). В Алма-Ате пролёт идёт в сентябре и октябре (Бородихин, 1968), у нижней границы леса в Заилийском Алатау мы встречали их 25 октября 1975 г., а у верхней границы (Б. Алматинское озеро, 2600 м) – 21-23 сентября 1973 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Каратау на маршруте 25 августа – 15 сентября 2002 г. повсеместно встречали пролётных теньковок, всего насчитали 184 особи, в том числе: в последние

дни августа – всего 3, в первую декаду сентября – 47 и после непродолжительного похолодания 14 сентября – 134 (Чаликова, Колбинцев, 2006). На озере Кызылколь (Каратау) из 37 теньковок, пойманных для кольцевания 14-15 сентября 2001 г., 22 были определены как *Ph. c. tristis*, 14 – *Ph. c. fulvescens* и одна – как *Ph. c. abietinus* (Коваленко и др. 2002). На Чокпаке, где осенью пролёт намного интенсивнее весеннего, теньковки появляются 25 августа (1977) – 14 сентября (1967), в среднем за 11 лет – 3 сентября. В 1966-1981 гг. до середины сентября пролетало 80% всех учтённых (отловлено 82.9%), завершался пролёт 13-31, в среднем 23 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь же их отлавливали с 28 августа (1995) по 28 октября (2002), срединная дата осеннего пролёта – 29 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) моё внимание обратила синхронность появления теньковки в разные годы: 10 сентября 1935, 1960 и 1961 гг; 11 сентября 1933 и 1959 гг.; заканчивался пролёт уже настоящей зимой, когда во всём районе, в т.ч. и в предгорьях, лежал снеговой покров и температура воздуха была ниже нуля: последних теньковок мы встречали 23 октября 1960, 4 ноября 1963, 10 ноября 1964 и 19 ноября 1962 гг. (Ковшарь, 1966). Даже у северной окраины Тянь-Шаня, в Карачингиле (Илийская долина) их наблюдали ещё 3 ноября 2011 г. (Бевза, 2012). Из 80 теньковок, собранных Н.А. Зарудным осенью 1906-1918 гг. под Ташкентом, самая ранняя была добыта 2 сентября, самая поздняя – 11 ноября. Здесь же теньковка отмечена и зимой: имеются добытые 12 декабря 1912 г. и 19 декабря 1971 г., а в декабре 1986 г. её наблюдал здесь Э.Р. Фоттелер (Мекленбурцев, 1995).

Биология. Опубликованы детали расположения гнезда, найденного 13 июля 2012 г. (Белялов, 2013).

343. Горная теньковка – *Phylloscopus sindianus* [*collybita*] W.E. Brooks, 1880

Mountain chiffchaff (англ.)

Синонимы: *Phylloscopus collybita subsindianus* Zarudny, 1913. Пеночка синдская (Шульпин, 1949). Среднеазиатская теньковка (Птушенко, 1954; Птицы Киргизии, 1960).

Подвид. Во всех русскоязычных сводках вплоть до самой недавней (Степанян, 2003) эта птица считалась подвидом пеночки теньковки, что отражено и в недавно предложенном русском названии этого нового вида, который пока, насколько мне известно, остаётся монотипичным.

Характер пребывания. Гнездящаяся в Памиро-Алае перелётная птица (Иванов, 1969).

Биотоп. В Памиро-Алае её добывали в пойменных зарослях ивы и облепихи на высотах 2600-3400 м.

Распространение. В упомянутой выше сводке ареал подвида очерчен так: «Алайская система и Западный Памир к северу до Алайского хребта… к югу до западной части Алайской долины… Пределы распространения в области Алайской системы требуют уточнения» (Степанян, 2003, с. 519). Более конкретно об этом сказано в монографии «Птицы Памиро-Алая»: «На гнездовье в пределах Памиро-Алая встречается только гималайская форма теньковки – *Ph. c. sindianus,* распространённая в юго-западном Тибете, Ладаке, Джамму и Кашмире (Индия), Куньлуне и Гиндукуше. Мне известно всего 6 экземпляров этой пеночки, добытых на территории Памиро-Алая – два из западной половины Алайской долины (28 июня 1954 г., Дарауткурган, Янушевич; 20 августа 1913 г. там же, Кочубей) и четыре из Бадахшана… все эти находки сделаны на высотах от 2600 до 3400 м» (Иванов, 1969, с. 288). Для Тянь-Шаня указана гнездящейся А.И. Янушевичем (Птицы Киргизии, 1960, с. 184) без приведения доказательств, но экземпляры из Алайской долины позволяют предполагать возможность гнездования и в соседних южных хребтах Тянь-Шаня. В верхнем течении Кичи-Нарына 21 июля 2005 г. в густой траве у речки, в 200 м от елового леса, мне короткое время удалось наблюдать пару пеночек – копия теньковки, но поменьше (маленькие, тёмные, короткие налету), без малейших следов жёлтого и зелёного в оперении, которых обнаружил по голосу – звонкому однократному «цильи» (почти как у зарнички, но ещё громче и сочнее); птицы кормились у основания вейника, а вспугнутые улетели на другой берег реки. В записной книжке остался вопрос: *sindianus* или *neglectus*?.. В литературе есть указания на встречу *sindianus* и намного севернее. В сводке «Птицы Семиречья» этой пеночке посвящён даже небольшой очерк под № 374. «Пеночка синдская. *Phylloscopus sindianus* Brooks», который лучше всего привести целиком: «Один экземпляр пеночки, добытой 19/XI 1948 г. в Капале Абакумовым,

хранится с этим определением на этикетке в ЗИН. На обороте рукой академика П.П. Сушкина написано: «сходна с *sindianus* от Брукса», а на отдельной бумажке написано по-английски, что это не *sindianus*, а ненормальная *tristis.* Поскольку виднейшие специалисты-систематики не пришли к единодушному решению относительно видовой принадлежности этого экземпляра, я могу упомянуть о нём лишь в той форме, как это сделано здесь. Однако теперь я могу несколько дополнить приведенные данные. В сентябре 1925 г. мной была добыта в долине Чу пеночка, поступившая в Среднеазиатский музей. Экземпляр этот, остававшийся неопределённым и долгое время бывший недоступным, недавно, по моей просьбе, определён Р.Н. Мекленбурцевым. По сообщению последнего, птичка по всем признакам подходит к описанной Зарудным *Ph. subsindianus*. Поскольку последняя форма считается теперь синонимом *Ph. sindianus*, я упоминаю об этом экземпляре именно здесь» (Шнитников, 1949, с. 486). И ещё одно упоминание этого вида (подвида) появилось совсем недавно в литературе по нашему району – устное сообщение А.Э. Гаврилова о встрече на Сорбулаке: «В период стационарных работ [80-е гг. – *АК*] было отловлено 2127 теньковок. Из них, кроме птиц, отнесенных к формам *tristis* и *fulvescens,* пять определены как *abietinus* и один как *sindianus*» (Белялов, 2014). Разбираться во всех этих хитросплетениях придётся тем, кто будет далее изучать авифауну Тянь-Шаня, но для меня уже сейчас нет сомнений, что надо искать горную теньковку среди птиц, населяющих высокогорье Тянь-Шаня, особенно в его внутренних и южных районах.

344. Иранская пеночка – *Phylloscopus neglectus* Hume, 1870

plain willow [plain leaf] warbler (англ.), Eichenlaubsänger (нем.), pouillot modeste (фр.), иран мыймыты (кирг.), эрон пеночкаси (узб.)

Имеется лишь одна заслуживающая внимания публикация о залёте иранской пеночки в район Чимгана в Западном Тянь-Шане (Madge, Colston, 1993). Авторы, первый из которых дважды наблюдал иранских пеночек – на гнездовании в Афганистане и на миграции в Индии – внимательно рассмотрели и очень подробно описали виденных ими птиц: «16 мая 1992 г. группа английских birdwatcher's по пути из Ташкента в Чимган (плохая погода, которая привела к массовому «осаждению» мигрирующих птиц) встретила трёх иранских пеночек (*Phylloscopus neglectus*), кормившихся в кронах небольших ив. Они привлекли внимание своей подвижностью, и мы сначала решили, что это зарнички. Однако у птиц совершенно отсутствовала светлая полоска на крыльях и жёлтый и оливковый цвет в оперении. По цвету оперения можно было предположить, что мы имеем дело с теньковками бурых форм (*Ph. collibitus tristis/fulvescens*). Надглазничная полоска выражена, но не так чётко, как у теньковки; идущая через глаз полоска более тёмная. Низ тела светлый, почти белый с грязноватым оттенком по бокам. Ноги тёмные. От теньковок птицы отличались формой и размерами тела: они были более мелкими, относительно большеголовыми, с более коротким хвостом и клювом. Пеночки были молчаливы: за всё время наблюдения мы не слышали их голоса. От теньковок увиденные нами пеночки отличались и поведением. Они были очень подвижны, постоянно перепархивали среди листвы, быстро перелетали с куста на куст. Иногда они вспархивали и зависали в воздухе. Даже сидя на ветке они постоянно взмахивали крыльями и расправляли хвост. Через каждые несколько минут их активность спадала, но возобновлялась через короткое время» (Мадж, Коатсон, 1993, с. 93). Кстати, кое-что в их описании (размеры птиц, короткий хвост) совпадает с моими наблюдениями за парой пеночек в июле 2005 г. в Кичи-Нарыне. Указание Е.Н. Лановенко (1999, 2002) на нахождение гнезда этого вида на территории Башкызылсайского участка Чаткальского заповедника, уже подвергавшееся критике (Митропольский, 2005), безусловно, ошибочно: гнездо принадлежало другой пеночке (возможно *Ph. collibitus* или *Ph. sindianus*).

Следует сказать, что ареал иранской пеночки подходит почти вплотную к южным границам Тянь-Шаня в районе Алайской долины у Дарауткургана (Птушенко, 1954; Птицы Киргизии, 1960) и северных склонов Туркестанского хребта (Степанян, 2003), хотя по другим источникам «на северных склонах Алайского и Туркестансокго хребтов эта пеночка пока никем не найдена» (Иванов, 1969, с. 289). В любом случае поиски её на северных склонах Алайского и южных Ферганского хребта весьма желательны и могут дать результат.

345. Пеночка-трещотка – *Phylloscopus sibilatrix* (Bechstein, 1793)

wood warbler (англ.), Waldlaubsänger (нем.), pouillot siffleur (фр.),
сарықабақ сайрауық (каз.), чыркылдак мыймыт (кирг.)

Синонимы: *Sylvia sylvicola* Montagu, 1798; *Motacilla sylvatica* Turton, 1806; *Trochilus major* Forster, 1917; *Phyllopneuste megarhynchos* Brehm, 1831; *Ficedula prasina* Severtzov, 1855. Пеночка-желтобровка.

Подвидов не образует (хотя и были попытки их описания).

Характер пребывания. В Тянь-Шане – редкий пролёт, начавшийся с залётов во время миграций.

Биотоп. В период миграций – любая древесно-кустарниковая растительность.

Распространение. Эта европейская пеночка, зимующая в Африке, до середины XX ст. не встречалась не только в Тянь-Шане, но и вообще в Средней Азии. Однако по мере расширения ареала на восток, о чём во второй половине XX ст. был ряд публикаций, она стала появляться и у нас. Впервые двух одиночных самцов добыл я 21 сентября 1961 г. и 21 мая 1962 г. в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), расценив эти встречи, как залёты в период миграции (Ковшарь, 1966). С 15 по 18 мая 1965 г. К.А. Воробьёв (1968) несколько раз слышал характерную трель этой пеночки на южных склонах Гиссарского хребта, но в сводке «Птицы Памиро-Алая» (Иванов, 1969) факт этот поставлен под сомнение, на что в следующей своей публикации К.А. Воробьёв (1973) дал подробные разъяснения в пользу определения встреченных им птиц. Спустя десятилетие, одиночных трещоток стали отлавливать на Чокпаке: 10 и 15 сентября 1975 г., 30 октября 1976 г., (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 80-х гг. встречи пеночки-трещотки участились и район этих встреч расширился (рис. 391). Но востоке Иссык-Кульской котловины, в 60 км от посёлка Тюп, 20 августа 1982 г. в паутинную сеть пойман молодой самец, а через год ещё один самец отловлен в Центральном Тянь-Шане: «Второй самец трещотки обнаружен 11 сентября 1983 г. в Центральном Тянь-Шане в небольшой тополёвой роще на берегу реки Сары-Джаз при впадении в неё правого притока Тереты. Птица попала в сети ночью и утром была обнаружена мёртвой. Оба экземпляра находятся в коллекции Биолого-почвенного института Национальной Академии Наук Кыргызской Республики. К сожалению, мне больше не пришлось осенью работать в этом регионе. Поэтому вопрос о том, насколько случайны эти встречи, до сих пор открыт. Интересно, что точки отлова расположены практически на одном меридиане. Возможно, что это случайные залёты, но так как обе птицы попались в сети, занимающие очень незначительное пространство, то вероятно предположить, что пролёт пеночки-трещотки на территории Кыргызстана не случайное явление, а недостаток сведений заключается лишь в трудности идентификации этого вида в полевых условиях и отсутствии в данном районе постоянных орнитологических наблюдений» (Остащенко, 2017, с. 309). Возможно, автор прав, предполагая в данном случае не залёт, а наличие пролёта. Об этом свидетельствует ещё ряд встреч трещотки: Н. Литвиненко в Алма-Ате 20 октября 1953 г. (Ковшарь, 1972); в 1982-1983 гг., без указания даты, – в Сарычелекском заповеднике (Лебяжинская, 1991); 29 мая 1981 г. интенсивно поющего самца в берёзовом лесу в Чаткальском заповеднике (Конюхов, 1982). Однако встречи оставались редкими: на Чокпаке с 1982 по 2016 г. окольцована только одна трещотка – 17 сентября 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017). В то же время западнее, через оазисы пустыни Кызылкум, идёт заметный и с годами усиливающийся пролёт этого вида. Так, у гор Кульджуктау на юге этой пустыни, где осенью 1972 г. и весной 1973 г. было отловлено при кольцевании всего по одной пеночке-трещотке, весной 1981 г., с 10 апреля по 20 мая, окольцовано уже 19 особей (Люлеева, Люлеев, 1985). Высказанное сомнение в правильности видового определения (Мекленбурцев, 1995) не имеет оснований, поскольку отлов проводили европейские орнитологи, прекрасно знающие эту птицу, а ссылка на авторитеты XIX века (Н.А. Северцов, Н.А. Зарудный) только подтверждает факт расселения трещотки за последнее столетие.

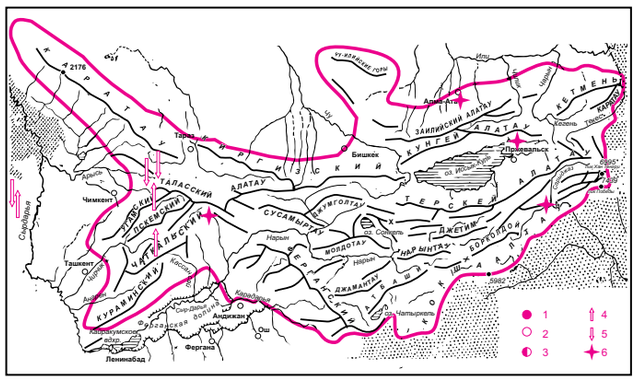

Рис. 391. Распространение пеночки-трещотки в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – залёты во время миграций

346. Пеночка-таловка – *Phylloscopus borealis* (J.H. Blasius, 1858)

Arctic [Eversmann's] warbler (англ.), Wanderlaubsänger (нем.), pouillot boreal (фр.),

Синонимы: *Ph. hylebata* Swinhoe, 1860; *Ph. sylvicultrix* Swinhoe, 1860; *Sylvia flavescens* Gray, 1860.

Очень редкий залётный вид. На Чокпаке добыта 15 сентября 1969 г. (Гисцов, Бородихин, Гаврилов, 1977; Гаврилов, Гисцов, 1985; Гаврилов, 1999). Визуально отмечена также в Каншенгеле, на границе песков Таукум и северного подгорного шлейфа Чу-Илийских гор, где дважды – 30 мая 2003 г. и 11 июня 2004 г. – в изолированной карагачёвой рощице близ жилья пролётно-залётных одиночек рассматривали группы Birdwatcher's и казахстанских орнитологов (В. Ковшарь, Коваленко, 2004; Ковшарь, 2005: КОБ-2003, 2004).

347. Зелёная пеночка – *Phylloscopus trochiloides* (Sundevall, 1837)

greenish warbler (англ.), Grünlaubsänger, Grüner Laubsänger (нем.), pouillot verdâtre [terne] (фр.),
жасыл сайрауық (каз.), жашыл мыймыт, май көтөн (кирг.), яшил пеночка (узб.)

Синонимы: *Acanthopneuste viridanus* Blyth, 1843; *A. plumbeitarsus* Swinhoe, 1861; *Ficedula* **(***Phylopneuste***)** *middendorffii intermedia* Severtzov, 1873; *Phylloscopus seebohmi* Hume, 1877; *Ph. burmanicus* Brooks, 1880; *Ph. pseudoborealis* Severtzov, 1883. Пеночка сероногая **[***Ph. t. plumbeitarsus***]** (Шнитников, 1949).

Подвид. Из 5 признаваемых подвидов Тянь-Шань населяет один – *Phylloscopus trochiloides viridanus* Blyth, 1843. В период миграций изредка встречается *Ph. t. plumbeitarsus* Swinhoe, 1861: на Или близ Илийска (Капчагай) – в начале сентября 1884 (Никольский, 1888), на Усеке близ Джаркента – 10 сентября 1899 г. (Зарудный, Кореев, 1905), близ Алма-Аты – 14 сентября (Шульпин, 1939). Об экземплярах, которые не укладываются в рамки описанных подвидов, см. *Систематические примечания* в «Птицы Казахстана, т. 4» (Ковшарь, 1972, с. 32), повторенные в списке птиц Казахстана (Гаврилов, 1999, с. 125-126).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Индии, Индокитае.

Биотоп. Гнездится в лесах, в Тянь-Шане – в еловых, но живёт и в лиственных, даже в старых запущенных садах и рощах. В Кунгей Алатау это одна из самых многочисленных птиц чистых моховых ельников. В Заилийском Алатау населяет любые типы елового леса, в том числе отдельные группы леса среди арчового стланика; при этом у верхней границы леса предпочитает гнездиться на опушках густых тенистых сыроватых ельников с развитой моховой подстилкой, густой травой и выходами камней; высотные пределы от 1400 до 2700 м. Южнее и западнее, где ельники отсутствуют, поселяется в арчовых редколесьях с примесью лиственных пород и высоких кустарников, в орехово-плодовых лесах, чистых березняках и высокоствольных ивняках; интервал высот во Внутреннем Тянь-Шане 1800-3200 м (Белялов и др., 2017). На пролёте может быть встречена и в открытой местности, в т.ч. в предгорной степи без всяких кустов.

Распространение. Зелёная пеночка широко распространена в хребтах Центрального и Северного Тянь-Шаня с хорошо развитым поясом хвойного леса: Заилийский Алатау, Кунгей Алатау, Кетмень, восточная часть Терскей Алатау; на крайнем северо-востоке нашего района она гнездится в южных отрогах Джунгарского Алатау (Тышкан), а южнее – в ельниках бассейна Сарыджаза (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Кашкаров и др., 1937; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Второв, 1967, 1972; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972 а,б; 1979; Шукуров, 1986). В Киргизском Алатау найдена на гнездовании только в лесистой центральной части хребта от ущелья Ала-Арча на востоке до ущелья Мерке на западе (Спангенберг, Судиловская, 1959; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Карпов, Белялов, 2007). Во Внутреннем Тянь-Шане, судя по большому числу летних встреч и отдельным находкам гнёзд и выводков, зелёная пеночка гнездится в верхнем течении Кичи-Нарына, ниже по Нарыну, в лесистых горах вокруг озера Сонкуль, включая хребет Молдотоо, в долине Атбаши и хребтах Нарынтоо и Атбаши, на обоих склонах Ферганского хребта (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Шукуров, 1986; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005 и наблюдения 2005-2006 гг.; Белялов, Михайлов,

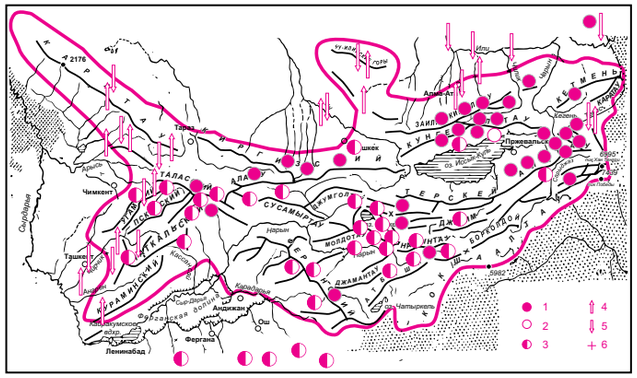

Рис. 392. Распространение зелёной пеночки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи,
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Вдоль южной границы Тянь-Шаня на северных склонах Алайского хребта зелёная пеночка найдена на гнездовье ещё Т. Бареем в верховьях р. Сох, а в Туркестанском хребте – Н.А. Зарудным в верховьях р. Исфара; по южным склонам Алайского хребта она прослежена на восток до Дарауткургана (Иванов, 1969, с. 290).

В Западном Тянь-Шане длительное время эта пеночка на гнездовании отсутствовала, только в восточной оконечности Чаткальского хребта, на северном берегу оз. Сарычелек, Д.Н. Кашкаров (1927) 9 июля 1925 г. добыл молодую птицу, а с 2 июня по 2 августа 1925 г. – ещё трёх взрослых. Северо-восточнее этого места, в ущелье Кара-Каин северного склона восточной оконечности Таласского Алатау, 15 июня 1955 г. в еловом лесу найдено гнездо с 5 яйцами (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986). Западнее этих мест зелёную пеночку не находили, и работавший в 1933-1935 гг. в заповеднике Аксу-Джабаглы Л.М. Шульпин (1961) подверг резкой критике старые указания (Северцов, 1873, 1875; Мензбир, 1914; Шапошников, 1932) на её гнездование в Западном Тянь-Шане. Не гнездилась она в этом заповеднике и в годы моей работы (1959-1966), и лишь однажды, 13 июля 1960 г. в пышных (до 1-2 м высотой) зарослях кустарниковой арчи у озерка Айнаколь (2400 м) две взрослые птицы (одна из них добыта) кормили четырёх вылетевших молодых; этот факт был расценён как исключительная случайность (Ковшарь, 1966). Однако в следующие два десятилетия, по мере роста численности этого вида, что было отмечено и в Сарычелеке (Лебяжинская, 1991, 1992), зелёная пеночка уже в конце 90-х гг. стала обычной летом в ущелье Коксай (Колбинцев, 1999), немногочисленной в ущельях Саркрама и Каскабулак, а в июне 2005 г. два самца регулярно пели в арчовых лесах ущелья Кши-Каинды (Чаликова, 2006), где орнитологи работали ежегодно с 60-х гг., но зелёных пеночек здесь не было. Доказательств гнездования пока не имеется, поскольку никто их поисками специально не озаботился (эти поиски требуют определённых навыков), но гнездование её здесь более чем вероятно. Наконец, в июле-августе 2002 г. зелёная пеночка в большом числе (102 шт.) встречена в верхней части долины Пскема, до высоты 3000 м; причём многократно отмечались поющие самцы (В. Ковшарь, 2003), как бывает у этого вида после вылета птенцов. На следующий год тот же автор встретила поющих самцов в нижних частях долины Пскема, в типичном биотопе – берёзовых зарослях у ручья (В. Ковшарь, 2004). Встречали её здесь также 6 июля 2016 г. (Тен и др., 2017). Немного северо-западнее, в березняках ущелья Сайрамсу (Угамский хребет) в июле 2005 г. насчитали 5 поющих самцов (Чаликова, 2006). Надо полагать, что получение доказательств гнездования здесь зелёной пеночки – дело времени. Поэтому нельзя согласиться с категорическим отрицанием возможности гнездования этого вида в Западном Тянь-Шане (Митропольский, 2005). Столь же неубедительно и предположение о том, что сейчас зелёная пеночка вновь возвращается в Западный Тянь-Шань после 60-летней (с 30-е по 90-е гг. XX ст.) депрессии (Чаликова, 2006), поскольку и в 30-х гг. XX ст. она здесь не гнездилась и в XIX ст. доказательств гнездования не было.

Численность. В ельниках восточной половины района зелёная пеночка гнездится в большом числе, уступая только тусклой зарничке. Плотность на гнездовании у верхней границы леса в Заилийском Алатау достаточно высока. Так, 2 июня 1974 г. на маршруте протяжённостью 1 км учтено 23 поющих самца. Там же и в том же году на участке разреженного ельника площадью 3 га (северный склон, 2400-2500 м) мы обнаружили 6 жилых гнёзд, наибольшее расстояние между ними было 68 м, наименьшее – 35 м (Ковшарь, Мальцева, 1978). В Сарычелекском заповеднике, по учётам 1982-1983 гг., в елово-пихтовом лесу гнездилось 111-203 особей/км^2, в елово-ореховом – 109, в ореховом лесу 8-12, в арчовом редколесье – 2-7, в яблонево-алычовом лесу – 0-2 особей/км^2. По данным того же автора, в 1986-1987 гг.

зелёная пеночка входила в число доминантов авифауны елово-орехового (8.4%) и орехового (8%) леса, а в елово-пихтовом лесу доминировала – 43.4% вместе в рыжешейной синицей и корольком (Лебяжинская, 1992, с. 95-98). В восточной части заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1996-1998 гг., в период с июня по август, в ивовых тугаях нижней части ущелья Коксай, её регистрировали как самый обычный вид (Колбинцев, 1999). На северном склоне Ферганского хребта, в берёзовых лесах урочища Урымбаш (1965 м), перед подъёмом на перевал Кугарт (Сарыкыр) 18 июля 1999 г. зелёная пеночка была первой по численности среди поющих птиц (Ковшарь, Торопова, 2000). Поющие около вылетевших выводков самцы были многочисленны в июле 2005 г. на маршрутах «Каракуджур – Кичи-Нарын» и «Тургень-Аксу – Оттук – Сарыджаз – Иныльчек – Куйлю», а в июле 2006 г. – также в зарослях стелющейся арчи северного склона Таласского Алатау под перевалом Карабура, в Чаткальской долине, на спуске с Ферганского хребта в долину Алабуги и в хребте Молдотоо. Очень интересную оценку численности зелёной пеночки на маршруте по Внутреннему Тянь-Шаню в июне 2016 г. дали О.В. Белялов с соавт.: «Одна из самых многочисленных птиц встреченных на маршруте. Была фоновым видом как еловых лесов, так и других биотопов. Именно её и обыкновенную чечевицу можно считать одними из самых успешных птиц Тянь-Шаня на рубеже 20 и 21 веков. Можно предположить, что на таком общем пике численности, часть самцов «выжимаются» в самые разнообразные нетипичные для вида гнездовые биотопы, от куртин тополей в посёлках, до жаркой долины Нарына (где они были обычны), вплоть до горной степи с зарослями кустов караганы под перевалом Калмак-Ашуу (единичные пары)» (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017, с. 103). На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. окольцевали 59, а в осенние – 198 зелёных пеночек (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной прилетает позже других пеночек. Даже намного южнее, в Памиро-Алае, эту пеночку А.И. Иванов (1969) раньше 26 апреля не встречал. И только однажды в ущелье р. Варзоб её появление отметили 10 апреля (Беме, Сытов, 1963). У Чиназа (устье Чирчика) серию из 9 шт. добыл В.Ф. Руссов с 30 апреля по 5 мая 1878 г. (Pleske,1888). По Ташкентом в начале XX ст. Н.А. Зарудный (рукопись; по: Ковшарь, 1972) наблюдал пролёт зелёных пеночек с третьей декады апреля до конца мая. В северных предгорьях Таласского Алатау у с. Новониколаевка (Аксу-Джабаглы) я наблюдал весной зелёных пеночек в 1960 г. с 7 апреля по 15 мая (ещё многочисленны в ущелье Джабаглы); в 1961 г. – с 18 марта по 3 мая (ещё многочисленны в арчевниках Дарбазы); в 1962 г. – с 27 марта по 11 мая; в 1963 г. – с 9 апреля по 18 мая; в 1965 г. они появились в Новониколаевке 14 марта; в период пролёта встречались стайками по 5-10, часто с другими пеночками (Ковшарь, 1966). На Чокпаке, где весной пролёт этого вида слабый, первых по песне отмечали 10 апреля 1970 г. и 23 апреля 1972 г., отлавливали их 12 мая 1968 г. и 11 мая 1970 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь же с 19 апреля (2004) по 25 мая (1999) окольцевали 59 зелёных пеночек, срединная дата весеннего пролёта – 16 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине пролёт наблюдали с 11 апреля до начала мая (Умрихина, 1970), в Алма-Ате – с середины апреля до конца мая, максимум 2 и 3 июня (Бородихин, 1968). На местах гнездования у верхней границы леса (Б. Алматинское озеро, 2500) первые зелёные пеночки появлялись: 30 мая 1971 и 1972 гг., 19 мая 1973 г., 24 мая 1974 г., 21 мая 1975 г., 22 мая 1976 г. и 23 мая 1977 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Здесь они вместе с горихвосткой-лысушкой – самые поздно прилетающие гнездящиеся птицы. В устье Тургени (Карачингиль) в 2006-2011 гг. первые пролётные зелёные пеночки появлялись 11-15 мая (Бевза, 2012). На правобережье Или, в Тышкане близ Джаркента, в 1900 г. появилась 21 мая и к 24 мая стала здесь вполне обыкновенной (Зарудный, Кореев, 1905), а в 1918 г. в большом числе пролетала с 16 по 31 мая, и только близ Кульджи первые зелёные пеночки отмечены намного раньше – 30 апреля (Шестопёров, 1929).

Осенью под Джаркентом пролёт в 1918 г. шёл во второй половине августа, разгар его пришёлся на конец месяца, а к 17 сентября он практически закончился (Шестопёров, 1929). В Карачингиле отдельные особя в 2004 г. задержались до 13 октября (Бевза, 2012). В Алма-Ате самая ранняя встреча – 31 июля 1961 г., самая поздняя – 9 сентября 1961 г., когда в роще Баума встретили две группы по 15-20 в каждой (Бородихин, 1968). В Чуйской долине пролёт идёт с конца августа до конца октября (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. самые ранние встречи зелёной пеночки – 20 августа 1972 г. и 1 сентября 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 16 августа (2003) по 16 октября (2005) отловили 198 зелёных пеночек, срединная дата осеннего пролёта – 31 августа (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), по наблюдениям 1959-1966 гг., первые зелёные пеночки появляются очень рано. Мне приходилось встречать их 3 августа 1960 г. (Кши-Аксу, 2000 м), 17 августа 1961 г. (Кши-Каинды, 1800 м), 15 августа 1963 г. (Каскабулак, 2200 м), а Л.М. Шульпин (1961)

отмечал начало пролёта ещё раньше – 2 августа 1935 г., 4 августа 1926 г. (наблюдения А.П. Коровина и Р.Н. Мекленбурцева) и 30 июля 1933 г. Сначала они появляются в горах, где встречаются до середины октября, а в предгорьях у Новониколаевки последних видели 23 октября 1960 и 1964 гг., 4 ноября 1963 г. и даже 4 декабря 1959 г. (Ковшарь, 1966). Ещё более поздняя встреча была 13 декабря 2005 г. (Чаликова, 2006: КОБ-2005), когда окольцованная во время снегопада 7 декабря птица 5 дней держалась в селе среди зимней обстановки, при температуре до –10°С.

Биология. Изучалась в Заилийском Алатау, где в окрестностях Б. Алматинского очерка в 60-70-х гг. обследовано 89 жилых гнёзд, у многих из них проведены систематические наблюдения с применением индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов. Результаты опубликованы в специальной статье и в очерке книги «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, Мальцева, 1978; Ковшарь, 1979). В них, помимо описания гнёзд и их расположения (рис. 396 а), яиц и птенцов, приведены сведения о размерах гнездового участка, гнездовом консерватизме, участии самца и самки в строительстве гнезда, насиживании яиц и выкармливании птенцов, плодовитости и успехе размножения, интенсивности пения самцов. Будучи моноцикличным видом, зелёная пеночка в условиях Тянь-Шаня откладывает яйца в первые 20 дней июня (87.2% самок в Заилийском Алатау и 88.5% в целом по Тянь-Шаню). В кладке (n=44) 3-7, в среднем 4.7 яйца, птенцов (n=38) 3-5, в среднем 4.5 на гнездо; из 70 гнёзд с прослеженной судьбой в Заилийском Алатау птенцы покинули 51 (70.3%). По другим местам в литературе имеются упоминания об отдельных гнёздах из Тышкана (район Джаркента), верховьев Таласа, хребтов Терской, Кунгей Алатау и Атбаши (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986).

Зеленокрылая пеночка – *Phylloscopus occipitalis* (Blyth, 1845)

Western crowned Leaf-warbler (англ.). Русский синоним: светлоголовая пеночка (Иванов, 1969).

Указание на гнездование в Чаткальском хребте Западного Тянь-Шаня (Птушенко, 1954), повторенное вскоре в сводке по птицам Палеарктики (Vaurie, 1959), основано на неправильном определении географического места кишлака Артуч, где 19 июля были добыты птенец с недоросшим хвостом и взрослая птица (Pleske, 1888). В одной из старых работ (Hellmayer, 1929) было сделано заключение, что этот кишлак находится не в Гиссарском, а в Чаткальском хребте, что и привело к путанице. Разъяснение находим в монографии «Птицы Памиро-Алая»: «Перелётная гнездящаяся птица центральных частей Памиро-Алая. К северу от долины р. Зеравшан светлоголовая пеночка [так автор называет *Phylloscopus occipitalis – АК*] не найдена совсем. Из Зеравшанского хребта она известна нам только по сборам Руссова, добывшего ряд экземпляров у кишл. Артуч; никто из орнитологов, посещавших позднее это место (Даль, Абдусалямов и я), светлоголовую пеночку здесь не видел. В Гиссарском хребте, на северных его склонах, Герхнер нашёл её на гнездовье на оз. Искандеркуль; я её там не отметил. На южных склонах Гиссарского хребта эта пеночка найдена Мекленбурцевым в западной оконечности хребта в долине р. Танхас выше кишл. Хитай» (Иванов, 1969, с. 291-292). В 1987 г. обнаружена в Китабском заповеднике – в отрогах западных окончаний Зеравшанкого и Гиссарского хребтов (Пирхал, Карабалиева, 1990).

348. Пеночка-зарничка – *Phylloscopus inornatus* (Blyth, 1842)

yellow-browed warbler (англ.), Gelbbrauen-Laubsänger (нем.), pouillot à grands sourcils (фр.),

Синонимы: *Motacilla superciliosa* Gmelin, 1788; *Regulus inornatus* Blyth, 1842; *Phylloscopus humei praemium* Mathews et Iredale, 1915; *Acanthopneuste nitidus saturatus* Baker, 1924.

Подвид. До недавнего времени считалась номинативным подвидом (Степанян, 2003) вида, общего с тусклой зарничкой и во всех русскоязычных публикациях сведения по ним приводятся вместе.

Характер пребывания. Изредка встречается в нашем районе во время пролёта (Гаврилов, 1999).

Биотоп. На пролёте – любая древесно-кустарниковая растительность.

Распространение. Длительное пребывание в составе одного вида с многочисленной у нас тусклой зарничкой привело к тому, что в литературе имеются лишь немногочисленные отрывочные данные о встречах этого вида-подвида, относящиеся в основном к последнему времени (рис. 393). Так, в сводке о птицах Киргизии (1960) приводится только одна встреча, а в аналогичных сводках по Памиро-Алаю и Узбекистану (Иванов, 1969; Мекленбурцев, 1995) эта птица вообще не упоминается. Единственная для Киргизии встреча – 13 сентября 1957 г. на Иссык-Куле, без более точного указания места (Птицы Киргизии, 1960). В Казахстане первый экземпляр пеночки-зарнички отловлен на Чокпаке 13 октября 1969 г. (Ковшарь, 1972; Гаврилов, Гисцов, 1985)[15]. Впоследствии (1982-2016 гг.) здесь же с 28 апреля (2006) по 21 мая (2001) отловили и окольцевали 31 особь, срединная дата весеннего пролёта – 10 мая; осенью с 4 сентября (2006) по 23 октября (2001) окольцевали 49 зарничек, срединная дата осеннего пролёта – 30 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). По устному сообщению А.Э. Гаврилова, на Сорбулаке: «за период стационарных работ 1978-1989 гг. была отловлена одна птица, определённая как *Phylloscopus inornatus inornatus*» (Белялов, 2014). На весеннем пролёте эту пеночку 14, 18, 19 и 20 мая 2002 г. встречали группы бёрдвотчеров в районе Каншенгеля у южной кромки песков Таукум (В. Ковшарь, 2003: КОБ-2002; Ковшарь, 2003: КОБ-2002; 2004). Изредка встречается на пролёте в предгорьях Заилийского Алатау близ Алматы и в самом городе, где её много раз фотографировали любители птиц, выставляя снимки на сайт (www.birds.kz; В. Ковшарь, 2015).

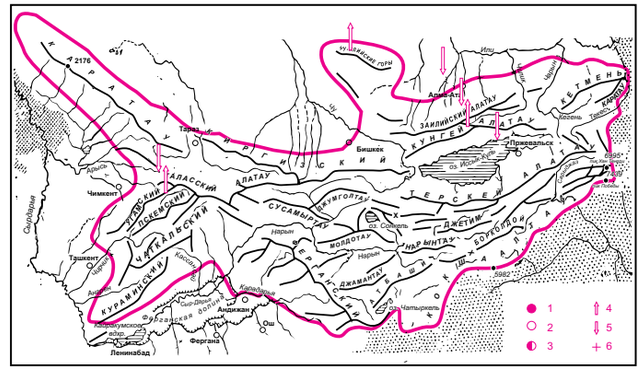

Рис. 393. Распространение зарнички в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

349. Тусклая зарничка – *Phylloscopus humei* [*inornatus*] (W.E. Brooks, 1878)

Hume's warbler (англ.), Gelbbrauen-Laubsänger (нем.), pouillot à grands sourcils (фр.),
арайшыл сайрауық (каз.), кидик мыймыт (кирг.), пеночка зарничка (узб.)

Синонимы: *Reguloides superciliosus humei* Brooks, 1878 (Шестопёров, 1929).

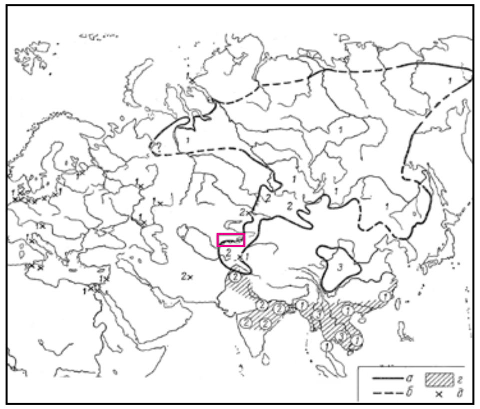
Подвид. Только недавно выделена из вида *Ph. inornatus* и пока считается монотипичным видом.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует на юге Азии.

Биотоп. Гнездится в горных хвойных лесах, предпочтительно в верхней части лесного пояса. Наиболее многочисленна на осветлённых участках леса у верхней его границы, где к ели примешивается кустарниковая арча. Гнездится и выше границы леса, в чистых арчевниках, а в Западном Тянь-Шане и в Памиро-Алае обитает только в арчовом стланике. Высотные пределы гнездования в большинстве хребтов Тянь-Шаня 2000-3200 м, но в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау, по нашим наблюдениям, довольно обычна также на высотах 1500-1700 м. На пролёте обычна как в горах, так и в предгорьях.

Распространение. Тянь-Шань расположен на юго-западной границе ареала тусклой зарнички (рис. 394), относительно недалеко от самых северных участков её зимовки. Здесь тусклая зарничка наиболее плотно населяет еловые леса хребтов восточной половины района (рис. 395) и прежде всего – Северного и Центрального Тянь-Шаня, включая Заилийский и Кунгей Алатау с их восточными отрогами, Кетмень и восточную половину Терской Алатау, а также лесистые хребты бассейнов Текеса

[15] Дата 19 октября в публикации «Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977» указана неверно – *АК*

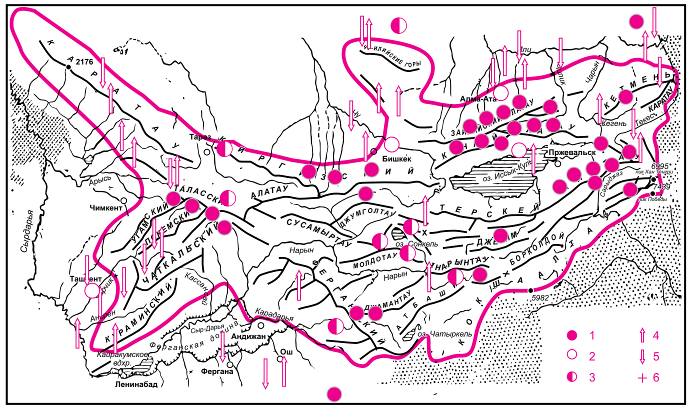

Рис. 394. Ареал тусклой зарнички (2) и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 193
Рис. 395. Распространение тусклой зарнички в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

и Сарыджаза, а на севере – южные отроги Джунгарского Алатау и Борохоро (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959, 1967; Птицы Киргизии, 1960; Винокуров, 1961; Кыдыралиев, 1961; Второв, 1967; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972 а,б, 1979; Пфеффер, 1978; Шукуров, 1986; Остащенко, 1990; Березовиков и др., 2004; Губин, 2009: КОБ-2008; Джаныспаев, 2012). Населяет восточную и центральную части Киргизского Алатау, имеющие хорошо выраженный лесной пояс, к западу по крайней мере до ущелья Мерке (Спангенберг, Судиловская, 1959; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005), а 4-5 июня 1997 г. поющего самца встречали даже на западной оконечности этого хребта, всего в 20 км восточнее города Тараз (Белялов, 2007). Во Внутреннем Тянь-Шане тусклая зарничка гнездится в лесах по Чон-Нарыну и Кичи-Нарыну, в горах, окружающих озеро Сонкуль, в верхней части долины Атбаши и в нижней части Арпинской долины – на лесистых склонах хребтов Джамантоо и Ферганского, а на южном склоне последнего встречена в национальном парке Карашоро (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Шукуров, 1986; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Гнездится она и южнее последней точки, уже за пределами южной границы Тянь-Шаня: «Судя по сборам Барея, Молчанова и Доценко, она гнездится везде в арчовом поясе Алайского хребта. В Туркестанском хребте Зарудный в большом количестве встречал зарничек в арчевниках верховьев Исфары на речках Чичак, Кшемыш и Нурлоу; ниже кишл. Ворух зарнички не встречались; дальше на запад они обычны по меньшей мере до верховьев р. Санзар (Даль, 1941)» (Иванов, 1969, с. 292). По другим данным: «В горах, ограничивающих с юга Ферганскую долину, эта пеночка найдена в гнездовой сезон в районе Шахимардана (Мальчевский, 1940). В этом месте нами была замечена пара, занятая постройкой гнезда, что доказывает гнездование. Далее на запад, на Туркестанском хребта, гнездование доказывается экземплярами молодых птиц с пер. Шахристан и Исманы (колл. ТашГУ)» (Мекленбурцев, 1995, с. 263).

В Западном Тянь-Шане тусклая зарничка гнездится в северной и восточной части его хребтов – в Сарычелеке (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин. 1966; Лебяжинская, 1981, 1982) и в Таласском Алатау (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966, 2017; Ковшарь, Чаликова, 1992; Чаликова, 2006; Губин, 2012) и отсутствует на южном макросклоне, бывая здесь в большом числе только на пролёте (Корелов, 1956; Мекленбурцев, 1995). Ничем не подтверждённое предположение о гнездовании в Чаткальском заповеднике (Железняков, Колесников, 1958), поддержанное С.Д. Матякубовым (1984), впоследствии не подтвердилось и было отвергнуто (Мекленбурцев, 1995; Митропольский, 2005; Головцов, 2007). Пролёт этого вида идёт по всей территории района – как предгорьями, так и горными долинами (рис. 395).

Численность. Одна из самых многочисленных птиц в своём биотопе, обычно превосходящая по численности гнездящуюся здесь же зелёную пеночку. Поскольку размеры охраняемой территории у этого вида, по нашим наблюдениям, не превышают 200-350 м^2, минимальные расстояния между соседними гнёздами в Заилийском Алатау бывают всего 19 и даже 16 м (в Кунгей Алатау в одном случае гнёзда с птенцами примерно одного возраста располагались всего в 15 м друг от друга), плотность на гнездованиях у зарнички в подходящих местах может быть очень высокой. Так, у верхней границы леса в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) на участке около 5 га в июне-июле 1974 г. мы

обнаружили 20 жилых гнёзд тусклой зарнички; на другом участке этого же восточного склона, площадью 2.5 га, в 1969 г. было обнаружено 8 жилых гнёзд (Ковшарь, Гаврилов, Родионов, 1974). В Сарычелекском заповеднике (восточная часть Чаткальского хребта), где тусклая зарничка входит в число фоновых видов авифауны елово-пихтового, орехового леса и арчового редколесья, плотность на гнездовании по данным учётов 80-х гг. была: в елово-пихтовом лесу 16-28 особей/км^2, елово-ореховом 25, ореховом 2-19, яблоневом лесу 0-15, в арчовом редколесье 1-13 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991, 1992). В ущелье Кокжар (бассейн Текеса) в 1955-1957 гг. тусклая зарничка была многочисленной в ельниках и обычной в арчевниках (Винокуров, 1961). В арчовом стланике восточной части Терскей Алатау (ущелье Чон-Кызыл-Су) в летнее время 1962-1965 гг. учитывали до 30 особей/км^2 тусклых зарничек и зелёных пеночек вместе (Второв, 1867). В Талгарском ущелье Заилийского Алатау (1600-1800 м), по данным маршрутных учётов в разных участках нижней части лесного пояса учитывали весной 3-4-5 особей/км, летом 8.0-8.3-4.3 особей/км, осенью 2.8-1.2-4.0 особей/км маршрута (Пфеффер, 1978). Во время осеннего пролёта в августе-сентябре в ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) учитывали от 3.33 до 102.4 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). На Чокпаке в 1966-1981 гг. окольцевали 74, а в 1982-2016 гг. – 255 тусклых зарничек (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетают в апреле. У Ташкента, по многолетним наблюдениям Н.А. Зарудного, первые появляются между 25 апреля и 3 мая, валовой пролёт идёт в начале мая, а последние встречены с 12 мая по 13 июня. Южнее, у Чиназа, В.Ф. Руссов добыл несколько тусклых зарничек 30 апреля и 3 мая 1878 г. (Pleske, 1888), а ещё южнее, у станции Мельниково в Ферганской долине, одну добыли даже 8 апреля (Loudon, 1910). На северных склонах Кураминского хребта интенсивный пролёт шёл 24-29 апреля 2003 г. – зарнички в большом числе встречены во всех посещённых ущельях (В. Ковшарь, 2004). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) первых мы отмечали в конце апреля и весь май наблюдали хорошо выраженный пролёт. В Боролдае (Каратау) пролёт шёл с 22 апреля по 22 мая, но в 1941 г. они появились здесь только 2 мая и сразу стали многочисленными (Долгушин, 1951). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых тусклых зарничек отмечали 20 апреля (1969) – 27 апреля (1968), в среднем 23 апреля, последних – 16 мая (1970) – 20 мая (1968), в среднем 18 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали здесь с 19 апреля (2004) по 24 мая (2005), срединная дата весеннего пролёта – 10 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Алма-Ату в разные годы они прилетали 17-28 апреля, ко времени цветения тополей и появления листвы на других деревьях; в начале мая они многочисленны, а к концу месяца исчезают (Бородихин, 1968). На местах гнездования в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) прилёт их отмечен: 20 апреля 1965, 22 апреля 1972, 17 апреля 1973, 16 апреля 1974, 16 апреля 1974, 11 апреля 1975 и 14 апреля 1977 гг. (Ковшарь, 1972; Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Баянкола (Центральный Тянь-Шань) первые тусклые зарнички в 1957 г. замечены очень рано – 2 апреля, а к маю пролёт уже закончился (Винокуров, 1960). В долине Копы мы наблюдали пролётных 8 мая – 3 июня 1987 г. и 18 апреля – 4 июня 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени), где тусклая зарничка – обычный пролётный вид, в 2005-2011 гг. первых отмечали 14-26 апреля (Бевза, 2012); под Джаркентом самца и самку добыли 26 апреля 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905). Самая поздняя одиночка за пределами гор встречена 11 июня 2004 г. близ артезиана Каншенгель у кромки песков Таукум (Ковшарь, 2005: КОБ-2004).

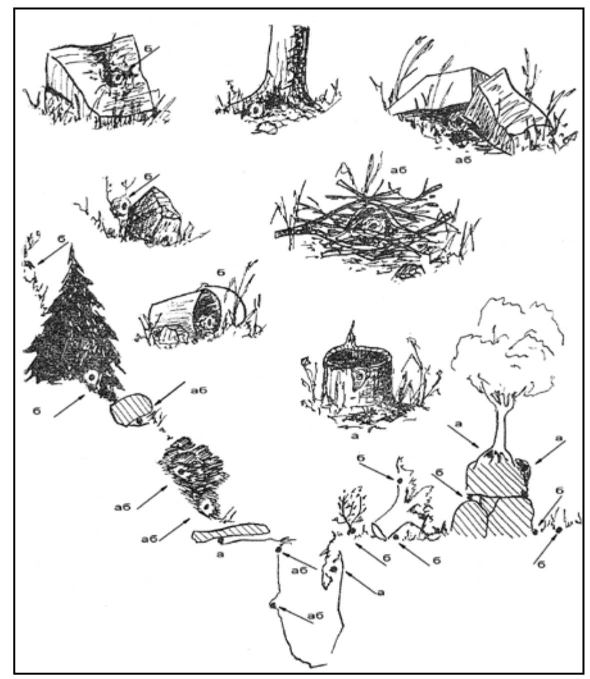

Рис. 396. Расположение гнёзд пеночек: зелёной *(а)*, тусклой зарнички *(б)*
Рис. Р.Г. Пфеффера (по: Ковшарь, 1979)

Осенью начинают отлетать уже в августе. В Карачингиле первая осенняя отмечена 6 августа 2007 г., самая поздняя – 14 октября 2006 г. (Бевза, 2012). Пролёт идёт весь сентябрь и большую часть октября. Так, в сентябре они ещё довольно обычны по Баянколу и Текесу, а с 7 по 23 сентября 1983 г. в долинах Сарыджаза и Иныльчека они составляли 34% всех учтённых птиц (Остащенко, 1990). На Б. Алматинском озере (2500) последних мы встречали 16 октября 1976, 20 октября 1973 и 20 ноября 1972 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Очень поздно – 13 ноября – добыт самец на Борохудзире (Ковшарь, 1972). На Чокпаке в 1982-2016 гг. их отлавливали с 24 августа (2005) по 27 октября (2000); всего поймали 180 особей, срединная дата осеннего пролёта – 28 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в Аксу-Джабаглы, последних зарничек встречали 13 ноября 1964 и 19 ноября 1961 гг. (Ковшарь, 1966). Под Ташкентом, по наблюдениям Н.А. Зарудного, пролёт идёт с конца августа до 27 октября. В Ферганской долине у Маргелана Томас Барей наблюдал пролёт в октябре и ноябре, а на Алайском хребте у Шахимардана – в августе и сентябре (Stolzmann, 1897).

Долгое время была известна единственная зимняя встреча тусклой зарнички: один экземпляр добыл Н.А. Северцов 24 февраля около Верного (Алматы). Здесь же одну зарничку встретили в верхней части города после обильного снегопада 10 декабря 1986 г. (Березовиков, 2004: КОБ-2003). В Ташкенте тусклую зарничку несколько раз встречали в центре города с 21 января по 29 февраля 1980 г. (Мекленбурцев, 1982). Кроме того, имеется указание (без приведения даты и места) для территории Киргизии: «отдельные птицы в Чуйской долине и на Иссык-Куле остаются на зиму» (Птицы Киргизии,1960, с. 188). Всё же явление это редкое.

Биология. Довольно хорошо изучена в Заилийском Алатау, где в 60-70-х гг. найдено и описано 337 жилых гнёзд и проведены стационарные наблюдения за индивидуально помеченными птицами. Результаты опубликованы в специальной статье (Ковшарь, Гаврилов, Родионов, 1974 – предварительные данные) и в очерке монографии (Ковшарь, 1979). В последнем подробно описано пение самцов, его календарная продолжительность (115-123 дня), интенсивность (до 382 песен/час) и её изменчивость на разных фазах репродуктивного цикла; расположение гнёзд (рис. 396 б), их устройство и состав материала; участие членов пары в сооружении гнезда, насиживании яиц и выкармливании птенцов, продолжительность этих фаз и всего репродуктивного цикла, состав кормов гнездовых птенцов, послегнездовая жизнь выводков и т.д. Интересные сведения получены по гнездовому консерватизму: из 290 помеченных в 1971-1975 гг. у гнёзд тусклых зарничек (38 самок, 37 самцов, в т.ч. 28 пар, а также 215 птенцов) на следующий год на места гнездования вернулись 13 самцов, 8 самок и 13 прошлогодных птенцов. Взрослые в 14 случаях загнездились почти в пределах гнездового участка (не дальше 50 м), в остальных 10 случаях – в 200-500 м. Молодые птицы поселились в 300-1000, чаще всего – в 500-600 м от места своего рождения. Среди взрослых зарничек самцы возвращались примерно вдвое чаще самок, у молодняка соотношение вернувшихся самцов и самок примерно одинаковое. При очень большом разнобразии способов устройства гнезда (рис. 396 б) тусклые зарнички не испытывают дефицита в удобных местах, поэтому очень редко гнездятся дважды в одном месте – мне известен только один такой случай, когда пара меченых птиц через два года загнездилась в той же ямке под кустиком арчи. Самка сама, без участия самца, строит гнездо за 4-5, редко 7-8 дней; она же насиживает кладку в течение 11-14 дней, проводя в гнезде от 41 до 63% времени, а на обогрев трёхдневных птенцов тратит 50.3% всего дневного времени, принося им корм в 7 раз реже самца, тогда как оперяющихся птенцов оба родителя кормят почти поровну (соотношение прилётов самки и самца 407:384). Иногда самцы умудряются одновременно со своими кормить чужих птенцов в соседних гнёздах (Ковшарь, 1979 а). Основой питания птенцов, по данным 240 проб пищи, полученных при помощи лигатур (Мальчевский, Кадочников, 1953) у 24 гнёзд, оказались равнокрылые хоботные (Homoptera – в основном тли), двукрылые (мухи) и клопы, которые все вместе составили 85.3% от общего числа объектов в этих пробах. Сроки гнездования довольно сжаты и укладываются в 30-40 дней. Так в субвысокогорье Заилийского Алатау в 1964-1976 гг. из 420 случаев точно установленного времени начала откладки яиц в 355 (84.5%) тусклые зарнички отложили кладку в период с 1 по 20 июня, а в 382 (90.9%) – в течение всего июня. И только в 1974 г. 24 самки из 81 (29.6%) начали нестись в 3-й декаде мая, а 8 (9.9%) откладывали яйца ещё в первой декаде июля (Ковшарь, 1979, с.193, табл. 75); т.е. откладка яиц растянулась на 50 дней. В среднегорье Таласского, Терской Алатау и, возможно, других хребтов зарнички приступают к откладке яиц уже во второй декаде мая.

В обычные годы в субвысокогорье Тянь-Шаня тусклые зарнички имеют, безусловно, один репродуктивный цикл, но в годы с необычно ранним началом кладки некоторые наиболее рано загнездившиеся пары успевают вывести птенцов дважды. Мы в Заилийском Алатау (2500 м) наблюдали два таких случая в 1974 г. Одна пара начала первую кладку 24 мая, птенцы покинули гнездо 24 июня, а 14 июля меченая самка насиживала 4 яйца второй кладки в новом гнезде, устроенном всего в 3 м от предыдущего. Птенцы из этого гнезда вылетели утром 4 августа. Вторая самка отложила первое яйцо 30-31 мая, пять птенцов первого выводка покинули гнездо 30 июня, а 27 июля эта самка вместе с другим самцом кормила двух только что вылупившихся птенцов в новом гнезде в 300 м от предыдущего; кроме птенцов в гнезде было одно неоплодотворённое яйцо. В обоих случаях вторая кладка была начата через неделю-полторы после вылета первого выводка. Общая продолжительность двух циклов – около 90 суток.

Для других хребтов в литературе приводятся сведения об отдельных гнёздах. В Терской Алатау в 1954 г. найдено два гнезда (Степанян, 1959), в 1959 г. – 7 гнёзд (Птицы Киргизиии, 1960), в 1961 г. – 5 гнёзд (Шукуров, 1986); в верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1956-1957 гг. – 3 гнезда (Винокуров, 1961); в верховьях р. Атбаши 5 июля 1958 г. – одно гнездо (Птицы Киргизии, 1960); в Куйлю-тоо (Центр. Тянь-Шань, Сарыджаз) в 1961 г. – одно гнездо (Шукуров, 1986); в Кунгей Алатау в 1968 г. – 3 гнезда (Ковшарь, 1972 а); в Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) в 1973 г. – 4 гнезда (Губин, 2012).

Гималайская пеночка – *Phylloscopus subviridis* (Brooks, 1872)

Brook's Leaf warbler (англ.), Brookslaubsänger (нем.), pouillot de Brooks (фр.)

Многие десятилетия, вплоть до последнего времени (Гаврилов, 1999; Степанян, 2003) эта жительница Гималаев числилась в фауне среднеазиатского региона на основании старых указаний о залётах в район Джаркента и Туркестанского хребта. Вот первое указние: «Отмечена Н.А. Зарудным на Чаткальском (в верховьях Падша-Ата, 8.VII.1909 г.) и Туркестанском (9.VII.1908 г.) хребтах. Очевидно, это были случайные залётные птицы, если нет ошибки в их определении, что проверить невозможно, так как этих экземпляров птиц в коллекции Н.А. Зарудного в САГУ нет» (Птицы Киргизии, 1960, с. 189). И второе: «В Советском Союзе отмечены залёты в окрестности Оренбурга и Джаркента (Панфилов), северного склона Туркестанского хребта (у оз. Каракулькатты) и южного склона Ферганского хребта (в бассейне Падша-ата). Все четыре раза определение добытых экземпляров произведено Н.А. Зарудным и проверить его теперь невозможно, так как три экземпляра утеряны, а четвёртый в настоящее время не может быть определён с уверенностью. В окрестностях Джаркента пеночка, определённая как *Phylloscopus subviridis,* добыта Б.П. Кореевым 12 сентября 1899 г.» (Ковшарь, 1972, с. 48). Наконец, в списке птиц Северной Евразии в границах бывшего СССР (Коблик, Архипов, 2014, с. 86) вопрос этот решён, на мой взгляд, радикально: гималайская пеночка исключена из общего списка «Фауна птиц стран Северной Евразии…» и помещена в отдельный список «сомнительные виды» (с белохвостым поползнем, серым козодоем и ещё 27 видами).

350. Корольковая пеночка – *Phylloscopus proregulus* (Pallas, 1811)

Pallas's warbler (англ.), Goldhähnchenlaubsänger (нем.), pouillot de Pallas (фр.)

Характер пребывания. Случайные залёты в период сезонных миграций; возможно, слабый пролёт.

Биотоп. Лесная птица. В Тянь-Шане отмечена в арчовых редколесьях, в яблоневом лесу в предгорьях и населённом пункте, а в долине Или – даже среди кустиков терескена на песчаном бархане.

Впервые эта восточно-сибирская пеночка залетела в Западный Тянь-Шань осенью 1960 г., когда она была отмечена также в Швейцарии и Великобритании. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) с 7 по 23 декабря 1960 г. я в немалом числе встречал их в высокоствольных арчевниках ущелий Кши-Каинды и Талдыбулак (1400-2100 м) и в садах села Новониколаевка в предгорьях (1200 м). Через год,

с 3 по 17 октября 1961 г., они снова встречались в этих же местах, одну удалось добыть (Ковшарь, 1966). Через 10 лет залёт в это место повторился. Осенью 1970 и 1971 гг. в начале ноября одиночек отметил Б.М. Губин (1989) в с. Новониколаевка; одна поймана в паутинную сеть, а вторая добыта 2 ноября и тушка хранится в коллекции Института зоологии (Алматы). Ещё через 30 лет, 13 апреля 2004 г. одну встретили в разреженном арчовом лесу ущелья Талдыбулак (Чаликова, 2005: КОБ-2004), а на Чокпакском перевале двух окольцевали 23 октября 2001 г. и 24 октября 2002 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Наконец, снова в с. Новониколаевка (ныне – Жабагылы) 22 октября 2013 г. корольковую пеночку сфотографировал Е.М. Белоусов (www.birds.kz). Все эти многократные встречи в одном маленьком районе наводят на мысль, что здесь проходит пролёт крайних западных популяций корольковой пеночки на свои северо-индийские зимовки. В эту же схему укладывается и единственная встреча этого вида в другом месте: 22 мая 1990 г. в 8 км юго-западнее города Капчагай (р. Или) на кустике терескена среди барханов встретили поющего самца (Коваленко, 2003: КОБ-2002).

351. Индийская пеночка – *Phylloscopus griseolus* Blyth, 1847

Sulphur-Bellied warbler (англ.), Braunlaubsänger (нем.), pouillot à grands grisâtre (фр.), сарыбауыр сайрауық (каз.), сары каш мыймыт (кирг.), ҳинд пеночкаси (узб.)

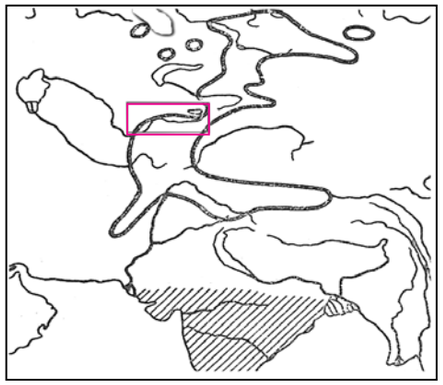
Синонимы: *Sylvia indica* Jerdon, 1840; *Phyllopneuste obscura* Severtzov, 1873; *Ph. indicus albigula* Hesse, 1912. Монотипичный вид, подвидов не образует.

Систематические замечания. На основании общности окраски и голосовых реакций индийская пеночка вместе с бурой пеночкой выделялась в особый род камышевковидные пеночки *Oreopneuste* Swinh, который помещался между корольковыми пеночками *Reguloides* Blyth и толстоклювой пеночкой *Herbivocula* Swinh (Портенко, 1960), впоследствии все эти роды были низведены в положение подродов (Степанян, 2003). Еще раньше индийскую пеночку включали непосредственно в род *Herbivocula* (Seebohm, 1881; Ticehurst, 1938). На основании анализа всей истории таксономических преобразований этой группы пеночек была высказана точка зрения, на мой взгляд наиболее убедительная: «Ряд морфологических, в том числе оологических, признаков подтверждает целесообразность разделения группы бурых пеночек, к которой относится *Ph. griseolus,* на 2 подрода: камышевковидных пеночек *Herbivocula* (Swinhoe, 1871) с видами *Ph. schwarzi* и *Ph. armandii* и бурых пеночек *Phaeorhadina stat. n.* (Mathews et Iredale, 1917) с видами *Ph. fuscatus, Ph. fuligiventer, Ph. affinis (Ph. subaffinis)* и *Ph. griseolus*» (Лоскот, 1990).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует на полуострове Индостан (рис. 397) южнее Лахора, на равнинах и Деканском нагорье – до Калькутты на востоке и Хайдарабада на юге.

Биотоп. Индийская пеночка – типичный обитатель сухих каменистых участков субальпийского пояса с редкими и низкорослыми кустарниками. Все исследователи отмечают приверженность этой пеночки к каменистым обнажениям – скалам и осыпям. Здесь она может жить даже при отсутствии кустарников, как, например, на сыртах Тянь-Шаня (Арабельские, Сарыджазские, Покровские), где она гнездится регулярно (Степанян, 1959 а, б**).** На гнездовании избегает леса и мягких травянистых склонов, предпочитая хорошо прогреваемые каменистые обнажения с разреженным кустарником. В Тянь-Шане обычно гнездится выше верхней границы ельника, вверх – до средней части альпийского пояса (3500 м), но по каменистым осыпям спускается и в лесной пояс. В Терской Алатау высотное распределение этой пеночки своеобразно: в восточной части хребта она населяет субальпийский и альпийский пояса до высоты 3700-3800 м, отсутствует в лесном поясе, но вновь появляется на склонах предгорий, обращённых к Иссык-Кульской котловине. В западной части хребта, где лесной пояс не выражен, индийская пеночка гнездится, вероятно, по всему профилю гор от предгорий до альпийского пояса (Степанян, 1959). Сходная картина – в безлесной западной оконечности Заилийского Алатау (горы Суюктобе), где индийская пеночка обычна на крутых скалистых склонах от 2200 до 3000 м (Белялов, Бородихин, 2006). В хребтах Внутреннего Тянь-Шаня обитает на высотах 1900-3500 м.

Распространение. Индийская пеночка распространена в горах Средней и Центральной Азии, от истоков Инда на юге до истоков Оби и Енисея на севере, достигая южных границ Сибири в районе Восточного Саяна (рис. 397). Населяет Западные Гималаи, северную половину Тибетского нагорья и

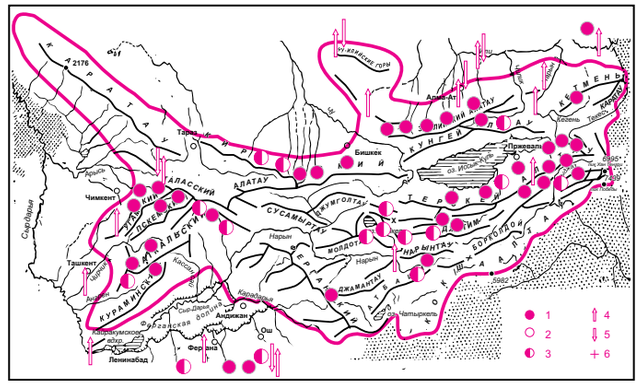

Рис. 397. Ареал индийской пеночки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Птушенко, 1954, с. 204
Рис. 398. Распространение индийской пеночки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Куньлунь, горные хребты Афганистана, Гиндукуш, Памиро-Алай, Тянь-Шань, Джунгарский Алатау и Борохоро, Тарбагатай, Алтай, Хангай и Гобийский Алтай. В Тянь-Шане, расположенном на западной границе узкого ареала этого вида, индийская пеночка встречается довольно широко (рис. 398).

В Западном Тянь-Шане она достаточно обычна в хребтах Кураминском, Чаткальском, Пскемском, Угамском, Таласском (Кашкаров, 1927; Мальчевский, 1940; Железняков, 1950; Корелов, 1956а; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991). В Каратау не найдена (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Губин, Белялов, 2017). Восточнее обычна в хребтах Киргизский, Заилийский, Кунгей и Терскей-Алатау; в хребтах Ферганский, Атбаши и по всем хребтам Внутреннего Тянь-Шаня на территории Киргизии; в горах Кетмень и хребтах Центрального Тянь-Шаня, где поднимается на сырты – Тонские, Тюпские, Покровские и Сарыджазские (Шнитников, 1949; Корелов, 1956б; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Тарасов, 1961; Кыдыралиев, 1972; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972а; Шукуров, 1986; Ковшарь, Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Аракелянц, Березовиков, 2006; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Джаныспаев, 2012; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). Севернее и восточнее нашего района, в ущелье Тышкан близ Джаркента, индийская пеночка была обыкновенна на гнездовании ещё в 1899-1900 гг. (Зарудный, Кореев, 1905). У южных гарниц Тянь-Шаня в те же годы, судя по обширным сборам Т. Барея, она была обычна на всём протяжении Алайского хребта от перевала Тарткуль до верховьев р. Сох, а в Алайской долине Г.С. Кочубей добывал её у Дарауткургана (Зарудный, 1926; Иванов, 1969). В последнем месте двух короткохвостых слётков встретили 1 июля 2015 г., а 29 июня в ущелье Кызыл-Эшме на южном склоне Алайского хребта видели взрослых с кормом (Белялов и др., 2016).

Численность. В целом по ареалу невысокая, но в некоторых местах эта пеночка достаточно обычна. В Западном Тянь-Шане она немногочисленна в Таласском Алатау (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966), более обычна в южных его хребтах (Корелов, 1956; Митропольский и др., 1981) и указана как массовый вид для Каржантау (Капитонов, 1969). В верховьях р. Пскем с 20 по 26 августа 2002 г. выше 2500 м встречена 21 индийская пеночка (В. Ковшарь, 2003); там же в июле-августе 2015-2016 гг. встретили 31 особь, в основном выводками (Тен и др., 2017). В высокогорье западной половины Киргизского Алатау 24 июля 1957 г. была многочисленной в верховьях р. Куртыбай (Корелов, 2007), а восточнее, в ущелье Ала-Арча, за 20 экскурсий с мая 1957 по октябрь 1960 г. встречена всего на четырёх общим количеством 11 особей (Кузнецов, 1962). В Терскей-Алатау редка, особенно на сыртах (Степанян, 1959б), но в ущ. Чон-Кызылсу в июне 1954 г. за 4 дня встречено 5 особей (Степанян, 1959а), а в целом для Киргизии указана как обычная птица (Птицы Киргизии, 1960). В высокогорье центральной части Заилийского Алатау, где в 1971-1976 гг. найдено 65 жилых гнезд, достаточно обычна (Kovshar, Gavrilov, 1976; Ковшарь, 1979); численность её здесь оставалась высокой и спустя 30 лет: 2 июня 2007 г. за одну экскурсию по Мраморному ручью (Б. Алматинское ущелье) встречено 8 поющих самцов (Ашби и др., 2007). На западной оконечности этого хребта (горы Суюктобе) 12 июля 2006 г. индийская пеночка была

«самой заметной птицей» на высотах 2200-2800 м (Белялов, Бородихин, 2006). Следует подчеркнуть, что большинство литературных указаний на высокую численность этого вида (Абдусалямов, 1973; Потапов, 1986; В. Ковшарь, 2003; Белялов, Бородихин, 2006; Корелов, 2007; Тен и др., 2017) основаны на данных, полученных в июле-августе, в период массового вылета молодняка, когда эта птица особенно заметна, часто подает голос и вообще обращает на себя внимание. На пролёте редка: на Чокпаке в 1966-1981 гг. изредка отмечали одиночек, а в 1982-2016 гг. окольцевали 10 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Видимо, летит в основном горами.

Сроки. Даты. Весной в большинстве мест появляется не ранее апреля, но есть сведения о встречах даже в конце марта – в Ферганской долине у Маргелана Т. Бареем (Мекленбурцев, 1995) и на северном склоне Терскей-Алатау (Шукуров, 1986). И если первое ещё можно отнести за счет старого стиля, не переведенного в новый (такие ошибки в цитируемой работе – не редкость), то относительно недавняя встреча 25 марта 1961 г. в ущелье Джиланды Терскей-Алатау заслуживает внимания, тем более, что автор указывает, что перепутать эту пеночку с другими видами рода невозможно, благодаря ее характерному поведению и голосу, а далее сообщает и другие интересные подробности: «Первое время она держится в кустарнике среди леса, затем переходит на свои обычные стации – скалы, поросшие кустарником» (Шукуров, 1986, с. 77). В этих обычных стациях поющий самец индийской пеночки встречен тем же автором 29 марта, но в хр. Атбаши их совершенно не было видно до середины апреля, а обычными они стали только с 6 мая.

Намного южнее, в Памиро-Алае (ущелье Варзоб) самая ранняя встреча индийской пеночки – 8 апреля 1954 г. (Попов, 1959), в Гисарской долине пролетная добыта 22 апреля (Иванов, 1940). В Западном Тянь-Шане, в долине Пскема первых наблюдали 20 и 24 апреля 1954 г. (Корелов, 1956а), в Казгурте – 27 апреля, в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) – 27 и 28 апреля (Ковшарь, 1966); 21 апреля 2004, 19 апреля 2005, 13 апреля 2007, 11 апреля 2008 и 9 апреля 2010 гг. (Чаликова, 2012). Рядом, на Чокпаке, первые отловлены 19 и 20 апреля 2004 г. (А. Гаврилов, 2004), изредка встречаются здесь и в мае – 9 и 11 мая 1968, 10 мая 1969 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Пролет здесь, как, впрочем, и везде, выражен слабо – встречаются лишь одиночки. Во внутренние районы Тянь-Шаня прилетает в середине апреля. Так, в Нарыне она добыта 11 апреля 1909 г. (Шнитников, 1949), а на южных склонах Кунгей-Алатау (Тору-Айгыр) – 15 апреля 1952 г. (Птицы Киргизии, 1960). В Алма-Ате в разные годы их встречали 9 и 13 апреля, в горах Заилийского Алатау (Б. Алматинское ущелье, 2500) первые индийские пеночки отмечены: 23 апреля 1972, 19 апреля 1973, 28 апреля 1974, 25 апреля 1975 и 27 апреля 1976 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Каскеленском ущелье известна встреча 28 апреля; в Аяк-Калкане (долина Или) – 29 апреля, в горах Сюгаты – 27 апреля (Ковшарь, 1972). В горах Турайгыр (ущ. Аласы) две одиночки отмечены 20 апреля 2004 г. (Коваленко, 2004). В долине Копы за два весенних сезона встречена только раз – 8 мая 1988 г. одиночка в бурьянах на пашне (Ковшарь, Березовиков, 2000), столь же редка на пролёте и в Чу-Илийских горах.

Осенний пролет индийских пеночек еще менее заметен, чем весенний, и сведений о нём мало. В течение августа птицы постепенно исчезают с мест гнездования, и в сентябре встречаются лишь редкие одиночки. На местах гнездования в субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское ущелье, 2500 м) последних мы встречали: 23 августа 1975, 28 августа 1973, 2 сентября 1974, 4 сентября 1972 и 7 сентября 1971 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983), а близ Алма-Аты – не позже 20 сентября (Ковшарь, 1972); в Терскей-Алатау – в начале сентября (Шукуров, 1986). В бассейне р. Кунгес (Восточный Тянь-Шань) добыта 22 сентября (колл. ЗИН РАН). В низовьях р. Талас, среди пустыни, пролётный самец отловлен 30 сентября 1982 г. (Яблонкевич и др., 1985). На Чокпаке самец добыт 29 сентября 1973 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 28 августа (2005) по 21 сентября (2013) окольцевали 4 индийские пеночки (А. Гаврилов и др., 2017). Под Ташкентом очень слабый пролет наблюдается до середины сентября. Самая поздняя встреча этой пеночки в Казахстане – 6 октября, когда одну добыли под Сайрамом у Чимкента (Ковшарь, 1972).

Биология. Изучалась на высокогорном стационаре Б. Алматинское озеро (Заилийский Алатау, 2500 м). По собранным здесь в 1964-1967 гг. материалам опубликована специальная статья (Kovshar, Gavrilov, 1976), а в 1971-1975 гг. здесь же по единому плану (пение и образование пар; гнездовой консерватизм; гнездовой участок, гнездо и его строительство; насиживание яиц, выкармливание птенцов; послегнездовая жизнь выводка; плодовитость) проведены наблюдения у 65 жилых гнёзд с применением индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов, результаты опубликованы (Ковшарь, 1979). Кроме того, сделана попытка анализа репродуктивного цикла, с учётом всех

литературных данных, полученных в других хребтах Тянь-Шаня и Памиро-Алая (Ковшарь, 2014). Ниже – краткие выдержки из этих работ.

Строит гнездо самка, участие самца (Абдусалямов, 1964), видимо, редкая случайность. В Заилийском Алатау у 42 гнезд индийской пеночки мы только дважды отметили *попытки* самцов строить гнёзда. Сами гнёзда располагаются, как правило, в кустах невысоко над землей. В Заилийском Алатау в 1964-1976 гг. из 81 гнезд в кустах арчи было устроено 60 (74%), в лиственных кустарниках (жимолость, шиповник, рябина) – 12 (15%), на стеблях высоких трав – 7 (8.6%), на высоте 5-50, чаще 5-15 см от земли. И только однажды пеночки пытались построить гнездо на нижних ветвях 25-метровой ели в 2 м от земли (Kovshar, Gavrilov, 1976; Ковшарь, 1979). Гнездо представляет собой закрытую эллиптическую постройку с входом сбоку, причем прямые стебли днища перед входом нередко образуют площадку, заметно превышающую длину самого гнезда. В полной кладке 3-6, в среднем (n=62) 4.82 яйца. По 3 яйца было в двух кладках – на Памиро-Алае и в Чаткальском хребте (Иванов, 1969; Митропольский и др., 1981); по 4 – в 11, по 5 – в 45 (72.6%) и по 6 – в 4 гнездах в Заилийском Алатау (Зарудный, Кореев, 1905; Степанян, 1959; Янушевич и др., 1960; Ковшарь, 1966; Иванов, 1969; Нейфельдт и др., 1978; Ковшарь, 1979; Митропольский и др., 1981; Аракелянц, 2006; Грачев, 2008). Насиживает самка, самец её не кормит и не подменяет. Выкармливают птенцов оба родителя, при этом в первые 5-6 дней самка 50-52% времени обогревает их и за кормом летает реже, но уже в недельном возрасте птенцы получают корм примерно в равной степени от обоих родителей. За 80 часов наблюдений у 6 гнезд отмечено 735 прилетов с кормом, из них 54.6% приходилось на долю самца, который при этом ещё и поёт – неподолгу, но часто, прилетев с кормом к гнезду и после кормления (Ковшарь, 1979). Длительность отдельных фаз гнездового цикла: строительство гнезда 5-16 дней, откладка яиц 4-6 дней, насиживание 14-17 дней, выкармливание птенцов в гнезде 15-17 дней; следовательно, весь гнездовой период длится 38-56 дней. Есть и прямые наблюдения за 9 парами в Заилийском Алатау: у 4 пар он занял 43-46, у двух 47-48, у двух 50-51 и у одной пары – 57 суток (Ковшарь, 1979). Такая его длительность (плюс время на вождение выводка) делает маловероятным наличие второй кладки.

Успешность гнездования изучалась в Заилийском Алатау, где гибель гнёзд оказалась очень высокой: в 1971-1975 гг. успешное гнездование отмечено только в 20 гнездах из 44 (45.4%). В трёх гнёздах индийской пеночки обнаружены яйца кукушки, причём одно из них кукушка надлежащим образом «подготовила»: 25 июня из него исчезли 4 насиженных яйца (при этом даже лоток гнезда не был нарушен), а когда эта самка построила новое гнездо в 25 м от прежнего, в нём 30 июня вместе с 3 яйцами пеночки оказалось яйцо кукушки, из которого 11 июля вылупился птенец, а на утро следующего дня яйца пеночки были выброшены. В целом, выживаемость гнёзд индийской пеночки очень низка по сравнению с гнездящимися рядом зелёными пеночками и тусклыми зарничками, у которых гнёзда лучше спрятаны (под камнями, в моховой подушке или хотя бы в густой траве) и менее доступны хищникам.

352. Бурая пеночка – *Phylloscopus fuscatus* (Blyth, 1842)

dusky warbler (англ.), Dunkler Laubsänger (нем.), pouillot brun (фр.),
қоңыр сайрауық (каз.), құңғир пеночка (узб.)

Синонимы: *Ph. brunneus* Blyth, 1845; *Horornis fulviventris* Hodgson, 1845; *Sylvia sibirica* Middendorf, 1853; *Phyllopneuste homeyeri* Dybowski, 1883; *Phylloscopus fuscatus robustus* Stresemann, 1924; *Oreopneuste fuscata altaica* Sushkin, 1925.

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане встречается *Phylloscopus fuscatus fuscatus* Blyth, 1842.

Характер пребывания. Пролётная птица, раньше считалась залётной.

Биотоп. На пролёте встречена в разной обстановке, в т.ч. в открытой степи, на болоте и в песках.

Распространение. Ближайшие места гнездования этой сибирской пеночки – западная и южная часть Алтая (Долгушин, 1972). Поскольку две добытые 10 октября 1908 г. и 12 мая (год неизвестен) на окраине Ташкента бурые пеночки (Зарудный, 1910 и рукопись; по: Долгушин, 1972; Мекленбурцев, 1995) более полувека оставались единственными и считались случайно залётными, предполагалось, что

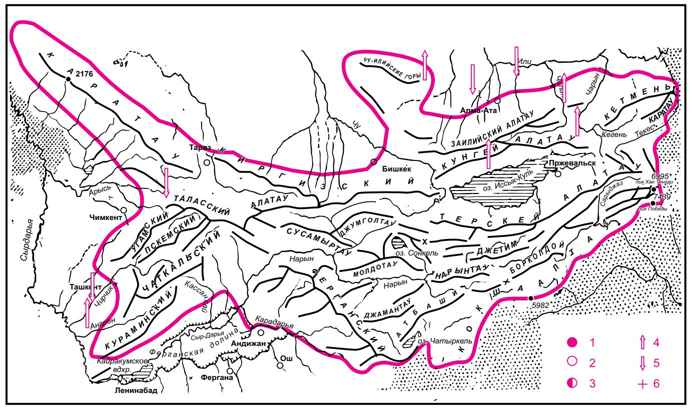

Рис. 399. Распространение бурой пеночки в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

алтайские популяции улетают зимовать на юго-восток через территорию Китая. Однако 23 сентября 1984 г. на озере Сорбулак в 70 км северо-западнее Алматы был добыт молодой самец и ещё одна пеночка окольцована (Коваленко, Гаврилов, Давлетбаков, 2002). На Б. Алматинском озере (2500 м) поющего самца отметили 27 апреля 2000 г. Осенью того же 2000 г. трёх бурых пеночек отловили для кольцевания на Чокпаке 29 сентября, 6 и 7 октября (Коваленко, Гаврилов, Давлетбаков, 2002: КОБ-2001). Представляя эти факты как свидетельство пролёта, авторы дают объяснение и запоздалому их появлению: «Первая регистрация бурой пеночки на Чокпакском перевале, где отлов птиц производится ежегодно с 1966 г., объясняется, на наш взгляд, двумя обстоятельствами. Достаточно много пеночек ловили лишь осенью 1967 (588 теньковок, 21 зарничка и 11 зелёных пеночек), когда в лесополосе устанавливали небольшую ловушку (высота 6 м, ширина входа 20 м) Рыбачинсокго типа. Однако в 1968 г. в неё поймали всего 109 (Гаврилов, 1972), а в 1969 и 1970 г. – 117 и 2 пеночки соответственно. В последние годы эта ловушка не использовалась, а в большие стационарные ловушки на холме залетало лишь не более 10-20 пеночек ежегодно. Осень 2000 г. характеризовалась дождливой погодой, на перевале трижды выпадал снег. Именно в этом году нашли очень эффективное место для отлова пеночек – в лесополосе, граничащей со степным склоном холма. С 29 сентября по 26 октября в 1-2 паутинные сети (длиной до 10 м) здесь поймали 313 теньковок, 31 зарничку, 3 зелёных и 3 бурых пеночки. Поскольку дождливой была и осень 1967 г., можно предположить, что выпадение дождя и снега в горах вынуждает мигрирующих насекомоядных птиц спускаться в предгорья, где в сухие сезоны они редки или отсутствуют. Таким образом, бурая пеночка регулярно мигрирует по горам Юго-Восточного Казахстана, иногда появляясь и в предгорьях» (Коваленко, Гаврилов, Давлетбаков, 2002, с. 203). Кроме перечисленных встреч бурую пеночку наблюдали также: 16 апреля 1999 г. в районе родника Адыр между посёлками Бозой и Айдарлы – одиночка в куртине тростника у трассы «Алматы-Караганда», между Чу-Илийскими горами и песками Таукум; 22 апреля 2002 г. – в кустиках среди каменистых осыпей в одном из ущелий хребта Турайгыр отметили около десятка пеночек, три их них, рассмотренные в 10-кратный бинокль, определены как бурые пеночки по тёмной коричневатой окраске низа тела и полному отсутствию жёлтых тонов (Белялов, 2003: КОБ-2002). На Б. Алматинском озере по этим же признакам определили как бурую одну пеночку на кусте арчи 26 мая 2004 г. (Коваленко, 2005: КОБ-2004), а в Карачингиле – двух пеночек 17 сентября 2007 г. (Бевза, 2012). Видимо, необходимо более внимательно рассматривать похожих на индийскую пеночку птиц в миграционное время на юго востоке Казахстана, особенно в горах и предгорьях нашего района.

353. Толстоклювая пеночка – *Phylloscopus [Herbivocula] schwarzi* (Radde, 1863)

Radde's warbler (англ.), Bartlaubsänger (нем.), pouillot de Schwarz (фр.)

Синонимы: *Arundinax flemingi* Swinhoe, 1870; *Ph. brooksi* Hume, 1874; *Herbivocula incerta* David et Oustalet, 1877. Голосистая пеночка-камышевка (Птушенко, 1954, с. 210).

Впервые в Казахстане и во всём среднеазиатском регионе эту восточносибирскую пеночку отметили на юго-западе пустыни Бетпак-Дала, где в ур. Чулакэспе 24 сентября 1974 г. в паутинную сеть отловили годовалого самца (Гаврилов и др., 1976). Для нашего района известны указания на встречу в г. Алматы: 27 мая 1986 г. (Родионов, Гаврилов, 1993) и там же – 6 мая 2003 г. (Wassink, Oreel, 2007). Все три – случайные залёты на миграциях. Ни в одной из монографических сводок по птицам региона (Птицы Киргизии, 1960; Птицы Памиро-Алая, 1969; Птицы Казахстана, 1972; Птицы Узбекистана, 1995) этот вид не упоминается.

354. Садовая славка – *Sylvia borin* (Boddaert, 1783)

garden warbler (англ.), Gartengrasmücke (нем.), fauvette des jardins (фр.)

Синонимы: *Motacilla passerina* Gmelin, 1788; *Sylvia aedonia* Vieillot, 1817; *Curruca brachyrhynchos* Brehm, 1831; *C. grisea* Brehm, 1831; *C. bidehensis* Herbert, 1833; *Sylvia simplex pallida* Hermann Johansen, 1907.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане встречена *Sylvia borin pallida* Hermann Johansen, 1907.

Характер пребывания. Слабый пролёт или залёты в период миграций.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность. На пролёте встречается и в открытой местности.

Распространение. Эта европейско-южносибирская, зимующая в Южной Африке славка несколько десятилетий была известна по встречам в начале XX ст. залётных экземпляров в окрестностях Ташкента и Верного (Алматы). В первом месте Н.А. Зарудный (рукопись) в период с 1909 по 1918 г. встречал их в течение 5 весенних сезонов: самое раннее появление – 24 апреля 1909 г., самая поздняя встреча – 10 мая 1913 г.; осенью их встречали здесь между 21 августа и 27 сентября (Корелов, 1972; Мекленбурцев, 1885). Других сведений из этого района нет. Для предгорий Заилийского Алатау сведения ограничивались одной фразой: «Известен только один экземпляр этой птички, добытый 27/VII 1907 г. в Алма-Ате и хранившийся в СОМ. 4/IX 1928 г. я наблюдал садовую славку (одинокую птичку) в осиново-ивовом лесу в долине Б. Алматинки, на высоте около 1800 м» (Шнитников, 1949, с. 504). Лишь полвека спустя появились новые встречи. На Чокпаке одну садовую славку окольцевали 23 сентября 1967 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 25 августа (2010) по 4 октября (2006) окольцевали 6 особей (А. Гаврилов и др., 2017). По устному сообщению А.Э. Гаврилова, на Сорбулаке близ Алматы в период стационарных отловов птиц в 80-х гг. была окольцована одна садовая славка (Белялов, 2014). Судя по всем этим сведениям, через северные и западные предгорья Тянь-Шаня идёт слабый пролёт садовой славки.

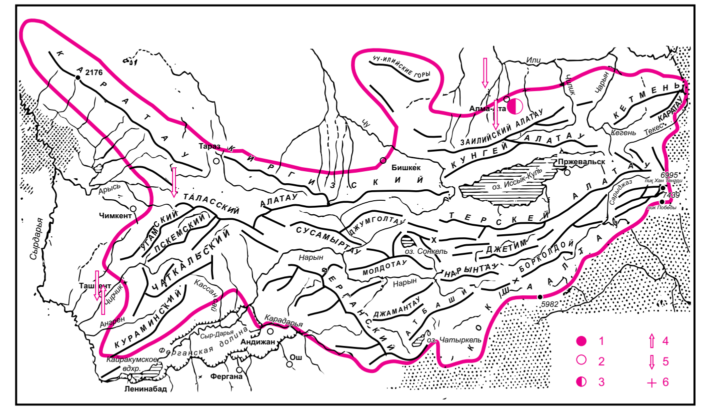

Рис. 400. Распространение садовой славки
в Тянь-Шане: 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

355. Ястребиная славка – *Sylvia nisoria* (Bechstein, 1792)

Barred warbler (англ.), Sperbergrasmücke (нем.), fauvette épervière (фр.),
қаршиғарең сандуғаш (каз.), кок шалкы [все славки] (кирг.), қирғий мойкут (узб.)

Синонимы: *Curruca undata* Brehm, 1931; *C. undulata* Brehm, 1931; *S.n.sibirica* Hermann Johansen, 1907.

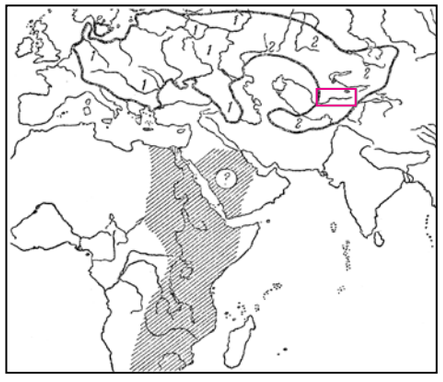
Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане живёт один – *Sylvia nisoria merzbacheri* Schalov, 1907.

Характер пребывания. В Тянь-Шане – гнездящаяся перелётная и пролётная птица.

Биотоп. Кустарники, но не сплошные, а чередующиеся с большими полянами. В Тянь-Шане эта славка населяет кустарники предгорий, живые изгороди садов и парков в населённых пунктах. В Таласском Алатау она занимает три пояса – предгорный, лугово-степной с арчовыми редколесьями, очень богатыми лиственными кустарниками, и субальпийский (до 2750 м), при этом оптимальные условия для этого вида – в пышном варианте стелющихся арчевников. В лесистых хребтах избегает хвойного леса и поселяется только в предгорьях. В Иссык-Кульской котловине населяет культурный ландшафт и облепиховые заросли.

Распространение. Тянь-Шань занимает часть юго-восточного выступа ареала этого в основном европейского вида (рис. 401). Южнее гнездование ястребиной славки либо спорадично, как на территории Памиро-Алая (Иванов, 1969), либо не установлено, как в Узбекистане, для которого в последней сводке она приводится как «немногочисленный пролётный представитель рода» (Мекленбурцев, 1995, с. 233).

В нашем районе (рис. 402) ястребиная славка гнездится по всей средней части долины р. Или, по крайней мере от Капчагая до района Хоргоса и Джаркента, в т.ч. на правобережье: «На южном склоне Боро-Хоро она поднимается несколько выше, поскольку гнездится на Тышкане» (Шнитников, 1949, с. 502). Населяет она также низовья левобережных притоков Или и все северные предгорья восточной половины Заилийского Алатау (Корелов, 1948, 1972; Бородихин, 1968), а совсем недавно обнаружена в средней части долины Чарына (Коваленко, В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003; Ковшарь, 2008: КОБ-2007). Следует оговориться, что в силу очень резких и продолжительных депрессий численности (см. ниже) этот вид одни исследователи обнаруживали в том или ином месте, а другие не отмечали совсем. Так, В.Н. Шнитников (1949) указывал ястребиную славку обычной гнездящейся в поймах Текеса и Баянкола, в т.ч. в окрестностях пос. Нарынкол (Центральный Тянь-Шань), однако в 1955-1957 и 1996-2002 гг. она здесь определённо не встречалась (Винокуров, 1960, 1961; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Гнездится в Чуйской долине, включая населённые пункты, в т.ч. город Бишкек, и в предгорьях восточной половины Киргизского хребта – к западу по крайней мере до ущелья Мерке (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961, Кузнецов, 1962; Корелов, 1972, 2007; Умрихина, 1970; Шукуров, Кормилицын, 2005). Для западной части Киргизского Алатау сведений нет и только для долины Таласа у западной оконечности хребта в сводке «Птицы Казахстана» сообщается: «Далее селится местами в окрестностях Джамбула [ныне Тараз – *АК*], а возможно и в самом городе, но за пределы культурной зоны по р. Таласу не проникает» (Корелов, 1972, с. 158). О широком распространении во внутренних районах Тянь-Шаня писал ещё В.Н. Шнитников: «Наконец, в южном горном Семиречье ястребиная славка довольно обыкновенна в долине Иссык-Куля,… на Сусамыре, западном Караколе (2100-2300 м), наконец, в долине Нарына (2100 м) и выше. Нельзя сомневаться в том, что она живёт здесь и ещё в некоторых местах, как например на Кочкорке, на Кукумерене, в Кабакских горах и на Тогуз-Торау, хотя пока у нас и нет материалов из этих мест» (Шнитников, 1949, с. 302). Надо сказать, что доказательств гнездования этой славки на Кочкорке, в долине Кокомерена и в Тогуз-Торау нет и сейчас (поэтому на рис. 402 эти места обозначены как места прежнего гнездования), однако при обследовании этих мест в годы повышенной численности вида ястребиная славка здесь скорее всего будет однаружена. Нет доказательств гнездования и близ южных границ Тянь-Шаня, где у Шахимардана (северные подножья Алайского хребта) 26 августа была добыта молодая ястребиная славка (Stolzmann, 1897), а в Алайской долине её встречали у Дарауткургана на высоте около 2800 м (Птицы Киргизии, 1960). В Западном Тянь-Шане гнездится в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) и в заповеднике Сарычелек, на крайнем востоке Чаткальского хребта (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966). Указание Н.А. Зарудного (рукопись) на гнездование в долинах Пскема и Угама, наблюдениями 1948 и 1954 г. не подтвердилось: М.Н. Корелов (1956) в середине июля встретил

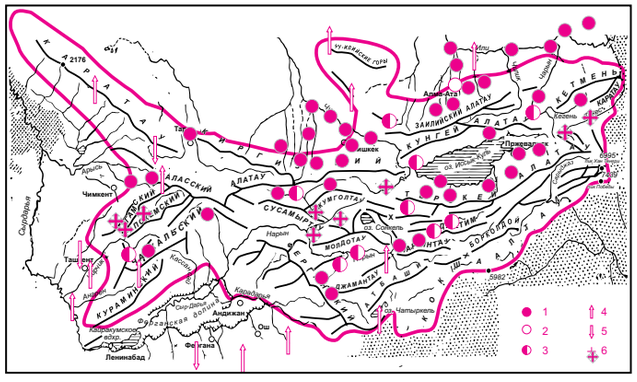

Рис. 401. Ареал ястребиной славки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 331
Рис. 402. Распространение ястребиной славки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – места прежнего гнездования

здесь только одну особь, которую счёл не гнездящейся. Не встречал её здесь и Р.Н. Мекленбурцев (1995) при неоднократном посещении этих рек в 30-40-х гг., ни разу не отмечена и во время маршрутных поездок 2002-2003 гг. (В. Ковшарь, 2003) и 2015-2016 гг. (Тен и др., 2017). Однако в Чаткальском заповеднике, где ястребиная славка встречается нерегулярно даже на пролёте (впервые отмечена В.А. Вырыпаевым 8 мая 1971 г.), в конце июня 1980 г. вблизи полевой базы встретили слётков (Батурин, 1981; Головцов, 2007). Скорее всего, это нерегулярно гнездящаяся птица южного макросклона Западного Тянь-Шаня – в зависимости от общей численности вида.

Численность. Первым на резкие смены численности ястребиной славки по годам обратил внимание в Таласском Алатау Л.М. Шульпин (1961): «из года в год численность вида сильно колеблется, временами вероятно снижаясь почти до нуля. Таким годом депрессии несомнено был 1933 г., в то время как 1926 г. являлся периодом весьма значительной численности местной популяции» (с. 154). Он же заметил и синхронность изменений численности этой славки и туркестанского жулана (*Lanius phoenicuroides*), а также обратную зависимость численности ястребиной и серой (*Sylvia communis*) славок. В 1960-1966 гг. там же я встречал ястребиную славку ежегодно, хоть она и была распространена спорадично; о численности её можно судить по таким косвенным показателям: в 1965-1966 гг. в лиственных кустарниках арчовых редколесий Чуулдака (2000 м) найдено 20 жилых гнёзд с минимальным расстоянием между соседними всего 50 м (Ковшарь, 1966, 1970). Через 10 лет ястребиная славка стала очень редка в заповеднике, последнее гнездо её обнаружили в 1977 г. (Ковшарь, Чаликова, 1992), а с 1983 г. её перестали встречать совсем, с 1987 г. – даже на пролёте (Чаликова, 2003). Кстати, на Чокпаке уже в 1966-1981 гг. она встречалась редко: весной 1968 г. – одиночка, осенью по 1-2 птицы в сезон; всего окольцевали 6 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. в весенние сезоны на Чокпаке отловлено 9, а в осенние – 66 ястребиных славок (А. Гаврилов и др., 2017). Высокая численность отмечена в 1953-1954 гг. в Прииссыккулье: «Птица довольно многочисленна. В июне в прибрежных зарослях Чон-Кызыл-Су в районе предгорий ястребиные славки отмечались в среднем через каждые 60-80 м. Ещё более обычны они в облепиховых зарослях по берегам озера. Очень плотно заселяют кустарники посёлков на крайнем западе Иссык-Кульской котловины. У верхней границы вертикального распространения становятся редкими» (Степанян, 1959, с. 109). Была довольно обычной на гнездовании в городе Алматы (Бородихин, 1968; Корелов, 1972), в том числе в верхней части города, на территории Ботанического сада и КазГУграда – по крайней мере до 90-х гг. XX ст. Однако с 2000 г. она перестала встречаться и здесь (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). Вполне возможно, что это уже не колебания численности по годам, а направленное снижение её на значительной части ареала, о чём свидетельствует и редкость встреч её в последние 20 лет на маршрутах по Внутреннему Тянь-Шаню. Так, в 1998-2000 гг. мы не встретили её ни разу, в 2003 г. – только пару 21 июля в долине Алабуги и две одиночки 1 августа – в долине Каракуджура и на западном берегу Иссык-Куля у Рыбачьего (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005), а в 2005 г. – одиночку 21 июля в долине Кичи-Нарына. В 2015 г. с 27 июня по 4 июля на маршруте от Бишкека в Алайскую долину и Заалайский хребет ястребиную славку встретили только раз – несколько особей 27 июня в береговых зарослях р. Сусамыр (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016), а на маршруте с 17 по 27 июня 2016 г. в долины Нарына и Атабаши – всего двух самцов в долине Нарына выше с. Кайынды (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Наконец, за 14 дней, с 19 июня по 2 июля 2017 г., на автомаршруте по Западному, Внутреннему и частично Северному Тянь-Шаню эта славка была встречена только раз: на мысе Акбулун (южный берег Иссык-Куля) пара взрослых ястребиных славок кормила 4-х птенцов в гнезде (Архипов, Коблик и др., 2018).

Сроки. Даты. Прилетают в мае, в иные годы – в последней декаде апреля, пролёт идёт весь май. Под Чиназом (устье Чирчика) одна добыта 7 мая 1878 г. (Pleske,1888), под Ташкентом самые ранние отмечены Н.А. Зарудным между 19 и 27 апреля, пролёт здесь идёт до 15-20 мая (Корелов, 1972). В Чаткальском заповеднике первую встретили 8 мая 1971 г. (Головцов, 2007). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) самый ранний поющий самец встречен в арчевниках Кши-Каинда (1800 м) 4 мая 1973 г. (Губин, 2012). На Чокпаке встретили 16 мая 1968 г., а с 23 апреля (2005) по 19 мая (1997, 2004) отловили 9 славок (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). У северо-западной оконечности Каратау пролётных наблюдали 18 и 21 мая 1941 г. (Долгушин, 1951), а на озере Кызылколь одну поймали 17 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). В Муюнкумах одну добыли 6 мая 1909 г. (Корелов, 1972). По его же данным: «В окрестностях Алма-Аты и в самом городе, по наблюдениям с 1961 по 1971 г., появляются между 4

Рис. 403. Ястребиная славка.
Алматы, 29 декабря 2006 г. *Фото А. Исабекова*

(1966 г.) и 14 (1967 г.) мая. В районе Панфилова в 1901 г. первая отмечена 9 мая» (Корелов, 1972, с. 160). В Карачингиле (устье Тургени) одиночек отметили 11 мая 2004 г. и 6 мая 2010 г. (Бевза, 2012), а 26 мая 2003 г. у северо-западного подножья гор Турайгыр встретили поющего самца и тут же, у моста через р. Чарын пара уже строила гнездо (Коваленко, В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003). В Чу-Илийских горах поющего самца встретили в ущелье Ешкилы 30 апреля 2001 г. (Губин, 2007). На озере Чатыркуль (3500 м) одиночка добыта 29 мая 1957 г.; в этой же сводке сказано: «Сроки прилёта зависят от погодных условий: на побережье Иссык-Куля в 1957 г. они появились 3-5 мая, в 1956 г. – 15-18 мая, а в 1958 г. первых птиц увидели только 21 мая» (Птицы Киргизии, 1960, с. 199).

Осенью отлетают в конце августа – сентябре. Близ Джаркента отлетают в конце августа, после 2 сентября обычно уже не встречаются. В предгорьях и на северных склонах Заилийского Алатау пролёт идёт незаметно, наиболее поздняя встреча – 23 августа (Корелов, 1972). На Иссык-Куле в 1954 г. они держались до половины сентября, а 22 августа 1958 г. почти все уже отлетели, встречена лишь одна; в Алайской долине их встречали ещё 3 сентября (Птицы Киргизии, 1960). В горах Таласского Алатау Л.М. Шульпину (1961) удалось проследить пролёт ястребиных славок в 1933 г., когда они летом практически не встречались: первые пролётные появились 8 августа в районе Кши-Чимбулака (2000 м) и были многочисленны до конца месяца (до 20 августа добыто 5 экз.); в том же году Р.Н. Мекенбурцев видел их довольно много 2 августа в садах и парках Чимкента. В заповеднике в конце августа 1933 г. они были уже редки и исчезли в первой декаде сентября. В 1935 г. одиночки и рыхлые группы встречались до сентября и после 5 сентября одиночку отметили только раз – 16 сентября (Шульпин, 1961). На Чокпаке, где в 1966-1981 гг. слабый пролёт проходил в августе, последних видели 1 сентября 1974 г. – 14 сентября 1970 г., в среднем за 6 лет – 6 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 19 августа (2003) по 22 сентября (1986) здесь окольцевали 66 ястребиных славок; срединная дата осеннего пролёта – 30 августа (А. Гаврилов и др., 2017). Наиболее позднее наблюдение этого вида под Ташкентом – 18 сентября (Мекленбурцев, 1995).

Единственная встреча зимой (рис.403) состоялась в городе Алматы: «Впервые в зимних условиях ястребиная славка была встречена в 2006 г. в сквере Площади Республики г. Алматы, когда было прослежено пребывание двух молодых птиц с 19 августа по 29 декабря. В течение последующих лет в сквере неоднократно наблюдались оба вида, при этом славка-завирушка была многочисленна на обоих пролётах, а ястребиная славка встречалась только осенью в количестве около десятка птиц. Многочисленная в осеннее время серая славка (*Sylvia communis*) никогда в зимней обстановке мной не наблюдалась» (Исабеков, 2013, с. 179).

Биология. Никто в Тянь-Шане биологию ястребиной славки специально не изучал, однако по наблюдениям 1961-1965 гг. за 20 жилыми гнёздами в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) опубликована статья (Ковшарь, 1970), в 1971-1973 гг. здесь же описаны ещё два жилых гнезда (Губин, 2012). В районе Джаркента в 1918 г. найдено 7 гнёзд (Шестопёров, 1929), близ Верного (Алматы) в 1918-1920 гг. – более 10, в садах с. Сосновка (Киргизский Алатау) в 1934 г. – три гнезда (Шнитников, 1949). На Иссык-Куле и в Чуйской долине осмотрено более 10 гнёзд (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995; Торопова, 1999; Шукуров, Кормилицын, 2005). С учётом всех перечисленных сведений желательно провести целенаправленные исследования биологии ястребиной славки в условиях Тянь-Шаня, особенно в хребтах, из которых совсем нет данных по биологии этого вида, а из многих – также сведений о её распространении и численности в гнездовой период.

356. Певчая славка – *Sylvia crassirostris* [*hortensis*] Cretzschmar, 1830

Orphean warbler (англ.), Orpheusgrasmücke (нем.), fauvette orphée (фр.),
сайрағыш сандуғаш (каз.), кара баш шалкы (кирг.), сайроқи мойкут (узб.)

Синонимы: *Motacilla hortensis* (Gmelin, 1789); *Curruca orphea helena* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *C. musica* Brehm, 1855; *Sylvia hortensis balchanica* Zarudny et Bilkevitch, 1918. Масличная славка (Портенко, 1960; Шульпин, 1961).

Подвид. В нашем районе обитает восточный подвид *S. crassirostris jerdoni* Blyth, 1847.

Систематические замечания. Позволю себе привести некоторые соображения по поводу изменений в систематике певчей славки, опубликованные мной в ежегоднике «Selevinia-2009» (1910):

«В системе рода *Sylvia* певчая славка относится к центральной группе крупных представителей, находясь в самом начале списка – между ястребиной и черноголовой, следом идут садовая и серая славки. Никаких особых разночтений этого порядка не было со времен Ф.Д. Плеске (1889), если не считать, что видовое название «*hortensis*» в те времена принадлежало садовой славке, а певчую длительное время именовали «*orphea*», считая её восточный подвид «*jerdoni*» самостоятельным видом… Из 4 описанных в разное время подвидов авторы большинства сводок по птицам бывшего СССР (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 1978, 2003) признавали два… – *S. h. hortensis* Gmelin, 1788 и *S. h. crassirostris* Cretzschmar, 1826… Остальные описанные подвиды (*Curruca orphea helena*; *Curruca musica*; *Curruca orphea griseicapilla*; *Sylvia hortensis balchanica*) в упомянутых фаунистических сводках сведены в синонимы восточного подвида *Sylvia hortensis crassirostris*. Удивительно, что ни в одной из перечисленных сводок даже в синонимах не упоминается описанная как вид *Curruca jerdoni* Blyth, 1847, отнесенная в подвиды певчей славки ещё Ф.Д. Плеске (1889, с. 64) и везде называемая им осторожно «восточная разновидность» (именно к ней он относит все среднеазиатские материалы!), тогда как *Sylvia crassirostris* оставлена в перечне синонимов «западной разновидности» (там же). В западной литературе, включая мировые сводки и определители (Vaurie, 1959; Svensson, 1992; Cramp & all., 1992) всегда признавалось наличие трёх подвидов – западного (*S.h. hortensis*), длинноклювого восточного (*S.h. jerdoni*) и малоазиатско-закавказского, среднего по длине клюва – *S.h. crassirostris*. В сводке по Птицам Западной Палеарктики (Cramp & all.,1992) *S.h. hortensis* занимает запад видового ареала – до Словении и Киренаики на востоке; подвид *S.h. jerdoni* Blyth, 1847 – большую часть азиатского ареала, в т.ч. Среднюю Азию; *для S.h. crassirostris* отводится промежуточная территория – от Киренаики и Словении через Балканский полуостров в Малую Азию и Закавказье…

Наконец, в новейшем монографическом исследовании рода славок мира (Shirihai et all., 2001) приведены все три названные подвида и восстановлен *Sylvia hortensis balchanica* Zarudny et Bilkevitch, 1918, причем предложено разделить певчих славок на два вида – монотипичный западный *Sylvia hortensis* и восточный *Sylvia crassirostris* с тремя подвидами: балкано-закавказский *S.c. crassirostris*, переднеазиатский (туркмено-иранский) *S.c. balchanica* и самый восточный – *S.c. jerdoni,* населяющий Западный Тянь-Шань, Памиро-Алай, Гиндукуш и горы Пакистана. Все эти 4 подвида сохранены и в последнем обзоре подвидов птиц мира (Dickinson, 2003), только география трёх последних несколько иная: *S.h. crassirostris* не идёт восточнее севера Турции и Ливана, *S.h. balchanica* помимо Ирана и Туркменистана, занимает также всю кавказскую часть ареала вида, восток Турции и северо-запад Индии, а *S.h. jerdoni* распространен от юго-восточного Ирана и Пакистана через Афганистан и Памиро-Алай – до Западного Тянь-Шаня… Основные признаки типичного *S.h. jerdoni*, приведенные для птиц из Афганистана и Пакистана (Cramp & al., 1992) – хвост длиннее, чем у *crassirostris*, клюв более длинный и более тонкий, шапочка у взрослого самца глубоко чёрная, у самки синевато-серая и простирающаяся к затылку дальше, чем у других рас – вполне подходят и для птиц, населяющих Памиро-Алай и Западный Тянь-Шань. Популяции подвида *balchanica*, населяющие Иран и Туркменистан, по всем этим признакам занимают промежуточное положение между *crassirostris* и *jerdoni* (Cramp & al., 1992)» (Ковшарь, 2010, с. 172).

Характер пребывания. Гнездящаяся птица. Зимует в Индии, Аравии и Африке (рис. 404).

Биотоп. Сформировавшаяся в тёплом, сухом средиземноморском климате, певчая славка избирает для поселения солнечные сухие склоны с кустарником. Предпочитает большие кусты и деревья. Подвид *S.h. jerdoni* на большей части своего распространения связан с арчовыми редколесьями, богатыми лиственными кустарниками. В Западном Тянь-Шане, на территории заповедника Аксу-Джабаглы, певчая славка гнездится в различных биотопах лугостепного пояса (1000-2000 м), но чаще всего встречается в высокоствольных арчевниках на сравнительно пологих склонах с лугостепным характером растительности. В таких местах она заходит кое-где в нижние пределы субальпийского пояса, но это бывает редко (Ковшарь, 1966). Наиболее подробно и красочно гнездовую стацию певчей славки в данном районе описал Л.М. Шульпин: «Эта крупная славка по справедливости могла бы быть названа арчёвой, так как заросли арчи являются здесь её основной стацией. В заповеднике наиболее оптимальной для неё ассоциацией оказался древовидный, с широкими густыми кронами арчевник по пологим склонам, где

в 1933 г. эта птица изобиловала. Но она обычна и в других вариантах арчевников и зарослях катранги [*Celtis*, или железное дерево – *АК*] с другими кустарниками… на скалистых и каменистых склонах… В основном этот вид нуждается в высоких больших кустах, или густых деревьях на каменистых склонах или более сухой почве. Возможно, что связь со стацией обусловливается связью с определёнными древесными и кустарными видами растений, так как масличная славка большая любительница ягод, а гнездо строит обычно среди ветвей густой кроны на порядочном расстоянии от земли. Вне гор славка совершенно не встречается, в направлении к предгорной степи исчезая вместе с арчой… Вверх славка исчезает вместе с древовидными арчевниками, но местами ещё гнездится в пышных и рослых ассоциациях стелющейся арчи…» (Шульпин, 1961, с. 156). Это описание гнездовой стации, помимо своей детальности, важно ещё и тем, что сделано в годы очень высокой численности этого вида, тогда как сейчас она здесь иная (см. ниже). Иной характер биотопа этого вида в Памиро-Алае: «Основная гнездовая стация певчей славки – это довольно крутые каменистые склоны гор с невысокой, рано выгорающей травой, отдельными кустиками фисташки, бухарского миндаля, иргая, деревцами ксерофильного клёна (*Acer regelii*) и иногда экзохорды. На северные землистые склоны гор с густыми зарослями жёлтого шиповника (*Rosa kokanica*), во влажные тенистые кленовники из туркестанского клёна (*Acer turkestanicus*) или же чистые арчевники она определённо не заходит» (Иванов, 1969, с. 309). Особый интерес представляют новые места, осваиваемые певчей славкой в последние 10-15 лет. Они расположены в 600-700-1000 км к северо-востоку от основного ареала и отличаются более ксерофитной растительностью и открытостью ландшафта. Склонов с хвойным лесом из ели тянь-шаньской певчая славка избегает. В Кокпекском ущелье (М. Богуты – восточные отроги Северного Тянь-Шаня) она встречается на открытых каменистых склонах с редкими, невысокими кустами жимолости, шиповника, курчавки. Горы Чулак на правобережье среднего течения реки Или ещё более каменисты, но по дну узких ущелий здесь имеются высокие и местами довольно густые кустарники.

Распространение. Наш район находится на самой северо-восточной границе ареала певчей славки (рис. 404), сюда она проникает по западным окраинам Алайской горной системы. В Туркестанском хребте её встречал лишь Н.А. Зарудный (рукопись), нашедший её в верховьях р. Исфара, но в сборах его, хранящихся в Ташкенте, экземпляров певчих славок из этих мест нет (Мекленбурцев, 1995). В районе пер. Шахристан она также не отмечена и, по-видимому, не гнездится (Иванов, 1969). Т. Барей не нашел её на северных склонах Алайского хребта (Stolzmann, 1897), не попадалась она здесь и нам сто лет спустя (Ковшарь, Торопова, 2000). Однако в верховьях р. Сох, на стыке северных склонов Туркестанского и Алайского хребтов, в урочище Калай-Махмуд 22 июля 2004 г. мы встретили пару – единственную за две недели поездки по югу Киргизии (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2004). В горах, окружающих Ферганскую долину с севера, певчая славка не обнаружена (Кашкаров, 1927; Мальчевский, 1940), только на таджикском склоне Кураминского хребта она отмечена И.А. Абдусалямовым (1973), а на узбекской части этого хребта, в разреженных арчевниках, её нашла обычной В.А. Ковшарь (2004). Севернее певчая славка населяет хребты Западного Тянь-Шаня в бассейне Пскема и Чаткала (Кашкаров, 1924; Корелов, 1956; Мекленбурцев, 1995; В. Ковшарь, 2002, 2003); междуречье Чирчика и Ангрена (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958; Митропольский, 2005; Головцов, 2007); Таласский Алатау – заповедник Аксу-Джабаглы (Шевченко, 1948; Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Ковшарь, Рукина, 1968). Помимо собственно Западного Тянь-Шаня на этих широтах певчая славка проникает далеко на запад вглубь пустыни по ксерофитным низкогорьям. Она не столь уж малочисленна в горах Нуратау (Мекленбурцев, 1937; Салихбаев и др., 1970), а относительно недавно обнаружена и в пустынных горах Актау среди южной части пустыни Кызылкум (Митропольский, 1980). Севернее Таласского Алатау (рис. 405) гнездится в хребтах Каратау и Боролдай (Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Долгушин, 1951; Корелов, 1972, 2012; Корнев, 2016; Губин, Белялов, 2017). Хребет Каратау как северное окончание Западного Тянь-Шаня во всех сводках и атласах (Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Mauersberger, Portenko, Vietinghoff-Scheel, 1967; Степанян, 1978, 1990; Cramp & al., 1992; Shirihai et all., 2001) обозначал крайнюю северную точку ареала певчей славки: «В Каратау населяет ущелья только юго-восточной части; мной в 1931 г. прослежена до бассейна р. Джалганаты (немного севернее Туркетана). Это крайний западный и вместе с тем один из крайних северных пределов ареала вида. Отсюда северная граница проходит через Боролдай и охватывает бассейны Аксу и Джабаглы в Таласском Алатау. Существенной особенностью её распространения в этой части ареала следует считать то, что она нигде не найдена в предгорьях, в частности, в массивах культурных пригородных и поселковых насаждений» (Корелов, 1972, с. 164).

Восточными пределами распространения певчей славки ещё 20-30 лет назад были хребты Таласский, Чаткальский и Кураминский (рис. 405). В фауне Киргизии она отсутствовала (Птицы

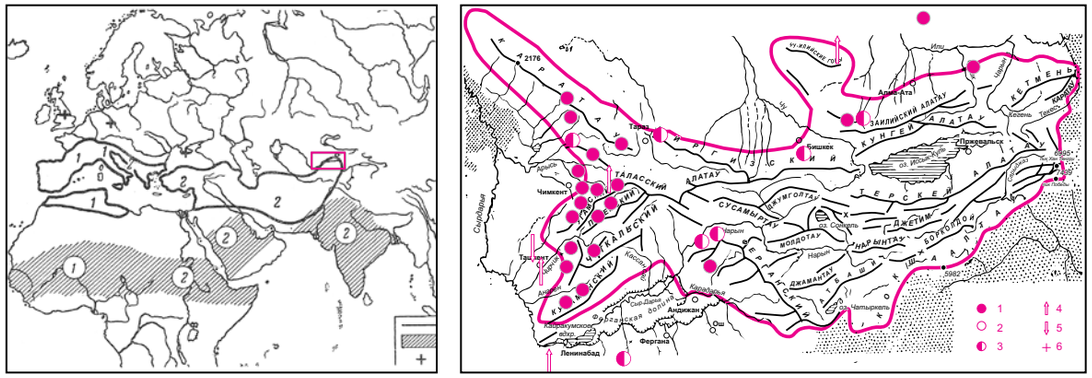

Рис. 404. Ареал певчей славки *(2 – S. crassirostris)* и Тянь-Шань (прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 338
Рис. 405. Распространение певчей славки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Киргизии, 1959, 1960). В последнем десятилетии XX ст. эта славка начала расселяться на северо-восток (Ковшарь, Березовиков, 2001). К середине 90-х гг. она появилась в 600-700 км северо-восточнее границы своего ареала: в Кокпекском ущелье и горах Малые Богуты в среднем течении р. Или (1993, А. Книстаутас) и в горах Чулак, в юго-западных отрогах Джунгарского Алатау (1998, Ф.Ф. Карпов). В горах М. Богуты в 1998 г. эта славка была уже обычной, 4 июля 2002 г. здесь был встречен выводок из 4 слётков, а в горах Атжайляу близ с. Актерек (Заилийский Алатау в 120 км западнее Алматы) 17 июля 2002 г. – ещё два таких же выводка (Коваленко, Скляренко, 2002). Доказано и гнездование в горах Чулак (Березовиков, Белялов, 2005).

Явно пролётную певчую славку встретили 12 мая 2002 г. в пустыне Жусандала, между сёлами Куртты и Каншенгель (Скляренко, 2002), а год спустя, 27 мая 2003 г. поющего самца, впервые для территории Киргизии, отметили в Чон-Арыке, на северном склоне Киргизского хребта, в 20 км южнее Бишкека (Торопова, Торопов, 2004). Расселение вида к востоку-северо-востоку продолжается. В 2000 г. певчую славку нашли в северных предгорьях Тарбагатая, на границе с Зайсанской котловиной (Березовиков, Левин, 2001). Несмотря на то, что гнёзд обнаружить не удалось (птицы также не добыты!), сам факт гнездования певчей славки в этих местах у авторов не вызывает сомнений. Через два года, 12 июня 2002 г., певчая славка встречена почти в 100 км восточнее – на склоне горы Тасбастау, западнее выхода р. Тебиске на Зайсанскую равнину (Березовиков, Левин, 2002). Таким образом тенденция к расселению у певчей славки сохраняется. Очень желательны сборы коллекционного материала из этих новых мест обитания вида, тем более что в этом же направлении наблюдается расселение и другой славки – *Sylvia althaea* Hume, 1878.

Численность. Несмотря на отсутствие цифровых учётных показателей, за многие годы наблюдений накопились сведения об изменениях численности этого вида. Показательны данные по заповеднику Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау). В 1933 г. певчая славка буквально «изобиловала» здесь в арчевниках, что подтверждают и большие коллекционные сборы, и подробный очерк её биологии (Шульпин, 1961). Столь же высокой была численность её здесь и через 30 лет, когда она была пятой по счету птицей в арчовых редколесьях – после дерябы, туркестанского сорокопута, горной и желчной овсянок (Ковшарь, 1966; Ковшарь, Рукина, 1968). Об этом косвенно свидетельствует нахождение здесь в 1963-1966 гг. 46 жилых гнёзд этой птицы. Дальнейшие многолетние наблюдения Е.С. Чаликовой показали, что в 80-х гг. певчая славка оставалась обычной лишь в арчовых лесах Чуулдака, где её численность колебалась от 2.4 особей/час в 1985 г. до 3.6 – в 1986 г. К 1990 г. число птиц сократилось в три раза, а в следующие два года – ещё в два (до 0.5 особей/час); несмотря на тщательные поиски в июне-июле 2000-2002 гг., встретили только одиночек 23 и 24 июня 2001 г. В северной части заповедника, в арчовых лесах урочища Кши-Каинды, на гнездовании она не встречалась уже в 80-х гг., хотя и продолжала в небольшом количестве гнездится в нижней части арчового стланика (встречаемость в среднем 0.3 особи/час). С 90-х гг. певчих славок здесь видят лишь на пролёте. С 2000 г. она вообще перестала гнездиться в заповеднике (Чаликова, 2006).

Однако высказанное здесь же этим автором предположение о том, что её вытеснила серая славка (*Sylvia communis*), которая сначала якобы вытеснила ястребиную (*Sylvia nisoria*), вряд ли соответствует действительности. Явление «взаимозаменяемости» серой и ястребиной славок, на которое впервые обратил внимание по наблюдениям в 1933-1935 гг. Л.М. Шульпин (1961), в какой-то мере можно распространить и на певчую славку (хотя они предпочитают разные ярусы кустарниковых биотопов), однако трудно поверить, чтобы серая славка могла «вытеснить» своих более крупных и сильных соседей. Скорее всего, она лишь заняла освободившееся после их исчезновения место (по принципу «свято место пусто не бывает»). Истинные же причины исчезновения певчей славки объяснить пока трудно, особенно на фоне наблюдающегося сейчас расширения ареала этого вида на северо-восток. Можно лишь высказать предположение о том, что причиной могли послужить сукцессии растительности в сторону сильного развития мезофильности травяного покрова – как следствие многолетнего заповедного режима. Об этом косвенно свидетельствует то обстоятельство, что в хребтах Памиро-Алая певчая славка явно избегает арчевников с мезофильной травянистой растительностью. Это предположение вполне увязывается и с наблюдающимся в последние десятилетия в Европе негативным влиянием на *Sylvia hortensis* влажного климата (Isenmann, Tyssandler,1995; Snow & Perrins, 1998; Shirihai & al., 2001).

В 1926-1927 гг. певчая славка была обыкновенна в кустарниковых зарослях Каратау (Шапошников, 1931), в 1931 г. она населяла ущелья только юго-восточной части и была многочисленна до бассейна р. Джалганата (Корелов, 1972), но в 1941 г. повсеместно отсутствовала, хотя, по словам М.Н. Корелова, была довольно многочисленной в ущельях против г. Туркестан (Долгушин, 1951). В хребте Боролдай до 70-х гг. встречалась спорадично в основном по долинам рек Кашкарата и Боролдай, а в 1982-1986 гг., за 5 лет наблюдений в ущ. Кокбулак, встречена только летом 1983 г. – всего 4 раза (С.Л. Скляренко, устн. сообщ.); 20 лет спустя, 14 июня 2003 г. одиночку видела в ущ. Актас Е.С. Чаликова. В Малом Каратау в 1991-1993 гг. певчая славка была немногочисленна, а в отдельные годы редка (Губин, Карпов, 2000).

В Чаткальском заповеднике в конце 30-х гг. XX ст. она была обычна (Железняков, Колесников, 1958), но в июле 1994 г. встречена лишь дважды (Лановенко, 1997). В Каржантау, Угамском и Пскемском хребтах певчая славка была очень обычна, местами многочисленна (Корелов, 1956), но в 2002-2003 гг. в долине Пскема она встречалась в небольшом числе (В. Ковшарь, 2003, 2004), а в июле-августе 2015-2016 гг. здесь встречено всего 5 птиц – пара и три одиночки (Тен и др., 2017). В июле 1998 г. её ни разу не видели во время экспедиции по Западному Тянь-Шаню – от Сарычелека и долины Чаткала до заповедника Аксу-Джабаглы (Ковшарь, Торопова, 2000). В Каржантау в 2003 г. отмечено всего по 1-4 особи в нескольких ущельях и только в ущелье Нуат Е.С. Чаликова (устн. сообщ) насчитала 30 птиц и ещё 12 отметила в каньоне р. Машат; она же встречала одиночек на Казгурте, Угаме и в горах западнее станции Тюлькубас. В арчовых лесах северного склона Кураминского хребта 25-26 апреля 2003 г. не видели ни одной, а 27-28 апреля встретили не менее 16 поющих самцов – видимо, только что прилетевших (В. Ковшарь, 2004).

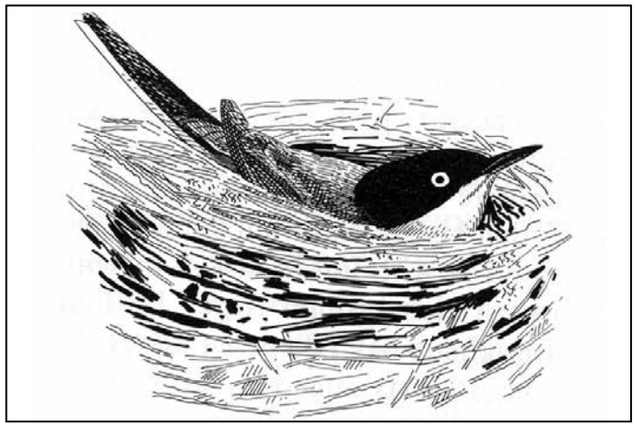

Рис. 406. Певчая славка *(Sylvia crassirostris)* на гнезде (рис. Rees по фото автора; Cramp & al.,1992, с. 418)

Сроки. Даты. Прилетает в апреле, пролёт идёт до середины мая. На северном склоне Кураминского хребта (Западный Тянь-Шань) прилетели, видимо, 27-28 апреля – в ущельях Гушсай и Лошкерек отметили не менее 16 поющих самцов (В. Ковшарь, 2004). В районе Ташкента самое раннее появление Н.А. Зарудный отметил 20 апреля 1914 г., самое позднее – 26 апреля 1908 г.; изредка и не ежегодно пролётные певчие славки встречались до 10-12 мая. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) прилёт отмечен 28 апреля 1966, 2 мая 1949 и 1961, 7 мая 1965 гг. (Ковшарь, 1966; Ковшарь, Рукина, 1968). На Чокпакском перевале в 1966-1981 гг. певчих славок отлавливали всего

трижды: 14 и 16 мая 1968 и 12 мая 1972 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985): в 1982-2016 гг. – всего один раз, 19 мая 2003 г (А. Гаврилов и др., 2017). В Малом Каратау первых наблюдали 7 мая 1941 г. (Долгушин, 1951), 15 и 9 мая 1991 и 1992 гг. (Губин, Карпов, 2000). Явно залетевшую во время пролёта певчую славку встретили 12 мая 2002 г. в пустыне Жусандала, между селами Куртты и Каншенгель, северо-восточнее Чу-Илийских гор (Скляренко, 2002). Процесс весенней миграции не изучен, имеются лишь указания разных авторов, что пролёт идёт горами, а А.И. Иванов (1969) подчёркивает, что в долинах (Гиссарской, Сурхана, Кафирнигана, Вахша) он её ни разу не встречал.

Осенью отлетают в августе – сентябре, пролёт малозаметен и наблюдений над ним мало. На Чокпаке их осенью ни разу не видели, поскольку пролёт идет средними поясами гор и заканчивается к сентябрю – самая поздняя встречена 8 сентября 1935 г. (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966). В Боролдае (Каратау) за время маршрутной поездки с 25 августа по15 сентября 2002 г. певчую славку встретили только раз – одиночку 27 августа в урочище Кокбулак (Чаликова, Колбинцев, 2005). В долине Пскема, у Седжака, в 1954 г. они довольно часто встречалась до 2 сентября, затем – всё реже и реже; 7 сентября видели двух, а последнюю – 17 сентября. В окрестностях Ташкента одиночки попадаются с 20 августа до 3-8 сентября, двух добыли 5 и 6 сентября (Корелов, 1972; Мекленбурцев, 1995). Южнее, в горах Памиро-Алая, осенний пролёт проходит так же незаметно и, по-видимому, приходится на вторую половину августа, так как позднее 4 сентября певчая славка никем здесь на местах гнездования не отмечалась, а самая поздняя встречена 12 сентября у перевала Анзоб, на высоте около 3000 м, явно вне гнездового биотопа (Иванов, 1969).

Биология. По наблюдениям 1963-1966 гг. в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) опубликована специальная статья (Ковшарь, Рукина, 1968). Из бывших под наблюдением 46 жилых гнёзд самая ранняя полная кладка найдена здесь 20 мая 1965 г., самая поздняя была начата 2 июля 1964 г. Из 29 гнёзд, судьба которых прослежена, разорены хищниками 20 (69%). Из 117 яиц, отложенных в 29 гнёздах, вылупилось 66 птенцов, а вылетело только 40 (34%). Ряд интересных биологических сведений по этой славке приводит Л.М. Шульпин (1961). Попытка анализа накопившихся в литературе сведений предпринята в обзорной статье «Биология и поведение певчей славки по наблюдениям в Средней Азии» (Ковшарь, 2011).

357. Серая славка – *Sylvia communis* Latham, 1787

whitethroat (англ.), Dorngrasmücke (нем.), fauvette grisette (фр.),
сұр сандуғаш (каз.), боз шалкы (кирг.), кул ранг мойкут (узб.)

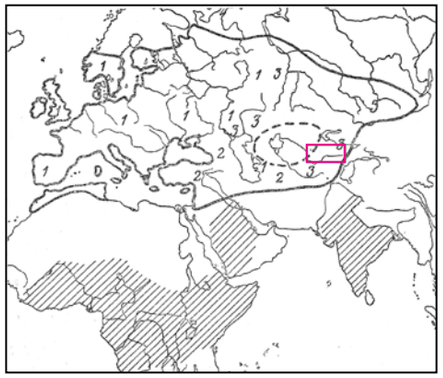
Синонимы: *S. cinerea* Bechstein, 1803; *S. cineraria* Bechstein, 1807; *Curruca cineracea* Brehm, 1831; *C. fruticeti* Brehm, 1831; *Sylvia cinerea fuscipilea* Severtzoff, 1875. (синоним *S. c. rubicola*).

Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане один – *Sylvia communis rubicola* Stresemann, 1928.

Характер пребывания. Гнездящаяся птица. Зимовки в Индии, Аравии и Африке (рис. 407).

Биотоп. Повсюду связана с кустарником или высокотравными зарослями. В горах избегает как сплошных массивов леса, так и открытых степных склонов без кустарника, а также скалистых склонов; но селится по лесным опушкам с кустарником, поднимаясь до арчового стланика – особенно в Западном Тянь-Шане, где среди стелющейся арчи и даже внутри каждой арчовой «лепёшки» много лиственных кустов, с их исчезновением (выше 2500-2700 м) исчезает и серая славка. Вниз идёт до предгорий (1100-1200 м), но на подгорной равнине не гнездится, хотя встречается здесь в период весенних и осенних миграций.

Распространение. По восточному краю нашего района проходит участок восточной границы ареала вида (рис. 407), а к северо-западному примыкают обширные пустынно-степные пространства Средней Азии и центральных районов Казахстана, где серая славка также не гнездится. Таким образом весь наш район находится внутри ареала серой славки, в его юго-восточном углу. Здесь серая славка довольно широко распространена в горах (рис. 408). На крайнем северо-востоке она «на гнездовье очень обыкновенна в урочище Тышкан [у Джаркента – *АК*], где поднимается включительно до полосы арчи» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 92). Она населяет Центральный Тянь-Шань в области верховьев Текеса и

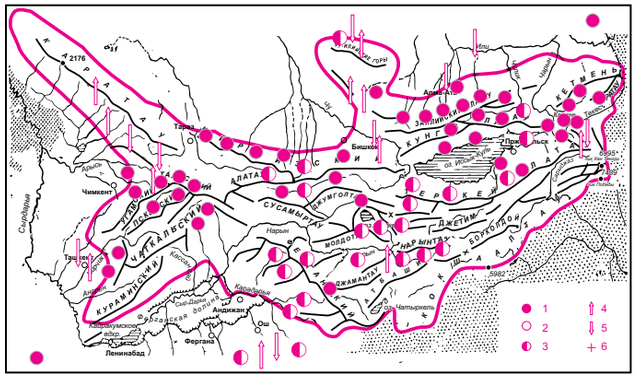

Рис. 407. Ареал серой славки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 356
Рис. 408. Распространение серой славки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Чарына (включая хребты Кетмень и Каратау, Ельчин-Буйрюк, Жабыртау; долины Чулкудысу, Каркары, Кегени); весь Северный Тянь-Шань – хребты Заилийский и Кунгей Алатау (Шульпин, 1939; Корелов, 1948, 1956, 1972; Шнитников, 1949; Винокуров, 1960; Бородихин, 1968; Ковшарь, 1972; Пфеффер, 1978; В. Ковшарь, 1994, 2015; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Губин, 2009: КОБ-2009; Джаныспаев, 2012). В Киргизском Алатау гнездится, видимо, на всём протяжении его северного склона (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Корелов, 1972, 2007; Шукуров, Кормилицын, 2005). Во внутренних районах Тянь-Шаня населяет Иссык-Кульскую котловину – как кустарниковые заросли побережий и окрестности населённых пунктов, так и склоны хребтов Терской и Кунгей Алатау; Сусамырскую долину с западным Караколом и Джумголом; хребет Молдотоо и другие горы, окружающие высокогорное озеро Сонкуль; бассейн верхнего Нарына, включая Кичи-Нарын, Чон-Нарын и долину Атбаши; южные и северные склоны Ферганского хребта, включая нижнюю часть высокогорной долины Арпы и прилегающие с востока склоны хребта Джамантоо, а на южном склоне Ферганского хребта – долины Тара и Карашоро (Кашкаров и др.. 1937; Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961, 1972; Шукуров, 1986; Торопова, 1999; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Кулагин, 2010; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). У южных границ Тянь-Шаня гнездится по северным склонам Алайского хребта (Stolzmann, 1897; Мальчевский, 1940; Иванов, 1969) и Туркестанского хребта, где у Заамина гнездо с яйцами нашёл 7 июня В.Ф. Руссов (Pleske, 1888; Мекленбурцев, 1995). В Западном Тянь-Шане гнездится во всех хребтах, кроме Кураминского, по которому просто нет данных (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991, 1992; Губин, 2012). Не гнездится серая славка в низкогорных хребтах – Каратау и Чу-Илийских горах, где встречена только на пролётах. Возможно гнездование в долине Копы (между Чу-Илийскими горами и подножием Заилийского Алатау), где 5 июня 1987 г. в пойме реки, среди высокотравья в зарослях тамариска одна из пары серых славок носила травинки для постройки гнезда, а в бурьянах на краю кукурузного поля 16 июня 1987 г. активно токовал самец (Ковшарь, Березовиков, 1999). На северной окраине Чу-Илийских гор (рис. 408) 14 июня 1996 г. встречена одиночка в зарослях тамариска по р. Кургак-Шолак (Березовиков и др., 1999). В 100 км севернее этого места (дельта р. Или) серая славка нормально гнездится у Топарских озёр. На пролёте встречена во многих местах, в горах и предгорьях.

Численность. На гнездовании в горах серая славка весьма обычна, а местами даже многочисленна. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1933-1935 гг. Л.М.Шульпин (1961) определил её численность как «обычнейшая птица в широком ассортименте стаций» и, работая *маршрутно*, попутно нашёл здесь 5 гнёзд; в 1960-1966 г. она была здесь *многочисленна*, в арчовых редколесьях и суходольных лугах Кши-Каинды (1800 м) и Балдабрека (2000 м) мы описали 13 гнёзд (Ковшарь, 1966); в 1971-1973 гг. Б.М. Губин (2012) в тех же урочищах обнаружил 26 гнёзд. На юго-восточном

берегу Иссык-Куля (мыс Карабулун) пары серых славок летом 1954 г встречались через каждые 50-70 м (Степанян, 1959), а спустя 50 лет на северном побережье озера она входила в число доминантов вместе с чечевицей и широкохвосткой (Кулагин, 2010). В Сарычелекском заповеднике в 1925 г. это «самая обыкновенная ландшафтная птица» (Кашкаров, 1927), по данным учётов 1982-1983 гг., её плотность на гнездовании составила: в елово-ореховых лесах – 37, на прангосовых лугах 18-103, субальпийских лугах – 18, в поймах высокогорных рек 60-66, в арчовых редколесьях 91-104, яблоневых лесах 94-133 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). По данным того же автора, в арчовом редколесье серая славка доминирует вместе с горной овсянкой (вместе – 32.3%), в прангосовой степи (35.6%) – с черноголовым чеканом (19%) и желчной овсянкой (17%); на субальпийских лугах серая славка – в числе фоновых видов во второй половине лета (Лебяжинская, 1992). Обычной была она на берегах озера Сарычелек и в 1998 г.: 23 июля мы встретили здесь три пары и выводок (Ковшарь, Торопова, 2000). На северном склоне Кунгей Алатау (ущелье Кульсай) среди арчового стланика выше границы леса, 10-15 июня 1968 г. найдено 10 жилых гнёзд (Ковшарь, 1972а). В городе Алматы, на территории Ботанического сада (пл. 104 га) в 1985-1990 гг. найдены 16 гнёзд серой славки (В. Ковшарь, 1994). Численность на осеннем пролёте во много раз выше, чем на весеннем: в осенние сезоны 1982-2016 гг. на Чокпаке окольцовано 445 серых славок, а в весенние – всего 27 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетают в конце апреля – начале мая. Под Ташкеном в иные годы появляются уже 20 апреля, но обычно в начале мая (Корелов, 1972). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) самые ранние встречи серых славок – 11 мая 1960, 14 мая 1948 и 1965, 16 мая 1963 и 17 мая 1961 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых отмечали 11-18 мая (в среднем – 13 мая); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 8 мая (1990) по 26 мая (1985), срединная дата весеннего пролёта – 20 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В восточной части Каратау, в долине Чаяна, первых встретили 30 апреля 1941 г. (Долгушин, 1951). На озере Кызылколь (Каратау) несколько пролётных одиночек встретили 15-17 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). На стационарах в Чуйской долине первых встречали: 21 апреля 1972 г. (Тюлек) и 30 апреля 1977 г. (Манас), последние – 21 мая 1971 г. в Токмаке (Торопова, Шукуров, 1991). В Чу-Илийских горах редкие одиночки встречены 24-30 апреля 2001 г. в ущелье Ешкилы (Губин, 2007). В других местах Чу-Илийских гор пролёт их в небольшом числе наблюдали в течение всего мая – до 25-го в 1937 г. и 21-го в 1952 г. (Корелов, 1972). В долине Копы в 1987 г. мы наблюдали пролёт с 23 мая по 3 июня, в 1988 г. – с 8 мая по 4 июня (Ковшарь, Березовиков, 1999). В Алма-Ате самая ранняя встреча – 5 мая 1961 г. (Бородихин, 1968). В окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) серую славку весной встретили всего трижды: 1 июня 1972 г. (затем до августа здесь определённо отсутствовала), 17 мая 1974 г. и 28 мая 1977 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1957 г. первая серая славка встречена 27 мая (Винокуров, 1960); в ущелье Тышкан, близ Джаркента, первых добывали 19 мая 1899 и 21 мая 1900 гг. (Зарудный, Кореев, 1905), а выше по р. Или, в одном из садов близ Кульджи, 16 мая 1913 г. встречена пролётная стайка из 12 серых славок, вполне возможно – не первая (Шестопёров, 1929).

Осенний отлёт и пролёт идёт в августе и сентябре. Под Джаркентом в 1899-1900 гг. становилась редкой уже в конце июля, последние здесь добыты 16 сентября (Зарудный, Кореев, 1905). В Карачингиле серую славку отмечали только на осеннем пролёте – с 30 июля (2010) по 1 октября 2011 г. (Бевза, 2012). В долине Текеса отлёт серых славок начался во второй половине августа, последнюю в верховьях р. Туюк добыли 3 сентября 1955 г. (Винокуров, 1960). В Алматы пролёт отмечали в августе-сентябре (Бородихин, 1968; Сема, 1978). В Чуйской долине осенний пролёт этого вида более заметен, чем весенний. На стационарах начало его отмечали: 11 августа 1974 г. (Тюлек), 16 августа 1974 и 1977 гг. (Токмак, Манас), 21 августа 1972 г. (Токмак); последние встречи – 21 сентября 1972 и 1977, 22 сентября 1975 и 16 октября 1974 гг. (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые серые славки осенью появлялись 14 августа (1974) – 4 сентября (1971), в среднем 24 августа; заканчивался пролёт 12 сентября (1971) – 30 сентября (1966), в среднем 22 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 16 августа (2003) по 11 октября (1982) здесь отловили 445 серых славок, срединная дата осеннего пролёта – 30 августа (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1959-1966 гг. разгар пролёта приходился на вторую половину августа – начало сентября, когда серые славки были особенно многочисленны и встречались подчас в совершенно неподходящих стациях – в скалах или в открытой типчаковой степи; в предгорьях появлялись к концу августа, последних здесь отмечали

29 сентября 1960 г. и 17 сентября 1961 г. (Ковшарь, 1966). У Ташкента серых славок добывали с 30 июля по 19 сентября (колл. САГУ; Мекленбурцев, 1995).

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась, но в литературе накопилось немало данных о гнездовании. Наибольшее число их известно для Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где за период с 1926 по 1973 г. найдено и описано 44 жилых гнезда (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Для внутренних районов Тянь-Шаня (Иссык-Куль, Сусамыр, долины Нарына и Атбаши, Ферганский хребет) в сводке Птицы Киргизии (1960) приводится список дат нахождения 23 гнёзд. В окрестностях Джаркента в 1918 г. найдены 2 гнезда (Шестопёров, 1929), в Северном Тянь-Шане в 1919-1920 гг. – 5, в том числе 10 июня 1920 г. в урочище Саты (Таучилик) – кладка из 4 яиц славки и яйца кукушки; в Киргизском Алатау у Сосновки 6 июля 1934 г. – две кладки по 4 яйца (Шнитников, 1959). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) А.А. Винокуров нашёл два гнезда: 17 июня 1956 г. с 5 свежими яйцами и 19 июня 1956 г. – с тремя насиженными яйцами славки и одним яйцом кукушки. В высокогорье Киргизского Алатау (Ала-Арча) описаны два гнезда, расположенные в кустах сибирского можжевельника (Кузнецов, 1962). На северном склоне Кунгей Алатау, у озера Кульсай, 10-15 июня 1968 г. я нашёл 7 полных кладок серой славки (три – по 4 яйца и четыре – по 5) и три гнезда, строительство которых заканчивалось (Ковшарь, 1972а). Из 16 гнёзд серой славки, обнаруженных в Ботаническом саду г. Алматы (в траве на сенокосных участках), 7 брошены недостроенными, 5 погибли и только из 4-х гнёзд вылетели 17 птенцов (В. Ковшарь, 1994).

358. Славка-мельничек – *Sylvia curruca* (Linnaeus, 1758)

lesser whitethroat (англ.), Klappergrasmücke (нем.), fauvette babillarde (фр.),
боз сандуғаш (каз.), кидик боз шалкы (кирг.), завирушка мойқут (узб.)

Синонимы: *Sylvia minula* Hume, 1873; *S. minuscula* Hume, 1879; *S. margelanica* Stolzmann, 1897. Славка-завирушка (Шнитников, 1949; Волчанецкий, 1954; Портенко, 1960; Иванов, 1969; Корелов, 1972).

Подвид. Из 10 описанных в разное время подвидов в пределах нашего района в период миграций отмечались по крайней мере пять: *S.c. halimodendri* Suschkin, 1904 (гнездится в пустынях Прибалхашья), *S.c. blythi* Ticehurdt et Whistler, 1933; *S.c. minula* Hume, 1873; *S.c. telengitica* Suschkin, 1925; *S.c. margelanica* Stolzmann, 1897. В ряде фаунистических сводок некоторые из них сводились в синонимы (см. ниже).

Систематические замечания. «Славка-завирушка» (*Sylvia curruca*) как набор очень разных подвидов в рамках единого (но явно сборного) вида на протяжении последнего столетия являлась камнем преткновения для многих орнитологов, при этом каждый решал этот вопрос по-своему, сводя в синонимы ранее описанные подвиды и описывая новые, тем самым внося и свою лепту в изрядную путаницу. Так, в 6-м томе сводки «Птицы Советского Союза» И.Б. Волчанецкий (1954) свёл *S.c. margelanica* в синонимы *S.c. minula,* а горную, описанную как вид *Sylvia althaea* Hume, 1878, следуя Г.П. Дементьеву (1937, с. 244), приводит под именем *Sylvia curruca affinis* Blyth, 1845, хотя задолго до этого в работах М.А. Мензбира, П.П. Сушкина и Н.А. Зарудного последнее имя применялось по отношению к *S.c. blythi*. Об этом необходимо помнить, пользуясь работами этих и других авторов. Так, например, в статье о птицах Таласского Алатау Л.М. Шульпин (1961) следует И.Б. Волчанецкому, называя очерк о горной славке «*Sylvia curruca affinis* Blyth (=*althaea* Hume»), тогда как очерк о славке-завирушке идёт под латинским названием *S.c. blythi* Ticehurdt et Whistler, 1933. В солидном академическом справочнике «Птицы СССР» Л.А. Портенко (1960) вообще не упоминает *S.c. blythi.* Такая же участь постигла этот подвид и в сводках Л.С. Степаняна (1978, 1990, 2003), как и *S.c. margelanica,* которую он определил в синонимы *S.c. minula.* Нечего и говорить, к какой путанице привели все эти «разночтения» в региональных сводках более низкого ранга, а особенно – в фаунистических статьях…

Кардинальное решение относительно недавно предложено в монографии «Sylvia warblers» (Shirihai, Gargalo et al., 2001), в которой *Sylvia curruca* рассматривается как **комплекс**, состоящий из

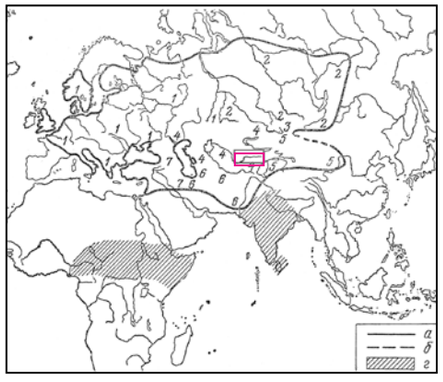
4 видов: *Sylvia curruca* (включая *S.c. halimodendri*), *Sylvia margelanica*, *Sylvia minula*, *Sylvia althaea*. В опубликованном не так давно списке птиц Северной Евразии (Коблик, Архипов, 2014) признана видовая самостоятельность горной славки (*S. althaea*), что практикуется уже давно (Ковшарь, 1966; Иванов, 1969; Корелов, 1972; Степанян, 1978, 1990, 2003; Гаврилов, 1999), а маргеланская и пустынная славки-завирушки оставлены подвидами *Sylvia curruca*. Впредь, до очередной ревизии данного комплекса видов, я придерживаюсь этой последней точки зрения как наиболее соответствующей взаимоотношениям между этими формами.

Характер пребывания. Через наш район все перечисленные подвиды только пролетают.

Биотоп. Кустарниковая птица (только *S.c. blythi* в местах гнездования предпочитает кроны деревьев).

Распространение. Объединённый ареал комплекса «славка-завирушка» (включая и горную славку) представлен на рис. 409 (цифрами обозначены подвиды: *1 – S.c. curruca, 2 – S.c. blythi, 3 – S.c. telengitica, 4 – S.c. halimodendri, 5 – S.c. minula, 6 – S.c. althaea*; при этом местоположения *4* и *6* указаны очень неточно). На рис. 410 показаны места гнездования *S.c. halimodendri* в пустынных окрестностях нашего района и места летних встреч в пределах гор, требующие особого пояснения. Так, 7 июля 1948 г. в верховьях Майдантала (Западный Тянь-Шань) добыта самка, окраской похожая на *S.c. minula* (Корелов, 1956). По мнению автора, это явно бродячая особь. «В Чирчик-Ангренском водоразделе славка-завирушка как гнездящаяся птица приводится только З.Л. Сатаевой (1937) на основании двух летних наблюдений без фактических доказательств. Всеми дальнейшими наблюдениями гнездование не подтвердилось» (Мекленбурцев, 1995, с. 243). Интересны наблюдения в районе Каратау, у южных предгорий которого, близ с. Бугунь, 25 июня Н.А. Зарудный (1916) встретил слётков. В сводке по птицам Казахстана сказано: «по правобережью Сырдарьи, между этой рекой и Каратау не найдена. Нет её и в основной части Каратау, однако у северо-западных отрогов она встречается по логам глинистых шлейфов Карамуруна и Актау (Долгушин, 1951)» (Корелов, 1972, с. 187). Кроме того, имеется ничем не подтверждённое указание на гнездование в небольшом числе на озере Кызылколь (северные предгорья Каратау), где 15-17 мая 2000 г. отловили для кольцевания **7** *S.c. halimodendri,* **6** *S.c. curruca* и **7** *S.c. jaxartica* (Коваленко и др., 2002). Указание на нахождение на Иссык-Куле гнезда *S.c. minula* (Птицы Киргизии, 1960, с. 203), так же, как и на гнездование славки-завирушки в Чуйской долине (Умрихина, 1970), скорее всего, относятся к горной славке (*Sylvia althaea*). Столь же бездоказательны (птицы не добыты) наблюдения в восточных и западных отрогах Заилийского Алатау: «11 июня 2001 г. и 6-7 июля 2002 г. в верхней части ущелий северного склонах хр. Турайгыр, имеющих своеобразный мезофильный микроклимат, в зарослях кустарников и многолетних трав, встречена в довольно большом числе. 17 июля в одном из ущелий северного склона хр. Атжайлау (10 км западнее с. Актерек) держался единственный выводок, докармливаемый взрослыми птицами» (Коваленко, 2003: КОБ-2002).

«19-21 мая [2002 г. – *АК*] в нескольких точках, находящихся друг от друга в нескольких десятках километров – ущелье Аласы хребта Турайгыр (около 1300 м), с. Жаланаш (1700 м), нижняя часть ущелья Карабулак хребта Кунгей Алатау (1800 м) – отмечено несколько поющих самцов и пар однотипной окраски, заметно отличающихся

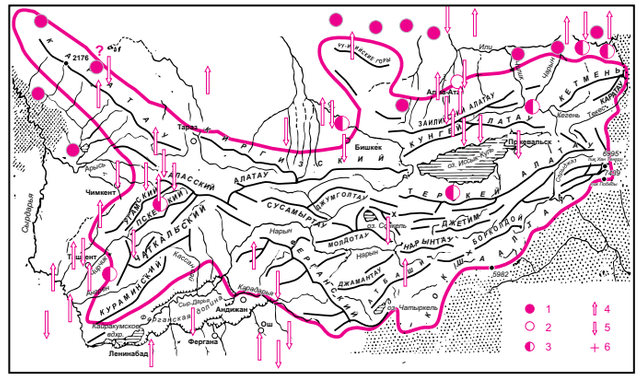

Рис. 409. Ареал комплекса *«Sylvia curruca»* и Тянь-Шань (прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 367
Рис. 410. Распространение славки-мельничка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

от населяющих пустыни долины Или *S.c. halimodendri*. Всё это были очень светлые птицы, с серо-песчаной спиной, верх головы лишь немного темнее спины, «уши» почти не выражены. При сравнении с коллекционным материалом выяснено, что этот тип окраски соответствует подвиду *S.c. minula,* населяющему северо-западный Китай. Судя по срокам и поведению наблюдавшихся птиц, можно предположить их гнездование в этих горных районах» (Скляренко, 2003: КОБ-2002, с. 47). Это предположение, так же, как и предыдущее сообщение, нуждается в проверке, для чего нужны поиски гнёзд и сбор коллекционного материала. В связи с этим необходимо обследовать и пустынные районы Иссык-Кульской котловины, откуда имелись предположения аналогичного характера.

Численность. Многочисленная пролётная птица. В горах Таласского Алатау во время осеннего пролёта в августе – начале сентября они буквально наполняют все биотопы культурного пояса, обычны в лугостепном и встречаются в субальпийском; вместе с серой славкой мельничек в это время является наиболее многочисленной птицей кустарниковых зарослей. На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. отловили и окольцевали 64, а в осенние – 2036 славок-мельничков (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау в ущелье Карагур только за день 14 сентября 2002 г. насчитали 88 мельничков (Чаликова, Колбинцев, 2006).

Сроки. Даты. Весной пролетают в апреле – мае. У Чиназа (устье Чирчика) представители *S.c. blythi* добыты 27 апреля, а между 25 марта и 23 апреля – мелкие особи, обозначенные *S. minuscula* (Pleske, 1888). В Ферганской долине, в районе ст. Мельниково, представителей мелкого пустынного подвида, приведенного как *S. minuscula*, 18 и 19 апреля видел H. Loudon (1919). У Ташкента в 20-х гг. пролётных встречали с 6 апреля по 30 мая (Сатаева, 1937). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) их добывали 11 мая 1962 г., а в 1965 г. много их я встретил с 7-15 мая (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых пролётных встречали 22 апреля (1974) – 12 мая (1972), в среднем 4 мая; пролёт шёл до конца мая; в 1982-2016 гг. их отлавливали с 16 апреля (2002) по 26 мая (1983, 2003), срединная дата пролёта – 12 мая (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) пролётных отмечали 29 апреля 1989 г. и 15-17 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). В долине Копы слабый пролёт наблюдали мы с 25 апреля по 29 мая 1987 г. и с 18 апреля по 14 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Алматы весной мельничка встречали 22 апреля 1957 г. (Бородихин, 1968), а на Б. Алматинском озере (2500 м) – 12 мая 1973, 17 мая 1974, 20 мая 1972 и 24 мая 1971 гг. – каждый раз по одной за сезон (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2010 гг. первых отмечали с 14 по 29 апреля, последнюю одиночку – 17 мая 2004 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке весенний пролёт проходит в сжатые сроки, в 2004 г. – со 2 по 15 мая (Белялов, Карпов, 2013). В Борохудзире на р. Или в 1900 г. редкие одиночки *S.c. affinis* (= *blythi*) появились 21 апреля, пролёт под Джаркентом достиг наибольшей силы 25-26 апреля и почти прекратился к началу мая; 4 добытых экземпляра определены как *S.c. minuscula* (= *minula*) и один, добытый 21 апреля 1900 г. – как *S.c. margelanica* (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенью пролёт идёт с августа по октябрь. В районе Джаркента осенью 1899 г. заметный пролёт по р.Усек шёл во второй декаде сентября и закончился к концу месяца, последние замечены в первой декаде октября; в 1918 г. пролёт закончился к 17 сентября (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929). Западнее, в Карачингиле, мельничков наблюдал И. Бевза (2012) с 8 августа (2007) до 13 октября (2004). В высокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500м) пролётных мы встречали 22 и 27 августа 1971, 26 августа 1973, с 13 по 31 августа 1974, 25 августа 1976 и 18 августа 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 9 августа 2008 г., самая поздняя – 14 октября 2007 г. (Белялов, Карпов, 2013). На Чокпаке, где осенью численность пролетающих мельничков намного выше, чем весной, в 1966-1981 гг. первых встречали 19 августа – 17 сентября, в среднем 3 сентября, последних 21 сентября – 25 октября, в среднем 4 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 17 июля (1987) по 26 октября (2002) поймали и окольцевали 2036, срединная дата осеннего пролёта – 9 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) Л.М. Шульпин в 1933-1935 гг. добыл 24 пролётных мельничка и отметил: «Следует подчеркнуть, что за весь период наблюдений в районе наших маршрутов совершенно не были отмечены ни *S.c. telengitica*, ни *S.c. halimodendri,* пролетающие, вероятно, ниже этих мест в пустынной зоне и, может быть, полынно-полупустынном поясе» (Шульпин, 1961, с. 160). Из 107 особей, добытых Н.А. Зарудным под Ташкентом, 94 европейско-сибирских (*S.c. curruca – S.c. blythi*) добыты с 4 августа по 12 октября, а 13 мелких и светлых пустынных (*S.c. halimodendri – S.c. minula*) – с 6 августа по 17 октября (Мекленбурцев, 1995, с. 244).

Здесь будет полезно привести конкретные даты и места встреч для некоторых подвидов, исключая массовых – таких как сибирский (*S.c. blythi*) и казахстанский (*S.c. halimodendri*). Помимо упоминавшихся (см. выше) в литературе есть следующие указания. ***S.c. telengitica*** отлавливали на Чокпаке (6 экз.) 22 апреля – 12 мая, 10 и 28 сентября; ***S.c. jaxartica*** (=*snigirewski*) – там же (одна, 14 мая) и на озере Кызылколь – 7 экз. 15-17 мая 2000 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985; Коваленко и др., 2002). ***S.c. margelanica***: «При ревизии шкурок *Sylvia curruca,* хранящихся в коллекции Института зоологии в Алма-Ате, выяснилось, что экземпляр 4103/38, добытый 22 октября 1938 г. в окрестностях Чимкента господином Рудаковым и принимавшийся ранее за *Sylvia [curruca] minula*, на самом деле оказался *Sylvia [curruca] margelanica.* 25 мая 2003 г. Э.И. Гавриловым в среднем течении р. Лепсы [Джунгарский Алатау – *AK*], в 30 км северо-западнее пос. Кольбай была отловлена и окольцована птица, определённая мной как *Sylvia [curruca] margelanica*» (Свенссон, 2004, с. 186). Кроме того, одну маргеланскую славку отловили паутинной сетью на озере Сорбулак 2 мая 2004 г. (Белялов, Карпов, 2005: КОБ-2004). Не лишне упомянуть, что первый в нашем районе (борохудзирский) экземпляр *S.c. margelanica* Н.А. Зарудный имел возможность рассмотреть очень тщательно, имея под рукой целую серию экземпляров других подвидов из этой местности, а кроме того в начале XX ст. *S.c. margelanica* была хорошо представлена в коллекциях. Ещё в 20-х гг. С.И. Снигиревский, написавший работу по инвентаризации славок-завирушек, упоминает о 35 экземплярах этого подвида из Средней Азии (Snigirewski, 1929). Но два десятилетия спустя это имя уже не упоминается в капитальной сводке «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949), зато другой подвид фигурирует в двух очерках: № 395-398 – под именем *S.c. blythi* (с. 507) и в № 399 – под именем *Sylvia affinis* (с. 511), между которыми сам автор ставит знак равенства (с. 508). На мой взгляд прав он в другом: «Я думаю, что ошибался и Кореев, когда говорил, что *S. affinis* (=*blythi*) на Тышкане поднимается на гнездовье включительно до верхней границы ели и ещё заходит в полосу арчи» (Шнитников, 1949, с. 508). Эти слова, а также то, что в следующем очерке он называет *S. affinis* русским именем «горная славка-завирушка» наводят на мысль: а не имели ли оба автора в виду не сибирского мельничка, а *Sylvia althaea* Hume? Это было бы логично и по характеру биотопа. Во всех последствиях этой «чехарды» с подвидами ещё предстоит разбираться…

В заключение – о зимних встречах славок-мельничков в центре города Алматы 10 декабря 2011 г. и 9 декабря 2012 г., где они были неоднократно сфотографированы вместе с ястребиными славками (Исабеков, 2013). Здесь они держались в большом сквере около административного здания, где кормились в основном ягодами дёрена красного и снежноягодника, укрываясь от непогоды и опасностей в кронах ёлок. Обычно к 15-20 декабря ягоды заканчиваются и одновременно наступают холода, поэтому перестают встречаться и славки: в январе и феврале они уже ни разу не попадались при регулярных посещениях (Исабеков, 2013).

359. Горная славка – *Sylvia althaea* Hume, 1878

Hume's whitethroat (англ.), Klappergrasmücke (нем.), fauvette babillarde (фр.),
тау сандуғашы (каз.), тоо шалкысы (кирг.), тоғ мойқути (узб.)

Синонимы: *Sylvia affinis* Blyth, 1845; *Sylvia curruca minticola* Portenko, 1955. Крупноклювая славка-завирушка (Шульпин, 1961). Толстоклювая славка-завирушка (Иванов, 1969).

Систематические замечания. «С момента описания *S. althaea* Hume, 1878 её видовая самостоятельность вызывает сомнение. Одни исследователи рассматривают её лишь как резко обособленный подвид славки-завирушки *S. curruca* L., 1758, другие придают этой гнездящейся исключительно в горах форме видовой статус, иногда оба таксона выделяют как надвид (Степанян, 1983). Несмотря на значительно большую степень морфологической, экологической и этологической обособленности *S. althaea* в сравнении с подвидами *S. curruca,* мнение о конспецифичности этих славок недавно вновь получило довольно широкое распространение…» (Лоскот, 2001, с. 381). Так начинается статья, посвящённая анализу систематического положения горной славки. Далее в ней даны отличительные признаки этого вида, которые очень важно знать каждому орнитологу, работающему в нашем регионе: «Нами установлен комплекс внешних морфологических признаков, позволяющих определить любую особь *S. althaea.* Он включает тёмную серовато-бурую спину, лишь незначительно уступающую темени в интенсивнсоти окраски, крупные размеры (средняя длина крыла у 49 самцов 68.2± 0.27 мм,

26 самок 67.6±0.48 мм; у 80% особей крыло длиннее 66 мм; высота клюва на уровне переднего края ноздри у 95% птиц больше 3 мм…), притуплённую вершину крыла: второе первостепенное маховое обычно (75% особей) короче шестого или равно ему (25%) и значительное развитие чисто белого поля в вершинной части внутреннего опахала шестой пары рулевых (треть длины пера и более)… Подобная морфологическая определённость отсутствует среди связанных переходами подвидов *S. curruca*, включая и наиболее уклонившиеся мелкие и светлые пустынные формы (*S.c. minula*, *S.c. jaxartica*)» (Лоскот, 2001, с. 382).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане один – *Sylvia althaea althaea* Hume, 1878.

Характер пребывания. Гнездится. Зимует в Индии и экваториальной Африке (рис. 409).

Биотоп. В Таласском Алатау населяет кустарники с обилием зонтичных – ферулы, прангоса и др. – по сухим каменистым склонам, иногда скалам. Селится также в разреженном яблоневом лесу. Предпочитает склоны с кустами таволги, миндаля, боярышника, поселяется и в пойменных зарослях по долинам рек – до выхода их на равнину, где не встречается даже в садах селений. Высотные пределы здесь 1200-2000 м. Для Памиро-Алая указан более широкий диапазон: 1300-3000 м при излюбленном 1600-2000 м (Иванов, 1969).

Распространение. Тянь-Шань расположен у северо-восточных пределов ареала этого вида, который распространён к северу до Каратау, хребтов Киргизского и Кунгей Алатау (Степанян, 2003). Однако ещё в 1899-1900 гг. скорее всего именно она (под именем *Sylvia affinis* Blyth) была обычна на гнездовании в ущелье Тышкан (рис. 411), где поднималась до арчового стланика; здесь 6 июля 1899 г. был добыт самец, а ещё одного добыли 26 апреля 1899 г. в ущ. Кастек, на крайнем западе Заилийского Алатау (Зарудный, Кореев, 1905). В горах южнее Кульджи самка добыта 21 июня 1913 г. (Шестопёров, 1929). Как выяснилось, именно к горной славке относятся и сведения, опубликованные в статье о Терской Алатау как наблюдения над *S.c. halimodendri*: «Обыкновенной она становится в средней части хребта, от урочища Тоссор и далее на запад. В крайней западной части, с исчезновением кустарников, она также исчезает. В вертикальном направлении она встречается на подгорной равнине и в полосе предгорий. Биотоп – кустарниковые заросли барбариса, шиповника, караганы и др., расположенные на пустынных каменистых склонах, по балкам и оврагам. Численность птицы незначительна. За экскурсионный день 1 июля в нижней части ущелья Тоссор встречалось не более 5 птиц» (Степанян, 1959, с. 110). Самец, добытый автором 1 июля 1954 г. в ущелье Тоссор, впоследствии переопределён В.М. Лоскотом как *S. althaea* (Белялов и др., 2017). Горная славка приводится в перечне видов, которые встречаются только в южной части бассейна Сарыджаза (Крылов, 1969).

Севернее указанной Л.С. Степаняном (2003) границы, помимо уже упомянутых сведений, горную славку встречали на р. Чилик, где 28 июня 1955 г. М.А. Кузьмина видела пару и добыла самца (Корелов, 1972; Кузьмина, 2009: КОБ-2008), однако в том же очерке сводки «Птицы Казахстана» (Корелов, 1972) гнездование в Заилийском Алатау даже не предполагается (как не комментируются сведения Б.П. Кореева по Тышкану). В течение последних 20 лет участились встречи горной славки в северной части нашего района, в том числе не только взрослых птиц, но и выводков птенцов (Коваленко, Скляренко, 2003: КОБ-2002). Подборка материалов «О горной славке на Юго-Востоке Казахстана» опубликована в «Казахстанском орнитологическом бюллетене» (Белялов, Коваленко, Карпов, 2004: КОБ-2003); вот выдержки из неё:

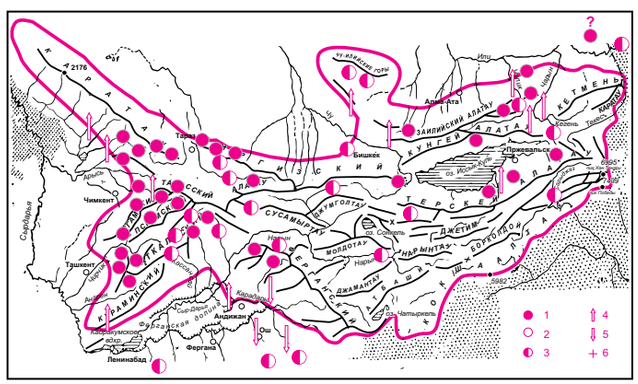

Рис. 411. Распространение горной славки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

«В последние годы много информации о горной славке поступало из ущелья Кокпек (горы Сюгаты). В мае 1998 г. и 2000 г. её отмечал здесь Ларс Свенссон. Здесь же поющие самцы отмечены 7 и 23 мая 2002 г. (Ковшарь А., 2002) и 15 мая 2002 (Ковшарь В., 2002). 25 мая 2003 г. здесь встречен территориальный поющий самец, которого не удалось поймать (Гаврилов, Свенссон, устное сообщение). Определение форм «славок-завирушек» в природе представляет собой огромную трудность, что приводит к многочисленным ошибкам. Например,

информация об июньских и июльских встречах *S. curruca* на хребте Турайгыр, так же, как и встреча выводка *S. curruca* на хребте Атжайлау (Коваленко, 2002), относится к *S. althaea*. Более ярко окрашенные молодые горной славки были приняты за славок-завирушек, что было выяснено при посещении этих мест в 2003 г. Летом 2003 г. осуществлены специальные поиски гнезд горной славки в Алма-Атинской области. 13 июня в ущ. Аргайты на северном склоне хр. Торайгыр, найдено гнездо с 4 птенцами перед вылетом… Обе взрослые птицы отловлены паутинной сетью и сфотографированы. В этот же день в ущ. Кокпек встречена пара птиц с кормом… 21 июня в горах Анархай (Чу-Илийские горы) одиночка встречена в центральной части, и 2 поющих самца – в ущ. Алмалы. 5 июля в ущ. Восточные Ргайты (горы Атжайлау), горные славки оказались довольно обычными птицами, как и в прошлом году. Встречено 2 поющих самца, и пара с выводком, только что покинувшим гнездо…» (Белялов, Коваленко, Карпов, 2004: КОБ-2003, с. 188). В ущелье Женишке (восточная оконечность Заилийского Алатау) 23 июля 1996 г. две горные славки кормили вылетевших птенцов (Губин, 2009: КОБ-2008). Представляет интерес встреча 17 июня 2016 г. поющего самца в центре Бишкека, на оживлённой аллее (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Имеется указание на современне расселение горной славки в верхней части бассейна Текеса (Центральный Тянь-Шань): «В настоящее время расселение вида происходит и в горных долинах Центрального Тянь-Шаня. Так, в тальниковой пойме р. Желькаркары (42° 51'с.ш., 79°17' в.д., 2014 м), текущей среди луговых увалов между пос. Каркара и Ереулы, 11 июля 2002 г. мы наблюдали поющего самца, что позволяет предполагать гнездование здесь этого вида» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004, с. 123).

Во внутренних районах Тянь-Шаня горную славку встречали в гнездовое время в Ферганском хребте, в долинах Нарына, Западного Каракола, Кочкора, Каракуджура (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Но наиболее плотно населяет эта славка Западный Тянь-Шань (рис. 411) – от южных склонов Чаткальского хребта к северу до средней части хребта Каратау: «В Каратау она гнездится по Карасаю (на уровне Туркестана) и в бассейне Джалганаты, где её гнезда были найдены мной в 1931 г., а также у вершины Мынжилке (Долгушин, 1951)» (Корелов, 1972, с. 194).

Следует подчеркнуть, что вне гор она не встречается и на пролёте (Корелов, 1972). Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. горную славку не отметили ни разу, в итоговой работе за эти годы она даже не упоминается, в том числе и среди подвидов *Sylvia curruca* (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. она встречена только раз – взрослая птица окольцована 19 мая 2001 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Имеется также устное сообщение А. Гаврилова о том, что в 80-х гг. одна горная славка была окольцована на Сорбулаке (Белялов, 2014).

Численность. Обычна на гнездовании, а в Западном Тянь-Шане местами – многочисленная птица. Так, в Сарычелекском заповеднике, где в 60-х гг. она была обычна в гнездовое время (Воробьёв, Чичикин, 1966), по данным учётов 1982-1983 гг. плотность на гнездовании составляла: в яблоневом лесу 13-22, в ореховом – 26-39 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). По данным того же автора, в 1986-1987 гг. в летнее время горная славка входила в число фоновых видов не только в яблоневом и ореховом, но также в елово-ореховом лесу и даже в арчовом редколесье – до 8.5% летнего населения птиц (Лебяжинская, 1992). В Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) прослежен уровень численности этого вида на протяжении 40-50 лет. Так, в 1933 г. Л.М. Шульпин (1961) нашёл её на гнездовье только в каньоне р. Аксу, в урочище Бугулутур и в нижней части ущелья Джабаглы с притоком Кши-Каинды. В 1960-1966 г. она была немногочисленной и по-прежнему гнездилась в тех же местах, а также в очень небольшом числе в долине Балдабрека (Ковшарь, 1966). К началу 70-х гг. она стала обычной в ущелье Кши-Каинды, где в 1967-1974 г. найдено 21 гнездо (Ковшарь, Иващенко, Губин, 1976), а в 80-х гг. встречаемость в Кши-Каинды (1.8-4.5 особей/час) была заметно выше, чем в Чуулдаке, где отмечали 0.1-1.9 особей/час (Ковшарь, Чаликова, 1992). Горные славки были многочисленны в западной части Киргизского Алатау: 12 июля 1957 г. в ущелье Ойранды (25 км западнее Мерке) и 21-22 июля 1957 г. в ущелье Узунбулак, ещё западнее (Корелов, 2007).

Сроки. Даты. Прилетает в апреле, пролёт длится до середины мая. В Кураминском хребте, в ущелье Лошкерек, первая пара встречена 28 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2004). «В 1958 г. на Казгурте их было много уже 28 апреля… Немного севернее, в Боролдае, в том же году одиночки встречались уже 22 апреля (в эти же сроки первых хамечали и добывали в горах Таджикистана). В Каратау, в верховьях Чаяна, первые в 1941 г. были добыты 24 апреля» (Корелов, 1972, с. 295). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первых отмечали: 3 мая (1961, 1962, 1965), 7 мая 1963, 8 мая 1949 и 9 мая 1953 гг. (Ковшарь, 1966), а также 2 мая 1973 и 13 мая 1971 гг. (Губин, 2012). Из других мест данных о прилёте и весеннем пролёте этого вида нет – впрочем,

как и об осеннем: «Отлёт проходит, по-видимому, в августе, но проследить его обычно не удаётся, так как в это же время летит горами и славка-завирушка. Как уже говорилось различить их в полевых условиях практически невозможно» (Корелов, 1972, с. 197). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) самые поздние достоверные встречи – 15 августа 1963 г. в ущелье Кши-Каинды и 12 августа 1971 г. в арчевниках Б. Балдабрека; одну славку в Кши Каинды отловили и окольцевали необычно поздно – 17 сентября 1973 г. (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Южнее, в Памиро-Алае, самая поздняя добыта на р. Пяндж 12 сентября (Иванов, 1969), а в Гиссарском хребте А.В. Попов (1959) встречал горных славок до 25-29 сентября.

Биология. Данных немного и почти все они собраны в Западном Тянь-Шане. По наблюдениям у 40 гнёзд в Таласском Алатау в 1960-1974 гг. опубликована статья о биологии этого вида (Ковшарь, Иващенко, Губин, 1976); ряд дополнительных сведений содержится в работах по тому же месту (Шульпин, 1961; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Существенно, что в этих работах указаны основные ошибки, допущенные в предыдущей публикации о биологии горной славки по материалам из бассейна Зеравшана (Сагитов, 1960). По другим местам материалы отрывочны. В долинах Пскема и Угама в 1948-1949 гг. М.Н. Корелов (1956) нашёл 4 гнезда; о двух гнёздах из Чаткальского хребта упоминает О.В. Митропольский (2005). Описание двух гнёзд из Таласской долины и Иссык-Куля есть в сводке по птицам Киргизии (1960). В Малом Каратау (ущелье Журунсай) описано 7 гнёзд (Губин, Карпов, 2000), там же в ущелье Аксакалсай 21 мая 2009 г. найдена кладка из 5 яиц и такая же кладка – 26 мая 2015 г. у р. Боролдай (Губин, Белялов, 2017).

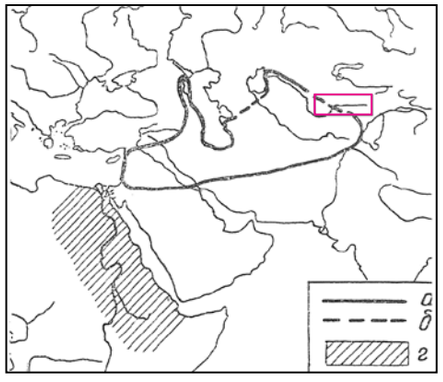
Очень интересно получить сведения о гнездовании горной славки в северной половине нашего района, откуда известно пока только одно гнездо на северном склоне гор Турайгыр (ущ. Аргайты), в котором 13 июня 2003 г. было 4 птенца перед вылетом (Белялов, Коваленко, Карпов, 2004: КОБ-2003).

360. Белоусая славка – *Sylvia mystacea* Ménétries, 1832

Ménétries's warbler (англ.), Bartgrasmücke (нем.), fauvette de Ménétries (фр.),
ақмұртты сандуғаш (каз.), оқ мўйловли мойкут (узб.)

Подвид. Не установлен, но это может быть только *S. m. turcmenica* Zarudny et Bilkevitch, 1918.

Распространение. Тянь-Шань расположен за восточными пределами ареала этого вида, который доходит всего лишь до долины Сырдарьи, в том числе – Ферганской долины у южной границы Тянь-Шаня (рис. 412). И только после встречи белоусой славки среди пролётных птиц на Чокпаке была высказана мысль о более широком распространении её на восток (Гаврилов, 1999). В Ферганской долине в начале XX ст. Н.А. Зарудный в небольшом числе нашёл её в гребенщиковых зарослях по берегам Сырдарьи у ст. Мельниково (Иванов, 1969). «В коллекции ТашГУ хранится экземпляр, добытый в августе 1927 г. А.П. Коровиным в урочище Ур-Марал в Таласском Алатау. Эту находку можно считать единственной для

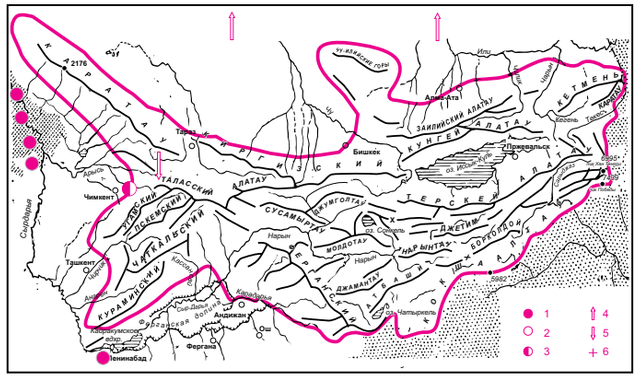

Рис. 412. Ареал белоусой славки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий. 1954, с. 386
Рис. 413. Распространение белоусой славки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

гор» (Мекленбурцев, 1995, с. 248). Включение этой славки в список птиц Чаткальского заповедника (Лановенко, 1997) на основании рукописного отчёта (Батурин, 1981), было подвергнуто сомнению (Митропольский, 2005), а вскоре и совсем отвергнуто (Головцов, 2007), поскольку в данном случае за белоусую была принята горная славка *S. althaea*, которая в упомянутом отчёте отсутствует. На Чокпаке белоусых славок отлавливали осенью, и в коллекции Института зоологии (Алматы) хранится три экземпляра: взрослая самка от 13 сентября 1972 г. (Э.И. Гаврилов), молодой самец от 12 октября 1984 г. (Э.И. Гаврилов) и взрослый самец от 22 сентября 1986 г. (А.Б. Голощапов); ешё один молодой самец добыт 12 октября 1989 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Они-то и послужили основой для предположения, что это не залёты, а пролёт с каких-то более восточных (северо-восточных) мест гнездования (Гаврилов, 1999). Вскоре в нижнем течении р. Или (посёлок Кокжиде) 26 мая 1992 г. белоусую славку встретил английский орнитолог Саммерс Смит (Белялов, 2004: КОБ-2003). Через 10 лет в пойме нижнего течения р. Чу, близ с. Мойынкум (бывшая Фурмановка) белоусую славку встретил и сфотографировал 9 мая 2014 г. А.В. Коваленко (www.birds.kz), а 26 мая 2014 г. то же повторилось в пойме р. Или, близ посёлка Акжар (А. Исабеков, www.birds.kz; Белялов, 2017). Таким образом в настоящее время белоусая славка гнездится не только у южных и западных, но и у северных границ нашего района, а вдоль его северо-западных окраин проходит слабый пролёт этого вида.

361. Пустынная славка – *Sylvia nana* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)

Desert warbler (англ.), Wüstengrasmücke (нем.), fauvette naine (фр.),
ұшқалақ сандуғаш (каз.), чўл мойқути (узб.)

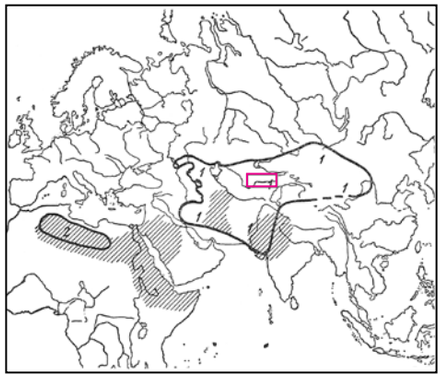
Синонимы: *Salicaria aralensis* Eversmann, 1850; *Sylvia doriae* De Filippi, 1865. Баялышничек (Зарудный, 1915).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане встречается *Sylvia nana nana* Hemprich et Ehrenberg, 1833.

Характер пребывания. Гнездится по окраинам гор. Зимует в Индии и Пакистане (рис. 414).

Биотоп. Будучи довольно пластичной, пустынная славка предпочитает в глинистых и щебнистых пустынях боялычники (отсюда – название, данное ей Н.А. Зарудным), а в песчаных – поросшие редкими низкорослыми кустарниками участки. В среднем течении Или по левому берегу Чарына вместе с боялычом и кокпеком заходит в Сюгатинскую долину, на высоту 1000 м над уровнем моря.

Распространение. Пустынная славка гнездится между Сырдарьей и Каратау, заходя в щебенистые предгорья этого хребта, но отсутствуя в самой пойме этой реки (Спангенберг, 1941; Шапошников, 1932; Долгушин, 1951). Довольно обычна в Муюнкумах и в Бетпак-Дале, где она является фоновой птицей на большей части территориии (Ковшарь, Левин, 1993; Ковшарь, Левин, Белялов, 2004). Гнездится в предгорных шлейфах Чу-Илийских гор (Корелов, 1972), в песках Таукум (Березовиков и др., 1999). В долине Или ниже Баканаса, во многих местах она – самая многочисленная воробьиная птица, а в среднем течении населяет пустынные берега этой реки до самой государственной границы. Она гнездится на песчаных и щебнистых пустынных участках правобережья, от предгорий Чулакских гор до Джаркента, в глинистой пустыне и песках левобережья Или между Чиликом и Чарыном, а по левому берегу последнего проникает в межгорную Сюгатинскую долину (абс. высота 1000 м). Гнездится она и в Джунгарских пустынях Синьцзяня: 6 мая 1994 г. я слышал её типичную песню в барханных песках с саксаулом близ г. Фукан в северных предгорьях Восточного Тянь-Шаня (Ковшарь, 1994). Гнездясь в зоне пустыни, пустынная славка не заходит в высокие предгорья Тянь-Шаня, а в подгорных шлейфах пустынных низкогорий она, как правило, ограничивается высотами 500-700 м над уровнем моря. По этой причине она отсутствовала в первом списке птиц Киргизии (Янушевич и др., 1960), а в последний его вариант включена как мигрирующий вид (Торопова, Кулагин, 2006). Однако дата встречи (7 июня 2002 г.) и обстановка (пустынное Западное Прииссыккулье) позволяют, на мой взгляд, предположить возможность гнездования, причем абсолютная высота 1700 м не является препятствием, поскольку, как выяснилось, в долине р. Кобдо (Западная Монголия) пустынная славка обитает на такой же высоте (Белялов, 2009). Противоположная картина наблюдается в горном Таджикистане,

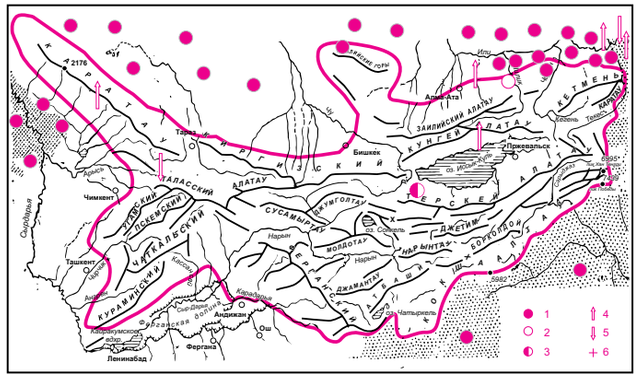

Рис. 414. Ареал пустынной славки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Волчанецкий, 1954, с. 382
Рис. 415. Распространение пустынной славки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летняя встреча, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

где предположение о возможном гнездовании пустынной славки в низовьях Вахша и Кафирнигана (Иванов, 1940) не подтвердилось, и вид этот числится в фауне как редкий пролётный (Иванов, 1969; Абдусалямов,1973). Южнее Тянь-Шаня и восточнее Памира, в Кашгарии, пустынная славка – пролётная и редкая гнездящаяся птица Таримского бассейна (Судиловская, 1973).

Пролёт пустынной славки в предгорьях Тянь-Шаня слабо выражен даже на Чокпаке, где её встретили всего один раз. В горах пролётных видели дважды: 28 марта 1991 г. одиночную пустынную славку – в высокогорье Заилийского Алатау на высоте около 3000 м над уровнем моря, в зарослях караганы и мирикарии в широком галечниковом русле реки Чилик (Джаныспаев, Белялов, 2006); у южной границы Тянь-Шаня – в Алайской долине (около 3000 м) её видел Э.Д. Шукуров (устное сообщение), не уточнивший ни места, ни даты встречи. Обе встречи до получения новых данных можно считать залётом.

Численность. Обычная, местами – просто многочисленная птица пустынь, на что указывали многие авторы. Так, для песков Кызылкум сто лет назад она названа самой многочисленной птицей вместе с малым жаворонком (Зарудный, 1915). Десятилетия спустя в закрепленных песках этой пустыни насчитывали в среднем 3.8 особей/10 га, а в целом она составляла 40% населения птиц (Д.Ю. Кашкаров, 1981). Не менее высокой была её численность в низовьях р. Или, где в пустыне Сарыишикотрау в апреле-мае 1982 г. нам удалось провести наблюдения у 38 жилых гнезд, причём за одну экскурсию учитывали до 10-12 поющих самцов на 5 км маршрута (Ковшарь, Губин, 1990, 1991). В песках Таукум (дельта Или) пустынная славка – фоновая птица бугристых песков, плотность её населения здесь 7-10 пар/км^2 (Березовиков и др., 1999). Очень высокая численность пустынной славки отмечена в песках Каракум, у юго-восточной оконечности озера Балхаш (северо-восточный участок границы ареала). Рельеф этих песков слабо всхолмлен, они хорошо закреплены кустиками полыни, терескена, жузгуна и др. Здесь за 7 ч маршрутного учета 16 и 17 июня 1985 г. мы насчитали 98 пустынных славок, в среднем 14 особей/час (Ковшарь, Губин, 1991). На северо-восточной окраине нашего района (Чарын, предгорья Богуты, Сюгатинская долина) пустынная славка редка на гнездовании – так же, как повсеместно редка она здесь и в период пролёта.

Сроки. Даты. Весной на юге Казахстана появляется уже в марте, пролёт проходит до середины мая. Так, на озере Кызылколь (Каратау) одиночку в зарослях тамариска встретили 16 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002), но это уже могла быть и птица, оставшаяся на гнездование. В высокогорье Заилийского Алатау (истоки Чилика, 3000 м) одиночку втретили 28 марта 1991 г. (Джаныспаев, Белялов, 2006). На Чарыне, в Сартагое, 13 апреля 1940 г. их было уже много (Корелов, 1948), а на р. Или у Борохудзира добыта М.Н. Кореловым (1972) даже 18 марта 1958 г. В Карачингиле (устье Тургени) единственная одиночка за ряд лет наблюдений встречена 19 апреля 2005 г. (Бевза, 2012). В районе Джаркента одиночки летели с 11 по 15 апреля 1901 г. (Зарудный, Кореев, 1905); в верхнем течении р. Или, у Кульджи, пролёт проходил с 19 по 29 апреля 1913 г. (Шестопёров, 1929). По всей вероятности,

они появляются здесь с востока, из Синьцзяна, хотя часть летит и горами. Так 28 марта 1991 г. пустынная славка встречена в истоках р. Чилик, в Заилийском Алатау, на высоте около 3000 м н.у.м. (Джаныспаев, Белялов, 2006). Последний факт интересно сопоставить с полным отсутствием её на весеннем пролете в предгорьях Западного Тянь-Шаня, где она ни разу не встречена весной за 50 лет на Чокпакском стационаре (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов, 2017).

Осенью на Чокпаке пролётных одиночек добывали и отлавливали 30 сентября 1972, 5 октября 1971 и 14 октября 1970 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Последняя дата – самая поздняя для нашего региона. Однако в коллекции ЗИН РАН (Петербург) хранится самка, добытая 13 декабря 1939 г. в предгорьях Заилийского Алатау (Чилик), что вообще необъяснимо, поскольку представители восточных популяций, зимующие в Индии, Пакистане, Персидском заливе и на востоке Африки, отлетают рано – до конца октября.

Биология. Подробно изучена в Кызылкумах (Зарудный, 1915; Спангенберг, 1941), Каракумах (Рустамов, 1954), Бетпак-Дале и Южном Прибалхашью (Ковшарь, Губин, 1990, 1991; Ковшарь, 2012).

Для нашего района в литературе имеются лишь отрывочные сведения. Так, у западной оконечности Каратау 17-22 мая 1941 г. молодые с недоросшими маховыми и рулевыми уже кочевали самостоятельно, а взрослые держались около пустых гнезд, причем самцы усердно пели, что позволило предположить наличие второй кладки (Долгушин, 1951). Такой же вывод сделали мы по материалам из Бетпак-Далы и Южного Прибалхашья (см. выше). Близ гор Б. Богуты 23 мая 2005 г. встречены плохо летающие слётки, а 22 мая 2006 г. в Сюгатинской долине пара славок строила гнездо (Скляренко, 2006, 2007: КОБ-2005, 2006). Очень желательно провести в гнездовой период поиски пустынной славки в Западном Прииссыккулье.

Семейство **Корольковые** Regulidae

362. Желтоголовый королёк – *Regulus regulus* (Linnaeus, 1758)

goldcrest (англ.), Wintergoldhähnchen (нем.), roitelet huppé (фр.),
сарыбас шеже (каз.), сары баш мыймыт (кирг.), сариқбош королёк (узб.)

Синонимы: *Regulus cristatus* Koch, 1816; *R. aureocapillus* Meyer, 1822; *R. crococephalus* Brehm, 1822; *R. septentrionalis* Brehm,1831; *R. chrysocephalus* Brehm,1831; *R. auricapillus* Selby, 1833; *R. linnei* Malm, 1877; *R. tristis* Pleske, 1894; *R. cristatus coatsi* Sushkin, 1904; *R. r. buturlini* Loudon, 1911.

Подвид. Из большого числа (12-18) описанных подвидов в Тянь-Шане гнездится и здесь же зимует один – *R.r. tristis* Pleske, 1894, – изолированный ареал которого ограничен Тянь-Шанем, Джунгарским Алатау и северными хребтами Памиро-Алая (Степанян, 2003). Кроме того, на зимний период сюда прилетает южно-сибирский *R. r. coatsi* Sushkin, 1904, многократно отмеченный в Северном Тянь-Шане (см. ниже), а на крайнем западе не исключен залёт зимой и номинативного подвида *R.r. regulus* Linnaeus, 1758, добытого однажды на Сырдарье у Джулека (Гаврилов, 1999).

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица, часть популяции смещается на зимний период в Западный Тянь-Шань, где корольки не гнездятся.

Биотоп. Хвойные леса, на Тянь-Шане – еловые. В зимний период встречается и в иных лесах. Так, в Западном Тянь-Шане корольки зимой обычны в высокоствольных арчовых редколесьях, яблоневых лесах, а также в городских парках и рощах. Так в Ташкенте «они охотно скрываются в условиях города в густых переплетениях мелких ветвей живых изгородей, которые остаются зелёными всю зиму (Сатаева, 1937; Матякубов, 1984). Их привлекают также появившиеся в окрестностях Ташкента искусственные посадки различных видов можжевельников» (Мекленбурцев, 1995, с. 273). В то же время они обычны зимой и на местах гнездования – в еловых лесах Заилийского Алатау.

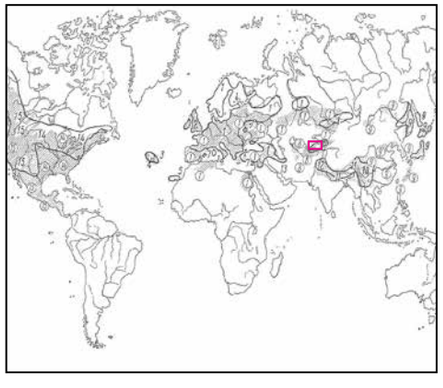
Распространение. Среди обширного ареала этой крохотной птички немало изолированных участков, представленных эндемичными подвидами (рис. 416). Один из таких участков занимает Тянь-Шань вместе с Джунгарским Алатау и прилегающими с юга северными хребтами Памиро-Алая (рис. 417). В пределах нашего района желтоголовый королёк гнездится в еловых лесах большинства хребтов восточной половины, начиная от ельников Тышкана близ Джаркента (правобережье Или) и до Алайского и Заалайского хребтов на крайнем юге, уже на границе с Памиро-Алаем (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Кашкаров и др., 1937; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Мекленбурцев, 1966; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972а, 1979; Гаврилов, 1972; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991). Наиболее плотно населяют они еловые леса хребтов Северного и Центрального Тянь-Шаня, но и здесь местами встречаются исключения – например, ельники Иныльчека: «Как правило, его можно найти в любом сколько-нибудь значительном участке хвойного леса, и если он где-нибудь отсутствует, то это надо считать довольно редким исключением. Такое исключение представляет, например, долина р. Иныльчек, где у меня специально отмечено полное отсутствие корольков в прекрасном еловом лесу, одевающем левый склон ущелья» (Шнитников, 1949, с. 465). Спустя почти сто лет со времени посещения этого места В.Н. Шнитниковым, в июле 2000 и 2005 гг. я также ни разу не видел и не слышал в этих лесах желтоголового королька, хотя других типичных обитателей леса здесь было немало. Причины этого отсутствия интересно было бы выяснить.

В срединной части нашего района гнездование желтоголового королька установлено в центральной части северного склона Киргизского хребта (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005), а также в лесах, окружающих озеро Сонкуль (Птицы Киргизии, 1960; Белялов, Михайлов,

Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). В ельниках Карашоро, в верховьях р. Яссы (Узгенский хребет на южном склоне Ферганского хребта) 20 июля 2003 г. мы встретили выводок (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Это самая юго-западная находка во Внутреннем Тянь-Шане. Ещё западнее, на границе Внутреннего и Западного Тянь-Шаня, желтоголовый королёк населяет хвойные и смешанные леса Сарычелекского заповедника на южных склонах восточной части Чаткальского хребта (Лебяжинская, 1991, 1992, 2001). Заслуживает внимания одно подстрочное примечание к статье о птицах Таласского Алатау: «Ближайшие гнездовья королька возможны в восточной части Таласского Алатау, где появляются массивы ельников. Н.А. Северцов (1875) указывает королька гнездящимся и в северо-западном Тянь-Шане, но я считаю это утверждение основанным на ошибке» (Шульпин, 1956, с. 189). Источник этой ошибки проясняется в сводке по птицам Киргизии, где сказано: «В коллекции Н.А. Северцова (Зоологический музей АН СССР) имеются шкурки птиц от 3 июля 1884 г., добытых между Кара-Тау и Таласским хребтом…» (1960, с. 169). Во всяком случае гнездование желтоголового королька в ельниках самой восточной оконечности Таласского Алатау более чем вероятно и скорее всего Л.М. Шульпин был прав.

Во всей остальной части Западного Тянь-Шаня, включая западную половину Таласского Алатау и все хребты южного макросклона (Каржантау, Угамский, Пскемский, Ойгаингский, Сандалашский и большую часть Чаткальского) желтоголовый королёк не гнездится, а встречается только зимой и в период миграций. Близ южной границы Тянь-Шаня «королёк гнездится в горах северной окраины Памиро-Алая, в других же районах бывает во время нерегулярных зимовок и залётов. Летом 1962 г. Мекленбурцев (1966а) видел корольков в северо-восточной части Заалайского хребта близ Иркештама, где в ущелье р. Нура имеются небольшие островные ельники. В гнездовое же время Барей добыл корольков в восточной части Алайского хребта у пер. Тарткуль, куда ещё проникает тянь-шаньская ель. А. Попов видел корольков в августе и сентябре в Туркестанском хребте у пер. Шахристан в арчевниках на высотах 2800-3200 м» (Иванов, 1969, с. 315-316). Единственная летняя находка на Туркестанском хребте – молодая птица добыта 15 июля 1935 г. в урочище Гуралашсай (Даль, 1936; Мекленбурцев, 1995).

Численность. В еловых лесах Тянь-Шаня на гнездовании обычная птица, хотя и не всегда заметная в кронах ёлок из-за своих маленьких размеров. В восточной части Терской Алатау в 1953-1954 гг. желтоголовый королёк вместе с пеночками (зарничкой и зелёной) составлял основной фон птичьего населения ельников (Степанян, 1959). Там же в 1962-1965 гг. в гнездовое время учитывали 4-2, в августе-сентябре и октябре – до 20, а в зимнее время – до 10 особей/км^2 (Второв, 1967). В ельниках ущелья Чон-Кызыл-Су в январе-феврале 1962 г. насчитали 60 корольков на 10 км маршрута, или 120 особей/км^2 (Второв, 1963). В ельниках долины Чонкемина в августа-сентябре 1968 г. насчитывали от 100 особей/км^2 (в ельниках средней части долины с высокотравными лугами и кустарником) до 450 особей/км^2 в сомкнутых мохово-тенетравных ельниках, где он был первой по численности птицей (Второв, 1972). В Талгарском ущелье Заилийского Алатау (1600-1800 м), где в 1974-1975 гг. проводились маршрутные учёты в трёх типах ельников (травяной – осинник – моховый), учитывали весной соответственно 3.0-1.0-2.5 особей/км, летом – 1-0-0, осенью – 2.5-0.3-1.3, зимой – 5.4-0.3-2.0

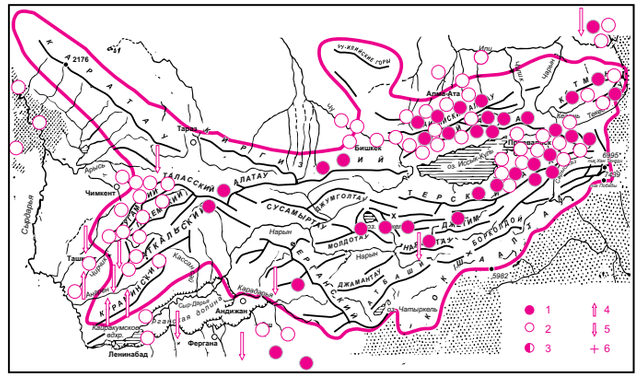

Рис. 416. Разорванный ареал желтоголового королька и Тянь-Шань. По: Судиловская, 1954, т.6, с. 128
Рис. 417. Распространение желтоголового королька в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

особей/км (Пфеффер, 1978). О численности у верхней границы леса того же хребта свидетельствует то, что в 1971-1978 гг. в окрестностях Б. Алматинского озера (2200-2600 м) нам удалось провести наблюдения у 46 жилых гнёзд желтоголового королька, которые, как известно, очень хорошо укрыты (Ковшарь, 1979). В Сарычелеке (Чаткальский хребет) в 1982-1983 гг. плотность желтоголовых корольков на гнездовании была: в чисто ореховых лесах 2-3, в орехово-еловых 23, в елово-пихтовых лесах 77-120 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В елово-пихтовом лесу он доминировал вместе с зелёной пеночкой и рыжешейной синицей (Лебяжинская, 1992, 2001).

Сроки. Даты. В Тянь-Шане желтоголовые корольки возвращаются на места гнездования в феврале-марте, а покидают их осенью в сентябре-октябре. «Среди 69 экземпляров, добытых у Ташкента Н.А. Зарудным, наиболее ранняя особь датируется 28 октября, остальные добывались всю зиму, вплоть до 4 марта. По его неопубликованным данным, появление осенью приходится на конец сентября – начало октября, исчезновение наблюдается между 28 февраля и 2 апреля. Один раз отмечен даже 6 мая» (Мекленбурцев, 1995, с. 271). На местах зимовок в Таласском Алатау мы встречали их с 7-25 октября по 17-29 марта (Ковшарь, 1966). На Чокпаке, где пролёт королька отмечен только осенью, с 28 сентября по 25 октября 1973 г. встретили 7 корольков; 23-30 октября 1968 г. – 8, их отмечали также 22 октября 1971 и 13 октября 1972 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 4 октября (2004) по 26 октября (2006) здесь отловили 14 корольков (А. Гаврилов и др., 2017). На Сорбулаке первых отмечали 14 октября 2007 г., последних – 24 марта 2005 г. (Белялов, Карпов, 2013). Кроме *R.r. tristis*, о которых шла речь выше, зимой в городе Алматы с 28 декабря 2007 г. стали регулярно встречать гнездящихся на Алтае и в южной Сибири *R. r. coatsi* Sushkin, 1904. В зимы 2014-2018 гг. их сфотографировали в городе бёрдвотчеры 22 раза. Самая ранняя встреча – 16 декабря 2015 (А. Исабеков, www.birds.kz), самая поздняя – 25 марта 2017 (А. Катунцев, www.birds.kz). В горах Заилийского Алатау их встретили 26 февраля 2011 на Кокджайляу и 27 февраля 2015 – в Б. Алматинском ущелье (В. Федоренко, www.birds.kz). Зимуют они и в Каратау: 4 ноября 2016 в с. Ертай (Жувалинская долина) был сфотографирован *R. r. coatsi* (М. Нукусбеков, www.birds.kz).

Биология. В окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) в 1971-1978 гг. проведены наблюдения у 46 жилых гнёзд (Ковшарь, 1979). В ущелье Кульсай (Кунгей Алатау) 2 июля 1968 г. было 8 птенцов, покинувших его 5 июля (Ковшарь, 1972а).

Семейство **Суторовые** Paradoxornithidae

363. Усатая синица – *Panurus biarmicus* (Linnaeus, 1758)

bearded tit (англ.), Bartmeise (нем.), mesange a moustaches [barbue] (фр.),
мұртты шымшық (каз.), муруттуу кашка чимчык (кирг.), мўйдор, муйловдор читтак (узб.)

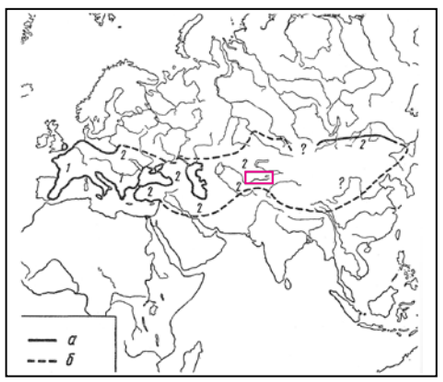
Синонимы: *Parus barbatus* Pallas, 1811; *Mystacinus russicus* C.L. Brehm, 1831; *Calamophilus sibiricus* Bonaparte, 1856; *P. b. turkestanicus* Zarudny et Bilkevitch, 1916. Синица-бородатка (Шнитников, 1949). Бородатка (Портенко, 1954). Усатка (Долгушин, 1972).

Подвид. Из двух подвидов в нашем районе встречается один – *P. b. russicus* C.L. Brehm, 1831. (Степанян, 1978, 2003), хотя в монографии «Птицы СССР, часть III» этому подвиду отводятся только низовья Дуная, Днепра и Крым, а для нашей территории приводится светлоокрашенный подвид *P.p.barbatus* Pallas, 1811 (Портенко, 1954, с. 98). О неясности этого вопроса писал ещё И.А. Долгушин: «Схема внутривидовой структуры из двух подвидов, принимаемая в настоящее время, явно не соответствует действительности, запутана и номенклатура. В Волжско-Уральском междуречье обитает более ярко и тёмноокрашенная популяция. Всю остальную территорию от Урала до Зайсана занимает бледная форма. Для выяснения их названий требуются специальные исследования» (Птицы Казахстана, том 4, с. 236).

Характер пребывания. На водоёмах пустынной зоны живут оседло, сюда же прикочёвывают на зиму северные популяции из степной зоны. Гнездится местами в Илийской долине и на Иссык-Куле.

Биотоп. Тростниковые заросли по берегам стоячих водоёмов.

Распространение. Тянь-Шань располагается внутри ареала недалеко от его южной границы при всей её неопределённости (рис. 418). Здесь усатая синица гнездится на водоёмах Илийской долины, в низовьях рек Чу и Талас, по нижней Сыдарье, а также на Бийликольских озёрах в предгорьях Каратау (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Спангенберг, 1941; Долгушин, 1972; Колбинцев, 2004). Нет доказательств гнездования этого вида в устье Тургени (Карачингиль) и на Сорбулаке, откуда имеются летние встречи (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013), так же, как и для Чуйской долины (Птицы Киргизии. 1960; Умрихина, 1970). Во внутренних районах Тянь-Шаня усатая синица населяет только Иссык-Кульскую котловину, где на гнездовании распространена очень спорадично – в основном

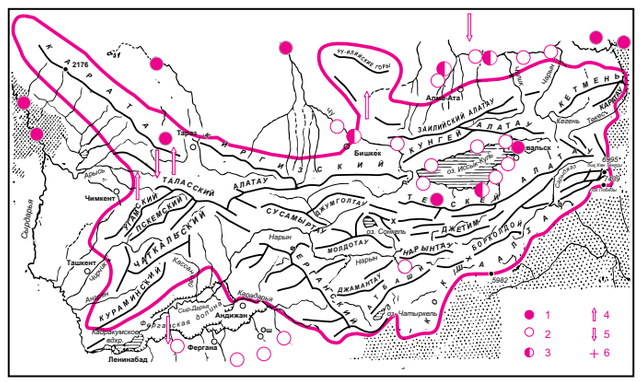

Рис. 418. Ареал усатой синицы в середине XX ст. и Тянь-Шань (красный прямоугольник). Воинственский, 1954, с. 787
Рис. 419. Распространение усатой синицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4,5 – пролёт

в восточной части, в устьях рек Тюп и Джергалан, где ещё сохранились значительные площади тростниковых зарослей (Шнитников; 1949; Степанян, 1959; Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). Кроме того, в юго-западной части котловины, на небольшом озерке Конуролен, в замкнутой котловинке южного склона Терскей Алатау (2000 м) 11 августа 1953 г. усатые синицы оказались очень многочисленными – они населяли все тростниковые заросли озера: «Поселение усатых синиц на оз. Конуролен существует по-видимому изолированно, так как котловина со всех сторон окружена горами, а заросли тростников на озере по-существу единственная высокоствольная растительность здесь» (Степанян, 1959, с. 104). В зимнее время усатая синица многочисленна в тростниковых зарослях Чуйской долины и по всему Прииссыккулью, реже встречается в пойме р. Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Второв, 1963; Умрихина, 1970; Верещагин, 1991; Кулагин, Сагымбаев, 2005). Зимует также вдоль южной границы Тянь-Шаня – в Ферганской долине и на водоёмах северных предгорий Алайского хребта (Иванов, 1969).

Численность. На гнездовании в нашем районе немногочисленна, за исключением озера Конуролен в Иссык-Кульской котловине, где 11 августа 1953 г. они оказались многочисленными. Высокая численность их бывает зимой, но точных цифровых данных, основанных на учётах, нет. В январе 1962 г. в облепиховых зарослях на берегу Иссык-Куля на маршруте 22 км учли всего двух усатых синиц (Второв, 1963). С 27 по 30 марта 2004 г. на маршруте вокруг озера (во время учёта водоплавающих) насчитали 24 усатых синицы (Кулагин, Сагымбаев, 2005). Немногочисленна она и на пролёте, который нигде особо не выражен. Так, на Чокпаке их встречали только осенью и небольшими стайками, летящими на запад (Гаврилов, Гисцов, 1985).

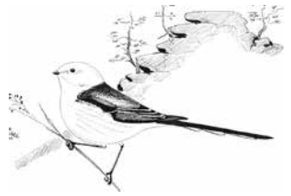
Сроки. Даты. С мест гнездования в степной зоне отлетают в октябре. Красочное описание начала такого отлёта 19 октября сделано П.П. Сушкиным (1908), текст его приведен И.А. Долгушиным (1972, с. 242). На севере нашего района, в Карачингиле, две стайки из 6 и 20 усатых синиц появились на озере Окуневое 13 октября 2008 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке самая ранняя встреча мигрирующих и зимующих усатых синиц – 30 сентября 2007 г., самая поздняя весной – 13 апреля 2006 г. (Белялов, Карпов, 2013). Из Чуйской долины зимующие усатые синицы отлетают в марте, стайками до 30 особей (Умрихина, 1970). На Чокпаке стайки усатых синиц, летящие на запад, отмечали в сентябре – октябре 1967 г.; двух птиц встретили в лесополосе 18 октября 1967 г., трёх – 20 октября 1967 г. на пруду у с. Высокое, а 11 октября 1974 г. нашли одну усатую синицу, разбившуюся о мачту ловушки (Гаврилов, Гисцов, 1985). Весной здесь усатых синиц ни разу не встречали. В тростниках южного берега озера Бийликоль (северные предгорья Каратау) пару усатых синиц встретили 5 мая 1991 г., а также 27 и 30 апреля 1992 г. (пара и небольшая стайка), но это могли быть уже и местные птицы, оставшиеся на гнездование (Губин, Карпов, 1999). В сводке «Птицы Памиро-Алая» имеются сведения о сроках пролёта у южных границ нашего района: «Барей и Даценко собрали серию усатых синиц на северных склонах Алайского хребта в Гульче между 19 октября и 17 декабря (колл. ЗИН). Герхнер встречал много усатых синиц около Коканда начиная с 6 октября и до начала ноября» (Иванов, 1969, с. 231).

Биология. Для нашего района биологические сведения по усатой синице ограничиваются всего несколькими строчками одной публикации, которые лучше всего привести целиком: «**Усатая синица** (*Panurus biarmicus* Pall.). Гнездится эта синица на берегах восточной части озера, где ещё сохранились обширные тростниковые заросли. В небольшом количестве гнездится на западном берегу озера [имеется в виду Иссык-Куль – *АК*], там она занимает тростники, залитые водой, с весьма топким и вязким грунтом. Самец, добытый 28/III, имел увеличенные семенники (7x5 мм). Откладка яиц, насиживание и выведение птенцов проходят в апреле. В одном гнезде 6/V 1971 г. было 5 слабо оперённых птенцов, они вылетели 12/V. Зимой *малые жаворонки* (курсив мой – *АК*) встречаются отдельными семейными группами по 8-10 особей» (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977, с. 221). Трудно сказать, где заканчивается один вид и начинается другой, тем более, что следующий очерк о садовой камышевке (*Acrocephalus dumetorum*) начинается словами: «Обычная гнездящаяся птица по всему берегу озера» …

Подробное описание биологии усатой синицы (в условиях степных озёр) дано в очерке сводки «Птицы Казахстана», том 4 (Долгушин, 1972, с. 235-241); хорошим дополнением к нему служит описание поведения этой птицы в монографии «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949, с. 466-467).

Семейство **Длиннохвостые синицы** Aegithalidae

364. Ополовник – *Aegithalos caudatus* (Linnaeus, 1758)

long-tailed tit (англ.), Schwanzmeise (нем.), mesange a longue queue (фр.),
кезқұйрық шымшық (каз.), узун куйрук кашка чымчык (кирг.), узундумли читтак(узб.)

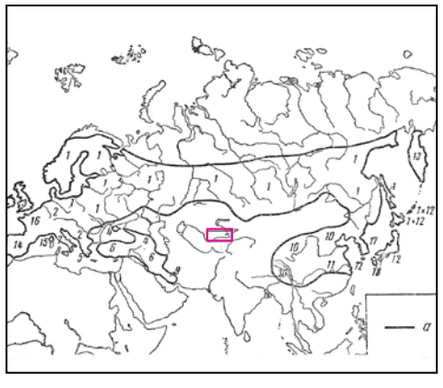
Синонимы: *Paroides pinetorum* Brehm, 1855; *Acredula macrura* Seebohm, 1883; *A. caudata sibirica* Seebohm, 1990; *Mecistura pöltzami* Severtzov, 1873. Долгохвостая синица. Длиннохвостая синица.

Подвид. Из 20 подвидов в Тянь-Шане встречается один – *A. c. caudatus* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. Гнездясь намного севернее (рис. 420), раньше в нашем районе ополовник встречался только в миграционный период и зимой. Так, в Семиречье к середине XX ст. «длиннохвостая синица – одна из наиболее редких залётных птиц нашего края, появляющаяся здесь лишь изредка, в виде исключения, во время зимних кочёвок» (Шнитников, 1949, с. 459). Однако в последние десятилетия он начал гнездиться в Джунгарском Алатау, а недавно отмечен на гнездовании также местами и в Тянь-Шане (рис. 421).

Биотоп. Лиственные и смешанные леса, часто пойменные; поселяется также в городских садах и парках. В период миграций встречается также в тростниках.

Распространение. К середине XX ст., когда в Семиречье были известны только 4 зимние встречи ополовника, он уже был нередок в Восточном Тянь-Шане: «Интересно, что в пограничном районе Китая, откуда эта птичка к нам и попадает, она, по-видимому, довольно обыкновенна, так как оттуда известно много экземпляров (14 экз. в ЗИН), в том числе и летних» (Шнитников, 1949, с. 459). И.А. Долгушин в очерке об этом виде в 4-м томе «Птицы Казахстана» к 14 упомянутым выше добавил ещё 8 экземпляров из района Кунгеса и Кульджи, хранящихся в Томском университете, и при этом предположил: «Не будет ничего удивительного, если эта птица окажется гнездящейся в предгорьях Джунгарского Алатау и Кетменя в пределах Казахстана» (Долгушин, 1972, с. 232). Пророчество это начало сбываться вскоре. В 1982 г. выводок ополовников встречен С.Л. Скляренко в Джунгарском Алатау возле с. Тополёвка (Гаврилов, 1999). В начале XX1 ст. выводки ополовников стали ежегодно встречать в Чарынской ясеневой роще гиды и участники бёрдвотчерских групп: 15 мая 2001; 15, 18, 21, 22 и 23 мая 2002 г. (Гаврилов, Ковшарь,

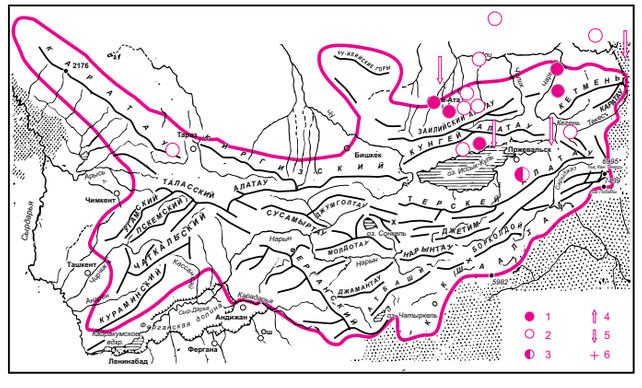

Рис. 420. Ареал ополовника к середине XX ст. и Тянь-Шань (красный прямоугольник). Воинственский, 1954, с. 792
Рис. 421. Распространение ополовника в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летняя встреча, 4, 5 – пролёт

В. Ковшарь, Скляренко, 2003: КОБ-2002). В это же время О.В. Белялов отмечал выводки и в каньоне р. Темирлик – правого притока Чарына. На р. Чемолган западнее Алматы выводок ополовников (группу из 13-15 особей) с 8 августа по 8 ноября 2008 г. наблюдал А.С. Левин (2009). В нижней части Б. Алматинского ущелья (1600 м) 5 мая 2013 г. пара ополовников строила гнездо в развилке ствола ореха в 8 м от земли; 20 июня в другом месте встречен выводок из 8 молодых и двух взрослых (Пфандер, Шмыгалёв, 2013). На северном берегу Иссык-Куля, близ Ананьево, 18 июля 2001 г. встречен выводок из 14 особей, в котором молодые ещё выпрашивали корм у взрослых (Кулагин, 2003). Проникли ополовники и на южный берег озера: 24 июля 2005 г. я встретил пару в густом приречном кустарнике р. Ырдык (Терскей Алатау) на выходе её из ущелья. Зимой, помимо старых находок в районе Джаркента и долины Текеса, ополовников неоднократно встречали на северных склонах Заилийского Алатау в районе Алматы, в Иссык-Кульской котловине, в Карачингиле, на Сорбулаке (Шнитников, 1949; Долгушин, 1972; Шукуров, 1986; Коваленко, Гусенко, Дворянов, Скляренко, 2003: КОБ-2002; Бевза, 2012; Белялов, 2014). Самая западная, далеко оторванная от всех предыдущих, – встреча ополовника в Каратау: в верховьях р. Беркара (Малый Каратау) 7 февраля 1982 г. встречена группа из 7 особей и в тот же день – один ополовник в нижней части ущелья, среди ясеневого леса (Колбинцев, 2003).

Численность. На гнездовании в нашем районе – пока отдельные пары, отдельные выводки. Зимой в Иссык-Кульской котловине, где основными местами обитания ополовника были посадки вяза, берёзы, тополя и примыкающие к ним облепиховые заросли, он был обычен на участках «Урюкты», «Ананьево» и «Джаркамбаево», часто в совместных стаях с князьком и большой синицей, но и в самостоятельных стаях по 10-20 особей (Кулагин, 2003). В Чуйской долине, между посёлками Кайнар и Аксу, 13 января 2008 г. в тростниковых зарослях у моста насчитали около 50 ополовников (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008).

Сроки. Даты. Впервые в Иссык-Кульской котловине ополовник был встречен А.Н. Остащенко во время осенне-зимних кочёвок 13 октября 1982 г. в ельниках верховьев р. Тюп, а 6 сентября 1984 г. его поймали в окрестностях с. Чон-Урюкты на северном берегу озера (Шукуров, 1986). Переход зимовки в весенние кочёвки приходится на март. В это же время образуются пары, которые на Иссык-Куле отмечены 9 марта 2000 г. и 17 марта 2002 г. (Кулагин, 2003). В Заилийском Алатау близ Алматы весенние кочёвки проходят также в это время: с 13 февраля по 3 марта 1987 г. в одном из ущелий выше горы Кок-Тюбе (над Алма-Атой) неоднократно встречали стайки из 3-7 ополовников; в 1996-2001 гг. стайки их были отмечены в Б. Алматинском ущелье выше плотины ГЭС (Коваленко, 2003: КОБ-2002).

Биология. В нашем районе не изучалась, здесь широкое поле деятельности для всех желающих.

Семейство **Расписные синички** Leptopoecilidae

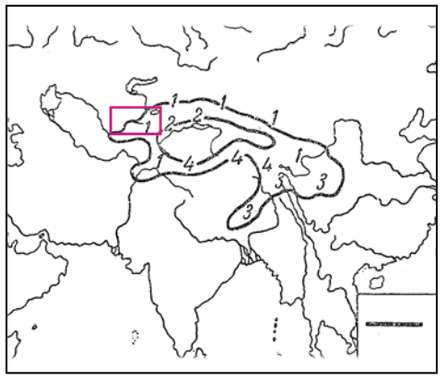
365. Расписная синичка – *Leptopoecile sophiae* Severtzov, 1873

Severtzov's tit-warbler, white-browed tit-warbler (англ.), Purpurhähnchen (нем.), roitelet de Severtzov (фр.), әсем шымшық (каз.), жалдырак мыймыт (кирг.), чархресаки пакана (тадж.), накшдор читтак (узб.)

Синоним: *Stoliczkana stoliczkae* Hume, 1874. Славковидный королек (Дементьев, 1937). Расписная синица (Судиловская, 1954).

Систематическое положение, подвиды. Выделение расписной синички в отдельное семейство (Коблик, Архипов, 2014) – закономерный итог более чем столетних скитаний вида из одного семейства в другое. Так, описавший *Leptopoecile* Н.А. Северцов видел в ней переходное звено от синиц к пеночкам. H. Gadow первый причислил её к корольковым (как подсемейству синицевых), а Ф.Д. Плеске отнёс к королькам только род *Lophobasileus*, а род расписных синичек – к славковым. Учитывая смешанность признаков, Oates поместил расписных синичек в семейство тимелиевых, с чем согласился В.Л. Бианки: «временное помещение недавно описанных родов *Leptopoecile* и *Lophobasileus* в разношерстную группу тимелиевых (семейство тимелий представляет полный хаос форм с неизвестными родственными отношениями) более целесообразно, чем попытки насильственного их приобщения к сравнительно гомогенным группам» (Бианки, 1905, с. 37). Он же обосновал сведение 4-х описанных видов рода *Leptopoecile* в подвиды. Всё XX столетие род *Leptopoecile* находился в семействе корольковых (Дементьев, 1937; Судиловская, 1954; Портенко, 1960; Степанян, 1978, 1990, 2003), хотя ещё Л.А. Портенко (1960) считал, что этот род будет исключен из семейства Regulidae. Отрицал связь их с синицами и королькаами также Б.К. Штегман (1954).

Род *Leptopoecile* состоит из одного вида *L. sophiae*, включающего 4 подвида: *L.s. sophiae, L.s. stoliczkae, L.s. major, L.s. obscura*. В Тянь-Шане и Памиро-Алае живет номинативный *L.s. sophiae,* на спине и верхней стороне крыльев которого преобладает буровато-серый оттенок; у обитающего южнее (Куньлунь, Каракорум) *L.s. stoliczkae* – рыжевато-буланый, а у населяющего северные Гималаи и восточную окраину Тибета *L.s. obscura* верх гораздо темнее: самец имеет дымчато-коричневую (закопчёную) мантию и почти полностью каштановый верх с разбросанными пурпурными отметинами;

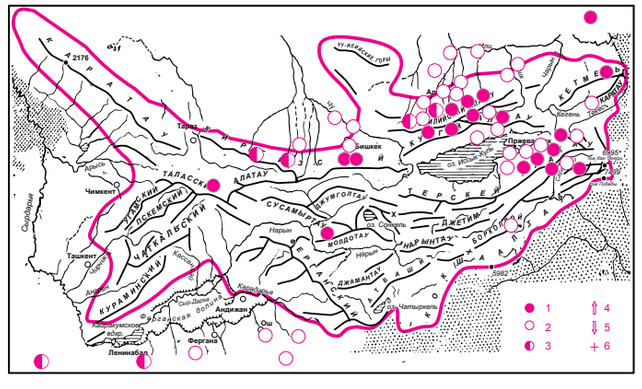

Рис. 422. Ареал расписной синички и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Судиловская, 1954, с. 138
Рис. 423. Распространение расписной синички в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

самка голубовато-серая вместо каштанового (Rasmussen & Anderton, 2005). Не исключено, что в крайние восточные пределы нашего района (Центральный Тянь-Шань) может проникать хотя бы на кочёвках *L.s. stoliczkae* Hume, 1874.

Характер пребывания. Гнездящийся вид. В холодное время года перемещается в более низкие пояса гор, вплоть до их подножий и прилегающих равнин, но частично зимует и в высокогорье.

Биотоп. Исходная гнездовая стация расписной синички – заросли высокогорных хвойных кустарников, а оптимальные условия находит она на границе субальпийского и лесного поясов, в полосе смеси елового редколесья с арчовым криволесьем. Диапазон экологической пластичности значительный. Так, в хребтах Памиро-Алая расписная синичка селится у верхнего предела арчевников, на высотах 3000-3500 м (Попов, 1959; Иванов, 1969); в Тянь-Шане она населяет арчовый стланик субальпийского пояса, особенно заросли кустарниковой арчи у верхней границы елового леса, на высотах 3000-3300 м в Терской-Алатау, 2400-2900 м в Заилийском Алатау; в Кунгей-Алатау гнездо найдено на 2300 м, в хребте Кетмень выводок встречен на 2800 м (Степанян, 1956; Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Neufeldt, 1970; Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1972а; Шукуров, 1986; Ковшарь и др., 2002). Следует подчеркнуть, что эти данные получены в годы высокой численности вида, когда птицы могут селиться шире предпочитаемой ими обстановки. Оптимальный гнездовой биотоп лучше выявляется в годы восстановления численности после её депрессии, когда птицы поселяются в *наиболее благоприятных и характерных* для вида местах. Исходя из этого, по наблюдениям 1979-1980 гг. в Заилийском Алатау, мы выделили три основных фактора, необходимых для гнездования расписных синичек: 1) прогреваемые склоны южной экспозиции, реже восточные и западные, но с микросклонами, обращенными на юг; 2) наличие на таких склонах зарослей арчи с вкраплениями в них одиночных елей и отдельных кустов жимолости, луб которой используется птицами при строительстве гнезда; 3) присутствие в зарослях арчи каменистых обнажений, лучше – крупнообломочных осыпей. Всем этим требованиям отвечали склоны Мраморного ручья (2600-2750 м), где найдено большинство гнезд в 1968 (Neufeldt, 1970) и в 1979-1980 гг. (Ковшарь, Губин, Скляренко, 1982). В западной, безлесной части Заилийского Алатау (Суюктобе, 90 км западнее Алматы) две пары расписных синичек встречены 12 июля 2006 г. в кустах около скал на высоте 2400 м (Белялов, Бородихин, 2006). На западе тянь-шаньской части ареала, в Киргизском Алатау, где основным биотопом также является арчовый стланик (Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Корелов, 2007б), в 1983 г., отличавшемся повышенной численностью вида, расписные синички были обычны на гнездовании (найдены 4 гнезда) в высокоствольном арчевнике с зарослями жимолостей, шиповников и таволги, где в предыдущие и последующие годы они встречались довольно редко (Иовченко, 1990).

Зимой в Киргизском Алатау спускаются в арчовый и еловый лес (Кузнецов, 1962а), в Заилийском – в населенные пункты предгорий (обычны в Алма-Ате), но иногда спускаются и ниже – в пойму р. Или, до Капчагая и Сорбулака (Шестоперов, 1929; Шнитников, 1949; Гаврилов, 1972; Белялов, Карпов, 2005; Бевза, 2012). Обычна зимой в облепиховых зарослях побережий Иссык-Куля на высоте 1600 м (Птицы Киргизии, 1960; Кулагин, 2005). На границе Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня (хребет Борколдой), в пойме реки Эмегень (41°18′23″ с.ш.; 78°03′35″в.д.) в январе 2007 г. обнаружена массовая зимовка расписных синиц на абсолютной высоте 3150-3200 м, среди зарослей мирикарии с редкими кустиками ивы, барбариса и густой травой до 30 см высотой (Остащенко, 2007). Антропогенные биотопы расписные синички посещают только в период кочёвок в холодное время года.

По наблюдениям Н.М. Пржевальского, представители подвида *L.s. stoliczkae* на хребте Русском (Куэньлунь), живут исключительно по густым зарослям барбариса, тамариска и тальника, а пограничная с номинативным подвидом *L.s. major* на севере Таримского бассейна – в арчовых зарослях высокогорий (Судиловская, 1973). В горах Нань-Шаня В. Бейк находил *Leptopoecile sophiae* в субальпийском поясе – от верхней границы леса до последних кустов можжевельника (3000-3600 м), а в Тибете *L.s. obscura* живет на высоте от 3500 до 5000 м над уровнем моря; в обеих этих горных системах по сравнению с Тянь-Шанем высотная поясность растительности сдвинута вверх (Neufeldt, 1970).

Распространение. Небольшой ареал вида занимает горы Центральной и Средней Азии (рис. 422). Расписная синичка гнездится в восточной части Гималаев (к востоку от Непала), в Кашмире; в верховьях Меконга и Янцзы; по хребтам Наньшаня, Алтынтага и Куньлуня; в некоторых хребтах Памиро-Алая (Алайский, Гиссарский, Зеравшанский, Туркестанский), в Тянь-Шане (кроме самых западных хребтов)

и Джунгарском Алатау. Часть очерченной области занимает пустынная Таримская впадина, где расписная синичка не живет, а сама впадина разделяет ареалы подвидов – кашгарского (*L.s. major*) и куэньлуньского (*L.s. stoliczkae*). На кольцеобразную форму ареала указывала А.М. Судиловская (1935), подчеркнувшая совместное действие географической и экологической изоляции на разграничение светлоокрашенных (*L.s. major, L.s. stoliczkae*) и наиболее ярких, темноокрашенных (*L.s. sophiae, L.s. obscura*) форм этого вида. Область распространения номинативного подвида начинается в верхнем течении Инда в Гималаях (Ладак) и идёт на запад севернее горной цепи Каракорума. Очертания ареала вида за последние сто лет не менялись; не известны и описания существенных уточнений его границ.

В Тянь-Шане, по западной части которого проходит северо-западная граница ареала вида (рис. 422), расписная синичка населяет только хребты, имеющие хорошо развитый пояс еловых лесов и заросли стелющейся арчи в субальпийском поясе. Она полностью отсутствует в Западном Тянь-Шане, в хребтах: Каржантау, Пскемский, Угамский, Сандалашский, Таласский, Чаткальский, Кураминский. Самая западная точка её обитания в Киргизском хребте – ущелья Чунгурсай и Куртыбай у западной оконечности хребта (72°15′в.д. и 42°40′с.ш.), где их добывали 15 и 24 июля 1957 г.; обычна на гнездовании в верховьях р. Мерке и ущ. Ала-Арча в срединной части хребта (Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007б; Архипов, Коблик и др., 2018). К востоку встречается в хребте Кетмень, в восточной части которого, в ельниках верховьев р. Б. Кетмень перед перевалом (2800 м), 31 июля 2002 г. мы встретили выводок из 4 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003). Севернее, на правом берегу Или, в 1899-1900 гг. найдена в Тышкане, где гнездилась в полосе арчи в четвёртом поясе высоты, а зимовала во втором и третьем (Зарудный, Кореев, 1905). Южнее населяет лесистые хребты Центрального Тянь-Шаня на территории Киргизии (Птицы Киргизии, 1960), причем в Терской-Алатау она гнездится только в восточной, лесистой его половине (Степанян, 1959), а восточнее – в карагановых ельниках хребта Иныльчек-Тоо (Шукуров, 1986) и местами на Сарыджазских сыртах (Крылов, 1969). Самая западная в Тянь-Шане встреча, которая служит доказательством гнездования, произошла на северном склоне восточной оконечности Таласского Алатау: в арчовом стланике на спуске с перевала Кара-Буура [42.121054 с.ш., 71.344843 в.д.] 25 июня 2017 г. встречены две пары, носящие корм птенцам (Архипов, Коблик и др., 2018). Вдоль южной границы Тянь-Шаня, в пределах Памиро-Алая, расписная синичка найдена в гнездовое время в Алайском хребте близ перевалов Тарткуль и Караказык, в Туркестанском хребте – в верховьях р. Исфара (р. Кшемыш и озеро Каракулькатта), у пер. Шахристан в ущелье Кумбельсай, в верховьях р. Санзар в ущелье Гуралашсай (Иванов, 1969).

Численность. В Тянь-Шане очень сильно меняется по годам. Так, в конце XIX – начале XX ст. расписная синичка была крайне редка в Северном Тянь-Шане. Как пишет В.Н. Шнитников (1949), Георгу Алмаши «несмотря на самые тщательные поиски, не удалось добыть этой птички в гнездовое время». Сам Шнитников за много лет встретил её всего дважды – 17 и 19 августа 1912 г. в Джунгарском Алатау и ни разу – в Большом Алматинском ущелье, где работал не один год. В 60-х гг. в этом ущелье расписная синичка стала более чем обычной: в 1964-1965 гг. здесь найдено 20 гнезд, а в 1968 г. – еще 6; при этом расстояния между соседними гнездами составляли 500-600, а в некоторых случаях – всего 150 м (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Neufeldt, 1970). Однако после суровой зимы 1968/69 г., когда глубокий снежный покров наблюдался не только в высокогорье, но и в предгорьях большинства хребтов Тянь-Шаня, численность расписных синичек упала так резко, что летом 1969 г. работавшие в Б. Алматинском ущелье орнитологи В.В. Леонович и Р.И. Малышевский нашли лишь одно гнездо и ещё в двух местах встретили одиночек (Нейфельдт др., 1978). Отсутствовала здесь расписная синичка и во время наших стационарных работ 1971-1974 гг. Одновременно перестала она встречаться и на зимовках в Алма-Ате, где раньше была нередка. В следующие 5 лет в Б. Алматинском ущелье гнездились только две пары (в 1975 и 1979 гг.), а весной и летом 1980 г. расписная синичка появилась в большом количестве – на южном склоне Мраморного ручья на площади около 50 га гнездилось 4-5 пар, а всего в ущелье – не менее 10 пар (Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982). Таким образом, численность, упавшая за одну зиму почти до нуля, стала заметно восстанавливаться только спустя 10 лет и даже в 1980 г. не достигла уровня 1968 г. Восстановление численности в этом ущелье растянулось на годы, и даже в первом десятилетии XXI ст. она не достигла уровня 60-х гг. XX ст., о чём свидетельствуют ежегодные наблюдения с группами бёрдвочеров (Ковшарь, 2002, 2004, 2007; Анненкова, Ашби, 2003; Скляренко, 2005, 2008). О масштабах территории, охваченной депрессией численности, говорит то, что

и намного восточнее, в долинах Б. и М. Кокпаков (Центральный Тянь-Шань) расписная синичка в 1969-1975 гг. совершенно отсутствовала (Аракелянц, Березовиков, 2005).

Талгарское ущелье – единственное место в Заилийском Алатау, где проводились специальные учёты численности расписной синички. По их результатам, летом 1987 г. в Среднем Талгаре на площади 8 га найдены 2 гнезда, выводок и пара; в Правом Талгаре на площади 5 га – 2 гнезда и 5 пар расписных синичек. В послегнездовое время, с осени до весны, на маршрутных учетах (34 км) насчитано 105 расписных синичек (в среднем 3.1 особи/км), в том числе: осенью – 2.5, зимой – 4.3 и весной – 2.7 особи/км (Джаныспаев, 1991).

В Киргизском хребте достаточно обычна. С мая 1957 по октябрь 1960 г. в ущелье Ала-Арча встречена в количестве 210 особей на 62 экскурсиях (Кузнецов, 1962а), т.е. немногим меньше, чем московка (324 особи/76 экскурсий) и гораздо чаще, чем желтоголовый королёк (56/17), черногрудая красношейка (37/17) и бледная завирушка (73/12). В этом же ущелье в 1983 г. высокую численность расписных синичек отметила Н.П. Иовченко (1990), которая проводила здесь стационарные наблюдения за размножением этого вида. Достаточно обычной была она и в 1929 г., когда в Меркенском ущелье 19-26 августа было добыто за неделю 14 (Портенко, 1961), и в 2003 г., когда там же 2 и 3 июня встречено 8 особей (Анненкова, Ашби, 2003).

В Терской-Алатау в 50-х гг. расписная синичка была немногочисленной (Степанян, 1959), а в 60-х гг. – достаточно обычной: с апреля по июнь встречали в среднем 20 особей/км^2, с августа по октябрь – 40 особей/км^2 (Второв, 1967), что почти равно численности здесь обыкновенной и арчовой чечевиц, бледной завирушки, черногрудой красношейки, красноспинной горихвостки. В долине Чон-Кемин, между Кунгей и Заилийским Алатау, на маршруте 5 км в сентябре 1968 г. насчитано в среднем 20 особей/км^2 (Второв, 1972). В карагановых ельниках хребта Иныльчек-Тоо (Центральный Тянь-Шань) в июне 1981 г. расписная синичка была «фоновой птицей, которая замещает здесь отсутствующих синиц» (Шукуров, 1986). Во Внутреннем Тянь-Шане (хребет Борколдой) в пойме реки Эмегень в январе 2007 г. на абсолютной высоте 3150-3200 м отмечена массовая зимовка: на маршруте в 3-3.5 км вдоль поросшей кустарником поймы вспугнуто около 300 расписных синиц; здесь же найдены два прошлогодних гнезда (Остащенко, 2007). На зимовке в Заилийском Алатау учитывали: в Б. Алматинском ущелье в январе 1986 г. – 13 особей за двухчасовую экскурсию, в ущелье в 27 км западнее Алматы 15 ноября 1987 г. – 10 стаек по 4-5 особей в каждой; в ущелье Джандосова 22 и 28 ноября 1988 г. – около 50 особей такими же стайками (Карпов, 1991).

Сроки. Даты. Не выходя круглый год за пределы гнездового ареала, расписные синички проводят на местах гнездования в высокогорье около половины этого времени (апрель-сентябрь), в остальное кочуют по предгорьям и нижним поясам гор (часть зимует и в высокогорье!). *Осенние откочёвки* вниз начинаются не ранее сентября, что вполне увязывается со сроками появления птиц внизу. С сентября по октябрь они держатся в поясе елового леса выше 1500 м (Деревягин, 1940), но уже в октябре появляются в предгорьях Джунгарского Алатау близ Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шнитников, 1949). В Алма-Ате первые отмечены: 11 ноября 1960, 7 ноября 1962, 5 ноября 1965, 23 октября 1982, 8 октября 1985 и 19 ноября 1989 гг. (Бородихин, 1968; Гаврилов и др., 1968; Губин, Ковшарь, 1988; В. Ковшарь, 1991); на оз. Сорбулак встречены 20 ноября 2004 г. (Белялов, Карпов, 2004). *Весной* в Терскей-Алатау последняя особь у нижней границы лесного пояса отмечена 18 марта 1961 г., а первая у верхней границы леса – 23 марта (Шукуров, 1986). Под Джаркентом в 1900 г. они исчезли уже в начале февраля (Зарудный, Кореев, 1905). В Кашгарии, где представители обоих подвидов (*L.s. major, L.s. stoliczkae*) скочевывают на зиму вниз, обратное возвращение их в горы начинается во второй декаде марта; последних в 1908 г. М.Н. Дивногорский встречал 24 марта (Судиловская, 1936, 1973). В Алматы они тоже встречаются весной до марта (Бородихин, 1968; Губин, Ковшарь, 1988). Гораздо меньше наблюдений над появлением их на местах гнездования, поскольку в такое время мало кто из орнитологов работает в высокогорье. Есть указание (Деревягин, 1940), что верхней границы леса они достигают к началу апреля. Оно вполне согласуется с тем, что в 1965 г. уже 20-22 апреля три пары строили гнезда (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968).

Биология. Наиболее полно изучена в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау (2400-2700 м), где в 60-80-х гг. проведены наблюдения в общей сложности за 48 жилыми гнёздами (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Neufeldt,1970; Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982), причём материалы этих

авторов взаимно дополняли друг друга за счёт разноплановости наблюдений: если по материалам 1964-1965 гг. подробным образом описаны расположение и размеры 20 гнёзд, размеры и окраска яиц, пуховые птенцы (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Гаврилов, 1972); по наблюдениям у 6 гнёзд в 1968 г. очень подробно описано поведение самих птиц – как взрослых (в т.ч. описание песни!), так и птенцов (Neufeldt, 1970); в 1979-1980 гг. по наблюдениям у 4 гнёзд главное внимание уделялось поведению птиц и их численности (Ковшарь, Скляренко, Губин, 1982). Результаты подробно описаны в перечисленных работах. Упомяну только об одном – месте расположения гнёзд. В Заилийском Алатау из 48 гнезд 27, или 56.3%. были устроены в кустах стелющейся арчи, 18 (37.5%) – на деревьях ели и 3 (6.2%) – в кустах жимолости (Ковшарь, 2013). Также на арче было устроено первое гнездо, найденное еще в 1880 г. Н.М. Пржевальским в верхнем течении р. Хуанхэ, и гнёзда в Терскей-Алатау, в Кунгей-Алатау и в Туркестанском хребте (Степанян, 1956; Ковшарь, 1972; Абдусалямов, 1973). По-видимому, на деревьях арчи были устроены гнёзда, найденные в высокоствольном арчовом лесу в урочище Ала-Арча хребта Киргизский Алатау (Иовченко, 1990). Очень необычно располагались два старых гнезда расписной синички, найденные зимой в пойме высокогорной речи Эмегень в хребте Борколдой (3200 м), где не было хвойных кустарников: они были устроены на двухметровых кустах ивы на высоте человеческого роста (Остащенко, 2007). Интересно, что в высокогорье Нань-Шаня (выше 3000 м) Вальтер Бейк находил гнезда в кустах *Caragana jubata* в 62-92 см от земли, а на меньших абсолютных высотах – в кустах барбариса в 70-180 см от земли **(**Stresemann & al., 1937). Очень интересное исследование биологии провела в Киргизском Алатау Н.П. Иовченко (1990), получившая первые доказательства двух репродуктивных циклов у этого вида. В целом биологию размножения расписной синички в условиях Тянь-Шаня можно считать достаточно хорошо изученной, хотя вопросов, на которые пока ещё нет ответов, в процессе этого изучения накопилось также немало. Особый интерес представляет изучение состава кормов этой птицы, на что обращал внимание ещё Л.М. Шульпин (1939), описывая форму её клювика. Неясны вопросы вокализации (желательно получить записи песен), мало сведений о поведении. Даже в вопросе распространения ещё много неясного: нет данных из ряда хребтов Внутреннего Тянь-Шаня (см. рис. 423), неясна западная граница ареала вида на стыке Внутреннего и Западного Тянь-Шаня (особенно желательно обследовать Кураминский хребет и восточную часть Чаткальского в районе Сарычелека) и т.д. Наконец, очень интересно выяснить подвидовую принадлежность расписных синичек у восточной границы Центрального Тянь-Шаня – от хребта Кетмень на севере до хребта Иныльчек-тоо на юге.

Семейство **Ремезовые** Remizidae

366. Ремез – *Remiz pendulinus* (Linnaeus, 1758)

Eurasian penduline tit (англ.), Beutelmeise (нем.), mésange rémiz (фр.)

Синонимы: *Parus narbonensis* Gmelin, 1788; *Pendulinus polonicus* Brehm, 1831; *P. medius Brehm*, 1831; *P. macrourus* Brehm, 1831; *Parus minimus* Gloger, 1842; *Aegithalus stoliczkae* Hume, 1874.

Систематические замечания. Сложный в систематическом отношении род *Remiz* на протяжении многих десятилетий занимал умы многих выдающихся орнитологов. Вот как сказал об этом специалист-систематик, опубликовавший наиболее всесторонний анализ этой группы: «Основные этапы в изучении палеарктических ремезов были пройдены исключительно отечественными орнитологами. Н.А. Северцов в 1873 г. впервые разобрался в систематике среднеазиатских ремезов. Им были отличены как новые виды *Aegithalus coronatus*, *Ae. castaneus* и *Ae. macronyx*. После него только в 1910 г. первую и притом прекрасную ревизию сибирско-туркестанских ремезов дал М.А. Мензбир. Значительно продвинул вперёд распознавание местных форм Н.А. Зарудный в ряде статей, преимущественно помещённых в «Орнитологическом вестнике» в 1913, 1914 и 1916 гг. Тем не менее в 1934 г. Э. Гартерт в своём заключительном томе (Hartert, Ergänzungsband: 201) писал, что настоятельно необходима коренная ревизия азиатских ремезов на удовлетворительном материале, который может находиться только в русских музеях. Наконец, в 1937 г. Г.П. Дементьев в «Полном определителе» указывал на необходимость новой ревизии, а в примечании касался и возможного решения некоторых вопросов систематики ремезов. Таким образом, не подлежит сомнению, что назрело время коренного пересмотра форм палеарктических ремезов и определения взаимоотношений между ними» (Портенко, 1955, с. 459-460). Проведя такую ревизию на 535 экземплярах ремезов (из хранилищ Ленинграда, Москвы, Ташкента и Алма-Аты), Л.А. Портенко дал подробное описание 13 подвидов одного вида (*Remiz pendulinus*), в число которых входили имеющие прямое отношение к Тянь-Шаню *jaxarticus, stoliczkae, coronatus, macronyx и ssaposhnikowi.* При этом он сделал важное заключение: «Взаимоотношения между формами палеарктических ремезов… настолько своеобразны, что вносят несколько новых и дополнительных штрихов в наши взгляды о различиях и границах между видами и подвидами, а, следовательно, могут послужить и для суждения о формообразовании у птиц вообще. По изучении этих взаимоотношений складывается впечатление, что эволюция ремезов не замерла на какой-то исторический отрезок времени, а буквально протекает на наших глазах. В этом заключается интерес данной группы птиц» (там же, с. 459). Впоследствии часть подвидов (*coronatus, macronyx*) выделили в самостоятельные виды (Гаврилов, 1972; Степанян, 1978, 1990, 2003; Коблик, Архипов, 2014). В настоящей работе я придерживаюсь последней точки зрения.

Подвид. Из 7 подвидов (Степанян, 2003) на пролёте в нашем районе могут встречаться представители двух – *Remiz pendulinus jaxarticus* Severtzov, 1873 и *Remiz pendulinus stoliczkae* Hume, 1874.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. В Тянь-Шане только пролетает.

Биотоп. Пойменные леса, обычно вблизи водоёмов. На пролёте встречается и вдали от воды.

Распространение. Ближайшие к нашему району места гнездования сто лет назад указывались для долины Сырдарьи, низовьев Таласа и южного побережья Балхаша в районе дельты Или, но современных доказательств не имеется. На Сырдарье его впервые нашёл Н.А. Северцов (Мензбир, 1910), а Н.А. Зарудный (1914) утверждал, что ремез гнездится от Казалинска до устья Чирчика. Однако Е.П. Спангенберг (1941), отловивший на гнёздах в долине Сырдарьи более 100 ремезов, не нашёл среди них обыкновенного ремеза – он появился здесь только осенью и держался всю зиму. И.А. Долгушин (1955) считал, что, либо со времен исследований Н.А. Зарудного (1907-1911) этот ремез перестал гнездиться на Сырдарье, либо в наблюдения Н.А. Северцова и Н.А. Зарудного вкралась какая-то погрешность

(Гаврилов, 1972). Нет достоверных доказательств гнездования именно этого вида также на Таласе, Чу и в дельте Или на Балхаше. О пролёте этого вида в нашем районе достоверных сведений также очень мало, поскольку визуально он ненадёжно отличается от черноголового. Поэтому доказательством могут служить только добытые или отловленные для кольцевания особи. Единичные сведения имеются только из Чокпака и Сорбулака.

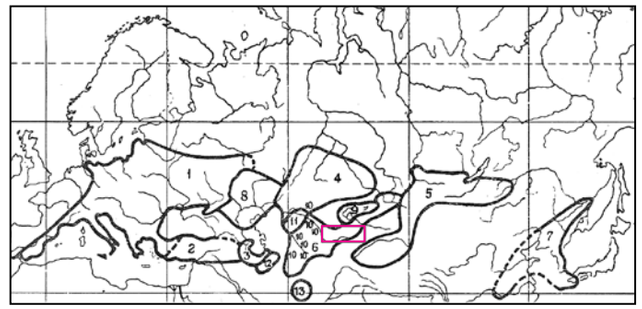

Рис. 424. Ареалы ремезов (по: Портенко, 1995, с. 485)
1 – *pendulinus,* 4 – *jaxarticus,* 5 – *stoliczkae*, 6 – *coronatus,*
9 – *ssaposhnikowi,* 10 – *macronyx* (прямоугольник – Тянь-Шань)

Сроки. Даты. Имеется указание, что вблизи Ташкента появляются в третьей декаде марта, а массовый пролёт идёт до конца апреля. Один добыт на Кокозеке в низовьях р. Или 10 марта 1949 г. (Гаврилов, 1972). На Чокпаке за 50 лет отловов пойман всего один – 12 мая 1983 г. (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью на Сорбулаке самая ранняя встреча ремезов, определённых как *R. p. jaxarticus*, – 22 августа 2009 г., самая поздняя – 29 октября 2007 г.; возможно, некоторые из встреченных птиц в осеннем наряде могли принадлежать к другим подвидам *Remiz pendulinus* (Белялов, Карпов, 2013). На Чокпаке с 2 по 20 октября 2003 г. поймали 4 особи, подвид не уточнён (А. Гаврилов, Э. Гаврилов и др., 2011; А. Гаврилов и др. 2017). В пойме р. Ушбас на озере Кызылколь (северные подножья Каратау) 15 сентября 2001 г. отловлено 5 особей, а голос ремеза отмечен здесь 15-17 мая и 1-3 октября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). Есть указание, что под Ташкентом и в долине Чирчика и Сырдарьи ремезы не только пролетают, но изредка зимуют (Гаврилов, 1972; Мекленбурцев, 1982). Не только подвид, но и вид этих особей не указан: «Пролётные и зимующие ремезы изредка попадаются в древесных насаждениях, чаще наблюдаются мелкие, светлые древесные формы» (Мекленбурцев, 1982 б). Необходимо продолжить сбор коллекционного материала на стационарах.

367. Тростниковый ремез – *Remiz macronyx* [*pendulinus*] (Severtzov, 1873)

black-headed Penduline tit (англ.), Dickschnabelbeutelmeise (нем.), rémiz aux doigts longs (фр.)

Синонимы: *Aegithalus rutilans* Severtzov, 1873; *A.r. cucullata* Severtzov, 1873; *A.r. pectoralis* Severtzov, 1873; *Anthoscopus ssaposhnikowi* Hermann Johansen, 1907; *Remiza macronyx paradoxa* Zarudny, 1914; *R.m. aralensis* Zarudny, 1916. Толстоклювый ремез (Иванов, 1969, с. 220).

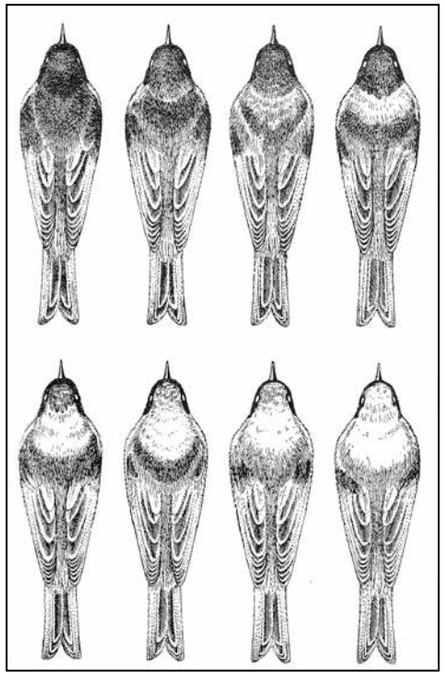
Подвид. В нашем районе встречается 2 подвида – *R. m. macronyx* Severtzov, 1873 и *R. m. ssaposhnikowi* Hermann Johansen, 1907. И хотя в последнем опубликованном «Конспекте орнитологической фауны…» (Степанян, 2003) второй подвид сведен в синонимы первого, знакомство с детальными описаниями этих подвидов в уже упомянутой капитальной работе Л.А. Портенко (1955) заставляет усомниться в правильности такого сведения. Подвиду *R.m. ssaposhnikowi* Л.А. Портенко посвятил убористую страницу текста, где описание окраски строится на постоянном сравнении с волжским подвидом (рис. 425)*:* «По окраске чрезвычайно сходен с волжским ремезом *castaneus* и, подобно ему, значительно варьирует. Красно-коричневый цвет, однако, бывает более насыщенным, темнея почти до чёрного. Именно на индивидуальной изменчивости красно-каштановой окраски у *castaneus* можно видеть, что чёрный цвет на верхней стороне головы и шеи, а также на спине у далее следующих подвидов представляет только крайнюю степень насыщения одного и того же пигмента» (Портенко, 1955, с. 472). Описание следующей формы – *macronyx* – он строит на постоянном сравнении с *ssaposhnikowi*, повторяя это сравнение 8 раз на одной странице и показывая их различия. Одно из таких различий показано при описании экземпляра *ssaposhnikowi*, добытого И.А. Долгушиным в низовьях Или 30 мая 1934 г.: «вся голова чёрная, пластрон чернобурый, каштановая окраска появляется только в начале спины и слегка задевает кончики чёрных перьев. У этого экземпляра также снизу сильно развит жёлто-ржавый цвет; он очень похож на некоторых *macronyx*, но третьестепенные маховые с очень широкими белыми каймами, как свойственно всем *ssaposhnikowi*» (Портенко, 1955, с. 472).

Характер пребывания. Гнездится на равнинных водоёмах в подгорной зоне, здесь же бывает на пролёте и в зимнее время. **Биотоп.** Тростниковые заросли на равнинных водоёмах.

Распространение. В Южном Прибалхашье и низовьях впадающих в него рек Или и Каратал обычен на гнездовании один подвид (*R.m. ssaposhnikowi*) и он же, видимо, встречается на пролёте и в зимнее время местами по долине р. Или, а также на Сорбулаке. В долине Сырдарьи раньше был обычен другой подвид (*R.m. macronyx*), который проникал вдоль реки далеко на юг: «Найден в тростниках по Чирчику и в низовьях Келеса. Гнездится также на озёрах северной части Кызылкумов вблизи Сырдарьи, на Теликольских озёрах в низовьях Сарысу и на озёрах по нижнему течению Бугуни» (Гаврилов, 1972, с. 253). Сейчас обстановка здесь сильно изменилась: «**Черноголовый** (*Remiz coronatus*), **обыкновенный** (*R. pendulinus*) и **тростниковый** (*R. macronyx*) **ремезы**. Из трёх видов ремезов, ранее встречавшихся в долине нижней Сырдарьи, в настоящее время сохранился на гнездовании только черноголовый ремез. Исчезновение двух остальных форм происходило в разные исторические промежутки времени, но оно, несомненно, связано, в том числе и с процессом поглощения одной формы другой вследствие гибридизации. В настоящее время некоторые из черноголовых ремезов, обитающие здесь, имеют признаки, указывающие на гибридизацию в прошлом с тростниковым ремезом. Интересен факт, что такие особи известны здесь ещё с середины XIX века» (Коваленко, 2006, с. 265-266). Указан на гнездовании на озёрах в северных предгорьях Каратау: «Вне всякого сомнения, этот вид ремеза гнездится в тростниковых зарослях вокруг побережья озера Бийликоль, где он хорошо вписывается в комплекс птиц подобного ландшафта …. Отдельных тростниковых ремезов мы здесь видели 22 июня 1997, 7 августа 1998, 13 июня и 10 августа 2000, а также 30 сентября 2003 гг. Интересно, что всего в 8 километрах от побережья озера в тугайных зарослях ущелий гор Каратау гнездится другой вид – черноголовый ремез» (Колбинцев, 2004, с. 106). Неясен вопрос о гнездовании тростникового ремеза в низовьях Чу, где И.А. Долгушин (1939) видел у местных жителей гнёзда ремезов, не отличающиеся от гнёзд тростникового ремеза с низовьев р. Или; однако добытых от гнёзд птиц из долины Чу нет (Гаврилов, 1972).

Численность. Сведений по нашему району нет – отдельные встречи.

Сроки. Даты. Зимуют в долине среднего течения Сырдарьи и в районе Чимкента (откуда описан подвид *macronyx*). В январе ремезов добывали на Солёных озёрах в долине Или (100 км восточнее Алматы). В окрестностях Чимкента осенние подвижки отмечены с 6 октября, в течение зимы ремезы встречаются довольно часто (Гаврилов, 1972). На Сорбулаке двух взрослых самок *R.m. ssaposhnikowi* добыл А. Черняев 24 и 27 октября 1983 г., экземпляры хранятся в Институте зоологии в Алматы (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле, у озера Н. Бабичье, 10 января 2007 г. встречены 5; 26 ноября 2008 г. близ устья р. Тургень – два ремеза с тёмной окраской горла, хорошо отличавшей их от черноголового ремеза, а 5 марта 2016 г. в тростниках сфотографирован такой же темногорлый, скорее всего – *R.m. ssaposhnikowi* (Бевза, 2012).

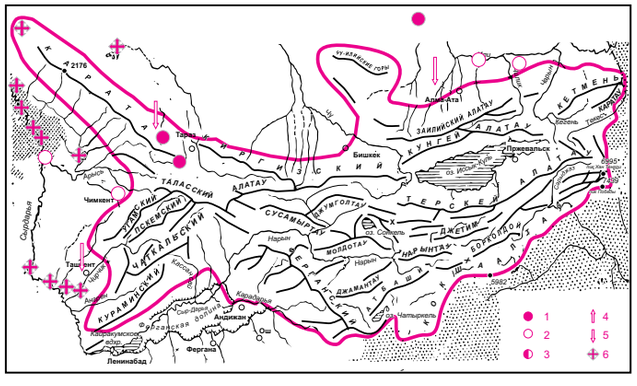

Рис. 425. Изменчивость окраски у *R. p castaneus* (первые 6 рисунков – самцы). По: Портенко, 1955, с. 471
Рис. 426. Распространение *R. macronyx* в Тянь-Шане: 1 – гнездование (6 – былое), 2 – зимовка, 5 – пролёт осенью

368. Черноголовый ремез – *Remiz coronatus* [*pendulinus*] (Severtzov, 1873)

White-crowned Penduline tit (англ.), Innerasiatische Beutelmeise (нем.), rémiz couronne (фр.), кәдімгі құрқылтай (каз.), куркулдай (кирг.), инуя (узб.), чархресча (тадж.)

Синоним: *Aegithalus atricapillus* Severtzov, 1873. Венценосный ремез (Коблик, Архипов, 2014).

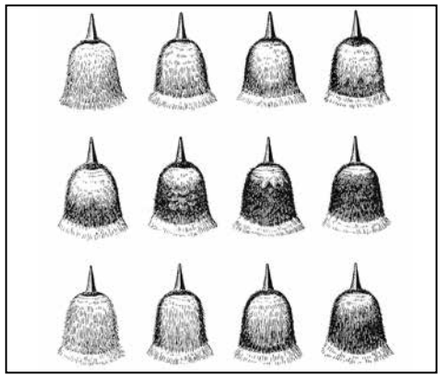
Систематические заметки. Характеристика этого вида дана на основании изучения 175 экземпляров: «Ещё в 1891 г. М.А. Мензбир писал (Орнит. география: 209-210), что из различаемых им 5 видов более всего выделяется *coronatus*…. Очень похож на *stoliczkae*, но ещё меньше и окрашен несколько ярче. От всех выше перечисленных подвидов [*pendulinus, menzbieri, altaicus, jaxarticus, stoliczkae – AK*] отличается развитием чёрного цвета на темени. Последний признак очень варьирует. Поэтому именно по экземплярам с сильно развитой чёрной окраской на темени был описан Северцовым *atricapillus*. Как видно на приложенной сравнительной таблице [рис. **427** – *AK*], у самцов чёрная окраска может занимать всю верхнюю сторону головы, включая зашеек, может и сокращаться по площади во всех ступенях перехода до незначительных остатков на затылке. Освобождающееся от чёрной окраски поле всегда бывает снежно-белого цвета. Даже у самых тёмных особей каштановый цвет на спине более светлого и рыжеватого тона, чем у типичного *pendulinus*. У более светлых особей он бывает таким, как у тёмных *stoliczkae*» (Портенко, 1955, с. 467).

Подвид. Внутривидовая структура (после придания видового статуса) неясна, хотя уже имеются прецеденты использования номинативного подвида *Remiz coronatus coronatus* (Гаврилов, 1999).

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится и пролетает. На зимовках доходит до северо-западной Индии и Иранского Белуджистана, где его наблюдали даже на пальмах (Портенко, 1955). Известны редкие зимние встречи и в пределах нашего района.

Биотоп. Древесные насаждения в долинах равнинных и горных рек. В Западном и Северном Тянь-Шане населяет берёзово-ивово-тополевые тугаи вдоль рек и ручьёв, заросли грецкого ореха, яблоневые леса (хвойного леса избегает). Зависит от наличия ивы и тополя, из пуха которых строит свои гнёзда. В Таласском Алатау поднимается до 2400 м, но обычно – не выше 1800 м. Во время кочёвок там же и в Памиро-Алае встречался до 2700-2800 м (Шульпин, 1956; Попов, 1959; Ковшарь, 1966; Иванов, 1969).

Распространение. В основном в пределах Средней Азии – от долины Амударьи (где он граничит с *jaxarticus*) и юго-западных частей Памиро-Алая до Зайсанской котловины, где в районе Чёрного Иртыша граничит с *R.p. stoliczkae*. Наш район полностью входит в ареал этого вида (подвида) и распространён здесь он очень широко и по горизонтали, и по вертикали (рис. 428). Наиболее плотно заселён черноголовым ремезом Западный Тянь-Шань – от Кураминского хребта на юге, до Каратау и Таласской долины на севере, а также восточных оконечностей Таласского и Чаткальского хребтов (Кашкаров, 1924, 1927; Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956, 2012; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991; Скляренко, 1992; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Чаликова, Колбинцев, 2006; Головцов, 2007; Исмаил-уулу, 2010; Губин, Белялов, 2017; Тен и др., 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Далее к востоку черноголовый ремез населяет северный склон Киргизского Алатау, Чуйскую долину и подходящие места на северных склонах Заилийского Алатау вплоть до низовьев р. Чилик, спускаясь по руслам речек в долину реки Или (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Гаврилов, 1972; Шукуров, Кормилицын, 2005; Скляренко, 2007: КОБ-2006; Кузьмина, 2009: КОБ-2008; Губин, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). Восточнее реки Чилик ремез гнездится в каньоне реки Темирлик – правом притоке Чарына (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), но ни в горах Кетмень, ни в долине р. Чулкудысу на гнездовье он обнаружен не был. И только в последние годы, видимо, расселился в верховья Текеса из Илийской долины: 24 мая 2008 г. в пойме р. Текес ниже плотины Текесского вдхр. на ветках ивы над водой обнаружили три гнезда (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008). Гнездится ремез также в низкогорных Чу-Илийских горах (Березовиков и др., 1999; Губин, 2007). У южной границы Тянь-Шаня черноголовый ремез «найден на северных склонах Алайского хребта, где Барей и Даценко собрали ряд экземпляров близ Гульчи, Акбогуза, Алайнуха и на Исфайрамсае; гнездится он и в тугаях на Сырдарье у Нау и Ленинабада. Ни в Туркестанском хребте, ни в Нуратау ремез пока не найден» (Иванов, 1969, с. 220). В 2004 г. в северных предгорьях Алайского хребта мы обнаружили черноголового ремеза на речках Абширсай (одиночка 17 июля) и Калай-Махмуд

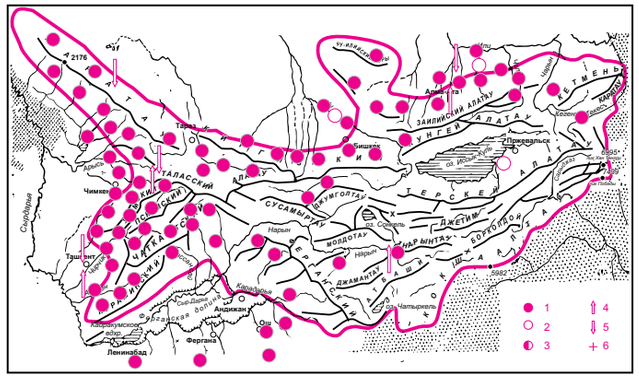

Рис. 427. Изменчивость окраски темени у *Remiz coronatus* (верхние 2 ряда – самцы). По: Портенко, 1955, с. 468
Рис. 428. Распространение черноголового ремеза в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 4, 5 – пролёт

(3 птицы 23 июля); а в восточной части Туркестанского хребта – на р. Каравшин (24 июля) и в ивняках верхней части ущелья Чечекты – 27 июля, уже на высоте 2100 м (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Обращает внимание полное отсутствие данных о летних встречах черноголового ремеза в юго-восточной четверти нашего района, включая Иссык-Кульскую котловину, высокогорье Центрального Тянь-Шаня и большую часть Внутреннего Тянь-Шаня. В последнем в июле 1999 г. мы нашли жилое гнездо в устье р. Атбаши (Ковшарь, Торопова, 2000), 24 июля 2000 г. трёх ремезов видели на р. Яссы близ Узгена (южный склон Ферганского хребта) и 27 июля 4 ремезов встретили в долине Алабауги (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В 2017 г. жилое гнездо ремеза видели 19 июня в устье р. Чон-Кемин, 20 июня – две пары – в пойме р. Кокомерен, 21 июня ремез был обычен в пойме Западного Каракола, а 22 июня голоса их слышали от города Ташкумыр до сёл Караджигач и Кербен, или Караван (Архипов, Коблик и др., 2018). По всей вероятности, специальные поиски в гнездовое время выявят более широкое распространение этого ремеза в долинах Внутреннего Тянь-Шаня.

Численность. На гнездовании обычная птица, местами может быть даже многочислен. Так, в Каратау в долине р. Боролдай 17-18 мая 1958 г. учитывали 3 пары/км маршрута, а в урочище Чанчар – 5 пар и два гнезда на 1 км маршрута (Корелов, 2012). В Боролдайтау в 2002 г. найдено 15 гнёзд, там же, в урочище Кокбулак, С.Л. Скляренко (1992) нашёл 74 гнезда, а после пожара 2001 г. здесь нашли только 9 гнёзд (Чаликова, Колбинцев, 2006). В верховьях р. Машат (западная оконечность Таласского Алатау) 23 мая 2003 г. и 11 июня 2008 г. учитывали на маршруте до 4.1 особи/час (Чаликова, 2009). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в подходящих местах мы насчитывали до 6 гнёзд на 500 м тугайной полосы: всего с 1933 по 1965 г. здесь найдено 24 жилых гнезда (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966), а в 1971-1973 гг. – ещё 22 гнезда (Губин, 2012). В Сарычелеке (Чаткальский хребет) сравнительно редок (Кашкаров, 1927; Воробьев, Чичикин, 1966). В тугаях Бартагоя (среднее течение р. Чилик) в июне-июле 1955 г. найдено 3 жилых гнезда с птенцами (Кузьмина, 2009), сейчас это место занято Бартагойским вдхр., ремеза здесь нет.

Сроки. Даты. Весной появляются в апреле и летят до середины мая. В Чаткальском хребте прилетели 18 апреля 1989 г. (Головцов, 2007). В Кураминском хребте 24-29 апреля 2003 г. встретили 19 ремезов – явно шёл пролёт (В. Ковшарь, 2004). На Чокпаке первых отмечали 30 марта (1970) – 3 мая (1968), в среднем 20 апреля; основной пролёт шел в первой половине мая, последние встречи 6 мая (1971) – 20 мая (1968, 1969), в среднем за 5 лет – 5 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). Рядом, в Аксу-Джабаглы, первых ремезов встречали: 19 апреля 1944 (В.В. Шевченко), 8 мая 1961 и 1965, 9 мая 1963 гг. (Ковшарь, 1966); 21 апреля 1971, 29 апреля 1972 и 14 апреля 1973 гг. (Губин, 2012). В Алматы самая ранняя встреча ремеза – 15 апреля 1986 г. (Губин, Ковшарь, 1988). На Сорбулаке одиночного встретили 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013), а в Чу-Илийских горах (ущелье Ешкилы) 26 апреля 2001 г. самец черноголового ремеза начинал строительство гнезда с оборачивания веточки материалом (Губин, 2007). В мае гнездование ремезов отмечено уже в большинстве мест их обитания в нашем районе.

Осенний пролёт идёт с середины августа до конца октября. Так, в субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500 м), где ремез не гнездится и летом ни разу не встречен, 11 августа 1975 г. две группы по 3 особи пролетели со стороны скальной вершины вниз, к ельнику, на высоте 2800 м; ещё пара отмечена 24 августа 1975 г. на высоте 2400 м (Ковшарь, Лопатин, 1983). В г. Алматы пролётных ремезов встречали: 15 августа 1984, с 2 сентября по 17 октября 1985 и 24 сентября 1986 гг. (Губин, Ковшарь, 1988). На Чокпаке, где осенний пролёт этого вида как минимум втрое интенсивнее весеннего, первых в 1966-1981 гг. отмечали 16 августа (1969) – 11 сентября (1967), в среднем 31 августа; основной пролёт (учтено 62%, отловлено 88%) идёт с конца сентября по начало октября, когда они летели стайками до 30 особей; завершался пролёт 12 октября (1967) – 30 октября (1970), в среднем за 12 лет – 19 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 12 сентября (2004) по 15 октября (1989) отловили и окольцевали 13 черноголовых ремезов (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) местных, гнездящихся ремезов встречали до 16 сентября 1933. 18 сентября 1971 и 21 сентября 1972 гг. (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). В долине Пскема последних наблюдали 23 сентября. В районе Ташкента пролёт начинается в конце августа, наибольшей интенсивности достигает в сентябре и к середине октября прекращается; самые поздние встречи здесь – 25 октября и 11 ноября (Гаврилов, 1972).

Изредка встречаются зимой. Впервые зимой ремеза добыли из пары 14 декабря 1958 г. в Чуйской долине (Птицы Киргизии, 1960). В конце ноября 1965 г. на п-ве Карабулун (юго-восточный берег Иссык-Куля), в густых зарослях облепихи с тростником на маршруте 5 км встретили 2 пары, а через день в другом месте также на 5 км встретили 5 птиц, один самец добыт (Второв, 1967, с. 339). К сожалению, экземпляр этот приводится как *Remiz pendulinus,* без указания подвида, которым в те годы числился черноголовый ремез. Для Карачингиля (устье Тургени) встречи черноголового ремеза приводятся 3 января и 20 февраля 2006 г. (по 8 особей), 31 января 2008 г. (один), 12 февраля 2008 г. (6), 16 января 2009 г. (5) и 10 декабря 2010 г. – два ремеза (Бевза, 2012). В некоторые из этих дат здесь отмечали также *Remiz pendulinus* и *R.macronyx.*

Биология. Специально никто в нашем районе биологию ремеза не изучал, тем не менее в различных публикациях накопилось немало сведений о нахождении его гнёзд, которые всегда привлекают внимание (и не только орнитологов). Наибольшее число сведений о датах находок гнёзд и их содержимом – 46 гнёзд – имеется в публикациях по территории заповедника Аксу-Джабаглы в Таласском Алатау (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Сведения о 14 кладках (размер кладки, описание и размеры 115 яиц), собранных на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, содержатся в статье по оологической характеристике птиц (Митропольский и др., 1981). Данные о 14 гнёздах из Таласской долины, 6 из Ферганского хребта и одного из окрестностей города Ош опубликованы в сводке «Птицы Киргизии» (1960). Содержательный очерк биологии этого вида опубликован в 4-м томе «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1972, с. 258-263). Отдельные сведения о гнёздах имеются в статьях (Скляренко, 1992; Чаликова, Колбинцев, 2005; Кузьмина, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2012). В заключение хочу обратить внимание на одну деталь: необычность формы гнезда ремеза (рукавичка с входом в виде пальца) породила народное поверье о лечебных свойствах этих странных гнёзд. Ещё Д.Н. Кашкаров (1927, с. 62) писал: «Бросается в глаза редкость на Сарычелеке ремеза. Причина – снятие гнёзд населением, употребляющим их в качестве суспензория». Спустя 40 лет в Аксу-Джабаглы я неоднократно слышал от местных жителей две версии целебных свойств этих гнёзд – при лечении венерических заболеваний и как средство для окуривания дымом коровьего вымени в случае появления трещин на сосках. Доказательств этих версий, как и следовало ожидать, до сих пор нет.

Семейство **Синицевые** Paridae

369. Джунгарская гаичка – *Parus songarus* [*montanus*] Severtzov, 1873

Songar tit (англ.), Chinesische weidenmeise (нем.), mesange de Dzoungarie (фр.), ақжагал шымшық (каз.), тоодогу кашка чымчык (кирг.)

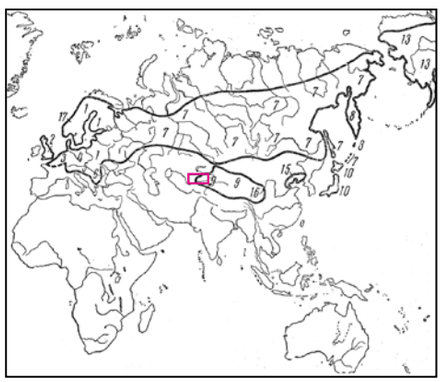
Синонимы: *Penthestes montanus* Baldenstein, 1827. Пухляк, буроголовая гаичка (Портенко, 1954).

Подвид. Долгое время считалась тянь-шаньским подвидом буроголовой гаички (Дементьев, 1937; Воинственский, 1954), хотя по мнению М.А. Мензбира (1985), а также Б.К. Штегмана и С.И. Снигиревского (in lit.), джунгарская гаичка ближе не к пухляку, а к светлоголовой гаичке (*Parus cinctus*). В других сводках (Шнитников, 1949; Портенко, 1954) за ней сохранялся видовой статус, присвоенный ей при описании Н.А. Северцовым. В Тянь-Шане обитает номинативный подвид *P. songarus songarus* Severtzov, 1873.

Характер пребывания. Оседлая птица, зимой предпринимает лишь небольшие кочёвки.

Биотоп. Хвойные леса, в Тянь-Шане еловые и елово-пихтовые на высоте 1400 – 2700 м.

Распространение. Наш район расположен на западной границе небольшого ареала вида (рис. 429), который занимает Ганьсу, Сычуань, Алашань, Восточный Тянь-Шань с Борохоро и Джунгарским Алатау к востоку до 85-86 меридиана (Степанян, 2003). В пределах нашего района (рис. 430) джунгарская гаичка населяет ближайшее ущелье хребта Борохоро (Тышкан близ Джаркента); хребты Центрального и Северного Тянь-Шаня – Кетмень, Заилийский, Кунгей и Терскей Алатау (восточную его часть), островные ельники бассейна Сарыджаза (Зарудный, Кореев, 1905; Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Винокуров, 1961; Крылов, 1969; Кузьмина, 1972; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В прекрасном ельнике на Иныльчеке, где джунгарская гаичка отсутствовала летом 1912 г. (Шнитников, 1949), мы встретили её 28 июля 2005 г. Во Внутреннем Тянь-Шане гнездится в ельниках верхнего Нарына, в горах, окружающих озеро Сонкуль, и на склонах, спускающихся в долину Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; наши наблюдения 2005 г.; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Западная граница летних встреч джунгарской гаички проходит примерно по 74° в.д. – на севере в ущелье Ала-Арча Киргизского

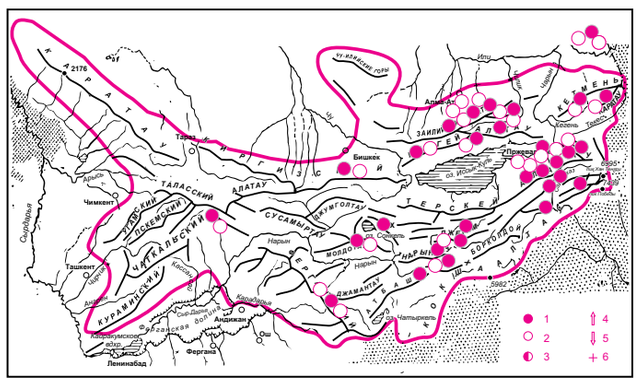

Рис. 429. Ареалы джунгарской гаички (9) и пухляка (7): Воинственский, 1954, с. 761 [прямоугольник – Тянь-Шань].
Рис. 430. Распространение джунгарской гаички в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

Алатау (Птицы Киргизии, 1960), хотя в 90-х гг. XX в. её здесь уже ни разу не видели (Шукуров, Кормилицын, 2005); а на юге – в западной, нижней части Арпинской долины, где сходятся еловые леса северного склона Ферганского хребта и западного склона хребта Джамантау (Кыдыралиев, 1972). Кроме того, джунгарская гаичка (под названием *Parus atricapillus*) указана как редкая оседлая для Сарычелекского заповедника в восточной части Чаткальского хребта (Воробьёв, Чичикин, 1966), что на целых 2° долготы западнее предыдущих мест. Однако доказательств пребывания здесь джунгарской гаички в упомянутой работе не приводится, хотя биотоп её здесь представлен. Нужны дополнительные обследования этой территории.

Численность. Обычна в еловых лесах, но численность значительно меняется по годам. Так, в 1929 и 1934 гг. она была обычной, даже многочисленной птицей в ельниках Заукучака, Джергалана и Тюпа (Кашкаров и др., 1937). В Терскей Алатау в 1953-1954 гг. она явно доминировала над московкой: после вылета молодняка в середине июля здесь встречали до 25 джунгарских гаичек за день (Степанян, 1959). В январе-феврале 1962 г. в ельниках ущелья Чон-Кызыл-Су насчитывали до 90 гаичек на 10 км маршрутного учёта, она была на втором месте после московки (110 особей/10 км), а вместе с корольком все три вида составляли 87% всех птиц в ельнике (Второв, 1963). В августе-сентябре 1968 г. в еловых лесах Чон-Кемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) учитывали от 10 особей/км^2 (в верхних ельниках с субальпийскими ивняками и скалами) до 140-150 особей/км^2 в сомкнутых мохово-тенетравных ельниках с вырубками в средней части долины (Второв, 1972). О численности на гнездовании в Заилийском Алатау может свидетельствовать то, что в окрестностях Б. Алматинского озера (2400-2700 м) в 1971-1976 гг. нам удалось провести наблюдения за гнездованием 40 пар джунгарских гаичек (Ковшарь, 1976, 1979). В том же ущелье у нижней границы леса (1500-1800 м) в ноябре-декабре 1977 г. из 275 встреч синиц 4-х видов 55 (20%) пришлись на джунгарских гаичек (Пфеффер, 1978). Проведенные там же в разные сезоны и в разных типах ельников маршрутные учёты численности гаичек дали следующие результаты: для весны и зимы – до 2.5 особей/км маршрута, осенью – до 1.5 особей/км, летом – до 0.8 особей/км (Пфеффер, 1978). К концу 90-х гг. численность джунгарских гаичек в этом ущелье заметно снизилась по всему профилю лесного пояса, и даже у верхней границы леса в 2000-2010 гг. увидеть джунгарскую гаичку стало постоянной проблемой для многочисленных групп бёрдвотчеров, ежегодно посещающих это ущелье.

Сроки. Даты. Поскольку у этой оседлой птицы только часть особей откочёвывает на зиму вниз, а многие зимуют у верхней границы леса, установить сроки подвижек откочевавшей части популяции не представляется возможным. Вероятнее всего, это происходит с ноября по март.

Биология. Долгое время о биологии этой синицы не было известно практически ничего, и только в сводке «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1972) появились первые конкретные сведения. В 1971-1976 гг. в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау нам удалось провести ряд стационарных наблюдений за 40 гнездящимися парами и опубликовать их (Ковшарь, 1976, 1979). Ниже привожу основные результаты этих наблюдений, проведенных с применением индивидуального мечения.

Благодаря этому методу, получены сведения о гнездовом консерватизме и постоянстве пар. Одна пара через год обнаружена в соседнем искусственном гнездовье, вторая гнездилась рядом через три года после мечения. При повторных отловах окольцованных птиц получено 11 возвратов: 5 самцов отловлены в 50-200 м, 5 самок в 50-500 м от места кольцевания, а один самец – в том же гнездовье. Самцы и самки энергично охраняют территорию до 50-60 м от гнезда (площадь 8-10 тыс. м^2). Минимальное расстояние между жилыми гнёздами

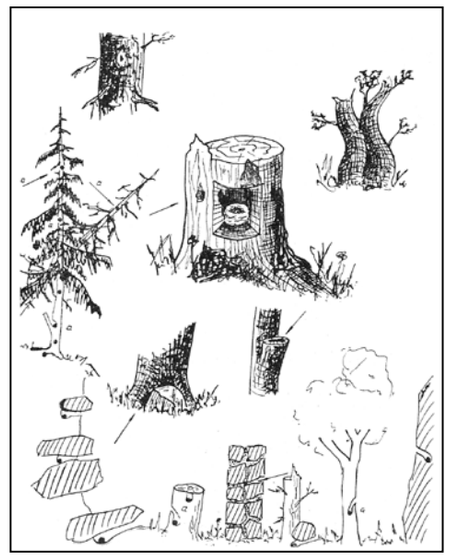

Рис. 431. Места расположения гнёзд синиц: джунгарской гаички (а) и московки (все случаи) По: Ковшарь, 1979, с. 212.
Рисунок Р.Г. Пфеффера

в 1971-1976 гг. было 150 м. Гнёзда располагаются в дуплах, выдолбленных самими птицами чаще всего в старых высоких пнях, но нередко – и в верхней части стволов елей (рис. 431); также охотно они занимают искусственные гнездовья типа «синичник». На создание дупла в стволах живых елей у пары гаичек уходит 20 дней, в старых пнях – намного меньше времени; гнездо в готовом дупле строится за 6-7 дней, при этом материал носят обе птицы и только мягкую выстилку – одна самка. В синичниках, внутренняя полость которых намного больше дупла, гнездо строится вдвое дольше. Яйца откладываются иногда в недостроенное гнездо, насиживание начинается до окончания кладки. Насиживает самка, которую кормит самец. Со дня откладки первого яйца до вылупления первого птенца проходит 17-19 суток, время плотного насиживания (после окончания кладки) в четырёх случаях составило 13, 13, 14 и 15 суток. Пуховой птенец описан по материалам из Заилийского Алатау (Ковшарь, 1974а), последующие наблюдения подтвердили это описание. Кормят птенцов оба родителя, принося корм 130-400 раз в день, причём в первые дни, пока самка обогревает птенцов, носит корм в основном самец. По результатам анализа 124 проб пищи, полученных в 6 гнёздах при помощи лигатур (Мальчевский, Кадочников, 1953), основу её составляют четыре группы насекомых: бабочки и их гусеницы (19% по числу экз.), галлы (24.3%), крупные муравьи (19.2%) и комары-долгоножки (15.7%). Несколько реже используются тли (8.3%), пауки и их кладки (8.3%). Особый интерес представляет выкармливание птенцов галлами. Эти небольшие, до 5 мм в диаметре, образования с массой мелких белых личинок внутри располагаются между хвоинками на тоненьких еловых веточках, как правило, с нижней стороны. Поражённость елей этими галлами, по-видимому, очень высока, так как не раз можно было видеть, что гаички тратили на их поиски считанные секунды. Птенцы находятся в гнезде 22 дня, а семьи сохраняются 3-4 недели после вылета (Ковшарь, 1976). Гнездовой период – от подготовки дупла до вылета птенцов – занимает у джунгарских гаичек более двух месяцев; весь репродуктивный цикл у одно пары занял 84 дня. Моноцикличность этого вида не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют и сжатые сроки размножения: период откладки яиц занимает всего 40 дней, а 31 пара из 40 (77.5%) уложилась в две декады мая. После 3 августа в Заилийском Алатау мы уже не встречали выводков джунгарских гаичек. В других местах (Кунгей Алатау, Терскей Алатау, Баянкол) в 11 из 12 известных случаев (92%) гаички откладывали яйца в третьей декаде мая и в одном – во второй (Степанян, 1959; Винокуров, 1961; Шукуров, 1968, 1986). Величина кладки невелика: 4 (2 кладки) – 5 (22) – 6 (10), в среднем 5.24 яйца на гнездо. Число птенцов: 3 (1) – 4 (3) – 5 (3) – 6 (2), в среднем 4.66. В 1971 г. в четырёх гнёздах гаички успешно выкормили выводки из 6 птенцов, причём в одном случае это сделала самка, оставшаяся без самца. В 1971-1976 гг. из 28 гнёзд с прослеженной судьбой птенцы благополучно покинули 21 (75%). Такая высокая успешность гнездования несколько компенсирует небольшую величину кладки и позволяет гнездиться в оптимальные сроки.

370. Московка – *Parus ater* Linnaeus, 1758

coal tit (англ.), Tannenmeise (нем.), mesange noire (фр.),
шөре шымшық (каз.), кара кашка чымчык (кирг.)

Синонимы: *Parus piceae* Severtzov, 1873. Семиреченская чёрная синица (Шнитников, 1949).

Подвид. Из 20 подвидов в Тянь-Шане – эндемичный горный *Parus ater rufipectus* Severtzov, 1875. В зимнее время не исключена встреча номинативного подвида *Parus ater ater*, известного своими дальними кочёвками и отмеченного в октябре 1996 и 1997 г. в низовьях р. Или (Губин, 2003: КОБ-2002). Заслуживает внимания публикация: «24 июля 2002 г. Восточная часть Джунгарского Алатау, в ельнике в ущелье Кулясу обычна. Все птицы специально идентифицировались и оказались представителями номинативного подвида» (Анненкова, 2003: КОБ-2002, с. 114). Эти слова – сигнал к уточнению западной границы гнездования номинативной *P.a. ater*.

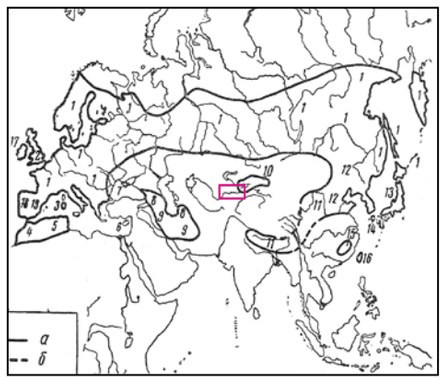
Характер пребывания. Оседлая птица с очень небольшими сезонными подвижками.

Биотоп. Хвойный лес, в Тянь-Шане – ельники на высоте 1400-3200 м. В Сарычелеке (Чаткальский хребет) гнездится только в елово-пихтовом и елово-ореховом лесу (Лебяжинская, 1992).

Распространение. Изолированный ареал подвида занимает в основном восточную половину Тянь-Шаня (рис. 432). В «Конспекте орнитологической фауны…» он описан так: «Тянь-Шань (хребты Борохоро, Кетмень, Заилийский Алатау, Кунгей Алатау, восточная часть Киргизского к западу до 74-75-го меридианов, Терскей Ала-Тоо, Молдотау, Нарынтау, Атбашитау, Кокшаал-Тау), Джунгарский Алатау; в пределах Алайской системы восточные части Алайского и Заалайского хребтов» (Степанян, 2003, с. 622). Это вполне соответствует данным современных наблюдений, представленным на схеме нашего района (рис. 433). На крайнем северо-востоке она гнездится в ущелье Тышкан (хр. Борохоро близ Джаркента), в северном Тянь-Шане – покрытые еловыми лесами северные склоны Заилийского и Кунгей Алатау; в Центральном – хребты Кетмень и Каратау, северные хребты и долины восточного окончания Терскей Алатау (Кокпак, Кокжар, Терскей, Баянкол, Кулуктау, Ельчин-Буйрюк и др.), всю восточную половину Терскей Алатау и островные ельники Сарыджазских сыртов (Куйлю, Иныльчек), ельники Кайынды и др. (Зарудный, Кореев, 1905; Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Винокуров, 1961; Второв, 1963, 1967, 1972; Крылов, 1969; Ковшарь, 1972а, 1979; Кузьмина, 1972; Шукуров, 1986; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). М.Н. Дивногорский в 1907-1908 гг. добывал их в ельниках южного склона хребта Кокшаалтау (Судиловская, 1936). Гнездится в восточной части Киргизского Алатау – в ущелье Ала-Арча против Бишкека (Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005).

Во внутренних районах Тянь-Шаня московка гнездится в ельниках верховьев Нарына, хребтов Джетим, Нарынтау и Атбаши; в Молдотау и в других горах, окружающих озеро Сонкуль; в нижней части Арпинской долины, где сходятся еловые леса Ферганского хребта и Джамантоо (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Последняя точка вместе с встречами в Молдотау и в Киргизском хребте находится примерно на 74° в.д. и может очерчивать западную границу гнездования московки в Тянь-Шане. Однако, расселяясь постепенно на запад, эта синица к 80-м гг. XX ст. достигла восточных склонов Чаткальского хребта в районе озера Сарычелек (Лебяжинская, 1991) – точно так же, как и джунгарская гаичка (см. выше). У южной границы Тянь-Шаня московка найдена на северных склонах Алайского хребта. Ей посвящён коротенький, всего 8 строк, очерк № 228 в сводке о птицах Памиро-Алая: «Московка гнездится только в северо-восточном углу Памиро-Алая, где имеются небольшие островные ельники. Барей собрал в мае и июне у пер. Тарткуль в восточной части Алайского хребта серию московок. В этом же районе – близ Гульчи – Северцов 27-30 октября добыл ряд экземпляров. Это, очевидно, были птицы, спустившиеся на зимовку из ближайших частей Алайского хребта. В 1962 г. Мекленбурцев (1966 а) видел московку близ Иркештама в ельниках ущелья р. Нура в северо-восточной части Заалайского хребта» (Иванов, 1969, с. 225).

Численность. Обычная птица елового леса, местами бывает многочисленной. В ельниках Чон-Кызылсу (Терскей Алатау) в январе-феврале 1962 г. учтено 110 особей на 10 км маршрута (140 особей/км^2); здесь она была первой по численности, а вместе с джунгарской гаичкой и

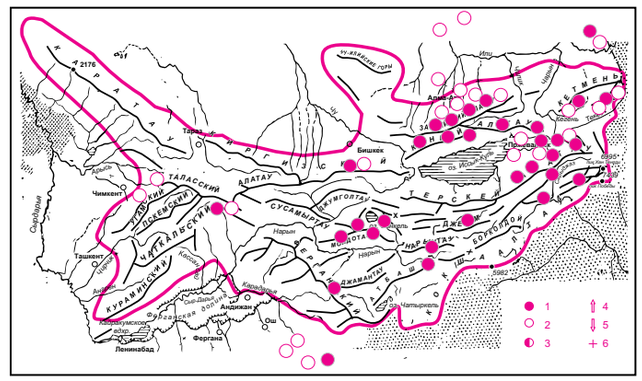

Рис. 432. Ареал московки и подвида *P.a. rufipectus* (10). По: Воинственский, 1954, с.745. Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 433. Распространение московки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

кородьком составляла 87.5% всех птиц ельника (Второв, 1963). В ельниках Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали от 60 до 120 особей/км^2 (Второв, 1972). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) в 1957-1960 гг. московка встречена в 76 из 900 круглогодичных экскурсий на участках еловых и арчовых лесов общим числом 324 особи (Кузнецов, 1962). Утверждение этого автора, что зимой их в еловом лесу в пять раз больше, чем летом, можно лишь частично объяснить подкочёвкой более северных популяций; в основном же это впечатление складывается за счёт большей заметности синиц (так же, как корольков и пищух) в пустом зимнем лесу, тогда как летом они теряются в мощном хоре гнездящихся птиц.

В Заилийском Алатау, в нижней части елового пояса (1600-1800 м) в ноябре-декабре 1977 г. из общего числа 275 встреч синиц на долю московки пришлось 107, или вдвое больше, чем джунгарской гаички; в 1974-1975 гг. весной здесь учитывали до 7.5 особей/км маршрута, летом – до 3, осенью – до 9.2, зимой – до 14.1 особей/км маршрута (Пфеффер, 1978). У верхней границы леса (Б. Алматинское озеро, 2500 м) численность московки вдвое выше, чем джунгарской гаички (в Терскей Алатау наоборот – Степанян, 1959); косвенный показатель численности – в 1971-1976 гг. в окрестностях Б. Алматинского озера найдено 24 жилых гнезда и ещё 31 пара заняла искусственные гнездовья (Ковшарь, 1979).

Сроки. Даты. Поскольку значительная часть особей зимует в местах гнездования, установить сроки начала и окончания кочёвок очень сложно. Об этих сроках можно судить лишь по встречам синиц за пределами мест гнездования. Так, в городе Алматы московки встречаются с сентября по март (Бородихин, 1968). Здесь же стоит привести даты дальних залётов *P. a. rufipectus* в Западный Тянь-Шань: 15 декабря 1996 г. в Аксу-Джабаглы (Колбинцев, 1999) и 1 января 2016 г. в ущ. Сарыайгар, Каржантау (Нукусбеков, 2017). Особи номинативного подвида встречены 24 октября 1996 г. в низовьях р. Или на кордоне ниже посёлка Казахстан; 3 особи из четырёх были отловлены и содержались в неволе (Губин, 2003: КОБ-2002).

Биология. Достаточно хорошо изучена в Заилийском Алатау, где в 1964-1968 гг. проведены наблюдения за 24 (Кузьмина, 1972), а в 1971-1976 гг. – за 48 гнездящимися парами (Ковшарь, 1979) при помощи индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов. По этим данным 92.8% пар начинали откладку яиц между 20 мая и 10 июня, никаких оснований для предположения о втором репродуктивном цикле не имеется, тогда как у номинативного подвида в Европе он считается нормой (Птушенко, Иноземцев, 1968). Имеется также специальная публикация о биологии этого вида на Тянь-Шане и в Джунгарском Алатау (Скляренко, Ковшарь, 1992). В этих работах подробно описаны гнёзда, яйца, птенцы и весь репродуктивный цикл тянь-шанской московки. По 16 возвратам московок, помеченных на гнёздах в Заилийском Алатау, выяснено, что 7 самцов на будущий год гнездились в 50-500, в среднем 227 м, а 9 самок – в 50-400, в среднем 212 м от своих прошлогодних гнёзд; два помеченных птенца гнездились в 500 и 600 м от места своего вывода. Максимальная интенсивность пения самцов – 196 песен за 15 мин, при этом громкая песня московки хорошо слышна с 200-300 м, а с противоположного склона в горах – и за 500 м, что надо иметь в виду при проведении количественных учётов синиц в горах и пересчёте их результатов на площадь. Поскольку дупла выдолбить московка не в состоянии, она занимает, помимо чужих дупел, также самые различные пустоты – в трещинах скал, в земле (рис. 431); статистика этих случаев приводится в упомянутых работах, так же, как и степень участия самца и самки в насиживании яиц и выкармливании птенцов, другие моменты поведения в гнездовый период. Там же приведены данные о плодовитости и успешности гнездования: в кладке (n=31) 6-9, в среднем 7.38 яиц, что заметно меньше, чем у европейской московки (до 12 яиц). В 38 гнёздах в Заилийском Алатау на 246 вылупившихся птенцов было 16 неоплодотворённых яиц (6.1%). Гибель гнёзд от естественных врагов составила всего 10% (Ковшарь, 1979). Для других хребтов Тянь-Шаня в литературе имеются указания на нахождение 6 гнёзд в Терскей Алатау (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986; Торопова, 1999), трёх гнёзд в Кунгей Алатау (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1972 а), двух гнёзд в горах Ельчин-Буйрюк в Центральном Тянь-Шане (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

371. Рыжешейная синица – *Parus rufonuchalis* Blyth, 1849

rufous-naped tit [rufous-vented tit] (англ.), Fichtenmeise (нем.), mésange huppée (фр.),
қарамандай шымшық (каз.), кызыл моюн кашка чымчык (кирг.), сариқ тамоқли читтак (узб.)

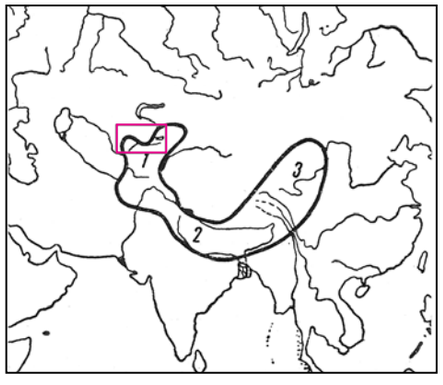
Синонимы: *Parus rubidiventris* Blyth, 1847. Под этим именем приводится в 4-м томе «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1972) на основании замечания Л.А. Портенко: «По-видимому, правильнее этот вид называть *Periparus rubidiventris* (Blyth), 1847, но таксономические соотношения между этой формой и *Parus rufonuchalis* (Blyth) 1849 остаются не окончательно выясненными» (Портенко, 1954, с. 111). Ферганская чёрная синица (Шнитников, 1949). Чёрная синица (Портенко, 1954). Гималайская синица (Шульпин, 1956).

Подвид. Из четырёх описанных подвидов у нас обитает только номинативный (Портенко, 1954), а в более поздних сводках (Степанян, 2003) этот вид вообще считается монотипичным.

Характер пребывания. Оседлая птица. Сезонные кочёвки не выходят за пределы хребта.

Биотоп. Высокоствольные арчовые леса, но в Киргизском Алатау живёт и в ельнике, где особенно обычна в зимнее время (Кузнецов, 1962); также в арчовых и еловых лесах живёт в Арпинской долине, на северном склоне Ферганского хребта и западном склоне хребта Джамантоо (Кыдыралиев, 1972). Высота на гнездовании 1000-2700 м, а в период кочёвок в Памиро-Алае её встречали до 3200 м (Иванов, 1969).

Распространение. Наш район занимает северную часть западной половины ареала (рис. 434) этого центрально-южноазиатского вида, распространённого в горных лесах Гималаев, Гиндукуша, Памиро-Алая и Тянь-Шаня. У южных границ Тянь-Шаня рыжешейная синица широко распространена по северным склонам Алайского и Туркестанского хребтов на всём их протяжении (Иванов, 1969). Населяет весь Западный Тянь-Шань от Кураминского и Чаткальского хребтов на юге до Таласского на севере (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966, 1967, 2017; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991, 1992; Митропольский, 2005). Выявлена тенденция продвижения вида к северу. До 60-х гг. XX ст. рыжешейная синица отсутствовала на северных склонах Таласского Алатау, северная граница её ареала в области заповедника Аксу-Джабаглы проходила по каньону р. Аксу (Ковшарь, 1966). Но уже в 1973 г. в арчовом редколесье Кши-Каинды, где раньше она не встречалась, было найдено 2 гнезда с птенцами (Губин, 1989). В 80-х гг. эта синица стала обычной в Кши-Каинды, а в арчевниках Чуулдака в 1986 и 1987 гг. найдено 15 гнёзд этой некогда редкой птицы (Ковшарь, Чаликова, 1992). К настоящему времени она проникла ещё севернее – в хребет Боролдай (Сырдарьинский Каратау), преодолев широкую долину Арыси по лесополосам; встречается она даже в редколесьях Казгурта южнее Чимкента (Чаликова, 2006). Северо-восточнее Западного Тянь-Шаня она найдена на гнездовании в Киргизском Алатау – на восток до ущелья Ала-Арча. Первый, как считал В.Н. Шнитников (1949), – залётный экземпляр добыт Е.П. Спангенбергом на притоке р. Карабалты, близ с. Сосновка, 20 июля 1934 г., а в январе 1935 г. там же добыли второй экз. Но уже в 1951 г. в ущелье Туюк она хоть и в небольшом числе, но заселяла

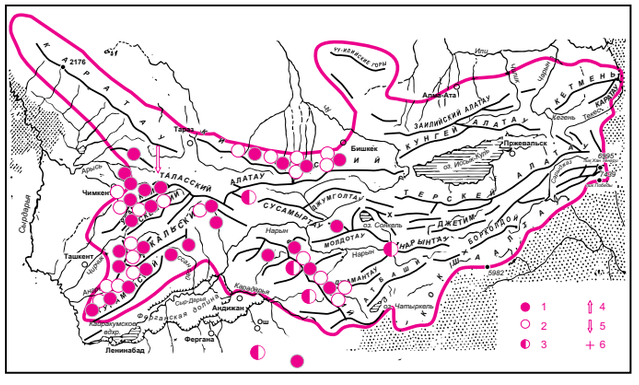

Рис. 434. Ареал рыжешейной синицы (по: Воинственский, 1954, с. 750). Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 435. Распространение рыжешейной синицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

всю зону леса до верхней его границы (Спангенберг, Судиловская, 1959), а вскоре обнаружена и ещё восточнее – в ущелье Ала-Арча (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Архипов, Коблик и др., 2018). Между Киргизским Алатау и восточной частью Таласского хребта эта синица населяет арчово-еловые леса в Чичкане, где мы встречали её в июле 1998 и 2003 гг. (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Во внутренних районах Тянь-Шаня обычна на обоих склонах Ферганского хребта и в лесах Кара-Киче хребта Молдотоо, западнее Сонкуля (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Шукуров, 1986; Торопова, 1999; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Восточная граница её распространения здесь проходит по тому же меридиану (74°), что и западная граница московки, причём в неширокой полосе здесь они обитают вместе. Меридиан этот проходит несколько западнее Сонкуля – через ущелье Ала-Арча, восточную часть Молдотоо и нижнюю часть Арпинской долины, где хребет Джамантоо подходит близко к северному склону Ферганского хребта (см. рис. 435). Есть только одна встреча восточнее этой линии: 16 августа (год неизвестен) рыжешейную синицу добыли в Нарыне, факт этот в своё время прокомментировал В.Н. Шнитников: «Возможно, что эта синичка начала продвигаться в Семиречье, как продвинулись в него оттуда же синяя птица и желтогрудая лазоревка» (Птицы Семиречья, 1949, с. 453). Новых сведений отсюда пока нет.

Численность. Обычна, местами может быть многочисленной. В арчовых лесах Кураминского хребта 24-29 апреля 2003 г. встретили 22 особи, до 5 поющих самцов в одном месте; здесь она – самая многочисленная из синиц (В. Ковшарь, 2004). В Чаткальском заповеднике численность близка к максимальной для арчового леса, встречаемость на маршрутах 2-4 особи/час (Белялова и др., 2004; Головцов, 2007). На северо-восточной оконечности того же хребта, в заповеднике Сарычелек, летом 1925 г. рыжешейная синица была «чрезвычайно характерной для хвойной зоны, главным образом – для ели, добыто 8 экз. (Кашкаров, 1927). Этот же автор встречал её в большом числе и в арчовниках Чимгана (Кашкаров, 1924). В 60-х гг. в Сарычелеке рыжешейная синица продолжала быть многочисленной (Воробьёв, Чичикин, 1966), а на учётах 1982-1983 гг. здесь насчитывали: в арчовом редколесье 10-31, в ореховом лесу 37-43, яблонево-алычовом 51-75, елово-пихтовом 41-88, елово-ореховом 78 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). Здесь в арчовом редколесье рыжешейная синица (5.1%) была фоновым видом вместе с черноголовым чеканом (6.1%) и чёрным дроздом (6.1%); в елово-ореховом лесу доминировала вместе с желтогрудым князьком (вместе 29.3%), а в елово-пихтовом лесу доминировала с зелёной пеночкой и желтоголовым корольком – все вместе 43.4% (Лебяжинская, 1992). Об изменениях численности в Таласском Алатау сказано выше; здесь в арчовых лесах Чуулдака в 80-х гг. на маршрутах встречали 1.2-2.6, в среднем 2.2 особей/час (Ковшарь, Чаликова, 1992). В Ала-Арче (Киргизский Алатау) в 1957-1960 гг. рыжешейная синица встречена на 112 круглогодичных маршрутах из 900, общим числом 488 особей (Кузнецов, 1962); здесь же в 80-90-х гг. плотность на гнездовании у этого вида была 0.42-20.83 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005).

Сроки. Даты. Сведений о сроках кочёвок нет. На Чокпаке, где рыжешейная синица не гнездится, явно кочующая молодая самка добыта 7 октября 1975 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Весной в местах гнездования с середины апреля мы встречали их уже парами.

Биология. Долгое время все биологические сведения об этой синице ограничивались нахождением единственного гнезда в Памиро-Алае, которое «было устроено в стене дома, в глубокой нише между сырцовыми кирпичами на высоте около 3 м от земли. В этом гнезде 18 мая были птенцы, которых кормили родители; … один птенец выпал из гнезда, на вид ему было 2-3 дня» (Иванов, 1969, с. 226). В 1965-1966 гг. в Таласском Алатау (заповедник Аксу-Джабаглы) в арчовых редколесьях Чуулдака и Дарбазы (1800-2000 м) за два года специальных поисков нам удалось найти 8 гнёзд рыжешейной синицы и сделать первоначальные описания этих гнёзд, яиц и птенцов, а также провести некоторые наблюдения за гнездовой жизнью этой птицы (Ковшарь, 1966, 1967). Эти же сведения положены и в основу видового очерка монографии «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1972, с. 297-299). Только одно гнездо помещалось в искусственном гнездовье на старой арче, остальные 7 – в земляных и каменных пустотах на склонах среди арчового леса. Более подробные описания имеются в упомянутых публикациях, здесь же, в виду малочисленности сведений о гнездовании этого вида, считаю целесообразным привести перечень дат нахождения гнёзд с их содержимым: 1). 9 мая 1966 г. – 6 насиженных яиц; 2). 24 мая 1966 г. – 5 оперяющихся птенцов; 3). 25 мая 1966 г. – 4 птенца в пуху; 4). 28 мая 1966 г. – 4 оперяющихся птенца; 5). 30 мая 1966 г. – 5 птенцов в пуху; 6). 1 июня 1966 г. – птенцы (взрослые носят корм); 7). 2 июня

1966 г. – 4 слётка и труп пятого птенца; 8). 24 мая 1965 г. – 5 слётков в синичнике на арче. Самый ранний выводок летающих молодых встречен 30 мая 1965 г. в арчово-яблоневом лесу каньона р. Аксу (1200 м).

В публикациях имеются следующие отрывочные сведения из других хребтов. Так, в окрестностях г. Янгиабада (Чаткальский хребет) гнездо с кладкой в 4 насиженных яйца найдено 15 мая 1977 г. в каменном обрывчике, вход в него – в виде узкой горизонтальной щели (Митропольский и др., 1981). В зоне спелых арчовых лесов (Пскемский хребет) гнездо с птенцами обнаружено 17 мая 2003 г. во дворе отеля Бельдерсай в овраге, поросшем мелколистным кустарником (Митропольский, 2005). В Ала-Арчинском национальном парке (Киргизский Алатау), где рыжешейная синица – самый распространённый вид синиц, она охотно (хотя и реже, чем князёк) занимает искусственные гнездовья ящичного типа. В кладке здесь 8-10 яиц, их иногда разоряет лесная соня, а в тёплой подстилке гнёзд ежегодно поселяются шмели (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Джалалабадской области (Ферганский хребет) 15 мая 1969 г. Г.В. Вердин взял из гнезда кладку – 8 яиц (Торопова, 1999). В ущелье Мерке (Киргизский Алатау, 2550 м) 23 июня 2003 г. на склоне северной экспозиции найдено гнездо под камнем (Анненкова, Ашби, 2004: КОБ-2003).

372. Лазоревка – *Parus caeruleus* Linnaeus, 1758

blue tit (англ.), Blaumeise (нем.), mésange bleue (фр.). Обыкновенная лазоревка (Гаврилов, 1999).

Эта северная синица, ближайшая встреча которой была осенью 1979 г. на оз. Тенгиз в Центральном Казахстане (Андрусенко, 2002), в наш район залетала дважды во время миграций. На озере Сорбулак в 80-х гг., в период стационарных работ, по словам А.Э. Гаврилова, была отловлена и окольцована одна особь (Белялов, 2014). Двух лазоревок отловили на Чокпаке 13 октября 1999 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

373. Князёк – *Parus cyanus* Pallas, 1770

azure tit (англ.), Lasurmeise (нем.), mésange azurée (фр.),
ақ шымшық (каз.), ак кашка чымчык (кирг.), чархресаки сафедсина (тадж.)

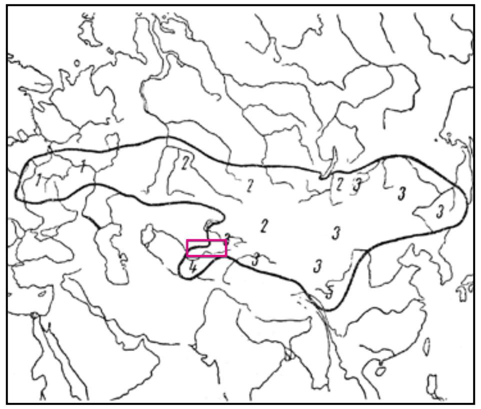
Синонимы: *Parus saebyensis* Sparrman, 1786; *Cyanistes cyanus tianschanicus* Menzbier, 1884; *C.c. yenisseensis* Buturlin, 1911; *C.c. koktalensis* Portenko, 1954. Белая лазоревка (Птицы Киргизии, 1960). Голубая синичка (Шестопёров, 1929).

Подвид. Из 5 признаваемых подвидов наш район населяет *Parus cyanus tianschanicus* Menzbier, 1884. В период миграций могут встречаться обитающие в низовьях Или и Южном Прибалхашье *P.c. koktalensis*. О случаях гибридизации *Parus cyanus tianschanicus* с желтогрудым князьком – см. в следующем очерке.

Характер пребывания. Оседлая птица с небольшими сезонными кочёвками.

Биотоп. Лиственный лес. В горах по зарослям кустарников проникает и в пояс хвойного леса, до высоты 2500 м. В области предгорий населяет зелёные зоны сёл и городов, где обычен и зимой.

Распространение. Наш район находится на юго-западной границе ареала князька (рис. 436), на стыке его тянь-шанского подвида и желтогрудого князька (рис. 436, *4*), поэтому тянь-шанский князёк здесь занимает только северо-восточную часть территории – от хребта Борохоро и Центрального Тянь-Шаня на востоке до восточной части Киргизского Алатау на западе (рис.437). Он обычен в Тышкане и окрестностях Джаркента, в низовьях левобережных притоков Или (Чарын, Чилик, Тургень); гнездится в Кетмене, долинах Чулкудысу и Текеса, восточной половине Терской Алатау, в Заилийском и Кунгей Алатау, в восточной части Киргизского Алатау – к западу до ущелья Ала-Арча и Бишкека (Зарудный, Кореев, 1905; Шульпин, 1939; Корелов, 1948, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962 а,б; Ковшарь, 1972 а; Кузьмина, 1972; Шукуров, 1986; Торопова, Командиров, 1995; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Шукуров, Кормилицын, 2005; Губин,

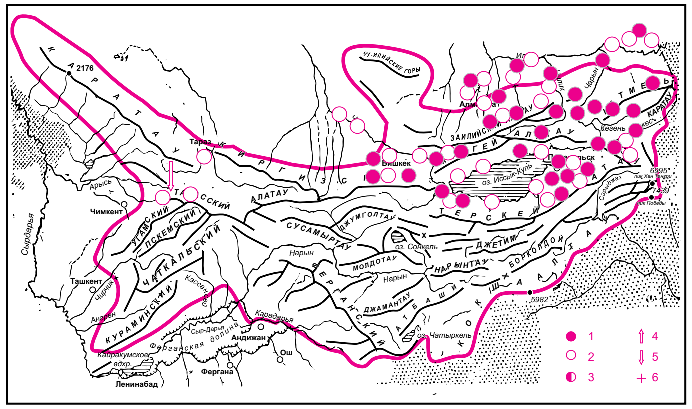

Рис. 436. Ареалы князька и желтогрудого князька (4). По: Воинственский, 1954, с. 734 [прямоугольник – Тянь-Шань]
Рис. 437. Распространение князька в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 5 – встреча осенью

2009: КОБ-2008). Южнее Иссык-Кульской котловины и западнее Бишкека и ущелья Ала-Арча князька на гнездовании не встречали.

В Ала-Арче в 1957-1960 гг. встречали представителей обоих видов князьков и, судя по приводимому ниже тексту, – их гибридов: «Поскольку птицы регистрировались как вид, мы, к сожалению, не можем привести данные по численности той или другой формы отдельно. В наших сборах имеется, хоть и небольшой, но полный ряд переходов в окраске груди от ярко-жёлтой до чисто-белой. Провести границу подвида по этому ряду невозможно. Обе формы держались обычно в арчово-лиственных редколесьях и в смешанном лесу, в первую очередь на рябине, потом на берёзе, ивах, шиповнике, барбарисе, жимолости...» (Кузнецов, 1962 б, с. 231). В другой работе рассматривается зона интерградации *Parus cyanus* и *Parus flavipectus*: «Белая лазоревка распространена в восточной части тянь-шанского ареала ели, желтогрудая – в западной. Вторая более связана с лиственными лесами и арчевниками, сохраняя свои предпочтения и в восточной части своего ареала, где она интерградирует с белой. В Киргизском хр. эта зона простирается от Ала-Арчинского ущ. (Кузнецов, 1962) до Иссык-Атинского (Спангенберг и Судиловская, 1959). В восточной части хребта (урочище Боорду) в 1961 г. мною отмечена лишь одна белогрудая лазоревка. Впрочем, из Киргизского хр. известны все переходы от типичных белых до типично желтогрудых лазоревок. В западной оконечности Кюнгей Ала-тоо, в Чон-Кемине, у птенцов в первом гнездовом оперении на груди заметно слабое жёлтое пятно. В Терскей Алатау у птенцов этого же возраста такого пятна нет» (Шукуров, 1986, с. 96). Думается, что приведенные цитаты свидетельствуют о необходимости проведения сравнительных исследований двух этих видов в восточной половине Киргизского Алатау. особенно в названных ущельях.

Зимой князька отметили намного западнее: в городе Тараз зимой 2004/05 г. (Колбинцев, 2006: КОБ-2005) и дважды в северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) – 8 января 2010 г. одиночку в зарослях боярышника у выхода на равнину р. Джабаглы и 13 января 2011 г. двух синиц в пойменном берёзовом лесу на р. Аксай, напротив ж-д станции Бурное (Чаликова, 2012).

Численность. Обычен на гнездовании в нижней части лесного пояса Заилийского Алатау, где в 1931 г. был даже многочислен (Шульпин, 1939), а также в населённых пунктах подгорной зоны, включая и крупные города (Алматы, Бишкек), в которых численность князька заметно снизилась с появлением здесь большой синицы (Бородихин, 1968; Позвоночные животные Алма-Аты, 1988; Торопова, Командиров, 1995). В окрестностях Джаркента в 1900 г. был довольно обычен (Зарудный, Кореев, 1905), в низовьях Чарына их было много в 1939 г. (Корелов, 1948). На юго-востоке Иссык-Кульской котловины в 1953-1954 гг. численность была высокой: в садах посёлков князёк был одной из самых обычных птиц, то же самое – в лиственном подросте нижней части лесного пояса восточной части Терскей Алатау (Степанян, 1959); в январе-феврале 1962 г. здесь учитывали: в ельнике Терскей Алатау одну особь/10 км маршрута, в зарослях облепихи по берегу озера – 23 особи/22 км [15 особей/км^2] (Второв, 1963). В Заилийском Алатау (1600-1800 м) в 1974-1975 гг. весной учитывали до 2 особей/ км маршрута, летом – до 2.3, осенью – до 1.3, зимой – до 6.1 особей/км маршрута; в ноябре-декабре 1977 г. из 275 встреченных синиц на долю князька пришлось 54 (Пфеффер, 1978). В Киргизском Алатау (Ала-

Арча), где в 90-х гг. XX ст. князёк был самой многочисленной синицей, плотность его на гнездовании была 0.53-24.17 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2015).

Сроки. Даты. Сроки сезонных перемещений не выяснены, если не считать упоминания, что весной 1913 г. первые князьки появились в Кульдже 10 марта (Шестопёров, 1929). Пролёт нигде не выражен. На Чокпаке за 50 лет отловов князька поймали только раз – 4 сентября 2016 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. У тянь-шанского князька не изучена. Ряд сведений по гнездованию в отдельных хребтах имеется в фаунистических сводках и статьях. Так, в карагачёвом лесу близ Джаркента в четырёх гнёздах, расположенных в дуплах, было: 27 мая – 7 порядочно насиженных яиц, 29 мая – 6 свежих; 30 мая – 3 сильно насиженных и одно неоплодотворённое; 30 мая – 5 наклюнутых и одно неоплодотворённое (Шестопёров, 1929). О нескольких гнёздах князька из района Алматы сообщает В.Н. Шнитников (1949). Там же, в М. Алматинском ущелье, 10 июня 1942 г. в одном гнезде было 8, в другом – 5 слабо насиженных яиц. В ущелье Ремезовка, в зоне яблоневого леса, в 4-х искусственных гнездовьях 28 мая 1964 г. было 8, 8, 7 и 9 яиц; 19 июля 1964 г. – кладка из 7 яиц. В Б. Алматинском ущелье, на границе лиственного и хвойного леса, 9 июня 1964 г. в 5 искусственных гнездовьях было 4 кладки по 6 и одна – из 9 яиц; ещё в одном синичнике было 3 птенца и 2 яйца (Кузьмина, 1972). В предгорьях ущелья Чон-Кызыл-Су (Терскей Алатау) в норе глубиной 25 см в лёссово-песчаном обрыве 9 июня 1954 г. было 6 птенцов двухдневного возраста, а в саду с. Покровка 7 июля 1953 г. – два выводка слётков, недавно покинувших гнездо (Степанян, 1959). В ущелье Джиланды (Терскей Алатау) 19 июня 1959 г. в гнезде было 6 оперённых птенцов, а на северо-восточном берегу Иссык-Куля 28 июня 1957 г. – 4 оперённых птенца, почти готовых к вылету (Птицы Киргизии, 1960). Там же, в ущелье Джиланды (Терскей Алатау) в 1962 г. четыре найденных гнезда содержали: 29 мая – первое яйцо, 22 мая – 3 яйца (начатая кладка), 25 мая – два гнезда по 6 сильно насиженных яиц, 10 июня – полуоперённые птенцы; в Кунгей Алатау (Чон-Кемин) 16 июля 1965 г. – 4 пуховичка (Шукуров, 1986). На северном склоне восточной части этого хребта, в ущелье Кульсай, 11 июня 1968 г. пара князьков носила корм птенцам (Ковшарь, 1972 а), а 30 июля 1996 г. на берегу озера Нижний Кульсай (1800 м) князьки кормили выводок из 6 птенцов (Березовиков, 2005: КОБ-2004). В Карачингиле (устье Тургени) не раз наблюдали, как князьков изгоняли из занятых ими дуплянок большие синицы или полевые воробьи; 22 мая 2010 г. пара князьков кормила птенцов в гнезде, находившемся в полости крыши дома (Бевза, 2012). В городе Бишкек 12 апреля и 7 мая 1993 г. наблюдали строительство гнёзд, 18 мая 1992 г. – насиживание кладки, 30 мая – кормление птенцов в гнезде; в 1991 г. в этом же гнезде птенцы находились до 10 июля (Торопова, Командиров, 1995). Желательно провести плановое исследование гнездовой биологии князька в условиях Тянь-Шаня с применением индивидуального мечения взрослых и молодых птиц. Особенно важно было бы провести эти исследования в местах совместного обитания с желтогрудым крязьком.

374. Желтогрудый князёк – *Parus flavipectus* [*cyanus*] Severtzov, 1873

yellow-breasted Azure tit (англ.), Gelbbrüstigen Lasurmeise (нем.), mésange â poitrine jaune (фр.), сарытөс шымшык (каз.), сары тош чымчык (кирг.), сариктуш читтак (узб.), чархресаки зардсина (тадж.)

Синонимы: *Cyanistes cyanus flavipectus* Severtzov, 1873. Желтогрудая лазоревка (Шнитников, 1949). Долгое время считался подвидом *P. cyanus,* с которым гибридизирует в местах совместного обитания.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане номинативный *P. f. flavipectus* Severtzov, 1873 (Степанян, 1978, 2003). Однако Р.Н. Мекленбурцев (1977), исследовавший 123 экз. обоих подвидов (*P. f. flavipectus* и *P. f. carruthersi*), пришёл к выводу о монотипичности вида *Parus flavipectus* (Мекленбурцев, 1977).

Характер пребывания. Оседлая птица с небольшими сезонными кочёвками по высоте.

Биотоп. Лиственные леса в горах. В Таласском Алатау это прежде всего яблоневый лес и горный тугай, хотя нередка эта синица и в арчовом редколесье – там, где много лиственных кустарников. В более

южных хребтах обычна в ореховых лесах (включая елово-ореховый и пихтово-ореховый в Сарычелеке); на Памиро-Алае наиболее характерная стация – кленовые леса с примесью яблони и грецкого ореха (Шульпин, 1956; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Иванов, 1969; Лебяжинская, 1991). Высотные пределы на гнездовании 1100-2500 м, а в период кочёвок Р.Л. Потапов встречал эту синицу на высоте 3350 м (Иванов, 1969).

Распространение. Наш район занимает северную часть небольшого ареала желтогрудого князька, который для эндемичного номинативного подвида очерчен следующим образом: «Западный Тянь-Шань. К северу до Киргизского хребта. К западу до западных границ Киргизского, Таласского, Угамского, Пскемского, Чаткальского, Кураминского хребтов. К востоку до 76 меридиана. К югу до Ферганской долины и восточной части Алайского хребта. У южных пределов распространение интерградирует с *carruthersi*. В восточной части Киргизского хребта гибридизирует с *Parus cyanus tianschanicus*» (Степанян, 2003, с. 625). Имеющиеся в моём распоряжении современные материалы (рис. 438) в целом подтверждают это описание, уточняя северную и восточную границы распространения желтогрудого князька. На севере, в Киргизском хребте, по-прежнему самым восточным является нахождение в ущелье Ала-Арча, где обитают оба вида князьков (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Архипов, Коблик, 2018). Южнее, во Внутреннем Тянь-Шане, желтогрудый князёк оказался довольно обычным на гнездовании не только в лесах Сарычелека, где его встречали с 1925 г., но и в смешанных лесах Чичкана (между Таласским и Сусамыртау), на всём южном склоне Ферганского хребта (от Арсланбоба до верхней части долины р. Яссы на юге), в долине Нарына и его притока Алабуги, по долине Кокомерена и его притока Чаманды, в долине Атбаши и на р. Караункур (по трассе от Нарына на перевал Долон; 75º47’35’’ в.д., абс. высота 2348 м), где 2 августа 2006 г. за час экскурсии я встретил 5 довольно ярких одиночек; пока это самая восточная встреча (Шнитников, 1949; Птицы, Киргизии, 1970; Кыдыралиев, 1972; Шукуров, 1986; Торопова, 1999; Ковшарь, Торопова, 2000; Степанян, 2001; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). По-видимому, прав был В.Н. Шнитников, полагавшией, что во многие эти места восточнее Чаманды желтогрудый князёк проник уже после его посещения их в 1913 г., когда ему не удалось его там обнаружить: «Многолетнее непрерывное коллектирование в Нарыне местных жителей – Неживых, Даценко и Лауренти, не говоря уже о временно работавших там исследователях, должно было привести к констатированию гнездования желтогрудой лазоревки, если бы она там раньше гнездилась. Такие опытные и сведущие коллекторы, как Даценко и Лауренти, конечно, не пропустили бы ни одного экземпляра этой довольно редкой птички, особенно на гнездовье. И, однако, первый экземпляр был добыт летом только в 1915 г. Всё это вместе взятое заставляет меня думать, что желтогрудая лазоревка проникла в пределы Семиречья уже после Северцова, а может быть и значительно позже; что расселялась она здесь сперва медленно и к 1913 г. едва успела продвинуться на несколько десятков километров от границы Ферганы, являющейся её основным ареалом. С течением же времени, может быть под влиянием каких-то особых причин, стала продвигаться вперёд энергичнее, так что в 1915 г. оказалась летом уже около Нарына, т.е. километров на 150 дальше к востоку. И я не буду удивлён, если при ближайшем орнитологическом обследовании района Тянь-Шаня эта птичка окажется в Нарыне уже вполне обыкновенной и будет найдена на гнездовье на Сусамыре, в районе Кочкорки и даже где-нибудь в долине Иссык-Куля, т.е. в таких местах, где климатические условия достаточно мягки для этой южной птички» (Шнитников, 1949, с. 458).

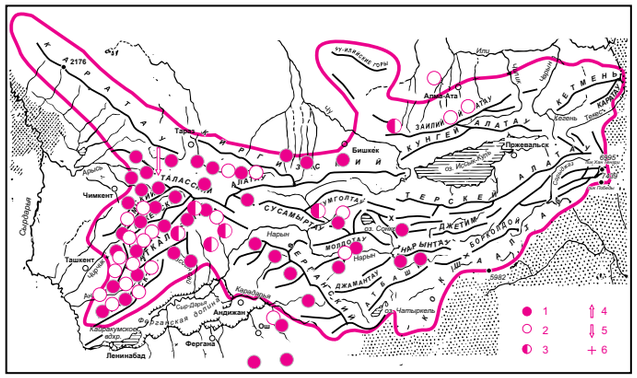

Рис. 438. Распространение желтогрудого князька в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

На Иссык-Куле и даже в долине Кочкорки этот князёк пока не обнаружен, но зато встречен намного севернее: 14 июня 2001 г. на южном склоне хребта Жетыжол, в западных предгорьях Заилийского Алатау (Белялов и др., 2013). В последней публикации, посвящённой находке нового места гнездования серой мухоловки, подчёркивается сходство окружающей обстановки с западно-тяньшанскими ландшафтами: «западные предгорья Заилийского Алатау, включающие в себя хребет Жетыжол (частью которого являются горы Атжайлау), во многом несут

элементы характерные для Западного, а не Северного Тянь-Шаня… Пойма реки Восточные Ргайты при выходе из гор на равнину, является своеобразным оазисом среди пустынных скалистых ущелий. Здесь давно посажена большая роща карагача, а из других пород преобладают клён Семенова (*Acer semenovii*), несколько видов тополя (*Populus sp.*) и ивы (*Salix sp.*)» (Белялов, В. Ковшарь и др., 2013, с. 206-207). Здесь уже найден на гнездовании ряд западно-тяньшанских видов птиц (певчая славка, райская мухоловка) и вполне перспективны поиски желтогрудого князька. Восточнее этого места желтогрудого князька встречали только зимой и во время миграций (рис. 438). На р. Талгар близ Алматы двух добыл ещё Н.А. Северцов 10 декабря 1875 г., а через 90 лет, 6 сентября 1965 г. молодого самца на Б. Алматинском озере добыл И.Ф. Бородихин, не исключено, что это был гибрид с *Parus cyanus* (Гаврилов, 1999). Дважды желтогрудый князёк отмечен на Сорбулаке: в 80-х гг., по словам А.Э. Гаврилова, одного князька окольцевали, а 31 марта 2012 г. одного сфотографировали А. Коваленко и А. Исабеков (www.birds.kz; Белялов, 2014).

Численность. В Западном Тянь-Шане местами самая многочисленная из синиц. Многолетние наблюдения за изменениями численности желтогрудого князька проведены в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау). В 30-40-х гг. XX ст. его отмечали на гнездовании только в каньоне р. Аксу, причём в 1933 г. он была здесь обычен, а в 1935 г. – очень редок (Шульпин, 1956), с 1944 по 1947 г. встречен всего лишь раз (Шевченко, 1948). В 1960-1965 гг. в небольшом числе гнездился, кроме каньона р. Аксу, также в бассейнах рек Джабаглы и Балдабрек, а с 1965 г., после развески нами искусственных гнездовий в арчёвом редколесье Кши-Каинды (Ковшарь, 1968) он стал гнездиться и здесь, где до 1964 г. ни разу не был встречен; занимаемость синичников в 1966 г. достигла 16% (Ковшарь, 1966). После развески в 1983 г. ещё 190 синичников, встречаемость желтогрудого князька в Кши-Каинды возросла до 2.7-4.4 особей/час экскурсии (Ковшарь, Чаликова, 1992). В последние два десятилетия XX ст. численность желтогрудого князька в Кши-Каинды незначительно колебалась, снижаясь после максимума в каждом десятилетии примерно в два раза, а в целом она снизилась в 1.4 раза – с 3.6 особей/час в 80-х гг. до 2.6 в 90-х гг. (Чаликова, Скляренко, 2003). К этому времени желтогрудый князёк встречался на территории заповедника гораздо шире, чем в 60-х гг. Существенно расширились места гнездования *Parus flavipectus* и за пределами заповедной территории: «После установления бетонных столбов во время электрификации железной дороги [проходящей по долине Арыси – *АК*] в конце 1980-х – начале 1990-х она к концу 1990-х стала обычной в лесополосе вдоль неё. Здесь лазоревки устраивают гнёзда внутри полых столбов, имеющих многочисленные отверстия. Прежде вокруг осеннего лагеря Чокпакского орнитологического стационара, располагавшегося в лесополосе с 1966 по 1981 год, её наблюдали дишь дважды (Гаврилов, Гисцов, 1985). По-видимому, именно с 1990-х, после освоения птицами новых мест для гнездования, произошла откочёвка части популяции желтогрудой лазоревки из среднегорья в предгорья» (Чаликова, 2003, с. 741). Благодаря этому князёк пересёк долину Арыси и попал в Каратау, где стал гнездиться в хребте Боролдай и в долине одноименной реки (Скляренко, 1989, 1992). В последние 10 лет он регулярно гнездится в Джувалинской долине близ с. Ертай (Нукусбеков; www.birds.kz).

На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня также прослеживается рост численности желтогрудого князька. Так если в долине Пскема в 1949-1954 гг. он был распространён спорадично (Корелов, 1956), то в 2002-2003 гг. это была самая многочисленная синица: в июле-августе 2002 г. в верхней части долины встречено 77 особей (в т.ч. дважды – выводки), а в июле-августе 2003 г. во всех урочищах нижней части долины – 337 особей (В. Ковшарь, 2003, 2004). В лесах Кураминского хребта 25-29 апреля 2003 г. (всего за 5 дней) желтогрудого князька встретили 19 раз; здесь он уступает рыжешейной синице только в арчевниках (В. Ковшарь, 2004). В Сарычелекском заповеднике (Чаткальский хребет) в 1982-1983 гг. плотность на гнездования была: в арчовом редколесье до 3 особей/км^2, в пихтово-еловом лесу 2-6, в елово-ореховом – 23, в яблонево-боярково-алычовом – 56-68, в ореховом лесу 74-84 особи/км^2 (Лебяжинская, 1991). В ореховом лесу желтогрудый князёк доминирует вместе с серой мухоловкой и чёрным дроздом (все вместе – 49.1%), в яблонево-боярково-алычовом – с чёрным дроздом (вместе 32.5%), в елово-ореховом лесу во второй половине лета доминирует с рыжешейной синицей – вместе 29.3% (Лебяжинская, 1992). Здесь же, в окрестностях озера Сарычелек, 21-24 июля 1998 г., всего за три дня, мы встретили несколько выводков – 41 особь (Ковшарь, Торопова, 2000). В том же и в 2004 г. в июле желтогрудый князёк был обычен в смешанных лесах Чичкана; в 2003 г. – в ореховых лесах южных склонов Ферганского хребта, в верхней части долин рек Яссы и Тар; в 2004 г. – на северных склонах хребта Кичи-Алай (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Сроки. Даты. Поскольку желтогрудый князёк встречается на местах гнездования круглый год, сроки осенней откочёвки и весеннего возврата части популяции мало заметны. Тем не менее, откочёвка длится с октября по март. Так, в среднем поясе Таласского Алатау (Кши-Каинды, 1800 м) численность желтогрудых князьков остаётся постоянной с конца марта почти до ноября. В предгорных сёлах (Новониколаевка, 1200 м) они появляются обычно после снегопадов и встречаются с октября по март (48 встреч из 53) и только дважды встречены в сентябре и мае, однажды – в августе (Чаликова, Скляренко, 2003). В прежние годы первое появление желтогрудых князьков в этом селе отмечали ещё позже: 13 декабря 1948 г. (В.Д. Крестьянинов), 12 декабря 1952 г. (В.В. Шевченко) и 10 декабря 1962 г. (Ковшарь, 1966). С приведенными сроками согласуются также редкие встречи этих синиц на Чокпаке: 7 марта 1969 и 30 марта 1970 гг., 8 октября 1971 и 5 октября 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Биология. Первые наблюдения за рытьём норок для гнёзд проведены весной 1951 г. в ущелье Туюк Киргизского хребта, где в своё время В.Н. Шнитников (1949) желтогрудого князька не нашёл: «Здесь он найден среди разнообразных лиственных кустарников и теснейшим образом связан в период размножения с высокими конгломертовыми и глинистыми обрывами. Найденные нами четыре гнезда помещались в норах, выкопанных, по-видимому, самими птицами в высоких обрывах» (Спангенберг, Судиловская, 1959, с. 147). И дальше в этой небольшой заметке подробнейшим образом описан процесс рытья норки самкой, которую сопровождал самец; здесь же указано, что гнёзда помещались на высоте от полутора до 4-5 м и на расстоянии 150-250 м друг от друга (длина норки 0.5 м, её диаметр 2-2.5 см), а на постройку гнезда ушло не менее 10 дней.

Наиболее подробные материалы по гнездованию этого вида собраны в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), где, благодаря развеске искусственных гнездовий, удалось пронаблюдать за гнездованием 12 пар в 1965 г. (Ковшарь, 1966) и 101 пары в 1983-2002 гг. (Чаликова, Скляренко, 2003). В этих работах подробно описаны гнёзда, яйца и птенцы; поведение самца и самки на разных этапах гнездового цикла и продолжительность самих этапов; потенциальная и реальная плодовитость, сроки и др. Приведу лишь некоторые данные из второй публикации. Минимальное расстояние между соседними жилыми гнёздами – всего 15 м, в одном самка насиживала кладку, во втором шло строительство; все птенцы из этих гнёзд благополучно вылетели. «Гнездо строят в самых различных полостях, в том числе в земляных норках (Попов, 1959; Спангенберг, Судиловская, 19595; Иванов, 1969; Кыдыралиев, 1972). Мы находили их в трубе шлагбаума диаметром 55 мм на высоте 3.5 м, в креплении плуга трактора, в полом вертикальном стволе жимолости Карелина на глубине 0.4 м, в расщелинах скал (3 гнезда), в щели между двумя стволами высокоствольной арчи на высоте 0.3 м от земли и в глубоких узких дуплах на высоте 0.6 м и 2 м. Пять лет гнездо строилось в саманной стене под крышей полевой базы Кши-Каинды. Охотно занимают искусственные гнездовья, в т.ч. однажды – синичник, лежащий на земле летком вверх» (Чаликова, Скляренко, 2003, с. 235). Самая ранняя кладка начата 4 мая 1985 г., самая поздняя – 20 июня 1984 г. «В целом из 85 кладок 35 начаты в первой, 33 – во второй и 6 – в третьей декаде мая, а также 4 – в первой и 7 – во второй июня. Разницы по годам не отмечено. Судя по срокам размножения, некоторые самки имеют нормальную вторую кладку, которая документально установлена в Таласском Алатау дважды (Ковшарь, 1966; наши наблюдения), причём три раза в прежнем гнезде – две начаты до вылета первого выводка и одна – после» (Чаликова, Скляренко, 2003, с. 235-236). Величина кладки (по 71 данным) составила 5-10, в среднем 7.9 яйца/гнездо, причём в майских кладках – 8.1, а в июньских – 6.6 яйца/гнездо. Насиживает кладку самка 13-16, в среднем (n=13) 14.2 суток. Описано 128 пуховичков в 19 гнёздах. Доля самца в выкармливании птенцов составила 59.8%, поскольку самка в первые дни тратит время на их обогрев (приведены подробные цифровые показатели). Птенцы проводят в гнезде 18-21, в среднем (n=4) 19.3 сут. Судя по нескольким встречам меченых птенцов из 5 семей, выводки распадаются через 25-30 дней после оставления гнезда, но ещё до этого молодые из разных гнёзд могут на время объединяться. И в заключение – вывод об успешности гнездования: «В целом из 598 яиц вылупилось 397 птенцов (66.8%), вылетело 267 (44.6%), в т.ч. в майских кладках – 59.4% и 41.8%, в июньских 7.4% и 2.8% соответственно. Столь же большой отход яиц и низкую успешность размножения наблюдал в 12 гнёздах А.Ф. Ковшарь (1966). Среднее число вылетевших птенцов на пару начавших кладку птиц в мае – 3.47 (n=72) и в июне – 1.31 (n=13), в целом по сезону – 3.14 (n=85). Учитывая, что хотя бы у небольшой части птиц июньские кладки – вторые, можно считать, что средняя гнездящаяся пара выводит порядка четырёх птенцов за сезон» (Чаликова, Скляренко, 2003, с. 238). Большой урон гнездящимся в искусственных гнездовьях синицам наносит лесная соня (*Dryomis nitedula*), разоряющая их гнёзда на любой стадии.

Для долины Атбаши и одноименного хребта сведения о трёх гнёздах опубликовал А.К. Кыдыралиев (1972). О гнезде с 4 птенцами из Ферганского хребта упоминает Э.Д. Шукуров (1986). Кладку из 8 свежих яиц взял 28 мая 1973 г. в долине Нарына близ устья Атбаши Г.В. Вердин (Торопова, 1999). Кроме того, есть очень интересная публикация о гнездовании смешанной пары *Parus flavipectus* x *Parus cyanus*: «В течение двух лет – 2003 и 2004 гг. – в с. Прохладное (30 км южнее Бишкека, предгорья Киргизского хребта) мы наблюдали пару синиц, выводившую птенцов в синичнике на ели, высота расположения синичника 4 м… Одна синица относилась к виду желтогрудая лазоревка (*Parus flavipectus*), другая – к виду белая лазоревка (*Parus cyanus*). Оба года птицы выводили по два выводка и даже, когда буря сбила скворечник с птенцами, после его ремонта синицы вернулись и успешно докормили птенцов. Но когда синичник перенесли на другое дерево, синицы его не заняли» (Хардер, 2007, с. 223).

375. Большая синица – *Parus major* Linnaeus, 1758

great tit (англ.), Kohlmeise (нем.), mésange charbonnière (фр.),
сарыбауыр шымшық (каз.), чон кашка чымчык (кирг.), катта читтак (узб.), чархресаки калон (тадж.)

Синонимы: *P. fringillago* Pallas, 1811; *P. robustus* Brehm, 1831; *P. cyanotus* Brehm, 1855; *P. intercedens* Brehm, 1855; *P. major karelini* Zarudny, 1910.

Подвид. Из 7 подвидов в Тянь-Шане встречается один – *Parus major major* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. Оседлая птица с небольшими сезонными кочёвками.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность: лиственные леса, сады, парки, в т.ч. городские.

Распространение. До середины XX ст. ближайшим к нашему району местом гнездования был район города Талды-Курган в предгорьях Джунгарского Алатау, 200 км севернее (Кузьмина, 1972). Однако в 1960-1962 гг. её акклиматизировали в городе Алма-Ата (Бородихин, 1962, 1963), в 1961-1962 гг. – в городе Фрунзе, ныне Бишкек (Умрихина, 1970), а в 1965 г. – в ущелье Талгар Заилийского Алатау (В. Зверев, 1970). В Алма-Ате и Талгаре она прижилась и распространилась в близлежащие леса Заилийского Алатау. Во Фрунзе, где 500 больших синиц из Омска были выпущены в 1961 г. в самом городе и около сотни – в Иссык-Атинской лесной даче (в 40 км юго-восточнее), в первые 10-15 лет гнёзд не находили и предполагали, что синицы рассеялись в лесах Киргизского хребта (Умрихина, 1984); первые гнёзда в городе появились в конце 70-х гг., а в 80-х их стало уже много (Торопова, Командиров, 1995). Вдоль подгорной зоны Заилийского Алатау большая синица расселилась на запад до Узунагача, на восток – до Чилика, а 14 мая 2004 г. пара больших синиц кормила птенцов даже в безлесном Кокпекском ущелье – в гнезде, устроенном в вертикальной расщелине скалы; годом раньше в этом же месте наблюдали выводок (В. Ковшарь, 2005). Ещё восточнее гнездование большой синицы отмечено в Чарынском каньоне, где 8 июля 1996 г. встречен выводок, а выше, в т.н. «Долине замков» 2 июня 1997 г. встречены два поющих самца (Березовиков, 1999). Одновременно с населёнными пунктами в предгорьях большая синица расселилась и в нижнюю часть лесного пояса гор, где преобладают лиственные породы – обычно не выше 1500-1800 м, но в северной части Центрального Тянь-Шаня она проникла и выше – в долину Текеса и, перебравшись через перевал Санташ, проникла в восточную часть Иссык-Кульской котловины, где впервые зимой 1974 г. её встретили в Пржевальске; с 1976 г. она стала здесь обычной, а летом 1981 г. встречена А.Н. Остащенко в верховьях р. Тюп (Шукуров, 1986; Верещагин, 1991; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

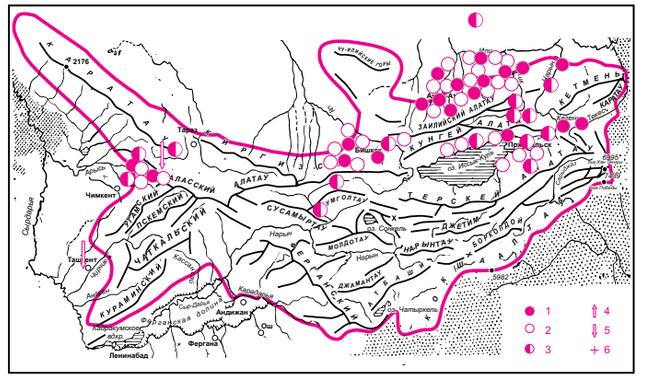

Рис. 439. Распространение большой синицы в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4 – пролёт осенью

В настоящее время гнездится в нижней части лесного пояса восточной части Терской Алатау, где мы встречали её 28 июля 2000 г. в Каракольском ущелье (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005), а 24 и 25 июля 2005 г. – в соседнем ущелье Ырдык. Гнездится также по северному побережью озера Иссык-Куль, где в восточной части южного склона Кунгей Алатау, у входа в ущелье Сарыбулак 28 июля 1999 г. нашли гнездо с птенцами (Березовиков, 2004: КОБ-2003), а в средней части побережья в июле 2000 г. мы встречали её в яблоневом саду Биостанции БПИ близ с. Чолпоната (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005); отнесена даже к *доминантам* летней авифауны (Кулагин, 2010). В восточной части Киргизского Алатау гнездится на территории Ала-Арчинского национального парка, где охотно занимает искусственные гнездовья (Шукуров, Кормилицын, 2005). Южнее, во внутренних районах Тянь-Шаня, в 2017 г. пару больших синиц 20 июня встретили в пойме р. Кокомерен юго-западнее пос. Арал, одну – 21 июня в пойме р. Западный Каракол (Архипов, Коблик и др., 2018).

В Западном Тянь-Шане впервые большую синицу встретили в с. Новониколаевка (Жабагылы) 31 декабря 1994 г. (Белоусов, 1995). В этом селе в 2001 г. она уже вывела 5 птенцов, образовав смешанную пару с бухарской синицей; за выводком наблюдали с 18 мая по 10 июня (Чаликова, 2002). Тогда же она появилась и на перемычке между Таласским Алатау и Каратау: «На Чокпакском стационаре впервые отмечена в 2002 г. В полезащитной полосе 3 апреля пойман молодой самец, а 1 сентября встречены две птицы. Гибриды отловлены 6 и 9 апреля на весеннем лагере, а на осеннем стационаре 5 особей поймали и ещё 2 встретили в лесополосе в период с 12 сентября по 7 октября (Гаврилов и др., 2002). По данным А.С. Опаева (2007), в 2005-2006 гг. в районе Чокпака встречались только фенотипически чистые бухарские синицы, а в 2007 г. в ущ. Беркара в оздоровительном комплексе встречены две пары больших синиц, тогда как в ущелье встречались только фенотипически чистые бухарские синицы. По нашим наблюдениям, одиночный самец кормился в кроне деревьев 29 июня 2007 г. у кордона лесника, расположенного в пойме р. Боролдай. Это был первый случай проникновения большой синицы так глубоко в Каратау. В настоящее время в районе встречаются птицы гибридного происхождения» (Губин, Белялов, 2017, с. 121-122).

В горах Таласского Алатау большая синица появилась осенью 2003 г. (Чаликова, 2006). Последний автор скептически относится к возможности заселения этим видом лесов Западного Тянь-Шаня: «Однако повсеместная гибридизация *P. major* и *P. bokharensis*, в которой главенствующую роль играет последняя, скорее всего, остановит процесс освоения первой новых территорий» (Чаликова, 2006, с. 407). Надо сказать, что эта проблема – гибридизация большой и бухарской синиц в нашем районе – даёт о себе знать и в долине р. Или и в других местах (Скляренко, Лопатин, 1989; Формозов, Керимов, Лопатин, 1993; Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). На кочёвках большая синица уже достигла Ташкента, где встречена 24 октября 2010 г. на южной окраине города (М. Митропольский, 2011). Накопление сведений о новых местах встреч этого вида и о его взаимоотношениях с бухарской синицей поможет в анализе путей расселения большой синицы.

Численность. В Заилийском Алатау большая синица довольно обычна в нижней части лесного пояса, до высоты 1600-1800 м, и многочисленна в лесных зонах населённых пунктов. Так, по данным учётов, проведенных в 1974-1975 гг. на этих высотах в травяном ельнике, осиннике и моховом ельнике, средняя встречаемость большой синицы по сезонам была: весной 2.0 – 1.5 – 1.5 особей/км маршрута; летом 0 – 0.3 – 0; осенью 0.8 – 1.2 – 0.5; зимой 4.5 – 3.1 – 7.5 особей/км маршрута; из 275 синиц, встреченных здесь в ноябре-декабре 1977 г., на долю большой синицы пришлось 59 и встречены они были в основном (98%) на склонах южной экспозиции в смешанных стайках с князьками (Пфеффер, 1978). В городе Алматы, по данным регулярных учётов 1983-1986 гг., большая синица стала фоновым видом птиц не только в зелёных зонах, но и в селитебном ландшафте с многоэтажной застройкой. Средний показатель по городу (за все сезоны года) – 15.9 особей/час, минимальный (в мае-июле) – 6.7-9.5-8.9, максимальный (сентябрь) – 23.5 и достаточно высокий (20.6-21.1) – в зимние месяцы, с ноября по февраль (Скляренко, В. Ковшарь, Лопатин, 1988). В летнем населении птиц центра города (многоэтажная застройка) большая синица находилась на 5-м месте, а в населении птиц зелёных зон – даже на третьем (Ковшарь, 1988). В настоящее время численность большой синицы ещё выше, так как все эти годы наблюдался несомненный её рост. В Карачингиле (устье Тургени) и на Сорбулаке большая синица – обычный оседлый вид, в лесополосах в любое время года можно встретить до десятка птиц за экскурсию (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). В Ала-Арчинском национальном парке (Киргизский Алатау), где большая синица охотно занимает искусственные гнездовья, её плотность на гнездовании определена в 0.83-3.33 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005).

Сроки. Даты. Сроки сезонных перемещений не изучены, но, по всей вероятности, они приходятся на апрель и сентябрь-октябрь. На Чокпаке 3, 6 и 9 апреля 2002 г. окольцевали трёх больших синиц, а осенью, с 19 августа (2004) по 23 октября (2004, 2007) отловили 57 особей (А. Гаврилов и др., 2017). Интересные сведения о сезонных изменениях в городской популяции синиц в Алматы приведены в посвящённом этому виду разделе книги «Позвоночные животные Алма-Аты» (Скляренко, В. Ковшарь, Лопатин, 1988).

Биология. Изучалась только в городе Алматы, в основном на территории Ботанического сада, где найдены 67 из 94 известных для города гнёзд этого вида (Скляренко, В. Ковшарь, Лопатин, 1988). В этой работе приведены места расположения гнёзд, время образования пар, длительность постройки гнезда, насиживания кладки и выкармливания птенцов в гнезде, состав птенцового корма, календарные сроки размножения. Подтверждено наличие второй кладки у двух самок. Рассмотрена потенциальная и реальная плодовитость большой синицы в условиях города: величина кладки (n=59) 5-13, в среднем 9.42 яйца; в среднем на одно гнездо вылупляется 8.51 птенца, а вылетает из гнезда 7.41 птенца. Для Бишкека приводятся сроки размножения в 7 гнёздах большой синицы (Торопова, Командиров, 1995). Упоминания о гнёздах большой синицы также см. в статьях: Чаликова, 2002; Березовиков, 2004: КОБ-2003; В. Ковшарь, 2005: КОБ-2004. Желательно провести плановые исследования биологии вида в новых для него условиях.

376. Бухарская синица – *Parus bokharensis* [*major*] M.H.C. Lichtenstein, 1823

Turkestan tit (англ.), Graue Kohlmeise (нем.), mésange grise (фр.),
сұр шымшық (каз.), наурзук, бухоро читтаги (узб.), чархресаки бухорои (тадж.)

Синонимы: *Parus bocharensis turkestanicus* Zarudny et Loudon, 1905; *P. cinereus ferghanensis* Buturlin, 1912; *P. bokharensis iliensis* Zarudny et Bilkevitch, 1912; *P. major meinertzhageni* Koelz, 1939. Серая синица (Шнитников, 1949; Кузьмина, 1972). Белая синица (Zarudny et Bilkevitch, 1912).

Подвиды. Из трёх подвидов в нашем районе встречается два: *P. b. turkestanicus* Zarudny et Loudon, 1905, – в долине Или, у северных границ; *P. b. ferghanensis* Buturlin, 1912 – у южных и западных границ.

Характер пребывания. Оседлая птица с сезонными кочёвками.

Биотоп. Древесные насаждения пустынь, полупустынь и ксерофитных низкогорий – от туранговых рощ и саксаульников, до ореховых лесов и садов в населённых пунктах предгорий. Северный подвид в горы практически не проникает, южный (*P. b. ferghanensis*) в Западном Тянь-Шане и на Памиро-Алае гнездится до 2000-2800 м (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969).

Распространение. Самое лаконичное описание распространения в нашем районе северного подвида дано в сводке «Птицы Семиречья»: «Илийская долина между Кетменскими горами и Джунгарским Алатау; низовья Чарына и Чилика; вся низменная прибалхашская часть Семиречья, начиная от долины Чу на западе и кончая долиной Аксу, а может быть и нижней Лепсы на востоке и от побережья Балхаша приблизительно метров до 500-600 кверху[16], в сторону гор» (Шнитников, 1949, с. 450). Более детально описано распространение бухарской синицы в 4-м томе «Птицы Казахстана»: «В Киргизском Алатау *населяет лишь южные склоны хребта* (в пределах Киргизии), полностью отсутствуя на северных склонах в пределах Казахстана. Далее к востоку, в бассейне Или, где она обычна в пойменных тугаях и рощах, в горы или совсем не проникает (северный склон Заилийского Алатау), или доходит только до 1100-1200 м: по Чилику – до Бартагоя, по Чарыну до Сартагоя и в Джунгарском Алатау – только до подножий (район Панфилова)» (Кузьмина, 1972, с. 286). Выделенная мною курсивом фраза о южных склонах Киргизского хребта – досадное недоразумение: так была неверно истолкована фраза Н.А. Зарудного «горы к югу от хребта Александровского и Кунгей Алатау…», приведенная В.Н. Шнитниковым (1949, с. 449). Впоследствии эта же ошибка повторена и в «Конспекте орнитологической фауны…» при описании ареала *P. b. ferghanensis*: «Западный Тянь-Шань, Ферганская долина, Алайская система, северная половина Западного Памира. К северу до южного склона Киргизского хребта. К западу до западных подножий Западного Тянь-Шаня, Алайской системы, Кугитанга. К востоку в области Тянь-Шаня

[16] Это странное и непривычное выражение «метров до 500-600 кверху» означает, видимо, абсолютную высоту – *АК*

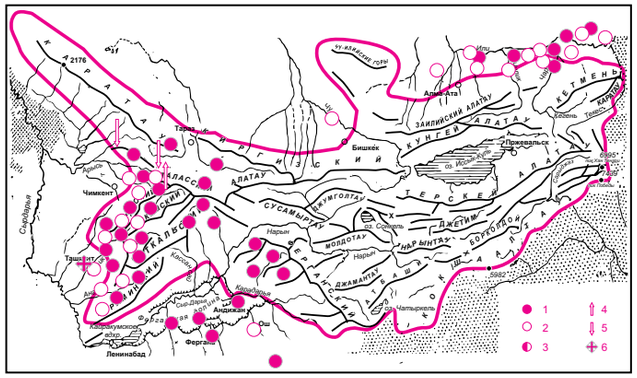

Рис. 440. Распространение бухарской синицы в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – встречи весной и осенью,
6 – место гнездования в прошлом

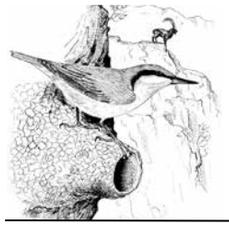
и Алайской системы до 74-го меридиана» (Степанян, 2003, с. 631). Ни в одной из публикаций нет ни слова о встречах этого вида на южных склонах Киргизского хребта. По современным литературным данным, эта синица (подвид *P. b. ferghanensis*) населяет Западный Тянь-Шань и самую юго-западную часть Внутреннего до 74°в.д. (рис. 440), а на северо-востоке второй подвид (*P. b. turkestanicus*) подходит к границе Тянь-Шаня лишь в области низовьев двух левобережных притоков Или – Чилика и Чарына (Зарудный, Кореев, 1905; Кашкаров, 1924, 1927; Шестопёров, 1929; Корелов, 1948, 1956; Шнитников, 1949; Железняков, Колесников, 1958; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Кузьмина, 1972; Мекленбурцев, 1982; Шарипов, 1983; Шукуров, 1986; Губин, 1989; Лебяжинская 1991; Чаликова, 1991, 2001; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Чаликова, Колбинцев, 2006; Головцов, 2007; Опаев, 2007; Скляренко, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2012: Белялов, Карпов, 2013; Губин, Белялов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018).

Численность. В Западном Тянь-Шане на гнездовании обычна, однако, как справедливо заметил О.В. Митропольский (2005), несмотря на широкое распространение этого вида и обилие благоприятных экологических условий, численность её не бывает особенно высокой. Он же обратил внимание на то, что экспедиция 1923 года, прошедшая в августе – начале сентября всю долину Угама и Майдантала, бухарской синицы вообще не встретила (Кашкаров, Коровин, 1926). Там же в 1949 и 1954 гг. численность её была невысокой (Корелов, 1956). Но примерно в тот же сезон (июль-август) в 2002 и 2003 гг. в верхней части долины Пскема встречено 12, а в нижней – 30 бухарских синиц (В. Ковшарь, 2003, 2004), а в Кураминском хребте 25-29 апреля 2003 г. за 5 дней – 11 бухарских синиц (В. Ковшарь, 2004). Явно численность вида здесь возросла. То же можно сказать о северных склонах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где эта синица в 30-60-х гг. отсутствовала (впервые в арчовых редколесьях Кши-Каинды я встретил её 30 января 1963 г., а затем – ещё пару встреч в Новониколаевке в феврале 1964 и 1965 гг.). Первые гнёзда в Новониколаевке (1200 м) появились в 1983 г., а в Кши-Каинды (1800 м) – в 1986 г. (Чаликова, 1991); 15 августа 1988 г. выводок встречен в высокоствольных арчевниках Чуулдака (Ковшарь, Чаликова, 1992). Сейчас это обычная гнездящаяся птица заповедника (Чаликова, 2001; Ковшарь, 2017). В Сарычелеке (Чаткальский хребет), по данным учётов 1982-1983 гг., плотность бухарской синицы на гнездовании была: в елово-пихтовом лему 1-2 особи/км^2, в ореховом лесу 8-9, в яблонево-алычовом 11-14, в елово-ореховом лесу – 30 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). Интересные сведения опубликованы по городу Ташкенту, где бухарская синица когда-то была обычной гнездящейся птицей: «В 20-х гг. гнездилась в больших городских парках (Сатаева, 1937). К концу 30-х гг. гнездование стало крайне редким, а в послевоенные годы совсем прекратилось. В 50-80-х гг. бухарская синица не гнездилась в городе, даже в окрестных садах встречалась редко» (Мекленбурцев, 1982). В Каратау, где бухарскую синицу также не встречали до 60-х гг. XX ст. (Кузьмина, 1972), её впервые отметили на кочёвках на Чокпакском перевале 14 сентября 1967 г., в Боролдайском прорыве – 23 октября 1969 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В хребте Боролдай в 1981-1985 гг. в урочище Кокбулак было развешено 550 синичников, занимаемость их бухарской синицей составила 4.9% (Скляренко, 1989, 1992). Здесь в августе 2002 г. встречали в среднем 1.3 особи/час, в июле 2008 г. – 0.6, в апреле 2010 и 2011 гг. – 1.0 и 1.6, в марте 2012 г. – 1.0 особей/час (Чаликова 2012). На маршруте с 25 августа по 15 сентября 2002 г. по М. Каратау и Боролдаю встречено 76 особей, в т.ч. 37 – в ущельях Боролдай и Кокбулак, а в М. Каратау западнее ущелья Саясу бухарская синица не встречена (Чаликова, Колбинцев, 2006).

Сроки. Даты. Время весенних кочёвок приходится на март-апрель, осенних – на сентябрь-октябрь, о чём, в частности, свидетельствуют сроки отлова их на Чокпаке: с 6 апреля (2002) по 20 мая (1996) здесь поймали 8, а с 16 августа (2003) по 27 октября (2002) – 348 бухарских синиц (А. Гаврилов и др., 2017). Заслуживают внимания наблюдения Б.П. Кореева над скоплениями бухарских синиц близ Джаркента, начиная с конца сентября – начала октября, которые к декабрю насчитывают до сотни синиц в стае (Зарудный, Кореев, 1905), что В.Н. Шнитников объяснил зимовкой здесь птиц из Синьцзяня: «Объясняется это, видимо, тем, что именно здесь зимуют все те синицы, которые покидают на зиму Кульджу и спускаются вниз по Или. А будучи в Кульдже тоже многочисленной, серая синица, по наблюдениям Шестоперова, там совершенно не зимует, откочёвывая книзу целиком» (Шнитников, 1949, с. 451). Из Чуйской долины зимующие бухарские синицы отлетают в третьей декаде марта (Умрихина, 1970). В городе Ташкенте они регулярно появляются в сентябре и встречаются в садах и парках до марта (Аюпов, 1978).

Биология. В Тянь-Шане не изучалась. Сведения о 6 гнёздах, найденных в 1918 г. близ Джаркента, опубликовал Е.Л. Шестоперов (1929). Специальную заметку о размножении бухарской синицы в городах Ферганской долины (Андижан, Коканд, Маргелан, Наманган, Фергана), по наблюдениям за 14 гнёздами в 1968-1972 гг., опубликовал М. Шарипов (1983). В ней уверенно говорится о наличии у этой синицы двух кладок и приводятся сроки вылета птенцов: 8-15 мая – птенцы первой кладки, 13-15 июля – второй кладки. Некоторые интересные факты имеются в видовом очерке сводки «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1972), упоминания об отдельных гнёздах встречаются в ряде статей фаунистического характера (Мекленбурцев, 1982; Чаликова, 1991; Торопова, 1999; Бевза, 2012; Губин, Белялов, 2017).

Семейство **Поползневые** Sittidae

377. Большой скальный поползень – *Sitta tephronota* Sharpe, 1872

Eastern rock nuthatch (англ.), Ostlischer Felsenkleiber (нем.), sittelle des rochers orientale (фр.), жартас көктеке (каз.), кер каш (кирг.), катта қоя фотмачумчуғи, каракаш (узб.)

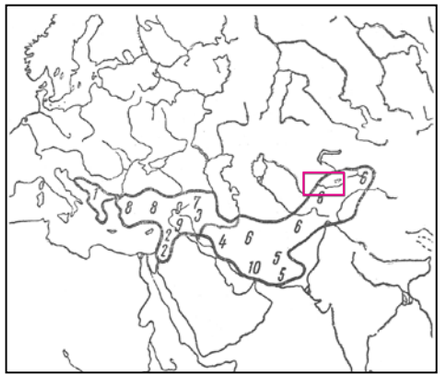
Синонимы: *Sitta neumayer subcaeruleus* Meinertzhagen, 1938. Скалистый поползень (Воинственский, 1954). Под таким названием объединяли в качестве подвидов 2 вида: *Sitta neumayer* и *Sitta tephronota.*

Подвид. Из 4-х подвидов в Тянь-Шане номинативный – *S.t. tephronota* Sharpe, 1872.

Характер пребывания. Оседлая птица, однако у северной границы ареала зимой встречается редко. В Западном Тянь-Шане оседлый, так как численность по сезонам не меняется (Ковшарь, 1966; Губин, 2012).

Биотоп. Скалистые ущелья и выходы скал на склонах, реже – обрывистые овраги среди низкогорья. Высотные пределы в Тянь-Шане 500-2000 м, в Памиро-Алае 400-2700 м (Иванов, 1969).

Распространение. Тянь-Шань расположен у северо-восточных пределов этого переднеазиатского вида, объединяемого длительное время со средиземноморским *Sitta neumayer* (рис. 441). Здесь он населяет в основном Западный Тянь-Шань и Чу-Илийские низкогорья (рис. 442), а также южное горное обрамление Ферганской долины и отдельные места во Внутреннем Тянь-Шане. Об этом ясно сказано в описании ареала подвида *S.t. tephronota*: «От хребта Каратау, западных подножий Тянь-Шаня и Алайской системы, Кугитанга к востоку до Джунгарского Алатау, западной части Заилийского Алатау (к востоку здесь до Чемолганского ущелья), бассейна р. Кокомерен, Ферганского хребта, восточной окраины Алайской системы, на Западном Памире к востоку до 73-го меридиана (или несколько западнее). К северу до хребта Каратау, Чу-Илийских гор, Джунгарского Алатау» (Степанян, 2003, с. 638). Некоторые уточнения этого описания отражены на рис. 442. В Заилийском Алатау большой скальный поползень действительно гнездится только в западной половине хребта, но гораздо восточнее окончания собственно Заилийского Алатау, в его крайних восточных отрогах Турайгыр 8 июля 1996 г. встретили самостоятельную молодую птицу в Красном каньоне Чарына, а 17 июля 2001 г. два взрослых поползня проявляли беспокойство в 3 км восточнее этого места (Березовиков, Белялов, Карпов, 2003: КОБ-2002). Здесь же 30 октября 2004 г. на одном из скальных обрывов обнаружено полуразрушенное гнездо поползня – бесспорное доказательство его гнездования (Коваленко, 2005: КОБ-2004). Координаты этого места – примерно 43°с.ш. и 79°в.д. Севернее поползень обычен на гнездовании в сухих каменистых ущельях южных отрогов Джунгарского Алатау (Малайсары, Архарлы, Чулак, Матай, Катутау, Калканы) по правому берегу реки Или, хотя в районе Джаркента сто лет назад он не был найден (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929). Для Центрального Тянь-Шаня были известны только две осенние встречи: 22 августа 1900 г. на перевале Беркут (3400 м) в Терской Алатау (Almasy, 1901) и 22 октября 1900 г. в окрестностях Пржевальска (Шнитников, 1949). В верховьях Текеса впервые встречен 9 марта 1972 г. в долине Б. Кокпака (Аракелянц, Березовиков, 2006), встреча расценена авторами как зимний залёт. Но вскоре было опубликовано чрезвычайно интересное сообщение: «Два экземпляра добыты 19-24 июня 1947 г. в долине Кокжара в щели р. Туз и в июле 1948 г. в скалах р. Баянкол у с. Тескентас» (Стогов, 2009: КОБ-2008, с. 276). К сожалению, это посмертная публикация по дневникам автора, но авторитет И.И. Стогова – прекрасного зоолога-териолога, отдавшего десятилетия работе в противочумной системе Казахстана – не позволяет усомниться в верности его дневниковых записей. Видимо, это случайные летние встречи

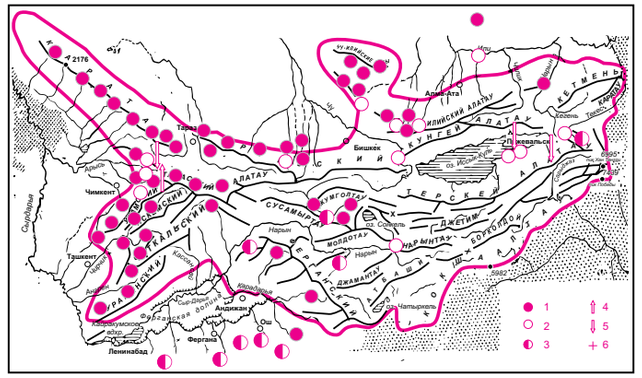

Рис. 441. Ареал *Sitta tephronota* (6) и *S. neumayer* (7-9). По: Воинственский, 1954, с. 721 [прямоугольник – Тянь-Шань]
Рис. 442. Распространение *Sitta tephronota* в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи

(возможно, бродячих особей), так как никто из подолгу и стационарно работавших впоследствии в этих местах зоологов (Д.И. Бибиков, А.А. Винокуров, В.С. Аракелянц) ни разу летом большого скального поползня здесь не встречал.

Для внутренних районов Тянь-Шаня гнездование большого скального поползня в горах по правому берегу Нарына в среднем его течении, в долинах рек Кокомерен, Джумгол и Чаманды, известно ещё со времён В.Н. Шнитникова (1949), который особо подчёркивал отсутствие этой птицы южнее Иссык-Куля: «В самом деле, за всю экспедицию 1912 г., когда горная часть нашего маршрута пролегала среди суровой обстановки сыртов Сарджаса, верховий Чулкуде и пути с Сарджаса на Пржевальск, мы не встретили ни одного поползня. Садырбек меня тогда же уверял, что к югу от Иссык-Куля поползень совершенно не встречается, а живёт только на Джумгале и Кукумерене…. В самом деле, на следующий год, сделав по горному району южного Семиречья около 1500 км, мы снова нигде не встретили поползня, за исключением Джумгала, Кукумерена и притока последнего – Чаманды. Не был он найден нигде в южном Семиречье не только нами. Как видно на карте, до сих пор известны только три пункта, где поползень был добыт в пределах указанного района. Добавлю, что при этом даже в Нарыне, откуда происходит 10 из 12 здешних экземпляров, не добыто ни одного в гнездовый период» (Шнитников, 1949, с. 443).

Во время поездки 1999 г. мы встретили поползня 17 июля на глинисто-каменистом склоне левого берега Нарына между сёлами Жолоан-арык и Актал; вечером 26 июля и утром 27 июля непрерывные крики его слышали в скалах среди арчового редколесья на северном склоне Алайского хребта (урочище Кызыл-алай, 2700 м) и в тот же день в долине р. Гульча (урочище Тойгакташ, 1900 м) взрослый поползень кормил летающего птенца (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2003 г. мы встретили поползня 27 июля в долине Алабуги, а 31 июля – 5 особей в верховьях Тара, на скалах в Каиндыбулаке. Неоднократно встречали его также в июле 2004 г. на маршруте вдоль северных предгорий Алайского и восточной части Туркестанского хребта: южнее города Ош, на р. Аксу близ с. Иордан, у с. Сурх; а также в горных ущельях на высотах 1800-1900 м: 24-25 июля на р. Каравшин, 27 июля – в Исфайрамсае, 28 июля – на южном склоне хр. Катыранг недалеко от с. Оразбеков (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Зимние встречи во Внутреннем Тянь-Шане ещё более редки: в Нарыне в 1900 г. его наблюдал Б.П. Кореев[17] (что В.Н. Шнитников объясняет мягкостью климата в этом месте); на восточном берегу Иссык-Куля 12 ноября 1966 г. встречен в саду города Пржевальск, а 9 декабря 1974 г. – там же на здании СельПТУ (Верещагин, 1991). Кроме того, один добыт зимой в Боомском ущелье на р. Чу (Птицы Киргизии, 1960).

Численность. В Западном Тянь-Шане – обычный оседлый вид, а в Малом Каратау – фоновая птица, здесь его популяция оценена в 100 гнездящихся пар: «Наибольшая плотность населения этих птиц наблюдается в регионе, обращённом в сторону горы Улькун Бурултау (в трёх каньонах Карасаях) и на обоих склонах самой этой горы, где сконцентрировано около 30 жилых гнёзд – треть всей популяции этого вида в пределах всего Малого Каратау…. Наблюдения, проведенные за отдельными гнёздами, косвенно характеризуют современное состояние популяции большого скалистого поползня в регионе, которое выглядит довольно стабильным. Так, за 21

[17] Точная дата не указана, но В.Н. Шнитников (1949, с. 445) обсуждает эту встречу как зимнюю – *АК*

сезон наблюдений у гнезда этих птиц (в период 1983-2003 гг.) в каньоне Карасай они столько же раз здесь гнездились (успешность гнездоваания нам не известна). Кроме того, дважды за этот период птицы радикально ремонтировали входную часть гнездовой постройки, которая очевидно была кем-то разрушена» (Колбинцев, 2004: КОБ-2003, с. 196). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня большой скальный поползень многочислен, фоновая птица (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Митропольский и др., 1981). На северном склоне Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) он был обычным оседлым видом как в 1933-1935 гг. (Шульпин, 1956), так и в 1959-1966 гг. (Ковшарь, 1966). В списке птиц Сарычелекского заповедника (восточная часть Чаткальского хребта) поползень значится как редкая оседлая птица (Воробьёв, Чичикин, 1966). В Таласской долине, в ущелье хребта Эчкили-тоо (южный склон Киргизского Алатау) 26 июня 2017 г. встретили не менее 5 выводков и несколько поющих самцов (Архипов, Коблик, и др., 2018). В горах Серектас (Чу-Илийские горы) 26 июня 1992 г. везде были слышны голоса поползней, найдено 5 гнёзд; 13 июля 1992 г. – самая обычная птица (Губин, 2007). Зимой в скальниках нижней части массива Жетыжол (западная оконечность Заилийского Алатау, 3000 м) скальный поползень редок: встречен 14 декабря 1986 г. и 30 января 1987 г. (Карпов, 1994).

Сроки. Даты. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1971-1973 гг. на двух парах скальных поползней установлена высшая степень оседлости: выяснено, что круглый год они встречались не далее 1 км от своего гнезда; первая песня самца отмечена 14 марта 1973 г. (Губин, 2012). Из более северных хребтов они откочёвывают на зиму, но сроки этой откочёвки не установлены. Возможно, это октябрь: 22 октября 1900 г. большой скальный поползень добыт в Пржевальске, где не гнездится (Шнитников, 1949), а 16 октября 1991 г. также один добыт на Чокпаке (А. Гаврилов и др., 2017). Возвращаются весной, видимо, в марта-апреле: 9 марта 1972 г. состоялся единственный весенний залёт в долину Б. Кокпака, Центральный Тянь-Шань (Аракелянц, Березовиков, 2006), 4 апреля 1996 г. на Чокпаке видели двух поползней, а 3 мая 2005 г. – одного (А. Гаврилов и др., 2017). Других данных о сроках миграций этого вида в литературе нет.

Биология. Не изучена. Одна из причин – невозможность прямого наблюдения за содержимым их закрытых гнёзд. Оригинальный способ применён во время наблюдений в Каратау: «В одном из каньонов на самом юге Каратау, в районе Улькун Буруллтау, где плотность популяции этих птиц является самой высокой, 6 апреля 1988 года нам удалось найти три жилых гнезда, к которым, к тому же, было несложно подобраться. Мы проверили эти гнёзда, высверлив сбоку и чуть ниже у входа в постройку сквозное отверстие, так, чтобы туда можно было пустить луч фонарика, заглянуть, осмотреть содержимое и заткнуть затем куском материи. В первом гнезде было найдено два свежих яйца. Во втором кладки не было, но там находилась взрослая птица, которая при сложившейся ситуации упорно отказывалась покидать помещение. В третьем гнезде была полная кладка из 8 яиц (нежно-розового цвета с красноватыми пестринами) и насиживающая их самка» (Колбинцев, 2004: КОБ-2003, с. 193). Кстати, в этой статье автор высказывает интересное предположение о том, что многократно описанные в литературе украшения в стенках гнёзд скального поползня и вокруг них являются в действительности репеллентами против домового сыча, связывая с этой целью и особенности звуковой коммуникации скального поползня. Вообще обычно все публикации о размножении скального поползня ограничиваются описанием его гнезда, которое действительно является уникальным сооружением. По наблюдениям в Таласском Алатау, оно напоминало мне узкогорлый сосуд, прикреплённый дном к скале, но лучше всего его описал А.И. Иванов: «При всех условиях гнездо поползня – неприступная крепость, в которую может проникнуть, вероятно, только полоз, охотящийся за яйцами или птенцами. Выбрав подходящее углубление в обрыве или под нависшим камнем, поползень заделывает его массивной крышкой из глины, сцементированной слюной. Наружная стенка прочна настолько, что руками её невозможно сломать: толщина её 4-6 см. Так как ниша, которую выбрали поползни для гнезда, бывает иногда очень большой, поползням приходится проделывать титаническую работу по приспособлению её для гнезда» (Иванов, 1969, с. 227). Хорошей иллюстрацией упомянутой неприступности гнезда может служить поведение его хозяев. Однажды, найдя гнездо скального поползня, я посветил во входное отверстие фонариком, чтобы убедиться – жилое ли оно. В глубине тёмной камеры блеснул глаз и длинный клюв. Тогда я легонько постучал по гнезду, чтобы птица вылетела и можно было рассмотреть, на чём она сидела – на птенцах или яйцах. Но вместо того, чтобы вылететь, сидевшая в гнезде птица изнутри забила леток плотной пробкой из шерсти, которой выстлана гнездовая камера, и осталась сидеть в своём надёжном жилище. Свидетельством титанической работы поползней может служить масса глиняной части гнезда, которая, по измерениям

А.В. Попова (1959) в Каратегине достигала 3.7 кг, а по наблюдениям Н.А. Зарудного в Туркмении – даже 18 кг. По моим наблюдениям в Таласском Алатау, немало сил и времени тратят поползни не только на отделку наружной стенки гнезда, втыкая в ещё влажную глину в большом количестве блестящие надкрылья жуков (чаще всего бронзовок), остатки каких-то красненьких клопиков и других насекомых, а в трещины скалы вокруг гнезда – перья птиц, сухие змеиные шкурки (выползки) и даже засохшие трупики мелких птиц. Ещё больше усилий уходит на внутреннюю выстилку гнездовой камеры шерстью мышевидных грызунов, которую поползень добывает из погадок хищных птиц и сов: десятки неиспользованных, лишних погадок и их остатков в виде мелких костей грызунов приходилось мне находить не раз у гнёзд скального поползня. О многолетнем использовании гнёзд самими поползнями писали многие авторы (см. выше), а А.И. Иванов приводит даже уникальное описание Н.А. Зарудным группы гнёзд поползня в одном месте в Бабатаге: «В карстовой воронке под карнизом было налеплено друг на друга 10 гнёзд разной степени свежести; жилым было только одно, три входных отверстия в другие гнёзда были замазаны, а шесть оставлены зияющими; пространство, занятое гнёздами, было равно всего 1 м^2» (Иванов, 1969, с. 227).

Конкретных данных о гнездовании скального поползня в нашем районе очень мало. В скалах Наувалисая (Пскемский хребет) 24 апреля 1954 г. в двух гнёздах поползни насиживали полные кладки, в одной из них было 5 яиц (Корелов, 1956). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) гнёзда с птенцами я находил 31 мая 1960, 26 мая 1961, 16 и 8 мая 1963 и 5 мая 1965 гг.; в одно из них за 14 часов наблюдений (7-21 час) пара поползней принесла в гнездо 197 порций корма, состав которого определён по результатам остатков под гнездом (Ковшарь, 1966). Состав кормов взрослых поползней по анализу 12 желудков особей, добытых в этом заповеднике в 1933-1935 гг., опубликовал Л.М. Шульпин (1956). В Киргизском Алатау Е.П. Спангенберг находил гнёзда с сильно насиженными яйцами 23 мая; на р.Чаманды (приток Кокомерена) 20 мая 1959 г. в гнезде было 4 ещё слепых пуховичка, а в Таласской долине (на южных склонах Киргизского хребта) 31 мая 1959 г. в двух гнёздах также были птенцы (Птицы Киргизии, 1960). В Чаткальском хребте во второй половине апреля 1978 г. осмотрено 5 кладок (5-8, в среднем 6.8 яиц), приведены размеры 32 яиц (Митропольский и др., 1981). В Малом Каратау 6 апреля 1988 г. в одном из трёх найденных гнёзд было 8 яиц, в другом – 2, а в третьем сидела птица (Колбинцев, 2004: КОБ-2003). Там же, в Беркаре, в одном из двух гнёзд было 5 яиц (Корелов, 2012). Там же 26 мая 2013 г. поползни уже всюду кормили слётков (Губин, Белялов, 2017). В долине р. Гульча (Алайский хребет) 27 июля 1999 г. скальный поползень кормил уже летающего птенца (Ковшарь, Торопова, 2000). Многие авторы упоминают о двух репродуктивных циклах у этого вида, не приводя при этом никаких доказательств; однако, по срокам это вполне возможно.

378. Стенолаз – *Tichodroma muraria* (Linnaeus, 1766)

wallcreeper (англ.), Mauerläufer (нем.), tichodrome échelette (фр.),
жаркұс (каз.), джарганат, тогорок кызыл канат (кирг.), қизилқанот (узб.), деворгардак (тадж.)

Синонимы: *T. nepalensis* Bonaparte, 1850; *T. hoffmeisteri* Reichenbach, 1853; *T. muralis* David et Oustalet, 1877; *T. muraria* ognewi Portenko, 1954. Краснокрылка (Шнитников, 1949). Краснокрылый стенолаз (в большинстве работ).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – *Tichodroma muraria nepalensis* Bonaparte, 1850.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица: часть особей остаются на зиму в тех же ущельях, спускаясь вниз лишь при плохой погоде; часть откочёвывает за пределы гор, иногда на десятки километров.

Биотоп. Отвесные скалы на высотах 2600-4000 м. Наиболее низко обнаружены гнёзда в Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау, у перевала Долон и близ оз. Сонкуль (все три – 2600 м).

Распространение. Через наш район проходит участок северной границы ареала вида (рис. 443). Здесь стенолаз населяет только самые высокие участки гор – как правило, выше 3000 м и только на зимнее время спускается вниз, в т.ч. и в предгорья, выходя даже на равнину (рис. 444). Он гнездится

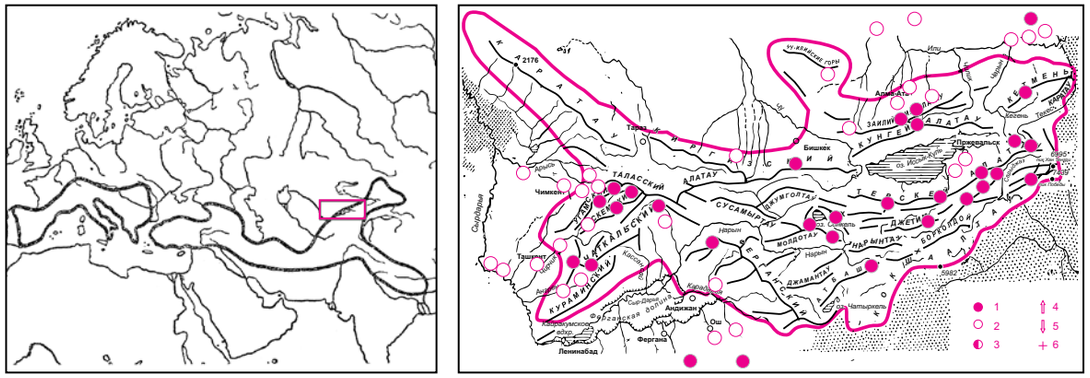

Рис. 443. Ареал стенолаза и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Воинственский, 1954, с. 697
Рис. 444. Распространение стенолаза в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

во всех местах высокогорий выше 3000 м, где имеются скалы и хорошо выражен альпийский пояс, начиная от ущелья Тышкан (хребет Борохоро) на крайнем северо-востоке района (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929), и в самых высоких участках хребтов Северного и Центрального Тянь-Шаня: Кетмень, Заилийский и Кунгей Алатау, Терскей Алатау на всём его протяжении, начиная с истоков Текеса; в высокогорье Сарыджаза и Иныльчека, на Покровских сыртах в истоках Нарына (Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Корелов, 1956; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Степанян, 1959; Кыдыралиев, 1961; Бородихин, 1972; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Стогов, 2009: КОБ-2008). В Киргизском Алатау обнаружен на гнездовании пока только в центральной части хребта, в ущелье Ала-Арча (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005). Во Внутреннем Тянь-Шане гнездится в хребтах Атбаши, Молдотоо и в горах вокруг высокогорного озера Сонкуль; есть указание на гнездование в Ферганском хребте (Птицы Киргизии, 1960; Степанян, 1967; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). У одного из самых низко расположенных гнёзд (абс. высота 2600 м) наблюдали мы стенолаза на скалах каньона Каджырты, на спуске в долину Нарына с перевала Долон (координаты 41°46’ с.ш., 75°44’ в.д.) в июле 1999, 2000 и 2003 гг. (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В мае-июне этих и последующих лет в этом месте стенолаза ежегодно показывали орнитологическим туристам. В Западном Тянь-Шане стенолаз гнездится в наиболее высоких участках всех хребтов, в т.ч. трёх заповедников: Сарычелекского, Аксу-Джабаглинского и Чаткальского (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Шульпин, 1956; Корелов, 1956; Петров, 1958; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лановенко, 1997; В. Ковшарь, 2003; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; М. Митропольский, 2008).

Численность. Невысокая. Поселяются отдельными парами, не более одной-двух на подходящее урочище. Точных данных нет. Зимой также встречаются поодиночке, реже парами. Только на глинистых обрывах Чардаринского вдхр. 18 декабря 2003 г. насчитали (также парами и одиночками) около 15 (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003), а зимой 2006 г. здесь же – 11 стенолазов (Коваленко, Кравченко, 2007).

Сроки. Даты. Сроки сезонных перемещений не изучены. К тому же часть стенолазов остаются на зиму в высокогорье, спускаясь ниже только после очередного сильного снегопада, что они могут делать и в гнездовой период. Так, 21 мая 2007 г. один стенолаз под проливным дождём пытался искать корм на бетонной противоселевой стенке Первой ГЭС в Б. Алматинском ущелье (1900 м), что на 1000 м ниже его местообитаний в этом ущелье (Ковшарь, 2008: КОБ-2007). В Таласском Алатау в течение зимы 1959/60 г. я ни разу не встречал стенолазов в расположенном в предгорьях селе Новониколаевка (1200 м), но после снегопада 7 апреля 1960 г. они появились в селе вместе с альпийскими завирушками и красноспинными горихвостками (Ковшарь, 1965). И в Западном, и в Северном Тянь-Шане мне неоднократно приходилось встречать стенолазов среди зимы в горах, где они кормились, как правило, по берегам горных речек. Первое появление в среднегорье Таласского Алатау (водопад Кши-Каинды, 1800 м) отмечено 26 августа 1971 г. и 16 августа 1972 г., а с сентября они стали обычны в нижних частях горных склонов (Губин, 2012).

В городе Алматы сроки появления первых стенолазов осенью относительно постоянны: 31 октября 1954, 24 октября 1960, 18 октября 1961, 16 октября 1962 гг.; исчезают в марте, в 1961 г. последняя встреча – 18 марта (Бородихин, 1968). По мнению этого автора: «В городе стенолазы, вероятно, проводят день, отлетая на ночёвку в горы. Так, в Мало-Алматинском ущелье и в других ущельях вблизи выхода их на равнину (к городу) неоднократно наблюдались стенолазы, утром летевшие в город, а вечером – в обратном направлении. Особенно часто приходилось их видеть вечером, в ранних сумерках, у входа в Глубокую щель…» (Бородихин, 1968, с. 43). Нечто подобное наблюдали однажды на Чокпаке: в октябре один стенолаз на большой высоте перелетал широкую (несколько километров) степную седловину с гор Джабаглытау в Боролдай (Гаврилов, Гисцов, 1985). О перекочёвке стенолазов в низовья р. Пскем в октябре 1953 г. упоминает также М.Н. Корелов (1956). На северных склонах Киргизского хребта (Иссык-Атинская лесная дача) зимующих стенолазов добывали с 25 октября по 15 марта, а в коллекции Н.А. Северцова (ЗИН РАН) есть экземпляры, добытые им 25 октября в Гульче (предгорье Алайского хребта) и 30 октября – в Узгене (южные предгорья Ферганского хребта). Явно кочующий одиночный стенолаз встречен 13 апреля 2003 г. в каньоне Чарына (Коваленко, 2005: КОБ-2004).

Биология. Не изучена по причине редкости самой птицы и недоступности её гнёзд. Отрывочные сведения имеются в нескольких работах. В Заилийском Алатау 6 августа 1951 г. Б.К. Штегман (1954) нашёл гнездо с птенцами, устроенное в щели скалы над ледником, на высоте почти 4000 м. Оно находилось всего в 5-6 м над крутой осыпью, но было совершенно недоступно: «Судя по постоянно раздающемуся стрекотанию, птенцы были уже крупные, но у края щели не показывались. При моём приближении из щели вылетели 2 взрослых стенолаза и стали обычным способом подыматься вдоль обрыва скалы, не выказывая никакого беспокойства. В конце августа пришлось наблюдать 6 стенолазов, державшихся вместе на отвесных скалах близ ледника, на высоте 3600 м. Видимо, это была семья» (там же). Близ с. Босого (долина р. Атбаши) в гнездо стенолаза, устроенное в нише недоступной отвесной скалы, самец и самка носили корм птенцам 8 июля 1958 г. (Птицы Киргизии, 1960). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) 9 августа 1959 г. в еловом лесу был пойман слабо летающий слёток стенолаза с недоросшими маховыми (Кузнецов, 1962). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) 5 июля 1962 г. стенолаз носил корм птенцам в скалы у перевала Кши-Каинды (3100 м), а 13 и 21 июля здесь же мы видели вылетевших молодых, у добытого 21 июля маховые и рулевые ещё не доросли (Ковшарь, 1966). По наблюдениям там же в 1971-1973 гг., к местам гнездования стенолазы поднимаются в апреле; 30 мая 1973 г. самец преследовал самку, а 1 июля 1971 г. и 1-8 июля 1973 г. пара носила корм в скалы; 22 июля эта же пара кормила слётка (Губин, 2012). В низко расположенных гнёздах сроки размножения более ранние: «В Заилийском Алатау в районе Б. Алматинского озера Э.Ф. Родионов и Э.И. Гаврилов наблюдали птицу, носившую гнездовой материал в расселину скалы южной экспозиции на высоте 2830 м; 4 июня в этом гнезде было 4 почти свежих яйца. В другое недоступное гнездо в этом же районе птица с кормом залетала 19 июня, с 6 июля корм в гнездо носили обе птицы. Так же две птицы носили корм и в последний день наблюдений за гнездом – 11 июля 1967 г. (Ковшарь и Гаврилов). Здесь же было найдено третье гнездо, в которое 11 июля птицы носили корм (Кузьмина)» (Бородихин, 1972, с. 326). В скалах каньона Итолгандун на р. Сонкёль (2600 м) пара стенолазов 18 июня 2016 г. носила корм в щель отвесной скалы, около 20 м над дорогой (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В ущелье Дараут (южный склон Алайского хребта, 2680 м) пара стенолазов 30 июня 2015 г. носила корм в трещину огромной скалы в 30 м над речкой (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Семейство **Пищуховые** Certhidae

379. Пищуха – *Certhia familiaris* Linnaeus, 1758

treecreeper (англ.), Waldbaumläufer (нем.), grimpereau des bois (фр.),
кәдімгі шикылдақ (каз.), кадимки чыйпылдак чымчык (кирг.), оддий пишчуха (узб.), мушакчумчук (тадж.)

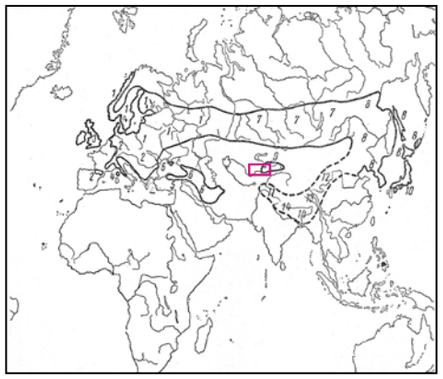
Синонимы: *Motacilla scolopacina* Ström, 1788; *C. scandulaca* Pallas, 1811; *C. septentrionalis* Brehm, 1831; *C. familiaris albomaculata* Hermann Johansen, 1907.

Подвид. Из 22-23 подвидов в Тянь-Шане один – *Certhia familiaris tianschanica* Hartert, 1905.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица, кочует в пределах ареала подвида.

Биотоп. Хвойные, лиственные и смешанные леса. В Тянь-Шане – ельники, и только в Чарыне –ясеневый лес (1000-1100 м). В горах – до верхней границы леса (2600-2700 м). Во время кочёвок – в любом лесу, в том числе в садах населённых пунктов, в городских парках и скверах.

Распространение. Наш район занимает западную часть изолированного ареала тянь-шанского подвида (рис. 445), который дословно описан так: «Тарбагатай (предположительно), Джунгарский Алатау, Тянь-Шань (хребты: Заилийский, Киргизский, Кунгей-Алатау, Терскей-Алатоо, Молдотау, Атбашитау, Нарынтау, Кокшаалтау). В пределах Алайской системы восточные части Заалайского и Алайского (предположительно) хребтов» (Степанян, 2003, с. 643). По современным данным (рис. 446) пищуха населяет еловые леса Борохоро (Тышкан), Северного и Центрального Тянь-Шаня: северные склоны Заилийского, Кунгей и Терскей Алатау, южные склоны Кетменя и небольшим изолированным «островком» обитает в ясеневой роще Чарынского каньона (Зарудный, Кореев, 1905; Иоганзен, 1908; Шестоперов, 1929; Кашкаров и др., 1937; Корелов, 1948, 1956; Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Винокуров, 1960, 1961). Полностью отсутствует в ельниках бассейна Сарыджаза и Иныльчека (Шнитников, 1949; Крылов, 1969; наши наблюдения 2000-2004 гг.). Далее к юго-западу найдена в восточной оконечности хребта Атбаши, где в урочище Босого 30 июня 1958 г. встречен выводок пищух (Птицы Киргизии, 1960); имеется летняя находка у города Нарын и указание на гнездование этого вида «в остатках ельников в западной части Арпинской долины» (Кыдыралиев, 1972), что за неимением доказательств пришлось обозначить также как летнее нахождение. На севере нашего района самой западной точкой гнездования пищухи

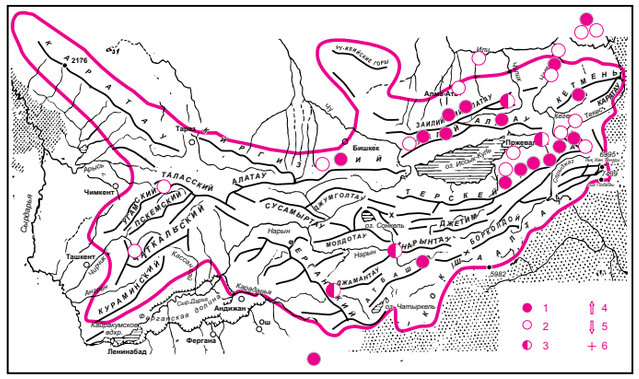

Рис. 445. Ареал пищухи и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Воинственский, 1954, с. 703
Рис. 446. Распространение пищухи в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

является ущелье Ала-Арча (74º20'в.д.) в Киргизском Алатау, где в 1960 г. найдено первое в Киргизии гнездо этого вида и несколько раз с 1987 по 1997 г. встречали самих птиц (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005). Наконец, на самом юге, уже за южной границей Тянь-Шаня, почти на той же долготе (на полградуса западнее) пищуху обнаружили в Алайской долине: «Единственное место на Памиро-Алае, где обнаружена тяньшанская форма обыкновенной пищухи – это северо-восточная часть Заалайского хребта. Здесь в районе Иркештама Мекленбурцев (1966) летом 1962 г. нашёл её в ельниках ущелья р. Нура. Очень вероятно, что пищуха будет найдена и в восточной оконечности Алайского хребта» (Иванов, 1969, с. 230). Однако пока она там не найдена, скорее всего, по причине кратковременности посещений этих мест (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). Зимой встречается в Западном Тянь-Шане (Ковшарь, 1966), а также в долине р. Или за пределами северной границы Тянь-Шаня (Бевза, 2012).

Численность. Невысокая, а в силу незаметности самой птицы кажется ниже, чем на самом деле. Точных учётных данных мало. В ельниках Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе – сентябре 1968 г. учитывали до 10 особей/км² (Второв, 1972). В ельниках Талгарского ущелья (Заилийский Алатау, 1600-1800 м) в 1974-1975 гг. учитывали: весной – до 1.6, зимой – до 3 особей/км маршрута (Пфеффер, 1978). В Б. Алматинском ущелье у верхней границы леса (2300-2600 м) в 1972-1975 гг. найдено 15 жилых гнёзд (Ковшарь, 1979). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) из 900 экскурсионных маршрутов, проведенных у верхней границы леса в течение круглого года, пищуху встретили на 31, общим числом 78 особей, причём зимой встречали в 12 раз чаще, чем летом (Кузнецов, 1962). Плотность пищухи на гнездовании здесь в 80-90-х гг. была до 3.33 особей/км², причём попытки привлечения их в искусственные гнездовья не увенчались успехом (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Терскей Алатау за два летних сезона (1953-1954) Л.С. Степанян (1959) встретил пищуху только раз – 27 июля 1954 г. выводок из 6-7 птенцов. Зимой численность также низкая. В Восточном Прииссыккулье за ряд лет наблюдений эту пищуху встретили 10 декабря и 12 января 1972 г. – пару на тополях и карагачах в с. Оргочор (Верещагин, 1991). В Карачингиле за ряд лет наблюдений в с. Куш только раз, 19 декабря 2006 г. пару пищух отметил И.Ф. Бородихин (Бевза, 2012). В Таласском Алатау за 6 зим (1959-1966) я добыл её всего два раза: 15 декабря 1962 г. в облепиховом тугае по р. Джабаглы и 30 января 1963 г. из стайки пищух в 3-5 особей в высокоствольных арчевниках ущелья Кши-Каинды (Ковшарь, 1966). В Чаткальском заповеднике встречена только раз – 13 декабря 1980 г. на Башкызылсайском участке Д. Бакиным (Лановенко, 1997) и встреча эта подвергнута сомнению в пользу гималайской пищухи (Белялова и др., 2004; Митропольский, 2005).

Сроки. Даты. По-видимому, часть пищух живёт оседло: зимой мы не раз встречали их в Заилийском Алатау у верхних ёлок (2500-2600 м), а в Киргизском Алатау они регулярно отмечались зимой выше 2000 м (Кузнецов, 1962), однако значительная часть их откочёвывает как вниз (вплоть до долины р. Или) и на запад – до Таласского Алатау. Зимуют они и в городских парках Алматы, где бывают, видимо, не каждую зиму (Бородихин, 1968). Самая ранняя встреча их здесь осенью – в октябре, самая поздняя весной – в начале апреля; с 19 марта 1974 г. мы уже отмечали их регулярное пение на Б. Алматинском озере (Ковшарь, 1979).

Биология. Специально в Тянь-Шане не изучалась, но в субвысокогорье Заилийского Алатау (2500 м) в 1965-1975 гг. по наблюдениям у 18 жилых гнёзд собраны материалы о гнездовании этого вида. Часть их опубликована в видовом очерке сводки «Птицы Казахстана» (Бородихин, 1972, с.328-332), остальные приведены в книге «Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня» (Ковшарь, 1979, с. 221-225). Интересные материалы получены по местам устройства гнёзд (рис. 447): в 1972-1975 гг. 4 из 15 гнёзд были устроены в еловых пнях и 11 – на ёлках: 5 в пазухах между сросшимися стволами, 2 – в трещинах, 3 – за отставшей корой и одно – в густой мутовке еловых ветвей в 1 м от ствола. Высота от земли 0.2-6 м. В 1964-1967 гг. здесь же найдены гнёзда в стенке сарая (за обшивкой из досок) и в поленнице дров (Бородихин, 1972). В верховьях р. Текес (Центральный Тянь-Шань) восемь старых гнёзд помещались за отставшей корой пней и одно жилое – в щели раздвоенного ствола ели (Винокуров, 1961); в Киргизском Алатау гнездо помещалось в углублении старого елового пня (Кузнецов, 1962).

Сведения о сроках размножения: в Нарынкольской щели (Центральный Тянь-Шань) 1 июня 1957 г. в гнезде 3 свежих яйца (Винокуров, 1961); в Киргизском Алатау 9 июля 1960 г. самка крепко насиживала кладку, а 12 июля кормила птенцов вместе с самцом (Кузнецов, 1962); в Терскей Алатау (Чон-Кызыл-Су) 27 июля 1954 г. – выводок из 6-7 птенцов (Степанян, 1959); там же, в ущелье

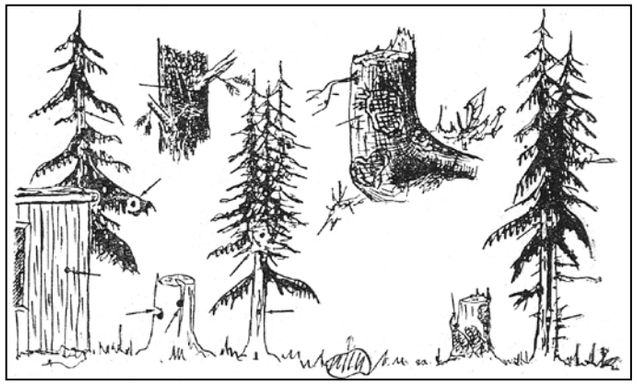

Рис. 447. Места расположения гнёзд пищухи
(по: Ковшарь, 1979, с. 222). *Рисунок Ральфа Пфеффера*

Джиланды, 27 мая 1962 г. – 4 сильно насиженных яйца, а в долине Атбаши 30 июня 1958 г. – выводок (Шукуров, 1986); в восточной части Кунгей Алатау (Кульсай, 2100 м) 3 июля 1968 г. пищуха за полчаса 6 раз покормила трёх слётков, сидевших плотной кучкой в пазухе толстого сука у ствола ели (Ковшарь, 1972 а); там же. в пойменном ельнике между озёрами Нижний и Средний Кульсай (1900-2000 м) 30 июля 1996 г. три молодые пищухи, хорошо лазающие по стволам деревьев, выпрашивали у взрослых корм (Березовиков, 2005: КОБ-2004). В Заилийском Алатау (2500 м) в 60-х гг. в одном гнезде кладка начата в первую декаду мая, в двух – во вторую декаду мая (Бородихин, 1972); там же в 1972-1975 гг. пищухи начинали нестись: в первую декаду мая – в одном, во вторую – в двух, в третью – в 6 гнёздах; в первую декаду июня – в двух гнёздах (Ковшарь, 1979). Судя по сжатости сроков откладки яиц, в условиях субвысокогорья у пищухи только один репродуктивных цикл, тогда как для европейских подвидов известны два (Воинственский, 1949, 1954; Федюшин, Долбик, 1967). Для нижней части лесного пояса в Тянь-Шане известно и более раннее начало кладки. Так, в Талгарском ущелье Заилийского Алатау Н.А. Северцов добыл молодую пищуху с недоросшим хвостом уже 7 июня 1877 г. (Шнитников, 1949). Следовательно, откладка яиц в данном случае была начата уже в апреле. Столь рано загнездившаяся пара имела возможность вывести птенцов и во второй раз за сезон.

Кроме того, в результате наблюдений у 15 гнёзд удалось получить сведения о продолжительности отдельных этапов репродуктивного цикла и поведении членов пары. По наблюдениям у 4-х гнёзд, работу по их устройству выполняет только самка: самцы во всех случаях держались рядом, изредка пели, но материал не собирали и к гнезду не подлетали. В одно только что начатое гнездо самка 28 апреля 1975 г. принесла еловые веточки и мох 51 раз за 4 часа (6-10 час), беря его в 2-3 м и неся по стволу пешком. У гнезда была очень осторожна и несколько раз проходила с материалом мимо него, прежде чем положить материал. Самец за это время 5 раз принимался петь, но не более 10 песен подряд (Ковшарь, 1979).

По наблюдениям за другими парами подтвердилось впечатление о большой скрытности пищух. Рассмотреть кормящуюся высоко на стволе ели пищуху нелегко, даже если она периодически попискивает. Но ещё труднее уследить за её стремительным полётом из кроны одной ёлки в крону другой. В негнездовое время такой стремительности полётов у этой птицы мне наблюдать не приходилось. Однажды, 18 мая 1973 г. мы наблюдали спаривание в 50 м от строящегося гнезда, в перерыве между приносами материала. На возведение гнезда уходит около двух недель. Одно гнездо самка строила с 26 апреля по 12 мая 1975 г., другое, начатое до 13 мая 1973 г., было закончено только 23 мая. В одном гнезде первое яйцо снесено через 2, в другом – через 4, а в третьем – даже через 15 дней после завершения постройки.

Насиживает кладку самка, которую кормит самец. За 10 часов наблюдений (8-18 час) у одного гнезда за 3 дня до вылупления птенцов самка сидела на кладке 430 мин (73.3% времени), самец за это время покормил её 28 раз. За эти 10 часов кладка оставалась без обогрева каждые 16 мин сроком на 6-7 минут. Самка покидала гнездо только на зов самца; он кормил её в 10-20, один раз – даже в 4 м от гнезда. Насиживание продолжалось в одном гнезде 15, в другом – 16 суток. Кормят птенцов в гнезде оба родителя, принося им корм 60-100 раз за 4 часа (6-10 час), но в одном гнезде кормила только самка (которая была окрашена родамином): 20 июня 1972 г. с 6 до 21 час (весь световой день) она покормила трёх 10-дневных птенцов 131 раз, а через неделю за то же время – 234 раза. В первый день она 22 раза оставалась в гнезде и потратила на обогревание птенцов 23% светлого времени суток; корм носила чаще всего с расстояния 20-30 м, но иногда брала его всего в 7-8 м от гнезда. Птенцы в этом гнезде провели

не 15-16, как принято считать (Воинственский, 1954; Дерим-оглу, 1961), а минимум 22-23 суток. Для двух гнёзд можно предположить, что весь гнездовой период у этих пар продолжался 55 и не менее 51 дней. Продолжительность вождения выводков проследить не удалось – это ещё предстоит выяснять. Подробности гнездовой жизни пищухи я привёл умышленно, чтобы показать, как много интересного можно узнать о семейной жизни даже такой невзрачной и незаметной птички, если уделить этому достаточно внимания.

380. Гималайская пищуха – *Certhia himalayana* Vigors, 1832

bar-tailed Treecreeper (англ.), Himalaja Baumläufer (нем.), grimpereau à queue bandèe (фр.),
гималай чыйпылдак чымчык (кирг.), ҳимолой пишчухаси (узб.), мушакчумчуки химолойи (тадж.)

Синонимы: *Certhia taeniura* Severtzov, 1873. Пищуха-сверчок (Кашкаров, 1927).

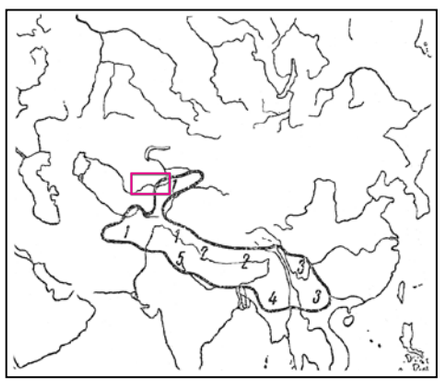
Подвид. Из 4-х подвидов в Тянь-Шане – *Certhia himalayana taeniura* Severtzov, 1873, описанная по экземпляру из Чимкента сначала как вид.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица, кочует в пределах ареала подвида.

Биотоп. Высокоствольнае арчовые леса в пределах высот 1800-3000 м (Иванов, 1969).

Распространение. Наш район находится на северной границе ареала этой южно-азиатской птицы (рис. 448) и здесь она распространена крайне спорадично (рис. 449). Лаконичное описание ареала самого северного подвида (рис. 448, *1*) выглядит так: «В Западном Тянь-Шане хребты Кураминский, Чаткальский, Ферганский. В Алайской системе хребты Алайский, Туркестанский, Зеравшанский, Гиссарский, Байсунтау, Кугитанг, Бабатаг, Актау» (Степанян, 2003, с. 644). К слову сказать, не для всех перечисленных хребтов Тянь-Шаня имеются доказательства гнездования этого вида (рис. 449). В сущности, бесспорно лишь гнездование в урочище Тамаша на северном склоне Алайского хребта, где лётных молодых пищух из выводка добывали 20 июня 1954 г. (Птицы Киргизии, 1960). Вторая точка – Сарычелекский заповедник (Чаткальский хребет), где в 1925 г. добыли четырёх самцов (24 и 27 июня в Арките, 24 июля на северном конце озера и 1 августа на перевале Кара-Кульджа): «Пищухи в районе не очень многочисленны. Встречались в боковых саях Аркита в той части, где преобладала яблоня, всегда в чаще, и в роще из берёз и елей у северного берега Кутемалды-куль. Впечатление такое, что она принадлежит скорее зоне хвойной (и берёзы, как это правильно отмечено Северцовым)» (Кашкаров, 1927, с. 94). О гнездовании здесь гималайской пищухи писали и работавшие позднее орнитологи (Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991). Однако ни о гнёздах, ни о выводках её сведений пока нет.

В литературе имеются указания ещё на четыре летние встречи. Одна из них – в заповеднике Аксу-Джабаглы: «Гималайскую пищуху пришлось встретить только один раз 28/VII 1944 года в высокоствольных арчевниках в верхней части каньона р. Аксу, в ур.Таяксалды. Птица быстро скрылась

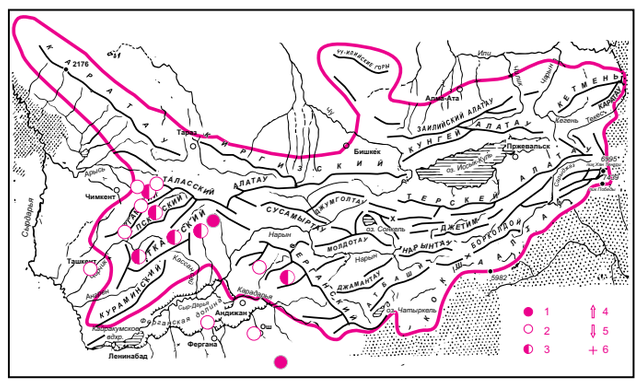

Рис. 448. Ареал гималайской пищухи и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Воинственский, 1954, с. 709
Рис. 449. Распространение гималайской пищухи в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

в кустах жимолости. Всё же удалось заметить крупные размеры и светлый бледно-серый тон окраски» (Шевченко, 1948, с. 50). В этом же каньоне, несколько ниже, 21 и 22 января 1934 г. двух гималайских пищух в разных стайках рыжешейных синиц (*Parus rufonuchalis*) встретил Л.М. Шульпин (1956), который вслед за Н.А. Северцовым (1875) считал, что гималайская пищуха гнездится в поясе древовидных арчевников Западного Тянь-Шаня, а зимует в поясе лиственного леса и редко – в культурном поясе. Именно в культурном поясе, в яблоневом саду села Жабаглы (бывшая Новониколаевка) 29 марта 1995 г. из группы в несколько птиц добыта одна гималайская пищуха (Колбинцев, 1995). Вторая летняя встреча состоялась 5 июня 1981 г. в березняке (1500 м) на территории Чаткальского заповедника (Батурин, 1981; Головцов, 2007). Третий раз гималайскую завирушку встретили 31 августа 2002 г. в долине Пскема, в тополевой роще у слияния Чиралмы и Ойгаинга (В. Ковшарь, 2003). В двух последних случаях птицы не добыты. В орехово-плодовых лесах юга Киргизии её добывали 5 апреля 1958 г. и 20 ноября 1953 г. (Птицы Киргизии, 1960). Последняя по времени достоверная встреча гималайской пищухи – в долине Чаткала, где 24 июня 2017 г. в тополевом пойменном лесу в месте впадения притока Мурза-Булак наблюдали территориальную пару и записали песню самца (Архипов, Коблик и др., 2018). Остальные встречи зимние – в Оше, Маргилане и Ташкенте (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Аюпов, 1978; Мекленбурцев, 1982).

Численность. Минимальная. В сущности, все достоверные встречи перечислены выше. Только для Сарычелекского заповедника приводится плотность на гнездовании по учётам 1982-1983 гг.: в елово-ореховом лесу – 4, в ореховом – 8, в елово-пихтовом – 6-12 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991).

Сроки. Даты. Биология. Для Тянь-Шаня сведений нет. Минимум данных известен и для Памиро-Алая: «Гнездится гималайская пищуха преимущественно в арчевниках, особенно в таких, где крупная арча растёт в сырых тенистых ущельях. Но на южных склонах Гиссарского хребта я встречал пищух и в кленовниках, где имелась лишь небольшая примесь отдельных крупных деревьев арчи. Уже 19-20 апреля пищухи держались в этих местах на высотах 1800-1900 м. Птицы очень подвижны: то и дело перелетают с дерева на дерево, оживляя песней большие участки леса. В отличие от обыкновенной пищухи встречавшиеся мне гималайские пищухи держались в это время преимущественно в верхних частях ствола, не обследуя дерево от самого основания. Гнездовой период у пищухи падает на вторую половину мая – июнь. Единственные три гнезда с территории Памиро-Алая были найдены Зарудным в арчевниках хр. Кугитанг. Все три гнезда были свиты в продольных трещинах стволов арчи и снаружи прикрыты свисающими лохмотьями луба. Птицы, влетая и вылетая из гнезда, словно ныряли вглубь ствола и выныривали из него» (Иванов, 1969, с. 230). Приведенные данные пригодятся для поисков её гнёзд в Западном Тянь-Шане.

Семейство **Сорокопутовые** Laniidae

381. Буланый жулан – *Lanius isabellinus* Hemprich et Ehrenberg, 1833

isabelline red-tailed Shrike (англ.), Isabellwürger (нем.), piegrièche isabelle (фр.), қашғар тағанағы (каз.), кашгар борбашы (кирг.), кашкар каркуноги (узб.)

Синонимы: *Otomela isabellina* Hemprich et Ehrenberg, 1833; *L. cristatus isabellinus* (Дементьев, 1954). Буланый сорокопут (Шнитников, 1949). Сорокопут-жулан (Иванов, 1969). Кашгарский жулан (Корелов, 1972; Гаврилов, 1999).

Подвид. В Тянь-Шане встречается два: *L. i. isabellinus* Hemprich et Ehrenberg, 1833 обычен на пролёте; *L. i. speculigerus* Taczanowski, 1874 – несколько раз под Верным (Алматы), Джаркентом и на Борохудзирской переправе (Зарудный, Кореев, 1905), а также на Сорбулаке (Белялов, Карпов, 2013).

Систематические замечания. Мелкие сорокопуты, объединяемых под русским названием «жулан», были камнем преткновения для орнитологов со времён М.Н. Богданова (1881). Об этом наиболее ёмко сказал Л.А. Портенко, один из самых дотошных систематиков: «Таксономическая оценка отдельных подвидов жулана и образуемых ими группировок представляет труднейшее место в орнитологической систематике… Недостаточно выраженная географическая обособленность *karelini* и *isabellina* и, наоборот, слишком резкое отличие в пластических признаках *collurio* и *cristatus* сравнительно с *phoenicuroides* и *isabellinus*, проникновение подвидов в чужой ареал, наблюдаемое в Средней Азии, само наличие группировок подвидов – всё это противоречит представлению о ряде равноценных географических рас. Тем не менее сходство самок и молодых, отсутствие коренных отличий в биологии, свободная гибридизация между резко отличающимися формами и общая картина географического размещения не дают оснований для выделения в полном смысле слова безукоризненных видов» (Портенко, 1960, с. 206). В итоге в этой монографической сводке «Птицы СССР, часть IV» он вслед за Г.П. Дементьевым (1954) объединяет всех жуланов в один вид сорокопут-жулан (*Lanius cristatus L.)* с 13 подвидами, собранными в 4 группы. В других работах этот объединённый «надвид» фигурировал под именем *Lanius collurio* (Иванов, 1969), а затем – *Lanius isabellinus* (Степанян, 1978, 1990, 2003), но уже без *Lanius collurio* и *Lanius cristatus*. Впервые двум азиатским формам *phoenicuroides* и *isabellinus* видовой статус вернул М.Н. Корелов (1970), хотя в некоторых фаунистических обзорах (например, «Птицы Таласского Алатау», 1966) уже до этого использовался видовой статус для туркестанского сорокопута. Сейчас такое разделение общепризнано (Коблик, Архипов, 2014).

Характер пребывания. Дважды пролетает через нашу территорию. В начале XXI ст. появились первые сообщения о *гнездовании* на крайнем северо-востоке района, в Центральном Тянь-Шане.

Биотоп. Кустарники открытых пространств – пустынных, полупустынных, степных.

Распространение. Несмотря на недостаточные полевые отличия от туркестанского жулана, сведения о весеннем пролёте буланого жулана известны давно благодаря слишком большой разнице в сроках пролёта – он летит в среднем на месяц раньше. Поэтому и на приводимой схеме (рис. 450) преобладают значки весеннего пролёта, а в сводной работе по птицам Киргизии (1960) и в обзоре птиц Чуйской долины (Умрихина, 1970) сказано, что встречается он только на весеннем пролёте. В Восточном Тянь-Шане и в соседних районах Кашгарии этот сорокопут гнездится совсем недалеко от нашего района, гнёзда его находили у Кашгара, близ Учтурфана и в других местах (Судиловская, 1936). О возможном гнездовании на нашей территории писал ещё В.Н. Шнитников: «Из района Джаркента известен молодой экземпляр буланого сорокопута, добытый 27/VII 1907 г. в горах около сел. Баскунчи. Я встречал этих сорокопутов в долине р. Чаманды, где 3/VIII 1913 г. один и был добыт. Наконец, я не раз наблюдал их в долине Инылычека 14-22/VIII 1912 г., а на самом Сарджасе 22/VIII. Отсюда происходят три моих экземпляра, добытые 21

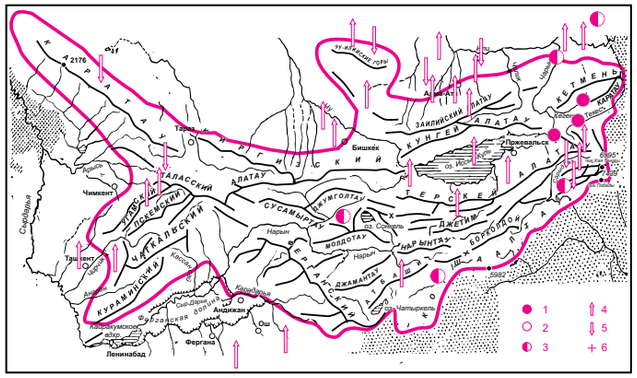

Рис. 450. Распространение буланого жулана в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

и 22/VIII 1912 г. и находящиеся в ЗИН. Так как этот сорокопут очень резко отличается от нашего обычного *L. phoenicuroides*, то и на Чамандах и на Сарджасе его присутствие сразу обратило на себя моё внимание» (Шнитников, 1949, с. 479). Наконец, в последние два десятилетия появились первые конкретные сообщения о гнездовании буланого жулана в Центраьном Тянь-Шане. Так, 4 августа 2004 г. у плотины Текесского вдхр. в зарослях облепихи в трёх местах на маршруте 500 м встретили по 2 молодых и один раз – взрослую птицу: «По окраске птицы уверенно определялись как кашгарские жуланы, а манера держаться на одном и том же участке свидетельствовала о том, что это были ещё не распавшиеся выводки. На следующий день подобную картину мы наблюдали в пойме р. Большой Кокпак, у выхода реки из ущелья в Текесскую долину. Два дорослых молодых всё время держались на одном участке… появившаяся самка на наших глазах покормила птенца» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На р. Б. Кокпак, у выхода её в Текесскую долину, 5 августа 2004 г. в зарослях барариса ещё один взрослый жулан кормил хорошо летающего слётка (Белялов, Березовиков, 2005: КОБ-2004). Авторы связывают появление здесь на гнездовании буланого жулана с наблюдающейся в последние годы депрессией численности туркестанского жулана. Те же авторы в 1999 г. наблюдали птенцов в зарослях караганы и ивняков в долине р. Чулкудысу, а в коллекции Института зоологии (Алматы) есть экземпляр от 8 мая из Чарына, определённый как *L. isabellinus* x *L. phoenicuroides* (Крюков, Панов, 1980).

На Иныльчеке, в 30 км выше впадения в Сарыджаз, 23 июля 2005 г. участник нашей экспедиции Маркус Ланге встретил одного буланого жулана, а 31 июля 2005 г. в урочище Турук (левый исток Каркары, координаты: 42°36’16.6’’ с.ш., 79°18’57.3’’в.д., высота 2570 м) мне удалось несколько часов понаблюдать как пара взрослых кормила трёх короткохвостых слётков в смешанных зарослях караганы и стелющейся арчи (Ковшарь, 2006); здесь же Маркус Ланге встретил жуланов ещё в трёх местах – и все они были такими же бледноокрашенными, с однотонным верхом (спина и голова). Были ли это «чистые» *L. isabellinus,* или гибриды с *L. phoenicuroides* – сказать трудно, тем более, что птицы не были добыты. Но даже обитание здесь гибридной популяции представляет несомненный интерес, так как здесь находится зона контакта двух видов (Панов, 1972; Крюков, Панов, 1980). Здесь, как и на Иныльчеке, необходимо провести дополнительные исследования, с коллектированием взрослых птиц и наблюдениями за их биологией. Особое внимание следовало бы обратить также на жуланов в высокогорной Аксайской долине Внутреннего Тянь-Шаня, намного юго-западнее перечисленных мест. Здесь, у моста ниже Орто-Корумду (40°53’26.6’’ с.ш. и 76° 21’42.1’’ в.д., высота 3100 м) 30 июля 2003 г. я встретил одного жулана очень бледной окраски, похожего на *L. isabellinus* – возможно, гибрид с *L. phoenicuroides* (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Здесь *L. isabellinus* обитает совсем рядом, в Таримской впадине, в которую стекают реки с южного склона Кокшаалтау.

Численность. На пролёте немногочислен, до обычного. На Чокпаке в весенние сезоны 1982-2016 гг. отловили 10, в осенние – 14 буланых жуланов (А. Гаврилов и др., 2017). Точных учётных данных для летнего времени нет, но, судя по встречам в долинах Текеса и Каркары (см. выше), он не так уж редок.

Сроки. Даты. Весной пролетают раньше всех сорокопутов. Южнее Тянь-Шаня, в Гиссарской долине, А.И. Иванов (1969) в 1947 г. первого буланого жулана отметил 4 марта, обычно они появляются здесь 10-13 марта, а в низовьях р. Сурхан пролёт начинается даже в конце февраля (Салихбаев, Остапенко, 1964). Под Ташкентом в 1912-1917 гг., судя по коллекционным экземплярам Н.А. Зарудного, буланый жулан пролетал между 1 и 17 марта (Салихбаев, Богданов, 1967). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) я встречал их в предгорьях 13 марта 1961, 5 апреля 1963, 30 марта 1964 и 25 марта 1965 гг. (Ковшарь, 1966), они же встречены здесь 2 апреля 1945 и 11 марта 1947 гг. (Шевченко, 1948). На Чокпаке

в 1966-1981 гг. первых отмечали 12 марта (1975) – 27 марта (1967), в среднем 21 марта, последних – 2 апреля 1969 и 6 апреля 1971 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – с 4 марта (1988) по 20 мая 2003 г (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине первых отмечали 8-9 марта, к 20-23 марта число их увеличивалось, а к концу месяца встречались единицы (Умрихина, 1970). В долине Копы мы встречали их 22 и 26 марта 1987 г. и 4-14 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке самые ранние встречи – 7 марта 2005 г. и 8 марта 2006 г., самая поздняя – 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). Ещё восточнее, в Карачингиле (устье Тургени), первых буланых жуланов в 2004-2011 гг. встречали 5-16 марта, последних – 30 апреля 2009 г., и только в 2010 и 2011 гг. одиночки отмечены 15 и 11 мая (Бевза, 2012). В тугаях по р. Баянкол (Центральный Тянь-Шань) буланого жулана добыли 1 апреля 1955 г. (Винокуров, 1960). Кроме перечисленных встреч в предгорных районах буланый жулан весной летит и через горы. Так, весенние коллекционные материалы имеются из Заалайского хребта (р. Саукдара), Алайской долины (Дарауткурган), Гульчи на северных склонах Алайского хребта, долины Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969). Обычен весной в Иссык-Кульской котловине, где во время учёта водоплавающих 27-30 марта 2004 г. встретили 31 жулана: 10 – на южном берегу, 17 – на восточном и 4 – на северном (Кулагин, Сагымбаев, 2005). Следует отметить, что экземпляры подвида *L. i. speculigerus* добыты 24 марта 1999 г. под Верным (Алматы), 21 апреля 1900 г. – у Борохудзирской переправы на р. Или, 1-3 мая 1900 г. – под Джаркентом (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенью пролёт буланого жулана по срокам накладывается на пролёт туркестанского и поэтому незаметен. Под Джаркентом, на Усеке, самца добыли 14 октября 1999 г. (Зарудный, Кореев, 1905), в низовьях Чарына пару – 13 сентября 1939 г., в Чу-Илийских горах – 19 сентября 1965 г. (Корелов, 1948, 1970). Там же, в Жусандале, молодого самца добыл Э.И. Гаврилов 8 октября 1959 г. (колл. ИЗ, Алматы). На Сорбулаке осенью встречен 9 августа 2008 г. и 9 октября 2011 г., в т.ч. отдельные особи *L. i. speculigerus* (Белялов, Карпов, 2013). Под Джамбулом (Тараз) они встречались с 23 сентября до 9 октября 1964 г., в низовьях Таласа одного добыли 9 октября 1962 г. (Корелов, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. взрослого самца добыли 21 сентября 1970 г., молодую самку – 28 сентября 1980 г.; последних (молодые самцы) видели 12 октября 1966 г. и 19 октября 1968 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 1 сентября (1999) по 17 октября (2002) здесь окольцевали 14 буланых жуланов (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) один пойман 2 октября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). В предгорной части бассейна р. Чирчик (южный макросклон Западного Тянь-Шаня) они пролетают в октябре (Митропольский, 2005).

382. Туркестанский жулан – *Lanius phoenicuroides* (вкл. *karelini*) (Schalow, 1875)

Turkestan Shrike (англ.), Turkestanischer Würger (нем.), piegrièche phoenicuroïde (фр.),
кызылқұйрық тағанақ (каз.), туркстан борбаш (кирг.), туркистон каркуноги (узб.),
чарги махалли (тадж.)

Синонимы: *L. phoenicurus montana* Severtzov, 1873; *L. phoenicurus ruficeps* Severtzov, 1873; *Otomela phoenicuroides* (Schalow, 1875); *O. ph. karelini* Bogdanow, 1881; *Lanius zarudnyi* Buturlin, 1908. Туркестанский сорокопут (Шнитников, 1949). Рыжехвостый жулан (Сагитов, 1995).

Подвид, систематические замечания. В Тянь-Шане обитает номинативный *Lanius phoenicuroides phoenicuroides* Schalow, 1875. Кроме того, на подгорной равнине, в северных предгорьях и на пролёте встречается *L. ph. karelini* Bogdanow, 1881, о гибридном происхождении которого так увлечённо писал В.Н. Шнитников (1949, с. 475). Однако в последнем обзоре птиц региона (Степанян, 2003) этот подвид признаётся наряду с *phoenicuroides* – как подвиды единого вида (надвида) *Lanius isabellinus.* Очень интересные соображения приводит в 6-м томе «Птицы Советского Союза» Г.П. Дементьев: «Предположение о происхождении перечисленных тут форм в результате скрещивания подтверждается также тем, что в ареале *phoenicuroides* в гнездовое время встречаются в небольшом количестве особи, не отличимые от *collurio* (один такой жулан, добытый у Тышкана в Семиречье, получил даже особое название: *Lanius collurio loudoni*. Бутурлин, Известия Кавказского музея, 1907, стр. 78). Подобного рода особи встречаются не только в Семиречье, но и на Куван-Дарье и в Туркмении (Дементьев, 1940) – этим объясняются указания Зарудного (1896),

Шнитникова (1949), Спангенберга (1940) на гнездование в перечисленных местностях европейских жуланов, чего на самом деле, конечно, нет… В конце концов необычный размах индивидуальных колебаний окраски у туркестанских жуланов и наличие среди них особей, почти неотличимых от бледных центрально-азиатских подвидов *isabellinus* – *speculigerus*, делает весьма вероятным предположение, что *phoenicuroides* представляет собой результат скрещивания популяций жуланов типа *collurio* с жуланами типа *isabellinus*. В пользу этого говорят и биогеографические соображения» (Дементьев, 1954, с. 20).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимующая в Аравии и на востоке Африки.

Биотоп. Кустарниковые сообщества в долинах и на открытых склонах в горах – до 2500-3000 м. Для Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где жулан гнездится до 2600 м, Л.М. Шульпин подметил важную закономерность: «сорокопут поселяется в стелющихся арчевниках в тех случаях, когда они богаты примесью жимолости; с большими кустами этого кустарника он и поднимается наиболее высоко, но чистых стелющихся арчевников, хотя бы и высоких, избегает; в этом отношении поведение вида полностью соответствует отмеченному у ястребиной и серой славок. В яблоневые леса сорокопут проникает только по полянам и опушкам, но и в этих случаях сравнительно редок» (Шульпин, 1956, с. 191).

Распространение. В Тянь-Шане туркестанский жулан распространён почти повсеместно (рис. 451). Нет его только на сильно облесённых склонах, так как густого хвойного леса он избегает; на сыртах – Сарыджазских, Покровских – и в так называемой Холодной пустыне (Кашкаров и др., 1937), а также в котловинах высокогорных озёр Сонкуль и Чатыркуль, где он только пролетает (Кыдыралиев, 1961; Злотин, 1968). Указание на обитание только в южной, более тёплой половине сыртов (Крылов, 1969) возможно, относится к предыдущему виду – буланому жулану (см. выше), как и летняя встреча на Аксае, в урочище Орто-Корумду (см. рис. 451). Отсутствие на этом рисунке обозначений в северо-западной половине Каратау, где этот жулан был обычен в первой четверти XX ст. (Шапошников, 1931) – следствие долгосрочных изменений численности вида, в частности, депрессии в последние годы. По северным предгорьям Каратау гнездование установлено только на Кызылколе, где гнездящихся встречали в 2001, 2002 и 2013 гг., причём это были *L. ph. phoenicuroides* и *L. ph. karelini* (Губин, Белялов, 2017). «Белые пятна» в долинах Кочкорки, Джумгола и Кокомерена; на большей части Ферганского хребта, как и вообще по всему горному обрамлению Ферганской долины, скорее всего, можно объяснить недостатком наблюдений в этих местах. Для последнего места литературные сведения противоречивы: А.С. Мальчевский (1941) приводит жулана гнездящимся для равнинной части Ферганской долины, В.П. Костин в июне и августе добывал их в тугайных лесах у Коканда; Х.С. Салихбаев и А.Н. Богданов (1967) указывали на гнездование жулана в горном ущелье юго-западнее станции Горчаково, но А. Шарипов (1974) считал, что туркестанский жулан в Ферганской долине встречается только на пролёте. Однако южнее «судя по сборам Барея, Северцова, Молчанова, Зарудного и других, этот сорокопут распространён очень широко на северных склонах Алайского и Туркестанского хребтов» (Иванов, 1969, с. 341). В Алайской долине 28 июня 1954 г. нашли гнездо с пуховыми птенцами, а 11 июля 1956 г. – слётков (Птицы Киргизии, 1960); мы встречали здесь их в 1999 г.

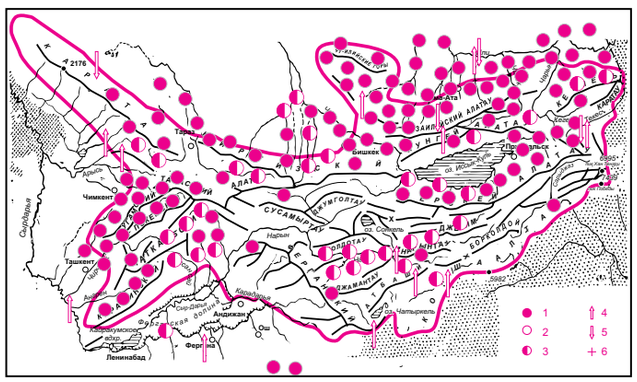

Рис. 451. Распространение туркестанского жулана в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Численность. Обычная, местами многочисленная птица. В 1956 г. в Чуйской долине (Васильевский совхоз) на территории 90 км^2 студентка Р.Д. Попова насчитала 350 пар жуланов, в среднем 25 пар/км^2 (Птицы Киргизии, 1960). Здесь же в 60-х гг. в одном из садов города Фрунзе (Бишкек) насчитали 7 гнездящихся пар на площади 200 м^2; минимальное расстояние между гнёздами было 25-30 м, а в пригороде оно сокращалось до 12-15 м (Умрихина, 1970). В кустарниках по южному берегу Иссык-Куля в 1953-1954 гг. туркестанский жулан был одной

из самых многочисленных птиц подгорной равнины и предгорий, включая и культурный ландшафт (Степанян, 1959). В 1953 г. жулан бал обычен по тугайным зарослям Темирлика и ивово-карагановым зарослям долины Чулкудысу (Корелов, 1956). В 2002 г. в этих же местах за три дня (30 июля – 1 августа) мы встретили 17 жуланов: 9 – в северных предгорьях Кетменя, 3 – в долине Текеса и в горах Айбыртал, 5 – в саксаульниках по р. Или; тогда как в южных предгорьях Борохоро за неделю перед этим – только одного между с. Сарыбель и ущ. Тышкан (Ковшарь и др., 2003). На маршруте «Бишкек – Ош – Алайская долина» в июле 1999 г. мы встретили 23 жуланов, из них 12 – в населённых пунктах; максимальная высота встречи – с. Кашкасу (2920 м) в Алайской долине (Ковшарь, Торопова, 2000).

На северном склоне западной половины Киргизского хребта в июле 1958 г. туркестанский жулан оказался самым многочисленным видом (Корелов, 2007), тогда как в предгорьях (сады с. Кузьминка близ Мерке) летом 1929 г. встречена всего одна пара (Портенко, 1961). В Ала-Арчинском национальном парке (Киргизский Алатау) плотность на гнездовании в 90-х гг. определена в 0.35-4.46 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005); в Сарычелекском заповеднике (Чаткальский хребет), по учётам 1982-1983 гг.: в яблочниках – 4 особи/км^2, в арчовых редколесьях 2-14, в прангосниках 3-11 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991); по учётам 1986-1987 гг. туркестанский жулан (6.4% от всех птиц) включён в число фоновых видов прангосовой степи с кустарником (Лебяжинская, 1992).

В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) прослежены многолетние изменения численности жулана на гнездовании. В 1933 и 1935 гг. он был наиболее многочислен в кустарниках на горных склонах и в долинах, а в поясе предгорной степи в изобилии гнездился в сёлах Новониколаевка, Высокое, Ванновка – в садах, окружающих эти сёла, предпочитая для гнездования живые изгороди (Шульпин, 1956). В 1959-1966 гг. он был многочислен как в горах (оптимальные условия – в арчовых редколесьях, богатых лиственными кустарниками), так и в Новониколаевке; за эти годы, не занимаясь этим видом специально, я осмотрел 58 жилых гнёзд (Ковшарь, 1966). Обычен был он здесь и в 1971-1973 гг., когда Б.М. Губин (2012) в ущелье Кши-Каинды так же попутно осмотрел 9 жилых гнёзд. По учётам, проведенным 25 мая – 25 июля 1981 г. туркестанский жулан занял 7-е место в фауне арчового редколесья Кши-Каинды и был зачислен в список доминантов (Солоха, 1989). Однако в 80-х гг. численность его заметно снизилась: он перестал гнездиться в Новониколаевке, а в 1983-1989 гг. вообще ни разу не встречен в этом селе. Снизилась численность и в высокоствольных арчевниках Кши-Каинды, хотя в арчовом стланике (верхняя граница распространения) он ещё продолжал оставаться обычным видом: 25 июля 1964 г. в верховьях р. Кши-Аксу на площади 3 га гнездились три пары (Ковшарь, Чаликова, 1992). По наблюдениям Е.С. Чаликовой, в начале 90-х гг. единичные пары жуланов ещё встречались в арчовом лесу одного из урочищ, а с середины 90-х гг. – только в арчовом стланике в северной части заповедника, да и то не ежегодно. Одновременно жулан перестал встречаться в городе Чимкент, где он гнездился до конца 60-х гг. (Корелов, 1970).

Это снижение численности распространилось и на южный макросклон Западного Тянь-Шаня. Здесь в 1937-1940 гг. на территории создаваемого Чаткальского заповедника туркестанский жулан был обычен (Железняков, 1950; Железняков, Колесников, 1958), а в западных отрогах Чаткальского хребта, в долине Аксакаты, в 1984-1985 гг. обследованы 23 жилых гнезда (Аюпов, Хакимова, 1988). Однако уже в 90-х гг. туркестанский жулан в Чаткальском заповеднике стал редок (Лановенко, 1997), тенденция эта отмечена и О.В. Митропольским (2005). В 1949 г. этот вид был обычен на склонах Пскемского хребта (Корелов, 1956), а в июле-августе 2002 г. в верхней части долины Пскема его встретили всего 9 раз (В. Ковшарь, 2003); за два сезона (2015-2016 гг.) экспедиция орнитологов видела только один выводок (Тен и др., 2017).

Яркая картина депрессиии численности вида описана и для восточной части нашего района: «Если в 50-е годы XX в. *L. phoenicuroides* был весьма обычен в горных долинах Центрального и Северного Тянь-Шаня (Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959), то в период наших исследований в 1996-2004 гг. он оказался исключительно редкой птицей, что связано с масштабной депрессией численности этого вида в последнем десятилетии в восточных и юго-восточных регионах Казахстана, которая с 2000 г. прослеживается нами также в Джунгарском Алатау и Тарбагатае» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В верхней, предгорной части города Алматы, где в 1990-1993 гг. в районе Академгородка гнездилось 4-5 пар, последний раз жулана видели в 1994 г., а в 1995-2005 гг. он уже не встречался (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). Восстановление численности в долине Текеса началось с 2006 г., а в мае 2008 г.

почти все встреченные пары были типичными *L. phoenicuroides* и лишь один самец был гибридный (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008).

В июле 2000 г. туркестанский жулан оказался редок и на востоке Киргизии: всего 4 пары встретили мы в Южном Прииссыккулье, близ сёл Оттук, Борскаун и Джетыогуз; выводок – в месте слияния Кичи и Чон Нарына, одну взрослую птицу на перевале Кызылбель через Нарынтоо в долину Атбаши (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На приферганской равнине вдоль северных предгорий Алайского хребта на отрезке автомобильного маршрута от долины Исфары до города Баткен 27 июля 2004 г. мы насчитали 7 туркестанских жуланов (среди них один – очень светлый, скорее напоминающий *Lanius isabellinus*), а на следующий день по пути до города Кызылкия учли ещё 5 жуланов, часть из них были явными гибридами с буланым жуланом; в горах пару жуланов встретили в среднегорье – на р. Каравшин (26 июля) и одиночку – в высокогорье на р. Кичи-Алай, выше слияния её с Сурматашем (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Жуланы, встреченные 1-2 августа 2005 г. на северном берегу Иссык-Куля и в долине Чон-Аксу (южный склон Кунгей Алатау) резко отличались от всех виденных до этого своей яркой насыщенной окраской *L. phoenicuroides*. Столь же яркими были 7 жуланов, встреченные нами 21-24 июля 2006 г. в Таласской долине и в верховьях притока Чаткала Кара-Кысмак, у южных подножий Сандалашского хребта (ниже, в самой Чаткальской долине, попадались только чернолобые сорокопуты!). Неожиданно многочисленным оказался жулан в долине Алабуги, на правобережье, где в районе сёл Осовиахим, Конорчок, Байетов и далее до реки Нарын 29-30 июля 2006 г. мы насчитали более 50 [гибридных?] жуланов; встречались они здесь вместе с чернолобыми (*L. minor*).

Сроки. Даты. Появляются в апреле, пролёт идёт большую часть мая. Под Ташкентом, по наблюдениям Н.А. Зарудного с 1907 по 1918 г. прилёт туркестанского жулана в разные годы отмечен 3-21 апреля. В Угамском хребте первых отметили 22 апреля 1954 г., а 27 апреля их было уже много (Корелов, 1956), в Боролдае первые – 22 апреля 1958 г., в Каратау – 29 апреля 1941 г. (Долгушин, 1951; Корелов, 1970). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) самые ранние встречи – 18 апреля 1960, 26 апреля 1961 и 25 апреля 1962 гг., а заметный пролёт начинался только 5-7 мая (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 11 апреля – 7 мая, в среднем 30 апреля, последние летели 14-20, в среднем 16 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 26 марта[18] (2002) по 22 мая (2002) отловили 16 жуланов, срединная дата весеннего пролёта – 7 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Алматы первых отмечали: 2 мая 1956, 27 апреля 1957 и 5 мая 1961 гг. (Бородихин. 1968), а на Б. Алматинском озере за ряд лет наблюдений встречен весной только раз – 7 мая 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Близ Нарынкола (Центральный Тянь-Шань) первые появились 7 апреля 1956 г. и 9 апреля 1957 г. (Винокуров, 1960). В долине Копы пролёт туркестанских жуланов отмечен 24 апреля 1987 г. и 16 апреля 1988 г., он продолжался до 10-15 мая и завершали его более светлоокрашенные равнинные *L. ph. karelini* (Ковшарь, Березовиков, 2000). Под Джаркентом в 1900 г. «появились в хорошо заметном числе в первой трети IV» (т.е. около 20 апреля – *АК*), а 3 мая парочка уже строила гнездо (Зарудный, Кореев, 1905). Там же в 1918 г. появились в первых числах апреля, а валовой пролёт шёл 6 мая (Шестоперов, 1929).

Осенний отлёт начинается в августе и продолжается весь сентябрь. Под Джаркентом в середине августа 1900 г. пролёт был хорошо заметен, а к 10-15 сентября туркестанский жулан исчез (Зарудный, Кореев, 1905); там же к середине сентября 1918 г. туркестанских жуланов почти не осталось (Шестоперов, 1929). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) пролёт наблюдали в начале сентября (Винокуров, 1960). В Карачингиле (устье Тургени) первых пролётных отмечали 3 августа 2010 и 6 августа 2008 гг., самая поздняя встреча – 16 сентября 2005 г. (Бевза. 2012). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500), где туркестанский жулан летом не встречается, пролётных одиночек мы отмечали 2 августа 1972, 9-11 августа 1973, 21-26 августа 1974 и 30 августа 1975 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Алма-Ате самая поздняя встреча жулана – 13 сентября 1961 г. (Бородихин, 1968). В садах с. Кузьминка (северные предгорья Киргизского Алатау близ Мерке) осенний пролёт шёл 18 августа 1929 г. (Портенко, 1961). На Чокпаке, где осенний пролёт больше выражен, чем весенний, в 1966-1981 гг. его наблюдали с 10 августа по 9 октября 1973 г., окольцевали 35 жуланов (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 21 августа (2003) по 8 октября (1984) поймали 76 туркестанских жуланов;

[18] Очень ранняя дата, скорее всего это был буланый жулан. То же самое можно сказать о многочисленных мартовских датах, фигурирующих в сводке «Птицы Киргизии» (1960, с. 173), где видовой очерк посвящён жулану в широкой трактовке (*Lanius cristatus* с подвидами: буланый, туркестанский и др.) – *АК*

срединная дата пролёта – 13 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау осенний пролёт туркестанского жулана выражен слабо. Хотя в августе это наиболее многочисленная птица среднего пояса гор, но, по наблюдениям в 1933-1935 гг. Л.М. Шульпина (1956), – это местные линяющие птицы. Последняя встреча в горах – 7 сентября 1959 г. в Саркраме (2500 м), в культурном поясе перестают встречаться в середине сентября (Ковшарь, 1966).

Биология. По размножению туркестанского жулана накоплены довольно большие материалы, часть из которых обработаны и изложены в виде видовых очерков в монографиях (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Умрихина, 1970; Корелов, 1972). Наиболее обширный материал по этому виду собран в Западном Тянь-Шане, где помимо наблюдений у 67 гнёзд в Таласском Алатау опубликованы сведения о 23 гнёздах в западных отрогах Чаткальского хребта (Ковшарь, 1966; Аюпов, Хакимова, 1988; Губин, 2012). В Чуйской долине описаны 12 гнёзд, в Иссык-Кульской котловине – 8, в Алайской долине и в Арсланбобе (Ферганский хребет) – по 2, в Сусамырской и Таласской долинах – по одному (Птицы Киргизии, 1960). В районе Джаркента (предгорья Борохоро) в 1900 и 1918 гг. описаны 20 гнёзд (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929). В Центральном Тянь-Шане в 1956-1957 и 1970-1971 гг. А.А. Винокуров и В.С. Аракелянц нашли 5 гнёзд (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006). В предгорьях Терской Алатау описано 4 гнезда (Степанян. 1959); там же и в хр. Нарынтоо – 2 гнезда (Шукуров, 1986), в садах г. Фрунзе (Бишкек) – 7 гнёзд (Умрихина, 1984), в степи Жусандала севернее Чу-Илийских гор – 22 гнезда (Березовиков и др., 1999), в долине Копы – 3 гнезда (Ковшарь, Березовиков, 1999). Кроме того, упоминаяния о гнёздах туркестанского жулана встречаются ещё в ряде работ (Коваленко, В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003; Корелов, 2007; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Джаныспаев, 2011; Кузьмина, 2009).

Из наиболее интересных биологических моментов стоит упомянуть следующие. Туркестанский жулан в условиях Тянь-Шаня нередко воспитывает птенцов кукушки (Ковшарь, 2003), а однажды, 22 августа 1975 г. на южной, предгорной окраине города Алматы жулан кормил даже двух хорошо летающих кукушат (Лопатин, 1987). Очень интересны наблюдения (видимо, И.Д. Яковлевой) над влиянием на жулана позднего весеннего снегопада: «В мае 1957 г. после большого снегопада мы наблюдали на побережье Иссык-Куля большие скопления птиц. Птички спасались от снежного бурана в зарослях облепихи, были чрезвычайно истощены и легко становились добычей жуланов. При нас жуланы умертвили двух чеканов и лесного конька, проклюнув им головы, после чего они отрывали куски мяса и поедали. Несмотря на обилие пищи, жуланы также были обессилены, некоторых можно было поймать руками. Очевидно, птицы являются всё же непривычной для них пищей» (Птицы Киргизии, 1960, с. 175). В пойменных ивовых зарослях по р. Аксакаты (Западный Тянь-Шань) со второй декады июня 1987 г. начались сильные дожди, многие гнёзда жуланов промокли, а некоторые были разрушены градом; жуланы бросили гнёзда и больше этим летом в долину Аксакаты не вернулись (Аюпов, Хакимова, 1988). По наблюдениям за 23 жилыми гнёздами эти авторы основными врагами жулана считают змей (полозов). Ещё один интересный факт: 18 июня 1962 г. в хребте Нарынтоо (урочище Кайынды) было найдено гнездо туркестанского жулана с одним яйцом, располагавшееся *на земле*, хотя рядом были кусты и молодые ёлочки (Шукуров, 1986). В одном из гнёзд жуланы выбросили неоплодотворённое яйцо за несколько дней до начала вылупления птенцов (Ковшарь, 1966). Судя по перечисленным примерам, несмотря на значительное количество накопленных фактов, этот вид всё ещё нуждается в планомерном, системном исследовании его биологии, поведения, а также распространения, численности и взаимоотношений с буланым жуланом.

383. Жулан – *Lanius collurio* Linnaeus, 1758

red-backed shrike (англ.), Neuntöter (нем.), piegrièche ècorcheur (фр.),
жасылбас тағанақ (каз.), кадимки борбаш (кирг.), олатығоноқ (узб.)

Синонимы: *Lanius jocosus* Kluk, 1779; *L. varius* Gmelin, 1788; *L. spinitorquus* Bechstein, 1791; *L. dumetorum* Brehm, 1831; *L. tenuirostris* Brehm, 1842; *L. musicus* Brehm, 1842; *L. gracilis* Brehm, 1842; *L. brachiurus* Brehm, 1842; *L. medius* Gistel, 1850; *Enneoctonus anderssoni* Strickland et Scläter, 1852;

L. affinis Fischer et Reichenow, 1884; *E. reichenowi* Shelley, 1894; *E. collurio kobylini* Buturlin, 1906; *L. loudoni* Buturlin, 1907. Европейский жулан (Корелов, 1970). Обыкновенный жулан (Гаврилов, 1999).

Подвид. Монотипичный вид (Степанян, 2003), хотя с 1906 по 1951 г. было описано 8 подвидов, в том числе западносибирский *L. loudoni* Buturlin, 1907, описанный как вид; все они сведены в синонимы.

Характер пребывания. Дважды, весной и осенью, пролетает предгорьями (горами не летит).

Биотоп. Кустарники, в том числе на лесных опушках, в садах и парках, речных долинах.

Распространение. Поскольку основные места зимовки гнездящихся в Западной Сибири жуланов (*L.c. loudoni* Buturlin) находятся в Африке, пролёт проходит западнее горной системы Тянь-Шаня и Памиро-Алая, притом почти исключительно осенью (Иванов, 1969). Об отсутствии пролёта в горах пишет М.Н. Корелов (1970), это подтверждает и тот факт, что в сводке о птицах Киргизии (1960) *Lanius collurio* ни разу не упоминается даже в качестве подвида. В сущности, известны лишь два залёта мигрирующих *L. collurio* в горы: 27 июля 1926 г. А.П. Коровин добыл его в верховьях Кши-Аксу в Таласском Алатау (Шульпин, 1956) и 31 мая 1974 г. яркого самца встретили мы у верхней границы леса (2700 м) в Заилийском Алатау (Ковшарь, Лопатин, 1983). По поводу первой встречи Л.М. Шульпин дал пространный комментарий, смысл которого в том, что это была летовавшая где-то неподалеку птица: «Этот экземпляр оказался в сильно обношенном и обтрёпанном пере, в то время как добывавшиеся мной на пролёте были незначительно обтрёпаны или в очень свежем пере. По наблюдениям Е.П. Спангенберга (1935), жулан гнездится немногими парами в садах г. Фрунзе и Беловодского в той же стации и бок о бок с типичным *L. phoenicuroides*, что заставляет допускать возможность этого явления и в нашем районе. На гнездование жулана в северо-западном Тянь-Шане указывал ранее и Н.А. Северцов (1875). Однако указанный экземпляр был добыт в стелющемся арчовнике верховьев Кши-Аксу (2465 м), где гнездование этого вида мало вероятно, вследствие чего легче допустить прикочёвку птицы из ближайших мест» (Шульпин, 1856, с. 190). Наблюдения Е.П. Спангенберга (в данном случае имелась в виду работа Spangenberg, Dementieff, 1935, опубликованная во французском журнале Alauda) не упоминаются в сводных работах о птицах Киргизии (1960) и Казахстана (Корелов, 1970), видимо, вследствие их несоответствия истине, так же, как не фигурирует в этих монографиях и повторенное В.Н. Шнитниковым (1949) указание Н.А. Зарудного и Б.П. Кореева (1905) о возможном гнездовании этого сорокопута в Тышкане близ Джаркента. Нигде ближе Алтая *L. collurio* не гнездится, а пространство между Алтаем и Джунгарским Алатау «занято смешанной популяцией гибридов между европейским и тукестанским жуланами. Чистых особей здесь почти нет ни того, ни другого вида» (Корелов, 1970, с. 385). Кстати, «из 7 добытых в Аксу-Джабаглы на пролёте экземпляров *L. collurio* лишь один носил следы крови *L. phoenicuroides* в рыжеватой окраске рулей, остальные были вполне типичными экземплярами» (Шульпин, 1956, с. 190).

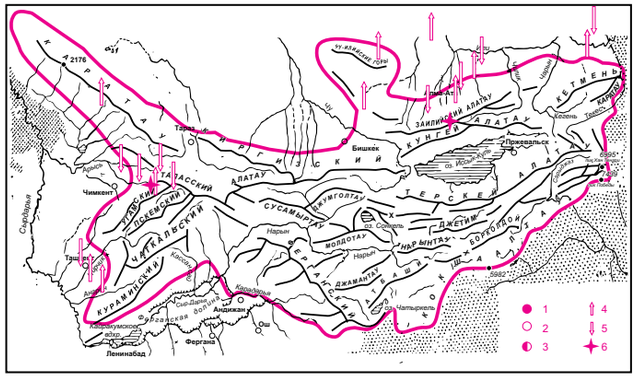

Рис. 452. Распространение жулана в Тянь-Шане:
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – залёт

Численность. Преобладание осеннего пролёта над весенним (Иванов, 1969) подтверждается моими наблюдениями в Таласском Алатау, где в 1959-1966 гг. осенью *L. collurio* пролетал в массе, не уступая в численности туркестанскому сорокопуту, а весной встречен всего два раза: одиночка 4 мая 1961 г. и несколько одиночных самцов 13 мая 1965 г. (Ковшарь, 1966). О том же свидетельствуют и многолетние наблюдения на Чокпаке, где в 1966-1981 гг. окольцевали осенью 13, а весной – всего 2 *L. collurio* (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 32 и 4 особи (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной пролетает в мае, осенью – в августе и сентябре. Именно в эти месяцы большая серия их шкурок собрана под Ташкентом (Салихбаев, Богданов, 1967). На Чокпаке их встречали 3 и 21мая 1969 г., 5 и 8 мая 1974 г., 10 мая 1971 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 10 по 14 мая (1988, 1985 гг.) отловили 4 особи (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) самец

пойман 16 мая 2000 г. (Коваленко и др., 2002). В долине Копы отмечен трижды – 21-22 мая 1987 и 11 мая 1988 гг. (Ковшарь, Берзовиков, 2000). В северных предгорьях Чу-Илийских гор и на равнине Жусандала их встречали 18 мая 1993, 7-26 мая 1995 и 9-29 мая 1996 гг. (Березовиков и др., 1999). В Карачингиле (устье Тургени) одиночный встречен 18 мая 2005 г. (Бевза, 2012).

Осенью под Джаркентом молодая птица добыта 9 октября 1918 г. (Шестоперов, 1929). В Чокпаке в 1966-1981 гг. первых встречали 10 августа (1974) – 27 августа (1972); в 1982-2016 гг. с 22 августа (2003) по 8 октября (1984) окольцевали 32 жулана, срединная дата осеннего пролёта – 4 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау Л.М. Шульпин (1956) начало пролёта отметил 7 августа 1933 г. и 8 августа 1935 г.; в августе 1935 г. он добыл 6 и наблюдал 10 экземпляров, последняя встреча – 11 сентября. Там же в 1959-1966 гг. я наблюдал начало пролёта *L. collurio* 15 августа 1960 и 1961 гг, 12 августа 1962 г. и 13 августа 1963 г. Весь август они были многочисленны в арчовых редколесьях и на суходольных лугах среднего пояса гор (Ковшарь, 1966). В 1971-1973 гг. там же (Кши-Каинды, 1800 м) *L. collurio* были многочисленны с начала августа до сентября (Губин, 1976). Даже южнее, у западной окраины Памиро-Алая, все встречи *L. collurio* были между 7 августа и 1 октября (Иванов, 1969).

384. Длиннохвостый сорокопут – *Lanius schach* Linnaeus, 1758

long-tailed Shrike (англ.), Schachwürger (нем.), piegrièche schach (фр.),
кезқұйрық тағанақ (каз.), узун куйрук борбаш (кирг.), узун думли қарқуноқ (узб.), чарги дароздум (тадж.)

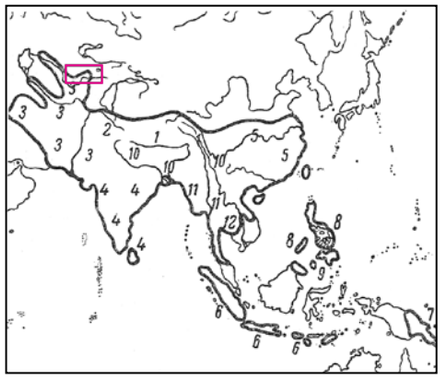
Синонимы: *Lanius* **(***Caudolanius***)** *erythronotus jaxartensis* Buturlin, 1911.

Подвид. Из 10 подвидов в Тянь-Шане один – *Lanius schach erythronotus* Vigors, 1831.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность, сады и парки в культурной полосе предгорий и подгорной равнины (оазисы) до высот 1000-1500 м. «Гнездование в тугаях и диких зарослях горных долин пока не известно» (Корелов, 1970, с. 382). Самый синантропный вид среди сорокопутов нашей фауны.

Распространение. Наш район находится на северной границе ареала этого южно-азиатского вида (рис. 453) и здесь он наиболее распространён в южных и западных предгорьях (рис. 454). Детали распространения к концу 60-х гг. XX ст. хорошо описаны в 3-м томе сводки по птицам Казахстана: «Он очень обычен в садах посёлков в предгорьях Таласского Алатау и его отрогов – Угамского и Каржантау. В частности, найден нами в Газалкенте, Ходжикенте, у Хумсана, в садах посёлков вдоль тракта от Ташкента до Чимкента. Гнездится в садах посёлков севернее Чимкента уже в предгорьях Боролдая, например, в пос. Карабулак. Гнездится и очень обыкновенен в садах сёл между Чимкентом и Джамбулом. Нет его лишь у самого Чокпакского перевала – в сёлах Чокпак и Бурном, но в сёлах Ванновке, Высоком и несколько южнее тракта – в Новониколаевке (Аксу-

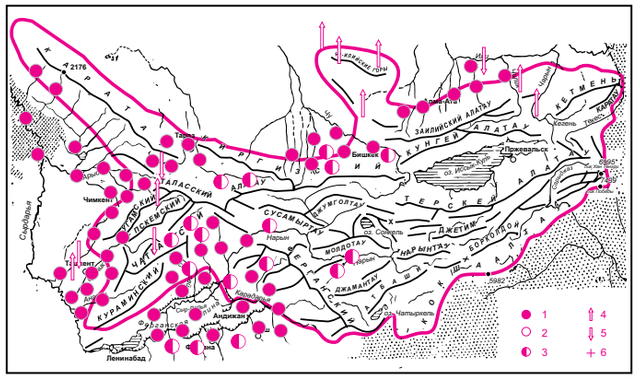

Рис. 453. Ареал длиннохвостого сорокопута и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Дементьев, 1954, с. 54
Рис. 454. Распространение длиннохвостого сорокопута в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

Джабаглинский заповедник) гнездится. Восточнее, за перевалом между Таласским Алатау и Боролдаем, он довольно обычен в насаждениях Головачёвки и у оз.Бийликуль. Обычнейшая и многочисленная птица насаждений Джамбула и окрестных сёл. Но далее, к востоку от долины Таласа, в посёлках северных подножий Киргизского хр., бедных древесными насаждениями, до Мерке и Сосновки (граница с Киргизией) его нет. Здесь, в Мерке, Сосновке и далее в Киргизии по Чуйской долине он опять становится довольно обычен. Гнездится в небольшом числе у Георгиевки (крайние западные отроги Заилийского Алатау), а затем уже только в предгорьях Заилийского Алатау, у Алма-Аты, где он появился, по-видимому, в 1953 г. или годом раньше. Возможно, что гнездится уже и между Алма-Атой и Талгаром» (Корелов, 1970, с. 381). И далее автор проводит участок северной границы ареала вида на то время: «Имеющиеся данные дают возможность наметить положение северной границы вида в настоящее время следующим образом: Джулек и Байгакум [на Сырдарье – *АК*], возможно, Сузак – Бийликуль – Джамбул – Алма-Ата и Талгар, где вид находит предел распространения в восточном направлении» (там же, с. 382). Заслуживают внимания рассуждения автора о том, что ареал этого вида в пределах Средней Азии не стабилизировался и продолжается его формирование: в 80-х гг. XIX ст. он перестал гнездится во многих районах южной Туркмении, но к середине XX ст значительно продвинулся к северо-востоку в области западных и северных предгорий Тянь-Шаня. Это подтвердили события последних 30 лет XX ст.: «К 2000 г. длиннохвостый сорокопут достиг дельты р. Или (1982 г., Б.М. Губин), на северо-востоке – оз. Алаколь (1993 г., С.Н. Ерохов; 2000 г., С.Ю. Анненкова). Далеко оторваны от основного ареала встречи этого сорокопута в мае 1994 г. в Синьцзяне (Западный Китай) – в садах городов Фукан и Савен (Ковшарь, 1994 а) и в мае 2000 г. – в пос. Докучаевка, Кустанайской области на севере Казахстана (Брагин, 2000). К востоку от Алма-Аты длиннохвостый сорокопут гнездится до долины р. Чилик (100 км), но на побережье Иссык-Куля его не было ещё в 1999-2000 гг.» (Ковшарь, Березовиков, 2001, с. 35). Нет на Иссык-Куле длиннохвостого сорокопута и сейчас, если не считать странного указания без даты и точного места: «Осенний экземпляр длиннохвостого сорокопута с Иссык-Куля имеется в коллекции МГУ; по-видимому, это была залётная птица» (Птицы Киргизии, 1960, с. 179), не позволяющей даже поставить точку на рис. 454. В других внутренних районах Тянь-Шаня восточнее Ферганского хребта за все экспедиционные поездки мы встретили длиннохвостого сорокопута только раз: 17 июля 1999 г. – по одному в долине Нарына и его левобережного притока Алабуга (Ковшарь, Торопова, 2000). В эту трёхнедельную поездку мы насчитали 70 длиннохвостых сорокопутов, из них: 66% – в садах населённых пунктов Ферганской долины; 14% – в сёлах Чуйской долины; 9.8% в районе Токтогул – Ташкумыр – Караван; 5.6% в сёлах по Памирскому тракту между городами Ош и Гульча; и ни разу не встретили его ни на склонах Алайского хребта выше Гульчи (1650 м), ни в Алайской долине, ни на отрезке маршрута «Сусамырская долина – Кокомерен – Джумгол – Кочкорка» (Ковшарь, Торопова, 2000).

Численность. В оазисах обычен, а местами многочислен и превосходит по численности других сорокопутов – туркестанского и чернолобого: например, в старых запущенных садах Мерке и Кузьминки (Киргизский Алатау) летом 1929 г. (Портенко, 1961); а 21-22 июля 1935 г. на пути Наманган – Афлатунь он встречался чаще чернолобого (Спангенберг, 1935). В селе Новониколаевка (предгорья Таласского Алатау, 1200 м) в 1959-1966 гг. он встречался не реже, чем туркестанский жулан, и почти вдвое чаще чернолобого сорокопута, а в сёлах долины Арыси, расположенных дальше от гор, был ещё более обычен (Ковшарь, 1966), последнее подтверждено и наблюдениями Л.М. Шульпина (1956) в 1933-1935 гг. Конкретных показателей мало. В продолжение данных за 1999 г. (см. выше), можно сказать, что на наших маршрутах **2000** г. он оказался достаточно редким: всего две встречи в Чуйской долине между Токмаком и Быстровкой; в июле **2003** г. был немногочислен в Чуйской долине и достаточно обычен от Токтогульского вдхр. до Каракульджи, выше которой он попадался до села Мырза-аке; немногочислен был он и в южных предгорьях Ферганского хребта. На маршруте **2004** г. оказался довольно многочисленным, особенно на отрезке пути от Токтогула до города Ош, где 16 июля с автомобиля учтено 37 особей – почти столько же, сколько чернолобых. Немало их встретили мы по долинам Соха и Исфары, а вдоль шоссе Исфара – Баткен – Кызылкия 27-28 июля учли 13 длиннохвостых сорокопутов, которые уступали в численности только чернолобым. В горы здесь длиннохвостый сорокопут не поднимается выше 1500 м (в Исфайрамсае – село Каракыстак). В долине последней речки, в садах близ с. Майдан, их было довольно много и 50 лет назад (Птицы Киргизии, 1960). В июле **2006** г. на маршруте по Западному и Внутреннему Тянь-Шаню (от перевала Карабура в Таласском Алатау до перевала Кугарт в Ферганском хребте) за 6 дней пути мы насчитали 20 длиннохвостых сорокопутов – в основном в Чаткальской долине и юго-восточных предгорьях

Чаткальского хребта. Кстати, на маршруте обратного направления (Токтогул – с. Алабука – Чаткальская долина – перевал Карабура – Таласская долина) в июне **2017** г. численность длиннохвостого сорокопута была примерно того же порядка (Архипов, Коблик и др., 2018). Вдоль северной границы нашего района длиннохвостый сорокопут в последние годы не представляет редкости в подгорных сёлах вдоль Кульджинского тракта от Алматы до Чилика, а восточнее (в Кокпекском ущелье, в селе того же названия и в Красном каньоне Чарына) встречен на пролёте 22 и 25 мая 2002 г. и 23 мая[19] 2006 г. в несвойственной ему обстановке – среди камней, где нет ни деревьев, ни даже кустов (Ковшарь, 2003: КОБ-2002; 2007: КОБ-2006). Рост численности на севере района особенно бросается в глаза, если вспомнить, что к середине XX ст. отсюда были известны всего два экземпляра: «один, добытый 15/VII неизвестного года и помеченный на этикетке «Семиречье», поступил в Зоологический Музей АН в составе коллекции Северцова, другой был добыт Г.Б. Кореевым зимой 1929/30 г. в низовьях р. Б. Алматинки и находится в Казахском университете» (Шнитников, 1949, с. 480). При этом зимний экземпляр этого вида уже сам по себе вызывает большие сомнения в правильности его этикетирования.

Сроки. Даты. Весной прилетает поздно. В предгорьях Таласского Алатау (Новониколаевка) прилёт его отмечали 9 мая 1945 г., 3 мая 1949 г. и 1963 г.; через несколько дней встречали поющих (Ковшарь, 1966). В 1971 и 1972 гг. длиннохвостые сорокопуты прилетели даже 29 апреля (Губин, 2012). На Чокпаке начало весеннего пролёта в 1966-1981 гг. отмечали 23 апреля (1968) – 14 мая (1969), в среднем – 4 мая; заканчивался пролёт 13 мая (1974) – 24 мая (1975), в среднем – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 26 апреля (1994) по 24 мая (1995) здесь поймали 22 особи; срединная дата весеннего пролёта – 19 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы встречен 1 мая 1987 г. и 15 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Жусандале, вдоль северных предгорий Чу-Илийских гор, длиннохвостых сорокопутов встречали 4 и 6 мая 1995 г., 9 и 12 мая 1997 г. и 6 мая 1999 г. (Березовиков и др., 1999). В крайних восточных точках – Кокпекском ущелье, Сюгатинской долине и Турайгыре (Чарынский каньон) – пролётных одиночек видели 22, 23 и 25 мая в 2002 и 2006 гг. (Ковшарь, 2003, 2007: КОБ-2002, 2006).

Осенью отлетают и пролетают в августе-сентябре. В Карачингиле пролётных отмечали 17-19 августа 2006 г. (Бевза, 2012), в Алма-Ате отлетают в конце августа – начале сентября (Бородихин, 1968), в ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) единственная встреча – в начале августа 1989 г. (Шукуров, Кормилицын, 2005). На Чокпаке осенью встречается чаще, чем весной. По наблюдениям 1966-1981 гг. первыми улетают взрослые, конец пролёта 16 сентября – 9 октября 1967 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 21 августа (2004) по 9 октября (1987) здесь отловили 21 длиннохвостого сорокопута, срединная дата осеннего пролёта – 10 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау, где они появляются после вылета птенцов, в 1933 г., по наблюдениям Л.М. Шульпина (1956), осенние кочёвки и пролёт начались уже 2 августа, когда они стали появляться на плато Кши Чимбулака (южнее каньона Аксу, около 1800 м) и держаться в деревьях арчи, где их гоняли местные туркестанские жуланы. Сам пролёт вследствие близости границы ареала ничтожен, но длиннохвостые сорокопуты задерживаются здесь дольше, чем чернолобые – в окрестностях села Высокое их встречали ещё 14 и 15 сентября 1933 г. (Шульпин, 1956). Моя самая последняя встреча этого сорокопута в Аксу-Джабаглы – 19 сентября 1960 г. (Ковшарь, 1966). К концу сентября повсюду в предгорьях Тянь-Шаня пролёт заканчивается, но у Ташкента отдельные особи задерживаются до начала октября (Корелов, 1970). В Ферганской долине численность длиннохвостого сорокопута заметно сокращается уже в первой декаде сентября, основная масса их отлетает в середине месяца, но отдельные особи могут быть отмечены и в октябре (Сагитов, 1995). Указание этого автора на встречи длиннохвостого сорокопута даже в ноябре, со ссылкой на С.Д. Матякубова (1984) – явно ошибочно.

Везде пролёт идёт предгорьями или нижними поясами гор (до 2000 м), однако имеется указание и на пролёт высокогорьями на территории Памиро-Алая: «Только на пролёте этот вид встречен в Алайской долине у Дарауткургана (Зарудный, 1926), в Заалайском хребте у пика Ленина (колл. ЗИН), на Памире (озёра Булункуль и Яшилькуль и окрестности Памирской биологической станции, в Бадахшане на верхнем течении Пянджа (кишл. Лянгаргишт, уроч. Нимхона, кишл. Шитхарв, Рушан и др.) и на оз. Искандеркуль» (Иванов, 1969, с. 339).

[19] В публикации (КОБ-2006) – опечатка в дате: «23 марта» – *АК*

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась и сведения отсюда минимальны, а в сводке по большей части территории Тянь-Шаня сказано, что гнёзд на территории Киргизии не находили (Птицы Киргизии, 1960). Тем не менее видовой очерк в сводке по птицам Казахстана содержит интересные описания поведения длиннохвостого сорокопута – в основном по наблюдениям в Западном Тянь-Шане (Корелов, 1970). Больше материалов по размножению этого вида собрано на территории Памиро-Алая и краткий их анализ содержит очерк монографии по этому региону (Иванов, 1969). Из пределов нашего района описания 5 гнёзд имеются для Таласского Алатау (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Одно гнездо нашёл Е.П. Спангенберг (1925) в Сарычелеке; два гнезда найдены в Чуйской долине (Торопова, Еремченко, 1977), одно – в Джувалинской долине (Губин, Белялов, 2017). Интересные сведения о гнездовании в городе Ташкенте, где длиннохвостый сорокопут – единственный из представителей своего рода – поселялся в самых оживлённых кварталах, опубликовал Р.Н. Мекленбурцев (1982). По его данным, *Lanius schach* появился в центре города только после землетрясения 1966 г., когда возникло много пустырей с уцелевшими деревьями на них. С застройкой этих пустырей численность гнездящихся *Lanius schach* уменьшилась, но они всё же продолжали гнездиться, несмотря на то, что насекомых в городе интенсивно уничтожали при помощи инсектицидов. Темпы заселения длиннохвостым сорокопутом Алматы описаны И.Ф. Бородихиным (1968): после встречи первого в 1953 г. в западной части города, он стал гнездиться в роще Баума (в 1955 г – 2 пары, в 1961 г. – 11 пар, в 1962 г. – около 20 пар) и постепенно занял как нижнюю, так и верхнюю часть города. В верхней части (район Академгородка) с 2005 г. они уже не гнездятся (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005), но в районе рощи Баума и аэропорта ещё живут (В. Ковшарь, 2008: КОБ-2007). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы, Новониколаевка) и в с. Балтабай (60 км восточнее Алматы) отмечены три случая выкармливания длиннохвостым сорокопутом птенцов кукушки (Белоусов, 1995; Бевза, 2012). Желательно провести специальные исследования биологии этого вида в Тянь-Шане.

Сорокопут Дарвина – *Lanius darwini* Sevetrzov, 1879

«Под этим именем Северцов описал оригинального сорокопута, добытого 30/IV 1878 г. в окрестностях Алма-Аты и в конце сентября (вероятно 1876 г.) на Иссык-Куле. Один из упоминаемых экземпляров хранится в коллекции ЗИН и по всем признакам представляет несомненную помесь между *Lanius isabellinus* и *L. schach erythronotus*. Так как это формы не очень близкие, то и не удивительно, если помеси между ними являются настолько редкими, что кроме двух экземпляров Северцова их больше неизвестно и до сих пор» (Шнитников, 1949, с. 480). Этот краткий очерк из монографии «Птицы Семиречья» [никак не комментируемый в следующих монографиях «Птицы Киргизии» и «Птицы Казахстана»] я привёл для иллюстрации сложных взаимоотношений между видами сорокопутов и склонности их к скрещиванию. Кстати, Г.П. Дементьев (1954, с. 20) считает этот описанный Н.А. Северцовым «вид» уклоняющимся от обычного типа окраски экземпляром туркестанского жулана – так же, как и описанные в видовом статусе *L. bogdanovi* Bianki, 1886; *L. raddei* Dresser, 1888; *L. dichrourus* Menzbier, 1894; *L. elaeagni* Suschkin, 1895; *L. infuscatus* Suschkin, 1896.

385. Чернолобый сорокопут – *Lanius minor* J.F. Gmelin, 1788

lesser grey Shrike (англ.), Schwarzstirnwürger (нем.), piegrièche à poitrine rose (фр.),
кіші тағанақ (каз.), карала борбаш (кирг.), қорапешанали қарқунок (узб.), чарги сиехпещона (тадж.)

Синонимы: *Lanius italicus* Latham, 1790; *L. vigil* Pallas, 1811; *L. nigrifrons* Brehm, 1831; *L. medius* Brehm, 1831; *L. pinetorum* Brehm, 1842; *L. eximius* Brehm, 1842; *L. longipennis* Blyth, 1846; *L. roseus* Bailly, 1853.

Подвидов не образует (хотя с 1884 по 1927 г. было описано 4 подвида).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Южной Африке (рис. 455).

Биотоп. Древесно-кустарниковые насаждения на равнине и в предгорьях, часто в селениях, но ещё чаще – в группах деревьев, растущих около речки или другой воды. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в горах чернолобый сорокопут появлялся только после вылета птенцов (Губин, 1976), но в 80-х гг. он начал гнездиться в арчовых редколесьях Чуулдака, Кши и Улькен Каинды, где нашли его гнёзда на арче и жимолости (Ковшарь, Чаликова, 1992). Оригинален биотоп, предпочитаемый чернолобым сорокопутом на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня: «В Каржантау, Угамском, Пскемском хребтах, в отрогах Чаткальского хр. он часто гнездится на грецком орехе в долинах, в порослях плодовых деревьев, а выше – в совершенно своеобразных условиях – в глухих ущельях с высокоствольной арчой. Это единственное место в Казахстане, где чернолобый сорокопут живёт в условиях горного высокоствольного арчового леса» (Корелов, 1970, с. 377).

Распространение. Наш район находится на юго-восточной границе ареала вида (рис. 455). Севернее он очень обычен на гнездовании по низкогорью, северным и западным предгорьям Джунгарского Алатау, реже гнездится по южным предгорьям, где найден в районе Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905). «В долине Или он гнездится от Узунтама и низовий Чарына до низовий Курты, ниже по течению его нет. Нет его и в южном Прибалхашье. Довольно обычен в предгорьях Заилийского Алатау, в полосе, изобилующей селениями, полями и садами, приблизительно от 600 до 1200 м. В Чу-Илийских горах гнездится лишь местами в долинах с ручьями и куртинами ив… Очень обычен в аналогичных условиях на Курдае. По долине Чу гнездится у посёлков и местами многочислен… В предгорьях северных склонов Киргизского хр. спорадично гнездится у посёлков и в нижней части ущелий, в отщелках с группами деревьев. Здесь его гораздо меньше, чем в Заилийском, например, что связано со слабым развитием садоводства и безлесностью западной части северных склонов хребта. Гнездится в окрестностях Джамбула и Михайловки, но как далеко идёт по Таласу дальше, не известно» (Корелов, 1970, с. 375-376). Гнездится в Малом Каратау (Беркара) и в его северных предгорьях у Бийликуля, а по южному склону Каратау доходит до долины Джалганаты севернее города Туркестан (рис. 456). Населяет весь Западный Тянь-Шань, Ферганскую долину и западную половину Внутреннего Тянь-Шаня – до меридиана города Нарын (76°в.д.); восточнее он встречен только дважды: в селе Оттук на юго-западном берегу Иссык-Куля (Птицы Киргизии, 1960) и один раз нами в июле 2000 г. на юго-восточном побережье Иссык-Куля близ села Покровка (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005); имеется также указание на гнездование его в южной, более тёплой части Сарыджазских сыртов (Крылов, 1969). В Центральном Тянь-Шане раньше не был встречен даже на пролёте, но в последние годы уже известны две встречи: 4 июля 1999 г. пара в долине Чулкудысу и молодая птица 5 августа 2004 г. в горах Жабыртау между пос. Текес и озером Тузколь (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), позволившие авторам говорить о гнездовании, хотя вторая встреча относится уже ко времени пролёта.

Численность. На гнездовании обычная, местами многочисленная птица, однако цифровых данных конкретных учётов практически нет. В юго-восточной части Каратау, на выходе в долину из ущелий Аксакалсай и Журунсай, в полуколониальных поселениях гнёзда чернолобых сорокопутов располагаются в 5-50 м друг от друга с общей численностью до 50 пар; в тугаях речных долин гнёзда сорокопутов располагаются в 100-120 м друг от друга (Губин, Белялов, 2017). В то же время по южному

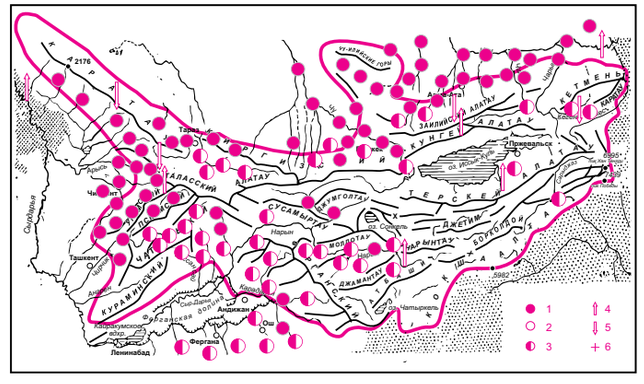

Рис. 455. Ареал чернолобого сорокопута и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Дементьев, 1954, с. 45
Рис. 456. Распространение чернолобого сорокопута в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

берегу Бийликоля численность этого вида низкая (Губин, Карпов, 1999). В сёлах верхней части долины Арыси чернолобый сорокопут на гнездовании в 60-х гг. был обычен, но по численности примерно вдвое уступал туркестанскому жулану (Ковшарь, 1966), так же, как в те годы в Чуйской долине (Умрихина, 1970). Там же, в Чуйской длине, в балке, заросшей ивой, летом 1954 г. на протяжении 1 км обнаружено 14 жилых гнёзд; здесь, по наблюдениям Р.Д. Поповой, чернолобые сорокопуты селятся группами – как правило, вблизи посевов люцерны и клевера. В пойменном лесу ущелья Кара-Арча (долина р.Талас) в 1959 г. нашли 3 гнезда на протяжении 3-4 км (Птицы Киргизии, 1960). Во внутреннем Тянь-Шане в 1999-2006 гг. мы провели учёты сорокопутов с автомобиля по маршруту экспедиций во второй половине июля. В 1999 г. за две недели насчитали 17 чернолобых сорокопутов в посёлках и 24 – вне их; везде в местах совместного обитания он уступал в численности длиннохвостому сорокопуту. Чаще всго он попадался по долине Нарына и Алабуги – до Казармана (34% встреч) и на участке Ош – Папанское вдхр. (26.8%); совсем не встречен в Алайской и Сусамырской долинах и в Кокомеренском ущелье (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2000 г. чернолобый сорокопут всего два раза встречен в долине р. Каракоюн, один раз – у села Покровка (Иссык-Куль) и 7 особей – в месте впадения р. Молдосу в Нарын. По маршруту 2003 г. оказался самым обычным из сорокопутов. Больше всего их встречено на сухом хребте Такталык, от верхнего бьефа Токтогульского вдхр. до города Каракуль (44.5% всех учтённых) и в южной части маршрута, на участке «Арал – Кокарт – Казарман – Алабуга» (33.7%); реже встречался по долине Тара выше Каракульджи (6 особей до с.Терек-суу) и в Чуйской долине (8 птиц). В 2004 г. был так же многочислен, как и длиннохвостый, встречаясь везде в предгорном поясе, чаще всего – у населённых пунктов, включая город Баткен; в горах не встречен (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). По маршруту 2005 г. в Центральный Тянь-Шань за три недели в июле мы встретили двух чернолобых сорокопутов только в Боомском ущелье на р. Чу, а в 2006 г. за 11 дней (20-30 июля) на маршруте во Внутренний Тянь-Шань через Таласскую и Чаткальскую долины насчитали 103, в том числе 57 – за первые 4 дня в Таласской и Чаткальской долинах и 46 – от восточных предгорий Чаткальского хребта до долины Нарына и южных предгорий хребта Молдотоо близ с. Угут. Через 10 лет, 20 июня 2016 г., в последнем месте, на маршруте «Жанаталап – Дюрбельджин – Байтечёк» встретили 11 чернолобых сорокопутов за один день (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В городе Алматы в 60-х гг. гнездился в очень небольшом числе на окраинах города и в роще Баума (Бородихин, 1968), а в 1985-1986 гг. – всего несколько пар в Ботаническом саду (В. Ковшарь, Скляренко, 1988); с 1992 г. в Ботаническом саду уже не гнездится (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В Бишкеке на гнездовье редок, в Ташкенте не гнездится.

Сроки. Даты. Прилетает поздно. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первые отмечены: 9 мая 1960, 8 мая 1961, 4 мая 1962, 3 мая 1963 и 4 мая 1965 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке, где весенний пролёт выражен слабо, в 1966-1981 гг. первых отмечали 24 апреля – 9 мая, в среднем за 11 лет – 3 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 26 апреля (1991) по 25 мая (1983) отловили 55 чернолобых сорокопутов; срединная дата весеннего пролёта – 13 мая (А. Гаврилов и др., 2017). На Бийликуле прилёт отметили 2 мая 1991 г. и 5 мая 1992 г. (Губин, Карпов, 1999). В Чуйской долине чернолобого сорокопута добывали 4 мая 1927 г. и 6 мая 1957 г. (Птицы Киргизии, 1960). В Алматы прилёт отмечали в конце апреля – начале мая (Бородихин, 1968), а в высокогорье мы встретили его 9 мая 2008 г. в редком ельнике над Б. Алматинском озером (2550 м), где его никогда не видели за много лет работы (Ковшарь, 2009: КОБ-2008); здесь же чернолобого сорокопута сфотографировали 18 мая 2014 г. (А. Исабеков, www.birds.kz). Ещё выше (3400 м) добывали его на пролёте 23 мая 1958 г. в Алайской долине, у северных склонов Заалайского хребта (Птицы Киргизии, 1960). Под Джаркентом в 1999 г. чернолобый сорокопут появился 28 апреля (Зарудный, Кореев, 1905), а в 1918 г. – только 2 мая (Шестоперов, 1929). Встреча одного чернолобого сорокопута на восточном берегу Иссык-Куля 27-30 марта 2004 г. (Кулагин, Сагымбаев, 2005) вызывает сомнение в правильности видового определения – слишком ранняя дата для этого дальнего мигранта, зимующего в Южной Африке.

Осенью начинают отлетать очень рано. Так, в 1899 г. чернолобые сорокопуты покинули Джаркент к середине августа (Зарудный, Кореев, 1905), а в 1918 г. «отмечено их совершенное отсутствие» в окрестностях этого города уже 25 июля (Шестопёров, 1929). Почти в такую же дату – 29 июля 1973 г. – произошла единственная летне-осенняя встреча этого вида в высокогорье Заилийского Алатау (2700 м) над каменистыми россыпями Мраморного ручья в Б. Алматинском ущелье (Ковшарь, Лопатин, 1983).

Самая поздняя встреча чернолобого сорокопута на Б. Алматинке – 14 августа 1928 г. (Шнитников, 1949). В долине Чу их добывали 7 августа 1938 г. и 4 августа 1949 г., а в 1958 г. последняя встреча у с. Камышановка – 10 августа (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке к середине августа основная масса чернолобых сорокопутов уже отлетает; последних здесь отмечали 29 августа 1980, 18 сентября 1967 и 2 сентября 1999 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в среднегорье Таласского Алатау, чернолобые сорокопуты ещё нередки в первой половине августа, но полностью отлетают к концу этого месяца (Ковшарь, 1966). На осеннем пролёте здесь изредка поднимаются в альпийский пояс: 13 августа 1971 г. – 4 сорокопута у снежника на Шунгульдуке (2700 м), 10 августа 1973 г. – одиночка в урочище Казанчукур (3000 м) и 2 августа 1973 г. – один над перевалом Кши-Каинды (3100 м); последнего чернолобого сорокопута в Аксу-Джабаглы видели 1 сентября 1972 г. (Губин, 2012).

Биология. В Средней Азии мало изучена, немотря на многократные описания гнёзд, яиц и птенцов, преимущественно в долинах Памиро-Алая (Ахмедов, 1957; Сагитов, 1959, 1995; Сагитов, Бакаев, 1980 и др.). В Тянь-Шане специальных исследований биологии этого вида не проводилось, но в публикациях накопилось немало информации из отдельных районов. Так, по Таласскому Алатау (Аксу-Джабаглы) есть сведения о 34 жилых гнёздах (Ковшарь, 1966; Губин, Левин, 1983; Губин, 2012), по долине Копы – о 15 (Ковшарь, Березовиков, 1999). Много биологических сведений, без указания объёма материала, имеется в обзорах птиц Чуйской долины (Умрихина, 1970) и Каратау (Губин, Белялов, 2017), а также в видовом очерке сводки по птицам Казахстана (Корелов, 1970). Все эти данные могут послужить хорошим сравнительным материалом для любого, кто возьмётся за изучение биологии чернолобого сорокопута в Тянь-Шане.

386. Серый сорокопут – *Lanius excubitor* Linnaeus, 1758

great grey Shrike (англ.), Raubwürger (нем.), piegrièche grise (фр.),
үлкен тағанақ (каз.), ала борбаш (кирг.), кулранг қарқуноқ, бўз қарқуноқ (узб.), чарги ашхаби (тадж.)

Синонимы: *Lanius major* Gmelin, 1788; *L. mollis* Eversmann, 1853; *L. melanopterus* Brehm, 1854; *L. rapax* Brehm, 1854; *L. homeyeri* Cabanis, 1873; *L. excubitor leucoptera* Severtzov, 1875; *L. przewalskii* Bogdanov, 1881; *L. borealis sibiricus* Bogdanov, 1881; *L. funereus* Menzbier, 1894. Большой сорокопут.

Подвиды. Выделяют до 20 подвидов, многие из которых были описаны как виды; некоторые авторы включают в это число в ранге подвида и следующий вид (Степанян, 2003), но с оговоркой, что это может быть самостоятельный вид. На территории нашего района регулярно зимует степной подвид *L. e. homeyeri* Cabanis, 1873, а тянь-шанский *L.e. funereus* Menzbier, 1894 указан гнездящимся для Джунгарского Алатау, Кетменя и, предположительно, Центрального Тянь-Шаня – между Иссык-Кулем и Хан-Тенгри (Степанян, 2003, с. 424). Пока доказательств гнездования не имеется, но есть добытые зимой экземпляры этого подвида и ещё двух – алтайского *L.e. mollis* Eversmann, 1853 и сибирского *L.e. sibiricus* Bogdanov, 1881.

Характер пребывания. На нашей территории зимует и встречается осенью и весной. Добыча одного экземпляра 9 июня 1949 г. на северном склоне хр. Кетмень (Корелов, 1956) никоим образом не может служить доказательством гнездования (Корелов, 1970), несмотря на то, что сам подвид *L.e. funereus* описан по экземпляру из верховьев р. Кызылсу – истока Тарима, совсем рядом с нашим районом (Иванов, 1969). Утверждение Г.П. Дементьева (1937) о гнездовании у нас *L.e. funereus* подверг справедливой критике ещё В.Н. Шнитников (1949, с. 472), доводы которого советую прочитать каждому интересующемуся. Указание на гнездование в Чаткальском заповеднике (Лановенко, 1997) – просто ошибка.

Биотоп. На зимовке и кочёвках в нашем районе встречается в самой разнообразной обстановке – от кустарников в степных предгорьях до верхней границы елового леса в горах (2500-2700 м).

Распространение. На зимовке и кочёвках встречается довольно широко (рис.457), но сколько-нибудь выраженного пролёта нет даже на Чокпаке (стрелки на рис. 457 поставлены для указания местоположения этого стационара). Малочисленность обозначений в Центральном и Внутреннем

Тянь-Шане, скорее всего, – свидетельство редкости посещения этих мест орнитологами в зимний период; в основном имеются сведения из мест стационарных исследований, включая старые районы постоянной работы орнитологических коллекторов и осенне-зимние маршруты наших первопроходцев. Так Н.А. Северцов добыл серого сорокопута 6 октября на р. Тарагай (Покровские сырты), 18 октября – в верховьях Нарына, 23 октября – в Гульче (северные склоны Алайского хребта), 31 октября – в долине р. Яссы (Ферганский хребет), 3 ноября – в Узгене. В Чуйской долине близ с. Камышановка первых в 1957 г. добыли 21 октября, а с ноября по март, кроме Чуйской долины, их добывали на северном побережье Иссык-Куля, на северных склонах Киргизского хребта (в районе Иссык-Атинской лесной дачи), в окрестностях с. Кочкорки (Птицы Киргизии, 1960). Большей частью это были экземпляры подвида *L. e. homeyeri*. Места добычи других подвидов стоит перечислить.

L.e. sibiricus Bogdanov, 1881: самец 12 ноября 1899 г., Джаркент (Зарудный, Кореев, 1905); серию экз. добыл в 1906-1917 гг. Н.А. Зарудный под Ташкентом 25 октября – 6 апреля (Салихбаев, Богданов, 1967).

L.e. funereus Menzbier, 1894: самец 6 марта 1899 г., Верный (Алматы) и два самца – 12 ноября 1899 г. и 11 февраля 1900 г., Джаркент (Зарудный, Кореев, 1905); самец добыт 5 января 1965 г., окраина Ташкента (Балан, 1966); три молодых птицы первого года добыты 8 сентября и 24 октября 1971 г. и 1 октября 1973 г. (Губин, 1976); взрослая самка 28 ноября 1977 г. поймана в западню (приманкой служил щегол) у нижней границы леса (1500 м) в окрестностях Алматы (Ковшарь, Лопатин, 1983).

L.e. mollis Eversmann, 1853: в коллекции САГУ имеется две шкурки птиц, добытых Н.А. Зарудным 31 октября 1912 г. и 16 ноября 1914 г. в пойме Чирчика в районе Ташкента (Салихбаев, Богданов, 1967). Пару тёмных сорокопутов типа *L.e. mollis* или *L.e. funereus* [птицы не добыты] видел зимой 1963 г. в Алматы М.Н. Корелов (Бородихин, 1968).

Чрезвычайно интересно, серых сорокопутов какого подвида встречал А.А. Винокуров 22 августа 1956 г. в долине Текеса у горы Басулытау и 14 сентября 1956 г. в арче на опушке ельника в верховье Карагайлыбулака – верхнего притока Текеса (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Никакой другой информации по этим встречам авторы не приводят, а ведь они не укладываются в сроки пребывания этого вида в Тянь-Шане (октябрь-апрель) и уж никак не могут быть отнесены к сезону гнездования…

Численность. Зимующие у нас серые сорокопуты встречаются редкими одиночками, хотя иногда встречаются и исключения. Так, высокую численность их под Джаркентом и Верным зимой 1899/900 г. (Зарудный, Кореев, 1905) прокомментировал В.Н. Шнитников: «Думаю, впрочем, что такое обобщение слишком поспешно и что многочисленность сорокопутов зимой 1899/900 г. была явлением исключительным. Мне приходилось достаточно много ездить в зимние сезоны по Семиречью, и всегда сорокопуты попадались мне лишь изредка, одиночными экземплярами. То же говорит и Долгушин относительно зимы 1933/34 г. в низовьях Или, где для жизни этой любящей простор птицы условия весьма благоприятны: «повсюду встречается одиночками, редок». Надо думать, что какие-то особенно неблагоприятные для сорокопутов условия на их родине осенью 1899 г. заставили их двинуться к югу в массовом количестве» (Шнитников, 1949, с. 472). На Иссык-Куле в январе 1962 г. на маршруте 22 км по облепиховым зарослям встречены 2 серых сорокопута (Второв, 1963), там же один встречен зимой 2000/01 г. (Кулагин, 2002) и один на южном берегу озера 29 марта 2004 г. (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В тугайных зарослях в низовьях Чилика в зимние сезоны 1992-1999 гг. встретили 3 особи на 100 км суммарного маршрута (Губин, 2001). В Карачингиле (устье Тургени) остаются на зиму и держатся поодиночке около 20 серых сорокопутов; если случается увидеть рядом двух, то только во время их ожесточённых драк в воздухе (Бевза, 2012). На Сорбулаке встречали 1-3 сорокопутов за день (Белялов, Карпов,

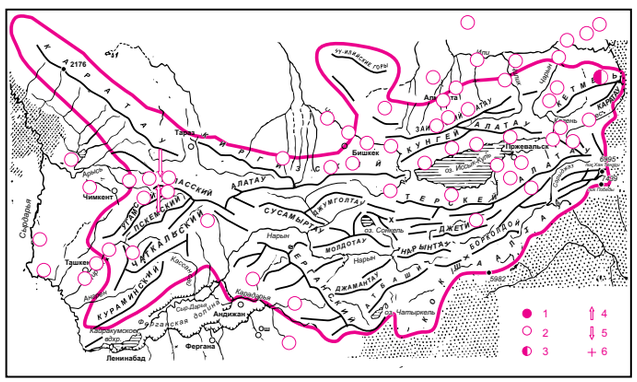

Рис. 457. Распространение серого сорокопута в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 3 – летняя встреча, 4,5 – Чокпак

2013). В Чуйской долине выше Токмака 11-13 января 2008 г. насчитали 4 серых сорокопута (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008).

Сроки. Даты. В нашем районе проводят около полугода – с октября до апреля. Так, в Карачингиле появляются в начале октября, последняя встреча – 29 марта 2011 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке крайние даты встреч – 20 октября 2001 г. и 21 марта 2004 г. (Белялов, Карпов, 2013). На Б. Алматинском озере (2500 м) самая ранняя встреча – 21 октября 1973 г. (сорокопут атаковал ястребиную сову), самые поздние весной – 23 марта 1973 г. и 18 марта 1974 г., а у нижней границы леса (1500 м) – 7 апреля 1976 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). На Покровских сыртах (р. Тарагай) Н.А. Северцов добыл серого сорокопута уже 6 октября, в верховьях Нарына – 18 октября, а 23 октября – в Гульче, на северном склоне Алайского хребта (Птицы Киргизии, 1960). В Чуйской долине их встречали с октября до 19 марта (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых встречали 12-28 октября (отловлены два *L. e. homeyeri*), а впоследствии одиночек отлавливали даже 29 сентября 1983 г., 18 октября 1991 г. и 22 октября 1994 г. Последние встречи весной – 11 марта 1970, 12 марта 1973, 14 марта 1972 и 19 апреля 1987 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первых осенью отмечали 23 октября 1963 г., 29 октября 1964 и 24 октября 1965 гг.; последних весной В.В. Шевченко видел 16 марта 1945 и 8 марта 1948 гг., а В.Д. Крестьянинов – даже 26 апреля 1949 г. (Ковшарь, 1966). Под Ташкентом первых серых сорокопутов осенью Н.А. Зарудный добывал 25 октября 1914 г. и 4 октября 1916 г., а весной самый поздний, видимо, отсталый экземпляр был коллектирован 6 апреля (Дементьев, 1954).

Биология. Никто зимнюю билогию этого вида в Тянь-Шане не изучал.

387. Пустынный сорокопут – *Lanius lathora* (Sykes, 1832)

steppe grey Shrike (англ.), дала үлкен тағанақ (каз.), чул каркуноги (узб.), чарги биебон (тадж.)

Синонимы: *Lanius meridionalis* Temminck, 1820; *L. pallidirostris* Cassin, 1852; *L. assimilis* Brehm, 1954; *L. pallidus* Antinori, 1864; *L. grimmi* Bogdanov, 1881. Южный серый сорокопут (Панов, 2008).

Подвид. В нашем районе один – *Lanius lahtora [meridionalis] pallidirostris* Cassin, 1852.

Характер пребывания. Гнездится в пустыне у северных границ нашего района, в который изредка попадает только в период сезонных кочёвок весной и летом.

Биотоп. Пустыни, преимущественно песчаные с зарослями саксаула и других кустарников. В речных долинах охотно поселяется в турангах на пухлых солончаках, в глинистой пустыне может жить и без кустарников, используя для размещения гнёзд триангуляционные вышки, столбы и прочие сооружения.

Распространение. Численность. «В небольшом количестве встречается у западного окончания Каратау. Довольно обычен в Муюнкумах, наиболее многочислен в саксаульниках в районах, прилежащих к р. Чу… Немногочислен, но довольно обычен в Западном Прибалхашье – в Таукумах, на северных шлейфах Чу-Илийских гор… В долине Или гнездится от низовий до гос. границы всюду – в песках, по краям туранговых рощ, но везде немногочислен» (Корелов, 1970, с. 369). На правом берегу Или южнее Джаркента гнездование пустынного сорокопута предполагал В.Н. Шнитников (1949), а на левом берегу восточнее устья Чилика Э.И. Гаврилов 5 мая 1968 г. нашёл гнездо с 6 яйцами (Корелов, 1970). Это самая близкая к Тянь-Шаню точка гнездования пустынного сорокопута (рис. 458), в остальных местах отмечены летние встречи. Так,

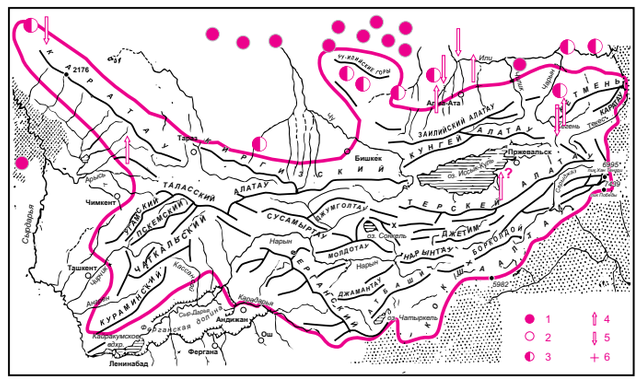

Рис. 458. Распространение пустынного сорокопута в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

в Чу-Илийских горах, на маршруте 15-20 км в долине между горами Серектас и Анархай 13 июля 1992 г. встречены 2 одиночных сорокопута, а в горах Серектас 16 апреля 1998 г. – один самец (Губин, 2007). В буграх внешней гряды в предгорьях ущелья Чунгурсай (Киргизский Алатау напротив с. Луговое, ныне Кулан) 17 июля 1957 г. добыт один пустынный сорокопут (Корелов, 2007). На правобережье Чарына на линии электропередач среди подгорной пустынной равнины между посёлками Темирлик и Чунджа (подгорная равнина у западного склона Кетменя) 8 июля 1996 г. встречен один *L. l. pallidirostris* (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На Сорбулаке трёх молодых пустынных сорокопутов видели 31 июля 2005 г. (Белялов, Карпов, 2013). Самое близкое место, где пустынный сорокопут был обычным, даже многочисленным на гнездовании, – пески Таукум и прилегающая к ним с юга пустынная равнина Жусандала, где в 90-х гг. XX ст. было найдено 62 гнезда (Березовиков и др., 1999). Однако уже в 2007 г. на маршруте через пески от Каншенгеля до Топара, где ещё 10 лет назад (когда здесь проходила высоковольтная ЛЭП) я насчитывал до 10-15 взрослых птиц и находил гнёзда в кустах на обочине дороги, за 4 поездки по этой дороге 16 и 24 мая 2007 г. (около 100 км в один конец, до Джельтуранги) я не встретил ни одного пустынного сорокопута, несмотря на специальные поиски (Ковшарь, 2008: КОБ-2007). В высокогорье пустынный сорокопут даже на кочёвках попадает исключительно редко: только раз, 19 октября 1899 г. самца добыли на дороге между Кегенем и Сарыджазом (Зарудный, Кореев, 1905). Кроме того, в сводке «Птицы Семиречья» на карте 95 распространения пустынного сорокопута указана точка встречи его на пролёте на юго-восточном берегу Иссык-Куля (Шнитников, 1949, с. 470), однако в тексте об этом ничего не сказано, даже сезон не обозначен – осень или весна; поэтому на рис. 458 эта точка указана под вопросом.

Сроки. Даты. Весной в южных предгорьях Боролдая (Каратау) одного пустынного сорокопута встретили в кустах лоха у с. Шавровка 23 апреля 1958 г. (Корелов, 2012). На Сорбулаке весной встречается с середины марта (17 марта 2001 г.) до середины апреля – 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). В устье Тургени пролётных отмечали 18 апреля 2005 г., 22 и 31 марта 2007 г. (Бевза, 2012). У северных подножий Кетменя, между сёлами Дардамты и Сункар пустынного сорокопута встретили 21 апреля 1989 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Осенью откочёвывают уже в середине августа: 17 августа 1958 г. пустынных сорокопутов встретили в предгорьях Заилийского Алатау (Корелов, 1970). В долине Копы, между ж-д станциями Жиренайгыр и Саз, кочующих пустынных сорокопутов встретили 24 августа 1995 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В предгорьях северо-западной оконечности Каратау, у с. Аксумбэ, пустынного сорокопута встретили 13 сентября 2002 г. (Чаликова, Колбинцев, 2006). На орнитологическом стационаре Чокпак пустынного сорокопута не встретили ни разу за все 50 лет его работы.

Биология. Подробный очерк гнездовой биологии вида по наблюдениям за 62 гнёздами в соседних с Чу-Илийскими горами песках Таукум имеется в работе «Птицы пустыни Таукум» (Березовиков и др., 1999). По наблюдениям 1986 г. на левобережье Сырдарьи (район Арыси) установлено наличие у этого вида двух репродуктивных циклов (Губин, 1990).

Семейство **Иволговые** Oriolidae

Рисунок А.Н. Комарова

388. Иволга – *Oriolus oriolus* (вкл. *kundoo*) (Linnaeus, 1758)

Golden Oriole (англ.), Pirol (нем.), loriot d'Europe (фр.),
мысықторғай (каз.), барпы (кирг.), зарғалдоқ (узб.), заргулдор (тадж.), саргылдак (туркм.)

Синонимы: *Coracias oriolus* Linnaeus, 1758; *Oriolus galbula* Linnaeus, 1766; *O. aureus* Brehm, 1831; *O. garrulus* Brehm, 1831; *O. kundoo* Sykes, 1832; *O. meridionalis* Brehm, 1845. Обыкновенная иволга.

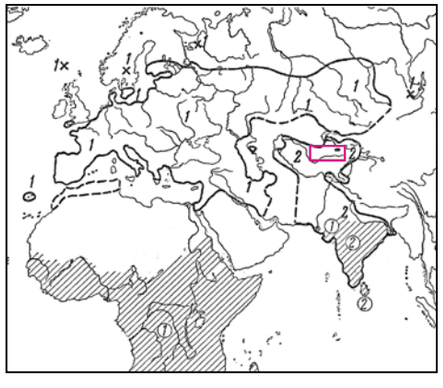
Подвид. Принято считать (Корелов, 1954; Степанян, 1978, 2003), что в Тянь-Шане гнездится *O. o. kundoo* Sykes, 1832; пролетает *O. o. oriolus* Linnaeus, 1758. В литературе встречаются упоминания о встречах в Тянь-Шане птиц со смешанными признаками обоих подвидов, но публикации с анализом подобных данных мне не известны. Только у Л.А. Портенко (1954), считающего, что Тянь-Шань населяет *O. o. turkestanicus* Zarudny et Kudaschev, 1918 (а более лимонно-жёлтого цвета *O. o. kundoo* не проникает севернее Памира), есть указание, что ареалы номинативного и туркестанского подвидов сходятся у Алматы. Вопросу о валидности *O. o. turkestanicus* посвятил убедительные «Замечания…» А.И. Иванов (1969, с. 203).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Индии и Африке (рис. 459).

Биотоп. Широколиственные леса, сады и парки. Предпочитает нижнюю часть лесного пояса гор и зелёные зоны населённых пунктов в предгорьях. Обычно гнездятся не выше 2000 м, но во внутренних районах Тянь-Шаня и на юге (Алайская долина) достигают 2500-2800 м (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Наш район находится на одной из границ сложной конфигурации ареала этого вида (рис. 459), занимая северную часть ареала индийского подвида *O. o. kundoo*. Здесь иволга гнездится достаточно широко, за исключением безлесных мест в высокогорье Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня, пояса хвойного леса, а также безлесных низкогорий Каратау и Чу-Илийских гор (рис. 460). На этом рисунке знак «летние встречи» также в большинстве случаев означает гнездование и применён только для отличия от литературных указаний на гнездование (они тоже не всегда подкреплены доказательствами).

Численность. На гнездовании обычная птица, нигде не бывает особенно многочисленной. Только раз – 15 июля 2004 г. – в Чуйской долине в сёлах между Бишкеком и ущельем Карабалты мы

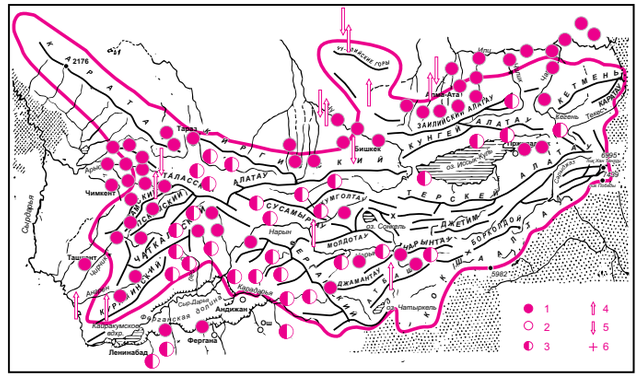

Рис. 459. Ареал иволги и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Корелов, 1954, с. 144
Рис. 460. Распространение иволги в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт весной, осенью

насчитали с автомобиля 22 иволги, парами и поодиночке (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В городе Алматы вдоль р. Малая Алматинка гнёзда иволог располагались через 200-300 м (Бородихин, 1968). В Сарычелекском заповеднике, по данным учётов 1982-1983 гг., плотность на гнездовании была: в ореховых лесах 2-3, в яблонево-боярково-алычовых 4-6 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) на гнездовании иволга обычна в яблоневом лесу каньона р. Аксу, а рядом, в горном массиве Даубаба, в 2008 г. учитывали до 16.9 особей/час (Чаликова, 2009). На пролёте бывает многочисленной. Так, на Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали 33, в осенние – 257 иволог (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – 171 весной и 557 осенью, а на учётах осенью наблюдали 3 872 иволги (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетает в мае, редко – в конце апреля. В Кураминском хребте, в садах посёлка Нишбош, первые 4 иволги встречены 28 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2004). В Новониколаевке (Аксу-Джабаглы, Таласский Алатау) первых отмечали: 3 мая (1944, 1948, 1952) – 4 мая (1946, 1949, 1965) – 5 мая (1945) – 6-7 мая (1947, 1953) – 9-11 мая (1960, 1961, 1962, 1964) – 14 мая 1963 г. Эти даты относятся к *O. o. kundoo*, но в это же время идёт пролёт и *O. o. oriolus* (Ковшарь, 1966). В 1937 г. самец *O. o. oriolus* добыт здесь 5 мая, а в 1943 г. также самец – 25 мая (Шевченко, 1948). Массовый пролёт *O. o. oriolus* наблюдал я в Талдыбулаке почти в одни и те же даты в разные годы: 15 мая 1960 г., 20 мая 1961 г. 19 и 20 мая 1962 г., 18 мая 1963 и 1965 гг. На пролёте они встречались стайками по 5-10 самцов, в отличие от местных *O. o. kundoo*, которые держались уже парами или по одиночке. Длился такой массовый пролёт пару дней, причём перечисленные даты совпадали с массовым пролётом кукушки (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. весенний пролёт начинался 27 апреля (1981) – 11 мая (1971), в среднем за 11 лет – 2 мая. Около 90% иволог пролетало во второй декаде мая, причём первыми летели самцы; последние встречи 15-24, в среднем – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь с 1 мая (1990) по 26 мая (1993, 2003) окольцевали 171 иволгу, срединная дата весеннего пролёта – 13 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В городе Фрунзе (ныне Бишкек, Чуйская долина) прилёт отмечен 10 мая 1932 г., а в городе Ош (Ферганская долина) 11 мая 1956 г. в одном саду добыли двух иволог обоих подвидов (Птицы Киргизии, 1960). В городе Алматы прилёт отмечен: 30 апреля 1962, 3 мая 1952, 7 мая 1955 и 1961, 8 мая 1956 гг. (Бородихин, 1968). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 10 мая 2008 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. иволги появлялись 3-6 мая, и только в 2003 г. – 11 мая (Бевза, 2012). Под Джаркентом в 1918 г. первую одиночную иволгу встретили 30 апреля, запоздалую пролётную стайку – ещё 22 мая (Шестоперов, 1929).

Осенью отлетают в августа-сентябре. Под Джаркентом последняя встреча иволги – 18 августа 1918 г. (Шестоперов, 1929). На Сорбулаке самая ранняя встреча – 3 августа 2008 г. (Белялов, Крапов, 2013). Из города Алматы отлетает во второй половине августа, последняя встреча – стайка из 7-8 иволг 9 сентября 1961 г. в роще Баума (Бородихин, 1968). В Чуйской долине в 1962 г. пролёт иволги наблюдали 4-12 сентября, а 19 сентября их не стало (Умрихина, 1970). На Чокпаке пролёт идёт с первой половины августа до 15 сентября (1977) – 1 октября (1969), в среднем за 13 лет – 21 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 18 августа (1986) по 2 октября (1987) здесь же поймали 557 иволог; срединная дата осеннего пролёта – 29 августа (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане специально не изучалась и отдельных публикаций нет. В Среднеазиатском регионе материалы по размножению иволги попутно собирались в более южных местах Памиро-Алая, в Зеравшанской долине и пойме Амударьи, в Ферганской долине (Салихбаев, 1956; Сагитов, 1965; Салихбаев, Кашкаров, Шарипов, 1970; Абдреимов, 1981), а также в Западном Тянь-Шане, включая Каратау. В итоге в Таласском Алатау собраны сведения о 15 жилых гнёздах (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Губин, 2012), в Каратау – об 11 (Чаликова, Колбинцев, 2005; Губин, Белялов, 2017). Ряд гнёзд осмотрены в Чуйской долине, включая город Бишкек, в городе Алматы (Шнитников, 1949; Бородихин, 1968; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995). По одному гнезду найдено в Таласской долине, в Ферганском хребте, на северном склоне Алайского хребта (Птицы Киргизии, 1960). Самый обстоятельный очерк биологии этого вида, в т.ч. и в нашем районе, опубликован в 5-м томе «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1974, с. 6-14). Однако в целом изученность биологии иволги в условиях Тянь-Шаня оставляет желать лучшего.

Семейство **Монарховые** Monarchidae

389. Райская мухоловка – *Terpsiphone paradisi* (Linnaeus, 1758)

Asian Paradise Flycatcher (англ.), Indischer Paradiesschnäpper (нем.), gobe-mouches de paradis indien (фр.), жұмақ шыбыншы (каз.), узун куйрук чымынчы (кирг.), думпараст, жанат пашшахури (узб., тадж.)

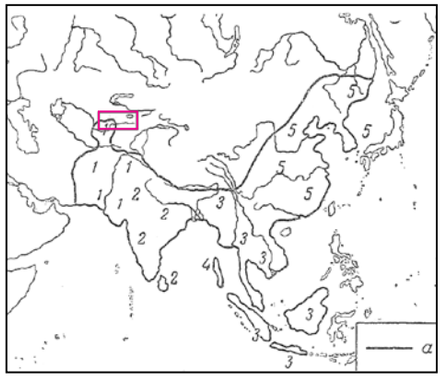
Синонимы: *Muscipeta leucogaster* Swainson, 1838; *Tchitrea paradisi turkestanica* Zarudny et Härms, 1911. Длиннохвостая мухоловка (Спангенберг, 1954; Птицы Киргизии, 1960).

Подвид. Из 14-16 подвидов в Тянь-Шане один – *Terpsiphone paradisi leucogaster* Swainson, 1838.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии.

Биотоп. Широколиственные леса в горных долинах и сады селений в предгорьях. В садах выбирает наиболее тихие, глухие участки, заросшие большими деревьями с густыми широкими кронами, мало посещаемые людьми. При этом для гнездования райской мухоловки важны два условия: чередование таких участков с полянами и наличие поблизости воды – хотя бы небольшого ручья или арыка. Населяет ореховые леса, яблоневые и другие плодовые, нередко с примесью арчи; гнездится в фрагментарных галерейных лесах из ясеня, шелковицы, магалебской вишни и железного дерева. В Таласском Алатау поселяется на высотах 1100-1800 м, на Памиро-Алае 1000-2000 м; возможно, спускается до 750 м (Иванов, 1969).

Распространение. Райская мухоловка – один из ярких примеров расселения вида во второй половине XX ст., к 50-м гг. которого северо-западная граница её ареала едва достигала южных районов Западного Тянь-Шаня (рис. 461) и даже в 1970 г. участок границы в этом месте определялся следующими пунктами: «Ташкент, Чимкент, р. Боролдай (от среднего течения до верховьев), северные склоны хребта Боролдай, истоки Арыси и граница с Киргизией у заповедника Аксу-Джабаглы. Следует подчеркнуть, что в большинстве этих мест (кроме Чимкента и Ташкента) мухоловка появилась совсем недавно» (Ковшарь, 1970, с. 447). Интересно проследить появление в этом месте и темпы её дальнейшего продвижения к северо-востоку. Возможность появления райской мухоловки в Таласском Алатау предсказывал ещё М.А. Мензбир (1914), а затем Л.М. Шульпин, который специально искал её в заповеднике Аксу-

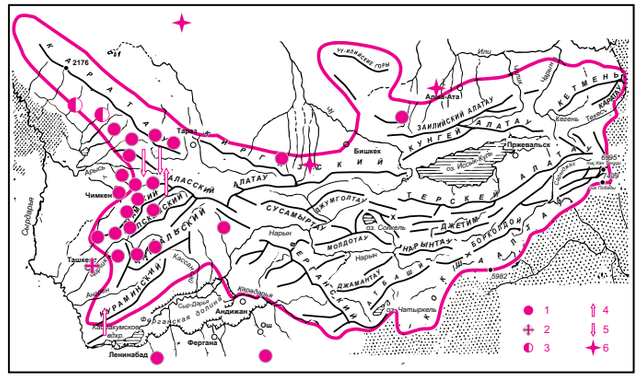

Рис. 461. Ареал райской мухоловки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Спангенберг, 1954, с. 119
Рис. 462. Распространение райской мухоловки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – былое гнездование, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – залёт

Джабаглы в 1933-1935 гг. Впервые её встретил в каньоне р. Аксу В.В. Шевченко (1948) 24 июля 1944 г., а в 1960 г. там же мне удалось найти её гнездо (Ковшарь, 1962), причём численность увеличивалась прямо на глазах (Ковшарь, 1966), в том числе и в 70-х и 80-х гг. (Иващенко, 1982; Губин, 1991; Чаликова, 2003). В Боролдайском хребте соседнего Каратау райскую мухоловку в 1926 г. безуспешно искал Л.В. Шапошников (1931) и в мае-июне 1941 г. – И.А. Долгушин (1951), а впервые встретил в 1958 г. М.Н. Корелов (1964). Дальнейший рост численности её в Боролдае и Малом Каратау освещён в ряде работ (Колбинцев, 1984, 1991; Скляренко, 1991; Губин, Карпов, 2000).

Для территории Киргизии к середине XX ст. была известна только одна встреча залётной птицы Е.П. Спангенбергом у Сосновки, в предгорьях центральной части Киргизского хребта (Птицы Киргизии, 1960). Подробнее об этом, как всегда, написал В.Н. Шнитников: «Эта замечательная птичка впервые найдена в Семиречье только в 1936 г., на самой границе нашего края. 2/VI Спангенберг дважды встретил райскую мухоловку в Сосновке, расположенной на р. Карабалты, а на следующий день один из местных жителей рассказал ему о самце райской мухоловки, встреченном им в том же ущелье, но выше в горах. Весьма возможно, что это было первое появление птички в нашем крае и что она, подобно некоторым другим южным видам, расширяет свой гнездовый ареал к северо-востоку, продвигаясь к Семиречью» (Шнитников, 1949, с. 483). Хочу обратить внимание, что это было написано за 15 лет до выхода статьи М.Н. Корелова (1964) на эту тему.

В 80-х гг., одновременно с нарастанием численности вида в Западном Тянь-Шане, отмечены и залёты райской мухоловки: в июне 1983 г. в Западную Бетпак-Далу (Ковшарь, 1988) и в июне 1998 г. на дачный участок в районе ж-д станции Чемолган, в 30 км западнее Алматы (Левин, 2000). До этого пару райских мухоловок у готового гнезда без кладки встретили 31 мая 2001 г. на р. Аспара у посёлка Гранитогорск в северных предгорьях Киргизского Алатау (Карпов, Белялов, 2004: КОБ-2003). Наконец, 5 июля 2003 г. выводок райских мухоловок встречен в западных отрогах хребта Заилийский Алатау – в ущелье Восточные Ргайты (горы Атжайлау), в окрестностях посёлка Актерек, в 110 км западнее[20] города Алматы (Карпов, Коваленко, Белялов, 2004: КОБ-2003, с. 190). Взрослые (хвост у самца длиной не менее 30 см) кормили уже летающих птенцов среди зарослей клёна Семёнова, яблони Сиверса и боярышника у небольшой речки.

Во внутренних районах Тянь-Шаня мы встретили райскую мухоловку только раз, 21 июля 1998 г. на подступах к Сарычелекскому заповеднику – в урочище Бечел-аю близ с. Караджигач. Здесь, в идеальном для этой птицы месте – в роще старых ясеней с подлеском из алычи мы наблюдали кормление взрослыми мухоловками короткохвостых, но уже летающих птенцов (Ковшарь, Торопова, 2000). По южному горному обрамлению Ферганской долины райская мухоловка спорадична: «В Алайском и Туркестанском хребтах явно доминируют арчевники, которых райская мухоловка избегает, поэтому она известна нам отсюда лишь из немногих пунктов: уроч. Арчал на р. Акбура в 30 км южнее г. Ош (Зарудный, 1915 а), кишл. Зардалы на р. Сох (Stolzmann, 1897) и, наконец, бассейн р. Исфара, где Зарудный встретил её в садах г. Исфара, у кишл. Ворух и в уроч. Самаркандек» (Иванов, 1969, с. 239-240). Посетив бассейны рр. Сох и Исфара в июле 2004 г., мы не встретили райских мухоловок – возможно, из-за краткости пребывания в этих местах (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. В долинах Чирчика, Угама и Пскема, где сто лет назад Н.А. Зарудный (1915) собирал сведения для своей прекрасной статьи по биологии этой неведомой тогда птицы, райская мухоловка осталась многочисленной и в начале XXI в.: в июле-августе 2002 г. в верхней части долины Пскема встречено 98 особей и найдено 10 гнёзд (В. Ковшарь, 2003). На северном склоне Таласского Алатау и в юго-восточной части Каратау, появившись в середине XX ст., райские мухоловки стали обычными, а в Каратау – даже многочисленными, о чём может свидетельствовать число найденных там жилых гнёзд: в Малом Каратау (особенно в ущелье Беркара) – более 150, а в Боролдае (в основном урочище Кокбулак) – более 40 (Колбинцев, 1984, 1991; Скляренко, 1991). Об изменениях численности этого вида в Таласском Алатау и в Каратау сообщалось не раз (Колбинцев, 1984, 1991; Скляренко, 1991; Ковшарь, Чаликова, 1992; Губин, Карпов, 2000; Хроков, 2002; Чаликова, 2003, 2006). Так, в ущелье Улькен-Кокбулак (Боролдайский хр.) в 1981 и 1982 гг. гнездилось по 4 пары, в 1983 г. – 11-15 пар, в 1986 г. – 15 пар; в долине р. Боролдай в 1984 г. – две пары, в 1985 г. – 16, в 1986 и 1988 гг. – по 4 пары; в ущелье Беркара в 1982 г. – 11 пар, в 1983-1985 гг. – 20-25 пар, а в 2002 г. – 6 пар (Чаликова, 2003). В Ташкенте райские мухоловки гнездились по окраинам (Зарудный, 1915; Сатаева, 1937), но

[20] В публикации опечатка: написано «восточнее г. Алматы» – *АК*

с 50-х гг. перестали встречаться даже на пролёте (Мекленбурцев, 1982). В долине р. Бадам (Каржантау) 14-16 июня 1989 г. на маршруте по зарослям ивы и лоха протяжённостью 2.5 км встретили 6 райских мухоловок и нашли 3 жилых гнезда (Ю. Грачёв, Придатко, Клейменов, 1991). В устье р. Даубаба в июле 2008 г. учитывали 5.8 особей/час (Чаликова, 1009). В Беш-Аральском заповеднике, на участке Арап (Чаткальский хребет) во время учёта 5 июня 2009 г. на маршруте 2.5 км зарегистрировано 4 жилых гнезда райской мухоловки, расстояния между ними 50-150 м (Давлетбаков, Остащенко, 2011).

Сроки. Даты. Прилетают в конце апреля – начале мая. В Кураминском хребте первых встретили 27 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2004). В ущ. Кызылсу (Каржантау) на местах гнездования появились 2-4 мая (В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003). На Чокпаке в 1982-2016 гг. с 28 апреля (2004) по 21 мая (2006) отловили 10 особей (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью с 19 августа (2003) по 1 сентября (1991) отловили 3 (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) последних я видел 15 августа 1961 г. в Кши-Каинды (1800 м), а в с. Новониколаевка пролётные встречены с 29 августа по 27 сентября 1960, 22 августа 1962 и с 10 августа по 18 сентября 1963 г. (Ковшарь, 1966); в 2001 г. – с 18 июля по 19 сентября (Чаликова, 2003).

Биология. Много лет единственным источником была капитальная работа Н.А. Зарудного (1915). Только через полвека появились новые публикации о биологии райской мухоловки в Западном Тянь-Шане (Ковшарь, 1962; Тараненко, 1974). К настоящему времени размножение её оказалось хорошо изученным благодаря обстоятельным статьям по биологии, написанным на материалах наблюдений за 197 жилыми гнёздами райской мухоловки в Малом Каратау и Боролдае (Колбинцев, 1991; Скляренко, 1991). Здесь же, в разных местах Каратау, найдено и описано ещё 20 гнёзд (Панов, 2008; Лухтанов, 2014; Корнев, 2016; Губин, Белялов, 2017). Содержательный очерк биологии этого вида, по наблюдениям в горах южнее Тянь-Шаня, содержится в монографии «Птицы Памиро-Алая» (Иванов, 1969, с. 239-244).

Семейство **Врановые** Corvidae

390. Сойка – *Garrulus glandarius* (Linnaeus, 1758)

Эта птица, ближайшие гнездовья которой находятся в Прииртышье и на Алтае, залетала в наш район только один раз: 10 сентября 1968 г. одна сойка пролетела через Чокпакские ворота (предгорья Западного Тянь-Шаня) на запад-юго-запад (Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977; Гаврилов, Гисцов, 1985).

391. Сорока – *Pica pica* (Linnaeus, 1758)

common magpie (англ.), Elster (нем.), pie bavarde (фр.),
сауысқан (каз.), сагызган (кирг.), зағизғон, ҳакка (узб.), алошак-шак (тадж.)

Синонимы: *Corvus rusticus* Scopoli, 1769; *Pica melanoleuca* Vieillot, 1818; *P. albiventris* Vieillot, 1818; *P. germanica* Brehm, 1831; *P. septentrionalis* Brehm, 1831; *P. hiemalis* Brehm, 1831**;** *P. caudata* Keyserling et Blasius, 1840; *P. varia* Schlegel, 1844; *P. bactriana* Bonaparte, 1850; *P. pinetorum* Brehm, 1855; *P. vulgaris* Brehm, 1858; *P. leuconotos* Brehm, 1858; *P. leucoptera* Gould, 1862; *P. linnei* Malm, 1877; *P.p. hemileucoptera* Stegmann, 1928 (1927); *P.p. laubmanni* Stresemann, 1928.

Подвид. Из 12 подвидов в Тянь-Шане один – *Pica pica bactriana* Bonaparte, 1850.

Характер пребывания. Оседлая птица. Сезонные кочёвки минимальны по расстоянию.

Биотоп. Любые древесно-кустарниковые насаждения, включая синантропные, до высоты 3200 м.

Распространение. В нашем районе распространена почти повсеместно, за исключением безлесных высокогорий и лишённых кустарников низкогорий (рис. 463). Е.Л. Шестоперов (1929) относительно пустынного правобережья р.Или писал о сороке: «Очень обыкновенный оседлый вид. Гнездится решительно всюду, было бы хотя небольшое деревцо или колючий куст» (с. 159), а В.Н.Шнитников (1949), наоборот, подчёркивал предпочтение ею в гнездовое время гор с их древесно-кустарниковой растительностью. До середины XX ст. сорока не гнездилась в городах и во многих других населённых пунктах, появляясь в них только глубокой осенью, в канун зимы, как это свойственно ей по всему ареалу, включая и его европейскую часть. Так, до середины 60-х гг. город Алматы они посещали только с октября по март-апрель, причём даже на ночь не оставались, а улетали в горы, и в это время можно было над городом видеть стаи до 17 сорок (Бородихин, 1968). В 1965 г. он же впервые обнаружил гнездо сороки в Ботаническом саду (верхняя часть города), а в 70-х гг.

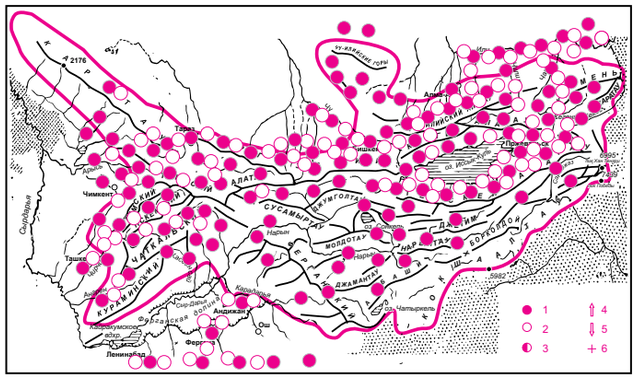

Рис. 463. Распространение сороки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка

произошло массовое заселение города сорокой, и в 1985-1986 гг. в том же Ботсаду на площади 104 га уже гнездилось 70-75 пар сорок (В. Ковшарь, 1986). С тех пор численность сороки в этом городе растёт, её гнёзда появились даже на самых людных и шумных улицах в центре города (В. Ковшарь, 1989; В. Ковшарь, Лопатин, 1988). В Ташкенте первые две пары сорок впервые загнездилась в центральном сквере города в 1976 г., оба гнезда помещались на самых высоких деревьях с густыми кронами; так же гнездились и новые пары в следующие 2-3 года (Мекленбурцев, 1982). В Бишкеке сорока не гнездилась до 90-х гг.; 19 июня 1992 г. в парке Дружбы в южной, предгорной части города встречен первый выводок из 4-х птенцов, а в 1993 г. уже найдены три гнезда (Торопова, Командиров, 1995). Сейчас во всех этих городах сорока – обычная гнездящаяся птица, от которой уже начинает зависеть численность других мелких певчих птиц, гнёзда которых она разоряет.

Численность. Заметно растёт последние полвека, что хорошо заметно по городским популяциям (см. выше). В заповеднике Аксу-Джабаглы (западная часть Таласского Алатау) в 1959-1966 гг. сорока была обычной в кустарниках предгорий, у нижней границы лугостепного пояса, и редка в высокоствольном арчевнике и в стелющейся арче; в селе Новониколаевка она не гнездилась и летом здесь не встречалась (Ковшарь, 1966). К началу 80-х гг. численность её возросла настолько, что она стала фоновым видом в сёлах (в том числе в Новониколаевке) и в арчовом лесу: в 1984-1987 гг. в редколесьях Кши-Каинды учитывали 4.4-6.6 особей/час, а на 4-х гектарных площадках гнездились 2-3 пары (Ковшарь, Чаликова, 1992). В Каратау в 1941 г. сорока была обычной во всех ущельях с ясеневыми лесами (Долгушин, 1951), как и в Сарычелеке (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966). В долине Пскема в 1949 и 1954 гг. была многочисленна только зимой, а летом пары сорок встречались редко и спорадично (Корелов, 1956), но в июле-августе 2002 г. была уже многочисленной – встречена 76 раз до высоты 2500 м (В. Ковшарь, 2003).

В Терскей Алатау в 1953-1954 гг. была обычной на подгорной равнине и в предгорьях, а в нижней части лесного пояса – многочисленной (Степанян, 1959). В арчовом стланике восточной части этого хребта в 1962-1965 гг. учитывали: летом 10 особей/км^2, осенью 3-4, зимой 5, весной 2-3 особи/км^2 (Второв, 1967). В Чон-Кемине (долина между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали до 10 особей/км^2 в верхних ельниках с субальпийскими полянами (Второв, 1972). На Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. насчитали 21 сороку на 22 км маршрута, или 3 особи/км^2 (Второв, 1963); во время учёта водоплавающих птиц 21-31 января 2004 г. насчитали 195 сорок (Кулагин, 2005: КОБ-2004); 27-30 марта 2004 г. учтено 154 сороки: на северном берегу 26, на западном и южном – по 58 и на восточном – 12 особей (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Ала-Арчинском национальном парке (Киргизский хребет) зимой многочисленна – от 2.55 до 70-26 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Чуйской долине выше Токмака 11-13 января 2008 г. учли 36 сорок (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). Ряд сведений о численности сороки на маршрутах по Внутреннему Тянь-Шаню содержится в фаунистических статьях по результатам этих поездок (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов и др., 2017; Архипов, Коблик и др., 208),

Сроки. Даты. При всей своей оседлости часть сорок зимой спускается вниз. На востоке Иссык-Кульской котловины основная масса сорок зимует в предгорьях, хотя некоторые встречаются до самой верхней границы леса; ночуют в тальниках по речкам или в еловых лесах (Верещагин, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. перемещения сорок отмечены между 21 августа и 25 сентября; в этот период окольцевали 57 сорок (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. с 22 августа (2002) по 29 октября (1986, 1989) окольцевали 474 сороки; весной с 4 апреля (2003) по 16 мая (2002) здесь же отловили 28 сорок (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Специально изучалась только в городах Ферганской долины (Д.Ю. Кашкаров, Пузанкова, 1974; Шарипов, 1978), в Зеравшанской долине (Сагитов, Бакаев, 1980) и на территории Ботанического сада города Алматы (В. Ковшарь, 1986, 1989, 1991; В. Ковшарь, Лопатин, 1988). Много биологических сведений содержится в видовых очерках фаунистических сводок по птицам Киргизии (1960), Казахстана и Узбекистана (Гаврин, 1974; Бакаев, 1995). Отдельные сведения о размножении и питании имеются во многих публикациях (Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968; Федосенко, Орлов, 1969; Ковшарь, Березовиков, 1999; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Губин, 2007, 2012; Джаныспаев, 2012). Во многих из них можно найти данные о хищничестве сороки.

392. Кедровка – *Nucifraga caryocatactes* (Linnaeus, 1758)

[Eurasian] nutcracker (англ.), Tannenhäher (нем.), casse-noix moucheté (фр.),
самыркеш (каз.), карагай карга, чар-крага (кирг.)

Синонимы: *Nucifraga guttata* Vieillot, 1817; *Caryocatactes maculatus* Koch, 1816; *C. nucifraga* Nilsson,1817; *N. brachyrhynchos* Brehm, 1823; *N. arquata* Brehm, 1855. Ореховка (Шнитников, 1949).

Подвид. Из 9 подвидов в Тянь-Шане один – *Nucifraga caryocatactes rotschildi* Hartert, 1903.

Характер пребывания. Оседлая птица с небольшими кочёвками, не выходящими за пределы гор.

Биотоп. Хвойные леса, в Тянь-Шане – старые ельники. Высотные пределы в Заилийском Алатау 1700-2700 м, в других хребтах – до 3000 м.

Распространение. Наш район находится на южной границе ареала *N. c. rotschildi* (рис. 464). Здесь кедровка населяет самые старые ельники восточной половины района (рис. 465). Она гнездится в ельниках Тышкана, на южном склоне Борохоро (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929) и населяет все подходящие участки хребтов Центрального и Северного Тянь-Шаня – Кетменя, Заилийского, Кунгей и Терскей Алатау, причём в последнем – только восточную, лесистую половину; живёт также в островных ельниках бассейна Сарыджаза – в верховьях Куйлю и Иныльчека (Шульпин, 1939; Кашкаров и др., 1937; Деревягин, 1948; Шнитников, 1949; Зимина, 1954; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Винокуров, 1960; Афанасьев, 1969; Гаврин, 1974; Пфеффер, 1978; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003, 2005; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, 2005: КОБ-2004; Кулагин, 2005: КОБ-2004; Аракелянц, Березовиков, 2006; Губин, 2009: КОБ-2008; Бибиков, 2009: КОБ-2008). О том, что здесь кедровка не зависит от размеров лесного участка, хорошо сказал В.Н. Шнитников: «Например, в лесном районе системы Сарджаса, расположенном изолированно и очень небольшом по площади, да ещё притом разбитом на отдельные участки по замкнутым горным долинам притоков этой реки, ореховка мною была найдена всюду, где был хоть небольшой участок елового леса. А 22/VIII 1912 г. я встретил пару этих птиц даже в небольшой группе елей, росшей совершенно одиноко в долине Иныльчека против пер. Тез, на довольно большом расстоянии от основного лесного массива долины этой реки» (Шнитников, 1949, с. 323).

Западнее она населяет восточную половину хребта Киргизский Алатау (ущелья Ала-Арча и Туюк), а в области Внутреннего Тянь-Шаня найдена в ельниках по Нарыну, в хребтах Нарынтау, Атбаши и Молдотау; есть указание на обитание её в нижней части Арпинской долины, в месте соприкосновения хребта Джамантау с северным склоном Ферганского хребта (Кириков, 1936; Спангенберг, Судиловская, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962 а,б; Кыдыралиев, 1972). Самая западная точка встречи кедровки летом 1925 г. – Сарычелекский заповедник в месте стыка Чаткальского и Атуйнакского хребтов; эту информацию лучше привести дословно: «По словам И.В. Янковского и киргиз, бывает в нашем районе зимою, изредка летом. Нам кажется, что мы видели её в еловом лесу в долине Атуйнака на спуске с Кашкасу сидящей на верхушке ели и кричащей. Но прежде, чем мы успели достать бинокль, чтобы рассмотреть птицу, она скрылась» (Кашкаров, 1927, с. 90). На основании этой информации в списке птиц заповедника кедровка числится как редкая оседлая и в другой графе той же таблицы – как обычная залётная (Воробьёв, Чичикин, 1966),

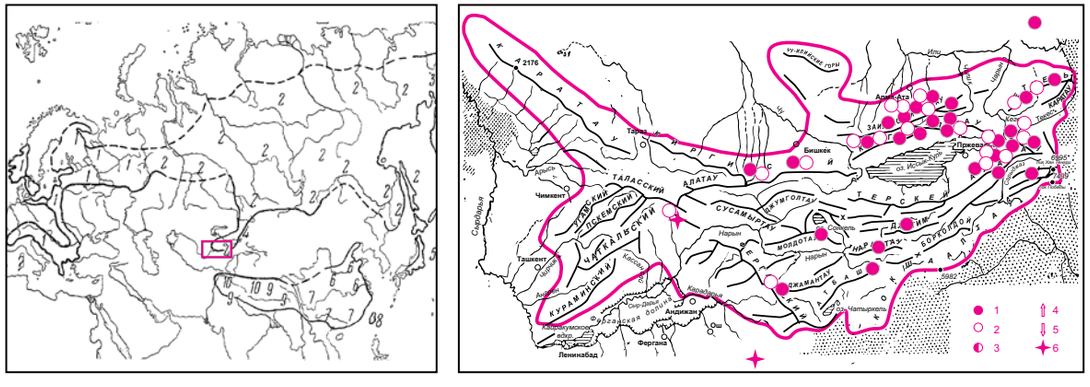

Рис. 464. Ареал кедровки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Рустамов, 1954, с. 84
Рис. 465. Распространение кедровки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 6 – залёт

а в более поздней работе, без приведения конкретных данных, указано: «гнездится только в елово-пихтовом лесу» (Лебяжинская, 1992, с. 98). Добавлю, что при посещении этого заповедника в конце июля 1998 г. (т.е. в сезон, когда она наиболее криклива и заметна) мы кедровки в Сарычелекском заповеднике не встречали (Ковшарь, Торопова, 2000), что может свидетельствовать если не об отсутствии, то во всяком случае о крайней редкости её здесь. По этой причине я предпочёл до получения подтверждения оставить на рис. 465 для этого места знак залёта. Столь же неясным остаётся нахождение кедровки и у южной границы района, о чём также лучше привести дословный текст: «Кедровка известна нам из пределов Памиро-Алая только по экземплярам, добытым Бареем (Stolzmann, 1897) в восточной части Алайского хребта у пер. Саваярды и Тарткуль, где имеются островки ельников. Не исключена возможность, что кедровка будет встречена и в северо-восточной части Заалайского хребта, где в долине р. Нура тоже имеются островные ельники и где найден целый ряд видов, связанных с ельниками (*Parus ater, Regulus regulus, Certhia familiaris*)» (Иванов, 1969, с. 215-216). Пока подтверждения этому предположению получить не удалось: кратковременные посещения этих мест в июле 1999 и в конце июня 2015 гг. не дали результатов (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. Всецело зависит от урожая основного корма кедровки – еловых семян. В годы их неурожая кедровок в данном ущелье может не быть совсем. Кроме того, следует учитывать и крайнюю скрытность этой птицы: в гнездовый период она молчит и не показывается на глаза до вылета птенцов, что не раз отмечали для тех мест, где эта птица заведомо есть и постоянно встречается в августе. Отсюда полное отсутствие учётных данных о её численности и бедность сведений о размножении. В восточной части Терскей Алатау, в ущельях Тургень-Аксу, Чон-Кызылсу и др. летом 1953-1954 гг. за один экскурсионный день встречали 3-9, чаще 6-7 кедровок (Степанян, 1959). Многочисленными были кедровки в Терскей Алатау также летом и осенью 1950 г.; в бассейне р. Чонкемин (между Заилийским и Кунгей Алатау) в том же году встречали до 30 особей/10 км маршрута, а при неурожае в следующем 1951 г. – всего 4 особи (Зимина, 1954). Косвенным показателем высокой численности кедровки в Киргизском Алатау в 1951 г., может служить отстрел 11 особей в течение месяца (Спангенберг, Судиловская, 1959). В высокогорье ущелья Ала-Арча того же хребта (выше 2000 м) в 1957-1960 гг. из 900 маршрутов от указанной высоты до ледников кедровку встретили на 16 маршрутах общим числом 68 особей, причём численность очень резко менялась по годам: в 1957 г. кедровку не отмечали совсем, в 1958 и 1960 гг. она была многочисленной, а в 1959 г. – редкой; даты встреч в этом ущелье с 6 августа (1960) по 14 января (1958) (Кузнецов, 1952). Там же, на территории Ала-Арчинского национального парка, в 80-90-х гг. кедровок встречали всего дважды как залётных: по одной особи в декабре 1983 и январе 1988 и 1992 гг. (Шукуров, Кормилицын, 2005). Интересные сведения опубликованы для северного склона Кунгей Алатау: в декабре 1956 г., при хорошем урожае еловых шишек, за 4 часа насчитали до 100 кедровок одиночками и стаями до 15-20 экз., то же наблюдали в том же году в хребте Кетмень (ущелья Сарыбулак, Сумбэ), а в феврале-марте 1957 г. их стало меньше – до 5-10 за экскурсию (Афанасьев, 1969). По данным того же автора, в июне-августе 1958 г., при слабом урожае ели, кедровок в Кетмене было мало, а в 1959 г. урожай снова был хороший, и в июле-августе в Кунгей Алатау снова встречали от 8-12 до 30 кедровок за день. По наблюдениям 1973-1984 гг. в восточном Прииссыккулье, самая высокая численность кедровки была в 1972/73 г., когда осенью учитывали до 115 особей/км² (ущелье Кашкасу в Терскей Алатау) и кедровки встречались всю зиму (Верещагин, 1991).

Сроки. Даты. Сроки сезонных кочёвок не выяснены, предположительно – с августа по февраль.

Биология. Не изучена. Много биологических сведений имеется в посвящённых кедровкам работах, написанным по наблюдениям в Нарынском хребте (Кириков, 1936) и Терскей Алатау (Зимина, 1954), но процесс размножения данного вида в этих работах не затрагивается и до сих пор мало известен. Об этом кратко и ясно сказано в видовом очерке монографии «Птицы Казахстана» том 5: «Наблюдения о сроках размножения кедровки в ельниках Тянь-Шаня отсутствуют» (Гаврин, 1974, с. 105). Мало что добавили и следующие 40 лет. Вот вся информация об одном из первых гнёзд кедровки, найденном в Кунгей Алатау в Киргизии: «На восточном склоне ущелья Каменное (42º81'N, 77º72'E) у верхней границы леса на высоте 2100 м над уровнем моря на молодой ёлке диаметром 15 см, растущей среди старых, 10 мая 2002 г. обнаружено гнездо кедровки с птенцами. Гнездо располагалось в густой кроне дерева на высоте около 6 метров от земли, и было хорошо замаскировано мхом» (Кулагин, 2005). Гнёзда кедровки с кладками в Тянь-Шане пока не найдены всё по той же причине скрытности птиц в этот период. Даже в Б. Алматинском ущелье

за 10 лет работы орнитологического стационара на берегу одноименного озера (2500 м), где ежегодно целая группа орнитологов с апреля по август занималась поиском птичьих гнёзд с последующим наблюдением за их обитателями (Ковшарь, 1979, 1981), ни одного гнезда кедровки найти не удалось, да и самих птиц видели не раньше июля-августа, когда их вдруг становилось много. В обстоятельной статье Р.П. Зиминой (1954) очень подробно рассматривается периодичность плодоношения тянь-шанской ели по наблюдениям 1948-1952 гг. в Терской Алатау, связь с ней численности кедровки и сделан важнейший вывод о том, что мозаичность самих ельников и плодоношения их в разных хребтах Тянь-Шаня исключают полный неурожай еловых семян на большой территории, а следовательно – и массовые вылеты кедровок за пределы гор, что принципиально отличает образ жизни тянь-шанской кедровки от равнинных подвидов, населяющих бореальные леса.

Для будущих исследователей биологии тянь-шанской кедровки привожу ссылки на редкие сведения из литературы о сроках её размножения. В Терской Алатау 5 июня 1953 г. встречен выводок кедровок в ущелье Чон-Кызыл-Су, а 15 июня – самостоятельные молодые в ущелье Богомоюз (Степанян, 1959). Там же, в ущелье Джиланды, 17 мая 1962 г. – ещё слабо летающий птенец кедровки вне гнезда; там же 25 мая 1961 г. добыта самка с большим наседным пятном, яичник которой сохранил 5 жёлтых тел, а горловой мешок был набит семенами, что указывало на кормление птенцов (Шукуров, 1986). Севернее, в долине Баянкола (Центральный Тянь-Шань) А.А. Винокуров 6 июня 1957 г. встретил выводок лётных молодых. В Киргизском Алатау (ущелье Туюк) 25 июня 1951 г. встречена семья из 5 летающих птенцов и самца (Спангенберг, Судиловская, 1959). В густом захламленном ельнике в верховьях р. Куйлю (бассейн Сарыджаза, 2900 м) 29 июля 2005 г. я впервые наблюдал кормление выводка из трёх, видимо, недавно покинувших гнездо птенцов, сидящих в укромных местах в 30-40 м друг от друга. Каждый птенец получал за один прилёт 4-5 порций корма, все они периодически кричали, хор их напоминал крики сорок при ссоре. В ельниках у Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м) с 1 по 6 июля 1959 г. несколько раз встречали выводки кедровок с лётными молодыми, которых кормили взрослые (Грачёв, 2009: КОБ-2008).

393. Клушица – *Pyrrhocorax pyrrhocorax* (Linnaeus, 1758)

[red-billed] chough (англ.), Alpenkrähe (нем.), crave à bec rouge (фр.),
қызылтұмсық шауқарға (каз.), кызыл тумшук чоко таан (кирг.), зогаки сурхнул (тадж.)

Синонимы: *Upupa pyrrhocorax* Linnaeus, 1758; *Corvus docilis* **S**.G. Gmelin, 1774; *Fregilus graculus brachypus* Swinhoe, 1871; *P. p. centralis* Stresemann, 1928; *P. p. stresemanni* Keve, 1943.

Подвид. Из 7 подвидов в Тянь-Шане один – *Pyrrhocorax pyrrhocorax brachypus* Swinhoe, 1871.

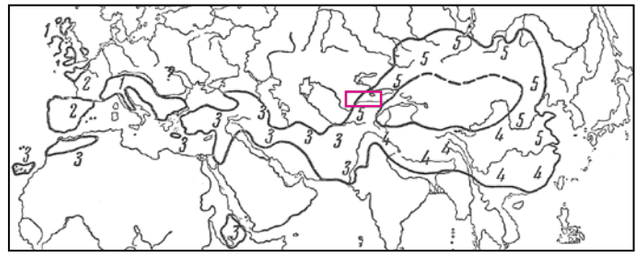
Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая зимой суточные перемещения по высоте.

Биотоп. Скалы альпийского и верхней части субальпийского поясов, от 2800 м и выше.

Распространение. Наш район находится на западной границе ареала подвида *P.p. brachypus* (рис. 466, *5*). Здесь клушица населяет подходящие участки высокогорья в Северном, Центральном, Западном и Внутреннем Тянь-Шане. Обширное «белое пятно» в западной половине Внутреннего Тянь-Шаня (рис. 467), свидетельствует, скорее всего, о недостаточности сведений и потребности в дополнительном обследовании западной половины Ферганского хребта, Джумголтау, Сусамыртау и некоторых других мест с целью поисков этой птицы. Южнее она гнездится в Алайском и Туркестанском хребтах, в последнем колонию её нашла Е.Н. Лановенко (1995) в урочище Кумбель. Гнездится клушица и в высокогорной Алайской долине (Птицы, Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Ковшарь, Торопова, 2000).

Численность. Для многих мест высокогорья численность клушицы в литературе определена от средней («обычная гнездящаяся») до высокой и нет указаний на резкие её изменения по годам. Можно предположить, что во второй половине XIX ст. и первой половине XX ст. постепенно повышалась численность клушицы в западной части Таласского Алатау, где Н.А. Северцов (1873) пропустил этот вид, Л.М. Шульпин в 1933-1935 гг. нашёл её довольно редкой, а в годы моей работы (1959-1966) клушица здесь была хоть и немногочисленной, но всё же встречалась несравненно чаще,

чем 30 лет назад. Однако в поледующие десятилетия никаких заметных изменений численности клушицы здесь не замечено (Ковшарь, Чаликова, 1992). В хребтах южного склона Западного Тянь-Шаня клушица немногочисленна (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Митропольский, 2005), что подтвердили и маршрутные обследования последних лет. Так, в июле-августе 2002 г. в долине Пскема встречено всего 12 клушиц (В. Ковшарь, 2003); в августе 2015 г. – 14 над Аккапчигаем и 10 над Коксу; в 2016 г. – 62 одиночками и группами на высотах 2500-3500 м в урочищах: Текешсай, Байкыраксай, Аккапчигай и др. (Тен и др., 2017). В районе Сарычелека (восточная часть Чаткальского хребта) летом 1925 г. она была «очень многочисленной на перевалах, где собиралась в громадные, сотенные стаи» (Кашкаров, 1927). К сожалению, более скромный текст об альпийской галке («встречается по более скалистым местам») даёт основание полагать, что часть этих громадных стай принадлежали именно этому, второму виду.

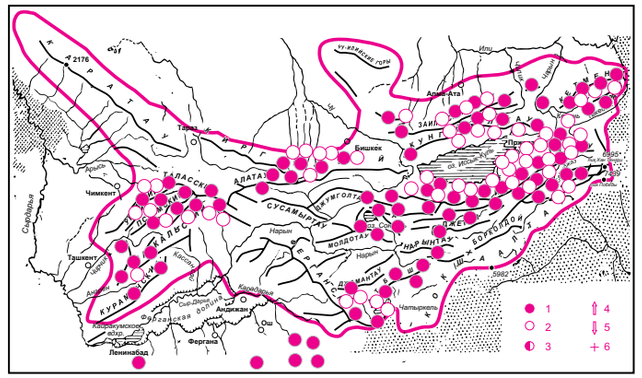

Рис. 466. Ареал клушицы и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Рустамов, 1954, с. 97
Рис. 467. Распространение клушицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

В Киргизском Алатау (ущелье Ала-Арча) в 1957-1960 гг. из 900 экскурсий в течение круглого года по верхней части лесного и субальпийскому поясам к ледникам, клушицу встретили на 30, общим числом 399 особей; при этом, по словам автора, она «держится значительно ниже альпийской галки и не встречается выше 2000 м. Основная масса весной и осенью (конец лета) – на лугах. В нивальном и субнивальном поясах мы клушиц не видели, зато часто встречали ниже зоны леса. В зимнее время не отмечали клушиц в высокогорье ни разу» (Кузнецов, 1962, с. 223). На северном склоне Терской Алатау численность клушицы примерно одинакова в восточной и западной частях хребта (Степанян, 1959), а на Покровских сыртах по южному склону этого хребта клушица «довольно многочисленна по всем предгорьям, окружающим сырты; гнездится в глинистых обрывах и в трещинах скал» (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В Кетмене она «обычна и многочисленна от елового леса до скал гребня хребта. Гнёзда – в расщелинах скал среди ельника и выше. После вылета выводков можно видеть стаи до 100 особей» (Корелов, 1956). В горах Центрального Тянь-Шаня, окружающих верховья Текеса, клушица обычна на гнездовании, но цифровых показателей нет. На южном берегу Иссык-Куля в январе-феврале 1962 г. на маршруте в 8 км по плоским адырам с посевами учли 16 клушиц [4 особи/км^2] (Второв, 1963). В арчовом стланике Терской Алатау в 1962-1965 гг. учитывали: летом 8-10, в октябре – 8, в ноябре-феврале 5-10, в марте – 4, в апреле – 10 клушиц/км^2 (Второв, 1967).

В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в зимние периоды 1960-1965 гг. я не раз встречал стаи клушиц по нескольку десятков особей, регулярно прилетавших на кормёжку ягодами облепихи в место выхода на равнину реки Джабаглы (1300-1400 м); здесь их несколько раз отлавливали петлями (Ковшарь, 1966).

Сроки. Даты. В высокогорье клушица проводит большую часть года, начиная посещать нижние пояса гор и предгорья после снегопадов в высокогорье – не ранее октября-ноября. Но даже в это время стаи клушиц к вечеру возвращаются в высокогорье на ночёвку. Уже в марте начинается гнездовой сезон, однако в Таласском Алатау клушицы ещё в первой половине апреля встречались стаями по 15-50 особей в местах кормёжки у выхода р. Джабаглы на равнину, на высоте всего 1300 м (Ковшарь, 1966).

Биология. Специальных исследований биологии клушицы в Тянь-Шане не проводилось и каких-то обобщающих публикаций нет, хотя отдельные заметки о гнездовании имеются – например, о синантропном гнездовании в хребте Кетмень (Ковшарь, 1981). На перевале Жусалы-Кезень из Б. Алматинского ущелья в Проходное (3300 м) клушицы постоянно гнездятся под крышами зданий Космостанции. Отдельные интересные факты разбросаны в фаунистических публикациях, которые я постараюсь перечислить. На водоразделе Б. и М. Алматинок (Заилийский Алатау, 3200 м) в конце июля 1949 г. держались несколько семей, птенцы у которых «лишь недавно покинули гнёзда и далеко ещё не летали» (Штегман, 1954). В Каскеленском ущелье 27 мая в гнезде клушицы пищали птенцы, а 28 июня М.А. Кузьмина встретила летающих молодых (Гаврин, 1974).

В Центральном Тянь-Шане, в горах Ельчин-Буйрюк (верховья Узунбулака, 2500 м) А.А. Винокуров 11 апреля 1956 г. нашёл в расщелине отвесной скалы в 3 м от её подножья гнездо клушицы с 3 свежими яйцами (Гаврин, 1974), а в долине Баянкола он же 25 апреля 1957 г. также в расщелинах скал нашёл ещё два гнезда – с 4 ненасиженными и 3 сильно насиженными яйцами; в Койчибулаке (Нарынкольское ущелье) в одном гнезде 21 мая 1957 г. было 3 оперённых птенца перед вылетом. В ущелье М. Кокпака 29 мая 1956 г. в гнезде клушицы, которое помещалось в толще стенки массивного гнезда чёрного грифа, В.Б. Чекалин обнаружил 4-х оперённых птенцов (Бибиков, 2009: КОБ-2008). Там же, на сыртах Терской Алатау, 20 июня 1947 г. из щели скалы вылетело 3 оперённых птенца; гнездо было свито из веточек арчи, выстлано стеблями типчака и шерстью сурков (Исмагилов, 2009: КОБ-2008).

В горах Кетмень в 1953 г. гнёзда клушиц помещались также в трещинах скал среди елового леса и были недоступны, голоса птенцов из них раздавались с 31 мая, а 22 июня встречены первые слётки, которых родители кормили личинками хрущей (Корелов, 1956). Там же, на южном склоне Кетменя, в небольшом ущелье Кисык, в 1978 г. удалось провести наблюдения над синантропным гнездованием (Ковшарь, 1981), о чём стоит рассказать немного подробнее. Первое такое гнездо обнаружили Г. Арендт и Л.В. Спивакова 24 марта 1978 г., когда пара клушиц только начала постройку: обе птицы носили материал с расстояния в 6-70 м в два места сразу – под навес не выше 2 м от земли, всего в 5-7 м от работающих людей, и на чердак дома зимовки в 10 м от первого. Так продолжалось несколько дней, но завершено было гнездо во втором месте, где вечером 7 апреля оказалось два яйца, а 27 апреля – 5 яиц (4 сильно насиженных и одно без зародыша). Насиживание в этом гнезде длилось более 18 суток. В другом гнезде 27 апреля клушица сидела на 3 свежих яйцах (видимо, неполная кладка). В третьем гнезде 28 апреля не было яиц, но в нём сидела взрослая птица. В 4-м гнезде в этот же день клушица сидела на 5 яйцах, зародыши у которых оказались на разных стадиях развития – от едва заметных кровеносных сосудов до сформировавшихся мозговых пузырей и зачатков глаз. Все 4 гнезда располагались однотипно: в ямках-углублениях насыпного земляного потолочного перекрытия под защитой шиферной крыши дома. Высота гнездовой ниши 15-50 см, такое же расстояние – от входа, который находился под восточным, западным, северо-восточным и юго-западным скатами крыши. Высота гнёзд от земли 2.5-3 м. Очень сходен состав всех гнёзд: снаружи веточки (в т.ч. еловые) и грубые сухие стебли разнотравья, внутри лоток обильно выстлан шерстью – как слоем войлока; перья встречаются очень редко. В данной заметке приводятся размеры гнёзд, описание окраски и размеры яиц, а также наблюдения за поведением членов пары во время строительства гнезда, насиживания яиц и посещения гнезда человеком; при этом замечена большая привязанность самца и самки друг к другу: однажды клушица 10 часов не покидала место гибели партнёра и даже на следующий день прилетала на это место (Ковшарь, 1981). Причина синантропного гнездования клушиц в этом месте не совсем ясна, во всяком случае оно не было вынужденным: на склонах этого небольшого ущелья скальные обнажения у верхней границы леса – не редкость, и клушицы в них также гнездятся; удалось найти 5 гнёзд в трещинах скал, которые располагались в 2, 3, 10, 15 и 20 м от их подножий. В четыре из них 26-28 марта клушицы носили веточки и траву, а в пятом 28 апреля была, по-видимому, неполная кладка: обе птицы в течение часа в полдень попеременно садились в гнездо без материала и без корма (не исключено, что это был выбор места или подготовка ниши для гнезда). Второе место синантропного гнездования отмечено на южном склоне хр. Кулуктау, где в ущелье Узунбулаксай (1900 м) в карнизе скотного двора около жилого дома лесника 17-18 мая 1997 г. нашли гнездо с 4 птенцами в пеньках; оба родителя кормили их в присутствии людей в 30-50 м. Здесь же, на остепнённом склоне 2-3 августа 1999 г. держалась семья из 9 клушиц с доросшими молодыми (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Во Внутреннем Тянь-Шане, на спуске с перевала Долон перед каньоном Каджырты, 16 июля 1999 г. пара клушиц кормила птенцов и выносила помёт из норы придорожного глинистого обрыва высотой 20 м. Гнездо – в 2 м от верхнего края обрыва, над которым выше по склону было предостаточно настоящих скал (Ковшарь, Торопова, 2000). Там же, у перевала Долон, 1 июля 2017 г. в гнезде в скале были птенцы и здесь же – выводки; на перевале Кызарт 20 июня – две пары с выводками, а на спуске с перевала Карабура в Таласскую долину 25 июня – выводок из двух взрослых и двух птенцов (Архипов, Коблик и др., 2018). На южном берегу Иссык-Куля, в урочище Каджисай, 26 и 27 июня 2016 г. клушицы кормили летающих слётков (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). На Покровских сыртах массовый вылет птенцов из гнёзд клушиц наблюдали в первых числах июня (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). На южном склоне хребта Молдотоо, в гнезде в щели невысокой скалы 5 июня 1960 г. было 3 слабо насиженных яйца (Степанян, 1967). На северном склоне восточной части Туркестанского хребта (долина р. Каравшин) 25 июля 2004 г. пара клушиц кормила ещё не вылетевшего, но уже оперённого птенца, выбегавшего им навстречу из гнездовой ниши, находившейся в отвесной скале; здесь клушицы вместе с альпийскими галками в массе поедали плоды эфедры и кустарниковой тянь-шанской вишни (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) гнёзда клушиц помещались в скалах альпийского пояса и были недоступны для осмотра. Вылет молодых мы наблюдали 14 июня 1961 г. между 16 и 21 час в урочище Беркутуя (2400 м) и в этот же день добыли молодую клушицу с доросшими маховыми (основания ещё в чехликах). В верховьях р. Кши-Аксу (2500 м) 27 июня 1961 г. клушицы кормили уже хорошо летающих молодых (Ковшарь, 1966).

Опубликованы также сведения о составе летней и зимней пищи клушицы, о её хищнических наклонностях (вполне возможно, что она разоряет гнёзда других птиц) и наблюдения о высотных миграциях её в зимний период (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Злотин, 1968; Верещагин, 1991; Кулагин, 2010), а во Внутреннем Тянь-Шане отмечена её кормёжка среди зимы также на высоте 3850 м (Остащенко, 2010).

394. Альпийская галка – *Pyrrhocorax graculus* (Linnaeus, 1766)

Alpine [yellow-billed] chough (англ.), Alpendohle (нем.), chocard à bec jaune (фр.),
сарытұмсық шауқарға (каз.), сары тумшук чоко таан (кирг.), альп зағчаси (узб.)

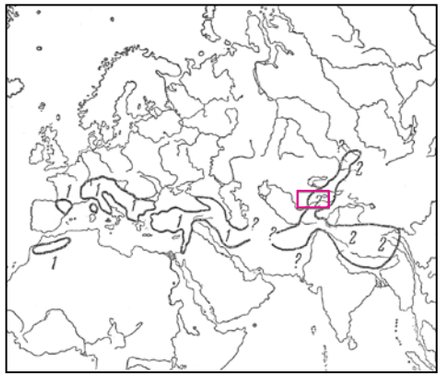
Синонимы: *Pyrrhocorax alpinus* Vieillot, 1816; *P. montanus* Brehm, 1831; *P. forsythi* Stoliczka, 1874.

Подвид. Из 2 признаваемых подвидов в Тянь-Шане один – *P.g. forsythi* Stoliczka, 1874.

Характер пребывания. Оседлая птица, не выходящая за пределы гор.

Биотоп. Высокогорье выше 3000 м: гнездится на скалах, кормится на открытых склонах, в том числе и нижележащих поясов. Зимой в поисках корма ежедневно кочует по вертикали, но в пределах гор.

Распространение. Наш район находится на западной границе изолированного подвида *P.g. forsythi* (рис. 468) и здесь альпийская галка населяет только хребты с наиболее хорошо выраженным ландшафтом высокогорья (рис. 469). Имеющиеся в литературе разные мнения о том, кто из двух близких видов – клушица или альпийская галка – является более высокогорной птицей (Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Гаврин, 1974; Лановенко, 1995), свидетельствуют прежде всего о том, что в разных регионах эти птицы ведут себя неодинаково. В большинстве хребтов Тянь-Шаня альпийская галка поселяется, как правило, выше, чем клушица, хотя на кормёжке они встречаются на открытых склонах, расположенных на одной и той же высоте у верхней границы леса, а в Западном Тянь-Шане – и в средней части арчовых редколесий и суходольных лугов, спускаясь до 1800-1500 и даже 1200 м (Ковшарь, 1966; Лановенко, 1995). В Северном Тянь-Шане альпийская галка гнездится в центральных частях Заилийского и Кунгей Алатау, в Центральном и Внутреннем Тянь-Шане – на всём протяжении хребта Терской Алатау, в высокогорьях бассейна Сарыджаза и Иныльчека (Кашкаров и др., 1937; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Крылов, 1969; Кузнецов, 1986). В северной части

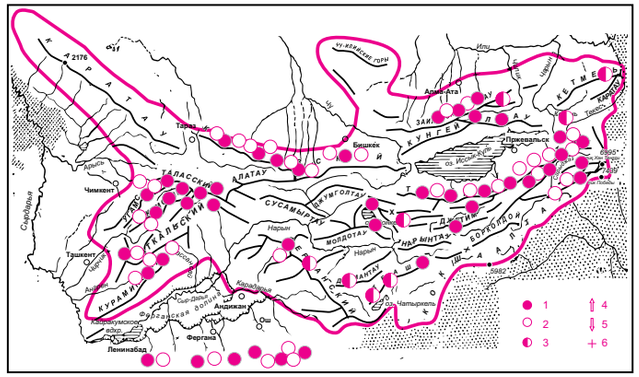

Рис. 468. Ареал альпийской галки и Тянь-Шань (красный прямоугольник). По: Рустамов, 1954, с. 102
Рис. 469. Распространение альпийской галки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

Центрального Тянь-Шаня альпийская галка редка. Так, для хребта Кетмень она вообще не указана в обстоятельной статье М.Н. Корелова (1956), а из более поздних наблюдений встречена только раз – стая из 70 птиц 30 июля 2002 г. в верховьях ущелья Б. Аксу на северном склоне восточной части хребта (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003). В верховьях Текеса встречена зимой и летом 1955-1957 гг. (Винокуров 1960) и 1968-1970 гг. (Аракелянц, Березовиков, 2006). Гнездится в наиболее высоких частях хребта Киргизский Алатау, а во Внутреннем Тянь-Шане – в хребтах у истоков Нарына, вокруг озера Сонкуль, в хребтах Нарынтау, Атбаши, Джамантау и Ферганский; встречается в котловине озера Чатыркуль и в высокогорной Арпинской долине (Spangenberg, Dementieff, 1935; Спангенберг, Судиловская, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, Лангре, Торопова, 2005). В Западном Тянь-Шане гнездится в высокогорье всех хребтов (Кашкаров, 1927; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Лановенко, 1995; В. Ковшарь, 2003; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; М. Митропольский, 2008; Тен и др., 2017). У южных границ Тянь-Шаня альпийская галка гнездится в высокогорье Алайского и Заалайского хребтов, в Алайской долине и на северных склонах восточной части Туркестанского хребта в долине р. Каравшин (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Ноздрюхин, 1989; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. Заметно различается в отдельных хребтах Тянь-Шаня. Интересное свидетельство о численности альпийской галки в первой половине XX ст. оставил В.Н. Шнитников (1949, с. 326): «Альпийская галка наравне с клушицей занимает всю горную часть Семиречья, хотя встречается реже её. Однако есть места, где она не только обыкновенна, но и очень многочисленна, значительно превышая численностью клушицу. Это относится преимущественно к наиболее высокогорным районам, как, например, системе Сарджаса, где в особенно большом количестве, сотенными стаями, я встретил альпийских галок на Иныльчеке и в долине р. Куёлю». Обычна здесь альпийская галка и в наше время: в июле 2000 г. в верховьях Иныльчека и на перевале Чон-Ашу мы встречали их стаями до 100 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В высокогорье Заилийского Алатау, в районе Талгарского горного узла, «в иные годы по численности значительно уступала клушице, а в отдельные годы превосходила её» (Джаныспаев, 2012). В Терскей Алатау в 1953-1954 гг. численность альпийской галки была заметно ниже, чем клушицы: 5-10 особей за день экскурсии, тогда как клушиц за этот же день – несколько стаек (Степанян, 1959). В арчовом стланике Терскей Алатау в 1962-1965 гг. П.П. Второв (1967) учитывал в среднем 10 особей/км^2 с апреля по октябрь и 20 особей/км^2 с ноября по март. На южном склоне Терскей Алатау, в истоках р. Болгарт, в 2005 г. альпийская галка была многочисленной: 22 июля на автомобильном маршруте от верховьев Малого Нарына до перевала Тоссор мы встретили здесь 8 стай по 9-50 особей, общей численностью более 200 птиц. В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. встречена в 32 экскурсиях из 900, всего 2228 особей (Кузнецов, 1962) и, по словам автора, была самой многочисленной птицей высокогорий этого ущелья, причём в скалах высокогорья встречалась зимой даже чаще, чем летом. В 80-90-х гг. здесь же встречали зимой до 1 500 альпийских галок в одной стае (Шукуров, Кормилицын, 2005). В том же хребте, в верховьях р. Мерке, 20 апреля 2001 г. встретили стаю из 100 альпийских галок (Карпов,

Белялов, 2007). В окрестностях ледника Абрамова (истоки р. Коксу, Алайский хребет, 3500-4500 м) альпийская галка – один из фоновых видов среди гнездящихся здесь птиц (Ноздрюхин, 1989).

В Западном Тянь-Шане, где численность альпийской галки много выше, чем клушицы, прослежены изменения численности по годам. Первым на это обратил внимание Л.М. Шульпин в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы): «Численность альпийских галок, повидимому, сильно колеблется по годам. Если судить по нашим трёхлетним наблюдениям, в 1926 г. галки были очень обильны и во многих местах наблюдались большими стаями. В 1933 г. их было уже меньше, значительные стаи мы видели лишь поздней осенью и летом, но они не поражали своей численностью. В 1935 г. галок было особенно мало, во многих местах прежних наблюдений (Джеттез, верховья Чептов) я их совсем не видел» (Шульпин, 1953, с. 59). В 1959-1966 гг. альпийская галка была здесь довольно многочисленной, в конце лета встречалась стаями по 100-200 особей, а зимой в каньоне р. Аксу можно было встретить до десяти таких стай за один день (Ковшарь, 1966), то же наблюдали и в 1971-1973 гг. (Губин, 2012). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня в 1949 г. альпийская галка была относительно редка и уступала в численности клушице (Корелов, 1956). Однако там же, в долине Пскема, в июле-августе 2002 г. она была гораздо многочисленнее клушицы и встречалась стаями, всего насчитали 650 особей (В. Ковшарь, 2003). Там же (Ойгаинг-Майдантал), с 29 июня по 1 июля 2007 г. насчитали 123 альпийские галки и всего 16 клушиц (Митропольский и др., 2008), а летом 2016 г. в долине Пскема альпийских галок встречали на всех маршрутах в пределах высот 2400-3500 м и всего насчитали 417 особей (Тен и др., 2017).

Сроки. Даты. По наблюдениям в Таласском Алатау, альпийские галки держатся в верхних поясах до конца сентября, хотя и летом иногда собирают корм ниже 2000 м, на полянах среди арчового редколесья. Первые спуски вниз, к местам зимней кормёжки (каньон р. Аксу) замечены 2 октября 1933 г. (Шульпин, 1953). К этому же времени относится и единственная встреча альпийской галки на Чокпаке: 1 октября 2002 г. стая из 20 альпийских галок пролетела из Таласского Алатау к хребту Боролдай (А. Гаврилов и др., 2017). Всю зиму стаи альпийских галок курсируют вдоль каньона р. Аксу на расстояние до 20-30 км от высокогорья, кормясь шишкоягодами арчи зеравшанской; процесс подробно описан в двух публикациях (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966); однако даты окончания этих зимних кормёжек точно не установлены. У добытой 30 марта 1971 г. альпийской галки 65% содержимого желудка ещё составляли ягоды арчи и 35% – остатки ягод шиповника, а в апреле-мае 1971-1973 гг. стаи альпийских галок до 200 особей (в среднем, по 17 данным, – 28 галок) ещё совершали высотные перемещения в этом месте (Губин, 2012).

Биология. Ещё менее известна, чем у клушицы, о чём красноречиво свидетельствует отсутствие информации о размножении этой птицы в основных региональных монографиях (Птицы Семиречья, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Птицы Памиро-Алая, 1969; Птицы Казахстана, 1974; Птицы Узбекистана, 1995). Из отрывочных данных в публикациях особо выделяется детальное описание полёта этой птицы и тонкие наблюдения за её поведением, включая и очень раннее (в июле!) поедание ягод арчи (Штегман, 1954).

В Киргизском Алатау 8 июля 1934 г., по наблюдениям Е.П. Спангенберга, птенцы у альпийских галок были ещё в гнёздах (Птицы Киргизии, 1960). Интересные подробности этих наблюдений Е.П. Спангенберга приводит В.Н. Шнитников: «Эта большая (больше 100 гнёзд) колония была расположена на отвесной скале, на 300 м возвышающейся над окружающими горами. Гнёзда помещались в расщелинах скал, и тут же между ними было расположено несколько гнёзд скалистого голубя. 8/VII молодые ещё не покинули гнёзд. Вылетают они около середины июля, после чего стаи альпийских галок достигают особенно больших размеров. Начиная с этого момента, они уже перестают так строго придерживаться своих заоблачных высот и теперь их случается наблюдать значительно ниже» (Шнитников, 1949, с. 328). Там же, в ущелье Туюк в 75 км от Фрунзе (Бишкека) в середине мая 1951 г., «судя по спавшимся и тёмным семенникам добытых самцов, размножение уже закончилось и происходит вскармливание птенцов» (Спангенберг, Судиловская, 1959 с. 146). В том же хребте, в ущелье Ала-Арча (2500 м), 6 июня 1959 г. в расщелине 17-метровой скалы было найдено гнездо альпийской галки с 5 оперившимися птенцами, которые выбегали за кормом навстречу родителям (Кузнецов, 1962). На Покровских сыртах 10 июля 1955 г. альпийские галки кормили уже хорошо летающих птенцов (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В Заилийском Алатау таких же летающих птенцов галки кормили ещё 31 августа 1951 г. (Штегман, 1954). На южных склонах хребта, в истоках Чилика, 26 марта – 3 апреля 1991 г. альпийские галки активно строили гнёзда, а в урочище Кайракты

три пары альпийских галок видели 28 июня 2004 г. возле гнёзд, устроенных в норах лёссовых обрывов; на этом же обрыве 19 июня 2011 г. у двух нор сидели по одной паре (Джаныспаев, 2012). В Кунгей Алатау, на перевале из Кульсая в Сарыбулак (3274 м) 28 июля 1999 г. на альпийской лужайке «кормился выводок из 5 особей с самостоятельными молодыми» (Березовиков, 2005: КОБ-2004). В Таласском Алатау Л.М. Шульпин (1953) в конце июня 1933 г. застал альпийских галок с уже летающими птенцами, мне летающие молодые попадались 15 июля 1961 г. «Пара альпийских галок вместе с тремя молодыми 2 июля 1971 г. пряталась от сильного дождя под скалой, а 3 июля за перевалом [Кши-Каинды – *АК*] на южных склонах хребта они всё ещё кормили молодых» (Губин, 2012, с. 136).

395. Галка – *Corvus monedula* Linnaeus, 1758

jackdaw (англ.), Dohle (нем.), choucas des tours (фр.),
шауқарға (каз.), таан (кирг.), заға (узб.), зогак (тадж.)

Синонимы: *Corvus soemmeringii* Fischer, 1811; *Monedula septentrionalis* Brehm, 1831; *C. collaris* Drummond, 1846; *C. ultracollaris* Kleinschmidt, 1919; *C. coloeus schlüteri* Kleinschmidt, 1935; *C. c. tischleri* Kleinschmidt, 1935; *Coloeus monedula sophiae* Dunajewski, 1938; *C. c. pontocaspicus* Kleiner, 1939.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане обитает номинативный – *C. m. monedula* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. Встречается круглый год. Возможно, оседла, но не исключено, что зимой гнездящиеся отлетают южнее, а их замещают более северные популяции, поскольку пролёт хорошо развит. Есть и прямые наблюдения: галки и грачи, гнездящиеся на восточном побережье Иссык-Куля, на зиму не остаются, а улетают в западном направлении (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977, с. 135); в Чуйской долине также большая часть гнездящихся отлетает, зимой их замещают сибирские галки (Умрихина и др., 1980).

Биотоп. Очень эвритопна: гнездится как в норах обрывов открытых склонов предгорий и в трещинах скал, так и в дуплах деревьев, а также в строениях человека, в том числе и в крупных городах. В горы в Северном, Центральном и Внутреннем Тянь-Шане поднимается до 2500 м (Птицы Киргизии, 1960; Гаврин, 1974), а в Западном Тянь-Шане – не выше 1300-1500 м (Корелов, 1956; Ковшарь, 1966).

Распространение. Наш район находится у восточной границы ареала вида и вблизи северных границ его зимовки (рис. 470). Здесь галка широко распространена на гнездовании в подгорной и предгорной зонах и по межгорным долинам высоко поднимается в горы (рис. 471). В Иссык-Кульской котловине она гнездится до 2000 м в северных предгорьях Терской Алатау, а в верховьях Текеса – ещё выше. Нет галки только в высокогорьях выше 2500 м, в том числе на сыртах Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня. Нет сведений о гнездовании галки на северных склонах хребта Кетмень и в Чу-Илийских горах, хотя на равнине Жусандала вдоль этих гор она гнездится в бетонных столбах

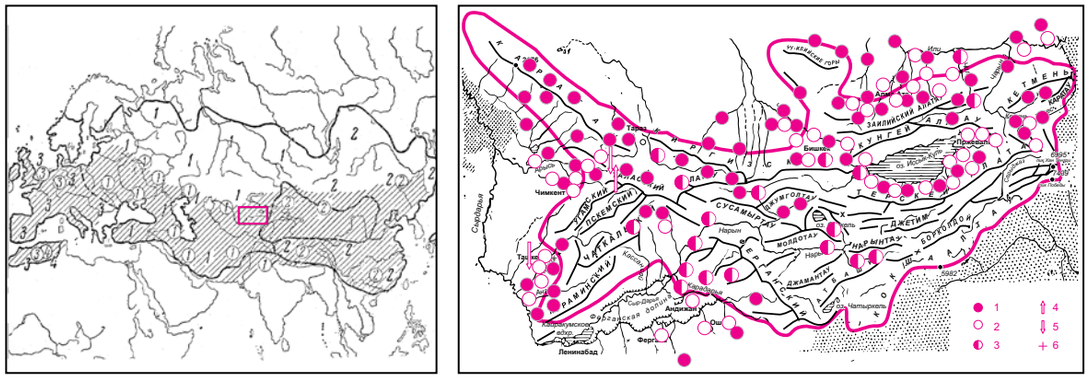

Рис. 470. Ареал галки (1, 3) и даурской галки (2). По: Рустамов, 1954, с. 47. Красный прямоугольник – наш район
Рис. 471. Распространение галки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

ЛЭП вдоль автотрассы «Алматы – Караганда». У южных границ Тянь-Шаня гнездование галки доказано для района Гульчи на северных склонах Алайского хребта и Дарауткургана – у подножия его южных склонов в Алайской долине (Иванов, 1969); встречали здесь её летом и мы. Зимой обычна по всем предгорьям и в Иссык-Кульской котловине.

Численность. Обычна на гнездовании и многочисленна на пролёте и зимовке. В северных предгорьях Кураминского хребта (долина р. Ангрен) 24-29 апреля 2003 г. насчитали около 80 галок, гнездящихся по обрывам вдоль дороги и в полых столбах ЛЭП (В. Ковшарь, 2004). В долине Пскема в 1949 г. колонии галок были найдены в лёссовых обрывах Глава-сая, в каньоне Чирчика между Ходжикентом и Брич-муллой, в конгломератовых пещерах долины Пскема ниже Седжака (Корелов, 1956), но к сожалению размеры этих колоний и общая численностиь птиц не указаны. На северном склоне Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) во второй половине XX ст. обнаружен многолетний рост численности этого вида. В 1933 г. галка была здесь редка и в долине Арыси не поднималась на гнездовании выше сёл Вознесеновка и Ванновка, т.е. 900-1000 м (Шульпин, 1953). В 1959-1966 г. отдельные пары гнездились уже у кордона Топшак (1500 м) в обрывах северных предгорий Джабаглытау (Ковшарь, 1966), а в апреле 1982 г. 10 пар галок впервые поселились на обрыве Кзылжар (1500 м), прямо над дорогой к полевой базе Кши-Каинды, где их определённо не было с 1926 по 1980 г. (Ковшарь, Чаликова, 1992). «С 1997 г. постоянными местами её гнездования являются участки шоссе от подстанций до птицефабрики в районе с. Жабагылы (б. Новониколаевка, 20 пар), от с. Акбиик (б. Куйбышево) до с. Шокпак-баба (б. Высокое, 30 пар)… Возможно, она гнездится и на других участках, так как в июле-августе кормящиеся стаи в 100-200 особей нередки вдоль шоссейных дорог» (Чаликова, 2004, с. 222). Этот же автор в районе Казгурта и Каржантау в 2003 г. в 12 колониях насчитала около 250, а в скалах каньона Машат – 200 пар гнездящихся галок (Чаликова, 2004, с. 222). В пещере Акмечеть (Каратау) галки в массе гнездились в 1958 г. (Корелов, 2012), а в 2013-2015 гг. здесь насчитали не менее 100 пар (Губин, Белялов, 2017).

В береговых обрывах среднего течения р. Каркара (Центральный Тянь-Шань) в мае 1997 г. учитывали до 70 пар/10 км (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Там же «в верховьях Джаака и Кокжара (3000-3300 м) 11-19 августа 1956 г. галки кормились на альпийских лугах в смешанных стаях с грачами и чёрными воронами, примерно по сотне в каждой стае из 500-600 птиц. Осенью в долинах Текеса и Баянкола держатся крупными стаями. Так, вечером 4 октября 1955 г. близ Нарынкола 4-5 стай по 500-700 особей вместе с воронами летели с полей на ночёвку. Там же 3-5 октября 1956 г. наблюдались стаи по 1000-1300 птиц (тоже с воронами)» (Винокуров, 1961).

Подобные огромные стаи довелось наблюдать мне в конце лета в Западном Тянь-Шане: «В долине р. Чаткал выше с. Янгибазар 28 июля 1998 г. огромная стая галок, числом не менее тысячи, кормилась саранчовыми на земле среди желтеющей ферулы. Всё новые группы галок планироввали и присаживались к стае, пока их не вспугнул балобан, спикировав на отдельно летящую галку. Тогда стая взвилась в небо, закручиваясь в спираль и поднимаясь всё выше… и улетела к западу, а через три часа в том же направлении пролетела ещё одна стая примерно из 300 особей» (Ковшарь, Торопова, 2000). В Алайской долине 24 июля 1999 г. около 100 галок кормились в зарослях облепихи по руслу р. Кызылсу в полукилометре ниже Дарауткургана (там же). В июле 2003 г. галка была многочисленной по долине Тара выше с. Ойтал (южный склон Ферганского хребта), где отмечены 74% всех галок за три недели экспедиции; здесь они гнездились в очень старых тополях и в обрывах, а отгнездившиеся держались стаей более 100 особей; в долине р. Атбаши через неделю встретили три стаи общим числом 50 галок. В 2004 г. галка была многочисленной 16 и 31 июля по адырам от долины Нарына и Токтогульского вдхр. до Андижанского вдхр. и города Узген; 2 августа мы встречали её стаями по 25-50 особей в Сусамырской долине, на высоте 2400-2600 м (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На восточной оконечности Заилийского Алатау (ущелье Женишке) 15-17 июля 1995 г., в сильную жару, около 500 молодых и старых галок отдыхали в тени тополей и скал, при этом некоторые из них продолжали носить корм в гнёзда (Губин, 2009: КОБ-2008). В буферной зоне Ала-Арчинского нацпарка (предгорья Киргизского хребта) плотность поселения галки составила 0.55-16.66 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Галка – основной по численности вид, населяющий обрывы в горах до высоты 2500 м: из 600 гнёзд, учтённых вдоль р. Аксу на протяжении 3400 м (высота 2-12 м) 244 гнезда принадлежали галке (Умрихина и др., 1980).

Зимой численность галок намного выше. Упоминания о тысячных стаях их (часто вместе с грачами) имеются в публикациях по зимующим птицам верховьев Текеса в Центральном Тянь-Шане (Винокуров, 1960); о птицах Чуйской долины (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961; Умрихина, 1970).

В верхней части Чуйской долины за три дня, 11-13 января 2008 г., насчитали около 1000 галок (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). Многочисленна галка на зимовке в подгорной зоне Иссык-Куля, особенно в восточной части, где она зимой держится стаями по 20-50 особей по береговым обрывам рек Тюп и Джергалан, а также на свалках вблизи населённых пунктов (Верещагин, 1991). В Ташкентском оазисе зимой 2013/14 г. численность галок в декабре была 385, в январе – 122, в феврале – 214 особей/10 га (Азимов, 2015). Высока также численность галок на миграциях. На Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. учитывали до 38 896 галок за сезон, осенью – в 12 раз больше, за эти годы окольцевали 29 482 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Сроки. Даты. Весенние миграции в феврале – марте. В Таласском Алатау отлёт зимующих приходится на первую половину марта, а перед этим начинается массовый пролёт галок (8 марта 1961 и 27 февраля 1963 гг.), последние встречи – 11 марта 1960, 12 марта 1961 и 12 марта 1962 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт начинался 20 февраля (1970) – 8 марта (1972), в среднем за 7 лет – 26 февраля; заканчивался 6-18, в среднем 13 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 26 марта (1987) по 27 мая (1996) видели 878, поймали 56 особей, средняя дата весеннего пролёта – 22 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью в 1966-1981 гг. пролёт начинался 15 сентября (1970) – 1 октября (1976), в среднем за 9 лет – 22 сентября; до конца октября пролетало около 86% всех мигрирующих; заканчивался пролёт 31 октября – 9 ноября, в среднем 5 ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. пролёт шёл с конца августа до начала ноября: с 27 августа (2005) по 2 ноября (2007) окольцевали 19 944 галки; средняя дата осеннего пролёта – 15 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау пролётные галки появляются в колоссальном количестве в первой половине октября. В 1961 г., по моим наблюдениям, пролёт начался 3 октября и продолжался по крайней мере до 3 ноября, когда ещё летели сотенные и тысячные стаи; в 1964 г. массовый пролёт шёл с 15 по 10 ноября, пик пришёлся на 25 октября (Ковшарь, 1966).

Биология. В Тянь-Шане биологией этого хорошо изученного в других местах вида никто специально не занимался. Наиболее интересные сведения – о массовом поедании галками птенцов испанского воробья – опубликованы по наблюдениям в 1972-1974 и 1976 гг. в Чуйской долине: «За 1 ч наблюдений одна галка опустошала по восемь-девять гнёзд, стая в 30 особей за 1 ч съедала 1200 молодых черногрудых воробьёв. 29 июня 1973 г. среди дня было закольцовано 540 слётных птенцов [*Passer hispaniolensis* – *АК*], а на следующий день, 30 июня, собрали на земле 320 тушек с кольцами на лапках… За 12 дней галки на каждой полосе снизили численность молодых воробьёв на 60-65%. Содержание желудков 25 галок, отстрелянных в разные сроки (25, 27, 30 июня, 5 и 8 июля), состояло исключительно из остатков птенцов черногрудого воробья. Аналогичную картину мы наблюдали в 1976 г.» (Федянина, 1977, с. 332). Отрывочные сведения о сроках и некоторые подробности гнездования галки имеются в ряде публикаций (Шнитников, 1949; Долгушин, 1951; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Шукуров, 1986; Губин, Карпов, 1999; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Чаликова, 2004).

396. Даурская галка – *Corvus dauuricus* [*monedula*] Pallas, 1776

Daurian jackdaw (англ.), Elsterdohle (нем.), choucas variable (фр.), даур шауқарға (каз.), даур зағчаси (узб.)

Синонимы: *C. fuscicollis* Viwillot, 1823; *C. neglectus* Schlegel, 1859. Монотипичный вид.

Длительное время считалась подвидом галки (см. рис. 470), изредка залетающим на самый восток нашего района – верхнюю часть долины р. Или от Кульджи до Джаркента. Ещё С.Н. Алфераки (1891) не раз встречал в зимующих стаях *Corvus monedula* одиночных даурских и их помеси и предполагал, что даурская галка в Кульдже уже почти всецело поглощена обыкновенной. Однако десятилетие спустя Н.А. Зарудный и Б.П. Кореев (1905) писали: «*Monedula daurica* Pall. Довольно редкая зимующая птица Джаркентского уезда. Появляется в пролётных стаях *M. collaris* в конце X и в начале XI, исчезает в начале III» и привели экземпляры даурских галок, добытых 19 ноября 1999 г. в Борохудзире, 30 декабря 1999, 9 января и 25 февраля 1900 гг. под Джаркентом. В районе Ташкента Н.А. Зарудный (1910) добыл даурскую галку 6 декабря 1908 г. на Чирчике у с. Паркент, а в конце декабря встречал её в Тойтепа и на окраине Ташкента. Кроме того, в колл. САГУ хранится экземпляр даурскй галки, добытый 17 октября

1926 г. под Ташкентом (Лановенко, 1995). В окрестностях г. Фрунзе (Бишкек) одну даурскую галку, случайно залётную, добыли 25 января 1930 г. (Птицы Киргизии, 1960). В Алма-Ате зимой 1939/40 г. одну даурскую галку добыли из стаи галок на территории зоопарка, ещё одну видели в районе Центрального рынка 6 января 1962 г. (Бородихин, 1968). Зимой 1939/40 г. они встречались в стаях обычных галок в пустынном районе между Чиликом и Чарыном (Корелов, 1948). В устье Тургени (Карачингиль) за 10 лет наблюдений даурскую галку видели дважды – 28 февраля 2012 г. и 14 февраля 2014 г. (Бевза, 2014). Судя по всему, даурскую галку следует считать редким зимующим видом предгорий нашего района. Показательно, что она ни разу не встречена в Чокпакском миграционном коридоре за все 50 лет работы этого орнитологического стационара.

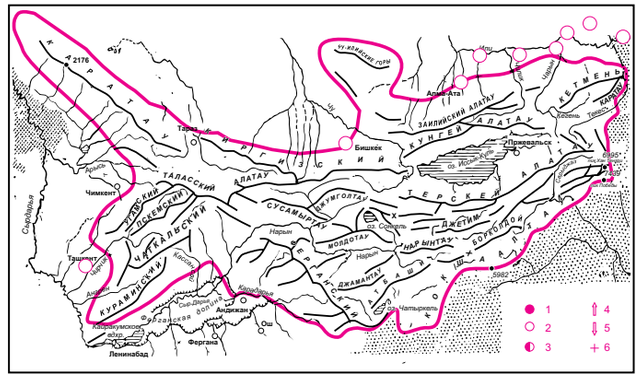

Рис. 472. Распространение даурской галки в Тянь-Шане:
2 – зимовка

397. Грач – *Corvus frugilegus* (вкл. *pastinator*) Linnaeus, 1758

rook (англ.), Saatkrähe (нем.), corbeau freux (фр.),
таған (каз.), чаар карга (кирг.), гўнг қарға (узб.), шурнул (тадж.)

Синонимы: *C. agrorum* Brehm, 1831; *C. granorum* Brehm, 1831; *C. advena* Brehm, 1831; *Trypanocorax pastinator* Gould, 1845; *C. agricola* Tristram, 1864; *C. f. tschusii* Hartert, 1903; *T. f. ultimus* Sushkin, 1925.

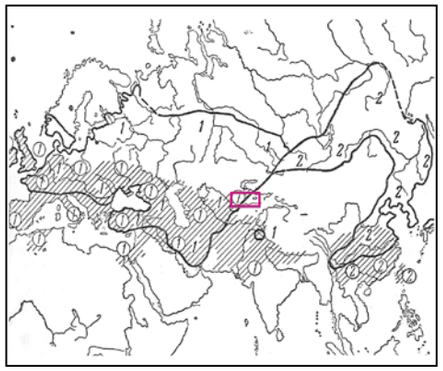
Подвид. В Тянь-Шане обитает *C. f. frugilegus* Linnaeus, 1758; в миграционный период возможны встречи *C.f. pastinator* Gould, 1845.

Характер пребывания. Гнездится, пролетает и зимует. Оседлость не доказана.

Биотоп. Сочетание открытого ландшафта (кормовой биотоп) с древесной растительностью (места для гнездования). В условиях Тянь-Шаня этим требованиям лучше всего отвечает культурный ландшафт предгорной зоны и низкогорий, включая посёлки и города. В Сусамырской долине грачи гнездятся даже на высоте выше 2000 м – максимальной для этого вида. Зимуют по всем предгорьям.

Распространение. Через наш район проходит восточная граница ареала вида (рис. 473), участок которой в этом месте описан так: «От восточной оконечности Хорасанских гор западная граница поднимается к западной оконечности Зеравшанского хребта, откуда вдоль западного подножия Тянь-Шаня протягивается к западной оконечности Киргизского хребта. Восточнее к югу до долины Сусамыра, долины Нарына, долины Атбаши, западной части долины Тарима, Кетменя, Джунгарского Алатау» (Степанян, 2003, с. 451). При общей верности этого описания обращает на себя внимание явная динамика распространения грача в Западном Тянь-Шане. В середине XX ст. колонии грача были известны орнитологам только в городе Джамбул (ныне Тараз) у западной оконечности Киргизского Алатау, во всех остальных местах грач встречался лишь на пролётах и зимой[21] (Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Салихбаев, Богданов, 1967; Мекленбурцев, 1982; Митропольский, 2005). Впервые недавно вылетевших молодых грачей вместе со взрослыми встретили в пойме р. Боролдай (южный склон Каратау) на выходе реки из горного ущелья 10 июня 1986 г. (Губин, Белялов, 2017). Северо-восточнее Чокпака, в лесополосе вдоль автотрассы Алматы – Чимкент на участке с. Бурное – перевал

[21] Указание на нахождение Р.Н. Мекленбурцевым гнездящихся грачей в Пскенте (Рустамов, 1954), повторенное в последующих сводках (Салихбаев, Богданов, 1967; Бакаев, 1995), явно какая-то ошибка – *АК*

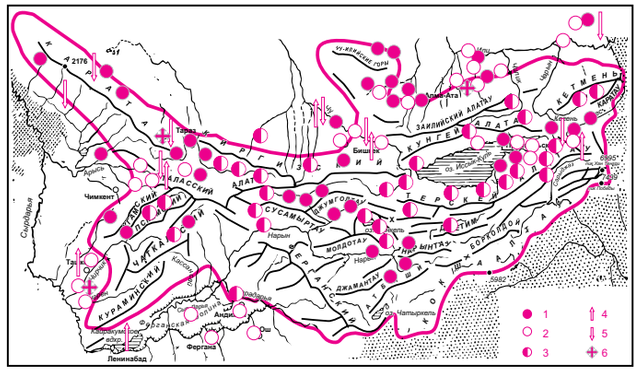

Рис. 473. Ареал грача. По: Рустамов, 1954, с. 39 [красный прямоугольник – Тянь-Шань]
Рис. 474. Распространение грача в Тянь-Шане: 1 – гнездование (6 – былое), 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4,5 – пролёт

Куюк 29 апреля 2010 г. грачи строили гнёзда; в этот же день ещё одну колонию нашли в лесополосе между р. Асса и озером Бийликоль (Чаликова, 2012). В западной части Каратау, на территории Каратауского заповедника, колонии грачей найдены в ущельях Хантаги и Боялдыр (Исмаил-уулу, 2010), гнездятся также грачи на северном склоне Каратау в районе озера Кызылколь – в посадках тополя и карагача у с. Кумкент (Коваленко и др., 2002). Южнее Чимкента, в с. Шарапхана близ Казгурта, 12 мая 2003 г. насчитали 17 гнёзд грачей (Чаликова, 2004). Появились на гнездовании грачи и на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня: 19 и 23 июня 2003 г. в нижней части долины Пскема встречено 30 грачей с молодыми; здесь они гнездятся на пирамидальных тополях у пос. Чакак (В. Ковшарь, 2004). На восточной окраине Западного Тянь-Шаня грачи заселили Чаткальскую долину: около 70 взрослых и молодых встречены 27 июля 1998 г. в районе Янгибазара (Ковшарь, Торопова, 2000), а выше, до села Чакмак-суу, в пойме Чаткала насчитали несколько колоний 26 июня 1917 г. (Архипов, Коблик и др., 2018). В северных предгорьях Заилийского Алатау грачи гнездятся во многих местах, и только в городе Алматы, где жилые колонии 1917-1921 гг. были почему-то покинуты в 30-х гг. (Шнитников, 1949), они не гнездились до конца XX ст. Только в 2005 г., расселяясь вдоль автотрассы, грачи достигли западной окраины города – здесь появились их колонии (Бородихин, 1968; Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005).

На востоке района, в долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1955-1957 гг. грач не гнездился, но появлялся здесь в конце лета, в период послегнездовых кочёвок (Винокуров, 1960). В 90-х гг. колонии его появились в ряде населённых пунктов: с. Кайнар (1996 г. – 10 гнёзд), пос. Текес (1999 г. – до 100 пар), с. Джамбул в нижнем течении Баянкола (1996-1997 гг. – до 50 гнёзд), пос. Каратоган – 25-30 пар (Березовиков, 2001). В 2008 г. отмечено дальнейшее расселение грача в этом районе (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008). Южная граница ареала проходит по долинам Сусамыра, Нарына и Атбаши, как описано выше (Степанян, 2003). Здесь самую высокогорную (2300 м) колонию из 100 гнёзд мы отметили в июле 2000 г. на тополях между сёлами Карабулун и Кызылту в долине Каракоюна, близ южных предгорий хребта Атбаши; наиболее южные встречи на позднелетних кочёвках – в районе Узгена и на берегах Андижанского вдхр., где мы видели грачей в июле 2004 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. Обычен, местами многочислен на гнездовании и особенно многочислен в период миграций. Численность в последние десятилетия явно растёт, чему имеется немало примеров. В северных предгорьях западной части Заилийского Алатау, вдоль автотрассы между сёлами Узунагач и Таргап, в 1987 г. в 14 колониях учтено 1275, а в 1988 г. – 1300 гнёзд. В долине Копы между станциями Саз и Жиренайгыр в 1987 г. была колония из 80 гнёзд, а между станциями Узунагач и Чемолган – 15 колоний общим числом около 800 гнёзд (Ковшарь, Березовиков, 1999). Севернее Чу-Илийских гор, в Жусандале, жилая колония из 50-60 гнёзд в 1996-1997 гг. была на карагачах в пос. Айдарлы, ещё две небольшие колонии – также в карагачёвых рощах между посёлками Айдарлы и Бозой (Березовиков и др., 1999). Восточнее Алматы в сёлах вдоль Кульджинской трассы имеются огромные колонии

грачей (В. Ковшарь, 2015). В ущелье Ала-Арча в центральной части Киргизского Алатау первые 12 гнёзд грачей появились на молодых берёзах в буферной зоне нацпарка в 1985 г.; в первые 5 лет число гнёзд увеличивалось (12 – 34 – 112 – 180 – 250) и к 1994 г. достигло 550 гнёзд (Кормилицын, 1999). Колония эта занимала несколько гектар, и после вылета птенцов плотность грачей дотигала здесь до 100 особей/км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). У подножий южного склона этого хребта, в пойме верхнего течения р. Сусамыр – до 10 грачиных колоний по 100-200 гнёзд в каждой, располагавшихся на островах между рукавами этой реки; а в долине Западного Каракола, впадающего в Сусамыр, – более 2000 гнёзд в одной огромной колонии, протянувшейся на несколько километров (Умрихина, Джурабаева, Остащенко, 1980). По их же данным, две колонии грачей, по 200-300 гнёзд, имелись в Иссык-Кульской котловине в районе Джетыогуза и одна, 400-600 гнёзд, – в пойме р. Атбаши. В более поздней публикации одного из авторов указано, что колонии в Сусамырской долине уменьшились, а местами совсем исчезли в связи с сокращением поголовья скота (Остащенко, 2006, с. 406).

В конце лета, после вылета молодняка, численность грачей в высокогорье Внутреннего Тянь-Шаня очень высокая. Во время наших июльских экспедиций 1998-2006 гг. мы встречали большие скопления взрослых и молодняка на открытых пространствах разных хребтов и долин. В 2000 г. сотенные стаи попадались нам в Иссык-Кульской котловине (Борскаун, Покровка, Теплоключенка, Тюп, Рыбачье), в Еки-Нарыне; на высокогорных лугах Сонкуля (3100 м) 15 июля 2000 г. в скоплении было не менее 1500 грачей. Сотенные стаи грачей, среди которых преобладали молодые этого года, на закате 24 июля 2000 г. ловили прямокрылых на субальпийских лугах Тургень-Аксу (Терскей Алатау, 2700 м). В 2003 г. в долине Атбаши от с. Акмуз до выхода к перевалу Кызылбель 30 и 31 июля встречено более 500 грачей стаями 13-150 особей. В 2004 г. крупные стаи грачей по 200-300 особей (иногда – пополам с галками) видели мы 16 июля на берегах Токтогульского и Андижанского вдхр., а огромное скопление, числом не менее 2 000 птиц – в полдень 2 августа в северных предгорьях Киргизского Алатау близ с. Сосновка. В южной части маршрута – в северных предгорьях Алайского хребта – грачи не встречены совсем (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Зимой 2013/14 г. в Ташкентском оазисе грачи доминировали среди врановых, в декабре здесь учли 979 особей/10 га, в январе – 776, в феврале – 255 особей/10 га (Азимов, 2015). На Иссык-Куле (восточная часть) в январе-феврале 1962 г. на учётном маршруте 48 км вдоль побережья грач не встречен (Второв, 1963); в 1973-1984 гг. грачи зимовали здесь в основном в населённых пунктах, но часто вместе с воронами и галками кормились на полях, свалках и скотных дворах стаями по 20-50 особей (Верещагин, 1991). Там же 21-31 января 2004 г. на учёте по всему побережью насчитали 1192 грача (Кулагин, 2005: КОБ-2004). В населённых пунктах верхней части Чуйской долины 11-13 января 2008 г. насчитали около 500 грачей – вдвое меньше, чем галок (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). В Нарынколе и в долине Баянкола в 1955-1957 гг. грачи встречались редкими одиночками и по 4-5 особей; видимо, зимуют не каждый год (Винокуров, 1960). Немногочисленны были грачи зимой и в Алма-Ате (Бородихин, 1968), однако в последнее десятилетие на северной и восточной окраине города их стали встречать зимой тысячами (В. Ковшарь, устное сообщ.). В предгорьях Таласского Алатау грачей зимовало намного меньше, чем галок и ворон (Ковшарь, 1966).

Наибольшая численность грачей – во время миграции. На Чокпаке в 1966-1981 гг. весной учитывали до 29 тысяч, осенью – до 10 424 грачей за сезон; окольцевали 101 весной и 9 735 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. в осенние сезоны окольцевали 69 650 грачей (А. Гаврилов и др., 2017). На Иссык-Куле 27-30 марта 2004 г. (учёт водоплавающих) по всему побережью озера насчитали 4 920 грачей (1130 + 246 + 994 + 2550), т.е. в 4 раза больше, чем в январе того же года (Кулагин, Сагымбаев, 2005).

Сроки. Даты. В Таласском Алатау весенний пролёт начинается очень рано – иногда в конце февраля; наиболее заметен в марте, особенно в первой его половине; зимовавшие одиночки задерживаются до апреля, а иногда – и до мая. В 1960 г. сотенные пролётные стаи мы встречали уже 23 февраля, в 1963 г. – 24 февраля; задержавшихся одиночек видели 10 мая в с. Куйбышево, в 10 км западнее Чокпакских ворот (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых пролётных грачей видели 1-8, в среднем – 4 марта, до 20 марта пролетало 90% мигрантов, последних видели 3 мая (1970, 1976) – 16 мая (1975), в среднем 12 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. пролёт наблюдали с 20 марта по 27 мая, срединная дата весеннего пролёта – 30 марта (А. Гаврилов и др., 2017). Кстати,

на перевале Куюк (30 км северо-восточнее Чокпака) 29 апреля 2010 г. грачи уже строили гнёзда (Чаликова, 2012). В Чуйской долине отлёт зимующих и пролёт грачей начинается в феврале и длится весь март, наиболее поздние встречи на стационарах – 3 апреля 1972 г. (Тюлёк) и 17 апреля 1973 г. в Токмаке (Торопова, Шукуров, 1991).

Осенью первые перемещения наблюдаются уже в августе, но направления их ещё весьма различны. Так, на стационаре Токмак в Чуйской долине 15 августа 1971 г. стая грачей 250 особей пролетела на северо-восток, 15 августа 1972 г. около 5 000 грачей рыхлыми стаями пролетели на северо-запад, 21 августа 1973 г. – 2 500 особей – на север, а 25 августа 1979 г. на стационаре Кант около 10 000 грачей – прямо на юг (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке первые пролётные стаи наблюдали 18 августа (1969) – 29 сентября (1974, 1976), в среднем за 9 лет – 18 сентября; основной пролёт шёл в октябре, последних видели 2-9 ноября, в среднем, за 14 лет – 5 ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 27 августа (2009) по 2 ноября (2007) здесь окольцевали 69 650 грачей: срединная дата осеннего пролёта – 15 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В Таласском Алатау в 1933 г. первые стаи грачей в 40-60 особей Л.М. Шульпин (1953) встречал уже 16 и 18 августа – на хлебных посевах у сёл Раевка и Высокое. Затем они исчезли и вновь появились такими же стаями у Абаила 14 сентября, но массовый пролёт начался с 1 октября и наблюдался до дня отъезда 16 октября. По моим наблюдениям, в 1959 г. пролёт грачей закончился к 28 октября. Но в 1960 г., когда грачи были многочисленны весь октябрь, огромные стаи их, летящие на юго-запад, мы наблюдали ещё 2 ноября. Летят здесь грачи огромными стаями – до нескольких тысяч особей, обычно в начале пролёта в стаях преобладают грачи, а в конце – галки. Высота пролёта над долиной Арыси – около 100 м (в туман и дождь – ещё ниже), но иногда стая начинает вихрем набирать высоту, так что птицы становятся едва видны; чаще всего это бывает перед закатом, после чего стая садится на ночёвку; направление пролёта – на юго-запад, через Майликентский перевал, а левее, над верховьями Талдыбулака, набирают высоту (Ковшарь, 1966).

Биология. В Тянь-Шане специально не изучалась, довольно подробные сведения опубликованы по территории соседнего Памиро-Алая (Сагитов, Бакаев, 1980; Бакаев, 1984, 1995). Из материалов по нашему району обращают на себя внимание тезисы «Грачи в Чуйской долине» (Умрихина, 1991), в которых описаны необычные гнездовые колонии грачей среди зарослей тростника в глубине заболоченных участков: в них гнёзда располагались группами по 3-7 гнёзд в густых куртинах тростника, в 0.5-1.5 м от поверхности воды. Для выяснения специфики размножения в горных условиях этого хорошо изученного на равнине вида очень интересно было бы провести подробные исследования в высокогорных колониях Сусамырской долины.

398. Восточная чёрная ворона – *Corvus orientalis* [*corone*] Eversmann, 1841

Eastern carrion crow (англ.), Rabenkrähe (нем.), corneille noire (фр.),
қара қарға (каз.), кара карга (кирг), қора қарға (узб.), зоги сиех (тадж.), гара гарга (туркм.)

Синонимы: *Corvus corone* Linnaeus, 1758; C. c. *interpositus* Laubmann, 1917; *C. c. yunnanensis* La Touche, 1922; *C. c. saghalense* Kumagai, 1926. Чёрная ворона. Ворона [вместе с серой] (Рустамов, 1954).

Подвид. Внутривидовая структура *Corvus orientalis* неясна. Возможно, монотипичный вид.

Характер пребывания. Гнездящаяся птица, зимующая близ южной границы ареала. В Тянь-Шане к оседлым местным птицам зимой, видимо, присоединяются более северные популяции.

Биотоп. Леса. В горах Тянь-Шаня в основном еловые и пойменные леса. На юге, где ельников нет, она гнездится также в высокоствольных арчевниках, на грецком орехе, тополе, иве. Отмечено гнездование даже в городах. Диапазон высот, на которых гнездится чёрная ворона, очень велик: от 400-500 м в долинах равнинных рек (Или, Чу, Сырдарья) до 2700-2800 м у верхней границы лесного пояса в горах.

Распространение. Наш район находится на крайнем юго-западном выступе ареала этого сибирского вида, до недавнего времени – подвида (рис. 475). Здесь чёрная ворона гнездится довольно широко (рис. 476) – от пустынных пойм рек Или и Сырдарья до верхних пределов древесной

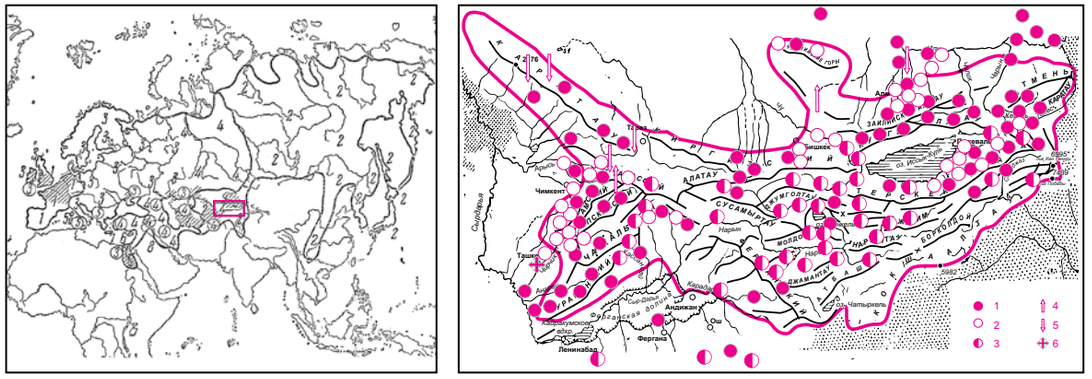

Рис. 475. Ареалы восточной чёрной (2) и серой (1, 3, 4) ворон. По: Рустамов, 1954, с. 26. Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 476. Распространение восточной чёрной вороны в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – встречи летом

растительности в Северном, Центральном и Западном Тянь-Шане. В долине Или гнёзда её находили от поросших лохом болотистых низин в районе Джаркента и ельников ущелья Тышкан на востоке до Топарских озёр в дельте реки на западе (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948; Шнитников, 1949). Она обычна на гнездовании в лесном поясе хребтов Северного и Центрального Тянь-Шаня (Кашкаров и др., 1937; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Винокуров, 1960, 1961; Кыдыралиев, 1961; Крылов, 1969). В Иссык-Кульской котловине гнездится по северным склонам Терской Алатау на запад до Улахола (Степанян, 1959), для южного склона Кунгей Алатау указаний нет. Зимой здесь встречается по всему побережью. Для Киргизского Алатау имеются указания на гнездования только в восточной и центральной части хребта (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005; Карпов, Белялов, 2007; Архипов, Коблик и др., 2018), западнее ущелья Мерке сведения отсутствуют. Во Внутреннем Тянь-Шане летних встреч очень много (рис. 476), хотя доказательства гнездования имеются лишь для нескольких мест – Сусамырской долины, гор вокруг озера Сонкуль, хребтов Молдотоо и Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Шукуров, 1986; Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016). На южном склоне Ферганского хребта, в ельниках национального парка Карашоро, 20 июля 2003 г. взрослая ворона кормила молодого, а за несколько дней до этого чёрную ворону мы видели в долине р. Яссы у города Узген (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В равнинных местах Ферганы Е.Л. Шестоперов находил гнёзда чёрной вороны в районе Маргелана (Иванов, 1969), а ещё южнее тот же автор говорит о гнездовании её в поясе арчи на северном склоне Алайского хребта (с. 209) и приводит указание Н.А. Зарудного (1926) на гнездование её в районе Дарауткургана в Алайской долине (с. 210). Во время нашей поездки в июле 2004 г. чёрная ворона была обычной по всему маршруту вдоль южного горного обрамления Ферганской долины – на запад до ущелий Каравшин и Чечекты в восточной части Туркестанского хребта; встречалась в основном в лесном поясе, но несколько раз отмечена и в высокогорье, а в низкогорье, как и в 2003 г., была обычной на склонах хребта Такталык, по левому берегу Нарына (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В Западном Тянь-Шане чёрная ворона найдена во всех хребтах, включая и базовую (юго-восточную) часть Каратау (Кашкаров, 1927; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Шульпин, 1953; Корелов, 1956, 2012; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Гаврин, 1974; Мекленбурцев, 1982; Лановенко, 1995; Губин, Карпов, 1999; Коваленко и др., 2002; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; Губин, Белялов, 2017; Тен и др., 2017). Не известно гнездование в западной половине хребта Каратау, так же, как и на большей части Чу-Илийских гор, где она нередка зимой и в период миграций.

Численность. На гнездовании обычна, зимой численность выше за счёт прикочёвки северных популяций. Заметные изменения численности отмечены только для западной части Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где она с 1926 по 1966 г. гнездилась лишь в одной точке – урочище Чуулдак (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966), а в 1983-1987 гг. стала гнездиться в 20-30 км севернее, в том числе в Новониколаевке и в арчевниках Кши-Каинды, где орнитологи работали ежегодно; в последнем месте

в 1987 г. частота встречаемости чёрной вороны летом 0.1-0.9 особей/час (Ковшарь, Чаликова, 1992). В пойме реки Ангрен (Западный Тянь-Шань), на равнине, расстояние между гнёздами чёрной вороны 10-15 км, в среднем течении – 3-4 км (Митропольский, 2005). В верхнем течении р. Пскем в июле-августе 2002 г. чёрная ворона встречалась повсеместно по 2-3 особи, всего отметили около 100 особей (В. Ковшарь, 2003). Там же в августе 2015 г. встретили 84 особи (по 4-10), а в июле 2016 г. одиночками и парами – 35 чёрных ворон (Тен и др., 2017). В Каратау на гнездовании очень редка (Долгушин, 1951; Чаликова, Колбинцев, 2005; Губин, Белялов, 2017). По южному берегу озера Бийликоль в 1991-1992 гг. гнездилось 10-15 пар (Губин, Карпов, 1999), на озере Кызылколь в 2001 г. – несколько пар (Коваленко и др., 2002). В Сарычелеке в 1982-1983 гг. в горных лесах гнездилось 1-2, в пойменных – 2 пары/км^2 (Лебяжинская, 1991).

В Киргизском Алатау (Ала-Арча), где чёрная ворона обычна на гнездовании в еловом лесу, в 1957-1960 гг. она ни разу не попала в маршрутные учёты выше 2000 м (Кузнецов, 1962), а для 80-90-х гг. здесь же плотность её на гнездовании определена в 2.55-70.26 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Последняя цифра, скорее всего, свидетельствует о несовершенстве методики обработки данных подобных учётов. В ельниках Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали до 10 особей/км^2 (Второв, 1972). На северном склоне Заилийского Алатау чёрная ворона обычна в поясе елового леса, но учётных данных нет. В ельниках Кетменя в 1953 г. гнездилась «в больших количествах» – одно гнездо на 3-4 га, а в приречных ельниках гнёзда встречались через каждые 100-150 м (Корелов, 1956). В том же 1953 г. в ельниках Терской-Алатау чёрной вороны было очень много: в ущелье Чон-Кызыл-Су за день встречали 10-12 особей (Степанян, 1959). В 1962-1965 гг. в арчовом стланике этого хребта учитывали: летом – 10, зимой – 1-2, в марте-апреле – по 1 особи/км^2 (Второв, 1967). Для гор Куйлю (Центральный Тянь-Шань) приводятся даже такие данные: 5 гнёзд/2 км^2, два гнезда всего в 200 м одно от другого (Шукуров, 1986).

Во второй половине лета, после вылета молодняка, чёрная ворона становится многочисленной даже в высокогорье. В долине Чулкудысу на проводах ЛЭП вдоль дороги 17 июля 2002 г. встречено 8 выводков общим числом 41 особь (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В июле 1999 г. чёрная ворона оказалась самой многочисленной из врановых на нашем маршруте из Бишкека в Алайскую долину: встречена почти равномерно от высоких предгорий до перевалов (1500-3000 м, причём 76% встреч – выше 2000 м), в том числе и в сёлах – Куланак и Актал в долине Нарына, село Чак ниже Дарауткургана в Алайской долине, сёла Сопу-кургон и Талдык на северном склоне Алайского хребта (Ковшарь, Торопова, 2000). На маршруте 2000 г. чёрная ворона оказалась редкой в котловине озера Сонкуль (всего 6 особей) и ни разу не встречена на Чатыркуле и в Ак-Сае, а также в верховьях Иныльчека (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). С 25 по 31 июля 2005 г. на маршруте «верховья Тургень-Аксу – перевал Чон-ашу – Оттук – Куйлю – Иныльчек – Сарыджаз – Турук – Каркара» мы насчитали 23 чёрных вороны, из них только 4 – в Куйлю и Иныльчеке. Интересно, что чёрные вороны совершенно отсутствовали в Сарыджазе и Иныльчеке и в 1912 г. (Шнитников, 1949).

Зимой численность выше. На Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи по берегу озера учитывали 30 чёрных ворон на 22 км маршрута [5 особей/км^2], в щебнистой пустыне – 6 на 10 км, а в еловом лесу не встретили ни одной на 10 км маршрута (Второв, 1963). В 1973-1984 гг. численность зимой в восточном Прииссыккулье была выше за счёт прилетающих на зиму; держались вороны стаями по 10-15, до 100 особей вместе с серыми воронами, галками и грачами. Ночевать улетали в ельники, но часть оставалась в облепиховых зарослях на побережье и в населённых пунктах: в городе Пржевальске зимой 1983/84 г. на тополях зимовало до 15-17 тысяч ворон, грачей и галок (Верещагин, 1991). Для Ташкента имеется следующая информация: «Среди многих сотен врановых птиц, прилетающих в город на ночлег, совершенно не бывает чёрных ворон. Ранее немногие пары их встречались в древесных насаждениях близ города. Сатаева (1937) также не упоминает чёрную ворону среди птиц города» (Мекленбурцев, 1982). В Алма-Ате чёрная ворона гнездилась до 1920 г., затем до середины 90-х гг. встречались здесь лишь зимой и во время миграций, а с 1995 г. снова периодически гнездится в городе отдельными парами (Бородихин, 1968; Корелов и др., 1988; Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В предгорьях Таласского Алатау зимуют в небольшом числе близ населённых пунктов, а в иные зимы они просто редки (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966). Уступают в численности другим врановым чёрные вороны и на пролёте. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. видели не более 5 особей за сезон, а окольцевали всего одну чёрную ворону (Гаврилов,

Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. в весенние сезоны учли 130 и поймали 20, а осенью – соответственно 549 и 76 чёрных ворон (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Осенний пролёт идёт в сентябре-октябре. На Чокпаке первых встречали 5 сентября 1970, 28 сентября 1969 и 30 сентября 1967 гг.; последние пролётные отмечены 9 октября 1970, 15 октября 1968, 20 октября 1967 и 26 октября 1972 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь же с 20 августа (1985) по 28 октября (2009) отметили 549 и отловили 76 чёрных ворон, срединная дата осеннего пролёта – 28 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В эти же сроки летят чёрные вороны и в Таласском Алатау, причём, ещё Л.М. Шульпин (1953) 23 сентября 1933 г. наблюдал и подробно описал хорошо выраженный пролёт стай чёрных ворон на водоразделе Жетымсая и Кши-Каинды (выше 2000 м); то же самое в этом месте я наблюдал 17 октября 1961 г., а 28 сентября 1961 г. – в Теке-Камале (Джабаглытау). Во всех трёх случаях наблюдались стаи в несколько десятков особей, тогда как в предгорьях встречались маленькие стайки (Ковшарь, 1966). Это наводит на мысль, что большинство чёрных ворон в данном районе летит горами. Такое предположение совпадает с наблюдениями Н.А. Северцова, который осенью встречал чёрную ворону как обычную птицу на Покровских сыртах, где позднее в гнездовое время её не встречали (Янушевич, Кыдыралиев, 1956).

Весенняя откочёвка чёрных ворон, зимовавших в предгорьях Таласского Алатау, идёт во второй половине марта, последних здесь видели 9 апреля 1960 г. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отметили 30 марта 1970 и 4 апреля 1969 гг., позднепролётных – 2 мая 1974 и 8 мая 1970 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. чёрные вороны летели с 30 марта (1988) по 22 мая (1990), срединная дата весеннего пролёта – 19 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы (южнее Чу-Илийских гор) в небольшом числе чёрные вороны летели на север с 22 марта по 10 апреля, а в 1988 г. – до 28 марта (Ковшарь, Березовиков, 2000). У Джаркента зимующие начинают откочёвывать к северу уже в конце февраля (Шестоперов, 1929). В марте откочёвывают все гибриды между *C. orientalis* и *C. cornix*.

Биология. Очень подробный очерк о чёрной вороне имеется в сводке «Птицы Узбекистана», том 3 (Лановенко, Сагитов, 1995, с. 153-159), но составлен он в основном по материалам из южных районов, в частности, долины Амударьи. В Тянь-Шане биологию чёрной вороны никто специально не изучал, что хорошо видно по бедности биологических сведений об этой птице в региональных фаунистических сводках. Наибольшее число данных (о 18 гнёздах) приводится в «Птицах Семиречья» (Шнитников, 1949). На Иссык-Куле три гнезда с кладками найдены в апреле и мае (Птицы Киргизии, 1960). На Б. Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500 м) 4 мая 1965 г. – 4 слабо насиженных яйца, 14 мая – 5 слабо насиженных (Гаврин, 1974). На южном склоне того же хребта, в истоках Чилика, в урочище Шубар-Арча 28 июня 2004 г. 3 слётка сидели у гнезда на ёлке, а 27 июня встречен выводок из 5 птиц (Джаныспаев, 2012). В городе Алматы на территории Ботанического сада 11 апреля 1995 г. в гнезде было 4 свежих яйца (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В Терской Алатау (ущ. Чон-Кызыл-Су) 20 мая 1954 г. в гнезде (на старой ели у вершины) сидели 4 или 5 оперённых птенцов, а в другом гнезде 1 июня – слётки (Степанян, 1959). В еловом лесу ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) 9 июня 1959 г. в гнезде было 4 птенца (Кузнецов, 1962). В том же хребте, в ущ. Шамси, 12 мая 1982 г. взята в коллекцию кладка из 5 насиженных яиц, а в урочище Улахол (Иссык-Куль) 24 апреля 1969 г. – кладка из 5 слабо насиженных (Торопова, 1999). В хребте Кулуктау (Центральный Тянь-Шань) 17 мая 1997 г. в гнезде (в густой кроне ёлки, в 6 м от земли) было 3 крупных птенца в пеньках (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В Карачингиле (устье Тургени) 9 мая 2003 г. в гнезде было 5 птенцов в ½ взрослых (Бевза, 2012).

У северных подножий Малого Каратау жилое гнездо вороны в 1941 г. нашёл И.А. Долгушин (1951): «Гнездо вороны было осмотрено нами 10 апреля в совхозе Бийлюкуль (между Каратау и Улькун-Борултау). Оно было устроено на тополе, растущем на берегу арыка. Хотя птица сидела на гнезде, яиц не оказалось, видимо, кладка только должна была начаться» (с. 96). Там же, на южном берегу озера Бийликоль: «у посёлка Майтюбе в гнезде, расположенном на трёхметровом лохе, 5 мая 1991 г. было 4 птенца размером с горлицу. В тростниках, на затопленном кусте тамариска жилое гнездо обнаружено 25 мая 1992 г. В редкой посадке деревьев в окрестностях пос. Майтюбе 29 апреля 1992 г. найдено 2 гнезда: в одном 5 яиц, в другом 4 птенца в возрасте 8-10 сут.» (Губин, Карпов, 1999). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), в предсубальпийских арчевниках урочища Чуулдак (1900 м) гнездо вороны на арче нашёл Л.М. Шульпин (1953), в начале августа 1933 г. оно было

уже покинуто птенцами, а рядом на арче держался выводок. В долине Пскема, на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, гнёзда чёрных ворон на больших орешинах, тополях и старых арчах в 1949 г. находил М.Н. Корелов (1956), но ни дат находок, ни содержимого гнёзд он не приводит, ограничиваясь лишь замечанием о том, что молодняк в массе покидает гнёзда во второй половине июня – начале июля. Всё перечисленное свидетельствует о том, что необходимо всерьёз заняться исследованием биологии этой малоизученной в Тянь-Шане птицы.

399. Серая ворона – *Corvus cornix* [*corone*] Linnaeus, 1758

hooded crow (англ.), Nebelkrähe (нем.), corneille mantelée (фр.),
ала қарға (каз., кирг.), ола қарға (узб.), зоги хокистарранг (тадж.)

Синонимы: *C. subcornix* Brehm, 1831; *C. cinereus* Brehm, 1831; *C. sharpii* Oates, 1889.

Подвид. В Тянь-Шане встречается один – *Corvus cornix sharpii* Oates, 1889.

Характер пребывания. Зимует и дважды пролетает через территорию Тянь-Шаня.

Биотоп. Открытые пространства, чаще всего антропогенный ландшафт.

Распространение. Широко распространена зимой и на пролёте по всем предгорным местам, а во внутренних районах Тянь-Шаня – в Иссык-Кульской котловине и в районе Сарычелека (рис. 477). Следует обратить внимание на одно субъективное обстоятельство, о котором хорошо сказал А.И. Иванов в монографии «Птицы Памиро-Алая»: «Только полным пренебрежением орнитологов к столь «банальной» птице можно объяснить то, что мы почти не имеем данных о серой вороне для северной окраины страны, хотя несомненно она встречается здесь на пролёте и зимовках. Единственное указание имеется у Мекленбурцева (1946), который 25 октября видел несколько серых ворон в пос. Сарыташ на северном склоне Алайского хребта под пер. Талдык» (Иванов, 1969, с. 211). Наиболее высоко поднимаются зимующие серые вороны в районе верховьев Текеса в Центральном Тянь-Шане, а также в некоторых местах Заилийского Алатау, где встречены кормящимися летучками семян ели у верхней границы леса в окрестностях Б. Алматинского озера 7 апреля и 24 ноября 1974 г., а также 20 февраля и 21 марта 1975 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). Пролёт серых ворон хорошо выражен на Чокпаке и в Чуйской долине.

Численность. На зимовке в предгорьях обычна, местами многочисленна (Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968), в горных долинах Центрального Тянь-Шаня она немногочисленна (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. на адырах учитывали 21 серую ворону на 6 км маршрута [18 особей/км^2], на адырах с посевами – 4/8 км маршрута, в облепиховых зарослях – 33/22 км [5 особей/км^2], а в еловых лесах – ни одной (Второв, 1963). Там же в зимние сезоны 1973-1984 гг. серые вороны держались стаями по 10-30 особей вместе с другими врановыми в населённых пунктах, у кошар, на полях с проталинами вдоль дорог; ночевать улетали в ельники северного склона Терской Алатау (Верещагин, 1991). Там же 21-31 января 2004 г. во время учёта водоплавающих насчитали 101 серую ворону (Кулагин, 2005: КОБ-2004). В Чуйской долине выше Токмака за три дня, 11-13 января 2008 г., в населённых пунктах и вдоль дороги встретили около 100 серых ворон (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). В Ташкенте серые вороны зимой держатся обособленно от грачей и галок; днём в городе встречаются одиночки (Мекленбурцев, 1982). В Ташкентском оазисе зимой 2013/14 г. учитывали: в декабре – 94, в январе – 14, в феврале – 6 ворон/10 га (Азимов, 2015).

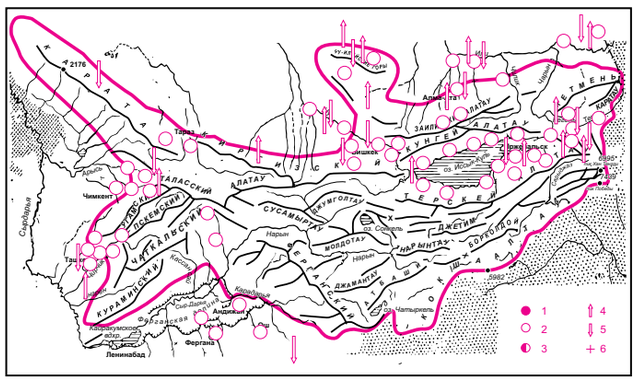

Рис. 477. Распространение серой вороны в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4, 5 – пролёт весной и осенью

На миграциях численность серых ворон выше. Весной на Чокпаке в 1966-1981 гг. учитывали до 2 257 особей за сезон, осенью – до 10 160 (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. в весенние сезоны наблюдали 2 287, отловили 5 особей, осенью – соответственно 64 026 и 3 405 (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине (Токмак) 15 октября 1971 г. пролетело 1175 серых ворон, а 21 октября – 7590 (Федянина и др., 1977).

Сроки. Даты. Осенью появляется в конце сентября и довольно синхронно на большой территории. На крайнем северо-востоке района (Усек, Борохоро) самая ранняя добыта 30 сентября 1899 г., а 6 октября под Джаркентом она была уже нередка (Зарудный, Кореев, 1905). В 1918 г. первую у Джаркента встретили 30 сентября, а с 11 октября она попадалась нередко (Шестоперов, 1929). В верховьях Текеса первые появлялись 2 октября 1955 и 3 октября 1956 гг. (Винокуров, 1960). В Карачингиле (устье Тургени) самые ранние встречи в 2003-2011 гг. – 27 и 30 сентября, в некоторые годы – 2, 5 и 6 октября (Бевза, 2012). В городе Алматы самая ранняя встреча – 3 октября (Бородихин, 1968); в Ала-Арче (Киргизский Алатау) серая ворона появляется в первой декаде октября (Шукуров, Кормилицын, 2005); на восточном берегу Иссык-Куля – в начале октября (Верещагин, 1991). Интересно, что в районе Тюпа осенью 1974 г. серые вороны летели с *запада* на *восток*, тогда как галки и грачи – наоборот (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977, с. 139).

В Чуйскую долину прилетают 25-30 сентября (Умрихина, 1970); на орнитологических стационарах первых встречали: 29 сентября 1971 г. (Тюлек), 1 октября 1974, 1976 и 1977 гг. (Манас), 2 октября 1972 г – в Токмаке (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. миграция серых ворон начиналась 17 сентября (1975) – 2 октября (1974), в среднем за 10 лет – 27 сентября, до конца октября пролетало почти 93% (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. пролёт серых ворон шёл с 20 сентября (2003) до 15 ноября (1986), срединная дата осеннего пролёта – 17 октября (А. Гаврилов и др., 2017). С ноября часть серых ворон остаётся на зимовку. В соседних горах Таласского Алатау пролёт этого вида, в отличие от чёрной вороны, практически отсутствует, на что ещё в 1933-1935 гг. обратил внимание Л.М. Шульпин: «Интересную черту этого пролёта в изучаемой местности представляет чёткая ограниченность пролетающего потока ворон (в направлении к горам) поясом предгорной степи. Лишь однажды, 1 октября, наблюдались серые вороны, летевшие горами. Эта группа в 5 экземпляров, перевалив северные цепи гор в долинуУлькун-Аксу, повернула на запад, к урочищу Чапрашты. Даже в дни (30.IX – 10.X), когда в предгорном поясе шёл массовый пролёт серой вороны, в горах не наблюдалось ни одной птицы» (Шульпин, 1953, с. 53). Некоторую корректировку к этим словам дали специальные наблюдения за пролётом птиц в арчовых редколесьях ущелья Кши-Каинды (1800 м): 13-23 октября 1972 г. и 7-23 октября 1973 г. здесь изредка пролетало по 2-9 серых ворон (Губин, 1976). Однако ещё Н.А. Северцов наблюдал серую ворону (как чрезвычайно редкую!) в октябре. Зимовавший на Памире в 1936/37 г. Р.Н. Мекленбурцев (1946) наблюдал одну у места своей зимовки 27 и 28 октября 1936 г., а 25 октября он же встретил несколько особей в Сарыташе (Алайский хребет, под перевалом Талдык на выходе в Алайскую долину).

Весенний отлёт и пролёт серых ворон приходится на март. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) я встречал последних серых ворон 9 апреля 1960 г. (поздняя весна с похолоданиями), 22 марта 1961, 7 марта 1962, 20 марта 1963, 5 и 14 апреля 1964 гг.; а В.Д. Крестьянинов в 1949 г. встречал их на р. Джабаглы ещё 30 апреля (Ковшарь, 1966). Кстати, в арчовых редколесьях Кши-Каинды весеннего пролёта в 1971-1973 гг. практически не было – лишь исключительно редко попадались одиночки (Губин, 1976). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 24 февраля (1970) – 8 марта (1972), в среднем за 7 лет – 3 марта; основной пролёт (65% особей) шёл 6-20 марта, последних видели 1 мая (1970) – 25 мая (1981), в среднем за 8 лет – 13 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. пролёт шёл с 18 марта (1986) по 9 мая (1982), срединная дата весеннего пролёта в эти годы – 28 марта (А. Гаврилов и др., 2017). На орнитологических стационарах в Чуйской долине окончание пролёта серой вороны отмечали: 8 апреля 1973 г. (Токмак), 11 апреля 1975 и 19 апреля 1974 гг. (Тюлек), 12 апреля 1976 и 20 апреля 1977 гг. – Манас (Торопова, Шукуров, 1991). В Алматы пролёт серых ворон наблюдали 19-23 марта 1961 г., самая поздняя встреча – 20 апреля 1955 г. (Бородихин, 1968). На Б. Алматинском озере (Заилийский Алатау, 2500 м) серую ворону встретили 7 апреля 1974 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Б. Кокпаке (Центральный Тянь-Шань) с 26 марта по2 апреля 1970 г. и 5-9 апреля 1971 г. серые вороны изредка встречались среди массы чёрных (Аракелянц, Березовиков, 2006). У северного подножья Кетменя, близ с. Сункар, одиночную серую ворону мы встретили 20 апреля 1989 г.

В долине Копы мы наблюдали пролёт серых ворон на север с конца марта до 25 апреля 1987 г. и 13 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). Двух запоздалых серых ворон (вместе с чернозобыми дроздами) встретили 17 мая 2004 г. на карагачах у кромки песков Таукум (В. Ковшарь, 2005: КОБ-2004). Из интересных биологических наблюдений стоит упомянуть, что на Иссык-Куле большую роль в питании зимующих серых ворон играют ягоды облепихи, в пойме Чилика – ягоды лоха серебристого. На Б. Алматинском озере 7 апреля и 24 ноября 1974 г. они кормились летучками семян ели тянь-шаньской, а в Бишкеке осенью наблюдали, как они извлекали ядра из грецких орехов (Верещагин, 1991; Губин, 2001; Ковшарь, Лопатин, 1983; Торопова, Командиров, 1995).

400. Пустынный ворон – *Corvus ruficollis* Lesson, 1831

brown-necked raven (англ), Braunnackenrabe (нем.), corbeau brun (фр.),
шөл құзғыны (каз.), курон кузгун (кирг.), чўл қарғаси (узб.), зоги биебон (тадж.)

Синонимы: *C. umbrinus* Sundevall, 1838; *C. infumatus* Wagner, 1839; *C. subcorax* Severtzov, 1873.

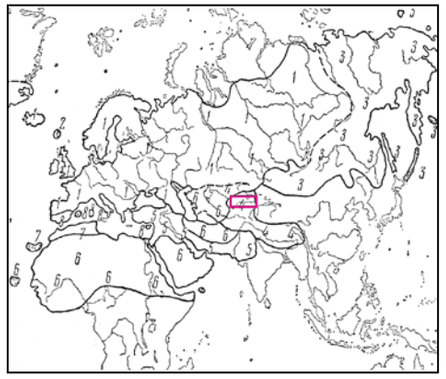
Систематическое замечание. Длительное время пустынный ворон числился подвидом *Corvus corax* (Дементьев, 1937; Портенко, 1954; Рустамов, 1954) и даже в 1974 г. В.Ф. Гаврин вынужден был писать, что вопрос о видовой самостоятельности ещё окончательно не решён, хотя И.А. Долгушин ещё в 1941 г., по наблюдениям в Каратау, был уверен, что это разные виды: «По нашему мнению, этот вид (*Corvus corax – AK*) является резко отличным от *C. ruficollis* как по сумме морфологических признаков, так и по своей экологии. За это говорит также и то обстоятельство, что оба эти вида живут на огромной территории вместе, не образуя помесей. Повидимому, эти виды различны и по происхождению. Для *Corvus corax* вероятно азиатское происхождение, в частности, берингийское, тогда как для *C. ruficollis* более чем вероятно возникновение в Северной Африке» (Долгушин, 1951, с. 95). См. также «Замечания по систематике» (Иванов, 1969, с. 208-209).

Подвид. Из двух подвидов в нашем районе – номинативный *Corvus ruficollis ruficollis* Lesson, 1831.

Характер пребывания. Гнездится в пустынях у северных и западных границ Тянь-Шаня, на зиму откочёвывает на юг Кызылкумов, в Каракумы и предгорья Копетдага (Гаврин, 1974; Лановенко. 1995).

Биотоп. Предпочитает песчаные пустыни с саксаульником или туранговыми рощами, поселяется и в глинистых при наличии мест для гнездования (ими могут служить даже триангуляционные вышки и столбы ЛЭП). Во время кочёвок может быть встречен вблизи населённых пунктов, животноводческих ферм и т.д. Однако и в это время явно избегает лесных массивов и высокогорий.

Распространение. Наш район находится на северо-восточной границе ареала *C. ruficollis* (рис. 478), который распространён в Северной Африке, Аравии, Передней и Средней Азии до северо-восточной границы последней в районе Балхаша; граница ареала проходит по западным и северным предгорьям Тянь-Шаня (Гаврин, 1974; Степанян, 1978, 1990, 2003). Ближайшие места нормального гнездования пустынного ворона находятся вблизи подножий двух низкогорных районов – Каратауского и Чу-Илийского (рис. 479). В первом месте два гнезда с пятью птенцами в каждом, были найдены 25 мая 1927 г. на кустах саксаула близ гор Актау, на северо-западной оконечности Каратау (Шапошников, 1931). Там же, в низкорослом саксаульнике между Карамуруном и Актау, встречены они и в конце мая 1941 г. (Долгушин, 1951). Кроме того, 4 июня и 19 сентября 2007 г., а также 26 марта 2010 г. их не раз встречали по трассе Чулаккурган – Сузак (Губин, Белялов, 2017). Во втором месте пустынный ворон изредка гнездится у кромки песков Таукум между сёлами Каншенгель и Аксуек; группу из трёх особей встретили 24 июля 1998 г. в сухом русле р. Ботаборын близ с. Аксуек (Березовиков и др., 1999). Довольно близко к подножьям Тянь-Шаня подходит пустынный ворон и в районе северных склонов Киргизского Алатау. Здесь в середине августа 1929 г. на окраине с. Новотроицкое его видел Л.А. Портенко (1961), а в июле 1957 г. и 24 июля 1960 г. пару и группу на 399 км трассы, у подножья Киргизского хребта, встретил М.Н. Корелов (2012). Он же на трассе между сёлами Луговое и Будённовка 19 июля 1957 г. встретил две стаи – из 12 и 20 воронов – а выше трассы, за с. Михайловка – выводок из 6 птиц; 25 июля у с. Луговое добыл самца в свежем пере (Корелов, 2007). Кроме того, в рукописном дневнике Н.А. Северцова

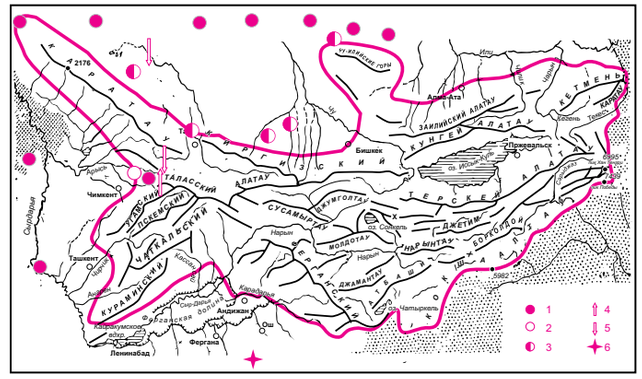

Рис. 478. Ареалы пустынного ворона (6) и ворона (1-4, 5, 7). По: Рустамов, 1954, с. 16. Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 479. Распространение пустынного ворона в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимняя встреча, 3 – летние встречи

за 1857-1864 гг. на с. 40 имеется запись о встрече этого ворона [“*Corvus umbrinus* (*subcorax*, nob)”] 2 (14) августа 1864 г. у Аулие-Ата, нынеТараз (Иванов, 1969, с. 209).

Для заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) пустынный ворон приводится гнездящимся в альпийской и субальпийской зонах и нет очерка о *C.c. tibetanus* (Шевченко, 1948), что, конечно же, неверно (Ковшарь, 1966). В более поздней публикации Л.М. Шульпина (1953) фигурирует тибетский ворон, но не упоминается пустынный. Однако в обеих работах имеется интересная информация. Так В.В. Шевченко (1948) приводит три коллекционных экземпляра (самец, июнь 1938, Балдабрек; самец, 13 ноября 1937, Джабаглы; чучело без этикетки), их размеры (крыло 390-399-410 мм; длина клюва 62-65-67 мм) и указывает, что все три экземпляра имели ясно выраженный шоколадно-бурый оттенок окраски головы, мантии и груди. Всё это признаки *C. ruficollis*. В статье Л.М. Шульпина (1953) в очерке о тибетском вороне имеется следующий настораживающий текст: «Кроме высокогорий, ворон гнездится и в предгорном поясе (1550-1700 м), там, где степь сочетается с наличием поблизости недоступных скал. Подобное гнездование ворона наблюдалось в каньоне Аксу, около которого ворон встречается регулярно и летом, хотя и не часто. В районе урочищ Кара-Алма и Кожи-хан в июле 1933 и позднее в 1935 г. он наблюдался мной выводками. По наблюдениям Р.Н. Мекленбурцева, ворон гнездится также в низкой части каньона Аксу, около с. Подгорного, примерно в 40 километрах от гор по течению Аксу (ниже 1000 м над у.м.). Северцов (1875) также указывает, что ворон гнездится в культурном поясе» (Шульпин, 1953, с. 52). Приведенный текст больше подходит к пустынному ворону. Возможно, к этому виду относится и наблюдение А.П. Коровиным 2 июня 1926 г. выводка воронов в предгорной степи (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966).

Наконец, в 2000 и 2004 г. пара пустынных воронов гнездилась на перекладине одного из столбов высоковольтной ЛЭП в предгорной степи между Новониколаевкой и ущельем Талдыбулак (Чаликова, 2005: КОБ-2004; Ковшарь, Чаликова, Колбинцев, 2016, с. 426). Это пока единственное место гнездования пустынного ворона в нашем районе. По-видимому, он гнездится здесь периодически.

Численность. В пределах нашего района – единичные особи. Численность его в пустынях близ Тянь-Шаня также низкая: «По данным автомобильных учётов, в Южном Прибалхашье на маршруте 830 км встречено 17 воронов, в Бетпак-Дале на 752 км – 12, в Арыскумах на 501 км – 7 и в низовьях Таласа на 30 км – 1 ворон, т.е. в пределах 1.4-3.3 особи/100 км. В восточных Кызылкумах на кромке песков пара от пары живёт в 8-10 км, в Южном Прибалхашье – в 15-20 км. В Бетпак-Дале на опорах ЛЭП вдоль трассы Сузак – Джувантобе на 50 км пути насчитали 22 гнезда… В районе пос.Чардара 12 мая 1988 г., также на опорах ЛЭП, на 10 км пути вдоль берега водохранилища отмечено 3 гнезда, в одном из которых были слётки, а около другого – летающий выводок» (Губин, Ковшарь, 1990, с. 114-115).

Сроки. Даты. Не изучены. В заповеднике Аксу-Джабаглы два пустынных ворона отравились на волчьих привадах (люминалом) 29 марта 1961 г. в Новниколаевке и 8 апреля 1963 г. в Чуулдаке (1900 м), в арчовом редколесье (Ковшарь, 1966). На Чокпаке наблюдается изредка: трижды встречен весной 1970 г. (13 марта добыт самец, 20 апреля два ворона пролетели на северо-восток) и одна самка добыта осенью, 12 октября 1968 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 12 сентября (2007) по 23 октября (2005) окольцевали 6 пустынных воронов (А. Гаврилов и др., 2017). Известен залёт

в высокогорье Алайского хребта, где на леднике Абрамова (3830 м) в верховьях р. Коксу в конце апреля 1987 г. добыли взрослую самку в изношенном оперении; экземпляр передан на хранение в коллекцию САГУ в Ташкент (Ноздрюхин, 1991). В последние годы несколько раз пустынного ворона встречала Е.С. Чаликова зимой в предгорьях Таласского Алатау, в том числе 2 января 2016 г. около села Джабаглы (Новониколаевка).

Биология. Не изучена. Интересные сведения имеются в единственной специальной публикации по размножению этого вида в нашем регионе (Губин, Ковшарь, 1990) и в очерке монографии «Птицы Узбекистана», том 3 (Лановенко, 1995).

401. Ворон – *Corvus corax* Linnaeus, 1758

raven (англ.), Kolkrabe (нем.), grand corbeau (фр.),
құзғын (каз.), кузгун (кирг.), қузғун (узб.), зоги калон (тадж.), улы гарга (туркм.)

Синонимы: *C. tibetanus* Hodgson, 1849; *C.c. pamirensis* Buturlin, 1915.

Подвид. Из 7-8 подвидов в Тянь-Шане гнездится два: в высокогорье и среднегорье основных хребтов – *C. c. tibetanus* Hodgson, 1849; в Каратау и Чу-Илийских горах – *C. c. laurencei* Humei, 1873 (Корелов, 1986; Гаврилов, 1999). Аналогичная ситуация в Памиро-Алае (Иванов, 1969).

Характер пребывания. Оседлая птица, в том числе и в Тянь-Шане, где совершает сезонные кочёвки на относительно небольшие расстояния. Зимой в Тянь-Шане не раз встречен до 4000 м (Остащенко, 2010), а на Памире на тех же высотах это обычная оседлая птица (Мекленбурцев, 1946; Степанян, 1974).

Биотоп. В Тянь-Шане этот лесной на равнине вид населяет преимущественно высокогорье: скалы, открытые пространства и верхнюю границу леса. Реже гнездится в средней части лесного пояса. Нижние пределы гнездования 2000 м, в Западном Тянь-Шане –1800 м. *C. c. laurencei* гнездится даже ниже 1000 м.

Распространение. В пределах нашего района распространён довольно широко (рис. 480). Неравномерность обозначений на этом рисунке частично обусловлена и недостаточностью изученности территории. Нет сомнения, что со временем ворон будет найден и в других местах внутренних районов Тянь-Шаня. При этом необходимо прояснить и распределение здесь представителей двух подвидов – тибетского и белуджистанского, занимающих разные высотные ниши. По всей вероятности, некоторые точки на рис. 480, особенно в более низменных местах, принадлежат белуджистанскому ворону. Так, например, 17 июля 2004 г. на трассе в 10 км южнее города Ош встречен маленький ворон, которого вполне можно было бы принять за пустынного, если бы не полное отсутствие коричневых тонов в оперении; то же самое можно сказать о паре воронов, встреченных 18 июля 2003 г. у города Ташкумыр, на абсолютной высоте всего 600 м (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В этом плане предстоит ещё большая работа по идентификации подвидовой принадлежности воронов во многих долинах и низкогорьях Тянь-Шаня. Пролёт воронов не выражен, лишь на Чокпаке они регулярно встречаются весной и осенью – до 20 особей за сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985).

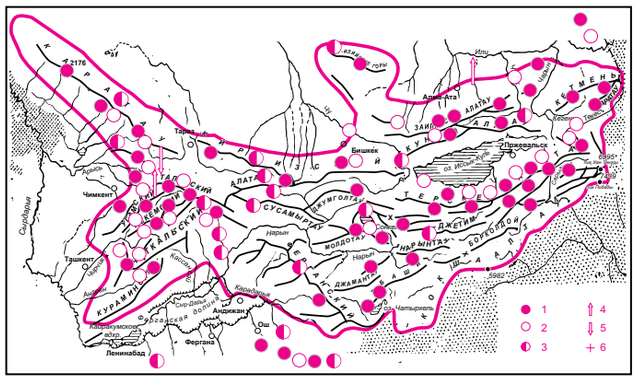

Рис. 480. Распространение ворона в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

Численность. Невысокая, что подчёркивается в большинстве публикаций. В Таласском Алатау довольно редок в течение круглого года (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966), а в Каратау крайне редок на гнездовании

(Губин, Белялов, 2017). В верхней части долины Пскема в июле-августе 2002 г. встречен 5 раз в числе 7 особей (В. Ковшарь, 2003). В Сарычелеке в 1925 г. встречен всего один раз, по словам автора «отсутствие ворона бросалось в глаза» (Кашкаров, 1927). В Киргизском Алатау (ущелье Ала-Арча) из 900 дней регулярных, в течение круглого года, экскурсий от лагеря (2000 м) до ледника ворон встречен в 6 общим числом 9 особей (Кузнецов, 1962). В этом же ущелье в 80-90-х гг. встречался единично, плотность населения определена в 0.005-0.27 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В восточной части Терской Алатау в 1953-1954 гг. был сравнительно обычен: оба года в ущелье Чон-Кызыл-су гнездилось не менее трёх пар (Степанян, 1959). На юго-восточном побережье Иссык-Куля при проведении учётов в январе-феврале 1962 г. встретили 3 воронов на 10 км маршрута по щебнистой пустыне, больше нигде его не видели (Второв, 1963). Там же в 1973-1984 гг. ворон зимовал в зоне леса и лишь частично спускался на подгорную равнину, встречаясь по всей котловине по 2-3 особи (Верещагин, 1991). «В урочище Чимган в западных отрогах Чаткальского хребта в зимнее время в зонах отдыха на мусорных свалках и их окрестностях собирается по нескольку десятков воронов» (Лановенко, 1995, с. 171). В долинах Центрального Тянь-Шаня ворон – «сравнительно редкий оседлый вид» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Оказался довольно обычным в Алайской долине, где в 1999 г. нам удалось насчитать 22 ворона: 20 июля – пара на перевале Талдык; 21-23 июля – 6 одиночек от Иркештама до Дарауткургана; 24 июля – пара взрослых, одиночка и две семьи (4 и 5 особей взрослых и молодых) – на выходе из ущелья реки Алтындара; 25 июля – две одиночки у сёл Кашкасу и Талдысу. В скалах по р. Гульча на северном склоне Алайского хребта 27 июля встречена ещё одна пара (Ковшарь, Торопова, 2000). Там же – от перевала Талдык до Иркештама – 28-29 июня 2015 г. встретили 11 воронов (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). Нередким был ворон и на маршруте 2003 г. по Внутреннему Тянь-Шаню, где во второй половине июля мы встретили 34 особи. Одиночки и пары воронов встречались в высокогорье, как правило, не ниже 3000 м: на перевалах Сарыкыр, МЭЛС, Берюлю (Ферганский хребет), в высокогорных долинах Арпы и Аксая, на Чатыркуле. В лесном поясе встречен только трижды: 22 и 23 июля – в верховьях Тара, близ с. Кайын-талаа (2100 м) и 26 июля на южном склоне Ферганского хребта в верховьях р. Кугарт (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

В период сезонных миграций на Чокпаке в 1966-1981 гг. наблюдали: весной – до 20, осенью – до 69 воронов за сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. за все годы суммарно насчитали: весной 47, осенью – 65 воронов; отловить удалось всего 5 птиц (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной регулярные перелёты воронов из Таласского Алатау в Каратау наблюдали с 1-7, в среднем с 6 марта, чаще (41.6%) между 6 и 20 апреля; последних весной встречали 7 мая (1975) – 16 мая (1970), в среднем – 11 мая. Осенью первых видели 28 августа (1969) – 21 сентября (1968); наиболее интенсивные перемещения наблюдались 16-25 октября (81.3%), последних отмечали 16-30 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. весной воронов наблюдали с 29 марта (1988) по 17 мая (1984), осенью – с 28 августа (1999) по 24 октября 1987 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Очень слабо известна. В Тянь-Шане биологию ворона, в частности, размножение, никто специально не изучал. Очень мало сведений и в региональных монографиях «Птицы Семиречья» (1949), «Птицы Киргизии» (т. 2, 1960) и «Птицы Казахстана» (т. 4, 1974), а в сводке «Птицы Узбекистана» (т. 3, 1995) приводятся в основном данные по Кызылкумам. Интересные соображения относительно образования пар ещё осенью высказаны в сводке по птицам Памиро-Алая (Иванов, 1969), где идёт речь о биологии двух подвидов – низинного и высокогорного, по каждому из которых почти нет фактических данных.

Поэтому ниже привожу ссылки на отрывочные сведения, имеющиеся в публикациях по Тянь-Шаню. В отрогах Чаткальского хребта в долине Ангрена (Западный Тянь-Шань) в гнезде ворона была полная кладка из 6 яиц (Лановенко, 1995). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) на скале водопада Кши-Каинды (1800 м) 12 апреля 1993 г. в гнезде ворона было 5 птенцов, покинувших его 25 мая в первой половине дня; 29 марта 1994 г. в том же гнезде было 6 яиц (5 апреля – 3 голых птенца, к 12 апреля они оперились и 23 мая встречены уже вне гнезда); 1 апреля 1995 г. в том же гнезде – 5 яиц (11 мая – 6 яиц; 9 июня 2 слётка покинули гнездо). Весной 1996 г. скальный выступ с гнездом обвалился, и вороны построили новое гнездо на той же скале (Чаликова, 1994, 1999). Вновь после 5-летнего перерыва вороны загнездились на этой скале в 2004 г.: 9 апреля самка насиживала кладку и взлетела с гнезда сразу же при появлении человека (прежде такого не наблюдалось), 12 мая гнездо оказалось пустым (Чаликова, 2004:

КОБ-2004). Причина его гибели, по мнению автора, – частое беспокойство гнезда туристами. В марте 2005 г. пара воронов (скорее всего – *C. c. laurencei*) построила гнездо на сосне в центре села Жабагылы (Новониколаевка), 9 апреля в нём было 5 насиженных яиц, а 29 мая его покинули 4 птенца (Чаликова, 2006: КОБ-2005). В 2006 году пара воронов заняла гнездо курганника (*Buteo rufinus*), построенное в 80-х гг. стервятником (*Neophron percnopterus*) близ перевала Бураншиасу (1400-1500 м); 23 мая в гнезде был один полностью оперённый птенец ворона (Чаликова, 2007: КОБ-2006). Там же, в Аксу-Джабаглы, А.П. Коровин встречал ранние выводки воронов (до 8 особей) 2 июня 1926 г. в предгорной степи и 4 июня 1926 г. в альпийском поясе (Шульпин, 1953). В верховьях Кши-Каинды (выше 2000 м) выводки из 4 и 5 воронов видели 15 и 16 июня 1973 г. (Губин, 2012).

В Каратау на Турланском перевале 8 сентября 2002 г. встречен выводок воронов (Чаликова, Колбинцев, 2005), а гнёзда воронов в нишах скал находили в ущелье Курсай (8 мая 1993 и 31 мая 1997), в ущелье Актогай (11 мая 1993 и 31 мая 1997) и у Турланского перевала (24 апреля 1996, 31 мая 1997 и 29 мая 2001); всех этих птиц относили к подвиду *C. c. tibetanus* (Губин, Белялов, 2017). К сожалению, содержимого найденных гнёзд авторы не указывают. Выводок из 5 птенцов и двух взрослых воронов 14 июня 2003 г. держался в скалистых выходах по гребню хребта Боролдай в 5 км к северу от телевизионной вышки на перевале Чокпак (Чаликова, 2004: КОБ-2003).

В Киргизском Алатау (Кара-Жилча) 21 марта 1987 г. в гнезде ворона было 2 птенца и 2 «болтуна», а в Кочкорской долине 21 марта 1969 г. Г.В. Вердин взял в коллекцию 5 слабо насиженных яиц (Торопова, 1999). В Заилийском Алатау (Поганая щель близ Алматы) 30 мая 1918 г. в гнезде на огромной ели высоко от земли было 3 птенца, из которых два полуоперены, а третий полностью оперён (Шнитников, 1949). В Большом Алматинском ущелье, у верхней границы леса в верховьях Мраморного ручья 7 июля 1959 г. из выводка в 4 лётных молодых два добыты (Грачёв, 2009: КОБ-2008). На восточной оконечности этого хребта, в ущелье Женишке, 16 июля 1995 г. встречен выводок из 5 птенцов (Губин, 2009: КОБ-2008). Ещё восточнее в одном из ущелий южного склона хребта Турайгыр 20 апреля 2003 г. видели пару у гнезда; ещё одно жилое гнездо (его раньше занимали балобаны) найдено в одном из ущелий Б. Богуты со стороны Сюгатинской долины (Коваленко, 2005: КОБ-2004). В хребте Кетмень в 1953 г. описано одно гнездо ворона: «В скальной стене северного склона неподалёку от гнезда бородачей помещалось в нише и гнездо ворона. Семья из взрослых и четырёх молодых возвращалась сюда регулярно на ночлег. В случае непогоды птицы опять-таки прилетали к гнезду. Гнездо представляло собой довольно массивную постройку из грубых сучьев. Несмотря на то, что птенцы уже хорошо летали, родители всё ещё заботливо охраняли их. 31 мая в непогоду семья воронов возвращалась к гнезду, около которого пролетал беркут. Заметив беркута, старики, непрерывно каркая, кинулись к нему, всё время интенсивно взмахивая крыльями. Молодые же, сбившись вместе, кругами стали взвиваться вверх. Выводки распались лишь к концу июня» (Корелов, 1956, с. 131). В восточной части Терской Алатау, в скалах ущелья Чон-Кызыл-Су у верхней границы леса, судя по поведению пары воронов, 5 июня 1953 г., видимо, происходил вылет птенцов из гнезда. «В предгорьях этого же ущелья находилось гнездо, помещавшееся в выбоине песчаниковых обрывов. Оно было занято парой птиц в оба сезона нашей работы. В первой половине июня (8-11 числа) птенцы уже покинули гнездо, но держались здесь же поблизости. По величине они почти не уступали родителям, последние же продолжали их ещё кормить. 16 августа 1953 г. на сыртах в верховьях р. Арабель наблюдался ещё не разбившийся выводок из 4 молодых и пары старых» (Степанян, 1959 с. 71). На озере Сонкуль 19 июня 2016 г. встречен выводок из 4 слётков (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). На северном склоне хребта Байбичетоо (левобережье Нарына), в селе Челок-кайым (высота около 2000 м) в полдень 17 июля 1999 г. два доросших молодых ворона сидели на столбе ЛЭП, раскрыв клюв от жары, а над ними летали родители (Ковшарь, Торопова, 2000). На сыртах по реке Болгарт (выше 3000 м) при подъёме к перевалу Тоссор (Терской Алатау) 22 июля 2005 г. мы наблюдали явный случай клептопаразитизма: 6 воронов (выводок?) атаковали курганника, пока он не выронил добычу.

Семейство **Скворцовые**
Sturnidae

402. Майна – *Acridotheres tristis* (Linnaeus, 1766)

common myna (англ.), Hirtenmaina (нем.), martin triste (фр.),
майна, сарыжағал қараторғай (каз.), майна (кирг., узб., тадж.), мейне (туркм.)

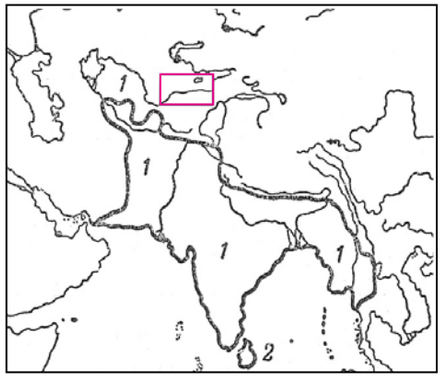
Синонимы: *Gracula grillivora* Cuvier, 1798; *Maina tristoides* Hodgson, 1836. Афганский скворец. Саранчовый скворец.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане номинативный *A. t. tristis* Linnaeus, 1766.

Характер пребывания. Оседлая птица.

Биотоп. Антропогенный, синантропный ландшафт предгорий и среднегорий на высотах 500 – 2000 м. В Заилийском Алатау известна попытка гнездования на высоте 3300 м (Ковшарь, 1989, 1994), в Туркестанском хребте гнездились на перевале Кумбель, 3100 м (Шерназаров, 1995).

Распространение. Ареал майны, занимавший Индостан и прилегающие территории Афганистана, ещё в середине XX ст. не достигал даже южных границ Тянь-Шаня (рис. 481). Считается, что расселение этого вида к северу и северо-востоку началось в 1912 году (Рустамов, 1954), однако южнее его наблюдали намного раньше, о чём имеется интересное свидетельство: «Путешествуя по южному, западному и северному Афганистану (октябрь-ноябрь 1936), мы видели майну… вокруг Гиндукуша. Зимует на равнинной части Афганистана, поднимаясь летом до высоты 2500 м (Пагман). В Герате майна появилась только 50-60 лет назад, так как Эчисон [Aitchison. The zoology of the Afghan Delimitation commission, 1898], посетивший СЗ Афганистан в 1884-1885, не указывает её. Сушествует какая-то связь между расселением майны и наличием чинара. Местные жители различают майнайи чинари – майну-чинаровку – вьющую гнездо в дупле чинара (её птенцы быстро приучаются говорить) и майнайи девари – степную майну, птенцов которой приучить говорить более трудно… Эта птица истребляет саранчу и потому пользуется покровительством населения. В Кабуле и Кабульской провинции 400 лет назад майны не было. Султан Бабур (Захириддин Мухаммед) отмечает её лишь для области Ламганат (к юго-востоку от Кабула). Мы считаем, что майна расселялась в связи с ростом населения, увеличением числа населённых пунктов, развитием ирригации, постройкой высоких зданий, которые они облюбовывают для ночёвки или гнездовья и т.д. Если её и завезли в Кабул, то вряд ли этим можно объяснить то, что она обитает по всей стране» (Асланов, 1953, с. 85-86).

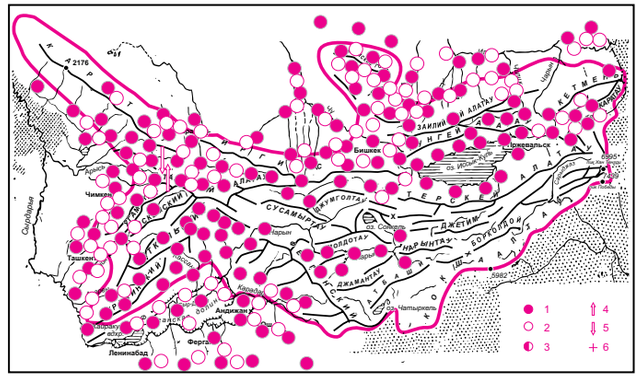

Рис. 481. Ареал майны к 1954 г. По: Рустамов, 1954, с. 140. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 482. Распространение майны в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт весной и осенью

Тянь-Шань майна начала «завоёвывать» с конца 50-х гг. XX ст. и происходило это двумя путями: через Ферганскую долину во внутренние районы и вдоль западных предгорий. До 1960 г. этой птицы не было в списках авифаун Киргизии и Казахстана; первое упоминание о ней появилось на последней странице второго тома «Птицы Киргизии» как дополнение к фауне: «В 1960 г., когда книга была набрана, К. Бейшебаев и Д. Ырсалиев, находясь в экспедиции на юго-западе Киргизии, добыли пару майн *Acridotheres tristis*. Майны довольно обычны в районе с. Сулюкты и Катран [северные предгорья Туркестанского хребта – *АК*]. Держатся они в садах, но гнездятся в ближайших скалистых обрывах. 15 июня добыты самец и самка. У самки в яйцеводе почти сформировавшееся яйцо. По словам местных жителей, майны у с. Катран появились два года назад, их называют "птицы, прилетевшие из Китая"» (Птицы Киргизии, 1960, с. 264). Почти одновременно – 30 августа 1959 г. – в предгорьях Западного Тянь-Шаня пару майн видели у Абай-Базара в долине Келеса и одиночку 28 ноября ещё севернее – в долине Куруккелеса. В 1961 г. в течение октября стайку до 15 птиц видели в Куруккелесе, а в с. Ленинское Д.Ю. Кашкаров добыл майну 30 сентября 1961 г. (Мекленбурцев, 1962). Через два месяца, 24 ноября 1961 г., в том же с. Ленинское я видел явно местную пару майн (Ковшарь, 1963), а в конце ноября их отметили уже в г. Туркестан. С тех пор каждый год приносил новые сведения: в марте 1962 г. 4-х майн видели на Чокпаке, а 14 июля 1962 г. на окраине Чимкента в дупле дерева нашли гнездо майны с 4 птенцами; в 1963 г. стаю из 11 майн видели в с. Высоком (у Чокпакских ворот), а 3 марта впервые их встретили в Новониколаевке, где загнездились две пары, занявшие скворечники около фермы; птенцы из обоих скворечников вылетели 17 июня 1963 г. (Ковшарь, 1966). С тех пор началось интенсивное расселение майны в двух основных направлениях – вдоль долины Сырдарьи и вдоль предгорий Тянь-Шаня. На этот естественный и очень масштабный процесс вряд ли могло сильно повлиять то обстоятельство, что 24 марта 1962 г. по инициативе Главного управления охотхозяйства и заповедников КазССР 200 майн были выпущены в Алма-Ате, хотя я, как и Э.И. Гаврилов (1974), полностью разделяю мнение Р.Н. Мекленбурцева (1965), что необдуманные завозы майны в Алма-Ату (1962) и Ташкент (1964), не оправданные никакими практическими запросами, могли повлиять на интенсивность естественного процесса расширения ареала вида и теперь при анализе расселения майны приходится учитывать это вмешательство человека. Масштабное расселение майны на север и северо-восток продолжается вот уже более полувека, ему посвящена обширная орнитологическаая литература (Юдин, 1940, 1955; Рустамов, 1946, 1958; Ахмедов, 1953; Сагитов и др., 1957; Ишунин, 1960; Мекленбурцев, 1962, 1965; Ковшарь, 1963, 1966, 1984, 1989; Малышевский, 1965; Ротшильд, 1965; Варшавский, 1968; Сема, 1970; Сема, Гисцов, 1984; Р. Кыдыралиева, 1990; Ковшарь, Березовиков, 2001). К настоящему времени ареал вида расширился более чем на 1000 км к северу и востоку – до Центрального Казахстана и Прииртышья.

За эти полвека майна широко расселилась и в Тянь-Шане (рис. 482). За первые 10-15 лет она освоила предгорный пояс и стала проникать в горы. На западной окраине Чуйской долины она обосновалась в 1973-1974 гг. (Умрихина, 1984), в городе Фрунзе (Бишкек) гнездится с 1984-1985 гг., а к 1991-1993 гг. стала многочисленной, постепенно вытесняя скворца (Торопова, Командиров, 1995; Командиров, 1999). В начале 70-х гг. она появилась в Ала-Арчинском нацпарке, а в 80-90-х гг. стала здесь фоновым видом, скапливаясь в лесу у альплагеря на ночёвку (до 20-30 птиц на одном дереве); отсюда же большими группами совершала сезонные кочёвки в Сусамырскую долину (Шукуров, Кормилицын, 2005). В эти же годы майна расселилась от Алматы к востоку до Чилика, а по р. Или – до Джаркента. В 1968-1975 г. она ещё определённо отсутствовала в долинах Текеса, Баянкола, Б. и М. Кокпаков, а в 1996-2002 гг. уже гнездилась во многих посёлках, вплоть до Нарынкола (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006).

В Б. Алматинском ущелье Заилийского Алатау майны, обитавшие в городе Алматы с 1962 г., впервые отмечены летом 1978 г. – стая, пролетевшая над ельником у Б. Алматинского озера (2500 м), а первая пара загнездилась здесь в 1982 г. На следующий год в зданиях рядом с орнитологическим стационаром 1971-1980 гг., гнездились 2 пары, а в 1987 и 1988 гг. майны были здесь уже обычны до высоты 2700 м (Ковшарь, 1989). В 1991 г. майны впервые загнездились в пос. Космостанции (3300 м), в альпийском поясе (Ковшарь, 1994). В горах Серектас (Чу-Илийские горы) гнёзда майны обнаружены в 1992 г. (Губин, 2007). В Каратау в 1981-1985 гг. майна стала занимать искусственные гнездовья в хр. Боролдай (Скляренко, 1989), а в предгорьях северного склона колонию майн в глинистых обрывах у озера Кызылколь я наблюдал в мае 1983 г. В 2001 г. в Джувалинской долине в посёлках майн было

примерно столько же, как скворцов; вне посёлков майны гнездятся в пещерах Актогай, Акмечеть, Кара-Унгур; в каньонах рек Боролдай и Кашкарата, в скальных массивах ущелий Курсай, Турлан и Келиншектау (Губин, Белялов, 2017).

Прослежено и расселение майны из Ферганской долины, на юге которой она впервые добыта в 1960 г., а 31 мая 1961 г. встречена в её центральной части, близ посёлка Папи весной того же года – у г. Наманган (Птицы Киргизии, 1960, с.264; Маленков, 1961; Мекленбурцев, 1962). В 1961 г. она появилась в городе Ош, в 1966 г. – в Сарычелекском заповеднике (до самого озера, высота 1876 м), в 1972 г. встречена на джайляу (2200-3000 м) в хребте Баубаш-ата (Щербак, Клименко, 1976). По данным другого автора: «… в 1969 г. птицы продвинулись на север Ферганской долины и через перевал Кугарт одноименного [Ферганского – *АК*] хребта попали на левобережье р. Нарын, оттуда – на восток, распространившись до слияния рек Малый и Большой Нарын. В 1984 г. майна как обычная птица отмечена в Абташинской долине, оттуда она расселилась на запад до Арпинской долины (3200-3300 м). Здесь она придерживалась кошар, а также построек» (Р. Кыдыралиева, 1990, с. 134).

К настоящему времени от майны свободны лишь высокогорья Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня. Например, 28-31 июля 2003 г. на высокогорном маршруте (Арпинская долина – Чатыркуль – Аксайская долина – верхняя часть Атбашинской долины) мы не встретили ни одной майны (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Ни разу не попадалась она нам также по Сарыджазу, Иныльчеку и Куйлю. Зато в высокогорной Алайской долине майна отмечена до 3000 м, у с. Талдысу (Ковшарь, Торопова, 2000).

Численность. Высокая, а местами – очень высокая. Прежде всего сейчас это фоновая птица крупных городов – Алматы, Бишкек, Ташкент. Так, в Алматы, где майна гнездится с 1962 г., во время проведения наших учётов в 1984-1985 гг. она заселяла все без исключения подразделения селитебного ландшафта, занимая по встречаемости (0.4-2.0 особи/час) 10-е место среди птиц на участках многоэтажной застройки в центре города; 8-е место – в усадебной застройке старого города (2.2-5.9 особей/час); 4-е место – на терренкуре вдоль р. Малая Алматинка (0.6-12.0); 3-е место – на территории зоопарка (40.9 особей/час) (Ковшарь, 1988). К концу лета на территории Ботанического сада майны собирались стаями до 100 особей. Зимой на ночёвку под крышу Дворца Республики в центре города, по моим учётам 2002-2003 гг. прилетало 794-943 майны, 17 мая 2003 г. – 1325, а 14 сентября 2003 г. – 1086 майн (Ковшарь, 2004). Сейчас, по экспертной оценке, численность майны в этом городе стала ещё выше.

В Ташкенте, появившись в 1964-1965 гг., уже в начале 90-х гг. майна входила в число доминантов (Лановенко, 1993). По наблюдениям за открытыми ночёвками в августе 2002 г., в кроне одного крупного платана в центре Ташкента ночевало до 900 майн, над которыми были проведены эксперименты по отпугиванию (Тен, Кашкаров, 2004). По более поздним наблюдениям, на отдельных открытых ночёвках собирается до 10 тысяч майн (Шерназаров и др., 2008). Численность майн растёт и на закрытых зимовках. Так, в одном цехе завода «Миконд» в 1977 г. учитывали более 1.5 тысяч майн, в 2003 г. – уже 7 тысяч; в скоплениях у Центрального телеграфа число зимующих майн за 10-15 лет возросло от 500 до 5 тысяч особей; всего же в 200 коллективных ночёвках майны в районе Ташкентского оазиса насчитали около 287 тысяч птиц (Шерназаров, Лановенко, Филатов, Тен, 2008).

В Бишкеке в 90-х гг. численность майны в некоторых районах города достигала 200 особей/км^2 (Командиров, 1999). Для Ала-Арчинского национального парка (Киргизский Алатау) приводится плотность на гнездовании от 0.75 до 205.9 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Во всех селениях в предгорьях Тянь-Шаня майна стала фоновым видом, а число скворцов резко снизилось. Даже на небольшой станции Копа (скорее полустанок) в 1987-1988 гг. гнездилось 10-15 пар майн (Ковшарь, Березовиков, 1999).

О высокой численности майны во внутренних районах Тянь-Шаня дают представление проведенные нами с автомобиля маршрутные учёты во время поездок 1998-2006 гг. На маршрутах 1998 и 1999 гг. майна была одной из самых многочисленных птиц. В июле 1998 г. учтено 152 особи (встречено намного больше), причём особенно много их видели мы в Таш-Кумыре (долина Нарына), Сарычелеке (только в с. Аркит – 50 майн), Чаткальской долине. В 1999 г. на маршруте «город Нарын – Казарман – Джалалабад – Узген – Памирский тракт – Алайская долина – город Ош – Ташкумыр – Сусамыр – Кокомерен – Кочкорка – Буамское ущелье – Чуйская долина» с 17 июля по 2 августа в 165 населённых пунктах мы насчитали 678 майн и всего 84 скворца. Наибольшее число майн (133 в 30 сёлах) учтено 28 июля на участке маршрута «Ош – Ташкумыр» и в Чуйской долине, от Буамского ущелья до Бишкека

(133 в 17 сёлах). Отмеченные вне населённых пунктов 187 майн – только часть встреченных, поскольку пересчитать их не представляется возможным. Так, 19 июля на спуске к Андижанскому вдхр., где вдоль дороги много глинистых обрывов с норами, мы насчитывали до 18 майн на 3 км пути, а у Папанского и Ташкумырского вдхр. майны встречались у стад скота стаями до 20-30 особей (Ковшарь, Торопова, 2000). В Иссык-Кульской котловине в июле 2000 г. учтено 74 майны и 886 скворцов (*Sturnus vulgaris*), при этом набюдалась обратная связь между их численностью. Так, на всем южном побережье Иссык-Куля, от с. Оттук на западе до с. Джетыогуз на востоке, учтено 9 майн и 82 скворца; на восточном побережье у города Каракол – 3 майны и 21 скворец; однако на северном берегу, от Тюпа до Рыбачьего, – 28 майн (почти в каждом селе) и ни одного скворца! В то же время по сёлам северных предгорий Терской Алатау, от Теплоключенки до ущелья Тургень-Аксу, 24 и 27 июля насчитали 17 майн (практически в каждом селе) и не встретили ни одного скворца. Все это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что процесс расселения майны и вытеснения ею обыкновенного скворца в Прииссыккулье продолжается, и приведенные выше сведения могут служить точкой отсчёта для наблюдений за дальнейшим ходом этого процесса. Кстати, 21 июля 2000 г. по Нарыну, от места слияния Кичи и Чон Нарына до города Нарын, майна вовсе не встречена (первая отмечена только на подъёме к перевалу Долон), тогда как обыкновенных скворцов здесь видели в 5 селах, всего 20 птиц.

По маршруту 2003 г. майна вчетверо превосходила по численности скворца (936/165). Наиболее многочисленной была она по густонаселённым южным предгорьям Ферганского хребта, от Ташкумыра до Каракульджи, где 18-19 июля учтено 377 майн (более 40%). В селах по долинам Тара и Яссы 21 и 23 июля учтено 168 майн (18%), а на маршруте от Узгена до Джалалабада 24 июля – 65 (7%). Намного реже встречались майны на северном склоне Ферганского хребта, где на пути от перевала Сарыкыр до Казармана 26 июля насчитали 22 майны, а в долине Алабуги – всего две пары у с. Кара-боргон. После этого села майна перестала встречаться и в течение 28-31 июля мы не встретили ни одной на маршруте по высокогорью (Арпа, Чатыркуль, Аксай и даже долина Атбаши). Первая майна после 4-дневного перерыва встречена 1 августа на окраине с. Кочкор, в истоках реки Чу. Таким образом, к 2003 г. майна вытеснила скворца из южных предгорий Ферганского хребта, где в долинах Яссы и Тара он сохранился лишь номинально и встречается выше майны (например, у с. Кайын-талаа по р. Тар). Сходная картина и во многих селах Чуйской долины. В долине Атбаши скворца ещё много, процесс вытеснения, видимо, продолжается.

У южных границ Тянь-Шаня численность майны очень высокая. В июле 2004 г. на автомобильном маршруте по предгорьям Алайского и восточной части Туркестанского хребтов мы насчитали 778 майн за 17 дней, в том числе: 17-23 июля между городами Ош, Баткен и долиной р. Сох – 411; 27-31 июля на обратном пути от с. Ворух до р. Яссы и г. Узген – 318 майн; тогда как от Токтогульского вдхр. до г. Ош 16 июля учли 320 майн. Скворца южнее г. Ош встретили всего два раза. В высокогорье майну мы встретили также всего дважды: в верхней части ущелья Абширсай (хребет Кичи-Алай, 2100 м) и 29 июля в месте слияния рек Кичи-Алай и Сурматаш, ущелье Исфайрамсай (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Сроки. Даты. Несмотря на оседлость майны, на Чокпаке наблюдаются её сезонные перемещения. С 1968 г. майны регулярно встречались в учётах птиц, а с 1970 г. весенние перемещения приняли отчётливое восточное направление; весной они стали хорошо заметны, летели крупными стаями, с криком (Грязнов, 1990). Весной 1970 г. на восток пролетело 312, в 1971 г. – 271, в 1972 г. – 298, в 1973 г. – 479, в 1974 г. – 210, в 1975 г. – 510, в 1981 г. – 1147, в 1982 г. – 3212 майн; осенью обратного пролёта не было (Сема, Гисцов, 1974). Наиболее интенсивные перемещения (70.8% учтённых майн) были в период с середины марта до 20 апреля, около 20% пролетело в первой декаде мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В соседних горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в весенние сезоны 1971-1973 гг. стайки майн по 5-36 особей, летящие на восток, встречали: 20-21 марта, 16 апреля и 5 мая 1971 г.; 19 и 24 апреля 1973 г. (Губин, 1976). Всё это, как и наблюдения на Чокпаке, – явные признаки расселения вида. В следующие десятилетия масштабы этих миграций увеличились: в 1982-2016 гг. с 26 марта (1987) по 26 мая (1995) насчитали 16 863, отловили 369 майн, а с 24 августа (1985) по 4 декабря (2014) отметили 5 672 и окольцевали 33 майны (А. Гаврилов и др., 2017). Трёхкратное преобладание весенних перемещений над осенними свидетельствует о продолжении расселения майн через Чокпакский коридор. Смысл осенних перемещений не совсем ясен.

Биология. Как классический образец расширения ареала вида майна не испытывала недостатка во внимании орнитологов. Среди множества статей, посвящённых её расселению, имеется немало и таких, в которых собраны биологические сведения, в том числе о размножении, питании и пр. Немало публикаций основано на материалах, собранных и в Тянь-Шане. Первая обстоятельная публикация на русском языке [Юдин Н.М. Майна, или афганский скворец – *Acridotheres tristis*. Его биология и распространение в Средней Азии//Труды Узбекского зоосада, том II. Ташкент, 1940], к сожалению, осталась незамеченной, что видно по отсутствию её даже в таком авторитетном библиографическим справочнике как «Птицы СССР. (1918-1945)» (Иванов, Афанасьева, 1979). Там же опубликована и вторая статья о биологии майны по наблюдениям в неволе (Сатаева, Гнедовская, 1940). Немало сведений по размножению и питанию майны в публикациях других среднеазиатских орнитологов (Ахмедов, 1957 а,б; Салихбаев, 1967; Салихбаев и др., 1970; Кашкаров, Пузанкова, 1974). Анализ их позволил в видовом очерке сводки о птицах Узбекистана говорить о трёх репродуктивных циклах у майны: «Вторая кладка начинается с 10 июня и охватывает весь июль. В Ферганской долине в пос. Сох с 25 июня по 7 июля 1972 г. из найденных 8 гнёзд – 5 были заняты майной, сидящей на кладке. В районе Паркента (Ташкентская область) с 10 июня по 1 августа 1974 г. из просмотренных 29 гнёзд майны в 10 оказалась вторая кладка. В 1975 г. с 10 июня по 4 июля из просмотренных 18 гнёзд в 10 обнаружены яйца. В конце июля в Бекабаде обнаружено гнездо с неполной кладкой. К третьей кладке приступают в августе. 12 сентября обнаружено около пос. Пунган (Ферганская долина) гнездо с 4 птенцами в 12-13-дневном возрасте» (Шерназаров, 1995, с. 120). Намного севернее, в городе Алматы, мне удалось наблюдать пример ещё более позднего размножения, что также лучше проиллюстрировать выдержкой из публикации: «На участке городского типа застройки в верхней части города… 30 октября 2010 г. взрослая майна кормила вполне доросшего молодого во дворе среди 5-этажных домов… На следующий день по прогнозу ожидался снег (первый за эту осень снегопад был неделю назад). Учитывая продолжительность гнездового цикла, можно предположить, что эта пара начала откладку яиц не раньше середины сентября, что конечно же очень поздно даже для этого оседлого вида. Приведенный факт подчёркивает высокую жизнеспособность майны, заселившей уже почти весь Казахстан» (Ковшарь, 2011, с. 188). Судя по этому примеру, не исключено, что три кладки у майны бывает не только на юге и западе Тянь-Шаня.

Очень интересные наблюдения удалось провести в 1992 г. за гнездованием майны у верхних пределов её распространения в Заилийском Алатау, на высоте 3300 м (Ковшарь, 1994), где она после этого больше не гнездилась, отступив на 600 м ниже – к посёлку астрономов над верхней границей леса (2700 м). Сведения по биологии майны содержатся во многих фаунистических публикациях (Ковшарь, 1966; Салихбаев, 1967; Бородихин, 1968; Торопова, Командиров, 1995; Ковшарь, Березовиков, 1999; Командиров, 1999; Березовиков и др., 1999, 2004; Губин, 2012; Губин, Белялов, 2017), а также в статьях о ночёвках майны (Ковшарь, 2004; Тен, Кашкаров, 2004; Шерназаров и др., 2008) и посвящённых оценке её деятельности на виноградниках (Лановенко и др., 2008). Однако в связи с возникшей дискуссией об отрицательной роли майны в биоценозах и в хозяйственной деятельности человека, приведшей в Узбекистане уже к решениям на высшем уровне о практических действиях по ограничению численности майны как вредителя, необходимо более глубокое и всестороннее изучение её биологии в нашем регионе, тем более, что при такой высокой численности вида, как сейчас, эти исследования можно выполнить на массовом материале.

403. Розовый скворец – *Pastor roseus* (Linnaeus, 1758)

rose-coloured starling (англ.), Rosenstar (нем.), étourneau roselin (фр.),
алаторғай (каз.), ала чыйырчык (кирг.), ола чугурчук (узб.), сочи зарчилло (тадж.)

Синонимы: *Turdus seleucis* Forskal, 1775; *Pastor roseus vagans* Floericke, 1922. Русских синонимов нет и только у А.И. Иванова имеется на этот счёт интересные соображения: «В орнитологической литературе ещё нет устоявшегося русского названия этого скворца. Асланов (1953) употребляет название “розовая майна”… В английской литературе употребляются названия, которые можно перевести на русский язык как “браминский скворец” и “черноголовая майна”. Таджики в Афганистане употребляют название, которое

в переводе означает “горная майна”» (Иванов, 1969, с. 343). Однако я не вижу смысла менять название. Монотипичный вид.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует в Индии, Афганистане, Иране.

Биотоп. Открытые степные и полупустынные пространства, богатые прямокрылыми (основной корм), с наличием водных источников и мест для устройства колонии – скальных обнажений или обрывов, развалов камней или большого количества пустот антропогенного происхождения. Высоко в горы не идёт, населяя преимущественно низкогорья, предгорья и равнины. Максимальная высота, на которой находили колонии – 2500 м.

Распространение. Через наш район проходит восточная граница ареала розового скворца (рис. 483). Распространён он на гнездовании достаточно широко, избегая высокогорий и лесистых хребтов (рис. 484). У южных границ нашего района обычен по предгорьям в южном горном обрамлении Ферганской долины: «На северных склонах Алайского хребта большая колония обнаружена Потаповым (личное сообщение) на пер.Чийирчик[22]. Очевидно это старая постоянная колония, так как в записях Зарудного есть ссылка на наблюдения Шестопёрова, который 24 мая 1908 г. видел на этом же перевале большие стаи розовых скворцов. В Туркестанском хребте Зарудный видел гнездовые колонии розовых скворцов на р. Исфара между Исфарой и Ворухом…» (Иванов, 1969, с. 343).

В Западном Тянь-Шане розовый скворец гнездится от Кураминского хребта и гор Моголтау на крайнем юге до срединной части хребта Каратау и Таласской долины на севере, а также Сарычелека на южном склоне северо-восточной части Чаткальского хребта (Кашкаров, 1924, 1927, 1928; Серебренников, 1930; Сатаева, 1937; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Салихбаев, Богданов, 1967; Иванов, 1969; Митропольский и др., 1981; Мекленбурцев, 1982; Ковшарь, Чаликова, 1992; Шерназаров, 1995; Губин, Карпов, 1999; Коваленко и др., 2002; Чаликова, Колбинцев, 2005; Митропольский, 2005; Губин, Белялов, 2017). Восточнее, вдоль северных хребтов Тянь-Шаня, розовый скворец найден на гнездовании в Киргизском Алатау и Чуйской долине; в Заилийском Алатау и его восточных отрогах – Турайгыр и Сюгаты; в Чу-Илийских горах и районе «Куртты – Каскелен – Сорбулак»; в подходящих местах по долине Или – от Капчагайского каньона вверх до района Джаркента на правом берегу реки (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948, 2012; Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970, 1991; Гаврилов, 1974; Федянина, Торопова и др., 1976; Березовиков и др.. 1999; Ковшарь, Березовиков, 1999; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2002; Березовиков, 2005: КОБ-2004; Губин, 2007, 2009; Скляренко, 2009: КОБ-2008; Белялов, Карпов, 2013).

В Центральном Тянь-Шане розовый скворец гнездится только в пониженных местах его северной части – Кетмень, Чулкудысу, Кегень и Текес (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Стогов, 2009). Южнее, на сыртах Сарыджаза и Иныльчека, он не гнездится, хотя и

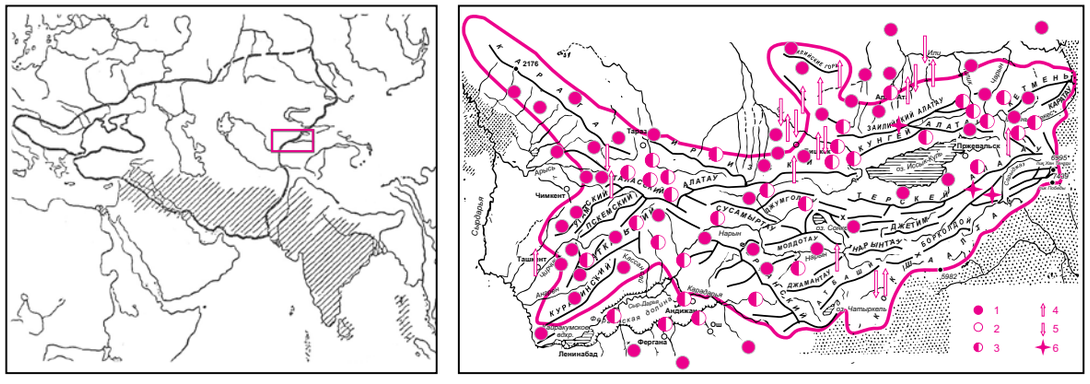

Рис. 483. Ареал розового скворца. По: Спангенберг, 1954, с. 134. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 484. Распространение розового скворца в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 –встречи летом, 4,5 – пролёт, 6 – залёт

[22] Название перевала «Чийирчик» в переводе с узбекского – розовый скворец – *прим. А.И. Иванова (1969)*

указан для Сарычат-Эрташского заповедника без упоминания характера пребывания (Верещагин, Немченко, 2005). На Покровские сырты (выше 3000 м) одиночный розовый скворец залетел 6 июля 1955 г. (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). Также единственный раз добыл его в высокогорье Кокжара (устье Туза) А.А. Винокуров 22 июня 1957 г. Только на пролёте в Центральном Тянь-Шаня указан он А.К. Кыдыралиевым (1961). На пролёте весной и осенью иногда розовые скворцы встречаются на сыртах у культцентров (Злотин, 1968).

В более пониженных участках внутренних районов Тянь-Шаня розовый скворец гнездится в Иссык-Кульской котловине, в Сусамырской и Джумгольской долинах (включая Западный Каракол), на значительном протяжении среднего течения Нарына – от слияния Чон-Нарына и Кичи-Нарына до впадения Карадарьи; по низкогорьям Ферганского хребта (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина и др., 1980; Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). Очень наглядно описал природную обстановку в местах гнездования розового скворца во Внутреннем Тянь-Шане В.Н. Шнитников: «В районе Тогуз-Торау долина Нарына настолько расширяется, что местность на большом протяжении принимает даже как бы равнинный характер с растительностью типа ковыльной степи. Точно так же кверху от сел. Нарын долина реки очень широка, и здесь мы, несмотря на 2300 м высоты, встречаем в изобилии не только прекрасные естественные сенокосные пространства, но и большую площадь пахотных полей. Да и сами горы около Нарына носят довольно пустынный характер. Наконец, даже по соседству с каракольской колонией есть соответственного характера места, а именно: помимо одетого роскошной травянистой растительностью (частью полуболотного, частью лугового типа) широкого дна самой долины Каракола, тут же рядом широкой лентой тянутся знаменитые луга долины Сусамыра. Да и довольно пологие здесь нижние части склонов гор, ограничивающих обе долины, одеты растительностью степного характера типа частью ковыльной, частью даже полынной степи. Таким образом, хотя розовый скворец и селится в горах, но, повидимому, всё-таки старается и здесь устроиться в местах, природные условия которых до известной степени напоминают условия низменной части края» (Шнитников, 1949, с. 336). В 1999 г. на левобережье Нарына крупную колонию (около 1000 пар) мы обнаружили в районе Казармана – в камнях осыпей под скалами у речки Кок-арт: 18 июля скворцы кормили птенцов как в гнёздах, так и вылетевших; ещё одна колония была где-то в районе каньона Каджырты на спуске с перевала Долон к Нарыну, где 16 июля мы встретили 4 направленно летящих стаи общим числом не менее 100 особей. Большие скопления (20, 30, 200) розовых скворцов встречены также 28 июля 1999 г. на степных буграх близ Папанского вдхр., недалеко от города Ош (Ковшарь, Торопова, 2000). В июле 2003 г. розовые скворцы были многочисленны на участке маршрута «Токтогул – Ташкумыр», встречены также в долине Алабуги и в верховьях Тара, близ с. Каин-талаа (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. Гнездится колониями от десятков до тысяч пар. Образное описание многотысячной колонии оставил В.Н. Шнитников: «Особо стоит остановиться на колонии *P. roseus* в ущелье Тур-Айгырских гор… Колония эта была расположена около самой дороги у подножия гор при входе в узкое ущелье. Остановившись лагерем по соседству с этой колонией, но не зная о её существовании, я был поражён колоссальным количеством розовых скворцов, которые бесчисленными стаями, иногда очень большими, непрерывной цепью летели над лагерем все по единому направлению: от ближайшего ущелья Тур-Айгыра ко входу р. Чилик в Сюгатинские горы и затем обратно. При этом на обратном пути каждая птица несла полный клюв какого-то корма, очевидно, кобылок, может быть саранчи. Птиц летело так много, что трудно было даже допустить мысль, что всё это только взрослые птицы, у которых, следовательно, где-то есть ещё и потомство. Странно было только то, что ни одна птица не летела без добычи в клюве. И только на следующий день, найдя в каменных осыпях колоссальную гнездовую колонию скворцов, где они гнездились в количестве тысяч, а может быть и десятков тысяч пар, я убедился, что предположение, казавшееся мне неправдоподобным, как раз и является действительностью» (Шнитников, 1949, с. 337). В наше время на восточной оконечности Турайгыра (перевал Аласы у Чарынского каньона) с 2002 по 2007 г. у самой автотрассы существовала колония розовых скворцов численностью около нескольких сотен пар. Самая известная всем бёрдвотчерам колония в дамбе большого Сорбулакского водоёма, занимавшаяся скворцами более 20 лет (до 2015 г.), насчитывала 2-3 тысячи гнёзд в пустотах среди камней на берегу этого накопителя сточных вод города.

В Западном Тянь-Шане близ с. Акташ (Угамский хребет) в 1976 г. в колонии розовых скворцов насчитали 6350 жилых гнёзд, т.е здесь гнездилось 12.7 тысяч птиц (Шерназаров, 1995). В июне 1976 г. колонию в 3.5-4.0 тысяч гнездящихся пар нашли близ посёлка Эрташ (1300 м) на южных склонах Чаткальского хребта (Митропольский и др., 1981). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), где розовые

скворцы гнездятся только по краю гор, не выше 1500 м, в 1926 г. их было много, и они гнездились в том числе в Жетымсае; после этого, по словам П.Л. Дымовича, однажды большая колония была устроена в железнодорожной насыпи в районе станций Абаил – Майликент [немного западнее Чокпака – *АК*], причём гнёзда располагались не только под камнями, но и под шпалами; но в 1933 г. пустовали даже постоянные колонии в Талдыбулаке и под Майликентским перевалом (Шульпин, 1953). В годы моей работы (1960-1966) существовала только колония в районе Майликентского (Бурапши-асу) перевала, в Талдыбулаке и Жетымсае их определённо не было (Ковшарь, 1966). В долине р. Джабаглы, близ устья ручья Байбарак, в 1972 г. образовались две колонии – 5000 и 2000 пар (Губин, 2012). В следующие два десятилетия, по наблюдениям Е.С. Чаликовой, розовые скворцы гнездились: в ущелье Жетымсай, на осыпях Кзылжара (1976, 1980, 1982, 1985); там же, но под крышей фермы (1987, 1988, 1989); на территории птицефабрики в 5 км севернее Новониколаевки – пар 200 (1986); на перевале Бурапши-асу (1988, 1989), а также у юго-западной границы заповедника – в урочищах Сильбили и Дарбаза (Ковшарь, Чаликова, 1992). В 2008 г. на перевале Бурапши-асу гнездилось около 5 тысяч розовых скворцов (Чаликова, 2009: КОБ-2009).

В Каратау также обнаружено несколько колоний: в предгорьях Малого Каратау в 1991 и 1992 гг. в кошаре с каменной кладкой стен гнездилось около 500 розовых скворцов; колония около тысячи пар найдена 3 июня 1997 г. в осыпи у выхода р. Боролдай из гор; в пос.Теректы в 2007 г. в колонии было не менее 3 тысяч розовых скворцов; на перевале Куюк в колонии из 2 тысяч особей 20 июня 2011 г. были крупные птенцы (Губин, Белялов, 2017). В Чуйской долине, близ с. Кашкасу, с 1981 г. розовые скворцы начали гнездиться под шиферными крышами овечьих кошар в предгорьях Киргизского хребта – сначала 8 пар, в 1982 г. – уже 22 пары, в 1983-1985 гг. – 70-100 пар; в конце апреля 1986 г. в двух других кошарах рядом поселились 200 и 500 розовых скворцов (Умрихина, 1991). Для ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау), где колонии розовых скворцов также размещаются под крышами отар, приводится плотность на гнездовании 0.66-14.62 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). У южного подножия хребта Кетмень 21 мая 1996 г. в овечьей кошаре размещалась колония около 500 розовых скворцов (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В долине Копы, между станцией Копа и пос. Таргап, 24 июня 1995 г. в лесополосах было более тысячи розовых скворцов со слётками, которые вывелись на чердаках ближайшей фермы (Ковшарь, Березовиков, 1999). В Карачингиле (устье Тургени) 11 июля 2008 г. наблюдали скопление около 10 тысяч розовых скворцов на кормёжке в месте скопления саранчи (Бевза, 2012).

Во внутренних районах Тянь-Шаня, помимо приведенных выше примеров (Казарман, Каджырты), во время наших маршрутных поездок розовые скворцы были многочисленны: 13 июля 2000 г. между Токмаком и Быстровкой (4 стаи – около 1700 птиц); 17 июля 2003 г. по долине Нарына между Токтогульским и Ташкумырским водохранилищами (стаи по 10-150 взрослых и молодых); 16 июля 2004 г. от Токтогула до Оша насчитали 400 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В долине Чаткала 23 июля 2006 г. мы встретили 5 стай по 10-50 (в сумме – 120 птиц), летевших в одном направлении – на восток. В этой долине розовые скворцы были многочисленны 24 июня 2017 г. Они гнездились в каменных россыпях и лёссовых обрывах, в сёлах недалеко от впадения р. Терс в р. Чаткал – здесь были тысячные стаи; а в скальных выходах в ущелье Кара-Токой, на высоте 2800 м, 25 июня видели 500 птиц (Архипов, Коблик и др., 2018).

Довольно многочисленны также на пролёте, особенно весной. На Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. учитывали до 2 254 особи/сезон и окольцевали 128 весной и 131 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцовано 2 814, осенью 518 розовых скворцов (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине во время массового пролёта в августе розовые скворцы летят стаями по 50-70 (до 500 особей); на стационаре Токмак в 1974-1977 гг. за день пролетало до 8 тысяч особей (Торопова, Шукуров, 1991).

Сроки. Даты. Весной прилетают в начале мая, редко – в конце апреля; пролёт идёт большую часть мая. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первых встречают в первой половине мая, но в 1952 г. одиночку в стае *Sturnus vulgaris* Ф.Д. Шапошников видел уже 29 апреля, а в 1951 г. В.В. Шевченко стайку из 8 особей заметил даже 10 апреля (Ковшарь, 1966). Последняя дата слишком ранняя для всего региона Средней Азии: «На южных подступах к Памиро-Алаю – в Гиндукуше и северном Афганистане – пролёт розовых скворцов наблюдал Мейнертцхаген (Meinertzhagen, 1938). Первые пролётные скворцы (самцы) были отмечены им

20 апреля в Бамиане, затем 27-28 апреля в Дуабе, а интенсивный пролёт наблюдался в Доши у северного подножия Гиндукуша между 4 и 10 мая, когда за неделю на север пролетело не менее 500 000 скворцов» (Иванов, 1969, с. 344).

На Чокпаке первых розовых скворцов отмечали 28 апреля (1973) – 10 мая (1968), в среднем – 3 мая; последних – 14 мая (1967) – 25 мая (1975), в среднем – 18 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь же с 30 апреля (2004) по 26 мая (1983, 1985, 1993, 2003, 2004) поймали и окольцевали 2 814 особей; срединная дата весеннего пролёта – 19 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине первых отмечали: 27 апреля 1973 г. (Токмак), 5 мая 1974, 1975 и 1977 гг. (Тюлёк, Манас); 6 мая 1972 г. (Тюлёк) и 9 мая 1976 г. (Манас). Летят весь май стаями по 15-20 птиц (Торопова, Шукуров, 1991). В Ала-Арчинском ущелье (Киргизский Алатау) с первой декады мая бывает интенсивный пролёт розовых скворцов: в 10-12 час стайки по 5-20 и больше особей летят с интервалом 10-40 минут с юга на север, в направлении Чуйской долины (Шукуров, Кормилицын, 2005). В долине Копы первые розовые скворцы появились 28 апреля 1987 и 1988 гг., пролёт шёл до 15 мая (Ковшарь, Березовиков, 1999). В Чу-Илийских горах (ущелье Ешкилы) 30 апреля 2001 г. розовые скворцы летели на восток стаями до 50 особей (Губин, 2007). На Сорбулаке первые встречи розовых скворцов – 2 мая 2004 г., 5 мая 1999 г. и 7 мая 2003 г. (Белялов, Карпов, 2013).

Летние кочёвки, когда розовые скворцы с июля в массе встречаются в горах на кормёжке ягодами, уже в августе постепенно переходят в отлёт, который продолжается весь сентябрь и даже часть октября. Так, в Карачингиле (устье Тургени) последних розовых скворцов отмечали 18 августа 2006 г., 28 августа 2007 г. и 19 августа 2008 г., но ещё 19 ноября 2004 г. И.Ф. Бородихин видел в с. Куш одиночного розового скворца вместе с тремя майнами (Бевза, 2012). На Сорбулаке, где с июля сотенные стаи розовых скворцов кормятся прямокрылыми, самая последняя стая из 20 птиц отмечена 4 сентября 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Алма-Ате самая поздняя встреча розового скворца – также 4 сентября в 1961 г. (Бородихин, 1968).

В Чуйской долине массовый пролёт розовых скворцов наблюдали со второй половины июля и в августе (5 августа 1977 г. в Манасе, 9 августа 1974 г. в Токмаке), когда они летели стаями по 50-70 и даже 500 особей, а в день пролетало до 8 тысяч птиц; последних в Тюлеке видели 7 сентября 1973 г. (Торопова, Шукуров, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. последних розовых скворцов встречали 11 сентября – 19 октября, в среднем 24 сентября, причём взрослые пролетали значительно раньше молодых (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. с 19 августа (1985) по 17 октября (1998) отловили 518 розовых скворцов; срединная дата осеннего пролёта – 25 августа (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. После выхода в свет обстоятельной работы М.К. Серебренникова (1930), перепечатанной вскоре в Германии (Serebrennikov, 1931), никто в нашем регионе исследованием биологии розового скворца не занимался. Довольно подробные очерки биологии этого вида в региональных сводках (Иванов, 1969; Гаврилов, 1974; Шерназаров, 1995) написаны в основном по материалам, собранным за пределами Тянь-Шаня. Фрагментарные биологические сведения имеются в ряде публикаций по нашему району (Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1991). Оригинальные сведения приводятся в одной из заметок: «Розовый скворец (*Pastor roseus*) в 2010-2011 гг. гнездился в с. Жабагылы [бывшая Новониколаевка, где он никогда раньше не гнездился – *АК*], устраивая гнёзда под крышами домов, в дуплах, кучах кирпичей и т.п. Гнёзда майн (*Acridotheres tristis*) и скворцов (*Sturnus vulgaris*) из пустот выбрасывал вместе с кладкой и птенцами. В первый год к строительству гнёзд он приступил 13, во второй – 11 июня, а после 20 июля птенцов в гнёздах не встречали. Интересно отметить, что 22 июня 2011 г. в стае кормящихся розовых скворцов видели 7 слётков обыкновенного, которые выпрашивали корм у взрослых птиц» (Чаликова, 2012, с. 215). Это единственный случай, когда розовый скворец притеснял майну, которая, как известно, не уступает никому. Очень интересно было бы провести полноценные наблюдения за гнездовыми колониями розовых скворцов в разных участках Тянь-Шаня с целью изучения их гнездовой и послегнездовой биологии. На этом пока ещё массовом виде можно было бы выполнить по единому плану несколько дипломных студенческих работ и сравнить их результаты.

404. Скворец – *Sturnus vulgaris* Linnaeus, 1758

starling (англ.), Star (нем.), étourneau sansonnet (фр.),
қараторғай (каз.), чыйырчык (кирг.), чуғурчуқ, қора ялоқ (узб.), соч (тадж.), гарасар (туркм.)

Синонимы: *S. poltaratskyi* Finsch, 1878; *S. porphyronotus* Sharpe, 1888; *S. menzbieri* Sharpe, 1888; *S. dzungaricus* Buturlin, 1904; *S. zaidamensis* Buturlin, 1904; *S. purpurascens dresseri* Buturlin, 1904; *S. tauricus* harterti Buturlin, 1904; *S. porphyronotus loudoni* Buturlin, 1904.

Подвид. Из 11 подвидов в нашем районе два: *S.v. porphyronotus* Sharpe, 1888 гнездится и пролетает по всей территории; *S.v. poltaratskyi* Finsch, 1878 – только пролетает, изредка встречается зимой.

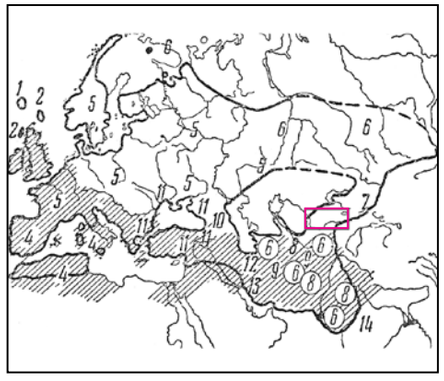
Характер пребывания. Гнездится, пролетает и в небольшом числе встречается зимой.

Биотоп. Типичный синантроп, распространение его тесно связано с человеком. Однако в нашем районе скворец нередко поселяется и вдали от поселений человека – в предгорьях живёт в норах обрывов, а в низкогорьях – в пустотах скал или в дуплах деревьев. Густых лесных массивов, как правило, избегают, при этом лимитирующим фактором является расстояние до мест, пригодных для кормёжки – открытых пространств с не очень густой и невысокой травой (по этой же причине скворцы не могут гнездиться в центрах мегаполисов, где удлинняются полёты за кормом для птенцов). Высотный предел 1900-2000 м, хотя есть указание, что гнёзда скворца найдены в верховьях Атбаши (Босого) на 2800 м (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Через наш район проходит участок восточной границы ареала вида, а также граница обширной пустынно-степной территории внутри ареала, где скворцы не гнездятся (рис. 485).

На севере района скворец обычен на гнездовании в долине Или и в предгорьях Северного Тянь-Шаня, в большинстве населённых пунктов как предгорий, так и долин Центрального Тянь-Шаня, включая долины Чулкудысу, Текеса и их притоков (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Шульпин, 1939; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Бородихин, 1968; Гаврилов, 1974; Корелов и др., 1988; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Аракелянц, Березовиков, 2006; Губин, 2009; Бибиков, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2009, 2012). В высокогорье южной части Центрального Тянь-Шаня скворец не гнездится. Указание на гнездование его здесь (Кыдыралиев, 1961, табл.) основано на встрече 24 июня 1955 г. четырёх скворцов на Покровских сыртах в долине р. Тарагай (3100 м), а в селе Караколка всё лето жил один скворец (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). В Иссык-Кульской котловине обычен на гнездовании в восточной части (Тюп, Джергалан, Пржевальск), в меньшем числе гнездится по обрывам южного побережья (от урочища Ак-Улен на западе до р. Тургень-Аксу на востоке) и не найден на северном берегу, кроме его восточной части, близ с. Средние Урюкты, где существовала целая колония из 30 гнёзд (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960).

Гнездится в населённых пунктах Чуйской долины и по предгорьям восточной части Киргизского хребта (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Торопова, Командиров, 1995; Архипов, Коблик и др., 2018), хотя в буферной части Ала-Арчинского нацпарка близ Бишкека гнездился только до

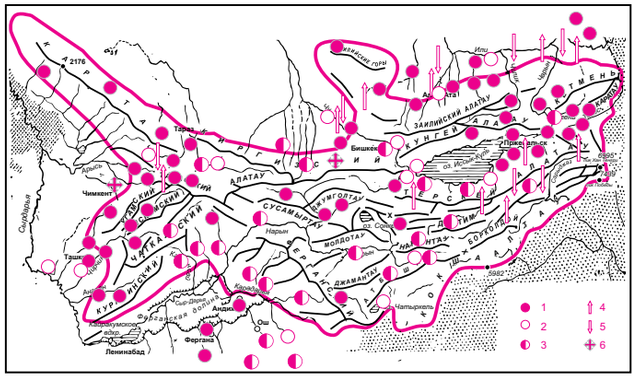

Рис. 485. Ареал скворца. По: Спангенберг, 1954, с. 110. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 486. Распространение скворца в Тянь-Шане: 1 – гнездование (6 – былое), 2 –встречи зимой, 3 – летом, 4, 5 – пролёт

1990 г., а затем был вытеснен майной и после этого только посещает эту территорию в конце лета и на миграциях (Шукуров, Кормилицын, 2005). Западнее в предгорьях Киргизского хребта гнездится в Сосновке (Карабалты) и в районе Мерке (Портенко, 1961; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В западной половине хребта встречен только раз – 19 июня 1958 г. в Учбулаке (Корелов, 1912). Населяет предгорья большинства хребтов и долины Западного Тянь-Шаня – от Кураминского хребта до Джувалинской долины и Каратау, причём в последнем гнездование известно только в восточной половине, до территории Каратауского заповедника (Кашкаров, 1924, 1927, 1928; Шапошников, 1931; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Мекленбурцев. 1982; Лебяжинская, 1992; Шерназаров, 1995; Губин, Карпов, 1999; Коваленко и др., 2002; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; Исмаил уулу, 2010; Губин, 2012; Губин, Белялов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Во внутренних районах Тянь-Шаня скворец распространён реже: гнездование его указано для долин Кочкорки, Джумгола и Сусамыра, Атбашинской и Арпинской (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; Янушевич и др., 1974). Кроме того, во время маршрутных экспедиций последних лет скворцов неоднократно отмечали в летнее время во многих местах Внутреннего Тянь-Шаня и по его южной границе. Так, в июле 1999 г. мы встречали их в долине Нарына (от города Нарын до Казармана), в сёлах и городах по Памирскому тракту от Оша до Алайской долины; на маршруте «Сусамыр – Кокомерен – Кочкорка» (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2000 г. много скворцов было в долине Каракоюн вдоль северных подножий хребта Атбаши, где в середине июля мы встретили несколько крупных стай общим числом более 700 особей; в июле 2003 г. относительно обычным был скворец в долинах Атбаши и Алабуги; намного реже они встречались в долинах Яссы и Тара (21 июля – 10 скворцов между сёлами Каракульджа и Мырза-теке), а в Узгене, Байетово и Ташкумыре встречены одиночки; по маршруту 2004 г. в небольшои числе встречен в основном в районе Токтогульского вдхр., а южнее и западнее города Ош численность его была мизерной (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В июле 2005 и 2006 гг. мы встречали скворцов в Кичи-Нарыне (20 птиц), на выходе ущелья Касансай в предгорья (южный склон Чаткальского хребта) и 22 июля 2005 г. – две стаи (50 и 100 молодых) на левом берегу Таласа (координаты: 42°35′19″с.ш.; 71°46′52″в.д., высота 1132 м). Через 10 лет, в июне 2016 г. стаи взрослых скворцов с молодняком встречали близ пос. Дюрбельджин, на трассе от пос. Карабулун до г. Атбаши, по левому берегу Атбаши между посёлками Баш Каинды и Озгёргуш (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В 2017 г. колонию в 10 пар нашли в лёссовых обрывах у села Кочкор 20 июня и в тот же день ещё 4 небольшие колонии видели в верхней части Кочкорской долины и за перевалом Кызарт в долине Джумгола до поймы Кокомерена (Архипов, Коблик и др., 2018).

Численность. Массовый вид, в последние десятилетия численность местами сильно снизилась и это совпало с началом расселения и роста численности майны. Для ряда мест есть многолетние наблюдения за изменениями численности. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в 1933 г. он отсутствовал в сёлах Новониколаевка и Советское (Шульпин, 1953), где в то время ещё не развешивали скворечников; в 40-х гг. он уже гнездился в Новониколаевке именно в скворечниках (Шевченко, 1948) и это было самое высокое место гнездования в долине Арыси (1200 м). В 1960-1966 гг. помимо Новониколаевки, где скворец был просто многочислен, мы нашли его гнездящимся в сёлах Тонкорус, Сахаровка, Борисовка и на кордонах Дарбаза и Чуулдак, 1800-1900 м (Ковшарь, 1966). В 80-х гг. скворец начал проникать на территорию заповедника – найдены гнёзда в скалах каньона р. Аксу и в дупле арчи в урочище Каскырсай (Чуулдак). Местами его заметно потеснила майна, но и после этого численность скворца ещё продолжала оставаться высокой (Ковшарь, Чаликова, 1992). В долине Пскема в 1949 и 1954 гг. скворец был «отнюдь не банален», а высшая точка его гнездования – 1700 м (Корелов, 1956). В июле-августе 2002 г. в этой долине его встретили всего два раза (В. Ковшарь, 2003), а в эти же месяцы 2015-2016 гг. – ни разу (Тен и др., 2017). В предгорных районах Угамского, Пскемского, Чаткальского, Кураминского хребтов на гнездовании скворец всюду немногочислен (Шерназаров, 1995), это снижение численности связывают «с угнетающей деятельностью майны» (Митропольский, 2005). На пролёте в Кураминском хребте за 6 дней (24-29 апреля 2003 г.) встретили 110 скворцов, из них 100 – в ущелье Сарыташсай (В. Ковшарь, 2004). В Каратау сейчас гнездится намного меньше скворцов, чем 30-40 лет назад, что, возможно, связано с появлением здесь майны; однако в посёлках Джувалинской долины сохраняется стабильная численность скворца, хотя и майны

здесь довольно много (Губин, Белялов, 2017). В Сарычелеке в 1925 г. скворец был весьма обыкновенен в яблоневом лесу (Кашкаров, 1927), в 60-х гг. – очень редок (Воробьёв, Чичикин, 1966), в 1982-1983 гг. – в небольшом числе гнездился в яблочнике (Лебяжинская, 1991). В Чуйской долине, по наблюдениям 1971-1975 гг., в обрывах р. Аксу насчитали 93 гнезда/3.5 км обрыва (Умрихина, Джурабаева, Остащенко, 1980). В предгорьях ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) до 1990 г. скворец гнездился с плотностью 2.21-36.09 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). На остепнённых террасах левого берега Каркары в июле 1968 г. учитывали до 22 скворцов/км^2, а на разнотравно-злаковых и разнотравно-осоковых лугах – 2-3 особи/км^2 (Второв, 1972). В северной части Центрального Тянь-Шаня (долины Чулкудысу – Кегеньская – Текесская) 31 июля 2002 г. мы встретили более 700 скворцов с молодняком, стаями до 200 особей (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003).

Во внутренних районах Тянь-Шаня, по данным наших автомобильных учётов в июле 1998-2006 гг., скворец в большинстве мест уступал в численности майне. В 1998 г. за весь маршрут «Бишкек – Сусамырская долина – Сарычелек – Чаткальская долина» встречены всего 4 взрослых скворца (в сёлах Караколь, Алабука, Достук, Коктебай) и стая около 100 молодых птиц 27 июля в с. Янгибазар в Чаткальской долине. В 1999 г. на маршруте «Бишкек – Сусамыр – Ташкумыр – Алайская долина» в 165 населённых пунктах мы насчитали всего 84 скворца (и 678 майн), причём в основном в двух местах: 25 особей – в долине Нарына от одноименного города до Казармана; 50 особей – в долинах Сусамыра, Кокомерена, Джумгола и Кочкорки (Ковшарь, Торопова, 2000, табл. 2); майны же встречались почти равномерно по всему маршруту. В июле 2000 г. скворец особенно часто и большими стаями (до 500 особей в основном молодых птиц) встречался в долине Каракоюна между сёлами Карабулун и Кызылту, где насчитали 730 особей, или 82% от всех встреченых на трёхнедельном маршруте. В 2003 г. скворец был относительно обычен лишь в долине Атбаши (59 особей) и в бассейне Алабуги (70); в долинах Яссы и Тара – всего 16. В 2004 г. скворец встречен в небольшом числе, в основном в районе Токтогульского вдхр. (30) и в долине р. Хуршаб (40), в остальных местах – редкие одиночки (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Во время кочёвок и сезонных миграций скворцы многочисленны. На Чокпаке в 1966-1981 гг. учитывали в среднем 7 252 скворца за весенний сезон и до 61 905 (в среднем 36 382) – за осенний (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. отловили 678 скворцов весной и 16 690 – осенью (А. Гаврилов и др., 2017). В Токмакском заказнике (Чуйская долина) на ночёвке в тростниках 23 марта 1974 г. учтено 23 тысячи, а 13 сентября 1974 г. – 24 тысячи скворцов (Торопова, 1978). Здесь же 1 августа 1975 г. в тростниках ночевало 20 тысяч скворцов (Федянина и др., 1977). В этой же долине на стационаре Тюлёк весной 1974 г. учли 32.4 тыс., весной 1973 г. – 22.3 тыс.; осенью 1974 г. – 40.2 тыс., осенью 1973 г. – 93.8 тыс скворцов (Умрихина и др., 1980). В долине Копы весной 1987 и 1988 гг. пролётные скворцы были многочисленны и встречались стаями до 100-500 особей, а на ночёвке в тростниках Таргапских прудов 11 апреля 1988 г. собралось около 50 тысяч (Ковшарь, Березовиков, 1999). На западном побережье Иссык-Куля с 1 августа по 30 октября (год не указан) насчитали свыше 20 тысяч скворцов (Кыдыралиев, 1974). Зимой на Иссык-Куле встречаются единицы. Так, в тёплую зиму 2000/01 г. 27 февраля встретили 6 скворцов (Кулагин, 2002), с 21 по 31 января 2004 г. – трёх (Кулагин, 2005: КОБ-2004) и только через два месяца, на пролёте 27-30 марта 2004 г. насчитали 884: на западном берегу – 115, восточном – 369, южном – 390, северном – 10 (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В долине Чу, в речном тугае у пос. Рисполе 12 января 2008 г. встречена стайка из 8 скворцов (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). В городе Алматы зимой скворец встречен только раз – 5 скворцов 25 января 1963 г. (Бородихин, 1968). Даже на юго-западе, в верхней части долины Арыси (Западный Тянь-Шань), где до 60-х гг. XX ст. зимние встречи скворцов были скорее исключением (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966), впоследствии их встречали единично, лишь 20 января 1972 г. насчитали около 100 – стайками по 2-12 особей (Губин, 2012). И только на побережье Чардаринского вдхр. на Сырдарье скворцы оказались обычными на зимовке: 18-23 декабря 2003 г. они встречались стаями до 200 особей (Ерохов, Белялов, 2004: КОБ-2003).

Сроки. Даты. На юго-западе прилетают уже в феврале. В предгорьях Таласского Алатау первых встречали: 10 февраля (1946), 12 февраля (1958, 1964), 13 февраля (1965, 1973), 14 февраля (1971), 16 февраля (1962), 18 февраля (1953, 1960, 1963, 1972) и лишь в некоторые годы – в третьей декаде февраля (Ковшарь, 1966; Губин, 2012). Обычно сначала появляются отдельные особи, а через

2-3 дня – основная масса гнездящихся, которая своим пением привлекает всеобщее внимание. Вскоре появляются пролётные стаи скворцов подвида *S.v. poltaratskyi*: 12 марта 1962 г. – сотенные стаи у кордона Дарбаза (1800 м), 4 марта 1948 г. и 11 марта 1960 г. два самца этого подвида добыты у Новониколаевки (Ковшарь, 1966). На Чокпаке самые ранние встречи (со слов местных жителей) – 10 февраля (1970, 1973), 13 февраля 1969 и 14 февраля 1971 гг. С 1 по 25 марта идёт регулярный пролёт обоих подвидов, последних сибирских ловили 20 марта (1970) – 2 мая (1974), в среднем за 7 лет – 2 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. пролётных скворцов отлавливали с 21 марта по 26 мая, срединная дата – 2 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы, Кши-Каинды, 1800 м) весной 1971-1973 гг. пролёт отсутствовал, единичные встречи скворцов – залёты в поисках мест для гнездования (Губин, 1976).

В Чуйскую долину в 1958 г. скворцы прилетели 19 февраля 1953 и 22 февраля 1952, 1955 и 1957 гг. (Янушевич, Яковлева, Федянина, 1961). Там же, на орнитологических стационарах, первых отмечали: 15 февраля 1972, 1973, 1977 гг. (Токмак, Тюлёк, Манас); 17 февраля 1974 г. (Токмак), 26 февраля 1975 г. (Тюлёк). Сибирских *S.v. poltaratskyi* добывали 20-25 февраля, а из 33 добытых в марте сибирскими оказались 17; массовый пролёт (стаи до 500, чаще 30-50) идёт в марте (Торопова, Шукуров, 1991). В Алматы самая ранняя встреча весной – 8 февраля (Бородихин, 1968). На Сорбулаке самые ранние встречи – 27 февраля 2005 и 28 февраля 2009 гг.; на пролёте немногочислен – до 200-300 птиц/день (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2011 г. только раз прилетели 28 февраля (2006), в остальные годы первых отмечали 3-12 марта (Бевза, 2012). В Нарынколе (Центральный Тянь-Шань) первых скворцов встречали 6 марта 1956 и 1957 гг., а к 15-18 марта их пролёт здесь уже заканивался (Винокуров, 1960). Под Джаркентом в 1900 г. скворцы появились 14 (27) февраля сразу в большом числе, стайками по 6-20 особей; в течение двух недель пролётные стайки встречались не часто, а в первой половине марта стайки по 10-20 скворцов нередко наблюдали в степи между Ташкарасу и Чарыном (Зарудный, Кореев, 1905).

Судя по встречам скворцов 17 и 22 февраля под Кульджой (Шестоперов, 1929), в верховья р. Или весной они попадают, минуя наш район. Вообще пролёт по горным долинам практически не изучен, и в этом плане очень интересны наблюдения киргизских орнитологов на двух стационарах в Иссык-Кульской котловине. На юго-западе котловины (Улахол, 1971-1972) скворец мигрирует с середины марта до 8-10 мая, причём: «За весь период наблюдения скворцы летели в направлении с востока на запад, проникая в обширную Кочкорскую и Джумгальскую долины…, где они гнездятся» (Кыдыралиев, 1974, с. 181). На противоположном, северо-восточном берегу озера (Кутурга – Тюп) в 1973 г. пролёт скворцов шёл с 15 февраля до конца мая. Массовый пролёт наблюдался во второй половине марта, в апреле он был относительно слабым и только во второй пятидневке мая снова видели отлёт крупных стай (Кыдыралиев, Акмолдоев, 1976). В 1974 г. весь март (95.8%) и апрель (76.3%) скворцы в районе Тюпа летели на восток (Кыдыралиев, Султанбаева, 1977). В долине Нарына в марте 1983 г. пролетало на север в среднем 1777 скворцов в полосе шириной 500 м (Кумушалиев, Шукуров, 1990).

Осенний отлёт и пролёт идёт с конца августа до ноября. В районе Джаркента в 1918 г. слабый пролёт наблюдали с 25 августа до конца октября (Шестоперов, 1929). В долине Или, между Чиликом и Чарыном, тысячные стаи пролётных *S.v. poltaratskyi* появились в первой половине сентября 1939 г. и большую часть месяца кормились здесь в тугаях плодами джиды (лоха), проводя ночь и полдень в тростниковых зарослях; лишь к концу сентября они стали отлетать (Корелов, 1948). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2009 гг. последних скворцов видели 22 октября 2006 г., а в остальные годы – 1-27 ноября (Бевза, 2012). На Сорбулаке самые поздние встречи – 11 ноября 2007 г. (2 скворца) и 17 ноября 2008 г. – 6 птиц (Белялов, Карпов, 2013). В Алматы последних осенью встречали 24-30 октября (Бородихин, 1968). В Чуйскую долину в начале сентября прилетает много скворцов сибирского подвида *S.v. poltaratskyi*, которые вместе с местными образуют огромные стаи (Умрихина, 1970). В 70-х гг. пролёт здесь наблюдали с конца августа, массовый – во второй декаде сентября (оба подвида почти в равном количестве), последних видели 13-14 ноября 1973 г. (Токмак, Тюлек) и 16 ноября 1972 г. в Токмаке (Торопова, Шукуров, 1991). На западном берегу Иссык-Куля, у Рыбачьего, ещё 17-20 ноября 2003 г. видели 9 скворцов (Березовиков, Кулагин, 2004). На Чокпаке в 1966-1981 гг. регулярный пролёт скворцов шёл уже в первой половине сентября, массовый – с конца сентября по середину октября, последних скворцов здесь встречали 23 октября (1980) – 31 октября (1970, 1977, 1978), в среднем

за 15 лет – 28 октября; окольцевали 22 402 особи, причём оба подвида летели одновременно (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 19 августа (1985) по 29 октября (1983, 1986) здесь окольцевали 16 690 скворцов, срединная дата осеннего пролёта – 8 октября (А. Гаврилов и др., 2017).

Здесь же, в Чокпакских воротах, в 1961 г. я наблюдал массовый пролёт скворцов 29 сентября, когда за один день стаями от 10 до 200 особей пролетело более 1000 скворцов, а на следующий день – несколько сотен за час; последнюю пролётную стаю видел 2 ноября. Каждая стая в высшей точке перевала летела всего в 1-2 м над землёй, взмывая резко вверх перед каждой преградой (лесополоса, поезд) и сразу же за ней «падая» снова до 1-2 м от земли. Дальше на запад скворцы летели вдоль долины Арыси и в районе станции Абаил и Новониколаевки нередко разбивались о провода ЛЭП; все добытые мной в октябре – начале ноября скворцы относились к подвиду *S.v. poltaratskyi*. В горах пролёта скворцов не было. В 1962 г. один скворец держался в Новониколаевке во время сильных морозов 25 ноября, а два – даже 10 декабря, оба были добыты и оказались неполноценными особями (Ковшарь, 1966). Случаи зимовки скворца во внутренних районах Тянь-Шаня известны наперечёт: «Особо следует отметить факт обнаружения и добычи одного экземпляра сибирского скворца 8 декабря 1957 г. на южном берегу оз. Чатыр-Куль, где он держался у построек вместе с домашними воробьями. В коллекции Н.А. Северцова (Зоологический музей АН СССР) имеется экземпляр скворца сибирского подвида, добытого 3 ноября в Гульче. На юге республики часть наших скворцов остаётся на зимовку. В городе Ош и его окрестностях они наблюдались в зимнее время с 1954 по 1958 г. Экземпляр скворца, добытого здесь 13 февраля, относится к туркестанскому подвиду[23]… В 1955 г. один скворец держался 31 декабря в окрестностях с Ат-Баши, а в январе несколько птиц видели в Кочкорке и на южном берегу оз. Иссык-Куль… В 1958 г. один скворец жил в окрестностях с. Камышановки, где его видели 14 декабря» (Птицы Киргизии, 1960, с. 63).

Биология. Как массовый вид, наносящий в конце лета и в начале осени большой ущерб ягодным культурам и виноградарству, скворец представлял большой интерес для специалистов по защите растений в Средней Азии, которые занимались разработкой мер защиты урожая, особенно в Узбекистане и Казахстане. Серию таких работ в предгорьях Киргизского Алатау (с. Михайловка близ города Тараз), недалеко от Чокпака, выполнил в 1967-1970 гг. А.М. Сема, который защитил кандидатскую диссертацию на тему: “Биология обыкновенного скворца на юге Казахстана и снижение его вредоносности на виноградниках” и опубликовал ряд статей о его биологии и поведении (Сема, 1968, 1969, 1971, 1973, 1974, 1976, 1978, 1980). В Ташкенте аналогичную диссертацию на тему «Экология и хозяйственное значение семейства скворцовых в Узбекистане» защитил в 1981 г. Э. Шерназаров. Соответственно в сводках по птицам Казахстана и Узбекистана (Гаврилов, 1974; Шерназаров, 1995) использованы в основном материалы этих авторов, по которым у скворца в Средней Азии два репродуктивных цикла. Однако в горах Тянь-Шаня биологию скворца никто специально не изучал. Некоторые наблюдения за его гнездованием, подтвердившие наличие у него двух кладок, проведены в Таласском Алатау (Ковшарь, 1966). Отрывочные данные о гнёздах имеются в других публикациях (Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Ковшарь, Березовиков, 1999; Березовиков и др., 1999; Аракелянц, Березовиков, 2006; В. Ковшарь, 2008: КОБ-2007; Бибиков, 2009: КОБ-2008). В целом биология скворца в условиях Тянь-Шаня остаётся всё ещё очень мало изученной и нуждается в проведении специальных исследований в тех местах в горах, где численность этого вида ещё сохранилась на достаточно высоком уровне

[23] Судя по дате, это мог быть уже прилетевший скворец (см. выше – весенний прилёт) – АК

Семейство **Воробьиные** Passeridae

405. Саксаульный воробей – *Passer ammodendri* Gould, 1872

saxaul sparrow (англ.), Saxaulsperling (нем.), moineau de Haloxylon (фр.),
саур [сексеуіл] торғай (каз.), чол таранчысы (кирг.), саксовул чумчуғи (узб.), чумчуки саксаулзор (тадж.)

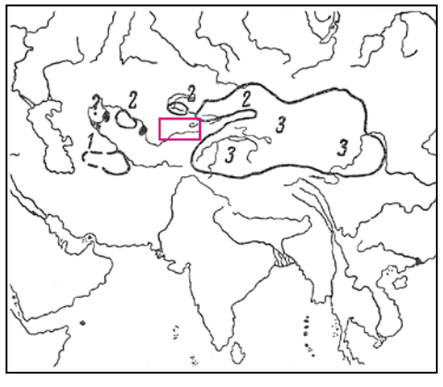
Синонимы: *P.a. korejewi* Zar. et Härms, 1902. [*Ammopasser ammodendri* (Шестоперов, 1929)]

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане встречается обитающий в пустыне у его северных границ *Passer ammodendri nigricans* Stepanyan, 1961. Очень близко к западным и южным границам Тянь-Шаня подходит подвид *P.a. ammodendri* (Степанян, 2003), залёты которого также не исключены.

Характер пребывания. «Места зимовок этого воробья неизвестны. Часть их живёт оседло» (Гаврилов, 1974, с. 375). В Тянь-Шане изредка пролетает и встречается зимой. У северных границ гнездится.

Биотоп. Туранговые рощи и тугайные заросли в долинах рек среди пустыни, реже – чистые саксаульники. Охотно поселяется в элементах культурного ландшафта в пустыне, в частности, на кладбищах и других мемориальных сооружениях, в животноводческих фермах и на окраинах аулов.

Распространение. Находясь у самой границы ареала саксаульного воробья (рис. 487), наш район, а точнее его северо-восточная четверть, является местом нерегулярных залётов этого вида в период миграций и зимовки (рис. 488). В районе Джаркента в 1899-1900 гг. саксаульный воробей был: «Весьма обыкновенная гнездящаяся птица в саксауловых и туранговых зарослях на обоих берегах р. Или (среднее течение). Зимою общая её численность, повидимому, убывает» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 59). Высокую численность его здесь же в 1918 г. подтверждает и Е.Л. Шестоперов (1929): 26 марта у Борохудзирской переправы пары хлопотали и ссорились около дупел. В 1939 г. гнездился по левобережью р. Или между устьями Чилика и Чарына (Корелов, 1948), а между Чиликом и Тургенью (урочище Аяккалкан) в 1967-1968 г. найдено 17 гнёзд с яйцами и птенцами (Гаврилов, 1969, 1974; Ильяшенко, 1979). В горах впервые встречен в пролётное время на Иссык-Куле и в районе Покровки (Спангенберг, 1959), что позволило автору усомниться в оседлости данного вида и высказать мнение о его перелётности. В лесном поясе Киргизского Алатау (Ала-Арча, 2100 м) 14 мая 1957 г. и 17 мая 1958 г. добыто по одному саксаульному воробью у домика стационара (Кузнецов, 1959, 1962), что подтвердило предположение

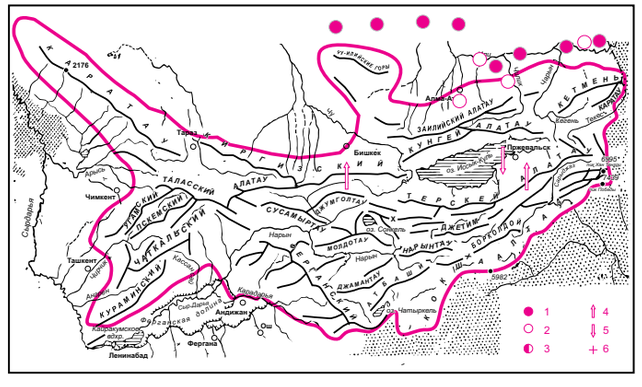

Рис. 487. Ареал саксаульного воробья. По: Судиловская, 1954, с. 353. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 488. Распространение саксаульного воробья в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

Е.П. Спангенберга. В конце ноября 1965 г. саксаульного воробья снова встретили на юго-восточном берегу Иссык-Куля: «За два дня на учётном маршруте в 10 км нам встретилось несколько десятков саксаульных воробьёв. Два экземпляра были добыты. Птицы держались в приозёрных участках облепиховых зарослей с примесью ивы и карагача. Деревья и кустарники чередовались с пятнами слабо заросших песков. Общий облик местности напомнил нам места обитания саксаульных воробьёв в песках Репетека, поросших чёрным саксаулом в низинах и белым – в более высоких местах. Воробьи держались небольшими группами по 5-8 особей, кроме того, замечено несколько экземпляров, пролетавших на большой высоте вдоль берега озера. Таким образом, весьма вероятно, что часть популяции саксаульных воробьёв совершает более или менее широкие миграции, и этих птиц нельзя рассматривать как строго оседлых» (Второв, 1967, с. 340). О том же пишет и А.И. Иванов: «Возможно, что саксаульный воробей бывает в Памиро-Алае и на пролёте, так как Потапов (личное сообщение) 16 июня нашёл в устье р. Западный Пшарт на высоте 3350 м мёртвую самку саксаульного воробья» (Иванов, 1969, с. 360). Все эти встречи и высказывания совпадают с зимним снижением численности в районе Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905). В то же время часть илийской популяции саксаульного воробья проводит зиму близко от мест гнездования. Так, в тугайных зарослях в низовьях Чилика трёх самцов встретили 27 декабря 1992 г. (Губин, 2001). На южных склонах «прилавков» Заилийского Алатау в районе Каменского плато близ Алматы 20 февраля 2005 г. поймали самца, а 23 февраля там же отловили самку. В эти же дни, сразу после снегопада, там встречены две стайки саксаульных воробьёв – 10 и 15 особей (Голубятников, 2006: КОБ-2005; 2014). В Карачингиле (устье Тургени) впервые за 15 лет наблюдений 10 декабря 2017 г. встречены два саксаульных воробья, а с 18 декабря 2017 г. по 4 января 2018 г. у границы охотхозяйства ночевала стайка в 40-50 воробьёв, которые кормились плодами джиды, или лоха остроплодного (Бевза, 2018). По этим данным, видимо, правильнее считать саксаульного воробья для Тянь-Шаня пролётным и частично зимующим.

Биология. Две работы о размножении этой малоизученной птицы выполнены у северных границ нашего района – на левобережье среднего течения р. Или (Гаврилов, 1969; Ильяшенко, 1979). Некоторые дополнения к ним содержатся в видовых очерках сводок по птицам Казахстана и Памиро-Алая (Шнитников, 1949; Гаврилов, 1974; Иванов, 1969). Желательны новые наблюдения над летней и зимней жизнью вида.

406. Домовый воробей – *Passer domesticus* (Linnaeus, 1758)

house sparrow (англ.), Haussperling (нем.), moineau domestique (фр.),
торғай (каз.), таранчы (кирг.), уй чумчуғи (узб.), чумчуки хонаги (тадж.)

Синонимы: *Pyrgita pagorum* Brehm, 1831; *P. rustica* Brehm, 1831; *P. valida* Brehm, 1855; *P. minor* Brehm, 1855; *P. brachyrhynchos* Brehm, 1855; *P. intercedens* Brehm, 1855; *Passer domesticus rufescens* Stufer et Burg, 1915; *P. d. semiretschiensis* Zarudny et Kudaschev, 1916; *P. d. balearoibericus* Jirdans, 1923; *P. d. diniz* Floericke, 1926; *P. d. sibiricus* Chachlov, 1928; *P. d. baicalicus* Keve, 1943; *P. d. tauricus* Portenko, 1960.

Подвид. Из 8 подвидов в нашем районе обитает номинативный *P.d. domesticus* Linnaeus, 1758

Характер пребывания. Оседлая птица. Сезонные перемещения на Чокпаке носят, по всей вероятности, местный характер (Гаврилов, Гисцов, 1985; Гаврилов, 1999).

Биотоп. Синантроп, поселяется всюду около человека и вместе с его постройками поднимается на гнездовании в горы по крайней мере до 2100 м (Гаврилов, 1974) и даже 3500 м (Птицы Киргизии, 1960).

Распространение. Южная граница ареала номинативного подвида «от северного побережья Аральского моря протягивается к Западному Тянь-Шаню в район Чимкента. В области Тянь-Шаня к югу до бассейна среднего Нарына, котловины оз. Иссык-Куль, восточнее к югу до Джунгарского Алатау, Тарбагатая…» (Степанян, 2003, с. 649). В пределах нашего района домовый воробей как типичный синантроп населяет в основном населённые пункты, расположенные в подгорно-предгорной зоне и в среднегорье. Однако вслед за человеком проникает на гнездование и в альпийский пояс. Считается, что высшая точка его постоянного гнездования в Тянь-Шане – город Нарын (2100 м), однако на сыртах Центрального Тянь-Шаня он нередко гнездится около так называемых «культцентров» выше 3000 м (Злотин, 1968). Отмечено гнездование домового воробья ещё выше: «Большой интерес представляет маленькая колония

на Чатыр-Куле на высоте более 3500 м. Там постоянно оседло вместе с домашними голубями живёт пар десять воробьёв. Следует учесть, что из нижележащих долин в долину Чатыр-Куля птичкам нетрудно добраться, так как там нет высоких перевалов» (Птицы Киргизии, 1960, с. 104). Однако во многих других местах домовых воробьёв нет и на более низких высотах – например, на озере Сонкуль (3100 м). Не гнездятся они и на Космостанции в Заилийском Алатау (3300 м) и даже в более низко расположенных посёлках в том же Б. Алматинском ущелье – обсерватории ГАИШ (2700 м) и в строениях на берегу Б. Алматинского озера (2500 м). Видимо всё же гнездование на Чатыркуле и в «культцентрах» на сыртах – скорее всего исключение, а не правило.

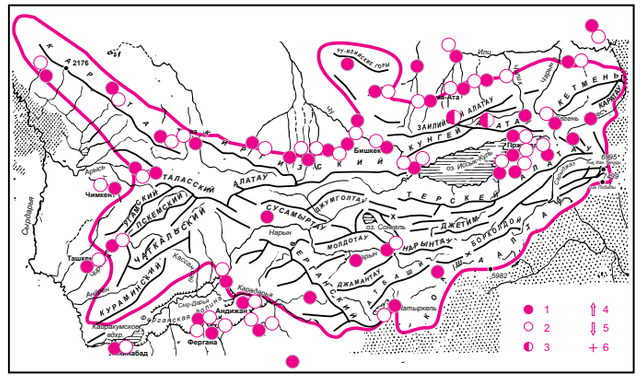

Рис. 489. Распространение домового воробья в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка

Численность. В городах и сёлах подгорной зоны – обычная птица, в горах довольно редок. Учётных данных мало. Для Алма-Аты 50-60-х гг. приводится как одна из самых многочисленных птиц города (Бородихин, 1968). В 1983-1986 гг., по данным проведенных нами учётов, домовый воробей занимал первое место среди 31 вида птиц в местах с одноэтажной застройкой (усадебной, сельского типа) с показателями в разных частях города летом 117-211 особей/час, зимой – 129-305 особей/час; в центре города (многоэтажная застройка) – также первое место с показателями летом 136-149, зимой – 132-218 особей/час (Ковшарь, 1988). Через 20 лет появилось сообщение о снижении численности домового и полевого воробьёв в местах многоэтажной застройки в верхней части города (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005), тогда как в нижней части города, в районе аэропорта, он всё ещё оставался многочисленным – 27 апреля 2007 г. учтено 220 особей/2 км: «Живут… в каждой усадьбе. Начиная с конца августа, образуют огромные коллективные ночёвки. В сентябре располагаются на крупных деревьях в жилом массиве в нескольких местах, а с наступлением холодов перемещаются на шарообразно подрезанные вязы в середине улицы Майлина, на разделительном бульваре между полосами движения, где концентрируются тысячами» (В. Ковшарь, 2008: КОБ-2007). Для Бишкека указан как массовый гнездящийся и зимующий в городе вид (Торопова, Командиров, 1995).

В Ала-Арчинском национальном парке (Киргизский Алатау) изредка гнездится в постройках человека в буферной зоне, но ниже (в предгорьях) – обычная гнездящаяся птица с плотностью поселения от 3.33 до 7.30 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). На востоке Иссык-Кульской котловины в январе-феврале 1962 г. учитывали: в зарослях облепихи на берегу – 14 особей/22 км маршрута [6 особей/км^2], на адырах с посевами – 25 воробьёв/8 км [31 особь/км^2] (Второв, 1963). В другой работе того же автора для зимы в районе Покровки приводится цифра «более 10 особей/км^2» (Второв. 1968). Во внутренних районах Тянь-Шаня домовый воробей довольно обычен и почти везде уступает в численности полевому. Так, в июле 1999 г. встречен во всех населённых пунктах, включая с. Сарыташ (3200 м) в Алайской долине (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2003 г. встречен также везде примерно в равном количестве с полевым, по долине Тара – вплоть до с. Каин-талаа (2100 м). В 2004 г. был обычен в сёлах Чуйской долины (16 июля от Бишкека до Сосновки насчитали 98 особей, или 82% всех встреченных за три недели) и практически отсутствовал на юге, где отмечен только в трёх сёлах: Старый Токтогул (8 и 4), Базар-Курган (5) и Ески-Ноокат (3); везде по данному маршруту доминировали полевые воробьи (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Сроки. Даты. В небольшом числе отлавливается среди других видов воробьёв на Чокпаке (всего за 1966-1981 гг. отловили 209 домовых воробьёв). Сроки отлова с 1 марта до 10 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 1 апреля (1986) по 24 мая (1994) окольцевали 58, а с 25 августа (1986) по 22 октября (2002) – 64 домовых воробья (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане биология этого хорошо изученного вида никем специально не изучалась Подробный очерк его биологии опубликован в 5-м томе «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1974), где сделан вывод о его вредоносности на большей части территории Казахстана. На мой взгляд, в условиях гор Тянь-Шаня, как и в городах, домового воробья вряд ли можно считать серьёзным вредителем.

407. Индийский воробей – *Passer indicus* Jardine et Selby, 1831

Indian sparrow (англ.), indien sperling (нем.), moineau domestique indien (фр.),
қылаң торғай (каз.), индостан таранчысы (кирг.), ҳинд чумчуғи (узб.), чумчуки хинди (тадж.)

Синоним: *P. domesticus bactrianus* Zarudny et Kudaschev, 1916. Туркестанский домашний воробей (Дементьев, 1937). Под этим именем индийский воробей приводится в большинстве местных публикаций до 70-х гг. XX ст. (Птицы Киргизии, 1960; Фауна Узбекской ССР, 1967; отдельные статьи по Узбекистану).

Подвид. Из 5 подвидов в Тянь-Шане – *P. indicus bactrianus* Zarudny et Kudaschev, 1916.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии и на юге Туркмении.

Биотоп. В противоположность домовому воробью индийский в большинстве случаев гнездится вдали от человека и лишь при отсутствии мест, подходящих для устройства гнёзд, поселяется в населённых пунктах. Необходимое условие – наличие вблизи открытого пространства (степь, пустыня, посевы и т.д.), где они собирают корм, и мест для устройства гнёзд (древесно-кустарниковая растительность или обрывы с норами). Этому вполне соответствует антропогенный ландшафт предгорий, где воробьи многочисленны. В горы они проникают только по широким открытым долинам, особенно распаханным.

Распространение. Поскольку афро-азиатский ареал этого вида простирается от долины Нила до Джунгарии, южного склона Гималаев и южной окраины Тибета, наш район оказывается полностью внутри ареала, близко к восточной его окраине. Индийский воробей широко распространён в западных и северных предгорьях Тянь-Шаня, особенно плотно – в Западном Тянь-Шане (рис. 490). Здесь на южном макросклоне он «широко и довольно равномерно распространён от предгорий до верхней границы арчи» (Корелов, 1956, с. 288) и может подниматься в горы до 2000-2500 м (Митропольский, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) гнездится как в населённых пунктах долины Арыси, так и в арчовых редколесьях до 2000 м (Шульпин, 1956; Ковшарь. 1966). В Каратау найден гнездящимся от Чокпака и Беркары на юго-востоке до ущелий Дарбаза и Аксумбэ в пустынной северо-западной части (Долгушин, 1951; Скляренко, 1989; Чаликова, Колбинцев, 2005; Корелов, 2012; Чаликова, 2012; Губин, Белялов, 2017). В предгорьях Киргизского хребта гнездование отмечено в 1929 г. «в запущенных садах Мерке и Кузьминки на пирамидальных тополях рядом с гнёздами *Passer hispaniolensis*» (Портенко, 1961), а восточнее – в Чуйской долине (Умрихина, 1970). Гнездится в низкогорных Чу-Илийских горах, в долине Копы, в подгорной части Заилийского Алатау и по долине от Илийска (Капчагая) до Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Гаврилов, 1974; Березовиков и др., 1999; Ковшарь, Березовиков, 1999; Губин, 2007).

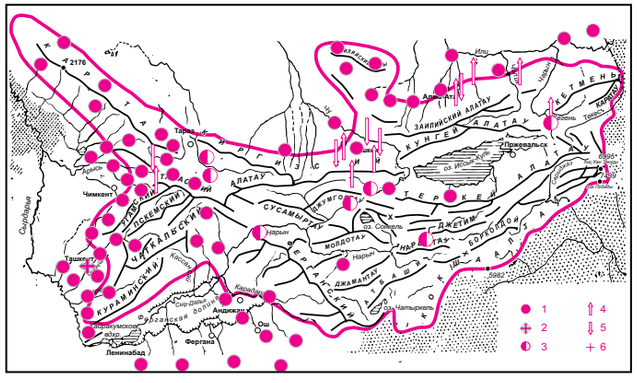

Рис. 490. Распространение индийского воробья в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – былое гнездование,
3 – летние встречи; 4, 5 – пролёт весной и осенью

В Центральном Тянь-Шане индийский воробей отсутствует, известна только одна встреча двух

самцов 18 июля 2002 г. под автомобильным мостом через р. Кегень между посёлками Актасты и Кегень, где они, возможно, гнездились (Березовиков и др., 2004). Для Иссык-Кульской котловины известен лишь один случай гнездования: «1 июля 1954 г. в нижней части ущелья Тоссор было найдено гнездо воробья, расположенние в старом гнезде чёрной вороны на невысокой вербе. Гнездо содержало птенцов 4-5-дневного возраста и одно яйцо-болтун. Окружавший ландшафт был по существу не тронут человеком, за исключением расположенного недалеко клочка клеверного поля. Такое расположение гнезда наводит на мысль о принадлежности его именно среднеазиатскому домовому воробью [т.е. *Passer indicus – AK*]. К сожалению, не пришлось добыть экземпляров взрослых птиц. Если это были среднеазиатские воробьи, то численность их здесь по сравнению с обыкновенным домовым воробьём очень невелика и распространены они весьма спорадично» (Степанян, 1959, с. 92).

На обширной территории Внутреннего Тянь-Шаня индийские воробьи встречены летом во многих местах. В 1999 г. 17 июля мы нашли их гнездящимися в ивово-облепиховых тугайных зарослях на притоке р. Алабуга у с. Караборгон, где они гнездились вместе с испанским воробьём; 25 июля – в норах береговых обрывов реки Алтындара в Алайской долине (2700 м); 26 июля – в конгломератовых скалах по р. Гульча (2300 м); 28 июля – в норах глинистых обрывов на степных буграх близ Папанского вдхр. (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2000 г. мы встретили их 21 июля в урочище Еки-Нарын (слияние Кичи и Чон Нарына); в 2003 г. колонию из 50 особей – 19 июля на береговом обрыве Андижанского вдхр., в этот же день – в с. Красный Маяк на р. Яссы, а через день – в долине р. Тар; в 2004 г. – две крупные стаи (140 и 115 особей) 16 и 18 июня восточнее г. Ош среди адыров с обрывами, в которых, видимо, были их колонии (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Здесь же, на окраине города, была найдена колония индийского воробья и 21 июня 1955 г.; тогда же колонии в норах глиняных обрывов находили вблизи Фрунзе и в Таласской долине (Птицы Киргизии, 1960). В 2017 г. индийский воробей был «Обычен от Кочкора до перевала Кызарт и в сёлах долины реки Кызарт, западнее одноимённого перевала 20 июня. Обычен в сёлах, расположенных на левом берегу Токтогульского вдхр. 21 июня. Видели несколько птиц в ущелье Сары-Бель 22 июня. Обычен в сёлах и на лёссовых обрывах по всей дороге от города Таш-Кумыр до села Кербен 22 июня. Десятки пар найдены гнездящимися в конгломератовых обрывах в ущелье за селом Кызыл-Токой 23 июня. Четыре особи видели по дороге от ущелья Кара-Буура до Кировского вдхр. в Таласской долине 25 июня. Птицы были обычны на лёссовых обрывах по правому берегу реки Талас от села Ключёвка до Кировского вдхр. 26 июня. Обычная птица лёссовых обрывов в предгорьях Киргизского хребта от села Кой-Таш до села Юрьевка 28 июня» (Архипов, Коблик и др., 2018, с. 96).

У южных границ Тянь-Шаня распространение индийского воробья описано в сводке по птицам Памиро-Алая: «гнездится в ряде пунктов на северных склонах Алайского и Туркестанского хребтов; в последнем Зарудный нашёл [его] не только в заселённой части долины Исфары до кишл. Ворух включительно, а и в верховьях реки – в уроч. Чат на р. Кшемыш и на р. Нурлоу» (Иванов, 1969, с. 354). Во время поездки 2004 г. на маршруте от города Кызылкия до р. Сох и обратно (17-30 июля) мы не встретили ни одного индийского воробья, в т. ч. в кишлаке Ворух и на Кшемыше, хотя полевой воробей попадался везде (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. В предгорьях достаточно высокая, особенно в Западном Тянь-Шане, для которого известно выражение «в долине среднего Угама и в посёлке Пскем присутствие массы воробьёв делает почти невозможным зерновое земледелие» (Кашкаров, Коровин, 1926). Однако количественных показателей этой «массы» почти нет. Главная причина состоит в том, что индийский и испанский воробьи часто гнездятся вместе и на пролёте нередко летят общими стаями, в чём неоднократно приходилось убеждаться при отлове их на Чокпаке. Вот что пишет о численности этого вида лучший знаток воробьёв Казахстана: «В зоне совместного обитания индийского и испанского воробьёв – от долины Чу к востоку и северо-востоку – численность индийского воробья за последние годы сильно снизилась, так как испанский воробей вытеснил своего более мелкого сородича из большинства лесополос и рощ. Если в 1925-1926 гг. здесь находили большие, в сотни и тысячи пар колонии индийских воробьёв, то в 1959-1963 гг. мы не встретили ни одной колонии больше 100 пар» (Гаврилов, 1974, с. 397). В Каратау находили колонии в 20-25 гнёзд (Скляренко, 1989; Чаликова, Колбинцев, 2006), а 11 июня 2012 г. при пересечении Каратау по трассе «Чаян – Чулаккурган» найдены три крупные совместные с испанским воробьём колонии, в самой большой из них было не менее 1000 пар (Губин, Белялов, 2017). В долине Копы в 1987-1988 г. многочисленные колонии индийского воробья располагались на животноводческих фермах и в карагачёвых лесопосадках вдоль автотрассы и железной дороги (Ковшарь, Березовиков, 1999). Крупная гнездовая колония индийских

воробьёв была на полевой базе Чаткальского заповедника (на деревьях и под крышами жилых домов), но в 80-х гг. её систематически разоряли [как вредителя сельского хозяйства – *АК*] и в результате на гнездовье сохранились единичные пары (Головцов, 2007).

Многочисленны на пролёте. На Чокпаке, где при отловах есть возможность выяснить численность двух видов воробьёв раздельно, в весенние сезоны 1982-2016 гг. окольцовано 100 822 индийских воробья (А. Гаврилов и др., 2017). Не менее массовый пролёт идёт в Чуйской долине (Торопова, Шукуров, 1991). А в пустынных предгорьях гор Сюгаты и Богуты (левобережье Илийской долины) в утренние часы 8 и 18 мая 2008 г. смешанные группы индийских и испанских воробьёв по 20-50 особей низко над землёй (всего 0.5 м) летели на восток вдоль трассы «Нурлы – Чарын», скрываясь от сильного встречного ветра за дорожной насыпью и бордюром из саксаула; я видел несколько десятков таких стай, а по словам охотоведа хозяйства «Манул», за эти 10 дней сплошного лёта но восток пролетело не менее миллиона воробьёв (Ковшарь, 2009). Интересная мысль высказана в одной из статей по результатам наблюдений на Чокпаке: «Анализ изменения численности черногрудого и индийского воробьёв показал зависимость её от климатических факторов и выявил бесперспективность мелкомасштабных истребительских работ против них, проводимых локально в Средней Азии и Казахстане с целью сохранения урожая зерновых. Несколько миллионов уничтоженных воробьёв не оказывают заметного влияния на сохранение их популяции, которая способна в благоприятных условиях уже за один год восстановить свою численность» (Грязнов, Голощапов, 1989, с. 28).

Сроки. Даты. Весенний пролёт идёт в апреле-мае. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых индийских воробьёв отмечали 2 апреля (1971) – 10 апреля (1975), в среднем 5 апреля; основной пролёт шёл с 26 апреля по 15 мая (отловлено 90%), пролёт продолжался до конца мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 23 марта (2005) по 28 мая (1993) окольцевали более 100 тысяч индийских воробьёв, срединная дата весеннего пролёта – 10 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау весной пролёта этого вида нет (Губин, 1976). В Чуйской долине пролёт на стационарах начинался: 2 апреля 1980 г. (Кант), 18 апреля 1977 г. (Манас), 20 апреля 1974 г. (Токмак, Тюлёк); массовый пролёт отмечен с 27 апреля по 5 мая (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы пролёт проходил с 28 апреля 1987 г. и 27 апреля 1988 г. до 12-13 мая (Ковшарь, Березовиков, 1999). Интенсивный пролёт на восток смешанных стай индийских и испанских воробьёв вдоль пустынных северных подножий гор Богуты (Илийская долина) шёл 23 мая 2002 г. и 8-18 мая 2008 г. (Ковшарь, 2003: КОБ-2002; 2009: КОБ-2008). В Карачингиле (устье Тургени), где этот воробей редок на пролёте, стайки по 20-50 особей наблюдали 6-10 мая 2007, 1-10 мая 2010 и 1-5 мая 2011 гг. на карагачах, где в это время созревали семена (Бевза, 2012). У Джаркента первые – 17 мая 1918 г. (Шестоперов, 1929).

В горах пролёт индийских воробьёв наблюдали в поясе елового леса ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау, 2100 м): с 17 по 25 мая 1958 г. отмечено несколько стаек по 6-8 птиц, всего 32 особи (Кузнецов, 1962 а, б); здесь же пролёт его в совместных стаях с испанским воробьём наблюдали и в 80-90-х гг. и даже определили плотность воробьёв на пролёте от 0.11 до 3.31 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005).

Отлёт и осенний пролёт начинается в августе. Около Джаркента самец и самка добыты 3 сентября 1899 г. (Зарудный, Кореев, 1905), но последняя ли это встреча (Гаврилов, 1974, с. 400) – у авторов не сказано. На стационаре Манас в Чуйской долине массовый пролёт наблюдали 10-15 сентября 1977 г., последних в Токмаке – 10 сентября 1977 г., 2 октября 1973 г. и 12 октября 1972 г. (Торопова, Шукуров, 1991). В августе-сентябре 1977 г. здесь же на ночёвках в тростниках паутинными сетями отловили 80 индийских воробьёв и 1063 испанских, причём последний индийский воробей отловлен 17 сентября, тогда как испанские ещё долго были многочисленными (Иовченко, 1978). На Чокпаке, где осенью индийских воробьёв летит гораздо меньше, чем весной, начало пролёта в 1966-1981 гг. отметили 17 августа (1969) – 2 сентября (1971), в среднем за 8 лет – 28 августа; окончание пролёта 15 октября (1972) – 25 октября (1971), в среднем за 8 лет – 20 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь с 20 августа (1985) по 26 октября (1995) отловили 785 индийских воробьёв; срединная дата пролёта – 12 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Значительный пролёт осенью идёт и в соседних горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы). Здесь в 1971-1973 гг. в арчовых редколесьях урочища Кши-Каинды (1800 м) велись специальные учёты мигрантов, на которых с конца августа до октября учтено 29 685 воробьёв (*P. indicus* + *P. hispaniolensis*), пролетевших на запад, из них 74% – утром, с 8 до 10 час (Губин, 1976). Позднее конца октября в регионе не встречен.

Биология. Специально биологию индийского воробья никто в Тянь-Шане не изучал. Материалы по этому виду собирались попутно с изучением основного вредителя – испанского воробья, биологию которого исследовали для разработки мер борьбы с ним ряд орнитологов (Умрихина, 1955; Штегман, 1956; Гаврилов, 1961, 1962; Gavrilov, 1962, 1963). Наиболее полный очерк биологии индийского воробья содержится в 5-м томе сводки «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1974). С тех пор в литературе по Тянь-Шаню почти не появилось новых сведений по биологии этого вида. Некоторые данные о способах устройства гнёзд и местах их расположения опубликованы в статье о гнездовании птиц в долине Копы (Ковшарь, Березовиков, 1999). Очень желательно провести плановые исследования биологии индийского воробья, особенно в горных условиях, где никто в нашем районе этим видом всерьёз не занимался. Особенно интересно провести сравнение биологии индийского и домового, а также индийского и испанского воробьёв.

408. Испанский воробей – *Passer hispaniolensis* (Temminck, 1820)

Spanish sparrow (англ), Weidensperling (нем.), moineau espagnol (фр.),
каратөс торғай (каз.), испан таранчысы (кирг.), қоратўш чумчуқ (узб.), чумчуки сиехсина (тадж.)

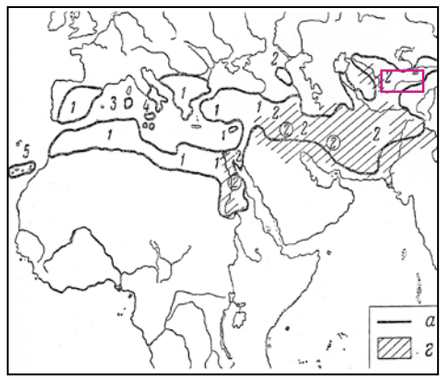
Синонимы: *P. h. palaestinae* Tschusi, 1903; *P. h. terekius* Buturlin, 1929. Черногрудый воробей.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – *Passer hispaniolensis transcaspicus* Tschusi, 1902.

Характер пребывания. Гнездится, пролетает, местами встречается зимой.

Биотоп. «Для гнездования испанским воробьям необходимо сочетание участков древесной растительности с открытыми пространствами, покрытыми травой. Близость посевов зерновых культур, представляющих для них богатую кормовую базу, является одним из необходимых условий для огромных колоний, вдали от них эти воробьи гнездятся редко. Обязательным является наличие вблизи колоний водоёмов… Населяют низменности, по долинам вслед за человеком и посевами зерновых в Заилийском Алатау поднимаются до 500-600, иногда до 1370 м, в Западном Тянь-Шане – до 1500-1900 м» (Гаврилов, 1974, с. 388).

Распространение. Наш район находится в северо-западном выступе ареала этого среземноморско-переднеазиатского вида (рис. 491), причём в этом месте с середины XX ст. наблюдается расширение ареала к северо-востоку: «Наблюдения последних дет свидетельствуют об интенсивном расселении испанского воробья. В начале 40-х гг. северо-восточная граница его ареала проходила по р. Каратал и долине Или у г. Панфилова [Джаркент – *АК*] (Шнитников, 1949). Создание широкой сети лесополос и увеличение посевов зерновых культур оказались благоприятными для воробьёв, получивших хорошие места для гнездования и обширную кормовую базу. Пользуясь этим, испанские воробьи за последние годы освоили под гнездовье новый крупный район – в 1959 г. мы нашли их вблизи Алаколя (Учарал), а в 1963 г. – около Урджара (Тарбагатай)» (Гаврилов, 1974, с. 387-388). В настоящее время испанский воробей окружает наш район по предгорьям с юга, запада и севера (рис. 492).

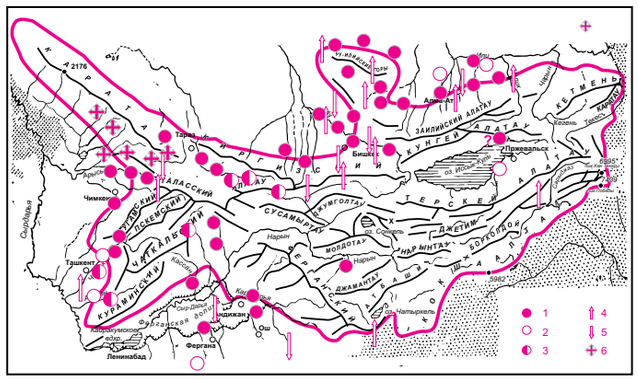

Рис. 491. Ареал испанского воробья. По: Судиловская, 1954, с. 347. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 492. Распространение испанского воробья в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – былое гнездование

На крайнем северо-востоке в 1900 г. была известна одна небольшая колония «в саду одного кишлака (4500' или около 1370 м) близ урочища Тышкан» (Зарудный, Кореев, 1905), но уже в следующей статье по району Джаркента и Тышкана (Шестоперов, 1929) испанский воробей не упоминается вовсе; нет и более поздних упоминаний о гнездовании его в этих местах, так что возможно и прав был В.Н. Шнитников (1949), назвавший этот случай исключительным. В Центральном Тянь-Шане испанский воробей отсутствует, указан только на пролёте (Кыдыралиев, 1961). В предгорьях Северного Тянь-Шаня и на прилегающей равнине левобережья р. Или колонии испанского воробья известны от с. Чилик на запад до Каскелена, гнездится также в лесополосах долины Копы, между с. Таргап и станцией Копа, местами в Чу-Илийских горах, близ посёлков на всём протяжении равнины Жусандала и южной кромки песков Таукум (Гаврилов, 1974; Ковшарь, Березовиков, 1999; Березовиков и др., 1999; Губин, 2007; Бевза, 2012). Населяет Чуйскую и Таласскую долины, а в предгорьях Киргизского Алатау найден на гнездовании в двух местах – близ Сосновки (Карабалты) и в районе Мерке (Spangenberg, Dementieff, 1935; Шнитников, 1949; Портенко, 1961).

В Западном Тянь-Шане населяет лесополосы и зелёные насаждения населённых пунктов долины Арыси и Джувалинской долины, предгорья Таласского Алатау и восточной части Каратау, а также предгорья хребтов южного макросклона – от Угамского хребта до Кураминского (Кашкаров, 1924, 1926; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Салихбаев, Богданов, 1967). В Каратау, видимо, расселился только в середине XX ст., так как в 20-х гг. Л.В. Шапошников (1931) его не встретил, И.А. Долгушин (1951) в 1941 г. отметил только одну стаю в Бельбулаке; а в 1958 и 1960 гг., после расширения здесь посевов зерновых культур, М.Н. Корелов встречал их часто и в нескольких местах, например, 21 мая 1958 г. на р.Боролдай появились огромные стаи, вместе с индийскими воробьями, а в 80-х гг. они гнездились в Боролдае, Кашкарате, Джувалинской долине и в других местах (Губин, Белялов, 2017). В Сарычелеке летом 1925 г. больше всего этих воробьёв было в Арките, но поднимались и до южного берега озера (Кашкаров, 1927). В Ферганской долине Д.Н.Кашкаров (1926) наблюдал гнездование испанского воробья в районе Намангана, а в окрестностях Маргилана и Ферганы его часто встречали осенью (Салихбаев, 1956; Салихбаев, Богданов, 1967). Сведения по южному горному обрамлению Ферганской долины имеются в сводке «Птицы Памиро-Алая»: «Черногрудый воробей, по-видимому, гнездится в северных предгорьях Алайского и Туркестанского хребтов, однако коллекционный материал из этих районов собран только осенью и зимой, а литературных данных нет совсем, если не считать упоминания в рукописи Зарудного: «Часто на гнездовье в тугаях лесистых по Сырдарье около станции Мельниковой. Обыкновенен на гнездовье под Кокандом и по дороге отсюда включительно до садов Багашамаля» (Иванов, 1969, с. 357). Однако на маршрутах 2004-2016 гг. испанский воробей в предгорьях Алайского и Туркестанского хребтов не встречен (Ковшарь, Ланге, Торопова,2005; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

Для внутренних районов Тянь-Шаня известны только отдельные встречи. На северо-восточном берегу Иссык-Куля, близ Кутурги, 7 июня 1974 г. Г.В. Вердин взял в коллекцию кладку из 5 свежих яиц (Торопова, 1999), однако проверить правильность определения вида этим любитетем птиц не представляется возможным, поскольку следы этой коллекции утеряны, а в Кутурге гнездятся индийские воробьи, гнёзда которых внешне похожи на гнёзда испанского. Недостоверны и указания на гнездование испанского воробья «в большом числе» в селениях Прииссыккулья (Зимина, 1953; Формозов, Зимина, 1958), которые П.П. Второв (1967) назвал «досадным недоразумением», поскольку никто из работавших на Иссык-Куле орнитологов ни до, ни после не встречал здесь испанского воробья ни летом, ни в другое время. Сам он встретил испанского воробья на юго-восточном берегу Иссык-Куля в ноябре 1965 г.: «в общей сложности 30 особей на краю облепиховых зарослей полуострова Кара-Булун, в значительном удалении от населённых пунктов. Вероятно, в небольшом числе в Прииссыккулье этот вид встречается на пролёте» (Второв, 1967, с. 339). На левом берегу Нарына в среднем течении его притока Алабуги я встречал испанских воробьёв дважды: 17 июля 1999 г. в ивово-облепиховых тугайных зарослях и 26 июля 2003 г. – две огромные (200 и 1000 особей) стаи, смешанные с индийским воробьём, над посевами в 8 км северо-восточнее от села Кош-Добе. Близ города Карасу, в южных предгорьях Ферганского хребта, самца испанского воробья я видел 28 июля 1999 г. на кукурузном поле у с. Нариман и в тот же день, также самца – в ореховой роще в русле р. Майлису близ с. Кипчак-талаа. В 2004 г. единственный раз за весь маршрут взрослый самец испанского воробья встречен 1 августа в совершенно не свойственной ему

обстановке – в самой верхней части Сусамырской долины (2841 м), у поворота на перевал Отмёк (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Колонию около 30 гнёзд нашли 22 июня 2017 г. в роще пирамидальных тополей в районе посёлка Кара-Джигач (между Ташкумыром и Сарычелеком), а две стаи (30 и 15 птиц) видели 23 и 24 июня 2017 г. на лугах в месте слияния рек Терс и Чаткал (Архипов, Коблик и др., 2018).

Численность. В антропогенном ландшафте вдоль границ Тянь-Шаня очень высокая: «Гнездятся они, как правило, большими колониями, насчитывающими обычно по нескольку десятков тысяч гнёзд, реже – до 100 000 и даже 800 000 гнёзд. Колонии меньше 100 гнёзд бывают редко и лишь в виде исключения можно найти небольшие группы из 10-15 гнёзд или даже одиночные гнёзда. Небольшие колонии испанских воробьёв встречаются в основном лишь на северо-востоке их ареала. Между р. Каратал и с. Учарал [предгорья Джунгарского Алатау – *АК*] в 1959 г. колонии состояли из 200-5 000, в среднем из 1 700 гнёзд, вблизи посёлков Илийск и Чилик из 500-25 000, в среднем из 10 000, в 1961 г. в окрестностях Чокпара и Красногорки (Джамбулская область) из 7 500-90 000, в среднем из 31 000 гнёзд, в 1962 г. в Курдайском районе Джамбулской области из 300-800 000, в среднем из 42 500 гнёзд. Количество гнёзд на гектаре лесонасаждений в 1961 г. около Чокпара в 6 колониях колебалось от 5 500 до 36 000, составляя в среднем около 13 000 гнёзд» (Гаврилов, 1974, с. 338-339). Расширение ареала в середине XX ст. сопровождалось увеличением численности. Например, около Илийска (г. Капчагай) в 1931-1933 г. испанских воробьёв не было (первые добыты лишь в 1934 г.), а уже в 1949-1950 гг. они составляли здесь основную массу воробьёв (Гаврилов, 1974). Второй пример изменений численности – заповедник Аксу-Джабаглы в Таласском Алатау, где испанский воробей в 1926 г., по наблюдениям А.П. Коровина, был «чрезвычайно многочислен» в селе Новониколаевка и кишлаке Джабаглы (у выхода реки на равнину), а в 1933 г. Л.М. Шульпин (1956) совсем не нашёл его в этих местах, встретив лишь в небольшом числе у восточного склона Даубабы под Майликентским перевалом; в 1959-1966 гг. он был многочислен на гнездовании в названных сёлах и в других сёлах долины Арыси (Ковшарь, 1966). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня в 1949-1954 гг. испанский воробей «гнездился отдельными редкими парами в нижней части гор, не выходя за пределы лиственных насаждений… в Глава-сае и в долине Пскема против кишлака Пскем. В обоих случаях гнёзда были устроены на тополях, растущих вблизи построек. В середине июля выводки этих воробьёв наблюдались в долине Большого Майдантала на посевах. Значимость его аналогична таковой предыдущего вида [*Passer indicus* – АК], но степень её незначительна в силу низкой численности этой птицы в Бостандыкском районе» (Корелов, 1956, с. 288). Спустя 50-60 лет, в июле-августе 2002-2003 и 2015-2016 гг. испанский воробей в долине Пскема совсем не встречен (В. Ковшарь, 2003, 2004; Тен и др., 2017), а в обзоре птиц Западного Тянь-Шаня об этом виде сказано кратко: «Испанский воробей в незначительном количестве гнездится в посёлках по долине Пскема вверх до посёлка Пскем. Гнездование известно из окрестностей Бричмуллы (Смогоржеский, Смогоржевская, 1989). Во многих низкогорных и предгорных районах Западного Тянь-Шаня испанские воробьи обычны на пролёте и зимуют в небольшом количестве» (Митропольский, 2005, с. 39). Относительно хребта Каратау имеются сведения, что, будучи очень многочисленным во второй половине XX ст., испанский воробей в последние два десятилетия резко снизил свою численность, и большинство его колоний оказались брошенными (Губин, Белялов, 2017). Отмечено непостоянство численности и для Сарычелекского заповедника: в 1925 г. испанский воробей был здесь «не очень многочислен» (Кашкаров, 1927), в 60-х гг. в списке птиц заповедника он числится редким в графе «залётные» (Воробьёв, Чичикин, 1966), а по данным учётов 1982-1983 гг. включён в число фоновых видов (7.2% летнего населения) прангосовой степи вместе с чечевицей (Лебяжинская, 1992). В Карачингиле (устье Тургени) с 1983 г. более 10 лет существовала большая колония, занимавшая в лесополосе площадь 20х250 м возле пшеничного поля; гнёзда строились на тополях, карагачах и джигде (лохе). В последнее десятилетие больших скоплений здесь не наблюдается, около сотни гнёзд отмечено в 2004 и 2010 гг. (Бевза, 2012).

На пролёте испанский воробей продолжает оставаться в ряде мест наиболее массовым мигрантом. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной ежегодно учитывали 13 837-118 748, а отлавливали 1 433-65 407 испанских воробьёв/сезон; всего окольцевали 307 437 весной и 10 583 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. весной окольцевали 428 363, осенью – 6 484 испанских воробья (А. Гаврилов и др., 2017). Полагают, что в Чуйской долине во время пролёта 21 августа 1975 г. в тростниковых зарослях поймы р. Аксу ночевало около одного миллиона испанских воробьёв (Федянина и др., 1977, с. 138).

Сроки. Даты. Весной прилетает и пролетает в апреле-мае. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых отмечали 2 апреля (1981) – 14 апреля (1973), в среднем за 8 лет – 10 апреля; основной пролёт 26 апреля – 20 мая (93% учтённых и 94 % отловленных), окончание не прослежено – видимо, летят до конца мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали с 15 апреля (1983) по 29 мая (1993), срединная дата весеннего пролёта – 13 мая (А. Гаврилов и др., 2017). На стационарах в Чуйской долине первых испанских воробьёв отмечали: 16 апреля 1976 (Манас), 24 апреля 1972 и 27 апреля 1975 (Тюлёк) и 30 апреля в 1972, 1973 и 1974 гг. в Токмаке; массовый пролёт – в начале мая (Торопова, Шукуров, 1991). Интересные данные получены в Ала-Арчинском ущелье (Киргизский Алатау) по которому воробьи пролетают с юга на север – в Чуйскую долину: «Весной со второй декады мая они пролетают через парк крупными стайками до 80-100 особей с интервалами в 5-20 минут. Летят низко. Часто отдыхают в придорожных тугаях, на отдельных деревьях арчи. Пролёт заканчивается постепенным увеличением интервала пролётных стай и количества особей в них в конце июня. Плотность во время пролётов – от 0.5 до 13.33 особей/км^2» (Шукуров, Кормилицын, 2005, с. 274). В этом же ущелье пролёт в зоне елового леса (2100 м) наблюдали 10-24 мая 1958 и 22-25 мая 1960 гг.; воробьи летели стайками по 6-10 особей, в которых были также индийские и даже саксаульные воробьи; 25 мая 1960 г. самец испанского воробья добыт у перевала Тепше, на высоте 2800 м (Кузнецов, 1962, с. 223). В долину Копы прилетели 28 апреля 1987 и 27 апреля 1988 гг. (Ковшарь, Березовиков, 1999), в Жусандалу – 27 апреля 1996 и 16 апреля 1999 гг., пролёт на восток шёл до середины мая (Березовиков и др., 1999). В городе Алматы бывает на пролёте с конца апреля до начала июня (Бородихин, 1968). В окрестностях с. Николаевка (40 км севернее Алматы) в 1959 г. испанские воробьи летели с конца апреля до первых чисел июня (Гаврилов, 1974). Интенсивный пролёт на восток смешанных стай индийских и испанских воробьёв вдоль пустынных северных подножий гор Богуты (Илийская долина) шёл 23 мая 2002 г. и 8-18 мая 2008 г. (Ковшарь, 2003: КОБ-2002; 2009: КОБ-2008).

Места гнездования взрослые испанские воробьи покидают уже в конце лета. Наблюдениями около станции Чокпар (Чу-Илийские горы в районе Курдая), где 30 июня 1961 г. пролетело на юг 47 стай общей численностью около 1300 воробьёв, 5 июля – 45 стай (1582 особи), а 10 июля – 33 стаи (1311 особей), установлено, что взрослые воробьи после размножения отлетают на линьку, закончив которую, продолжают путь на зимовку (Гаврилов, 1974, с. 395). Косвенно это подтвердили отловы в Чуйской долине, где из 1063 испанских воробьёв, отловленных в августе – сентябре 1977 г. на ночёвке в тростниках, только две птицы (самец и самка) оказались взрослыми (Иовченко, 1978). Однако 5 сентября 1933 г. в пролётных стаях из 100-200 особей этого вида в долине р. Джабаглы (Таласский Алатау) преобладали самцы (Шульпин, 1956).

Осенние миграции начинаются в августе и продолжаются весь сентябрь и октябрь. В Чуйской долине с августа по октябрь воробьи летят стаями по 100-500, иногда до 1 000 особей, в отдельные дни – до 20-28 тысяч за 2 часа наблюдений; самые поздние встречи на стационарах – 31 октября 1974 г. (Токмак), 29 октября 1977 г. (Манас) и 3 ноября 1974 г. в Тюлёке (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Кокомерена (место слияния Сусамыра и Западного Каракола) за 82 часа наблюдений с 26 августа по 30 сентября 1983 г. насчитали 235 испанских воробьёв, что составило 11% от всех мигрантов 29 видов; направление пролёта – запад и юго-запад (Остащенко, 1990). На Чокпаке, где испанский воробей в большом числе гнездится вокруг, первые подвижки отмечены 7 августа (1969) – 31 августа (1978), в среднем за 7 лет – 18 августа; основная миграция шла 26 сентября – 15 октября (71.5%), последние стаи 23-30 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь кольцевали испанских воробьёв с 28 августа (1996) по 28 октября (1983), срединная дата осеннего пролёта – 15 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Заметный пролёт осенью (в отличие от весны) идёт и в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где его наблюдали в сентябре 1933 и в сентябре-октябре 1971-1973 гг. (Шульпин, 1956; Губин, 1976).

Зимние встречи испанского воробья в нашем регионе нерегулярны, хотя западнее они не редкость: «Зимой обычен по северной окраине Кызылкумов, у Голодной степи, в долине Сырдарьи и около Чимкента. В исключительных случаях проводит зиму в очень суровых условиях. Например, зимой 1954-1955 г. в небольшом числе их наблюдали в дельте Или (Грачёв. 1960), здесь же самку добыли 1 декабря 1950 г. (Слудский)» (Гаврилов, 1974, с. 395). В нашем районе (см. рис. 492) несколько раз встречен зимой на Сорбулаке и в Карачингиле (Родионов, Гаврилов, 1993; Бевза, 2012, 2014; Белялов, Карпов, 2013) и однажды,

в ноябре 1965 г. – на юго-восточном берегу Иссык-Куля (Второв, 1967). Относительно миграционно-зимовочной стратегии этого вида недавно высказаны интересные соображения, основанные на краткости (с декабря по февраль-март) пребывания на зимовках: «Мы полагаем, что милионные популяции этих птиц перемещаются медленно (особенно осенью) к местам зимовок, чтобы максимально использовать кормовые ресурсы на миграционных маршрутах, задерживаясь в особо кормных местах. На местах зимовок они держатся непродолжительный период из-за дефицита пищевых ресурсов… Устное сообщение Аднана Будиери о том, что зимой 2001/02 г. в Кувейте зимовало очень много черногрудых воробьёв и часть их осталась впервые на гнездование, подтверждает зависимость таких массовых видов от экологических условий» (Торопова, Гаврилов, 2010, с. 307). Последняя фраза требует объяснений и поправки в дате. Упомянутые сведения о гнездовании Аднан Будиери сообщил мне на месте, когда мы с ним в марте 2002 г. посетили северное побережье Персидского залива в Кувейте. Глядя на эту безжизненную пустыню, представляющую собой настоящую жаровню из светлого, почти белого песка, с очень редко разбросанными чахлыми кустиками, я не мог себе представить – чем же здесь кормятся зимой испанские воробьи, часть из которых *два года назад* даже остались на лето и пытались загнездиться в этом неподходящем месте…

Биология. Очень подробно изучена именно в нашем районе, особенно в Чуйской долине и на южном прилегающем к ней склоне Чу-Илийских гор в районе села Георгиевка (Умрихина, 1955, 1970, 1984; Штегман, 1956; Гаврилов, 1961, 1962; Gavrilov, 1962, 1963). Наиболее подробно описана биология испанского воробья в статьях Э.И. Гаврилова и в кратком виде изложена в очерке в 5-м томе сводки «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1974, с. 386-395). Это один из наиболее изученных видов птиц в фауне Тянь-Шаня.

409. Полевой воробей – *Passer montanus* (Linnaeus, 1758)

Eurasian tree sparrow (англ.), Feldsperling (нем.), moineau friquet (фр.),
жауторғай, сууторғай (каз.), чымчык, талаа таранчысы (кирг.), дала чумчуғи (узб.), чумчуки сахрои (тадж.)

Синонимы: *Loxia hamburgia* Gmelin, 1788; *Fringilla campestris* Schrenk, 1798; *Passer montaniana* Pallas, 1811; *Pyrgita septentrionalis* Brehm, 1831; *Passer montanus pallidus* Zarudny, 1904; *P. m. zaissanensis* Polyakov, 1911; *P. m. gobiensis* Stachanov, 1933; *P. m. pallidissimus* Stachanov, 1933; *P. m. tokunagai* Kuroda et Yamashina, 1935.

Подвид. Из 8 подвидов в Тянь-Шане один – *Passer montanus dilutus* Richmond, 1896.

Характер пребывания. Оседлая птица. Однако на Чокпаке весной и осенью в стаях пролётных воробьёв отловили и окольцевали более 900 полевых воробьёв.

Биотоп. Обитатель древесно-кустарниковых зарослей, а в местах, где их нет, становится синантропом и охотно поселяется в населённых пунктах. В горах селится по предгорьям и широким открытым долинам. А вслед за человеком поднимается в Западном Тянь-Шане до 1500-1700 м (Корелов, 1956), в Северном Тянь-Шане – до 2200-2300 м (Шнитников, 1949), а во внутренних и южных районах Тянь-Шаня и в хребтах Памиро-Алая – даже до 2800 м (Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969).

Распространение. Полевой воробей широко распространён в Тянь-Шане (рис. 493). Нет его только в высокогорьях, где отсутствуют постоянные поселения человека, на сыртах Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня, в сплошных еловых лесах и скалистых ущельях, где отсутствуют следы деятельности человека. В Западном Тянь-Шане вне населённых пунктов гнездится очень редко и только по пойменным лесам (Митропольский, 2005), в Иссык-Кульской котловине изредка гнездится в лёссовых обрывах предгорий Терской Алатау (Степанян, 1959). Гнездование в лёссовых обрывах отмечали также в Кочкорской долине, долине р. Кызарт и по пути от города Ташкумыр до с.Кербен во Внутреннем Тянь-Шане, а также в Таласской и Чуйской долинах и в хребте Эчкили-тоо на южном склоне Киргизского Алатау (Архипов, Коблик и др., 2018). В других местах поселяется у животноводческих ферм, реже – около юрт и других мест временного пребывания людей. Охотно гнездится в мемориальных сооружениях, в т.ч. старых, заброшенных. Описана попытка гнездования в высокогорье: «При постройке высокогорной Тянь-Шанской обсерватории, когда возили стройматериал через перевал Заука, полевой воробей проник, следуя за лошадьми, на сырты и поселился в обсерватории. Уже зима

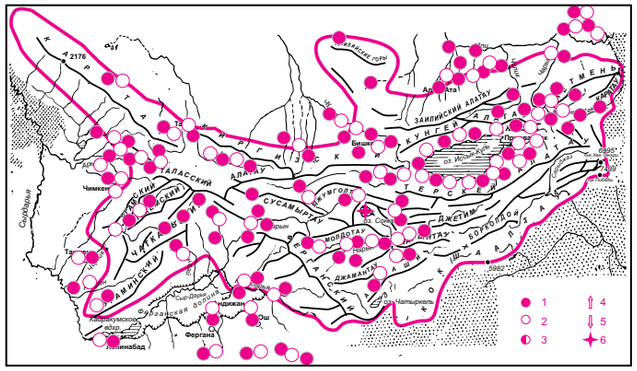

Рис. 493. Распространение полевого воробья в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 6 – залёт

первого года произвела среди поселенцев большие опустошения, и в следующем году воробьёв уже не было» (Кашкаров и др., 1937). Однажды один полевой воробей случайно залетел на озеро Сонкуль (3100 м; Птицы Киргизии, 1960). Во время поездок по Внутреннему Тянь-Шаню мы встречали полевого воробья на побережье Андижанского вдхр., в смешанном лесу Чичкана, а одна пара жила под мостом через Нарын (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Численность. Повсеместно обычен, местами многочислен, но конкретных учётных данных из мест гнездования почти нет. По данным маршрутных учётов, проведенных в Алматы в летние месяцы 1983-1986 гг., численность полевых воробьёв на улицах города была 5.3-11.3 особей/час в местах с усадебной застройкой (сельского типа) и 5.7-24.4 особей/час – в центре города (многоэтажная застройка); в зимние месяцы – соответственно 5.6-10.3 и 4.9-17.4 особей/час; при этом он многократно уступает в числе домовому воробью (Ковшарь, 1988). В Ташкенте – самый многочисленный из всех оседлых видов, господствовал во всех частях города и при всех изменениях его облика (Мекленбурцев, 1982). В Бишкеке – массовый гнездящийся и зимующий вид, больше на окраинах города (Торопова, Командиров, 1995).

Из других мест имеются только результаты зимних учётов. Так, на восточном побережье Иссык-Куля в январе-феврале 1962 г. на участках посевов среди пустыни насчитали 44 полевых воробья на маршруте 10 км [44 особей/км^2], на адырах с посевами – 78/8 км [97 особей/км^2], в облепиховых зарослях – 109/22 км [84 особей/км^2] (Второв, 1963). В селе Покровке и Чон-Кызыл-Су зимой учитывали до 100 особей/км^2 (Второв, 1968). В буферной зоне Ала-Арчинского нацпарка (Киргизский Алатау), где зимой полевой воробей многочислен и образует смешанные стаи с домовым воробьём, плотность определена в 0.23-500.0 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Численность его на зимовке в восточной части Иссык-Кульской котловины значительно выше, чем домового (Верещагин, 1991). Чаще домового воробья встречался он и на маршрутах по Внутреннему Тянь-Шаню в июле 2000-2004 гг. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Сведения об изменениях численности имеются для Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где полевой воробей был многочислен в 1926 г., редок в 1933 и 1935 гг. (Шульпин, 1956) и довольно многочислен в 1959-1966 гг. в культурном поясе, где гнездился только в населённых пунктах (Ковшарь, 1966).

Сроки. Даты. Несмотря на оседлость, полевой воробей в небольшом числе встречается в пролётных стаях воробьёв других видов – возможно, это северные популяции. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. весной учитывали до 406 полевых воробьёв за сезон, а в ловушки рыбачинского типа (отлавливающие *направленно* летящие стаи птиц) поймали и окольцевали весной 259, осенью – 611 (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 29 марта (1987) по 27 мая (1993) отловили 70, а с 31 августа (1999) по 27 октября (1985) – 52 полевых воробья; срединные даты пролёта – 12 мая и 14 октября (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Хорошо изучена в других частях ареала. Как и домовый воробей, имеет 2 репродуктивных цикла. В Тянь-Шане специальных исследований не проводилось. Немногочисленные сведения о размножении и питании имеются в региональных фаунистических сводках (Птицы Киргизии, 1960; Птицы Памиро-Алая, 1969; Птицы Казахстана, 1974) и в ряде других публикаций (Корелов, 1956 а,б; Шульпин, 1956; Степанян, 1959; Ковшарь, 1966), однако особенности биологии в горах Тянь-Шаня не изучены.

410. Каменный воробей – *Petronia petronia* (Linnaeus, 1766)

rock sparrow (англ.), Steinsperling (нем.), moineau soulcie (фр.),
тас торғай (каз.), сары тамак (кирг.), тош чумчук (узб.), чумчукуи санг (тадж.)

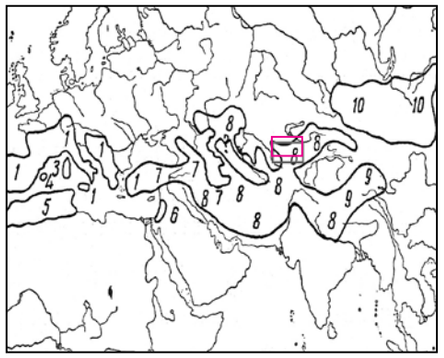
Синонимы: *Petronia petronia härmsi* Keve, 1948.

Подвид. Из 8 подвидов в Тянь-Шане один – *Petronia petronia intermedia* Hartert, 1901.

Характер пребывания. Оседлый вид, но у северной границы ареала часть гнездящихся особей отлетает южнее в пределах ареала.

Биотоп. «Типичное местообитание этого вида связано с горами и выходами горных пород, о чём свидетельствует и название птицы… В Каратау они гнездятся в расщелинах отвесных скал на высоте 1250-1400 м (Долгушин, 1951). В Бостандыке населяют самые разнообразные места от верхней части пояса лиственного леса и почти до альпийских лугов, располагая свои гнёзда в меловых обрывах, выходах известняков, гранитах среди арчевников (Корелов, 1956). В Таласском Алатау эти воробьи наиболее многочисленны в скалах, особенно образуемых конгломератами и создающих большое количество удобных для гнездования пустот вследствие выпадения крупной гальки. Живут здесь по удобным утёсам также и в субальпийском поясе до 3000 м (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). На южных склонах Кетменя они гнездятся только в самой нижней его части, где ещё многочисленны выходы скал и останцовые сопки выходят в Чулкудинскую долину (Корелов, 1956)» (Гаврилов, 1974, с. 369). В Терской Алатау гнездовой биотоп каменного воробья – невысокие сухие сильно разрушенные скалы, крупнокаменистые склоны, реже – лёссовые обрывы и киргизские кладбища; в сильно лесистой восточной части хребта он селится только в предгорьях и на подгорной равнине, в безлесной западной – по всему профилю северного склона хребта (Степанян, 1959).

Распространение. Наш район находится у северной границы ареала *P. p. intermedia* (рис. 494), здесь по северным подножьям Каратау, Чу-Илийских гор и по долине реки Или проходит участок границы ареала подвида (рис. 495). Каменный воробей населяет низкогорье и среднегорье всех участков Тянь-Шаня – от Западного, включая Каратау, до Северного и северной части Центрального в районе бассейнов Текеса и Чулкудысу (Шнитников, 1949; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956, 2007, 2012; Шульпин, 1956; Птицы Киргизии,1960; Ковшарь, 1966; Гаврилов, 1974; Федянина, 1989; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Митропольский, 2005; Губин, 2007, 2009). В высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня, включая сырты и котловины высокогорных озёр Сонкуль и Чатыркуль, каменный воробей отсутствует, но населяет всё южное побережье Иссык-Куля и многие долины Внутреннего Тянь-Шаня: Кочкорскую, Нарынскую (в верхней её части), Атбашинскую, нижнюю часть Арпинской; долины рек Кокомерен, Алабуга (Шнитников, 1949; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961, 1972). Кроме того, 25 июля 1998 г. мы встретили каменного воробья в русле р. Коджо-ата ниже с. Аркит вблизи Сарычелекского заповедника (Ковшарь, Торопова, 2000), а 18 июля 2000 г. – несколько одиночек у подножья хребта Атбаши, в месте впадения р. Таш-Рабат в р. Каракоюн (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Примерно в этих местах каменных воробьёв встречали летом 2018 г.: 20 июня – одиночку на чапах возле пос. Дюрбельджин;

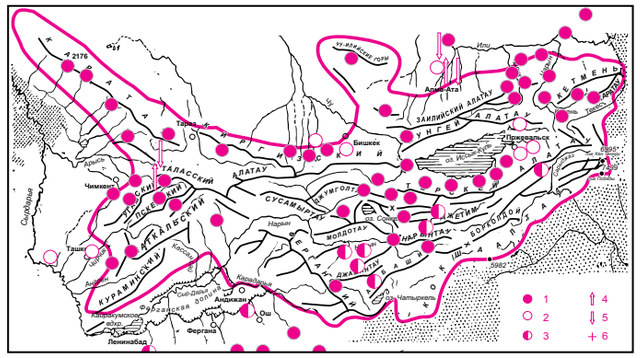

Рис. 494. Ареал каменного воробья. По: Судиловская, 1954, с. 320. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 495. Распространение каменного воробья в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

21 июня – пару, кормящую птенцов у зимовки в Орто Сырт (хр. Байбиче, 2700 м); 22 июня – в пойме р. Атбаши; 25 июня – в месте слияния двух Нарынов (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

У южных границ Тянь-Шаня каменный воробей гнездится на всём протяжении северных склонов Алайского и Туркестанского хребтов (Иванов, 1969). Во время нашей поездки по этим местам в июле 2004 г. я встретил каменного воробья всего дважды: 21 июля в долине р. Сох, на выходе реки из ущелья (стая около 30 птиц) и 28 июля – четырёх каменных воробьёв на каменистом южном склоне хребта Катыранг с редкими кустами арчи близ села Орозбеков (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В 1999 г. каменный воробей был достаточно обычен в Алайской долине, где встречался как парами, так и стайками до 20 особей (25 июля у с. Кашкасу); в восточной части долины, близ Иркештама, мы наблюдали пару у гнезда в трещине свода пещеры (Ковшарь, Торопова, 2000). В западной части Алайской долины 1 июля 2015 г. взрослых птиц и слётков видели на пустынных холмах около Дарауткургана (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. На гнездовании в большинстве мест в Тянь-Шане каменный воробей обычен, местами немногочислен, как например в Каратау (Губин, Белялов, 2017), на крайнем востоке, в районе Чулкудысу – Текес (Березовиков и др., 2004, 2009: КОБ-2008; Бибиков, 2009: КОБ-2008), в долинах Нарына и Атбаши (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017); и только для средней части хребта Терскей-Алатау есть указание на высокую численность: в предгорьях между урочищами Корумду и Коксай, на протяжении 30 км в 1953 г. обнаружено 8 колоний по 200-300 гнездящихся пар в каждой (Степанян, 1959). На северном склоне Киргизского Алатау в 1985-1988 гг. учтено от 40-50 в районе села Сосновка до 50-70 на ферме в ущелье Кегеты и 100 каменных воробьёв также на ферме в ущелье Норус, где они гнездились отдельными парами и небольшими группами (Федянина, 1989). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1960-1966 гг. каменный воробей был обычен на гнездовании (Ковшарь, 1966), а в 1936 -1935 гг. местами даже многочислен (Шульпин, 1956), но после 1983 г. почти перестал здесь встречаться – до 2005 г. известны всего две встречи (Ковшарь, Чаликова, 1992; Чаликова, 2006). Довольно низкой оказалась численность каменного воробья во Внутреннем Тянь-Шане: в 1998 г. мы встретили его только раз на р. Коджо-ата ниже с. Аркит; в 1999 г. – стайку из 15 особей 17 июля в долине Алабуги; в 2000 г. – несколько особей 18 июля на северном подножье хр. Атбаши у р. Таш-Рабат (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Спорадичным и немногочисленным был он здесь также 10 лет спустя: всего 20 особей насчитали 21-27 июня 2016 г. на маршруте от пос. Дюрбельджин через хребет Байбичетоо и долину Атбаши до слияния Чон-Нарына и Кичи-Нарына (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В зимнее время ещё более редок: на Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. насчитали 10 особей на маршруте 8 км, проходящем по адырам с посевами (Второв, 1963); там же 27-30 марта 2004 г. на учёте водоплавающих – 33 каменных воробья (Кулагин, Сагитов, 2005); и только в старых источниках указано: «На зиму часть каменных воробьёв, возможно, улетает, но многие остаются. Огромные стаи, из 100 и более птиц, мы видели в декабре и январе в Иссык-Кульской котловине, реже они наблюдаются зимой в предгорьях Киргизского хребта, ниже гнездовых мест» (Птицы Киргизии, 1960, с. 102). В более поздней работе, посвящённой именно каменному воробью, об этом сказано более осторожно: «Зимуют каменные воробьи, вероятно, недалеко, в Узбекистане, Таджикистане, Туркмении. Некоторые остаются и благополучно переживают суровое время года в Чуйской долине. Зимующих воробьёв встречали в кошарах колхоза имени Ленина Панфиловского района и на южной окраине села Сосновка» (Федянина, 1989, с. 101). Возможно, эти примеры говорят об общем снижении численности зимующих каменных воробьёв, что подтверждают и наблюдения Р.Н. Мекленбурцевым в 30-х гг. XX ст. их стай по 40-200 особей в зимнее время под Ташкентом и Чимкентом (Шульпин, 1956). Однако в горах и в те годы каменный воробей зимой был большой редкостью: «Шалов высказывает предположение, что каменный воробей должен жить в Тянь-Шане оседло. Возможно, что это так и есть, но вряд ли он зимует здесь в массе. Вернее, что остаётся только часть птиц, а может быть даже отдельные особи. По крайней мере известен только один зимний экземпляр (2/I 1907, Борскаун), да два февральских без числа, может быть уже прилётных. А Шестоперов для Тышкана прямо говорит об исчезновении, т.е. об отлёте, каменных воробьёв 4/X 1918 г.» (Шнитников, 1949, с. 377). В последние годы и в других местах нашего района зимой их встречали в небольшом числе: на Сорбулаке – стайки в 18 и 7 особей в январе-феврале 2003 г. и январе 2008 г. (Белялов, Карпов, 2013), на Чардаринском вдхр. в феврале 2006 г. – «в общей сложности… 35 птиц, которые держались небольшими стайками» (Коваленко, Кравченко, 2007: КОБ-2006). Также немногочислен каменный воробей на миграциях: на Чокпаке в 1966-

1981 гг. весной окольцевали 62, осенью – 722 (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 5 и 763 особи (А. Гаврилов и др., 2017), т. е. 1.5 тыс. за 100 сезонов.

Сроки. Даты. На Чокпаке начало весеннего пролёта отмечали 28 февраля (1971) – 11 марта (1969), в среднем 6 марта; с 1 по 20 марта, по данным учётов, пролетало 94.3% каменных воробьёв, последних отмечали 31 марта – 16 апреля, в среднем 7 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 1 апреля (1986) по 23 мая (1983) отловили 5 каменных воробьёв (А. Гаврилов и др., 2017). Для Киргизского Алатау сроки весенней миграции указаны с середины марта по первую декаду мая (Федянина, 1989).

Осенью в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) численность каменных воробьёв, державшихся стаями по 30-40, в т. ч. в несвойственных им местах (например, яблоневый лес), к концу августа 1933 г. стала уменьшаться – явно шёл их отлёт (Шульпин, 1956). Пролёт здесь идёт и в середине октября – 14 октября 1961 г. в предгорной степи у Новониколаевки они разбивались о провода ЛЭП (Ковшарь, 1966). На Чокпаке начало пролёта каменных воробьёв отмечали 18 сентября – 2 октября (в среднем 30 сентября), пролёт продолжался до ноября (5/XI – окончание наблюдений; Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 27 сентября (2001) по 28 октября (1983) здесь отловили 763 каменных воробья (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Несмотря на упомянутую специальную публикацию по этому виду (Федянина, 1989), биология каменного воробья в Тянь-Шане остаётся мало изученной. Поэтому ниже я привожу некоторые интересные сведения, в т.ч. отрывки из публикаций, которые будут полезны будущим исследователям этого вида. В сводке «Птицы Семиречья» приведена информация о гнездовании каменного воробья в Киргизском Алатау, сообщённая автору Е.П. Спангенбергом: «В окрестностях сел. Сосновки мне известны две точки, где каменный воробей образует большие колонии. Одна колония помещается в пещере, расположенной на склоне Карабалтинской щели близ Узун-Булака, вернее, у его выхода из Карабалты. В этой пещере ежегодно в большом числе гнездится городская ласточка. Все покинутые гнёзда этой ласточки оказались с расширенным входом и были заняты парочками каменного воробья. Вторая колония помещается в самом Узун-Булаке, также в гнёздах городской ласточки… лишь две парочки гнездились не в гнёздах ласточки, а в трещинах, куда они натаскали массу растительной ветоши» (Шнитников, 1949, с. 375). Далее автор сообщает свои наблюдения: «16/VII 1913 г. на причудливо размытых глиняных голых горах у Кочкорки было найдено гнездо из сухих стеблей злаков, помещавшееся на земле, в трещине почвы. Тут же было и ещё несколько гнёзд. Говорят, впрочем, что иногда каменные воробьи и сами роют норы в глиняных обрывах. Насколько это верно – неизвестно, но более вероятно, что они пользуются чьими-нибудь уже готовыми норами… гнездо на Кочкорке 16/VII содержало уже больших, довольно хорошо оперившихся птенцов… Устраивая свои гнёзда в таких местах, где почти отсутствует какой-либо корм, наши птички должны летать кормиться в более подходящую обстановку, и стайки их, а иногда и очень большие стаи, приходится встречать в самых разнообразных условиях. Так 10/VIII 1913 г. я их много встречал в солянковой степи между Макмалом и Алабугой, а 4/VIII они в большом количестве держались в лесу ущелья Чаманды, куда являлись кормиться обильными в то время ягодами боярышника, облепихи и барбариса» (там же, с. 376-377). Оригинальное устройство гнёзд на деревьях описано для этого вида по наблюдениям в Таласском Алатау: «В меньшем количестве воробей селится на дереве, устраивая гнёзда в дуплах или среди густого сплетения ветвей: такое гнездование было обнаружено нами лишь в древовидных арчевниках бассейна Чимбулаков… Гнёзда, находившиеся на деревьях (не в дуплах), всегда помещались в особенно густом скоплении ветвей и так, что, располагаясь на основе в виде одной или нескольких упругих ветвей, гнездо сверху покрывалось более густым скоплением мелких веток древовидного арчовника. Соломенные постройки, воздвигаемые здесь, весьма напоминали гнёзда испанского или домового воробья, но отличались всегда меньшей громоздкостью» (Шульпин, 1956, с. 159). В этой работе приводятся сроки гнездования: 20 июня 1933 г. выкармливание птенцов в гнёздах, 2 июля 1926 г. – вылет. В этих же местах три гнезда со свежими полными кладками и одно строящееся я нашёл 21 и 28 мая 1965 г.; слётков в скалах Дарбазы (1900 м) – с 14 по 19 июня 1965 г., а 24 июня того же года в арчевниках Сартансая (1800 м) встретил массы выводков, в которых молодые уже неплохо летали (Ковшарь, 1966). В Терскей Алатау в 1953 г. собраны следующие данные: «17 июня 1953 г. в урочище Кажи-Саз в норе лёссового обрыва – слабо насиженная кладка из 8 яиц. 19 июня 1953 г. осмотрены 8 огромных колоний, везде были оперённые птенцы. 19 июня 1953 г. в ущелье Кок-Сай осмотрены 3 гнезда, во всех полностью оперённые птенцы. Здесь же наблюдались и недавно покинувшие гнёзда слётки. 19 июля 1953 г. в предгорьях восточной части хребта – самостоятельные молодые, но ещё не сбившиеся в стаи. 6 августа 1953 г. уже большие сформированные стаи. Таким образом, вывод о числе кладок здесь у каменного воробья должен быть сделан вполне определённый. Птица имеет одну нормальную кладку в году. Начало её

относится к первой декаде мая» (Степанян, 1959, с. 91). Таков же вывод напрашивается и по наблюдениям в Таласском Алатау, хотя для этого вида характерны две кладки (Гаврилов, 1974, с. 372). В горах это положение нуждается в проверке.

Во внутренних районах Тянь-Шаня к постройке гнёзд каменные воробьи приступают в апреле. «В долине р. Атбаши 18 мая 1958 г. в трёх гнёздах были уже довольно хорошо оперившиеся птенцы, но с недоросшими маховыми. Там же 11 июня 1958 г. в 6 гнёздах были птенцы в возрасте от одного до 6-7 дней. На перевале Кызарт и по Тюлёку 17 и 18 июня 1953 г. молодые уже летали. В Алайской долине 28 июня 1954 г. птенцы были 6-7-дневного возраста» (Птицы Киргизии, 1960, с. 102). В последнем месте, близ Иркештама, 22 июля 1999 г. я наблюдал пару каменных воробьёв, поведение которых было похоже на начало второго репродуктивного цикла: самец залетел в гнездо, помещавшееся в трещине свода пещеры, и вынес оттуда белое перо, а самка здесь же принимала приглашающую позу (Ковшарь, Торопова, 2000).

На южном склоне хребта Кетмень в одном из гнёзд 11 июня 1953 г. было 7 полуоперённых птенцов, а 15 июля в нижней части каменистых склонов появились выводки молодняка (Корелов, 1956). В горах Айбыржал (Ельчин-Буйрюк) в северной части Центрального Тянь-Шаня 14 мая 1956 г. А.А. Винокуров добыл самку, отложившую первое яйцо, а 11-15 июля 1956 г. там же в гнёздах были птенцы (Березовиков и др., 2004). «В Сарыжаской щели (между горами Ельчин Буйрюк и Алабастау) 4-6 июня 1951 г. в расщелинах скал обнаружено 4 недоступных для осмотра гнезда, в которых взрослые кормили птенцов. Здесь же 6 июля 1950 г. в расщелине осмотрено гнездо с 6 птенцами, у которых только начали открываться глаза. 13 июля оперённые птенцы были накануне вылета. Там же 13 июля 1950 г. в камнях найдено гнездо с 6 птенцами, уже готовыми к вылету. Лоток был выстлан сухими растительными стебельками, шерстью, перьями и волосом. Среди выстилки обнаружены блохи и гамазовые клещи» (Бибиков, 2009: КОБ-2008).

В Западном Тянь-Шане на Ангренском плато каменные воробьи занимали старые гнёзда ласточек в колониях воронков (Корелов, 1956; Митропольский, 2005). В Каратау, на Чанчаре у Боролдая, массовый вылет птенцов из гнёзд каменного воробья начался 23-24 мая 1958 г. (Корелов, 2012), а в урочище Бессаз (1850 м) 17 июля 2002 г. отметили два выводка хорошо летающих молодых (Губин, Белялов, 2017). В статье о гнездовании каменного воробья в Киргизском хребте приводится таблица определения содержимого 99 проб пищи птенцов, взятых в 10 гнёздах методом лигатур, где по количеству преобладают гусеницы бабочек (34.9% – огнёвки, пяденицы, совки) и имаго двухкрылых (36.6% – мухи, комары-долгоножки, ктыри, комары-звонцы); остальные 28.5% приходятся на жуков, клопов, цикад, тлей, веснянок, пауков и сенокосцев (Федянина, 1989). Более детальное изучение биологии каменного воробья в Тянь-Шане ещё предстоит.

411. Снежный вьюрок – *Montifringilla nivalis* (Linnaeus, 1766)

white-winged snowfinch (англ), Schneefink (нем.), niverolle alpine (фр.),
қар құнақ (каз.), ала дунга, аладунга (кирг.), чумчуки барфи (тадж.)

Синонимы: *Passer alpicola* Pallas, 1811; *Montifringilla leucura* Bonaparte, 1855; *M. fringilloides* Dresser, 1875; *M. alpicola groumgrzimaili* Zarudny et Loudon, 1904; *M. a. gaddi* Zarudny et Loudon, 1904; *M. a. prosvirowi* Zarudny, 1917; *M. n. tianshanica* Keve, 1943. Снежный воробей (Портенко, 1960; Иванов, 1969; Гаврилов, 1974; Коблик, Архипов, 2014). Горный вьюрок (Шнитников, 1949). Альпийский вьюрок. Я использую традиционное название «снежный вьюрок», поскольку слово «воробей» никак не вяжется с этой длиннокрылой птицей, скорее напоминающей горных вьюрков из рода *Leucosticte.* К тому же русское название не обязано указывать на систематическую принадлежность (которая при высоких современных темпах развития систематики тоже вряд ли может считаться окончательно установленной).

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане один – *M. n. alpicola* Pallas, 1811.

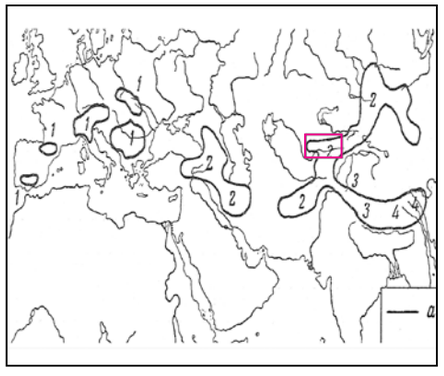
Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая сезонные высотные перемещения в горах.

Биотоп. Высокогорные степи и луга с участками скал и каменистых россыпей. «В Семиречье, является типичным обитателем района высокого альпийского луга и по высоте населяемых им мест над уровнем моря уступает только крайним представителям высокогорной фауны, как *Leucosticte brandti* и *Pyrrhospiza*

punicea. Он может быть встречен и совместно с первой, но живёт вместе с ней только до известных пределов и не доходит до тех огромных высот, которых достигает она. Во всяком случае, он входит в состав группы из четырёх наиболее высокогорных обитателей из числа наших мелких птиц: *Pyrrhospiza punicea, L. brandti, Montifringilla nivalis* и *Phoenicurus erythrogaster.* В среднем на гнездовье его можно считать обитателем высот около 3000-3500 м» (Шнитников, 1949, с. 374). Этот вьюрок-воробей широко населяет сыртовые пространства и каменистые высокогорные степи Арпинской долины, окрестностей Чатыркуля и Торугарта, Аксайской долины (всё это выше 3000 м). На Памире и в хребтах Памиро-Алая снежный вьюрок живёт до 4000 м и выше (Иванов, 1969).

Распространение. Наш район находится на западной границе азиатской части разорванного ареала этого высокогорного вида (рис. 496). Границы подвида *M. n. alpicola* в этом месте обозначены так: «Тянь-Шань к северу до Киргизского хребта, Терской Ала-Тоо, Хан-Тенгри; к западу до западной части Таласского Алатау, до Угамского, Пскемского и западной части Чаткальского хребтов; к югу до хребта Кокшаалтау» (Степанян, 2003, с. 657). В очерченных пределах снежный вьюрок гнездится спорадично (рис. 497): в высокогорье всех хребтов Западного Тянь-Шаня, центральной части Киргизского Алатау (от ущелья Мерке до Ала-Арчи), на сыртах Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня, в западной половине Терской Алатау, в горах вокруг озера Сонкуль, на Чатыркуле, в Арпинской долине и хребте Атбаши (Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Шевченко, 1948; Шнитников, 1949; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Кыдыралиев, 1957, 1961, 1972; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Винокуров, 1960, 1961; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Капитонов, 1969; Крылов, 1969; Митропольский и др., 1981; Третьяков, 1994; Белялов, 2003: КОБ-2002; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Митропольский, 2005; Верещагин, Немченко, 2005; Корелов, 2007; Головцов, 2007).

В Иссык-Кульской котловине, где он для зимнего времени указан В.Н. Шнитниковым (1949), снежного вьюрка не встречали ни летом, ни зимой (Птицы Киргизии, 1960); об отсутствии его в Заилийском и Кунгей Алатау говорится в обеих упомянутых сводках. Лишь недавно его впервые встретили в высокогорье Заилийского Алатау в миграционное время: «С 13 по 16 октября 2003 г. проводились исследования в районе перевала «Северный», а с 20 по 31 октября – в верховьях ущелья Средний Талгар. 15 октября на высоте 3400 м, при туманной погоде, встречена стайка снежных вьюрков из 12 птиц, которые, перелетая с места на место, кормились на щебнистом склоне. Птицы держались обособленно от большой стаи (около 200 особей) жемчужных вьюрков, кормившихся здесь же. 26 и 27 октября две стайки снежных вьюрков встречены на абсолютной высоте 3000 м – 15 и 20 особей» (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003). Кроме того, зимой однажды встречен у Курдая (Гаврилов, 1999), хотя обычно зимует на тех же высотах, что и гнездится (Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961), даже на Памире проводит зиму выше 4000 м, только подкочёвывает ближе к населённым пунктам (Мекленбурцев, 1946; Иванов, 1969; Степанян, 1979). У южных границ Тянь-Шаня так же спорадично гнездится в высокогорье Памиро-Алая; в Алайском хребте он найден на перевалах Актерек, Акбогуз, Катынарт, Таумурун, Арчибулак, а на южном склоне хребта – у Дарауткургана (Иванов, 1969). Там же, выше по Алайской долине, снежный

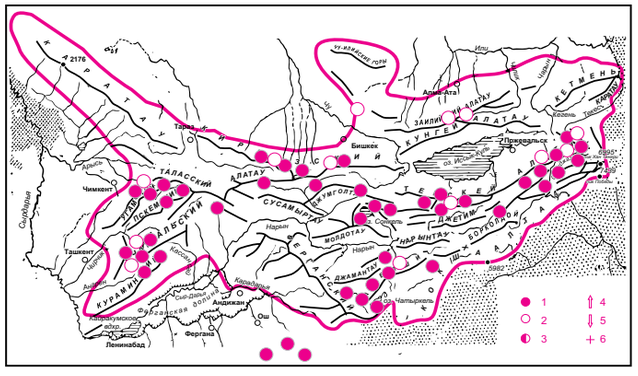

Рис. 496. Ареал снежного вьюрка. По: Судиловская, 1954, с. 310. Красным прямоугольником обозначен Тянь-Шань
Рис. 497. Распространение снежного вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

вьюрок оказался многочисленным в июле 1999 г. и 28-29 июня 2015 г. у Иркештама, где они кормили птенцов, а на перевале Талдык 1 июля встречено несколько особей (Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. На местах гнездования бывает довольно высокой. Указан многочисленным для южных хребтов Западного Тянь-Шаня (Корелов, 1956; Митропольский и др., 1981; Третьяков, 1994) а также для вероховьев Текеса в Центральном Тянь-Шане, где в верховьях Кокжара в августе 1956-1957 гг. встречались стаи по 70-100 особей (Винокуров, 1961). На сыртах в верховьях Арабели и Нарына 16 августа 1953 г. учтено 30 особей/50 км маршрута, но общая численность невысокая, а на северном склоне Терской Алатау снежный вьюрок был редок и спорадичен (Степанян, 1959). На Покровских сыртах в верховьях Нарына, в урочище Кара-Чукур у Караколки, в глинистом обрыве высотой 20-25 м и длиной около 800 м в 1955 г. гнездилось 12 пар снежных вьюрков; большинство гнёзд было на недоступной высоте (Кыдыралиев, 1957).

В 1999 г. был многочислен в Алайской долине, в июле 2000 г. – обычен, а местами многочислен в каменистой высокогорной степи долины Каракоюна, южных и западных подножий хребта Атбаши – от Таш-Рабата до Чатыркуля и Торугарта; в 2003 г. одиночками и стаями до 40 особей встречался от верхней части долины Арпы до Чатыркуля и в Аксайской долине (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Довольно обычными были выводки снежных вьюрков в июле 2005 г. в верховьях Каракуджура и Кичи-Нарына, в долине р. Болгарт и в верховьях Сарыджаза (18-29 июля мы насчитали более 50). Судя по внушительному перечню добытых экземпляров, снежный вьюрок был многочислен на сыртах и в Холодной пустыне также в июле-августе 1934 г. (Кашкаров и др., 1937), а также в 60-х гг., когда Р.И. Злотин (1968) изучал питание этого вида по анализу содержимого желудков 52 экземпляров, добытых на сыртах. Зимой 1962-1965 гг. в арчовом стланике Терскей-Алатау (где с мая по сентябрь не встречено ни одного снежного вьюрка) на маршрутных учётах насчитали: в октябре – 3, с ноября по февраль 20-200, в марте – 40 особей/км^2 (Второв, 1967). У заставы Орто-Кашка-суу (3320 м) 7 февраля 2007 г. зимовало 10-20 особей (Остащенко, 2010).

Данные об изменениях численности имеются для заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), где в 1926 и 1933-1935 гг. снежный вьюрок на гнездовье был довольно обычен (Шульпин, 1956), в 1960-1966 г. – немногочислен и встречен только в двух местах – на перевале Кши-Каинды и в верховьях Кши-Аксу (Ковшарь, 1966), в 1971-1973 гг. – только на перевале Кши-Каинды (Губин, 2012), а с 1983 по 2005 г. его ни разу не встречали в заповеднике (Чаликова, 2006). И только 9 июня 2006 г. поющего самца видели в скалах Казанчукура, а 6 вьюрков – 5 июля у снежника в ущелье Аксай (Чаликова, 2007: КОБ-2006).

Сроки. Даты. Никаких миграций у этого вида никто не видел. В высокогорье Заилийского Алатау, за пределами района своего гнездования, он встречен в октябре (Джаныспаев, 2004), там же, в окрестностях Космостанции (3300 м), стаю снежных вьюрков сфотографировали 2 февраля 2014 г. (www.birds.kz). Сроки появления их на местах гнездования точно не установлены. На южном склоне Чаткальского хребта, на гребне Кызылнура – Курганташ, где снежные вьюрки не гнездятся, стайку из 20 особей на скалах среди снежных полей встретили ещё 15 апреля 2007 г. (Головцов, 2007). Но уже в начале мая здесь встречаются пары на гнездовых участках, а в середине мая начинается откладка яиц (Третьяков, 1994).

Биология. Как и у большинства высокогорных птиц, длительное время оставалась не известной. Первые сведения по гнездованию снежного вьюрка получены в 1955-1956 г. в Центральном Тянь-Шане (Кыдыралиев, 1957; Винокуров, 1961). В верховьях Кокжара, где снежный вьюрок – одна из самых многочисленных птиц и уступает в числе только каменке-плясунье и местами горному коньку, было осмотрено 9 гнёзд: «15 июня был отмечен вьюрок, рывший норку в лёссовом обрыве, но уже 14 июня в гнезде, устроенном в ограде могилы, сложенной из камней, имелось 5 ненасиженных яиц, а 21 июня в другом гнезде (в расщелине каменистого обрыва) 4 голых птенца; в 5 гнёздах, найденных 22-25 июня, одно из которых располагалось в нише старой сурчиной норы, также были птенцы, а 8 июля встречены первые слётки. Видимо, у снежных вьюрков наблюдаются повторные кладки (взамен утерянных первых?), так как 15 июля в гнезде, устроенном в трещине скалы на уровне земли, оказалось 3 сильно насиженных яйца. Все осмотренные гнёзда представляли собой рыхлую постройку из сухих стеблей травы с обильной выстилкой из перьев и небольшого количества шерсти» (Винокуров, 1961, с. 41). На Покровских сыртах в верховьях Нарына в 1955 г.

А.К. Кыдыралиев (1957) осмотрел 7 гнёзд, из них в 6 гнёздах 24-28 июня были птенцы и в одном 28 июня – 4 насиженных яйца чисто белого цвета (приведены размеры); 9 июля встречены лётные молодые, которых ещё кормили взрослые. Он же 15 мая 1956 г. у перевала на озеро Сонкуль наблюдал постройку гнёзд, а 24 мая добыл двух самок, одна из них оказалась с наседным пятном; 29 мая добыта самка с двумя лопнувшими фолликулами, т.е. отложившая два яйца; первых вылетевших птенцов здесь встретили 19 июня (Кыдыралиев, 1957).

В Западном Тянь-Шане сведения о гнездовании снежного вьюрка получены в трёх хребтах и опубликованы в двух специальных статьях (Третьяков, 1994; Белялов, 2003). На Кураминском хребте (Ангренское плато) в июле 1976 г. и с конца апреля до начала сентября 1977 г. на Чаткальском и Кураминском хребтах проведены наблюдения за 4 гнёздами этого вида, описано их местоположение и устройство, величина кладки и размеры 16 яиц, поведение птиц при строительстве гнезда, насиживании яиц и выкармливании птенцов (Третьяков, 1994). Откладка яиц длится с начала мая до начала июня, первых хорошо летающих птенцов автор встретил на Чаткальском хребте 8 июня, репродуктивный цикл один. На Ангренском плато в середине июня снежные вьюрки всюду кормили птенцов, а в начале июля на Чаткальском хребте везде встречались хорошо летавшие и самостоятельно кормившиеся молодые, такие же стайки встречались на Ангренском плато близ мест гнездования (Третьяков, 1994). В Угамском хребте (ущелье Уларсай), где снежный вьюрок был фоновым видом наряду с горным коньком, рогатым жаворонком и бледной завирушкой, 11-25 июня 1984 г. проведены наблюдения у трёх гнёзд, два из которых птенцы покинули 23 и 24 июня (Белялов, 2003: КОБ-2002). В этой публикации описаны места расположения гнёзд и поведение взрослых птиц при выкармливании птенцов насекомыми.

В условиях Памира летняя биология снежного вьюрка описана Р.Л. Потаповым (1966), а зимняя – Р.Н. Мекленбурцевым (1946). Кроме того, для нашего района отдельные биологические сведения по этому виду имеются в различных публикациях (Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Злотин, 1968; Гаврилов, 1974; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Корелов, 2007; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Все перечисленные данные могут служить сравнительным материалом при будущем плановом и всестороннем исследовании биологии этого малоизученного высокогорного вида.

Семейство **Вьюрковые** Fringillidae

412. Зяблик – *Fringilla coelebs* Linnaeus, 1758

Chaffinch (англ.), Buchfink (нем.), pinson des arbres (фр.),
жаурауық (каз.), токой таранчысы (кирг.), қизилтўш (узб.), зардболак (тадж.)

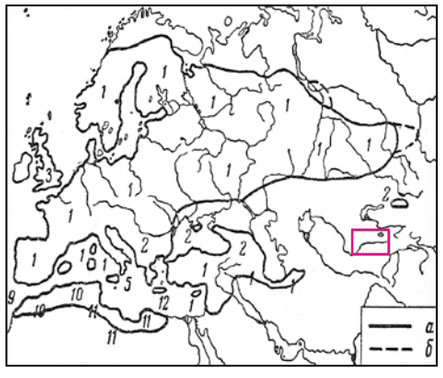
Синонимы: *Fringilla nobilis* Schrenk, 1798; *F. vulgaris* Frenzel, 1801; *Passer spiza* Pallas, 1811; *Fringilla hortensis* Brehm, 1831; *F. sylvestris* Brehm, 1831; *F. alpestris* Brehm, 1855.

Подвид. Из 13 подвидов в Тянь-Шане номинативный *F. c. coelebs* Linnaeus, 1758.

Характер пребывания. Зимующая и дважды пролётная птица. Участившиеся летние встречи (Кузьмина, 1974; Джаныспаев, 2008; Митропольский, 2009) позволяют предположить, что этот вид начинает осваивать для гнездования леса Тянь-Шаня (Митропольский, 2009; Белялов и др., 2013).

Биотоп. Лесная птица, предпочитает светлые леса – как лиственные, так и хвойные (сосновые). В Тянь-Шане летом встречен в березняках, зимой – в любой древесной растительности (включая городские сады и парки), а во время миграций в массе пролетает также безлесными степными пространствами.

Распространение. Находясь намного южнее основного ареала вида (рис. 498), Тянь-Шань служит местом пролёта и зимовки самых восточных популяций. По мере расширения ареала к востоку с конца XIX и в течение половины XX ст. (Словцов, 1892; Рузский, 1897; Иоганзен, 1907; Хахлов, 1937; Johansen, 1944; Юдин, 1952; Сыроечковский, Рогачёва, 1958; Безбородов, 1968), проанализированного Л.А. Портенко (1974), постепенно увеличивалась и численность зябликов, пролетающих вдоль предгорий Тянь-Шаня и зимующих в его пределах. Во второй половине XX ст. он стал здесь уже массовым видом: «Просматривая коллекционные материалы, нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что среди зимующих птиц, собранных в Средней Азии Северцовым и его препараторами, имеется всего 4 зяблика (2 из Ташкента и 2 из Чимкента), тогда как юрки представлены десятками экземпляров из многих мест. Затем в записях Зарудного с 1906 по 1917 г. зяблик отмечается как очень немногочисленная или же просто редкая птица окрестностей Ташкента. В настоящее время зяблик не представляет здесь редкости зимой, так же, как в Самарканде и Душанбе. Причин такого изменения может быть несколько, но в качестве одной из возможных причин этого явления, мне кажется, можно назвать интенсивное расселение зяблика на восток, а соответственно этому расширение на восток и зимнего ареала» (Иванов, 1969, с. 362).

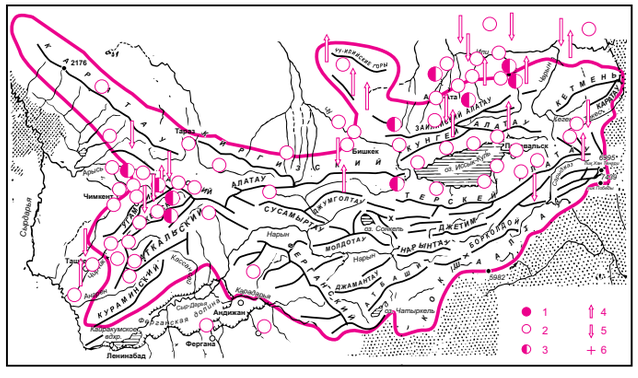

Рис. 498. Ареал зяблика. По: Л.Б. Бёме, 1954, с. 286. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 499. Распространение зяблика в Тянь-Шане: 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт весной, осенью

В пределах нашего района зяблик обычен на пролёте и зимой в основном в предгорьях и низкогорье Северного и Западного Тянь-Шаня (рис. 499); зимует также в долине р. Или и по её притокам, в Чуйской долине, по всей Иссык-Кульской котловине и в верховьях Текеса – близ Нарынкола и по Баянколу (Зарудный, Кореев, 1905; Сатаева, 1937; Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Петров, 1958; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1966, 2017; Воробьёв, Чичикин, 1966; Салихбаев, Богданов, 1967; Бородихин, 1968; Умрихина, 1970; Кузьмина, 1974; Губин, 1976; Пфеффер, 1978; Мекленбурцев, 1982; Ковшарь, Лопатин, 1983; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991). Во внутренних районах Тянь-Шаня наиболее высокая встреча – в Сусамырской долине: «Так, на перевале Ала-бель (3170 м, Киргизия) на шоссе нами в ноябре 2004 г. были подобраны два самца, сбитые машинами» (Митропольский, 2005).

Но самый большой интерес представляют летние встречи, которые лучше перечислить. Первая такая встреча состоялась в среднем течении р. Чилик (Северный Тянь-Шань), где в урочище Бартагой (около 900 м) 29 июля 1955 г. Э.Ф. Родионов добыл одиночного поющего самца с хорошо развитыми семенниками (Кузьмина, 1974). Здесь же одного самца встретил 1 августа 2007 г. О.В. Белялов. В ущелье Левый Талгар Заилийского Алатау (1270 м) самец зяблика пел 11 июня 2007 г. (Джаныспаев, 2008: КОБ-2007), а в лесополосе на Сорбулаке – 5 июня 2011 г. (Белялов, Карпов, 2013). Ряд летних встреч известен для Западного Тянь-Шаня. В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) среди арчового редколесья между Кши и Улькен Каинды (1900 м) самец зяблика пел на берёзе 12 июля 2002 г. и 27 июля 2005 г. «чуть ли не на том же дереве» (Чаликова, 2003, 2007), а 3 июня 2009 г. поющего самца видели в верховьях р. Даубаба (Чаликова, 2012). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, в среднем течении Ойгаинга (устье Текеш-сая, 2050 м) в спелом берёзовом тугае 1 июля 2007 г. встретили одиночную самку (Митропольский, Митропольский, 2008), а до этого одиночного зяблика видели в берёзовом лесу в устье Аютора 30 августа 2002 г. (В. Ковшарь, 2003), что также слишком рано для осеннего пролёта (см. ниже). Все перечисленные факты позволили предположить возможность гнездования: «Нам кажется, что зяблик, этот западно-палеарктический вид, в последнее столетие интенсивно расширяющий ареал в восточном и отчасти в южном направлении, демонстрирует начальный этап освоения горных лесов Тянь-Шаня. Зяблики появляются здесь в конце гнездового периода в северной части их ареала, это всё взрослые птицы, причём самцы ещё репродуктивно активные. Напомню, что собственно во время миграций они не поют, да и семенники у единственного добытого здесь самца развиты очень сильно. Видимо, это птицы, в данном сезоне не размножавшиеся. В целом механизм появления на гнездовании в Тянь-Шане обыкновенной горихвостки и намечающийся процесс вселения сюда зяблика в достаточной степени аналогичны. Не могу не отметить, что оба вида встречены в берёзовом лесу, физиономически похожем на березняки бореальных лесов – типичные места гнездования обоих видов. Важно, что высоты в 2000 м в климатическом отношении также аналогичны климату типичного гнездового ареала этих видов» (Митропольский, 2009). Доводы эти вскоре получили поддержку по результатам наблюдений в Северном Тянь-Шане. Здесь, в предгорьях Заилийского Алатау, в ущелье Восточные Ргайты в горах Атжайлау (110 км западнее Алма-Аты) 21 июня 2013 г. встретили пару зябликов – активно поющего самца и самку; оба держались на территории не более 50х50 м; при этом самка, вылетев из кроны карагача, отряхивалась, как бывает после насиживания. И хотя гнездо в густых кронах найти так и не удалось, всё поведение птиц указывало на его наличие (Белялов и др., 2013). Надо сказать, что предгорья хребта Жетыжол (и его части – Атжайлау) несут элементы, характерные скорее для Западного Тянь-Шаня, а пойма реки Восточные Ргайты как оазис среди пустынных скалистых ущелий (большая роща карагача, клён Семенова, тополя, ивы) уже подарила орнитологам целый ряд новых гнездящихся видов птиц: овсянка Стюарта, горная и певчая славки, райская и серая мухоловки.

Численность. Как уже отмечалось не раз (Иванов, 1969; Портенко, 1974), численность зяблика в регионе Средней Азии в XX ст. постепенно увеличивалась по мере расширения его ареала на восток. Так, в предгорьях Заилийского Алатау в первой четверти XX в. зяблик был очень редкой пролётной птицей, а его зимние встречи были единичными (Шнитников, 1949); в 50-60 гг. в Алма-Ате, он стал обычен на пролёте и в небольшом числе встречался зимой (Бородихин, 1968), а в последние десятилетия на пролёте и зимой бывает регулярно и в отдельные годы многочислен. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933-1935 гг. Л.М. Шульпин (1953) встретил зяблика только раз – 12 октября 1933 г.; через 30 лет (1959-1966) он был здесь уже обычен на пролёте, но зимой не встречен (Ковшарь, 1966); в 1971-1973 гг. на специальных учётах с постоянного наблюдательного пункта в ущелье Кши-Каинды (1800 м)

в пересчёте на полосу шириной 500 м за три весенних сезона юрки и зяблики составляли 94.8% из 165 тысяч пролетевших вьюрковых, а за три осенних сезона – соответственно 84.3% от 19.6 тысяч (Губин, 1976). В приведенных показателях долю зяблика вычленить невозможно, поскольку летит он чаще всего в стаях, совместных с юрком, но «на глаз» численность юрка в несколько раз выше, чем зяблика. С 80-х гг. зяблик стал здесь обычным и в зимнее время (Чаликова, 2008, 2012). На Чокпаке, наоборот, осенью зябликов пролетает во много раз больше, чем весной. Так, в 1966-1981 гг. осенью здесь окольцевали 10 861, а весной – только 104 зяблика (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 49 511 и 1 098 (А. Гаврилов и др., 2017). В Алма-Ате в марте насчитывали сотенные стаи зябликов (Бородихин, 1968), а в Карачингиле (устье Тургени) вечером 24 марта 2004 г. «десятки тысяч юрков и зябликов и десятки седоголовых щеглов и зеленушек летели широким фронтом на север; 27 марта вечером тысячами летели вьюрки и зяблики» (Бевза, 2005: КОБ-2004).

Зимой численность зябликов намного ниже. В Чуйской долине насчитывали до 100 зябликов на 3 км маршрута (Умрихина, 1970). На Сорбулаке за дневную экскурсию можно увидеть от 200 до 300 зябликов (Белялов, Карпов, 2013). На Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. в облепиховых зарослях насчитали 9 зябликов/22 км (Второв, 1963). В зимние сезоны 1973-1984 гг., на востоке котловины зимующие зяблики появлялись в большом числе сначала в еловых лесах северного склона Терской Алатау и лишь через 20-30 дней становились многочисленными в подгорной зоне. «Зимой 1982/1983 г. в районе Пржевальска держалась стая 50 птиц. Здесь же зимовали пустельга и *Lanius excubitor*, которые регулярно их ловили. К весне от этой стаи остался десяток птиц» (Верещагин, 1991). Там же, на Иссык-Куле, в 1999-2002 гг. насчитали: в декабре 22, в январе – 23, в феврале – 43 зяблика (Кулагин, 2003: КОБ-2002); с 21 по 31 января 2004 г. – 35, а 27-30 марта 2004 г. – 89 зябликов (Кулагин, 2005: КОБ-2004; Кулагин, Сагымбаев, 2005).

Сроки. Даты. В нашем районе зяблики регулярно встречаются с конца сентября по апрель. На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые появлялись 27 сентября (1975) – 9 октября (1971), в среднем 1 октября; весенний пролёт шёл в марте-апреле, последние встречены 2 апреля (1981) – 5 мая (1968), в среднем 20 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. осенью их отлавливали с 24 сентября (2006) по 2 ноября (2007), а весной – с 23 марта (1983) по 19 мая (2002); срединная дата осеннего пролёта – 15 октября, весеннего – 2 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) зябликов встречали 1-3 октября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). В ельниках ущелья Джиланды (Терской Алатау) 2 апреля 1961 г. пролетела смешанная стая юрков и зябликов не менее 1500 особей (Шукуров, 1986). В Алма-Ате, где в марте встречались сотенные стаи юрков и зябликов, последних видели 21 апреля (Бородихин, 1968). Над городом, в районе Б. Алматинского озера (2500 м) первых зябликов осенью мы отмечали 19 октября 1973 и 20 октября 1975 гг. В годы хорошего урожая семян ели (например, зима 1974/75 г.) они в большом числе зимовали у верхней границы леса. Весной в субвысокогорье их регистрировали 28-31 марта 1974, с 23 марта по 27 апреля 1975, 9-11 апреля 1976 гг.; у нижней границы леса, где численность мигрантов выше, чем вверху, их отмечали 9-21 марта 1975, 3-26 апреля 1976, с 31 марта по 17 апреля 1978 и с 20 марта по 24 апреля 1979 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Копы с 24 марта по 14 апреля 1987 г. на север пролетело 62 зяблика, последнюю самку видели 28 апреля (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке самая ранняя встреча зяблика – 27 сентября 2003 г., самая поздняя весной – 2 мая 2004 г. (Белялов, Карпов, 2013).

413. Юрок – *Fringilla montifringilla* Linnaeus, 1758

Brambling (англ.), Bergfink (нем.), pinson du Nord (фр.),

құнақ, таргыл-бас (каз.), токой кара таранчысы (кирг.), рахболак (тадж.), гиррик (туркм.)

Синонимы: *Fringilla lutensis* Linnaeus, 1758; *F. subcana* Frenzel, 1801; *F. anceps* Frenzel, 1801; *F. septentrionalis* Brehm, 1831**;** *F. major* Brehm, 1855**;** *F. borealis* **Brehm, 1855.** Монотипичный вид.

Характер пребывания. Зимующий и пролётный вид.

Биотоп. Зимой и на пролёте – любые древесно-кустарниковые насаждения, в т.ч. в городах и сёлах.

Распространение. Пролетает и зимует в основном в предгорьях и окраинных хребтах, однако встречен также и в глубинных районах – Иссык-Кульской котловине, в долинах Нарына и Кочкорки, в Арсланбобе (Ферганский хребет) и в Сарычелекском заповеднике, на стыке Чаткальского и Атойнакского хребтов (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Сатаева, 1937; Шевченко, 1948; Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Корелов, 1956, 1961, 2007; Петров, 1958; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Бородихин, 1968; Кузьмина, 1974; Губин, 1976, 2001; Мекленбурцев, 1982; Ковшарь, Лопатин, 1983; Лебяжинская, 1989; Верещагин, 1991; Коваленко и др., 2002; Шукуров, Кормилицын, 2005; Кулагин, Сагымбаев, 2005).

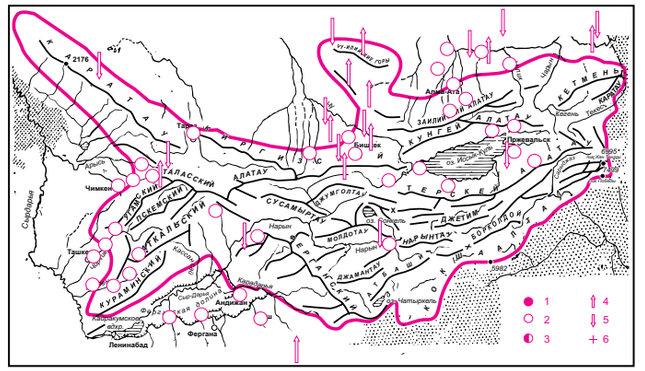

Рис. 500. Распространение юрка в Тянь-Шане:
2 – зимовка; 4, 5 – пролёт весной и осенью

Численность. На пролёте обычен, в иные годы бывает многочислен. Из-за пролёта в общих с зябликом стаях уточнение численности каждого вида в отдельности затруднено. Достоверные сведения добываются только во время отловов для кольцевания. Так, на Чокпаке в 1966-1981 гг. отловили и окольцевали весной 1 574, а осенью – 12 161 юрка (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 345 и 16 284 (А. Гаврилов и др., 2017). Визуальные сведения обычно относятся к смешанным стаям, в которых может преобладать то один вид, то другой. Имеется указание на «громадные стаи юрков» в окрестностях Алматы (Кузьмина, 1974), в то же время в Чуйской долине юрки в 60-х гг. зимовали в меньшем числе, чем зяблики (Умрихина, 1970). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) юрок обычен на пролёте и немногочислен зимой (Ковшарь, 1966). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня – многочислен на пролёте и обычен зимой (Митропольский, 2005). В Сарычелеке (Чаткальский хребет) с ноября по февраль юрки доминируют в ореховых лесах вместе с чёрным и чернозобым дроздами (Лебяжинская, 1989). В верхних ельниках ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау, выше 2000 м) с 3 по 20 октября 1957-1960 гг. на 6 маршрутах учтено 56 юрков (Кузнецов, 1962), а в конце сентября 1995 г. здесь насчитывали до 200 вьюрков в стае (Шукуров, Кормилицын, 2005). В нижних ельниках Заилийского Алатау (1600-1800 м) на маршрутах в 1974-1975 гг. учитывали: весной до 12.5, зимой – до 9.5 особей/км (Пфеффер, 1978). На Иссык-Куле (восточная часть) во время учётов в январе-феврале 1962 г. не встретили ни одного юрка (Второв, 1963); в 1973-1984 гг. их встречали стайками по 10-15 особей по всей подгорной полосе (Верещагин, 1991); в 1999-2002 гг. в декабре – 5, в январе – ни одного, в феврале – 7 (Кулагин, 2003); 27-30 марта 2004 г. на учёте водоплавающих насчитали 72 юрка, из них 70 – на южном берегу и 2 – на западном (Кулагин, Сагымбаев, 2005). О десятках тысяч юрков и зябликов, пролетавших на север 24 марта 2004 г. через урочище Карачингиль в устье Тургени (Бевза, 2012), упоминалось в предыдущем очерке.

Сроки. Даты. В нашем районе встречаются с конца сентября до конца апреля. На северо-востоке, у Джаркента, в 1899 г. юрок в большом числе попадался с 28 сентября, а самая поздняя встреча стайки из 5 особей – 11 ноября по новому стилю (Зарудный, Кореев, 1905) Западнее по правобережью Или, в Алтын-Эмеле, максимальное количество юрков отметили 12 октября 2017 г., а весной – 9 апреля 2016 г. (Беляев, 2018). В Карачингиле самое раннее появление юрков в 2005-2008 гг. отмечено 27 сентября – 2 октября, а самая поздняя встреча весной – 15-19 апреля (Бевза, 2012). У верхней границы леса в Заилийском Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500 м) самое раннее появление юрка отмечено 19 октября 1973 г. и 26 октября 1975 г.; весной мы встречали их до 21 апреля 1975 г. и 11 апреля 1976 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйскую долину прилетают немного позже зябликов (11 октября 1962 г. добыты самец и самка), а отлетают к середине апреля (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые вьюрки отмечены 21 сентября – 6 октября, в среднем – 26 сентября, последние весной 8-29, в среднем 19 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали: осенью с 24 сентября (2006) по 30 октября

(2010), а весной с 23 марта (1983) по 20 апреля (1989); срединные даты пролёта – 19 октября и 3 апреля (А. Гаврилов и др., 2017).

Для южных мест Внутреннего Тянь-Шаня приводятся необычно ранние даты осеннего появления: «Можно сказать, что осенью первые вьюрки появляются к нам нормально в начале октября, но иногда и значительно раньше (8/IX 1909 г. появились на Нарыне, а однажды на перев. Кашка-Тер был добыт даже 27/VIII), а затем могут быть встречены до середины ноября. После этого времени здесь в виде исключения задерживаются лишь немногие экземпляры, да и то не каждый год (1899, 1907, 1910, 1915). Обратный пролёт начинается иногда очень рано, ещё в конце февраля (25/II 1911 г. – Копал, 27/II – Алма-Ата), последних же вьюрков весной приходилось встречать иногда в середине апреля…, а в виде исключения и значительно позже (Джаркент, 1900 г., 1/V)» (Шнитников, 1949, с. 367). По-видимому, ситуация с зимовкой этого вида за прошедшие сто лет значительно изменилась.

414. Корольковый вьюрок – *Serinus pusillus* (Pallas, 1811)

red-fronted serin (англ.), Rotstirngirlitz (нем.), serin à tête rouge (фр.),
қызылтелпекті құнақ (каз.), кызыл баш мукур (кирг.), қизилбош вьюрок (узб.),
шохчумчуки сурхпешона (тадж.)

Синонимы: *Fringilla rufifrons* Hay, 1846; *Emberiza aurifrons* Blyth, 1847; *Linota pygmaea* Stoliczka, 1868; *Oraegithus indicus* Homeyer, 1880. Королевский вьюрок (Шнитников, 1949). Красношапочный вьюрок (Иванов, 1969; Корелов, 1974; Гаврилов, 1999).

Подвидов не образует (монотипичный вид).

Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая сезонные кочёвки в пределах ареала. Частично зимой выходит за пределы гор – в предгорья и на равнину, в том числе в Чу-Илийские горы и долину Или.

Биотоп. «В Тянь-Шане на гнездовье связан преимущественно с арчовым редколесьем и различными вариантами скальных ельников, разреженными ельниками и опушками. В Угаме, Пскеме и Таласском Алатау он предпочитает селиться в разреженных высокоствольных арчовниках скалистых склонов, хотя встречается и в куртинах стелющейся арчи и на скальных склонах со смешанной растительностью. Густых зарослей явно избегает… В Заилийском, Кунгей-, Терской-Алатау и Кетмене населяет разреженные ельники, их опушки, куртины елей с примесью арчи и иногда опушки верхних ельников, но в сплошных массивах елового леса не гнездится» (Корелов, 1974, с. 254). Высотные пределы на гнездовании 1700-3500 м, зимой встречен даже на 500 м (Карачингиль; Бевза, 2012).

Распространение. Наш район находится на западной границе северо-восточного выступа ареала этого средиземноморско-переднеазиатского вида (рис. 501). Здесь корольковый вьюрок населяет арчовый пояс большинства хребтов Западного Тянь-Шаня – Кураминского, Чаткальского Пскемского, Угамского, Каржантау и Таласского Алатау – и отсутствует в низкогорном Каратау (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Ковшарь, 1964, 1966, 2017; Воробьёв, Чичикин, 1966; Третьяков, 1979; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Головцов, 2007). Северо-восточнее найден на гнездовании в нескольких местах Киргизского Алатау – от ущелий Ала-Арча, Карабалты и Мерке в восточной части до ур. Куртыбай (напротив с. Подгорное) в западной части хребта (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Корелов, 1974; Шукуров, Кормилицын, 2005).

В Северном Тянь-Шане населяет лесистые восточные половины Заилийского и Кунгей Алатау; в Центральном – хребты Кетмень, Куулуктау и северную оконечность Терской Алатау в верховьях Текеса, а южнее – лесные участки высокогорий бассейна Сарыджаза и лесистые северные склоны восточной половины Терской-Алатау к западу до ущ. Богомоюз (Зарудный, Кореев, 1905; Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Корелов, 1948, 1956, 1974; Шнитников, 1949; Степанян, 1959, 1967; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Второв, 1967, 1972; Крылов, 1969). Во Внутреннем Тянь-Шане найден на гнездовании в верховьях Нарына, в лесах хребтов, окружающих озеро Сонкуль; в хребтах Молдотоо, Нарынтоо и Атбаши; указан гнездящимся для лесов в нижней части Арпинской

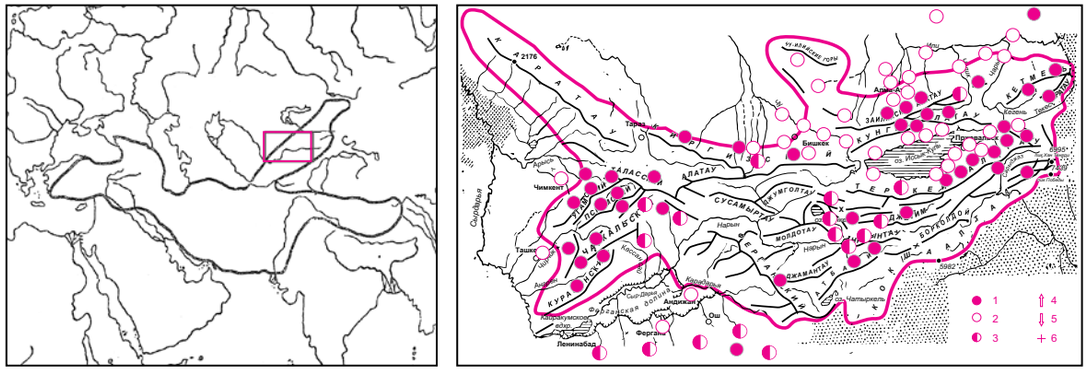

Рис. 501. Ареал корольковго вьюрка. По: Бёме, 1954, с. 223. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 502. Распространение корольковго вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

долины, проходящей между северным склоном Ферганского хребта и Джамантау (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972 а,б; Шукуров, 1986; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). Мне в этой части Тянь-Шаня корольковый вьюрок встретился всего несколько раз за пять поездок в июле 1999-2006 гг.: 16 июля 1999 г. в русле р. Джоанарык и в каньоне Каджырты, 22 июля того же года – дважды пары в восточной части Алайской долины, 26 июля – голос на р. Гульча (Ковшарь, Торопова, 2000); в 2005 г. 20 июля их было много в ельниках Кичи-Нарына (наблюдали спаривание), а 23 июля – один в верхней части безлесного ущелья Тосор, на спуске к Иссык-Кулю; в 2006 г. 25-26 июля корольковых вьюрков было много в арчовых лесах Чаначсая (южный склон Чаткальского хребта между Терексаем и Караваном), а 2 августа они кормили слётков и прилетали клевать соль в урочище Караункур, перед подъёмом на перевал Долон. У южной границы Тянь-Шаня корольковый вьюрок гнездится по южному горному обрамлению Ферганской долины: «В поясе арчи на северных склонах Алайского и Туркестансокго хребтов это одна из наиболее обычных птиц на всём пространстве от пер. Караказык на востоке до верховьев Санзара и Зааминсу на западе» (Иванов, 1969, с. 370). В июле 2004 г. на маршруте от города Ош до Исфары и обратно мы встретили корольковых вьюрков в двух местах: 18 июля – выводки в Абширсае (хребет Кичи-Алай) и 28 июля – группу из 6 птиц в арчевнике на каменистом южном склоне хребта Катыранг, недалеко от с. Орозбеков.

Численность. На гнездовании в большинстве мест обычен. Имеющиеся в старых литературных источниках указания на его многочисленность типа: «многочислен от верхней половины пояса лиственного леса почти до верхнего предела арчи» (Корелов, 1956, с. 283) не подкреплены никакими цифрами и чаще всего субъективны, а данных учётного характера очень мало. Примером может служить фраза в тексте статьи о птицах верхней части долины Пскема «Красношапочный вьюрок оказался на удивление редкой птицей на Пскеме» (В. Ковшарь, 2003), а приводимые далее автором сведения о встречах одиночек в трёх местах выше границы высокоствольной арчи и стаи из 40 молодых птиц свидетельствуют о не такой уж редкости птицы. В той же долине в июле 2015 г. этот вьюрок был довольно редок, а в июле 2016 г. встречено 138 особей (Тен и др., 2017). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в июне 1963 г. наиболее высокую численность гнездящихся корольковых вьюрков наблюдал я в скалистом варианте предсубальпийских арчевников по р. Балдабрек, уже на границе со стелющейся арчой (около 2000 м). Здесь численность их была в 6-7 раз выше, чем в других биотопах и встречались они в 2-3 раза чаще, чем в других местах. Всего в 1962-1965 гг. мне удалось пронаблюдать за пятью жилыми гнёздами, а 15 октября 1963 г. в стланниковой арче урочища Байдаксай я встретил стаю корольковых вьюрков из нескольких сотен особей (Ковшарь, 1966).

В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) из 900 маршрутов, проведенных в 1957-1960 гг. от верхней части лесного пояса (2000 м) до ледников и обратно в течение круглого года, корольковый вьюрок встречен в 117 общим числом 1852 особи (Кузнецов, 1962). Три десятилетия спустя численность в этом ущелье явно изменилась: «До 1990 года был многочисленным видом в природном парке. Местом гнездования являются арчово-еловые леса в ур. Ак-Сай, Адыгене, Карагай-Булак и др. В зимний период, особенно в многоснежные суровые зимы, скапливался в парке в пойме р. Ада-арча выше до ур. Мурат-Сай и использовал

на корм семена полыни эстрагон. В кормящихся стайках мы насчитывали от 5 до 50 особей. Начиная с зимы 1994/95 г. стал довольно редок…, а в 1992-1993 гг. красношапочного вьюрка в зимний период почти не наблюдали. В репродуктивный период они не встречались в гнездовых стациях Ак-Сая и Адыгене. Плотность – от 1.66 до 458.5 особей/км^2» (Шукуров, Кормилицын, 2005).

В Заилийском Алатау в нижней части лесного пояса (1600-1800 м), в 1974-1975 гг. в трёх типах ельника (травяной, с осиной, моховый) учитывали: весной – 6.0-3.8-8.3 особей/км; летом 0.5-0.5-0.0, осенью 0.3-0.0-0.2, зимой 5.4-2.0-2.3 особей/км маршрута, что позволило заключить: «Крайне редкие встречи летом позволяют утверждать, что в нижней части пояса хвойного леса этот вид не гнездится» (Пфеффер, 1978, с. 139). В том же ущелье и в те же годы (1971-1976) у верхней границы леса (2400-2700 м) проведены наблюдения у 40 жилых гнёзд этого вида (Ковшарь, 1979). В долине Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали до 30 корольковых вьюрков/км^2 в верхних ельниках с субальпийскими ивняками; ниже в ельниках он вообще не встречался (Второв, 1972). В арчовом стланике Терскей Алатау в 1962-1965 гг. учитывали: в мае-июне 8-10, в августе-сентябре 60, в октябре 70, с ноября по февраль – до 10 особей/км^2 (Второв, 1967). На берегу Иссык-Куля в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи насчитали 12 корольковых вьюрков на 22 км маршрута, или 7 особей/км^2 (Второв, 1963). В зимние сезоны 1973-1084 гг. в восточной части Иссык-Кульской котловины корольковые вьюрки встречались стаями по 20-40 особей довольно широко в населённых пунктах – обычно на берёзах (Верещагин, 1991).

Сроки. Даты. Сезонные кочёвки корольковых вьюрков длятся полгода – с сентября по март. В Таласском Алатау количество их на местах гнездования в арчовых редколесьях заметно уменьшается уже в сентябре, но ещё в середине октября (10-13 октября 1960, 15-16 октября 1963 и 17-22 октября 1964 гг.) мы встречали их на границе субальпийского и лугостепного поясов стайками по 5-20 птиц, а иногда – даже сотенными стаями. В это время, как полагал Л.М. Шульпин (1953), идёт интенсивная откочёвка вьюрков горами к югу, и с начала ноября они практически перестают встречаться здесь – на зиму остаётся лишь незначительная часть популяции. Возвращаются откочевавшие во второй половине марта (явный подъём численности отмечен 31 марта 1960, 27 марта 1961 и 29 марта 1964 гг.), а к середине апреля их уже много на местах гнездования (Ковшарь, 1966). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500 м) откочевавшие в сентябре-октябре вниз корольковые вьюрки возвращаются на места гнездования во второй половине марта (Ковшарь, 1979), а в Киргизском Алатау (Ала-Арча, 2000 м) – уже в феврале (Кузнецов, 1962). Дополнением к этим данным могут служить даты встреч корольковых вьюрков на местах кочёвок вдали от мест гнездования. Так, в городе Алматы первых осенью отмечали 4 октября 1960, 11 октября 1961 и 17 октября 1962 гг.; последних весной – 20 марта 1961 и 8 марта 1962 гг. (Бородихин, 1968). На Иссык-Куле они появляются уже в начале сентября, а в октябре встречаются по всей подгорной зоне стаями до 200 особей (Верещагин, 1991). В Чуйской долине добыт 30 октября 1962 г. (Умрихина, 1970), в долине Копы одного королькового вьюрка во время снегопада встретили ещё 1 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке небольшие стайки их встречали в зарослях полыни в октябре-ноябре 2003, 2006 и 2007 гг.; в зимние месяцы не отмечен (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле самая ранняя встреча осенью – 18 октября 2006 г., самая поздняя весной – 11 марта 2004 и 16 марта 2011 гг.; зимой стайки их по 6-50 особей видели кормящимися на берёзах и в зарослях полыни (Бевза, 2012).

Биология. В условиях Тянь-Шаня изучена неплохо. Наиболее подробные материалы по гнездованию собраны в Заилийском и Таласском хребтах (Ковшарь, 1964, 1966, 1979; Корелов, 1974; Ковшарь, Жигайлов, 1990), несколько гнёзд найдено в ельниках хребта Атбаши (Кыдыралиев, 1972) и на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (Третьяков, 1979). По наблюдениям за 40 жилыми гнёздами в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау, 2500 м) в 1971-1976 гг. с применением индивидуального мечения взрослых птиц и птенцов, получены сведения: о гнездовом консерватизме (на место кольцевания вернулись через год 18 самцов, 3 самки и 2 прошлогодних птенца) и местах расположения гнёзд: все 40 помещались на елях (рис. 509а), так же, как гнёзда этого вьюрка, найденные в Киргизском Алатау, Кунгей Алатау, Кетмене, Атбаши (Корелов, 1956; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1972; Кыдыралиев, 1972). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) я находил гнёзда королькового вьюрка на арче –высокоствольной (8) и стелющейся (2 гнезда), все они помещались на тонких боковых веточках вдали от ствола (Ковшарь, 1964, 1966). Также на ветках арчи находили гнёзда в Бадахшане (Carruthers, 1910),

где, кроме того, одно гнездо было устроено на кусте шиповника (Мекленбурцев, 1936). Таким образом, корольковый вьюрок – типичная древесно-кустарниковая птица и гнездование его «в трещинах скал, на выступах камней, в скалистых нишах и во впадинах отвесных обрывов» (Птицы Киргизии, 1960, с. 82) кажется в высшей степени сомнительным, как и указание на гнездование под крыльцом дома (Шнитников, 1949, с. 350). Относительно последнего, написанного явно со слов лесника («парочка вьюрков в течение нескольких лет гнездилась под крыльцом дома лесного кордона»), можно заметить, что корольковые вьюрки, которые больше других вьюрковых птиц любят соль, постоянно прилетают к лесным избушкам, где поедают солёную землю у порогов и под глиняными крышами домов и сараев, что я не раз наблюдал в Таласском Алатау, где хозяева были уверены, что птицы там гнездятся.

По материалам наблюдений в Заилийском и Таласском Алатау описаны также сами гнёзда (аккуратная глубокая чашечка, плотно сплетенная из полос луба жимолости и обильно выстланная внутри пухом и перьями, занимающими почти половину лотка) и процесс их постройки самкой (попытки участия самца – редчайшее исключение); процесс насиживания кладки и выкармливания птенцов, состав птенцового корма (семена сложноцветных, в основном – одуванчика, козлобородника и скорцонеры); в меньшей степени изучена жизнь выводков после вылета их из гнезда (Ковшарь, 1979). В Заилийском Алатау в трёх гнёздах от снесения первого яйца до вылета птенцов прошёл 31 день, а весь гнездовой период длился 36-38 дней; в Киргизском Алатау птенцы из одного гнезда вылетели через 28 дней после откладки первого яйца, однако в этом гнезде их вылет был спровоцирован человеком (Кузнецов, 1962). В Заилийском Алатау (2500-2600 м) самая ранняя кладка начата 17 мая 1975 г., самая поздняя – 26 июля 1980 г. и даже 3 августа 1978 г., т.е. сроки растянуты на 80 дней, а по Тянь-Шаню в целом – до 100 дней, что позволяет парам, наиболее рано отложившим яйца, вывести птенцов дважды за лето, однако документального подтверждения второго репродуктивного цикла пока получить не удалось (Ковшарь, 1979; Ковшарь, Жигайлов, 1990). Успешность гнездования очень низкая: в Заилийском Алатау в разные годы птенцы благополучно покидали 38.8-42.8% гнёзд, в остальных кладки и птенцы погибали от хищников. В двух гнёздах (18 июля 1965 и 15 июля 1972 гг.) полуоперённые птенцы погибли от переохлаждения (в первом случае – сильный дождь с градом, во втором температура воздуха понизилась до 2.8°), желудки их были наполнены (Ковшарь, 1979).

Однако в биологии этой интересной птицы остаётся много неясного, что ещё предстоит изучать. При этом будут полезны любые накопившиеся в литературе сведения (Корелов, 1956 а,б, 1974; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Степанян, 1967; Кыдыралиев, 1972; Третьяков, 1979).

415. Зеленушка – *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758)

greenfinch (англ.), Grünling (нем.), verdier d'Europe (фр.),
жасылтуылжық (каз.), жашыл чымчык (кирг.), кўк чумчук (узб.), гунчишки сабзчилло (тадж.)

Синонимы: *Ch. septentrionalis* Brehm, 1831; *Ch. pinetorum* Brehm, 1831; *Ch. hortensis* Brehm, 1831; *Ch. curvirostris* Brehm, 1855; *Ch. linnei* Malm, 1877; *Ch. ch. rossica* Zarudny, 1907.

Подвид. Из 5 подвидов в Тянь-Шане встречается *Chloris chloris turkestanicus* Zarudny, 1907.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица, проводящая зиму в долинах и на равнине.

Биотоп. Древесно-кустарниковая птица. В Западном Тянь-Шане гнездится как в садах предгорий, так и в лесном поясе гор – в лиственных, в т.ч. орехово-плодовых, и в арчовых редколесьях, до высоты 2000 м.

Распространение. Гнездящийся в Тянь-Шане туркестанский подвид зеленушки (*Ch. ch. turkestanicus*) имеет изолированный участок ареала в Средней Азии (рис. 503): «Границы здесь таковы. От района Кзыл-Орды на Сырдарье, района Самарканда, западной оконечности Гиссарского хребта и Кугитанга к востоку у северного подножья Киргизского хребта до 75-й параллели, западного подножия Ферганского хребта, восточной оконечности Алайского хребта… К северу до хребта Каратау и северного подножия Киргизского хребта. К югу до Кугитанга, южного склона Гиссарского хребта, района Куляба. Пустынные и высокогорные пространства в пределах очерченной территории видом не населены» (Степанян, 2003, с. 663). В начале 70-х гг. XX ст. восточным пределом для туркестанской зеленушки в нашем районе служил город Фрунзе (Бишкек) в Чуйской долине: «Зеленушка обычная гнездящаяся птица окрестностей Ташкента, Келеса. Населяет долину

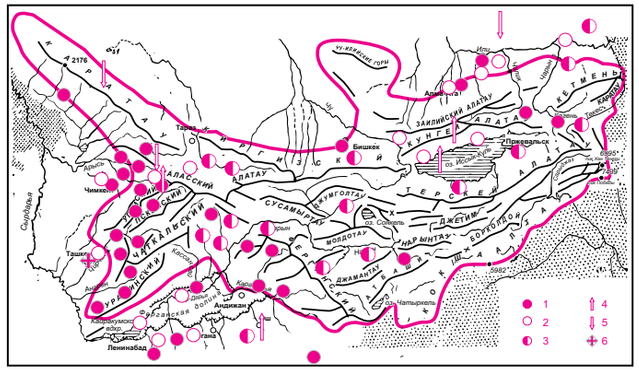

Рис. 503. Ареал туркестанской зеленушки (8). По: Бёме, 1954, с.181. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 504. Распространение зеленушки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью, 6 – былое место гнездования

Чирчика, оттуда по Угаму и Пскему поднимается в зону лиственного леса и в заросли древовидного можжевельника. Гнездится в Чимгане. В Таласском Алатау найдена в Аксу-Джабаглинском заповеднике, но распространена здесь узкой полосой, окаймляющей подножие гор, и лишь кое-где заходит в горы. Наиболее восточная находка – сады во Фрунзе, где зеленушка достаточно обычна. Обычная птица по садам долины Арыси – в сёлах Ванновка, Корниловка, Балыкчи. Гнездится в Чимкенте и в посёлках Каратау, в частности, в садах у г. Туркестана» (Кузьмина, 1974, с. 217). Затем последовало расселение зеленушки на восток вдоль северных предгорий Тянь-Шаня (Корелов, 1964): уже в 1973-1977 гг. она появилась на гнездовании в Алматы, где за 10 лет стала обычной (Ковшарь, Пфеффер, 1988); на правом берегу Чарына (пос. Чунджа) её впервые встретили 7 апреля 1989 г., а 26-27 апреля она была здесь обычна и встречалась территориальными парами; в Джаркенте 14 мая 1997 г. встречен поющий самец (Березовиков, 1999). В 1996 г. Н.Н. Березовиков встретил её в пос. Б. Джаланаш у северных подножий Кунгей Алатау, а в 1997 г. – в с. Кегень (200 км восточнее Алма-Аты), в 1999 г. – в с. Басчи (на правом берегу р. Или), в 1999 г. – в г. Каракол (бывший Пржевальск) на восточном берегу оз. Иссык-Куль (Ковшарь, Березовиков, 2001). В результате современное распространение зеленушки в Тянь-Шане (рис. 504) выглядит далеко не так, как это описано в цитированных выше сводках (Кузьмина, 1974; Степанян, 2003). В Иссык-Кульской котловине она обитает в г. Пржевальск (Каракол) на восточном берегу озера, где впервые несколько поющих самцов отметили 28-30 июля 1999 г. (Березовиков и др., 2004), и 26 июня 2016 г. встречена в селе Торткуль на южном берегу озера (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Далее во внутренних районах Тянь-Шаня одну зеленушку видели мы 1 августа 1999 г. в с. Чаек в бассейне Джумгола-Кокомерена (Ковшарь, Торопова, 2000); в 2003 г. – в с. Кызыл-тоо (4 птицы 19 июля), в с. Каракульджа на р. Тар в южных предгорьях Ферганского хребта (3 особи 23 июля) и в долине Атбаши близ с. Акмоюн 31 июля; а в 2004 г. – только раз, 17 июля пару в с. Кокжар близ с. Ески-Ноокат (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На северном склоне Ферганского хребта стайку из 20 зеленушек встретили мы 28 июля 2006 г. на спуске с перевала Сарыкыр (Кугарт); ниже, в с. Дюрбельджин на левом берегу Нарына, несколько поющих самцов встречены 26 июня 2016 г. (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017), а в с. Торкент на левом берегу Токтогульского вдхр. поющего самца встретили 21 июня 2017 г. (Архипов, Коблик и др., 2018). В ореховых лесах южных склонов Ферганского и Чаткальского хребтов (включая Сарычелек) зеленушки гнездились всегда (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991), а на границе с Памиро-Алаем двух зеленушек добыли в урочище Нура близ Иркештама – на стыке Алайского и Заалайского хребтов (Птицы Киргизии, 1960).

Численность. В Западном Тянь-Шане обычна на гнездовании, а местами, на южном макросклоне, даже многочисленна (Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958). В Кураминском хребте, где 24-29 апреля 2003 г. шло массовое строительство гнёзд, за эти 5 дней встретили около 200 зеленушек (В. Ковшарь, 2004). В прошлом – одна из самых обычных гнездящихся и зимующих птиц города Ташкент (Зарудный, 1913; Сатаева, 1937), однако в 70-х гг. исчезла из города (Мекленбурцев, 1982) и стала редкой даже в окрестностях: только раз, 1 января 1985 г. на людной улице Чиланзара встречена стайка из 20 зеленушек, поедающая плоды виргинского можжевельника (Кашкаров, Аюпов, 1987). Здесь уместно

привести цитату из Н.А. Зарудного, которой он заканчивает свой прекрасный очерк об этой птице: «Как на несомненный факт следует обратить внимание на то, что, начиная с 1907-го и включительно по 1913 год, общая численность как местовых, так и пролётных зеленушек в Ташкенте, его окрестностях, и вообще в долине Чирчика прогрессивно увеличивалась» (Зарудный, 1913, с. 256). Эти слова подтверждают *периодичность* изменений численности у данного вида.

Иной характер изменений численности зеленушки в северных предгорьях Таласского Алатау. В 1933 г. она была «спорадична и вообще малочисленна в районах, прилегающих к горам» (Шульпин, 1953); в 1960-1966 гг. нередка, но распространена спорадично: даже в с. Новониколаевка она гнездилась в 1964 г., но отсутствовала в 1960-1963 гг., а в горах – только в арчевниках южнее каньона р. Аксу и отсутствовала в Кши-Каинды и вообще в долине Джабаглы; за 6 зим встречена только раз – 4 и 5 зеленушек 12 февраля 1965 г. в Новониколаевке (Ковшарь, 1966). В 1971-1973 гг. зеленушка регулярно встречалась зимой как в Новониколаевке, так и в арчевниках Кши-Каинды, куда они регулярно прилетали на ночёвку стайками до 20 особей; в 1973 г. здесь же, в Кши-Каинды, найдено жилое гнездо, а с 13 июля по 3 ноября (1971-1973) на солонце отловили 71 зеленушку (Губин, 1976, 2012). По результатам учётов, проведенных в Кши-Каинды 25 мая – 25 июля 1981 г., зеленушка оказалась на 4-м месте среди *доминантов авифауны* арчовых редколесий (Солоха, 1989). Зимой 1985/86 г. в арчовниках Кши-Каинды встречали до 17.5 особи/час (Чаликова, 1990). Этот рост численности совпал по времени с экспансией вида на восток (Ковшарь, Чаликова, 1992). В Сарычелеке (Чаткальский хребет), по данным учётов 1982-1983 гг., плотность зеленушек на гнездовании составила: в ореховых лесах 6-7, в яблонево-алычёвых лесах – 15-76 особей/км² (Лебяжинская, 1991).

На новых местах численность росла довольно быстро. Так, в городе Алматы, по данным учётов 1984-1985 гг., зеленушка занимала 11-е место среди 31 вида летней авифауны окраин (застройка усадебного типа) с показателями 2.6-6.2 особей/час (встречаясь в 13.7-28.6% экскурсий) и 7-е место среди 32 видов авифауны в центральной части города (многоэтажная застройка) с показателями 1.0-6.0 особей/час (встречаемость 8.5-29.7%); показательно, что её ни разу не встретили зимой ни в одном из городских биотопов (Ковшарь, 1988). В 1985-2000 гг. зеленушка была фоновой птицей даже самых шумных и многолюдных улиц города, но в 2003-2004 гг. наметилось явное снижение её численности в верхней части города; одна из причин – разорение её гнёзд размножившейся сорокой (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). В Бишкеке, где зеленушка оставалась редкой до 70-х гг. (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1984): «В последние 20 лет численность в городе стала постепенно расти, зеленушки освоили практически все районы частного сектора, рощи, Ботанический сад, новые парки и стали фоновым гнездящимся видом» (Торопова, Командиров, 1995).

На пролёте зеленушка достаточно обычна. На Чокпаке в 1966-1981 гг. учитывали за сезон до 149 зеленушек весной и до 1 032 – осенью; за все эти годы окольцевали 111 весной и 1 240 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. окольцевали 55 весной и 2724 осенью (А. Гаврилов и др., 2017). Численность зимующих в горах – на порядок ниже (в Чуйской долине и на Иссык-Куле зимой встречались единицы), но для устья Тургени (Карачингиль), где основным зимним кормом являются плоды джигды (лоха), зеленушка указана как многочисленная (Бевза, 2012), а выше по р. Или, в районе Дубунской переправы, в декабре 2008 г. за 3 дня насчитали не менее 2 000 зеленушек в стаях по 200-300 (Ерохов, Иваненко, 2009: КОБ-2008).

Сроки. Даты. Весенняя миграция с конца февраля по май. На Чокпаке в 1966-1981 гг. пролёт зеленушек начинался 21 февраля – 9 марта, в среднем 2 марта; за март пролетало около 70% мигрантов, последние летели 11 – 25 мая (1968, 1976), в среднем – 17 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); весной 1982-2016 гг. зеленушек здесь отлавливали с 29 марта (1987) по 19 мая (2002), срединная дата весеннего пролёта – 3 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В других местах Тянь-Шаня пролёт зеленушек не выражен. В городе Алма-Ата зеленушка проводит большую часть года – с 14-16 февраля (1979, 1982) до 26 ноября – 5 декабря (1981), а одиночек отмечали даже 5 января 1982 г. и 27 января 1984 г., когда самец пел при –22°С (Ковшарь, Пфеффер, 1988). В Чуйской долине появляется в первых числах марта, во Фрунзе (Бишкек) первых встречали 2 марта 1961 и 9 марта 1959 гг., а в 1962 г. одну добыли даже 9 февраля (Умрихина, 1970).

Осенью в Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2007 гг. первые пролётные стайки замечены 24 октября, 2 и 14 ноября (Бевза, 2012). На озере Кызылколь (Каратау) двух явно пролётных зеленушек

видели в пойме р. Ушбас 3 октября 2001 г. (Коваленко и др., 2002). Через Чокпак осенью пролетает на порядок больше зеленушек, чем весной. В 1966-1981 г. первых отмечали 1 августа (1969) – 1 сентября (1970), в среднем 22 августа; основной пролёт идёт в сентябре, а транзитный – в октябре; завершается пролёт 21 октября – 6 ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 29 сентября (1986) по 2 ноября (2007) здесь отловили 2724 зеленушки, срединная дата пролёта – 19 октября (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Гнёзда и яйца туркестанского подвида зеленушки детально описаны Н.А. Зарудным (1913, с. 246-256) по материалам из Западного Тянь-Шаня и окрестностей Ташкента (сведения о 19 гнёздах, даны их промеры, а также размеры 93 яиц, места и даты обнаружения гнёзд). По датам нахождения кладок и встрече покинувших гнёзда птенцов 4 мая он пришёл к выводу о наличии у зеленушки двух кладок в сезон. Сведения о том, что «для гнездовых молодых таскают всевозможных насекомых и их личинок» (Зарудный, 1913, с. 255) впоследствии подверг сомнению М.Н. Корелов: «По нашим наблюдениям, зеленушки выкармливают птенцов главным образом отрыгивая массу, состоящую из очищенных от оболочек семян растений. Наблюдать это мне приходилось и в природе, и в неволе – у меня жил в клетке птенец, вынутый из гнезда, которого выкармливала мать, регулярно прилетая в сад, где на ветке дерева висела клетка с птенцом» (Корелов, 1956, с. 282). В городе Фрунзе (Бишкек) 31 мая 1937 г. в гнезде были два начавших оперяться птенца, а в ореховых лесах Арсланбоба (Ферганский хребет) К. Бейшебаев в 1958 г. осмотрел 5 гнёзд зеленушки: 17 мая – с 4 птенцами-слётками, 9 июня – с 4 свежими яйцами, 11 июня – с 4 слётками, 13 июня – ещё без яиц (первое снесено 14 июня), 18 июня – с 5 яйцами (Птицы Киргизии, 1960, с. 74). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) мне удалось осмотреть 6 гнёзд зеленушки. Одно из них, на пирамидальном тополе в с. Новониколаевка, в 5 м от земли, 11 апреля 1964 г. было готово наполовину и до 22 апреля его продолжала строить одна птица из пары, а вторая всё время находилась рядом. Второе гнездо пара зеленушек строила на иве в 100 м от первого. В 1965 г. в арчовом лесу по р. Балдабрек (1900 м) четыре найденных гнезда помещались на деревьях арчи у главного ствола в 3-4 м от земли. Материал всех гнёзд был одинаков: в наружном слое – ветки жимолости, основная часть стенки – размочаленный луб арчи, а лоток обильно выстлан перьями (чаще всего – дерябы). В одном гнезде 19 мая были 3 оперённых птенца, три остальных 19-29 мая были пусты, со следами пребывания и вылета птенцов; 24 мая там же пойман слабо летающий слёток с крылом 72 мм (Ковшарь, 1966). Самый ранний выводок зеленушек я встретил у каньона Аксу 14 июня 1961 г., а Л.М. Шульпин (1953) видел их на Чимбулаке (2000 м) 4-9 августа 1933 г. Во внегнездовое время часть зеленушек поднимается выше мест гнездования: в Аксу-Джабаглы я встречал их на скалистой вершине горы в Улькен Каинды (3260 м), а в Заилийском Алатау 25 мая 2007 г. зеленушку видели на высоте 3300 м (В. Ковшарь, 2015).

В Алматы первое гнездо зеленушки найдено 14 апреля 1977 г. в центре города, на пирамидальном тополе в 7 м от земли, в этот день самка насиживала кладку, а 29 апреля обогревала трёх полуоперённых птенцов, которые покинули гнездо 6 мая. В 1982-1983 гг. найдено 5 гнёзд, в 1984-1986 гг. – ещё 4; даты их нахождения и содержимое приведены в публикации (Ковшарь, Пфеффер, 1988, с. 141-144). В Бишкеке гнездо с 5 насиженными яйцами нашли 16 апреля 1983 г.; 25 апреля и 11 мая 1993 г. наблюдали постройку гнёзд; 19 мая 1991 г. – кормление птенцов; 5 июля 1993 г. пойман нелетающий птенец (Торопова, Командиров, 1995). Этим исчерпываются отрывочные сведения по размножению этого вида в Тянь-Шане, что говорит о необходимости проведения *специальных* исследований биологии туркестанской зеленушки.

416. Чиж – *Spinus spinus* (Linnaeus, 1758)

Siskin (англ.), Erlenzeisig (нем.), tarin des aulnes (фр.),
шыпшык (каз.), жашыл башайы (кирг.), зарчумак (тадж.), яшил тилтил (туркм.)

Синонимы: *Fringilla fasciata* P.L.S. Müller, 1776; *Spinus viridis* Koch, 1816; *S. alnorum* Brehm, 1831; *S. medius* Brehm, 1831; *S. betularum* Brehm, 1831; *S. obscurus* Brehm, 1855; *Chrysomitris dybowskii* Taczanowski, 1876; *Ch. s. buturlini* Loudon, 1912. Чижик (Шнитников, 1949). Подвидов не образует.

Характер пребывания. Зимующий и пролётный вид.

Биотоп. Древесная растительность, зимой предпочитает берёзу, семенами которой кормится.

Распространение. Обнаружен во время пролёта и на зимовке лишь в некоторых местах нашего района (рис. 505), причём зимует, видимо, не ежегодно. Встречи чижа известны наперечёт. В Северном Тянь-Шане и его предгорьях он не редкость в районе Алматы, где зимует почти регулярно и столь же регулярно через город идёт их пролёт; в зимы 1952/53 и 1953/54 г. наблюдалась массовая зимовка чижей в предгорьях и нижней части лесного пояса Заилийского Алатау (Бородихин, 1968). У верхней границы леса встречен только раз: 23 ноября 1972 г. один чиж кормился в стае чечёток семенами ели тянь-шанской (Ковшарь, Лопатин, 1983). Изредка встречается зимой в тугаях низовьев Чилика, ещё реже – в устье Тургени, в урочище Карачингиль (Губин, 2001; Бевза, 2012). В Киргизском Алатау пролетает через ущелье Ала-Арча и бывает здесь в иные зимы (Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005). Нерегулярно зимует в Восточном Прииссыккулье (Второв, 1963; Верещагин, 1991). Добыт 31 октября 1910 г. и 13 апреля 1929 г. в городе Нарын (Птицы Киргизии, 1960), а 18 декабря 1894 г. Томас Барей добыл чижа в Гульче (Иванов, 1969). Столь же скудны сведения и по Западному Тянь-Шаню, где одиночные встречи известны для окрестностей Ташкента, западных частей Чаткальского и Таласского хребтов (Зарудный, 1910; Сатаева, 1937; Петров, 1958; Мекленбурцев, 1982; Ковшарь, 1966; Головцов, 2007). Только в Чокпакских воротах наблюдается регулярный пролёт чижей, более интенсивный в осенний сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985).

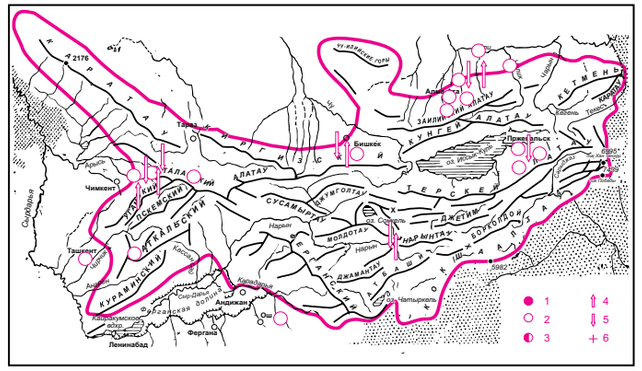

Рис. 505. Распространение чижа в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Численность. Невысокая, лишь в отдельные годы чижей бывает много. Выражение «массовая зимовка чижей в предгорьях Заилийского Алатау» (Бородихин, 1968) в значительной степени субъективно, хотя есть указание, что «3 апреля 1949 г. сотенные стаи чижей наблюдались в парках на берёзах и соснах» (Кузьмина, 1974, с. 231). Обычно встречаются стайками по 10-15 особей, нередко вместе с чечётками, на берёзах, семена которых – их основной корм в зимнее время; отмечена также кормёжка такой стайки семенами ели тянь-шанской, а 1 февраля 1976 г. на Иссык-Куле 6 чижей вместе с чечётками и щеглами поедали семена крапивы (Верещагин, 1991). В ельниках ущелья Чон-Кызыл-Су (Терской Алатау) в январе-феврале 1962 г. учтено 6 чижей на маршруте 10 км (Второв, 1963). В еловых лесах Ала-Арчи (Киргизский хребет) в 1957-1960 гг. чиж встречен на 10 маршрутах общим числом 63 особи (Кузнецов, 1962), а в 1995 г., при высоком урожае берёзы в этом ущелье, чиж встречался повсеместно стайками по 15-50 птиц, плотность его определена в 4.16-15.83 особей на км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Западном Тянь-Шане из-за редкости встреч чижа одно время даже считали залётной птицей (Петров, 1958; Ковшарь, 1966), однако в начале XXI ст. в заповеднике Аксу-Джабаглы он стал встречаться регулярно: с 2001 по 2011 г. – 19 встреч (Чаликова, 2012).

На Чокпаке (единственное место, где пролёт чижа хорошо выражен) весной он редок, осенью достаточно обычен: в 1966-1981 гг. отмечали до 118 за сезон и окольцевали 138 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцевали 6, осенью 963 чижа (А. Гаврилов и др., 2017). Интересно, что сто лет назад чиж в Семиречье был большой редкостью: «Чижик принадлежит к числу наших наиболее редких зимних гостей, я сказал бы даже гостей случайных… Лично я чижей в Семиречье не встречал ни разу. Таким образом, известна только зима 1905/06 г., когда они посетили наш край в довольно большом количестве» (Шнитников, 1949, с. 344). Ссылка на зиму 1905/06 г. основана на заметке Н.А. Зарудного (1910), в которой сообщается о самце, добытом 17 ноября 1905 г. около Алматы, и приведены слова Б.П. Кореева о том, что чижи всю зиму, по февраль 1906 г., встречались около этого города.

Сроки. Даты. В Тянь-Шане встречается с конца сентября до начала мая. В Алматы самое раннее появление – 30 сентября 1961 г. (Бородихин, 1968), в Киргизском хребте и на Иссык-Куле – середина октября (Кузнецов, 1962; Верещагин, 1991). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых чижей отмечали

13 сентября (1968) – 12 октября (1967, 1979), в среднем 6 октября; около 90.8% пролетало до конца октября; весной одиночек встречали: 12 апреля 1975, 21-23 апреля 1968 и 27 апреля 1972 гг., а группу из 5 чижей – даже 1 мая 1968 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В осенние сезоны 1982-2016 гг. чижей здесь отлавливали с 11 сентября (2015) по 2 ноября (2007), срединная дата осеннего пролёта – 20 октября; весной их ловили с 14 апреля (2004) по 13 мая 1982 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

417. Щегол – *Carduelis carduelis* (Linnaeus, 1758)

Goldfinch (англ.), Stieglitz (нем.), chardonneret (фр.),

кәдімгі пайыз (каз.), кадимки сары канат (кирг.), қорабош саъва (узб.), саъба (тадж.)

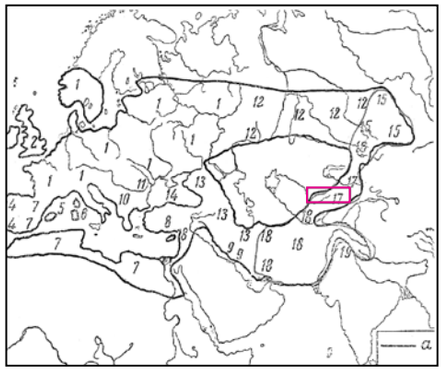
Синонимы: *Fringilla cardinalis* Frenzel, 1801; *C. communis* Dumont,1823; *C. elegans* Stephens, 1825; *C. aurata* Eyton, 1830; *C. germanica* Brehm, 1831; *C. septentrionalis* Brehm, 1831; *C. communis* Bletr,1845; *C. accedens* Brehm, 1855; *C. aurentiipennis* Brehm, 1855; *C. meridionalis* Brehm, 1855; *C. vulgaris* Doderlein, 1869; *C. linnei* Malm, 1877; *C. major* Taczanowski, 1879; *Fringilla albigularis* Madarász, 1884; *F. sylvestris* Prazák, 1894; *F. alpestris* Prazák, 1894; *F. hortensis* Prazák, 1894; *Carduelis carduelis volgensis* Buturlin, 1906. Черноголовый щегол (Шнитников, 1949; Степанян, 2003). Обыкновенный щегол (Бородихин, 1974).

Подвид. Из 10 подвидов в Тянь-Шане встречается *C. c. major* Taczanowski, 1879.

Характер пребывания. Пролётная птица, часть особей остаётся зимовать.

Биотоп. Древесно-кустарниковая птица, но сплошного леса избегает, предпочитая поляны, опушки и редины. Населяет культурный ландшафт – сады и парки. В горы поднимается в пределах лесного пояса.

Распространение. Длительное время черноголовых и седоголовых щеглов объединяли в один вид и поэтому на рис. 506 дан общий ареал этого надвида – как он приведен в 5-м томе сводки «Птицы Советского Союза» (Бёме, 1954, с. 191). Как видно на этом рисунке, наш район целиком вписывается в центр ареала седоголового щегла и находится далеко от ареала черноголового, или обыкновенного щегла. Пролёт щегла и его зимовка наблюдаются здесь в нескольких местах Северного и Западного Тянь-Шаня (рис. 507), от Джаркента на северо-востоке до южных предгорий Западного Тянь-Шаня (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948, 1956 а,б; Шевченко, 1948; Шнитников, 1949; Винокуров, 1960 а,б; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968, 1974; Гаврилов, Гисцов, 1985; Губин, 2001; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; Ерохов, Иваненко, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2012). Для внутренних районов Тянь-Шаня известны зимние встречи на Иссык-Куле, в основном в восточной части котловины (Птицы Киргизии, 1960; Второв, 1963; Верещагин, 1991; Кулагин, 2005: КОБ-2004; Кулагин, Сагымбаев, 2005). Имеется даже указание на летнюю встречу в северной части Центрального Тянь-Шаня: «9 июля 1956 г. в долине Малого Какпака, в урочище Саргыл,

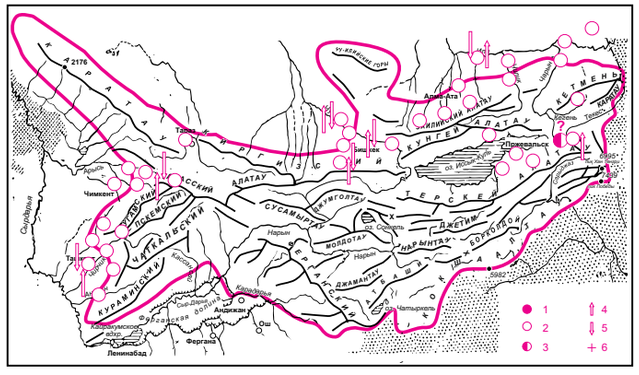

Рис. 506. Ареалы щегла (1-14) и седоголового щегла (15-18). По: Бёме, 1954, с. 191. Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 507. Распространение щегла в Тянь-Шане: 2 – зимовка, 3 – летняя встреча; 4, 5 – пролёт весной и осенью

неожиданно появились стайки из 15-30 взрослых щеглов, а 20-21 августа 1956 г. их небольшие стайки вновь были обнаружены в верхнем течении Текеса близ Чеборталы. Здесь же двух щеглов повторно встретили 13 сентября. С чем связано столь раннее летнее появление щеглов в Терской Алатау, до сих пор остается не объяснённым фактом» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004, с. 95). Поскольку птицы не были добыты, то самым простым объяснением могло бы быть сомнение в точности видового определения (или просто случайное отнесение к этому виду данных из записной книжки А.А. Винокурова о встрече седоголовых щеглов, что вполне возможно при обработке чужих материалов). К сожалению, уточнить этот момент уже невозможно. Ещё менее соответствовало действительности указание на гнездование этого вида в Алма-Ате (Деревягин, 1955), опровергнутое в своё время И.Ф. Бородихиным (1968, 1974).

Численность. О редкости этого щегла в районе Джаркента писали ещё Н.А. Зарудный и Б.П. Кореев (1905) и Е.Л. Шестоперов (1929). Немногочисленным был он в средней части долины Или и в зимнее время 2004-2008 гг. (Ерохов, Иваненко, 2009: КОБ-2008; Бевза, 2012). Обычен зимой в Кетмене, в верхней части Текесской долины, в тугаях низовьев Чилика, в Алматы и её окрестностях (Корелов, 1948, 1956; Винокуров, 1960; Бородихин, 1968, 1974; Губин, 2001). В восточной части Иссык-Кульской котловины в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи учитывали до 21 особи на 22 км маршрута [в пересчёте – 12 особей/км^2] (Второв, 1963), а в зимы 1973-1984 гг. стаи щеглов по 60-80 птиц (возможно, смешанные с седоголовыми) встречались в подгорной зоне в зарослях татарника и осота на полуостровах Карабулун и Койсара (Верещагин, 1991). В 2004 г. на учёте водоплавающих 27-30 марта по всему побережью озера насчитали 31 щегла: 25 на восточном и 6 – на северном берегу (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. во время проведения зимних маршрутов от средней части лесного пояса до субальпийского луга встречен на 79 маршрутах общим числом 1091 особь, но и здесь стаи могли быть смешанными с седоголовыми щеглами (Кузнецов, 1962). В этом же ущелье в 80-90-х гг. особенно много их было с ноября по декабрь, с декабря по март – меньше. Плотность на зимовке определена в 1.66-56.39 особей/км^2. С 1993-1995 гг. численность зимующих щеглов стала снижаться из-за уменьшения кормовой базы вследствие выкашивания высокотравья и интенсивного выпаса скота (Шукуров, Кормилицын, 2005).

В Западном Тянь-Шане на южном макросклоне, «черноголовый щегол – немногочисленная зимующая птица предгорного и низкогорного поясов» (Митропольский, 2005), однако на северном макросклоне, в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), в 1959-1966 г. он был многочислен и зимой преобладал над оседло живущим седоголовым щеглом (Ковшарь, 1966). На пролёте в Чокпакских воротах в 1966-1981 гг. в весенние сезоны учитывали до 83 особей/сезон, осенью – меньше, а всего окольцевали 69 щеглов (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцевали 27, осенью – 4 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Биология. В нашем районе этот вид обитает с октября по апрель. Самые ранние встречи щегла в Алматы – 27 сентября 1960, 12 сентября 1961 и 19 сентября 1962 гг., самые поздние – в начале мая (Бородихин, 1968). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые появлялись 18 октября (1968) – 25 октября (1970), в среднем 22 октября; последних весной встречали 27 марта (1970) – 21 апреля (1969), в среднем 8 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же осенью их кольцевали с 15 по 28 октября (1992, 1999), а весной с 31 марта (1983) по 14 мая (2003), срединная дата весеннего пролёта – 9 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), самых первых черноголовых щеглов я встречал 2 ноября 1961 г. и 19 ноября 1962 г.; В.Д. Крестьянинов – 26 ноября 1948 г., а В.В. Шевченко – только 4 декабря 1947 г. Сначала они встречались группами по 3-5 особей, затем – стаями до 30 (вместе с седоголовыми щеглами), которые всю зиму кочевали в предгорьях и низкогорье. В культурном поясе оба эти вида составляли фон птичьего населения как в предгорной степи, так и в населённых пунктах. В арчовых редколесьях лугостепного пояса днём они отсутствовали, но регулярно в 17-18 час прилетали туда на ночь. Перед отлётом, в марте – апреле, щеглы собирались в стаи по 100-200 и более особей; особенно хорошо заметны эти стаи по вечерам, когда они собирались на ночлег – ежедневно в одно и то же место в арчовниках. Кормились эти стаи чаще всего на чертополохе и репейнике, но однажды, 2 декабря 1947 г. В.Д. Крестьянинов встретил большую стаю на поле сафлора, где они выбирали семена из соплодий; в желудках пяти добытых здесь щеглов оказались семена сафлора (Ковшарь, 1966).

418. Седоголовый щегол – *Carduelis caniceps* Vigors, 1831

grey Goldfinch (англ.), Grauköpfiger Distelfink (нем.), chardonneret à la tête grise (фр.),
бозбас пайыз (каз.), сары канат (кирг.), бўзбош саъва (узб.), саъбаи сафедсар (тадж.)

Синонимы: *Fringilla subulata* Gloger, 1833; *Passer carduelis jenisensis* Gloger,1834; *Fringilla orientalis* Eversmann, 1841; *C. caniceps subcaniceps* Zarudny, 1916; *C. caniceps poliakovi* Sishkin, 1925; *C. carduelis ultima* Koelz, 1949.

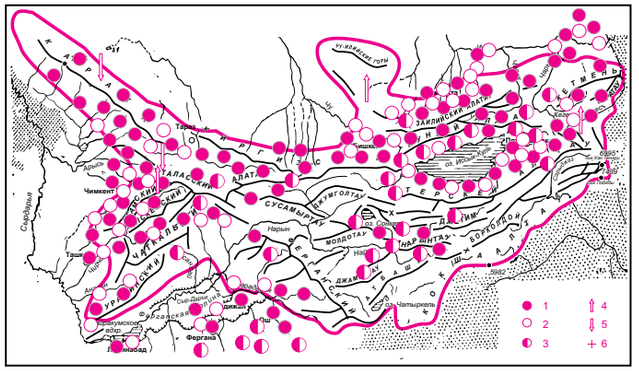
Подвид. Из трёх подвидов в Тянь-Шане встречается два: туркестанский *C. c. paropanisi* Kollibay, 1910 гнездится, а сибирский *C. c. subulata* Gloger, 1833 прилетает на зиму.

Характер пребывания. Гнездится и зимует в Тянь-Шане. Один подвид (*C. c. paropanisi*) оседлый, а второй (*C. c. subulata*) – зимующий и пролётный весной и осенью.

Биотоп. Лиственные и смешанные леса, сады, парки, даже отдельные группы деревьев, в том числе в сёлах и городах; лесополосы и другие насаждения. По наблюдениям в Таласском Алатау: «В основном это птица горного тугая и яблоневых перелесков в области гор, садов и тополевых рощ у посёлков – в области высокой предгорной степи; вследствие оазисного или расчленённого распределения этих угодий столь же пятнистым является и распределение щегла. В горах распространение щегла спорадично в силу редкости подходящих для гнездования мест. Щегол расселяется довольно широко по островкам берёзового тугая у родников, яблоневым рощицам в ущельях, пышным участкам арчевников и поднимается до верхних пределов древесно-кустарникового пояса. На кормёжке кочующие щеглы обычны по сухим каменистым склонам, лугостепным скатам и зарослям сорняков возле поселений человека… Подобно коноплянке, щегол является непоседливой птицей. Так, он не раз (8-9 июля 1933 г.) наблюдался на перевале Улькун-Каинды, а 6 сентября этого же года отмечен даже над ледниками» (Шульпин, 1953, с. 67). По моим наблюдениям в Заилийском Алатау, в поясе елового леса он наиболее обычен у нижней его границы (где ещё много лиственных пород), нередко встречается у верхней (где много кустарников и луговых участков) и наименее характерен для средней части пояса, где лес наиболее густой и сомкнутый. Такая же картина описана для восточной части Терской Алатау, а в западной, безлесной, он вообще отсутствует (Степанян, 1959). Верхняя граница в большинстве хребтов Тянь-Шаня проходит на высоте 2600-2700 м. Характерная черта летнего распространения седоголового щегла в Тянь-Шане та, что он постоянно прилетает на кормёжку в альпийский пояс, далеко за верхнюю границу своего распределения на гнездовании.

Распространение. Населяет весь наш район – от южных предгорий Борохоро близ Джаркента до западных предгорий Западного Тянь-Шаня и южного горного обрамления Ферганской долины (рис. 508). Внутренние районы не населены седоголовым щеглом в высокогорье выше 3000 м: он не гнездится в бассейне Сарыджаза, хотя в небольшом числе встречен в ельниках хребта Куйлютоо (Шукуров, 1986); нет его на Покровских и Арабельских сыртах, в высокогорных Аксайской и Арпинской долинах и в котловине Чатыркуля. Что касается отсутствия на рис. 508 обозначений по долинам Джумгола, Кокомерена, средней части долины Нарына – то это скорее всего пропуски в наблюдениях; в большинстве из этих мест седоголовый щегол вполне может гнездиться и, скорее всего, будет впоследствии обнаружен – так же, как и по всей Ферганской долине, включая южные предгорья Кураминского и Чаткальского хребтов. Также почти везде седоголового щегла можно встретить зимой, когда (на смену гнездящимся *C. c. paropanisi*?) прилетают сибирские *C. c. subulata.* Замену на зиму одного подвида другим предполагал ещё Л.М. Шульпин (1953, с. 68), затем это утверждали И.Ф. Бородихин (1968) и Э.Д. Шукуров (1986, с. 100). Вот аргументация одного из авторов: «Отлёт туркестанских щеглов к югу начинается, вероятно, в конце сентября – начале октября. Точнее проследить не представляется возможным, так как в Алма-Ате и окрестностях в это время уже встречается и зимующий здесь сибирский седоголовый щегол, которого *даже в коллекциях трудно отличить от туркестанского* [курсив мой – *АК*]. Весной в городе бывают оба подвида, поскольку туркестанский обычно возвращается с зимовок в конце февраля – начале марта, а отдельные стаи сибирских щеглов задерживаются до середины апреля» (Бородихин, 1968, с. 25). По-видимому, этот вопрос нуждается в исследовании, поскольку не исключено, что зимой встречаются оба эти подвида. Пролёт выражен только на Чокпаке, но и там он не носит массового характера (см. ниже).

Численность. В подходящих местообитаниях седоголовый щегол на гнездовании многочислен, хотя конкретных данных количественных учётов мало. В Сарычелеке, по данным учётов 1982-1983 гг., плотность щегла на гнездовании в ореховом лесу 4-5, в арчовом редколесье 9-11, в яблонево-алычёвом лесу 106-116 особей/км² (Лебяжинская, 1991). Здесь же, по данным учётов 1986-1987 гг.,

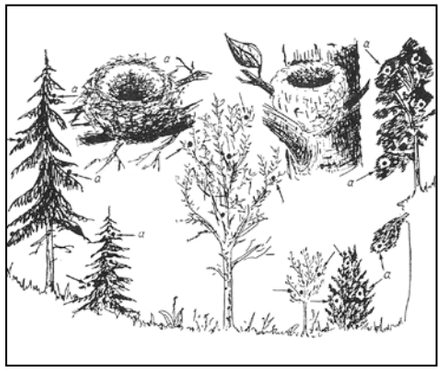

Рис. 508. Распространение седоголового щегла в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт весной и осенью
Рис. 509. Расположение гнёзд корольковго вьюрка (а) и седоголового щегла (все случаи).
Крупным планом – гнездо *Serinus pusillus* (слева) и *Carduelis caniceps* (справа). Рис. Р.Г. Пфеффера

седоголовый щегол включён в число фоновых видов (6.6%) прангосовой степи [хотя здесь он явно только кормится, а гнездится в лесах, где труднее обнаруживается – *АК*]. Вместе с горной овсянкой, лесным коньком и черноголовым чеканом (10%) седоголовый щегол входит в число доминантов летней авифауны субальпийского луга (Лебяжинская, 1992), хотя и здесь он является всего лишь посетителем. Осенью (вместе с зелёной пеночкой, корольком, рыжешейной синицей и чернозобым дроздом) седоголовый щегол входит в число доминантов авифауны елового-пихтового леса и арчового редколесья (Лебяжинская, 2001, с. 373). В долине Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе – сентябре 1968 г. насчитывали в среднем 20 седоголовых щеглов/км² в верхних ельниках с субальпийскими ивняками и 30 особей/км² – в ельниках средней части долины с участием высокотравных лугов и кустарников (Второв, 1972). В арчовом стланике Терской Алатау в учётах 1962-1985 гг. насчитывали: в мае – в среднем 10, в июне – 5, в августе-сентябре – 20, в октябре – 15, с ноября по март – ни одного, в апреле – 1 особь/км² (Второв, 1967).

В Заилийском Алатау (1600-1800 м) в 1974-1975 гг. в трёх разновидностях ельников (травяной, с осиной, моховый) на маршрутах насчитывали: *весной* 8.4-7.8-14.0 особей/км; *летом* 1.5-0.8-0.5; *осенью* 5.0-0.8-1.7; *зимой* 23.9-11.4-7.3 особей/км маршрута; при этом выяснилось: «В сентябре на всех маршрутах наблюдалось снижение численности, а затем – и полное исчезновение седоголового щегла, который вновь появился в октябре. Возможно, это – откочёвка местной популяции и появление северных» (Пфеффер, 1978, с. 140). О малочисленности седоголового щегла у верхней границы леса косвенно свидетельствует тот факт, что в том же ущелье Заилийского Алатау (окрестности Б. Алматинского озера, 2500-2700 м) за длительный период стационарных исследований размножения птиц (1964-1967 и 1971-1976) удалось найти только 19 гнёзд этого вида (Ковшарь, 1979). В городе Алматы, по учётам 1984-1985 гг., этот щегол с показателями 0.7-2.3 особи/час занимал по численности 11-16 место в летней авифауне как в многоэтажном центре города, так и на участках усадебной, одноэтажной застройки (Ковшарь, 1988), хотя в 50-60-х гг. численность его была явно выше: пара от пары седоголовых щеглов поселялась через 2-3 городских квартала (Бородихин, 1968).

Многочислен в Западном Тянь-Шане (Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Митропольский, 2005; Губин, 2012). Показателями численности могут служить отдельные примеры. Так, в заповеднике Аксу-Джабаглы в 1960-1966 гг. наблюдали за 20, а в 1971-1973 гг. – за 25 жилыми гнёздами этого вида (Ковшарь, 1966; Губин, 2012); в верхней части долины Пскема в июле-августе 2002 г. встретили 90, а в Кураминском хребте всего за 5 дней (24-29 апреля 2003 г.) – 32 седоголовых щегла, чаще всего – парами (В. Ковшарь, 2003, 2004).

Осенью и зимой численность щеглов в учётах повышается как за счёт прилёта сибирского подвида (*C. c. subulata*), а также смешивания в одних стаях с обычным щеглом (*Carduelis carduelis*), так, видимо, и за счёт лучшей обнаруживаемости более крупных стай щеглов. На юго-восточном побережье Иссык-Куля в январе-феврале 1962 г. на маршруте 22 км по облепиховым зарослям насчитали 46 щеглов,

или 25 особей/км^2 (Второв, 1963). Там же в зимние сезоны 1973-1984 гг. щеглы обычно держались стаями по 30-40 особей по всей подгорной зоне, а осенью 1972 г. на поле подсолнечника и картофеля у с. Челпек встретили огромную стаю около 2 000 особей (Верещагин, 1991). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) плотность зимних объединённых стай щеглов определена в 0.11-90.21 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В другом ущелье того же хребта – Мерке – в конце ноября 1985 г. щеглы были одной из самых многочисленных птиц в горах (Карпов, Белялов, 2007). В долине Текеса в марте-апреле 1955-1957 гг. седоголовый щегол был многочислен на весеннем пролёте (Винокуров, 1960). На Чокпаке в 1966-1981 гг. весной учитывали до 193, осенью – 194 щеглов/сезон, отловили соответственно 42 и 622 (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. было окольцовано 87 и 227 седоголовых щеглов (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Весной пролетает в марте-апреле. На Чокпаке в 1966-1981 гг. основной пролёт проходил с 11 по 25 марта (отловлено 81%), пик миграции приходился на 4-ю пятидневку марта, окончание 10-23, в среднем – 13 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. седоголовых щеглов отлавливали с 19 марта (1987) по 17 мая (1990), срединная дата весеннего пролёта – 1 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1955-1957 гг. седоголовый щегол был многочислен на пролёте с 28-30 марта до начала мая, в остальное время года встречался в небольшом числе (Винокуров, 1960). Пролёт в Терской Алатау в 1961 г. описан в деталях: «На весеннем и осеннем пролётах – самая многочисленная птица в [лесном] поясе. С начала марта по конец апреля бывает несколько волн пролёта. Первая небольшая партия прошла в 1961 г. в ущ. Джыланды до середины марта. С 19 по 21 марта в лесу не было ни одного щегла (одно из доказательств того, что местные на зимовку не остаются). Вторая волна приурочена к периоду с 23 марта по 11 апреля. В конце марта, видимо. прибывает местная популяция. Начиная с 30 марта, можно наблюдать поющих самцов, распределившихся в лесу. Третья, наиболее интенсивная волна пролёта проходит с 11 апреля до первых чисел мая, достигая своего пика в начале третьей декады апреля. С первых чисел мая численность щеглов стабилизируется на уровне гнездового населения» (Шукуров, 1986, с. 100).

Относительно начала осеннего пролёта данные разных авторов противоречивы. В Карачингиле (устье Тургени), по наблюдениям 2004-2009 гг. осенью седоголовые щеглы в стайках до 30 особей появляются с 24-26 октября по 9-26 ноября (Бевза,2012). Однако в Алматы (см. выше) в 50-60-х гг. туркестанские щеглы отлетали уже в конце сентября – начале октября и в это время уже появлялись сибирские *C. c. subulata* (Бородихин, 1968). У верхней границы леса над городом (2500-2700 м) кочёвки седоголовых щеглов в 70-х гг. начинались в октябре-ноябре, с установлением снежного покрова (Ковшарь, 1979). В Терской Алатау (Джыланды) «осенью местная популяция покидает лес уже с середины октября. Только в конце ноября – начале декабря появляются зимующие птицы» (Шукуров, 1986, с. 100). Однако намного южнее, на Чокпаке, пролёт седоголовых щеглов начинается уже в августе: в 1966-1981 г. 17 августа – 8 сентября, в среднем 28 августа. Основной пролёт здесь в указанные годы шёл во второй половине октября: с 16 октября по 8 ноября отловили 95.2% всех седоголовых щеглов за сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. седоголовых щеглов отлавливали с 4 сентября (1991) по 30 октября (2010), срединная дата осеннего пролёта – 24 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау, по наблюдениям 1959-1966 гг., местные седоголовые щеглы, кочевавшие весь сентябрь по всем высотным поясам гор, «к октябрю оказываются сосредоточенными в культурном поясе, где они в основном и проводят зиму, кочуя по полям и населённым пунктам вместе с обыкновенными щеглами, часто в одной стае. На ночь оба вида щеглов прилетают в арчевники, но значительная часть особей обоих видов остаётся ночевать в сёлах…» (Ковшарь, 1966, с. 145). Кормятся они в этот период в основном семенами сложноцветных: *Cousinia umbrosa, C. sewertzowi, Dipsacus azureus, Centaurea squarrosa* и др. (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966). В Заилийском Алатау у верхней границы леса зимой щеглы обычно только ночуют, проводя весь день в предгорьях. Однако в годы большого урожая семян ели тянь-шанской мы встречали их в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) и днём, нередко большими стаями, кормящимися на елях вместе с клестами, чечётками, гималайскими вьюрками и другими. Так, зимой 1974/75 г. численность здесь седоголовых щеглов была столь велика, что превышала в несколько раз численность остальных птиц, вместе взятых – видимо, благодаря мягкой зиме и хорошему урожаю еловых семян к верхней границе леса поднялись щеглы со всех окрестных предгорий.

Биология. Специальная работа, посвящённая размножению этого вида, опубликована по материалам, собранным в отрогах Туркестанского хребта близ Самарканда (Батырова, Батыров, 1966).

В Тянь-Шане наиболее объёмные материалы (описание 45 гнёзд) собраны в Таласском Алатау (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Губин, 2012) и в Заилийском Алатау – наблюдения у 23 гнёзд (Бородихин, 1974; Ковшарь, 1979). Интересные данные опубликованы по городу Алматы и его окрестностям (Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Бородихин, 1968), по ельникам Терской и Кунгей Алатау (Шукуров, 1986); упоминания о гнёздах и выводках имеются и в других публикациях (Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1972; Торопова, Командиров, 1995; Торопова, 1999; Ковшарь, Торопова, 2000; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Чаликова, Колбинцев, 2005).

Все известные в Тянь-Шане гнёзда седоголового щегла помещались на деревьях (вплоть до маленьких саженцев), реже – в кустах (рис. 509): в Таласском Алатау 30 гнёзд – на арче и 15 – на лиственных породах; у верхней границы леса в Заилийском Алатау все 19 гнёзд помещались на елях (Ковшарь, 1966, 1979; Губин, 2012). Документального подтверждения наличия двух репродуктивных циклов у этого вида в Тянь-Шане нет, хотя по растянутости сроков гнездования с апреля по начало августа (более 100 дней) это вполне вероятно, а в среднегорье Таласского и Терской Алатау некоторые пары могут выводить птенцов даже трижды (Ковшарь, 1966; Шукуров, 1968, 1986; Бородихин, 1974). Эти предположения ещё предстоит проверять. Вообще несмотря на значительный объём наблюдений за гнездованием седоголового щегла в Таласском и Заилийском Алатау, осталось ещё немало невыясненных вопросов: подробности насиживания кладки и выкармливания птенцов, жизни выводков после вылета и т.д. Любопытные наблюдения о распределении функций между родителями во время кормления гнездовых птенцов получены в предгорьях Гиссарского хребта: «Прилетев вместе, старые птицы садились на краю гнезда; одна из них поднимала кверху широко раскрытый клюв, а вторая доставала из него корм и раскладывала его (это было льняное семя) по очереди в разинутые рты птенцов. Корм распределяла, по-видимому, самка» (Попов, 1959, с. 65). Немало интересных деталей подобного рода можно ожидать в процессе изучения биологии и поведения этого массового, но далеко ещё не изученного представителя авифауны Тянь-Шаня.

419. Коноплянка – *Acanthis cannabina* (Linnaeus, 1758)

Linnet (англ.), Bluthänfling (нем.), Linotte des vignes (фр.),
шоңайнақ (каз.), кадимки кондирчил (кирг.), каноп чумчуғи (узб.), заргилдок (тадж.)

Синонимы: *Fringilla vitis* P.L.S. Muller, 1776; *F. linota* Gmelin, 1788; *F. argentoratensis* Gmelin, 1788; *Passer papaverina* Pallas, 1811; *Cannabina pinetorum* Brehm, 1831; *C. arbustorum* Brehm, 1831; *Linota bella* C.L. Brehm, 1845; *L. fringillirostris* Bonaparte et Schlegel, 1850; *C. major* Brehm, 1855; *P. minor* Brehm, 1855; *C. linnei* Malm, 1877; *Acanthis cannabina merzbacheri* Schalov, 1907; *A. c. persica* Kudashev, 1916. Реполов.

Подвид. Из 7 подвидов в Тянь-Шане один – *A. c. fringillirostris* Bonaparte et Schlegel, 1850.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. На юге ареала, в т. ч. и в пределах нашего района, частично остаётся на зиму, «но нормальным явлением для всего Семиречья зимование коноплянок назвать нельзя» (Шнитников, 1949, с. 346). Такого же мнения придерживался А.И. Янушевич: «По-видимому, прав В.Н. Шнитников (1949), не называя их оседлыми птицами Семиречья. По крайней мере, зимой мы их наблюдали… лишь однажды в окрестностях с. Кочкорки в январе 1955 г. видели стайку. На Иссык-Куле наиболее поздние встречи относятся к 3 и 6 октября (1954 и 1958 гг.); держались птицы в это время большими стаями. В коллекции Н.А. Северцова… есть экземпляр из окрестностей г. Ош от 18 октября 1878 г.» (Птицы Киргизии, 1960, с. 78). Регулярный пролёт этого вида проходит на Чокпаке.

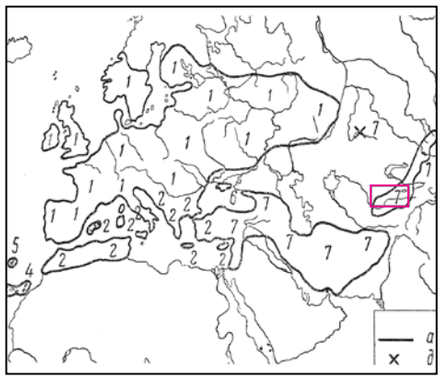
Биотоп. Эта кустарниковая птица избегает как сплошного леса, так и совсем безлесной местности. Для Таласского Алатау биотоп её определён так: «В условиях Тянь-Шаня коноплянка является преимущественно горностепной птицей… основной стацией коноплянки являются мелкие кустарники по лугостепным склонам с выходами горных пород. В этих условиях она гнездится и чаще всего наблюдается в летнее время, но её можно встретить кормящейся и на щебнистых участках в горной типчаковой степи, среди стелющихся арчевников, по альпийским лужайкам, земляным и каменистым обнажениям у берегов рек и на скалах

по склонам и гребням гор. Коноплянка чаще бывает в верхних поясах, главным образом, в субальпийском, и реже в предгорьях, однако и здесь она гнездится в каньоне Аксу (1450 м)» (Шульпин, 1953, с. 69). Во внутренних районах Тянь-Шаня её биотоп очень разнообразен: от типчаково-чиевой каменистой степи перевала Кызарт до облепиховых зарослей по берегам Иссык-Куля. Высотные пределы распространения на гнездовании в Тянь-Шане 1200-3000 м. Как и щегол, коноплянка в гнездовое время регулярно посещает альпийские лужайки и снежные поля в высокогорье.

Распространение. В Тянь-Шане, который занимает значительную часть изолированной территории ареала подвида *A. c. fringillirostris* (рис. 510), коноплянка распространена на гнездовании широко (рис. 511).

В данном случае все летние встречи на рис. 511 также являются фактически местами гнездования, а обозначены так просто потому, что птицы встречены в гнездовое время, а доказательств гнездования нет. В хребтах с хорошо выраженным лесным поясом коноплянка избегает леса и распространение её становится спорадичным. Пример – восточная часть хребта Терской Алатау: «Птицы положительно избегает леса. На подгорной равнине распространена везде равномерно, кроме крайнего запада[24], где больше приурочена к культурному ландшафту. В полосе предгорий наиболее многочисленна, но отсутствует здесь на крайнем западе хребта. В средневысотных горах коноплянка связана со степным и сухостепным горным ландшафтом, это и определяет её распространение на высоте лесного и субальпийского поясов. В восточной части хребта, там, где лес представлен нормальными, не изреженными ельниками, птица не поднимается выше нижней границы этого пояса. В средней части Терской Алатау вертикальная граница проходит на наибольшей высоте. Здесь лес почти исчезает и заменяется зарослями арчевников и лиственных кустарников. В этих районах коноплянки держатся до высоты 2500-2700 м» (Степанян, 1959, с. 81). Сходная картина наблюдается на северном склоне Заилийского Алатау, где в центральной части хребта, с её наиболее развитыми ельниками, коноплянка в лесном поясе и выше его встречается исключительно редко: в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) у верхней границы леса за период стационарных работ коллектива орнитологов в 1964-1967 и 1971-1979 гг. отмечен только один случай гнездования – в 1974 г. Далее к западу в этом хребте она гнездится, начиная с Каскеленского ущелья, а к востоку – начиная с Тургеньского (Корелов, 1948; Кузьмина, 1974, В. Ковшарь, 2015).

Зимой, помимо южных районов (Ферганская долина, Чиназ, Ташкент), встречена по одному разу в каньоне р. Аксу (Таласский Алатау), в долине Кочкорки, на южном берегу Иссык-Куля, близ Мерке в северных предгорьях Киргизского хребта; под Алма-Атой зимой 1898/99 г. коноплянок наблюдал Б.П. Кореев, а зимой 1918/19 г. – В. Бейк (кроме того, есть экземпляры, добытые здесь 24/XII.1902, 31/I и 2/II.1910, 11/II.1911); в иные зимы появляются в тугаях низовьев Чилика, на Сорбулаке и в Карачингиле (Зарудный, Кореев, 1905; Сатаева, 1937; Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Птицы Киргизии, 1960; Бородихин, 1968; Губин, 2001; Карпов, Белялов, 2007; Бевза, 2012; Белялов. Карпов, 2013). Пролёт отмечен во многих местах (см. рис. 511), но наиболее регулярно и массово он проходит в Чокпакских воротах.

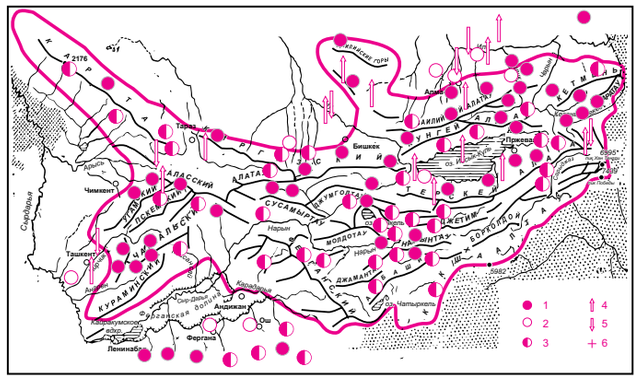

Рис. 510. Ареал коноплянки. По: Бёме, 1954, с. 204. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 511. Распространение коноплянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

[24] Здесь, как известно, представлены настоящие пустынные ландшафты – *АК*

Численность. На гнездовании обычна. Для Чаткальского заповедника указана как многочисленная в поясе высокогорной степи (Железняков, Колесников, 1958). Там же в 2000 г. на 5-часовых маршрутах в Келимчеке отмечали 4-21, а в районе Кызылчи 4-12 особей/маршрут (Митропольский, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933-1935 и 1959-1966 гг. коноплянка была обычной, но затем она заметно уменьшилась (Ковшарь, Чаликова, 1992), а с 1988 по 1995 г. она вообще отсутствовала в заповеднике (Чаликова, 2006). На западной оконечности Киргизского Алатау (Узунбулак) была многочисленной в июле 1957 и в апреле 1958 г. (Корелов, 2012), в центральной части хребта (Ала-Арча) в те же годы держалась в основном ниже 2000 м, а в высокогорье только залетала: 5 июля 1959 г. – на 2100 м (Кузнецов, 1962 б). Для нижней части этого ущелья плотность на гнездовании в 80-90-х гг. определена в 3.33-8.11 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Для западной половины Терской Алатау численность коноплянки в 1953-1954 г. указана как высокая «особенно в подгорной равнине и горных котловинах» (Степанян, 1959). «В горах Жабыртау между пос. Текес и оз. Тузколь [Центральный Тянь-Шань – *АК*] 15 июля 2002 г. в чиевниках среди глинистых холмов встречено 4 пары коноплянок, а 5 августа 2004 г. – 19 особей/25 км… На побережье оз. Тузколь 16 июля 2002 г. учтено 4 пары и 3 одиночки на 25 км маршрута» (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). На субальпийских лугах северного склона центральной части хребта Кетмень 30 и 31 июля 2002 г. мы насчитали 14, а 1 августа вдоль трассы «Текес –Чарын» – 20 коноплянок (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2003).

Для внутренних и южных районов Тянь-Шаня имеются только данные учётов с автомобиля на наших маршрутах последних лет. В июле 1999 г. за три недели поездки мы отметили 20 коноплянок в 12 местах: по р. Джоанарык, на перевале Долон, на северных склонах Ферганского и Алайского хребтов, Алайской долине (поющие самцы 22 июля в Кельтебулаке и 24 июля в Алтындаре), на р. Гульча, на перевале Кызарт из Кокомерена в Кочкорку (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2000 г. коноплянка была обычной у крепости Таш-Рабат (хребет Атбаши, 3170 м), где 18 июля мы встретили выводок и несколько одиночек; отмечена также в устье р. Атбаши, у выхода из ущелья р. Тургень-Аксу, и в предгорьях у села Сарыкамыш (восточное Прииссыккулье). В 2003 г. самой обычной коноплянка была на перевале Сарыкыр (Ферганский хребет, 3400 м), где 26 июля встретили 14 особей: отмечена также в верховьях Сусамыра и Атбаши, дважды голос её слышали мы в долине Терека, выше 3000 м (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Мигрирует коноплянка в большом числе. На Чокпаке в 1966-1981 г. весной учитывали до 244, осенью – до 745 коноплянок/сезон, окольцевали 455 весной и 3 308 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. весной окольцевали 175, осенью – 4 238 коноплянок (А. Гаврилов и др., 2017). В долине Копы в 1988 г. с 24 марта по 14 апреля насчитали 799 коноплянок, летевших на север стаями по 10-30, изредка – по 60 особей (Ковшарь, Березовиков, 2000). Зимует не ежегодно и в небольшом числе. Так, в Иссык-Кульской котловине на учётах в январе-феврале 1962 г. не встретили ни одной коноплянки (Второв, 1963); не фигурирует она и в специальной статье о зимующих птицах Восточного Прииссыккулья, написанной по наблюдениям 1973-1984 гг. (Верещагин. 1991). В зимы 1999-2002 гг. коноплянок на Иссык-Куле встретили только раз: 24 февраля 2000 г. – 10 особей (Кулагин, 2003), но по срокам это уже могло быть начало весеннего пролёта. С 21 по 31 января 2004 г. коноплянок на Иссык-Куле не встретили, а через два месяца (27-30 марта 2004 г.) насчитали 181, из них 145 – на южном, 20 – на западном и только 9 – на восточном берегу, но это уже были явно пролётные птицы (Кулагин, 2005; Кулагин, Сагымбаев, 2005). Только для равнинных участков среднего течения долины Или указаны более высокие показатели численности этого вида зимой: на Сорбулаке зимой 2003/04 г. встречали до 700 коноплянок/день (Белялов, Карпов, 2013), а в Карачингиле (устье Тургени) 4 декабря 2004 г. и 16 января 2005 г. видели стаи по 20 коноплянок, стаю в 25 особей – 15 ноября 2011 г. и 16 декабря 2006 г. – не менее 150 птиц (Бевза, 2012). Поскольку в последней работе практически упущена горная коноплянка (*Acanthis flavirostris*), которая упоминается как редкий зимующий вид, можно предположить, что часть птиц, встреченных в Карачингиле зимой, принадлежала к этому виду. Аналогичное сомнение вызывает встреча в январе 1955 г. стайки коноплянок в долине Кочкорки (Птицы Киргизии, 1960), тем более, что добывали здесь зимой именно оседлых *Acanthis flavirostris*.

Сроки. Даты. Весенняя миграция начинается уже в конце февраля. На Чокпаке первых коноплянок отмечали 24 февраля (1970) – 9 марта (1969, 1974), в среднем 4 марта; основной пролёт (84% пролетевших) идёт до 20 марта; завершается миграция 9-24, в среднем 14 апреля и только отдельных

задержавшихся встречали 10 мая 1969, 12 мая 1971 и 15 мая 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. коноплянок здесь кольцевали с 29 марта (1987) по 24 мая (1989), срединная дата весеннего пролёта – 2 апреля (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине, в районе с. Сокулук, пролёт коноплянок стайками по 50-60 шт. шёл уже 23-25 февраля 1962 г. (Умрихина, 1970). В Таласском Алдатау (Аксу-Джабаглы) самые ранние встречи коноплянок – 7 марта 1962, 16 марта 1963, 13 марта 1964 и 3 марта 1965 гг. (Ковшарь, 1966). Здесь обращает на себя внимание более раннее (на 2 недели) появление их в Чуйской долине по сравнению с юго-западнее расположенным Аксу-Джабаглы в одном и том же 1962 г. В северных предгорьях западной части Киргизского Алатау 8 апреля 1958 г. коноплянки были многочисленны по саям ущелья Узунбулак, где встречались стаями, но чаще – парами, самцы в которых пели и токовали; наблюдалось спаривание, а одна уже собирала материал для гнезда (Корелов, 2012). В долине Копы мы наблюдали пролёт с 24 марта по 12 апреля 1987 г. и 24 марта – 14 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000), в Чу-Илийских горах (Анархай) первую стайку в 1950 г. видели 30 марта (Кузьмина, 1974). На Сорбулаке самая поздняя встреча весной – 18 апреля 2010 г. (Белялов, Карпов, 2013); в Карачингиле весной появляются обычно после обильных снегопадов – 28 марта 2005 и 21 марта 2010 гг. (Бевза, 2012). На Чарынских разливах с 11 по 20 марта 1956 г. пролетали группы коноплянок, самцы в которых пели (Кузьмина, 1974). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) первые пролётные стайки появились 6 апреля 1957 г. и 9 апреля 1956 г., а к концу месяца пролёт уже заканчивался (Винокуров, 1960). В верхнем течении р. Или (видимо, в районе Кульджи): «Весенний пролёт коноплянок наблюдался с 20 III по 18 IV. Птички небольшими стайками летели к западу, вниз по Или. Пролёт происходил главным образом по утрам» (Шестоперов, 1929, с. 161). К сожалению, автор не указал ни место наблюдений, ни год, по которому это место (Джаркент или Кульджа) можно было бы установить, однако, судя по датам, это была всё же Кульджа, так как в Джаркенте он работал с 26 марта по 5 ноября 1918 г. Но главное в этих наблюдениях – направление пролёта – с востока на запад, вниз по течению реки Или! Это свидетельство того, что коноплянки эти зимовали где-то в верховьях р. Или в Синьцзяне.

Осенью в высокогорье Центрального Тянь-Шаня коноплянки начинают встречаться стайками с 19-25 августа (Винокуров, 1960), но настоящий пролёт в предгорьях и на равнине идёт в сентябре – октябре. В Карачингиле (устье Тургени) первых коноплянок отмечали 24 и 30 октября (Бевза, 2012), на Сорбулаке – 21 октября 2007 г. (Белялов, Карпов, 2013). В Алма-Ате много коноплянок было перед снегопадом 17-19 октября 1960 г. (Бородихин, 1968). В Чуйской долине массовый пролёт стаями по 40-50 особей отмечали в середине сентября (Умрихина, 1970). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта коноплянок отмечали 12 августа (1969) – 5 сентября (1971), в среднем за 10 лет – 30 августа; основной пролёт (94.7% мигрантов) шёл 11-31 октября, летели до окончания работ 7 ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. коноплянок отлавливали с 18 сентября (1999) по 2 ноября (2007), срединная дата осеннего пролёта – 23 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В соседних горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) первые значительные стаи коноплянок я встречал 23 августа 1963 г. (Аксай, 2700 м), а Л.М. Шульпин (1953) – 24 августа 1933 г. (Джеттез, 2500 м). С начала сентября такие стаи появляются в предгорьях, а затем – и в открытой степи долины Арыси; во время основного пролёта во второй половине октября пролётные стаи коноплянок по 20-30 особей встречаются от Чокпака до субальпийского пояса; последние стайки встречал я у Чокпакских ворот 1 и 2 ноября 1961 г. Зимой чрезвычайно редка: Л.М. Шульпин (1953) наблюдал однажды несколько особей 17-18 января 1934 г. в каньоне р. Аксу, мне же за 6 зим только дважды удалось слышать голос коноплянки: 10 января 1963 г. в каньоне р. Аксу и 29 января 1963 г. в долине Джабаглы (Ковшарь, 1966).

Биология. В Тянь-Шане не изучалась, специальных публикаций нет, даже отрывочных сведений о размножении немного. Поэтому считаю полезным для будущих исследователей перечислить эти сведения со ссылками на работы, в которых они приведены. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в верховьях Джабаглы 27 июля 1926 г. А.П. Коровин нашёл кладку из 4 насиженных яиц; на перевале Улькен-Каинды (2600 м) 8 июля 1933 г. самка строила гнездо, а в каньоне Аксу 25-30 июля 1933 г. встречены поршки (Шульпин, 1933). По наблюдениям 1960-1966 г., гнездовой период у коноплянок здесь растянут с мая по август: в предгорьях у кордона Топшак (1500 м) 11 мая 1961 г. в гнезде было 4 свежих яйца; в арчовых редколесьях Балдабрека (1900-2000 м) в одном гнезде 9 июня 1963 г. самка плотно насиживала 4 яйца, в другом 10 июня 1963 г. шла выстилка лотка (первое яйцо снесено 12 июня, полная кладка в 5 яиц – 22 июня); выводки уверенно летающих птенцов на субальпийских лугах (2200-

2700 м) встречали мы 14-18 июля 1960 г. (Ковшарь, 1966). В этом же заповеднике в арчовых редколесьях Кши-Каинды А.А. Иващенко нашла 3 гнезда: 3 июня 1967 г. – 5 оперённых птенцов, 28 июня 1967 г. – 5 яиц, 13 мая 1968 г. – 5 яиц (Кузьмина, 1974). Там же самки строили гнёзда 24 мая 1971 г. и 23 мая 1973 г., при этом самцы только сопровождали их в полётах за строительным материалом; на лугу Топшаксаза (2700 м) самка кормила трёх молодых 9 августа 1973 г., а полностью дорослий молодой выпрашивал корм у самки 4 сентября 1972 г. (Губин, 2012).

В Киргизском Алатау (Сосновка) 18 июня 1934 г. в гнезде коноплянки было 4 свежих яйца (Е.П. Спангенберг). В урочище Боорду (восточная часть Киргизского хребта) 12 июня 1961 г. в гнезде коноплянки – 4 сильно насиженных яйца (Шукуров, 1986). В ущелье Чон-Курчак того же хребта 5 яиц коноплянки коллектировал Г.В. Вердин 22 мая 1975 г. (Торопова, 1999). На крайнем западе Киргизского Алатау, по саям ущелья Узунбулак, 8 апреля 1958 г. самцы пели, наблюдалось спаривание и встречена пара, собиравшая материал для гнезда (Корелов, 2012). На южном склоне этого хребта, в долине Сусамыра, М.Н. Корелов обнаружил гнездо с 4 свежими яйцами 2 июля 1957 г. (Кузьмина, 1974).

В Заилийском Алатау (Каскеленское ущелье) 8 июля 1954 г. Д.И. Чекменёв обнаружил 5 свежих яиц; на Б. Алматинском озере (2500 м) 1 июня 1965 г. Э.И. Гаврилов наблюдал строительство гнезда, 5 июня в нём было 2 яйца, а 20 июня – 5 птенцов. В предгорьях близ Узунагача И.А. Долгушин обнаружил фундамент гнезда коноплянки в кустике чия 15 апреля, 23 апреля в нём было 4 яйца (Кузьмина, 1974), а 9 мая 1907 г. «в одном из ущелий Заилийского Алатау, на высоте около 2000 м, у самой нижней границы елового леса» в гнезде коноплянки было 5 яиц (Шнитников, 1949). В Сюгатинской долине 4 июля 1939 г. в гнезде коноплянки было 2 проклюнутых яйца (Корелов, 1948).

В долине Кокжара (Центральный Тянь-Шань) 14 июля 1957 г. А.А. Винокуров обнаружил гнездо коноплянки с 4 насиженными яйцами на кустике арчи в 30 см от земли. На Иссык-Куле 26 мая 1958 г. в гнезде в зарослях облепихи было 5 птенцов, которые покинули его 29 мая, а 30 мая видели ещё слётков, которых кормили родители. На перевале Кызарт (из Кочкорской долины в Джумгольскую) 19 июня 1953 г. в гнезде было 6 насиженных яиц. В предгорьях Алайского хребта 4 июля 1953 г. видели слётков (Птицы Киргизии, 1960). В Чон-Кемине (Кунгей Алатау) 8 мая 1964 г. самка носила пух для выстилки лотка, сопровождавший её самец пел; 27 мая в этом гнезде самка крепко сидела на 4-х яйцах, в двух из них уже шло вылупление (Шукуров, 1986). На южном склоне восточной части Кунгей Алатау, у входа в ущелье Сарыбулак, 11 июля 1996 г. и 17 июля 1997 г. – выводки летающих молодых (Березовиков, 2005). В ущелье Джиланды (Терскей Алатау) 9 июня 1961 г. встречены слётки, такие же слётки встречены 17 июня в ущелье Каинды хребта Нарынтоо (Шукуров, 1986).

420. Горная коноплянка – *Acanthis flavirostris* (Linnaeus, 1758)

Twite (англ.), Berghänfling (нем.), Linotte à bec jaune (фр.),
тау шоңайнағы (каз.), тоо кондирчили (кирг.), тоғ чечеткаси (узб.)

Синонимы: *Fringilla montium* Gmelin, 1788; *Cannabina media* Brehm, 1831; *Linaria montana* Selby, 1833; *C. microrhynchus* Brehm, 1855; *Linota brevirostris* Moore, 1856 (1855); *L. erythropygia* Seebohm, 1888; *C. flavirostris kirghizorum* Sushkin, 1925; *Linota montanella* Hume, 1873; *Carduelis flavirostris pallescens* Sudilovskaya, 1939. Горная чечётка (Шнитников, 1949; Бёме, 1954; Птицы Киргизии, 1960; Гаврилов, 1999).

Подвид. Из 9-11 признаваемых разными авторами подвидов на территории нашего района могут гнездиться два: *A. f. montanella* Hume, 1873, населяющий «Тянь-Шань к северу до хребтов Джумголтау и Терскей Ала-Тоо; к западу до 74-го меридиана, к востоку и к югу до границы СССР» (Степанян, 2003, с. 674); и *A. f. pamirensis* Zarudny et Härms, 1914, населяющий Алайский и Заалайский хребты у южной границы Тянь-Шаня. Кроме того, зимой здесь встречается гнездящийся в Сауре и Тарбагатае (севернее 47-й параллели) *A. f. korejevi* Zarudny et Härms, 1914, описанный по зимним экземплярам из района Джаркента – Тышкана на самом северо-востоке нашего района. Кроме того, в подгорной степи и северных предгорьях Северного и Западного Тян-Шаня на зимовке обычны представители степного

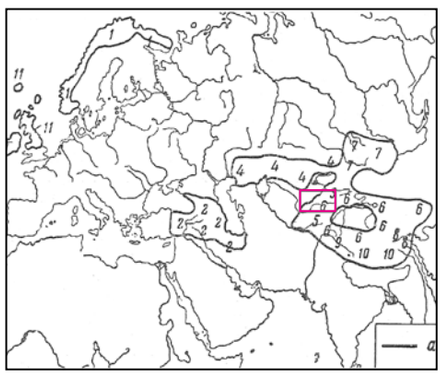
подвида *A. f. kirghizorum* Sushkin, 1925 и вполне возможны *A. f. altaica* Sushkin, 1925. О сложности внутривидовой конструкции у этого вида очень подробно писал ещё В.Н. Шнитников (1949, с. 347-349) и с тех пор мало что изменилось. Во всяком случае в нашем районе всё это ещё предстоит выяснять и уточнять будущим исследователям авифауны Тянь-Шаня на более обширных коллекционных сборах.

Характер пребывания. Гнездится и встречается зимой, пролёт почти не выражен даже на Чокпаке. О гнездящихся в горах Памиро-Алая сказано: «Где и как проводит зиму горная коноплянка – практически неизвестно судя по находкам в начале ноября в районе Гульчи, возможно, что они зимуют где-то в среднем поясе гор» (Иванов, 1969, с. 367). В предгорьях Таласского Алатау зимуют, наверное, северные популяции *A. f. kirghizorum*.

Биотоп. Гнездятся *A. f. montanella* на каменистых степных склонах гор с выходами скал и редкими кустиками ксерофитов – кузиний, караганы и других – не ниже 2400 м; верхняя граница 3500-4000 м, а на Памире даже 4500-4600 м (Иванов, 1969); зимой их встречали на высоте 1700-2000 м (Иссык-Куль). Зимующих *A. f. kirghizorum* в предгорьях Таласского Алатау я встречал в пырейной степи на высотах 1000-1100 м, а в долине Или они (или же *A. f. korejevi*) встречаются зимой даже ниже 500 м.

Распространение. Через наш район проходит западная граница горного подвида *A. f. montanella*, а с северо-запада довольно близко подходит южная граница степного подвида *A. f. kirghizorum* (рис. 512).

На гнездовании здесь *A. f. montanella* распространена очень спорадично и только по высокогорью Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня (рис. 513). В бассейне Сарыджаза она найдена по правобережным его притокам Куйлю, Оттук и по левобережному – Иныльчек; западнее – в истоках Нарына, на Покровских и Тонских сыртах, в районе Каракуджура и Тюлёка, в котловинах высокогорных озёр Сонкуль и Чатыркуль (Иоганзен, 1908; Кашкаров и др., 1937; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Верещагин, Немченко, 2005). Как видно из приведенного перечня работ, это в основном старые сведения, а две последние статьи вообще не содержат конкретных данных, а лишь упоминание вида в общем перечне птиц высокогорий Центрального Тянь-Шаня (Кыдыралиев, 1961) или Сарычат-Эрташского заповедника (Верещагин, Немченко, 2005). Всё это побудило меня обратить на эту птицу особое внимание, но результаты оказались плачевными: за 5 июльских поездок в период 1998-2004 гг. её ни разу не удалось встретить (Ковшарь, Торопова, 2000; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Только в 2005 г. встречены три пары и одиночка: 19 июля – на притоке Кичи-Нарына Карасаз (2800 м), 22 июля близ места впадения в Сарыджаз его притока Оттук (2800 м) и у моста через Иныльчек. В следующем 2006 г. за такую же трёхнедельную поездку встречены всего 3 летящих одиночки в ущелье Кичине Каракуджур. Орнитологам, посетившим в июне 2016 г. высокогорное озеро Сонкуль, повезло намного больше: «Специально было запланировано посещение верховий р. Тюлёк в районе пер. Калмак-ашу, где в зарослях караганы гривистой в прежние годы находили гнёзда этого вида. Здесь 26 июня мы наблюдали пять пар. Самцы периодически пели. В одной паре самец сопровождал самку, собиравшую овечью шерсть на стволах караганы. По поведению птиц можно сделать предположение, что это было только начало гнездового периода» (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Через год, 29 июня 2017 г., несколько гнездящихся пар встретили здесь же, в зарослях гривистой караганы под перевалом Калмак-ашу

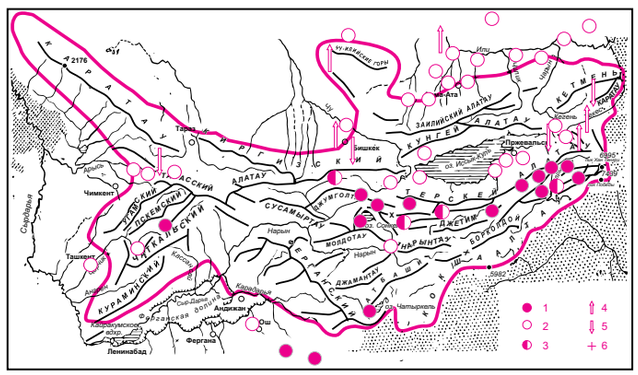

Рис. 512. Ареал горной коноплянки (4 – *kirghizorum*, 6 – *montanella*). По: Бёме, 1954, с. 211. [красным – Тянь-Шань]
Рис. 513. Распространение горной коноплянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт

(Архипов, Коблик и др., 2018). У южных границ Тянь-Шаня гнездится уже другой подвид: «Памирская горная коноплянка – *A. f. pamirensis* распространена довольно широко в высокогорной части Памиро-Алая. В Алайском хребте горная коноплянка гнездится в восточной половине хребта и в прилегающих частях Алайской долины (Актерек, Дарауткурган, Иркештам)» (Иванов, 1969, с. 367).

Совершенно особняком стоит указание на гнездование горной коноплянки в Чаткальском хребте Западного Тянь-Шаня, которое считаю необходимым привести дословно: «Нами горная чечётка отмечена в верховьях Тереклисая (высокогорье Майдантальского участка). Вид недавно появился в гнездовое время в Западном Тянь-Шане, т.к. прежними исследованиями, проводившимися в том уже урочище, не выявлен (Батурин, 1981; Конюхов, 1982; Митропольский, 2005). Во время наших наблюдений была обычна. С 29 июня по 3 июля 2007 г. отмечено три пары этих птиц в субальпийском и альпийском поясах. Предположительно гнездится, так как 29 июня наблюдалось спаривание. Определение верное, т.к. просмотрены экземпляры из коллекции НУУз и получены консультации у д.б.н. Митропольского О.В» (Головцов, 2007, с. 209). К сожалению, за последовавшие 12 лет никаких новых сообщений из этих мест не поступало, и пока этот факт можно рассматривать как точечное гнездование вида в Западном Тянь-Шане. Представляет интерес и упоминание в этой же статье о зимней встрече горной коноплянки в высокогорье: «Горная чечётка отмечена на зимовке Юдиным Н.М. (1948). Стайка этих птиц наблюдалась на водоразделе Шавазикалонсая и Сохтагона 4.11.1948 г [видимо, ноябрь – *АК*]» (там же, с. 209)

Численность. На гнездовании невысокая (см. выше) и точных данных нет. Зимой в Иссык-Кульской котловине горная коноплянка более обычна. На учётах в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи по берегу озера на маршруте 22 км встретили всего 2 особи, однако на посевах среди щебнистой пустыни западного побережья, между сёлами Сарыкамыш и Торуайгыр насчитали 142 горных конопляки на 10 км маршрута, или 142 особи/км^2 (Второв, 1963). В восточной части котловины в зимы 1973-1984 гг. горная коноплянка была обычной и вместе с корольковыми и жемчужными вьюрками встречалась стаями по 30-60 особей, особенно по зарослям полыни (Верещагин, 1991). С 21 по 31 января 2004 г. на маршрутном учёте водоплавающих по берегам Иссык-Куля насчитали 50 горных конопляк (Кулагин, Сагымбаев, 2005).

Зимующие в подгорных районах представители северных популяций (*A. f. kirghizorum, A. f. korejevi*) гораздо многочисленнее. Так ещё Б.П. Кореев 10 марта 1899 г. встречал их в большом количестве, стаями по 10-20 особей, под Илийском (ныне Капчагай) и по реке Или ниже этого места, причём все эти стайки держали путь на северо-запад (т.е. это был уже отлёт), а 10 декабря 1899 г. не менее 50 горных конопляк видел он между Джаркентом и Тышканом (Зарудный, Кореев, 1905). На Сорбулаке численность зимующих горных конопляк значительно меняется по годам – от полного отсутствия (2000-2003 гг.) до 600 особей/день в зимы 2003/04 и 2006/07 гг. (Белялов, Карпов, 2013). В Чуйской долине 3 марта 1962 г. горные конопляки летели стаями по 100-200 особей (Умрихина, 1970). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в зимние сезоны 1960/61, 1961/62 и 1962/63 гг. я встречал горных конопляк в немалом числе стайками по 15-20 и крупными скоплениями, по 100-200 особей, кормящимися на проталинах по берегам степных ручейков и на южных склонах степных балок. Они непрерывно перекликались между собой, и большая стая производила далеко слышный шум. На стебли растений, как это любят делать щеглы и чечётки, горные чечётки садятся редко, чаще пытаются достать их семена с земли или с поверхности снега; не раз они кормились семенами чертополоха и цикория.

Сроки. Даты. Зимующие в предгорьях у Ташкента отлетают в середине февраля и только в 1911 г. Н.А. Зарудный встречал стайки ещё 23-26 марта (Кузьмина, 1974). В Таласском Алатау я не встречал их позже середины февраля, но В.В. Шевченко (1949) наблюдал после значительного весеннего похолодания 6-12 марта 1948 г. и даже нашёл трёх погибших во время снежного бурана. На Чокпаке весной их встречали редко: 11 и 16 марта 1969 г. (стайки по 15-20), 6 марта 1970 г. (10 особей), а 13 марта 1971 г. одну поймали (Гаврилов, Гисцов, 1985); в весенние сезоны 1982-2016 гг. не встречали ни одной. Очень поздно – 6 апреля – добыл горную коноплянку на р. Арысь Н.А. Северцов (Кузьмина, 1974). В Чуйской долине в 1962 г. горная коноплянка с 20 по 28 февраля постепенно стала малочисленной, а к 10 марта её не стало совсем (Умрихина, 1970). Однако в 1957 и 1958 гг. она была здесь ещё довольно многочисленной в начале марта (Птицы Киргизии, 1960). У Алматы небольшие стайки горных конопляк отмечали 5 марта 1949 г., а одного самца добыли даже 7 апреля; близ Илийска много

стаек по 10-20 особей встретили 7 и 8 марта (год не указан). Но в целом число зимующих в северных предгорьях Заилийского Алатау горных коноплянок начинает уменьшаться с начала марта и к середине месяца они практически исчезают из этих мест (Долгушин, 1968). На Чарынских разливах в 1960 г. пролёт шёл в первой декаде марта; в долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) в 1955-1957 гг. – только 12-18 марта 1957 г., но в 1940 г. на озере Тузколь самку добыли ещё 28 апреля (Винокуров, 1960; Кузьмина, 1974). В Чу-Илийских горах двух запоздалых горных коноплянок встретили в пойме р. Копалысай ещё 29 апреля 1996 г. (Березовиков и др., 1999).

Осенью в предгорьях Заилийского Алатау и в долине Или горные коноплянки начинают встречаться с середины октября, в эти же сроки появляются в Чуйской долине и северных предгорьях Киргизского Алатау (Умрихина, 1970; Кузьмина, 1974; Шукуров, Кормилицын, 2005; Белялов, Карпов, 2013). На Чокпаке они появлялись 23 октября 1968 г. (60 особей), 31 октября 1970 г., 27 октября 1973 г. и 24 октября 1975 г.; всего окольцевали 26 птиц (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же с 26 по 28 октября 1983 г. отловили и окольцевали 13 горных коноплянок (А. Гаврилов и др., 2017). Здесь же первых зимующих я встречал 2 и 3 ноября 1961 г., а в предгорьях Талдыбулака (20 км юго-западнее) – 29 ноября 1962 г. Всех добытых здесь в январе и феврале 1961-1963 гг. горных чечёток Л.А. Портенко отнёс к подвиду *A. f. korejevi* (Ковшарь, 1966).

Биология. Не изучена, особенно у гнездящегося в Тянь-Шане подвида *A. f. montanella.* Достаточно сказать, что в сводке «Птицы Киргизии» (1960) ***вся*** информация на этот счёт исчерпывается фразой: «Гнездо горной чечётки найдено нами лишь однажды – 27 июня 1957 г. в бассейне р. Кара-Куджур в кустах караганы. Оно было прочно сделано из сухих травинок, лоток устлан овечьей шерстью. В гнезде было 4 слабо насиженных яйца» (с. 81). К сожалению, за прошедшие 60 лет ничего существенного к этой фразе добавлено не было, кроме указания на две кладки из коллекции орнитолога-любителя Г.В. Вердина: «Чечётка (*Acanthis flammea*): оз. Сонкуль, 9 июля 1977 (4 яйца); Нарын, Кочкорка, 14 мая 1973 г. (5 слабо насиженных яиц)» (Торопова, 1999, с. 223), но здесь неясно – в Нарыне или в Кочкорке взята вторая кладка, а ошибка в видовом названии (видимо, просто описка) вообще снижает уровень доверия ко всем этим данным.

Гораздо больше повезло памирскому подвиду, по которому имеются описания гнёзд, яиц, птенцов и сведений о сроках размножения (Мекленбурцев, 1946; Абдусалямов, 1961; Потапов, 1966; Иванов, 1969). То же можно сказать о степном подвиде *A. f. kirghizorum* (Долгушин, 1968; Кузьмина, 1974). Таким образом, исследование этой неизученной в условиях Тянь-Шаня птицы – дело чести киргизских орнитологов.

421. Чечётка – *Acanthis flammea* (Linnaeus, 1758)

Redpoll (англ.), Birkenzeisig (нем.), sizerin flammé (фр.),
шекілдек (каз.), кызыл кондорчил (кирг.), адаты четчети (туркм.)

Синонимы: *Fringilla linaria* Linnaeus, 1758; *Linaria borealis* Vieillot, 1816; *L. agrorum* Brehm, 1831; *L. betularum* Brehm, 1831; *L. holboelli* Brehm, 1831; *L. canescens* Gould, 1834; *L. longirostris* Brehm, 1855; *L. americana* Wied, 1858; *Aegiothus fuscescens* Coues, 1862; *Acanthis intermedius* Dybowski, 1883.

Подвид. В Тянь-Шане встречается номинативный подвид *A. flammea flammea* (Linnaeus, 1758).

Характер пребывания. Зимующая и пролётная птица.

Биотоп. Лиственные и хвойные леса, на зимовке в Тянь-Шане предпочитает берёзовые.

Распространение. Ближайшее место гнездования этого вида – Алтай. В нашем районе отмечена на зимовке преимущественно в восточной половине (рис. 514). В.Н. Шнитников (1949) выражал удивление, что Б.П. Кореев не обнаружил чечётку в Джаркенте и Тышкане, однако все последующие наблюдения показали непостоянство зимовок этого вида в Тянь-Шане – бывают годы, когда она совсем не появляется здесь. Так, в городе Алматы, где она встречается вместе с чижами, щеглами и корольковыми вьюрками, в зимы 1960/61 и 1961/62 гг. её не было совсем, зато в 1962/63 г. было очень много (Бородихин, 1968). То же самое на востоке Иссык-Куля: в 1973/74 и 1974/75 гг. их было мало, в 1975/76 г. много, в 1982/83 г. очень мало, а в 1983/84 г. не было совсем (Верещагин, 1991). В долине Текеса в 1955-1957 гг. чечётка

была обычна зимой, но, как и зяблик, появлялась во второй половине зимы, полностью отсутствуя в период осеннего пролёта (Винокуров, 1960). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) отмечена как редкий зимующий вид в 1948, 1949, 1963 и 1966 гг. (Ковшарь, 1966), по другим хребтам Западного Тянь-Шаня сведений нет. О зимовке под Ташкентом имеются только старые сведения Н.А. Зарудного (1910). О редкости чечётки у крайней южной границы нашего района свидетельствует сверхлаконичный очерк о ней в сводке по птицам Памиро-Алая: «Редкая залётная птица. В коллекции ЗМ МГУ хранится шкурка самца чечётки, добытого Доценко 19 февраля 1912 г. около Гульчи. Это – единственный известный мне залёт чечётки в пределы Памиро-Алая» (Иванов, 1969, с. 366).

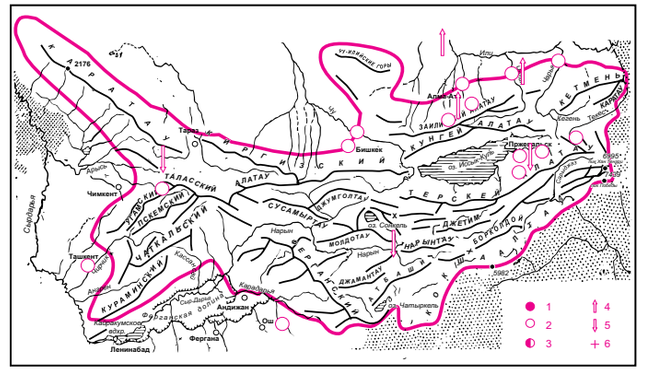

Рис. 514. Распространение чечётки в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Численность. Очень изменчива по годам. В городе Алматы самая высокая численность чечёток была зимой 1962/63 г., когда в радиусе 2-3 кварталов в центре города отмечали до 6 стай по 30-60-200 особей в каждой (Бородихин, 1968). В ельниках вокруг Б. Алматинского озера (2500 м) зимой 1972/73 г. мы наблюдали необычный налёт чечёток: с 22 ноября по 22 января они стаями по 30-50 особей, нередко вместе с клестами и чижами, кормились семенами ели тянь-шанской на обильно плодоносящих деревьях. При повторных посещениях этих мест 2-3 и 21-21 февраля, а также 1-2 и 16-18 марта 1973 г. чечётки ни разу не встречены, как и в любую из последующих зим 1973-1979 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В восточном Прииссыккулье в годы высокой численности чечётки встречались стайками по 15-30, в отдельные годы – до 50 особей, часто – в зарослях конопли или крапивы (Верещагин, 1991). На пролёте на Чокпаке чечётки встречались нерегулярно, отловлено всего 6 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Сроки. Даты. В Тянь-Шане встречается с октября по март. В Алматы в 1962 г. они появились 14-15 октября и встречались до апреля 1963 г. (Бородихин, 1968). На Иссык-Куле их встречали с конца сентября до 15 марта 1973, 23 марта 1974 и 28 марта 1976 гг. (Верещагин, 1991). В Нарыне добыта Н.А. Северцовым 28 октября (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке самая ранняя чечётка отловлена 28 сентября 1976 г., в другие годы первых отмечали: 1 октября 1971, 5 октября 1972, 25 октября 1967 гг.; весной встречена только раз: 3 марта 1970 г. стайка из 14 чечёток пролетела на северо-восток (Гаврилов, Гисцов, 1985). «В отличие от осеннего пролёта весной движение на юге в некоторые годы выражено достаточно отчётливо. На разливах Тас-Карасу (левый берег Или) в 1955 г. пролёт чечёток шёл 16 марта – они летели на запад стаями до 100 особей. Массовый пролёт на Солёных озёрах шёл с 19 по 23 марта, по вечерам здесь пролетали громадные стаи. В районе Алма-Аты (Каргалинка) в 1963 г. чечётки летели с 12 марта по 6 апреля стайками от 5 до 40 птиц» (Кузьмина, 1974, с. 237).

422. Гималайский вьюрок – *Leucosticte nemoricola* (Hodgson, 1836)

Plain Mountain finch [Hodgson's Mountain finch] (англ.), Waldschneegimpel (нем.), Pinson d'Himalaya (фр.),
аршашыл құнақ (каз.), тоо таранчысы (кирг.), ҳимолой вьюроги (узб), арзанхураки химолой (тадж.)

Синонимы: *Fringilla altaica* Eversmann, 1848; *Propasser murrayi* Blyth, 1863; *Fringillauda sordida* Stoliczka, 1868; *Passer pulverulentus* Severtzov, 1873. Алтайский вьюрок (Кашкаров, 1927; Шнитников, 1949). Арчевый вьюрок (Портенко, 1960; Иванов, 1969).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – *Leucosticte nemoricola altaica* Eversmann, 1848.

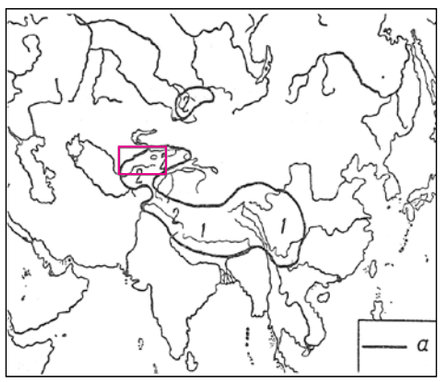
Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая высотные перемещения в горах.

Биотоп. Характернейший обитатель субальпийского и альпийского поясов. Летом, в гнездовое время, встречается от верхней границы хвойного леса до скал альпийского пояса и гребней хребтов. Однако по моим наблюдениям в Таласском, Заилийском и Кунгей Алатау, ни лес, ни скалы, ни арчовые заросли не являются обязательным условием для гнездования этого вьюрка. Он поселяется на открытых склонах, преимущественно на участках низкотравных субальпийских и альпийских лугов с выходами отдельных камней, крупных валунов или с каменистыми россыпями. По таким местам он проникает далеко вниз – в верхнюю часть лесного пояса, где гнездится на крупных полянах, по обочинам горных дорог, в земляных насыпях и обрывчиках. Вверх поднимается до средней части альпийского пояса, где гнездится на каменистых и луговых участках у подножий скал и на россыпях. Высотные пределы на гнездовании широки: в Таласском Алатау 2600-3700, в Заилийском 2350-3500 м.

Распространение. Наш район находится на северо-западе основной части ареала гималайского вьюрка, здесь по северным склонам хребтов Тянь-Шаня проходит участок границы его ареала (рис. 515). Здесь гималайский вьюрок распространён достаточно широко по высокогорью, будучи достаточно обычным на гнездовании во всех высокогорных районах Тянь-Шаня: Северном, Центральном, Внутреннем и Западном (рис. 516). У южных границ Тянь-Шаня он найден на северных склонах Алайского хребта и в Алайской долине – от Иркештама на востоке до Дарауткургана на западе (Иванов, 1969). Можно полагать, что он намного шире, чем это показано на рис. 516, распространён в Ферганском, а также в хребтах Сусамыртау, Джумголтау, Борколдое, Джетим, Акшийрак. Уверен, что помимо этих хребтов он будет найден и на северном склоне Кокшаалтау, в котором орнитологи практически не работали.

Численность. Высокая, но заметно это в основном тогда, когда гималайские вьюрки сбиваются в крупные стаи. Это одна из фоновых птиц высокогорья Тянь-Шаня. Так, в арчовом стланике хребта Терскей Алатау, по учётам 1962-1965 гг. насчитывали: в мае – 30, в июне – 20, в августе – сентябре – 50, в октябре – 40, с ноября по февраль – 10, в марте – 30, в апреле – 60 особей/км^2 (Второв, 1967). Там же, по наблюдениям 1953-1954 гг. в восточной половине хребта: «В каждом из ущелий Кара-Баткак, Сава-Тер, Аю-Тер, Котр-Тер в июне держалось не менее 100-120 птиц» (Степанян, 1959, с. 88). В ущелье Ала-Арча (Киргизский Алатау) на регулярных (проводимых круглогодично) маршрутах от альплагеря (ельник, 2000 м) до ледников в 1957-1960 гг., гималайского вьюрка встретили на 29 маршрутах из 900, общим числом 526 особей (Кузнецов, 1962). В Заилийском Алатау это одна из самых многочисленных птиц у верхней границы елового леса. Достаточно сказать, что в окрестностях Б. Алматинского озера (2400-2700 м) в 1964-1965 гг. было найдено 29, а в 1971-1976 гг. – 159 жилых гнёзд этого вида (Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1979). Глазомерная оценка численности от «наиболее обычный» до «многочисленный» приводится для хребтов Таласский Алатау (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966), Кетмень (Корелов, 1956), Центрального Тянь-Шаня (Винокуров, 1960, 1961), а для заповедника Сарычелек (Чаткальский хребет) указано: «Доминирует на альпийских лугах летом (вместе с *A. spinoletta, Pr. collaris*)» (Лебяжинская, 2001).

Сроки. Даты. Зиму гималайские вьюрки проводят на южных бесснежных склонах гор, а в годы хорошего урожая еловых семян – и на северных у верхней границы леса. Однако по мере

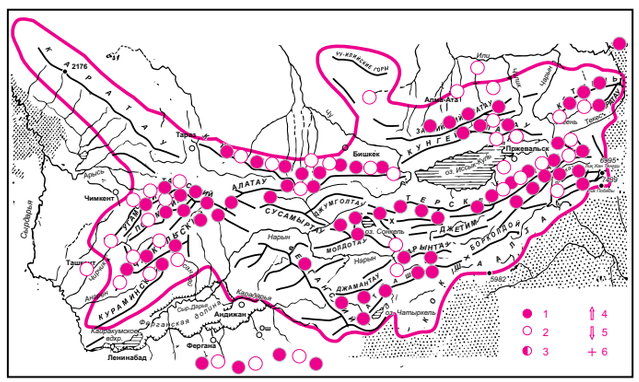

Рис. 515. Ареал гималайского вьюрка. По: Бёме, 1954, с. 296. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 516. Распространение гималайского вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка

оскудения кормовой базы и после сильных снегопадов откочёвывают вниз. В Таласском Алатау они встречаются зимой стаями по 40-50 особей на южных степных склонах, реже – в высокоствольных арчевниках не ниже 1500 м, и только в виде исключения спускаются в культурный пояс: 22 января 1972 г. и после обильного снегопада 9 апреля 1971 г. одиночек видели в с. Ванновка в долине Арыси, на высоте всего 900 м (Губин, 2012). В верховьях Текеса (Центральный Тянь-Шань) стаи их, до 300-400 особей, спускаются по долинам рек до нижней границы ельников, а зимой особенно многочисленны у разбросанных по долине зимовок для скота (Винокуров, 1960, 1961). С северного склона восточной части хребта Терскей Алатау в холодные зимы спускаются в подгорную зону, к озеру Иссык-Куль; в декабре 1975 г. две стаи по 150 особей отмечены между сёлами Курменты и Талдысуу, а стая 50 гималайских вьюрков – 20 января 1974 г. у с. Джалду-Булак (Верещагин, 1991). С северного склона Заилийского Алатау гималайские вьюрки спускаются не только до города Алматы (что, кстати, бывает далеко не ежегодно), но иногда и далеко на север, достигая Карачингиля на р. Или и даже гор Чулак на правобережье Или (здесь, в ущелье Кзылаус, 28 марта 1949 г. двух самцов добыла М.А. Кузьмина); а также на северо-запад – до долины Копы, где 7 особей встретили у зимовки во время снегопада 1 апреля 1988 г. (Ковшарь, 1974; Ковшарь, Березовиков, 2000; Карпов, 2008; Бевза, 2012, 2018). Отсутствуют они зимой выше 2000 м и на северном склоне Киргизского Алатау (Кузнецов, 1962).

Сроки осенних перемещений приходятся на октябрь – ноябрь. В субвысокогорье Заилийского Алатау, где гималайские вьюрки летом многочисленны, они обычно перестают встречаться с установлением постоянного снежного покрова, но откочёвывают, видимо. недалеко и при первой же возможности появляются у верхней границы леса, где в годы хорошего урожая еловых семян могут проводить всю зиму. В 1972 г., когда урожая семян не было, они отсутствовали здесь уже 21 ноября (26 октября огромная стая, около тысячи особей, встречена в ельнике на высоте 2000 м), в 1973 г. исчезли с 5 декабря, но зимой 1974/75 г. (мягкая зима и хороший урожай еловых семян) в большом количестве держались здесь весь декабрь, январь и февраль. Весной появляются на местах гнездования около середины марта. В 1973 г. первую одиночку на высоте 2500 м встретили мы 18 марта, в 1974 г. – 19 марта. Через день-два после появления первых гималайские вьюрки уже не редкость, а к концу марта становятся самой многочисленной птицей у верхней границы леса. С этими сроками совпадают и даты самых поздних встреч гималайских вьюрков вдали от гор (горы Чулак, долина Копы – см. выше). В Карачингиле их встречали 7 апреля 2005 г., после сильного снегопада (две стайки, до 10 птиц в каждой) и трёх птиц – 21 марта 2017 г. (Бевза, 2012, 2018).

Биология. Наиболее полно изучена в Заилийском Алатау (Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1974, 1979), где проведены системные наблюдения за размножением этого вида у 188 гнёзд. Надо сказать, что гималайскому вьюрку «повезло» на ошибочные суждения и описания ряда моментов гнездовой биологии. Так, долгое время в некоторых сводках (Иванов, 1940, 1969; Птицы Киргизии, 1960) фигурировало гнездо на арче, найденное 11 июля 1908 г. и подробно описанное Н.А. Зарудным, а также кладка с голубыми яйцами, найденная в 1933 г. в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) И.А. Линчевским и Р.Н. Мекленбурцевым и описанная в статье Л.М. Шульпина (1953). К этому добавилось утверждение Б.К. Штегмана (1954) о колониальности гималайского вьюрка, по наблюдениям в высокогорье Заилийского Алатау. Авторитет упомянутых авторов способствовал многократному повторению этих ошибочных данных и суждений в последующих публикациях орнитологов. Опровержение этих ошибок сделано в статье Э.И. Гаврилова (1972), впервые располагавшего обширным для того времени материалом в виде описаний 29 жилых гнёзд из Заилийского

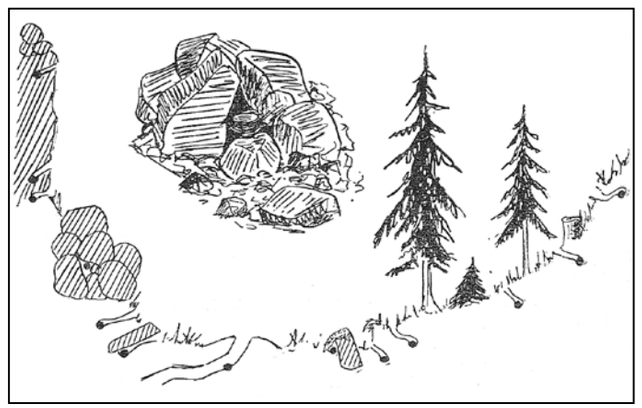

Рис. 517. Места расположения гнёзд гималайского вьюрка в Заилийском Алатау. Рис. Р.Г. Пфеффера

Алатау. В этой работе подробно описаны места расположения гнёзд, сами гнёзда, кладки, птенцы, календарные сроки размножения и сделан вывод о том, что у гималайского вьюрка имеется только один репродуктивный цикл. Ошибочность утверждения о колониальности гималайского вьюрка (Штегман, 1954; Бёме, 1954; Портенко, 1960) показана наблюдениями во многих местах: Терскей Алатау (Винокуров, 1961), Восточно-Тувинское нагорье (Берман, Колонин, 1963), Таласский Алатау (Ковшарь, 1966), Заилийский Алатау (Гаврилов, 1972; Ковшарь, 1979). И только раз в 1972 г. в Заилийском Алатау мне пришлось наблюдать необычно близкое гнездование 6 пар гималайских вьюрков, гнёзда которых располагались в 45, 35, 40, 30, 45 и 35 м друг от друга в придорожном откосе на открытом луговом склоне с камнями и редкими кустами арчи (Ковшарь, 1979).

Стационарные наблюдения 1971-1976 гг. с применением индивидуального цветного мечения взрослых птиц и птенцов, а также обработка данных о 159 жилых гнёздах позволили получить и проанализировать большой массив данных по разным вопросам гнездовой биологии вида: пение и образование пар; гнездовой консерватизм; гнездовой участок; гнездо (его расположение, устройство и состав материала); процессы постройки гнезда, насиживания кладки и выкармливания птенцов в гнезде; состав кормов птенцов; жизнь выводка после оставления гнезда; потенциальная плодовитость и успешность размножения (Ковшарь, 1974, 1979). Полностью подтверждено закрытое гнездование – в земляных норках, между камнями или в трещинах скал, в том числе и в случае гнездования среди деревьев у верхней границы леса (рис. 517). Судя по срокам размножения, у этого вида один репродуктивный цикл как в Заилийском Алатау, так и в других хребтах Тянь-Шаня. Дополнительные сведения по биологии гималайского вьюрка можно найти в некоторых других публикациях по нашему региону (Штегман, 1954; Корелов, 1956; Винокуров, 1961; Ковшарь, 1964, 1966; Губин, 2012).

423. Жемчужный вьюрок – *Leucosticte brandti* Bonaparte, 1850

Brandt's Mountain finch (англ.), Felsenschneegimpel (нем.), Pinson de Brandt (фр.),
інжурен құнақ (каз.), бермет таранчысы (кирг.), марварид вьюрок (узб.), арзанхураки садафи (тадж.)

Синонимы: *L. pamirensis* Severtzov, 1883; *Montifringilla margaritacea* Madarasz, 1904; *L. annae* Sushkin, 1906. Туркестанский вьюрок (Дементьев, 1937). Вьюрок Брандта (Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Степанян, 1959). Альпийский вьюрок (Штегман, 1954). Горный вьюрок (Портенко, 1960). Одно время жемчужного вьюрка объединяли с сибирским в один вид – *Leucosticte arctoa* под русским именем «Горный вьюрок», в котором жемчужному вьюрку отводилась роль одной из 4 групп подвидов (Портенко, 1960).

Подвид. Из 8 подвидов Тянь-Шань населяет один – *L. brandti brandti* Bonaparte, 1850. У самой южной границы обитает *L. brandti pamirensis* Severtzov, 1883, описанный из Заалайского хребта (перевал Кызыларт) и указанный к северу «до горной Ферганы» (Дементьев, 1937); в более поздних источниках его северная граница проведена по Алайскому и Туркестанскому хребтам (Степанян, 2003, с. 677).

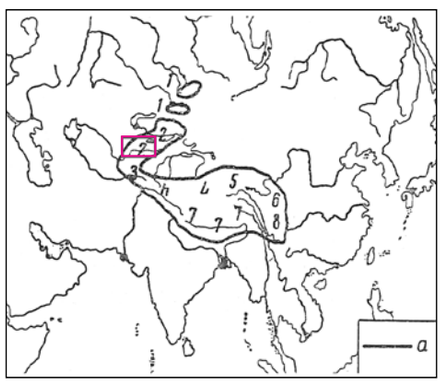
Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая сезонные высотные перемещения.

Биотоп. Жемчужный вьюрок – обитатель открытых каменистых склонов альпийского пояса гор. Гнездится в скалах и нагромождениях камней у их подножий, выше 3500 м, а кормиться летает на альпийские лужайки, на днища ледниковых цирков, берега горных водоёмов и на открытые степные склоны высокогорья не ниже 3000 м. Это одна из самых высокогорных птиц Тянь-Шаня. По справедливому замечанию Б.К. Штегмана (1954), он явно связан с ледниковым ландшафтом: «Не спускаясь летом ниже 3000 м, он селится только в местах с вогнутым рельефом (цирки, троговые долины) и моренными отложениями – при отсутствии того и другого не встречается, несмотря даже на большие высоты. Так, например, в Сухом хребте, с высотами до 3500 м, но при отсутствии современных ледников и следов ледниковой эрозии, он на гнездовье не встречается». Зимой кочует по бесснежным склонам южной экспозиции и спускается временами до подножий, но за пределы гор практически не выходит. Только раз, 11 марта 1960 г., в предгорьях Таласского Алатау после сильного снегопада в горах, я добыл самку на окраине с. Новониколаевка, на высоте 1200 м (Ковшарь, 1966), а М.А. Кузьмина 9 апреля 1950 г. добыла самку даже в горах Анархай (Чу-Илийские горы), т.е. более 100 км от ближайших высокогорий (Ковшарь, 1974).

Распространение. Наш район находится на западной окраине области распространения жемчужного вьюрка и через него проходит участок границы ареала вида (рис. 518). Одновременно он занимает южную половину ареала номинативного подвида, границы которого очерчены так: «Джунгарский Алатау, Тянь-Шань к востоку до 85-го меридиана, к югу до Ферганского хребта и Кокшаал-Тау» (Степанян, 2003, с. 677). В этих пределах жемчужный вьюрок распространён столь же спорадично, как и необходимые для его обитания высокогорья ледникового типа (рис. 519). В Западном Тянь-Шане он гнездится в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), в верховьях Пскема, где 20 июля 1949 г. был встречен в верховьях Ихначсая, а в июле-августе 2002 и 2003 гг. – у истоков Шабырсая и на перевале из Аскарсая в долину Коксу; а также в хребте Каржантау, где двух самцов и самку 14 и 16 июля 1962 г. добыл Ю.С. Лобачёв в верховьях Уларсая и Каскасу (Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966, 1974; В. Ковшарь, 2003, 2004; Тен и др., 2017).

В Киргизском Алатау населяет центральную часть хребта (от Ала-Арчи до Меркенского ущелья), а на южном склоне – истоки Западного Каракола (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Шукуров, Кормилицын, 2005). Третий мощный очаг гнездования – центральная часть хребтов Заилийский и Кунгей Алатау в районе Талгарского узла, от Каскеленского ущелья на западе до Тургеньского на востоке (Зарудный, Кореев, 1905; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Ковшарь, 1974; Джаныспаев, 2012). В ущелье Тышкан (южный склон хр. Борохоро) найден более ста лет назад Б.П. Кореевым: «В VII. 99 г. был довольно обыкновенен в альпийской зоне на верховьях р. Тышкан. Держался одиночками и маленькими стайками в полосе между 9000' – 11000'[около 3000-3500 м – *AK*]. Наблюдался нередко лазающим по скалам среди ледников… 2♂, 3♀, 11.VII. 99, Тышкан» (Зарудный, Кореев, 1905, с. 58).

В Центральном Тянь-Шане жемчужный вьюрок обнаружен от верховьев Текеса до Иныльчека на юге и на сыртовых пространствах до Каракуджура на западе. На плато Арпатектыр в бассейне Сарыджаза 6 июля 1902 г. экспедицией В.Н. Сапожникова добыт взрослый самец (Иоганзен, 1908), а в верховьях Сарыджаза 4 августа 1956 г. добыты лётные молодые. Севернее, в верховьях Кокжара в июне-июле 1957 г. жемчужные вьюрки были нередки на щебнистых осыпях у скал в Чокморташе (3500 м), Аюсае (3350 м) и в верховьях Туза, где у перевала Киндыктобе (3700 м) 28 июня осмотрены ещё пустые гнёзда в нишах известковой скалы (Винокуров, 1961). Там же, в долине Малого Кокпака, самку добыл М.Н. Корелов 28 июня 1953 г. Для сыртов западной части Терскей Алатау имеется следующая яркая зарисовка: «С 22 по 24 июня 1953 г. вьюрки Брандта наблюдались в урочище Кок-Сай, где держались небольшими стайками по 12-20 особей в верхней части альпийского луга. Окружающий ландшафт представлял собой типичную приледниковую часть цирка. Крупнообломочные россыпи и осыпи почти полностью прикрывали поверхность и лишь между камнями ютились маленькие островки альпийской растительности. Часть выводков держалась в окружающих скалах, поднимающихся над ледником. 15 августа 1953 г. на сыртах в верховьях реки Арабель я наблюдал огромную колонию этих птиц, не менее 1000 особей. Вьюрки поселились на группе сильно разрушенных утёсов, всё пространство между которыми заполняли осыпи. Абсолютная высота места около 4200-4300 м н.у.м. Большинство в этом поселении составляли молодые. Они были полностью оперены, хорошо летали, но ещё не покидали района колоний – сидели на камнях, земле, скалах и беспрерывно кричали, требуя пищу у взрослых, которые тут же собирали

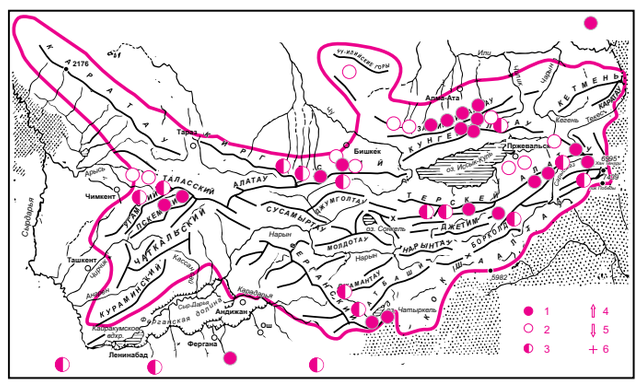

Рис. 518. Ареал жемчужного вьюрка. По: Бёме, 1954, с. 298. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 519. Распространение жемчужного вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

её и немедленно скармливали молодым. Шум от этого места был слышен на большом расстоянии» (Степанян, 1959, с. 89). Кроме приведенных выше, указания на гнездование жемчужного вьюрка в Центральном Тянь-Шане и на сыртах южнее Иссык-Куля имеются в ряде других работ (Кашкаров и др., 1937; Шнитников, 1949; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Злотин, 1968; Крылов, 1969; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Верещагин, Немченко, 2005; Аракелянц, Березовиков, 2006). В крайне экстремальных условиях встречены в августе стайки жемчужных вьюрков на леднике Дикий в Центральном Тянь-Шане (Кузнецов, 1986). В 2005 г. мы встречали жемчужных вьюрков (пару и стайку из 10) 18 июля в Каракуджуре, на подъёме к перевалу Джалпакбель (в Кичи-Нарын); одиночек 22 июля – на р. Джилуу-суу (3000 м), на подъёме к перевалу Тосор; 26 июля – на перевале Чон-Ашу (3800 м) через Терскей Алатау в долину Сарыджаза; но в самой этой долине, как и на Иныльчеке, и на Куйлю мы жемчужных вьюрков не встречали ни в 2000, ни в 2005 гг.

Пятый очаг гнездования жемчужного вьюрка – южная часть Внутреннего Тянь-Шаня в районе озера Чатырколь, где их добывал ещё Н.А. Северцов: «Несомненно в аналогичной обстановке [на каменных осыпях – *АК*] держались и экземпляры Северцова, происходившие из окрестностей оз. Чатыр-Куль, так как названный исследователь говорит, что они были добыты «на самых гребнях перевалов» около этого озера. А все эти перевалы (Торугарт, Уселёк, Туз-Бель) имеют высоту 3600-3700 м» (Шнитников, 1949 с. 372). Мы встречали их в июле 2000 г. в самой котловине озера (3530 м) и в июле 2003 г. на перевале Акбеит (3100 м) на пути к озеру (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Указан как типичный для альпийского луга Арпинской долины (Кыдыралиев, 1972).

Численность. В местах гнездования бывает многочислен, но численность меняется по годам. Так, в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) летом 1926 г. А.П. Коровин и Р.Н. Мекленбурцев встречали его сотенными стаями, но в 1933 г. за всё лето Л.М. Шульпин (1953) встретил его только раз – одиночку в верховьях Джабаглы 16 июля, а в 1935 г. – дважды (в том числе стаю 70 особей). В период 1944-1948 гг. они также, видимо, были редки, так как встречены только дважды (Шевченко, 1948). В годы моих наблюдений (1959-1966) численность их была явно выше: в начале августа 1960 г. в русле р. Кши-Аксу (недалеко от нижнего края ледника) я встретил стаю в 150 жемчужных вьюрков, а 8 февраля 1962 г. и 5 января 1963 г. на степном южном склоне р. Джабаглы (всего 1500 м) я встречал стаи в 200 и 1000 особей (Ковшарь, 1966). В 1971 г. почти там же (Кзылжар, 1500 м) 18 февраля кормились две стаи – 100 и 1000 особей (Губин, 2012). Затем последовала депрессия численности, после чего: «В верховьях р. Ирсу 27 ноября 2008 г. впервые с 1983 г. встречена стая в 400 особей, а в предгорьях между с. Жабагылы [Новониколаевка – *АК*] и одноименным ущельем 24 декабря видели шесть птиц» (Чаликова, 2009: КОБ-2008). На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, в Пскемском хребте, М.Н. Корелов (1956) встретил жемчужного вьюрка только раз – 20 июля 1949 г. одиночку в верховьях Ихначсая, а в 2002 г. они были здесь обычны: 17 августа в верховьях Тастарсая (3100 м) встречено около 50 жемчужных вьюрков группами, а 21 августа – несколько небольших групп у истоков Шабырсая, также на 3100 м (В. Ковшарь, 2003). Там же, на леднике в верховьях Шабырсая (3900 м) трёх жемчужных вьюрков видели 15 июля 2016 г. (Тен и др., 2017).

В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. встречен на 32 маршрутах из ельников к ледникам, общим числом 1941 особь – только в субальпийском и альпийском поясах, где встречался всю зиму; при этом оказался одной из самых многочисленных птиц района (Кузнецов, 1962). В этом же ущелье в 80-х гг. они спускались до высоты 1600 м: «Иногда многосотенными стаями. В 1989 г. жемчужные вьюрки спускались в ур.Чебык-Тибек (сопредельная к парку территория). В ноябре иногда появляется небольшими пролетающими стайками над еловым лесом в районе Альплагеря. Плотность – от 0 до 3.47 особей/км^2» (Шукуров, Кормилицын, 2005, с. 274).

О нахождении в 1953 г. колонии в тысячу особей на Арабельских сыртах (Степанян, 1959) сказано выше. Севернее, в верховьях Текеса, в июне-июле 1957 г. жемчужный вьюрок был крайне спорадичен: в верховьях Кокжара (3500 м) гнездилось около 15-18 пар (Винокуров, 1961). В Заилийском Алатау обычен у истоков Большой и Малой Алматинок (Штегман, 1954; Ковшарь, Левин. Губин, 1982), а на южном склоне этого хребта, в истоках Чилика (3600 м), 16 и 18 августа 2009 г. видели стаи в 30 и более 300 вьюрков (Джаныспаев, 2012). В пониженной западной оконечности Заилийского Алатау (Жетыжол, 3000 м), где жемчужные вьюрки относительно регулярно зимуют, в 1986-1989 гг. изредка отмечались лишь небольшие стайки по 3-10 особей, а в 1990 г. попадались стаи по 50-80 вьюрков (Карпов, 1994).

На леднике Абрамова (верховья р. Коксу в Алайском хребте, 3500-4000 м) жемчужный вьюрок подвида *L. b. pamirensis* – абсолютный доминант среди птиц по численности (Ноздрюхин, 1989). Также он – одна из самых многочисленных оседлых птиц Памира: зимой 1936/37 г. большие стаи жемчужных вьюрков встречались в безлюдных местах, прикочёвывая к жилью человека ненадолго и только после сильных снегопадов (Мекленбурцев, 1946).

Сроки. Даты. Высотные и иные перемещения жемчужных вьюрков в послегнездовой период очень размыты во времени, о сроках их можно составить представление в основном по встречам вьюрков за пределами их гнездовых местообитаний. Так, после снегопада 7 марта 1960 г. они 11 марта появились в с. Новониколаевка (предгорья Таласского Алатау) и встречались периодически до 28 марта – по мере того, как снегопады повторялись (Ковшарь, 1965). В Центральном Тянь-Шане в 2000-2007 гг. их неоднократно встречали зимой на высоте 3690 м (Остащенко, 2010). Только раз жемчужного вьюрка встретили вдали от высокогорья: в Анархае (Чу-Илийские горы) М.А. Кузьмина добыла самку 9 апреля 1950 г. (Ковшарь, 1974).

Биология. Долгое время оставалась совершенно не известной. Первые сведения, по наблюдениям в 1951-1952 гг. в центральной части Заилийского Алатау близ Алматы, опубликовал Б.К. Штегман (1954): «Места гнездовий этого вьюрка приходилось находить с 3300 м и выше. Гнёзда устраиваются на карнизах отвесных скал, в нишах и щелях, по стенам цирков древнего оледенения, по различным обрывам, в частности и в непосредственной близости от действующих ледников и над ними. Одно гнездо было найдено (по крику птенцов) в нише скалы, под которой соединялись два ледника, берущие начало в двух соседних цирках, на высоте около 3800 м. Окружение скалы состояло почти только из снега и льда и вьюркам за кормом приходилось летать за несколько километров. Самих гнёзд рассматривать вблизи не пришлось, так как они все были труднодоступны, но определять наличие гнёзд по крику птенцов было просто. Таким образом, мы узнали, что в стенах маленького цирка (поперечником метров в 300), на высоте примерно 3400 м, было 5 гнёзд. В соседней стене, протяжением 500 м, было примерно столько же, а в скалистом обрыве над современным ледником, тянувшемся на 2 км, было не менее 15-20 гнёзд. Настоящих гнездовых колоний мы не видели, но иногда можно было встретить 2-3 гнезда в 10-20 м одно от другого. В конце июля 1951 и 1952 годов во всех гнёздах были уже оперённые птенцы, но они до конца наблюдений, т.е. до 8-9 августа, оставались в гнёздах – ни одного вылетевшего птенца мы не видали. Старые птицы стайками кормились по склонам, поросшим скудной луговой растительностью, особенно охотно на древних заросших моренах. Впрочем, отдельные птицы кормились на карнизах скал, на которых скудная растительность встречалась ещё до высоты 3600 м. В их желудках мы не находили насекомых; также и птенцов они выкармливали исключительно семенами. В конце июля и начале августа их питание, так же, как и питание птенцов, составляли почти исключительно семена альпийского мака, большей частью ещё не созревшие» (Штегман, 1954). Второе «упоминание вскользь» о гнёздах жемчужного вьюрка появилось в статье о биологии воробьиных птиц в верховьях Текеса: «Гнездовой период вьюрка Брандта, видимо, совпадает с таковым гималайского вьюрка, так как у самки, добытой 27 июня у перевала Киндыктобе, диаметр наибольшего фолликула не превышал 2.5 мм, а осмотренные гнёзда в нишах известковой скалы были ещё пустыми» (Винокуров, 1961, с. 41).

Впервые 5 гнёзд жемчужного вьюрка (подвид *L. b. pamirensis*) были найдены на Памире в 1958-1961 гг. и подробно описаны Р.Л. Потаповым (1963, 1966). В этих работах, помимо описания расположения и устройства гнёзд, яиц и птенцов, приводится довольно полный очерк гнездовой биологии этого вида и впервые доказано, что никаких огромных колоний этот вид не образует, а гнездится группами пар.

На Тянь-Шане первые гнёзда номинативного подвида (*L. b. brandti*) найдены только 30 и 31 июля 1980 г. в верховьях Б. Алматинского ущелья Заилийского Алатау, где на склоне пика Озёрный (3800-4050 м) нам удалось обнаружить три гнезда с оперёнными птенцами: «Все три гнезда находились в скалистых цирках с характерными кулуарами, днища которых заполнены крупнообломочными осыпями. Крутизна склонов 45-50° и более, скалы сильно разрушены, с массой трещин различной ширины и глубины. Травяного покрова как такового нет, лишь кое-где попадаются небольшие куртинки типчака, тонконога, примул, эдельвейсов, низкорослых астрагалов и остролодочников. В тени скал имеются пятна снега, таяние которого сопровождается периодическим осыпанием камней. Первое гнездо помещалось в трещине полуразрушенной скалы восточной экспозиции, примерно в 50 м от верхнего края цирка, который уходил крутой полуворонкой примерно на 300 м вниз. Гнездовая щель находилась всего в 1 м от основания скалы, ниже которой находилась мелкая осыпь. Размер щели, открывавшейся на северо-восток, около 200 мм в высоту и 65 мм по горизонтали. Гнездо находилось в 150 мм от входа, край его виден в щель. Сверху вход в гнездо прикрыт растущей ромашкой. Второе гнездо было в трещине высокой (около 20 м) скалы юго-западной экспозиции, имеющей наклон 60-70°. Трещина находилась в 3 м от подножия скалы, ширина её около 80, высота 60 мм, гнездо находилось в 30 см от входа. Третье гнездо найдено

также в трещине отвесной скалы (высота 10 м) восточной экспозиции. Трещина, лежащая в 4 м от подножия скалы, имела треугольный вход со сторонами 120, 160 и 200 мм, сужающийся к гнезду до размера 80х120 мм. Расстояние от входа до гнезда 38 см, но щель продолжалась по крайней мере ещё на 15 см» (Ковшарь, Левин, Губин, 1982, с. 43-44). В первом гнезде 30 июля были 4 оперившихся птенца, которые убежали в щель за гнездом; во втором 31 июля – также 4 оперившихся птенца, а в третьем в тот же день 3 птенца уже выбрались из гнезда навстречу родителям и сидели в самой щели на уступе в 1 м ниже гнезда. У четвёртой пары жемчужных вьюрков птенцы уже вылетели – обнаружены 2 слётка. Расстояние между этими гнёздами 80-100-500 м, а площадь, склона, занимаемого четырьмя парами, – около 1 км^2; других пар этого вида мы здесь не обнаружили. Такова его факультативная «колониальность».

Как видно из приведенных данных, изучение биологии этого интересного высокогорного вида только начинается. При этом для будущих исследователей хотелось бы отметить одну деталь. Жемчужный вьюрок почти исключительно растительноядeн и даже птенцов своих, как и другие представители рода *Leucosticte,* выкармливает семенами, для чего у этих птиц имеются специальные подъязычные мешки, на что первым из наших орнитологов обратил внимание Б.К. Штегман (1954): «Выяснилось, что у альпийских вьюрков зоб отсутствует, но для переноски корма для птенцов у них имеется другое приспособление в виде хорошо развитого парного подъязычного мешка, с двумя входными отверстиями, расположенными справа и слева у основания языка. Наполненные мешки оттопыриваются от подбородка, что создаёт у живой птицы впечатление наличия бороды. Количество семян, вмещающихся в эти мешки, довольно значительно, часто больше 1 г, так что данное образование вполне может заменить зоб, в котором другие зерноядные птицы (например, воробьи) приносят своим птенцам корм. О механике опоражнивания подъязычных мешков наблюдений не имеется». Что касается последней фразы, то именно описание этой «механики опоражнивания» (Ковшарь, 1964) явилось толчком к обнаружению аналогичных мешков у птицы из другого рода – краснокрылого чечевичника (Ковшарь, Некрасов, 1965, 1967).

Лишь в одной публикации, посвящённой анализу питания птиц на сыртах Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня, указывается: «В конце весны и первую половину лета вьюрки питаются преимущественно беспозвоночными: жуками (листоеды, навозники) и гусеницами совок. Нередки также мухи и их личинки. Птенцы, очевидно, в значительной степени выкармливаются насекомыми. Это подтверждают визуальные наблюдения и содержимое пищеводов и желудков самок, добытых около гнезда. Начиная с середины июля в питании вьюрков резко увеличивается доля растительных кормов, а к концу июля птицы целиком переходят на семена» (Злотин, 1968, с. 160). Это указание, безусловно, нуждается в проверке: ещё Р.Л. Потапов, первым изучавший биологию этого вида на Памире, подчёркивал его исключительную растительноядность, считая, что насекомые захватываются случайно, при поедании семян. О растительноядности жемчужного вьюрка пишут все авторы, которые наблюдали эту птицу в природе, а Б.М. Губин (2012) за три года наблюдений в Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) только раз, 16 июня 1973 г. видел жемчужного вьюрка, который нёс в клюве бабочку-совку.

Обращают на себя внимание довольно стабильные поздние сроки гнездования жемчужных вьюрков, вполне объяснимые большой абсолютной высотой. Так, в Таласском Алатау в урочище Каскабулак (3200 м) 23 июня 1962 г. жемчужные вьюрки усиленно токовали, самцы при этом принимали позы, очень сходные с таковыми у гималайского вьюрка; 25 июня 1972 г. у снежника на перевале Кши-Каинды (3000 м) наблюдали спаривание (Ковшарь, Левин, Губин, 1982). В Терской Алатау самка, добытая 23 июня 1953 г., снесла только одно яйцо (Степанян, 1959). В Заилийском Алатау, в цирке ледника Туюксу (3400 м) 20 августа 2013 г. жемчужные вьюрки кормили летающих птенцов (Дякин, Исабеков, www.birds.kz).

424. Краснокрылый чечевичник – *Rhodopechys sanguineus* (Gould, 1838)

Crimson-winged finch (англ.), Rotflügelgimpel (нем.), Bouvreuil aux ailes cramoisies (фр.), қызылқанат құралай (каз.), кызгылт канат (кирг.), қизилқанот чумчуқ (узб.), наскхураки сурхбол (тадж.)

Синонимы: *Fringilla sanguinea* Gould, 1838 (1837); *Erythrospiza phaenicoptera* Bonaparte et Schlegel, 1850; *Rhodopechys sanguinea orientalis* Stepanyan, 1959. Чечевичник (Шнитников, 1949).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане – номинативный *Rh. s. sanguineus* Gould, 1838.

Характер пребывания. На большей части ареала оседлый, но из Тянь-Шаня откочёвывает на зиму недалеко: уже в Памиро-Алае краснокрылый чечевичник нормально зимует (Иванов, 1969).

Биотоп. Не раз описывался неправильно, поскольку в разгар гнездового периода – в июне и июле – это очень подвижная птица, свободно летающая от альпийского пояса до предгорий, так что трудно судить о предпочитаемой ею стации (Шульпин, 1953). По наблюдениям в Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) этот опытнейший орнитолог сделал следующий вывод: «Сопоставляя свои наблюдения с имеющимися данными о гнездовании этого вида, я нахожу, что основной стацией чечевичника следует считать сочетание зарослей арчовых кустарников с прогреваемыми солнцем каменистыми долинами, поросшими высоким, напоминающим бурьян растением *Solenanthus stylosus* из сем. Borraginaceae… Чечевичник же гнездится всегда на кустарнике и, по-видимому, в можжевельнике, судя по имеющимся данным и косвенным моим наблюдениям. В нашем районе его гнездовой стацией, вероятно, являются кустарные арчевники и пышные варианты стелющихся арчевников по склонам гор» (Шульпин, 1953, с. 72). Гениально уловив связь этого вида с прогреваемыми каменистыми долинами и растениями из семейства бурачниковых, Леонид Михайлович ошибся в другом: никакой связи с арчой у краснокрылого чечевичника нет. Процитированный отрывок из его статьи был написан за четверть века до публикации сведений о нахождении первого в мире гнезда краснокрылого чечевичника в горах Атласа в Марокко (Olier, 1959), а следующие шесть гнёзд, по иронии судьбы, были найдены в 1961-1962 гг. в том же заповеднике Аксу-Джабаглы, где в 1933-1935 гг. работал Л.М. Шульпин, и помещались они на земле под камнями в сухих каменистых участках альпийского пояса на высоте 3000 м (Ковшарь, 1962, 1964, 1966). Позволю себе привести дословное описание этого биотопа: «Гнездовой стацией краснокрылого чечевичника являются скалистые участки альпийского пояса у гребней хребтов, где он гнездится в хорошо прогреваемых ложбинах между параллельными грядами скал, спускающимися со склона вниз; предпочитаются склоны южной экспозиции, хотя иногда гнёзда устраиваются и на северной стороне. На таких участках были расположены все шесть найденных нами гнёзд, здесь же мы чаще всего встречали и чечевичников – почти каждую экскурсию. Вдвое реже встречались они у снежных пятен и фирновых полей, втрое реже – в высокоствольных арчевниках и в степи культурного пояса; в пять-шесть раз реже – на осыпях и альпийских лужайках, в зарослях лиственных кустарников и в типчаковой степи» (Ковшарь, 1966, с. 154). Здесь перечислены многие места, куда чечевичник летает за кормом для птенцов, спускаясь при этом с 3000 м до 1800, а то и до 1500 м, и проделывая при этом путь в несколько километров.

В Северном и Внутреннем Тянь-Шане, на краю своего ареала, краснокрылый чечевичник обитает в сухих низкогорьях: «Однако она живёт не только на подснежных высотах, как думал Северцов, но и в горах средней высоты… Только на Тарагае (верховья Нарына) Северцов встретил её на большой высоте, да около Чатыр-Куля она наблюдалась Скорняковым тоже «непосредственно под вечными снегами»…Вообще же, не выходя в своём распространении у нас из гор, она в дальнейшем к высоте над уровнем моря относится более или менее безразлично. Я встречал её довольно низко (Джумгал – около 2200 м, Кочкорка – 1800 м, Атбаши – 2200 м, Алабуга – 1900 м)» (Шнитников, 1949, с. 356). Биотоп краснокрылого чечевичника во Внутреннем Тянь-Шане этот автор описывает так: «Эта красивая птичка на гнездовье очень строго придерживается вполне определённой обстановки, а именно, голых, лишённых почти всякой растительности, обычно причудливо размытых глиняных гор. При этом охотнее всего она выбирает горы из красной глины, где она иногда оказывается даже довольно многочисленной, как мы видим, например, в окрестностях Кочкорки» (там же, с. 357). Наконец, для Иссык-Кульской котловины (рис.522) дано ещё одно определение гнездовой стации этого вида: «Биотоп – пустынные и пустынно-степные местности с выходами сильно разрушенных невысоких скал или глинистыми обнажениями и пологими каменистыми склонами. В общем это птица всхолмленного пустынного ландшафта» (Степанян, 1959, с. 83). Как видно, во всех этих описаниях общее – то, что всё это «сухие прогреваемые места», о которых писал Л.М. Шульпин.

Распространение. Тянь-Шань находится на северо-востоке ареала этого афро-переднеазиатского вида (рис. 520). Этот участок границы ареала описан следующим образом: «Восточнее северная граница ареала поднимается к северу, охватывая с запада Кугитанг, Алайскую систему, Тянь-Шань и хребет Каратау. К востоку от Каратау вид распространён к северу до Чу-Илийских гор, Джунгарского Алатау и южной части котловины оз. Зайсан. К югу до… южной окраины Западного Памира, Алайской долины, долины Атбаши, хребта Терской Ала-Тоо» (Степанян, 2003, с. 680). Распространение в казахстанской части Тянь-Шаня, с учётом более поздних находок, выписано более подробно: «гнездится и встречается на пролёте в Тянь-Шане в Чаткальском, Пскемском, Угамском хребтах и в западной части Таласского Арату, в Чу-Илийских горах, в Джунгарском Алатау (Алтынэмель, возможно также в горах Чулак и Матай) и на хребте Монрак. В мае найден

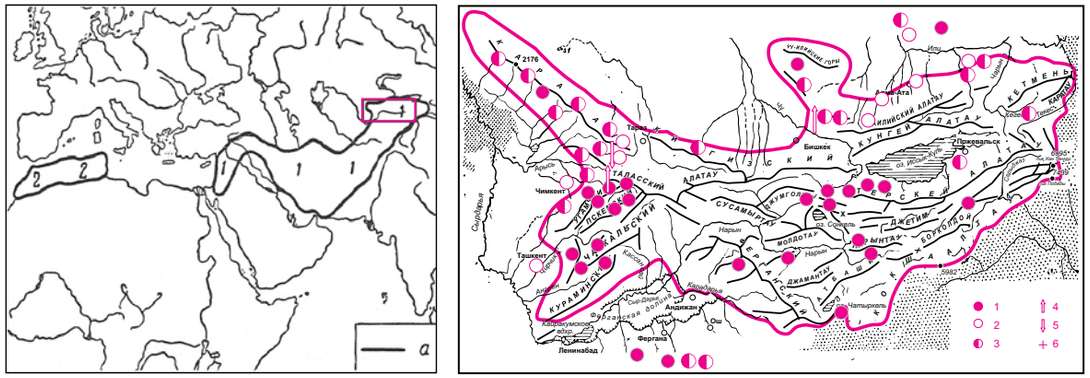

Рис. 520. Ареал краснокрылого чечевичника. По: Бёме, 1954, с. 241. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 521. Распространение краснокрылого чечевичника в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 3 – летние встречи, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

в Боролдае, но гнездование не установлено. Вероятно, населяет Киргизский Алатау, где встречен в июле. Зимой однажды добыт у Чимкента» (Гаврилов, 1999, с. 160).

Последнее описание уже более близко к современным данным (рис. 521), по которым краснокрылый чечевичник как вид западный, средиземноморский, наиболее полно населяет Западный Тянь-Шань (Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Ковшарь, 1966; Митропольский и др., 1981, 2005; Головцов, 2007), включая и Каратау (Долгушин, 1951; Кузьмина, 1974; Колбинцев, 2002; Корелов, 2012; Ковшарь, 2014; Корнев, 2016), гнездование в котором было окончательно доказано только 7 июня 2016 г. в районе Турланского перевала, где взрослая птица кормила слётка в 5 км восточнее пос. Ачисай (Федоренко, 2016). Намного севернее, у Мынжилке, в гнездовое время в «высокогорье» этого хребта их видел в 1941 г. И.А. Долгушин (1951), а ещё северо-западнее горы Бессаз, в урочище Балыкши (ниже 2000 м) 30 июня 1992 г. я встретил краснокрылых чечевичников парами и группами в обстановке, очень напоминающей их гнездовые стации в соседнем заповеднике Аксу-Джабаглы (Ковшарь, 2014).

В Киргизском Алатау краснокрылый чечевичник отмечен только раз: в верховьях ущелья Чунгурсай (напротив села Луговое, ныне Кулан) 15 июля 1957 г. И.Ф. Бородихин встретил поющего на скалах самца (Корелов, 2007). Следующий к востоку район – Чу-Илийские горы, где краснокрылых чечевичников много раз встречали у подножья Курдайского перевала (конец марта и начало мая 1993, 2 мая 1999, 27 апреля 2000 и 29 апреля 2001 гг.), причём как в конце марта, так и в апреле-мае видели одиночек и пары в местах, очень напоминающих гнездовой биотоп этого вида в Аксу-Джабаглы, а также явно пролётные группы по 5-10 птиц которые пролетали на восток в сторону Жетыжол. В самом хр.Жетыжол (близ с. Ак-Сункар) три пары чечевичников встретили 14 апреля 1997 г. (Губин, 2003: КОБ-2002). В Чу-Илийских горах (Анархай) 17 мая 1942 г. А.А. Слудский (1953) нашёл мёртвую самку краснокрылого чечевичника с наседным пятном – явный признак гнездования в этих невысоких горах. В собственно Заилийском Алатау чечевичник не гнездится и летом не встречается, только однажды пролетающую пару в верховьях ручья Серкебулак (3000 м) видел в августе 1973 г. Б.М. Губин (2003: КОБ-2002, с. 118). Но в сухих восточных отрогах этого хребта (Б. и М. Богуты) он в последние годы встречается регулярно и наверняка гнездится (это один из популярных объектов Birdwatcher's у родников и на берегах Бартагойского вдхр.). Гнездится чечевичник также севернее, в сухих горах на правобережье р. Или (Алтынэмель, Чулак, Матай), откуда известно почти 20 добытых взрослых и молодых птиц, а в горах Чулак Ю.Н. Грачёв нашёл даже гнездо с кладкой (то ли этого вида, то ли *Bucanetes mongolicus* – теперь уже проверить не представляется возможным).

В Центральном Тянь-Шане краснокрылый чечевичник никогда не встречался. Только раз, 24 мая 2008 г., в горах Жабыртау, при подъёме на перевал к озеру Тузколь, встречен кормившийся на дороге самец, улетевший в ближайшие глинистые увалы (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008). Авторы не исключают гнездование этого вида в ксерофитных горах в районе озера Тузколь.

Для Иссык-Кульской котловины краснокрылый чечевичник был указан ещё Н.А. Северцовым, а у В.Н. Шнитникова (1949, с. 367) читаем: «Яйца чечевичника, доставленные Бамбергу, были найдены 9/V 1905 г. в ущелье Кызыл-су и 10/V 1905 г. где-то около Каракола» – без всяких доказательств, что они принадлежат именно этому виду, и это давно уже подвергнуто сомнению. Обследовавший в 1953 и 1954 гг. хребет Терской Алатау и всё южное побережье Иссык-Куля Л.С. Степанян (1959) выяснил, что краснокрылый чечевичник распространён только в пустынной юго-западной части котловины (рис. 522): «Мной наблюдались в урочищах Кок-Сай, Ак-Улен, в долине Ала-Баш и её окрестностях. Приблизительно в 70-80 км восточней посёлка Ак-Улен чечевичник уже не встречался. В вертикальном распределении не наблюдался выше средневысотных гор. Все находки в более высоких поясах относятся к осеннему времени» (Степанян, 1959, с. 83). Во Внутреннем Тянь-Шане, южнее и западнее Иссык-Куля, краснокрылый чечевичник распространён спорадично и все эти места (Тарагай в верховьях Нарына, Кочкорка и Джоанарык, Джумгал, Атбаши, Алабуга, озеро Чатыркуль, перевал Кугарт в Ферганском хребте) перечислены ещё у В.Н. Шнитникова (1949). Более новых сведений из этого района нет, что может быть свидетельством низкой его численности. Так, за 7 тянь-шаньских экспедиций, проведенных в июле-августе 1998-2006 гг., краснокрылый чечевичник попадался мне только в 1999 г. в Алайской долине: 24 июля – одиночка у с. Сарымогол и 25 июля – 10 и 3 птицы близ с. Кашкасу. Все три встречи произошли у южных подножий Алайского хребта, склоны которого возвышаются над днищем долины всего на 500-600 м и в верхней своей части имеют прекрасные кулуары между грядами скал – идеальное место для гнездования этих птиц, которые за кормом для птенцов летают и дальше, чем за 500-600 м (Ковшарь, Торопова, 2000). Более ранние сведения о распространении чечевичника вдоль южной границы Тянь-Шаня подытожены А.И. Ивановым (1969, с. 383): «В Алайском хребте краснокрылый чечевичник найден в ряде пунктов как на северных, так и на южных склонах (Акбогуз, Зардалы, Ярдам, р. Коксы, Дарауткурган). В Туркестанском хребте немногочисленных чечевичников Зарудный наблюдал лишь на р. Кшемыш». В июле 2005 г. мы их здесь не встретили.

Численность. Спорадически распространённый краснокрылый чечевичник нигде не бывает особенно многочисленным, хотя местами довольно обычен. На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня в 1948-1954 гг.: «в поясе арчового редколесья и нагорных степей чечевичники обыкновенны и многочисленны» (Корелов, 1956, с. 284), а через 50 лет: «обычен на гнездовье в Угамском, Пскемском, Чаткальском и Кураминском хребтах… Возможно, что численность этого вида к настоящему времени несколько снизилась» (Митропольский, 2005). Для последнего предположения основанием послужили наблюдения В. Ковшарь (2003) встретившей в июле-августе 2002 г. чечевичника в долине Пскема всего два раза. Ни разу не встретил его на плато Пулатхан и М. Митропольский (2008), а летом 2015-2016гг. в долине Пскема только раз, 2 июля 2016 г. видели 10 краснокрылых чечевичников на лугу в месте слияния Майдантала и Ойгаинга (Тен и др., 2017).

В западной части Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где найдено 16 из 20 известных для Тянь-Шаня жилых гнёзд этого вида, в 1926-2016 гг. прослежены изменения его численности. В 1926 и 1933-1935 гг. чечевичники были здесь обычны и широко распространены по высоте (Шульпин, 1953); в 1959-1966 г. они были довольно многочисленны на гнездовании, являясь одним из наиболее характерных обитателей высокогорья, особенно в районе перевала Кши-Каинды, где в июле 1961-1962 гг. удалось найти первые 6 гнёзд этого вида (Ковшарь, 1966). В 1971-1973 гг. численность оставалась на том же уровне: здесь же найдено 7 гнёзд (Губин, 1978, 1979). Но уже в 80-х гг. краснокрылый чечевичник встречался только в альпийском и субальпийском поясах всего двух урочищ (перевал Кши-Каинды и Чуулдак). «Явно гнездовую пару последний раз отметили 1 июля 1987 г. на перевале Кши-Каинды, а последняя встреча в это десятилетие состоялась 28 марта 1990 г. в районе кордона Джабаглы. И только через девять

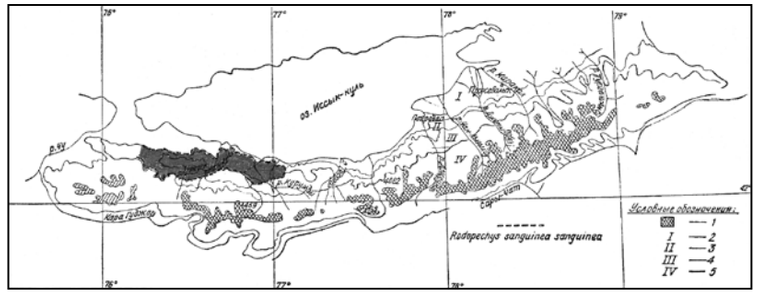

Рис. 522. Распространение краснокрылого чечевичника (залито чёрным) в Иссык-Кульской котловине (по: Степанян, 1959, с. 84)

лет пару птиц вновь встретили 14 и 17 июля 1999 г. на перевале Улькен Каинды. Таким образом, в течение семи десятилетий краснокрылый чечевичник из многочисленного вида превратился в редкий» (Чаликова, 2003: КОБ-2002, с. 116). Это отражено и в специальной публикации: «Об изменениях численности краснокрылого чечевичника в отловах на Чокпакском перевале (1966-2002)» по материалам о 337 окольцованных птицах (107 весной и 230 осенью): «Начиная с 1982 г., чечевичников ловили лишь весной. Причём в 1989, 1990 и 1998 гг. только взрослых птиц. В последующие годы их не встречали. Возвратов и повторных встреч помеченых птиц в последующие сезоны не было. У двух самок и трёх самцов, пойманных в мае, обнаружены наседные пятна (видимо, гнёзда у них погибли). Вероятно, в последние 20-25 лет произошло существенное снижение численности гнездовых популяций данного вида, что и вызвало сокращение количества птиц, отлавливаемых стационарными ловушками в период миграций» (А. Гаврилов, Э. Гаврилов и др., 2003: КОБ-2002, с. 118). Всё это особенно убедительно, если вспомнить, что в августе-сентябре 1966-1967 гг. в том же месте, всего в 1-2 км севернее ловушек, я встречал сотенные стаи краснокрылых чечевичников, кормившихся на полях сафлора. А на Казгурте (южнее Чимкента) огромные стаи краснокрылых чечевичников встречал М.Н. Корелов (2012) весной – 26-28 апреля 1958 г.; много их было в скалах, образуя целую колонию, в которой самцы пели.

Из других мест сведения о численности отрывочны. На юго-западе Иссык-Кульской котловины 29 мая 1954 г. насчитали 20 краснокрылых чечевичников на 50 км маршрута, а во второй половине июня встречали двух-трёх за экскурсионный день (Степанян, 1959). Как о довольно многочисленном в горах из красной глины в районе Кочкорки пишет о чечевичнике В.Н. Шнитников (1949). Об очень низкой численности краснокрылых чечевичников на маршрутах по Внутреннему Тянь-Шаню в наше время (1998-2006) сказано выше. Видимо, депрессия численности этого вида продолжается.

Сроки. Даты. Несмотря на значительное число зимних встреч (см. рис. 521), сезонные откочёвки их большей части продолжаются, только сведений об их сроках довольно мало. Через Чокпак в 1966-1981 гг. они пролетали регулярно (до 143 особей/сезон весной и 144 особей/сезон осенью): первые 24 февраля – 11 марта, в среднем 4 марта; основной пролёт (62.9%) шёл 16 марта – 15 апреля, а завершался пролёт 11 мая (1968) – 23 мая (1966), в среднем 16 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг., когда численность краснокрылых чечевичников значительно снизилась (см. выше), с 1 апреля (1986) по 18 мая (1988) отловили всего 23 особи, срединная дата пролёта – 4 мая (А. Гаврилов и др., 2017). Осенью 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 7 августа (1969) – 4 сентября (1975), в среднем 22 августа (самцы начинали лететь на 5-10 дней раньше самок); основной пролёт (отловлено 97.8%) шёл с 21 августа по 5 сентября, завершалась миграция 15 октября (1968) – 30 октября (1973), в среднем 23 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В следующие 35 лет, когда осеннего пролёта этого вида практически не было, окольцован только один краснокрылый чечевичник 21 октября 2013 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. До середины XX ст. была совершенно не известной (если не считать сомнительного указания на доставленные кем-то Бамбергу чьи-то яйца). Только в 1959 г. в журнале «Alauda» появилась публикация[25] о нахождении в горах Атласа (Марокко) первого гнезда краснокрылого чечевичника с птенцами – под кустиком колючего эспарцета *Onobrychis jechidna* (Olier, 1959). Вскоре мне посчастливилось найти 6 гнёзд краснокрылого чечевичника в районе перевала Кши-Каинды (3000 м) в заповеднике Аксу-Джабаглы в западной части Таласского Алатау (Ковшарь, 1962, 1964). Все они помещались на земле под камнями и содержали: 17 июля 1961 г. – 4 сильно насиженных яйца, из которых 21 июля уже вылупились птенцы; второе 19 июля 1961 г. – 5 пуховых птенцов; третье 5 июля 1962 г. – 4 только что вылупившихся птенца и яйцо; четвёртое 12 июля 1962 г. – 5 слабо насиженных яиц; пятое 13 июля 1962 г. – 4 свежих яйца; шестое 19 июля 1962 г. – 5 оперившихся птенцов. Поскольку яйца и пуховые птенцы этого вида ещё не были описаны[26] (кладка от 17 июля 1961 г. была первой в мире), позволю себе дословно повторить здесь их описания, опубликованные в 1964 г.: «**Гнездо** краснокрылого чечевичника представляет довольно плотную постройку из сухих стеблей злаков, напоминающих типчак. Внутренней выстилки нет, и вообще строительный материал доволно однороден. Внешние размеры гнезда часто повторяют форму ямки, в которой оно находится, лоток почти всегда правильно круглый. Диаметр лотков 82, 85, 85, 92, 96, 103 мм; глубина их: 33, 33, 37, 42, 45 и 47 мм. Полная кладка содержит четыре-пять **яиц** овоидной

[25] Мне эту статью в сентябре 1962 г. любезно показала Елизавета Владимировна Козлова, которой я привёз на просмотр рукопись своей заметки о нахождении первых гнёзд краснокрылого чечевичника в Аксу-Джабаглы – *АК*

[26] Описание яйца краснокрылого чечевичника, снесенного самкой в клетке, опубликовал только через несколько лет известный немецкий орнитолог G. Niethammer, которому впоследствии И.А. Нейфельдт выслала оттиск моей статьи 1964 г. – *АК*

формы с нормально выраженными острым и тупым полюсами. Цвет яиц бледно-голубой, с очень мелкими и редко разбросанными тёмно-коричневыми точками. Скорлупа матовая, неблестящая. Размеры яиц (13 шт.) 22.2-24.2x 16.7-18.7 мм, в среднем 23.3x17.2 мм. Вес слабо насиженных яиц (9 шт.) 3.20-3.55, в среднем 3.33 г. **Птенец** в первый день после вылупления покрыт совершенно белым пухом, напоминающим ковыль, около 10 мм длиной. На голове пух образует кольцо, распределяясь на затылке, над глазами и на лбу, темя остаётся голым. Пух есть по всем птерилиям дорзальной части тела, на спине он расположен поперёк кости, на предплечье – вдоль двумя рядами, на месте маховых и больших кроющих крыла. Вершина крыла без пуха. На спине пух идёт узкой полосой вдоль позвоночника, по бокам таза, над бёдрами, и немного развит также на внешней стороне бедренной кости. На вентральной стороне тела видны птерилии, идущие вдоль боков брюха и груди к горлу, где они сходятся. Цвет тела розовый, на брюхе кожа просвечивает – видны внутренние органы и даже пища в кишечнике. Ноги, когти и углы рта белые, клюв серый, птенец вылупляется слепым» (Ковшарь, 1964, с. 125-127). Некоторые дополнения и поправки к этим описаниям были опубликованы позднее (Нейфельдт, 1970; Губин, 1979; Митропольский и др., 1981). И.А. Нейфельд внесла в текст описания пуховичка терминологические поправки (убрав слово «кость», на которой, как известно, пух расти не может), Б.М. Губин у 10 осмотренных им птенцов обнаружил ещё рудиментарное опушение на кистевых и копчиковых птерилиях, а О.В. Митропольский на основании нового измерения кладки Э.Р. Фоттелером внёс поправку в максимальный размер ширины яиц (18.1 мм вместо 18.7 мм). С принятием всех этих поправок описания могут считаться окончательными.

В мае 1968 г. в том же заповеднике, но на вершине более низкого хребта, ботаник А.А. Иващенко нашла ещё два гнезда краснокрылого чечевичника: «Оба гнезда найдены на северном склоне хребта Джабаглытау (2000 м), на микросклоне западной экспозиции крутизной около 40°. Местность – каменисто-щебнистая типчаковая степь с редкими лепёшками арчового стланика и характернейшими подушками колючего эспарцета; ближайшие скалы в 200-300 м. Гнёзда помещались в ямках на земле под прикрытием растений: одно – под дерновиной туркестанского ячменя, второе – под колючим эспарцетом. Расстояние между гнёздами 200 м. Наружный слой сплетен из кусочков стеблей разнотравья, злаков и корней трав; лоток выстлан выбеленными полосками луба разнотравья и почти неотличимыми от них светлыми листями злаков. Поперечник гнёзд 133x122 и 130x110 мм, ширина лотка 72 и 84x79 мм, глубина его 47 и 48 мм. В обоих гнёздах было по 5 яиц, на которых сидели самки, подпускавшие [человека – *АК*] очень близко – до 1 м. По матовому бледно-голубому фону яиц – редкий крап в виде тёмно-коричневых, почти чёрных точек, которых больше на тупом конце; у трёх яиц они образуют здесь едва заметное кольцо, у двух других – такую же «шапку». На двух яйцах, кроме точек, было по нескольку чёрточек. Размеры 10 яиц: 20.8-22.2x15.9-16.5, в среднем 21.5x16.2 мм. Вес их (степень насиженности не установлена) 2.45-2.8 г» (Иващенко, Ковшарь, 1972, с. 333-334).

В 1971-1973 гг. в том же заповеднике, на первоначальном месте (перевал Кши-Каинды, 3000 м) Б.М. Губин (1978, 1979) провёл детальные наблюдения за 7 найденными им гнёздами краснокрылого чечевичника, проследив полностью гнездовой цикл – от постройки гнезда до вылета птенцов. По его наблюдениям, место для гнезда выбирает самка, которую сопровождает самец, она же сооружает гнездо (в том числе выкапывает ямку для него), насиживает кладку и обогревает птенцов, которых выкамливают оба родителя. На возведение гнезда уходит 3-4 дня, на ежедневную откладку яиц 5-6 дней; насиживание начинается после откладки 4-го яйца и длится 12 дней, птенцы покидают гнездо на 16-17-й день (таким образом, весь гнездовой цикл занимает 36-39 дней). У одной пары весь цикл занял 34 дня: самка начала строить гнездо 30 июня, птенцы покинули его 3 августа. В высокогорье у этого вида явно одна кладка.

Для переноса на большое расстояние множества мелких семян так же, как и у горных вьюрков рода *Leucosticte* (Miller, 1941; French, 1954; Штегман, 1954) используются подъязычные мешки, которые развиваются только на период выкармливания птенцов. У краснокрылого чечевичника они подробно описаны Б.В. Некрасовым в нашей совместной статье (Ковшарь, Некрасов, 1967) после того, как Борис Владимирович прочитал описанный мной процесс опорожнения этих мешков: «Когда чечевичник прилетает к гнезду с кормом, то видно, что у него раздута шея и топорщится перо на горле. Прежде чем кормить птенцов, он садится на камень недалеко от гнезда и проделывает несколько странных движений: опускает голову попеременно то к одной ноге, то к другой (внешне это отдалённо напоминает чистку клюва) и затем поднимает её, вытягивая шею. Повторив такие движения раз 15-20, чечевичник летит к гнезду, всовывает клюв в раскрытый клювик птенца и раз 5-6 делает движение головой вперёд, как бы проталкивая пищу глубже в рот птенца. Очевидно, все эти приготовительные движения перед кормлением – не что иное, как механическое выдавливание содержимого шейных вместилищ, не имеющих собственной мускулатуры (Miller, 1941)» (Ковшарь, 1964, с. 128). После этого мне оставалось только зафиксировать несколько экземпляров краснокрылых чечевичников и доставить их в ЗИН АН СССР (ныне – ЗИН РАН), где большой специалист по челюстному аппарату вьюрковых

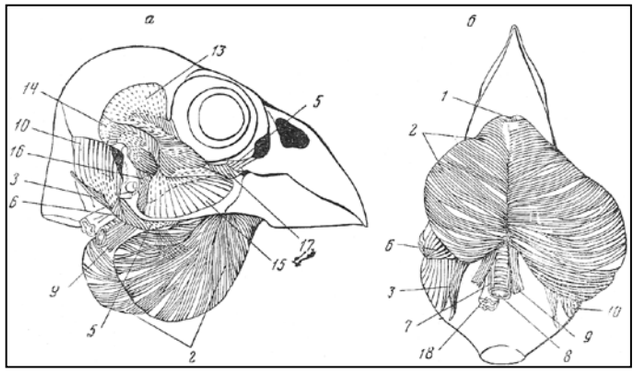

Рис. 523. Голова краснокрылого чечевичника
с отпрепарированной челюстной и подъязычной мускулатурой
(подъязычные мешки наполнены);
а – вид сбоку, б – вид снизу (названия мускулов 1-18 даны
в статье: Ковшарь, Некрасов, 1967, с. 322).
Рис. Б.В. Некрасова

и овсянковых птиц Б.В. Некрасов отпрепарировал их и сделал подробные описания морфологии самих мешков (рис. 523). Кстати, в условиях Таласского Алатау эти мешки служили в основном для переноса семян сложноцветных растений – уже упомянутой *Lindelophia* [*Rindera*] *stylosa*, а также видов родов *Tragopogon* и *Scorzonera*.

К сказанному можно добавить, что из 20 гнёзд краснокрылого чечевичника, известных для Западного Тянь-Шаня, только 6 помещались под прикрытием растений (из них 4 – под кустами эспарцета колючего *Onobrychis jechidna*), остальные 13 находились под защитой камней, а одно – в нише придорожного обрыва заброшенной дороги.

В Угамском хребте (ущелье Уларсай, 3000 м) 18 июня 1984 г. под кустом эспарцета колючего в гнезде краснокрылого чечевичника было одно яйцо, и самка продолжала строить гнездо, а самец пел в 10 м; в этот день и 21 июня (при кладке в 4 яйца) наблюдали спаривание, а 22 июня самка насиживала 5 яиц. Там же, в другом гнезде, также под кустом эспарцета колючего, в кладке было 2 яйца. Там же, но на 200 м ниже, 18 июня 1988 г. в гнезде под кустом акантолимона самка насиживала 6 яиц (Иващенко, Белялов, 2003: КОБ-2002, с. 118-119). В Кураминском хребте (урочище Саз в верховьях р. Ангрен) в единственном найденном здесь гнезде под большим камнем на крупнообломочной осыпи 14 июня 1977 г. было 6 слабо насиженных яиц (Митропольский и др., 1981). В Каратау, в районе Турланского перевала, в 5 км восточнее пос. Ачисай (43°33’49”с.ш., 68°58’02” в.д., абс. высота 1050 м), краснокрылый чечевичник кормил хорошо летающего птенца, который преследовал его, выпрашивая корм (Федоренко, 2017).

В других хребтах Тянь-Шаня гнёзд краснокрылого чечевичника не находили, и даже встреч птенцов вне гнёзд почти нет. Для сравнения со сведениями из высокогорья Западного Тянь-Шаня желательно исследовать биологию краснокрылого чечевичника в среднегорье Иссык-Кульской котловины, а также в низкогорье Чу-Илийских гор и восточных отрогов Северного Тянь-Шаня (Сюгаты, Богуты и др.).

425. Монгольский пустынный снегирь – *Bucanetes mongolicus* (Swinhoe, 1870)

Mongolian trumpeter finch (англ.), Mongolen Wüstengimpel (нем.), Bouvreuil de Mongolie (фр.), монгол суықторғайы (каз.), монгол чол чымчык (кирг.), мўғул чўл вьюроги (узб.), севогари мугули (тадж.)

Синонимы: *Erythrospiza incarnata* Severtzov, 1873. Монгольский вьюрок (Шнитников, 1949). Монгольский снегирь (Степанян, 1978, 1990; Гаврилов, 1999). Пустынный снегирь (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960). Одно время его объединяли в один вид с *Bucanetes githagineus*. Подвидов не образует.

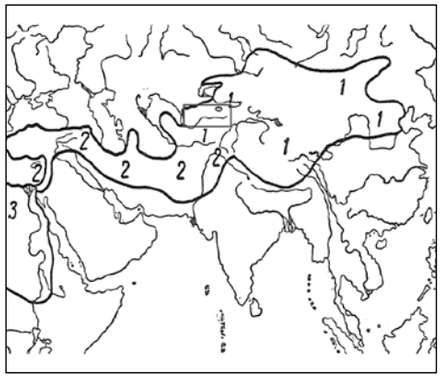
Характер пребывания. В нашем районе гнездится, пролетает и изредка встречается зимой; какая-то часть гнездящихся, по-видимому откочёвывает на зиму южнее (Зарудный, 1913; Корелов, 1974).

Биотоп. Типичная обстановка в местах гнездования подробно описана для низкогорий: «Он охотно селится на каменистых изреженных шлейфах со скудной растительностью низких сухих гор пустынь… Выше не идёт и в верхних частях склонов и у вершин не гнездится. В сухих отрогах хребтов он селится в каменистых ущельях – либо в их нижней части, либо, наоборот, в верхней, где склоны сановятся менее крутыми и переходят в более пологие покаты со скудной изреженной растительностью. При этом он избирает

такие места, от которых неподалёку имеется хотя бы небольшой источник с пресной или солоноватой водой, так как нуждается в воде и водопои посещает регулярно, в летние знойные дни даже дважды – утром и перед вечером» (Корелов, 1974, с. 266).

Однако на юге Тянь-Шаня, на границе с Памиро-Алаем монгольский пустынный снегирь гнездится в высокогорье, о чём писал ещё Н.А. Северцов (1873): «В Туркестанском крае летом это птица самого верхне-альпийского пояса, живёт выше предела лесов, впрочем в безлесных местностях и немного ниже – например, на нижнем Алае; осенью остаётся возможно дольше на тех же высотах и сгоняется вниз только снегами, но только немногие временно спускаются в культурный пояс, где встречались у Келеса и в ходжентских предгорьях в октябре. Большинство птиц этого вида вероятно зимует на горных солнцепёках, но верно не знаю: зимой позднее октября их не добывал». Приведя этот отрывок в своём замечательном очерке «157. *Erythrospiza mongolicus* Swinh.», Н.А. Зарудный снабдил его существенным примечанием: «По удобным местам зимует в нашем крае и на значительных высотах. N. Gyldenstolpe в статье своей “Short Notes on a collection of Birds from Russian Turkestan” (Arkiv für Zoologi, B. 7, № 14, 1911) приводит ряд экземпляров (♂♂и ♀♀), добытых в Нарыне (к югу от Иссык-куля) 29.I – 1-27.II. 1910 (нов. ст.) на высоте 2140 м» (Зарудный, 1913, с. 143). И далее в тактичной форме излагает свои наблюдения о высотном и биотопическом распределении этого вида: «Эти сведения значительно дополняют и отчасти исправляют некоторые из вышеприведенных категорических утверждений Н.А. Северцова. Прежде всего наша птичка летом не есть представительница только самого верхнего альпийского пояса или зоны, лежащей немного ниже… Далёкий от мысли отрицать её гнездование на таких высотах в том или другом месте нашего обширного края, я должен сказать, что в период гнездовья она наверное отсутствовала в альпийских и субальпийских областях на верховьях реки Пскем (один из истоков Чирчика) в Таласском Алатау в 1907-м, на верховьях Кшемыша и Чичака (истоки р. Исфара-су в Фергане) в хребте Туркестанском в 1908-м и на верховьях рек Падша-ата и Итокар в северной Фергане в 1909-м годах. С другой стороны, я нашёл её в хорошо заметном числе на гнездовьи близ места впадения Пскема в Чаткал, а также невдалеке отсюда около с. Хумсан на р. Угам; затем она оказалась очень обыкновенной на гнездовьи во многих местах в горах по самым низовым частям Чичака и Кшемыша, а также на южных склонах гор Ахун-тау и, в особенности, в окрестностях с. Варух (4886 футов). Не обнаруженная на вершине Падша-ата, она гнездилась, правда, в очень небольшом числе, в горах Кук-сарай, а затем в низовой части названной реки около с. Нанай и в горах Унгар-тюбэ. Затем она найдена на гнездовьи в горах Могол-тау (к северу от Ходжента) и в Каратау по реке Биш-арык. Все сейчас перечисленные местности лежат частью в зоне древовидного можжевельника, частью (и это гораздо чаще) ниже её пределов» (Зарудный, 1913, с. 144). Наконец, есть описание биотопа для юго-западной части Иссык-Куля: «Гнездовой биотоп – в высшей степени пустынные каменистые склоны и невысокие сильно разрушенные скалы, сплошь покрытые пустынным загаром. Растительность здесь представлена самым ограниченным количеством форм. Кустики травы растут на большом удалении друг от друга, нигде не образуя не только заметного покрова, но даже и просто сгущений» (Степанян, 1959, с. 82).

Распространение. Длительное пребывание монгольского пустынного снегиря в качестве подвида *Bucanetes githagineus* не способствовало разграничению их ареалов, которое проходит лишь немного южнее и западнее нашего района (рис. 524), в пределах которого этот обитатель пустынных низкогорий распространён весьма спорадично (рис. 525). На севере он гнездится в опустыненных низкогорьях крайнего северо-запада Каратау: «В 1930 г. мной эти вьюрки были добыты 7 мая несколько севернее Туркестана (Аксерке) в обстановке, позволяющей предполагать гнездование. Несколько западнее, в верховьях Бесарыка, их находил Н.А. Зарудный (1913), о чём он говорит вскользь, не указывая даты и обстоятельств нахождения. В Актау, у западного окончания Каратау, их встречали и добывали в гнездовое время неоднократно (Шапошников, 1931; Спангенберг, 1941; Долгушин, 1951)» (Корелов, 1974, с. 265). К сожалению, более позднего подтверждения гнездования здесь этого вида, известного своим непостоянством по годам, не имеется. Так, монгольский пустынный снегирь периодически гнездится в юго-западных отрогах Таласского Алатау – на Пскеме и Угаме (Зарудный, 1913), где в 1949 и 1953 г. его определённо не было (Корелов, 1956). «На северных склонах Таласского и Киргизского Алатау пустынный снегирь не гнездится и начинает встречаться только в Чу-Илийских горах. Здесь он довольно обычен в ущельях Анархая, по шлейфам Хантау и у горы Джамбул. В Заилийском Алатау не гнездится. Встреченный Э.И. Гавриловым в верховьях Б. Алматинки 25 июня 1969 г. самец мог залететь из прилежащих горных районов Киргизии, где он гнездится. Но в восточных отрогах Заилийского Алатау он не редок и гнездится в небольшом количестве на шлейфах северных склонов Турайгыра, обращённых к Сюгатинской долине, на южных склонах гор Большие и Малые Богуты; найден мной гнездящимся и в каньонах Чарына у Кортагойского моста» (Корелов, 1974, с. 266). В Жёлтом каньоне Чарына 20 мая 2002 г. несколько пар строили гнёзда (Гаврилов, 2003: КОБ-2002). В долине среднего течения

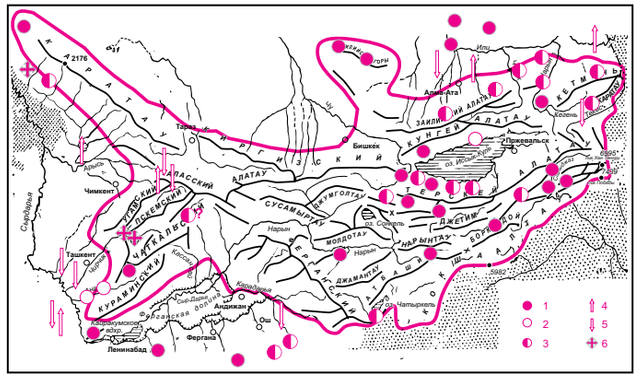

Рис. 524. Ареалы *Bucanetes mongolicus* (1) и *B. githagineus* (2) (по: Бёме, 1954, с. 233). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 525. Распространение *Bucanetes mongolicus* в Тянь-Шане: 1 – гнездование (6 – былое), 2 – зимние встречи

Или гнездится в скалах Капчагая (И.А. Долгушин, по: Шнитников, 1949), а на правобережье р. Или обитает в юго-западных отрогах Джунгарского Алатау – Малайсары, Алтынэмель, Чулак, Катутау; при этом в Чулакских горах, по наблюдениям М.А. Кузьминой, в 1948 г. его ещё не было, а в 1949 г. он был уже обыкновенен (Корелов, 1974; Карпов и др., 2004; Губин, Карпов, Белялов, 2007). Однако выше по течению, у Джаркента, его не встречали ни в 1899-1900, ни в 1918 гг. (Зарудный, Кореев. 1905) и только «С.А. Бутурлин ("Семья охотников" за 1908 г., стр. 250) сообщает о полученных им нескольких экземплярах из Джаркента (Семиречье) от 8.IV. 1908» (Зарудный, 1913, с.143), которые вполне могли быть и пролётными. Заслуживают внимания летние встречи-залёты в субвысокогорье Заилийского Алатау: кроме упомяной встречи 25 июня 1969 г. (см. выше), единственный раз за 10 лет стационарных тработ 20 июня 2007 г. я встретил несколько одиночек, кормившихся у дороги среди верхних ёлок и кустов арчи на высоте 2700 м (Ковшарь, 2008: КОБ-2007, с. 114), а 14 июня 2013 г. на плато Ассы (Тургень, 2300 м) пустынного снегиря сфотографировал В.А. Федоренко (www.birds.kz). В северной части Центрального Тянь-Шаня его отметили в двух местах: 14 июня добыт в ущелье Сумбе на северо-восточном склоне хребта Кетмень, а 5 и 8 мая 1940 г. В.М. Антипин добыл его в сухих горах у озера Тузколь (колл. ИЗ, Алматы). Не исключено гнездование в сухих горах Айбыржал и Жабыртау (Белялов, Винокуров, Белялов, 2004), но пока из долины Текеса в коллекции ЗИН РАН имеются только осенние экземпляры от 23-25 сентября 1875 г. и 6 октября из сборов ещё Н.А. Северцова – при всём том, что с 1955 по 2005 г. орнитологи работали здесь многократно.

Южнее в Центральном Тянь-Шане гнездование монгольского пустынного снегиря известно давно в бассейне Сарыджаза и Иныльчека (Иоганзен, 1908; Шнитников, 1949; Янушевич, Кыдыралиев, 1956; Крылов, 1969), причём последний автор, указывая гнездование этого вида только в южной, более тёплой половине Сарыджазских сыртов, считает монгольского пустынного снегиря одним из посланцев сухой и тёплой Кашгарии, расположенной южнее, сразу за хребтом Кокшаалтау (Крылов, 1969, с. 324).

В Иссык-Кульской котловине обитает только в западной половине: по южным предгорьям Кунгей Алатау в районе Тору-Айгыра (Птицы Киргизии, 1960) и на юго-западе котловины в районе Ак-Уленской пустыни (Степанян, 1959). Мы встретили пару этих вьюрков 23 июля 2000 г. немного восточнее: при подъёме на безымянный перевал (2100 м) на южном берегу Иссык-Куля перед сёлами Кумбатыр и Боконбаево, на сухих глинистых склонах, прорезанных сухими щебнисто-галечниковыми руслами временных водотоков, слабо поросших местами пустынными кустиками типа дерезы. И это была единственная встреча за весь путь по южному побережью озера, от Орто-Токойского вдхр. до Пржевальска (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В июне 2016 г. на южном берегу Иссык-Куля пустынных снегирей встретили в двух местах: поющего самца 17 июня в Каджисае (1700 м) и четырёх птиц – на водопое в урочище Оттук на западной оконечности Терской Алатау (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

Во Внутреннем Тянь-Шане южнее Иссык-Куля монгольского пустынного снегиря добывал ещё Н.А. Северцов в районе Тарагая (истоки Нарына), но в 1955 г. здесь и вообще на Покровских

сыртах его не встретили (Янушевич, Кыдыралиев, 1956). Вообще для сыртов Тянь-Шаня характерно локальное распространение этого вида в пределах сухих степей и полупустынь (Злотин, 1968). В верховьях Нарына, на щебнистых склонах отрогов хребта Борколдой, на отрезке от устья Чакыр-Корума до впадения в Нарын Восточного Каракола, пустынные снегири не только гнездятся (17 августа встречены птенцы, только что покинувшие гнездо), но и «господствуют (вместе с бледной завирушкой) в щебнистых овсяницево-беломятликовых степях» (Злотин, Пузаченко, 1963). В верховьях р. Чу указан гнездящимся в районе Орто-Токоя и Каракуджура (Птицы Киргизии, 1960). Немного восточнее последнего места, в урочище Карасаз (2880 м), на спуске в долину Кичи-Нарына, на травянистом склоне с небольшими разрушенными скалками и куртинами *Caragana jubata* вдоль ручья (идеальное место для гнездования!) 19 июля 2005 г. я наблюдал двух молодых и пролетающих взрослых. В 2017 г. двух пустынных снегирей видели 20 июня в скалистых предгорьях восточной части Орто-Токойского вдхр., пару – 29 июня в ущелье Тюлёк перед подъёмом на перевал Калмак-Ашу и 8 птиц – 1 июля на подгорной равнине севернее села Тору-Айгыр в хребте Кунгей (Архипов, Коблик и др., 2018).

Южнее пустынный снегирь гнездится в долине Атбаши, где в первой половине мая 1958 г. стайки по 7-10 особей регулярно прилетали на водопой; на южном берегу Чатыркуля в июне 1957 г. постоянно держалась пара и 4 особи (Птицы Киргизии, 1960); в долине Нарына, в месте впадения Алабуги, 8 июня 1969 г. Г.В. Вердин взял кладку из 5 свежих яиц (Торопова, 1999). По южной границе Тянь-Шаня: «Монгольский пустынный снегирь гнездится во многих пунктах Алайского хребта как на северных его склонах (Актерек, Арчабулак, Босага, Талдык и др.), так и на южных (Дарауткурган, р. Коксу, горы Машат и др.). В Туркестансокм хребте, по наблюдениям Зарудного, монгольский пустынный снегирь – обычная птица в бассейне Исфары у Воруха, на р. Кшемыш, в горах Муйнак и Дунон» (Иванов, 1969).

Наименее ясно распространение монгольского пустынного снегиря в Западном Тянь-Шане. В местах, где его наблюдал Н.А. Зарудный (1913), М.Н. Корелов (1956) в 1949 и 1953 г. его не нашёл. Единственное указание на гнездование в последнее время приводит О.В. Митропольский: «Монгольский пустынный снегирь гнездится в Западном Тянь-Шане, однако крайне локально и, видимо, нерегулярно… Автор в июне-июле 1977 г. наблюдал гнездование этого вида на Ангренском плато, на высотах в 2900-3100 м, когда птицы были достаточно обычны. Интересно, что в предыдущем году, когда плато было исследовано относительно полно, и в последующие посещения этого района монгольские пустынные снегири здесь не отмечались» (Митропольский, 2005). Не очень понятно и практически без каких-либо доказательств в виде конкретных данных в виде дат, гнёзд и т.д. В Чаткальской долине, в месте впадения в Чаткал правобережного притока Кара-Кысмак, близ южного склона Сандалашского хребта (2100 м) 23 июля 2006 г. с автомобиля я видел несколько групп (5, 5, 3 особи) очень похожих на монгольских пустынных снегирей птиц, пролетевших к обрывам, где высились терриконы щебзавода. Всё сказанное говорит о необходимости поисков этой птицы в Западном Тянь-Шане.

Численность. Невысокая и к тому же подвержена резким колебаниям по годам. Так, в Западном Тянь-Шане (Пскем, Угам) Н.А. Зарудный (1913) в 1907 г. нашёл этого вьюрка «в хорошо заметном числе», а в 1949 и 1953 гг. М.Н. Корелов (1956) не нашёл совсем. На северном склоне Таласского Алатау за многие десятилетия наблюдений даже на пролёте встречен всего дважды: стайка из пяти особей 29 сентября 1944 г. в урочище Мынджилке, на высоте 3000 м (Шевченко, 1948) и пара на снегу в альпийском поясе хребта Аксу 9 октября 1933 г. (Шульпин, 1953). На Ангренском плато в июне-июле 1977 г. они были «достаточно обычны» а в предыдущий и в последующие годы не отмечены (Митропольский, 2005). На юго-западе Иссык-Кульской котловины (Ак-Улен) в начале июля 1954 г. встречали 2-4 пары за одну экскурсию в предгорьях (Степанян, 1959). И только на щебнистых склонах отрогов хребта Борколдой этот вид «господствовал» наряду с бледной завирушкой (Злотин, Пузаченко, 1963), а на сыртах для изучения питания добыто 25 монгольских пустынных снегирей (Злотин, 1968). В восточной части Сюгатинской долины, у Бартагойского вдхр., этот вьюрок – излюбленный объект орнитологических туристов: 17 мая 2005 г. на водопое здесь мы насчитали 17, а 14-15 мая 2004 г. там же – 49 особей небольшими группами (Ковшарь, 2005, 2006: КОБ-2004, 2005). Примерно в 5-6 км восточнее этого места их насчитали ещё больше: «У подножья Больших Богутов (со стороны Сюгатинской долины) 18 июня эти птицы оказались обычными и даже многочисленными. Они держались небольшими группами

на прилегающей к горам равнине. К роднику, расположенному у входа в ущелье, прилетели на водопой за 2 часа более 200 птиц» (Коваленко, 2007: КОБ-2006).

На пролёте в Чокпакских воротах, где *Bucanetes mongolicus* пролетает регулярно, в весенние сезоны 1966-1981 гг. отловили 6, а в осенние – 480 особей, причём визуально осенью учитывали до 178 пустынных снегирей за один сезон (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. там же было окольцовано соответственно 11 и 200 монгольских пустынных снегирей (А. Гаврилов и др., 2017). Зимой встречены единицы.

Сроки. Даты. Весной на Чокпаке встречается изредка в мае: 12 мая 1970 г. (пойман самец), 6 мая 1971 г. (самка), 12 мая 1973 г. (самец), 14 мая 1969 г. (2 самца), 14 мая 1975 г. (самец). В 1982-2016 гг. их отлавливали с 3-го (1990) по 20 мая (1993). Осенью в 1966-1985 гг. первых встречали 2-25, в среднем 11 октября; основной пролёт шёл 6-31 октября (95.7%), последних видели 23 октября (1971) – 31 октября (1977), в среднем 27 октября. В 1982-2016 гг. их отлавливали с 30 сентября (1996) по 28 октября (1983), срединная дата осеннего пролёта – 21 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

По другим местам имеются только отдельные даты, однако сравнение их с приведенными выше сведениями из Чокпака позволяет в некоторых случаях сделать выводы. Так стайки по 7-10 особей «регулярно прилетавшие на водопой в первой половине мая 1958 г» в верховьях Атбаши (Птицы Киргизии, 1960), скорее всего, были пролётными, а не местными. То же можно сказать о двух самцах, добытых 5 и 8 мая 1940 г. у озера Тузколь, и 10 экземплярах от 23-25 сентября 1875 г. из долины Текеса (Корелов, 1974). В устье Тургени (Карачингиль) встречен только раз – пара 13 мая 2017 г. (Бевза, 2013). На Сорбулаке пролётный пустынный снегирь встречен только раз – 8 ноября 2003 г. По справедливому замечанию А.И. Иванова: «Сезонные перемещения монгольского пустынного снегиря совершенно не изучены. С Памира он, безусловно отлетает, что же касается низинных районов, то, по-видимому, он либо зимует на месте, сбиваясь в стайки, либо совершает небольшие вертикальные перекочёвки. Среди обширных сборов Северцова и его коллекторов, сделанных осенью и зимой в предгорьях Алайского хребта, совершенно нет монгольских пустынных снегирей, собранных позднее 2 ноября» (Иванов, 1969, с. 381).

Биология. Основным источником сведений о гнездовании монгольского пустынного снегиря в этом регионе всё ещё остаётся подробное описание Н.А. Зарудного в его «Заметках по орнитологии Туркестана» (Орнитологический вестник, 1913, № 3, с. 141-150). Здесь, помимо цитировавшихся выше сведений о биотопе и высотном распределении птиц, приведено подробное описание 11 гнёзд, их местоположения и устройства, а также яиц, с приведением размеров тех и других. При этом ясно показана ошибочность первоописания гнезда и кладки этого вида, опубликованного Н.М. Пржевальским (Монголия и страна тангутов, 1876, с. 94) по гнезду с тремя свежими яйцами, найденному в начале мая 1872 г. в хребте Хара-нарын-ула (Монголия) «в густых ветвях молодого ильма, не выше сажени над землёй» и принадлежавшему, скорее всего буланому вьюрку (*Rhodospiza obsoleta*), который найден Н.М. Пржевальским там же.

За прошедшее столетие мало что прибавилось к нашим знаниям биологии этого вида, причём даже те отрывочные сведения, которые появились в публикациях, собраны за пределами нашего района – либо в пустынных низкогорьях Казахстана (Корелов, 1974), либо на Памиро-Алае (Иванов, 1969). Для Тянь-Шаня все новые данные заключаются в следующем: «В Богутах (восточный отрог Заилийского Алатау) 25 июня 1940 г. в найденном гнезде были ещё ненасиженные яйца (Корелов, 1948). В юго-западных отрогах Джунгарского Алатау, в горах Катутау, 10 июня 1963 г. одно гнездо ещё только строилось, во втором была кладка из восьми ненасиженных яиц. В тот же день здесь добыта самка, отложившая пять яиц и имевшая готовое к сносу шестое яйцо в яйцеводе (Гаврилов). В Матае (западный отрог Джунгарского Алатау) 8 июня 1958 г. гнёзда содержали кладки разной степени насиженности» (Корелов, 1974, с. 270). В Малайсары (также западный отрог Джунгарского Алатау) 19 июня 1993 г. в гнезде под камнем было 5 оперённых птенцов (Губин, Карпов, Белялов, 2007: КОБ-2006). Изучение биологии этого вида, особенно в условиях высокогорья Тянь-Шаня, ещё предстоит новым поколениям орнитологов.

426. Буланый вьюрок – *Rhodospiza obsoleta* (M.H.C. Lichtenstein, 1823)

Desert finch (англ.), Schwarzzugelgimpel (нем.), Bouvreuil désertique (фр.),
шөл құнақ (каз.), чол чымчыгы (кирг.), чыл вьюроги (узб.)

Синонимы: *Fringilla obsoleta* Lichtenstein, 1823; *Rh. o. kaschgarika* Portenko, 1962; *Rh. o. chuancheica* Portenko, 1962. Пустынный вьюрок (Шнитников, 1949; Бёме, 1954; Птицы Киргизии, 1960).

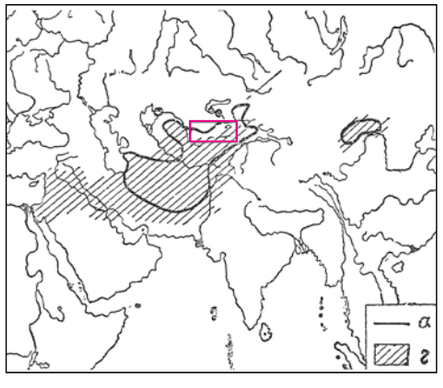
Подвид. Из 3 подвидов – *Rh. o. obsoleta* (Гаврилов, 1999). Монотипичный вид (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Оседлый вид, с северной границы ареала на зиму откочёвывает к югу.

Биотоп. Первичный – саксаульники и тугаи пустынных рек; вторичный биотоп – зелёные зоны оазисов (включая города) и лесонасаждения в предгорьях, в т.ч. вдоль железных и автомобильных дорог.

Распространение. Тянь-Шань находится на северном краю ареала вида (рис. 526) и здесь буланый вьюрок как птица сугубо равнинная, распространён вдоль северной, западной и южной границ района, не поднимаясь выше 1000 м (исключение – Чокпакские ворота, 1200 м). На территорию самого Тянь-Шаня буланый вьюрок проникает на гнездовании только в двух низкогорных районах – Чу-Илийские горы и юго-восточная часть Каратау, к северу до озера Кызылколь в северных предгорьях (Зарудный, Кореев, 1905; Шестопёров, 1929; Корелов, 1948, 1974; Шевченко, 1948; Шнитников, 1949; Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968; Умрихина, 1970; Карпов, 1996; Губин, Карпов, 1999; Березовиков и др., 1999; Ковшарь, Березовиков, 1999, 2000; Коваленко и др., 2002; Губин, 2007; Губин, Белялов, 2017). На крайнем северо-востоке района этот вьюрок был обыкновенен в садах Джаркента уже в 1899-1900 гг. (Зарудный, Кореев, 1905), но ещё в 1913-1918 гг. отсутствовал в верхнем течении Или, в Кульдже (Шестоперов, 1929), доходя на восток только до Суйдина, о чём имеются интересные рассуждения у В.Н. Шнитникова (1949). В горы нигде не проникает. Даже встреча трёх особей 15 июля у Большого Чимгана близ Ташкента (Кашкаров, 1924), впоследствии была подвергнута сомнению и трактуется как залёт или ошибка в определении вида (Корелов, 1956; Митропольский, 2005). Наиболее близко к южной границе Тянь-Шаня проник буланый вьюрок из Ферганы, где он обычен во многих городах и сёлах, в т.ч. Наманган, Андижан, Фергана, Ош, Маргилан (Н.А. Северцов, экземпляры в колл. ЗИН РАН; Салихбаев, Богданов, 1967; Иванов, 1969). Здесь на границе северной части Ферганской долины и южных предгорий Чаткальского хребта буланого вьюрка встречал Е.П. Спангенберг (1935): 22 июня 1935 г. в районном центре Караван (ныне – Кербен) и в тот же день – в группе акаций при переезде из Каравана в Афлатунь; причём в Караване и Намангане он видел летающий молодняк, а 19 июня на многолюдном бульваре города пара заканчивала постройку гнезда.

Численность. Очень неустойчива по годам. Так, в долине Арыси (Западный Тянь-Шань) в 1933-1935 гг. гнездился только в крупных сёлах с хорошо развитой древесной растительностью (Ванновка, Высокое), а ближе к горам не отмечен (Шульпин, 1953); в 1941 г. был многочислен по всем сёлам долины (Долгушин, 1951); в 1959-1966 гг. – немногочислен в Ванновке, Высоком, на станциях Абаил и Чокпак (Ковшарь, 1966). В Ташкенте в 20-30-х гг. XX ст. буланый вьюрок был нередок на гнездовании на центральных улицах города, гнёзда с яйцами находили уже в марте (Сатаева, 1937), а с середины

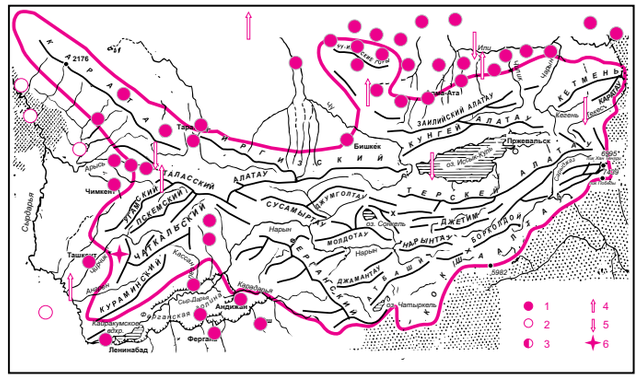

Рис. 526. Ареал буланого вьюрка. По: Бёме, 1954, с. 238. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 527. Распространение буланого вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 4, 5 – пролёт

30-х гг. численность быстро снизилась; в послевоенные годы в городе ещё гнездились отдельные пары очень высоко на деревьях, но к 70-м гг. они перестали встречаться даже в окрестностях города (Мекленбурцев, 1982). В городе Фрунзе (ныне Бишкек) в 60-х гг. буланый вьюрок был многочислен (в Дубовом парке в 1962 г. найдено 13 гнёзд) и до августа успевал сделать две кладки (Умрихина, 1970); в 80-90-х гг. – довольно обычен (Торопова, Командиров, 1995). В городе Верном (ныне Алматы) буланого вьюрка добыл ещё в 60-х гг. XIX ст. Н.А. Северцов (Шнитников, 1949), но затем почти сто лет – до середины апреля 1962 г. – его здесь не отмечали: «По-видимому, буланые вьюрки в Алма-Ате в небольшом количестве регулярно бывают на пролёте, но просто остаются незамеченными [в апреле 1962 г. в центре города они прилетели на голоса манных птиц, содержащихся в клетке – *АК*]. В гнездовой же период их в городе нет. Причина отсутствия здесь на гнездовье буланых вьюрков остаётся загадкой, так как они гнездятся в городах как западнее Алма-Аты – во Фрунзе, так и восточнее – в Панфилове [ныне Джаркент – *АК*]. Гнездятся и в окрестных посёлках, всего лишь в 25 км севернее Алма-Аты. В таких условиях отсутствие этой птицы в Алма-Ате совершенно непонятно» (Бородихин, 1968, с. 30). С 1964 года буланый вьюрок начал гнездиться в нижней части города и к середине 80-х гг. достиг центра города в районе улицы Комсомольской (Корелов, Губин, Левин, 1988). Однако по результатам учётов 1984-1985 гг. численность буланого вьюрка летом в городе была мизерной: он оказался на последнем 31-м места в списке птиц окраин – районов усадебного типа застройки, и на 22-м месте (из 32-х) в многоэтажном центре города (Ковшарь, 1988). Десятилетие спустя, с 1990 по 2005 г. буланый вьюрок в период размножения в городе не встречался (Березовиков, Карпов, 2006: КОБ-2005). Численность буланых вьюрков на пролёте можно иллюстрировать примерами, полученными на Чокпаке: в 1966-1981 гг. здесь учитывали до 135 особей за один осенний сезон; всего же за эти годы здесь окольцовано 33 буланых вьюрка весной и 230 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. – соответственно 89 и 168 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. На местах гнездования появляются рано. У Чушкакольских озёр (южные предгорья Каратау) двух вьюрков встретили уже 13 февраля 2006 г. (Коваленко, Кравченко, 2007: КОБ-2006), а в Чимкенте их наблюдали с первых чисел марта (Гаврилов, 1974). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первых буланых вьюрков отмечали 3-16 марта (1971, 1969), в среднем – 8 марта; основные перемещения – с 16 марта по 5 апреля и с 21 апреля по 10 мая; конец пролёта 11-19 мая (1966, 1967), в среднем 15 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 1 апреля (1986) по 25 мая (2004), срединная дата – 13 мая (А. Гаврилов и др., 2017). Интересно, что в Чуйской долине они появляются уже в феврале: 6 февраля 1956, 10 февраля 1957, 8 февраля (1960, 1962, 1963) и 14 февраля 1961 гг.; в 1953 и 1958 гг. во Фрунзе (Бишкек) первых отмечали 19 февраля (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970). Видимо. здесь они «срезают» путь по горным долинам. В долине Копы явно пролётная стайка отмечена 29 марта 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 1999), на Сорбулаке самая ранняя встреча – 7 марта 2009 г. (Белялов, Карпов, 2013), в Карачингиле пять вьюрков 16 марта и четыре – 13 апреля 2004 г. (Бевза, 2005: КОБ-2004). Под Джаркентом первого встретили 7 (19) марта 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенний пролёт идёт с августа до начала ноября. В Джаркенте в 1900 г. буланые вьюрки исчезли в конце августа, а в 1899 г. не встречались уже всю третью декаду этого месяца (Зарудный, Кореев, 2905). В долине Текеса самку добыли 6 октября 1875 г. (коллекция Томского университета), а на р.Или, в устье Каскеленки, – 29 октября 1967 г. (Гаврилов, 1974). В устье Тургени (Карачингиль) буланого вьюрка отмечали: 24 октября 2005 г. (около 40 птиц) и двух птиц – 26 октября 2006 г. (Бевза, 2012). На Сорбулаке самая поздняя встреча – 27 октября 2006 г., но зимой 2000/01 г. четырёх буланых вьюрков наблюдали здесь на неубранном поле подсолнечника с середины декабря до середины января (Белялов, Карпов, 2013). Ещё одна зимняя встреча буланого вьюрка состоялась в долине Копы, где в 120 км западнее Алматы 13 января 1990 г. встретили трёх, из которых одну самку добыли в защитной полосе из лоха серебристого (Карпов, 1996). В Чуйской долине ещё 30 августа 1962 г. у с. Милянфан видели стаи буланых вьюрков по 30-40 особей, но к 25-27 сентября здесь остались лишь единицы (Умрихина, 1970). На юго-западном берегу Иссык-Куля одного буланого вьюрка добыли 8 августа 1939 г. (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке начало пролёта 25 августа (1969) – 16 сентября (1968), в среднем 6 сентября; основной пролёт – 11-25 октября (74%), завершается 23 октября (1969) – 6 ноября (1980), в среднем 29 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. буланых вьюрков здесь кольцевали с 7 по 28 октября (1988, 1983), срединная дата осеннего пролёта составила 20 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В высокогорье Таласского Алатау он встречен только раз – 3 сентября 1944 г. (Шевченко, 1948). Зимние

встречи в нашем районе (см. выше) случайны, нормально зимует в долине Сырдарьи (Спангенберг, 1941) и в оазисах Ферганской долины: в Андижане, Намангане и Маргелане их неоднократно встречали с октября по март (Салихбаев, Богданов, 1967).

Биология. Мало изучена. Две небольшие заметки, посвящённые размножению буланого вьюрка (Гаврилов, 1961; Умрихина, 1969), основаны на наблюдениях за несколькими жилыми гнёздами в районе Алматы и города Фрунзе (Бишкек) и содержат в основном описание гнёзд, их расположения и поведения самки при кормлении птенцов; впоследствии они с добавлением новых данных повторены в более общих работах этих авторов (Умрихина, 1970; Гаврилов, 1974). Некоторые сведения о гнёздах буланого вьюрка приведены в других публикациях (Спангенберг, 1935; Шнитников, 1949; Долгушин, 1951; Птицы Киргизии, 1960; Мекленбурцев, 1982; Торопова, Командиров, 1995; Березовиков и др., 1999; Коваленко и др., 2002; Губин, Карпов, Белялов, 2007). Изучение биологии этого вида в наших условиях только начато.

427. Урагус – *Uragus sibiricus* (Pallas, 1773)

long-tailed Rosefinch (англ.), Meisengimpel (нем.), roselin à longuetaille (фр.),
кызыл-чавар, кезкұйрық самыр (каз.), узун куйрук жут чымчык (кирг.), узунқуйруқ қизилбош чумчуқ (узб.)

Синонимы: *Loxia sibirica* Pallas, 1773; *Pyrrhula caudata* Pallas, 1811; *P. longicauda* Temminck, 1820. Розовый снегирь (Шнитников, 1949). Длиннохвостый снегирь (Дементьев, 1937; Бёме, 1954; Птицы Киргизии, 1960). Долгохвостая чечевица (Портенко, 1960). Длиннохвостая чечевица (Степанян, 2003).

Подвид. У нас зимует, видимо, номинативный подвид *Uragus sibiricus sibiricus* Pallas, 1773

Характер пребывания. Зимующая и пролётная птица.

Биотоп. «Типичное местообитание урагуса – непролазные заросли ивняка с примесью берёзы на кочковатых болотах, заросших осоками, хвощём и другими болотными растениями. В таких условиях он гнездится в Прииртышье и встречался нам летом в долине Ульбы и на Маркаколе» (Кузьмина, 1974, с. 259). Зимой и на пролёте – древесно-кустарниковые насаждения любого типа, включая городские сады, парки и зелёные изгороди. В Алматы его излюбленными местами являются заросли хмеля по берегам р. М. Алматинка в городской черте.

Распространение. Эта сибирская птица, ближайшие места гнездования которой находятся в Прииртышье и на Алтае (Кузьмина, 1974), пролетает через нашу территорию и зимует, хоть и не ежегодно, от Джаркента на северо-востоке до Ташкента на юго-западе и Ферганской долины на юге (рис. 528). Пролёт её нигде не выражен, даже на Чокпаке её встречали редко (видимо, из-за позднего появления осенью).

Численность. Обычно невысокая, хотя в иные годы урагус бывает многочислен в Чуйской долине и Алматы (Бородихин, 1968; Умрихина, 1970). На Иссык-Куле, в облепиховых зарослях на восточном берегу озера в январе-феврале 1962 г. учитывали до 9 урагусов на 22 км маршрута (Второв, 1963). В зарослях в устье Тургени (Карачингиль) в отдельные годы довольно многочислен – за экскурсию стайками по 5-8 птиц можно встретить несколько десятков урагусов. На Сорбулаке немногочислен, обычно встречается в зарослях высоких полыней (Бевза, 2012; Белялов, Карпов,

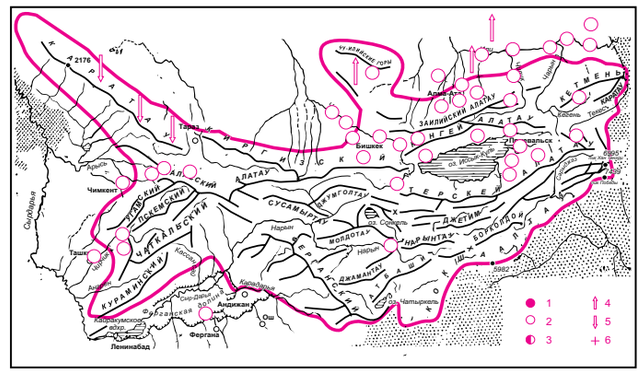

Рис. 528. Распространение урагуса в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

2013). На северных склонах Большого Каратау и южных склонах Малого Каратау 14 и 15 ноября 2004 г. урагусы встречались в большом числе практически во всех ущельях с развитыми древесно-кустарниковыми насаждениями (Коваленко, 2005: КОБ-2004).

Сроки. Даты. Прилетает на зимовку обычно в октябре-ноябре и лишь в некоторые годы отмечен необычно рано: например, в Алматы отмечен даже 21 сентября 1954 г. (Бородихин, 1968). В Карачингиле за 8 лет наблюдений (2003-2011) прилёт их отмечен 24 октября – 28 ноября (Бевза, 2012), на Сорбулаке самая ранняя встреча – 31 октября 2008 г. (Белялов, Карпов, 2013), на восточном берегу Иссык-Куля – 10 октября 1974 и 15 октября 1975 гг. (Верещагин, 1991). Весной покидают наш район в марте, лишь отдельные особи задерживаются до апреля. На востоке Иссык-Куля последние встречи в конце марта (Верещагин, 1991), на востоке Заилийского Алатау в ущелье Женишке немного выше одноимённого посёлка 22-23 марта 1997 г. двух урагусов встретили на поросших караганой, барбарисом и шиповником склонах (Губин, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле последних встречали 7-13 апреля (Бевза, 2012), а в 2016 г. ещё 20 апреля стайка урагусов склёвывала распустившиеся листья ивы (Бевза, 2017).

Биология. Подробно описана для Приамурья (Neufeldt, Lukina, 1966). В Тянь-Шане урагус только зимует: сообщение О. Бамберга (Bamberg, 1906) о гнездовании этой птицы в ущелье Кызыл-Су на Иссык-Куле столь же неверно, как и аналогичные его сведения (с теми же датами!) о кладках краснокрылого чечевичника, и были опровергнуты ещё В.Н. Шнитниковым. Что же касается зимней жизни урагуса в наших горах и предгорьях, то она остаётся совершенно не известной и заслуживает изучения; в первую очередь – выявление хотя бы основных зимних кормов этой птицы.

428. Чечевица – *Carpodacus erythrinus* (Pallas, 1770)

Scarlet [common] Rosefinch (англ.), Karmingimpel (нем.), roselin cramoisi (фр.),
құралай, кызыл-бас (каз.), эжеке бее саа (кирг.), оддий қизилбош чумчуқ (узб.), наскхураки оди (тадж.)

Синонимы: *Loxia erythraea* Endler et Scholz, 1809; *Fringilla olivacea* Rafinesque, 1810; *F. incerta* Risso, 1826; *Erythrina albifrons* Brehm, 1829; *Erythrothorax rubrifrons* Brehm, 1831; *E. medius* Seyffertitz et Brehm, 1833; *Rubicilla erythrina tianschanica* Portenko, 1960. Обыкновенная чечевица.

Подвид. Из 5 подвидов Тянь-Шань населяет *C. e. ferghanensis* Kozlova, 1939. На пролёте, кроме того, встречается номинативный подвид *C. e. erythrinus* Pallas, 1770.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица. Зимует на юге Азии (рис. 529).

Биотоп. Будучи не столько лесной, сколько кустарниковой птицей, чечевица избегает густого леса, предпочитая либо опушки, либо крупные, поросшие кустами и высокой травой поляны, зарастающие гари и вырубки. В горы поднимается почти до верхней границы стелющейся арчи, во всяком случае – до тех высот, где арча ещё имеет форму куста, а не подушки или лепёшки, и где в ней есть ещё в достаточном количестве включения лиственных кустарников – жимолости, барбариса, смородины, кизильника, шиповников и др. Нижняя граница заметно поднимается в направлении с севера на юг. Так, в хребтах Северного Тянь-Шаня чечевица населяет практически весь лесной пояс и нижнюю часть субальпийского (в Заилийском Алатау от 1300 до 2900 м), но в Таласском Алатау она совершенно не гнездится в древовидных арчевниках, хотя достаточно обычна выше 2000 м, в арчовом стланике, где поднимается до 2700-2800 м (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966). Такая же картина в других хребтах Западного Тянь-Шаня – Угамском, Пскемском, Чаткальском (Железняков, 1950; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958) и южнее – на территории Памиро-Алая, где чечевица поднимается от 2000 до 3500 м (Иванов, 1969). Это единственная древесно-кустарниковая птица, обитающая на Памире, где гнездится даже на 3800 м (Потапов, 1966).

Распространение. Тянь-Шань занимает срединную часть ареала подвида *C. e. ferghanensis* (рис. 529), границы которого описаны так: «Саур, Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Борохоро, Кетмень, Тянь-Шань (исключая Каратау и другие невысокие отроги), Алайская система (исключая Байсунский хребет, Кугитанг, Бабатаг и северо-западные невысокие хребты – Мальгузар, Нуратау, Актау), Западный Памир к востоку до 73-го меридиана» (Степанян, 2003, с. 685). В пределах нашего района чечевица гнездится во всех

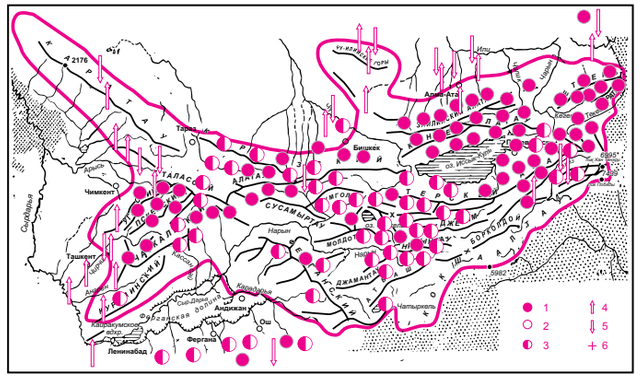

Рис. 529. Ареал чечевицы. По: Бёме, 1954, с. 258. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 530. Распространение чечевицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт весной, осенью

средневысотных и высоких горах, нет её только в низкогорных Чу-Илийских горах и в Сырдарьинском Каратау (рис. 530). Отсутствие обозначений в восточной части Кураминского хребта, во многих местах Ферганского и в хребте Борколдой, скорее всего, объясняется недостатком сведений из этих мест. Пролёт номинативного подвида лучше всего выражен по окраине Западного Тянь-Шаня, включая Каратау, а также в Чуйской и Илийской долинах (см. рис. 530).

Численность. Высокая. Во многих подходящих для её обитания местах чечевица – одна из самых многочисленных гнездящихся птиц, на что есть указания во многих публикациях: «самая характерная птица хвойной зоны» в Сарычелеке (Кашкаров, 1927); «в особенно большом количестве я нашёл чечевицу на гнездовье в долине Текеса» (Шнитников, 1949); на маршрутах 2000-2004 гг. по Центральному и Внутреннему Тянь-Шаню – «вторая после зелёной пеночки регулярно поющая птица, фоновый вид большинства лесных массивов на пути экспедиции» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005); «многочисленная гнездящаяся птица субвысокогорий Западного Тянь-Шаня» (Митропольский, 2005); на маршруте 2016 г. по Внутреннему Тянь-Шаню – «самая многочисленная птица наряду с зелёной пеночкой» (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017) и т.д. Это подтверждают и цифровые показатели учётов. Так, в арчовом стланике Терской Алатау в 1962-1965 гг. с мая по июнь учитывали 7-15, а в августе-октябре 20-40 особей/км^2 (Второв, 1967). В районе перевала Санташ (восточная оконечность Кунгей Алатау) в июле 1968 г. на разнотравно-злаковых лугах П.П. Второв учитывали до 20 особей/км^2, а в ельниках Чон-Кемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. тот же автор учитывал до 100 особей/км^2 (Второв, 1972). В Сарычелекском заповеднике (Чаткальский хребет) по учётам 1982-1983 гг. плотность на гнездовании была: в елово-ореховом лесу – 5, на субальпийских лугах 4-15, на прангосовых лугах 15-16, в арчовом редколесье 23-26, в елово-пихтовом лесу 19-35 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В 1986-1987 гг. там же чечевица была фоновой птицей арчового редколесья (5.4%), местами доминировала здесь (11.2%) вместе с серой славкой (20.3%); она входила также в число фоновых видов в елово-пихтовом лесу (6.8%) и на субальпийских лугах (5.2%), где во второй половине лета чечевица доминировала вместе с черноголовым чеканом и горной овсянкой (Лебяжинская, 1992). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. на 41 пешем маршруте с 2000 м до ледника насчитали 222 чечевицы (Кузнецов, 1962). В верховьях р. Пскем в июле-августе 2002 г. насчитали 150 чечевиц (В. Ковшарь, 2003). На Иссык-Куле чечевица – доминант летнего населения птиц в кустарниках побережья (Кулагин, 2010).

Многочисленна чечевица и на миграциях. На Чокпаке в 1966-1981 гг. весной учитывали до 2295 чечевиц за сезон, а всего за эти годы окольцевали 917 весной и 235 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). Там же в 1982-2016 гг. весной отловили 544, а осенью – 1311 чечевиц (А. Гаврилов и др., 2017). В долине реки Кокомерен, в месте слияния Сусамыра и Западного Каракола, с 26 августа по 10 сентября 1983 г. за 82 часа наблюдений из 2100 учтённых мигрантов чечевицы составили 1000, или 47% (Остащенко, 1990).

Сроки. Даты. Прилетает поздно, в конце апреля – начале мая. Пролёт идёт большую часть мая. Под Ташкентом Н.А. Зарудный добывал их с 19 апреля по 15 мая (колл. САГУ). Здесь чечевица пролетает только весной (когда цветёт белая акация и шелковица), зато численность её огромна (Мекленбурцев,

1982). В долине Пскема М.Н. Корелов (1956) отмечал самых первых 27 апреля 1954 г.; в Кураминском хребте они уже были 24 апреля 2003 г., а в Чаткале – 22 апреля 2003 г. (В. Ковшарь, 2004). В северных предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1963 г. я наблюдал их пролёт с 24 апреля по 20 мая (массовый 11-16 мая); в другие годы там же, в Новониколаевке (1200 м), – 3-18 мая 1961, 7-23 мая 1962, 7 мая 1964 и 4-15 мая 1965 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. начало пролёта отмечали 23 апреля (1972) – 3 мая (1974), в среднем 28 апреля; с 1 по 20 мая пролетало 98.7% всех учтённых чечевиц, завершался пролёт 13-26 мая, в среднем – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали здесь с 30 апреля (1990) по 28 мая (1993), срединная дата весеннего пролёта – 13 мая (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) интенсивно летели 15-17 мая 2000 г, поймано 40 чечевиц (Коваленко и др., 2002). В долине Копы в 1987 г. редко встречались с 20 мая по 13 июня (8 птиц) и 8-24 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000).

В Алматы самое ранее появление чечевицы – 28 апреля, самая поздняя встреча весной – 29 мая 1955 г., большую часть мая она многочисленна в городе, причём численность резко колеблется по годам: «Большие колебания численности находятся в прямой зависимости от семян вязов и карагачей и сроков их созревания. В городе чечевицы кормятся почти исключительно недозревшими, в стадии восковой спелости, семенами этих деревьев. В Алма-Ате семена вяза и карагача часто начинают созревать в первых числах мая, но полностью вызревают только к середине месяца или позднее. Прилёт чечевиц обычно также происходит в начале мая. При благоприятных условиях, т.е. при обилии семян, они задерживаются здесь почти на месяц. Однако в зависимости от погоды время созревания семян меняется. Ранней и тёплой весной семена начинают наливаться в середине апреля и полностью созревают в третьей декаде… В такие годы чечевицы в городе почти не задерживаются и сразу пролетают к местам гнездования. Это можно было наблюдать в 1961-1962 гг.» (Бородихин, 1968, с. 31-32). На местах гнездования в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) прилёт чечевиц мы отмечали 16 мая 1971, 15 мая 1972, 13 мая 1973, 11 мая 1975 и 15 мая 1977 гг. (Ковшарь, Лопатин, 1983). На стационаре в Джиланды (Терскей Алатау) прилёт их отмечали 13 мая 1959, 15 мая 1961 и 16 мая 1962 гг. (Шукуров, 1986). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) первые пролётные стайки встречены 23 мая 1957 и 28 мая 1956 гг. (Винокуров, 1960). На Сорбулаке самая ранняя встреча чечевицы 2 мая 2004 г., пролёт проходит в сжатые сроки и заканчивается к концу месяца (Белялов, Карпов, 2013). В Карачингиле (устье Тургени), где чечевица немногочисленна на пролёте, в 2003-2011 гг. первые появлялись 1-14 мая, стайки до 10 птиц держатся до конца месяца, питаясь семенами карагача и скрытыми в молодой их листве жучками семейства Halticinea; самая поздняя встреча – 4 июня 2004 г. (Бевза, 2012). Под Джаркентом в 1900 г. первые появились 7 мая, а в Тышкане замечены лишь после 13 мая и в большом числе (стаями по 40 штук) встречались после 20 мая (Зарудный, Кореев, 1905). В 1918 г. первых видели 2 мая, разгар пролёта был с 10 по 22 мая; гнездилась здесь чечевица не только в горах, но и в долине, где «предпочитает кустарные заросли с примесью камыша в лугах, в горах же гнездится по дну ущелий и по открытым склонам» (Шестоперов, 1929, с. 164).

Осенью под Джаркентом исчезают в первой декаде сентября (Зарудный, Кореев, 1905). В устье Тургени (Карачингиль) первые пролётные стайки чечевиц (по 2-15 птиц) появляются между 11 и 31 августа (Бевза, 2012). В долине Текеса пролетают в августе, но в 1955 г. последнюю одиночку видели даже 10 сентября (Винокуров, 1960). В Джиланды (Терскей Алатау) последняя встреча 11 сентября 1961 г. (Шукуров, 1986). На Сорбулаке «начало осеннего пролёта обычно приходится на первую декаду августа, самая ранняя встреча – 29 июля 2010 г. Пролёт проходит в течение месяца, самая последняя встреча – 4 сентября 2004 г.» (Белялов, Карпов, 2013). В Алматы осенью они малозаметны, в 1963 г. появились 20 августа (Бородихин, 1968). На местах гнездования (Б. Алматинское озеро) мы встречали их до конца августа, лишь один раз, 22 сентября 1974 г. яркий самец встречен в арчовом стланике на высоте 2700 м, когда даже в предгорьях у Алматы пролёт был закончен (Ковшарь, 1979). В Чуйской долине с августа до второй декады сентября 1977 г. отловили паутинными сетями 135 чечевиц (Иовченко, 1978). В ущелье Кокомерен (слияние Сусамыра и Западного Каракола) с 26 августа по 10 сентября 1983 г. наблюдали пролёт чечевиц: «В начале сентября почти ежедневно утром и вечером (обычно до восхода и после захода солнца) наблюдали стартующих чечевиц. Стайки до 10 особей поднимались с пойменных кустарников и кругами набирали высоту. Часто поднявшихся на большую высоту чечевиц невозможно было рассмотреть в 8-кратный бинокль и направление горизонтального полёта определить не удавалось. Лишь у некоторых стаек можно было проследить отлёт в западном и юго-западном направлении» (Остащенко, 1990, с. 106). Тот же автор 7-23 сентября 1983 г. встречал пролётных чечевиц в кустарниках долины Сарыджаза, у пос. Инылычек, где они составили 21% всех учтённых мигрантов (Остащенко, 1990).

На Чокпаке в 1966-1981 гг. осенний пролёт чечевиц начинался 7 августа (1969) – 5 сентября (1968), в среднем 28 августа, основной пролёт шёл между 26 августа и 15 сентября и завершался 28 сентября (1974) – 20 октября (1968), в среднем 9 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 19 августа (2004) по 25 октября (1998), срединная дата осеннего пролёта – 31 августа (А. Гаврилов и др., 2017). Рядом, в горах Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), массовый пролёт чечевиц идёт с середины августа (в это время они многочисленны в стелющихся и высокоствольных арчевниках) до середины сентября, но дважды одиночки встречены очень поздно: 3 октября 1963 г. одна добыта в Новониколаевке, а 10 ноября 1964 г. там же мы добыли ярко окрашенного самца (Ковшарь, 1966). Последняя встреча – самая поздняя в Тянь-Шане.

Биология. В целом у этого вида изучена хорошо. В Тянь-Шане размножение чечевиц наиболее полно изучено в Заилийском Алатау, где в 1964-1965 гг. (Гаврилов, 1974) и 1971-1976 гг. проведены наблюдения у 50 гнёзд, в том числе с применением индивидуального цветного мечения, и результаты их опубликованы (Ковшарь, 1979). Большое внимание в 1971-1976 гг. уделено вокальной активности, интенсивности пения самцов (максимум – 745 песен/час) и её зависимости от стадии репродуктивного цикла (образование пар, выбор места для гнезда и его возведение, насиживание яиц, выкармливание птенцов), расположению и устройству гнезда, участию членов пары в его строительстве, насиживании яиц, выкармливании птенцов и т.д. Гнёзда располагаются чаще на кустах, чем на деревьях (рис. 531): у верхней границы леса из 50 гнёзд только 17 были устроены на елях, по 8 – на таволге и шиповнике, 7 – на кустах арчи, 6 – на жимолости и по одному гнезду – на кизильнике, барбарисе, в куче сухого хвороста, лежащего в высокой траве, и в пазухе листа крупного чертополоха. Из 17 гнёзд на елях только одно располагалось на дереве высотой 9-10 м, остальные 16 – на подросте высотой в среднем 3-4 м, а сами гнёзда находились в 0.3-4.0, в среднем 1.5 м от земли. Наиболее характерный признак гнёзд чечевицы – торчащие во все стороны длинные прямые стебли злаков, из которых делается каркас наружного слоя (рис. 531). Место для гнезда выбирает самка, которую сопровождает самец. Она же строит гнездо за 6-14 дней, откладывает яйца и насиживает кладку в течение 12-14 дней; на обогрев птенцов в первые дни их жизни она тратит до 82.3% светлого времени суток (и, видимо, всю ночь). Выкармливают птенцов самец и самка одними семенами (одуванчика, чертополоха, герани, высоких щавелей, манжетки, бузульника), причём дважды я видел, как чечевицы объедали еловые почки: ощипав молодую хвою на конце веточки, с которого лишь недавно слетела плёнка, они съедали почку и столбик. Вполне возможно, что еловые почки служат кормом и для гнездовых птенцов. Судя по срокам откладки яиц, у этого вида в Тянь-Шане один репродуктивный цикл. Гибель гнёзд высока: в 1971-1976 гг. у верхней границы леса в Б. Алматинском ущелье (2500-2700 м) успешное гнездование было только в 15 гнёздах из 39 (38.4%), основные разорители гнёзд – сороки и чёрные вороны (Ковшарь, 1979).

По другим хребтам Тянь-Шаня сведения более отрывочны: в Терскей Алатау в разные годы найдено 6 гнёзд (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986), в Таласском Алатау – 5 (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Губин, 2012), в Кунгей Алатау и Нарын-тоо – по 3 (Птицы Киргизии, 1960; Шукуров, 1986), в хребте Атбаши – 2 (Шукуров, 1968, 1986). Кроме того, в фаунистических статьях и заметках имеются упоминания ещё о 7 гнёздах этого вида чечевиц (Торопова, 1999; Березовиков, 2005: КОБ-2004; Аракелянц, Березовиков, 2006; Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006).

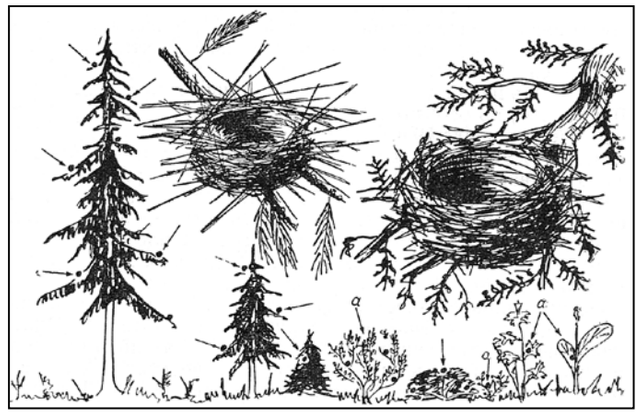

Рис. 531. Места расположения гнёзд чечевицы, арчовой чечевицы и арчового дубоноса (а – только чечевицы, стрелка без буквенного обозначения – места гнездования всех трёх видов). Крупным планом – гнездо чечевицы (слева) и арчового дубоноса (справа). Р*ис.Р.Г. Пфеффера*

429. Арчовая чечевица – *Carpodacus rhodochlamys* (J.F. Brandt, 1843)

red-mantled Rosefinch (англ.), Rotmantelkarmingimpel (нем.), roselin rose (фр.),
арша құралайы (каз.), арчачы кызгылт чымчык (кирг.), арча қизилбоши (узб.)

Синонимы: *Propasser rhodometopus* Biddulph, 1881; *Erythrina rhodochlamys obscurata* Korovin,1934; *E. r. kashgarica* Korovin, 1934. Средняя чечевица (Шнитников, 1949). Розовая чечевица (Портенко, 1960; Птицы Киргизии, 1960). Тянь-Шанская розовая чечевица (Бёме, 1954; Иванов, 1969).

Подвидов не образует (хотя они ранее описывались). Монотипичный вид (Степанян, 2003).

Характер пребывания. Оседлая птица, совершающая сезонные перемещения по высоте.

Биотоп. Заросли арчового стланика в субальпийском поясе гор.

Распространение. Тянь-Шань занимает большую часть самого южного, наиболее крупного участка разорванного ареала этого вида (рис. 532). Ареал вида описан так: «Кентей (предположительно), Хангай, Танну-Ола, юго-восточный и южный Алтай, Монгольский Алтай (предположительно), Саур, Тарбагатай, Джунгарский Алатау, Тянь-Шань к западу до хребтов Таласского и Чаткальского, к северу до Киргизского и Заилийского, к югу до Ферганского, Алайского, Кокшаал-Тау (предположительно). Восточный Тянь-Шань, западная часть Куньлуня» (Степанян, 2003, с. 685). В пределах нашего района арчовая чечевица распространена широко, но спорадично (рис.533). Она гнездится в Тышкане на правобережье р. Или (Зарудный, Кореев, 1905), в Кетмене и верховьях Текеса (Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Винокуров, 1960, 1961). В верховьях Каркары я встречал её 31 июля 2005 г., но южнее – из бассейна Сарыджаза и Иныльчека – сведений нет. Обычна в восточной части Терской Алатау, к востоку от ущ. Богомоюз (Кашкаров и др., 1937; Степанян, 1959), а западнее одну арчовую чечевицу встретили мы 23 июля 2005 г. на спуске с перевала Тоссор (2360 м). Под названием «розовая чечевица» указана для авифауны Сарычат-Эрташского заповедника (Верещагин, Немченко, 2005). В Северном Тянь-Шане достаточно обычна в Заилийском и Кунгей-Алатау (Шульпин, 1939; Штегман, 1954; Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Гаврилов, 1974; Березовиков, 2005: КОБ-2004; Губин, 2009: КОБ-2008; Джаныспаев, 2012). Гнездится также на большей части Киргизского Алатау (Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Корелов, 2007). Для Внутреннего Тянь-Шаня указана гнездящейся в горах, окружающих озеро Сонкуль (в частности, в Моодотоо), местами в Ферганском хребте и в нижней части долины Арпы, где хребет Джамантоо близко подходит к северным склонам Ферганского хребта; а также многократно встречена и, видимо, гнездится в долине Атбаши и ограничивающих её хребтах Атбаши и Нарынтау, по Кичи Нарыну и в районе Караункур (Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1972; наши наблюдения 2005 г.). О совпадении южной границы ареала этого вида с южной границей Тянь-Шаня свидетельствует текст сверхкраткого очерка о нём в сводке о птицах Памиро-Алая: «Эта чечевица встречена только в восточной части Алайского хребта, где зимует, а возможно, и гнездится. В коллекции ЗИН хранятся птицы, собранные Северцовым и Грум-Гржимайло в Актереке, Софикургане и Ягачарте; Барей добыл её в Тарткуле. Серия зимующих птиц собрана в Гульче между 28 октября и 8 декабря (колл. ЗИН). Никакими другими сведениями об этой чечевице из пределов Памиро-Алая мы не располагаем» (Иванов, 1969, с. 378-379). К этому могу добавить, что

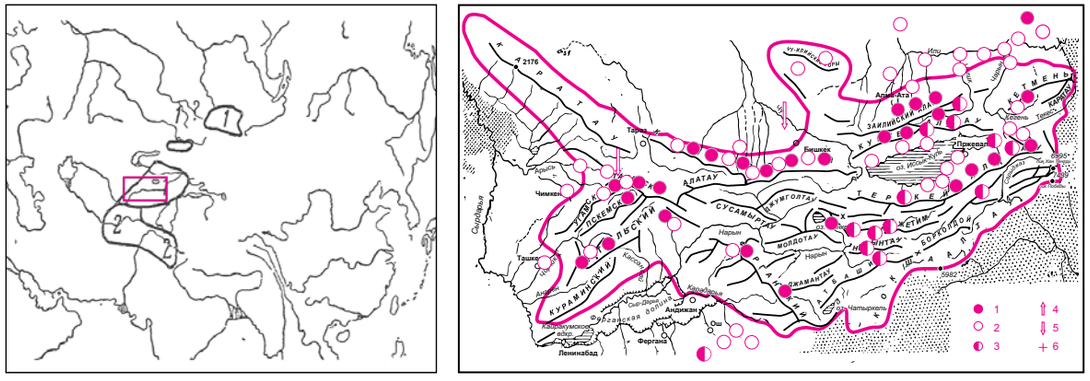

Рис. 532. Ареалы арчовой (1) и розовой (2) чечевиц. По: Бёме, 1954, с. 254. Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 533. Распространение арчовой чечевицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

на северном склоне хребта Кичи-Алай, в стланниковой арче ущелья Абширсай (2100 м) 18 июля 2004 г. один из членов нашей экспедиции встретил одну «розовую» чечевицу, однако поскольку птица не добыта, то это могла быть и *C. grandis* Blyth, 1849 (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005).

Наименее ясно распространение арчовой чечевицы в Западном Тянь-Шане. Н.А. Зарудный (1914) добыл одну 29 мая 1909 г. «в верховьях Пскема». Через 40 лет, 27 июня 1948 г. взрослый самец добыт на восточных склонах Палат-хана (Чаткальский хребет), а 15 июля 1949 г. визуально отмечено несколько особей снова «в верховьях Пскема» (Корелов, 1956). Однако в очерке сводки «Птицы Казахстана» читаем: «Гнездование в горах южнее заповедника Аксу-Джабаглы не доказано. Х.С. Салихбаев и А.Н. Богданов (1967), ссылаясь на работу М.Н. Корелова (1956), указывает на её гнездование в верховьях Пскема. Однако фигурирующий в цитируемой работе экземпляр от 27 июня, хранящийся в Институте зоологии АН КазССР, является типичной розовой чечевицей (*C. grandis*)» (Гаврилов, 1974, с. 311). Для восточной оконечности Чаткальского хребта арчовая чечевица указана гнездящейся в Сарычелекском заповеднике (Воробьёв, Чичикин, 1966), хотя ещё в 1925 г. здесь была добыта *C. grandis* (Кашкаров, 1927). Для западной части Чаткальского хребта (территория Чаткальского заповедника) арчовая чечевица указана как «редкая гнездящаяся птица верхнего пояса арчевых лесов» (Митропольский, 2005), фактически она встречена там всего три раза: 4 февраля 1972 г. (В.А. Вырыпаев, 4 самца и 3 самки), 24 мая и 9 июня 1981 г. – самец и пара в Таваксае (Головцов, 2007). Встреченный на плато Пулатхан 17 июля 2007 г. самец (М. Митропольский, 2008) добыт не был, поэтому уверенности в правильности видового определения нет. Кстати, в верхней части долины Пскема (см. выше) в июле-августе 2002 г. арчовая чечевица ни разу не встречена (В. Ковшарь, 2003), а в 2015-2016 гг. встречена в двух местах: Байкыраксай (7 пар – 7 июля 2016 г.) и Аккапчигай – одна 9 июля в арчовом стланике (Тен и др., 2017). Здесь очень желательны дополнительные поиски *C. rhodochlamys* и *C. grandis*.

В целом в пределах Тянь-Шаня арчовая чечевица наиболее обычна в северных и восточных районах, где местами бывает просто многочисленна (например, в Заилийском Алатау), и постепенно исчезает в юго-западных, где её заменяет близкий вид *Carpodacus grandis* Blyth, 1849. На северных склонах Таласского Алатау арчовая чечевица уже редка (Шульпин. 1953; Ковшарь, 1966), на южных склонах этого хребта гнездование её не доказано, а ещё южнее добывали уже *C. grandis* (Железняков, 1950; Корелов, 1956 и др.).

Численность. Невысокая, хотя в некоторых подходящих местах арчовая чечевица бывает довольно обычной. Указание на «особую многочисленность» её в Киргизском и Нарынском хребтах (Птицы Киргизии, 1960) – явное преувеличение. В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. на постоянных круглогодичных маршрутах от средней части елового пояса (2000 м) до ледников её встретили на 92 из 900 общим числом 272 особи, а численность определена как «весьма обычна» (Кузнецов, 1962). Также обычна она в субвысокогорье Заилийского Алатау, где в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) в 1964-1965 гг. проведены наблюдения у 24 (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1965, 1968), а в 1971-1976 гг. – у 44 жилых гнёзд этого вида (Ковшарь, 1979). В арчовом стланике хребта Терской Алатау в 1962-1965 гг. с мая по октябрь учитывали 20-30 особей/км^2, с ноября по март – 20, в апреле – 15 особей/км^2 (Второв, 1967). Там же в январе-феврале 1962 г. в ельниках Чон-Кызыл-Су арчовую чечевицу встретили всего два раза на маршруте 10 км [2 особи/км^2], зато в облепиховых зарослях на берегу Иссык-Куля – 64 чечевицы на маршруте 22 км [40 особей/км^2] (Второв, 1963). Столь же многочисленной оказалась на зимовке в восточном Прииссыккулье в 1973-1984 гг.: «Зимой широко распространена по всей подгорной и предгорной зонам. Заросли барбариса, облепихи в поймах рек, на побережье озера и в ущельях, где, как правило, распространена до верхней границы произрастания барбариса. На всей территории является многочисленной и одной из фоновых птиц» (Верещагин, 1991). Там же, на полуострове Карабулун, численность арчовой чечевицы в феврале-марте достигала 170 особей/км^2 (стайками, в которых серых птиц было в 5-10 раз больше, чем красных); по учётам 1-4 октября – 8 особей/км^2, а 5-8 ноября – 200 особей/км^2 (Второв, 1969). Там же, на Иссык-Куле, зимой 2000/01 г. арчовая чечевица входила в число доминантов авифаунистического населения (19.7%): в декабре насчитали 35, в январе – 29, в феврале – 22 арчовых чечевицы (Кулагин, 2003). Там же 21-31 января 2004 г. насчитали 24 особи (Кулагин, 2005: КОБ-2004). В ельниках Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. учитывали до 10 особей/км^2 (Второв, 1972). В низовьях Чилика на зимовке в 1992-1999 гг. встречалось до 10-20 арчовых чечевиц за день, но во

время сезонных перемещений (с мест гнездования на места зимовки и обратно) число их увеличивалось до 50-60 осенью и 100 особей весной (Губин, 2001).

Сроки. Даты. В послегнездовой период арчовая чечевица предпринимает кочёвки, иногда довольно дальние. В Заилийском Алатау зимой чаще всего встречается в предгорьях (в т.ч. в городе Алматы) и в низкогорье, где держится у незамерзающих речек и ручьёв, особенно там, где есть ягодные кустарники (в первую очередь – облепиха, барбарис). Однако часть популяции оседла: в зимние периоды 1971-1975 гг. мы не раз встречали в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) арчовых чечевиц, меченых здесь около гнёзд летом. Это обстоятельство затрудняет определение точных сроков начала и окончания кочёвок у этого вида. В целом в этом ущелье они поднимаются к местам гнездовий в марте, откочёвывая вниз в октябре, а в более тёплые зимы – даже в ноябре. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы), где арчовые чечевицы проводят зиму в основном в древовидных арчевниках, они спускаются в них со сланцевой арчи в конце сентября, возвращаясь обратно в марте; в сёлах предгорий они встречаются крайне редко – только после значительных снегопадов, например, 2 января 1964 г. и 8 февраля 1962 г. (Ковшарь, 1966). В Терской Алатау на места гнездования поднимаются в конце марта, а на зимовке на побережье Иссык-Куля – в начале октября (Второв, 1969). В эти сроки хорошо укладываются даты встреч арчовых чечевиц далеко от гор. Так в Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. их встречали с 28 ноября (2003) по 26 марта (2004); на Сорбулаке – 10 ноября 2006 г. (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013); здесь, как и в Анархае, чаще встречаются серые (молодые) особи. На Чокпаке их встречали 5-15 марта 1972 г., 6-30 октября 1970 г. и 13-21 октября 1972 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985).

Биология. До 60-х гг. XX ст. оставалась неизученной, и орнитологам приходилось довольствоваться недостоверными сведениями О. Бамберга о кладке от 15 мая 1905 г., на которой сидел самец (Шнитников, 1949, с. 360). Первое на Тянь-Шане гнездо этого вида найдено в 1963 г. в окрестностях Б. Алматинского озера, а в 1964-1965 гг. здесь нашли 17 гнёзд, которые были описаны в тезисах и специальной статье (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1965, 1968), а впоследствии, с добавлением новых сведений, опубликованы в видовом очерке сводки «Птицы Казахстана», том 5 (Гаврилов, 1974). В этом же месте в 1971-1976 гг. проведены стационарные наблюдения у 44 жилых гнёзд арчовой чечевицы с применением индивидуального мечения, а всего здесь в период 1963-1976 гг. получены данные о 75 гнёздах; результаты анализа этих материалов опубликованы в монографии по размножению птиц (Ковшарь, 1979, с. 260-267). Из 75 гнёзд на елях располагалось 49 (65.3%), остальные 26 – на арче. В остальных хребтах Тянь-Шаня также находили гнёзда только на этих двух хвойных породах. Подробно описаны: гнездо арчовой чечевицы, которое совсем не похоже на гнездо *C. erythrinus* (рис. 531), его расположение, размеры и материал гнезда; выбор места и процесс строительства гнезда; откладка и насиживание яиц, выкармливание птенцов и участие самца и самки во всех этих процессах, поведение их при вождении выводка (Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1968; Гаврилов, 1974; Ковшарь, 1979). При этом в каждой из более поздних публикаций имеются поправки к предыдущим. В последней работе, благодаря применению индивидуального мечения, получены сведения о гнездовом консерватизме. «В 1974 г. удалось пометить 20 самцов, 15 самок и 27 птенцов. Из них в последующие два года здесь встречены 8 самцов (в т.ч. 5 годовалых), 6 самок и одна серая чечевица из прошлогодних птенцов. Кроме того, во время регулярных отловов на солонцах получено ещё 14 возвратов арчовых чечевиц, окольцованных здесь в предыдущие годы, в том числе 9 самцов и 5 самок. Все возвраты получены в пределах 1 км от места кольцевания, многие – в той же точке. У двух самок удалось установить места гнездования. Одна из них загнездилась в 50 м от места, где она в 1975 г. пыталась строить гнездо. Гнездо второй самки находилось всего в 70 м от прошлогоднего, а в 1976 г. она встречена в 100-150 м от этого места. Один самец встречался в одном месте 6 лет – с 1971 по 1976 год» (Ковшарь, 1979, с. 261-262). Гнездовой период у трёх пар занял немногим более 35-40, а у одной – 47 дней: 2 июня начата постройка гнезда, а 19 июля птенцы покинули гнездо. Сроки начала откладки яиц довольно сжаты: в 81% гнёзд она начата между 10 июня и 10 июля; раньше этих сроков – только в двух гнёздах, позднее – в 10 (Ковшарь, 1979). Указания на нахождение насиженной кладки 18 мая (Шнитников, 1949) и недостроенного гнезда 18 марта 1957 г. (Винокуров, 1961) справедливо подвергнуты критике в работе Э.И. Гаврилова с соавт. (1968). Безусловно, у этого вида один репродуктивный цикл в году, а запоздалые кладки – повторные взамен погибших, поскольку около половины гнёзд у арчовой чечевицы гибнет. Интересный факт наблюдал в окрестностях Б. Алматинского озера С.Д. Кустанович: 18 июня 1970 г. в гнезде арчовой чечевицы было 3 свежих яйца, а 21 июня в нём оказалось одно крупное голубое яйцо

без пестрин; как он полагает, это могло быть яйцо кукушки (Ковшарь, 1979). Если это так (могло быть и двухжелточное), то случай уникальный.

По другим хребтам Тянь-Шаня опубликованы отрывочные сведения о биологии этого вида: в Терской-Алатау по наблюдениям 1953-1954 гг. (Степанян, 1959); в Таласском Алатау по наблюдениям в 1933-1935, 1959-1966 и 1971-1973 гг. (Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Губин, 2012).

430. Розовая чечевица – *Carpodacus grandis* [*rhodochlamys*] Blyth, 1849

greater red-mantled Rosefinch (англ.), Großer Rotmantelkarmingimpel (нем.),
roselin à manteaux rouge (фр.), қызғылт құралай (каз.), кызгылт чымчык (кирг.),
арчазор қизилбош чумчуғи (узб.), наскхураки чиллодор (тадж.)

Синонимы: *Carpodacus sophia* Bonaparte et Schlegel, 1850; *C. rhodochlamys kotschubeii* Zarudny, 1913; *C. r. bendi* Koelz, 1949. Большая розовая чечевица (Корелов, 1956; Иванов, 1969).

Подвидов не образует, одно время была подвидом вида *Carpodacus rhodochlamys*.

Характер пребывания. Оседлая птица, предпринимающая небольшие сезонные кочёвки.

Биотоп. В Западном Тянь-Шане «живёт в разреженных арчевниках сухих скалистых склонов гор района, причём в тех же высотных пределах, у верхней границы арчи, что и тянь-шанская розовая чечевица» (Корелов, 1956, с. 285). Для Памиро-Алая, расположенного ближе к центру ареала вида, биотоп её описан несколько иначе: «На гнездовье большая розовая чечевица связана преимущественно с арчевниками и держится в средней и верхней частях пояса арчи, особенно там, где к арче примешаны кусты караганы, барбариса и жимолости… В Бадахшане, в частности, в долине р. Гунт, где арчи нет, большие розовые чечевицы встречались мне в пойменных зарослях ивы и облепихи. На оз. Искандеркуль я видел их в глухих ущельях с зарослями рябины и различных кустарников, арчи же здесь почти совсем не было» (Иванов, 1969, с. 379).

Распространение. Северная половина ареала, включающая наш район (рис. 532), описана так: «В пределах Западного Тянь-Шаня хребты Пскемский, Чаткальский и Ферганский. Алайская система к западу до Байсунского хребта и Кугитанга, к востоку до Ферганского хребта, к северу до Туркестанского и Алайского хребтов» (Степанян, 2003, с. 686). Дальнейшее уточнение северной границы распространения этой чечевицы – в сводке о птицах Памиро-Алая: «На севере страны большая розовая чечевица обычна в арчевниках Алайского и Туркестанского хребтов. Крайний восточный пункт – это пер. Караказык, где большая розовая чечевица добыта Бареем; в этом же районе, но на южных склонах Алайского хребта, она была добыта Кочубеем (Зарудный, 1926)» (Иванов, 1969, с. 379). По всей вероятности, именно к этому виду относится встреча 18 июля 2004 г. одним из членов нашей экспедиции «розовой» чечевицы на северном склоне хребта Кичи-Алай, в стланниковой арче ущелья Абширсай (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В пределах Тянь-Шаня зарегистрировано всего несколько летних встреч этого вида только на южном макросклоне Западного Тянь-Шаня (рис. 534), которые перечислены ниже в хронологическом порядке. «Большая розовая чечевица, до сих пор не получившая в глазах некоторых орнитологов признания как самостоятельный вид, живёт в разреженных арчевниках сухих гор района, причём в тех же высотных пределах, что и тянь-шанская розовая чечевица. В долине р. Кара-арчи, между Чимганом и Палат-ханом, в редких арчах скалистого западного склона 21 июля 1948 г. была добыта взрослая самка, кормившаяся на земле под арчой. Несколько взрослых птиц мы наблюдали в редких арчах небольшой речной террасы, заваленной глыбами гранита, на левом берегу Майдан-тала, несколько выше слияния его с Ойгаингом. Здесь 11 июля 1949 г. был добыт взрослый самец. Затем, четыре дня спустя, мы наблюдали этих чечевиц в арчевниках одного из скалистых склонов

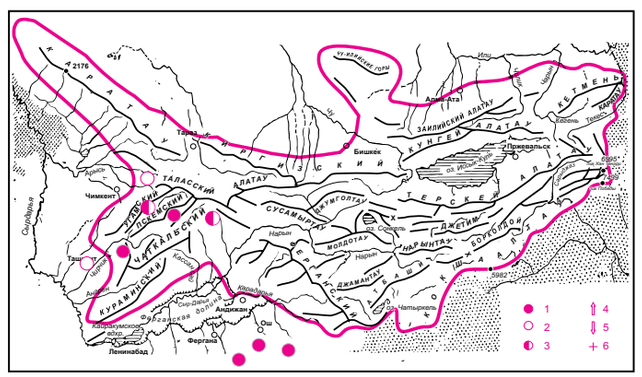

Рис. 534. Распространение розовой чечевицы в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – встречи летом

р. Чаралмы в верховьях Пскема. Осенью 1953 г. пару этих чечевиц я встретил 16 октября в кустах стелящейся арчи в верховьях Седжак-сая (Угамский хребет). Крик у этой чечевицы значительно мягче, чем у розовой чечевицы» (Корелов, 1956, с. 285). Последнее замечание очень существенно для будущих исследователей, поскольку этот вид на расстоянии трудно отличим от арчовой чечевицы (*C. rhodochlamys*). Поэтому В. Ковшарь (2004), трижды встретившая в 2003 г. в долине Пскема розовую чечевицу по маршруту М.Н. Корелова 1948-1949 гг., уделила особое внимание описанию её отличий от арчовой чечевицы: «После ошибки, допущенной в 2002 г. (В. Ковшарь, 2003), мы очень внимательно подошли к определению этого вида. В 2003 г. мы встречали эту чечевицу 3 раза и убедились в очевидных отличиях её от арчовой чечевицы. Прежде всего, взрослые самцы имеют над глазом и от клюва вниз по бокам зоба широкие полосы яркого пурпурно-розового цвета с такой отражающей способностью, что они кажутся значительно светлее окружающего оперения. Кроме того, голос этой птицы не просто «значительно мягче» (Корелов, 1956), он больше похож на позывку щегла, нежели на голос арчовой чечевицы. 27 июня на правобережном склоне Тепарсая, поросшем лиственными деревьями и орехом, мы встретили двух ярких самцов и одну самкоподобную особь на вертикальном обрыве рядом со скалами. На поверхности обнажившейся почвы выделялась соль, поклевать которую прилетали некоторые птицы. Одного самца отметили 8 июля на родничке в верхней части Аксарсая… 25 июля двух самкоподобных особей и самца видели в урочище Каптаркумуш на развалинах глиняной постройки, из стен которой проступала соль. Во всех трёх случаях этих птиц видели в поясе арчевников, но вдали от зарослей самой арчи» (В. Ковшарь, 2004, с. 114). Там же, в долине Пскема, в 2015-2016 гг. розовых чечевиц видели несколько раз: 7 августа 2015 г. – 6 особей на Чаралме; 8 августа двух одиночек – самца на ГМС «Майдантал» в урочище Карангитугай и одну – на Ойгаинге; в 2016 г. – самца 7 июля на Байкыраксае и пару 3 июля на Текешсае (Тен и др., 2017). В восточной оконечности Чаткальского хребта (Сарычелек) в 1925 г. добыли 5 розовых чечевиц: самца 2 июля на северном берегу озера, самку 22 июня на западном берегу, самку 25 июня на южном берегу, самца 9 июня на юго-восточном берегу, серого самца 11 июня на восточном берегу озера Сарычелек (Кашкаров, 1927). В общем списке птиц Сарычелекского заповедника (Воробьёв, Чичикин, 1966, с. 164) розовая чечевица не фигурирует (зато под № 93 есть арчовая чечевица как обычный вид), как и в более поздних публикациях о результатах учётов И.П. Лебяжинской (1991, 1992, 2001). Тем не менее одну розовую чечевицу видели и слышали 22 июня 2017 г. в ущелье Падыша-ата, недалеко от Сарычелека (Архипов, Коблик и др., 2018). Необходимы тщательные поиски этого вида в данном месте.

Севернее, в Таласском Алатау, розовую чечевицу ни разу не встречали во время круглогодичных наблюдений в заповеднике Аксу-Джабаглы с 1926 по 2014 г. (Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966; Губин, 2012; Чаликова, 2014). Даже изучавший систематику розовых чечевиц А.П. Коровин, добыв в 1926 г. на треритории этого заповедника 14 арчовых чечевиц, ни разу не встретил *Carpodacus grandis* (Коровин, 1934). И лишь 12 января 2014 г. в с. Жабагылы (б. Новониколаевка) Е.М. Белоусов (www.birds.kz) сфотографировал самца и самку, которые были определены как *Carpodacus grandis*. Не исключено, что этот вид встречали здесь и зимой 2007/08 г., когда с 26 декабря по 29 февраля почти ежедневно отмечали от одной до трёх птиц вместе – 23 встречи самок и 5 – самцов (Чаликова, 2008, 2014). В окрестностях Ташкента розовых чечевиц добывал зимой ещё Н.А. Зарудный (Салихбаев, Богданов, 1967). Перечисленными фактами исчерпывается информация о розовой чечевице в Тянь-Шане. Это один из самых наименее известных видов в фауне нашего района, заслуживающий тщательного исследования его распространения и биологии.

431. Большая чечевица – *Carpodacus rubicilla* (вкл. *severtzovi*) (Güldenstädt, 1775)

great Rosefinch (англ.), Felsenkarmingimpel (нем.), roselin tacheté (фр.),
үлкен құралай (каз.), чон кызгылт чымчык, седемек кызыл (кирг.), наскхураки калон (тадж.)

Синонимы: *Carpodacus severtzovi* Sharpe, 1886; *Erythrina rubicilla eblis* Koelz, 1939; *C. r. greschiki* Keve, 1943; *C. r. niethammeri* Keve, 1943. Чечевица Северцова.

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане один – *C. r. severtzovi* Sharpe, 1886. Правда, Л.С. Степанян (1965) отнёс часть птиц с Памиро-Алая к алтайскому подвиду *C. r. diabolica* Koelz 1939 и остался при этом мнении в последней своей работе (Степанян, 2003, с. 687), однако А.И. Иванов (1969, с. 376), прекрасно знакомый

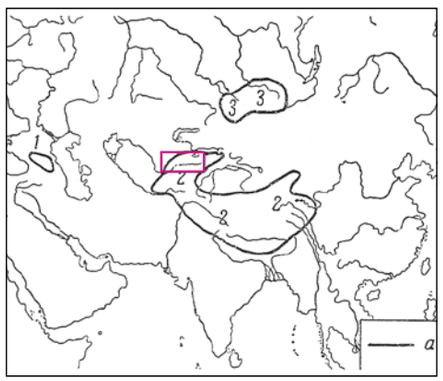
со сборами ЗИН РАН с Тянь-Шаня и Памиро-Алая и знающий большую индивидуальную изменчивость вида, совершенно справедливо усомнился в корректности такого решения; мне ближе его точка зрения.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица, масштабы кочёвок не выяснены.

Биотоп. Гнездится в альпийском поясе, где скалы и осыпи чередуются с альпийскими лужайками и есть вода (Иванов, 1969). Единственное гнездо найдено на Памире на высоте 4100 м (Абдусалямов, 1961), здесь гнездится в долинках с сухой травой (Молчанов, Зарудный, 1914), а Р.Н. Мекленбурцев (1946) в июле 1934 и 1937 гг. на р. Музкол встречал самцов «на безжизненных россыпях камней среди обледенелой и покрытой снеговыми полями долины». Зимой встречены в предгорьях: близ Алматы (900 м) и в Аксу-Джабаглы (1200 м).

Распространение. Тянь-Шань занимает северо-западную часть ареала подвида *C. r. severtzovi* (рис. 535). Распространена здесь большая чечевица спорадично, а так как пока ни одного гнезда этого вида с территории Тянь-Шаня не известно[27], то её распространение здесь логично обозначить как летние встречи (рис. 536), кроме одного места – ледник Абрамова в Алайском хребте, где прямо говорится о гнездовании отдельными парами на высте 3800 м (Ноздрюхин, 1989,1990). Всё остальное – десяток летних встреч и чуть больше – зимних. Наиболее вероятный очаг гнездования находится в Центральном Тянь-Шане, где два выводка в 1912 г. встретил В.Н. Шнитников (1949): 14 августа – 6 птиц в верховьях Иныльчека и 20 августа – между перевалом Кара-Арча и долиной Каинды, на высоте 3160 и 3200 м. Здесь же, в верховьях Иныльчека, 5 и 6 июля двух самцов добыл П.П. Тарасов (Пекло, 2002). На гнездование в районе Сарычат-Эрташа и других высокогорий южной части Центрального Тянь-Шаня указывают и другие авторы (Степанян, 1959; Кыдыралиев, 1961; Злотин, 1968; Крылов, 1969; Верещагин, Немченко, 2005).

В Северном Тянь-Шане наиболее вероятно гнездование большой чечевицы в районе максимальных абсолютных высот Заилийского Алатау у Талгарского горного узла и верховьев рек Б. и М. Алматинка, откуда, видимо, собираются они (в иные зимы – в большом числе) в район Алматы. Однако весенне-летних встреч здесь, несмотря на обилие подходящих мест в альпийском поясе, совсем мало, и сосредоточены они в верховьях Б. Алматинки: 5 мая 1965 г. – летящая одиночка на высоте 2900 м (Гаврилов, 1974); в первой половине августа 1973 г. на высоте 3000 м (Губин, 2002); 23 марта 1975 г. – два самца, один из них поющий в районе Космостанции, на высоте 3300 м (Ковшарь и др., 1978). Здесь вполне возможно гнездование на Большом Алматинском пике, а также в верховьях Серкебулака и в скалах соседнего ущелья Алмарасан, или Проходное. Обсуждению всех подобных вариантов посвящена даже специальная публикация под названием «Где гнездится большая чечевица?» (Белялов, 2004: КОБ-2003). На южном склоне центральной части хребта Кунгей Алатау, в верховьях р. Чон Аксу, 3 августа 2005 г. пару больших чечевиц (самца и самку) встретил С.В. Кулагин с группой орнитологических туристов (устное сообщение). В Киргизском Алатау большую чечевицу дважды

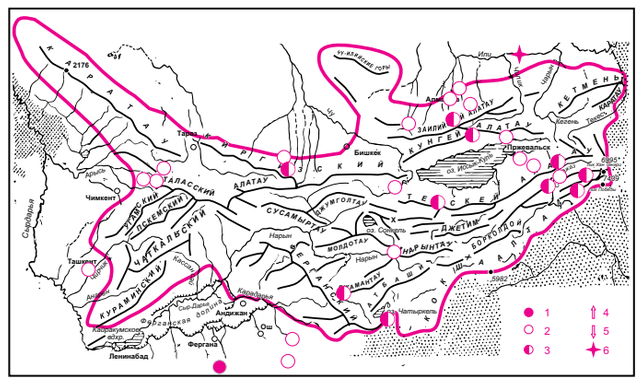

Рис. 535. Ареал большой чечевицы. По: Бёме, 1954, с.250. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 536. Распространение большой чечевицы в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

[27] Приводимые В.Н. Шнитниковым (1949, с. 362) сведения О. Бамберга так же сомнительны, как и его данные по многим другим видам, включая краснокрылого чечевичника и др. – *АК*

встретили в верховьях ущелья Мерке: 24 ноября 1985 г. взрослого самца в арчовом поясе (Карпов, Белялов, 2007) и 2-3 июня 2003 г. – самца на высоте 2400 м (Анненкова, Ашби, 2004: КОБ-2003).

Во Внутреннем Тянь-Шане летние встречи большой чечевицы известны всего для трёх мест. «Ровно через год после первой встречи [в верховьях Иныльчека – *АК*], т.е 13 /VIII.1913 г. мне пришлось встретить выводок чечевиц, на этот раз уже в другой части Тянь-Шаня, а именно на спуске с перев. Джаман-Даван к Арпе, на высоте, вероятно, около 3300-3400 м, среди каменистых пространств, одетых скудной травянистой растительностью» (Шнитников, 1949, с. 363). В этой же сводке ярко сказано о скудости данных по этому виду: «Об этой чечевице нам известно ещё меньше, чем о *C. rhodochlamys*. О ней совершенно не упоминает огромное большинство постоянно цитируемых здесь авторов. А те, которые упоминают, или ограничиваются приведением экземпляров (Иогансен) или же, если касаются вопроса о гнездовании этого вьюрка в нашем крае, то решают его отрицательно (Смоллбонс, Шалов, Лаубманн). Даже Северцов, вообще достаточно смелый в своих выводах и обобщениях, повидимому, не решился причислить большую чечевицу к местным гнездящимся птицам и считал её здесь только зимним гостем. Правда, не только при нём, но ещё в течение 25 лет после его работ в Семиречье отсюда были известны исключительно зимние экземпляры, и никто большой чечевицы здесь летом, повидимому, не встречал. Только в 1902 г. парочка их была добыта 20/VII в долине р. Иирташ ботанической экспедицией Сапожникова. В 1908 г. ещё один экземпляр добыт Мерцбахером в «Ulato» (несомненно р. Улахол) 16/V. Однако Лаубманн, имевших его в руках, всё-таки не рискнул на основании его одного говорить о гнездовании здесь чечевицы; экземпляры же Сапожникова ему, очевидно, не были известны» (Шнитников, 1949, с. 362). О встрече большой чечевицы в горах около Чатыр-Куля сообщается в «Птицы Киргизии» (1960). Это вся информация о виде во Внутреннем Тянь-Шане.

Для Западного Тянь-Шаня известны только зимние встречи большой чечевицы. В районе Ташкента в декабре-феврале 1910, 1911 и 1916 гг. её добывал Н.А. Зарудный (рукопись). В Таласском Алатау она добыта 15 декабря 1938 г., 19 февраля 1971 г. и многократно встречена в зимнее время с 1983 по 2003 г. (Ковшарь, 1966; Гаврилов, 1974; Губин, 1989; Ковшарь, Чаликова, 1992; Ковшарь, 1996; Чаликова, 2004: КОБ-2003; Колбинцев, 2004: КОБ-2003). На Чокпаке её отлавливали 12 апреля 1970 г. и встречали в лесополосе у ловушек (1200 м) 20 и 21 октября 1970 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В уже упоминавшемся обзоре «Где гнездится большая чечевица?» из приведенного выше перечня сделан следующий вывод: «Все эти встречи говорят о том, что где-то рядом есть гнездящаяся популяция, которую предположительно можно локализовать в верховьях рек Джабаглы и Аксу. Хотя достоверных летних находок из этих мест нет, известна встреча крупного «красного вьюрка» на скалах одного из ледников в верховьях р. Кши-Аксу 30 июня 1961 г. (Ковшарь, устное сообщ.). Птица была добыта, однако достать её с недоступной скалы не удалось. Этот крупный вьюрок мог быть как красным вьюрком, так и большой чечевицей. В соседних хребтах найден *Pyrrhospiza* в Угамском – Ю.С. Лобачёв (1964); в Пскемском – В.А. Ковшарь (2002)» (Белялов, 2004: КОБ-2003, с. 161). Думаю, что приведенная информация свидетельствует о необходимости дальнейших поисков мест гнездования этого вида в Тянь-Шане.

Численность. В летнее время встречи единичны. Численность зимующих больших чечевиц по годам колеблется. В предгорьях Тянь-Шаня известны две крупных зимовки – Каменское плато близ Алматы (Заилийский Алатау, Северный Тянь-Шань) и в заповеднике Аксу-Джабаглы (предгорья Таласского Алатау, Западный Тянь-Шань). В городе Алматы впервые добыта 3 февраля 1962 г. (Бородихин, 1968), но на Каменском плато в окрестностях города их добывали в зимние месяцы 1937, 1938, 1965 и 1966 гг. Зимой 1965/66 г. на Каменском плато их было очень много с 24 ноября по 10 декабря, а 19 января 1966 г. в тех же местах встретили всего двух одиночек (Гаврилов, 1974). За два дня (24 и 28 ноября 1965 г.) И.Ф. Бородихин добыл здесь 10 больших чечевиц (колл. ИЗ, Алматы). В 70-80- гг. XX ст. здесь, на Каменском плато, больших чечевиц периодически встречали многие орнитологи и птицеловы. Так, А.В. Панов встречал их в зимы 1983/84, 1988/89, 1993/94 и 1998/99 гг. в количестве от 20 до 100 птиц (Белялов, 2003: КОБ-2002).

В ущелье Джабаглы Таласского Алатау большие чечевицы стали регулярно встречаться зимой, когда подросли искусственные посадки белой акации, высаженной в период «озеленения» в 50-х гг. XX ст. Зимой 1970/71 г. 15-30 особей появились здесь в декабре, с установлением снежного покрова, а исчезли с появленеим проталин в конце февраля (Губин, 1989). В 2011 г. с 7 по 16 марта здесь видели до 40 особей, в 2014 г. с 7 января по 16 марта в отдельные дни встречали до 150 чечевиц (Чаликова, 2014), а 20 и 21 декабря 2016 г. видели более 100 больших чечевиц (Чаликова, 2017). В городе Пржевальске (Иссык-Куль) зимой 1967 г. видели 25-30 особей на акации, в 1972/73 г. – 30 больших чечевиц в том же месте (Верещагин, 1991).

Сроки. Даты. На зимовке встречаются обычно с ноября по март. На Чокпаке их встречали 12 апреля и 20-21 октября 1970 г. (Гаврилов, Гисцов, 1965). В ущелье Топшак на северном склоне Таласского Алатау (1500 м) двух самцов встретили кормящимися на кустах жимолости 16 октября 2003 г. (Гаврилов, Колбинцев, 2004: КОБ-2003). Это самая ранняя встреча вида в Западном Тянь-Шане. Часть чечевиц зимует в местах гнездования: в феврале 2007 г. два самца и самка зимовали у охотничьего лагеря на р. Кайнар (3190 м) в Центральном Тянь-Шане (Остащенко, 2010, с. 244).

Биология. Для кавказского подвида подробнейшим образом описана В.М. Лоскотом (1991), но для тянь-шанского подвида (*C. r. severtzovi*) пока известно только одно гнездо, найденное И.А. Абдусалямовым (1961) 26 июля 1960 г. в каменном завале в верховьях р. Ак-Су на Памире (4100 м): «Гнездо устроено в совершенно скрытом месте, на маленьком уступе скалы. Самке приходилось залетать в гнездо снизу. Само гнездо массивное, ширина его 180 мм, ширина лотка 90 мм, а его глубина 37 мм. Устроено оно из трёз слоёв; наружный слой состоит из грубых ветвей терескена и полыни, средний слой более аккуратный и свит из листьев, тонких стеблей, корней злаков и осок. Что же касается лотка, то он состоит исключительно из шерсти длиннохвостого сурка, шерсти и зимнего пуха архара, лоток очень плотный и тёплый» (Абдусалямов, 1961, с. 91). В гнезде было 5 сильно насиженных яиц голубого цвета с редкими пятнами. В Тянь-Шане гнёзда этого вида до сих пор не найдены и никаких сведений о биологии большой чечевицы нет. Для их поисков в будущем очень полезными могут оказаться рекомендации, сделанные на основе материалов, сосбранных В.М. Лоскотом по кавказскому подвиду: «Областью обитания вида является субнивальный пояс, где птицы находят себе корм в виде семян в течение почти всего года на высотах 2800-3200 м над ур.м., спускаясь в более низкие пояса только в случае обильных снегопадов. Видимо в такие периоды они и встречаются в окрестностях Алма-Аты. Кочёвки обычно не превышают 10-15 км (!!!) от мест гнездования, и только в самые неблагоприятные зимы достигают 30-60 км. Большую часть года птицы встречаются в верховьях ущелий, занятых моренами ледников, с осыпями и скальниками, спускаясь вниз по речным долинам до предгорий, где они находят корм в зарослях облепихи, барбариса и шиповника. Эти кустарники не редкость в речных долинах Тянь-Шаня, но интересно, что наши птицы и в окрестностях Алма-Аты, и в Аксу-Джабаглы в зимний период кормятся семенами белой акации, которая интродуцирована здесь всего несколько десятилетий назад. Зная места зимних встреч больших чечевиц, можно попытаться найти места гнездования их в верховьях ущелий, по которым они спускаются зимой. Судя по редким и немногочисленным встречам, большая чечевица очень малочисленна, и изъятие нескольких десятков птиц ловцами в окрестностях Алма-Аты способно резко подорвать, а то и свести на нет популяцию в Заилийском Алатау» (Белялов, 2004: КОБ-2003, с. 160).

432. Красный вьюрок – *Carpodacus* [*Pyrrhospiza*] *puniceus* (Blyth, 1845)

red-breasted Rosefinch (англ.), Bergkarmingimpel (нем.), roselin à poitrine rouge (фр.), қызыл құнақ (каз.), зоо эжекебееса (кирг.), наскхураки сурхтан (тадж.)

Синонимы: *Pyrrhospiza humii* Sharpe, 1888; *Carpodacus puniceus kilianensis* Vaurie, 1956. Скальная чечевица (Гаврилов, Ковшарь, 1968; Гаврилов, 1974).

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане один – *Pyrrhospiza punicea humii* Sharpe, 1888.

Характер пребывания. Оседлая птица с незначительными сезонными перемещениями по высоте.

Биотоп. Населяет нивальный пояс и самые верхние части альпийского выше 3300 м, «где основу ландшафта составляют скалы с нагромождениями обломочного материала и пятнами снега; здесь совсем нет кустарников и лишь кое-где имеются участки сильно разреженной травянистой растительности. Нижний предел распространения скальной чечевицы [красный вьюрок – *АК*] в Заилийском Алатау в летнее время – около 2900 м, верхний – не выяснен; нам приходилось встречать её на высоте 3300-3400 м, но живёт она и значительно выше. На травянистых склонах на высоте 2900-3200 м скальная чечевица обычно кормится, а гнездится не ниже 3300 м» (Гаврилов, Ковшарь, 1968, с. 41). Относительно верхнего предела распространения есть сведения для Гималаев, где красный вьюрок вместе с жемчужным достигает 5700 м (Mac Kinnon, Phillips, 2000). Добыча красного вьюрка зимой у Ташкента, на высоте всего 400 м – редчайшее исключение.

Распространение. Через наш район проходит северо-западный участок границы ареала этого высокогорного южноазиатского вида (рис. 537), причём на Тянь-Шань приходится значительная часть ареала самого северного подвида *P. punicea humii*. Сам ареал описан так: «Джунгарский Алатау. Тянь-Шань

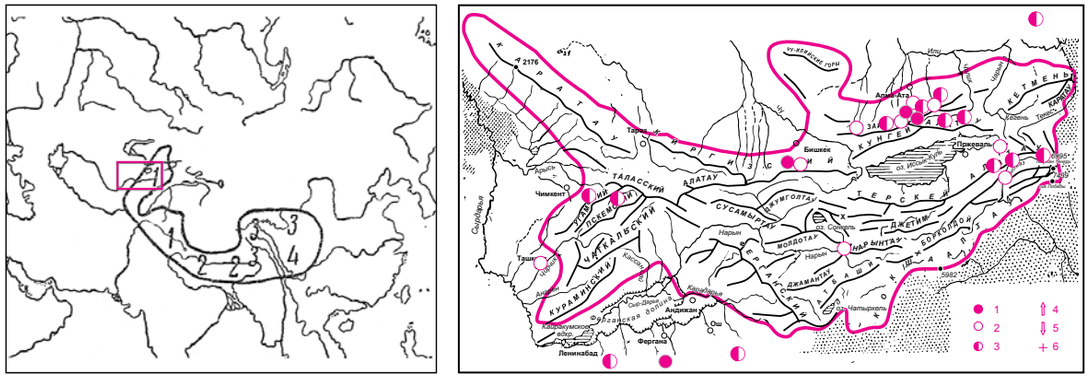

Рис. 537. Ареал красного вьюрка. По: Бёме, 1954, с. 265. Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 538. Распространение красного вьюрка в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

к западу до Угамского хребта, к востоку до области Хан-Тенгри, к северу до Киргизского и Заилийского хребтов, к югу до Кокшаал-Тау. Алайская система, Западный Памир, окраинные хребты Восточного Памира» (Степанян, 2003, с. 688). Как видно из рис. 538, этот самый высокогорный вьюрок распространён в основном в Центральном и Северном Тянь-Шане. По справедливому замечанию В.Н. Шнитникова, он является одной из самых редких гнездящихся птиц Семиречья и все случаи встречи его до середины XX ст. (да и сейчас!) исчислялись единицами: «Впервые эта птица была добыта Кореевым в верховьях Тышкана на высоте 9500’ (2900 м) 24/VII 1899 г. Следующий экземпляр был добыт в ноябре 1901 г. в ущелье Б. Тегерек на Сарджасе Садырбеком Абдыбековым… Добытая им птица была одна и встречена на очень большой высоте, у самого ледника. Третий экземпляр (самка) привезен Мерцбахером из Нарына, где он был добыт 12/I 1908 г. Далее в Музее МГУ имеются две шкурки птиц, добытых 22/XII 1910 и 6/II 1911 г. в долине р. Зауки. Приобретены шкурки у Рюкбейля. Наконец, последние находки имели место в 1916 и 1919 гг.: 3/III 1916 г[28]. Бейк встретил в отщелке Сарт-Сай Мало-Алматинского ущелья, в зоне арчи, пару вьюрков – самца и самку, сидевших рядом, и обоих добыл с одного выстрела. В том же году им были встречены 3/VI в разных местах ущелья Чен-Тургень два самца, добыть которых ему, однако, не удалось. Птички издавали звуки вроде пения, напоминавшие громкое насвистывание. Наконец, 28/VI 1919 г. Бейком был добыт и ещё один экземпляр *Pyrrhospiza* в Тау-Чилике, в отщелке Б. Урюкты, в зоне альпийского луга» (Шнитников, 1949, с. 363). На севере Центрального Тянь-Шаня единственный раз красного вьюрка встретил А.А. Винокуров 3 сентября 1955 г. в верховьях р. Туюк, у перевала Кумбель (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

В Северном Тянь-Шане, на северном склоне центральной части хребта Заилийский Алатау, только через 30 лет после находок В. Бейка старую самку в районе ледника Туюксу 22 июля 1949 г. добыл препаратор А. Горынин, а 30 июля 1951 г. в том же Мало-Алматинском ущелье на древней морене (3200 м) яркого самца встретил Б.К. Штегман (1954). В соседнем Б. Алматинском ущелье, в районе пика Советов, самца и самку красного вьюрка впервые увидели И.А. Долгушин и Э.И. Гаврилов 15 мая 1965 г., а спустя два года в этом месте было найдено первое в мире гнездо этой птицы (Гаврилов, Ковшарь, 1967, 1968). И после этого красного вьюрка в этом ущелье видели неоднократно; всего он отмечен в 6 ущельях хребта – от Тургеньского на востоке до Чемолганского на западе, а также на южном склоне Заилийского Алатау, в истоках Чилика (Ковшарь и др., 1978; Пфеффер, 1984; Ашби, Анненкова, 2005; Белялов, 2007; Джаныспаев, 2007, 2008, 2012; Скляренко, 2009: КОБ-2008). В последние годы в районе Космостанции (3300 м) их фотографировали неоднократно: 8 августа 2010 г., 1 января 2012 г., 15 июня 2013 г. (Г. Дякин, А. Коваленко, www.birds.kz). В зимнее время в западных отрогах Заилийского Алатау (горный массив Суык-Тобе) 1 ноября 1990 г. на высоте 3000 м встретили взрослого самца (Карпов, 1994), а 19 февраля 2006 г. добыли самку (коллекция Института зоологии, Алматы). На северном склоне восточной части хребта Кунгей Алатау (Кульсай) с 27 июня по 6 июля 1968 г. я несколько раз видел пару красных кьюрков в скалах урочища Каскатор, на высоте 2900 м; причём 29 июня самец и самка летали друг за другом вокруг выступа скалы не совсем обычным полётом: частые взмахи крыльев чередовались с парением; 6 июля самка в течение получаса кормилась на осыпи у скалы, поедая цветы

[28] Дата указана по новому стилю, поэтому переведение её на 17 марта (Гаврилов, 1974, с. 302) неверно – *АК*

подушкообразного растения *Dryadanthe tetrandra*; это было единственное подходящее место для гнездования в радиусе 5-6 км (Ковшарь, 1972).

Добыча в Киргизском Алатау (ущелье Ала-Арча) двух взрослых самок красного вьюрка 18 июня и 7 августа 1957 г. послужила поводом к публикации «Находка красного вьюрка на Тянь-Шане» (Кузнецов, Степанян, 1958), но вскоре выяснилось, что в этом ущелье он не столь уж редок, и более содержательная статья «О кашмирском красном вьюрке» (Кузнецов, 1960) основывалась уже на 15 экземплярах взрослых и молодых птиц, добытых в этом ущелье в 1957-1959 гг. Двадцать лет спустя в Киргизском Алатау красных вьюрков встретили дважды: 24 апреля 1978 г. у ледниковой морены в Иссык-Ата (60 км восточнее Ала-Арчи) и 4 мая 1978 г. в урочище Верхняя Ала-Арча (Банин, 1982). В других местах хребта он не встречен.

В Западном Тянь-Шане, не считая добычи Н.А. Зарудным (1910) самки на галечниковой отмели р. Салар у Ташкента 22 января 1908 г., красный вьюрок впервые добыт 9 июля 1962 г. Ю.С. Лобачёвым (1964) – самец на крупноглыбовой ледниковой морене в верховьях р. Уларсай (Угамский хребет, 3000 м). Вторая встреча – в верховьях Пскема, где 17 августа 2002 г. в верховьях Тастарсая (3100 м) на обширных осыпях со скалами наблюдали самку, которую первоначально приняли за розовую чечевицу (В. Ковшарь, 2003, 2004). Не исключено, что именно красный вьюрок был добыт мной 30 июня 1961 г. на скалах у ледника № 10 в верховьях р. Кши-Аксу в Таласском Алатау (достать его без специального снаряжения было невозможно). Гнездование его здесь, в истоках рек Аксу и Джабаглы, изобилующих ледниками, моренами и скалами, очень вероятно, а посещаемость этих мест орнитологами минимальная по сравнению с соседними местами.

Вдоль южной границы Тянь-Шаня красный вьюрок живёт в высокогорье Алайского и Туркестанского хребтов: «Барей добыл его в Алайском хребте на пер. Акбогуз и Караказык. Зарудный писал, что 25 июня 1908 г. он добыл старого самца в скалистом ущелье в верховьях р. Чичак (бассейн Исфары, Туркестанский хребет)» (Иванов, 1969, с. 380). На южном склоне Алайского хребта, в верховьях р. Коксу (ледник Абрамова, 3500-4500 м) в 1980-1989 гг. отметили 5 особей – трёх самцов и двух самок (Ноздрюхин, 1989, 1990). По мнению автора, красный вьюрок здесь несомненно гнездится, хотя и очень редок. Из Внутреннего Тянь-Шаня известна только одна самка, добытая ещё Г. Мерцбахером 12 января 1908 г. в горах у Нарына (Шнитников, 1949). На картосхеме, приложенной к обстоятельной статье А.А. Кузнецова (1960, с. 355), имеется точка встречи этого вида на северном склоне Ферганского хребта, а из таблицы явствует, что этот взрослый самец (колл. № 468) добыт А.С. Мальчевским 19 августа 1936 г. К сожалению, более точно место добычи его не обозначено. Всё сказанное свидетельствует о необходимости дальнейших поисков этой редкой птицы в Тянь-Шане.

Численность. Низкая. Редкость красного вьюрка не раз приводила к предложениям о занесении его в национальные Красные книги. Однако при более тщательном изучении оказалось, что он не столь уж редок. Так, в Киргизском Алатау (Ала-Арча), за два летних сезона удалось добыть 15 красных вьюрков – правда, для этого А.А. Кузнецову (1960) пришлось провести на ледниках 46 суток, чего никто из орнитологов не делал. По данным учётов этого автора, в нивальном поясе красный вьюрок встречен в 14 дневных экскурсиях общим числом 25 особей (для краснобрюхой горихвостки аналогичные показатели – 11/28, для гималайской завирушки – 12/62, для краснокрылого стенолаза – 11/20, а для горихвостки-чернушки – 7/18). То же можно сказать о верховьях Б. Алматинского ущелья в Заилийском Алатау: «В типичных местообитаниях скальная чечевица не так уж редка. В 1965 г. с 15 мая по 29 июля в таких местах было проведено около 30 экскурсий; скальная чечевица отмечалась в 26 общим числом 68 особей, т.е. в среднем по 2-3 птицы за экскурсию. В отдельные дни встречали до 6 птиц. В 1967 г. с 16 июня по 13 июля проведено 9 экскурсий: скальная чечевица обнаружена на 6 из них общим числом 19 экземпляров, максимум 4 птицы за день» (Гаврилов, Ковшарь, 1968, с. 42).

Сроки. Даты. Поскольку большую часть года, по наблюдениям А.А. Кузнецова (1960, 1962) на ледниках Киргизского Алатау, красные вьюрки проводят в альпийском поясе, откочёвки их в нижележащие пояса носят нерегулярный и, скорее всего, кратковременный характер. Сроки их не изучены, имеются лишь отдельные примеры, среди них самые ценные – стационарные наблюдения А.А. Кузнецова: «Живя безвыездно два с половиной года на высоте 2100 м и обходя ежедневно при проведении метеорологических наблюдений различные биотопы, мы ни разу не встретили красного вьюрка ниже 2700 м. Если сопоставить зимние наблюдения с летними, то получится, что в декабре, январе и феврале при семи днях

наблюдений на ледниках было встречено 4 птицы, а в июне, июле и августе при 26 днях наблюдений выше 3000 м зарегистрировано 9 птиц. Это также говорит о незначительности вертикальных миграций красного вьюрка и о том, что при зимних кочёвках переход на южные склоны на той же высоте характернее для него, чем откочёвка вниз. Зарудный (1910) говорит, что красный вьюрок будто бы попался ему 9 января 1890 г.[29] на галечной отмели р. Салар в черте города Ташкента. Это, видимо, либо недоразумение, либо удивительная случайность» (Кузнецов, 1960, с. 356). Выше 3000 м встречали их в зимний период, с ноября по март, также в Заилийском Алатау (Ковшарь и др., 1978; Джаныспаев, 2007, 2008: КОБ-2006, 2007 и др.).

Биология. До 1960 г. была практически не изученной. Описание гнезда красного вьюрка в сводке по птицам Индии (Baker, 1934), сделанное по двум гнёздам, *присланным* автору Вардом (найдены вблизи Хузала на высоте 4200 м), вызывало у орнитологов большие сомнения уже по своему месту расположения – на чахлом кустарнике и на арче, что не соответствовало местам летнего обитания самой птицы. Кстати, причина большинства ошибочных описаний – доставка птичьих кладок третьими лицами, что лишало автора описания возможности видеть самих хозяев гнёзд и быть уверенным в правильности их видовой идентификации (пример – краснокрылый чечевичник). Полная неизвестность придавала красному вьюрку ореол загадочности, что лучше всего выразил орнитолог и альпинист, посвятивший этой птице много дней наблюдений: «Найти гнездо красного вьюрка было самым большим нашим желанием во время пребывания на Киргизском хребте. Для этого предпринимались специальные выходы на ледники, тратились дни и недели, но найти гнездо так и не удалось» (Кузнецов, 1960, с. 359). Не меньшее желание найти гнездо этой птицы испытывал и глава казахстанских орнитологов Игорь Александрович Долгушин, наблюдавший вместе с Э.И. Гавриловым и Э.Ф. Родионовым всё лето 1965 года за красным вьюрком в верховьях Б. Алматинского ущелья. Он даже запланировал срок – лето 1966 г., однако 4 июля 1966 г. его не стало, и выполнение этого плана выпало на долю учеников. Специальный экспедиционный выезд на поиски гнезда красного вьюрка состоялся в июне-июле 1967 г., а сама история его нахождения многократно и подробно описана (Гаврилов, Ковшарь, 1967, 1968; Гаврилов, 1985; Ковшарь, 2014). Здесь приведу только краткие выдержки из описания гнезда и яиц, а также имена тех альпинистов, которым удалось достать это гнездо: «10 и 11 июля штурм скалы предприняла группа инструкторов-альпинистов учебных сборов ТуркВО в составе: А.В. Арутюнянц, В.А. Казённов, В.А. Кашицын, В.Г. Лапин, Ю.К. Локданиди, Е.В. Маевский, Ю.К. Мацук, П.А. Соломин, Е.В. Черников с учатсием альпиниста Е.Ф. Ризова. Попытка В. Кашицына добраться до щели снизу не имела успеха: помешал отрицательный угол, образуемый стенкой вблизи гнезда. Эта же причина сделала безуспешной и третью попытку, которую предпринял Ю. Мацук, спускавшийся к гнезду сверху «дюльфером». Лишь при четвёртой попытке Е.Черникову удалось подойти вплотную к щели с северной сторны, в доставании гнезда и в его упаковке ему помогал П. Соломин.

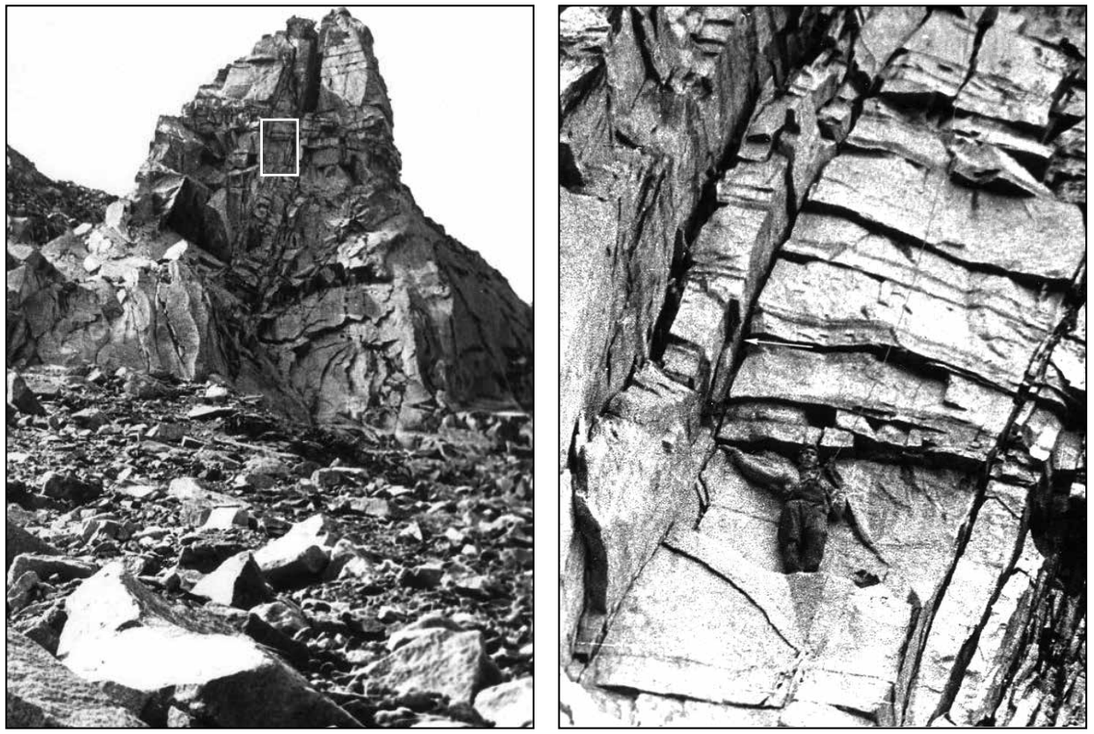

Рис. 539. Место расположения гнезда красного вьюрка: слева – скала с гнездом [см. выделенный фрагмент]; справа – альпинист В. Кашицын под гнездом. Стрелкой указан вход в гнездо. *Фото автора*

[29] Опечатка в дате: у Н.А. Зарудного – 9 января 1908 г по старому стилю, или 22 января по новому стилю – *АК*

Гнездо располагалось в трещине скалы длиной не менее 5 м, заваленной снизу приблизительно на ¼ камнями. Вход в щель, где помещалось гнездо, имел ширину 5.5 см и высоту около 20 см; глубже щель расширялась до 11 см и перед гнездом поворачивала вправо под углом около 45°. Само гнездо располагалось в небольшой сырой камере в 70 см от входа и имело размеры: поперечник 140-170, высота 110 мм, диаметр лотка 90-100 мм, его глубина 44 мм. Снаружи гнездо было сделано из мелких корешков, очень массивный внутренний слой состоял из коротких сухих прошлогодных травинок. В обоих слоях находилось небольшое количетво волоса и шерти, равномерно распределённых среди основного строительного материала. В гнезде лежало 4 яйца, одно из которых разбили. Их размеры: 27.1x19.3; 27.2x19.1; 27.9x18.8 мм; вес 5.0, 4.9 и 4.8 г. Яйца правильной форма, лишь одно слегка продолговатое. Основной фон скорлупы чисто белый, по нему разбросаны поверхностные тёмнокоричневые, почти чёрные и глубокие светлокоричневые точки, пятна и закорючки, концентрирующиеся вокруг тупого конца яйца» (Гаврилов, Ковшарь, 1968, с. 46-47). К этому следует лишь добавить, что гнездо располагалось в верхней трети 120-метровой скалы (рис. 539), ориентированной на восток-северо-восток; абсолютная высота 3300 м. В день обнаружения гнезда 17 июня самка носила в него шерсть, а яйца откладывала, судя по её поведению, в последних числах июня, поскольку 30 июня она уже находилась в гнезде более получаса. Первая попытка добраться до гнезда в одиночку 3 июля (альпинист Ю.Ф. Голодов, впоследствии – один из покорителей Эвереста) оказалась безрезультатной (не хватило страховочной верёвки), а вторую удалось осуществить только 10 июля (см. выше). Подробности – в наших статьях (Гаврилов, Ковшарь, 1968; Gavrilov, Kowschar, 1969) и в очерке в 5-м томе «Птицы Казахстана» (Гаврилов, 1974). Много ценных биологических зарисовок содержит уже не раз упомянутая статья А.А. Кузнецова (1960). Из последующих публикаций представляют интерес: встреча 10 августа 1975 г. на той же скале, где было гнездо в 1967 г., выводка, в котором самка красного вьюрка кормила трёх слабо летающих птенцов (Ковшарь и др., 1978); встреча выводка из трёх молодых и двух взрослых птиц 3 августа 2005 г. в урочище Жанарык (3600 м) в верховьях Чилика, на южном склоне Заилийского Алатау (Джаныспаев, 2006: КОБ-2005). Однако, насколько мне известно, пока нет публикаций о нахождении второго жилого гнезда этой птицы. Биология её остаётся не изученной.

433. Щур – *Pinicila enucleator* (Linnaeus, 1758)

pine Grosbeak (англ.), Hakengimpel (нем.), durbec des pins (фр.)

Вся информация об этой сибирской птице исчерпывается упоминанием в сводке «Птицы Семиречья»: «Единственный известный мне экземпляр щура хранился в СОМ и был добыт 12/IV 1907 г. в окрестностях Алма-Аты» (Шнитников, 1949, с. 364). Безусловно, это был случайный залёт, не повторившийся в течение следующих 112 лет.

434. Клёст-еловик – *Loxia curvirostra* Linnaeus, 1758

red crossbill (англ.), Fichtenkreuzschnabel (нем.), bec-croisé des sapins (фр.),
шыршашыл қайшауыз (каз.), кайчы тумшук (кирг.), арча қайчитумшуғи (узб.)

Синонимы: *Crucirostra abietina* Meyer, 1815; *C. montana* Brehm, 1831; *C. pinetorum* Brehm, 1831; *Loxia europaea* MacGillivray, 1837; *L. rubrifasciata* Bonaparte et Schlegel, 1850; *Crucirostra paradoxa*

Brehm, 1853; *C. erythroptera* Brehm, 1853; *L. albiventris* Swinhoe, 1870; *L. curvirostris turkestanensis* Grimson, 1927; *L. c. przewalskii* Dementiev, 1932.

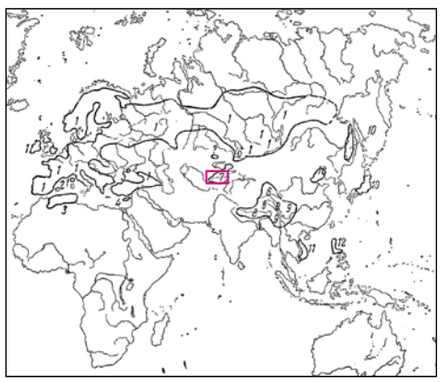
Подвид. Из 20 подвидов Тянь-Шань населяет один – эндемичный *L. c. tianschanica* Laubmann, 1927.

Характер пребывания. Оседло-кочующая птица-стенофаг. Клесты – бродячие птицы, но кочёвки их носят не сезонный характер, а всецело зависят от урожайности ели. В годы хорошего урожая еловых семян они встречаются в данной местности круглый год (например, в Заилийском Алатау в 1971-1972 гг.), но при неурожае исчезают на несколько лет. В отличие от европейских клестов тянь-шанские не предпринимают массовых выселений на огромные расстояния, а кочуют в основном в пределах этой горной системы, что обеспечивается несовпадением урожайных и неурожайных лет в разных хребтах и даже отдельных ущельях (Зимина, 1954). Например, в 1971 г. в Б. Алматинском ущелье урожай еловых семян и численность клестов были очень высоки, а в Талгарском ущелье, всего в 30-40 км восточнее, урожай был слабый, и клесты практически не встречались (Ковшарь, 1979).

Биотоп. Еловые леса Тянь-Шаня – в пределах всего лесного пояса (1300-2700 м).

Распространение. Тянь-Шань занимает практически весь изолированный ареал эндемичного подвида *L. c. tianschanica* (рис. 540), который выходит за пределы Тянь-Шаня только к северу, в Джунгарский Алатау, где клёст найден как на юге, в Тышкане, так и в северной части хребта (Ковшарь, 1974). В Тянь-Шане населяет ельники Северного и Центрального Тянь-Шаня, включая Кетмень и всю восточную часть Терской Алатау, в т.ч. Куйлю в системе Сарыджаза (рис. 541), но не найден в островных ельниках Иныльчектау (Зарудный, Кореев, 1905; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Корелов, 1956; Степанян, 1959, 2001; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Крылов, 1969; Ковшарь, 1974, 1979; Шукуров, 1986; Верещагин, 1991). Гнездится также в ельниках центральной части Киргизского Алатау, восточной части Таласского Алатау и Чаткальского хребта (Сарычелек) и спорадично – в еловых лесах Внутреннего Тянь-Шаня: хребты Нарынтау, Джумголтау, хребет Коргоо в районе ущелья Кок-Джерты, ельники нижней части Арпинской долины на стыке хребта Джамантау с северным склоном Ферганского хребта (Спангенберг, 1937; Птицы Киргизии, 1960; Кузнецов, 1962; Воробьёв, Чичикин, 1966; Кыдыралиев, 1972; Лебяжинская, 1991; Белялов, Михайлов, Торопов, 2016; Архипов, Коблик и др., 2018). В Западный Тянь-Шань клесты только залетали, так же, как в города Ташкент и Алматы, на северные склоны Алайского хребта и на южные склоны хребта Атбаши, выходящие к долине Аксая (Сатаева, 1937; Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Бородихин, 1968; Иванов, 1969), причём самец, добытый 24 января 1949 г. в Ташкенте, не принадлежал к тянь-шанскому подвиду (Мекленбурцев, 1982).

Численность. В годы урожая семян тянь-шанской ели бывает достаточно высокой (Кириков, 1949; Зимина, 1954). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) особенно много клестов было в урожайном на шишку 1958 году, когда на 15 маршрутах в октябре-ноябре насчитали 120 клестов (Кузнецов, 1962). В Заилийском Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500 м) в благоприятные 1963 и 1971 гг. клесты гнездились в таком множестве, что казались самыми многочисленными птицами елового леса; в 1963-1967 гг.

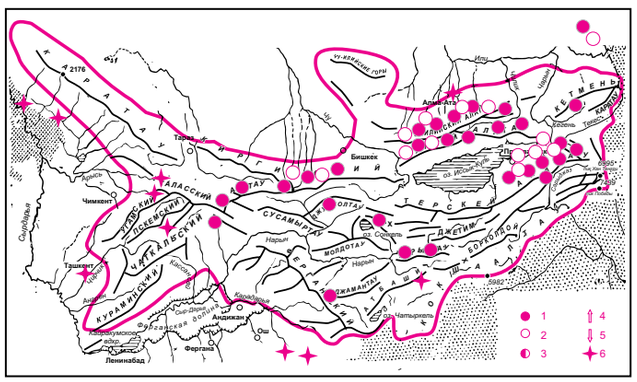

Рис. 540. Евразийская часть ареала клеста-еловика (по: Бёме, 1954, с. 273). Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 541. Распространение клеста-еловика в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимние встречи, 6 – залёты

здесь найдено 4, а в 1971-1975 гг. – 63 жилых гнезда, причём в 1971 г. эти гнёзда располагались всего в 100 – 90 – 70 и даже 50 м друг от друга (Ковшарь, 1974, 1976, 1979). Самая характерная черта хода численности у этого вида – падение её до нуля в отдельные годы. Общеизвестно, что Н.А. Северцов (1873) вообще не нашёл их в Тянь-Шане, несмотря на обширные сборы его коллекторов в течение ряда лет и даже выдвинул очень интересную гипотезу о причинах отсутствия клестов на Тянь-Шане, которую впоследствии оспорил В.Н. Шнитников (1949). Причина же, по-видимому, очень проста – несколько лет, неурожайных на семена ели.

Сроки. Всецело зависят от фенологии плодоношения ели. Поскольку европейская ель теряет свои семена в апреле, клесты вынуждены гнездиться зимой и ранней весной (зимнее гнездование клестов вошло даже в школьные учебники). У тянь-шанской ели иная фенология: наблюдения в 1948-1952 гг. в Терскей Алатау показали, что раскрывание шишек и вылет семян происходят в сентябре-октябре (Зимина, 1954). Поэтому клесты здесь гнездятся в конце лета и осенью. По нашим наблюдениям в Заилийском Алатау (2500 м), в 1971 и 1972 гг. они приступили к откладке яиц в первой декаде августа (12 гнёзд), во второй декаде – также в 12, в третьей – в 10 гнёздах, в первой декаде сентября – в 8 гнёздах. Сильно запоздавших кладок мы не находили, а выводков клестов в зимы 1971/72 и 1972/73 не встречали. Летом 1973 г., в неурожайный для ели год, клесты в этом ущелье практически не встречались. В 1974 г. урожай еловых семян был отличным (гораздо выше, чем в 1971 и 1972 гг.), и клесты появились во множестве уже к середине июня, а с начала июля приступили к гнездованию. Из 13 гнёзд, найденных в этом году, в одном кладка начата 14 июля, в двух – во второй декаде этого месяца, в 7 – в августе, в одном – в начале сентября и в двух – в конце декабря (одно из них самка строила 15 декабря, а 10 января в обоих гнёздах были пуховые птенцы). Хорошо летающие слётки встречены уже 24 августа 1974 г. В этом году летнее гнездование, по-видимому, без всяких перерывов перешло в зимнее, которое также было массовым. Об этом, помимо двух упомянутых гнёзд, свидетельствуют наблюдения за выводками и поведением взрослых птиц: всю зиму и весну 1975 года клесты держались в основном парами, самцы часто и помногу пели, и нередко можно было слышать тревожные крики, указывающие на наличие гнёзд или вылетевших птенцов. Выводки, в которых взрослые кормили птенцов (от только что покинувших гнездо до свободно летающих), встречены 8 и 23 марта, с 2 по 29 апреля, 9 мая и 15 июня 1975 г. (всего 10 выводков). Самок со строительным материалом в клюве видели 24 апреля, 10 и 15 мая, а два найденных гнезда были закончены к 30 апреля и 15 мая. В июне-июле клестов стало значительно меньше, а в августе они практически исчезли. Таким образом, гнездовой период 1974-1975 гг. длился около 10 месяцев – с июля по май, причём как летнее (июль-август), так и зимнее (декабрь-январь) гнездования были массовыми. Промежуток между ними больше длительности репродуктивного цикла у этого вида. Вероятно, в 1974-1975 гг. у тянь-шанских клестов было два репродуктивных цикла, но явление это, видимо, крайне редкое и наблюдается только в исключительно благоприятные годы. Кстати, европейские клесты в Альпах также могут размножаться дважды в год (Bezzel, 1972).

Залёты клестов на запад и юг нашего района наблюдались чаще всего в октябре. В Алайском хребте Н.А. Северцов добыл клеста 28 октября 1878 г. (колл. ЗИН РАН). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) В.В. Шевченко 10 октября 1948 г. добыл самку, а 28 октября встретил стайку 8-10 особей; он же встречал их здесь 9 сентября и 31 октября 1949 г., стайки по 7-10 клестов – 5 октября и 3 ноября 1951 г. Но здесь же, в арчевнике Кши-Каинды, Н.М. Литвиненво добыла самку 26 июня 1958 г., а я встретил пару 28 июля 1960 г., а 8 августа 1963 г. – самца, который выковыривал семена из яблок, разрезанных и высыпанных на крыше дома для просушки (Ковшарь, 1966). На Чокпаке одиночек встречали и добывали: 3 октября 1967, 23 августа 1974, 7 и 8 октября 1972, 16 октября 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985). Там же 3 октября 2006 г. окольцевали четырёх клестов, а 25 октября 1990 г. одного добыли (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Данные о питании и поведении клестов опубликованы по результатам наблюдений в хребтах Нарынтау (Кириков, 1939) и Терскей Алатау (Зимина, 1954). В Заилийском Алатау в 1963-1967 и 1971-1976 гг. проведены стационарные наблюдения за гнездованием (всего найдено 67 гнёзд), результаты их опубликованы (Ковшарь, 1974, 1976, 1979). В этих работах подробно описано расположение и устройство гнёзд, их материал и процесс постройки; продолжительность гнездового периода (39-45 дней), участие членов пары в насиживании кладки и выкармливании птенцов в гнезде; потенциальная плодовитость и успешность гнездования. Некоторые сведения о гнёздах клестов

приводятся в книге о птицах еловых лесов Тянь-Шаня (Шукуров, 1986). В хребте Кетмень 25 июня 1953 г. у самки было огромное наседное пятно, а 21 июля 1953 г. встречены взрослые с молодыми (Корелов, 1956). Интересны также старые наблюдения на южных склонах Борохоро: «Клесты наблюдались только один раз в ур.Тышкан 18.X.1918. Несколько выводков перелётывали по елям, причём молодые птицы ещё не могли самостоятельно вскрывать еловых шишек и кормились родителями. Старые клесты начали уже линьку мелкого оперения» (Шестоперов, 1929, с. 163). По моим наблюдениям за двумя птенцами, взятыми из гнезда слётками, первые попытки летать они предпринимали в возрасте 18 дней, а в 22 дня уже неплохо летали по комнате. В 20-дневном возрасте в разрезе ещё прямого клюва появилась щель, которая увеличивалась с каждым днём: через три дня подклювье и надклювье смыкались уже только своими концами. В этом возрасте они пытались «обрабатывать» еловые шишки. Такое занятие ускоряет перекрещивание быстро растущих концов надклювья и подклювья. К сожалению, возраст, в котором птенцы уже справляются с шишкой, для тянь-шанских клестов не установлен. На севере Европы у *L. c. curvirostra* родители кормят птенцов 30-35 дней после вылета (Коханов, Гаев, 1970), а весь цикл размножения, от начала постройки гнезда до полной самостоятельности птенцов, занимает 3 месяца.

435. Белокрылый клёст – *Loxia leucoptera* J.F. Gmelin, 1789

two-barred crossbill (англ.), Bindenkreuzschnabel (нем.), bec-croisé bifascié (фр.),
аққанатты қайшауыз (каз.)

Залёт: на Чокпаке один белокрылый клёст окольцован 4 октября 2008 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

436. Снегирь – *Pyrrhula pyrrhula* (Linnaeus, 1758)

bullfinch (англ.), Gimpel (нем.), bouvreuil pivoine (фр.),
кәдімгі суықторғай (каз.), кышка чымчык, жут чымчык (кирг.),

Синонимы: *Loxia pyrrhula* Linnaeus, 1758; *Emberiza coccinea* Gmelin, 1789; *Pyrrhula rubicilla* Pallas, 1811; *P. germanica* Brehm, 1831; *P. major* Brehm, 1831; *P. minor* Brehm, 1834; *P. linnei* Malm, 1877; *P. macedonica* Reichenov, 1920.

Подвид. Не установлен, но скорее всего – номинативный *P. pyrrhula pyrrhula* (Гаврилов, 1999).

Характер пребывания. Зимующая птица. Ближайшие места гнездования – Алтай.

Биотоп. Зимой – любая древесно-кустарниковая растительность, в том числе в городах.

Распространение. Редкий зимний гость Тянь-Шаня (рис. 542): «Снегири посещают Семиречье не только нерегулярно, но крайне редко, да и то, как правило, лишь в ничтожном количестве. Видимо. пути их зимних откочёвок минуют наш край и лишь в какие-нибудь исключительно неблагоприятные для них годы они появляются и в Семиречье» (Шнитников, 1949, с. 357). Это подтверждается и тем, что снегирь даже не упоминается в такой прекрасной монографии как «Птицы Памиро-Алая» (Иванов, 1969). Проживший много зим в Алма-Ате В.Н. Шнитников не встречал здесь снегирей ни разу, а из старых коллекционных материалов приводит лишь два экземпляра коллекции

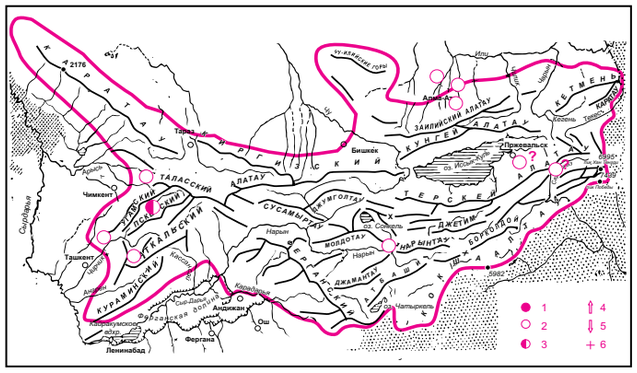

Рис. 542. Распространение снегиря в Тянь-Шане:
2 – зимние встречи, 3 – летняя встреча

П.П. Сушкина из с. Осиповка (долина р. Лепсы, Джунгарский Алатау), добытые 18 декабря 1910 и 13 ноября 1911 гг., а также 4 экз. из коллекции ЗИН РАН: «Кроме этих двух экземпляров в ЗИН имеется ещё четыре: с р.''Tess'' (может быть Тез, приток Сарыджаса), от 31/X и два из Нарына от 27 и 29/X. Крайне интересно было бы установить год добычи, но с северцовскими экземплярами это далеко не всегда можно сделать с уверенностью, даже при помощи первоначального оригинального каталога коллекции, веденного собственноручно Северцовым. По-видимому, все названные экземпляры добыты в 1867 г. Наконец, два снегиря были добыты Северцовым зимой, в начале 1865 г., в окрестностях Алма-Аты» (Шнитников, 1949, с. 357). В более поздние годы в Алма-Ате снегирей встречали в январе 1956 г. (на берёзах в районе Центрального рынка), в декабре 1958 г. (в парке им. Горького), зимой 1962/63 г. по дороге на Медео и в Широкой щели, а один добыт в январе 1963 г. на Каменском плато (Бородихин, 1968). Самку добыли здесь также 18 декабря 1965 г. (Гаврилов, 1974). Даже вдали от гор, на Сорбулаке, 8 февраля 2009 г. двух красных самцов встретили в зарослях лоха вдоль канала (Белялов, Карпов, 2013). Не исключено, что часть серых снегирей, встреченных стайками на востоке Иссык-Кульской котловины в 1974 и 15 января 1976 г. без доказательств видовой принадлежности (Верещагин, 1991), могли быть самками этого вида.

В Западном Тянь-Шане встречен всего несколько раз. На северном склоне Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы), где орнитологические наблюдения велись регулярно более полувека, снегиря встретили всего два раза: в декабре 1938 г. и 11 декабря 1971 г. (Шевченко, 1948; Губин, 1989). В списке птиц Чаткальского заповедника (Комарова, Шевелёв, 1986; Головцов, 2007) снегирь приводится без указания на конкретную находку. В Ташкенте в 1973 или 1974 г. на птичьем рынке продавали двух снегирей, пойманных в горах поблизости от города (Мекленбурцев, 1982). Наконец, опубликована и одна летняя находка: 13 июля 2016 г. в горах над Шабыркулем (долина Пскема, 3045 м) встретили двух снегирей (Тен и др., 2017). Логическому объяснению эта встреча не поддаётся (нет ли здесь ошибки в определении вида?).

437. Серый снегирь – *Pyrrhula cineracea* [*pyrrhula*] Cabanis, 1872

grey bullfinch (англ.), Grauer Gimpel (нем.), bouvreuil gris (фр.),
боз суықторғай (каз.), боз кышкы чымчык (кирг.), кулранг снегир (узб.)

Как и предыдущий вид, гнездящийся в Южном и Западном Алтае серый снегирь посещает Тянь-Шань в зимнее время. Известно всего несколько мест встречи этого снегиря в нашем районе (рис. 543). Из старых сведений в сводке «Птицы Семиречья» перечислены 7 экз. так называемых «малых снегирей»: 20 октября добыт в Нарыне, 27 января – 2 снегиря в окрестностях Алматы, 7-28 февраля – 4 экземпляра в Талгаре (Н.А. Северцов, колл. ЗИН РАН); по всей вероятности, нарынский экземпляр добыт в 1867 г., все остальные – в 1875 г. (Шнитников, 1949). В 50-х гг. XX ст. в Алма-Ате серый снегирь встречался не раз: «Численность его в городе и окрестностях незначительна. Встречается он в парках и садах, обычно среди зарослей хмеля. Из древесных пород предпочитает берёзу и клён, так как кормится их семенами. Опять-таки в связи с тем, что самцы и самки этого вида выглядят так же, как самки обыкновенного снегиря (серые) и на расстоянии неотличимы, данные случайных наблюдений, к сожалению, нельзя считать достоверными. Однако коллекционный материал из окрестностей иллюстрирует преобладание там, а, следовательно, и в городе, серого снегиря. Это позволяет предполагать, что большинство наблюдаемых в городе птиц серой окраски были именно серыми снегирями, а не самками обыкновенного. Говоря о регулярности

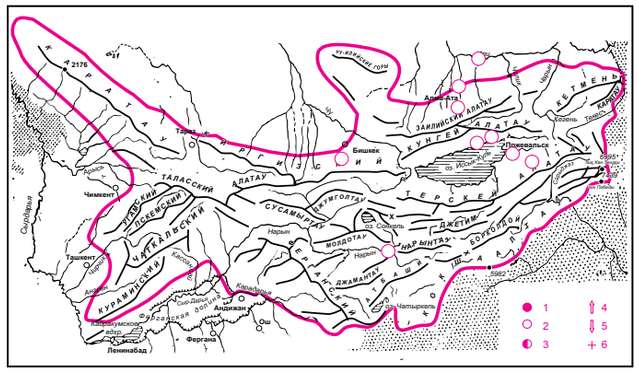

Рис. 543. Распространение серого снегиря
в Тянь-Шане: 2 – зимние встречи

зимовок этого снегиря, следует иметь в виду, что здесь он отмечался всякий раз при проведении *постоянных* [курсив мой – *АК*] орнитологических наблюдений и сборов, начиная со времён исследований Северцова. Это позволяет сделать вывод, что серый снегирь бывает у нас регулярно, хотя бы в самом малом количестве» (Бородихин, 1968, с. 31). В заметном числе серые снегири держались в окрестностях Алматы также зимой 1965/66 г. (Гаврилов, 1974). В Карачингиле (устье Тургени) впервые самец и три самки серого снегиря были сфотографированы 6 декабря 2016 г. (Бевза, 2017).

В восточной части Иссык-Кульской котловины, по наблюдениям 1973-1984 гг., был редок на зимовке. Стайку из 5 снегирей встретили в Пржевальске в 1974 г. В ущелье Джылды-Булак у верхней границы леса 15 января 1976 г. в кустах шиповника, смородины и рябины встречена стайка из 11 снегирей серого цвета. Никаких доказательств принадлежности именно к этому виду автор не приводит, но называет их серыми снегирями (Верещагин, 1991). Остальные встречи – на северном берегу Иссык-Куля и в Киргизском Алатау близ Бишкека – опубликованы в специальной заметке «Серый снегирь в Кыргызстане»: «В ноябре 2015 г. в ущелье Ак-Тюз птицеловом были отловлены 3 снегиря из стайки, состоящей из 4 птиц. Все отловленные птицы оказались самками серого внегиря, по словам птицелова, четвёртая птица тоже была серой. В этом же году в ущ. Аламедин (Киргизский хребет) в начале декабря были отловлены два серых снегиря (самец и самка), однако птицеловы посчитали их самками обыкновенного снегиря. 22 декабря 2000 г. ниже с. Ананьево один самец кормился вместе с арчовыми чечевицами на клёнах в течение двух дней. В этом же месте 5 января 2017 г. встречены 6 особей серого снегиря (1 самец и 5 самок). Птицы кормились семенами клёна вместе с арчовыми чечевицами. 15 февраля 2017 г. все 6 птиц были отловлены и окольцованы. По словам сотрудника Иссык-Кульского заповедника Сагымбаева С., ниже Ананьево в 1987 и 1996 гг. он наблюдал на зимовке пару серых снегирей в облепишниках и на территории турбазы на берегу озера» (Кулагин, 2018, с. 168). Перечисленным исчерпываются все сведения о сером снегире в Тянь-Шане.

438. Дубонос – *Coccothraustes coccothraustes* (Linnaeus, 1758)

hawfinch (англ.), Kernbeißer (нем.), gros-bec cassenoyaux (фр.),
кәдімгі ементұмсық (каз.), балта тумшук (кирг.), болтатумшуқ (узб.)

Синонимы: *C. vulgaris* Pallas, 1811; *C. deformis* Koch, 1816; *C. fagorum* Brehm, 1831; *C. cerasorum* Brehm, 1831; *C. planiceps* Brehm, 1831; *C. atrogularis* MacGillivray, 1837; *C. europaeus* Swainson, 1837; *C. minor* Brehm, 1855; *C. humii* Sharpe, 1886; *C. insularis* Salvadori et Festa, 1914. Индийский дубонос **(***C. humii* – Горчаковская, 1954; Корелов, 1956; Салихбаев, Богданов, 1967). Туркестанский дубонос (Шульпин, 1953).

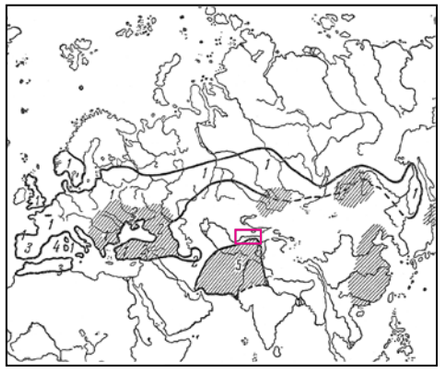
Подвид. Из 6 подвидов в Тянь-Шане встречается два: на юге и юго-западе гнездится *C. coccothraustes humii* Sharpe, 1886; на пролёте бывает номинативный *C.c. coccothraustes* (Linnaeus, 1758).

Характер пребывания. Номинативный подвид перелётный, а южный *C. coccothraustes humii* по-видимому оседло-кочующий в пределах южных хребтов Тянь-Шаня и Памиро-Алая.

Биотоп. Лиственные леса и сады с наличием косточковых пород (особенно каркаса и магалебской вишни), которые служат основным кормом для дубоноса. Охотно селятся в кленовых лесах.

Распространение. Наш район находится на северной границе изолированного ареала южного подвида *C. c. humii* (рис. 544), который описан так: «Западный Тянь-Шань (хребты Угамский, Пскемский, Чаткальский, Ферганский, северный склон Ферганской долины), западная часть Алайской системы (хребты Кугитанг, Байсунский, Гиссарский, Дарвазский, горы к востоку от Куляба)» (Степанян, 2003, с. 701). В этом кратком описании перечисленны все основные места обитания дубоноса в Тянь-Шане (рис. 545).

Вдоль северной границы, от Джаркента до Чимкента, зимует номинативный подвид. На крайнем северо-востоке он очень редок и у Джаркента не найден ни в 1899-1900 гг. Б.П. Кореевым, ни в 1918 г., а добыт только 1 марта 1913 г. у Кульджи: «Редкая зимующая птица. Встречается или по одиночке, или очень небольшими стайками. Держится исключительно на южных склонах предгорий, где кормится, на ночёвку же улетает в ельник» (Шестоперов, 1929, с. 162). Всего по одному разу встречен дубонос в Карачингиле (устье Тургени) – одиночка 11 ноября 2005 г. (Бевза, 2012) и на Сорбулаке – один 5 ноября 2011 г. (Белялов, Карпов, 2013).

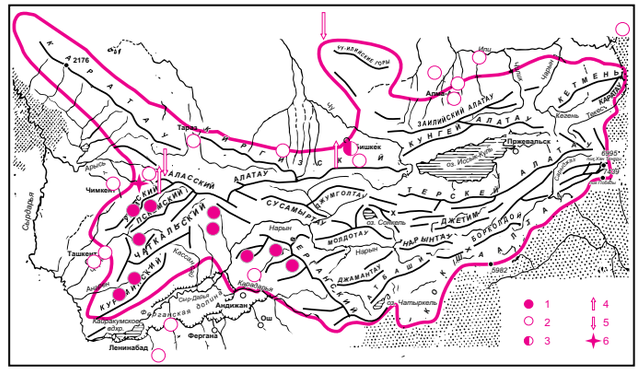

Рис. 544. Ареал дубоноса (по: Горчаковская, 1954, с. 162). Красный прямоугольник – Тянь-Шань (наш район)
Рис. 545. Распространение дубоноса в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летняя встреча, 6 – залёт

В Алма-Ате и её окрестностях дубонос встречается чаще. Здесь его ещё 1 и 10 марта 1918 г. добывал Е.Л. Шестоперов, а затем В.В. Перовский (Шнитников, 1949), а в 60-х гг. он зимовал регулярно (Бородихин, 1968). Тогда же, в 60-х гг., дубоноса неоднократно встречали на пролёте в апреле в карагачёвой роще города Фрунзе (Бишкек), а в декабре 1987 г. 9 дубоносов встретили в урочище Ала-Куш на территории Ала-Арчинского национального парка в Киргизском Алатау (Шукуров, Кормилицын, 2005). Совершенно неожиданно мы встретили одиночного дубоноса в садах Бишкека летом – 13 июля 2003 г. (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Скорее всего, это был залёт южного подвида *C. c. humii*. Западнее, в подножьях Киргизского хребта, зимующих дубоносов отмечали в районе Мерке и близ города Джамбул (Тараз), во время пролёта – в Чокпакских воротах, а 4 ноября 1965 г. самку номинативного подвида я добыл в селе Новониколаевка, в северных предгорьях Таласского Алатау (Ковшарь, 1966; Кузьмина, 1974; Гаврилов, Гисцов, 1985).

Оседлый южный подвид *C. c. humii* гнездится только в Западном Тянь-Шане и на южных склонах Ферганского хребта (рис. 545), а зимой встречен в Джалалабаде, Коканде, в районе Ташкента и на северных склонах Туркестанского хребта (Зарудный, 1910; Иванов, 1969). В долинах Пскема и Угама в 1949-1954 гг. его нашёл М.Н. Корелов (1956), а в 2003 г. гнездование подтверждено находкой гнезда (В. Ковшарь, 2004). По-видимому, гнездится в Кураминском хребте, где 24-29 апреля 2003 г. встречен парами и небольшими группами (В. Ковшарь, 2004). Обычен в Чаткальском заповеднике (Головцов, 2007). В Сарычелеке обычен (Кашкаров, 1927; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991, 1992; Ковшарь, Торопова, 2000). На южных склонах Ферганского хребта, богатых орехоплодными и кленовыми лесами, этот дубонос наверняка распространён гораздо шире, чем показано на рис. 545.

Численность. Для гнездящегося *C. c. humii* имеются данные только по Сарычелеку, где в 1982-1983 гг. проведены учёты численности. По их результатам, плотность дубоноса на гнездовании составила: в ореховых лесах 13-22, яблонево-алычёвых 6-19, елово-пихтовых 0-6, орехово-еловых 46 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). По данным этого автора, в ореховых лесах в апреле-мае дубонос доминировал вместе с зарничкой и чёрным дроздом (Лебяжинская, 1992). Численность номинативного подвида на пролёте и зимовках невысокая. На Чокпаке в 1966-1981 гг. весной отметили 11, а осенью – 18 дубоносов, из которых окольцевали 6 (Гаврилов, Гисцов, 1985); в следующие 35 лет отловили одного (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Самая ранняя встреча дубоноса осенью – 7 сентября 1995 г. на южной кромке песков Таукум (севернее Чу-Илийских гор) между посёлками Каншенгел и Аксуек (Березовиков и др., 1999). На Чокпаке осенью дубоносов отмечали: 8, 10 и 15 октября 1975 г. (4, 4, 5 особей), 22 октября 1968 г.; весной: 10 и 12 марта 1971 г., 6 и 28 апреля 1967 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В Алма-Ате в 1960 г. они появились 29 октября, а в 1961 г. – только 8 декабря. Весной исключительно поздно задержались они в городе в 1962 г.: в Ботаническом саду 18 мая за 3.5 часа насчитали около 30 дубоносов одиночками и группами по 5-6, последняя встреча – 29 мая 1962 г. (Бородихин, 1968).

Биология. У южного подвида *C. c. humii* в Тянь-Шане не изучена. Единственное гнездо в долине Пскема (среднее течение Наувалисая), помещавшееся в развилке боковых ветвей грецкого ореха в 8 м над землёй, оказалось недоступным для осмотра; 2 и 4 июля 2003 г. взрослая птица сидела в нём – видимо, насиживала кладку (В. Ковшарь, 2004: КОБ-2003). В Памиро-Алае также найдено одно гнездо, описанное в монографии по этому региону: «Единственное известное нам гнездо дубоноса было найдено Алексеевым 25 июня 1910 г. в уроч. Гамидара к востоку от Куляба. Гнездо было свито на фисташке на высоте около 6 м. Рыхлые непрочные стенки гнезда построены из размочаленных листьев злаков и луба, тонких волокон и комков луба и волокон из листьев злаков. Внутренний слой свит из тех же материалов, но более нежных и мягких. Дно лоточка выстлано комками подшерстка винторогого козла и тончайшими волокнами. Края лоточка свиты наиболее плотно. В кладке было 4 сильно насиженных яйца» (Иванов, 1969, с. 387). Совершенно очевидна необходимость изучения биологии подвида.

439. Арчовый дубонос – *Mycerobas carnipes* (Hodgson, 1836)

white-winged Grosbeak (англ.), Wacholderkernbeißer (нем.), gros-bec de Junipère (фр.),
арша ементұмсығы (каз.), арчачы балта тумшук, порбаш (кирг.), арчазор болтатумшуғи (узб.)

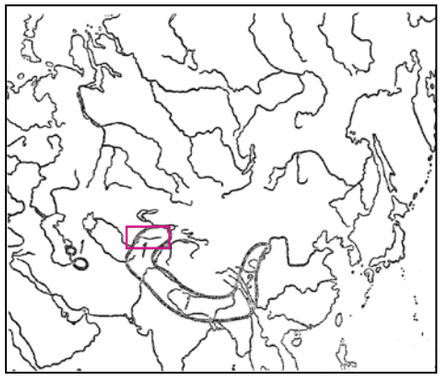
Синонимы: *Coccothraustes speculigerus* Brandt, 1841; *Mycerobas carnipes centralis* Portenko,1960; *M. c. tianschanicus* Stepanyan, 1960. *Hesperiphona carneipes* Hodgson [Зарудный, Кореев, 1905, с. 56].

Подвид. Из 4 подвидов в Тянь-Шане обитает один – *M. c. merzbacheri* Schalov, 1908.

Характер пребывания. Оседлый вид. Вернее, оседла значительная часть популяции: в зимнее время в Заилийском Алатау мы не раз встречали их у верхней границы леса (2500-2700 м), в том числе и особей, окольцованных и помеченных здесь летом. Но какая-то часть арчовых дубоносов откочёвывает вниз (нередко я встречал их зимой в городе Алматы). В Киргизском Алатау выше 2000 м встречаются зимой в тех же местах, что и летом (Кузнецов, 1962), то же можно сказать о Таласском Алатау (Ковшарь, 1966). И в то же время арчовый дубонос может зимой удаляться от мест гнездования до 150-200 км: в декабре 1965 г. Ю.Н. Грачёв встретил его в Чу-Илийских горах, в Анархае (Гаврилов, 1974).

Биотоп. Арчовый стланик на высотах 2200-3200 м. Выше арчового стланика на гнездовье не поднимается, но на коррмёжке летом встречается и на 3500 м, в сообществе жемчужных и красных вьюрков. Нижняя граница гнездования – в верхней части пояса елового леса, а там, где его нет – в верхней части лугостепного пояса и высокоствольных арчевников (в Таласском Алатау мы находили гнёзда арчовых дубоносов на деревьях арчи примерно на высоте 1900 м). Зимой в Заилийском Алатау встречается на 600 м.

Распространение. Тянь-Шань занимает север западной части полукольцевого ареала вида (рис. 546) и значительную часть ареала подвида *M. c. merzbacheri*: «Саур, Джунгарский Алатау, Борохоро,

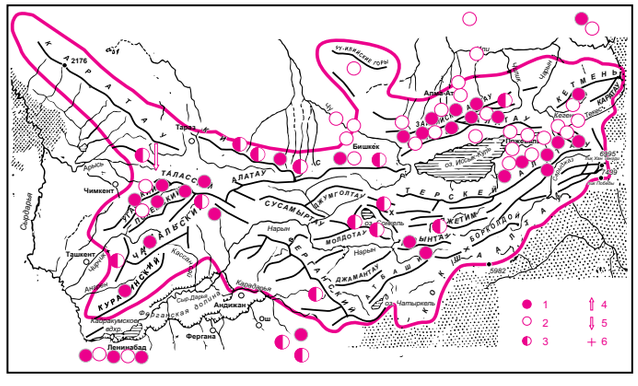

Рис. 546. Ареал арчового дубоноса (по: Горчаковская, 1954, с. 178). Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 547. Распространение арчового дубоноса в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

Кетмень, Тянь-Шань (к западу до западной оконечности хребтов Киргизского, Угамского, Пскемского, Чаткальского; к северу до хребтов Киргизского и Заилийского, к югу до Ферганского и Кокшаал-Тау), Алайская система (к западу до хребтов Байсунского и Кугитанга, к северу до Туркестанского и Алайского, к югу до Гиссарского, Каратегинского и Заалайского)» (Степанян, 2003, с. 702). В пределах этих границ арчовый дубонос распространён на гнездовании несколько спорадично (рис. 547), что объясняется двумя причинами: неравномерностью распределения его основного биотопа (арчового стланика) и резкими изменениями численности птицы по годам (см. ниже), что несомненно приводило к пропускам её при орнитологических обследованиях в разные годы. На крайнем северо-востоке нашего района (Борохоро, Тышкан) в 1899-1900 гг. арчовый дубонос был обыкновенной гнездящейся птицей, здесь найдено и первое его гнездо (Зарудный, Кореев, 1905). Также обыкновенен он в Северном и Центральном Тянь-Шане, в последнем – на юг до ельников Сарыджаза и на запад по северным склонам Терской Алатау – до урочища Богомуюз (Кашкаров и др., 1937; Шульпин, 1939; Шнитников, 1949; Штегман, 1954; Корелов, 1956; Степанян, 1956, 1959; Винокуров, 1960; Птицы Киргизии, 1960; Долгушин, Гаврилов, Родионов, 1968; Крылов, 1969; Второв, 1972; Ковшарь, 1972; Гаврилов, 1974).

В Киргизском Алатау гнездится на большей части хребта, кроме самой западной оконечности (Spangenberg, Dementieff, 1935; Спангенберг, Судиловская, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Кузнецов, 1962; Иовченко, 1990; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007). Для Внутреннего Тянь-Шаня есть указания на нахождение гнёзд в Нарынском и Алайском хребтах (Птицы Киргизии, 1960). По всей вероятности, гнездится в хребте Джетим (ущелье Кичи-Нарын) и в горах вокруг озера Сонкуль, где не раз встречен в летнее время (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Характерный крик арчового дубоноса слышал я 22 июля 2003 г. в арчевниках долины р. Ойтал выше с. Караташ, на южном склоне Ферганского хребта (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005), а 22 июля 1999 г. встретил самца на высоте 3000 м в восточной части Алайской долины (Ковшарь, Торопова, 2000). Кстати, распространение этого вида у южных границ Тянь-Шаня хорошо описано в сводке по птицам Памиро-Алая: «Арчовый дубонос распространён по всему арчовому поясу северных склонов Алайского и Туркестанского хребтов от перевалов Тарткуль и Акбогуз на востоке до верховьев рек Зааминсу и Санзар на западе; на южном склоне Алайского хребта арчовый дубонос был найден только в Карамуке; южные склоны Туркестанского хребта безлесны и дубоноса там нет» (Иванов, 1969, с. 385). В другом источнике читаем: «На северном склоне Туркестанского хребта, в верховьях рек Зааминсу, Кашкасу, на Кульсае, Гуралашсае и западнее это самая обычная птица. Пройдя по арчовому лесу, Салихбаев за три часа зарегистрировал до 20 особей дубоноса» (Салихбаев, Богданов, 1967, с. 73).

В Западном Тянь-Шане арчовый дубонос гнездится от Кураминского хребта на юге до Таласского на севере и района озера Сарычелек и перевала Карабура на северо-востоке, однако точек с установленным гнездованием не так уж много, что видно по рис. 547 (Кашкаров, 1927; Спангенберг, 1937; Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Корелов, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Лебяжинская, 1991, 1992; Ковшарь, Торопова, 2000; В. Ковшарь, 2003, 2004; Головцов, 2007; Тен и др., 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). В горах Каратау не гнездится, однако: «В горах Боролдайтау 4 июля 2014 г. М.С. Нукусбеков сфотографировал взрослую самку (www.birds.kz). Недалеко от места встречи, в ущ. Кокбет, сохранился небольшой массив арчового редколесья (1200-1600 м), где возможно гнездование» (Губин, Белялов, 2017, с. 126). Мне подобное предположение кажется маловероятным (скорее всего, это была холостая бродячая птица, привлечённая упомянутым арчевником), однако проверить это место орнитологам не мешало бы.

Численность. Очень изменчива, о чём писали многие исследователи: «Численность арчовых дубоносов претерпевает существенные изменения в различные годы, на что обратил внимание Л.М. Шульпин (1953), работавший в Таласском Алатау. Резкие колебания численности отмечены и для Заилийского Алатау (район Б. Алматинского озера), где в 1964, 1965, 1968 и 1969 гг. арчовые дубоносы были обычны, местами многочисленны, а в 1971 г. – очень редки: за всё лето встречено всего несколько особей» (Гаврилов, 1974, с. 209). Общее представление о численности у верхней границы леса в Заилийском Алатау (Б. Алматинское ущелье, 2500-2700 м) даёт число найденных жилых гнёзд этого вида: в 1964-1965 гг. – 55 (Долгушин и др., 1968), в 1971-1976 гг. – 74 (Ковшарь, 1979).

В Таласском Алатау, где в 1926 г. арчовый дубонос встречался чаще, чем в 1933 г. (Шульпин, 1953), в 40-х гг. он был редок (Шевченко, 1948), в 1959-1966 гг. – немногочислен (Ковшарь, 1966); в 80-х г. численность была выше, чем в 60-х гг.: в 1984 г. в Кши-Каинды на 3 га арчового стланика гнездилось 2 пары, а в Чуулдаке в 1985-1987 гг. встречаемость на маршруте весной 4.1-6.0, летом 0.3-1.2 особей/час

(Ковшарь, Чаликова, 1992). В долине Пскема арчовый дубонос был редок в 1949-1954 гг. (Корелов, 1956), в 2002 г. (В. Ковшарь, 2003) и в 2015-2016 гг. (Тен и др., 2017), а в арчовом лесу Сарыташсая (Кураминский хребет) 24-29 апреля 2003 г., всего за 5 дней, встречено 35 особей (В. Ковшарь, 2004). В Сарычелекском заповеднике (восточная оконечность Чаткальского хребта) в 1925 г. арчовый дубонос встречен только в районе озера и восточнее (Кашкаров, 1927); в 1935 г. Е.П. Спангенберг (1937) не смог найти его при самых тщательных специальных поисках в тех местах, где он был раньше, хотя арча в 1935 г. изобиловала плодами (с. 56). В списке птиц заповедника он числится как обычный оседлый вид (Воробьёв, Чичикин, 1966), а по учётам 1986-1987 гг. входит в число фоновых видов елово-орехового (5%) и елово-пихтового (5.1%) леса (Лебяжинская, 1992). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. из 900 ежедневных маршрутов в течение круглого года выше 2000 м арчовый дубонос встречен на 126 общим числом 388 особей; вывод автора: «Одна из самых обычных птиц. В древесной арче (1800-2400 м) встречался чаще, чем в еловом лесу и арчовом стланике. Зимой встречался в тех же местах и в тех же количествах, что и летом» (Кузнецов, 1962, с. 224). В этом же ущелье в 80-90-х гг. арчовый дубонос был обычным обитателем арчевников – как древовидных, так и стелющихся – с плотностью поселения 0.89- 13.33 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В восточной части Терской Алатау в 1953-1954 гг. Л.С. Степанян (1959) встречал до 6-7 пар арчовых дубоносов за дневную экскурсию. Там же (Чон-Кызыл-Су) в 1962-1965 гг. в арчовом стланике учитывали: в мае-июне – по 50, с августа по октябрь – по 60, с ноября по февраль по 30-40, в марте-апреле – по 40 особей/км^2 (Второв, 1967). В ельниках Чонкемина (между Заилийским и Кунгей Алатау) в августе-сентябре 1968 г. тот же автор учитывал от 5 до 20 арчовых дубоносов на км^2 (Второв, 1972). В январе-феврале 1962 г. тот же автор встретил в ельниках Чон-Кызыл-Су всего двух арчовых дубоносов, а в зарослях облепихи на берегу Иссык-Куля – ни одного (Второв, 1963). Не было их в облепиховых зарослях и в зимы 1999-2003 гг.: за три зимы встречены всего 2 арчовых дубоноса в декабре и два – в январе (Кулагин, 2003, с. 290).

Сроки. Даты. Точные даты начала и окончания сезонных перемещений установить невозможно, так как происходят они исподволь, не образуя нигде заметного пролёта. Даже на Чокпаке за многие десятилетия работы добыли только двух арчовых дубоносов 21 сентября 2000 г. (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине, где арчовые дубоносы зимуют в зарослях кустарников, самая ранняя встреча осенью – 30 октября 1962 г., самая поздняя весной – 10 марта 1961 г. (Умрихина, 1970). С мест зимовки в восточном Прииссыккулье в 1980-1983 гг. арчовые дубоносы откочёвывали в горы уже в конце января (Верещагин, 1991). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) стайки зимующих арчовых дубоносов по 3-15 особей встречаются с декабря по начало марта (Винокуров, 1960). В Карачингиле (устье Тургени), где арчовые дубоносы появляются не ежегодно, зимой 2016/17 г. одиночек и стайки до 7 особей встречали ежедневно с 24 ноября до 3 марта 2017 г. (Бевза, 2018). В предгорьях Таласского Алатау (с. Новониколаевка, Аксу-Джабаглы) с 5 февраля по 9 апреля 2011 г. ежедневно отмечали от одного до 10 арчовых дубоносов, которые периодически здесь же и ночевали, оставляя под навесами помёт из ягод арчи, что свидетельствует о наличии суточных кормовых кочёвок в горы и обратно (Чаликова, 2012). На местах гнездования в окрестностях Б. Алматинского озера (2500 м) самую раннюю пару мы отметили 18 марта 1973 г., а с начала апреля большинство арчовых дубоносов встречались уже парами (Ковшарь, 1979).

Биология. Долгое время биология этой яркой экзотической птицы была не известной, и каждое найденное гнездо подробнейшим образом описывалось, так же, как и поведение самой птицы на кормёжке (Зарудный, Кореев, 1905; Шульпин, 1953; Степанян, 1956, 1959; Ковшарь, 1966). И только в 60-х гг., по наблюдениям за 55 гнёздами в окрестностях Б. Алматинского озера в 1964-1965 гг. была подробно описана биология размножения арчового дубоноса (Долгушин, Гаврилов, Родионов, 1965, 1968; Dolgushin, Gavrilov, Rodionov, 1968; Гаврилов, 1974). В том же ущелье в 1971-1974 гг. мы провели наблюдения у 74 жилых гнёзд арчового дубоноса с использованием индивидуального мечения взрослых и молодых птиц (Ковшарь, 1979). Последние наблюдения дополняют опубликованные ранее сведения о местах расположения гнёзд (рис. 531): 35 на елях, 38 на арче и одно на кусте барбариса; подтверждают отсутствие утепляющих материалов в лотке (все гнёзда выстланы только полосками луба арчи) и строительство гнёзд только самками (хотя дважды самцы пытались строить «свои» гнёзда, так и оставшиеся неиспользованными). По наблюдениям за 80 индивидуально помеченными особями (40 взрослых и 40 птенцов) удалось получить документальные подтверждения гнездового

консерватизма: «Чаще всего на прежние места гнездования возвращались самцы (12 из 20, или 60%), гораздо реже – самки (3 из 20, или 15%), ещё реже возвращаются на места своего вывода птенцы (3 из 40, или 7.5%). Взрослые дубоносы встречены в 15-800, в среднем в 253 м, годовалые – в 10-1000, в среднем 566 м, прошлогодние птенцы – в 50-1000, в среднем в 562 м от места мечения» (Ковшарь, 1979, с. 276). Наблюдения в течение 59 час у 10 гнёзд показали, что, как и у большинства вьюрковых птиц, кладку у арчовых дубоносов насиживают только самки, несмотря на имеющиеся в литературе (Птицы Киргизии, 1960; Долгушин, Гаврилов, Родионов, 1968; Гаврилов, 1974) указания на участие в насиживании самцов, у которых для этого образуются наседные пятна; по всей вероятности, насиживание кладки самцом – редчайшее явление у этого вида. Продолжительность гнездового периода от 45 (9 мая – 22 июня) до 55 (18 апреля – 8 июня) дней. Молодняк первого выводка после вылета из гнезда около двух месяцев кормит самец, так как самка вскоре приступает к устройству гнезда для второй кладки и с этого момента прогоняет от себя птенцов. Неясно, как самцу удаётся разыскивать птенцов, которые, сидя в густых зарослях арчи, в отличие от птенцов большинства других птиц совершенно не издают звуков не только в отсутствие родителей, но даже во время кормления. В 1974 г. удалось получить документальное подтверждение двух репродуктивных циклов у арчового дубоноса (Ковшарь, 1977), возможность чего, в силу большой длительности одного репродуктивного цикла, длительное время отрицалась даже большими знатоками этой птицы (Степанян, 1956, 1959; Долгушин, Гаврилов, Родионов, 1968; Гаврилов, 1974), и только Н.Н. Горчаковская (1954) очень осторожно высказала предположение: «Судя по линьке молодых (линные особи – и в мае-июне, и в августе) можно думать о наличии двух кладок за сезон у этого вида» (с. 179). У одной из пар, имевших в 1974 г. два репродуктивных цикла, первая кладка начата 6-7 мая, вторая – 3-4 июля; у второй пары первая кладка – в начале июня, вторая – 10 августа. В обоих случаях арчовые дубоносы приступили к строительству нового гнезда через 21-23 и 23-26 суток после вылета птенцов первого выводка, а первое яйцо второй кладки появилось соответственно через 24-26 и 33-36 суток. Поскольку самцы докармливают птенцов около двух месяцев после оставления ими гнезда, весь второй репродуктивный цикл проходит на фоне докармливания первого выводка, причём самец кормит одновременно не только птенцов первого выводка и самку, насиживающую вторую кладку, но и птенцов второго выводка. Мне приходилось наблюдать это одновременно: меченный самец кормил на гнезде самку, пуховых птенцов второго выводка под ней и сидящего здесь же, на бортике гнезда, доросшего молодого из первого выводка. Это максимальное наложение друг на друга двух репродуктивных циклов.

Очень глубокий и детальный анализ биологии этого вида, по наблюдениям 1980-1985 гг. в хребте Киргизский Алатау (Ала-Арча), опубликован в статье «Экология и адаптивные особенности годового цикла арчового дубоноса» (Иовченко, 1990). В ней проанализированы трофические связи с арчой (три вида рода *Juniperus*), известной многолетним характером своего плодоношения, и влияние их на численность арчового дубоноса; говорится об участии в размножении самцов и самок-первогодков; о влиянии температурных факторов на сроки начала репродуктивного цикла и трофических факторов – на сроки его окончания; о совмещении линьки взрослых птиц с периодом выкармливания птенцов в гнёздах. Кстати, последнее отмечено и у трёх пар арчовых дубоносов в Заилийском Алатау (Ковшарь, 1979, 1981). Очень интересные штрихи к кормовому поведению арчового дубоноса имеются в работах Л.М. Шульпина (1953) и Б.К. Штегмана (1954); описания отдельных гнёзд или упоминания о них – в фаунистических публикациях по разным хребтам Тянь-Шаня (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966, 1972; Шукуров, 1986; Корелов, 2007).

Семейство **Овсянковые** Emberizidae

440. Просянка – *Miliaria [Emberiza] calandra* (Linnaeus, 1758)

corn bunting (англ.), Grauammer (нем.), bruant proyer (фр.),
тарышыл сұлыкеш (каз.), чон чыйпылдак (кирг.), тариқхўр деҳқончумчуқ (узб.), арзанчинак (тадж.)

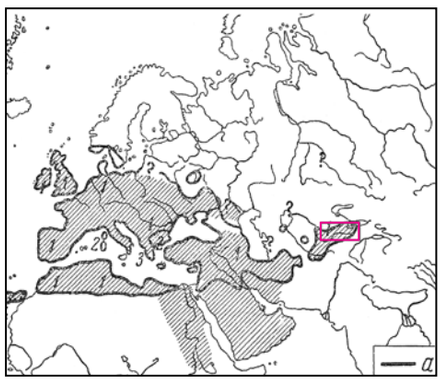
Синонимы: *Emberiza miliaria* Linnaeus, 1758; *Fringilla projer* P.L.S. Muller, 1776; *Miliaria septentrionalis* Brehm, 1831; *M. germanica* Brehm, 1831; *M. peregrina* Brehm, 1831; *M. europaea* Swainson, 1837; *M. crassirostris* Brehm, 1841; *M. meridionalis* Brehm, 1855; *M. minor* Brehm, 1855; *Crothophaga miliaria minor* Radde, 1884; *E. calandra thanneri* Tshusi, 1903; *M. c. sarmatica* Portenko, 1960.

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане обитает *M. calandra buturlini* Hermann Johansen, 1907.

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится, бывает на пролёте и встречается зимой.

Биотоп. Луга и высокотравные степи с примесью кустарников. Обитает в основном в предгорьях, а в горы на гнездовании поднимается до 1800-2000 м и только в Алайской долине – до 2600-2700 м.

Распространение. Тянь-Шань занимает северную часть изолированного ареала среднеазиатского подвида (рис. 548), здесь на значительном протяжении проходит северная и восточная границы этого ареала. Здесь просянка распространена достаточно широко, хотя и неравномерно – в соответствии с наличием необходимого для её гнездования биотопа (рис. 549). Как западный вид, со средиземноморско-передне-азиатским ареалом, просянка населяет прежде всего северную предгорную часть нашего района от Западного Тянь-Шаня до долины реки Или. В Угамском, Пскемском и Чаткальском хребтах просянка достаточно обычная птица предгорий, низкого и среднего пояса горных лугов и саванноидов, причём чаще всего встречается на освоенных участках (Митропольский, 2005; Головцов, 2007), в предгорьях и горах Таласского Алатау также обычна (Шевченко, 1948; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). Гнездится в Каратау, где проходит северная граница изолированного ареала подвида. Встречена здесь в долине Арыстанды, между Сузаком и Чулак-Курганом, в окрестностях Кентау, около города Туркестана, в Джувалинской долине, в северных предгорьях на побережье Бийликоля и даже на джонах Малого Каратау (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951; Кузьмина, 1974; Губин, Карпов, 1999; Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017). Населяет Таласскую долину, северные предгорья Киргизского Алатау на всём протяжении хребта, Чуйскую

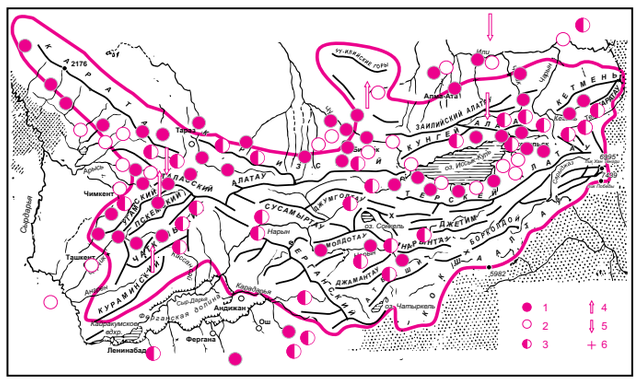

Рис. 548. Ареал просянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 377). Красный прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 549. Распространение просянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4,5 – пролёт

долину и долину Или, поднимаясь в северных предгорьях Заилийского Алатау до города Алматы (800 м) и западной части Сюгатинской долины на востоке хребта, у Бартагоя (Корелов, 1948, 2007; Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Умрихина, 1970; Кузьмина, 1974). В первой половине XX ст. её не было в среднем течении долины Или и в обращённых к ней подгорных районах Северного Тянь-Шаня, о чём писал В.Н. Шнитников (1949), а на правобережье этой реки её не нашли ни Б.П. Кореев в 1899-1900 гг., ни Е.Л. Шестоперов в 1918 г. (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929) и только в 1956 г. М.Н. Корелов встретил просянку в предгорьях Тышкана (Кузьмина, 1974). Сейчас просянка обычна на гнездовании в устье Тургени (Карачингиль) и на Сорбулаке, где многочисленна в течение всего года (Бевза, 2012; Белялов, Карпов, 2013). Всё это свидетельствует о постепенном расселении просянки на восток-северо-восток, что продолжается и в настоящее время: «В то же время произошло её расселение из Северного Тянь-Шаня в северо-восточном направлении в северные отроги Джунгарского Алатау, где в мае 2000 г. она была обнаружена в Капальской долине (Березовиков, Левин, 2002), а в июле 2001 г. в долине р. Тополёвки (Ковшарь, 2004). Расселение продолжается» (Березовиков, 2006: КОБ-2005). В области Центрального Тянь-Шаня просянка населяет долины Чулкудысу-Кегени и Текеса с притоками, котловину озера Тузколь (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, 2008). Гнездится в большей части Иссык-Кульской котловины, в предгорьях Терской и Кунгей Алатау, и здесь же зимует (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Верещагин, 1991). Во Внутреннем Тянь-Шане указана гнездящейся в долине Кочкорки (верховья Чу), Джумгола, Нарына (от слияния Чон-Нарына и Кичи-Нарына до Токтогульского вдхр.) и долине Атбаши (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017; Архипов, Коблик и др., 2018). На южном склоне Ферганского хребта 22 июля 2003 г. мы встретили четырёх просянок в долине р. Ойтал у с. Кайын-талаа (2060 м), одна из них пела (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). Вдоль южной границы Тянь-Шаня просянка населяет северные склоны Алайского и Туркестанского хребтов: «Гнездится в низинных частях Памиро-Алая… С севера страны просянка известна нам только из района Гульчи (колл. ЗИН) и из долины Исфары, где Зарудный нашёл её между Исфарой и Ворухом» (Иванов, 1969, с. 397). На северном склоне Алайского хребта, в Кызыл-алае, поющего самца просянки наблюдали мы 26 и 27 июля 1999 г. (Ковшарь, Торопова, 2000). На южных склонах Чаткальского хребта и в Чаткальской долине их встречали 23-24 июня 2017 г. (Архипов, Коблик и др., 2018). Таким образом, просянка населяет всё горное обрамление Ферганской долины.

Численность. Обычна на гнездовании, местами бывает многочисленной. В северных предгорьях Каратау, на южном берегу оз. Бийликоль, в подходящих стациях (наличие арыков с водой и заросшими эриантусом берегами) отмечали до 20 особей/км^2 (Губин, Карпов, 1999). В предгорьях Таласского Алатау (Аксу-Джабаглы) 27 мая 1971 г. насчитали 23 просянки на 6-7 км маршрута (Губин, 2012). В Иссык-Кульской котловине летом 1953-1954 гг. вдоль северных подножий Терской Алатау в лугово-степях равнинного характера её численность была высокой: на подгорной равнине между Ала-Башем и Пржевальском сидящие на проводах просянки встречались через каждые 50-80 м (Степанян, 1959). В Ботаническом саду города Алматы в 1962 г. гнездилось 3 пары просянок на площади 104 га (Бородихин, 1968). В долине Нарына от пос. Дюрбельджин по долине р. Каракоюн до г. Атбаши и далее до г. Нарын с 20 по 25 июня 2016 г. насчитали на проводах около 50 поющих самцов просянки (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В нижней части буферной зоны Ала-Арчинского национального парка (подножье Киргизского хребта над городом Бишкек) плотность на гнездовании просянки в 80-90-х гг. установлена в 0.83-7.92 особей/км^2, но с ростом лесонасаждений на этой территории, сократилась в численности и стала редкой (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Карачингиле (устье Тургени), где гнездовой стацией являются луга в речных долинах, просянка – фоновым вид: поющие самцы встречаются через 100-150 м (Бевза, 2012). Высказано мнение, что после депрессии численности в 70-90-х гг. в начале XXI ст. просянка стала восстанавливать свою численность в долинах Центрального Тянь-Шаня (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Зимует у нас просянка в значительных количествах. Так, в Карачингиле на подкормочных площадках в 1981-1986 гг. ежегодно зимовало 200-300 просянок (Родионов, Гаврилов, 1993), в следующие 20 лет число их не уменьшилось (Бевза, 2013). На Сорбулаке возле загонов для скота собиралось до 200-300 просянок, а на открытых от снега полях 8 января 2011 г. встретили огромную стаю около 1500 особей (Белялов, Карпов, 2013). На Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. учитывали: в облепиховых зарослях на берегу озера 72 особи на маршруте 22 км (40 особей/км^2), на адырах с посевами – 12/8 км

[15 особей/км²], на посевах среди пустыни – 150/10 км [150 особей/км²] (Второв, 1963). Там же, в восточной части котловины, в 1973-1984 гг. численность зимующих просянок была невысокой, они встречались группами до 5, редко – стаями до 23-30 птиц (Верещагин, 1991). С 21 по 31 января 2004 г. в котловине насчитали 1298 просянок, которые были на первом месте среди всех зимовавших здесь овсянок (Кулагин, 2005: КОБ-2004). Численность на миграциях также достаточно высока. На Чокпаке в 1966-1981 гг. учитывали до 185 просянок за одну весну, а всего окольцевали 535 особей весной и 97 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь же окольцевали 1160 просянок весной и 43 осенью (А. Гаврилов и др., 2017). В Чаткальском заповеднике в марте встречали стаи по 400-500 просянок (Летопись природы, 1967; по: Головцов, 2007). В заповеднике Аксу-Джабаглы, на окраине с. Новониколаевка, 31 августа 1971 г. встретили стаю от 500 до 1000 просянок (Губин, 2012).

Сроки. Даты. Весенняя миграция начинается в феврале. В предгорьях Таласского Алатау, где этот вид зимой не встречался, первых просянок весной встречали: 16 февраля 1946, 22 февраля 1948, 14 февраля 1953 г. (В.В. Шевченко), 21 февраля 1961, 15 февраля 1962, 1 марта 1964 и 1965 гг. (Ковшарь, 1966). Прилетали небольшими стайками, но уже через несколько дней встречались одиночками; самцы начинали петь с первого же дня. На Чокпаке первых отмечали 22 февраля (1970) – 7 марта (1969), в среднем 4 марта; наблюдались две волны пролёта – в марте и в последней пятидневке апреля; последних встречали 15-25, в среднем – 19 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. просянок здесь отлавливали с 29 марта (1987) по 28 мая (1993), срединная дата весеннего пролёта – 11 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Алматы самая ранняя встреча просянки – 18 февраля 1962 г. (Бородихин, 1968). В долине Копы небольшие группы просянок мы наблюдали в придорожных посадках западнее с. Таргап 17 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000).

Осенний пролёт менее заметен. На Чокпаке начало его отмечали 22 августа (1969) – 6 сентября (1970), в среднем 31 августа. Как и весной, миграция идёт в два этапа: 1-10 сентября и 11-28 октября; в первую волну отловлено 93.4% всех пролетевших за данный сезон. Завершается пролёт 25 октября (1970) – 30 октября (1972), в среднем 28 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. просянок здесь отлавливали с 26 августа (1985) по 30 октября (2010), срединная дата осеннего пролёта – 20 октября (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) мне удалось провести некоторые попутные наблюдения у 16 жилых гнёзд просянки, помещавшихся в густой траве, растущей отдельными куртинами (6 гнёзд располагались под кустиками низкорослого шиповника, пять – внутри куртин *Betonica* sp. и *Nepeta* sp.). В пяти полных кладках было по 5, в трёх – по 4 и в одном – 3 яйца. Перечень гнёзд с датами их находки и содержимым приведен в работе (Ковшарь, 1966, с. 178), где имеются размеры гнёзд и яиц, а также результаты наблюдений за поведением птиц. Там же 21 июня 1972 г. описано ещё одно гнездо просянки (Губин, 2012). По другим местам имеются отрывочные указания на нахождение гнезда или встречу выводка. Так, на южном берегу озера Бийликоль 31 мая 1991 г. в гнезде просянки было 6 насиженных яиц, в другом 10 мая 1992 г. – 3 ненасиженных (Губин, Карпов, 1999). На северном склоне Киргизского Алатау, у с. Сосновка, Е.П. Спангенберг в 1934 г. нашёл две свежих кладки просянки (23 июня – 4 яйца, 2 июля – 3 яйца), а 3 июля 1936 г. – 5 свежих яиц. В долине Чу (60 км выше по течению от с. Георгиевка) 12 мая 1962 г. Э.И. Гаврилов вспугнул самку с пустого гнезда (Кузьмина, 1974). В Алма-Ате, на территории Ботанического сада, 28 мая 1965 г. в гнезде просянки было 5 яиц (Ю.Н. Грачёв), но по многолетним наблюдениям самые ранние слётки встречены 7 июля 1961 г. и 10 июля 1962 г., причём с середины июля 1962 г. до первых чисел августа здесь наблюдали, как пара просянок кормила кукушонка (Бородихин, 1968). Кстати, 7 июня 2004 г. в Карачингиле просянка долго и упорно преследовала кукушку (Бевза, 2012). Для Киргизии приводятся следующие сведения: «Первые кладки в окрестностях г. Фрунзе обычно встречаются в начале мая; 7-10 мая здесь находили полные кладки со слабо насиженными яйцами. В Прииссыккулье во время запоздалой весны первые кладки наблюдались в конце мая. Вероятно, у просянки в году две нормальные кладки. На это указывает частое нахождение свежих кладок в конце июня, в июле. Так, например, в Алайской долине у Дараут-Кургана 27 июня нашли свежую кладку из четырёх яиц. В Иссык-Кульской котловине 1 июля в найденном гнезде было три нелётных птенца, птенцы были ещё не полностью оперены» (Птицы Киргизии, 1960, с. 111). К этому можно добавить, что на восточном берегу Иссык-Куля, в Тюпе, в конце мая 1974 г. Г.В. Вердин взял в коллекцию 4 яйца просянки, а на юго-западном берегу, у с. Оттук, 20 июня 1970 г. – 5 свежих яиц (Торопова, 1999).

Все эти отдельные примеры свидетельствуют о том, что изучение биологии просянки в Тянь-Шане едва лишь начато и продолжение его сулит исследователю много интересного и неожиданного. В частности, утверждение о наличии двух кладок (Птицы Киргизии, 1960) кажется мне преждевременным и нуждается в доказательствах (окончательно этот вопрос решается только индивидуальным мечением самок).

441. Обыкновенная овсянка – *Emberiza citrinella* Linnaeus, 1758

yellowhammer (англ.), Goldammer (нем.), Bruant jaune (фр.),
кәдімгі сұлыкеш (каз.), кадимки чыйпылдак (кирг.), оддий деҳқончумчуқ (узб.), зулайчаи мукаррари (тадж.)

Синонимы: *E. erythrogenys* C.L. Brehm, 1855; *E. mollessoni* Zarudny, 1897; *E. c. romaniensis* Gengler, 1911; *E. c. somowi* Averin, 1912. Желтошапочная овсянка (Шульпин, 1956, с. 168).

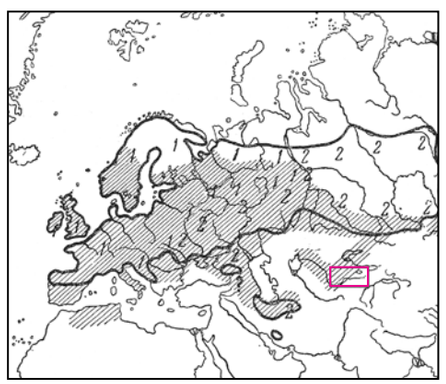
Подвид. Из 3 подвидов в Тянь-Шане один – *Emberiza citrinella erythrogenys* C.L. Brehm, 1855.

Характер пребывания. Пролётная и зимующая птица.

Биотоп. Древесно-кустарниковая растительность (леса, сады, парки, лесополосы), до 2300 м.

Распространение. Численность. Места пролёта и зимовки этого европейского вида (рис. 550) сосредоточены в основном в северо-восточном и юго-западном секторах района (рис. 551). Обыкновенная овсянка, хоть и нерегулярно, но в значительном количестве зимует и пролетает в долине Или, в Северном Тянь-Шане (особенно в районе Алматы и северных предгорий Заилийского Алатау), Центральном Тянь-Шане (долина Текеса), в восточной части Иссык-Кульской котловины, в Чуйской долине, в хребтах и долинах Западного Тянь-Шаня. В долине Текеса в 1955-1957 гг. обыкновенная овсянка зимовала в массе вместе с белошапочной (Винокуров, 1960). В тугаях Баянкола у г. Нарынкол пролётных обыкновенных овсянок в большом количестве наблюдали в марте 1948, 1950 гг. и в октябре 1947 г. (Стогов, 2009: КОБ-2008). В Иссык-Кульской котловине в январе-феврале 1962 г. в зарослях облепихи насчитали 6 овсянок на 22 км [3 особи/км²] (Второв, 1963). Там же 21-31 января 2004 г. на учёте водоплавающих попутно насчитали 520 обыкновенных овсянок (Кулагин, 2005: КОБ-3004).

В Киргизском Алатау (Ала-Арча) в 1957-1960 гг. обыкновенную овсянку встретили всего на 4-х маршрутах в числе 9 особей, но 14 февраля 1959 г. большие стаи встречены у ГМС Байтак (Кузнецов, 1962). Там же в 90-х гг. обыкновенная овсянка зимой была многочисленна, встречалась стайками до 20-30 особей, её плотность на зимовке определена в 1.67-99.97 особей/км² (Шукуров, Кормилицын, 2005). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы): «Желтошапочная овсянка была в изобилии найдена на зимовке в предгорном поясе 13-23 января 1934 г. и в декабре 1926 г. Интересно, что многолетние сборы Н.А. Северцова (1873, 1875) обнаружили эту овсянку на зимовке только в нижнем течении Сырдарьи и то в качестве редкой птицы. Для культурного пояса она совершенно не отмечается. Позднее желтошапочная овсянка была найдена значительно

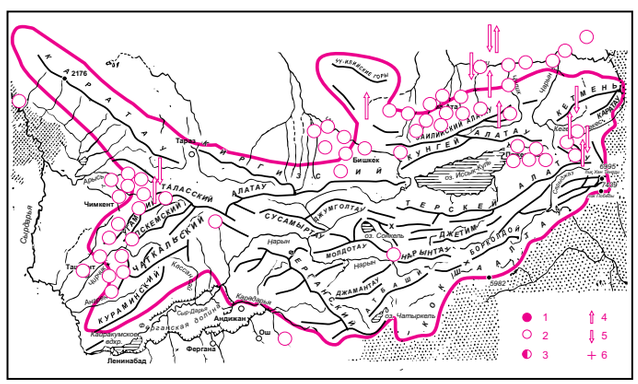

Рис. 550. Ареал обыкновенной овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с.382). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 551. Распространение обыкновенной овсянки в Тянь-Шане: 2 – зимовка, 4, 5 – пролёт весной и осенью

южнее (Н.А. Зарудный). Наблюдаемые нами птички держались большими стаями (до 30-50 экз.) на улицах кишлаков и посёлков и около гумен. Вне соседства с человеком я их совершенно не наблюдал. Просмотренные мной стаи состояли почти исключительно из самок, и во всяком случае последние преобладали в этот период на зимовке в изучаемом районе» (Шульпин, 1956, с. 168). В том же заповеднике Аксу-Джабаглы в 1959-1966 гг. обыкновенные овсянки были обычны, а в некоторые зимы многочисленны; кроме культурного пояса они встречались в высокоствольных арчевниках и других биотопах лугостепного пояса; с установлением снежного покрова в горах они откочёвывали вниз, в населенные пункты, где и проводили всю зиму стаями от 20 до 50 особей, в которых преобладали птицы одного пола, чаще – самцы (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в осенние сезоны 1966-1981 гг. отловили и окольцевали 1737, а в 1982-2016 гг. – 1664 обыкновенных овсянки; в весенние сезоны – соответственно 21 и 104 особи (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Осенью на севере нашего района появляется обычно в октябре, как исключение отмечена в Алматы 28 и 29 сентября (Кузьмина, 1974). В Карачингиле (устье Тургени) в 2004-2010 гг. самое раннее появление обыкновенных овсянок – 2 октября 2010 и 4 октября 2009 гг. (Бевза, 2012). В долине Текеса осенний пролёт наблюдали в ноябре (Винокуров, 1960). На Иссык-Куле в 1973-1984 гг. первые появлялись с начала октября (Верещагин, 1991), в Ала-Арче (Киргизский Алатау) зимует с ноября по февраль (Шукуров, Кормилицын, 2005). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые обыкновенные овсянки появлялись 20 сентября (1966) – 13 октября (1978), в среднем – 3 октября, только в 1975 г. одну поймали уже 5 сентября. Основной пролёт шёл во второй половине октября (пролетает 87.4%), пик миграции (49.5%) – 25-30 октября; длится пролёт до ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. обыкновенных овсянок здесь отлавливали с 20 сентября (1991) по 3 ноября (2010), срединная дата осеннего пролёта – 23 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Весной на Чокпаке пролёт шёл с 5-7 марта (80.9% отловлены 16-25 марта), последние 7 апреля (1974) – 7 мая (1969), в среднем 24 апреля (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. этих овсянок отлавливали здесь с 19 марта (1987) по 8 апреля (1986), срединная дата весеннего пролёта – 31 марта (А. Гаврилов и др., 2017). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) самая поздняя встреча – 24 апреля 1958 г. (Кузнецов, 1962), в апреле же встречали последних у Алматы (Бородихин, 1968). В долине Копы пролёт этого вида (всего 25 особей) наблюдали с 23 марта по 6 апреля 1987 г., а в 1988 г. последних двух овсянок видели 8 апреля (Ковшарь, Березовиков, 2000).

442. Белошапочная овсянка – *Emberiza leucocephalos* S.G. Gmelin, 1771

pine bunting (англ.), Fichtenammer (нем.), bruant à calotte blanche (фр.),
ақбас сұлыкеш (каз.), ак баш чыйпылдак (кирг.), оққалпоқли деҳқончумчуқ (узб.), зулайчаи сафедтуппи (тадж.)

Синонимы: *E. pithyornus* Pallas, 1773; *E. albida* Blyth, 1849; *E. leucocephalos karpovi* Zarudny, 1913; *E. l. stachanowi* Boetticher, 1935. Белоголовая овсянка (Шнитников, 1949).

Подвид. В Тянь-Шане встречается номинативный подвид *E. l. leucocephalos* Gmelin, 1771.

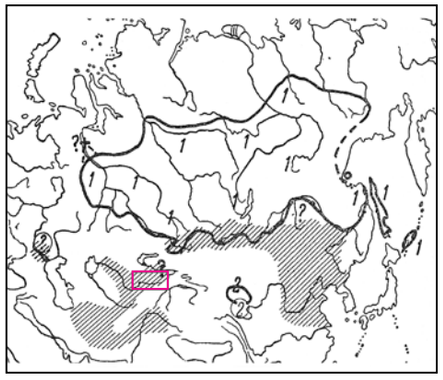
Характер пребывания. Зимующая и пролётная птица, в восточной части района гнездится.

Биотоп. Очень различен в разных частях ареала. Английское название этой птицы переводится как «сосновая овсянка». В сибирской части своего ареала белошапочная овсянка населяет разреженные леса, преимущественно хвойные (Спангенберг, Судиловская, 1954), в северной половине Казахстана – в основном островные сосновые боры и сосновые колки с разнотравием (Кузьмина, 1974).

В Тянь-Шане же, на северном склоне Кунгей Алатау в июне 1968 г. я нашёл её «обычной гнездящейся птицей безлесных холмов с зарослями спиреи и лужайками на северных склонах и сухими, покрытыми полынью и редким чием южными склонами (2000 м)» (Ковшарь, 1972, с. 343). Ни разу мы не встретили её в еловом лесу, расположенном рядом с этими местами. Первое в Тянь-Шане гнездо белошапочной овсянки найдено в восточной части хребта Терскей Алатау также на открытом и пологом травянистом склоне ниже границы леса (2000 м), с преобладанием караганы, осок, флёмисов (Тюрин, 1959). На открытых травянистых склонах гнездится она и в верхнем течении Чарына выше Актогая, также в ивово-карагановой пойме долины Чулкудысу, в тальниковой пойме р. Баянкол и в чиевниках

на берегу озера Тузколь в Центральном Тянь-Шане (Корелов, 1956; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, 2006). На южном склоне хребта Кунгей Алатау (спуск в долину реки Тюп) 15 июня 2004 г. мы встретили трёх поющих самцов на открытом луговом склоне с редким кустарником. Есть указание на гнездование белошапочной овсянки в арчовом редколесье Сарычелекского заповедника в восточной части Чаткальского хребта (Лебяжинская, 1992, с. 97).

Распространение. Тянь-Шань расположен недалеко от самого южного выступа ареала этого вида (рис. 552) и скорее всего соединяется с ним горными территориями Тарбагатая и Джунгарского Алатау. Долгое время белошапочную овсянку для нашего района считали только пролётной и зимующей птицей, а все накопившиеся в немалом числе летние нахождения интерпретировались как залёты, задержки на лето зимовавших особей, а то и просто ошибки, что очень подробно и наглядно продемонстрировано в сводке «Птицы Семиречья», где разбор всех этих фактов резюмирован следующим образом: «Я, конечно, не могу назвать белоголовую овсянку нормально гнездящейся птицей нашего края, несмотря даже на прямые указания на это в нашей литературе, но вместе с тем известны факты, которые говорят в пользу положительного решения этого вопроса. Так, в коллекции ЗИН имеется один экземпляр сбора Северцова из Борохоро (район Джаркента) от 10/VI 1878 г. и два экземпляра Певцова из Баянкола от июня же 1893 г. Наконец, в коллекции Сушкина есть экземпляр из Нарына от 29/VI 1915 г., который как бы подтверждает сообщение Бутурлина о том, что он получил г н ё з д а (не гнездо) *E. leucocephalos* с яйцами от доктора Лауренти из окрестностей Нарына. Кажется, всё ясно, однако сомнение не рассеивается, и я могу признать лишь возможность случайного гнездования в Семиречье редких отдельных парочек, почему-либо отставших от своей компании и задержавшихся до того момента, когда у них созрели половые продукты и они д о л ж н ы были приступить к гнездованию. Если бы дело обстояло иначе, то не может быть, чтобы никто никогда не встретил белоголовой овсянки вне времени пролёта, помимо упомянутых экземпляров. Что касается гнёзд, полученных от Лауренти, то и они меня мало убеждают. Особенно подозрительным в данном случае кажется множественное число: белоголовая овсянка, связанная с древесной растительностью, устраивает свои гнёзда не так открыто, чтобы их легко можно было находить целыми партиями, причём надо принять во внимание, что речь идёт о птице, которая сама является здесь настолько редкой, что самый факт её гнездования ещё нуждается в доказательствах. И так как нет сомнения, что Бутурлину были присланы гнёзда овсянки, то возникает сомнение в точности определения вида, тем более, что в окрестностях Нарына гнездится целый ряд овсянок, причём гнёзда и яйца многих из них вовсе не являются хорошо известными: *E. stewarti, E. buchanani, E. cia par, E. cioides*. Если возможны ошибки в определении вида, то ошибки в определении яиц возможны тем более. Если же и определения верны, то в данном случае возможно ещё одно предположение: доктор Лауренти не только коллектировал в окрестностях Нарына, но и совершал экспедиции в Китай» (Шнитников, 1949, с. 389). Я привёл эту большую цитату, прежде всего, как образец принципиального подхода истинного учёного к доказательствам гнездования птицы – образец, достойный для подражания будущим поколениям орнитологов. Что же касается сути, то в главном Владимир Николаевич был прав: в те времена, в нашем районе, видимо, действительно гнездились только отдельные пары этого вида. Первое гнездо белошапочной овсянки с кладкой было найдено 18 июля 1959 г. в северных предгорьях Терскей Алатау (Тюрин, 1959). Следующие два гнезда нашли в июле 1962 г. Н.Н. Скалон и И.А. Скалон (1970) на северном склоне хребта Кунгей Алатау

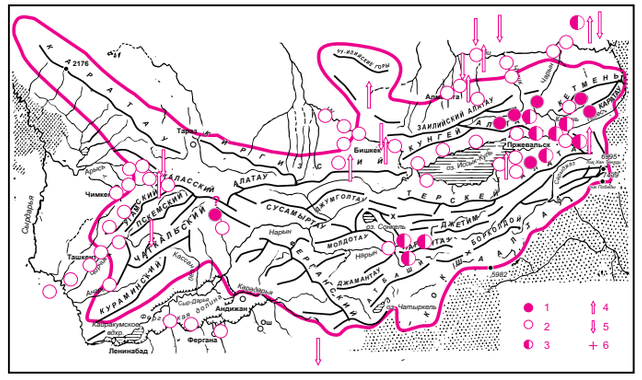

Рис. 552. Ареал белошапочной овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 390). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 553. Распространение белошапочной овсянки в Тянь-Шане; 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

(район Курменты), где М.Н. Корелов наблюдал поющих самцов ещё 12 июля 1937 г., а в июне 1968 г. здесь же, ниже озера Кульсай, я насчитал 9 поющих и 3 кормящихся самца на площади 1.5x0.5 км (Ковшарь, 1972). Современное распределение белошапочной овсянки в нашем районе на гнездовании и зимовке показано на рис. 553. Помимо упомянутых мест, она гнездится в долине Чарына выше Актогая (также ниже пояса елового леса), где её ежегодно в течение ряда лет наши орнитологи показывают иностранным орнитологическим туристам; в окрестностях Джаланаша, в долинах Чулкудысу, Текеса и Баянкола, в котловине озера Тузколь (Корелов, 1956; Винокуров, 1960; Коваленко, Скляренко, 2003: КОБ-2002; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, 2005; Джаныспаев, 2004; Березовиков, 2006). Трёх поющих самцов наблюдали мы с Майклом Андерсеном 15 июня 2004 г. на южном склоне восточной части Кунгей Алатау, на спуске в долину реки Тюп (Ковшарь, 2005: КОБ-2004).

Второй «очаг» гнездования белошапочной овсянки находится во Внутреннем Тянь-Шане. Это долина Нарына вблизи его притока Атбаши, т.е. места, где в начале XX ст. находили гнёзда этой птицы коллекторы доктора Лауренти (см. выше). Здесь в 2016 г. встретили поющих самцов этого вида в двух местах: 22 июня на левом берегу р. Атбаши у впадения в неё р. Балыкты (2800 м) и 25 июня – в долине Нарына в окрестностях посёлка Кайынды, 2300 м (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017).

Кроме того, имеется указание на гнездование белошапочной овсянки «только в арчовом редколесье» Сарычелекского заповедника, в Чаткальском хребте (Лебяжинская, 1992, с. 97), где она до этого не была обнаружена ни Д.Н. Кашкаровым (1927), ни Е.П. Спангенбергом (1937), а в списке птиц этого заповедника совершенно справедливо числится как очень редкая зимой (Воробьёв, Чичикин, 1966). Скорее всего, это указание на гнездование просто ошибочно, тем более, что автор не приводит никаких доказательств. Что касается указания на хранящийся в Музее природы Узбекистана (Ташкент) экземпляр белошапочной овсянки, добытой А.П. Коровиным 20.VII.1926 г. в долине Джабаглы в Таласском Алатау (Балан, 1960; Урманова, 1982), то здесь имела место опечатка: в работе Л.М. Шульпина (1956, с. 168) этот экземпляр приводится как добытый 26 декабря 1926 г. (перепутаны месяцы в римском начертании).

Численность. Упомянутые выше 9 поющих и 3 кормящихся самца на площади 1.5x0.5 км в Кунгей Алатау (Ковшарь, 1972) – видимо, максимальная плотность на гнездовании. В Центральном Тянь-Шане, в тальниковой пойме р. Баянкол в июле 1999 г. встречались 2-3 пары/км маршрута; там же, на южном склоне хр. Кулукату (1900-2000 м) 3 июля 1999 г. насчитали 3 поющих самца и одну пару на 1 км маршрута (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Зимой численность намного выше. В Иссык-Куле в январе-феврале 1962 г. в облепиховых зарослях на берегу озера насчитали 16 особей/22 км [9 особей/км^2] (Второв, 1963). Там же 21-31 января 2004 г. на учёте водоплавающих насчитали 540 белошапочных овсянок (Кулагин, 2005: КОБ-2004). В Алматы, Карачингиле и Ала-Арче (Киргизский Алатау) эта овсянка зимует нерегулярно и в небольшом количестве (Кузнецов, 1962; Бородихин, 1968; Шукуров, Кормилицын, 2005; Бевза, 2012). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) на зимовке обычна, а в некоторые зимы многочисленна (Ковшарь, 1966). В предгорных районах южного макросклона Западного Тянь-Шаня зимой многочисленнее обыкновенной овсянки (Митропольский, 2005). Многочисленна на пролёте, особенно в конце марта – начале апреля (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке, где она пролетает ежегодно, из 5 173 учтённых весной, но не определённых до вида овсянок, белошапочная составила 80.6%; осенью среди 8 697 не определённых до вида, – 49.6%; всего в 1966-1981 гг. здесь окольцовано 88 белошапочных овсянок весной и 3 282 – осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 380 и 5 302 (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Зимующие проводят в Тянь-Шане около полугода – с октября по март. В Карачингиле первых белошапочных овсянок в 2003-2010 гг. отмечали между 3 и 17 октября, последних весной – между 11 и 28 марта, а однажды даже 8 апреля (Бевза, 2012). Есть указание (Умрихина, 1970), что в Чуйской долине осенью белошапочная овсянка появляется малозаметно уже во второй половине августа. На Чокпаке самая ранняя встреча – 4 сентября 1974 г., обычно же появляются между 21 сентября (1967) и 30 сентября (1971, 1976), в среднем за 10 лет – 23 сентября; основной пролёт (90.6% мигрирующих) идёт 11-31 октября, последних отлавливали 30 октября (1968, 1970) – 8 ноября (1980), в среднем за 10 лет – 2 ноября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. здесь их отлавливали с 27 августа (1998) по 3 ноября (2010), срединная дата осеннего пролёта – 17 октября (А. Гаврилов и др., 2017). Весенний пролёт здесь же начинался 1 марта (1971) – 9 марта (1969), в среднем 4 марта; основная масса овсянок (78.9%) пролетала 6-25 марта; завершался пролёт 6 апреля (1969) – 14 апреля (1973),

в среднем 10 апреля и только раз запоздалую одиночку отметили 12 мая 1976 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали с 19 марта (1987) по 26 апреля (1989), срединная дата весеннего пролёта – 31 марта (А. Гаврилов и др., 2017). В Чуйской долине пролёт наблюдали с 28 февраля (1973, Тюлёк) до 5 апреля 1972 г. (Торопова, Шукуров, 1991). В долине Копы слабый пролёт шёл 26 марта – 8 апреля 1987 г. и 29 марта – 5 апреля 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В долине Текеса, у Нарынкола, последних белошапочных овсянок видели 17 апреля 1957 г. (Винокуров, 1960). Кстати, указание на то, что белошапочная овсянка в Центральном Тянь-Шане ***оседла*** (Кыдыралиев, 1961), ничем не подтверждено и, скорее всего, не соответствует действительности.

Биология. В Тянь-Шане никем специально не изучалась. В литературе имеются только описания нескольких найденных здесь гнёзд и упоминания о встречах вылетевших птенцов. Первое гнездо, найденное П.С. Тюриным (1959) в предгорьях восточной части Терской Алатау, помещалось на земле и было хорошо укрыто сильно разросшимся кустом караганы, лоток выстлан конским волосом; 18 июля 1959 г. в нём было 4 только что вылупившихся птенца (впоследствии один птенец вместе с самкой были взяты в коллекцию). У этого гнезда в течение 12 дней наблюдали за ростом и развитием птенцов (Птицы Киргизии, 1960, с. 116).

В статье «Гнездование белошапочной овсянки в горах Тянь-Шаня» (Н.Н. Скалон, И.Н. Скалон, 1970) приведены сведения о двух гнёздах, обнаруженных в 1962 г. на правом берегу р. Чилик у северного склона Кунгей Алатау, между притоками Курменты и Талды. Оба гнезда найдены у подножья склона на пологой террасе, занятой лугами с кустами барбариса, шиповника, таволги и пр. Первое гнездо располагалось на земле среди травы, вблизи большого барбарисового куста и было хорошо укрыто широкими листьями; 6 июля в нём было 5 яиц, а 12 июля – 5 пуховых птенцов, которые 21 июля уже прятались в траве недалеко от гнезда. Второе гнездо, найденное в 2 км от первого, располагалось также на лугу между кустом барбариса и таволгой, было хорошо укрыто травой; 30 июля в гнезде 4 пуховых птенца, которые 11 августа также находились вблизи гнезда в траве; в обоих гнёздах родители кормили птенцов насекомыми. Интересно, что здесь же с 16 июня по 12 августа было добыто для коллекции 16 белошапочных овсянок – 8 самцов, 6 самок и два птенца (на мой взгляд – многовато для доказательства гнездования этой птицы в *заповеднике*). В том же месте, на северном склоне Кунгей Алатау немного ниже озера Кульсай, 10-16 июня 1968 г. самцы белошапочных овсянок усердно пели большую часть дня (семенники двух добытых: 9-10x6-8 мм), а самки встречались редко; 14 и 16 июня видели двух одиночек с материалом в клюве, а 12 июня – ухаживание самца за самкой; судя по всему, было начало репродуктивного цикла (Ковшарь, 1972).

Наблюдая за тремя поющими самцами на южном склоне Кунгей Алатау (долина р. Тюп) 15 июня 2004 г., я обратил внимание на особенность их песни. У всех трёх песня была достаточно стандартная: начиналась она 5-6-кратным писком, больше всего напоминающим сигнал автоспуска фотоаппарата (частое почти слитное «пипипипи»), а заканчивалась рюмлением на высокой ноте нечто вроде «цзззюююиии», немного грубее, чем концовка песни у обыкновенной овсянки. Возможно, это была индивидуальная особенность этих трёх самцов, однако записать песни гнездящихся в Тянь-Шане белошапочных овсянок и сравнить их с пением самцов в основной части их ареала было бы интересно.

443. Овсянка Стюарта – *Emberiza stewarti* (Blyth, 1854)

white-capped bunting (англ.), Silberkopfammer (нем.), bruant de Stewart (фр.),
татрең сұлыкеш (каз.), Стюарт думбулу (кирг.), Стюарт деҳқончумчуғи (узб.), зулайчаи Стюарт (тадж.)

Синонимы: *E. caniceps* Gould, 1854. Подвидов не образует.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица.

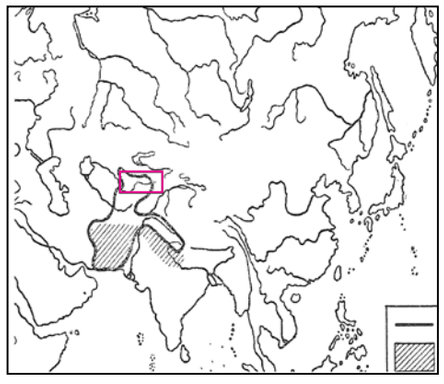
Биотоп. Хорошо прогреваемые сухие каменистые склоны с выходами скал, отдельными деревьями арчи и кустами шиповника, барбариса, жимолости и спиреи в пределах высот 1500-2000 м. В Таласском Алатау по каньону р. Аксу спускается и ниже – до 1000 м. На южном макросклоне Западного Тянь-Шаня, в отличие от горной и желчной овсянок, с которыми часто живёт бок о бок, эта овсянка

«чаще и глубже проникает в лесные заросли. Мы их часто встречали в пойменных тугайных зарослях и галерейных лесах по рекам Аксак-ате, Угаму и Пскему» (Корелов, 1956, с. 290). Во Внутреннем Тянь-Шане овсянка Стюарта: «Придерживается негустых кустарников и редких деревьев… по всем орехово-плодовым лесам…селится в горах на высоте 1600-2200 м, в Нарыне добыта в нижнем поясе ельников (2400-2500 м) и близ оз. Сары-Чилек на высоте около 3000 м» (Птицы Киргизии, с. 119). Более точно местообитания в районе нижнего Нарына и Кокомерена описаны в сводке о птицах Семиречья: «Держались овсянки преимущественно на каменистых склонах, поросших скудной кустарниковой (*Ephedra*, *Atraphaxis*, *Prunus prostrata*) и травянистой растительностью, поднимаясь кверху по ущельям приблизительно до нижней границы елового леса, т.е. здесь до высоты около 2500 м» (Шнитников, 1949, с. 394). Именно по сухим каменистым склонам с редким кустарником и выходами скал овсянка Стюарта во второй половине XX ст. распространилась на северо-восток до Кокпекского ущелья (горы Сюгаты, Северный Тянь-Шань) и закрепилась здесь на гнездовании (см. ниже).

Распространение. Северная часть ареала этого южно-азиатского вида, которую занимает Тянь-Шань (рис. 544), в «Конспекте орнитофауны…» по состоянию на 70-е гг. XX ст. описана так: «Западный Тянь-Шань от хребтов Каратау, Угамского, Пскемского к востоку до 76-го меридиана; к северу до хребтов Каратау Киргизского, Заилийского; к югу до Ферганского хребта и северного склона Ферганской долины. Алайская система от хребтов Нуратау, западной оконечности Зеравшанского и Кугитанга к востоку до восточной оконечности Алайского и до Ферганского хребтов; к северу до южного склона Ферганской долины; к югу до Кугитанга, Бабатага, Гарданиушти, гор в районе Куляба» (Степанян, 2003, с. 712). Тогда самой северо-восточной точкой встречи этого вида был Жетыжол – крайний западный отрог Заилийского Алатау (Корелов, 1964).

Первым на динамизм северной границы ареала этого вида обратил внимание В.Н. Шнитников: «Эта южная овсянка занимает юго-западный угол Семиречья близ границы с Ферганой, заходя из ней как раз в тот район, который в работе Мензбира о зоологических участках Туркестана отмечен как пограничный между западно-тяньшанским и восточно-тяньшанским участками… Мне кажется, что появилась она здесь очень недавно – за последние десятилетия. В самом деле, она совершенно не представлена в огромных семиреченских сборах Северцова, а между тем мало вероятно, чтобы он мог пропустить такую открыто держащуюся птичку, тем более, что его препараторы коллектировали стационарно как раз в районе нынешнего обитания *E. stewarti*. Очень интересно проследить, будет ли эта птичка дальше продвигаться у нас, и если будет, то насколько быстро.

В настоящий же момент, правильнее – в момент моего посещения[30] местообитания *E. stewarti*, распространение её в Семиречье определялось так: горы по южному Сусамыру, Кукумерену и нижняя часть долины Нарына с прилегающими горами кверху по течению приблизительно до гор, замыкающих её с востока, т.е. до нарынского каньона. Дальше к востоку она здесь не шла, поэтому, например, из окрестностей самого селения Нарын она неизвестна, несмотря на огромные орнитологические сборы, сделанные здесь многими исследователями и профессиональными коллекторами (Неживых, Даценко, Лауренти). Как исключение, два экземпляра были добыты в районе восточного конца Иссык-Куля, однако – вне гнездового периода. Независимый участок (а может быть и соединяющийся с первым где-нибудь в верховьях Сусамыра) занимает северные склоны Александровского хребта»[31].

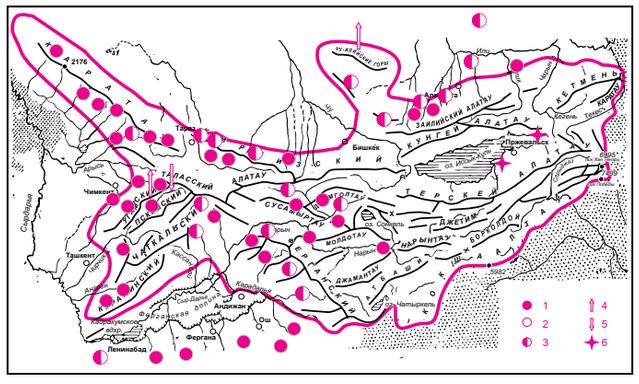

Рис. 554. Ареал овсянки Стюарта (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с.431). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 555. Распространение овсянки Стюарта в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 6 – залёт

[30] Имеется в виду период 1912-1915 гг. – *АК*

[31] Александровский хребет – прежнее название Киргизского хребта – *АК*

По ущельям рек, впадающих в Кукумерен и нижний Нарын, я нашёл эту птичку в довольно большом количестве, а на северном склоне Кабакских гор её можно было назвать даже очень обыкновенной» (Шнитников, 1949, с. 392-394). Это подробное описание очень важно для отслеживания тех изменений, которые произошли в последующие десятилетия и отражены в литературе (Птицы Киргизии, 1960; Корелов, 1964; Ковшарь, Березовиков, 2001).

За вторую половину XX ст. овсянка Стюарта продвинулась на северо-восток более чем на 800 км (рис. 555): «В западной части Киргизского Алатау её впервые добыли в 1913 г. (Чернавин, 1915), восточнее, в ущелье Карабалты, – в 1934 г. (Spangenberg, Dementieff, 1935), а в 1957-1960 гг. она была здесь уже обычной (Корелов, 1964). В 1960 г. овсянка Стюарта была найдена в западной оконечности Заилийского Алатау – хр. Жетыжол (Корелов, 1964), а 7 июня 1963 г. Э.И. Гаврилов добыл ее гораздо восточнее – в Чулакских горах (юго-западные отроги Джунгарского Алатау). В Заилийском Алатау, в 20-30 км западнее Алма-Аты, эту овсянку наблюдают с 1981 г., а в 1991 г. найдено ее гнездо (Березовиков, 1999). Северо-западнее, в горах Анархай (Чу-Илийские горы) 30 мая 1999 г. Н.Н. Березовиков встретил поющего самца (в 1996-1997 гг. этих овсянок здесь определенно не было). Новое место гнездования овсянки Стюарта установлено в Кокпекском ущелье (140 км восточнее Алма-Аты), где их ежегодно наблюдают орнитологи с 1993 г. по настоящее время. В системе Джунгарского Алатау эта овсянка распространилась от Чулакских гор на север: поющие самцы встречены 15 мая 1997 г. в каньоне р. Биже близ пос. Кугалы и 17 июня 1994 г. – в урочище Сарыбухтер, уже в северо-восточной части основного хребта (О.В. Белялов). Наконец, одного самца наблюдали 9 июня 1974 г. на острове Каменном озера Алаколь (Хроков и др., 1993)» (Ковшарь, Березовиков, 2001, с. 38-39).

Таким образом, помимо Западного Тянь-Шаня, где овсянка Стюарта гнездилась всегда (по крайней мере, последние 100-200 лет), она при своём продвижении на северо-восток заселила сухие низкогорья Северного Тянь-Шаня до гор Сюгаты на востоке и даже горы Чулак на правом берегу р. Или (Кузьмина, 1974; Березовиков, 1999; Ковшарь, Березовиков, 2001). Помимо Кокпекского ущелья (горы Сюгаты), где поющих самцов ежегодно наблюдают с 1993 г., яркого самца овсянки Стюарта 1 мая 1996 г. встретили на границе песков Таукум близ Чу-Илийских гор (Березовиков и др., 1999), а в 2014 г. впервые пара встречена в Карачингиле, на южном берегу Капчагайского вдхр. (Бевза, 2014).

Во Внутреннем Тянь-Шане, помимо перечисленных выше мест в долине Нарына и Джумгола-Кокомерена (Шнитников, 1949) овсянка Стюарта встречена также на южных склонах Ферганского хребта (рис. 555), причём везде она довольно редка. Так, в июле 1998 г. за две недели поездки мы встретили только двух поющих самцов 20 июля на горе Кетмень-тюбе в районе перевала из Токтогула в Караколь (Ковшарь, Торопова, 2000); в 2003 г. за такой же срок овсянку Стюарта встретили только в двух местах: 21 июля в долине р. Яссы около с. Актерек, 24 и 25 июля – ещё три особи в ущелье р. Кугарт на южном склоне Ферганского хребта; в 2004 г. только раз – 22 июля пару в верховьях р. Сох в восточной части Туркестанского хребта (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В 2015 г. поющие самцы встречены 27 июня возле Каракульского вдхр. и 3 июля – возле пос. Арсланбоб (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). В июне 2017 г., помимо встреч в пойме Кокомерена, 6 поющих самцов и выводок, в котором взрослые кормили молодых, отмечены 22 июня в ущелье Сары-Бель, а 23 июня одну видели в ущелье Касансай на южном склоне Чаткальского хребта (Архипов, Коблик и др., 2018). Гнездится вдоль южной границы Тянь-Шаня на северных склонах Алайского хребта (Гульча, Шахимардан), а на северном склоне Туркестанского хребта ещё Н.А. Зарудный нашёл её в долине Исфары у кишлака Ворух (горы Ахунтау), по рекам Кшемыш и Нурлоу (Иванов, 1969). Мы в этих местах в 2004 г. её не встретили.

Численность. В Западном Тянь-Шане обычна на гнездовании в Чаткальском, Кураминском, Пскемском и Таласском хребтах, но данные учётов опубликованы только для Сарычелекского заповедника, где в 1982-1983 гг. плотность на гнездовании была: в елово-пихтовом лесу 0-1, елово-ореховом 3, ореховом 0-4, яблонево-алычёвом 58-50 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). Здесь же, по учётам 1986-1987 гг. овсянка Стюарта входила в состав фоновых видов птиц (5.3%) яблонево-бояркового леса (Лебяжинская, 1992).

Для долины Пскема имеется принятое для того времени указание «обычна, но не многочисленна» (Корелов, 1956); в августе 2002 г. здесь встретили два выводка за месяц (В. Ковшарь, 2003); в августе 2015 г. – 7 птиц, а в 2016 г. – ни одной (Тен и др., 2017). В Кураминском хребте в 2003 г. оказалась обычной по сухим склонам с выходами камней, где 24-29 апреля самцы пели и делили территории: за 5 дней встречено более 30 овсянок Стюарта (В. Ковшарь, 2004). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский

Алатау) в 1961-1964 гг. найдено 4 жилых гнезда (Ковшарь, 1966), а в 1971-1973 гг. – 15 (Губин, 1982), причём в последние три года в ущелье Кши-Каинды пара от пары поселялась в 80-100 м, а минимальное расстояние между жилыми гнёздами было 60 м. В мае-июле 2003 г. овсянка Стюарта оказалась самой многочисленной из всех овсянок в районе Казгурта, южнее Чимкента, здесь встречалось в среднем 3.4 особи/час (Чаликова, 2006). В Каратау эта овсянка довольно обычна (Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017), а в ущелье Кенчектау в мае 2002 г. «она составляла основу населения» (Чаликова, Колбинцев, 2006). В горах Кендыктас (западный отрог Заилийского Алатау) в ущелье Джаманталды в мае 1960 г. «их было лишь раз в 10 меньше, чем желчной» (Корелов, 2012). Сейчас овсянка Стюарта довольно обычна в крайней северо-восточной точке своего гнездования в Тянь-Шане – в Кокпекском ущелье (горы Сюгаты): за один час 14 июня 2004 г. мы встретили 8 особей, в том числе 4 поющих самца (Ковшарь, 2005: КОБ-2004). О редкости этого вида во внутренних районах Тянь-Шаня сказано выше, в разделе о распространении. Через Чокпак мигрируют лишь отдельные одиночки, так как основной пролёт этой овсянки идёт горами.

Сроки. Даты. Прилетают в середине апреля. На самом юго-западе, в Кураминском хребте, 24-29 апреля 2003 г. самцы уже делили гнездовые участки (В. Ковшарь, 2004). В заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) в каньоне р. Аксу овсянку Стюарта добыли 15 апреля 1938 и 22 апреля 1948 гг.; в 1963 г. самую первую встретили 20 апреля (Шевченко, 1948; Ковшарь, 1966). На Чокпаке, где весной 1966-1981 гг. встречено всего 6 овсянок, их отмечали 12 апреля – 7 мая 1974 г. (добыты самцы), 28 апреля 1972 г., 1 и 3 мая 1970 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В Каратау 24-28 апреля 1941 г. эти овсянки держались уже парами (Долгушин, 1951). Отлетают в августе. Там же, в Каратау, в 2002 г. они перестали встречаться к концу этого месяца (Чаликова, Колбинцев, 2006). В Таласском Алатау самые поздние встречи овсянки Стюарта – 26 августа 1933 г., 17 августа 1961 и 12 августа 1963 г. (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). По наблюдениям Б.М. Губина (2012), в ущелье Кши-Каинды они отлетали в начале сентября, исключительно горами и, видимо, ночью; последних он видел 18 сентября 1971 г. и 23 сентября 1972 г. На Чокпаке молодого самца добыли 2 сентября 1969 г., взрослого самца – 22 сентября 1972 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. здесь отловлены также две особи – 11 сентября 2002 г. и 24 сентября 1986 г. (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Мало известна. По материалам из Таласского Алатау, где было найдено 23 жилых гнезда, опубликована специальная статья о биологии овсянки Стюарта (Губин, 1982). В ней описаны: расположение гнёзд и сами гнёзда, яйца, пуховые птенцы, продолжительность насиживания кладки и пребывания птенцов в гнезде; роль самца и самки в насиживании кладки и выкармливании птенцов; приведены данные о величине кладки и гибели гнёзд. На основании анализа сроков размножения сделано предположение о двух репродуктивных циклах у этого вида. Дополнительные сведения о гнёздах и вообще по биологии этой овсянки имеются в некоторых фаунистических монографиях и статьях (Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Митропольский и др., 1981; Губин, Белялов, 2017). Кроме того, в июне 1976 и в мае 2014 гг. в каньоне р. Аксу (заповедник Аксу-Джабаглы, Таласский Алатау) я нашёл три гнезда этой овсянки в пустотах конгломератовых обрывов, вход в каждое был прикрыт растущим кустиком; в последнем из них 10 мая 2014 г. была самая ранняя кладка из 4 яиц (см. цветную вклейку).

444. Горная овсянка – *Emberiza cia* Linnaeus, 1766

rock bunting (англ.), Zippammer (нем.), bruant fou (фр.),
тау сұлыкеші (каз.), тоо думбулу (кирг.), тоғ деҳқончумчуғи (узб.), зулайчаи кухи (тадж.)

Синонимы: *E. cia lasdini* Zarudny, 1917; *E. c. serebrowskii* Hans Johansen, 1944.

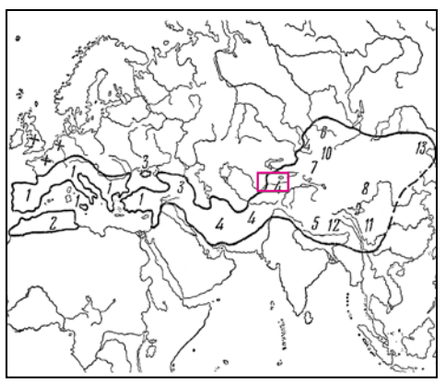
Подвид. Из 5 подвидов в Тянь-Шане обитает один – *Emberiza cia par* Hartert, 1904.

Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится, пролетает и в небольшом числе зимует.

Биотоп. Взгляды разных авторов на основной биотоп и высотные пределы распространения горной овсянки подробно описаны у В.Н. Шнитникова (1949, с. 399). По моим наблюдениям,

в Таласском Алатау горная овсянка гнездится в пределах лугостепного и субальпийского поясов на высотах от 1500 до 2800 м (возможно, до 3000 м, но там уже редка), а наиболее обычна она в арчовых редколесьях. По Л.М. Шульпину (1953), она предпочитает мезофильные арчевники, но я встречал её не реже и в скалистых вариантах арчового редколесья, а Б.М. Губин (1980) в 1971-1973 гг. нашёл 45 гнёзд этой овсянки среди древовидных арчовников (1700-2200 м), на остепнённых склонах с редкими кустами. «В Заилийском Алатау горная овсянка населяет в основном кустарники предгорий, пояс лиственного и нижнюю часть пояса хвойного леса, не поднимаясь выше 2000 м. Правда, Л.М. Шульпин (1939) считает[32], что в М. Алматинском ущелье эти овсянки в основном населяют пояс ельников и лишь в небольшом числе отмечаются в яблочниках. Он указывает, что горная овсянка предпочитает смешанные елово-берёзовые перелески, опушки с густым кустарником, яблочники и небольшие еловые колки с хорошей еловой молодой порослью в смеси с кустарниками. По нашим наблюдениям, горная овсянка охотнее поселяется на скалистых склонах южной экспозиции с разреженными кустарниками, чем на северных с рощами осинников и хвойным лесом, а в поясе елового леса встречается тоже преимущественно на остепнённых склонах южной экспозиции. В северо-восточных отрогах Заилийского Алатау, в низкогорных хребтах Турайгыр и Сюгаты, гнездится по склонам с обнажениями материнских пород, покрытых редкой растительностью. В хр. Кетмень населяет кустарники южных склонов и речных долин, но по гривам проникает и в ельники северных склонов» (Кузьмина, 1974, с. 144). Гнездование на остепнённых склонах с кустарником характерно также для Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня (Птицы, Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

Распространение. Тянь-Шань (наш район) находится на восточной окраине ареала вида и подвида *Emberiza cia par* (рис. 556). Распространение здесь на гнездовании горной овсянки выяснено совершенно недостаточно, о чём наглядно свидетельствуют огромные «белые пятна» на рис. 557. Наиболее близко к действительности заполнение района Западного Тянь-Шаня, где горная овсянка в подходящих биотопах обитает практически повсеместно (Кашкаров, 1924, 1927; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский и др., 1981; Лебяжинская, 1991; В. Ковшарь, 2003, 2004; Митропольский, 2005; Головцов, 2007; Губин, Белялов, 2017). Однако и здесь большой разрыв на территории хребта Каратау вряд ли соответствует действительности, скорее всего – это недостаток сведений. То же можно сказать о Киргизском Алатау, где присутствие вида обозначено всего тремя далеко удалёнными точками, о девственной пустоте Таласской, Сусамырской и Кочкорской долин, а также о большей части Внутреннего Тянь-Шаня. Довольно полно обследованы Северный и Центральный Тянь-Шань, включая Терскей Алатау на всём его протяжении. Относительно последнего имеется очень подробное описание: «Распространение весьма своеобразно. В восточной части Терскей Алатау – это птица полосы предгорий, где она обитает на обрывах «Красных глин» по степным склонам, не поднимаясь выше нижней границы леса. Далее на запад, по мере того, как лес исчезает, а предгорья становятся всё более пустынными, она поднимается в полосу средневысотных гор и на этой высоте (2000-2200 м) распространяется в западные части хребта, полосу же предгорий занимает скалистая овсянка. До крайней западной части Терскей Алатау горная

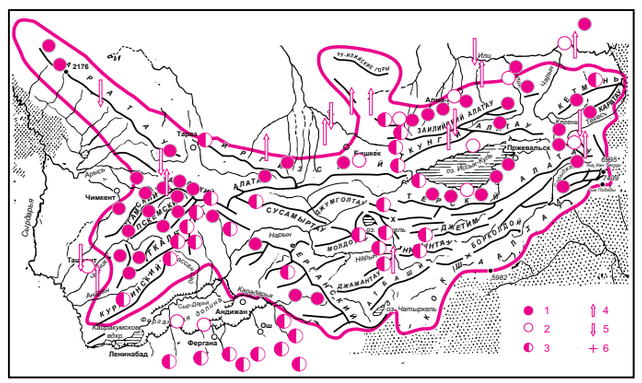

Рис. 556. Общий ареал горной (1-4) и овсянки Годлевского (5-10). По: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 446
Рис. 557. Распространение горной овсянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи, 4,5 – пролёт

[32] Возможно, причина в том, что Л.М. Шульпин проводил здесь наблюдения в конце лета, в августе – *АК*

овсянка не доходит. Такое смещение этой птицы в более верхние пояса гор происходит в районе урочища Тоссор, где она встречается совместно со скалистой овсянкой. Биотоп – каменистые склоны степного и сухостепного характера, обрывы и невысокие разрушенные скалы. Птица довольно обычна. Наиболее многочисленны овсянки в предгорьях восточной части хребта» (Степанян, 1959, с. 95). Для Центрального Тянь-Шаня, где горная овсянка гнездится в Кетмене, Чулкудинской и Текесской долинах и на Сарджасе (Корелов, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Кыдыралиев, 1961; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004), имеется примечание, что она обычна только в южной, более тёплой половине сыртов (Крылов, 1969). Немногочисленные точки во Внутреннем Тянь-Шане – в основном результат экспедиционных поездок последних 20 лет. В июле 1998 г. мы встретили горную овсянку 5 раз за три недели поездки: в Чичкане, Чаткальской долине и на перевалах Чапчама и Карабура (всего 7 особей): в 1999 г. – только раз, в долине р. Гульча (Ковшарь, Торопова, 2000). В 2000 г. она попалась нам только раз – 31 июля на правом берегу р. Чу немного ниже впадения в неё Чонкемина; в 2003 г. была обычной в Чичкане и на южных склонах Ферганского хребта (национальный парк Кара-Шоро, леса по Ойталу, Тару и Кугарту); в 2004 г. оказалась обычной вдоль южной границы Тянь-Шаня, по северным склонам Алайского и Туркестанского хребтов: ущелья Абширсай, Исфайрамсай, верховья р. Сох (Калай-Махмуд), Чечекты, Каравшин, а также в Чичкане и в верховьях Таласа (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). На маршруте 2015 г. поющих самцов отметили 28 июня и 2 июля близ пос. Кичи-Каракол, на р. Гульча, 29 июня – в ущ. Кызыл-Эшме, 30 июня – у Дараут-Кургана, 1 июля – в ущ. Ичке-Суу, 3 июля – выводок у пос. Арсланбоб (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016). В 2016 г. 12 горных овсянок, в основном поющих самцов, встретили в следующих местах: 18 июля на р. Сонкёль (2600 м), 20 июня на р. Куртка (хр. Молдотоо, 1900 м), 24 июня – при подъёме на пер. Кызылбель (2200 м), 25 июня – в ущ. Тёо Джайлао (Нарынский хр., 2400 м), 25 июня – в каньоне Нарына (2300 м) и в ущ. Кичи-Нарына (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). В 2017 г., помимо уже перечисленных выше мест, горных овсянок (пару и поющего самца) встретили в ущелье р. Кокджерты хребта Коргоо 29, 30 июня и 1 июля (Архипов, Коблик и др., 2018).

Численность. На гнездовании в большинстве мест обычная, а местами – многочисленная птица. По данным учётов 1982-1983 гг., в Сарычелекском заповеднике (Чаткальский хребет) плотность на гнездовании была: на субальпийских лугах 0-22, в арчовом редколесье 51-82 особи/км^2 (Лебяжинская, 1991). Здесь же в 1986-1987 гг. горная овсянка доминировала в арчовом редколесье вместе с серой славкой (вместе – 32.3%); в нижней части субальпийского пояса – вместе с лесным коньком, черноголовым чеканом и седоголовым щеглом (соответственно: 21% - 17% - 12.5% - 10%), а во второй половине лета доминировала в субальпах вместе с чечевицей и чеканом – все вместе 47.2% (Лебяжинская, 1992). О численности в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) можно судить по тому, что в одном ущелье Кши-Каинды в 1971-1973 гг. было найдено 45 жилых гнёзд горной овсянки (Губин, 1980). В верховьях Пскема в июле-августе 2002 г. встретили 220 особей горных овсянок (В. Ковшарь, 2003), а в 2016 г. в диапазоне высот 1450-2800 м – более 120 (Тен и др., 2017). В Киргизском Алатау (Ала-Арча) плотность населения этого вида в 80-90-х гг., по данным учётов в разные месяцы, колебалась от 0.33 до 85.8 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В восточной части Заилийского Алатау горная овсянка – одна из самых многочисленных птиц в Дженишке (Губин, 2009).

Сведения об изменениях численности опубликованы для Таласского Алатау: «В 30-х и 60-х гг. горная овсянка была обычна на гнездовании, местами – многочисленна (Шевченко, 1948; Шульпин, 1953; Ковшарь, 1966). Но в 1983-2004 гг. численность её сокращалась трижды: в 1985-1991, 1992-1997 и 1999-2002 гг., причём в 1998-2001 гг. наблюдалась прямая связь между её численностью и количеством выпавших осадков. Интересна взаимосвязь между численностью *E. bruniceps* и *E. cia*. В 1983-1990 гг., когда первой было больше, чем второй, уменьшение или увеличение числа гнездящихся особей этих двух видов шло параллельно. С 1991 по 2000 г. жёлчной стало меньше, чем горной, и сокращение численности одного вида вызывает одновременное увеличение другого (Чаликова, 2006). Последнее утверждение вряд ли верно, поскольку эти виды занимают разные ниши и по-разному устраивают гнёзда, а именно их устройство, по мнению автора, фатально для выживания потомства у желчной овсянки» (Ковшарь, 2017, с. 36).

Поскольку пролёт идёт в основном горами, на Чокпаке горная овсянка редка: за 50 лет (1966-2016) здесь окольцевали всего 69 особей (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017). Мало их остаётся и на зиму. В Иссык-Кульской котловине на учётах в январе-феврале 1962 г. не встретили ни одной (Второв, 1963), на учёте водоплавающих 27-30 марта 2004 г. видели всего 15, возможно, уже прилетевших (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В тугаях по р. Чилик в 1992-1999 гг. зимой встречали до 50

особей (Губин, 2001). Изредка зимуют в Алматы (Бородихин. 1968) и даже в долине Текеса (Винокуров, 1960). В западных отрогах Заилийского Алатау (Жетыжол, 3000 м) за 4 зимы, с 1986 по 1990 г., горные овсянки отмечены трижды: 21 января и 1 февраля 1987 г. – по паре и 6 ноября 1990 г. – несколько стаек по 3-5 особей (Карпов, 1994). В Киргизском и Таласском Алатау зимой не встречена (Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1966).

Сроки. Даты. Весной появляется в марте. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) первые встречи – 7 марта 1962, 9 марта 1960, 10 марта 1965 и 13 марта 1961 и 1964 гг. (Ковшарь, 1966). На Чокпаке в 1966-1981 гг. одиночек встречали 6 марта 1973, 10 марта 1972, 15 марта и 2 апреля 1969, 17 марта 1974, 31 марта 1970 и 21 апреля 1972 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. 7 горных овсянок поймали в период с 25 марта (1987) по 6 мая 1983 г. (А. Гаврилов и др., 2017). В Киргизском Алатау в 1957-1960 гг. прилетали 11-21 марта (Кузнецов, 1962), в 1958 г. северными предгорьями между Луговой и Акыртюбе 4 апреля летело много пролётных самцов и самок, которые, спасаясь от снегопада, собирались у дороги (Корелов, 2012). В Алматы первых отмечали в конце февраля – начале марта (Бородихин, 1968). В долине Копы одиночек и группы пролётных видели с 24 марта по 11 апреля 1987 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). Встреченные на Иссык-Куле 27-30 марта 2004 г. 15 горных овсянок (8 – на северном берегу и 7 – на южном) также были, видимо, недавно прилетевшими или пролётными (Кулагин, Сагымбаев, 2005). В долине Женишке (восточное окончание Заилийского Алатау) 22 и 23 марта 1997 г. горные овсянки были уже многочисленны и встречались группами по 20-30 особей, некоторые самцы заняли индивидуальные участи и пели (Губин, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. первых весной отмечали 9-19 марта, последних 10 апреля 2003 г. (Бевза, 2012). В долине М. Кокпака (Центральный Тянь-Шань) двух горных овсянок добыли 5 апреля и 2 мая 1952 г. (Бибиков, 2009: КОБ-2008), а в каньоне Б. Кокпака «на остепнённом склоне с порослью кустарников и скальными выходами 1 мая [2008 г. – АК] группы по 3-10 особей (всего до 50), ещё не разбившихся на пары и не занявших гнездовые участки. Тщательный их просмотр в бинокль показал, что среди них не было ни одной кашгарской овсянки (*E. godlewskii decolorata*), отмеченной здесь два года назад (Карпов, 2007)» (Березовиков, Коваленко, Грибков, 2009: КОБ-2008, с. 111). Севернее, на Борохудзирской переправе (р. Или), пролётную стайку из 10 горных овсянок наблюдали 13 марта 1900 г.; слабый пролёт под Джаркентом прекратился к концу марта (Зарудный, Кореев, 1905), однако в 1918 г. там же, у Илийской переправы, их было ещё много 9 апреля (Шестоперов, 1929).

Осенний пролёт приходится на сентябрь и октябрь, хотя в горах Заилийского Алатау молодняк начинает кочевать вниз уже в августе (Деревягин, 1940). В районе Джаркента «семьи горных овсянок сбиваются в стаи в конце сентября и тогда же начинается пролёт, который тянется в течение всего октября» (Шестоперов, 1929, с. 166). В Карачингиле осенью горную овсянку встретили только раз – двух птиц 23 октября 2006 г. (Бевза, 2012). В Алматы появляются в конце сентября – октябре, но после первых снегопадов число их резко снижается (Бородихин, 1968). На Чокпаке самая ранняя встреча горной овсянки 4 сентября 1973 г., но обычно они появляются 10-18 октября (1976, 1977, 1980), в среднем 14 октября, основной пролёт идёт во второй половине месяца (11-31 октября отловлено 91.3%), самая поздняя встреча – 31 октября 1976 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 26 сентября (2002) по 27 октября (1985), срединная дата пролёта – 19 октября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау в 1959-1966 гг. начало кочёвок горных овсянок я наблюдал уже с начала августа, в основном группами по 3-5 особей (выводки); крупную стаю встретил только раз – 30 августа 1961 г. в каменистых россыпях альпийского пояса (Каскабулак, 3000 м). В культурном поясе начинают встречаться с середины сентября, но здесь они довольно редки – видимо, отлёт идёт в основном горами, где я встречал их до середины октября: 15 октября 1960 г. (верховья Ирсу, 2900 м), 6 октября 1961 г. (Кши-Каинды, 1800 м), 16 октября 1963 г. (на всём протяжении от Кши-Каинды до Топшаксаза, 1800-2700 м). В перечисленные дни последних встреч горные овсянки были *многочисленны*, видимо, в это время проходил валовой пролёт этого вида. Только два раза она встречена в ноябре: 3 ноября 1937 г. одну добыли в Чуулдаке (1900 м) и 11 ноября 1964 г. одну горную овсянку (альбинос) нашли в с. Новониколаевка мёртвой после большого снегопада (Ковшарь, 1966). Однако в 1971 г., отличавшемся необычно тёплым и бесснежным декабрём, последних горных овсянок встретили 7 декабря в предгорной степи и в арчовнике, на высоте 1800 м (Губин, 2012). О зимовке во Внутреннем Тянь-Шане говорит экземпляр Г. Мерцбахера от 20 января из Нарына (Шнитников, 1949).

Биология. Специальная статья Б.М. Губина (1980), написанная по наблюдениям за 45 жилыми гнёздами горной овсянки в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), содержит довольно полное описание гнездовой жизни горной овсянки как моноцикличного вида. Впоследствии все эти материалы вошли в книгу «Орнитологические наблюдения в заповеднике Аксу-Джабаглы» (Губин, 2012). Дополнением к этим данным могут служить сведения о 6 гнёздах, найденных здесь же в 1960-1965 гг. (Ковшарь, 1966), и данные о 7 кладках из верховьев р. Пскем (Митропольский и др., 1981). Некоторые биологические сведения содержатся в других фаунистических публикациях (Шестоперов, 1929; Шнитников, 1949; Шульпин, 1956; Корелов, 1956 [Кетмень]; Птицы Киргизии, 1960; Иванов, 1969; Кузьмина, 1974; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Губин, Белялов, 2017).

445. Овсянка Годлевского – *Emberiza godlewskii* [*cia*] Taczanowski, 1874

Godlewski's bunting (англ.), Orient Zippammer (нем.), bruant de Godlewski (фр.),
Годлевский сұлыкеші (каз.), Годлевскийдин сулучусу (кирг.), Годлев деҳқончумчуғи (узб.)

Синонимы: *E. godlewskii nanshanica* Sushkin, 1935; *E. g. gobica* Tugarinov, 1929 (1928)**.** Для подвида *E. g. decolorata* Sushkin предложено русское название «Кашгарская овсянка» (Белялов, 2006: КОБ-2005).

Подвид. Долгое время эта овсянка считалась подвидом горной овсянки. В видовом статусе у неё 5 подвидов, из них в Тянь-Шане зимует и местами гнездится описанный из Центрального Тянь-Шаня подвид *E. g. decolorata* Sushkin, 1925. Кроме него на пролёте и зимовке бывает *E. g. godlewskii* Taczanowski, 1874.

Характер пребывания. Гнездящаяся и зимующая птица. Оседлость не доказана.

Биотоп. Высокогорный низкотравный луг с камнями и кустами (последние не обязательны).

Распространение. Отсутствие сведений об этой загадочной птице, обитающей восточнее и северо-восточнее нашего района (рис. 556), хорошо показано в монографии «Птицы Семиречья»: «Мною эта овсянка не встречена ни разу; не нашёл её и Кореев, точно так же, как не оказалось ни одной её шкурки и в коллекции ЗИН. Между тем зимой *E. godlewskii* заглядывает в Семиречье не так уж редко, если судить по тому, что она известна отсюда в нескольких экземплярах, добытых из долины Иссык-Куля и из Нарына. В коллекции Сушкина есть шкурки от 26/XII 1915 г. и 6/II 1916 г.; Алмаши добыл этих овсянок в октябре и ноябре 1900 г. в Пржевальске и на Караколе, наконец, у Мерцбахера был экземпляр из Нарына от 13/I 1908 г. По поводу этой овсянки Зарудный пишет, что под Ташкентом до 1913 г. она не встречалась никогда, в октябре же и ноябре этого года была там даже нередка. Очевидно, она, в зависимости от каких-то нам не известных причин, посещает наш край нерегулярно, а лишь случайно, появляясь здесь во время кратких зимних кочёвок из своей гнездовой области в пограничной с Семиречьем части Кашгара и никогда не залетая к северу от Иссык-Куля. В связи с таким распространением этой овсянки, может быть, следовало бы её назвать *E. g. decolorata* Sushkin, как называл Сушкин описанных им кашгарских овсянок» (Шнитников, 1949, с. 400).

Дальнейшее накопление данных шло по крупицам (рис. 558). В хребте Кетмень 6 декабря 1953 г. М.Н. Корелов добыл овсянку Годлевского из смешанной стайки с обыкновенными овсянками и опубликовал как красноухую *Emberiza cioides* (Корелов, 1956). Позже этот экземпляр был переопределён М.А. Кузьминой и как подвид *Emberiza cia godlewskii* опубликован в очерке о горной овсянке в сводке «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1974, с. 148). Ещё позже О.В. Белялов (2003: КОБ-2002) уточнил определение этого экземпляра как *E. g. decolorata*. Благодаря публикации этой заметки и проведенной автором работе с птицеловами, оказалось, что в Аксайском ущелье близ Алматы

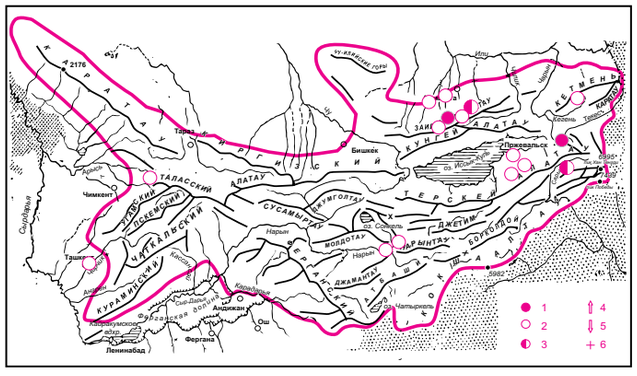

Рис. 558. Распространение овсянки Годлевского в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

овсянок Годлевского отлавливали ещё осенью и зимой 1996-1998 гг., а 17 января 2005 г. там же, в урючно-яблоневом саду дачного массива (1700 м) поймали ещё одну кашгарскую овсянку (*E. g. decolorata*), используя в качестве манной птицы *E. citrinella*; тушка её хранится в Институте зоологии в Алматы (Дворянов, 2006: КОБ-2005). В том же 2005 г. два молодых самца *E. g. decolorata* встречены 8 января кормящимися под снегопадом на Б. Алматинском озере (2500 м); оба оказались непугливыми и позволили сфотографировать себя и снять видео на близком расстоянии, что не оставляет сомнений в их принадлежности к этому подвиду. Ещё одну *E. g. decolorata* встретили 15 октября 2003 г. у перевала Северный в Среднем Талгаре, на высоте 3200 м (Джаныспаев, 2006: КОБ-2005). Наконец, 4 ноября 2014 г. Е.М. Белоусову (www.birds.kz) удалось сфотографировать одну овсянку Годлевского в с. Жабагылы (бывшая Новониколаевка, предгорья Таласского Алатау). Под Ташкентом Н.А. Зарудный (2015) наблюдал их с 23 октября по 18 ноября 1913 г. группами до 7 особей, иногда – в стаях белошапочных овсянок (*Emberiza leucocephalos*). Перечисленным исчерпываются зимние встречи этой овсянки (см. рис. 558).

Первая летняя встреча *E. g. decolorata* состоялась в Центральном Тянь-Шане: 30 мая 1955 г. в бассейне Сарыджаза П.П. Тарасов добыл одну из пары (Птицы Киргизии, 1960). И хотя с тех пор никто здесь кашгарскую овсянку не встречал, гнездование её, хотя бы в то время, не исключено. В нескольких десятках километров севернее, в ущелье Б. Кокпак, на щебнистом склоне с кустами арчи и жимолости (2000 м) 5 августа 2006 г. наблюдали два выводка кашгарских овсянок (*E. g. decolorata*), в которых взрослые птицы и уже хорошо летающие птенцы были хорошо рассмотрены в бинокль с расстояния не более 10 м (Карпов, 2007: КОБ-2006). Это уже доказательство гнездования, тем более, что годом раньше, 5 июля 2005 г. в Б. Алматинском ущелье встречен выводок кашгарских овсянок из трёх птенцов, которых кормила взрослая птица: «Овсянки держались на участке крутого склона (3000 м) с низкотравным альпийским лугом, отдельными валунами, докатившимися сюда от расположенной выше по склону морены, и единичными кустами стелющейся арчи. Здесь также отмечены горный конёк и гималайская завирушка. Овсянки первоначально были приняты за горных. Но необычность встречи в высокогорье птиц, характерных для нижних поясов гор, привлекла наше внимание. При наблюдении в бинокль была замечена светло-каштановая окраска полос на голове, которая является основным признаком вида в отличие от чёрных полос горной овсянки» (Иващенко, 2006: КОБ-2005, с. 221). В ущелье Правый Талгар (Заилийский Алатау) на высоте 1600-1800 м в 2006 г. встречено несколько пар овсянок, в которых самец был горной овсянкой (*Emberiza cia*), а самка – кашгарской (*E. g. decolorata*): «Имеется видео-съёмка одной такой пары, где птицы сняты с кормом на гнездовом участке. Самец – горная овсянка, а самка – кашгарская. Поскольку речь идёт о контакте двух близких видов, возможно появление зоны гибридизации. Например, как у обыкновенной и белошапочной овсянок на Алтае» (Джаныспаев, 2007: КОБ-2006, с. 175).

Сказанным исчерпывается имеющаяся информация о кашгарской овсянке в Тянь-Шане. Попытки её поиска, предпринятые 17-27 июня 2016 г. на маршруте по Внутреннему Тянь-Шаню, включая долины Нарына и Атбаши, результата не дали: везде, где можно было ожидать встречи кашгарской овсянки, были отмечены только горные овсянки (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Не обнаружена она и экспедицией по Внутреннему и Западному Тянь-Шаню в июне 2017 г. (Архипов, Коблик и др., 2018). Для дальнейших поисков и попыток изучения кашгарской овсянки в Тянь-Шане будет полезной статья Доржиева Ц.З. и Юмова Б.О. «К экологии овсянки Годлевского в Западном Забайкалье» (Орнитология, вып.25. М.,1991. С. 191-192), в которой приведены материалы о 16 гнёздах этого вида, групповом гнездовании и т.д.

446. Красноухая овсянка – *Emberiza cioides* J.F. Brandt, 1843

meadow bunting (англ.), Wiesenammer (нем.), bruant des prés (фр.),
қызылқұлақ сұлыкеш (каз.), кызыл баш чыйпылдак (кирг.)

Синонимы: Сибирская луговая овсянка (Кашкаров и др., 1937).

Подвид. Из 5 подвидов в Тянь-Шане встречается *Emberiza cioides tarbagataica* Sushkin, 1925.

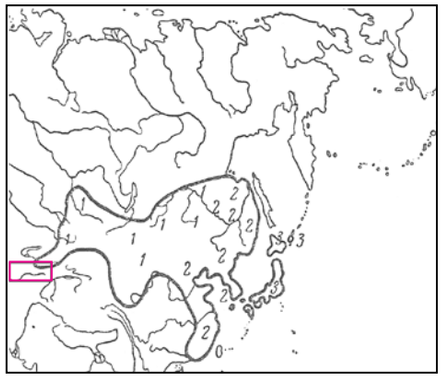
Характер пребывания. В Тянь-Шане гнездится, пролетает и зимует. Оседлость не доказана.

Биотоп. Кустарниковые заросли среди лугового разнотравья на высотах 1300-2000 м. То же – на пролёте: Н.А. Северцов в октябре добывал их в высокой густой траве или можжевельниках, все экземпляры коллекции П.П. Сушкина (пролётные) добыты либо в саду, либо в роще (Шнитников, 1949).

Распространение. Тянь-Шань расположен на юго-западной границе ареала этого восточного вида (рис. 559), поэтому красноухая овсянка спорадично гнездится только в восточной его половине (рис. 560). Нигде южнее и западнее нашего района эта овсянка не встречается, её нет в фауне Узбекистана и Таджикистана. В капитальной сводке по птицам Памиро-Алая она приводится без номера со следующим текстом: «В краеведческом музее в г. Душанбе я видел чучело красноухой овсянки, по-видимому, добытой в окрестностях города осенью или зимой 1936 г. Вполне вероятно, что это была залётная птица. Зимний залёт этой овсянки, столь многочисленной в Тянь-Шане, вполне вероятен, но пока остаётся не доказанным» (Иванов, 1969, с. 391). В Центральном Тянь-Шане гнездование красноухой овсянки достоверно установлено в восточной части хребта Терской Алатау, где на орнитологическом стационаре Джиланды 8 июня 1959 г. М.Е. Шумаков нашёл гнездо с 4 яйцами, а в июле наблюдали несколько выводков слётков (Птицы Киргизии, 1960). В этом хребте, по наблюдениям в 1953-1954 гг., она спорадично распространена только в восточной части: «Мной птица встречена всего 3 раза только в ущелье Чичкан (восточная часть хребта). По характеру своего биотопа красноухая овсянка, вероятно, и обитает только в восточной части Терской Ала-Тау. Что касается вертикального распространения, мне кажется, здесь она не идёт выше полосы предгорий и не спускается особенно на подгорную равнину, т.е. довольно строго приурочена, по крайней мере в гнездовой период, к всхолмленной местности, отделяющей равнину от гор. И здесь она держится только по дну долин с густым травяным покровом и отдельными кустарниковыми зарослями. Численность птиц, как видно из сказанного, весьма незначительная» (Степанян, 1959, с. 95). В средней части Терскей Алатау, в ущельях рек Барскаун и Каракол, двух самцов этой овсянки добыли ещё 19 и 24 июня 1902 г. (Иоганзен, 1908), а в северо-восточных отрогах этого хребта, у выхода из ущелья р. Б. Кокпак (1907 м), 5 августа 2004 г. встретили нераспавшийся выводок (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004).

В Северном Тянь-Шане гнездование предполагалось в центральной части хребта Заилийский Алатау, в районе Алматы, и в восточных отрогах – Турайгыр (Шнитников, 1949). К настоящему времени оно доказано для Каскеленского ущелья западнее Алматы (Дворянов, 2008: КОБ-2007) и Талгарского ущелья восточнее города (Джаныспаев, 2007: КОБ-2006); кроме того, имеются летние встречи на крайней западной оконечности Заилийского Алатау, в районе Суыктобе (12 июля 2006 г. два поющих самца в устье Бердыбексая, 2100-2200 м) и на крайней восточной – два самца и самка 8 мая 1999 г. в ущелье Дженишке (Белялов, Бородихин, 2007: КОБ-2006; Губин, 2009: КОБ-2008). Ещё восточнее поющих самцов отмечали 6 июня на краю Чарынского каньона в 12 км от Джаланаша и 7 июля – в Кокпекском ущелье (Джаныспаев, 2004: КОБ-2003). На правобережье р. Или у Джаркента красноухую овсянку находили только на пролёте в сентябре-октябре (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929). Западнее, на хребте Алтынэмель, у с.Кугалы, трёх поющих самцов отметили 2 июня 2002 г. (Белялов, Иващенко, 2003: КОБ-2002). Самая северо-западная встреча в нашем районе – горы Малайсары, где у с. Кербулак 9 мая 2001 г. на водопое отловили из пары самку с наседным пятном (Панов, 2003: КОБ-2002), что свидетельствует о гнездовании её здесь.

Указания на гнездование красноухой овсянки на северных склонах Киргизского хребта (Птицы Киргизии, 1960; Кузьмина, 1974) ничем не подтверждены, кроме дневниковых записей, опубликованных

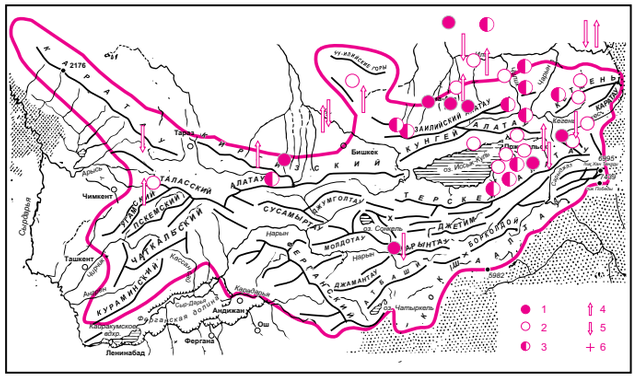

Рис. 559. Ареал красноухой овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 452). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 560. Распространение красноухой овсянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи

через полвека: «Были обычны в ущ. Актекенсай (15 км западнее от Мерке) 9-10 июля 1957 г. Добыты две птицы» и «Пролётные птицы, иногда парами, встречены 6 апреля 1958 г. по дороге от Луговой до Алмалысая, у Киргизского хребта» (Корелов, 2007, 2012). Немного юго-западнее Мерке, в Таласской долине, красноухую овсянку встретили мы в верховье р. Талас (2100 м) недалеко от перевала Отмёк: 2 августа 2004 г. одна птица кормилась на луговом участке среди разреженного арчёвого стланика с выходами небольших скал; это была единственная встреча на маршруте «Бишкек – Токтогул – Сусамырская долина – перевал Отмёк – Талас» (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2004). Самая южная точка летней встречи красноухой овсянки во Внутреннем Тянь-Шане – долина Нарына близ города того же названия, где эту птицу добывали 5 и 27 июня 1910 г. (Шнитников, 1949). Правда, никто после этого красноухую овсянку здесь не встречал, в том числе и участники более десяти орнитологических экспедиций в период 1998-2018 гг. Большинство зимних встреч красноухой овсянки приходятся также на восточную часть нашего района (рис. 560), самые северные из них – Карачингиль в устье Тургени и Чу-Илийские горы. Исключительно редко залетает красноухая овсянка в Западный Тянь-Шань: в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) за 70 лет регулярных наблюдений только раз – 25 февраля и 15 марта 1948 г. – две добыты во время мощного снегопада (Шевченко, 1949). И только 10 апреля 2003 г. двух поющих самцов встретили в разреженном арчевнике урочища Кызылжар, а 14 сентября 2002 г. одну встретили в ивняке по р. Карагур в Каратау (Чаликова, 2004: КОБ-2003). Недалеко отсюда, в Чокпакских воротах, за 50 лет (1966-2016) наблюдений и отловов мигрирующих птиц красноухую овсянку не встретили ни разу (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017).

Численность. На гнездовании немногочисленна, встречается единично. Зимой более обычна, даже местами многочисленна, особенно в восточной части Иссык-Кульской котловине. В январе-феврале 1962 г. в облепиховых зарослях на берегу озера она была на третьем месте по численности после краснобрюхой горихвостки и черногорлой завирушки: здесь на 22 км насчитали 126 красноухих овсянок [97 особей/км^2]. На адырах с посевами красноухая овсянка составила 21% от всех птиц (вторая после рогатого жаворонка): здесь насчитали 126 особей/8 км [158 особей/км^2] (Второв, 1963). В зимние сезоны 1963-1965 гг. по учётам, проведенным в культурных ландшафтах Восточного Прииссыккулья, красноухая овсянка попала в число птиц, плотность которых на зимовке составила более 100 особей/км^2 на окраине с. Покровка и более 1000 особей/км^2 в ущелье Чон-Кызыл-Су (Второв, 1968).

Сроки. Даты. Сроки сезонных перемещений этого вида не изучены, в литературе имеются редкие упоминания дат осенних и весенних встреч, хотя ещё более ста лет назад этими наблюдениями занимались наши великие предшественники: «Относительно осеннего пролёта *E. cioides* имеются наблюдения Северцова и отчасти Кореева. Летит эта птичка очень поздно, и Кореев первых отметил под Джаркентом в 1899 г. 21/IX, причём летели они маленькими стайками. Шестопёров в 1918 г. отметил только одну стайку из восьми штук приблизительно в это же время – 26/IX. На Нарынколе Кореев стайку из 30 штук наблюдал 21/X. Более подробно останавливается на пролёте *E. cioides* Северцов» (Шнитников, 1949, с. 401). И далее приводятся слова самого Н.А. Северцова, которые и сейчас представляют для нас живой интерес: «Следующая запись относится к р. Атбаши 31/X 1867 г.: «Тут я заметил пролёт сибирских овсянок *E. cioides*; они тянули прямо к западу, направляясь к Нарыну… вдоль седловины Ала-Машата; тянули низко над землёй, небольшими стайками, и часто садились; после 24-го, когда я их добыл в можжевельниках у Тас-Асу, я не встречал этой птицы в долине Атбаши, и сопоставление этих наблюдений между собой и с иссыккульскими показывают, что тяньшанские экземпляры этого вида не пролётные из Сибири, а гнездящиеся на месте – высоко в горах, а осенью и с севера и с юга собирающиеся в долину Нарына, который, как мы увидим далее, вообще составляет главный пролётный путь собственно для горных птиц Тянь-Шаня» (Шнитников, 1949, с. 401). Процитированные слова Н.А. Северцова – прекрасный пример для современных орнитологов, особенно тех, которые последнюю четверть XX ст. посвятили изучению миграций птиц в этом регионе, но в результате по данному виду мы имеем только разрозненные даты. Так, в долине Копы в тростнике у прудов 26 марта 1987 г. встречены два пролётных самца (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле с десяток красноухих овсянок встретили 13 марта 2004 г. и двух – 26 марта 2007 г., а осенью первый десяток овсянок – 28 ноября 2003 г. (Бевза, 2012). В предгорьях Киргизского хребта пролётных видели 6 апреля 1958 г. (Корелов, 2012), а 10 апреля 2003 г. два самца залетели в Аксу-Джабаглы (Чаликова, 2004).

Биология. В Тянь-Шане совершенно не изучена, так же, как фенология и даже распространение.

Серая овсянка – *Emberiza cineracea* C.L. Brehm, 1855

В списке фауны птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР (Коблик, Архипов, 2014, с. 82) этот вид приводится в общей таблице под номером 876 как залетавший в Узбекистан и, под вопросом – в Туркменистан и Киргизию. В последнем (третьем) списке птиц Киргизии эта овсянка приводится в самом конце, в отдельном списке из 13 видов, встречи которых в Киргизии требуют документального подтверждения, с пометкой: «Встречена недалеко от Оша и детально описана, но не сфотографирована, голландским орнитологом Гансом Ван Эссеном в марте 2005 г.» (Торопова, Кулагин, 2007, с. 53). Других данных пока нет.

447. Садовая овсянка – *Emberiza hortulana* Linnaeus, 1758

ortolan bunting (англ.), Ortolan (нем.), bruant ortolan (фр.),
бақ сұлыкеші (каз.), бакчы думбул (кирг.), боғ деҳқончумчуғи (узб.)

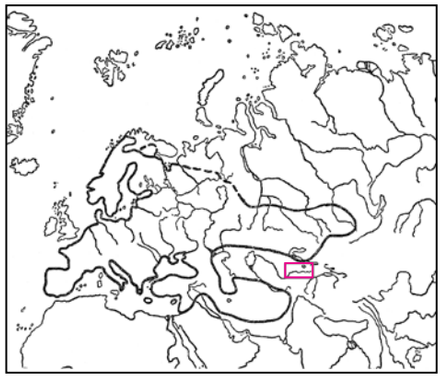
Синонимы: *E. maelbiensis* Sparrman, 1786; *E. solitaria* Latham, 1787; *E. chlorocephala* Gmelin, 1788; *E. badensis* Gmelin, 1788; *E. tunstalli* Latham, 1790; *E. chloris* Forster, 1817; *E. pinguescens* Brehm, 1831; *Fringilla janjohari* Blyth, 1844; *E. shah* Bonaparte, 1850; *E. delicata* Brehm, 1855; *E. intercedens* Brehm, 1855; *E. hortulana elisabethae* Hans Johansen, 1944. Подвидов не образует.

Характер пребывания. Дважды – весной и осенью – пролетает через территорию Тянь-Шаня.

Биотоп. Открытые пространства, в основном лугового характера, с кустарником.

Распространение. Наш район находится между северным и южным восточными выступами ареала этого европейского вида (рис. 561), только южная граница северного выступа проходит намного севернее, чем указано на этом рисунке, – она идёт севернее озера Балхаш от Каркаралинска на Тарбагатай. Последний является ближайшим местом гнездования садовой овсянки (Бибиков, Корелов, 1961; Кузьмина, 1974; Степанян, 2003), а ближайшая летняя встреча этого вида имела место на юге Бетпак-Далы (Ковшарь, Левин, 1993). В нашем районе пролёт идёт северными и западными предгорьями (рис. 562). Предположение В.Н. Шнитникова (1949) о гнездовании садовой овсянки в «равнинном Семиречье», в частности, в низовьях р. Или, впоследствии не подтвердилось, но в одном он оказался прав: эта овсянка явно облетает наш горный район с запада, так как ни одной встречи её в горах Тянь-Шаня до сих пор не было (рис. 562). Этот вид отсутствует в общем списке птиц Киргизии (Птицы Киргизии, 1940; Шукуров, 1991; Торопова, Кулагин, 2007), а в Памиро-Алае пролетает лишь западными предгорьями весной (Иванов, 1969).

Численность. Невысокая. На Чокпаке весной учитывали до 37, осенью – до 193 особей за сезон; всего в 1966-1981 гг. окольцевали 178 весной и 1255 садовых овсянок осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же окольцевали 162 особи весной и 2134 осенью (А. Гаврилов и др., 2017).

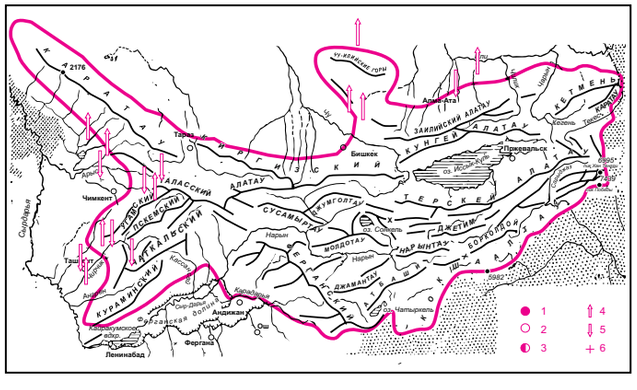

Рис. 561. Ареал садовой овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 434). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 562. Распространение садовой овсянки в Тянь-Шане: 4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

Сроки. Даты. На Чокпаке начало пролёта отмечали 19 апреля (1974) – 3 мая (1968), в среднем за 10 лет – 26 апреля. Основной пролёт проходил в конце апреля – первой декаде мая, с пиком около 1-5 мая; конец пролёта 6 мая (1970) – 18 мая (1968), в среднем за 10 лет – 12 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали с 28 апреля (1995) по 23 мая (1995), срединная дата весеннего пролёта – 5 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау в 1958 г. их встречали 22 апреля в с. Балыкчи и 23 апреля – у с. Шавровки; 27-28 апреля – на Казгурте (между Чимкентом и Ташкентом), а 9, 10 и 15 мая они были обычны на Кашкарате (Корелов, 2012). В Аксу-Джабаглы весной ни разу не встречена (Ковшарь, 1966). В долине Копы в заметном числе они летели с 25 апреля по 14 мая 1987 г. (44 особи) и 23 апреля – 12 мая 1988 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Чу-Илийских горах 30 апреля 2001 г. видели 5 особей на склоне ущелья Ешкилы (Губин, 2007). На берегу протоки Топар (дельта Или) встречена 4 мая 2008 г. (Ковшарь, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле садовую овсянку встретили только раз – 10 мая 2009 г. (Бевза, 2012).

Как известно, именно на основании поздних (майских) встреч мигрирующих птиц Н.А. Северцов (1875) считал садовую овсянку гнездящейся в культурном поясе и в поясе лиственного леса северо-западного и переходного участков Тянь-Шаня, о чём в своё время писал Л.М. Шульпин (1956, с. 167).

Осенью летят со второй половины августа до декабря. «Под Копалом их добывали 19-20 августа (год неизвестен), в дельте Или – 24 августа 1942 г. и 10 сентября 1946 г.» (Кузьмина, 1972, с. 156). В Алматы одну погибшую садовую овсянку нашли в центре города 4 сентября 2001 г. (Карпов, 2005: КОБ-2004). Остальные сведения получены на Чокпаке. Здесь в 1966-1981 гг. первых отмечали 17 августа (1974) – 31 августа (1979), в среднем за 11 лет – 27 августа. Основной пролёт (99.6% пролетевших) шёл 1-10 сентября. Пик миграции приходился на 1-5 сентября, причём до 5 сентября летели в основном взрослые, а после 5 сентября – сеголетки (70.7%). Завершалась миграция 26 сентября (1971) – 11 октября (1970), в среднем за 9 лет – 4 октября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. садовых овсянок здесь отлавливали с 21 августа (2003) по 15 октября (2009), срединная дата осеннего пролёта – 3 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). Пролёт здесь идёт по самым пониженным частям долин – Джувалинской, а затем Арысской: в селе Высоком в 1935 г. пролетали стаи по 30-40 садовых овсянок; ближе к горам Таласского Алатау овсянок лето меньше, а в самих горах их не встречали (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966). В Ташкенте во время пролёта изредка залетает в центр города – например, 16 августа 1974 г. (Мекленбурцев, 1982).

448. Скальная овсянка – *Emberiza buchanani* Blyth, 1845

grey-necked bunting (англ.), Steinortolan (нем.), bruant de Buchanan (фр.),
жартас сұлыкеші (каз.), татолбек (кирг.), қоя деҳқончумчуғи (узб.)

Синонимы: *E. huttoni* Blyth, 1849; *E. buchanani obscura* Zarudny et Korejev, 1903. Овсянка Бьюкенена (Дементьев, 1937). Скалистая овсянка (Шнитников, 1949; Спангенберг, Судиловская, 1954; Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, 1966; Кузьмина, 1974). Каменная овсянка (Портенко, 1960; Иванов, 1969).

Подвид. Из двух подвидов в Тянь-Шане обитает номинативный *E. b. buchanani* Blyth, 1845.

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Северной Индии.

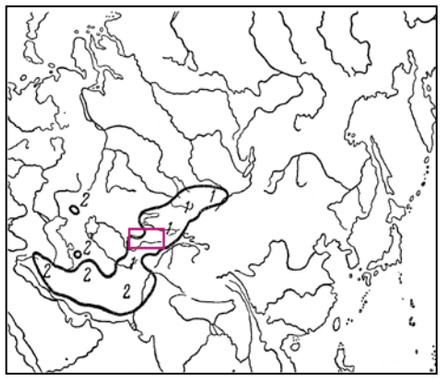
Биотоп. Скалистые ущелья или горные склоны с выходами скал, осыпями или нагромождениями камней. Предпочитает сухие, хорошо прогреваемые склоны с редкой травянистой и кустарниковой растительностью и наличием вблизи источников воды. Абсолютная высота не играет роли: в сухих хребтах Западного Тянь-Шаня (Угамский, Пскемский, Каржантау) она живёт в нагорных типчаково-полынных степях с обнажениями известняков на высотах 2000-2700 м. В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) населяет скалистые и щебнистые склоны субальпийского и нижней части альпийского поясов (до 2500-2800 м), в Каратау – везде, где имеются скалистые выступы, в т.ч. ниже 2000 м. В восточных отрогах Заилийского Алатау (Сюгаты, Богуты, Турайгыр) – в низкогорьях с пустынной и степной растительностью ниже 1000 м. Во Внутреннем и Центральном Тянь-Шане, а также в Алайской долине гнездится на высотах около 2800 м.

Распространение. Через наш район проходит участок западной границы небольшого ареала этого довольно узкоареального переднеазиатского вида (рис. 563). Описание этой срединной части ареала в «Конспекте орнитологической фауны России и сопредельных территорий» дано следующим образом: «Западный Памир, Алайская система [перечисление её хребтов – *АК*], Тянь-Шань (к западу до хребтов Каратау, Боролдайтау, Каржантау, Угамского, Пскемского, Кураминского; к югу до северного склона Ферганской долины, Ферганского хребта, Кокшаалтау; к северу до хребтов Каратау, Киргизского, Чу-Илийских гор, горы Джамбул, Заилийского Алатау, Кетменя), хребты Борохоро, Джунгарский Алатау, Тарбагатай, Саур» (Степанян, 2003, с. 729-730).

Современное распространение (рис. 564) вполне соответствует этому описанию. На северо-востоке района эта овсянка населяет южные отроги Джунгарского Алатау и Борохоро (Матай, Чулак, Катутау, Тышкан); низкогорные Чу-Илийские горы; в Северном Тянь-Шане – безлесные западную и восточную оконечности Заилийского Алатау, с редким гнездованием на южных безлесных склонах центральной части хребта (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Кузьмина, 1974; Березовиков и др., 1999; Губин, 2007, 2009; Джаныспаев, 2012). В Центральном Тянь-Шане скальная овсянка гнездится от южных склонов Кетменя (узкой полоской вдоль южных склонов, на контакте их с Чулкудинской долиной), в долине Чарына и в районе Кегеньского перевала, в горах Кулуктау, в котловине озера Тузколь, в долине Кокжара, в верховьях Туза и Малой Оролме, в Туруке (Каркара), а также в долине Сарыджаза (Корелов, 1956; Птицы Киргизии, 1960; Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004; Березовиков, Карпов, Анненков, 2007: КОБ-2006). В верхнем течении Иныльчека (урочище Атжайляу, координаты: 42º09’00’’с.ш. и 79º26’46’’в.д.) скальную овсянку мы встретили 26 июля 2000 г. (Ковшарь, Торопова, 2000).

В Иссык-Кульской котловине гнездится как в северной части (по южным предгорьям Кунгей Алатау), так и в южной, где на северных предгорьях Терской Алатау встречается только западнее ущелья Чон-Джергалчак, где численность её возрастает по направлению к западу и достигает наибольшего значения в западной половине хребта (районы Ала-Баш, Кок-Сай, Улахол): «Соответственно этому в том же направлении падает численность горной овсянки, которая многочисленна в восточной части хребта и полностью исчезает, заменяясь скалистой, на западе хребта, приблизительно от урочища Корумду. Пустынные каменистые склоны, сухие сильно разрушенные скалы с очень редкой растительностью – типичная местность, предпочитаемая скалистой овсянкой» (Степанян, 1959, с. 93). Гнездится она и в самой западной части котловины: в урочище Оттук 27 июня 2016 г. отмечено на водопое более 20 птиц, поющие самцы и слётки (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017); обычна в скалистых предгорьях южного склона восточной оконечности Киргизского хребта в районе Орто-Токойского вдхр., а немного севернее, в южных предгорьях Кунгей Алатау над селом Тору-Айгыр, поющего самца встретили 1 июля 2017 г. (Архипов, Коблик и др., 2018). В центральной части Киргизского Алатау скальная овсянка найдена на гнездовании в Ала-Арчинском ущелье и, видимо, в Меркенском ущелье, а на южном склоне хребта – в верховьях р. Талас (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Портенко, 1961; Шукуров, Кормилицын, 2005; Корелов, 2007).

В Западном Тянь-Шане населяет Каратау, Таласский Алатау и отходящие к югу хребты – Каржантау, Угамский, Пскемский, Ойгаингский, Чаткальский [в списке птиц Сарычелекского заповедника пометка:

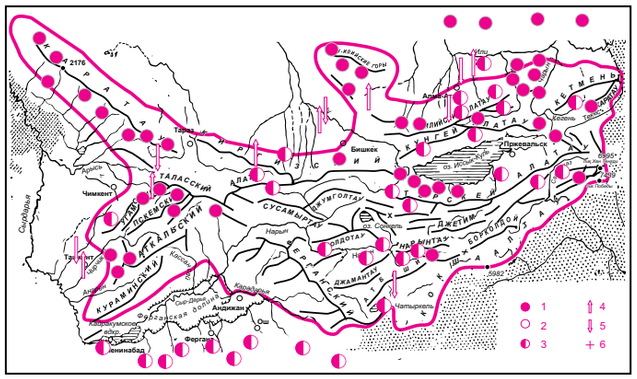

Рис. 563. Ареал скальной овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с. 439). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 564. Распространение скальной овсянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

«гнездится редко, чаще залетает» (Шапошников, 1932; Шевченко, 1948; Железняков, 1950; Долгушин, 1951; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Железняков, Колесников, 1958; Ковшарь, 1966; Воробьёв, Чичикин, 1966; Митропольский, 2005; М. Митропольский, 2008; Губин, Белялов, 2017; Тен и др., 2017).

Во Внутреннем Тянь-Шане (рис. 564) известно совсем немного мест гнездования этого вида, чаще это места летних встреч: Каракуджур, Кочкорская, Сусамырская, Нарынская и Атбашинская долины; кстати, в последней было найдено одно из первых на Тянь-Шане гнёзд этой птицы (Птицы Киргизии, 1960; Ковшарь, Торопова, 2000; Белялов, Михайлов, Торопов, 2017). Думается, что распространена здесь она гораздо шире, и при дальнейших поисках будет найдена ещё во многих местах. Вдоль южной границы Тянь-Шаня скальная овсянка распространена по северным склонам Алайского и Туркестанского хребтов (Иванов, 1969). В июле 2004 г. в небольшом числе мы встретили её в Исфайрамсае, на южном каменистом склоне хребта Катыранг близ с. Орозбеков и в долине р. Сох – как в предгорной её части, так и в нижней части ущелья, около с. Кан и крепости Кудояр-хан (Ковшарь, Ланге, Торопова, 2005). В 2015 г. в пустынных горах близ Дарауткургана (Алайская долина) 1 июля отметили поющего самца (Белялов, Федоренко, Кулагин, 2016).

Численность. На гнездовании немногочисленная, местами обычная птица. Для южного макросклона Западного Тянь-Шаня приводится оценка «отнюдь не малочисленная» (Корелов, 1956). Цифровых показателей нет, только для ущелья Ала-Арча (Киргизский Алатау) приводится плотность на гнездовании 0.42-5.42 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). Из многолетних (1926-2006) наблюдений в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау) сделан вывод, что все эти годы численность скальной овсянки сокращалась: из обыкновенной в 20-30-х гг. она стала редкой в 80-х гг. и только в некоторых местах хребта Каржантау столь же обычна, как 40 лет назад (Чаликова, 2006). На юго-западе Иссык-Кульской котловины в 1953-1954 гг. за экскурсионный день встречали не менее 10 этих овсянок (Степанян, 1959); обычной была она здесь и в 2016 г., когда на водопое у с. Оттук 27 июня насчитали около 20 особей (Белялов, Михайлов, Торопов, 2017), а также в 2017 г. у Орто-Токойского вдхр., где 19-20 июня отметили около 10 поющих самцов (Архипов, Коблик и др., 2018). В ксерофитных восточных отрогах Заилийского Алатау (Турайгыр, Сюгаты, Богуты) скальная овсянка и сейчас – самая обыкновенная птица, пользующаяся большим спросом у иностранных орнитологических туристов, ежегодно посещающих Сюгатинскую долину. На Чокпакском стационаре в 1966-1981 гг. отловили 28 особей весной и 52 осенью (Гаврилов, Гисцов, 1985), а в 1982-2016 гг. – соответственно 44 и 173 скальных овсянки (А, Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Прилетают в конце апреля. В Каржантау Ю.С. Лобачёв встречал стаи до 20 особей уже 30 апреля 1962 г., я видел самую раннюю 29 апреля 1965 г. недалеко от Каржантау, на кордоне Дарбаза Аксу-Джабаглинского заповедника (Ковшарь, 1966). На Чокпаке первых отмечали 1 мая (1977) – 9 мая (1968), в среднем за 6 лет – 4 мая; до 15 мая пролетало 96.4% всех учтённых, самцы и самки летели одновременно; завершался пролёт 11-18 мая (1968, 1976), в среднем за 6 лет – 14 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. с 1 мая (2004) по 25 мая (1983) здесь отловили 44 скальных овсянки, срединная дата весеннего пролёта – 12 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Чу-Илийских горах (ущелье Ешкилы) самец пел уже 29-30 апреля 2001 г. (Губин, 2007), в каньоне р. Копалысай поющие территориальные самцы встречались 28-29 апреля 1997 г. (Березовиков и др., 1999), а в котловине озера Тузколь (Центральный Тянь-Шань) брачные пары видели даже 18 апреля 1999 г. (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В долине р. Копы скальных овсянок, явно пролётных, встретили на старой пашне ещё 15 мая 1987 г. (Ковшарь, Березовиков, 2000). В Карачингиле (устье Тургени) пролётных встречали с 24 апреля (2004) по 20 мая 2006 г. (Бевза, 2012).

Осенью движение на юг начинается уже в августе. Так, в окрестностях Б. Алматинского озера (Заилийский Алатау), где летом скальная овсянка не встречается, они появлялись: 9 августа 1974 г. (до 30 августа – 5 встреч, в т.ч. стайки до 15 особей), 11-20 августа 1975 г. (одиночку встретили даже 24 июля на высоте 2750 м), 16-19 августа 1976 г., а в 1972 г. отмечена только 2 сентября (Ковшарь, Лопатин, 1983). На Чокпаке осенью появляются 18 августа (1968) – 5 сентября (1975), в среднем 28 августа; до середины сентября отловлено 90.3%, завершается пролёт15 сентября (1973) – 15 октября (1971), в среднем за 6 лет – 29 сентября (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. их отлавливали с 21 августа (2003) по 4 октября (2002), срединная дата осеннего пролёта – 2 сентября (А. Гаврилов и др., 2017). В горах Таласского Алатау, по наблюдениям в 1933 и 1935 гг. пролёт захватывал широкой полосой

горные и предгорные районы и длился с середины августа до середины сентября (Шульпин, 1956); в 1959-1965 гг. самая поздняя встреча в горах – 26 августа, а в предгорьях мы эту овсянку не видели ни разу (Ковшарь, 1966); в 1971 г. в ущелье Кши-Каинды (1800 м) последних двух видели 1 сентября 1971 г. и трёх – 2 сентября 1972 г. (Губин, 2012).

Биология. Специально никто этот вид в Тянь-Шане не изучал, имеются лишь сведения об отдельных гнёздах. Так, в Тышкане (Борохоро) 17 июня 1900 г. в гнезде было 4 сильно насиженных яйца, дано описание самого гнезда и яиц с приведением их размеров (Зарудный, Кореев, 1905). В.Н. Шнитников (1949) упоминает о доставленных Бамбергу (!) двух гнёздах с 3 и 4 яйцами, найденных 30 мая 1905 г. «в неизвестном месте Александровского хребта» (с. 398). Очень краткое описание (в основном размеры) гнезда из долины Атбаши с 5 яйцами от 23 июня 1958 г. приводится в сводке «Птицы Киргизии» (1960, с. 121). В Таласском Алатау ни Л.М. Шульпину в 1933-1935 гг., ни мне в 1960-1966 гг. не удалось найти гнёзд этой овсянки, но рядом, в горах Каржантау, в июне 1962 г. четыре гнезда нашли В.И. Капитонов и Ю.С. Лобачёв, передавшие мне свои наблюдения для публикации в книге «Птицы Таласского Алатау» (Ковшарь, 1966). Эти же сведения использованы в видовом очерке сводки «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1974), где, кроме того, имеется следующая информация: «В Чу-Илийских горах (г. Джамбул) гнездо с яйцами было найдено 23 мая 1952 г. (Слудский). В юго-западных отрогах Джунгарского Алатау (горы Чулак) 26 мая 1949 г. мы наблюдали спаривание, 27 мая встречена птица с веточкой в клюве, а 4 июня найдено гнездо с четырьмя яйцами. В 1963 г. Э.И. Гаврилов осмотрел 7 июня гнездо с четырьмя птенцами. Птиц с кормом в клюве наблюдали здесь постоянно с 18 по 24 июня 1949 г., но уже с 23 июня стали встречаться подлётывающие молодые, а в начале июля молодые образуют самостоятельные стайки… В Б. Богутах вылет молодых из гнёзд был отмечен 23 июня 1940 г. В Катутау 10 июня 1963 г. в гнезде были 5 чуть насиженных яиц (Гаврилов)» (Кузьмина, 1974, с. 161). В описании оологической коллекции Г.В. Вердина есть такая строка: «Скалистая овсянка (*Emberiza buchanani*): Нарын, Орто-Токай, 16 июля 1972 г. (4 св. яйца)» (Торопова, 1999, с. 223). На восточном берегу озера Тузколь (Центральный Тянь-Шань) в гнезде, помещавшемся в куртине полыни под навесом камня, 15 июля 2002 г. было 4 птенца в пеньках (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). В Каратау, возле пос. Ачисай, скальные овсянки строили гнездо 18 мая 2014 г. (Корнев, 2016). Очевидно, что изучение биологии этого вида в Тянь-Шане ещё предстоит.

449. Желчная овсянка – *Granativora [Emberiza] bruniceps* (J.F. Brandt, 1841)

red-headed bunting (англ.), Braunkopfammer (нем.), bruant à tête rousse (фр.),
сарығалдақ сұлыкеш (каз.), сары айгыр (кирг.), сариқ деҳқончумчуқ (узб.), зулайчаи зарбадан (тадж.)

Синонимы: *E. icterica* Eversmann, 1841; *Fringilloides luteola* Sparrm. (Шестоперов, 1929).

Подвид. Монотипичный вид, одно время считавшийся подвидом черноголовой овсянки *Granativora melanocephala bruniceps* (Портенко, 1960).

Характер пребывания. Гнездящаяся перелётная птица, зимует в Индии.

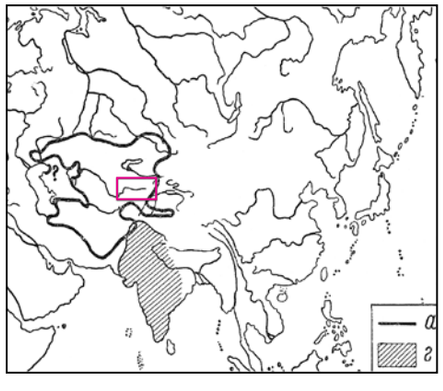
Биотоп. Открытые пространства с кустарниками – луга, лугово-степи, степи, полупустыни, поля и другие освоенные земли культурного ландшафта. В горы поднимается: в Западном Тянь-Шане до 2800 м, в Северном Тянь-Шане – до лесного пояса (не выше 1400 м), населяя в основном подгорную полосу орошаемого земледелия. В Каратау многочисленна от предгорий до 1600 м в ущельях. Во внутренних районах Тянь-Шаня встречается не выше 1900-2000 м, в Алайской долине до 2500 м.

Распространение. Наш район находится на восточной границе ареала этого вида (рис. 565). Здесь желчная овсянка распространена настолько широко (рис. 566), что проще сказать, где её нет. Она населяет все открытые пространства в подгорье, предгорьях и на склонах хребтов до указанных выше высот, начиная от Западного Тянь-Шаня и вплоть до правобережья р. Или, где так же широко распространена в южных предгорьях Борохоро и Джунгарского Алатау. На северных склонах хребтов Северного Тянь-Шаня её нет только в самых лесистых их участках (в Заилийском Алатау – в центральной его части, в районе Алматы), где она живёт только до нижней границы пояса елового леса. В Центральном Тянь-Шане она населяет лишь северные предгорья Кетменя (1300-1400 м) и полностью отсутствует в высокогорных долинах – Чулкудинской, Текесской, Кегеньской (Шнитников, 1949; Корелов, 1956;

Кузьмина, 1974); только засушливым летом 1997 г. они появились в долине Кегени у южного подножья хр. Кулуктау и между Кегеньским перевалом и с. Жалаулы, на высоте 1900 м (Березовиков, Винокуров, Белялов, 2004). Авторы считают, что в последние годы желчная овсянка начала здесь расселяться. Южнее она отсутствует на сыртах вплоть до высокогорной Аксайской долины и котловины озера Чатырколь; имеется лишь одно указание о том, что на Сарыджазских сыртах она живёт в южной, более тёплой половине (Крылов, 1969), однако никаких конкретных сведений не приводится. Никто ни до, ни после этой публикации желчную овсянку в этих местах не встречал, не попадалась она и мне во время поездок 2000 и 2005 гг. Не встречена она и в высокогорной Арпинской долине (Кыдыралиев, 1972). Нет данных о встречах её по верхнему Нарыну, выше одноименного города, а также в Сусамырской долине, включая Западный Каракол и Кокомерен. Вообще изученность распространения этого вида во Внутреннем Тянь-Шане оставляет желать лучшего, и здесь надо бы провести дополнительные поиски, чтобы постепенно «закрыть» эти белые пятна.

Численность. Многочисленная, фоновая птица открытых пространств с кустарниками. Но в пределах Тянь-Шаня её численность очень неравномерна как в пространстве, так и во времени, хотя конкретных цифровых показателей очень мало. В общих чертах желчная овсянка наиболее многочисленна в Западном Тянь-Шане (Кашкаров, 1927; Железняков, 1950; Корелов, 1956; Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966), включая и Каратау (Долгушин, 1951; Кузьмина, 1974; Корелов, 2012; Губин, Белялов, 2017); в предгорьях Киргизского Алатау была многочисленной в 1929 г. (Портенко, 1961) и в 1957-1958 гг. (Корелов, 2007, 2012). Северо-восточнее она обычна в предгорьях Заилийского Алатау, Чу-Илийских горах и долине Копы, а также по окраинам тугаёв Илийской долины, в т.ч. и на правом берегу близ Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929; Корелов, 1948; Шнитников, 1949; Кузьмина, 1974; Березовиков, Ковшарь, 1992; Березовиков и др., 1999; Бевза, 2012). На порядок ниже численность желчной овсянки во внутренних районах Тянь-Шаня, а в высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня её совсем нет.

Конкретные показатели плотности на гнездовании следующие. В Сарычелекском заповеднике, по данным учётов 1982-1983 гг., гнездилось: в арчовом редколесье 4-16, в яблонево-алычовых лесах 43-59, на прангосовых лугах 89-97 особей/км^2 (Лебяжинская, 1991). В 1986-1987 гг. желчная овсянка здесь доминировала в прангосовой степи (17% всего населения) вместе с серой славкой (35.6%) и черноголовым чеканом (19%), а также в нижней части субальпийского пояса – вместе с чеканом и горной овсянкой (Лебяжинская, 1992). Для предгорий Киргизского Алатау (Ала-Арча) указана плотность на гнездовании 0.42-24.16 особей/км^2 (Шукуров, Кормилицын, 2005). В другом ущелье Киргизского Алатау (Карабалты) близ с. Сосновка, в июне-июле 1934 и 1936 гг. Е.П. Спангенберг нашёл более 50 гнёзд желчной овсянки (Шнитников, 1949). В долине Копы, где желчная овсянка – фоновая птица, особенно в агроландшафтах, в 1987-1988 гг. плотность её поселения на гнездовании достигала 10-15 пар/км^2 (Березовиков, Ковшарь, 1992). В пустынной юго-западной части Иссык-Кульской котловины в 1953-1954 гг. желчные овсянки встречались через каждые 150-200 м береговой линии озера (Степанян, 1959).

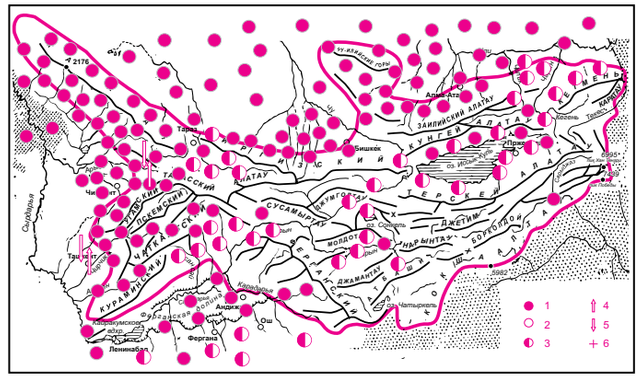

Рис. 565. Ареал желчной овсянки (по: Спангенберг, Судиловская, 1954, с.400). Прямоугольник – Тянь-Шань
Рис. 566. Распространение желчной овсянки в Тянь-Шане: 1 – гнездование, 3 – летние встречи, 4, 5 – пролёт

При пересечении хребта Каратау 4 июня 2007 г. на маршруте из Чулаккургана в Чаян на проводах вдоль шоссе насчитали 12 поющих самцов на 81 км (Губин, Белялов, 2017). На берегу оз. Бийликоль (предгорья Каратау) редок: в 1991 г. учтено 2 самца/3 км (Губин, Карпов, 1999). В Чаткальской долине от перевала Карабура до города Янги-Базар 23 июля 2006 г. мы насчитали 15 одиночных самцов и небольшую стайку молодняка ниже города, близ с. Корулуш. В горах Сюгаты (восточные отроги Заилийского Алатау) 21-27 мая 2005 г. мы насчитали более 200 желчных овсянок, что идёт вразрез с мнением о повсеместном снижении их численности (Ковшарь, 2006:КОБ-2005).

Изменения численности прослежены для заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау). Здесь эта овсянка была многочисленной как минимум с 1933 по 1973 гг.: в 1960-1965 гг. обследовано более 30 жилых гнёзд (Ковшарь, 1966), а на маршруте 12 км от арчовников Кши-Каинды (1800) до с. Новониколаевка (1200 м) 26 мая 1971 г. насчитали 43 особи, из них 35 в горах и 8 в предгорной степи (Губин, 2012). Летом 1981 г. по результатам учётов, проведенных в ущелье Кши-Каинды двумя методами (площадочным и маршрутным) желчная овсянка оказалась главным доминантом авифаунистического населения арчового редколесья; на втором месте была горная овсянка (Солоха, 1989; Чаликова, 1989). Дальнейшие изменения численности привожу исключительно по публикациям Е.С. Чаликовой (2003а, 2006). За 20 лет (1985-2005) в заповеднике и окрестностях численность желчной овсянки изменялась настолько, что в отдельные годы она отсутствовала в обычных для неё местах гнездования (Чаликова 2003а). Депрессия численности длилась 13 лет (1987-1999); по данным маршрутных учётов, численность снизилась в 60 раз, с 10.8 до 0.18 особей/час, а затем за три года (2000-2002) возросла в 30 раз (с 0.18 до 5.3 особей/час), достигнув уровня 1983 года.

Причину снижения численности автор видит в устройстве гнёзд и их расположении: «Гнездо, построенное из свежего растительного материала, по мере высыхания меняющего окраску до жёлтого и коричневого цвета, сильно выделяется на зелёном фоне растения, на котором располагается (как правило, очень низко). При этом к основе оно никак не крепится (Иващенко, Ковшарь, 1969, 2017). Гибель таких гнёзд (n = 143) очень высока, особенно на растениях с разреженной кроной – кузинии, крушине, курчавке, жимолости, шиповнике, эфедре, барбарисе, феруле (от 80 до 100%). В 106 случаях из 114 гнёзда разорялись на стадии откладки яиц или насиживания, что вынуждало птиц спешно строить новые гнёзда без особого выбора места его устройства, отчего они гибли вновь. Попытки гнездиться в более поздние сроки чаще всего были безрезультатными. Таким образом, большая часть пар из сезона в сезон так и не смогла воспроизвести потомство, что и вызвало общее сокращение численности. Выжили только те пары, чьи гнёзда оказались более замаскированными, и эта особенность закрепилась в последующих поколениях» (Чаликова, 2006).

На пролёте на Чокпаке в 1966-1981 гг. окольцевали 586 жёлчных овсянок весной и 33 осенью; в 1982-2016 гг. – соответственно 1 132 и 606 желчных овсянок (А. Гаврилов и др., 2017).

Сроки. Даты. Проводит у нас чуть больше 4-х месяцев – с начала мая до конца августа. В предгорьях Таласского Алатау первых отмечали 5 мая (1961) – 10 мая (1962, 1963) и только в 1965 г. первый самец отмечен на Майликентском (Буранши-асу) перевале 29 апреля, а 4 мая они были уже обычны в предгорной степи; однако на суходольных лугах Кши и Улькен Каинды (1800-1900 м), где желчные овсянки гнездятся в большом числе, первая в этом году появилась только 16 мая (Ковшарь, 1966). В 1971 и 1972 гг. первых самцов встретили в предгорьях 4 мая (Губин, 2012). На Чокпаке в 1966-1981 гг. первые желчные овсянки появлялись 20 апреля (1974) – 5 мая (1969), в среднем за 10 лет – 30 апреля; основной пролёт (91.3% учтённых) шёл 1-15 мая, пик пролёта приходился на 10-15 мая (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. их отлавливали с 26 апреля (1988) по 27 мая (1994), срединная дата весеннего пролёта – 14 мая (А. Гаврилов и др., 2017). В Каратау первых в верховьях Чаяна отметили 25 апреля 1941 г. (Долгушин, 1951), в тальниках по Бугуни – группы пролётных по 5-7 особей 7 мая 1958 г., а в Кашкарате 8-15 мая их было уже много (Корелов, 2012); на выходе из Ачисайского ущелья – 29 апреля 2004 г. и на северной стороне Каратау, по трассе на Чулаккурган – 30 апреля 2013 г. (Губин, Белялов, 2017). В Киргизском Алатау (ущелье Туюк) в 1951 г. первые самцы появились 11 мая (на высоте 850 м) и 15 мая (на высоте, 1500 м), а самки – только через неделю после них (Спангенберг, Судиловская, 1959). В северных предгорьях Заилийского Алатау, близ Алматы, прилёт желчной овсянки отмечен 5-7 мая 1961 г. (Кузьмина, 1974), а у верхней границы леса за 10 весенне-летних сезонов мы встретили её только раз – самца в стланниковой арче (2700 м) 17 мая 1973 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чу-Илийских горах (Тамгалы) в 2008 г. самцы появились 2 мая, а утром следующего дня в Каншенгеле (50 км севернее, кромка песков Таукум) я наблюдал хорошо выраженный пролёт самцов

группами по 3-5 (в одной было даже 10) невысоко над песками на восток (Ковшарь, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле (устье Тургени) в 2003-2011 гг. первых желчных овсянок отмечали 6-16 мая (Бевза, 2012). Под Джаркентом самцы пели уже 11 мая 1900 г. (Зарудный, Кореев, 1905).

Осенью желчные овсянки начинают отлетать в августе и во многих местах это происходит незаметно, например, в районе Джаркента (Шестоперов, 1919) и Карачингиля, где за более чем 10 лет стационарных наблюдений так и не выяснены даты их последних встреч (Бевза, 2012). Из района Алматы отлетают во второй декаде августа (Бородихин, 1968), почти в это же время – 27 августа 1973 г. – встретили пролётного самца у Б. Алматинского озера, на высоте 2600 м (Ковшарь, Лопатин, 1983). В Чуйской долине начинают отлетать в начале августа (Умрихина, 1970). В Таласском Алатау (Аксу-Джабаглы) в 1933-1935 гг. пролёт желчных овсянок наблюдал Л.М. Шульпин (1956). В 1933 г. он встречал их в горах только до 14 августа, а последнюю одиночку видел 20 августа. В 1935 г.: «Разгар пролёта проходил в первую половину августа. В это время, особенно по утрам, птицы летят иногда большими стаями (до 50-70 штук), низко перелетая над растительностью и временами спускаясь в неё для кормёжки. В особенно большом количестве они скопляются на посевах проса, в огородах, в степи и в оврагах… Более массовый пролёт захватывает именно предгорную степь. В горах же птицы встречаются реже и меньшими стайками, хотя в небольшом количестве появляются ещё в субальпийском поясе Джеттеза» (Шульпин, 1956, с. 164). В 1959-1966 гг. я также наблюдал в горах постепенный, исподволь отлёт желчных овсянок в течение августа, последних встречал 4 сентября 1960 и 11 сентября 1961 гг. (Ковшарь, 1966), а Б.М. Губин (2012) в арчовниках Кши-Каинды – 2 и 11 сентября 1972 и 1973 г. На Чокпаке в 1966-1981 гг. в середине августа (начало работы стационара) желчные овсянки уже летели; самцы пролетали в целом раньше самок, заканчивалась миграция 18 сентября 1975, 24 сентября 1979, 25 сентября 1972 и 11 октября 1971 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. желчных овсянок здесь отлавливали с 20 августа (2003) по 25 сентября (1988), срединная дата осеннего пролёта – 31 августа (А. Гаврилов и др., 2017).

Биология. Как массовый вид, к тому же с легко находимыми гнёздами (часто – заметными издалека), желчная овсянка даёт возможность сбора массового материала: только в 1934 и 1936 гг. Е.П. Спангенберг нашёл в Киргизском Алатау более 50 кладок (Шнитников, 1949). Но самые большие материалы были собраны в заповеднике Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау), где с 1933 по 1973 г. описано более 60 жилых гнёзд (Шульпин, 1956; Ковшарь, 1966; Губин, 2012) и проведены первичные наблюдения у некоторых из них, в результате чего появились специальные публикации о биологии размножения этого вида (Иващенко, Ковшарь, 1969, 2017; Ковшарь, Иващенко, Ковшарь, 1986, 1987). В этих работах подробнейшим образом описаны гнёзда желчной овсянки (расположение, форма, размеры и даже флористический состав материала, поскольку один из авторов – ботаник) и их кладки; есть много данных о сроках размножения и плодовитости, но нет системных наблюдений за процессами насиживания кладки и выкармливания птенцов в гнёздах и после вылета. Дополнением к ним является статья о размножении этого вида в антропогенных ландшафтах долины Копы (Березовиков, Ковшарь, 1992), в которой, по наблюдениям за 22 жилыми гнёздами получены подтверждения того, что строит гнездо и насиживает кладку исключительно самка; даже птенцов в 6 гнёздах (24 часа наблюдений) кормила только самка. Осмотр 27 пуховичков подтвердил, что при общем соответствии описанию И.А. Нейфельдт (1970) у всех птенцов имеется рудиментарное опушение также на копчиковой железе (Ковшарь и др., 1987). При длительности насиживания кладки 12-13 дней и пребывании птенцов в гнезде 9-10 дней гнездовой цикл занимает меньше месяца, однако второго репродуктивного цикла, несмотря на большую растянутость общих сроков размножения в популяции, у этого вида не бывает в силу очень большой гибели гнёзд и вынужденного частого возобновления кладок.

По другим хребтам и долинам Тянь-Шаня отдельные сведения биологического характера, в том числе о гнёздах, имеются во многих фаунистических сводках и статьях (Шнитников, 1949; Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970; Кузьмина, 1974; Торопова, Командиров, 1995; Митропольский, 2005; Губин, Белялов, 2017). В некоторых из них есть сведения о паразитировании на этой птице кукушки: 29 мая 1969 г. в селе Степное (Чуйская долина) в гнезде желчной овсянки было 5 насиженных яиц и яйцо кукушки; 28 мая 1990 г. в городе Фрунзе (Бишкек) – 2 яйца овсянки и яйцо кукушки (Торопова, 1999); в северном Каратау (массив Кенчектау) 6 июля 2003 г. в гнезде желчной овсянки – оперённый кукушонок в возрасте около 15-20 дней (Гаврилов, Колбинцев, 2004: КОБ-2003).

Черноголовая овсянка – *Granativora [Emberiza] melanocephala* Scopoli, 1769

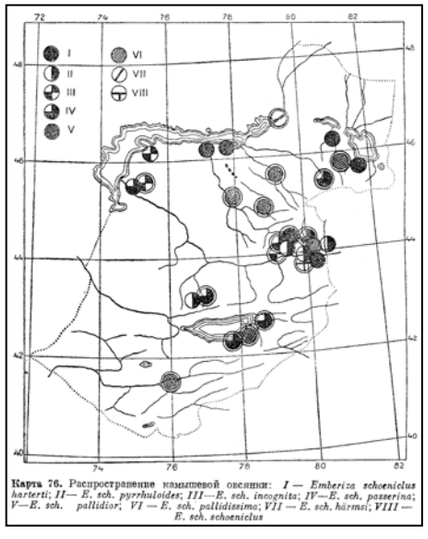
Единственное указание имеется в сводке «Птицы Семиречья», привожу его полностью: «Мною не встречена, как нет ни одного семиреченского экземпляра её ни в коллекции ЗИН, ни в какой-либо другой из известных мне коллекций. И лишь в работе Смоллбонса имеется указание на самку, добытую экспедицией Алмаши в июле 1900 г. в долине р. Каракол (около Пржевальска). Если в данном случае нет ошибки в определении или в датировке, то этот экземпляр должен считаться, конечно, лишь случайно залётным, заблудившимся на пути с мест своей зимовки в Индии» (Шнитников, 1949, с. 390). Поскольку больше никаких других сведений нет, привожу этот вид без номера.

450. Камышовая овсянка – *Schoeniclus [Emberiza] schoeniclus* (Linnaeus, 1758)

reed bunting (англ.), Rohrammer (нем.), bruant des roseaux (фр.),
қамыс сұлыкеш (каз.), камыш чыйпылдагы (кирг.), тўқай деҳқончумчуғи (узб.), зулайчаи найзор (тадж.)

Синонимы: *Emberiza provincialis* Gmelin, 1788; *Cynchramus stagnatilis* Brehm, 1831; *Cynchramus pseudopyrrhuloides* Brehm, 1831; *C. limicola* Brehm, 1855; *C. phragmitis* Brehm, 1855; *C. lacustris* Brehm, 1855; *C. alnorum* Brehm, 1855; *C. lapponicus* Brehm, 1855; *C. septentrionalis* Brehm, 1855; *C. microrhynchus* Brehm, 1855; *C. riparius* Brehm, 1855; *E. schoeniclus valloni* Arigoni, 1902; *Cynchramus schoeniclus goplanae* Domaniewski, 1918; *E. c. zarudnyi* Härms, 1909. Тростниковая овсянка (Кузьмина, 1974).

Подвид. Сложная и запутанная внутривидовая систематика камышовых овсянок всегда была камнем преткновения для орнитологов, и здесь не обойтись без экскурса в прошлое с объёмистыми цитатами. «В прошлом тростниковых овсянок рассматривали как два самостоятельных вида – *E. schoeniclus* L. и *E. pyrrhuloides* Pall. (Хартерт, 1903; Сушкин, 1908, 1938; Шестоперов, 1929; Шнитников, 1949 и ряд других авторов)… Н.А. Зарудный (1911), кроме этих двух видов принимал за самостоятельный вид *Cynchramus tschusii* Reser et Almasy, занимающей между двумя группами промежуточное положение. Л.А. Портенко (1929), детально анализировавший систематическое положение тростниковых овсянок на основании изучения строения клюва, костного нёба, окраски и размеров, принимал один вид с 19 подвидами. В более поздней работе этот же автор, оставаясь на позиции существования одного вида, приводит уже не 19, а 26 подвидов, которых он объединяет на основании строения клюва в группы, однако не даёт им ещё определённого названия. Ч. Вори (Vaurie,1959), принимая тростниковых овсянок за один вид, даёт группам подвидов уже определённые названия. Тонкоклювые формы соединяются в группу «schoeniclus», толстоклювые – в группу «pyrrhuloides», промежуточные – в группу «intermedia». Такое объединение кажется нам наиболее правильным» (Кузьмина, 1974, с. 181). В последнем «Конспекте орнитологической фауны…» Л.С. Степанян (2003) уже приводит 16 подвидов без разделения на группы… Как тут не вспомнить слова В.Н. Шнитникова (1949), возмущённого гораздо меньшим обилием форм на ограниченной территории: «В заголовке я привожу восемь форм камышевых овсянок, хотя, на мой взгляд, такое обилие подвидов одного вида, живущих бок о бок, а иногда и буквально на одном болоте, совершенно неправдоподобно и в корне противоречит существующему понятию о подвиде. И если я говорю здесь о них, то только потому, что группа камышевых овсянок была монографически обработана Л.А. Портенко, и я не считаю себя в праве игнорировать результаты этой обработки до тех пор, пока они не будут кассированы путём такой же детальной обработки достаточного материала. Я могу иметь по этому вопросу приведенное выше мнение, но не могу, основываясь **только на нём**, совершенно обойти молчанием 75% указываемых для Семиречья форм. Для большей наглядности все названные формы я нанёс на карту, в семи случаях из восьми пользуясь при этом определениями самого Портенко. И мне кажется, что эта карта является неплохим доказательством в пользу высказанного

Карта 76. Распространение камышевой овсянки: *I — Emberiza schoeniclus harterti; II— E. sch. pyrrhuloides; III—E. sch. incognita; IV—E. sch. passerina; V—E. sch. pallidior; VI — E. sch. pallidissima; VII — E. sch. härmsi; VIII — E. sch. schoeniclus*

Рис. 567. Подвиды камышовой овсянки в Семиречье (по: Шнитников, 1949, с. 405)

сомнения относительно реальности приводимых подвидов» (Шнитников, 1949, с. 402). Мне кажется, что об этих словах замечательного орнитолога необходимо знать каждому из нас и вспоминать перед тем, как захочется высказать своё малообоснованное (а иногда – и ни на чём не основанное) мнение. А чтобы ясно было, о каких подвидах пишет автор, привожу его карту распространения подвидов камышовой овсянки (рис. 567) и настоятельно рекомендую всем желающим ознакомиться с текстом к ней на с. 402-407 прекрасной монографии «Птицы Семиречья». Доводы автора в пользу существования двух видов камышовых овсянок довольно убедительны, но следуя его же примеру, я считаю себя не вправе решать этот вопрос без достаточной аргументации, для получения которой понадобилось бы проведение специального исследования. Полагаю, что вопрос о подвидах (видах?) камышовой овсянки в Тянь-Шане ещё требует своего решения на большем материале, собранном в полевых условиях, а пока можно только рассматривать имеющиеся в литературе данные о встречах этих овсянок, отражающие мнение того или иного автора о характере их пребывания, и сожалеть об их объединении в один вид.

Характер пребывания. Встречаются на территории Тянь-Шаня в любое время года. Считается, что гнездятся здесь толстоклювые формы *E. sch. pyrrhuloides*, а остальные встречаются зимой и на пролёте.

Биотоп. *E. sch. pyrrhuloides* населяют берега рек и озёр, заросшие высоким тростником или тугаями, тогда как тонкоклювые формы обитают в основном в зарослях кустарников (Кузьмина, 1974).

Распространение. В нашем районе встречается в основном на пролёте и зимой, а гнездится лишь кое-где на северных окраинах и, видимо, на Иссык-Куле (рис. 568). Упоминания о гнездовании этой овсянки в районе Джаркента (Зарудный, Кореев, 1905; Шестоперов, 1929), без приведения конкретных доказательств, стали поводом для обсуждения В.Н. Шнитниковым (1949) и М.А. Кузьминой: «В литературе неоднократно упоминается о гнездовании тонкоклювых овсянок в долине Или, у Панфилова [ныне Джаркент – *АК*] и в прилежащих районах Китая. Правда, до настоящего времени эти высказывания не подкреплены фактическим материалом (наличием гнёзд или добычей несомненно гнездящихся птиц) и поэтому, естественно, вызывают сомнения. В.Н. Шнитников (1949) пишет: камышовые овсянки обычного типа, нетолстоклювые, совершенно нормально гнездятся в Семиречье в несравненно большем числе, чем об этом можно было бы судить по приведенным коллекционным экземплярам…

Ещё более утвердительно указывает на гнездование тонкоклювых овсянок в небольшом числе близ Джаркента и Кульджи Е.Л. Шестоперов (1929), однако и он не приводит в подтверждение никаких фактических данных, хотя свои наблюдения связывает с *E. sch. pallidior*. М.Н. Корелов наблюдал в гнездовое время каких-то тонкоклювых овсянок на болоте в районе Коктала, однако птицы не добыты. Приведенные сведения указывают, что в районе Панфилова и в прилежащих частях Китая в небольшом числе встречаются летом тонкоклювые тростниковые овсянки, но никаких точных данных, указывающих на их гнездование здесь, пока нет. Если в дальнейшем удастся установить совместное гнездование толстоклювых и тонкоклювых овсянок, то будет полное основание рассматривать крайние группы тростниковых овсянок как самостоятельные виды, хотя из-за постепенной непрерывной географической изменчивости найти такое разграничение чрезвычайно трудно» (Кузьмина, 1974, с. 184). Остаётся добавить, что доказательств гнездования здесь камышовых овсянок нет до сих пор. Поиски их очень желательны.

Примерно в 100 км западнее, в устье Тургени на левом берегу Или, 18 июня 2009 г. наблюдали самца *E. sch. pyrrhuloides* «с гнездовым поведением и кормом в клюве». На гнездование (возможно, нерегулярное) могут указывать летние встречи О.В. Беляловым толстоклювых овсянок в тростниковых зарослях правого берега Или, напротив Поющего Бархана (Бевза, 2012). Но и здесь необходимы поиски более веских доказательств. Нет доказательств гнездования камышовой овсянки в долине Чу и на Иссык-Куле (Птицы Киргизии, 1960; Умрихина, 1970), а также на Бийликольских озёрах (Кузьмина, 1974). На восточном побережье Иссык-Куля (мыс Кара-Булун) летом *E. sch. pyrrhuloides* встречал

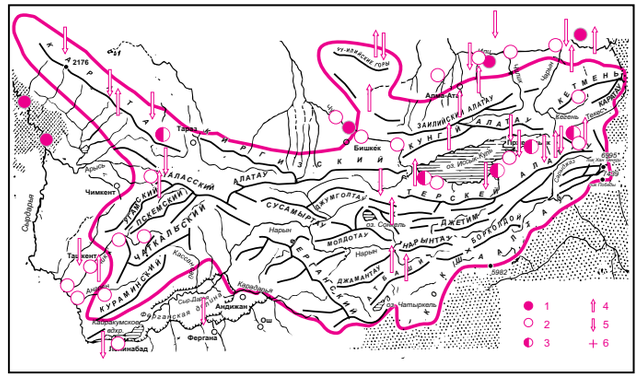

Рис. 568. Распространение камышовой овсянки в Тянь-Шане:
1 – гнездование, 2 – зимовка, 3 – летние встречи,
4 – пролёт весной, 5 – пролёт осенью

В.Н. Шнитников (1949), а в тростниковых зарослях западного побережья трёх видел 5 июля 1954 г. Л.С. Степанян (1959). На озере Бийликоль редкие пары камышовых овсянок в летние сезоны 1991 и 1992 гг. ежедневно встречали в местах с мощными тростниковыми зарослями на южном берегу, но доказательств гнездования не имеется (Губин, Карпов, 1999). В тугае Баянкола, у Нарынкола, А.А. Винокуров 23 мая 1957 г. встретил самца. Во всех перечисленных местах необходимо искать доказательства гнездования камышовой овсянки. Зимой встречается несколько шире, но в основном вдоль северных и западных границ района и на Иссык-Куле.

Численность. Сведения скудны, особенно о летней численности, чему способствует обитание её в густых тростниковых зарослях, требующее проведения специальных учётов. По южному берегу Иссык-Куля *E. sch. pyrrhuloides* летом 1953-1954 гг. была «весьма малочисленна», всего встречено 3 особи (Степанян, 1959); по южному берегу Бийликоля в 1991-1992 гг. встречались редкие пары (Губин, Карпов, 1999). Зимой также не многочисленна. На Иссык-Куле при проведении учётов в январе-феврале 1962 г. встретили только одну камышовую овсянку на маршруте 22 км по облепиховым зарослям побережья (Второв, 1963). Там же, в Восточном Прииссыккулье, по зимним наблюдениям 1973-1984 гг., камышовая овсянка была редка: 17 декабря 1974 г. встретили 7, а 10 января 1975 г. – 8 особей близ с. Орлиное (Верещагин, 1991). Там же, на побережье Иссык-Куля, с 21 по 31 января 2004 г. (на учёте водоплавающих) встретили двух камышовых и 1 698 не определённых до вида овсянок, среди которых могли быть представители 3-5 видов (Кулагин, 2005: КОБ-2004), а через два месяца, 27-30 марта 2004 г. по всему периметру озера насчитали 19 камышовых овсянок (Кулагин, Сагынбаев, 2005). В Чуйской долине выше Токмака 11-13 января 2008 г. встретили 9 одиночек (Белялов, Карпов, 2009: КОБ-2008). Зимой 1939/40 г. была «весьма обычной» в тростниковых зарослях р. Или между Чиликом и Чарыном (Корелов, 1948). Обычна на зимовке в Карачингиле (Бевза, 2012), а на Сорбулаке многочисленна с октября до конца марта в зарослях кустарников, прошлогодней траве и тростнике; среди многочисленных тонкоклювых несколько раз встречены *E. sch. pyrrhuloides* (Белялов, Карпов, 2013). На пролёте также бывает многочисленной. Так, на Чокпаке в весенние сезоны 1966-1981 гг. окольцевали двух, в осенние – 33 особи (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. – соответственно 55 и 65 камышовых овсянок (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь (Каратау) 1-3 октября 2001 г. большие скопления пролётных северных камышовых овсянок держались в зарослях тамариска в пойме р. Ушбас; отловлено 11 особей *E. sch. passerina* (Коваленко и др., 2002). В долине Копы с 25 марта по 18 апреля 1988 г. рыхлыми стайками до 25 особей пролетело 264 камышовых овсянки (Ковшарь, Березовиков, 2000).

Сроки. Даты. Весенний пролёт и отлёт зимующих приходится на март. На Чокпаке, где весенний пролёт этого вида выражен слабо, камышовых овсянок отмечали 7 и 20 марта 1969, 5 и 17 марта 1970, 11 марта 1971, 24 марта 1974 и 25 марта 1967 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); в 1982-2016 гг. здесь окольцевали 55 особей 1 и 2 апреля 1986 г., в другие годы они не отмечены (А. Гаврилов и др., 2017). На озере Кызылколь одиночных встречали 29 апреля 1989 и 15-17 мая 2000 гг. (Коваленко и др., 2002). В долине Копы 23-28 марта 1987 г. отметили 19 пролётных камышовых овсянки, а с 25 марта по 18 апреля – 264 (Ковшарь, Березовиков, 2000). На Сорбулаке самая поздняя встреча зимующих – 10 апреля 2004 г. (Белялов, Карпов, 2013). На Б. Алматинское озеро (2500 м) залетела весной 23 марта 1975 г. (Ковшарь, Лопатин, 1983). В долине Текеса (Центральный Тянь-Шань) пролётную стайку отметили 25 марта 1956 г. (Винокуров, 1960). Там же, в Б. Кокпаке (устье р. Кайчи), камышовую овсянку добыли 26 апреля 1947 г., а близ Нарынкола – в апреле 1950 г. (Стогов, 2009: КОБ-2008). В Карачингиле (устье Тургени) самую последнюю одиночку встретили 27 марта 2004 г. (Бевза, 2012). Под Джаркентом, где камышовые овсянки зимовали в 1899/1900 г., весной «ничего похожего на весенний пролёт не было заметно» (Зарудный, Кореев, 1905). В 1918 г. там же весенний пролёт *E. sch. pallidior* «проходил вдоль р. Или и начинался в самом начале марта, в начале же апреля птицы занимают свои гнездовые места», а у *E. sch. pyrrhuloides* «весенний пролёт выражен очень слабо, наблюдались редкие стайки 23.III.13 около Кульджи и 26.III.18 на Илийской переправе» (Шестоперов, 1929, с. 166-167).

Осенний пролёт приходится на октябрь. Под Джаркентом первые были замечены 17 сентября 1899 г. (карагачи на Усеке) и до конца месяца встречались в небольшом числе, став более обычными в течение октября (Зарудный, Кореев, 1905). В 1918 г. «около Джаркента северные птицы [*E. sch. pallidior, E. sch. schoeniclus – AK*] в значительном числе встречались в конце октября» (Шестоперов, 1929, с. 166). В Карачингиле (устье Тургени) самая ранняя встреча – 7 октября 2009 г. (Бевза, 2012), на Сорублаке – 30 сентября 2007 г.

(Белялов, Карпов, 2013). На озере Кызылколь (Каратау) 1-3 октября 2001 г. большие скопления пролётных северных камышовых овсянок держались в зарослях тамариска в пойме р. Ушбас; отловлено 11 особей *E. sch. passerina* (Коваленко и др., 2002). Овсянка этого же подвида добыта в северной части Каратау 14 октября 1934 г. Примерно в это же время их отстреливали на оз. Ащиколь, Бийликульской группы озёр, в 1960 г. (Кузьмина, 1974). На Чокпаке, где осенью камышовые овсянки встречаются чаще, чем весной, первых в 1966-1981 гг. отмечали 9 октября (1969) – 18 октября (1968), в среднем – 11 октября; основной пролёт шёл во второй половине октября, заканчивался 24 октября (1969) – 30 октября (1968), в среднем – 27 октября. Определены до подвида: *E. sch. passerina* – 14 октября 1975 и 1976 гг., 20 октября 1967 и 1970 гг.; *E. sch. pyrrhuloides* – самец 25 октября 1968 г. (Гаврилов, Гисцов, 1985). В 1982-2016 гг. там же камышовых овсянок отлавливали с 31 августа (1999) по 27 октября (1985, 2011), срединная дата осеннего пролёта – 16 октября (А. Гаврилов, 2017). В районе Ташкента встречается с октября по март (Сатаева, 1937).

Биология. Никаких сведений о биологии этого вида в районе Тянь-Шаня нет. Некоторые материалы по равнинным популяциям приводятся в сводке «Птицы Казахстана» (Кузьмина, 1974). Среди них особо выделяются тонкие наблюдения Б.К. Штегмана в дельте Или, которые не могу не привести целиком: «Удалось установить, что толстоклювые овсянки зимой кормятся личинками насекомых, которых достают из пазух листьев тростника: “Прилетев на новое место, они рассаживаются на стебельках тростника примерно на ⅓ от вершин и сразу же начинается шум от перекусывания листьев. Надкусив основание одного листа и извлекши оттуда личинку, если она имеется, овсянка, проворно перебирая ножками, передвигается по стебельку к месту отхождения другого листа и т.д., затем перелетает на соседний стебель, чтобы проделать на нём то же самое” (Штегман, 1948). Вскрытые этим автором зимой желудки содержали только личинок двукрылых от 5 до 12 мм длиной» (Кузьмина, 1974, с. 187-188).

451. Полярная овсянка – *Schoeniclus pallasii* (Cabanis, 1851)

Эта восточноазиатская овсянка, гнездящаяся от Анадыря до Восточного Тянь-Шаня, изредка залетала в наш район. Н.А. Зарудный (1911) встречал её в окрестностях Ташкента 4 октября 1907 г. (одна поймана на болоте Джаман-Баткак, сейчас это уже территория города) и 7 марта 1914 г. – на Чуйнакколе. Намного севернее, в окрестностях города Караганды, В.А. Ленхольд видел самца и самку 26 марта 1947 г. и 12 апреля 1951 г. в одном и том же месте – на заросшем ивняком берегу речки Букпы (Кузьмина, 1974). Восточнее эта овсянка достаточно обычна в истоках Бухтармы на Алтае (Щербаков, 1991) и на Южно-Алтайском хребте в истоках Кара-Кабы (Березовиков, Стариков, 1991), так что новые залёты в наш район вполне вероятны.

452. Седоголовая овсянка – *Ocyris spodocephalus* (Pallas, 1776)

Залётных самцов этой восточносибирской овсянки дважды добывал Н.А. Зарудный у Ташкента – 6 апреля 1912 г. и 25 октября 1913 г. (Кузьмина, 1974). В списке птиц Северной Евразии (Коблик, Архипов, 2014) она значится как залётная для Казахстана и Узбекистана. Других сведений для нашего района нет.

453. Овсянка-крошка – *Ocyris [Emberiza] pusillus* (Pallas, 1776)

little bunting (англ.), Zwergammer (нем.), Bruant nain (фр.),
шөже сұлыкеш (каз.), митти деҳқончумчуқ (узб.)

Синонимы: *Emberiza durazzi* Bonaparte, 1832; *Ocyris oinops* Hodgson, 1845. Монотипичный вид.

Эта обитательница лесотундры и северной тайги Евразии, зимующая в юго-восточной Азии, очень редко залетает в наши края: 19 марта 1896 г. добыта близ Алматы (колл. Мензбира; Шнитников,1949), 16 ноября 1899 г. одну поймали в песках Айдарлы на правобережье Или (Зарудный, Кореев, 1905); зимой 1914/15 г. Н.А. Зарудный добыл их 21 ноября и 9 января под Ташкентом (Кузьмина, 1974). В конце октября 1982 г. С.Н. Ерохов (устное сообщение) встретил её у Малого Сорбулака (Белялов, 2014), а весной 1991 г. одну встретили на болотистом участке среди караганы в урочище Шубар в верховьях Чилика на высоте более 2800 м (Джаныспаев, Белялов, 1997). В г. Алматы (микрорайон Алатау) овсянку-крошку встретили 25 сентября 2014 г. и 12 октября 2018 г. (Березовиков, Казенас, 2014, 2018).

454. Овсянка-ремез – *Ocyris [Emberiza] rusticus* (Pallas, 1776)

Rustic bunting (англ.), Waldammer (нем.), Bruant rustique (фр.),
құркылтайрең сұлыкеш (каз.), куркулдай думбул (кирг.), ваҳмакуш (узб.), сюлечи-зюйк (туркм.)

Синонимы: *Emberiza lesbia* Gmelin, 1788; *E. borealis* Zetterstedt, 1822; *E.r. latifasciata* Portenko, 1930.

Подвидов не образует.

Характер пребывания. Пролётная и зимующая птица.

Биотоп. На пролёте и зимой встречается в древесно-кустарниковых насаждениях любого типа.

Распространение. Пролетает и зимует почти по всей периферии Тянь-Шаня (рис. 569). Основная информация – в 5-м томе «Птицы Казахстана». Её так мало, что лучше привести целиком: «В коллекции Ташкентского университета хранится тушка самца, убитого 9 декабря 1928 г. на Карасу около Чимкента. С.А. Бутурлин (1908) указывал, что ему прислали экземпляр, добытый у Джаркента 18 февраля. В окрестностях Алма-Аты овсянка-ремез зимой не такая уж редкая птица. 24 января (год неизвестен) Н. Литвиненко поймал овсянку-ремеза в яблоневых садах на восточной окраине города. Зимой 1961/62 г. небольшая стайка этих птиц наблюдалась в Каргалинке, 16 декабря один экземпляр добыт из стайки в 15 птиц; 22 и 26 декабря здесь опять наблюдались эти овсянки, первый раз – 2 птицы, второй раз – 10 (Гаврилов); 17 января в этом же районе добыто 3 экз. (Бородихин). Зимой 1962/63 г. овсянка ремез опять наблюдалась в Алма-Ате. 13 января 4 птицы этого вида продавались на птичьем рынке. Птицелов сообщил, что наблюдал овсянок-ремезов и в декабре. Во второй половине января небольшие группы этих овсянок встречались на городском кладбище. Следует отметить, что обе эти зимы были очень малоснежными и тёплыми» (Кузьмина, 1974, с. 179-180). Дальнейшие наблюдения подтвердили, что эта овсянка регулярно пролетает и зимует в предгорьях Тянь-Шаня – от Алматы до Ташкента.

Численность. Не установлена. Обычно это одиночные встречи, нередко – в стаях других овсянок.

Сроки. Даты. Осенью появляются в октябре. В Алтын-Эмеле, на правобережье среднего течения р. Или, в 2017 г. трёх овсянок-ремезов встретили в смешанной стае овсянок 12 октября, а затем – 14, 15 и 19 октября на центральной усадьбе национального парка в с. Басчи (Беляев, 2018). В субвысокогорье Заилийского Алатау (Б. Алматинское озеро, 2500 м) одну сфотографировал О.В. Белялов (www.birds.kz) 21 октября 2013 г. (В. Ковшарь, 2015). В Джувалинской долине, между М. Каратау и хребтом Боролдай, одну сфотографировали близ с. Ертай 24 октября 2015 г. (www.birds.kz; Нукусбеков, 2017). На Чокпаке группу из 4 птиц (2 добыты) впервые встретили 17 октября 1967 г. (Гисцов, Гаврилов, Бородихин, 1977); впоследствии здесь отловили 10 особей (2 взрослых и 8 молодых): 11 и 15 октября 1971, 16 октября 1975 (5 особей), 24 октября 1975 гг. (Гаврилов, Гисцов, 1985); с 26 августа (1985) по 23 октября (1982) здесь окольцевали 9 овсянок-ремезов

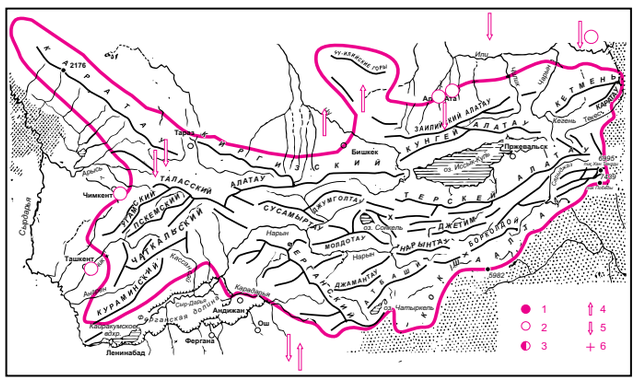

Рис. 569. Распространение овсянки-ремеза в Тянь-Шане:
2 – зимовка, 4 и 5 – пролёт весной и осенью

(А. Гаврилов и др., 2017). На южных склонах Алайского хребта, у южной границы Тянь-Шаня, овсянка-ремез была добыта уже 2 августа 1878 г. (Птицы Киргизии, 1960), однако А.И. Иванов, очень хорошо знакомый с орнитологической коллекцией ЗИН РАН, пишет: «Коллекционные материалы из пределов Памиро-Алая мне не известны. В районе Ташкента эта овсянка изредка встречается зимой, поэтому вполне вероятны зимние залёты и в пределы Памиро-Алая» (Иванов, 1969, с. 392). Откуда взяты сведения о добыче её в августе на южном склоне Алайского хребта (см. выше), теперь уже, видимо, установить не удастся. То же касается и экземпляра, добытого там же 6 мая 1878 г. (Птицы Киргизии, 1960). На Чокпаке весной не встречена ни разу (Гаврилов, Гисцов, 1985; А. Гаврилов и др., 2017), а в Чуйской долине самец добыт 4 марта 1952 г. (Птицы Киргизии, 1960). В долине Копы 23 марта 1987 г. мы встретили эту овсянку в группе из трёх овсянок, 24 марта – одиночку и 16 апреля 1988 г. – 3 особи (Ковшарь, Березовиков, 2000). Других сведений нет.

455. Лапландский подорожник – *Calcarius lapponicus* (Linnaeus, 1758)

Lapland longspur, Lapland bunting (англ.), Spornammer (нем.), bruant lapon (фр.)

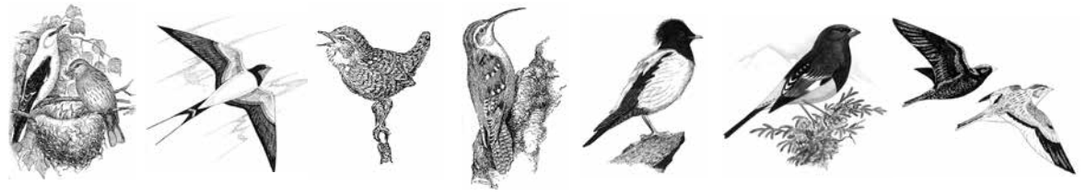
Ближайшие места нормального пролёта и зимовки этой тундровой птицы – Центральный Казахстан и долина Иртыша. Однако 4 марта 1962 г. Э.Ф. Родионов добыл самца в низовьях Таласа, недалеко от хребта Каратау (Кузьмина, 1974). Возле центральной усадьбы Алтын-Эмельского национального парка (с. Басчи, правобережье среднего течения р. Или) одиночку встретили на водопое 15 октября 2017 г. (Беляев, 2018). Наконец, в Иссык-Кульской котловине, близ с. Семёновка, на поле из стаи рогатых жаворонков 5 января 2016 г. отловили молодого самца лапландского подорожника (Кулагин, 2017).

456. Пуночка – *Plectrophenax nivalis* (Linnaeus, 1758)

snow bunting (англ.), Schneeammer (нем.), bruant des neiges (фр.)

На зимовке спорадично встречается на большей части равнинного Казахстана. Ближайшие к нашему району встречи известны из района Лепсы, Джунгарский Алатау; нижней Сырдарьи в районе Чиили – Джулек, где стайка встречена 27 января 1928 г. (Спангенберг, 1941) и центральной Бетпак-Далы, где самца поймал 8 декабря 1959 г. М.И. Исмагилов (Кузьмина, 1974). За много лет работы В.Н. Шнитников (1949) встретил пуночку только 2 марта 1908 г. в районе Алтын-Эмеля на правом берегу Или. Он же сообщает: «Помимо этого мне известен всего лишь единственный экземпляр пуночки из Семиречья, добытый около Алма-Аты 7/XII, в составе коллекции Г.А. Колпаковского поступивший в Томский университет» (Шнитников, 1949, с.408).

Заключение

Авифауна западной половины Тянь-Шаня
(состав, распределение, динамика)

Итак, на территории западной половины Тянь-Шаня, от горного массива Хан-Тенгри (80º20′ в.д.) на востоке до крайней западной точки хребта Каратау (67º10’ в.д.) и от долины реки Или на севере до Ферганской долины на юге, за последние 150 лет встречали птиц **456** видов, что на 46 видов больше, чем было в первом списке (Ковшарь, 2007). Причина этого не только в появлении за эти 12 лет на данной территории новых видов птиц, но и в более полном использовании орнитологической литературы.

В предлагаемом ниже полном списке авифауны западной половины Тянь-Шаня (табл. 1) характер пребывания птицы показан различными комбинациями пяти букв латинского алфавита, обозначающими гнездование, зимовку, миграции и залёт. Порядок их написания не случаен, он соответствует степени приоритетности того или иного характера пребывания. Так, например «**WS**» означает, что вид зимует, но иногда встречается в этом районе и летом; «**MS**» – мигрирует, но известны и летние встречи; «**MB**» – преимущественно мигрант, но известно также гнездование; «**MW**» – мигрант, но часть особей зимует, «**VS**» – залёт в летнее время; «**VM**» – залёт во время миграций; «**VW**» – залёт в зимнее время; «**BW**» – гнездится и зимует (кроме настоящих оседлых, сюда относятся также те виды, у которых зимуют более северные популяции, а гнездившиеся летом птицы на зиму отлетают южнее). Гнездование (**B**) не дублируется знаком миграции (**M**), хотя весной и летом встречаются и северные мигранты этого вида; уменьшение этого символа до «b» означает редкое, нерегулярное (случайное) гнездование, а взятие его в скобки (b) – признак гнездования в прошлом.

Таблица 1. Список видов птиц среднеазиатской половины Тянь-Шаня

(**B** – *гнездование*; **S** – *летние встречи*; **W** – *зимовка*; **M** – *миграции*; **V** – *залет*)

[1. **ЦТШ** – Центральный Тянь-Шань, 2. **СТШ** – Северный Тянь-Шань, 3. **ИКК** – Иссык-Кульская котловина 4. **ВТШ** – Внутренний Тянь-Шань, 5. **ЗТШ** – Западный Тянь-Шань, 6. **К** – Каратау, 7. **Ч-И** – Чу-Илийские горы]

Названия видов птиц	Характер пребывания по районам						
	Тянь-Шань (высокогорный)					**низкогорья**	
	1 ЦТШ	**2 СТШ**	**3 ИКК**	**4 ВТШ**	**5 ЗТШ**	**6 К**	**7 Ч-И**
001. Тетерев – *Lyrurus tetrix*	BW	BW					
002. Гималайский улар – *Tetraogallus himalayensis*	BW	BW		BW	BW		
003. Кеклик – *Alectoris chukar*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
004. Серая куропатка – *Perdix perdix*					BW	BW	BW
005. Бородатая куропатка – *Perdix dauurica*	BW	BW		BW			

006. Перепел – *Coturnix coturnix*	B	B	B	B	B	M	M
007. Фазан – *Phasianus colchicus*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
008. Лебедь-шипун – *Cygnus olor*		M	SW		M	M	M
009. Лебедь-кликун – *Cygnus cygnus*	B	SW	SW	B			
010. Малый лебедь – *Cygnus bewickii*			W				
011. Гуменник – *Anser fabalis*		MW	W	M	MW		
012. Белолобый гусь – *Anser albifrons*			W	VS		W	
013. Пискулька – *Anser erythropus*							VM
014. Серый гусь – *Anser anser*	M	M	WM	B	M	B	M
015. Горный гусь – *Anser indicus*	B	V		B			
016. Белый гусь – *Anser caerulescens*			V		V		
017. Чёрная казарка – *Branta bernicla*							V
018. Краснозобая казарка – *Rufibrenta ruficollis*							V
019. Огарь – *Tadorna ferruginea*	B	B	BW	B	B	B	B
020. Пеганка – *Tadorna tadorna*	B	M	SMW	SM	M	B	BW
021. Свиязь – *Anas penelope*	M	M	MW	S	S	M	SM
022. Серая утка – *Anas strepera*	B	BW	WB	B	M	BW	M
023. Клоктун – *Anas formosa*	V		V		V		
024. Чирок-свистунок – *Anas crecca*	MW	MV	SMW	B	MW	M	M
025. Кряква – *Anas platyrhynchos*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	
026. Чёрная кряква – *Anas zonorhyncha*					V		
027. Шилохвость – *Anas acuta*	SM	MW	BW	BW	M	M	MW
028. Чирок-трескунок – *Anas querquedula*	B	B	B	B	M	B	B
029. Широконоска – *Anas clypeata*	B	M	BW	B	MW	B	Mb
30. Мраморный чирок – *Marmaronetta angustirostris*						V	
031. Красноносый нырок – *Netta rufina*	B	B	BW	BW	SMW	B	M
032. Красноголовый нырок – *Aythya ferina*	S	M	BW	BW	SMW	M	M
033. Белоглазый нырок – *Aythya nyroca*	WS	BW	WM	SM	B	SM	M
034. Хохлатая чернеть – *Aythya fuligula*	S	BW	MW	BW	M	M	M
035. Морская чернеть – *Aythya marila*		W		W	W		
036. Синьга – *Melanitta nigra*					V		
037. Турпан – *Melanitta fusca*		V	V		V		
038. Морянка – *Clangula hyemalis*		MW	MW		W	MW	
039. Гоголь – *Bucephala clangula*	MW	MW	MW	MWS	MW	M	M
040. Луток – *Mergellus albellus*		MW	W	W	MW	M	M
041. Длинноносый крохаль – *Mergus serrator*		W	BW	B	MW	W	
042. Большой крохаль – *Mergus merganser*	BW	BW	BW	BW	BW	M	

043. Савка – *Oxyura leucocephala*		Mb	M		m	ms	
044. Чернозобая гагара – *Gavia arctica*		M	WMb	w	w		
045. Розовый пеликан – *Pelecanus onocrotalus*		SW			M		
046. Кудрявый пеликан – *Pelecanus crispus*		BW	M		M	Mb	
047. Малый баклан – *Phalacrocorax pygmaeus*		M	W		W	B	
048. Большой баклан – *Phalacrocorax carbo*	MS	Mb	BW	B	MW	Mb	
049. Большая выпь – *Botaurus stellaris*		WMb	?	M	M	M	
050. Волчок – *Ixobrychus minutus*	S	B	BW	B	Mb	b	S
051. Кваква – *Nycticorax nycticorax*		B	SM	B	B	B	M
052. Жёлтая цапля – *Ardeola ralloides*		V			V		
053. Индийская прудовая цапля – *Ardeola grayii*		V					
054. Белокрылая цапля – *Ardeola bacchus*	V						
055. Малая белая цапля – *Egretta garzetta*					V		V
056. Большая белая цапля – *Casmerodius albus*	M	WMb	WMS	SM	W	MWb	M
057. Серая цапля – *Ardea cinerea*	B	BW	BW	SM	SMW	B	SM
058. Рыжая цапля – *Ardea purpurea*			S		M	M	
059. Чёрный аист – *Ciconia nigra*	B	B		B	B	B	B
060. Белый аист – *Ciconia ciconia*		V	V		B	B	
061. Священный ибис – *Threskiornis aethiopicus* [?] [Черноголовый ибис – *Threskiornis melanocephalus*]					V		
062. Каравайка – *Plegadis falcinellus*			MW			MS	
063. Колпица – *Platalea leucorodia*		B	SMW	SM	M	MB	
064. Розовый фламинго – *Phoenicopterus roseus*		MW	W	V	V		
065. Малая поганка – *Tachybaptus ruficollis*		BW	BW	MW	BW	B	M
066. Серощёкая поганка – *Podiceps grisegena*	M	B	BW	BW		M	
067. Чомга – *Podiceps cristatus*	B	BW	BW	DW	MS	B	B
068. Черношейная поганка – *Podiceps nigricollis*	B	B	BW	BW	M	B	B
069. Красношейная поганка – *Podiceps auritus*	SM	M	BW	BW		M	
070. Степная пустельга – *Falco naumanni*	B	B	B	B	B	B	B
071. Пустельга – *Falco tinnunculus*	B	BW	BW	B	BW	BW	BW
072. Кобчик – *Falco vespertinus*		M	S		M		
073. Дербник – *Falco columbarius*	B	BW	W	B	MWb		M
074. Чеглок – *Falco subbuteo*	B	B	B	B	B	B	B
075. Балобан – *Falco cherrug*	BW	BW	BW	BW	BW	B	B
076. Кречет – *Falco rusticolus*	?	V					
077. Сапсан – *Falco peregrinus*	MS	MW	MW	M	NW	M	M
078. Шахин – *Falco pelegrinoides*	S	B	B	B	B	B	

079. Скопа – *Pandion haliaetus*	M	MS	MS	M	M	M	M
080. Осоед – *Pernis apivorus*	S	M	S		M		M
081. Хохлатый осоед – *Pernis ptilorhynchus*		MS			MS		M
082. Чёрный коршун – *Milvus migrans*	B	MS	B	B	B	M	M
083. Орлан-долгохвост – *Haliaeetus leucoryphus*	V	V	V	V	V	V	
084. Орлан-белохвост – *Haliaeetus albicilla*	M	BW	W	W	MW	M	M
085. Кумай – *Gyps himalayensis*	BW	BW		BW	B		
086. Белоголовый сип – *Gyps fulvus*	S	S		S	B	B	S
087. Чёрный гриф – *Aegypius monachus*	B	B		B	B	B	B
088. Бородач – *Gypaëtus barbatus*	B	B		B	B	S	
089. Стервятник – *Neophron percnopterus*		B	B	B	B	B	B
090. Змееяд – *Circaëtus gallicus*		B	B	B	B	B	S
091. Болотный лунь – *Circus aeruginosus*	S	B	B	B	SMW	B	B
092. Полевой лунь – *Circus cyaneus*	B	WB	BW	B	MWS	M	M
093. Степной лунь – *Circus macrourus*	MS	MS	MS		M	M	MB
094. Луговой лунь – *Circus pygargus*	MS	B	B	S	B	B	B
095. Тювик – *Accipiter badius*		B	M	S	SM		M
096. Перепелятник – *Accipiter nisus*	B	B	B	B	B	B	M
097. Тетеревятник – *Accipiter gentilis*	W	WB	W	MW	MW	MW	M
098. Сарыч – *Buteo buteo*	BW	BW	W	B	MWS	M	M
099. Курганник – *Buteo rufinus*	B	BW	BW	S	BW	B	B
100. Мохноногий курганник – *Buteo hemilasius*	BW	BW	W	W	M	M	
101. Зимняк – *Buteo lagopus*	WM	WM	WM	Wm	WM		WM
102. Большой подорлик – *Aquila clanga*	MS	MS		M	M		M
103. Степной орёл – Aquila nipalensis	MS	BW	M	S	MW	MS	BW
104. Орёл-могильник – *Aquila heliaca*		MWS			MW	B	B
105. Беркут – *Aquila chrysaëtos*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
106. Орёл-карлик – *Hieraaetus pennatus*	B	B		B	B	B	M
107. Ястребиный орёл – *Hieraaetus fasciatus*						V	
108. Красавка – *Anthropoides virgo*	B	B	B	B	B	B	B
109. Стерх – *Grus leucogeranus*					V		
110. Серый журавль – *Grus grus*	B	B	M		M	M	M
111. Водяной пастушок – *Rallus aquaticus*	S	BW	BW	BW	BW	BW	S
112. Коростель – *Crex crex*	B	B	B	B	SM	BN	M
113. Малый погоныш – *Porzana parva*	MS	Mb	M	MS	M	M	M
114. Погоныш-крошка – *Porzana pusilla*		MS	B	S	M		
115. Погоныш – *Porzana porzana*		M			M	M	

116. Камышница – *Gallinula chloropus*	B	B	B	B	B	B	B
117. Лысуха – *Fulica atra*	B	BW	WB	BW	MW	MWb	S
118. Дрофа – *Otis tarda*	MS	MW	(B)	S(B)	MW	WS	MW
119. Джек – *Chlamydotis macqueenii*		MB	M		M	Mb	MbS
120. Стрепет – *Tetrax tetrax*	(b)	Mb	M	M(b)	B	B	B
121. Авдотка – *Burhinus oedicnemus*		MS	MS		MB	S	B
122. Кулик-сорока – *Haematopus ostralegus*		B	B	M	B		M
123. Серпоклюв – *Ibidorhyncha struthersii*	BW	BW	W	BW			
124. Ходулочник – *Himantopus himantopus*	B	B	B	B	M	B	B
125. Шилоклювка – *Recurvirostra avosetta*	B	B	MS	B		B	M
126. Чибис – *Vanellus vanellus*	B	BW	BW	B	MSW	B	B
127. Белохвостая пигалица *Vanellochettusia leucura*		V			V	V(b)	
128. Кречётка – *Chettusia gregaria*		M			M	M	
129. Золотистая ржанка – *Pluvialis apricaria*	M	M	M			M	
130. Бурокрылая ржанка – *Pluvialis fulva*		M	M	MS	M	M	
131. Тулес – *Pluvialis squatarola*	M	M	M	M		M	M
132. Галстучник – *Charadrius hiaticula*			M			M	M
133. Малый зуёк – *Charadrius dubius*	B	B	B	B	B	B	B
134. Морской зуёк – *Charadrius alexandrinus*	B	B	B	S		B	B
135. Монгольский зуёк – *Charadrius mongolus*	B	S		B			
136. Большеклювый зуёк – *Charadrius leschenaultii*		B	B	MS		B	B
137. Каспийский зуёк – *Charadrius asiaticus*		S	M			S	B
138. Восточный зуёк – *Charadrius veredus*					V	V	
139. Хрустан – *Eudromias morinellus*		V			V		
140. Вальдшнеп – *Scolopax rusticola*	B	B	W	B	MSW		
141. Гаршнеп – *Lymnocryptes minimus*	S	MW	M	M	M	M	M
142. Горный дупель – *Gallinago solitaria*	WMS	WMS	W	WMS	WM	W	W
143. Лесной дупель – *Gallinago megala*		V			V	V	
144. Азиатский бекас – *Gallinago stenura*	V				V		
145. Бекас – *Gallinago gallinago*	B	B	BW	BW	MW	M	M
146. Дупель – *Gallinago media*		M	M		M	M	
147. Большой веретенник – *Limosa limosa*	Mb	Mw	MS	Mb	M	M	M
148. Малый веретенник – *Limosa lapponica*	V	V	V				
149. Американский бекасовидный веретенник – *Limnodromus scolopaceus*		V					
150. Азиатский бекасовидный веретенник – *Limnodromus semipalmatus*					V	V	
151. Средний кроншнеп – *Numenius phaeopus*	M	MS	M	MS		M	M

152. Большой кроншнеп – *Numenius arquata*	M	Mb	Mw	Ms	M		Ms
153. Щёголь – *Tringa erythropus*		Msw	Mw	M	M	Ms	M
154. Травник – *Tringa totanus*	B	B	B	B	M	B	B
155. Поручейник – *Tringa stagnatilis*	M	MS			M	M	
156. Большой улит – *Tringa nebularia*	MS	MSW	MSW	MS	MSW	M	S
157. Черныш – *Tringa ochropus*	MS	MSw	MSw	MS	MSw	M	MS
158. Фифи – *Tringa glareola*	MS	M	MS	MS	MS	M	MS
159. Перевозчик – *Actitis hypoleucos*	B	B		B	B	B	M
160. Мородунка – *Xenus cinereus*	M	MS	MS	MS	S	M	M
161. Круглоносый плавунчик – *Phalaropus lobatus*		M	M	M	M	M	M
162. Плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius*		V			V		
163. Камнешарка – *Arenaria interpres*		MS	M	MS	M	M	M
164. Кулик-воробей – *Calidris minuta*	M	MS	MS	M	M	M	M
165. Песочник-красношейка – *Calidris ruficollis*		M					
166. Длиннопалый песочник – *Calidris subminuta*		M	M		M		M
167. Белохвостый песочник – *Calidris temminckii*	MS	MS	MS	MS	M	M	M
168. Краснозобик – *Calidris ferruginea*	M	M	M	M	M	M	M
169.Чернозобик – *Calidris alpina*	M	M	M	M	M	M	
170. Острохвостый песочник – *Calidris acuminata*		V					
171. Исландский песочник – *Calidris canutus*			V				
172. Песчанка – *Calidris alba*		M	M	M	M	M	
173. Турухтан – *Philomachus pugnax*	M	MS	M	MS	M	M	M
174. Грязовик – *Limicola falcinellus*		M	M	M	M		
175. Луговая тиркушка – *Glareola pratincola*		B	M		Mb	B	B
176. Степная тиркушка – *Glareola nordmanni*		(b)			v	(b)	
177. Средний поморник – *Stercorarius pomarinus*				V			
178. Короткохвостый поморник – *S. parasiticus*		V	V			V	
179. Сизая чайка – *Larus canus*		MW	W			M	M
180. Восточная клуша, или халей – *Larus heuglini*		V			V		
181. Хохотунья – *Larus cachinnans*	B	BW	BW	MS	MW	M	S
182. Бургомистр – *Larus hyperboreus*		V			V		
183. Черноголовый хохотун – *Larus ichthyaëtus*	M	MS	WS	MWS	MW	M	S
184. Озёрная чайка – *Larus ridibundus*	B	BW	BW	Mbw	MW	B	M
185. Буроголовая чайка – *Larus brunnicephalus*					V		
186. Морской голубок – *Larus genei*		M			M	MS	
187. Малая чайка – *Larus minutus*	M	M	MW	MS	MS	M	
188. Моевка – *Rissa tridactyla*		V			V		

189. Чайконосая крачка – *Gelochelidon nilotica*	B	B	S	Mb	MS	MS	B
190. Чеграва – *Hydroprogne caspia*		V	V		V	V	
191. Речная крачка – *Sterna hirundo*	B	Mb	B	Mb	B	B	M
192. Малая крачка – *Sterna albifrons*		Mb	B	Ms	Mb	B	Ms
193. Белощёкая крачка – *Chlidonias hybrida*		V	V			V	
194. Белокрылая крачка – *Chlidonias leucopterus*	M	S			M	MS	
195. Чёрная крачка – *Chlidonias niger*	MS	B		S	Mb	S	M
196. Белобрюхий рябок – *Pterocles alchata*						MB	MS
197. Чернобрюхий рябок – *Pterocles orientalis*	Mb	MB	B	B	Mbw	B	B
198. Саджа – *Syrrhaptes paradoxus*		B	B	B	Mw		B
199. Сизый голубь – *Columba livia*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
200. Скальный голубь – *Columba rupestris*	BW	BW	BW	BW	S		
201. Белогрудый голубь – *Columba leuconota*	S	S		S			
202. Клинтух – *Columba oenas*	S	BW		bw	BW	BW	
203. Бурый голубь – *Columba eversmanni*		B	M	(b)	M(b)	M(b	
204. Вяхирь – *Columba palumbus*	B	B	B	B	B	B	M
205. Горлица – *Streptopelia turtur*	S(b)	B	S	S(b)	B	B	B
206. Большая горлица – *Streptopelia orientalis*	B	B		B	B	MS	Mb
207. Кольчатая горлица – *Streptopelia decaocto*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
208. Малая горлица – *Streptopelia senegalensis*		BW	BW	BW	BW	BW	
209. Попугай Крамера – *Psittacula krameri*		V			V		
210. Кукушка – *Cuculus canorus*	B	B	B	B	B	B	M
211. Глухая кукушка – *Cuculus saturatus*		M	M	M	M	M	
212. Малая кукушка – *Cuculus poliocephalus*					V		
213. Буланая совка – *Otus brucei*		Mb			Mb		
214. Сплюшка – *Otus scops*	B	B		B	B	B	M
215. Белая сова – *Nyctea scandiaca*		W					W
216. Филин – *Bubo bubo*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
217. Серая неясыть – *Strix aluco*					BW		
218. Мохноногий сыч – *Aegolius funereus*	BW	BW					
219. Домовый сыч – *Athene noctua*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
220. Воробьиный сычик – *Glaucidium passerinum*		VS					
221. Ястребиная сова – *Surnia ulula*	BW	BW		BW			
222. Ушастая сова – *Asio otus*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	B
223. Болотная сова – *Asio flammeus*	Mb	BW	W	Mbw	Mbw	S	M
224. Козодой – *Caprimulgus europaeus*	B	B	B		B	B	S
225. Колючехвостый стриж *Hirundapus caudacutus*		V		V	V	V	

226. Белобрюхий стриж – *Apus melba*		B		B	B	B	M
227. Чёрный стриж – *Apus apus*	B	B		B	B	B	M
228. Сизоворонка – *Coracias garrulus*	MS	B	B	B	B	B	B
229. Зимородок – *Alcedo atthis*	B	B	B	S	B	B	B
230. Зелёная щурка – *Merops persicus*		Mb		M	M	M	
231. Золотистая щурка – *Merops apiaster*	S	B	B	B	B	B	D
232. Удод – *Upupa epops*	B	B	B	B	B	B	B
233. Вертишейка – *Jynx torquilla*	M	M	M	M	M	M	M
234. Большой пёстрый дятел – *Dendrocopos major*	SW	BW	Ws	MS	MS		
235. Белокрылый дятел – *Dendrocopos leucopterus*		BW		BW	BW		
236. Трёхпалый дятел – *Picoides tridactylus*	BW	BW		BW			
237. Степной жаворонок – *Melanocorypha calandra*		B			B	B	B
238. Двупятнистый жаворонок – *M. bimaculata*		B		s	B	B	B
239. Белокрылый жаворонок – *M. leucoptera*	V	W	W		M		B
240. Чёрный жаворонок – *M. yeltoniensis*	V	W			W		W
241. Малый жаворонок – *Calandrella brachydactyla*	Ms	B	B	Ms	M	B	B
242. Тонкоклювый жаворонок – *C. acutirostris*	V			S	B		
243. Серый жаворонок – *Calandrella rufescens*		Mws	Wb		M	B	B
244. Солончаковый жаворонок – *C. leucophaea*		Wb	Wb		V	S	S
245. Рогатый жаворонок – *Eremophila alpestris*	BW	BW	BW	BW	BW		BW
246. Хохлатый жаворонок – *Galerida cristata*	W(b)	BW	BW	BW	BW	B	B
247. Полевой жаворонок – *Alauda arvensis*	B	Bw	BW	Bw	B	B	B
248. Индийский жаворонок – *Alauda gulgula*	S				B	B	B
249. Береговушка – *Riparia riparia*		B	M		M	B	M
250. Бледная береговушка – *Riparia diluta*	B	B	B	B	V	B	B
251. Деревенская ласточка – *Hirundo rustica*	B	B	B	B	B	B	B
252. Рыжепоясничная ласточка – *Cecropis daurica*		B		B	B	B	B
253. Скальная ласточка – *Ptyonoprogne rupestris*	B	B		B	B	B	B
254. Воронок – *Delichon urbica*	B	B		B	B	B	B
256. Степной конёк – *Anthus richardi*	B	V	V		V		
257. Полевой конёк – *Anthus campestris*	B	B	B	B	B	B	B
258. Луговой конёк – *Anthus pratensis*		M	W		Mw	M	
259. Лесной конёк – *Anthus trivialis*	B	B		B	B		
260. Пятнистый конёк – *Anthus hodgsoni*					V		
261. Сибирский конёк – *Anthus gustavi*					V		
262. Краснозобый конёк – *Anthus cervinus*		M			M	M	M
263. Гольцовый конёк – *Anthus rubescens*		MW	W		MW	M	

264. Горный конёк – *Anthus spinoletta*	B	B		B	B	M	M
265. Жёлтая трясогузка – *Motacilla flava*	M	M		M	M	M	M
266. Черноголовая трясогузка – *Motacilla feldegg*		B	B	M	M	B	B
267. Желтолобая трясогузка – *Motacilla lutea*				V	V		
268. Желтоголовая трясогузка – *Motacilla citreola*	M	M	M	M	M		M
269. Малая желтоголовая трясогузка – *M. werae*	B	Mb	Mb	S	M	V	
270. Черноспинная трясогузка – *Motacilla calcarata*	B	B	B	B	B	M	M
271. Горная трясогузка – *Motacilla cinerea*	B	B	B	B	B	B	B
272. Белая трясогузка – *Motacilla alba*	M	M	M	M	M	M	M
273.Маскированная трясогузка – *M. personata*	B	B	B	B	B	B	B
274. Свиристель – *Bombycilla garrulus*	M	WM	W	W	WM		
275. Амурский свиристель – *Bombycilla japonica*		V					
276. Оляпка – *Cinclus cinclus*	BW	BW	W	BW	BW	BW	
277. Бурая оляпка – *Cinclus pallasii*		BW	W	BW	BW		
278. Крапивник – *Troglodytes troglodytes*	BW	BW		BW	BW		M
279. Альпийская завирушка – *Prunella collaris*	BW	BW		BW	BW		
280. Гималайская завирушка – *Prunella himalayana*	BW	BW		BW	BW		
281. Сибирская завирушка – *Prunella montanella*		V			V	V	
282. Бледная завирушка – *Prunella fulvescens*	BW	BW		BW	BW	M	W
283. Черногорлая завирушка – *Prunella atrogularis*	BW	BW	W	BW	W		W
284. Лесная завирушка – *Prunella modularis*		V					
285. Краснозобый дрозд – *Turdus ruficollis*		W		W			
286. Чернозобый дрозд – *Turdus atrogularis*	MW	MW	MW	MW	MW	M	M
287. Рыжий дрозд – *Turdus naumanni*		V					
288. Бурый дрозд – *Turdus eunomus* [*naumanni*]		V	V		V		
289. Рябинник – *Turdus pilaris*		W	W	MW	MW		MW
290. Чёрный дрозд – *Turdus merula*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	M
291. Белобровик – *Turdus iliacus*		Vw			Vw		
292. Певчий дрозд – *Turdus philomelos*		Vs	Vw		Vm		
293. Деряба – Turdus viscivorus	B	B		BW	BW	BW	
294. Пёстрый дрозд – *Zoothera varia*	S	B					
295. Синяя птица – *Myophonus caeruleus*	b	Bw		B	Bw	b	
296. Пёстрый каменный дрозд – *Monticola saxatilis*	B	B	B	B	B	B	M
297. Синий каменный дрозд – *Monticola solitarius*		B		B	B	B	B
298. Седоголовая горихвостка – *Ph. caeruleocephala*	B	B		B	B		M
299. Горихвостка-лысушка – *Ph. phoenicurus*	Mb	BM	M	MS	Mb	M	M
300. Горихвостка-чернушка – Phoenicurus ochruros	B	B	M	B	B	M	M

301. Красноспинная горихвостка – *Ph. erythronotus*	B	B	W	B	W		M
302.Краснобрюхая горихвостка – *Ph. erythrogastrus*	B	B	W	B	B	W	W
303. Водяная горихв. – *Chaimarrornis leucocephalus*		V					
304. Сизая горихвостка – *Rhyacornis fuliginosa*					V		
305. Соловей-белошейка – *Irania gutturalis*		b			B	B	
306. Тугайный соловей – *Erythropygia galactotes*		M			M	B	B
307. Зарянка – *Erithacus rubecula*	W	MW	MW	MW	MW		W
308. Южный соловей – *Luscinia megarhynchos*	B	B	B	B	B	B	M
309. Соловей – *Luscinia luscinia*		M			M	M	M
310. Черногрудая красношейка – *Luscinia pectoralis*	B	B		B	B		
311. Варакушка – *Luscinia svecica*	B	B	M	B	MS	M	M
312. Синехвостка – *Tarsiger cyanurus*		V			V	V	
313. Луговой чекан – *Saxicola rubetra*	V	V			V	V	
314. Азиатский черноголовый чекан – *S. maurus*	B	B	B	B	B	M	M
315. Чёрный чекан – *Saxicola caprata*		M			B		
316. Каменка – *Oenanthe oenanthe*	B	B	M	B	B	B	M
317. Каменка-плешанка – *Oenanthe pleschanka*	B	B	B	B	B	B	B
318. Чёрная каменка – *Oenanthe picata*					B		
319. Пустынная каменка – *Oenanthe deserti*	M	B	M	M	MS	B	B
320. Каменка-плясунья – *Oenanthe isabellina*	B	B	B	B	B	B	B
321. Белоножка – *Enicurus scouleri*					B		
322. Серая мухоловка – *Muscicapa striata*	M	M	M	B	B	B	MS
323. Рыжехвостая мухоловка – *Muscicapa ruficauda*					VS		
324. Восточная малая мухоловка – *Ficedula albicilla*	M	M			M		M
325. Скотоцерка – *Scotocerca inquieta*					B	M	
326.Соловьиная широкохвостка – *Cettia cetti*	B	B	SM	SM	B	B	M
327. Соловьиный сверчок – *Locustella luscinioides*		S	S		MS		
328. Певчий сверчок – *Locustella certhiola*			S		M		
329. Обыкновенный сверчок – *Locustella naevia*	B	B		B	MS	M	M
330. Пятнистый сверчок – *Locustella lanceolata*					M		
331. Тонкоклювая камышевка – *Acrocephalus* [*Lusciniola*] *melanopogon*	B	S			M	M	
332. Индийская камышевка – *Acrocephalus agricola*		MS	S	B?	M	S	M
333. Садовая камышевка – *Acrocephalus dumetorum*	M	M	B	M	MS	M	M
334. Тростниковая камышевка – *A. scirpaceus*					M	M	M
335. Туркестанская камышевка – *A. stentoreus*	S?	B	MS	S	B	B	S
336. Дроздовидная камышевка – *A. arundinaceus*	S?	B	S	S?	B	B	B?

337. Северная бормотушка – *Iduna caligata*		M			MS	M	
338. Южная бормотушка – *Iduna rama*		B	S	S	MS	B	B
339. Бледная бормотушка – *Iduna pallida*					B	B	
340. Пустынная пересмешка – *Hippolais languida*				S	B	B	
341. Пеночка-весничка – *Phylloscopus trochilus*		M			M		
342. Пеночка-теньковка – *Phylloscopus collybita*	M	Msb	M	MS	MS	M	MS
343. Горная теньковка – *Phylloscopus sindianus*		V?		?			
344. Иранская пеночка – Phylloscopus neglectus					V?		
345. Пеночка-трещотка – *Phylloscopus sibilatrix*	V	V	V	V	M		
346. Пеночка-таловка – Phylloscopus borealis					V		V?
347. Зелёная пеночка – *Phylloscopus trochiloides*	B	B		B	Mb	M	M
348. Пеночка-зарничка – *Phylloscopus inornatus*		M			M	M	M
349. Тусклая зарничка – *Phylloscopus humei*	B	B		B	B	M	M
350. Корольковая пеночка – *Phylloscopus proregulus*		V			V		
351. Индийская пеночка – *Phylloscopus griseolus*	B	B		B	B		M
352. Бурая пеночка – *Phylloscopus fuscatus*		M			M		
353. Толстоклювая пеночка – *Herbivocula schwarzi*		V?					
354. Садовая славка – *Sylvia borin*		MS			M		
355. Ястребиная славка – *Sylvia nisoria*	B	B	B	B	B	M	M
356. Певчая славка – *Sylvia crassirostris* [*hortensis*]		b		B	B	B	M
357. Серая славка – *Sylvia communis*	B	B	B	B	B	M	MS
358. Славка-мельничек – *Sylvia curruca*		B	MS	M	MS	Mb?	M
359. Горная славка – *Sylvia althaea*	S	B	B	B	B	B	S
360. Белоусая славка – *Sylvia mystacea*		M			MS		
361. Пустынная славка – *Sylvia nana*		MB	S		M	M	B
362. Желтоголовый королёк – *Regulus regulus*	BW	BW		BW	WM		
363. Усатая синица – *Panurus biarmicus*		SW	BW		M	B	M
364. Ополовник – *Aegithalos caudatus*	w	BW	BW				
365. Расписная синичка – *Leptopoecile sophiae*	BW	BW	W	B			
366. Ремез – *Remiz pendulinus*		M			M		
367. Тростниковый ремез – *Remiz macronyx*		Mw			Mw	B	
368. Черноголовый ремез – *Remiz coronatus*	B	Bw	w	B	B	B	B
369. Джунгарская гаичка – *Parus songarus*	BW	BW		BW			
370. Московка – *Parus ater*	BW	BW		BW	w		
371. Рыжешейная синица – *Parus rufonuchalis*				BW	BW		
372. Лазоревка – *Parus caeruleus*		V			V		
373. Князёк – *Parus cyanus*	BW	BW	BW		MW		

374. Желтогрудый князёк – *Parus flavipectus*		sw		BW	BW		
375. Большая синица – *Parus major*	BW	BW	BW	s	wb		
376. Бухарская синица – *Parus bokharensis*		BW			BW		
377. Большой скальный поползень – *S. tephronota*	sw	BW	w	BW	BW	BW	BW
378. Стенолаз – *Tichodroma muraria*	BW	BW	W	BW	BW		
379. Пищуха – *Certhia familiaris*	Bw	Bw	W	B	W		
380. Гималайская пищуха – *Certhia himalayana*				sw	swb		
381. Буланый жулан – *Lanius isabellinus*	B	M	M	MS	M	M	M
382. Туркестанский жулан – *Lanius phoenicuroides*	B	B	B	B	B	B	B
383. Жулан – *Lanius collurio*		M			M	M	M
384. Длиннохвостый сорокопут – *Lanius schach*		B		B	B	B	M
385. Чернолобый сорокопут – *Lanius minor*	S	B	MS	B	B	B	B
386. Серый сорокопут – *Lanius excubitor*	W	W	W	W	W		
387. Пустынный сорокопут – *Lanius lathora*	ms	B	M?			MS	B
388. Иволга – *Oriolus oriolus*	s	B	B	B	B		M
389. Райская мухоловка – *Terpsiphone paradisi*		Vb			B	B	
390. Сойка – *Garrulus glandarius*					V		
391. Сорока – *Pica pica*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
392. Кедровка – *Nucifraga caryocatactes*	BW	BW		BW			
393. Клушица – *Pyrrhocorax pyrrhocorax*	BW	BW	W	BW	BW		
394. Альпийская галка – *Pyrrhocorax graculus*	BW	BW		BW	BW		
395. Галка – *Corvus monedula*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
396. Даурская галка – *Corvus dauuricus*		W			W		
397. Грач – *Corvus frugilegus*	B	BW	BW	BW	BW	BW	BW
398. Восточная чёрная ворона – *Corvus orientalis*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
399. Серая ворона – *Corvus cornix*	MW	MW	MW		MW	MW	MW
400. Пустынный ворон – *Corvus ruficollis*					mwb	b	S
401. Ворон – *Corvus corax*	BW	BW	w	BW	BW	B	B
402. Майна – *Acridotheres tristis*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
403. Розовый скворец – *Pastor roseus*	B	B	B	B	B	B	B
404. Скворец – *Sturnus vulgaris*	B	B	B	B	B	B	B
405. Саксаульный воробей – *Passer ammodendri*	M	BW	M	m			
406. Домовый воробей – *Passer domesticus*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	BW
407. Индийский воробей – *Passer indicus*	Ms	B	B	B	B	B	B
408. Испанский воробей – *Passer hispaniolensis*	M	Bw	b?w	B	BW	B	B
409. Полевой воробей – *Passer montanus*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	B
410. Каменный воробей – *Petronia petronia*	B	B	BW	B	BW	B	B

411. Снежный вьюрок – *Montifringilla nivalis*	BW	w		BW	BW		
412. Зяблик – *Fringilla coelebs*	MW	MWs	W	MW	MWs	MW	MW
413. Юрок – *Fringilla montifringilla*		WM	WM	WM	WM	M	M
414. Корольковый вьюрок – *Serinus pusillus*	BW	BW	W	BW	BW		W
415. Зеленушка – *Chloris chloris*	S	BW	mbs	B	BW	B	
416. Чиж – *Spinus spinus*		MW	MW	M	MW		
417. Щегол – *Carduelis carduelis*	MW	MW	MW		MW		
418. Седоголовый щегол – *Carduelis caniceps*	BW	BW	BW	BW	BW	BW	M
419. Коноплянка – *Acanthis cannabina*	B	BW	BW	B	B	B	B
420. Горная конoплянка – *Acanthis flavirostris*	BW	W	W	BW	Wb?		M
421. Чечётка – *Acanthis flammea*	w	MW	MW	M	MW		
422. Гималайский вьюрок – *Leucosticte nemoricola*	BW	BW		BW	BW		
423. Жемчужный вьюрок – *Leucosticte brandti*	BW	BW	w	BW	BW		
424. Краснокрылый чечевичник – *Rhodopechys sanguineus*	S	Swb	B	B	B	B	b?
425. Монгольский пустынный снегирь – *Bucanetes mongolicus*	B	B	B	B	Mb?	b	B
426. Буланый вьюрок – *Rhodospiza obsoleta*	m	B	m		B	B	B
427. Урагус – *Uragus sibiricus*	W	W	W	W	W	M	MW
428. Чечевица – *Carpodacus erythrinus*	B	B	B	B	B	M	M
429. Арчовая чечевица – *Carpodacus rhodochlamys*	BW	BW	W	BW	BW	M	W
430. Розовая чечевица – *Carpodacus grandis*					BW		
431. Большая чечевица – *Carpodacus rubicilla*	SW	SW		SW			
432. Красный вьюрок – *Pyrrhospiza puniceus*	S	B		B	B?		
433. Щур – *Pinicila enucleator*		V					
434. Клёст-еловик – *Loxia curvirostra*	BW	BW		B	V		
435. Белокрылый клёст – *Loxia leucopter*					V		
436. Снегирь – *Pyrrhula pyrrhula*	w	W	w		Ws		
437. Серый снегирь – *Pyrrhula cineracea*		W	W				
438. Дубонос – *Coccothraustes coccothraustes*		W			BW		
439. Арчовый дубонос – *Mycerobas carnipes*	BW	BW	W	BW	BW		w
440. Просянка – *Miliaria* [*Emberiza*] *calandra*	B	Bw	BW	B	BW	B	M
441. Обыкновенная овсянка – *Emberiza citrinella*	W	W		w	W		M
442. Белошапочная овсянка – *E. leucocephalos*	BW	MbW	W	SW	MW		M
443. Овсянка Стюарта – *Emberiza stewarti*		B	V	B	B	B	Ms
444. Горная овсянка – *Emberiza cia*	B	Bw	Bw	B	B	B	M
445. Овсянка Годлевского – *Emberiza godlewskii*	B	BW	W	W	w		
446. Красноухая овсянка – *Emberiza cioides*	BW	BW	W	B	MW	M	M

447. Садовая овсянка – *Emberiza hortulana*		M			M	M	M
448. Скальная овсянка – *Emberiza buchanani*	B	B	B	B	B	B	B
449. Желчная овсянка – *Granativora bruniceps*	B	B	B	B	B	B	B
450. Камышовая овсянка – *Schoeniclus schoeniclus*	Mws	Mwb	Mws	M	MW	Ms	M
451. Полярная овсянка – *Schoeniclus pallasii*					V		
452. Седоголовая овсянка – *Ocyris spodocephalus*					V		
453. Овсянка-крошка – *Ocyris* [*Emberiza*] *pusillus*		V			V		
454. Овсянка-ремез – *Ocyris* [*Emberiza*] *rusticus*		MW			W	M	M
455. Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus*		V	V			V	
456. Пуночка – *Plectrophenax nivalis*		V					

Таким образом, авифауна западной половины Тянь-Шаня состоит из 456 видов птиц. Гнездятся на его территории 280 видов (61.4%), из них 127 (45.4% от всех гнездящихся) могут быть встречены здесь в течение круглого года, а 153 (54.6%) являются перелётными. На зимовку в Тянь-Шань прилетают 30 видов (6.6% авифауны), пролетают через его территорию 76 видов (16.7%), и почти столько же (70 видов) в разное время залетали на его территорию (рис. 570).

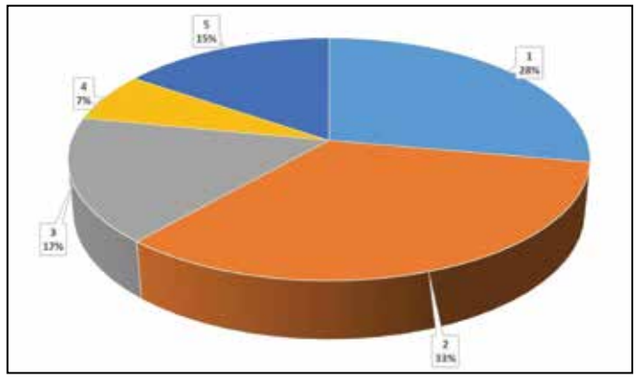

Рис. 570. Состав авифауны Тянь-Шаня по характеру пребывания птиц на его территории: 1 – встречаются круглый год («оседлые»), 2 – гнездятся, но на зиму отлетают (перелётные), 3 – мигрируют весной и осенью (пролётные), 4 – прилетают на зимовку, 5 – залётные

Помимо приведенных в таблице 456 видов, когда-либо (за последние 150 лет) достоверно отмечавшихся в пределах Тянь-Шаня, в орнитологической литературе имеются упоминания ещё о **19** видах, которые либо встречались здесь раньше, либо их нахождение не доказано, но не исключено в будущем. Это очень разношерстная группа, в неё входят как виды, когда-то обитавшие близ границ Тянь-Шаня (например, пустынная куропатка, возможно – большеклювая камышовка), так и транзитные мигранты (например, белощёкая казарка, касатка, тонкоклювый кроншнеп), а также ряд настоящих дальних и совсем не объяснимых залётов. Информация об этих видах есть выше, в систематической части обоих томов, – в кратких очерках, не имеющих порядкового номера. Ниже приводится перечень этих видов:

1. Пустынная куропатка *Ammoperdix griseogularis* (J.F. Brandt, 1843)
2. Белощёкая казарка – *Branta leucopsis* (Bechstein, 1803)
3. Хлопковый блестящий чирок *Nettapus coromandelianus* (J.F.Gmelin, 1789)
4. Касатка *Anas falcata* Georgi, 1775
5. Амурский кобчик *Falco amurensis* Radde, 1863
6. Лаггар *Falco jugger* J.E. Gray, 1834
7. Восточный лунь *Circus spilonotus* [*aeruginosus*] Kaup, 1847
8. Тонкоклювый кроншнеп *Numeniuus tenuirostris* Vieillot, 1817
9. Ширококлювая мухоловка *Muscicapa latirostris* Raffles, 1822
10. Речной сверчок *Locustella fluviatilis* (Wolf, 1810)
11. Камышевка-барсучок *Acrocephalus schoenobaenus* (Linnaeus, 1758)
12. Большеклювая камышевка *Acrocephalus orinus* Oberholser, 1905

13. Болотная камышевка *Acrocephalus palustris* (Bechstein, 1798)
14. Зелёная пересмешка *Hippolais icterina* (Vieillot, 1817)
15. Зеленокрылая пеночка *Phylloscopus occipitalis* (Blyth, 1845)
16. Гималайская пеночка *Phylloscopus subviridis* (Brooks, 1872)
17. Сорокопут Дарвина *Lanius darwini* Sevetrzov, 1879
18. Серая овсянка *Emberiza cineracea* C.L. Brehm, 1855
19. Черноголовая овсянка *Granativora [Emberiza] melanocephala* Scopoli, 1769

Рассмотрение четырёх основных групп птиц (по характеру пребывания), начну с наименее значимой – **залётных** птиц, с тем, чтобы завершить более подробным разбором основной группы – гнездящихся. Как ни странно, группа эта – 70 видов из 10 отрядов (см. список 1) – почти равна по своему объёму *только пролетающим* через Тянь-Шань птицам, которых насчитывается 76 видов.

Список 1. Залётные птицы в Тянь-Шане

Пискулька – *Anser erythropus*	Моевка – *Rissa tridactyla*
Белый гусь – *Anser caerulescens*	Чеграва – *Hydroprogne caspia*
Чёрная казарка – *Branta bernicla*	Белощёкая крачка – *Chlidonias hybrida*
Краснозобая казарка – *Rufibrenta ruficollis*	Попугай Крамера – *Psittacula krameri*
Клоктун – *Anas formosa*	Малая кукушка – *Cuculus poliocephalus*
Чёрная кряква – *Anas zonorhyncha*	Воробьиный сычик – *Glaucidium passerinum*
Мраморный чирок – *Marmaronetta angustirostris*	Колючехвостый стриж *Hirundapus caudacutus*
Синьга – *Melanitta nigra*	Пятнистый конёк – *Anthus hodgsoni*
Турпан – *Melanitta fusca*	Сибирский конёк – *Anthus gustavi*
Жёлтая цапля – *Ardeola ralloides*	Желтолобая трясогузка – *Motacilla lutea*
Индийская прудовая цапля – *Ardeola grayii*	Амурский свиристель – *Bombycilla japonica*
Белокрылая цапля – *Ardeola bacchus*	Сибирская завирушка – *Prunella montanella*
Малая белая цапля – *Egretta garzetta*	Лесная завирушка – *Prunella modularis*
Черноголовый ибис – *Threskiornis melanocephalus*	Рыжий дрозд – *Turdus naumanni*
Кречет – *Falco rusticolus*	Бурый дрозд – *Turdus eunomus [naumanni*]
Орлан-долгохвост – *Haliaeetus leucoryphus*	Белобровик – *Turdus iliacus*
Ястребиный орёл – *Hieraaetus fasciatus*	Певчий дрозд – *Turdus philomelos*
Стерх – *Grus leucogeranus*	Водяная горихв. – *Chaimarrornis leucocephalus*
Белохвостая пигалица *Vanellochettusia leucura*	Сизая горихвостка – *Rhyacornis fuliginosa*
Восточный зуёк – *Charadrius veredus*	Синехвостка – *Tarsiger cyanurus*
Хрустан – *Eudromias morinellus*	Луговой чекан – *Saxicola rubetra*
Лесной дупель – *Gallinago megala*	Рыжехвостая мухоловка – *Muscicapa ruficauda*
Азиатский бекас – *Gallinago stenura*	Горная теньковка – *Phylloscopus sindianus*
Малый веретенник – *Limosa lapponica*	Иранская пеночка – *Phylloscopus neglectus*
Американский бекасовидный веретенник – *Limnodromus scolopaceus*	Пеночка-таловка – *Phylloscopus borealis*
	Корольковая пеночка – *Phylloscopus proregulus*
Азиатский бекасовидный веретенник – *Limnodromus semipalmatus*	Толстоклювая пеночка – *Herbivocula schwarzi*
	Лазоревка – *Parus caeruleus*
Плосконосый плавунчик *Phalaropus fulicarius*	Сойка – *Garrulus glandarius*
Острохвостый песочник – *Calidris acuminata*	Щур – *Pinicila enucleator*
Исландский песочник – *Calidris canutus*	Белокрылый клёст – *Loxia leucopter*
Средний поморник – *Stercorarius pomarinus*	Полярная овсянка – *Schoeniclus pallasii*
Короткохвостый поморник – *S. parasiticus*	Седоголовая овсянка – *Ocyris spodocephalus*
Восточная клуша, или халей – *Larus heuglini*	Овсянка-крошка – *Ocyris [Emberiza] pusillus*
Бургомистр – *Larus hyperboreus*	Лапландский подорожник *Calcarius lapponicus*
Буроголовая чайка – *Larus brunnicephalus*	Пуночка – *Plectrophenax nivalis*

Группа эта очень неоднородная. Не исключено, что при ближайшем изучении окажется, что многие из этих видов – просто редкие пролётные или зимующие вблизи границ нашего района (например, клоктун, турпан, колючехвостый стриж, пятнистый и сибирский коньки, дрозды, синехвостка, овсянки, подорожник, пуночка). Рыжехвостая мухоловка, горная теньковка и водяная горихвостка гнездятся вблизи границ Тянь-Шаня и со временем вполне богут быть найдены на гнездовании также в его

пределах. Не вызывают особого удивления залёты белокрылого клеста, щура, амурского свиристеля, сибирской завирушки, и даже массовые налёты корольковой пеночки, которая периодически залетает аж до берегов Атлантики.

Транзитные мигранты (76 видов). Возможно, название не совсем удачное (выбрано просто из-за краткости), поскольку имеются в виду не только птицы, мигрирующие безостановочно (транзитом), но и те, которые проводят в пределах нашего района некоторое время, но как правило не остаются зимовать, хотя исключений здесь, в зависимости от суровости или мягкости зимы, всегда бывает предостаточно (список 2).

Список 2. Птицы, пролетающие через Тянь-Шань и его предгорья

Лебедь-шипун – *Cygnus olor*	Турухтан – *Philomachus pugnax*
Савка – *Oxyura leucocephala*	Грязовик – *Limicola falcinellus*
Розовый пеликан – *Pelecanus onocrotalus*	Сизая чайка – *Larus canus*
Рыжая цапля – *Ardea purpurea*	Морской голубок – *Larus genei*
Каравайка – *Plegadis falcinellus*	Малая чайка – *Larus minutus*
Кобчик – *Falco vespertinus*	Белокрылая крачка – *Chlidonias leucopterus*
Скопа – *Pandion haliaetus*	Глухая кукушка – *Cuculus saturatus*
Осоед – *Pernis apivorus*	Зелёная щурка – *Merops persicus*
Хохлатый осоед – *Pernis ptilorhynchus*	Вертишейка – *Jynx torquilla*
Тювик – *Accipiter badius*	Белокрылый жаворонок – *M. leucoptera*
Большой подорлик – *Aquila clanga*	Луговой конёк – *Anthus pratensis*
Малый погоныш – *Porzana parva*	Краснозобый конёк – *Anthus cervinus*
Погоныш – *Porzana porzana*	Жёлтая трясогузка – *Motacilla flava*
Кречётка – *Chettusia gregaria*	Желтоголовая трясогузка – *Motacilla citreola*
Золотистая ржанка – *Pluvialis apricaria*	Белая трясогузка – *Motacilla alba*
Бурокрылая ржанка – *Pluvialis fulva*	Соловей – *Luscinia luscinia*
Тулес – *Pluvialis squatarola*	Восточная малая мухоловка – *Ficedula albicilla*
Галстучник – *Charadrius hiaticula*	Соловьиный сверчок – *Locustella luscinioides*
Гаршнеп – *Lymnocryptes minimus*	Певчий сверчок – *Locustella certhiola*
Дупель – *Gallinago media*	Пятнистый сверчок – *Locustella lanceolata*
Большой веретенник – *Limosa limosa*	Тонкоклювая камышевка – *Acrocephalus melanopogon*
Средний кроншнеп – *Numenius phaeopus*	Индийская камышевка – *Acrocephalus agricola*
Большой кроншнеп – *Numenius arquata*	Садовая камышевка – *Acrocephalus dumetorum*
Щёголь – *Tringa erythropus*	Тростниковая камышевка – *A. scirpaceus*
Поручейник – *Tringa stagnatilis*	Северная бормотушка – *Iduna caligata*
Большой улит – *Tringa nebularia*	Пеночка-весничка – *Phylloscopus trochilus*
Черныш – *Tringa ochropus*	Пеночка-теньковка – *Phylloscopus collybita*
Фифи – *Tringa glareola*	Пеночка-трещотка – *Phylloscopus sibilatrix*
Мородунка – *Xenus cinereus*	Пеночка-зарничка – *Phylloscopus inornatus*
Круглоносый плавунчик – *Phalaropus lobatus*	Бурая пеночка – *Phylloscopus fuscatus*
Камнешарка – *Arenaria interpres*	Садовая славка – *Sylvia borin*
Кулик-воробей – *Calidris minuta*	Славка-мельничек – *Sylvia curruca*
Песочник-красношейка – *Calidris ruficollis*	Белоусая славка – *Sylvia mystacea*
Длиннопалый песочник – *Calidris subminuta*	Ремез – *Remiz pendulinus*
Белохвостый песочник – *Calidris temminckii*	Буланый жулан – *Lanius isabellinus*
Краснозобик – *Calidris ferruginea*	Жулан – *Lanius collurio*
Чернозобик – *Calidris alpina*	Садовая овсянка – *Emberiza hortulana*
Песчанка – *Calidris alba*	Камышовая овсянка – *Schoeniclus schoeniclus*

Некоторых из этих видов изредка встречали зимой, особенно на Иссык-Куле (лебедь-шипун, розовый пеликан, каравайка, гаршнеп, большой улит, сизая и малая чайки, камышовая овсянка), другие виды отмечены летом (осоед, хохлатый осоед, большой подорлик, малый погоныш, соловьиный сверчок, индийская камышовка), у иных отмечено даже разовое гнездование (савка, тювик, большой веретенник, большой кроншнеп, зелёная щурка, вертишейка, теньковка, славка-мельничек, буланый жулан, теньковка, зяблик). Несмотря на приведенные исключения, все эти птицы относятся к группе пролётных.

Зимующие птицы. Прилетают на зимовку в Тянь-Шань как минимум 30 видов птиц (список 3).

Список 3. Птицы, прилетающие на зимовку в Тянь-Шань

Малый лебедь – *Cygnus bewickii*	Краснозобый дрозд – *Turdus ruficollis*
Белолобый гусь – *Anser albifrons*	Чернозобый дрозд – *Turdus atrogularis*
Морская чернеть – *Aythya marila*	Зарянка – *Erithacus rubecula*
Морянка – *Clangula hyemalis*	Серый сорокопут – *Lanius excubitor*
Гоголь – *Bucephala clangula*	Даурская галка – *Corvus dauuricus*
Луток – *Mergellus albellus*	Серая ворона – *Corvus cornix*
Розовый фламинго – *Phoenicopterus roseus*	Зяблик – *Fringilla coelebs*
Сапсан – *Falco peregrinus*	Юрок – *Fringilla montifringilla*
Зимняк – *Buteo lagopus*	Чиж – *Spinus spinus*
Горный дупель – *Gallinago solitaria*	Щегол – *Carduelis carduelis*
Черноголовый хохотун – *Larus ichthyaëtus*	Чечётка – *Acanthis flammea*
Белая сова – *Nyctea scandiaca*	Снегирь – *Pyrrhula pyrrhula*
Чёрный жаворонок – *M. yeltoniensis*	Серый снегирь – *Pyrrhula cineracea*
Гольцовый конёк – *Anthus rubescens*	Обыкновенная овсянка – *Emberiza citrinella*
Свиристель – *Bombycilla garrulus*	Овсянка-ремез – *Ocyris [Emberiza] rusticus*

Однако зимняя фауна птиц Тянь-Шаня богата за счёт гнездящихся видов, остающихся на зиму. Не всех их можно назвать оседлыми (у некоторых видов гнездившиеся особи на зиму отлетают южнее, а их заменяют представители более северных популяций), но именно они составляют основу зимней авифауны. Всего зимой в пределах Тянь-Шаня отмечены представители 178 видов птиц (38.3% его авифауны). Из них 127 видов – «оседлые» для Тянь-Шаня в целом, но некоторые (пищуха, черногорлая завирушка, крапивник, красноспинная горихвостка и др.) на зимнее время перемещаются из северо-восточных хребтов в юго-западные; многие другие (и часть особей названных видов) – из верхнего высотного пояса в нижележащий или же из северных склонов на склоны южной экспозиции. Кстати, высотные перемещения часто носят кратковременный характер – как реакция на внезапное ухудшение погодных условий (Ковшарь, 1978).

Гнездящиеся птицы (280 видов). Составляют более половины (61.4%) авифауны Тянь-Шаня. Из них почти половина (45%) встречаются в Тянь-Шане круглый год – условно их можно назвать «оседлые», хотя замена на зимний период летних особей представителиями северных популяций (см. выше), по-видимому, распространена достаточно широко. Перечень этих круглогодичных обитателей приведен в списке 4.

Список 4. Птицы, встречающиеся в Тянь-Шане зимой и летом (включая оседлых)

Тетерев – *Lyrurus tetrix*	Болотная сова – *Asio flammeus*
Гималайский улар – *Tetraogallus himalayensis*	Большой пёстрый дятел – *Dendrocopos major*
Кеклик – *Alectoris chukar*	Белокрылый дятел – *Dendrocopos leucopterus*
Серая куропатка – *Perdix perdix*	Трёхпалый дятел – *Picoides tridactylus*
Бородатая куропатка – *Perdix dauurica*	Белокрылый жаворонок – *M. leucoptera*
Фазан – *Phasianus colchicus*	Рогатый жаворонок – *Eremophila alpestris*
Лебедь-кликун – *Cygnus cygnus*	Хохлатый жаворонок – *Galerida cristata*
Огарь – *Tadorna ferruginea*	Полевой жаворонок – *Alauda arvensis*
Пеганка – *Tadorna tadorna*	Оляпка – *Cinclus cinclus*
Серая утка – *Anas strepera*	Бурая оляпка – *Cinclus pallasii*
Чирок-свистунок – *Anas crecca*	Крапивник – *Troglodytes troglodytes*
Кряква – *Anas platyrhynchos*	Альпийская завирушка – *Prunella collaris*
Шилохвость – *Anas acuta*	Гималайская завирушка – *Prunella himalayana*
Широконоска – *Anas clypeata*	Бледная завирушка – *Prunella fulvescens*
Красноносый нырок – *Netta rufina*	Черногорлая завирушка – *Prunella atrogularis*
Красноголовый нырок – *Aythya ferina*	Чёрный дрозд – *Turdus merula*
Белоглазый нырок – *Aythya nyroca*	Деряба – *Turdus viscivorus*
Хохлатая чернеть – *Aythya fuligula*	Красноспинная горихвостка – *Ph. erythronotus*

Длинноносый крохаль – *Mergus serrator*	Краснобрюхая горихвостка – *Ph. erythrogastrus*
Большой крохаль – *Mergus merganser*	Желтоголовый королёк – *Regulus regulus*
Чернозобая гагара – *Gavia arctica*	Усатая синица – *Panurus biarmicus*
Кудрявый пеликан – *Pelecanus crispus*	Ополовник – *Aegithalos caudatus*
Малый баклан – *Phalacrocorax pygmaeus*	Расписная синичка – *Leptopoecile sophiae*
Большой баклан – *Phalacrocorax carbo*	Джунгарская гаичка – *Parus songarus*
Большая белая цапля – *Casmerodius albus*	Московка – *Parus ater*
Серая цапля – *Ardea cinerea*	Рыжешейная синица – *Parus rufonuchalis*
Малая поганка – *Tachybaptus ruficollis*	Князёк – *Parus cyanus*
Серощёкая поганка – *Podiceps grisegena*	Желтогрудый князёк – *Parus flavipectus*
Чомга – *Podiceps cristatus*	Большая синица – *Parus major*
Черношейная поганка – *Podiceps nigricollis*	Бухарская синица – *Parus bokharensis*
Красношейная поганка – *Podiceps auritus*	Большой скальный поползень – *S. tephronota*
Пустельга – *Falco tinnunculus*	Стенолаз – *Tichodroma muraria*
Дербник – *Falco columbarius*	Пищуха – *Certhia familiaris*
Балобан – *Falco cherug*	Сорока – *Pica pica*
Орлан-белохвост – *Haliaeetus albicilla*	Кедровка – *Nucifraga caryocatactes*
Кумай – *Gyps himalayensis*	Клушица – *Pyrrhocorax pyrrhocorax*
Полевой лунь – *Circus cyaneus*	Альпийская галка – *Pyrrhocorax graculus*
Тетеревятник – *Accipiter gentilis*	Галка – *Corvus monedula*
Сарыч – *Buteo buteo*	Грач – *Corvus frugilegus*
Курганник – *Buteo rufinus*	Восточная чёрная ворона – *Corvus orientalis*
Мохноногий курганник – *Buteo hemilasius*	Ворон – *Corvus corax*
Степной орёл – *Aquila nipalensis*	Майна – *Acridotheres tristis*
Орёл-могильник – *Aquila heliaca*	Домовый воробей – *Passer domesticus*
Беркут – *Aquila chrysaëtos*	Полевой воробей – *Passer montanus*
Водяной пастушок – *Rallus aquaticus*	Каменный воробей – *Petronia petronia*
Лысуха – *Fulica atra*	Снежный вьюрок – *Montifringilla nivalis*
Дрофа – *Otis tarda*	Корольковый вьюрок – *Serinus pusillus*
Серпоклюв – *Ibidorhyncha struthersii*	Зеленушка – *Chloris chloris*
Чибис – *Vanellus vanellus*	Седоголовый щегол – *Carduelis caniceps*
Вальдшнеп – *Scolopax rusticola*	Коноплянка – *Acanthis cannabina*
Бекас – *Gallinago gallinago*	Горная коноплянка – *Acanthis flavirostris*
Хохотунья – *Larus cachinnans*	Гималайский вьюрок – *Leucost. nemoricola*
Озёрная чайка – *Larus ridibundus*	Жемчужный вьюрок – *Leucosticte brandti*
Сизый голубь – *Columba livia*	Арчовая чечевица – *C. rhodochlamys*
Скальный голубь – *Columba rupestris*	Розовая чечевица – *Carpodacus grandis*
Клинтух – *Columba oenas*	Большая чечевица – *Carpodacus rubicilla*
Кольчатая горлица – *Streptopelia decaocto*	Клёст-еловик – *Loxia curvirostra*
Малая горлица – *Streptopelia senegalensis*	Дубонос – *Coccothraustes coccothraustes*
Филин – *Bubo bubo*	Арчовый дубонос – *Mycerobas carnipes*
Серая неясыть – *Strix aluco*	Просянка – *Miliaria [Emberiza] calandra*
Мохноногий сыч – *Aegolius funereus*	Белошапочная овсянка – *E. leucocephalos*
Домовый сыч – *Athene noctua*	Овсянка Годлевского – *Emberiza godlewskii*
Ястребиная сова – *Surnia ulula*	Красноухая овсянка – *Emberiza cioides*
Ушастая сова – *Asio otus*	

В этом списке наряду с такими типично оседлыми птицами как куриные, совы, дятлы, синицы, врановые, воробьи находятся и явно перелётные (многие утки и кулики, дрофа, чибис, полевой жаворонок, галка, грач), одни популяции которых гнездятся в Тянь-Шане, а другие зимуют в его пределах.

Однако больше половины гнездящихся в Тянь-Шане видов птиц (153) являются перелётными, они составляют третью часть всей авифауны (рис. 570). Для полноты информации привожу и этот список 5.

Список 5. Гнездящиеся перелётные птицы западной половины Тянь-Шаня

Перепел – *Coturnix coturnix*
Серый гусь – *Anser anser*
Горный гусь – *Anser indicus*
Чирок-трескунок – *Anas querquedula*
Волчок – *Ixobrychus minutus*
Кваква – *Nycticorax nycticorax*
Чёрный аист – *Ciconia nigra*
Белый аист – *Ciconia ciconia*
Колпица – *Platalea leucorodia*
Степная пустельга – *Falco naumanni*
Чеглок – *Falco subbuteo*
Шахин – *Falco pelegrinoides*
Чёрный коршун – *Milvus migrans*
Белоголовый сип – *Gyps fulvus*
Чёрный гриф – *Aegypius monachus*
Бородач – *Gypaëtus barbatus*
Стервятник – *Neophron percnopterus*
Змееяд – *Circaëtus gallicus*
Болотный лунь – *Circus aeruginosus*
Степной лунь – *Circus macrourus*
Луговой лунь – *Circus pygargus*
Тювик – *Accipiter badius*
Перепелятник – *Accipiter nisus*
Орёл-карлик – *Hieraaetus pennatus*
Красавка – *Anthropoides virgo*
Серый журавль – *Grus grus*
Коростель – *Crex crex*
Погоныш-крошка – *Porzana pusilla*
Камышница – *Gallinula chloropus*
Джек – *Chlamydotis macqueenii*
Стрепет – *Tetrax tetrax*
Авдотка – *Burhinus oedicnemus*
Кулик-сорока – *Haematopus ostralegus*
Ходулочник – *Himantopus himantopus*
Шилоклювка – *Recurvirostra avosetta*
Малый зуёк – *Charadrius dubius*
Морской зуёк – *Charadrius alexandrinus*
Монгольский зуёк – *Charadrius mongolus*
Большеклювый зуёк – *Charadrius leschenaultii*
Каспийский зуёк – *Charadrius asiaticus*
Большой веретенник – *Limosa limosa*
Травник – *Tringa totanus*
Перевозчик – *Actitis hypoleucos*
Луговая тиркушка – *Glareola pratincola*
Степная тиркушка – *Glareola nordmanni*
Чайконосая крачка – *Gelochelidon nilotica*
Речная крачка – *Sterna hirundo*
Малая крачка – *Sterna albifrons*
Чёрная крачка – *Chlidonias niger*
Белобрюхий рябок – *Pterocles alchata*
Чернобрюхий рябок – *Pterocles orientalis*
Саджа – *Syrrhaptes paradoxus*
Белогрудый голубь – *Columba leuconota*
Бурый голубь – *Columba eversmanni*
Деревенская ласточка – *Hirundo rustica*
Рыжепоясничная ласточка – *Cecropis daurica*
Скальная ласточка – *Ptyonoprogne rupestris*
Воронок – *Delichon urbica*
Степной конёк – *Anthus richardi*
Полевой конёк – *Anthus campestris*
Лесной конёк – *Anthus trivialis*
Горный конёк – *Anthus spinoletta*
Черноголовая трясогузка – *Motacilla feldegg*
Малая желтоголовая трясогузка – *M. werae*
Черноспинная трясогузка – *Motacilla calcarata*
Горная трясогузка – *Motacilla cinerea*
Маскированная трясогузка – *M. personata*
Пёстрый дрозд – *Zoothera varia*
Синяя птица – *Myophonus caeruleus*
Пёстрый каменный дрозд – *Monticola saxatilis*
Синий каменный дрозд – *Monticola solitarius*
Седоголовая горихвостка – *Ph. caeruleocephala*
Горихвостка-лысушка – *Ph. phoenicurus*
Горихвостка-чернушка – *Phoenicurus ochruros*
Соловей-белошейка – *Irania gutturalis*
Тугайный соловей – *Erythropygia galactotes*
Южный соловей – *Luscinia megarhynchos*
Черногрудая красношейка – *Luscinia pectoralis*
Варакушка – *Luscinia svecica*
Азиатский черноголовый чекан – *S. maurus*
Чёрный чекан – *Saxicola caprata*
Каменка – *Oenanthe oenanthe*
Каменка-плешанка – *Oenanthe pleschanka*
Чёрная каменка – *Oenanthe picata*
Пустынная каменка – *Oenanthe deserti*
Каменка-плясунья – *Oenanthe isabellina*
Белоножка – *Enicurus scouleri*
Серая мухоловка – *Muscicapa striata*
Скотоцерка – *Scotocerca inquieta*
Соловьиная широкохвостка – *Cettia cetti*
Обыкновенный сверчок – *Locustella naevia*
Тонкоклювая камышевка – A. *melanopogon*
Индийская камышевка – *Acrocephalus agricola*
Садовая камышевка – *Acrocephalus dumetorum*
Туркестанская камышевка – *A. stentoreus*
Дроздовидная камышевка – *A. arundinaceus*
Южная бормотушка – *Iduna rama*
Бледная бормотушка – *Iduna pallida*
Пустынная пересмешка – *Hippolais languida*
Зелёная пеночка – *Phylloscopus trochiloides*
Тусклая зарничка – *Phylloscopus humei*
Индийская пеночка – *Phylloscopus griseolus*
Садовая славка – *Sylvia borin*
Ястребиная славка – *Sylvia nisoria*
Певчая славка – *Sylvia crassirostris*
Серая славка – *Sylvia communis*
Славка-мельничек – *Sylvia curruca*
Горная славка – *Sylvia althaea*

Вяхирь – *Columba palumbus*
Горлица – *Streptopelia turtur*
Большая горлица – *Streptopelia orientalis*
Кукушка – *Cuculus canorus*
Буланая совка – *Otus brucei*
Сплюшка – *Otus scops*
Козодой – *Caprimulgus europaeus*
Белобрюхий стриж – *Apus melba*
Чёрный стриж – *Apus apus*
Сизоворонка – *Coracias garrulus*
Зимородок – *Alcedo atthis*
Золотистая щурка – *Merops apiaster*
Удод – *Upupa epops*
Степной жаворонок – *Melanocorypha calandra*
Двупятнистый жаворонок – *M. bimaculata*
Белокрылый жаворонок – *M. leucoptera*
Малый жаворонок – *Calandrella brachydactyla*
Тонкоклювый жаворонок – *C. acutirostris*
Серый жаворонок – *Calandrella rufescens*
Индийский жаворонок – *Alauda gulgula*
Береговушка – *Riparia riparia*
Бледная береговушка – *Riparia diluta*
Пустынная славка – *Sylvia nana*
Черноголовый ремез – *Remiz coronatus*
Туркестанский жулан – *Lanius phoenicuroides*
Длиннохвостый сорокопут – *Lanius schach*
Чернолобый сорокопут – *Lanius minor*
Пустынный сорокопут – *Lanius lathora*
Иволга – *Oriolus oriolus*
Райская мухоловка – *Terpsiphone paradisi*
Пустынный ворон – *Corvus ruficollis*
Розовый скворец – *Pastor roseus*
Скворец – *Sturnus vulgaris*
Индийский воробей – *Passer indicus*
Испанский воробей – *Passer hispaniolensis*
Краснокрылый чечевичник – *Rhodop. sanguineus*
Монг. пустынный снегирь – *Bucanetes mongolicus*
Буланый вьюрок – *Rhodospiza obsoleta*
Чечевица – *Carpodacus erythrinus*
Красный вьюрок – *Pyrrhospiza puniceus*
Овсянка Стюарта – *Emberiza stewarti*
Скальная овсянка – *Emberiza buchanani*
Желчная овсянка – *Granativora bruniceps*

Для гнездящихся в Тянь-Шане птиц очень интересно было выяснить соотношение экологических групп птиц (*предпочитаемого* каждой птицей биотопа). Задача эта не из лёгких хотя бы потому, что представители даже одного вида птиц могут жить в различных биотопах, а нам надо определить наиболее предпочтительный. Проведенный анализ показал следующие результаты в самых обобщённых выражениях (рис. 571):

- лесные, или дендрофильные птицы;
- птицы открытых пространств;
- водно-болотные и околоводные;
- птицы каменистых обнажений (петрофилы);
- высокогорные;
- птицы антропогенных ландшафтов

Среди самой крупной группы *птиц открытых пространств* (**92** вида) немало обитателей лугов и лугово-степей (серая и бородатая куропатки, перепел, коростель, коньки – лесной и горный, трясогузки – черноголовая и черноспинная, азиатский черноголовый чекан, обыкновенный сверчок, просянка); однако преобладают *степные* виды (журавль-красавка, дрофа, стрепет, авдотка; ряд видов жаворонков – степной, двупятнистый, малый, тонкоклювый, серый, индийский, рогатый, хохлатый; каменки – обыкновенная и плясунья); гнездятся даже обитатели настоящих пустынь – джек, большеклювый и каспийский зуйки, саджа, белобрюхий и чернобрюхий рябки, чёрная и пустынная каменки.

Из *лесных птиц* (**81** вид) ельники Тянь-Шаня населяют такие настоящие дендрофилы, как тетерев, ястреба – тетеревятник и перепелятник;

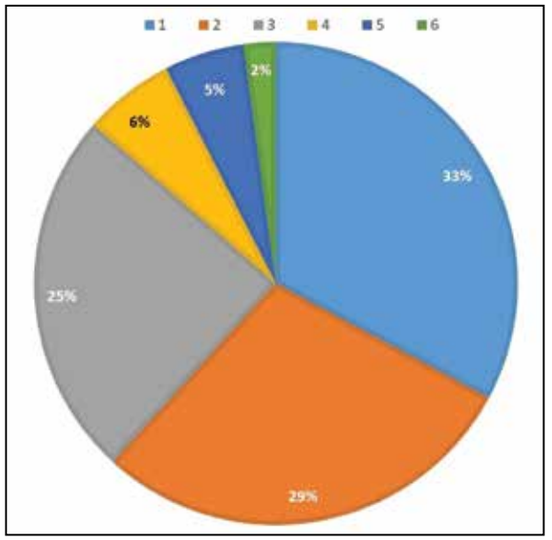

Рис. 571. Соотношение экологических групп птиц в гнездовой авифауне Тянь-Шаня:
1 – птицы открытых пространств (33%);
2 – дендрофильные, или древесно-кустарниковые птицы (29%);
3 – водно-болотные и околоводные (25%),
4 – высокогорные (6%);
5 – петрофилы, иди птицы каменистых обнажений (5%);
6 – птицы антропогенного ландшафта, включая типичных
синантропов (2%).

сарыч, орёл-карлик, клинтух, вяхирь, большая горлица, мохноногий сыч и ястребиная сова; трёхпалый дятел, дрозды – деряба и пёстрый, желтоголовый королёк, джунгарская гаичка и московка, крапивник, пищуха, кедровка, клёст-еловик. В лиственных лесах и кустарниковых зарослях обитает множество древесно-кустарниковых птиц: сплюшка, серая неясыть, ушастая сова, белокрылый дятел, соловей-белошейка, ряд видов славок и пеночек. *Водно-болотные птицы* (**69** видов) в авифауне Тянь-Шаня представлены прежде всего 17 видами гусей и уток, среди которых такой раритет, как горный гусь; 6 видами голенастых, 5 видами поганок, тремя видами веслоногих, 14 видами куликов, среди которых – такая редкость как серпоклюв; а также 6 видами чаек и крачек (см. списки 4 и 5). Всё это богатство водно-болотных видов птиц – в основном благодаря озеру Иссык-Куль.

Настоящих *высокогорных птиц* в общем немного (всего 17 видов) и они настолько важны, что имеет смысл привести их полный перечень (список 6).

Список 6. Птицы, гнездящиеся только в высокогорье

Гималайский улар – *Tetraogallus himalayensis*	Стенолаз – *Tichodroma muraria*
Бородач – *Gypaëtus barbatus*	Клушица – *Pyrrhocorax pyrrhocorax*
Альпийская завирушка – *Prunella collaris*	Альпийская галка – *Pyrrhocorax graculus*
Гималайская завирушка – *Prunella himalayana*	Снежный вьюрок – *Montifringilla nivalis*
Бледная завирушка – *Prunella fulvescens*	Гималайский вьюрок – *Leucost.nemoricola*
Горихвостка-чернушка – *Phoenicurus ochruros*	Жемчужный вьюрок – *Leucosticte brandti*
Красноспинная горихвостка – *Ph. erythronotus*	Большая чечевица – *Carpodacus rubicilla*
Краснобрюхая горихвостка – *Ph. erythrogastrus*	Красный вьюрок – *Pyrrhospiza puniceus*
Черногрудая красношейка – *Luscinia pectoralis*	

Надо оговориться, что даже в определении такой группы, как высокогорные виды, не всё так просто и однозначно. Так, бородач гнездится не только в высокогорье, но сплошь и рядом в средней части гор, однако большую часть жизни он проводит именно в высокогорье, делая свои охотничьи облёты вдоль гребней хребтов, на что первым обратил внимание ещё Л.М. Шульпин в Таласском Алатау, а вслед за ним – Б.К. Штегман в Заилийском Алатау. С другой стороны, в списке 6 явно не хватает высокогорных видов, которые попали в группу водных и околоводных (горный гусь, серпоклюв, монгольский зуёк) и в другие экологические группы – открытых пространств, обитателей кустарников или петрофилов (кумай, голуби – белогрудый и скальный, горный конёк, арчовый дубонос и арчовая чечевица). Даже обыкновенный ворон (тибетский подвид) ведёт себя в Тянь-Шане как высокогорная птица, а краснокрылый чечевичник таковым и является в Западном Тянь-Шане, тогда как в Северном живёт в сухих низкогорьях Сюгаты и Богуты.

Число видов птиц, связанных с *каменистыми обнажениями* (*петрофилов*) в диаграмме (рис. 571) по той же причине также несколько занижено. В него вошли следующие 15 видов: кеклик, три вида голубей (сизый, скальный и белогрудый), филин, чёрный и белобрюхий стрижи, пёстрый и синий каменные дрозды, плешанка, большой скальный поползень, краснокрылый чечевичник и монгольский пустынный снегирь, овсянки – Стюарта и скальная. Фактически сюда же принадлежат отнесенные в группу птиц открытых пространств многие представители хищных птиц, гнездящиеся только на скалах (кумай, белоголовый сип, стервятник, бородач, степная пустельга), скальная ласточка и воронок (для последнего гнездование на зданиях – вторично), розовый скворец, а также представители других экологических групп: альпийская завирушка, горихвостки – чернушка и краснобрюхая, белоножка, стенолаз, клушица и альпийская галка, каменнный воробей, большая чечевица; вьюрки – гималайский, жемчужный и красный.

Последняя экологическая группа – птицы антропогенных ландшафтов. Насчитывая всего 7 видов (кольчатая и малая горлицы, маскированная трясогузка, майна, скворец, домовый и полевой воробьи), эта группа включает в себя массовые виды, оказывающие большое влияние на окружающую среду в пределах антропогенного ландшафта – в основном у окраин горной системы, но местами и глубоко в горах, порой до 2000 м над уровнем моря. Среди 6 типичных синантропов в этой группе оказался изначально околоводный вид – маскированная трясогузка, которая поднимается на гнездовье до 3000 м и выше отнюдь не по речным руслам (которые далеко не всегда здесь имеются), а именно вместе с постройками человека.

Конечно, это всего лишь попытка беглой зарисовки экологической приуроченности отдельных видов птиц в регионе Тянь-Шаня. Как показали классические исследования Е.В. Козловой:

«Для выяснения этого вопроса необходимы дальнейшая разработка и углубление исследований истории региональных фаун. Каждый орнитокомплекс представляет исторически сложившуюся совокупность видов птиц, приспособившихся к условиям обитания на территории ареала данного комплекса и до известной степени друг к другу. Не подлежит сомнению, что на протяжении истории страны, населённой ныне данным комплексом, в ходе изменений абиотических и биотических факторов каждый отдельный вид птиц предъявляет свои требования к среде обитания, имеет свою специфику в приспособлении к изменяющимся условиям этой среды, а также свой диапазон экологической и морфологической пластичности; кроме того, у каждого вида есть своя особая история, предшествовавшая той эпохе, когда он или его ближайший предок вошли в состав данного орнитокомплекса» (Козлова, 1960, с. 57). Далее в этой же работе она добавляет: «Для перелётных диареальных видов представляется очень существенным знакомство не только с гнездовыми, но и с зимними стациями обитания, которые иногда могут также пролить свет, хотя бы в самых общих чертах, на древние биотопические связи этих видов или их ближайших предков» (с. 58) и блестяще иллюстрирует это положение на примере с тремя видами зуйков – *Charadrius leschenaultii* с одной стороны и *Ch. asiaticus* и *Ch. veredus* – с другой. С учётом этого обстоятельства можно представить себе, какой огромный объём работы предстоит для выявления истинной экологической приуроченности в исторической перспективе…

Вопросы генезиса и зоогеографических связей авифауны Тянь-Шаня освещены в ряде специальных исследований (Шульпин, 1936; Дементьев, 1938; Штегман, 1938, 1946; Козлова, 1952; Степанян, 1958, 1964, 1967; Тарасов, 1958; Корелов, 1959, 1960; Потапов, 1966; Кыдыралиев, 1989) и было бы в высшей степени некорректно и непродуктивно пытаться высказывать своё мнение о правоте взглядов тех или иных авторов, не проводя собственных исследований в этом направлении. Поэтому я предпринял попытку анализа ареалов 280 видов птиц, гнездящихся в западной половине Тянь-Шаня, результат представлен на рис. 572.

Половина гнездщихся видов (группы 1 и 2, вместе 53%) имеют широкий евразийский ареал, у ряда из них он захватывает и другие континенты – Африку, Северную и Южную Америку, Австралию. В **первой группе** («евразийские», 121 вид) это прежде всего 16 видов гусеобразных, 4 вида поганок (малая, серощёкая, черношейная, красношейная), серая цапля и чёрный аист, тетерев; 10 видов хищных птиц (дербник, чеглок, чёрный коршун, орлан-белохвост, болотный и полевой луни, перепелятник, тетеревятник, сарыч, беркут); серый журавль, водяной пастушок; 9 видов куликов (кулик-сорока, чибис, малый и морской зуйки, вальдшнеп, бекас, большой веретенник, травник, перевозчик); 5 видов чаек и крачек (озёрная чайка; чайконосая, речная, малая и чёрная крачки); кукушка, 8 видов сов (филин, серая неясыть, мохноногий и домовый сычи, сплюшка; ястребиная, ушастая и болотная совы); козодой, чёрный стриж, сизоворонка, зимородок, золотистая щурка; дятлы – большой пёстрый и трёхпалый; жаворонки – рогатый, хохлатый и полевой; ласточки – береговая, деревенская и воронок; коньки – полевой и лесной; черноголовая трясогузка, крапивник, деряба, горихвостка-чернушка, варакушка, каменка, плешанка, серая мухоловка, обыкновенный сверчок, дроздовидная камышевка; славки – серая и мельничек; желтоголовый королёк, усатая синица, ополовник; московка и большая синица; пищуха, сорока, кедровка, галка, грач, ворон; домовый и полевой воробьи; чечевица, клёст-еловик. К этой же группе относятся ещё 12 видов, ареалы которых можно назвать «южно-евразийскими»: перепел, камышница, лысуха, авдотка, пустельга, сизый голубь, чёрный дрозд, чернолобый сорокопут, скворец, розовый скворец, коноплянка, дубонос. К ним близки 11 видов птиц, имеющих разорванные ареалы в горах Евразии – от Атлантического до Тихого океана: кеклик, горный конёк, горная трясогузка, оляпка, стенолаз, клушица, альпийская галка, горная коноплянка, каменный воробей, снежный вьюрок, горная овсянка.

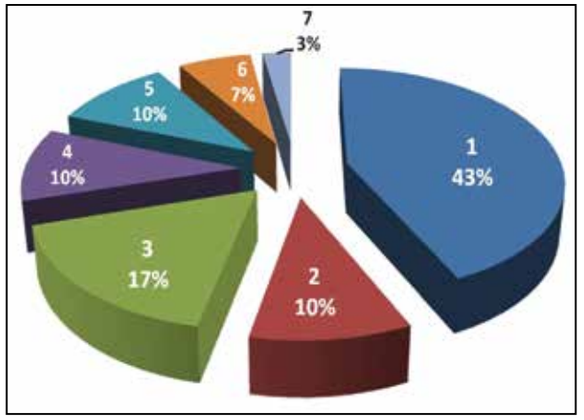

Рис. 572. Доля видов гнездящихся в Тянь-Шане птиц по конфигурации ареалов: 1 – широкие евразийские ареалы; 2 – преимущественно европейские, с проникновением в Азию; 3 – афро-азиатские; 4 – западно-азиатские; 5 – центрально-азиатские; 6 – восточно-азиатские, 7 – южно-азиатские (в т.ч. юго-восточно-азиатские)

Вторая группа – преимущественно виды европейские, но проникающие в Азию в районе Западной Сибири, Казахстана или Средней Азии, либо южнее Каспийского моря – до Центральной Азии; а некоторые (например, дрофа, коростель, степной орёл и могильник) достигают даже Байкала и северо-западного Китая. Эта группа, насчитывающая 24 вида, составляет 10% фауны гнездящихся в Тянь-Шане птиц. Это следующие виды: серая куропатка, белый аист, степная пустельга, балобан, луговой лунь, степной лунь, красавка, коростель, дрофа, стрепет, клинтух, вяхирь, горлица, малая желтоголовая трясогузка, пёстрый каменный дрозд, горихвостка-лысушка, садовая славка, ястребиная славка, иволга, зеленушка, просянка, степная тиркушка, степной орёл, орёл-могильник. В этой довольно пёстрой группе преобладают обитатели лугов и степей (11 видов) и европейских широколиственных лесов (8 видов).

Третья группа ареалов – афро-азиатские (и афро-евро-азиатские) – насчитывает 47 видов, или 17% от всей гнездовой авифауны. Помимо 14 южных представителей водно-болотного комплекса (малый баклан, большой баклан, волчок, кваква, большая белая цапля, колпица, чомга, погоныш-крошка, ходулочник, шилоклювка, луговая тиркушка, соловьиная широкохвостка, тонкоклювая камышевка, туркестанская камышевка) в ней 9 видов хищных птиц (шахин, белоголовый сип, чёрный гриф, бородач, стервятник, змееяд, тювик, курганник, орёл-карлик), 10 типично пустынных видов (джек, белобрюхий рябок, чернобрюхий рябок, тугайный соловей, пустынная каменка, скотоцерка, бледная бормотушка, пустынная славка, пустынный ворон, пустынный сорокопут) и 3 степных (степной, малый и серый жаворонки); 6 горных видов (белобрюхий стриж, рыжепоясничная ласточка, скальная ласточка, альпийская завирушка, синий каменный дрозд, краснокрылый чечевичник), а также кольчатая и малая горлицы, южный соловей, индийский и испанский воробьи.

Таким образом, широко распространённые виды птиц, имеющие в основном западные по отношению к нашему району центры ареалов, составляют 70% гнездовой фауны Тянь-Шаня, преобладая над местными, азиатскими видами. Последние составляют 30% авифауны и представлены группами 4-7 (рис. 572).

Четвёртая группа (западно-азиатские) насчитывает 29 видов (чуть больше 10%) и представлена в основном обитателями пустынных пространств Передней и Средней Азии, некоторые из них населяют также Закавказье и часть Малой Азии (реже – пустыни Северного Прикаспия), а на восток достигают Зайсана, Джунгарии, редко – западной Монголии. Это большеклювый и каспийский зуйки, саджа, бурый голубь, буланая совка, двупятнистый и белокрылый жаворонки, бледная береговушка, маскированная трясогузка, соловей-белошейка, чёрная каменка и плясунья, южная бормотушка, пустынная пересмешка, певчая и горная славки, черноголовый ремез, желтогрудый князёк, бухарская синица, большой скальный поползень, туркестанский жулан, корольковый вьюрок, седоголовый щегол, буланый вьюрок, овсянка Стюарта, скальная и желчная овсянки; по характеру ареалов сюда же пришлось отнести кудрявого пеликана и хохотунью.

Пятая группа (центрально-азиатские виды) равна по объёму предыдущей (29 видов, или 10%), но представляет наибольший интерес, так как именно эти виды могут считаться автохтонными для нашего района: гималайский улар, горный гусь, кумай, мохноногий курганник, серпоклюв, монгольский зуёк, белогрудый голубь, белокрылый дятел, тонкоклювый жаворонок, черноспинная трясогузка; завирушки – гималайская, бледная, черногорлая; горихвостки – седоголовая и краснобрюхая; черногрудая красношейка, индийская пеночка, расписная синичка, рыжешейная синица, джунгарская гаичка, гималайская пищуха, гималайский и жемчужный вьюрки; монгольский пустынный снегирь; чечевицы – арчовая, розовая и большая; красный вьюрок, арчовый дубонос. Важность этой группы птиц особенно видна при сопоставлении её с общим списком птиц, гнездящихся в *высоких хребтах* Тянь-Шаня (исключая птиц предгорной зоны и таких низкогорий как Каратау, Чу-Илийские горы и среднегорное озеро Иссык-Куль), в котором эта группа составляет 30%. Ещё большую долю (38%) представители этой группы занимают в фауне гнездящихся птиц высокогорья.

Шестая группа (восточно-азиатские ареалы) представлена 16 видами: бородатая куропатка, фазан, скальный голубь, большая горлица, степной конёк, бурая оляпка, пёстрый дрозд, красноспинная горихвостка, азиатский черноголовый чекан, зелёная пеночка, тусклая зарничка, князёк, восточная чёрная ворона; овсянка Годлевского, белошапочная и красноухая овсянки.

Седьмая группа (южно-азиатские виды), едва достигающая южных границ Тянь-Шаня, состоит всего из 7 видов (индийский жаворонок, синяя птица, чёрный чекан, белоножка, длиннохвостый сорокопут,

райская мухоловка, майна), из которых три последних вида стали классическими образцами расширения ареалов птиц в восточном и северо-восточном направлении, начиная со второй половины XX ст.

Ещё в середине XIX в. Н.А. Северцов заметил: «Крайние пределы географического распределения птиц не постоянны, а подвержены годовым изменениям» (Северцов, 1855). Впоследствии это было подтверждено рядом публикаций (Шнитников, 1948; Чельцов-Бебутов, 1956, 1957, 1958; Формозов, 1959; Портенко, 1974 и др.). При этом в первую очередь зоологи обратили внимание на факты *расширения* ареалов и периодической *пульсации* их границ в зависимости от циклического изменения экологических факторов. Непостоянство границ ареалов за последние 50 лет так или иначе отмечено по крайней мере у 89 видов казахстанской авифауны, причём основными «очагами» подвижности границ в Казахстане являются: горы Тянь-Шаня на юге и юго-востоке, горная тайга Алтая на востоке и Северный Прикаспий на западе (Ковшарь, Березовиков, 2001). На материале по району Тянь-Шаня впервые этот вопрос подробно рассмотрел М.Н. Корелов (1964). Сделанный им анализ границ ареалов 9 южных видов птиц (белобрюхий стриж, обыкновенный дубонос, овсянка Стюарта, просянка, индийский жаворонок, длиннохвостый сорокопут, райская мухоловка, соловей-белошейка, белоножка) позволил автору сделать вывод о расселении перечисленных видов на северо-восток вдоль горных хребтов Тянь-Шаня; с тех пор для ряда этих видов постоянно публикуются подтверждения. В последовавшие 30-40 лет обнаружились и другие виды, расширяющие свой ареал на северо-восток в области Тянь-Шаня (буланая совка, синяя птица, певчая славка, зеленушка, буланый вьюрок и др.); а в обратном направлении идёт продвижение тянь-шанского крапивника, седоголовой горихвостки, большой синицы и ряда других видов (см. видовые очерки). Непревзойдённым, классическим примером является майна, менее чем за полвека заселившая не только все предгорья и низкогорья Тянь-Шаня, но и поднявшаяся местами в высокогорья (выше 3000 м) и продвинувшаяся по крайней мере на 1000 км севернее и северо-восточнее – в северную половину Казахстана и Прииртышье. Второй яркой пример – кольчатая горлица.

Особый интерес представляет сравнение авифаун среднеазиатского и китайского (Восточного) Тянь-Шаня, полный список птиц которого содержится в работе А.М. Судиловской «Птицы Кашгарии» (1936). К сожалению, более современные сведения по Восточному Тянь-Шаню мне не известны, однако список А.М. Судиловской составлен достаточно тщательно и, как мне кажется, вполне пригоден для целей сравнения фаун двух половин Тянь-Шаня, что и было сделано мною в предыдущей работе (результаты привожу дословно): «В списке А.М. Судиловской для Восточного Тянь-Шаня приводится 361 форма, или 343 вида птиц, из которых общими с нашим списком являются 335, что составляет 81.7% видового списка авифауны среднеазиатской части Тянь-Шаня и 97.6% авифауны Восточного Тянь-Шаня.… В целом гнездовая фауна птиц восточной и западной половин Тянь-Шаня имеет высокую степень общности: 242 вида гнездятся и там, и там, что составляет 91.3% гнездовой авифауны среднеазиатской половины и 98% – в восточной» (Ковшарь, 2007, с. 39).

Среди 75 видов птиц, встреченных в западной половине Тянь-Шаня и не отмеченных в восточной (см. Ковшарь, 2007, с. 39, список 1), только 17 видов с западными ареалами вполне наглядно характеризуют наш район именно как **западную** половину Тянь-Шаня: белобрюхий рябок, буланая совка, солончаковый и двупятнистый жаворонки, рыжехвостый сорокопут, майна, пустынный ворон, туркестанская камышевка, большая бормотушка, певчая славка, скотоцерка, рыжехвостая мухоловка, черный чекан, соловей-белошейка, белоножка, туркестанская зеленушка, розовая чечевица. Из них 12 видов здесь гнездятся – преимущественно в Западном Тянь-Шане (в самом узком понимании этого выражения) и по его северным и южным окраинам.

Обратный показатель (виды Восточного Тянь-Шаня) приведен в списке 7, в котором всего 14 видов.

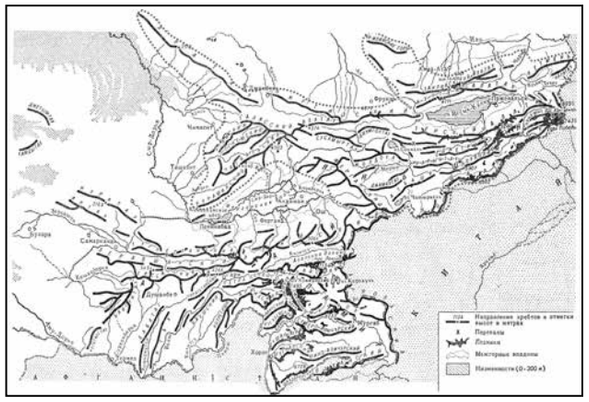
Список 7. Виды и подвиды птиц, встреченные только в восточной (китайской) половине Тянь-Шаня (обозначения характера пребывания – такие же, как во всех таблицах)

Cygnopsis cygnoides Pall. (**VM**)	*Lanius speculigerus* Tacz. (**B**)
Grus leucogeranus (Pall) (**M**)	*Locustella lanceolata* Temm. (**MB**)
Phalaropus fulicarius (**M**)	*Acrocephalus schoenobaenus* (**B**)
Capella stenura Bp. (**M**)	*Sylvia curruca blythi* (**B?**)
Apus pacificus ssp. (**M**)	*Turdus obscurus* Gm. (**M**)
Lanius excubitor funereus Menzb. (**B**)	*Acanthis hornemanni* (**W**)
Lanius excubitor przewalski Bogd. (**MW**)	*Leucosticte arctoa arctoa* (**W**)

Общность гнездовой авифауны двух половин Тянь-Шаня особенно бросается в глаза в ельниках и высокогорье, где не только видовой состав, но и количественные соотношения видов в Восточном Тянь-Шане почти идентичны с таковыми в Северном Тянь-Шане. Так, по данным одночасового учета птиц, проведенного мной 6 мая 1994 г. в ельниках по берегам высокогорного озера Тяньчи восточнее города Урумчи (ландшафт здесь до обмана напоминает котловину Большого Алматинского озера в Заилийском Алатау), учтено 190 особей птиц 16 видов, из которых 76.2% составили гималайский вьюрок и арчовый дубонос; далее по численности шли: красношапочный вьюрок, чёрная ворона, московка, черногорлая завирушка и горная трясогузка, джунгарская гаичка, красноспинная горихвостка, желтоголовый королек, чёрный коршун, деряба, лесной конек, обыкновенная пищуха, арчовая чечевица (Ковшарь, 1994).

Этот пример лишний раз говорит о единстве и ландшафта, и авифауны Восточного, Центрального и Северного Тянь-Шаня. Но чем дальше на юг и запад, тем все ощутимее как постепенная смена ландшафта (еловые леса становятся фрагментарными и постепенно уступают место формациям можжевельников, в т.ч. увеличивается площадь безлесных склонов, а в замкнутых горных котловинах появляются обширные аридные территории); так и замена фаунистических элементов выходцами из Памиро-Алайской горной системы и окружающих пустынных территорий. Так мы подходим к фаунистическому районированию этой западной половины Тянь-Шанской горной системы.

Ещё Н.А. Северцов (1873) отметил различия в фауне птиц Центрального, Северного, Западного и Внутреннего Тянь-Шаня, введя для Киргизского хребта название «переходного участка» между Западным и Северным Тянь-Шанем. М.Н. Корелов (1961) выделил Каратау и Чу-Илийские горы в качестве низкогорных участков. В своей первоначальной попытке районирования я предложил выделить отдельно Иссык-Кульскую котловину, вернее – озеро Иссык-Куль с его пустынным побережьем, как средоточие водно-болотной и пустынной фауны (Ковшарь, 2007). Для наглядности ниже приведена общая орографическая схема нашего района и соседнего Памиро-Алая, а рядом – схематическое изображение предложенного в предыдущей работе (там же, с. 29) фаунистического районирования (рис. 573 и 574).

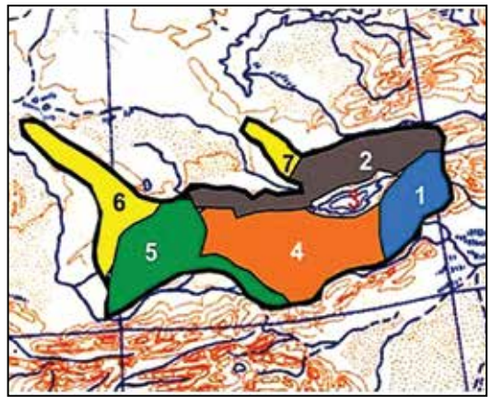

Рис. 573. Орографическая схема западной половины Тянь-Шаня и Памиро-Алая (по: Гвоздецкий, 1964, с. 175)
Пунктиром обозначены границы нашего района
Рис. 574. Районы: 1 – Центральный, 2 – Северный, 3 – озеро Иссык-Куль, 4 – Внутренний,
5 – Западный Тянь-Шань. Низкогорные районы: 6 – Каратауский, 7 – Чу-Илийские горы (по: Ковшарь, 2007, с. 29).

Цифровые показатели числа видов по характеру пребывания (гнездящиеся и мигранты) представлены в табл. 2. Обращает на себя внимание сходство количественных показателей основных районов, за исключением двух – Северного и Западного, показатели по которым (364 и 387 видов) намного выше, чем у других районов (255-277), что можно объяснить лучшей изученностью авифауны Заилийского и Таласского Алатау. Как и следовало ожидать, наиболее низкие показатели у Чу-Илийского низкогорного района (всего 192 вида), где помимо высокогорья полностью отсутствует лесной пояс, тогда как во втором низкогорном районе – хребте Каратау – отмечено столько же видов птиц, как в Центральном Тянь-Шане и заметно больше, чем в Иссык-Кульской котловине (табл. 2). Прежде чем перейти к рассмотрению авифауны каждого района, следует отметить, что из 280 гнездящихся в Тянь-Шане видов птиц 97 (35%) гнездятся во всех четырёх основных районах высоких гор – Центральном, Северном, Внутреннем и Западном.

Рассмотрение авифауны районов логичнее всего начать с Центрального Тянь-Шаня, авифауна которого наиболее близка (и не только территориально, но и по видовому составу) авифауне соседних районов Восточного Тянь-Шаня, а завершить Западным Тянь-Шанем и двумя низкогорными районами – Каратауским и Чу-Илийским.

Таблица 2. Число видов птиц в составе авифауны отдельных районов Тянь-Шаня

[BW – оседлые; B – гнездящиеся перелётные; b – гнездящиеся единично, спорадично; (b) – гнездившиеся в прошлом; S – летние встречи (летовки и, возможно гнездовые)]

Районы Тянь-Шаня	Число видов по характеру пребывания							
	Гнездятся (доказанное гнездование)					Летние встречи	Всего летом	В течение года, включая мигрантов
	BW	B	b	(b)	**всего**	S		
Центральный Тянь-Шань (ЦТШ)	77	81	7	1	**166**	35	201	**255**
Северный Тянь-Шань (СТШ)	94	118	11	1	**224**	17	241	**364**
Иссык-Кульская котловина (ИКК)	72	46	6	-	**124**	21	145	**239**
Внутренний Тянь-Шань (ВТШ)	72	112	5	2	**191**	33	224	**277**
Западный Тянь-Шань (ЗТШ)	57	128	-	-	**185**	8	193	**387**
Низкогорные районы:								
Каратауский (К)	26	113	11	1	**151**	10	161	**254**
Чу-Илийский (Ч-И)	19	77	2	-	**98**	17	115	**192**
Вся западная половина Тянь-Шаня	104	149	22	1	**276**	4	280	**456**

Центральный Тянь-Шань. Всего отмечено 255 видов (56% авифауны всего Тянь-Шаня), из них гнездится по крайней мере 166 видов (65%, или 59% от всех гнездящихся в Тянь-Шане). Гнездящихся только здесь видов нет, только сюда залетела один раз белокрылая цапля (*Ardeola bacchus*). Только здесь и в высокогорье Внутреннего Тянь-Шаня ещё гнездится горный гусь, только в Центральном и Северном Тянь-Шане – тетерев и мохноногий сыч. Вообще наибольшее число общих видов у Центрального Тянь-Шаня с Северным (см. табл. 1). Здесь имеется небольшой нюанс: на рис. 574, заимствованном из моей предыдущей работы, хребет Кетмень вошёл в состав Северного Тянь-Шаня, тогда как его в равной мере можно отнести к любому из этих участков, и в настоящей работе я отношу его к Центральному Тянь-Шаню. Вообще вопрос о том, где провести границу между соседними районами, достаточно сложный и не может считаться окончательно выясненым. Так, граница между Центральным и Внутренним Тянь-Шанем проходит, видимо, где-то в районе истоков Нарына; граница Иссык-Кульской котловины – по северным подножьям хребта Терской Алатау и южным подножьям Кунгей Алатау. К наиболее сложным вопросам границ (между Северным и Западным, а также Западным и Внутренним Тянь-Шанем) мы ещё вернёмся при рассмотрении авифауны этих районов. Возвращаясь к авифауне Центрального Тянь-Шаня, следует отметить два момента. Первый – она ещё недостаточно известна, так как стационарные исследования здесь проводились давно (в 50-х гг. XX ст.), в двух районах – долине Текеса и на Сарыджазских сыртах – и в основном их проводили зоологи противочумной службы (И.И. Стогов, Д.И. Бибиков, А.А. Винокуров, П.П. Тарасов, Д.Г. Крылов, В.С. Аракелянц) попутно с основной работой; в меньшей степени – орнитологи М.Н. Корелов (1953 год) и современные исследователи – Н.Н. Березовиков, О.В. Белялов и др. (90-е гг. XX ст. и настоящее время). Лишь в одной из этих работ приведены интересные соображения о фаунистических связях Сарыджазских сыртов: «Только в южной, более тёплой половине Сарыджазских сыртов встречаются волчок, обыкновенный козодой, князёк, черноголовый чекан, варакушка, садовая камышевка, славка-завирушка, желтоголовая трясогузка, лесной конёк, чернолобый

сорокопут, сорокопут-жулан, большая чечевица, красный вьюрок, пустынный снегирь, горная, желчная и садовая овсянки и другие… Посланцами расположенной рядом с бассейном Сарыджаза Кашгарии на сыртах являются обыкновенная кукушка, обыкновенный козодой, удод, князёк, стенолаз, черноголовый чекан, индийская пеночка, расписная синичка, красный вьюрок, пустынный снегирь, арчовый дубонос, садовая овсянка и многие другие. Почти все они встречаются исключительно по южным долинам Сарыджаза» (Крылов, 1969, с. 325). Если оставить на совести автора неточности и ошибки (вроде садовой овсянки), то остаётся главное – сопоставление с фауной соседней Кашгарии, чем и заканчивается эта работа: «Таким образом, фауна птиц Сарыджазских сыртов – это, с одной стороны, несколько обеднённый вариант фауны еловых лесов северного склона хребта Терскей Алатау, с другой – фауна среднегорных долин, тесно связанная с фауной Кашгарии и простирающая в настоящее время своё влияние далеко вверх по основным долинам Сарыджаза» (там. же, с. 326). В этом плане – фаунистических связей с Кашгарией – мне кажется, предстоит ещё много работы, кстати, как и для изучения связей с фауной Кунгеса, Юлдуса в сопредельной территории Восточного Тянь-Шаня, о чём имеются только очень давние сведения наших великих предшественников (Пржевальский, 1878; Алфераки, 1991; Козлов, 1899). Второй момент – больше терминологического характера: во многих работах, особенно киргизских орнитологов, Центральным Тянь-Шанем называют, вместе с собственно Центральным Тянь-Шанем, также высокогорные, сыртовые территории Внутреннего Тянь-Шаня, на запад до Чатыркуля. Для понимания, что собой представляет Центральный Тянь-Шань, настоятельно рекомендую старую, но не утратившую своего значения книгу «Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня» (Кашкаров, Жуков, Станюкович, 1937), в которой подробно описаны крайние климатические и экологические условия обитания птиц в высокогорье этого района.

Северный Тянь-Шань. Всего отмечено 364 вида птиц (80% фауны Тянь-Шаня), гнездится 224 вида (61% фауны района, или 80% от всех гнездящихся в Тянь-Шане). Из них 164 вида (73% от всех гнездящихся в районе) – общие с Центральным Тянь-Шанем. Среди них в первую очередь следует назвать тетерева и мохноногого сыча, гнездящихся только в этих двух районах, а также: бородатую куропатку, дербника, балобана, сарыча, мохноногого курганника, орла-карлика, серого журавля, серпоклюва, вальдшнепа, скального и белогрудого голубей, ястребиную и ушастую сов, трёхпалого дятла, зелёную пеночку, тусклую зарничку, расписную синичку, желтоголового королька, джунгарскую гаичку, московку, пищуху, кедровку, клеста-еловика, овсянок – красноухую и Годлевского. Преобладание в этом перечне лесных птиц вполне закономерно, поскольку именно в Северном Тянь-Шане наиболее полно представлены хвойные леса из ели тянь-шанской. Однако в более ксерофитных низкогорьях как восточной, так и западной оконечностей Заилийского Алатау прекрасно представлены обитатели каменистых склонов с кустарниками, а в опустыненных степных предгорьях северного склона обитает целый набор жаворонков, а местами гнездится стрепет и даже такие пустынные виды, как джек, саджа и чернобрюхий рябок. Только в Северном Тянь-Шане отмечено гнездование единственного вида – пёстрого, или земляного дрозда (*Zoothera varia*); только здесь встречены на пролёте два вида песочников – острохвостый и красношейка; только на территорию Северного Тянь-Шаня залетали ещё 7 видов: воробьиный сычик, амурский свиристель, лесная завирушка, рыжий дрозд, водяная горихвостка, щур, пуночка. Близость реки Или с её тугайными зарослями и создание искусственных водоёмов (Капчагайское вдхр., накопитель сточных вод Сорбулак) обогащает авифауну Северного Тянь-Шаня представителями водно-болотного и околоводного комплекса. Условия обитания птиц в Северном Тянь-Шане очень подробно описаны в работе М.Н. Корелова (1961).

Иссык-Кульская котловина. В самой котловине во все сезоны года отмечено 239 видов птиц, из них гнездится 124 (52%) и представители ещё 21 вида встречаются летом (см. табл. 2). Более 1/3 части гнездящихся (44 вида, или 35%) – водные и околоводные птицы: от различных видов уток, поганок, куликов и чаек до населяющих тростниковые крепи камышевок и усатой синицы (см. табл. 1). Кроме того, здесь гнездятся 3 вида куриных (кеклик, перепел, фазан), 12 видов хищных птиц (пустельга, степная пустельга, балобан, шахин, чёрный коршун, стервятник, змееяд, полевой и луговой луни, перепелятник, курганник, беркут), 5 видов голубей (сизый, скальный, вяхирь; кольчатая и малая горлицы), 3 вида сов (филин, домовый сыч, ушастая сова), козодой, сизоворонка, золотистая щурка, удод; 4 вида жаворонков (рогатый, хохлатый, серый и полевой), бледная береговушка, деревенская ласточка, полевой конёк; 5 видов трясогузок (черноголовая, малая желтоголовая, черноспинная, горная, маскированная); чёрный и пёстрый каменный дрозды, южный соловей, азиатский черноголовый чекан,

каменки (плешанка и плясунья), славки (ястребиная, серая, горная), ополовник, князёк, большая синица, туркестанский жулан, иволга; 4 вида врановых (сорока, грач, галка, чёрная ворона) и 3 вида скворцовых (майна, скворец, розовый скворец); 5 видов воробьёв (домовый, индийский, испанский, полевой и каменный), 5 видов вьюрковых (седоголовый щегол, коноплянка, краснокрылый чечевичник, монгольский пустынный снегирь, чечевица) и 4 вида овсянок (просянка, горная, скальная, желчная).

Особо следует сказать о резких ландшафтных и фаунистических различиях восточной и западной половин Иссык-Кульской котловины, представленных в докладе П.П. Тарасова «Об элементах пустынной фауны в Центральном Тянь-Шане[1]» на первом совещании по проблемам зоогеографии суши (Львов, 1957): «Замечательная особенность Иссык-Кульской котловины, вытянутой с запада на восток приблизительно на 200 км, состоит в том, что там на малом пространстве, а главное на одной и той же высоте, имеются два разных климата и в соответствии с этим – два разных ландшафта. Высокие, до 4000-5000 м горные хребты, окружающие со всех сторон котловину, преграждают путь влажным ветрам и перехватывают осадки на подступе к котловине. В полной мере, однако, это сказывается лишь на западной, т.е. подветренной части котловины. Вследствие «ветровой тени» западная часть котловины получает в среднем лишь около 100 мм годовых осадков, тогда как восточная её часть получает не менее 500 мм. Западная половина Прииссыккулья не знает даже признаков снежного покрова, тогда как в восточной снежный покров достигает 50 см и лежит почти в течение трёх месяцев ежегодно. Не покрывающиеся льдом заливы западной части озера Иссык-Куль служат прекрасными местами зимовок лебедей и красноносых нырков, тогда как заливы восточной части озера часто замерзают. В западной части Прииссыккулья, на поливных землях, вызревают помидоры и кукуруза, в восточной же – это редкий случай. В результате климатического контраста западная часть Иссык-Кульской котловины носит типичный облик щебнистой пустыни, напоминая центральноазиатскую гаммаду, тогда как восточная её окраина (земли совхоза Санташ) вследствие пышного разнотравья напоминает скорее прерии. Средняя часть котловины, естественно, носит переходный характер. И здесь, на узкой полосе, по обоим берегам Иссык-Куля обитает эндемик Тянь-Шаня – реликтовый суслик» (Тарасов, 1958, с. 276).

В пустынных ландшафтах западной половины Иссык-Кульской котловины, помимо уже упомянутых жаворонков и каменок, встречается летом (и, вполне возможно, гнездится) авдотка; гнездятся чернобрюхий рябок и саджа; встречена летом пустынная славка (табл. 1). Более подробно об этом сказано в статье «Летние группировки птиц запада Иссык-Кульской котловины (Тянь-Шань)» (Второв, 1977). В упомянутом выше докладе П.П. Тарасова (1958) для этой территории приводятся также такие пустынные млекопитающие, как ушастый ёж, джейран, тушканчик-прыгун («обитающий здесь в весьма большом количестве»), краснохвостая и гребенщиковая песчанки; а из пресмыкающихся – также представители фауны пустынь: быстрая и разноцветная ящурки, восточный удавчик, стрела-змея. Таким образом, здесь не случайное пребывание отдельных пустынных видов птиц, а целый пустыннй комплекс, причём наличие у перечисленных грызунов типичных для пустынь эктопаразитов (ближайшие находки которых известны из пустынь Илийской долины и низовьев р. Чу) свидетельствует об автохтонности этого комплекса. Интересно, что даже Б.А. Кузнецов в монографии о зверях Киргизии не дал этому явлению объяснения: «Известный знаток фауны Киргизии Б.А. Кузнецов, впервые обративший внимание на чуждый для Тянь-Шаня характер западно-иссыккульской фауны и выделивший её в самостоятельный участок, не коснулся вопроса, каким образом проникли сюда пустынные элементы. Он ограничился тем, что изъял западный угол Прииссыккулья из горно-азиатской провинции и отнёс его к иной зоогеографической категории: «Типично пустынная фауна этого участка заставляет нас отнести его не к горно-азиатской, а к пустынной казахстанской провинции» пишет он (2). По-видимому, Б.А. Кузнецов считал, что пустынные элементы фауны каким-то путём проникли сюда из лежащих севернее пустынь южного Казахстана» (Тарасов, 1958, с. 276). Однако проведенный П.П. Тарасовым анализ возможных путей проникновения не летающих млекопитающих и пресмыкающихся через горные хребты высотой более 4000 м, с трезвой оценкой нереальности проникновения их через узкое Боомское ущелье (узкий каньон длиной 40 км с бурной рекой Чу на дне – не место для прохода ушастого ежа, тушканчика и даже джейрана), привёл его к выводу об автохтонности этого фаунистического комплекса, а с учётом слабой дифференцированности иссык-кульских подвидов – что изоляция этой фауны произошла недавно, уже в послеледниковое время. Здесь уместно привести цитату о современных горообразовательных процессах в этом районе: «Таким образом, восточные берега Иссык-Куля опускаются в результате продолжающихся на наших глазах горообразовательных движений. Вот почему речные долины на востоке затоплены водой, а на западе наносы рек возвышаются на берегах и далеко

[1] Ещё один пример более широкого понимания термина «Центральный Тянь-Шань» – *АК*

вдаются в озеро в виде мысов и полуостровов. Вот почему на востоке озера обнаружены затопленные дома и посёлки, катки для молотьбы хлеба, каменные памятники, а в штиль, когда поверхность Иссык-Куля спокойна и вода прозрачна, с лодки близ берегов можно увидеть контуры затопленных городищ» (Мурзаев, 1957).

Характерная черта авифауны Иссык-Кульской котловины – богатство её в зимнее время. Кроме 55 оседлых видов, на зиму в котловину прилетают или спускаются с окружающих гор ещё 40 видов: серый гусь, пеганка, чирок-свистунок, белоглазая и хохлатая чернеть, чернозобая гагара, малый баклан, большая белая цапля, колпица, дербник, орлан-белохвост, тетеревятник, сарыч, мохноногий курганник, лысуха, вальдшнеп, болотная сова, большой пёстрый дятел, белокрылый жаворонок, бурая и белобрюхая оляпки, черногорлая завирушка, красноспинная и краснобрюхая горихвостки, расписная синичка, большой скальный поползень, пищуха, стенолаз, клушица, ворон, испанский воробей, корольковый вьюрок, горная коноплянка, жемчужный вьюрок, арчовая чечевица, арчовый дубонос, овсянки – белошапочная, красноухая и Годлевского. Всего зимой в котловине встречается 95 видов птиц, или 34% всей авифауны района; среди них 72 вида (58% от всех гнездящихся) встречаются круглый год, т.е. условно «оседлые».

Внутренний Тянь-Шань. Из 277 встреченных видов птиц гнездится здесь 191 (69%) и 33 вида встречены в летнее время (вполне возможно, что часть их тоже гнездится), таким образом, летняя авифауна насчитывает 224 вида птиц, или 81% от фауны птиц этого района. По своему видовому составу фауна имеет много общего с соседними районами, но более близка к Центральному и Северному Тянь-Шаню в основном за счёт наличия еловых лесов и их типичных обитателей (ястребиная сова, трёхпалый дятел, джунгарская гаичка, кедровка, клёст-еловик), а также ещё 6 видов, населяющих иные биотопы: бородатая куропатка, лебедь-кликун, скальный и белогрудый голуби. Следует признать, что видовой состав фауны Внутреннего Тянь-Шаня, занимающего обширную территорию внутри горной страны с множеством хребтов и обширными межгорными долинами, выяснен ещё далеко недостаточно. Исследования проводились только вдоль постоянных маршрутов – там, где имеются проложенные в горах автомобильные дороги. Многие из них доступны лишь в летнее время, что затрудняет изучение зимней фауны. В таких условиях представляют особую редкость стационарные исследования в высокогорье, среди них наиболее насыщена сведениями статья «Население птиц сыртов Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня» (Злотин, Пузаченко, 1963). Также интересна публикация «Антропогенные группировки птиц в высокогорьях Тянь-Шаня» (Злотин, 1968).

Западный Тянь-Шань. Наиболее удалённый от центра участок высокого Тянь-Шаня, окружённый с севера и с юга пустынными пространствами и лишённый лесного пояса в виде еловых лесов, которые начинают встречаться лишь в местах контакта с Северным и Внутренним Тянь-Шанем. Особенность ландшафтов Западного Тянь-Шаня – преобладание в их облике переднеазиатских и средиземноморских признаков над центрально-азиатскими, свойственными более восточным районам Тянь-Шаня. Так, в почвенном отношении Западный Тянь-Шань относится к Туранской фации, только северные его части и некоторые участки высокогорий обнаруживают сходство с более северными областями Тянь-Шаня. Флоре и фауне района свойственны многие черты древнего Средиземноморья, в частности, ареалы многих средиземноморских видов растений и животных имеют восточную границу именно в области Западного Тянь-Шаня. Характерный облик горам Западного Тянь-Шаня придают высокоствольные арчовые леса из трёх видов среднеазиатских можжевельников (*Juniperus turcestanica, J. zeravschanica, J. semiglobosa*), почти не отличимые с виду от таких же лесов Памиро-Алая. На большей части района они являются единственным типом хвойного леса, и только в восточных частях Таласского и Чаткальского хребтов имеются леса из ели тянь-шаньской (*Picea schrenkiana*), а на оз. Сары-Челек и в ущ. Чичкан – с примесью пихты Семенова, но это уже места, пограничные с Внутренним Тянь-Шанем. На южных склонах Чаткальского, Угамского и Пскемского хребтов, защищённых от вторжений холодных воздушных масс, растут леса из грецкого ореха с примесью других плодовых пород – миндаля, кизильника, шиповников и др., отчего их называют орехово-плодовыми лесами. Особый южный тип леса в низкогорьях и южных предгорьях представлен зарослями фисташки. В ущельях низкогорий широко распространены леса из диких яблонь, знаменитые своим формовым разнообразием. Ещё более характерны для Западного Тянь-Шаня безлесные травянистые склоны, здесь широко развиты полусаванны. В среднем поясе, среди арчового редколесья, много лиственных кустарников (шиповники, жимолости, миндаль) и высокотравья – ежа сборная, ферула и прангос, или юган. Своеобразные

прангосовые луга гималайского типа характерны для Западного Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Более подробно условия обитания птиц в Западном Тянь-Шане описаны в ряде работ (Кашкаров, 1927; Корелов, 1956), в т. ч. и в недавних (Митропольский, 2005; Ковшарь, 2017).

Авифауна Западного Тянь-Шаня насчитывает **387** видов птиц (85% фауны среднеазиатского Тянь-Шаня), из которых гнездится здесь почти половина – 185 видов (48%) и ещё 8 видов отмечены в летнее время, итого летняя фауна – 193 видов. Прилетают в Западный Тянь-Шань на зимовку – 40 видов (10.3%); пролетают через Западный Тянь-Шань и его предгорья – 112 видов (28.9%); залетают нерегулярно в любое время года – 42 вида (10.8%). Соотношение этих групп представлено на рис. 575.

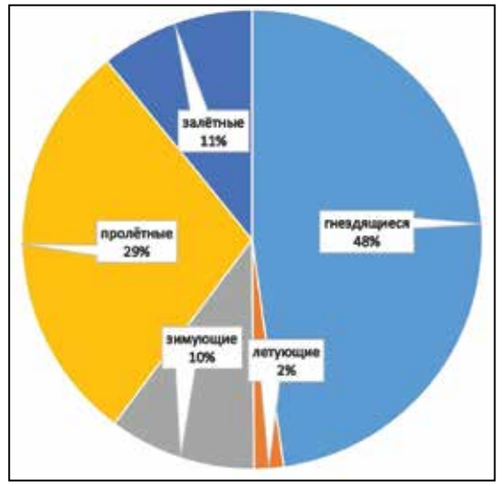

Рис. 575. Состав авифауны Западного Тянь-Шаня (387 видов) по характеру пребывания птиц

Поскольку ландшафтное отличие этого района – в отсутствии леса из ели тянь-шанской, то и фауна отличается прежде всего отсутствием целого набора таёжно-лесных видов птиц: тетерев, ястреб-тетеревятник, сарыч, мохноногий сыч, ястребиная сова, трёхпалый дятел, черногорлая завирушка, красноспинная горихвостка, желтоголовый королёк, расписная синичка, джунгарская гаичка, кедровка, клёст, красноухая овсянка. Отсутствуют здесь также большинство водных и околоводных птиц, включая и столь характерного для остальных высокогорных районов серпоклюва, что в своё время Л.М.Шульпин (1936) наряду с отсутствием расписной синички и других перечисленных лесных птиц (включая крапивника, зелёную пеночку и тусклую зарничку) считал главной фаунистической чертой Западного Тянь-Шаня. С тех пор крапивник и обе пеночки уже проникли на гнездование в Западный Тянь-Шань, но всё остальное соответствует уровню 1936 г.

Больше половины – 113 видов (61%) гнездящихся птиц обитают практически во всех его хребтах на северном и южном макросклонах, включая и крайний северо-восток, который граничит с Внутренним Тянь-Шанем (*список 8*). Ещё 17 видов (9.2%) гнездятся на *большей* части территории, отсутствуя лишь в отдельных хребтах. Так, бурый голубь не гнездится на северном макросклоне, а серая куропатка, тонкоклювый жаворонок, певчая славка, соловей-белошейка и белоножка – на Сарычелеке и в верховьях Чаткала. Не исключено, что ряд птиц из этого списка просто ещё не найдены в том или ином хребте по причине недостаточности наблюдений.

Список 8. Птицы, гнездящиеся почти во всех хребтах Западного Тянь-Шаня

Ciconia nigra	*Dendrocopos leucopterus*	*Saxicola torquata*
Anas platyrhynchos	*Ptyonoprogne rupestris*	*Oenanthe oenanthe*
Accipiter nisus	*Hirundo rustica*	*Oenanthe pleschanka*
Circaëtus gallicus	*Hirundo daurica*	*Oenanthe isabellina*
Hieraaetus pennatus	*Delichon urbica*	*Monticola saxatilis*
Aquila chrysaetos	*Galerida cristata*	*Monticola solitarius*
Aegypius monachus	*Eremophila alpestris*	*Phoenicurus caeruleocephalus*
Gyps fulvus fulvus	*Alauda arvensis*	*Phoenicurus ochruros*
Gyps himalayensis	*Anthus campestris*	*Luscinia megarhynchos*
Gypaetus barbatus	*Anthus trivialis*	*Luscinia pectoralis*
Neophron percnopterus	*Anthus spinoletta*	*Turdus merula*
Falco subbuteo	*Motacilla cinerea*	*Turdus viscivorus*
Falco naumanni	*Motacilla personata*	*Myophonus caeruleus*
Falco tinnunculus	*Lanius phoenicuroides*	*Remiz coronatus*
Tetraogallus himalayensis	*Lanius schach*	*Parus rufonuchalis*
Alectoris chukar	*Lanius minor*	*Parus flavipectus*
Coturnix coturnix	*Oriolus oriolus*	*Parus bokharensis*

Phasianus colchicus	*Sturnus vulgaris*	*Sitta tephronota*
Charadrius dubius	*Pastor roseus*	*Tichodroma muraria*
Actitis hypoleucos	*Acridotheres tristis*	*Passer indicus*
Columba palumbus	*Pica pica bactriana*	*Passer hispaniolensis*
Columba oenas	*Pyrrhocorax pyrrhocorax*	*Passer montanus*
Columba livia	*Pyrrhocorax graculus*	*Petronia petronia*
Streptopelia decaocto	*Corvus monedula*	*Montifringilla nivalis*
Streptopelia turtur	*Corvus corone*	*Serinus pusillus*
Streptopelia orientalis	*Corvus corax*	*Chloris chloris*
Streptopelia senegalensis	*Cinclus cinclus*	*Carduelis caniceps*
Cuculus canorus	*Cinclus pallasii*	*Acanthis cannabina*
Bubo bubo	*Troglodytes troglodytes*	*Leucosticte nemoricola*
Asio otus	*Prunella collaris*	*Carpodacus erythrinus*
Otus scops	*Prunella himalayana*	*Carpodacus rhodochlamys*
Strix aluco	*Prunella fulvescens*	*Mycerobas carnipes*
Caprimulgus europaeus	*Sylvia nisoria*	*Emberiza calandra*
Apus apus	*Sylvia communis*	*Emberiza stewarti*
Apus melba	*Sylvia althaea*	*Emberiza cia par*
Coracias garrulus	*Phylloscopus griseolus*	*Emberiza buchanani*
Merops apiaster	*Terpsiphone paradisi*	*Emberiza bruniceps*
Upupa epops	*Muscicapa striata*	

Из оставшихся 55 видов гнездящихся птиц представители по крайней мере 15 видов не проникают в горы дальше предгорий. Некоторые из них (луговой лунь, стрепет, пастушок, чибис, травник, ходулочник, черноголовая трясогузка) отмечены на гнездовании лишь в высоких предгорьях северного макросклона, другие – только в низких юго-западных предгорьях Приташкентского Каратау: авдотка, кулик-сорока, луговая тиркушка, чёрная и чайконосая крачки, малый жаворонок, чёрная каменка. Но больше всего видов (22) гнездятся только в восточной оконечности Западного Тянь-Шаня – в котловине озера Сарычелек, в верхней части долины Чаткала и в ущелье Чичкан на границе с Внутренним Тянь-Шанем (*список 9*).

Список 9. Птицы, гнездящиеся только на востоке Западного Тянь-Шаня (озеро Сарычелек, верховья долины Чаткала, ущелье Чичкан)

Podiceps ruficollis	*Porzana pusilla*	*Phylloscopus humei*
Podiceps auritus	*Fulica atra atra*	*Regulus regulus*
Phalacrocorax carbo	*Corvus frugilegus*	*Phoenicurus erythronotus*
Ciconia ciconia	*Prunella atrogularis*	*Parus ater rufipectus*
Anas crecca	*Locustella naevia*	*Certia himalayana*
Anas querquedula	*Acrocephalus dumetorum*	*Carpodacus grandis*
Aythya ferina	*Phylloscopus trochiloides*	*Loxia curvirostra*
Perdix dauurica		

Гнездование водоплавающих и околоводных птиц связано с озером Сарычелек и другими более мелкими озёрами этого заповедника, белый аист и грач проникают в ущелья южного склона по селениям и речкам, впадающим в Сырдарью. Зелёная пеночка, тусклая зарничка, желтоголовый королёк, красноспинная горихвостка, московка и клёст-еловик заходят сюда с востока и больше нигде в Западном Тянь-Шане не гнездятся (оба вида пеночек лишь изредка гнездятся в Аксу-Джабаглы, на северном макросклоне).

Анализ данных о числе видов по отдельным хребтам свидетельствует о различиях в степени изученности авифауны северного и южного макросклона Западного Тянь-Шаня. Здесь сказалось преимущество метода многолетнего стационарного изучения птиц перед маршрутными экспедициями, совершаемыми обычно в летние месяцы. Так в северных предгорьях Таласского Алатау, в типичном «бутылочном горлышке» Чокпакских ворот за 50 лет полустационарных полевых работ отмечено 340 видов – 87.8% всей авифауны региона. Результаты сравнения авифауны северного и южного макросклонов Западного Тянь-Шаня представлены в таблице 3.

Авифауна северного макросклона, более богатая в миграционное время за счёт массы пролётных и залётных видов на Чокпаке (в сумме 198 видов против 100 на южном макросклоне), в летнее время заметно уступает южному макросклону (141 вид против 168). Здесь нет гнездящихся на южном макросклоне большого крохаля, клинтуха и бурого голубя, черноспинной желтоголовой трясогузки, широкохвостки, бледной и большой бромотушек (*Hippolais pallida* и *Hippolais languida*), монгольского пустынного снегиря, горной коноплянки, обыкновенного дубоноса и недавно найденной на гнездовье в бассейне Пскема горихвостки-лысушки (Митропольские О. и М., Кашкаров О., 2008). Ни разу не отмечено на северном макросклоне даже единичное гнездование волчка, кваквы и скопы, что известно для бассейна Чирчика. И лишь однажды здесь загнездилась белоножка (*Enicurus scouleri*) – в урочище Кши-Каинды заповедника Аксу-Джабаглы – в месте, которое находится под ежегодным наблюдением орнитологов вот уже 90 лет.

Таблица 3. Сравнение состава авифауны северного и южного макросклонов Западного Тянь-Шаня

Группы птиц по категориям характера пребывания в регионе	Северный макросклон		Южный макросклон	
	Число видов	%	Число видов	%
Встречаются круглый год	49	13.5	45	14.4
Гнездящиеся перелётные	90	24.8	108	34.5
Гнездование не доказано	2	0.6	15	4.8
Прилетают на зимний период	24	6.6	45	14.4
Пролетают весной и осенью	148	40.7	80	25.5
Случайно залетают в любое время года	50	13.8	20	6.4
Всего видов птиц	**363**	100	**313**	100

В гнездовой авифауне северного макросклона, в Таласском Алатау, можно назвать всего 8 видов, ещё не найденных на гнездовании на южном макросклоне: чёрный коршун, дербник, коростель, зелёная пеночка, тусклая зарничка, краснобрюхая горихвостка, варакушка и большая синица. При этом у коршуна, дербника и обеих пеночек отмечены единичные случаи гнездования; большая синица появилась совсем недавно, а у остальных 3 видов доказательств гнездования нет, хотя у меня оно и не вызывает сомнения, несмотря на дискуссионность вопроса с коростелем, варакушкой и краснобрюхой горихвосткой (Митропольский, 2005).

Заметные различия имеются и в составе не гнездовой авифауны. Только на южном макросклоне и в его предгорьях весной и осенью отмечены следующие 18 видов птиц: *Gavia arctica, Ardeola ralloides, Anser fabalis, Anas poecilorhyncha, Anas formosa, Bucephala clangula, Falco jugger, Chettusia gregaria, Limicola falcinellus, Gallinago megala, Gallinago stenura, Limnodromus semipalmatus, Cuculus poliocephalus, Anthus gustavi, Corvus dauuricus, Phylloscopus neglectus, Scotocerca inquieta, Turdus ruficollis*.

На северном макросклоне, преимущественно в Чокпакских воротах, весной и осенью отмечено 78 видов птиц, не наблюдавшихся в южных и западных предгорьях (*список 10*).

Список 10. Птицы, наблюдавшиеся в миграционное время только в северных предгорьях Таласского Алатау

Podiceps grisegena	*Charadrius alexandrinus*	*Lanius pallidirostris*
Podiceps cristatus	*Recurvirostra avocetta*	*Garrulus glandarius*
Pelecanus onocrotalus	*Xenus cinereus*	*Corvus ruficollis*
Pelecanus crispus	*Phalaropus lobatus*	*Locustella certhiola*
Botaurus stellaris	*Calidris temminckii*	*Locustella lanceolata*
Egretta garzetta	*Calidris alpina*	*Sylvia mystacea*
Ardea cinerea	*Calidris alba*	*Sylvia nana*
Ardea purpurea	*Numenius arquata*	*Phylloscopus borealis*
Threskiornis aethiopicus	*Numenius phaeopus*	*Phylloscopus inornatus*
Phoenicopterus roseus	*Limosa lapponica*	*Phylloscopus proregulus*

Cygnus olor	*Stercorarius pomarinus*	*Ficedula parva albicilla*
Tadorna tadorna	*Larus ichthyaëtus*	*Saxicola rubetra*
Anas clypeata	*Larus ridibundus*	*Cercotrichas galactotes*
Netta rufina	*Larus genei*	*Luscinia luscinia*
Aythya fuligula	*Larus cachinnans*	*Tarsiger cyanurus*
Oxyura leucocephala	*Larus canus*	*Turdus eunomus*
Mergus serrator	*Chlidonias hybridus*	*Turdus philomelos*
Buteo hemilasius	*Hydroprogne caspia*	*Panurus biarmicus*
Falco altaicus	*Pterocles alchata*	*Remiz pendulinus*
Falco vespertinus	*Otus brucei*	*Parus ater*
Perdix dauurica	*Dendrocopos major*	*Parus cyanus*
Grus leucogeranus	*Delichon dasypus*	*Acanthis flammea*
Porzana parva	*Calandrella rufescens*	*Carpodacus rubicilla*
Porzana pusilla	*Melanocorypha leucoptera*	*Pyrrhula pyrrhula*
Pluvialis fulva	*Anthus richardi*	*Emberiza cioides*
Charadrius hiaticula	*Anthus hodgsoni*	

Зимняя фауна птиц в Западном Тянь-Шане насчитывает 97 видов, из них 57 гнездятся здесь и 40 прилетают на зиму, причём на южном макросклоне зимой отмечено 90 видов, а на северном – только 73; и прилетают на зиму соответственно 45 и 24 вида. Общий список прилетающих на зимовку птиц представлен в *списке 11*. Часть видов, приведенных в этом списке (тетеревятник, зимняк, грач, серая ворона, свиристель, зарянка, чернозобый дрозд, рябинник, зяблик, юрок, щегол), могут быть встречены зимой в любом месте Западного Тянь-Шаня, другие – только локально. Так, тысячные стаи гуся гуменника в долинах Келеса и Чирчика видел ещё Н.А. Северцов в XIX в., а Н.А. Зарудный (1910) в начале XX ст. добывал их в декабре-феврале в долине Ангрена; он же добывал в устье Чирчика и лутка, который встречался здесь зимой и полвека спустя (Кашкаров, 1987). В тех же местах зимуют луговой и гольцовый коньки.

Список 11. Птицы, прилетающие в Западный Тянь-Шань на зимовку

Phalacrocorax pygmaeus	*Corvus cornix*	*Carduelis carduelis*
Anser fabalis	*Bombycilla garrulus*	*Acanthis flavirostris*
Mergellus albellus	*Prunella atrogularis*	*Acanthis flammea*
Accipiter gentilis	*Regulus regulus*	*Carpodacus rubicilla*
Buteo lagopus	*Phoenicurus erythronotus*	*Uragus sibiricus*
Falco peregrinus	*Erithacus rubecula*	*Pyrrhula pyrrhula*
Otis tarda	*Turdus atrogularis*	*Emberiza citrinella*
Gallinago solitaria	*Turdus pilaris*	*Emberiza leucocephala*
Asio flammeus	*Parus songarus*	*Emberiza godlewskii*
Picoides tridactylus	*Parus ater*	*Emberiza cioides*
Anthus pratensis	*Parus cyanus*	*Emberiza schoeniclus*
Anthus rubescens	*Certhia familiaris*	*Emberiza rustica*
Lanius excubitor	*Fringilla coelebs*	
Corvus frugilegus	*Fringilla montifringilla*	

Преимущественно на северном макросклоне зимуют бекасы-отшельники и урагусы, желтоголовый королёк, красноспинная горихвостка, рябинник, чечётка, а большая чечевица и снегирь встречены только здесь. Только в восточном районе (Сарычелек – Чичкан) отмечены трёхпалый дятел и джунгарская гаичка. Серый сорокопут везде в Западном Тянь-Шане представлен подвидом *Lanius excubitor homeyeri,* а на окраине Ташкента 5 января 1965 г. был добыт самец тянь-шаньского подвида *L. e. funereus* (Балан, 1966). Также двумя подвидами представлена и зимующая здесь черногорлая завирушка: помимо гнездящейся в Тянь-Шане *Prunella atrogularis huttoni* под Ташкентом добывали также номинативный подвид *P. a. atrogularis* (колл. САГУ). Грач и горная коноплянка летом встречаются лишь в отдельных точках и в мизерном количестве, тогда как зимой грач – массовая птица предгорных районов и населённых

пунктов. Почти столь же многочисленной в северных предгорьях бывает в иные зимы горная коноплянка (причём другого, степного подвида – *Acanthis flavirostris kirghizorum* Sushkin, 1925).

Здесь необходимо сказать о границах района – восточных и северных, которые очень расплывчаты и разными авторами понимаются неоднозначно. В самом «чистом» виде Западный Тянь-Шань – это хребет Таласский Алатау и отходящие от него к юго-западу хребты: Чаткальский, Сандалашский, Пскемский, Угамский, Каржантау. Однако зачастую к Западному Тянь-Шаню относят также южный склон Ферганского хребта (см. рис. 574), что имеет свой резон, поскольку при этом в один район объединяется всё северное горное обрамление Ферганской долины, а Внутренний Тянь-Шань начинается за гребнем Ферганского хребта. Однако даже в настоящей работе в видовых очерках я сам чаще всего встречи того или иного вида птиц на южных склонах Ферганского хребта по старой укоренившейся привычке причислял к Внутреннему Тянь-Шаню. Для решения этого вопроса необходимы более полные сведения по авифауне южного склона Ферганского хребта, который изучен всё ещё довольно слабо. А пока такие «разночтения» неизбежны. Ещё одно «спорное» место – район Сарычелека, южнее соединения Таласского и Чаткальского хребтов, где уже появляются ельники, а с ними – птицы, свойственные Внутреннему Тянь-Шаню: бородатая куропатка, черногорлая завирушка, желтоголовый королёк, красноспинная горихвостка, московка, пищуха, клёст-еловик (*список 9*). Видимо, этот пограничный участок логичнее относить к Внутреннему Тянь-Шаню.

И наконец хребет Киргизский Алатау (б. Александровский хребет) между Западным и Северным Тянь-Шанем, из-за смешанного состава своей авифауны получивший у Н.А. Северцова (1873) название Переходного участка. Современные данные подтверждают это: из 150 видов гнездящихся птиц 131 (87%) – общие для Северного и Западного Тянь-Шаня, 15 видов (бородатая куропатка, мохноногий сыч, ястребиная сова, трёхпалый дятел, черноголовая трясогузка, малая желтоголовая трясогузка, красноспинная горихвостка, желтоголовый королёк, расписная синичка, джунгарская гаичка, московка, пищуха, кедровка, клёст-еловик, красноухая овсянка) встречаются только в Северном и Внутреннем и отсутствуют в Западном Тянь-Шане; всего 4 вида (индийский жаворонок, рыжешейная синица, желтогрудый князёк, снежный вьюрок) характерны для Западного Тянь-Шаня, но три из них (кроме рыжешейной синицы) уже отмечены и в восточной половине Киргизского Алатау. Судя по этим данным, гнездовая авифауна Киргизского хребта ближе к Северному Тянь-Шаню, чем к Западному. Однако здесь имеется один момент, который надо обязательно учитывать: всё сказанное относится только к восточной половине хребта, где имеются еловые леса. Вся западная половина хребта, по крайней мере западнее ущелья р. Мерке, безлесная, и ни один из перечисленных лесных видов птиц там не гнездится. Таким образом, восточная половина Киргизского Алатау как по своим ландшафтам (наличие ельников), так и по составу фауны тяготеет к Северному Тянь-Шаню, и западная – к Западному, особенно южные склоны, обращённые к Таласской долине (так же, как обращённый к Сусамырской долине южный склон восточной части хребта – уже типичный Внутренний Тянь-Шань). Кстати, отсутствие хвойного леса (ельников) на северных склонах западных частей характерно и для других хребтов Тянь-Шаня, имеющих простирание с востока на запад: Таласского, Терскей Алатау и даже Заилийского Алатау (Шульпин, 1936, 1953; Степанян, 1959; Корелов, 1961).

Низкогорные районы Тянь-Шаня

Сырдарьинский Каратау. Этот район – низкогорное продолжение Западного Тянь-Шаня. Отходя от западных окончаний Таласского и Киргизского хребтов в районе городов Чимкент и Тараз, а также Чокпакского перевала – степной перемычки между долинами рек Терс и Арысь, ставшего широко известным среди орнитологов за последние 50 лет работы здесь орнитологического стационара, горы Каратау сначала двумя параллельными хребтами (Малый Каратау и Боролдай), а затем единым хребтом с небольшими перерывами протянулись далеко на северо-запад вглубь пустынных территорий. Высшая его точка – гора Бессаз (2176 м) в районе Мынджилке находится севернее города Кентау, примерно в середине протяжённости этого низкогорья. Ландшафты этого района описаны достаточно подробно в ряде публикаций, особенно в двух (Корелов, 1961; Губин, Белялов, 2017). Сведения о птицах этого хребта долгое время ограничивались двумя обобщающими фаунистическими публикациями (Шапошников, 1931; Долгушин, 1951) и лишь недавно опубликованы материалы экспедиций 1958 и 1960 гг. (Корелов, 2012). Кроме того, в последние 20 лет здесь чаще бывали орнитологи и появилось

немало публикаций (Колбинцев, 1989, 1991а, б, 2003; Губин, Карпов, 1994, 2000; Колбинцев, Чаликова, 2002; Чаликова, Колбинцев, 2005; Чаликова, 2006, 2012), что дало возможность составить список гнездящихся птиц (Губин, Белялов, 2017).

Всего в Каратау, по данным таблицы 1, отмечены птицы 254 видов. С добавлением пролётных и залётных видов в полном списке птиц хребта Каратау – около **300** видов, из которых **114** встречены только на Чокпаке, благодаря 50-летней деятельности стационара по отлову и кольцеванию птиц. Иными словами, список птиц самого хребта Каратау, без «бутылочного горлышка» в месте его отхождения от Таласского Алатау (Чокпакские ворота и Терс-Ащибулакское вдхр.) состоит из **186** видов. Гнездится в Каратау **151** вид птиц (59% от списка птиц хребта). Из них 102 вида (67% гнездовой авифауны Каратау и 55% гнездящихся птиц Западного Тянь-Шаня) являются общими с Таласским Алатау (*список 12*).

Список 12. Гнездящиеся птицы, общие для Каратау и Таласского Алатау

Ciconia nigra	*Apus apus*	*Terpsiphone paradisi*
Milvus migrans	*Apus melba*	*Muscicapa striata*
Circus pygargus	*Coracias garrulus*	*Saxicola torquata*
Accipiter nisus	*Alcedo atthis*	*Oenanthe oenanthe*
Buteo rufinus	*Merops apiaster*	*Oenanthe pleschanka*
Circaetus gallicus	*Upupa epops*	*Oenanthe isabellina*
Hieraaetus pennatus	*Dendrocopus leucopterus*	*Monticola saxatilis*
Aquila chrysaetos	*Ptyonoprogne rupestris*	*Monticola solitarius*
Neophron percnopterus	*Hirundo rustica*	*Phoenicurus ochruros*
Aegypius monachus	*Hirundo daurica*	*Luscinia megarhynchos*
Gyps fulvus	*Delichon urbica*	*Irania gutturalis*
Falco cherrug	*Galerida cristata*	*Turdus merula*
Falco pelegrinoides	*Melanocorypha calandra*	*Turdus viscivorus*
Falco subbuteo	*M. bimaculata*	*Myophonus caeruleus*
Falco naumanni	*Eremophila alpestris*	*Remiz coronatus*
Falco tinnunculus	*Alauda arvensis*	*Parus flavipectus*
Tetraogallus himalayensis	*Anthus campestris*	*Parus bokharensis*
Alectoris chukar	*Motacilla cinerea*	*Sitta tephronota*
Perdix perdix	*Motacilla personata*	*Passer domesticus*
Coturnix coturnix	*Lanius phoenicuroides*	*Passer indicus*
Phasianus colchicus	*Lanius schach*	*Passer hispaniolensis*
Charadrius dubius	*Lanius minor*	*Passer montanus*
Actitis hypoleucos	*Oriolus oriolus*	*Petronia petronia*
Columba palumbus	*Sturnus vulgaris*	*Chloris chloris*
Columba oenas	*Sturnus roseus*	*Carduelis caniceps*
Streptopelia decaocto	*Acridotheres tristis*	*Acanthis cannabina*
Streptopelia turtur	*Pica pica*	*Rhodopechys sanguinea*
Streptopelia senegalensis	*Corvus monedula*	*Rhodospiza obsoleta*
Cuculus canorus	*Corvus corone*	*Mycerobas carnipes*
Bubo bubo	*Corvus corax*	*Emberiza calandra*
Asio otus	*Cinclus cinclus*	*Emberiza stewarti*
Otus scops	*Sylvia hortensis*	*Emberiza cia*
Athene noctua	*Sylvia communis*	*Emberiza buchanani*
Caprimulgus europaeus	*Sylvia althaea*	*Emberiza bruniceps*

Из 102 видов этого списка на северных склонах Таласского Алатау не гнездится только клинтух, но и он характерен для большинства хребтов южного макросклона Западного Тянь-Шаня. Среди остальных гнездящихся в Каратау птиц 21 вида (*список 13*) один только большеклювый зуёк (*Charadrius leschenaultii*) не значится в списке фауны Западного Тянь-Шаня, все остальные присутствуют в нём, но с другим характером пребывания, а некоторые (стрепет, дрофа, чибис, ходулочник, травник, бекас, речная крачка, грач) местами даже гнездятся в предгорьях Таласского Алатау и некоторых других хребтов. Остальные 12 видов (исключая болотного луня) – явные представители пустынного орнитокомплекса (*список 13*), проникшие из окружающей Каратау пустыни.

Список 13. Птицы, гнездящиеся в Каратау, и не гнездящиеся в горах Таласского Алатау

Circus aeruginosus	*Tringa totanus*	*Corvus frugilegus*
Accipiter badius	*Gallinago gallinago*	*Hippolais rama*
Otis tarda	*Sterna hirundo*	*Hippolais languida*
Otis tetrax	*Pterocles orientalis*	*Sylvia curruca*
Charadrius leschenaultii	*Ripari diluta*	*Scotocerca inquieta*
Vanellus vanellus	*Calandrella brachydactyla*	*Oenanthe deserti*
Himantopus himantopus	*Calandrella rufescens*	*Cercotrichas galactotes*

Большой интерес в данном случае представляет негатив – горные виды, которые *отсутствуют* на гнездовании в Каратау. Таких видов оказалось 84, т.е. вчетверо больше, чем представителей гнездовой фауны Каратау, отсутствующих в Таласском Алатау и других хребтах Западного Тянь-Шаня. Наиболее показательные из них представлены в *списке 14*.

Список 14. Гнездящиеся виды птиц Западного Тянь-Шаня, которых нет в Каратау

Gyps himalayensis	*Cinclus pallasii*	*Enicurus scouleri*
Gypaëtus barbatus	*Troglodytes troglodytes*	*Parus rufonuchalis*
Falco columbarius	*Prunella collaris*	*Tichodroma muraria*
Columba eversmanni	*Prunella himalayana*	*Montifringilla nivalis*
Streptopelia orientalis	*Prunella fulvescens*	*Serinus pusillus*
Strix aluco	*Sylvia nisoria*	*Leucosticte nemoricola*
Calandrella acutirostris	*Phylloscopus trochiloides*	*Leucosticte brandti*
Anthus trivialis	*Phylloscopus humei*	*Bucanetes mongolicus*
Anthus spinoletta	*Phylloscopus griseolus*	*Carpodacus erythrinus*
Motacilla calcarata	*Phoenicurus caeruleocephalus*	*Carpodacus rhodochlamys*
Pyrrhocorax pyrrhocorax	*Phoenicurus erythrogaster*	*Carpodacus grandis*
Pyrrhocorax graculus	*Luscinia pectoralis*	*Coccothraustes cocc. humei*

В этом списке преобладают высокогорные птицы (бородач, клушица и альпийская галка, тонкоклювый жаворонок; маскированная трясогузка, горный и лесной коньки; три вида завирушек – бледная, альпийская и гималайская; гималайский, жемчужный и снежный вьюрки; краснобрюхая горихвостка, черногрудая красношейка, краснокрылый стенолаз, арчовая чечевица и др.), столь характерные для альпийского и субальпийского поясов Западного Тянь-Шаня. Это вполне объяснимо, поскольку оба этих пояса в Каратау не выражены. Немало и представителей среднегорного лесного (вернее, лесолугового) пояса: большая горлица, серая неясыть, бурая оляпка, ястребиная славка, рыжешейная синица, красношапочный вьюрок, обыкновенный дубонос и др. Всё это ещё раз подтверждает положение, что хребет Каратау – пустынный низкогорный дериват Западного Тянь-Шаня с обеднённой авифауной.

Чу-Илийские горы. Также являются северо-западным продолжением в пустыню, но уже безлесного окончания Заилийского Алатау. В отличие от Каратау здесь нет единого хребта, а есть только отдельные поднятия, и полностью отсутствует древесная растительность; абсолютная высота везде ниже 1000 м. Всего в разные сезоны года здесь встречено **192** вида птиц (42% от авифауны Тянь-Шаня), из которых 98 (51%) гнездятся (*список 15*) и ещё 17 видов встречены в летнее время. Только 19

видов (19% от всех гнездящихся) встречаются здесь круглый год, тогда как для Северного Тянь-Шаня этот показатель 42%, для Внутреннего – 37%, для Западного – 34%, Центрального – 46%, и только для низкогорного Каратауского района – всего 17% (26 оседлых из 113 гнездящихся).

Список 15. Птицы, гнездящиеся в Чу-Илийских горах

Кеклик – *Alectoris chukar*	Степной жаворонок – *Melanocorypha calandra*
Серая куропатка – *Perdix perdix*	Двупятнистый жаворонок – *M. bimaculata*
Фазан – *Phasianus colchicus*	Белокрылый жаворонок – *M. leucoptera*
Огарь – *Tadorna ferruginea*	Малый жаворонок – *Calandrella brachydactyla*
Пеганка – *Tadorna tadorna*	Серый жаворонок – *Calandrella rufescens*
Чирок-трескунок – *Anas querquedula*	Рогатый жаворонок – *Eremophila alpestris*
Чёрный аист – *Ciconia nigra*	Хохлатый жаворонок – *Galerida cristata*
Чомга – *Podiceps cristatus*	Полевой жаворонок – *Alauda arvensis*
Черношейная поганка – *Podiceps nigricollis*	Индийский жаворонок – *Alauda gulgula*
Степная пустельга – *Falco naumanni*	Бледная береговушка – *Riparia diluta*
Пустельга – *Falco tinnunculus*	Деревенская ласточка – *Hirundo rustica*
Чеглок – *Falco subbuteo*	Рыжепоясничная ласточка – *Cecropis daurica*
Балобан – *Falco cherrug*	Скальная ласточка – *Ptyonoprogne rupestris*
Чёрный гриф – *Aegypius monachus*	Воронок – *Delichon urbica*
Стервятник – *Neophron percnopterus*	Полевой конёк – *Anthus campestris*
Болотный лунь – *Circus aeruginosus*	Черноголовая трясогузка – *Motacilla feldegg*
Степной лунь – *Circus macrourus*	Горная трясогузка – *Motacilla cinerea*
Луговой лунь – *Circus pygargus*	Маскированная трясогузка – *M. personata*
Курганник – *Buteo rufinus*	Синий каменный дрозд – *Monticola solitarius*
Степной орёл – *Aquila nipalensis*	Тугайный соловей – *Erythropygia galactotes*
Орёл-могильник – *Aquila heliaca*	Каменка-плешанка – *Oenanthe pleschanka*
Беркут – *Aquila chrysaëtos*	Пустынная каменка – *Oenanthe deserti*
Красавка – *Anthropoides virgo*	Каменка-плясунья – *Oenanthe isabellina*
Камышница – *Gallinula chloropus*	Южная бормотушка – *Iduna rama*
Стрепет – *Tetrax tetrax*	Пустынная славка – *Sylvia nana*
Авдотка – *Burhinus oedicnemus*	Черноголовый ремез – *Remiz coronatus*
Ходулочник – *Himantopus himantopus*	Большой скальный поползень – *S. tephronota*
Чибис – *Vanellus vanellus*	Туркестанский жулан – *Lanius phoenicuroides*
Малый зуёк – *Charadrius dubius*	Чернолобый сорокопут – *Lanius minor*
Морской зуёк – *Charadrius alexandrinus*	Пустынный сорокопут – *Lanius lathora*
Большеклювый зуёк – *Charadrius leschenaultii*	Сорока – *Pica pica*
Каспийский зуёк – *Charadrius asiaticus*	Галка – *Corvus monedula*
Травник – *Tringa totanus*	Грач – *Corvus frugilegus*
Луговая тиркушка – *Glareola pratincola*	Восточная чёрная ворона – *Corvus orientalis*
Чайконосая крачка – *Gelochelidon nilotica*	Пустынный ворон – *Corvus ruficollis*
Чернобрюхий рябок – *Pterocles orientalis*	Ворон – *Corvus corax*
Саджа – *Syrrhaptes paradoxus*	Майна – *Acridotheres tristis*
Сизый голубь – *Columba livia*	Розовый скворец – *Pastor roseus*
Горлица – *Streptopelia turtur*	Скворец – *Sturnus vulgaris*
Большая горлица – *Streptopelia orientalis*	Домовый воробей – *Passer domesticus*
Кольчатая горлица – *Streptopelia decaocto*	Индийский воробей – *Passer indicus*
Филин – *Bubo bubo*	Испанский воробей – *Passer hispaniolensis*
Домовый сыч – *Athene noctua*	Полевой воробей – *Passer montanus*
Ушастая сова – *Asio otus*	Каменный воробей – *Petronia petronia*
Козодой – *Caprimulgus europaeus*	Коноплянка – *Acanthis cannabina*
Сизоворонка – *Coracias garrulus*	Монгол. пустынн. снегирь – *Bucanetes mongolicus*
Зимородок – *Alcedo atthis*	Буланый вьюрок – *Rhodospiza obsoleta*
Золотистая щурка – *Merops apiaster*	Скальная овсянка – *Emberiza buchanani*
Удод – *Upupa epops*	Желчная овсянка – *Granativora bruniceps*

Как видно из *Списка 15*, на гнездовании в Чу-Илийских горах преобладают птицы открытых пространств, широко распространённые на равнинных, преимущественно степных, ландшафтах

(степной орёл, степной лунь, курганник, красавка, стрепет, 7 видов жаворонков, полевой конёк) и даже обитатели настоящих пустынь: авдотка, большеклювый и каспийский зуйки, чернобрюхий рябок, саджа, пустынная каменка, пустынная славка, пустынный сорокопут, пустынный ворон. Кроме перечисленных в списке 15, здесь летом встречены также джек, белобрюхий рябок, змееяд. Представителей горной фауны здесь немного: кеклик, чёрный аист, балобан, чёрный гриф, стервятник, скальная ласточка, воронок, горная трясогузка, синий каменный дрозд, большой скальный поползень, монгольский пустынный снегирь, скальная овсянка; возможно также гнездование краснокрылого чечевичника, встреченного здесь летом. Всё это виды в основном сухих низкогорий, настоящих высокогорных птиц среди них нет.

Зимой здесь встречали птиц 29 видов: кеклик, серая куропатка, фазан, пеганка, шилохвость, пустельга, степной орёл, беркут, дрофа, сизый голубь, кольчатая горлица, филин, домовый сыч, ушастая сова, рогатый жаворонок, бледная и черногорлая завирушки, большой скальный поползень, сорока, галка, грач, чёрная и серая вороны, майна, домовый и полевой воробьи, корольковый вьюрок, арчовая чечевица и арчовый дубонос. Безусловно, список этот далеко не полный, поскольку орнитологи в этих низкогорьях зимой бывают редко, тем не менее бедность зимней авифауны налицо, что вполне объяснимо небогатой кормовой базой и слабыми защитными условиями для птиц зимой на этих открытых пространствах. Тем не менее сюда зимой добираются за десятки километров от настоящих гор такие горные птицы как бледная и черногорлая завирушки, корольковый вьюрок, арчовая чечевица и арчовый дубонос.

Размножение воробьиных птиц в Тянь-Шане

(изученность и некоторые черты гнездовой биологии)

Первым орнитологом, который, помимо сбора коллекционного материала по птицам и их кладкам, начал *изучать размножение птиц* в Тянь-Шане, был Николай Алексеевич Зарудный (1859-1919). Его очерки по биологии размножения ранее совершенно неизученных видов и сейчас вызывают уважение и восхищение: «В области аутэкологии и биологии размножения Н.А. Зарудный опередил своих современников на несколько десятилетий. В самом начале XX ст., когда все орнитологи ограничивались либо приведением списков птиц, добытых в той или иной местности, либо скрупулезным описанием внутривидовых отличий по внешним морфологическим признакам, Николай Алексеевич (не прекращая заниматься и тем, и другим!) публикует классические описания образа жизни таких дотоле неизвестных видов как райская мухоловка («Индийская райская мухоловка в Туркестане», 1915) или синяя птица («Заметки по орнитологии Туркестана», 1910). При этом он замечает и описывает решительно все: поведение и повадки самой птицы, её песню, голос, токовое поведение, приёмы добывания корма, способы передвижения, привычки, внешний вид и состав гнезда, его размеры, окраску и размеры яиц и т.д. И всё это делается по большому количеству исходных данных – чтобы видны были пределы индивидуальных вариаций и легче улавливались основные, повторяющиеся признаки. Такие подробные описания образа жизни большинства видов среднеазиатских птиц были редкостью и спустя полвека, когда орнитологи нашего поколения стали всерьёз браться за детальное изучение аутэкологии малоизвестных видов птиц» (Ковшарь, Митропольский, 2010, с. 14).

Пример Н.А. Зарудного, а также завершение 6-томника «Птицы Советского Союза» (тт. 5 и 6, 1954), где у многих горных птиц в разделе «Экология» стояла лаконичная фраза «слабо изучена», а то и просто «сведений нет» (например, черногрудая красношейка: том 6, с. 591) сподвигли многих орнитологов на изучение биологии размножения птиц в горах, и в середине XX ст. были достигнуты значительные успехи в этой области (Долгушин, 1965; Ковшарь, 1969). В 50-60-х гг. в Тянь-Шане было описано свыше 2300 гнёзд более чем 120 видов воробьиных птиц, одновременно значительно улучшилось само качество и степень подробности описания гнёзд, яиц, птенцов; в целом возросла полнота информации о каждом из найденных гнёзд. В эти годы были опубликованы первые сведения о гнёздах таких неизученных ранее видов как бледная, черногорлая и альпийская завирушки; красноспинная и краснобрюхая горихвостки; черногрудая красношейка, джунгарская гаичка, желтогрудый князёк, рыжешейная синица, расписная синичка, краснокрылый чечевичник (в Таласском Алатау в 1961 г. найдено второе в мире гнездо и впервые описаны кладка и пуховой птенец), красный

вьюрок (в Заилийском Алатау в 1967 г. найдено первое в мире гнездо с кладкой), арчовая чечевица, арчовый дубонос (Степанян, 1956, 1960; Кыдыралиев, 1957, 1960; 1962; Винокуров, 1961; Кузнецов, 1962; Ковшарь, 1962, 1964, 1966; 1967; Kowschar, 1966; Гаврилов, Долгушин, Родионов, 1965, 1968; Долгушин, Гаврилов, Родионов, 1965, 1968; Dolgushin, Gavrilov, Rodionov, 1968; Гаврилов, Ковшарь, 1967, 1968; Gavrilov, Kowschar, 1969; Gavrilov, Kovshar, 1970).

Одновременно шло накопление массовых материалов по гнездованию фоновых видов птиц. Уже к 1969 году более 100 гнёзд из пределов Тянь-Шаня было известно для дерябы, туркестанского жулана и желчной овсянки; более чем по 50 – у рогатого жаворонка, тусклой зарнички, певчей и серой славок, черногорлой завирушки, крапивника и красноспинной горихвостки (Ковшарь, 1969). По некоторым видам были опубликованы обстоятельные экологические очерки: бурая оляпка (Степанян, 1962), синяя птица (Бородихин, 1960; Ковшарь, 1967), закаспийский рогатый жаворонок (Капитонов, Лобачёв, 1968), певчая славка (Ковшарь, Рукина, 1968), крапивник (Родионов, 1968). Во внутренних районах Тянь-Шаня, в Центральном Тянь-Шане и Иссык-Кульской котловине немало интересных гнездовых находок сделали в 50-х гг. Л.С. Степанян, А.К. Кыдыралиев, Э.Д. Шукуров и И.Д. Яковлева (Степанян, 1959; Птицы Киргизии, 1959, 1960). Тем не менее ещё немало было птиц, для которых из Тянь-Шаня не было известно ни одного гнезда (рыжехвостая мухоловка, белоножка, кедровка, большая и розовая чечевицы, жемчужный вьюрок), а по целому ряду других горных птиц (индийский и малый жаворонки, соловей-белошейка, варакушка, джунгарская гаичка, краснокрылый стенолаз, тибетский ворон, клушица, альпийская галка, клёст-еловик, красный вьюрок) сведения ограничивались лишь единичными находками жилых гнёзд (Ковшарь, 1969).

Стационарные исследования биологии размножения птиц наиболее активно проводились в 60-70 гг. в двух хребтах Тянь-Шаня. В **Таласском Алатау** (заповедник Аксу-Джабаглы) с 1960 по 1966 г. мне удалось обследовать около 800 гнёзд более чем 50 видов птиц, преимущественно воробьинообразных (Ковшарь, 1966, 1967а, б, 1968, 1970; Ковшарь, Рукина, 1968; Иващенко, Ковшарь, 1969, 1972, Ковшарь, Гаврилов, 1973; Ковшарь и др., 1976). Там же в 1971-1973 гг. Б.М. Губин (2012) обнаружил 644 гнезда 59 видов.

В **Заилийском Алатау** (Б. Алматинское озеро, 2500-3000 м) в 1964-1967 гг. И.А. Долгушин, Э.И. Гаврилов, Э.Ф. Родионов, М.Н. Корелов, М.А. Кузьмина, И.Ф. Бородихин и др. нашли и описали 625 гнёзд воробьиных птиц, относящихся к 31 виду. В этом же ущелье, на том же стационаре, летом 1968 г. очень плодотворно изучала биологию расписной синички И.А. Нейфельдт, с которой работал Б.В. Некрасов. Помимо основной публикации в немецком журнале «Der Falke» (Neufeldt, 1970) она опубликовала в Трудах ЗИН РАН также объёмистые «Заметки о птицах окрестностей Большого Алматинского озера (Заилийский Алатау)» (Нейфельдт, Леонович, Малышевский, 1978, с. 228-267), где приводятся сведения о нескольких десятках гнёзд и порой интересные биологические данные о птицах.

Там же в 1971-1979 гг. вместе с группой студентов и юннатов (А.С. Левин, Р.Г. Пфеффер, Б.П. Жуйко, В.В. Лопатин, О.В. Белялов В.А. Ковшарь и др.) мы провели ежегодные стационарные (с апреля по август) наблюдения у 2500 гнёзд 38 видов воробьиных птиц с применением индивидуального цветного мечения взрослых и молодых птиц; результаты опубликованы в ряде статей (см. список литературы) и суммированы в двух книгах (Ковшарь, 1979, 1981). В первой из них («Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня: очерки летней жизни фоновых видов») приведены очерки о птицах 31 вида, составленные по единому плану: распространение и приуроченность, характер пребывания, пение и образование пар (здесь приведены количественные показатели интенсивности пения – «песен/час»); гнездовой консерватизм, гнездовой участок, репродуктивный цикл [выбор места для гнезда, строительство гнезда, насиживание яиц, описание пуховых птенцов, выкармливание гнездовых птенцов – участие самца и самки, частота кормления, состав корма], послегнездовая жизнь, сроки размножения и число циклов, плодовитость (заканчивая успешностью размножения). Вторая книга («Особенности размножения птиц в субвысокогорье: на материалах Passeriformes в Тянь-Шане») посвящена обсуждению общих вопросов размножения птиц в горах, в т.ч. о числе репродуктивных циклов, эколого-этологических адаптациях, плодовитости и т.д.

Третье место, где ряд лет проводились исследования размножения птиц – хребет Киргизский Алатау. В 1934-1936 гг. здесь собирал кладки птиц известный орнитолог и коллекционер Е.П. Спангенберг, который опубликовал свои сведения в совместной с Г.П. Дементьевым статье (Spangenberg, Dementieff,

1935), эти же данные использованы в сводке «Птицы Семиречья» (Шнитников, 1949). Он же весной 1951 г. в ущелье Туюк (75 км южнее города Фрунзе) провёл ряд интересных наблюдений за гнёздами птиц (Спангенберг, Судиловская, 1959). В верхней части ущелья Ала-Арча (2000-3500 м), в 1957-1960 гг. сведения о птицах, в т.ч. об их гнездовании, собрал А.А. Кузнецов (1962). В поясе арчового редколесья этого же ущелья (2100-2300 м) в 1980-1985 гг., работая над темой «Сранительное изучение некоторых сезонных явлений у представителей вьюрковых», Н.П. Иовченко (1988) обследовала 292 гнезда, в том числе: 207 – обыкновенной чечевицы, 24 – арчовой чечевицы, 36 – седоголового щегла и 25 – арчового дубоноса; причём у некоторых провела наблюдения за индивидуально помеченными птицами и опубликовала результаты в ряде содержательных статей (Иовченко, 1986, 1990 а, б; 2015). Это было последнее по времени специальное исследование размножения воробьиных птиц в Тянь-Шане, поскольку уже с начала 70-х гг. почти все орнитологи региона переключились на исследование миграций птиц (см. ниже).

На материалах, собранных в хребтах южного макросклона Западного Тянь-Шаня (Узбекистан), опубликованы статьи по биологии ряда видов (королькового вьюрка, чечевицы, снежного вьюрка, каменки-плясуньи, трясогузок, рогатого жаворонка, дерябы) (Третьяков, 1979, 1994; Фоттелер, Митропольский, Третьяков, 1984, 1989; Третьяков, Фоттелер, 1988; Фоттелер, Третьяков, 1988) и статья «Материалы к оологической характеристике птиц Западного Тянь-Шаня» (Митропольский, Третьяков, Фоттелер, 1981), содержащая описание яиц и их размеров. По хребтам Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня сведения о гнездовании птиц спорадичны; здесь, на высокогорных озёрах Сонкуль и Чатыркуль, как и на Иссык-Куле, занимались исследованием биологии водоплавающих и околоводных птиц (Кыдыралиев, 1957, 1960, 1961, 1967, 1972 а,б, 1973, 1982, 1984, 1990). В низкогорьях Северного Тянь-Шаня и Чу-Илийских гор в 80-х гг. цикл исследований биологии соколов, и прежде всего балобана, выполнил Р.Г. Пфеффер (1986, 1987, 1990, 1991). В целом налицо большая неравномерность изученности гнездовой биологии птиц в Тянь-Шане – как в систематическом, так и в географическом плане.

Ниже привожу некоторые краткие итоги наших 10-летних исследований размножения воробьиных птиц в субвысокогорье Заилийского Алатау, на стационаре «Большое Алматинское озеро» (рис. 576, 577). Методика наблюдений подробно изложена в упомянутых выше двух книгах (Ковшарь, 1979, 1981), однако основные её моменты, для лучшего понимания полученных результатов, считаю полезным привести здесь.

Наиболее характерная черта применяемых методик – прижизненное изучение объектов; основное требование к наблюдениям – достаточный их объём и многократность, без которых невозможно выявить достоверность того или иного явления. Регулярные наблюдения за гнёздами проводились обычно с 6 до 10 час, в необходимых случаях – с рассвета до заката (5-21 час, наблюдатели менялись через каждые 4 часа). Для определения времени пробуждения птиц в 1975 г. раз в 15 дней (по мере увеличения длины дня) проводились ночные дежурства одновременно в 4-5 точках (в разных биотопах). Частота посещений

Рис. 576. Субвысокогорье. Верхняя граница леса над Б. Алматинским озером (2700 м). Июнь 2007 г. *Фото автора*
Рис. 577. Орнитологический стационар «Б. Алматинское озеро» (2500 м). 28 апреля 1971 г. *Фото автора.*
На переднем плане – палатка для наблюдений за гнездом джунгарской гаички в прикорневом дупле ели

жилых гнёзд зависела от целей (выявление даты начала откладки яиц и вылупления птенцов; описание пуховых птенцов; взятие проб пищи; кольцевание птенцов) и определялась для каждого случая индивидуально, с учётом двух противоположных требований: получение максимальной информации от каждого гнезда и сведение к минимуму фактора беспокойства. Для количественной характеристики пения птиц была использована оригинальная методика получения двух показателей – вокальной активности и интенсивности пения (Ковшарь, 1977а). При установлении последнего показателя за основу взят принцип подсчёта числа песен в единицу времени (чаще всего – 15 мин), но подсчёт вёлся не суммарно (Новиков, 1949), а *индивидуально* для каждого поющего самца. Впервые на Тянь-Шане было широко применено индивидуальное мечение птиц при помощи ножных меток из цветного целлулоида. Была разработана оригинальная система изготовления и применения этих меток, позволяющая ещё до рассмотрения цветовых компонентов метки различать птиц по полу и возрасту (Ковшарь, 1976в). В некоторых случаях птиц дополнительно окрашивали спиртовым раствором родамина и пикриновой кислоты (Рахилин, 1960). Описание пухового наряда птенцов проводили по общепринятой схеме (Нейфельдт, 1970). Пробы пищи брали при помощи метода лигатур (Мальчевский, Кадочников, 1953), а у зерноядных – по упрощённому способу, без перевязок (Ковшарь, 1962). Для накладывания лигатур применяли не шерстяную нитку (как рекомендовано в перовисточнике методики), а мягкую проволочку в полихлорвиниловой изоляции, сечением 0.6-1 мм, намного более удобную в обращении, чем нитка. Материал гнёзд взвешивали в воздушно-сухом состоянии на весах ВЛТК-500. Основой документации являлась гнездовая карточка, форму которой разработал И.А. Долгушин в 1964 г.

Пение и образование пар. Нисколько не противореча мультифункциональной концепции пения птиц (Симкин, 1972 а, б), наши наблюдения подтвердили, что ведущей функцией песни является привлечение самки, информация о готовности данного самца вступить в размножение. Отмечена значительная вариабельность песен у большинства видов, наличие определённого репертуара у каждого самца, причём частота использования тех или иных вариантов время от времени меняется. Регулярное пение птиц в субвысокогорье длится 4-5 месяцев, начиная с середины марта. Большинство видов прекращает петь в первой половине июля, и только обыкновенная чечевица, пеночки и завирушки заканчивают пение во второй половине августа. Суточная продолжительность вокальной активности около 16 час, что на 1-2 часа меньше, чем на севере европейской равнины (Промптов, 1940; Новиков, 1949; Мальчевский, 1959). Максимальная интенсивность пения в ряде случаев не ниже, чем у тех же видов в равнинной части их ареала: у лесного конька – 453 песни/час, у горихвостки-лысушки – до 535. Интенсивность пения тесно связана с фазой репродуктивного цикла (Ковшарь, 1977в) и может служить её показателем. Несмотря на имеющиеся индивидуальные различия, у каждого вида свой сезонный ритм изменений интенсивности пения, что необходимо иметь в виду при проведении количественных учётов птиц по голосам.

Взаимоотношения полов оказались намного сложнее, чем принято считать. Различные представители одного вида, в зависимости от обстоятельств, показывают примеры то удивительной привязанности членов пары, то не менее удивительного непостоянства. Сохранение пары на следующий год наблюдали у 7 видов: обеих оляпок, бледной завирушки, тусклой зарнички, джунгарской гаички, московки и арчового дубоноса. Как правило, пара сохраняется в течение сезона при всех повторных гнездованиях, но нередки случаи замены партнёра уже после первого гнездования, особенно неудачного. У бледной завирушки и горихвостки-лысушки отмечены случаи полигинии.

Гнездовой консерватизм и дисперсия. Наблюдениями за 3 707 помеченными птицами 25 видов (746 взрослых самцов, 628 самок и 2 333 птенца) установлено, что явление гнездового консерватизма почти в одинаковой мере свойственно оседлым и перелётным видам. Среди первых оно в наибольшей степени выражено у бледной завирушки (48.4% взрослых особей и 8.2% молодых), арчовой чечевицы (47.3% взрослых и менее чем 0.1% молодых), арчового дубоноса (37.5% и 7.5%); среди перелётных – у маскированной трясогузки (62.5% и 8.0%), горной трясогузки (40% и 1.3%) и зарнички (28% и 6%). Молодняк возвращается на места своего рождения в среднем в 5-6 раз реже, чем взрослые птицы – на места прошлогоднего гнездования. Среди взрослых птиц у большинства видов самцы возвращаются гораздо чаще, чем самки. Особенно показательны в этом отношении горная и маскированная трясогузки, лесной конёк, горихвостка-лысушка, арчовый дубонос. У большинства видов взрослые птицы гнездятся не далее 100-200 м от своих прошлогодних гнёзд (75% случаев), тогда как возвратившийся молодняк

Рис. 578 и 579. Условия обитания птиц в субвысокогорье. Б.Алматинское ущелье, 2500-2700 м. *Фото автора*

чаще всего (83.5% случаев) поселяется в 300-1000 м от места рождения. При этом нередко происходит значительное смещение по вертикали, что способствует генному обмену между сообществами на разных высотах. Есть все основания полагать, что установление территориальных связей молодых птиц происходит в период их послегнездовых кочёвок, поскольку масштабы этих кочёвок совпадают с удалением первого гнездования.

Расположение гнёзд. Анализ сведений о 2540 гнёздах 38 видов певчих птиц из субвысокогорья Заилийского Алатау показал, что на деревьях и кустарнике размещалось 1 102 (43.4%) гнезда 21 вида, чуть больше гнёзд – 1 227 (48.3%) располагались на земле, где гнездится половина всех птиц этого пояса. На скалах и в камнях найдено 3.5% гнёзд (10 видов), в сооружениях человека – 4.5% (11 видов) и всего 6 гнёзд двух видов птиц помещались на травянистых растениях. На ели тянь-шанской располагались 756 из 760 гнёзд, найденных на деревьях, причём 66.7% из них помещались на старых деревьях, тогда как в таёжных лесах европейского севера преобладает гнездование на еловом подросте (Мальчевский, 1959; Зимин, 1974). Подавляющее большинство гнёзд на земле находились под прикрытием камней. Предпочтение отдавалось склонам, ориентированным на восточную часть горизонта, что прослеживается как у наземных гнёзд, так и у гнёзд, расположенных на кустарниках. Как показали наблюдения за мечеными птицами, пластичность гнездовых инстинктов присуща не только популяции, но и отдельной особи: одна самка способна воспроизвести все способы устройства гнезда, известные для данной популяции. Так, самка бледной завирушки за три сезона 4 раза гнездилась под крышей дома, 5 раз – на елях и по одному разу – в камнях и на кусте арчи. Изымая старые гнёзда после вылета или гибели выводка, мы отметили 63 случая повторного гнездования в 47 местах представителей 17 видов птиц. Подобные факты обычно приводят в качестве примеров гнездового консерватизма, но в действительности они свидетельствуют не столько об этом, сколько о совпадении требований к месту гнездования у разных птиц: только в 21% случаев на старом месте гнездилась та же пара, ещё в 16% случаев прежним был только один из партнёров. В 30% случаев оба партнёра были новыми, а в 21% случаев прошлогоднее место занимали представители другого вида: после бледной завирушки – черногорлая, после зелёной пеночки – седоголовая горихвостка и т.д.

Материал гнёзд. Анализ материала 700 гнёзд 25 видов воробьиных птиц показал, что наиболее постоянными их компонентами являются травянистые растения и в первую очередь – стебли и листья злаков, встреченые почти во всех гнёздах; за ними следуют: разнотравье, мох, веточки деревьев и кустарников, корешки, полосы луба и коры деревьев и кустарников. Очень варьирует встречаемость утепляющих материалов – шерсти, волоса, пуха и перьев. Наиболее утеплены гнёзда, расположенные либо в кронах деревьев и кустарника, либо в дуплах и пустотах под крышами домов; слабо утеплены наземные гнёзда. Эта тенденция достаточно хорошо прослеживается даже в гнёздах одного вида – бледной завирушки, устраивающей свои гнёзда наиболее разнообразно: под крышами домов в них в среднем по 11.2 г шерсти в лотке, на елях – 7.5, на арче – 6.2, на земле – 4.1 г. По-видимому, это связано с более мягким температурным режимом у поверхности земли. Принято считать, что гнёзда ранних кладок утеплены гораздо больше, чем поздних. В действительности наблюдается лишь слабая

тенденция к уменьшению тёплой выстилки и общего веса более поздних гнёзд. По-видимому, утепление гнезда имеет меньшее значение, чем режим пребывания на гнезде взрослой птицы, насиживающей кладку или обогревающей птенцов.

Характеристика кормов гнездовых птенцов. Общее количество получаемого птенцами корма зависит от величины разовой порции и частоты приноса его родителями. Для выяснения частоты кормления птенцов мы провели наблюдения в течение 2130 часов у 184 гнёзд 38 видов птиц. При этом подтвердились различия в частоте кормления птенцов у насекомоядных и растительноядных птиц. Если первые приносят сравнительно небольшие пучки корма, которые отдают одному-двум, редко – большему числу птенцов, то растительноядные приносят, как правило, помногу корма, который распределяется между всеми птенцами. При этом нередко одного приноса корма хватает на несколько сеансов кормления, что и делает обогревающая птенцов самка в отсутствие самца, собирающего в это время новый запас корма. Поэтому корм приносится редко – один раз в час, а то и полтора, независимо от числа птенцов в гнезде и их возраста. Особенно заметно это у птиц, имеющих подъязычные мешки для переноса большого количества мелких семян, – гималайского вьюрка, краснокрылого чечевичника (Ковшарь, Некрасов, 1965, 1967), у которых количество приносимой пищи регулируется степенью наполнения этих мешков.

У насекомоядных птиц частота прилётов с кормом к гнезду является показателем интенсивности кормления птенцов. Она зависит от многих причин: количества птенцов в выводке, их возраста, величины разовой порции, погодных условий. Повторные наблюдения над одними и теми же птенцами показали, что наиболее заметный подъём интенсивности кормления происходит в первую неделю, а за весь период пребывания птенцов в гнезде она увеличивается в среднем в полтора-два раза. Налицо обратная зависимость частоты прилётов от величины разовой порции корма. Так, тусклая зарничка, которая выкармливает птенцов мелкими объектами (тли, двукрылые), прилетает к гнезду до 790 раз в день, тогда как близкий вид – зелёная пеночка, имеющая примерно тот же спектр питания, но приносящая большие порции, кормит птенцов реже. Гораздо меньше на частоту прилётов влияет величина выводка. Несмотря на то, что здесь наблюдается прямая зависимость, рост интенсивности кормления, как правило, отстаёт от увеличения выводка, и в результате в больших выводках на долю каждого птенца приходится в среднем меньше корма, чем в маленьких. Это говорит об ограниченных возможностях увеличения выводков в субвысокогорье.

Суточная продолжительность выкармливания птенцов – около 16 часов. В этой краткости периода суточной активности и состоит важнейшее отличие Тянь-Шаня и других южных гор от еверных аналогов высокогорья и субвысокогорья – тундры, лесотундры и таёжных районов, где суточная активность птиц в высоких широтах намного продолжительнее (Новиков, 1949; Касаткин, 1963; Данилов, 1966 и др.). Очень характерной особенностью суточного режима кормления птенцов является его равномерность в течение дня, что обусловлено плавным ходом дневной температуры (здесь не бывает полуденной жары). Погодные условия влияют не столько на общее число кормлений, сколько на распределение их в течение дня.

Качественный состав пищи гнездовых птенцов в условиях субвысокогорья весьма разнообразен, но основу его у большинства насекомоядных птиц составляют представители **6** отрядов насекомых: двукрылые (мухи, комары), чешуекрылые (бабочки и их гусеницы), равнокрылые хоботные (тли, цикады), жуки, клопы и перепончатокрылые – все вместе составили в пробах птенцов 83.7%. Из них наиболее важны двукрылые, чешуекрылые и равнокрылые хоботные. Среди представителей 31 семейства двукрылых более четверти по числу экземпляров в пробах пищи птенцов – комары-долгоножки (Tipulidae), отмеченные в питании почти всех насекомоядных птиц. Чешуекрылые на 40% представлены гусеницами пядениц, на втором месте – имаго совок (Noctuidae – 26.9%), на третьем – гусеницы коконопрядов (Nymphalidae – 12.6%) на четвёртом – белянки (Pieridae – 9.9%); на долю остальных 14 семейств пришлось всего 10.6%. Равнокрылые хоботные представлены в основном тлями. Это чрезвычайно характерный компонент пищи двух видов завирушек (бледной и черногорлой) и двух видов пеночек (зелёной и тусклой зарнички), у которых они составляют соответственно 34.4 – 56.1% и 30.6 – 46.7% пищевых объектов. Различия в составе корма отдельных видов обусловлены, по всей вероятности, не столько избирательностью, сколько тремя причинами: разной экологической обстановкой, способами добывания корма и календарными сроками гнездования.

Продолжительность репродуктивного цикла. Репродуктивный цикл пары птиц начинается с постройки гнезда и заканчивается переходом молодняка к самостоятельному добыванию корма. Он включает следующие фазы: строительство гнезда, период между окончанием постройки и началом откладки яиц, откладку яиц и их насиживание, выкармливание птенцов в гнезде, подкормку и обучение вылетевшего выводка. Первые 5 фаз принято называть гнездовым периодом. Появление первого яйца, на мой взгляд, делит гнездовой период на две неравнозначные части, которые можно назвать подготовительной и основной. В сущности, только с появлением в гнезде содержимого в виде яиц оно становится жилым в полном смысле этого слова, а сам процесс размножения становится непрерывным, строго регламентированным во времени. Наши наблюдения показали, что продолжительность подготовительной части гнездового периода и непосредственно связанного с ней выбора места для гнезда зависит от календарных сроков размножения: при позднем гнездовании оно заметно сокращается. Так, если в апреле и начале мая трясогузки, горихвостки или завирушки на выбор места для гнезда тратят *недели*, то в июне-июле – считанные дни, а иногда – даже часы. Есть основания полагать, что некоторые полициклично размножающиеся птицы перед первым гнездованием выбирают удобные для гнездования места на весь предстоящий сезон. У большинства видов с растянутым периодом размножения второе гнездо строится в плотора-два раза быстрее, чем первое (по 115 гнёздам 20 видов птиц). Одной из причин растянутости строительства ранних гнёзд могут быть плохие погодные условия (похолодание, дожди, снегопады), но главная причина, на мой взгляд, – слабая эндогенная готовность самок, о чём свидетельствует прямая связь между продолжительностью строительства и длительностью паузы перед началом кладки. Резкое сокращение сроков строительства и полное исчезновение паузы перед откладкой первого яйца при позднем гнездовании (когда нередко яйца откладываются в ещё недостроенное гнездо) практически не зависят от погодных условий, что свидетельствует о превалировании эндогенной стимуляции над экзогенной.

Общая продолжительность гнездового периода, установленная у 121 пары птиц, относящихся к 22 видам, колеблется от одного до полутора месяцев, причём при раннем гнездовании величина её намного больше, чем при позднем. Послегнездовая фаза репродуктивного цикла у большинства видов занимает около двух недель, и только у некоторых растительноядных видов-стенофагов (например, арчовый дубонос) – около двух месяцев. Весь репродуктивный цикл продолжается около полутора-двух месяцев. При такой большой длительности его в условиях короткого лета любое сокращение гнездового периода при повторном гнездовании имеет несомненное адаптивное значение.

Число репродуктивных циклов. Для выяснения этого вопроса важнейшим условием является анализ календарных сроков гнездования. В субвысокогорье Заилийского Алатау установлены календарные сроки начала кладки в 2565 гнёздах 38 видов. По результатам анализа этих данных, начало кладки здесь растянуто с середины апреля (чёрная ворона, дрозды) до первой декады сентября (клёст-еловик, арчовый дубонос), но основная масса видов начинает гнездиться в мае и июне. Наблюдения, проведенные в 1976 г. одновременно у верхней и нижней границ пояса елового леса одного ущелья (1500 и 2500 м), показали, что размножение внизу началось на 20 дней раньше, и основная масса пар приступила к откладке яиц в мае, тогда как в субвысокогорье – в июне. Погодные условия данного сезона неодинаково влияют на сроки гнездования даже систематически близких видов птиц. Так, красноспинная горихвостка, бледная завирушка и пеночка-зарничка резко изменили сроки гнездования в жаркие 1973 и 1974 годы, а седоголовая горихвостка, черногорлая завирушка и зелёная пеночка – почти не изменили. Первые три вида как более высокогорные полнее использовали возможности указанных лет для полицикличного размножения.

Вопрос о числе репродуктивных циклов у птиц в горах Тянь-Шаня в русской орнитологической литературе решался диаметрально противоположно. Вначале, в 5 и 6 томах сводки «Птицы Советского Союза» (1954) без всякой доказательной базы было признано наличие двух кладок в горах Средней Азии у 22 видов воробьиных птиц, населяющих субальпийский пояс: воронок, горная и маскированная трясогузки, лесной и горный коньки, обыкновенная и бурая оляпки; бледная, черногорлая и гималайская завирушки; горихвостка-лысушка и красноспинная; черноголовый чекан, обыкновенная каменка, деряба, чёрный дрозд, индийская пеночка, московка, корольковый вьюрок, седоголовый щегол, коноплянка, арчовый дубонос. В течение следующего десятилетия господствовало мнение о *невозможности двух репродуктивных циклов* в условиях короткого горного лета (Корелов, 1956; Степанян, 1959; Птицы

Киргизии, 1960; Птицы Казахстана, 1970-1974) и появились требования о доказательствах всех случаев обнаружения второй кладки. Первые документальные подтверждения двух репродуктивных циклов у певчих птиц в Тянь-Шане были получены к концу 60-х гг., когда в субвысокогорье Заилийского Алатау удалось установить наличие двух кладок у горной и маскированной трясогузок, черногрудой красношейки (Гаврилов, Ковшарь, 1968), а также у тянь-шанского крапивника (Родионов, 1968). В 1971-1975 гг. здесь же мы наблюдали уже 51 случай двух репродуктивных циклов у меченых пар 10 видов, причём для бледной завирушки, красноспинной и седоголовой горихвосток, тусклой зарнички и арчового дубоноса двукратное гнездование было установлено впервые (Ковшарь, 1977а). Судя по довольно большому числу зарегистрированых случаев, двукратное гнездование – обычное явление у населяющих субвысокогорье певчих птиц, оно свойственно по крайней мере половине обитающих здесь видов. Появились доказательства наличия двух реподуктивных циклов и в других хребтах Тянь-Шаня: в Таласском Алатау – у горного конька и горихвостки-чернушки (Губин, Губина, 1976; Губин, Немков, 1976), в Киргизском Алатау – у расписной синички (Иовченко, 1990). Однако, как выяснилось, две кладки – это ещё не предел для субвысокогорья.

На высоте 2500 м возможны даже три успешных цикла размножения в один сезон (Ковшарь, 1975), что наблюдали мы у бледной завирушки и красноспинной горихвостки, причём самка бледной завирушки в 1973 и 1974 гг. возобновляла неудачный третий цикл (первый раз – на стадии кладки, второй – после гибели полуоперённых птенцов) и успешно выводила птенцов третьего выводка. По времени с 27 апреля по 5 сентября 1974 г. эта самка вполне уложилась в четыре репродуктивных цикла (птенцы третьей кладки погибли уже полуоперёнными, а именно при таком их возрасте завирушки начинают строить гнездо под третью кладку). Тот факт, что все самки, имевшие по три репродуктивных цикла, начинали первое гнездование в те же сроки, что и другие особи данного вида, свидетельствует о нормальности трёх циклов.

Поскольку документальные подтверждения двух репродуктивных циклов удалось получить только для 10 видов из 43, гнездящихся в районе стационара, я предпринял попытку выявления остальных «претендентов» на две кладки при помощи косвенных «улик». Результаты получились следующие:

- имеют регулярно второй репродуктивный цикл – 12 видов (27.9%)
- имеют второй цикл в отдельные годы – 1 вид (2.4%)
- по-видимому, имеют второй цикл – 8 видов (18.5%)
- по-видимому, имеют один цикл – 7 видов (16.3%)
- имеющие только один цикл – 15 видов (34.9%)

Таким образом, примерно половина видов (21, или 49%) имеют здесь два репродуктивных цикла и столько же (51%) – один. Помимо видов с доказанными двумя циклами к первой группе следует отнести также двух дроздов – дерябу и чёрного (последний в городе Алматы гнездится до 4-х раз за лето!), а также седоголового щегла. Только в отдельные годы делает две кладки тусклая зарничка. Вполне могут иметь две кладки такие виды как горный конёк, гималайская завирушка и краснобрюхая горихвостка (Ковшарь, 1977). Строго моноцикличны в условиях субвысокогорья чёрная ворона, сорока, кедровка, горихвостка-лысушка, зелёная и индийская пеночки (а в обычные годы – и тусклая зарничка), джунгарская гаичка, московка, арчовая и обыкновенная чечевицы, гималайский вьюрок; скорее всего только одна кладка у обеих оляпок, желтоголового королька и лесного конька. Несколько неожиданным выглядит отнесение в эту группу лесного конька и горихвостки-лысушки, которые в других условиях имеют два репродуктивных цикла, но первый имеет у нас очень сжатые сроки гнездования (хотя в 1974 г. сроки его гнездования были растянуты на 50 дней и теоретически он мог иметь вторую кладку, как имела её в этом году тусклая зарничка), а горихвостка-лысушка прилетает в субвысокогорье очень поздно – только во второй половине мая и начинает гнездиться лишь в июне, когда у других горихвосток (седоголовой и красноспинной) здесь уже вылетают птенцы первого выводка. В сущности, первая кладка лысушки совпадает по срокам со вторыми кладками седоголовой и красноспинной горихвосток.

Разделение функций между самцом и самкой на разных фазах репродуктивного цикла. Как показали наблюдения в субвысокогорье Заилийского Алатау, экономия времени при полицикличном размножении осуществляется по двум основным направлениям: сокращение продолжительности подготовительной части нового гнездового периода и наложение её на послегнездовую фазу предыдущего репродуктивного цикла. Так, самка бледной завирушки начинает строить гнездо для второй кладки уже через день-два после вылета птенцов первого выводка, которых ещё минимум две недели кормит

самец; гнездо для третьей кладки она начинает строить уже при полуоперённых птенцах, а в день их вылета она сносит первое яйцо третьей кладки. Ещё показательнее совмещение двух циклов у арчового дубоноса, самец которого кормит *одновременно* летающих птенцов первого выводка, только что вылупившихся птенцов второго и обогревающую их на гнезде самку. Без такого совмещения два репродуктивных цикла у этого вида со столь длительным периодом докармливания вылетевшего молодняка (2 месяца) были бы просто невозможны.

Наши наблюдения в субвысокогорье Заилийского Алатау показали, что на разных фазах репродуктивного цикла функции партнёров неодинаковы. Самцы, как правило, проявляют большую активность в осмотре места для будущего гнезда, но право окончательного выбора принадлежит самкам. В период строительства основная функция самца – охрана работающей самки, при насиживании – охрана гнезда и его ближайшего окружения, а сразу же после вылупления птенцов – их кормление (у ряда видов самцы кормят и обогревающих птенцов самок). Наиболее высокая активность (до 84-88% прилётов за день у отдельных видов) свойственна самцам при выкармливании пуховых птенцов в первые 5 дней их жизни; потом, вплоть до вылета птенцов, средняя доля участия самцов в их кормлении равна примерно 43%. После оставления птенцами гнезда у полицикличных видов их выкармливают в основном или исключительно самцы, что освобождает самку для следующего репродуктивного цикла (строительство гнёзд, откладывание и насиживание яиц). Всё это позволяет несколько по-новому взглянуть на роль самцов в воспитании потомства: на последнем этапе гнездования инстинкт кормления птенцов развит у них в общем сильнее, чем у самок, у которых он блокируется потребностью строить новое гнездо и откладывать следующую кладку (не раз приходилось наблюдать, как самки в такие моменты улетают от своих же птенцов или даже прогоняют их). В пользу сказанного свидетельствует и кормление самцами ряда видов птиц *чужих птенцов* (Ковшарь, 1979б), чего у самок мне наблюдать не приходилось.

Частичное совмещение сроков размножения и линьки. В Заилийском Алатау мы наблюдали 42 случая линьки взрослых птиц при выкармливании гнездовых птенцов у представителей 7 видов воробьиных птиц: горной трясогузки, красноспинной и седоголовой горихвосток, тусклой зарнички, зелёной пеночки и арчового дубоноса (Ковшарь, 1977г). В 30 случаях линяли самцы и в 12 – самки, последние начинают смену оперения обычно позже самцов. В Таласском Алатау аналогичные факты отмечены у горного конька и горихвостки-чернушки (Губин, Губина, 1976; Губин, Немков, 1976), а в Киргизском Алатау – у арчового дубоноса (Иовченко, 1990). Само явление совмещения линьки с окончанием размножения можно рассматривать как адаптацию к короткому лету, по аналогии с такой же адаптацией у субарктических птиц (Блюменталь, Зимин, 1966; Haukioja, 1971).

Потенциальная и реальная плодовитость. После опубликования Л.С. Степаняном (1959) заметки о пониженной плодовитости певчих птиц в условиях высокогорья Тянь-Шаня – явлении, получившем впоследствии название «гипсоморфного эффекта размножения птиц» (Степанян, 1970), появился ряд публикаций о величине кладки у воробьиных птиц в горах Средней Азии (Иванов, Чунихин, 1961; Чунихин. 1962; Бёме, 1968; Ковшарь, 1971) и гибели их гнёзд (Гаврилов, Родионов, 1965; Лобачёв, 1969; Ковшарь, 1972). Авторы этих работ высказывали противоположные мнения. Так, Л.С. Степанян и С.П. Чунихин считали, что в горах у птиц имеется тенденция к уменьшению величины кладки вследствие пессимальных условий существования; Р.Л. Бёме пришёл к выводу, что потенциальная плодовитость птиц в горах и на равнине одинакова. В своём первом обзоре на эту тему (Ковшарь, 1971) я сделал попытку проанализировать величину 549 кладок 46 видов из Таласского Алатау, 499 кладок 30 видов из Заилийского Алатау, дополнив эти материалы сведениями о 470 кладках 55 видов, взятыми из литературы по другим хребтам Тянь-Шаня. Сравнение величины кладки у 27 видов птиц, обитающих в горах и на равнине, показало уменьшение кладки в горах у 12 видов (полевой жаворонок, лесной конёк, крапивник, деряба, чёрный дрозд, зелёная пеночка, зарничка, князёк, московка, джунгарская гаичка – по сравнению с пухляком, горная славка – по сравнению с мельничком); более слабая тенденция к уменьшению кладки просматривалась ещё у 7 видов, а у 8 видов (скворец, деревенская ласточка, маскированная трясогузка, черноголовый ремез, туркестанский жулан, серая славка, просянка, желчная овсянка) кладка в горах и на равнине примерно одинакова.

При работе в 1971-1978 гг. в субвысокогорье Заилийского Алатау мы рассмотрели этот вопрос на новом материале. Анализ сведений о 1250 гнёздах с полными кладками и 839 гнёздах с птенцами из пределов субвысокогорья подтвердил наличие гипсоморфного эффекта в размножении некоторых

широкораспространённых видов насекомоядных птиц, однако следует иметь в виду, что при сравнении тянь-шанских данных с материалами, полученными в основном на равнинах северной Европы, причиной наблюдающихся различий является не только (а может быть и не столько) абсолютная высота, но и географическая широта, непосредственно связанная с длиной светового дня.

Принято считать, что у воробьиных птиц наиболее ранняя кладка является и самой крупной. Такое представление особенно утвердилось в фаунистических сводках, где чаще всего небольшие кладки принято относить к повторным, взамен утраченных. Наш опыт работы в субвысокогорье Заилийского Алатау подтвердил правильность другой точки зрения: у полицикличных видов наиболее продуктивна середина весенне-летнего сезона (Perrins, 1970). В субвысокогорье Тянь-Шаня лишь у некоторых, в основном поздно гнездящихся видов (пеночек, чечевиц), а из относительно рано гнездящихся – у трясогузок и черногрудой красношейки средняя величина кладки наибольшая в начале сезона размножения. У дроздов, завирушек, горихвосток и многих других птиц первые кладки явно меньше отложенных в середине сезона размножения, причём только у дерябы это увеличение происходит в мае, у остальных – в июне. В связи с этим у ряда видов вторая и повторные кладки бывают больше первой, что подтверждают и наблюдения над помеченными самками: из 49 случаев вторых репродуктивных циклов величина кладки уменьшилась по сравнению с первой только в 15 (30.6%), в остальных 34 случаях она либо равнялась первой (36.8%), либо была больше (32.6%). Аналогичные результаты получены при сравнении первых и возобновлённых кладок: в 7 случаях из 23 вновь отложенная кладка оказалась большей, чем утраченная, в 12 – равной ей и только в четырёх – меньшей. Очевидно для многих видов оптимальным временем откладки яиц является июнь, а то, что все они начинают гнездиться гораздо раньше (в начале мая и даже в конце апреля!) следует рассматривать как приспособление для максимального использования короткого летнего времени.

Число яиц, откладываемых самкой, – показатель потенциальной плодовитости. Реальную, итоговую плодовитость правильнее всего было бы выразить числом половозрелых молодых особей, выращенных одной парой. Однако поскольку получение точных данных о смертности птенцов после вылета их из гнезда пока невозможно, принято вычислять показатель успешности гнездования, который выражается отношением числа покинувших гнездо птенцов к общему числу отложенных яиц. В Заилийском Алатау в 1094 гнёздах было снесено 4916 яиц, из которых вылупилось 3625 (73.7%) птенцов, а покинули гнёзда 2703 (56.1%) птенцов, т.е. общий показатель примерно такой же, как для лесной зоны Европы в районе Ленинградской и Псковской областей (Мальчевский, 1959; Мешков, Урядова, 1967).

Успешность гнездования оказалась наиболее высокой у джунгарской гаички (74.4%), крапивника (72%), московки (69.7%), маскированной трясогузки (65.7%) и гималайского вьюрка – 66.3% (у всех этих видов гнёзда надёжно спрятаны); наименьшая – у вьюрковых (32 – 43%) и особенно у клеста-еловика, у которого только 16% отложенных яиц дают слётков. Эмбриональная смертность (включая неоплодотворённые яйца) составляет всего 16% общего отхода яиц, остальное приходится на разорение гнёзд хищниками. Именно гибель гнёзд, т.е. кладок и выводков целиком, а не отдельных яиц или птенцов, оказывает решающее влияние на общий успех размножения птиц. Хищники уничтожают содержимое 29.3% жилых гнёзд, или 74.7% от числа всех погибших. Отмечена слабая тенденция к уменьшению процента гибели гнёзд в середине сезона размножения, что вместе с увеличением кладки в июне может свидетельствовать об оптимальности сроков второго репродуктивного цикла.

Особо следует отметить роль фактора беспокойства. В условиях субвысокогорья она не ограничивается только «наводкой на цель» хищника, хотя это один из наиболее существенных итогов действия данного фактора. Время обогрева самкой кладки или птенцов в условиях низких температур и постоянных осадков точно сбалансировано с этими неблагоприятными условиями, здесь нет никаких «допусков». Стоит нарушить этот баланс (когда вспугнутая с гнезда наседка дольше обычного вынуждена находиться вне гнезда) – и кладка или птенцы погибнут. Поэтому в субвысокогорье (а ещё больше – в экстремальных условиях высокогорья) фактор беспокойства птиц в период гнездования играет гораздо большую роль, чем в условиях более мягкого климата. В целом эффективность гнездования в условиях субвысокогорья не намного ниже, чем у равнинных популяций, и гораздо выше, чем в экстремальных условиях высокогорья, что подтверждает правомочность выделения этой полосы из состава высокогорья.

Видовая специфика и внутривидовая изменчивость биологии размножения. Сравнение некоторых показателей размножения трёх видов горихвосток (седоголовой, красноспинной и лысушки), трёх видов завирушек (гималайской, бледной и черноголовой), двух видов пеночек (зелёной и тусклой зарнички) и двух видов чечевиц (обыкновенной и арчовой) в одних и тех же условиях субвысокогорья Заилийского Алатау показало ряд характерных черт, общих для его автохтонов. Во-первых, для них характерно более продолжительное, чем у ближайших родственников, пребывание в субвысокогорье: они либо оседлые, либо раньше прилетают и позже улетают. С этим связана вторая характерная черта – растянутость сроков гнездования и полицикличность размножения, тогда как низкогорные виды имеют меньшую склонность к полициклии, а то и вовсе одну кладку. Третья черта: представители субвысокогорья относительно слабые певцы, песни их обычно короче и тише, а многие характерные виды (арчовый дубонос, арчовая чечевица, расписная синичка) практически не поют. Наконец, плодовитость настоящих субвысокогорных видов всегда выше, чем у обитающих вместе с ними более низкогорных родственников.

Географическая внутривидовая изменчивость основных показателей размножения в Тянь-Шане не изучена по причине крайней неравномерности имеющихся материалов из разных хребтов: львиная доля имеющихся данных получена в Заилийском Алатау (77% всех тянь-шанских гнёзд), несколько меньше – в Таласском (12%) и 4.2% – в Терской Алатау; однако даже между этими хребтами сравнения затруднены в силу разного набора гнездящихся видов. Сведения по другим хребтам составляют доли процента, а по многим данных почти нет. При таком уровне знаний никакого анализа географической изменчивости (да ещё с учётом индивидуальных вариаций) сделать невозможно, для этого необходимы многолетние стационарные исследования, особенно в хребтах Внутреннего и Центрального Тянь-Шаня. Пока же в общих чертах можно сказать, что географическая изменчивость мест устройства и материала гнёзд заметна у представителей широко распространённых, низкогорных по своему происхождению видов, и почти не просматривается у высокогорных и субвысокогорных представителей; направление этой изменчивости – с северо-востока на юго-запад, что совпадает с общим направлением смены основных ландшафтов. Анализ сведений по частоте кормления птенцов в Заилийском, Таласском и Кунгей Алатау показал отсутствие чётко выраженной изменчивости этого показателя. Календарные сроки размножения в пределах западной половины Тянь-Шаня имеют сравнительно небольшие масштабы географической изменчивости, в целом подтверждая высказанную ранее точку зрения (Ковшарь, 1966): в пределах Тянь-Шаня географическая изменчивость сроков гнездования намного меньше, чем различия по абсолютной высоте в пределах одного и того же хребта. Тем не менее она прослеживается во всех группах птиц – от высокогорных до широко распространённых – и выражается в том, что на юге и западе птицы начинают гнездиться в среднем на декаду раньше, чем на севере и востоке. Число репродуктивных циклов, наоборот, не подвержено географической изменчивости. Иными словами, полицикличность размножения свойственна виду не только в Заилийском или Таласском Алатау, но и в других хребтах Тянь-Шаня Точно так же не обнаруживает географической изменчивости величина кладки: сведения со всех хребтов Тянь-Шаня вполне укладываются в пределы индивидуальной изменчивости этого показателя в одном хребте – Заилийском Алатау.

Индивидуальная изменчивость, помимо многих из уже упомянутых показателей, обнаружена также в птерилозисе птенцов. Осмотр 1006 пуховых птенцов 31 вида певчих птиц в Заилийском Алатау показал, что пуховые птерилии, используемые для их описания (Нейфельдт, 1970), можно разделить на две группы: **основные** (надглазничные, затылочная, спинная, плечевые и локтевые), которые либо свойственны всем птенцам данного вида, либо нацело отсутствуют, и **второстепенные** (остальные 9 птерилий по: Нейфельдт, 1970), которые могут быть обнаружены лишь у части птенцов. Среди второстепенных птерилий наименее вариабельно опушение на бедренных, брюшных и голенных птерилиях; очень варьирует опушенность век и копчика, где пух, чаще всего, бывает рудиментарным. Среди видов наиболее вариабельной оказалась опушенность птенцов у горной трясогузки (пучки пуха непостоянны на 5 птерилиях) и арчовой чечевицы (на 4 птерилиях). Подробности описаний пуховых птенцов опубликованы (Ковшарь, 1974; Губин, 1977).

Изученность миграций и зимовок птиц в Тянь-Шане

Ещё 150 лет назад первопроходец Тянь-Шаня Н.А. Северцов, экскурсируя в долине р. Атбаши (Внутренний Тянь-Шань), 31 октября 1867 г. в своём полевом дневнике записал: «Тут я заметил пролёт сибирских овсянок *E. cioides*; они тянули прямо к западу, направляясь к Нарыну… вдоль седловины Ала-Машата; тянули низко над землёй, небольшими стайками, и часто садились; после 24-го, когда я их добыл в можжевельниках у Тас-Асу, я не встречал этой птицы в долине Атбаши, и сопоставление этих наблюдений между собой и с иссыккульскими показывают, что тяньшанские экземпляры этого вида не пролётные из Сибири, а гнездящиеся на месте – высоко в горах, а осенью и с севера и с юга собирающиеся в долину Нарына, который, как мы увидим далее, вообще составляет главный пролётный путь собственно для горных птиц Тянь-Шаня» (Шнитников, 1949, с. 401). Однако и 90 лет спустя, в обстоятельной главе «О миграциях птиц в Казахстане» первого тома сводки «Птицы Казахстана» И.А. Долгушин вынужден был признать: «Изученность миграций птиц в горных местностях до настоящего времени очень слабая» (Долгушин, 1960, с. 73). Ярким примером полного отсутствия сведений могут служить тезисы доклада на Второй Всесоюзной орнитологической конференции (Москва, 1959) под названием «Миграции птиц в Тянь-Шане», состоящие всего из трёх пунктов: «**1**. Как и на равнине, в условиях горного рельефа на Тянь-Шане одни птицы летят «узким фронтом» (некоторые утки, ласточки, юрки), другие – широким (большинство овсянок, дрозды и др.); у ряда видов пути осеннего и весеннего пролётов не совпадают… **2**. Специфические черты горного климата в Тянь-Шане создают благоприятные условия для зимовки не только многих местных горных птиц, но и равнинных (зяблик, щегол, свиристель и многие водоплавающие). Эти зимовки находятся севернее обычных равнинных зимовок и привлекают значительное количество птиц. В связи с этим зимующие в Тянь-Шане равнинные птицы поднимаются в горы и пересекают горные цепи. Гнездящиеся в горах птицы, зимующие в прилежащих равнинах, направляются не только к югу, но и к северу (арчовая чечевица, крапивник)… **3**. Таким образом, в горах Тянь-Шаня имеют место, с одной стороны, те же типы миграций, что и на равнинах, и, с другой стороны, имеются и специфические миграции. Следовательно, одни и те же явления в жизни птиц в горах протекают сложнее, чем на равнинах» (Корелов, 1959,

Рис. 580. Вид на Чокпакские ворота с Майликентского (Буранши-асу) перевала. Май 2016 г. *Фото А.Ф. Ковшаря*
Стрелка указывает место расположения стационарных ловушек для отлова птиц

с. 69-70). Не удивительно, что уже в середине 60-х гг. в Казахстане по инициативе И.А. Долгушина были начаты масштабные исследования миграций птиц.

Первый стационар по изучению миграций птиц был создан в 1966 г. в северных предгорьях Западного Тянь-Шаня на перевале Чокпак (или в Чокпакских воротах – на стыке Таласского Алатау и Каратау). За более чем 50 лет своего существования он сделал так много для изучения миграций птиц через «бутылочное горлышко» в обход Тянь-Шанских гор с запада, что заслуживает подробного описания как его местоположения, так и истории создания, с упоминанием тех, кто учредил стационар и тех, кто претворил в жизнь замысел учредителя.

Для начала – немного географии. Сам Чокпак – 7-8 км шириной седловина с нижней точкой у ж.-д. станции Чокпак (абс. высота 1204 м) между отрогами Таласского Алатау (горы Джабаглытау) с юга и Сырдарьинского Каратау (горы Боралдайтау) с севера (рис. 580). Днище этой седловины является самой высокой точкой межгорного пространства, которое к западу переходит в густонаселённую долину реки Арысь (правого притока Сырдарьи), а к востоку – в долину р. Терс, расположенную между Таласским Алатау на юге и восточным окончанием Каратау на севере. Каменистые склоны Таласского Алатау и Каратау в этом месте совершенно безлесные, местами покрыты кустарником; днище «ворот» – некогда типчаково-пырейная степь, давно распаханная; первичная растительность сохранилась лишь на каменистых склонах холмов. Вдоль железной дороги – лесопосадки, местами очень старые, высокие и густые.

Именно через Чокпакскую седловину («перевал», «ворота») проходит в наше время железная дорога из Москвы и Ташкента на Алма-Ату и Бишкек, а также автострада между этими городами. А несколько веков назад здесь же проходила одна из основных ветвей Великого Шёлкового пути. Не удивительно, что и перелётные птицы используют этот удобный коридор для совершения своих сезонных миграций весной и осенью. Основное направление осенних миграций – с северо-востока на юго-запад, т.е. с Чокпакского перевала на Майликентский (Буранши-асу) перевал в западных отрогах Таласского Алатау, недалеко от известной железнодорожной станции Тюлькубас. Между этими перевалами видна широкая степная долина Арыси с лесопосадками вдоль железной дороги и сёлами Кумусбастау и Жабагылы (б. Новониколаевка); в последнем из них – центральная усадьба старейшего в Казахстане заповедника Аксу-Джабаглы, которому в 2016 г. исполнилось 90 лет. Такова вкратце *география* окрестностей Чокпака.

Что касается его *истории*, то для меня лично она началась в середине сентября 1961 г., когда, будучи орнитологом заповедника Аксу-Джабаглы, я приехал верхом из Новониколаевки на ГМС Чокпак (напрямую здесь всего 12 км) за метеорологическими данными для Летописи природы. Меня поразил массовый пролёт крупных хищных птиц (в основном канюков и орлов), которых за один лишь час пролетело несколько десятков. Начальник метеостанции И.Г. Колоднов рассказал, что здесь такой пролёт наблюдается ***ежегодно***, и местные жители стреляют этих «коршунов» на перо для подушек. Профессор И.А. Долгушин на мой восторженный рассказ о таком массовом пролёте спокойно объяснил, что об этом знал ещё Л.М. Шульпин, работавший в этих местах в 30-х гг. и записавший в своих неопубликованных дневниках, что место это (он называл его «Бурнинский перевал») издавна было известно, как удачливое

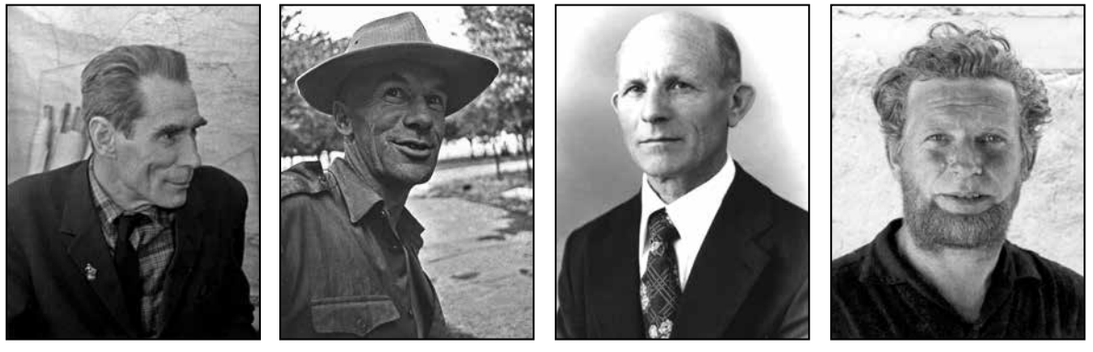

Рис. 581. Инициаторы и создатели Чокпакского орнитологического стационара.
Слева направо: И.А. Долгушин, И.Ф. Бородихин, Э.Ф. Родионов, Э.И. Гаврилов.

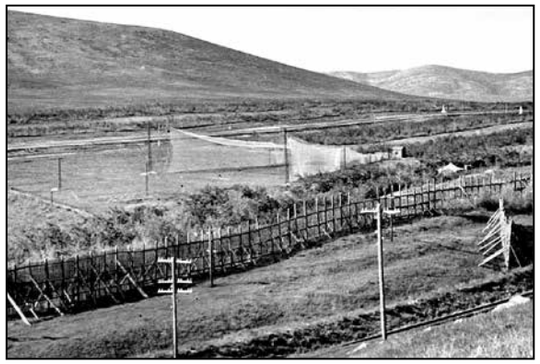

Рис. 582. Первая ловушка между автотрассой и железной дорогой. Чокпак, май 1967 г. Фото автора
Рис. 583. Сеть ловушки из х/б дели, которую с трудом удерживают 4 человека. Слева направо: Э.Ф. Родионов, А.Ф. Ковшарь, И.Ф. Бородихин, Э.И. Гаврилов. Чокпак, сентябрь 1967 г. Фото Д.Т. Уваисова

для охоты на дроф! А через три года, когда зашла речь об организации орнитологического стационара по отлову перелётных птиц для кольцевания, Игорь Александрович Долгушин вернулся к обсуждению вопроса о Чокпаке как вероятном месте для такого стационара. Именно И.А. Долгушин и его команда (рис. 581) стали создателями будущего широко известного стационара по отлову птиц, причём каждый из этой четвёрки сыграл в его создании и становлении свою незаменимую роль.

Исполнителем этого, как сейчас бы назвали, проекта Игорь Александрович выбрал Икара Фёдоровича Бородихина, которого предварительно командировал на Куршскую косу в Балтийском море для изучения бесценного опыта работы первой в СССР ловушки Рыбачинского типа (бывшая станция Росситен), а Эвальд Фёдорович Родионов, по привезенным Икаром эскизам, скроил и сшил в тесном городском помещении саму сеть для ловушки – да так, что при установке ее на металлические конструкции в поле ничего не пришлось переделывать! Он же в первые годы и обслуживал это громоздкое сооружение, когда сеть надо было то опускать при снегопадах, то зашивать после сильных порывов ветра (весенние сезоны 1967, 1968 и 1970 гг. мы работали на Чокпаке вместе). Самый правый в этой четвёрке – Эдуард Иванович Гаврилов – организатор всех этих работ, их вдохновитель, преемник Игоря Александровича Долгушина не только на чокпакском поприще, но и на посту заведующего долгушинской лабораторией орнитологии.

Первая ловушка была установлена между автострадой и железной дорогой на границе Джамбулской и Южно-Казахстанской областей (рис. 582). Она была почти точной копией рыбачинской: высота 12 м, ширина 35 м, длина 75 м; сшита из тяжёлой хлопчатобумажной рыболовецкой сети (рис. 583), поскольку все были уверены, что капроновые сети не выдержат палящих лучей нашего южного солнца. Впоследствии, убедившись в гораздо большей его устойчивости, заменили х/б сеть капроновой. Как и планировалось, самые высокие передние «столбы» (хотя в действительности это были ажурные металлические опоры) служили для обоих сезонов: весной ловушка была обращена на запад, как на данном снимке, а осенью – на восток. Около приёмной камеры устанавливался маленький фанерный домик-лаборатория для обработки и кольцевания пойманных птиц, а в небольшом понижении среди невысокой лесополосы – жилая палатка для персонала. На невысоком бугре между палаткой и полотном железной дороги, откуда открывался достаточно хороший обзор, была вкопана в землю лавочка для наблюдателя-учётчика. Учёт пролетающих птиц проводился ежедневно в течение 4 часов, по 2 часа утром и вечером, а раз в 5 дней пролетающих птиц учитывали в течение всего светлого времени суток; при этом учётчики сменяли друг друга через 3-4 часа.

Всё это вместе с упоминанием экспериментов по форме ловушки и подробностям её установки мы описали в 8-м выпуске «Сообщений Прибалтийской комиссии по изучению миграций птиц» (Тарту, 1974) в совместной статье «Из опыта работы Чокпакского орнитологического стационара» (Бородихин, Гаврилов, Ковшарь, 1974). В ней изложены основные результаты первых 5 лет (1966-1970) работы стационара, когда отрабатывались и совершенствовались основные методические приёмы отлова и обработки пойманных птиц, а также проведения визуальных количественных учётов мигрирующих

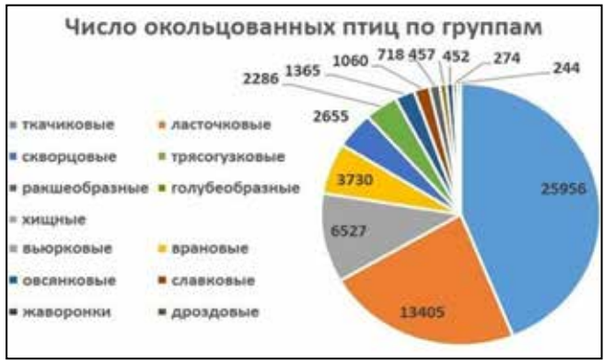

Рис. 584. Некоторые результаты отлова и кольцевания птиц на Чокпаке за первые 5 лет (1966-1970)

птиц (рис. 584). Успехи Чокпакского стационара стали одним из весомых аргументов в пользу постановки широких исследований миграций птиц на западе азиатской части СССР, включая Западную Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

В 1971 г. при Координационном совете Академии наук СССР по проблемам миграций и ориентации птиц была создана Среднеазиатско-Западносибирская региональная комиссия, которую возглавил член-корр. АН Киргизии А.И. Янушевич, ставший первым научным руководителем комплексных исследований миграций птиц всего региона, получившего впоследствии название «Срединный регион». К выполнению этих исследований в обязательном порядке были привлечены орнитологические коллективы зоологических институтов Академий наук Казахстана (рук. Э.И. Гаврилов), Узбекистана (рук. Д.Ю. Кашкаров), Таджикистана (рук. И.А. Абдусалямов), Туркменистана (рук. А. Эминов), а также Сибирского отделения АН СССР (рук. К.Т. Юрлов). Многие из них заканчивали прежнюю тематику (например, киргизские зоологи только завершили составление сводки по млекопитающим республики), когда весной 1970 г. руководитель тематики А.И. Янушевич назначил проведение на Чокпакском стационаре симпозиума по обмену опытом и выработке единых подходов и единых методик. Благодаря участию в симпозиуме К.Т. Юрлова мы имеем бесценные фотосвидетельства будней Чокпака в дни этого первого научного собрания (рис. 585).

Уже в 1971 г. в Киргизии были организованы три стационара по изучению миграций птиц: Тюлекский в Чуйской долине (во главе с Г.С. Умрихиной), Токмакский выше по течению р. Чу (рук. Т.Ф. Федянина) и Иссык-Кульский на юго-западном побережье озера близ сёл Улахол и Оттук (рук. А.К. Кыдыралиев). Позднее в Чуйской долине некоторое время работали также стационары «Манас» в 32 км севернее города Бишкек и «Кант» в 22 км восточнее этого города; в Иссык-Кульской котловине – на восточном берегу, в Тюпском заливе (1973-1974 гг., А.К. Кыдыралиев). Существовал каждый из этих стационаров несколько лет: уже в 80-х гг. работы эти были свёрнуты и к началу 90-х гг. прекращены совсем. В узбекской части Западного Тянь-Шаня стационаров по изучению миграций не было, работы проводились южнее и западнее, в том числе в пустыне Кызылкум. Результаты исследований миграций птиц по единой теме Срединного региона и единой методике (Гаврилов, 1977) публиковались в серии сборников с общим названием «Миграции птиц в Азии» (1974-1990, 2004; всего 12 сборников). Лишь некоторые из этих публикаций имеют отношение к Тянь-Шаню и содержат информацию о сроках или путях миграций видов.

Намного больше информации имеется в специальных изданиях монографического характера, и здесь превалируют данные, полученные на Чокпаке. Результаты первых 15 лет (1966-1981) работы этого стационара подытожены в книге «Сезонные перелёты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня» (Гаврилов, Гисцов, 1985), конкретные сведения о сроках пролёта и численности отдельных видов в последующие годы (1982-2016) содержатся в двух специальных обзорах, опубликованных А.Э. Гавриловым с соавторами в выпуске ежегодника Selevinia-2016 и в «Орнитологическом вестнике Казахстана и Средней Азии», вып. 4 (А. Гаврилов, Абаев, Зарипова, 2017а, б); их можно видеть почти в каждом видовом очерке нашего издания. Помимо того, имеется немало публикаций о миграциях того или иного вида. Результаты работы киргизских стационаров в Чуйской долине

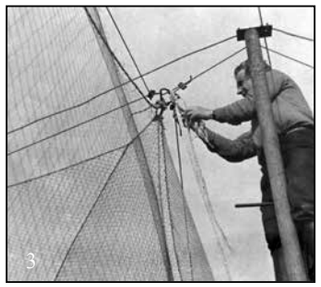

Рис. 585. Чокпак, 1970 г.: 1 – занесенная снегом палатка; 2 – Э.Ф. Родионов и И.Ф. Бородихин кольцуют птиц; 3 – Э.И. Гаврилов натягивает сеть; 4 – он же взвешивает птиц; 5 – А.Ф. Ковшарь и Э.И. Гаврилов делают кольца; 6 – они же и член-корр. АН КиргССР А.И. Янушевич обсуждают планы работ по кольцеванию.

опубликованы в монографии «Массовые миграции птиц в Северной Киргизии» (Торопова, Шукуров, 1991), из материалов которой видно, что некоторые виды птиц весной прилетают в Чуйскую долину *раньше*, чем на расположенный намного юго-западнее Чокпак. Это свидетельствует о наличии прямого пролётного пути по долинам Внутреннего Тянь-Шаня – возможно, по той же долине Нарына, о которой писал Н.А. Северцов (Sewertzow, 1880) ещё в XIX веке (см. выше).

Результаты проверки этой гипотезы Н.А. Северцова (Sewertzow, 1880) опубликовали киргизские орнитологи в статье «Весенние перемещения птиц в Нарынской котловине» (Кумушалиев, Шукуров, 1990), написанной по наблюдениям на стационаре «Эмгек-Талаа» на правом берегу р. Нарын в 35 км западнее города Нарын с 20 марта по 25 мая 1983 г. За этот период они отметили здесь птиц 118 видов, среди которых не менее 15 видов явных мигрантов. Выводы, к которым пришли авторы, лучше всего процитировать, чтобы не исказить очень сложный временами ход их мыслей: «В котловину птицы могут попасть лишь через хребты. Весной, по-видимому, через Ферганский хребет, перевалы которого лежат на высоте свыше 3 тыс. м. Обнаружение большого видового разнообразия и относительно высокой численности мигрантов, а также пролёта транзитных видов указывает на способность большинства обитающих в Киргизии птиц преодолевать высокогорья, находящиеся в это время под снегом… По-видимому, основная часть мигрантов проходит на места гнездования во Внутреннем Тянь-Шане, и лишь меньшая часть их использует этот путь в качестве транзитного, следуя на Сары-Джаз и в Иссык-Кульскую котловину, что подтверждается фрагментарными наблюдениями на перевале Долон и в его окрестностях, где весною фиксировалась небольшая миграционная активность. Кроме того, некоторые птицы, в частности кулики, могут переваливать из сыртов Внутреннего Тянь-Шаня в Иссык-Кульскую котловину через хр. Терскей Ала-Тоо» (Кумушалиев, Шукуров, 1990, с. 74). В другом месте авторы добавляют: «Наблюдения в Нарынской котловине позволяют сделать вывод, что через высокогорные долины Внутреннего Тянь-Шаня проходит одна из ветвей миграционного потока птиц, небольшая часть которых использует этот путь для транзитного пролёта, преодолевая хребты выше 3 тыс. м над ур. м.»

(там же, с. 77). Наконец, после приведения перегруженных цифрами таблиц с числом мигрантов в пересчёте на учётную полосу 500 м (обязательное требование единой методики), авторы приводят такую интересную информацию: «В средней части Нарынской котловины наблюдается заметная весенняя миграционная активность птиц. Маршрутная экспедиция, проведенная в мае 1983 г. по районам Внутреннего Тянь-Шаня, проследила миграционную активность от слияния Большого и Малого Нарына до вхождения р. Нарын в каньон, пересекающий Ферганский хребет. По реке и прилегающим водоёмам проходит пролёт многих водных и околоводных птиц. По пойменным зарослям, лесокустарниковому поясу в горах и искусственным насаждениям в долине проходят лесные и кустарниковые птицы. По речным террасам, занятым в основном степной и полупустынной растительностью, а также пашнями, мигрируют птицы открытых пространств» (там же, с. 80). Ссылаясь на благоприятные климатические условия Тогуз-Тороуской котловины, сохранившиеся пойменные леса которой могут служить своеобразным перевальным пунктом для птиц на пути в остальные районы Внутреннего Тянь-Шаня, авторы завершают текст своеобразными расчётами: «Суточная активность мигрантов на стационаре «Эмгек-Талаа» позволяет сделать заключение о преимущественно местном транзитном характере пролёта над данной точкой. Нарастание активности пролёта к вечеру, если даже исключить влияние местных подвижек, говорит о том, что птицы стартуют значительно западнее, в пределах Тогуз-Тороуской впадины, в 100 км от места наблюдения. Если принять за расчётный минимум 100 птиц на 500 м фронта пролёта, то за весенний период только по нижней части котловины шириной 25-30 км на долготе стационара прошло около 6 млн. птиц. Эта цифра в целом соответствует оценке численности гнездящихся птиц на территории Внутреннего Тянь-Шаня восточнее стационара, и поэтому её можно считать ещё одним подтверждением того, что транзитные мигранты имеют незначительную долю в миграционном потоке, проходящем по Нарынской котловине» (Кумушалиев, Шукуров, 1990, с. 81).

Этот пример подчёркивает сложность возможных путей пролёта птиц через внутренние районы Тянь-Шаня, где подобного рода участков может оказаться немало, и лишний раз подчёркивает необходимость их изучения. Ещё два интересных примера приведены в статье «Визуальные наблюдения за осенней миграцией птиц в Сусамырской долине и бассейне р. Сары-Джаз» (Остащенко, 1990). В первом месте (слияние Сусамыра и Западного Каракола, 2000 м) с 26 августа по 10 сентября и 19-23 сентября 1979 г. в течене 82 час наблюдали пролёт птиц 29 видов преимущественно в западном направлении, вдоль поймы реки Сусамыр, в том числе испанских воробьёв. Интересная деталь: «В начале сентября почти ежедневно утром и вечером, обычно до восхода и после захода солнца, наблюдали стартующих чечевиц. Стайки до 10 особей поднимались с пойменных кустарников и кругами набирали высоту. Часто поднявшихся на большую высоту птиц невозможно было рассмотреть в 8-кратный бинокль и направление их горизонтального полёта определить не удавалось. Лишь у некоторых стаек можно было проследить отлёт в западном и юго-западном направлении» (Остащенко, 1990, с. 106). С 12 по 18 сентября наблюдения проведены на перевале Отмёк (3300 м) из Сусамырской долины в Таласскую, однако из-за туманов и метелей они оказались безрезультатными и только 13 сентября, после продолжавшейся весь день метели, в скалах обнаружили горлицу (*Streptopelia turtur*), которая на такой высоте обычно не встречается. В Центральном Тянь-Шане – в долине р. Сарыджаз – наблюдения проведены 7-23 сентября 1983 г. близ пос. Энильчек, где за 100 часов наблюдений отметили 151 особь исключительно местных птиц: кеклик, чёрный стриж, скальная ласточка, горный конёк, альпийская галка, тусклая зарничка, горихвостка-чернушка, чечевица. Из этих наблюдений автор сделал следующие выводы: «1. В узких речных долинах и ущельях, даже крупных рек Тянь-Шаня, выходящих на равнины, массового осеннего пролёта птиц в приземном слое воздуха до высоты 300-400 м не наблюдается. 2. В Тянь-Шане, где обычно перевалы лишь немного ниже окружающих гор, они не используются большинством птиц в качестве пролётного русла. 3. В горных условиях в приземном слое воздуха мигрируют птицы, в подавляющем большинстве характерные для окружающих экологических условий местности (Кыдыралиев, Кумушалиев, 1981; Муратов, 1984). Это свидетельствует о пересечении пространств с неблагоприятной экологической обстановкой мигрирующими птицами на большой высоте, недоступной для визуальных наблюдений» (Остащенко, 1990, с. 108). Подтверждением наличия пролёта на большой высоте в горах также служат неоднократные встречи мигрантов на леднике Абрамова в истоках реки Коксу в Алайском хребте (Ноздрюхин, 1988, 1989, 1990, 1991). Необходимость проведения таких наблюдений в Тянь-Шане очевидна.

О непростой мозаике *направлений пролёта* свидетельствуют результаты 6-летних стационарных наблюдений на восточном (1973-1974 гг.) и западном (1975-1978 гг.) берегах озера Иссык-Куль: «В восточной части Иссык-Кульской котловины… весной утки, журавли, жаворонки, трясогузки, коньки и скворцы летят в основном на восток, чайки и ласточки – на запад. У куликов и стрижей в направлениях передвижений

ясности нет: в 1973 г. кулики летели преимущественно на восток, а в 1974 г. – на запад. Осенью у уток, журавлей и куликов явно преобладает западное направление, а у остальных групп – восточное, причём жаворонки, трясогузки, коньки и скворцы летят в этом же направлении и весной» (Кыдыралиев, 1986, с. 84). Столь же разнообразны направления пролёта и на западе котловины: «Весной и осенью восточное направление преобладало у уток (57.8-73%), куликов (65.1-70.4%) и чаек (57-64.3%). Чёрные стрижи и ласточки за все годы весной и осенью мигрируют преимущественно на запад; коньки и скворцы весной чаще пролетают на восток, осенью – на запад» (там же, с. 86). Сложному ориентационному поведению мигрантов в период осеннего пролёта посвящено специальное экспериментальное исследование, проведенное 6-13 сентября 1985 г. на северном берегу Иссык-Куля (Попов, Цопов, 1990).

Интересную гипотезу о роли пролётных путей в формировании орнитологических комплексов в высокогорье Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня высказал А.К. Кыдыралиев: «Кроме пролётных путей, указанных Н.А. Северцовым, выявился ещё один путь, который соединяет наиболее крупные озёра высокогорий – Чатыркуль и Сонкуль. На это указывает почти одинаковый состав пролётных птиц и сроки пролёта на этих озёрах. Чатыркуль и Сонкуль имеют значение как места остановок, отдыха и кормления в период осенних перекочёвок. Пролёт водоплавающих и болотных птиц проходит в массовом количестве. Летят и другие птицы. В общей сложности в высокогорьях зарегистрировано 133 вида пролётных птиц, преимущественно воробьиные (49), кулики (28) и пластинчатоклювые (17). Наблюдения показали, что некоторые птицы во время пролёта в высокогорьях, попадая в экологические условия, сходные с условиями на местах их постоянного обитания, остаются на гнездовье. Подтверждением служит обычное гнездование здесь кряквы, шилохвости, травника, чаек; редкое – бекаса, чибиса, малого зуйка и нерегулярное – серого гуся, широконоски, речной крачки, обыкновенного гоголя и других птиц. Появление за последние годы на гнездовье вальдшнепа в пойменных лесах р. Атбаши и белошапочной овсянки в различных местах Центрального Тянь-Шаня следует рассматривать, видимо, как результат заселения ими этих мест в процессе сезонных миграций. Из приведенных выше фактов следует, что в формировании авиакомплексов высокогорий Тянь-Шаня существенное значение могли иметь и пролётные пути. Следовательно, заселение этих районов новыми видами птиц из числа ныне пролётных может продолжаться и в будущем» (Кыдыралиев, 1965, с. 209). Видимо, этим же путём идут и лесные виды пролётных птиц: совсем недавно в Западном и Северном Тянь-Шане отмечены первые случаи гнездования зяблика и пеночки-теньковки (Митропольский, 2009; Белялов, 2013).

В последние 20-25 лет появились и отлично зарекомендовали себя новые методы изучения миграций при помощи радиотрансмиттеров. В отличие от обычного кольцевания, они дают массу информации при мечении даже одной особи. Конкретные сведения о результатах применения этого метода имеются в видовых очерках по пеликанам, журавлям, джеку (см. очерки первого тома). К сожалению, пока ещё эта методика имеет два существенных недостатка – дороговизна и невозможность применения на мелких птицах. Однако со временем они будут преодолены, и будущее в изучении миграций птиц принадлежит именно слежению за индивидуально помеченными особями.

Так называемые «вертикальные миграции», о которых пишут многие авторы, никакого отношения к настоящим миграциям не имеют. Это местные перемещения гнездящихся в горах птиц, причём не всегда по высоте (часто это смена экспозиции склона на менее заснеженный). Обычное представление, что птицы на зиму спускаются вниз, а весной возвращаются в горы, слишком упрощено, а проведение аналогии между сменой высотных поясов и сезонной сменой ландшафтных зон при настоящих миграциях на равнине и вовсе неверно. При всём внешнем сходстве с настоящими перелётами высотные перемещения птиц в горах имеют те же коренные отличия, что и сами высотные пояса по сравнению с ландшафтными зонами – слишком маленькие масштабы. Расстояние от места гнездования да места зимней встречи при высотных перемещениях птица преодолевает в течение часа (редко – нескольких часов), тогда как на настоящие перелёты уходит много суток. Это в корне меняет характер перемещений, порождая во многих случаях так называемые суточные миграции, гораздо более распространённые, чем принято считать. При таких миграциях одна и та же особь в течение дня успевает побывать в разных высотных поясах. Интересно, что в эти суточные высотные перемещения вовлекаются и птицы, прилетевшие с севера на зимовку, – например, серые вороны, которые во многих местах проводят день на кормёжке в предгорьях, а на ночь улетают в лесной пояс гор, поднимаясь нередко до 2000 м (это наблюдается и в Тянь-Шане, и в Памиро-Алае).

Вторая характерная черта «вертикальных» перемещений – та, что они возможны в любое время года, т.е. далеко не всегда имеют *сезонный* характер. Летом они свойственны в основном некоторым

вьюрковым и врановым, как кратковременные трофические перемещения. Так, в Таласском Алатау краснокрылые чечевичники, гнездящиеся выше 2700 м, за кормом для птенцов регулярно летают на суходольные луга и в арчовые редколесья (1800-1900 м) и даже в предгорья (1100-1200 м). Там же альпийские галки регулярно спускаются на кормёжку в высокоствольные арчевники – с 3000 м до 1800 м. В Заилийском Алатау аналогичные кормовые перемещения в мае и июне можно наблюдать у гималайских вьюрков. Иногда такие высотные перемещения бывают вызваны внезапными сильными снегопадами в альпийском поясе. Тогда у верхней границы леса вдруг появляются краснокрылые стенолазы, краснобрюхие горихвостки, альпийские завирушки, жемчужные вьюрки и другие сугубо высокогорные птицы. В то же время летом наблюдаются и обратно направленные высотные перемещения. Так, в Заилийском Алатау в скалах альпийского пояса выше 3000 м мне неоднократно приходилось в мае и июне встречать арчовых дубоносов; в Таласском Алатау на такую же высоту регулярно залетают седоголовые щеглы, которые не гнездятся здесь выше 2000 м. После окончания сезона размножения многие птицы устремляются не вниз, а вверх. Дрозды-дерябы, например, и в Заилийском и в Таласском Алатау к концу июля практически перестают встречаться днём на местах гнездования в лесу, зато на альпийских лугах их в это время масса. Только на ночь возвращаются они в лес, чтобы рано утром снова подняться на кормёжку в высокогорье. Черноголовых чеканов в Таласском Алатау встречал я в августе в совершенно неподходящей обстановке – среди голых скал на высоте 3500 м. Даже такие лесные птицы как пеночки – зелёная и зарничка – встречаются в августе гораздо выше мест своего гнездования. В это же время в высокогорье появляется целый ряд низкогорных, а то и вовсе равнинных видов птиц: на суходольных лугах начинают встречаться удоды и сизоворонки, а ещё выше, в альпийском поясе, – в массе деревенские и рыжепоясничные ласточки.

Для поздней осени и зимы свойственны очень широкие «вертикальные» кочёвки птиц, причём основные черты их те же – кратковременность и трофический характер. Поэтому они, как зеркало, отражают особенности погодных условия данного дня: в ясный погожий день, при обильной и доступной пище, птицы могут держаться на любой высоте, но при резком ухудшении погоды сразу же улетают вниз или на южные склоны, при возможности – поближе к человеческому жилью. Очень усложняют и без того сложную картину высотных перемещений птиц в горах различия в поведении *отдельных особей* одной и той же гнездовой популяции. Например, в Заилийском Алатау часть арчовых дубоносов спускается зимой до предгорий, встречаясь в городских парках Алматы (в 18-20 км от подножья гор), но какая-то часть их зимует и у самого верхнего предела лесного пояса (амплитуда высот 800-2600 м). То же можно сказать о черногорлых завирушках, арчовых чечевицах, московках, джунгарских гаичках, желтоголовых корольках. Индивидуальное цветное мечение показывает, что часть особей перечисленных видов проводят зиму в местах гнездования у верхней границы леса (2500-2700 м), часть же особей спускается вниз и скорее всего не на весь зимний период, а только на несколько неблагоприятных дней. Последнее хорошо прослеживается у краснокрылых стенолазов, которые нередко встречаются зимой на стенах зданий Алматы, а в Западном Тянь-Шане – даже на глинистых обрывах Чардаринского вдхр. на Сырдарье, но тем не менее часть их зимой всегда можно встретить на берегах горных речек в среднем поясе гор в Заилийском и Таласском Алатау (Ковшарь, 1966, 1978; Бородихин, 1968, 1972; Ерохов, Белялов, 2004; Коваленко, Кравченко, 2007). У расписной синички часть особей спускается на зиму до предгорий (Гаврилов, 1974), но массовая зимовка в хребте Борколдой во Внутреннем Тянь-Шане отмечена даже на высоте 3200 м (Остащенко, 2007). Кстати, в одной из публикаций последнего автора, озаглавленной «Предельные высоты зимовки птиц в Центральном и Внутреннем Тянь-Шане» (Остащенко, 2010), приведен обширный список птиц, встреченных зимой в высокогорье выше 3000 м: бородатая куропатка, кеклик, беркут, пустельга, кряква, большой крохаль, серпоклюв, вальдшнеп, скальный голубь, филин, домовый сыч, рогатый жаворонок, сорока, клушица, ворон, оляпка, бледная завирушка, расписная синичка, снежный вьюрок, жемчужный и гималайский вьюрки, большая чечевица. Всё сказанное свидетельствует о том, что высотные перемещения птиц в горах (в том числе и сезонного характера) очень сложны и мало изучены. Наиболее перспективный способ их исследования – стационарные круглогодичные наблюдения за индивидуально помеченными особями, проводимые параллельно на нескольких высотных уровнях одного ущелья; либо пока ешё дорогостоящее круглогодичное слежение за птицами, снабжёнными радиопередатчиками.

Зимовки птиц в горах всё ещё остаются малоизученными. Некоторое исключение представляют только зимовки водоплавающих на Иссык-Куле, которым посвящён ряд публикаций (Пятков, 1945, 1957; Тюрин, Кыдыралиев, 1960; Паненко, 1965, 1966; Ардамин, 1976; Кыдыралиев, 1976; Верещагин, 1991). Из них лишь в последней, кроме цифр учётов имеются и некоторые экологические сведения о зимнем периоде жизни не только водоплавающих, но и других птиц Восточного Прииссыккулья. Обычно же публикации о зимней авифауне содержат одни списки видов птиц, встреченных в зимнее время, на что обратил внимание ещё полвека назад И.А. Долгушин в пленарном докладе на IV Всесоюзной орнитологической конференции: «Несмотря на то, что по зимней фауне птиц вышел ряд специальных статей и значительные материалы содержатся во многих фаунистических работах (особенно в региональных сводках), положение с изученностью зимней фауны и, главное, с экологией зимующих птиц во всём многообразии связей организма и среды остаётся весьма далёким от желаемого» (Долгушин, 1965, с. 217). Слова эти, сказанные по отношению к территории Казахстана в целом, в первую очередь относились к горным районам. За прошедшие полстолетия положение мало изменилось, хотя появился ряд публикаций, среди которых в первую очередь следует упомянуть исследования зимовки соколов в г. Алматы (Пфеффер, Пфандер, 1986, 1988) и работы по изучению зимней экологии синиц в Тянь-Шане (Пфеффер, 1978; Керимов, Банин, 1982). Интересные наблюдения содержатся также в исследованиях по зимовкам врановых в Алматы (Ильяшенко, 1973; Шимов, 1983; Ерохов, 1995) и в работе по зимней подкормке хищных птиц в Иссык-Кульской котловине (Шална, 1983). Последняя интересная работа в этом направлении, посвящённая зимовке куликов на юго-востоке Казахстана, включая подгорнную часть и северные предгорья Тянь-Шаня, опубликована совсем недавно (Белялов, 2018).

Решающим моментом в зимнем распределении птиц является кормовая база. Для очень многих видов в Заилийском Алатау и в других хребтах Северного и Внутреннего Тянь-Шаня условия зимовки зависят от урожайности еловых семян, а в Таласском Алатау и в других хребтах Западного Тянь-Шаня – от урожайности арчовых шишкоягод, а также ягод разных видов жимолостей и шиповника. Так, в годы урожая стелющейся арчи зимующие в Таласском Алатау дерябы поднимаются в январе до 3000 м, т.е. выше, чем они гнездятся. В Заилийском Алатау бледные и черногорлые завирушки, гималайские вьюрки и седоголовые щеглы (не говоря уже о клестах-еловиках) кочуют зимой по местам с хорошим урожаем еловых семян. В годы массового плодоношения ели седоголовые щеглы проводят в ельниках весь зимний день, а в годы неурожая появляются в них только к вечеру – прилетают на ночь из предгорий. Прилёт на ночь в горы из предгорий характерен также для врановых, особенно для чёрных и серых ворон.

Это лишь некоторые зарисовки зимней жизни птиц в горах, в целом же она совершенно не изучена. Хорошей базой для проведения таких исследований могут служить горные заповедники Казахстана, Киргизии и Узбекистана (Аксу-Джабаглы, Алматинский, Иссык-Кульский, Сарычелекский, Сарычат-Эрташский, Беш-Аральский, Чаткальский), где имеются все условия для проведения круглогодичных наблюдений за птицами, индивидуально помеченными летом на гнёздах.

Литература

Абаев А.Ж. К орнитофауне национального парка «Кольсайские озера» (Юго-Восточный Казахстан)//XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 9.

Абдуназаров Б.Б. К распространению и экологии белоножки и домового воробья в Узбекистане//Экол. охр. и рац. использ. птиц Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 3-4. **Абдуназаров Б.Б., Зиновьев С.А., Перегонцев Е.А., Царук О.И.** Краткие сообщения о встречах редких видов птиц в Узбекистане//Редкие и малоизученные птицы Узбекистана и сопред. территорий. Ташкент, 1994. С. 5.

Абдусалямов И.А. Птицы долины озера Ранг-куль на Памире [Труды ИЗИП АН ТаджССР, XXI]. Душанбе, 1961. 151 с. **Абдусалямов И.А.** О гнездовании красного вьюрка на Памире//Орнитология, вып. 5. М., 1962. С. 249-250. **Абдусалямов И.А.** Птицы горного Зеравшана. Душанбе, 1964. 249 с. **Абдусалямов И.А.** Материалы по биологии большой розовой чечевицы в Таджикистане//Позвоночные животные Средней Азии. Ташкент, 1966. С. 144-149. **Абдусалямов И.А.** Фауна Таджикской ССР. Том XIX. Часть 2. Птицы. Душанбе, 1973. 400 с. **Абдусалямов И.А.** Фауна Таджикской ССР. Том XIX. Часть 3. Птицы. Душанбе, 1977. 274 с.

Азимов Н.Н. Зимняя численность врановых птиц в сельскохозяйственных угодьях Ташкентского оазиса//XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 19.

Алфераки С.Н. Кульджа и Тянь-Шань//Зап. ИРГО по общей географии, 1891. 23 (2). С. 1-192.

Анненкова С., Ашби В. Некоторые орнитологические наблюдения в Южном и Центральном Казахстане в мае-июне 2003 г.//КОБ-2003. Алматы, 2004. С. 90-91.

Антипин В.М. Очерки наземных позвоночных хребта Каратау//Бюлл. МОИП, 1955, т. 60, № 1.

Аракелянц В.С., Березовиков Н.Н. Материалы к фауне птиц казахстанской части Терской Алатау (Центральный Тянь-Шань)//Рус. орнитол. журн., 2006. Т. 15. Вып. 321. С. 543-563.

Архипов В.Ю., Коблик Е.А., Торопов С.А., Кулагин С.В., Сагынбаев С.С. Результаты орнитологической поездки по Западному, Внутреннему и Северному Тянь-Шаню в июне-июле 2017 г.//Selevinia-2017. Том 25. Алматы, 2018. С. 82-98.

Асланов М.Г. О распространении некоторых индийских птиц в Афганистане//Труды ИЗИП АН УзбССР, том 2. Ташкент, 1953. С. 83-89. [майна, вертишейка]

Афанасьев Д.В., Дворянов В.Н. Амурский свиристель (*Bombycilla japonica*) – новый вид в фауне Казахстана и Средней Азии//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 222.

Афанасьев Ю.Г. Питание и численность кедровок на юго-востоке Казахстана//Орнитология в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 39-43.

Ахмедов К.Р. Птицы населённых пунктов юго-западного Таджикистана//Учёные записки Сталинабадского гос. женского пед. ин-та. Том 1. Сталинабад, 1957 а. С. 27-100. **Ахмедов К.Р.** Майна, её сельскохозяйственное значение в Таджикистане и способы привлечения на искусственное гнездование//Учёные записки Сталинабад. гос. жен. пед. ин-та. Том 1. Сталинабад, 1957 б. С. 101-113.

Ашби В., Анненкова С. Орнитологические наблюдения с группами «Birdfinder» //КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 133-136. **Ашби С., Ашби В.** Орнитологические наблюдения в Юго-Восточном Казахстане в 2006 г. //КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 130.

Аюпов А.Н. О некоторых зимующих птицах Ташкента и его окрестностей//Миграции птиц в Азии. Ташкент, 1978. С. 163-167. **Аюпов А.Н.** Зерноядные птицы на пищевых предприятиях г. Ташкента//Млекопитающие и птицы Узбекистана. Ташкент, 1987. С. 53-56. **Аюпов А.Н.** Состав и структура населения зимующих птиц Ташкента//Фауна и экология птиц Узбекистана. Самарканд, 1989. С. 21-29.

Бакаев С.Б. Сорока, галка, грач//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 123-128, 140-144, 146-151.

Балан Л.М. О коллекции птиц Музея природы АН УзССР//Узб. биол. журн, 1960, № 6. С. 48-52.

Банин Д.А. Материалы к распространению красного вьюрка и обыкновенной горихвостки на Тянь-Шане// Орнитология. Вып. 17. М., 1982. С. 156-157.

Банникова А.А. К экологии рыжехвостой мухоловки//Орнитология, вып. 24. М., 1990. С. 118-119.

Батырова М.А., Батыров Б.Х. К изучению биологии закаспийского седоголового щегла (*Carduelis carduelis subcaniceps* Zar.)//Научные труды Самарканд. ун-та. Вып. 156. Самарканд, 1966. С. 75-81.

Бевза И.А. Наблюдения за птицами в Карачингильском охотничьем хозяйстве в 2004 г.//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 67-70. **Бевза И.А.** Наблюдения за птицами в Карачингильском охотничьем хозяйстве в 2006 г.//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 62-66. **Бевза И.А.** Орнитологические наблюдения в Карачингильском охотничьем хозяйстве

в 2007 г. //КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 69-72. **Бевза И.А.** Орнитологические наблюдения в Карачингильском охотничьем хозяйстве в 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 103-105. **Бевза И.А.** Материалы по фауне и биологии птиц урочища Карачингиль (устье р. Тургень в ср. течении р. Или)//Selevinia-2011. Алматы, 2012. С. 127-151. **Бевза И.А.** Новые данные по фауне и биологии птиц урочища Карачингиль (низовья р. Тургень в среднем течении реки Или)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 3. Алматы, 2014. С. 201-202. **Бевза И.А.** Новые данные по фауне и биологии птиц урочища Карачингиль (низовья реки Тургень в среднем течении реки Или)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 295-297. **Бевза И.А.** Новые данные о птицах урочища Карачингиль (низовья реки Тургень в среднем течении реки Или)// Selevinia-2017. Том 25. Алматы, 2018. С. 129-130.

Бекбаев Е.З., Иващенко А.А., Колбинцев В.Г., Коробко П.В. Орнитологические наблюдения в Иле–Алатауском национальном парке, 2007 г. //КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 73-75.

Белоусов Е.М. О встрече большой синицы (*Parus major* L.) в Таласском Алатау//Selevinia, 1995, т. 3. № 2. С. 84. **Белоусов Е.М.** Биология бледной пересмешки (*Hippolais pallida* Hemprich et Ehrenberg, 1833) в низовьях р. Атрек (Юго-Восточный Прикаспий)//Selevinia, 1995, т. 3. № 4. С. 59-65. **Белоусов Е.М.** Длиннохвостый сорокопут (*Lanius schach*) – новый вид-воспитатель птенцов обыкновенной кукушки (*Cuculus canorus*)// Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 232.

Беляев А.И. Наблюдения за птицами в национальном парке «Алтын Эмель»//Selevinia-2017. Том 25. Алматы, 2018. С. 99-102.

Белялов О.В. Гнездование снежного вьюрка в Угамском хребте//КОБ-2002, Алматы, 2003. С. 126-127. **Белялов О.В.** Где гнездится большая чечевица? //КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 160-163. **Белялов О.В.** О казахстанских жаворонках рода *Calandrella*//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 175-176. **Белялов О.В.** О тонкоклювом жаворонке в Казахстане//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 177. **Белялов О.В.** Что мы знаем о солончаковом жаворонке //КОБ-2003, Алматы, 2004.С. 178-179. **Белялов О.В.** Гольцовый конек в Казахстане//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 179-181. **Белялов О.В**. О славке–завирушке как комплексе видов//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 185. **Белялов О.В.** О маргеланской славке-завирушке//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 186. **Белялов О.В.** О белоусых славках с Чокпакского перевала//КОБ-003, Алматы, 2004. С. 189. **Белялов О.В.** О красном вьюрке в Казахстане//КОБ-2006, Алматы, 2007. С. 172-174. **Белялов О.В.** Орнитологическая экскурсия в Киргизский Алатау в 1997 г.//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 269-270. **Белялов О.В.** Находка первого гнезда пеночки-теньковки (*Phylloscopus collybita*) в Заилийском Алатау// Selevinia-2012. Алматы, 2013. С. 177-178. **Белялов О.В.** Новые данные по птицам Сорбулакской системы озёр (Алматинская область)//Selevinia-2013. Том 21. Алматы, 2014. С. 96-101. **Белялов О.В.** О встречах куликов в зимний период на юге и юго-востоке Казахстана//Selevinia-2017. Том 25. Алматы, 2018. С. 103-108. **Белялов О.В., Березовиков Н.Н.** Кашгарский жулан – гнездящийся вид фауны Казахстана//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 182-183. **Белялов О.В., Бородихин И.Ф.** Орнитологическая экскурсия в горы Суыктобе// КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 57-59. **Белялов О.В., Карпов Ф.Ф.** Орнитологические наблюдения на Сорбулаке в 2004 г.//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 58-63. **Белялов О.В., Карпов Ф.Ф.** Орнитологические наблюдения на Сорбулаке в 2006 г.//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 60-62. **Белялов О.В., Карпов Ф.Ф.** Обследование мест зимовки птиц в предгорной части поймы реки Чу//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 89-94. **Белялов О.В., Карпов Ф.Ф.** Птицы Сорбулакской системы озёр (Алматинская область)// Selevinia-2012. Том 20. Алматы, 2013. С. 82-108. **Белялов О.В., Коваленко А.В., Карпов Ф.Ф.** О горной славке на Юго-Востоке Казахстана//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 187-188. **Белялов О.В., Ковшарь В.А., Федоренко В.А., Фокина А.А.** О гнездовании серой мухоловки и зяблика в западных предгорьях Заилийского Алатау//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 205-207. **Белялов О.В., Михайлов К.Е., Торопов С.А.** Результаты орнитологической поездки во Внутренний Тянь-Шань в июне 2016 г. //Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 96-107. **Белялов О.В., Федоренко В.А., Кулагин С.В.** Результаты орнитологической поездки в Киргизию летом 2015 г. //Selevinia-2015. Алматы, 2016. С. 149-155.

Бёме И.Р. Развитие акустической сигнализации у горной славки, краснобрюхой и красноспинной горихвосток // Экол. исслед. и охрана птиц Прибалт. респ. (Тез. докл. Прибалт. конфер. молодых орнитол.). Каунас, 1982. С. 102-103. **Бёме И.Р.** Акустическая коммуникация седоголовой горихвостки *Phoenicurus caeruleocephala* Vig. Информ. материал «Акустическая сигнализация животных». Пущино, 1984. 12 с. **Бёме И.Р.** Развитие акустических сигналов буроголовой и джунгарской гаичек в онтогенезе//Орнитология, вып. 26. М., 1995. С. 105-113. **Бёме И.Р.** Развитие звуковых сигналов горной славки и райской мухоловки (*Terpsiphone paradisi* L.) в онтогенезе//Актуальные пробл. орнитологии. М., 1986. С. 207-216. **Бёме И.Р., Банин Д.А.** Сигнализация птиц в горных ландшафтах и ее особенности//Докл. РАН, 1994. Т. 336, № 6. С. 840-842.

Бёме Л.Б. Семейство вьюрковые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 181-306.

Бёме Р.Л. Особенности распространения горных птиц Южной Палеарктики (эндемизм горной авифауны)// Орнитология, вып. 19. М., 1984. С. 3-12. **Бёме Р.Л., Флинт В.Е.** Пятиязычный словарь названий животных. Птицы. Латинский – русский – английский – немецкий – французский. – М.: Рус. яз., РУССО, 1994. 845 с.

Березовиков Н.Н. Новые данные о расселении птиц в юго-восточном Казахстане//Проблемы охраны и устойч. использ. биоразнообразия животного мира Казахстана. Мат-лы междунар. научной конф. Алматы, 1999. С. 54-55. **Березовиков Н.Н.** Зимнее наблюдение маскированной трясогузки в городе Алматы//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 182. **Березовиков Н.Н.** Зимняя встреча тусклой зарнички в Алма-Ате//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 189-190. **Березовиков Н.Н.** К орнитофауне Кунгей Алатау (Северный Тянь-Шань)//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 215-222. **Березовиков Н.Н.** О появлении просянки в Алакольской котловине//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 219. **Березовиков Н.Н.** Орнитофауна озера Тузколь и проблемы ее сохранения// Selevinia-2007. Алматы, 2008. С. 162-164. **Березовиков Н.Н.** Формирование зимовки вяхиря в Юго-Восточном Казахстане//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 148. **Березовиков Н.Н.** Орнитофауна Текесского водохранидища (Центральный Тянь-Шань)//Selevinia-2008. Алматы, 2009. С. 239-242. **Березовиков Н.Н., Винокуров А.А., Белялов О.В.** Птицы горных долин Центрального и Северного Тянь-Шаня//Tethys ornithological Research. Vol. 1. Almaty, 2004. С. 19-130. **Березовиков Н.Н., Губин Б.М., Гуль И.Р., Ерохов С.Н., Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В.** Птицы пустыни Таукумы (юго-восточный Казахстан). Киев: изд. Укр.Акад. медиц. и биол. наук, 1999. 116 с. **Березовиков Н.Н., Ерохов** С.Н. Залет синей птицы (*Myophonus caeruleus* Scop.) в пустыню Таукум //Selevinia, 1996/1997. С. 243-244. **Березовиков Н.Н., Казенас В.Л.** Осенняя встреча овсянки-крошки *Emberiza pusilla* в городе Алматы//Рус. орнитол. журн. 2014. Т. 23, №1049. С. 2906-2908. **Березовиков Н.Н., Казенас В.Л.** Вторая осенняя регистрация овсянки-крошки в Алматы//Русский орнитол. журнал, 2018. Т. 27, № 1699. С. 5761-5762. **Березовиков Н.Н., Карпов Ф.Ф.** Изменения в фауне птиц Алма-Аты в конце XX – начале XXI столетий//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 226-232. **Березовиков Н.Н., Карпов Ф.Ф., Анненков Б.П.** Орнитологические наблюдения в Центральном Тянь-Шане в августе 2006 г.//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 66-71. **Березовиков Н.Н., Коваленко А.В., Грибков А.В.** Орнитологические наблюдения в казахстанской части Центрального Тянь-Шаня в мае 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 105-112. **Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** Биология размножения желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) в антропогенных ландшафтах юго-восточного Казахстана//Русский орнитол. журн., 1992, вып. 2. С. 221-226. **Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** Биология степного жаворонка (*Melanocorypha calandra* L.,1758) в степных и полупустынных ландшафтах юго-восточного Казахстана// Selevinia, 1994, т. 2, № 4. С. 55-58. **Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф.** К экологии малого жаворонка на юго-востоке Казахстана//Редкие и малоизуч. птицы Узб. и сопред. террит. Ташкент, 1994. С. 12-14. **Березовиков Н.Н., Кулагин С.В.** Орнитологическая поездка в Иссык-Кульской котловине в ноябре 2003 г.// КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 89-90. **Березовиков Н.Н., Левин А.С.** Новые данные о расширении ареала широкохвостой камышевки и певчей славки на востоке Казахстана//Актуальные пробл. изуч. и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии. Казань, 2001. С. 87-90. **Березовиков Н.Н., Левин А.С.** Новые данные о распространении индийского жаворонка (*Alauda gulgula*) в Казахстане//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 308. **Березовиков Н.Н., Левин А.С.** Орнитологическая экспедиция в Центральный Тянь-Шань в июле 2002 г.// КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 228-229.

Бибиков Д.И. Орнитологические наблюдения в казахстанской части Центрального Тянь-Шаня в 1950-1953 гг.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 277-284. **Бибиков Д.И., Бибикова В.А.** К изучению каменки-плясуньи и ее эктопаразитов//Зоол. журнал, 1955, т. 34, № 2. С. 399-407. **Бибиков Д.И., Корелов М.Н.** К орнитогеографической характеристике Тарбагатая//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1961, т. 15. С. 12-39. **Бибиков Д.И., Семенова Н.И., Кузин И.П.** Каменка-плясунья в Тянь-Шане//Мат-лы 7-й науч. конф. противочумн. учрежд. Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1971. С. 516-518.

Благосклонов К.Н. Семейство мухоловковые//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 73-118.

Блюменталь Т.И., Зимин В.Б. Широтные географические различия в особенностях размножения и линьки у трёх видов воробьиных птиц в Прибалтике//Мат-лы 6-й Прибалт. орнитол. конфер. Вильнюс, 1966. С. 15-17.

Богданов М.Н. Сорокопуты русской фауны и их сородичи//Записки Акад. Наук, 1881, т. 39, прил. № 1, 220 с.

Борисова М.Г. Малоизученные виды и гнездовые сообщества птиц на прудах Фрунзенского госрыбхоза//Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии (конференция Бухара, 1990). Ташкент, 1990. С.130.

Бородихин И.Ф. К экологии синей птицы//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, т. 13. Алма-Ата, 1960. С. 181-184. **Бородихин И.Ф.** К реконструкции орнитофауны города Алма-Аты//Мат-лы 3-й Всесоюзн. орнитол. конфер., кн. 1. Львов, 1962. С. 52. **Бородихин И.Ф.** Акклиматизация птиц в Алма-Ата//Акклимат. животных в СССР. Алма-Ата, 1963. С. 65-66. **Бородихин И.Ф.** Динамика орнитофауны г. Алма-Аты за столетний период// Новости орнитологии (Мат-лы 4-й Всес. орнитол. конфер.). Алма-Ата, 1965. С. 45-47. **Бородихин И.Ф.** Влияние структуры лесных полос на состав их орнитофауны //Охрана и рац. использ. ресурсов дикой живой природы. Алма-Ата, 1966. С. 93. **Бородихин И.Ф.** Охрана птиц города Алма-Аты//Охрана и рац. использ.

ресурсов дикой живой природы. Алма-Ата, 1966. С. 94-95. **Бородихин И.Ф.** Птицы Алма-Аты. Алма-Ата, 1968. 121 с. **Бородихин И.Ф.** Пролет птиц осенью 1968 г. в районе Чокпакского перевала (Западный Тянь-Шань)//5-й симпоз. по изуч. роли перелетн. птиц в распрост. арбовирусов. Новосибирск, 1969. С. 14-15. **Бородихин И.Ф.** Семейства ласточковые и оляпковые//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 161-193, 405-415. **Бородихин И.Ф.** Семейства поползневые, пищуховые//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 312-333. **Бородихин И.Ф., Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** Из опыта работы Чокпакского орнитологического стационара (Зап. Тянь-Шань)//Сообщ. Прибалт. комиссии по изуч. миграций птиц. Вып. 8. Тарту, 1974. С. 81-97.

Будрис Р.Р. Распределение гнездовых участков околоводных воробьиных птиц в Тянь-Шане//Тез. конф. «Экол. гнездов. птиц и методы ее изучения». Самарканд, 1979. С. 39-40. **Будрис Р.Р.** К экологии оляпок в горах Средней Азии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1981, т. 86, вып. 3. С. 41-44. **Будрис Р.Р.** Эколого-географический анализ авифауны горных рек Средней Азии. Автореф. канд. дис. М., 1981. 21 с. **Будрис Р.Р.** Новые материалы о белоножке// Орнитология, вып. 17. М., 1982. С. 176-177. **Будрис Р.Р.** Эколого-географический анализ авифауны горных рек Средней Азии//Экол. исслед. и охрана птиц Прибалт. респ. (Тез. докл. Прибалт. конфер. молодых орнитол.). Каунас, 1982. С. 50. **Будрис Р.Р.**Воробьиные птицы горных потоков Средней Азии//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1987, т. 92, вып. 1. С. 41.

Вердин Г.В., Торопова В.И. Материалы по гнездованию некоторых редких видов птиц Тянь-Шаня//Редкие и малоизуч. птицы Узбекистана и сопред. терр. Ташкент, 1994. С. 16-17.

Верещагин А.П. Зимующие птицы восточной части Иссык-Кульской котловины//Фауна и экол. наземн. позвон. Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 69-84. **Верещагин А.П., Немченко В.В.** К фауне птиц Сарычат-Эрташского заповедника. Предварит.список по наблюд. 2000-2003 гг.//Труды заповедников Кыргызстана. Бишкек, 2005. С. 257-258.

Винокуров А.А. Материалы по пролёту птиц в верховьях реки Текес (Центральный Тянь-Шань)//Миграции животных. Вып. 2. М., 1960 а. С. 175-184. **Винокуров А.А.** Зимняя фауна птиц верховьев реки Текес (Центральный Тянь-Шань)//Орнитология. Вып. 3. М., 1960 б. С. 362-365. **Винокуров А.А.** К биологии туркестанской черногорлой завирушки//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1960 в, т. 13. С. 184-186. **Винокуров А.А.** К биологии некоторых воробьиных птиц Центрального Тянь-Шаня//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1961, т. 15. С. 40-45. **Винокуров А.А.** К методике учёта птиц в горных лесах//Вопросы организ. и методы учета ресурсов фауны наземных позвоночн. М., 1961. С. 138-140. **Винокуров А.А.** Об учете птиц в горных лесах// Организ. и методы учета птиц и вредн. грызунов. М., 1963. С. 148-151.

Воинственский М.А. Семейства: пищуховые, поползневые, синицевые (включая ремезов, сутор, долгохвостых и усатых синиц)//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 696-797.

Волчанецкий И.Б. Семейство жаворонковые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 512-594. **Волчанецкий И.Б.** Род славка//Птицы Советского Союза, т. 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 330-387.

Воробьёв Г.Г., Чичикин Ю.Н. Птицы Сары-Челекского заповедника//Труды Сары-Челекского заповедника. Вып. 2. Фрунзе, 1966. С. 156-174.

Воробьев К.А. Индо-гималайский элемент в орнитологической фауне Русского Туркестана//Докл. АН СССР, Новая серия, 1944, т. 45, № 9. С. 421-424. **Воробьёв К.А.** Некоторые результаты орнитологических исследований в Гиссарском хребте//Орнитология, вып. 9. М.: МГУ, 1968. С. 164-168. **Воробьев К.А.** Записки орнитолога М., 1973. 176 с.: илл. 2-е изд., 1978. 208 с. **Воробьев К.А.** О некоторых ошибках в орнитологических работах//Зоол. журн., 1973, т. 52, вып. 6. С. 955.

Второв П.П. Зимующие птицы некоторых ландшафтов Иссык-Кульской котловины//Орнитология, вып. 6. М., МГУ, 1963. С. 364-367. **Второв П.П.** Ремез, испанский и саксаульный воробьи в Иссык-Кульской котловине// Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 339-340. **Второв П.П.** Особенности населения птиц пояса арчового стланика// Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 254-261. **Второв П.П.** Птицы культурных ландшафтов Восточного Прииссыккулья/ /Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 228-234. **Второв П.П.** Краснобрюхая горихвостка и розовая чечевица на Иссык-Куле//Орнитология в СССР. Книга 2. Ашхабад, 1969. С. 148-151. **Второв П.П.** Летний аспект птичьего населения в районе реки Ирсу на Тянь-Шане //Орнитология, вып. 10, М. 1972. С. 330-332. **Второв П.П.** Орнитологические заметки о ельниках Чон-Кемина (Тянь-Шань)//Орнитология, вып. 10, М. 1972. С. 242-247. **Второв П.П.** Характер ареалов горных птиц в связи с современной и прошлой природной обстановкой//Структура и динамика компонентов природы Тянь-Шаня. Фрунзе, 1973. С. 19-22. **Второв П.П.** Птицы в экосистемах горных стран//Орнитология, вып.12. М., 1976. С. 55-60. **Второв П.П.** Летние группировки птиц запада Иссык-Кульской котловины (Тянь-Шань)// Экология, 1977, № 1. С. 76-82.

Гаврилов А.Э., Абаев А.Ж., Зарипова С.Х. Материалы по срокам пролёта и численности мигрантов на Чокпакском перевале (предгорья Западного Тянь-Шаня) в период 1982 – 2016 гг.//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 201-208. **Гаврилов А.Э., Абаев А.Ж., Зарипова С.Х.** Материалы по срокам пролёта и численности мигрантов

на Чокпакском перевале (предгорья Зап. Тянь-Шаня). Сообщ. 2. Воробьеобразные (Passeriformes)// Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии. Выпуск 4. Алматы, 2017а. С. 76-84. **Гаврилов А.Э., Гаврилов Э.И., Коваленко А.В., Диханбаев А.Н.** Об изменении численности краснокрылого чечевичника в отловах на Чокпакском перевале (1966-2002)//КОБ-2002. Алма-Ата, 2003. С. 118. **Гаврилов А.Э., Жатканбаев А.Ж.** К распространению обыкновенного ремеза в Казахстане//Орнитология, вып. 26. М., 1995. С. 178. **Гаврилов А.Э., Колбинцев В.Г.** Материалы по птицам Каратау и Западного Тянь-Шаня в 2003 г. //КОБ-2003, Алматы, 2004. С. С. 97-99.

Гаврилов Э.И. О биологии пустынного вьюрка//Мат-лы по наземн. позвоночным Казахстана. Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, т. 15. Алма-Ата, 1961. С. 182-183. **Гаврилов Э.И.** О методах борьбы с перелётными воробьями// Тр. НИИ защиты растений, т. 6. Алма-Ата, 1961. С. 297-306. **Гаврилов Э.И.** Опыт борьбы с воробьями отравленной приманкой//Науч. докл. Мин-ва сельск. хоз-ва КазССР, 1961, вып. 3. С. 48-59. **Гаврилов Э.И.** Биология испанского воробья (*Passer hispaniiolensis* Temm.) и меры борьбы с ним в Казахстане//Тр. НИИ защиты растений, 1962, т. 7. С. 459-528. **Гаврилов Э.И.** Опыты по привлечению насекомоядных птиц в горных лесах Тянь-Шаня//Новости орнитологии, Алма-Ата, 1965. С. 77-79. **Гаврилов Э.И.** Об орнитофауне садов окрестностей Алма-Аты//Охрана и рац. использ. ресурсов дикой живой природы. Алма-Ата, 1966. С. 98-100. **Гаврилов Э.И.** Об использовании солонцов для отлова птиц//Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 343-344. **Гаврилов Э.И.** К экологии саксаульного воробья//Орнитология в СССР. Кн. 2. Мат-лы 5-й Всес. орнитол. конф. Ашхабад, 1969. С. 155-158. **Гаврилов Э.И.** Семейство трясогузковые, семейство дроздовые (роды: земляной дрозд, дрозд, каменный дрозд, каменка)//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 286-363, 453-496, 506-556. **Гаврилов Э.И.** Семейства корольковые, ремезовые, завирушковые//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 213-229, 243-263, 334-364. **Гаврилов Э.И.** О гнездовой биологии гималайского вьюрка в Заилийском Алатау (Тянь-Шань)//Орнитология, 1972, вып. 10. С. 228-233. **Гаврилов Э.И.** О запасании кормов скалистым поползнем//Орнитология, 1972, вып. 10. С. 332-333. **Гаврилов Э.И.** О биологии черногорлой завиушки в Заилийском Алатау (Тянь-Шань)//Растит. и животн. мир заповедников Казахстана. Труды, 1973. т. 3. С. 59-70. **Гаврилов Э.И.** Нахождение земляного дрозда (*Zoothera dauma* Lath.) на гнездовье в Казахстане//Вестн. зоол., 1974. № 1. С. 84-85. **Гаврилов Э.И.** Основные пути пролёта различных экологических групп птиц на юге Казахстана//Мат-лы VI Всесоюзной орнитологической конференции. Часть 2. М., 1974. С. 167-168. **Гаврилов Э.И.** Семейства скворцовые и ткачиковые; роды: арчовый дубонос, буланый вьюрок, снегирь, чечевица//Птицы Казахстана, том 5. Алма-Ата, 1974. С. 15-40, 208-216, 271-277, 284-317, 363-406. **Гаврилов Э.И.** Методика сбора и обработки материалов по количественной характеристике видимых миграций птиц//Методы изучения миграций птиц. М., 1977. С. 96-117. **Гаврилов Э.** Красный вьюрок. Впервые в мире//Розовые чайки и черные журавли. М, 1985. С. 55-61. **Гаврилов Э.И.** Изменчивость окраски деревенских ласточек, пролетающих предгорьями Западного Тянь-Шаня//Selevinia, 1993. Т. 1, № 1. С. 56-67. **Гаврилов Э.И.** Индивидуальные сроки пролета индийского и черногрудого воробьев в предгорьях Западного ТяньШаня//Selevinia, 1994. Т. 2, № 3. С. 75-84. **Гаврилов Э.И.** Популяционные особенности сроков миграций деревенской ласточки (*Hirundo rustica* L.)// Selevinia, 1995. № 4. С. 66-70. **Гаврилов Э.И.** Фауна и распространение птиц Казахстана. Алматы, 1999. 198 с. **Гаврилов Э.И.** Пространственное размещение садовой и индийской камышевок на осеннем пролете в Казахстане//Selevinia, 1998/1999. Алматы. 2000. С. 193-194. **Гаврилов Э.И.** Справочник по птицам Республики Казахстан. Алматы, 2000. 173 с. **Гаврилов Э.И., Белялов О.Б., Джаныспаев А.Д.** Первое нахождение черноспинной желтоголовой трясогузки на гнездовье в Казахстане//Selevinia, 1993. Т. 1, № 1. С. 92-93. **Гаврилов Э.И., Березовский В.Г., Бородихин И.Ф., Сема А.М., Родионов Э.Ф.** Наблюдения за осенним пролетом птиц в Бетпак-Дале//Миграции птиц в Азии. 1976. Алма-Ата. С. 234-243. **Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э.** Восточный воронок (*Delichon dasypus* Bonaparte, 1850) – новый вид в фауне Казахстана и Средней Азии//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 202. **Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э.** Основные результаты кольцевания птиц в Казахстане 1958-2012 гг. //Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 3. Алматы, 2014. С. 10-25. **Гаврилов Э.И., Гисцов А.П.** Сезонные перелеты птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня. Алма-Ата, 1985. 224 с. **Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф.** Гнездовая биология расписной синички в Заилийском Алатау//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 32-40. **Гаврилов Э.И., Долгушин И.А., Родионов Э.Ф.** О биологии арчевой чечевицы в Заилийском Алатау// Орнитология, 1968, вып. 9. С. 149-157. **Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** Первое нахождение гнезда красного вьюрка//Вестник Академии наук КазССР, 1967, № 9 (269). С. 70-71. **Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** О биологии скальной чечевицы (*Pyrrhospiza punicea* Hodgs.)//Новости орнитол. Казахстана. Тр. ин-та зоол., 1968, т. 29. С. 41-49. **Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** О двукратном гнездовании птиц в высокогорье Тянь-Шаня//Мат-лы 1-й конф. молод. ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968. С. 306-307. **Гаврилов Э.И., Ковшарь А.Ф.** О биологии размножения красноспинной горихвостки//Орнитология, 1972, вып.10. С. 234-241. **Гаврилов Э.И., Корелов М.Н.** О видовой самостоятельности индийского воробья//Бюлл. МОИП. Нов.

сер., отд. биол., 1968, т. 73, вып. 4. С. 115-122. **Гаврилов Э.И., Пфеффер Р.Г.** Результаты и перспективы привлечения синиц в искусственные гнездовья в горных лесах Заилийского Алатау (Северный Тянь-Шань)//Изв. АН КазССР, сер. биол., 1982. № 5. С. 81-83. **Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** О гибели птичьих гнезд//Новости орнитологии, Алма-Ата, 1965. С. 81-82. **Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** Первое нахождение обыкновенной горихвостки на гнездовье в Тянь-Шане//Тр. ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 219. **Гаврилов Э.И., Савченко А.П.** О видовой самостоятельности бледной ласточки (*Riparia diluta* Sharpe et Wyatt, 1893)//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд биол., 1991. Т. 96, вып. 4. С. 34-44.

Гисцов А.П. Миграции птиц в предгорьях Западного Тянь-Шаня//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 27-47. **Гисцов А.П.** Осенний пролёт возрастных групп ласточек и вороновых в предгорьях Западного Тянь-Шаня// Орнитология, вып. 18. М., 1983. С. 191-193. **Гисцов А.П.** Весенняя ночная миграция птиц в предгорьях Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань)//Весенний ночной пролет птиц над аридными и горными пространствами Средней Азии и Казахстана. Л., 1985. С. 186-199. **Гисцов А.П.** Наблюдения за ночным пролетом птиц в Западном Тянь-Шане в октябре 1980 г.//Миграции птиц в Азии. Ашхабад, 1990. С. 185-194. **Гисцов А.П., Гаврилов Э.И., Бородихин И.Ф.** Дополнение к орнитофауне Западного Тянь-Шаня// Миграции птиц в Азии. Новосибирск, 1977. С. 215-218. **Гисцов А.П., Гаврилов Э.И.** Постоянство сроков и путей весеннего пролета испанских и индийских воробьев в предгорьях Западного Тянь-Шаня//Миграции птиц в Азии, вып. 6. Ашхабад, 1981. С. 154-162. **Гисцов А.П., Губин Б.М.** Сравнительная характеристика пролета птиц в горах и предгорьях Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань)//Миграции птиц в Азии, Новосибирск, 1977. С. 122-125.

Гладков Н.А. Семейство трясогузковые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 594-691. **Гладков Н.А.** Семейство дроздовые//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 405-621.

Головцов Д.Е. Позвоночные животные Чаткальского заповедника//Труды Чаткальского гос. биосферного заповедника. Выпуск VI. Ташкент, 2007. С. 178-220.

Голубятников М.А. О зимних встречах саксаульного воробья в горах//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 218. **Голубятников М.А.** О зимних встречах саксаульного воробья *Passer ammodendri* в северных предгорьях Заилийского Алатау//Рус. орнитол. журнал, 2014. Том 23 (№ 1005). С. 1655.

Горчаковская Н.Н. Роды: дубонос, черноголовый дубонос и арчовый дубонос//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 160-180.

Грачёв В.А. Орнитологические наблюдения в Большом Алма-Атинском ущелье в 1959-1961 гг.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 289-291.

Грязнов А.Г., Голощапов А.Б. Использование результатов многолетних отловов мигрирующих птиц в Западном Тянь-Шане для экологического мониторинга//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 27-28.

Губин Б.М. Пролет птиц в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 49-69. **Губин Б.М.** Дополнения к описаниям пуховых птенцов воробьиных птиц//Зоол. журн., 1977, т. 56, вып. 9. С. 1419-1420. **Губин Б.М.** Новые данные к биологии краснокрылого чечевичника в Западном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 14. М., 1979. С. 211-213. **Губин Б.М.** К биологии горной овсянки в Западном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 15. М., 1980. С. 111-116. **Губин Б.М.** Материалы по биологии овсянки Стюарта в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Орнитология, вып. 17. М., 1982. С. 106-108. **Губин Б.М.** Дополнение к орнитофауне заповедника Аксу-Джабаглы//Экол. аспекты изуч., использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 23-25. **Губин Б.М.** О новых и редко гнездящихся птицах в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Экол. аспекты изуч., практич. использ. и охраны птиц в горных экосистемах. Фрунзе, 1989. С. 25-27. **Губин Б.М.** О трех циклах размножения скотоцерки у северной границы ее ареала// Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии. Бухара, 1990. С. 111-114. **Губин Б.М.** Два выводка у пустынного сорокопута в Кызылкумах//Орнитология, вып. 24. М., 1990. С. 123-125. **Губин Б.М.** О зимовках птиц в горных тугайных лесах юго-востока Казахстана на примере р. Чилик//Актуальные пробл. изуч. и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии. Казань, 2001. С. 195-196. **Губин Б.М.** Материалы к фауне птиц Чу-Илийских гор//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 248-253. **Губин Б.М.** К орнитофауне долины реки Женишке//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 244-254. **Губин Б.М.** Орнитологические наблюдения в заповеднике Аксу-Джабаглы [Труды Аксу-Джабаглинского заповедника, вып. 10]. Алматы, 2012. 248 с. **Губин Б.М., Белялов О.В.** Гнездящиеся птицы Сырдарьинского Каратау// Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 85-131. **Губин Б.М., Губина О.М.** К биологии горного конька в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Заповедн. Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата, 1976. С. 123-138. **Губин Б.М., Карпов Ф.Ф.** Особенности гнездования горной популяции большой бормотушки в М. Каратау (Казахстан)// Бюлл.МОИП, 1994, т. 99, вып.4. С. 37-46. **Губин Б.М., Карпов Ф.Ф.** Материалы о гнездящихся птицах озера Бийликуль//Рус. орнитол. журнал, 1999. Экспресс-выпуск № 75. С. 3-13. **Губин Б.М., Карпов Ф.Ф.** Гнездящиеся птицы Малого Каратау (Южный Казахстан)//Русский орнитол. журн. Экспресс-выпуск. 2000,

№ 88. С. 3-14. **Губин Б.М., Карпов Ф.Ф., Белялов О.В.** Материалы по фауне птиц хребта Малайсары// КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 213-234. **Губин Б.М., Ковшарь А.Ф.** О совмещении линьки и размножения у воробьиных птиц//XVIII Международн. орнитол. конгресс. Тез. докл. и стенд. собщений. М., 1982. С. 161-162. **Губин Б.М., Ковшарь А.Ф.** К биологии обыкновенной каменки в высокогорье Тянь-Шаня// Орнитология, вып. 20. М., 1985. С. 53-59. **Губин Б.М., Ковшарь А.Ф.** Сроки пребывания некоторых птиц в городе//Позвоночные животные Алма-Аты (фауна, размещение, охрана). Алма-Ата, 1988. С. 219-221. **Губин Б.М., Ковшарь А.Ф.** Материалы по размножению пустынного ворона у северных пределов Средней Азии//Редкие и малоизученные птицы Средней Азии (Мат-лы III республ. орнит. конфер., Бухара, октябрь 1990 г.). Ташкент, 1990. С. 114-117. **Губин Б.М., Левин А.С.** Материалы по гнездовой биологии черноголового сорокопута в предгорьях Таласского Алатау и в долине р.Урал//Изв. АН КазССР, сер. биол., 1983, № 5. С. 81-84. **Губин Б.М., Немков В.А.** К биологии туркестанской горихвостки-чернушки в Западном Тянь-Шане//Физиол. и популяц. экол. животн., вып. 3(5). Саратов, 1976. С. 163-174.

Гуров В.Н., Панов Е.Н. Новые данные по биологии белоножки//Мат-лы VI Всесоюзн. орнитологич. конфер. Часть 2. М., 1974. С. 99-100.

Давлетбаков А.Т., Остащенко А.Н. О гнездовании стрепета и райской мухоловки на территории Кыргызстана // Selevinia-2010. Алматы, 2011. С. 187.

Давранов Э. Гнездование садовой камышевки в юго-западном Прииссыккулье //Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 128. **Давранов Э., Курманкулов А.** Некоторые сведения о размножении рогатого жаворонка в Ак-Сае//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 129-130.

Дворянов В.Н. О встрече кашгарской овсянки в Аксайском ущелье//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 220. **Дворянов В.Н.** О гнездовании красноухой овсянки в окр. Алматы в 2007 г. //КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 153.

Дементьев Г.П. К вопросу о взаимоотношениях Палеарктической и Восточной зоогеографический областей на примере Туркестанской и Индийской авифаун//Бюлл. МОИП, Новая сер., отд. биол., 1938, т. 47, вып. 5/6. С. 343-359. **Дементьев Г.П.** Семейство сорокопутовые//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 5-60. **Дементьев Г.П., Дементьев Д.П.** Материалы к познанию орнитологической фауны Киргизии//Труды Кирг. НИИ краеведения, том 1, вып. 2. Фрунзе, 1930. С. 1-48.

Деревягин П.Я. Материалы о вертикальных кочевках птиц северных склонов Заилийского Алатау//Тр. Алматинск. заповедн. Алма-Ата, 1940, вып. 2. С. 16-41. **Деревягин П.Я.** Анализ перелёта птиц в горной части бассейна рек Большой и Малой Алматинок Алматинского заповедника//Тр. Алматин. заповедн., вып. 4. Алма-Ата, 1947. С. 24-48. **Деревягин П.Я.** О разных сроках прилёта и пролёта различных подвидов птиц в предгорьях Заилийского Алатау//Тр. Алматинского. заповедн., вып. 7. Алма-Ата, 1948. С. 148-151. **Деревягин П.Я.** О роли птиц в жизни елового леса северных склонов Заилийского Алатау//Тр. Алматинского. заповедн., вып. 7. Алма-Ата, 1948. С. 55-102.

Джаныспаев А.Д. Численность расписной синички в Алма-Атинском заповеднике//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 219-221. **Джаныспаев А.Д.** О синей птице в Алма-Атинском заповеднике// Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 252-253. **Джаныспаев А.Д.** Гнездовая фауна птиц Алма-Атинского заповедника //Террит. аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане. М., 1999. С. 20-23. **Джаныспаев А.Д.** Состояние редких видов птиц в Алма-Атинском заповеднике//Террит. аспекты охраны птиц в Ср. Азии и Казахст. М., 1999. С. 93-98. **Джаныспаев А.Д.** О нахождении гнёзд обыкновенного сверчка в Заилийском Алатау//КОБ-2002, Алматы, 2003. С. 125. **Джаныспаев А.Д**. О летнем нахождении свиристеля в Заилийском Алатау//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 184. **Джаныспаев А.Д.** О встречах снежного вьюрка в центральной части Заилийского Алатау//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 197. **Джаныспаев А.Д.** Орнитологические наблюдения в южной части Алматинского заповедника в 2004 году// КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 70-71. **Джаныспаев А.Д.** Орнитологические наблюдения в южной части Алматинского заповедника в 2005 г.//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 79-80. **Джаныспаев А.Д.** Попытка гнездования обыкновенной горихвостки в Алматинском заповеднике//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 210. **Джаныспаев А.Д.** Встреча кашгарской овсянки в ущелье Средний Талгар//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 220. **Джаныспаев А.Д.** Учёт земляного дрозда в Алматинском заповеднике//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 217. **Джаныспаев А.Д.** О встречах совместных пар горной и кашгарской овсянок//КОБ-2006. Алаты, 2007. С. 175. **Джаныспаев А.Д.** Встреча красных вьюрков в ущелье Средний Талгар//КОБ-2006. Алаты, 2007. С. 174. **Джаныспаев А.Д.** Летняя встреча зяблика в Алматинском заповеднике//КОБ-2007. Алматы, 2008. С. 153. **Джаныспаев А.Д.** О встречах земляного дрозда в Алматинском заповеднике в 2007 г. Летняя встреча зяблика в Алматинском заповеднике//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 153. **Джаныспаев А.Д.** О гнездящихся птицах истоков реки Шилик (ю. склоны Заилийского Алатау, Северный Тянь-Шань)//Selevinia-2011. Алматы, 2012. С. 120-126. **Джаныспаев А.Д., Белялов О.В.** О весенней орнитофауне южной части Алма-Атинского госзаповедника// Алматы мемлекеттік табиғи қорығының өсімдіктер және жануарлар әлемі.

III том. Алматы, «Қағанат», 2006. С. 240-243. **Джаныспаев А.Д., Белялов О.В.** Весенняя орнитофауна южной части Алматинского государственного заповедника//Биологическое и ландшафтное разнообразие Республики Казахстан. Алматы, 1997. С. 87-88. **Джаныспаев А.Д., Коваленко А.В., Белялов О.В.** Находка первого гнезда соловья-белошейки в горах Согеты//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 191. **Джаныспаев А.Д., Савин Ю.Г.** Привлечение синиц в искусственные гнездовья//Изучение и охрана заповедных объектов. Алма-Ата, 1984. С. 37-38.

Джусупов Т.К. Оологические сборы Е.П. Спангенберга в Казахстане//Selevinia-2016. Том 24. Алматы, 2017. С. 177-184.

Долгушин И.А. К фауне птиц Каратау//Изв. АН КазССР, № 105, серия зоол., 1951, № 10. С. 72-117. **Долгушин И.А.** Птицы Казахстана. Т. 1: [Поганки – журавли]. Алма-Ата, 1960. 470 с. **Долгушин И.А.** Об изученности экологии птиц СССР//Современные проблемы орнитологии. Фрунзе, 1965. С. 209-222. **Долгушин И.А., Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** О гнездовой биологии расписной синички//Новости орнитологии, Алма-Ата, 1965. С. 120-122. **Долгушин И.А., Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** О гнездовой биологии арчевой чечевицы//Новости орнитологии, Алма-Ата, 1965. С. 122-123. **Долгушин И.А.** О распространении и биологии горной чечётки//Новости орнитологии Казахстана. Труды Ин-та зоологии АН КазССР, том 29. Алма-Ата, 1968. С. 15-18. **Долгушин И.А., Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** О гнездовой биологии арчевого дубоноса в Казахстане//Новости орнитол. Казахстана. Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 19-31. **Долгушин И.А.** Семейство свиристелевые//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 400-404. **Долгушин И.А.** Бурая пеночка//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 49-51. **Долгушин И.А.** Семейство ополовниковые//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 230-242.

Доржиев Ц.З., Юмов Б.О. К экологии овсянки Годлевского в Западном Забайкалье//Орнитология, вып. 25. М., 1991. С. 191-192 (сведения по биологии).

Дякин Г.Ю. Белошапочная горихвостка – новый вид фауны Казахстана//Selevinia-2008. Алматы, 2009. С. 252.

Ерохов С.Н., Белялов О.В. Учёты зимующих птиц на водоемах Южного Казахстана в декабре 2003 г.//КОБ-2003. Алматы, 2004. С. 109-111. **Ерохов С.Н., Иваненко В.И.** Наблюдения за зимующими птицами в долине верхнего течения р. Или в декабре 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 113-114.

Железняков Д.Ф. Материалы к орнитофауне Чирчик-Ангренского водораздела//Тр. САГУ. Нов. сер., 1950, вып. 13. С. 25-51. **Железняков Д.Ф., Колесников И.И.** Фауна позвоночных Горно-лесного заповедника//Тр. Горно-лесного заповедника, вып. 1. Ташкент, 1958. С. 94-117.

Житков Б.М. Отчет о коллекциях птиц, поступивших в Зоологический Музей Московского университета//Изв. Общ. Люб. Естеств., Ант., Этн. М., 1897. 86 (5). С. 18-19.

Жуйко Б.П. Земляной дрозд в Кунгей Алатау (Тянь-Шань)//Орнитология, вып. 15. М., 1980. С. 196.

Зарипова С.Х., Гаврилов А.Э. О гнездовании скальной ласточки (*Ptyonoprogne rupestris*) на территории Чарынского национального парка (Казахстан)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 303.

Зарудный Н.А. Заметки по орнитологии Туркестана//Орнитол. вестник, **1910**, №2. С. 99-117; № 3. С. 171-178; **1911**, № 1. С. 3-16; № 2. С. 89-98; № 3/4. С. 311-312; **1912**, № 1. С. 16-30; № 2. С. 111-123; № 3. С. 197-228; **1913**, № 3. С. 137-150; № 4. С 245-256; 1915, № 1. С. 56-58. **Зарудный Н.А.** Индийская райская мухоловка в Туркестане//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи, отд. зоол., 1915, вып. 14. С. 150-170. **Зарудный Н.А.** Птицы пустыни Кизылкум//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи, отд. зоол., 1915, вып. 14. С. 1-149. **Зарудный Н.А.** Индийская райская мухоловка в Туркестане (*Tchitrea paradisi turkestanica*)//Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 15-23. [первая публ. 1915] **Зарудный Н.А., Кореев Б.П.** Орнитологическая фауна Семиреченского края//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. имп, отд. зоол., 1905. Вып. 6. С. 146-247.

Зверев В.М. К вопросу акклиматизации большой синицы (*Parus major* L.) в Алматинском заповеднике//Тр. Алматин. заповедн., 1970, вып. 9. С. 132-134.

Зверев М.Д. К вопросу о питании тянь-шанского князька//Тр. Алматин. заповедн., 1948, вып. 7.

Зимин В.Б. Особенности гнездостроения открытогнездящихся дендрофильных птиц Южной Карелии//Вопросы экологии животных. Петрозаводск, 1974. С.7-32.

Зимина Р.П. Краткий очерк фауны млекопитающих и птиц района Тянь-Шанской физико-географической станции// Труды Ин-та географии АН СССР, том 56, вып. 3. М., 1953. С. 206-238. **Зимина Р.П.** К экологии кедровок и клестов в ельниках северного Тянь-Шаня//Тр. Ин-та географии АН СССР, 1954, т. 60. С. 179-194.

Злотин Р.И. Антропогенные группировки птиц в высокогорьях Тянь-Шаня//Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 349. **Злотин Р.И.** Материалы по трофическим связям птиц в сыртах Тянь-Шаня//Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 158-163. **Злотин Р.И., Пузаченко Ю.Г.** Население птиц сыртов Центрального и Внутреннего Тянь-Шаня//Орнитология, вып. 6. М., 1963. С. 253-263.

Иваницкий В.В. Социальное поведение каменки-плясуньи (*Oenanthe isabellina*) в период формирования гнездовой популяции//Зоол. журн. 1982, т. 61, вып. 1. С. 71. **Иваницкий В.В.** Поведение испанских (*Passer hispaniolensis*) и индийских (*P. indicus*) воробьев при формировании колоний//Зоол. журн., 1984, вып. 9. С. 1374-1387. **Иваницкий В.В.** Пространственная структура популяции, территориальное поведение и полигиния у каменных воробьев (*Petronia petronia*)//Биол. науки, 1985, № 9. С. 50-56. **Иваницкий В.В.** Социальная организация и демонстративное поведение испанских (*Passer hispaniolensis*) и индийских (*P. indicus*) воробьев//Зоол. журн., 1985, т. 64, вып. 8. 1213-1223.

Иванов А.И. Птицы Памиро-Алая. Л.: Наука, 1969. 448 с.

Иващенко А.А. К гнездовой биологии соловья-белошейки в Казахстане//Тез. Всесоюзн. конфер. молодых учёных «Экология гнездования птиц и методы её изучения». Самарканд, 1979. С. 90-91. **Иващенко А.А.** О гнездовании редких видов птиц в заповеднике Аксу-Джабаглы //Экол. исслед. и охрана птиц Прибалт. респ. (Тез. докл. Прибалт. конфер. молодых орнитол.). Каунас, 1982. С. 35. **Иващенко А.А.** Кашгарская овсянка – новый гнездящийся вид фауны Казахстана//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 221. **Иващенко А.А.** Наблюдения за птицами в Западном Тянь-Шане весной 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 145-146. **Иващенко А.А.** О первом нахождении желтоголовой трясогузки в казахстанской части Западного Тянь-Шаня//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 181. **Иващенко А.А.** Орнитологические исследования в центральной части Заилийского Алатау: история и результаты//XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 210-211. **Иващенко А.А., Бекбаев Е.З.** О зимовке синей птицы (*Myophonus coerulens* Scopoli, 1876) в пос. Верхняя Каменка близ Алматы (Заилийский Алатау)//Selevinia-2014. Алматы, 2015. С. 198. **Иващенко А.А., Ковшарь А.Ф.** Гнездостроение у желчной овсянки//Орнитология в СССР, кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 252-256. **Иващенко А.А., Ковшарь А.Ф.** Новое нахождение гнезд краснокрылого чечевичника// Орнитология, вып. 10. М., 1972. С. 333-334. **Иващенко А.А., Ковшарь А.Ф.** Доминанты строительного материалы гнёзд желчной овсянки (*Emberiza bruniceps*) в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)// Selevinia-2016. Том 24. Алматы, 2017. С. 135-137. **Иващенко А.А., Колбинцев В.Г.** Орнитологические наблюдения на территории Иле-Алатауского национального парка в 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 101-102.

Ильяшенко В. Новые данные по орнитофауне среднего течения реки Или в междуречье Чилика и Чарына// Мат-лы студ. науч. конфер., посвящ. XXIV съезду КПСС (20-22 апреля 1971 г.). Алма-Ата, 1971. С. 109-110. **Ильяшенко В.** Материалы по зимовкам врановых в Алма-Ате и ее окр. с осени 1966 по весну 1972 г.//XXVII-я студ. науч. конфер. КазГУ. Алма-Ата, 1973. С. 210-211. **Ильяшенко В.Ю.** К биологии семиреченского саксаульного воробья//Орнитология, вып. 14. М., 1979. С. 213-214.**Ильяшенко В.Ю.** О таксономическом статусе *Hirundo rustica loudoni* Zarudny, 1923//Наземные позвоночные животные аридных экосистем. Ташкент, 2012. С. 150-155.

Иовченко Н.П. О миграции некоторых птиц в Чуйской долине//Вторая Всес. конф. по миграциям птиц. Алма-Ата, 1978. Ч. 1. С. 115-116. **Иовченко Н.П.** Сроки репродуктивного цикла и миграции обыкновенной чечевицы в двух точках ареала//Вид и его продуктивность в ареале. Свердловск, 1984. С. 63. **Иовченко Н.П.** Экология обыкновенной чечевицы *Carpodacus erythrinus* (Pall.) в Киргизском Алатау (Тянь-Шань)//Экологоческие и фаунистические исследования птиц [Тр. ЗИН АН СССР, т. 147]. Л., 1986. С. 7-24. **Иовченко Н.П.** Сравнительное изучение некоторых сезонных явлений у представителей вьюрковых (Fringillidae, Aves). Автореф. канд. дис. Л., 1988. 23 с. **Иовченко Н.П.** О двух репродуктивных циклах у расписной синички// Орнитология, вып. 24. М., 1990. С. 126. **Иовченко Н.П.** Экология и адаптивные особенности годового цикла арчового дубоноса//Орнитология, вып. 24. М., 1990. С. 84-94. **Иовченко Н.П.** Адаптивные особенности годовых циклов птиц в горах Центральной Азии (Тянь-Шань)//XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 216-217.

Иоганзен Г.Э. Птицы Семиречья и Туркестана, собранные экспедицией проф. Сапожникова В.В.//Изв. Томск. ун-та, 32. Томск, 1908. С. 1-36.

Исабеков А. Новое место гнездования обыкновенной горихвостки в Заилийском Алатау//Selevinia-2012. Алматы, 2013. С. 180. **Исабеков А.** О зимних встречах славок в Алматы//Selevinia-2012. Алматы, 2013. С. 179. **Исабеков А.** Первая зимняя встреча синехвостки *Tarsiger cyanurus* в Казахстане //Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 224. **Исабеков А.А., Белялов О.В.** Некоторые интересные находки птиц в Казахстане за последние годы (по материалам www.birds.kz.)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 208-210.

Исмагилов М.И. Орнитологические наблюдения на северном макросклоне Терской Алатау в 1949 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 269-271.

Исмаил уулу М. Встречи некоторых редких птиц в Каратауском заповеднике//Selevinia-2006. Алматы, 2007. С. 218. **Исмаил уулу М.** Материалы к орнитофауне Каратауского заповедника//Научные труды Каратауского заповедника. Кентау, 2010. С. 77-98.

Капитонов В.И. Особенности орнитофауны хребта Каржантау (Западный Тянь-Шань)//Орнитология в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 272-275.

Карпов Ф.Ф. Дополнение к авифауне города Алма-Аты//Selevinia, 1994, т. 2. № 4. С. 88. **Карпов Ф.Ф.** Зимующие воробьиные птицы хребта Жетыжол//Редкие и малоизуч. птицы Узбекист. и сопред. терр. Ташкент, 1994. С. 21-22. **Карпов Ф.Ф.** К зимней орнитофауне хребта Жетыжол//Редкие и малоизуч. птицы Узбекист. и сопред. терр. Ташкент, 1994. С. 23-24. **Карпов Ф.Ф.** К зимней орнитофауне Алма-Атинской области// Орнитология, вып. 27. М., 1996. С. 275-276. **Карпов Ф.Ф.** Гибель перелётных птиц в период осенней миграции в г. Алма-Ате//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 196. **Карпов Ф.Ф.** Гималайский вьюрок, европейский жулан и бурый дрозд – новые виды птиц в фауне Алма-Аты//Selevinia-2007. Алматы, 2008. С. 171-172. **Карпов Ф.Ф.** Гнездование горной трясогузки (*Motacilla cinerea*) на дереве//КОБ-2002, Алматы, 2003. С. 125. **Карпов Ф.Ф.** Новые птицы города Алма-Ата//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 185. **Карпов Ф.Ф.** О зимовке синей птицы в Алма-Ате//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 162. **Карпов Ф.Ф.** Реакция на хищника – причина гибели степных жаворонков//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 199-200. **Карпов Ф.Ф.** Негативная роль сороки в авифауне Алматы//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 207-208. **Карпов Ф.Ф.** Трофические связи птиц с древесно-кустарниковыми породами в зелёных насаждениях г. Алматы//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 208-213. **Карпов Ф.Ф.** О необычном гнездовании обыкновенного сверчка в Заилийском Алатау//Selevinia-2012. Алматы, 2013. С.. 181.**Карпов Ф.Ф., Белялов О.В.** К фауне птиц северного склона Киргизского Алатау// КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 265-268.**Карпов Ф.Ф., Коваленко А.В., Белялов О.В.** Первая встреча выводка райской мухоловки в Алматинской области//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 190.

Касыбеков Э.Ш. Население редких и находящихся под угрозой исчезновения видов птиц Киргизии и избранных районов Тянь-Шаня//Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 24-26. **Касыбеков Э.Ш.** Летнее население птиц естественных ландшафтов приозерной и подгорной равнин восточной части Иссык-Кульской котловины//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 85-90. **Касыбеков Э.Ш.** Пространственная динамика летнего населения птиц горностепного пояса восточной части Иссыккульской котловины//Мат-лы 10-й Всесоюз. орнитол. конфер. Минск, 1991. Ч. 2, кн. 1. С. 269. **Касыбеков Э.Ш.** Зимнее население птиц среднегорья Восточного Прииссыккулья//Биол. ресурсы Кыргызстана. Бишкек, 1992. С. 106-114. **Касыбеков Э.Ш.** Осенний аспект населения птиц среднегорья Восточного Прииссыккулья//Биол. ресурсы Кыргызстана. Бишкек, 1992. С. 114-122. **Касыбеков Э.Ш., Дандликер Г., Арлеттаз Р.** Первая регистрация водяной горихвостки (*Chaimarrhornis leucocephala* (Vig., 1831) в Кыргызстане//Эхо науки (Изв. НАН КР). Бишкек, 1996. Вып. 3. С. 104-105. **Касыбеков Э.Ш., Курманкулов А.Б., Остащенко А.Н.** Синантропные гнездящиеся птицы в высокогорье Киргизии//Мат-лы 10-й Всесоюз. орнитол. конфер. Минск, 1991. Ч. 2, кн. 1. С. 270.

Катаевский В.Н. Материалы по численности некоторых редких и исчезающих видов птиц Киргизии//Редкие и малоизученные птицы Средней Азии (Бухара, 1990). Ташкент, 1990. С. 14-15. **Катаевский В.Н.** Сезонные биоритмы некоторых воробьиных птиц в различных высотных поясах Северной Киргизии//Биол. ресурсы Кыргызст. Бишкек, 1992. С. 102. **Катаевский В.Н., Старобинский М.Б.** Биотопическое размещение птиц на примере урочища Чон-Курчак северного макросклона Киргизского хребта//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 64-64. **Катаевский В.Н., Цопов С.П.** Пространственная характеристика зимней авифауны Таласской долины и окружающих ее гор//Пробл. геоэкол. и природопольз. горных территорий. Фрунзе, 1990. С. 168-169.

Кашкаров Д.Н. Заметка о фауне позвоночных Чимгана//Изв. Туркест. Отд. РГО, т. 17. Ташкент, 1924. С. 45-53. **Кашкаров Д.Н.** [Совместно с Фосс, Русиновой, Сатаевой и Заруба]. Наблюдения над биологией воробья и над приносимым им вредом, произведенные летом 1925 года по поручению Узбекистанской (тогда – Туркестанской) энтомологической станции//Бюлл. Среднеаз. ун-та, вып. 13. Ташкент, 1926. **Кашкаров Д.Н.** Результаты экспедиции Главного Средне-Азиатского музея в район озера Сары-Челек//Известия Ср-Аз. Комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент,1927. Вып. 2, ч.1. 126 с. **Кашкаров Д.Н.** Экологический очерк района озер: Бийлю-Куль, Аккуль и Ащи-Куль Аулиэ-Атинского уезда//Тр. Среднеаз. ун-та, серия VIII-а. Зоология. Ташкент, 1928, вып. 2. 54 с. **Кашкаров Д.Н.** Животные Туркестана. Изд. 2-е. Ташкент: УзГИЗ, 1931. 448 с. **Кашкаров Д.Н.** Экологический очерк фауны позвоночных Арсланбоба, Северная Фергана//Вопросы экологии и биоценологии, 1934, вып. 1. С. 56-114. **Кашкаров Д.Н., Жуков А., Станюкович К.** Холодная пустыня Центрального Тянь-Шаня. Результаты экспедиции ЛГУ летом 1934 г. Л., 1937 [Гл. 3. Животный мир Холодной пустыни. С. 82-129. Приложение: список видов птиц, добытых или наблюдавшихся в экспедициях 1929 и 1934 гг. С. 151-163]. **Кашкаров Д.Н., Коровин А.** Экскурсия в Таласский Алатау, снаряженная Главным Средне-Азиатским музеем летом 1923 года, и фауна млекопитающих Западного Тянь-Шаня//Изв. Среднеаз. комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы, 1926, вып. 1. С. 200-246.

Кашкаров Д.Ю. Жаворонковые [двупятнистый, полевой, тонкоклювый жаворонки]//Позвоночные животные Ферганской долины. Ташкент: «Фан», 1974. С. 112-122. **Кашкаров Д.Ю.** Семейство жаворонковые//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент, 1995. С. 9-32. **Кашкаров Д.Ю.** Редкие фаунистические находки в Западном Тянь-Шане// Биоразнообразие Западного Тян-Шаня: охрана и рац. использ. Ташкент, 2002. С. 106-107. **Кашкаров Д.Ю.** Динамические процессы в орнитофауне Узбекистана//Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 56-64. **Кашкаров Д.Ю., Аюпов А.Н**. О зимующих птицах Ташкента//Млекопит. и птицы Узбекистана. Ташкент, 1987. С. 74-77. **Кашкаров Д.Ю., Загребин С.В.** Орнитологическая коллекция Н.А. Зарудного в Ташкентском государственном университете//Узб. биол. журн. 1998, № 4. С. 42-44. **Кашкаров Д.Ю., Лановенко Е.Н., Третьяков Г.П., Шарипов М.Ш., Шерназаров Э.** Миграции птиц в Ташкентской области и Ферганской долине//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 102-125.

Квартальнов П.В., Самоцкая В.А., Абдулназаров А. Г. От музейных коллекций к живым птицам//Природа, 2011. № 12. С. 54-56. **Квартальнов П.В., Абдулназаров А., Ильина И.Ю., Самоцкая В.А. Познякова Ю.М.** К познанию птиц Западного Памира: вклад Н.А. Зарудного и новые открытия//Наземные позвоночные животные аридных экосистем (Мат-лы конференции, Ташкент, 24-27 октября 2012). Ташкент, 2012. С. 166-170.

Керимов А.Б., Банин Д.А. Особенности зимней экологии некоторых синиц лесного пояса Киргизского хребта (Тянь-Шань)//Экол. исслед. и охрана птиц Прибалт. респ. (Тез. докл. Прибалт. конфер. молодых орнитол.). Каунас, 1982. С. 53-54.

Кириков С.В. Экологический очерк ельников Нарынтау и возможность акклиматизации белки в этих лесах//Зоол. журн., 1939, т. 18, вып. 1. С. 120-129.

Коблик Е.А., Архипов В.Ю., Редькин Я.А. Коллекции Зарудного и Мензбира: открытие век спустя// Орнитология в Северной Евразии (мат-лы XIII МОК). Оренбург, 2010. С. 152-253. **Коблик Е.А., Архипов В.Ю.** Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР. Списки видов//Зоологические исследования, № 14. Т-во научных знаний КМК. М., 2014. 171 с.

Коваленко А.В. Наблюдения за птицами в Юго-Вост. и Южном Казахстане//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 64-66. **Коваленко А.В.** Некоторые наблюдения птиц с группой «Ornitholidays» в Алматинской области//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 137-139. **Коваленко А.В.** О гибридизации некоторых видов птиц в долине нижней Сырдарьи и её последствиях//Орнитол. исслед. в Северной Евразии (тез. XII МОК). Ставрополь, 2006. С. 264-266. **Коваленко А.В.** О гибридизации серого и солончакового жаворонков в долине нижней Сырдарьи// КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 237-239. **Коваленко А.В.** О зимней встрече кашгарской овсянки на Большом Алматинском озере//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 220. **Коваленко А.В.** Орнитологические наблюдения в Таукумах и Бетпакдале 2007 г.//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 61. **Коваленко А.В.** Поездка с итальянским любителем птиц по Алматинской области //КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 121-123. **Коваленко А.В.** Поездка со шведской группой любителей птиц по Алматинской области//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 124-127. **Коваленко А.В., Гаврилов Э.И., Белялов О.В., Карпов Ф.Ф., Анненкова С.Ю.** Орнитологические наблюдения на озере Кызылколь (Южный Казахстан) в период сезонных миграций//Рус. орнитол. журнал. 2002, № 199. С. 870-887. **Коваленко А.В., Скляренко С.Л.** Краткое сообщение о горной славке. Краткое сообщение о певчей славке//КОБ-2002. Алматы, 2003. С. 107.

Ковшарь А.Ф. К экологии птиц высокогорных поясов Западного Тянь-Шаня//Мат-лы 3-й Всесоюз. орнит. конф., кн. 2. Львов, 1962. С. 30-31. **Ковшарь А.Ф.** К экологии райской мухоловки (Таласский Алатау)//Орнитология, вып. 4. М., 1962. С. 234-236. **Ковшарь А.Ф.** Осенний пролет птиц в верховьях р. Арысь (бассейн Сырдарьи)// Мат-лы 3-й Всесоюзн. орнитол. конф., кн. 2. Львов, 1962. С. 31-33. **Ковшарь А.Ф.** Осенний пролет птиц в заповеднике Аксу-Джабаглы//Орнитология, вып. 6. М., 1963. С. 360-363. **Ковшарь А.Ф.** Майна в Южном Казахстане//Зоогеография суши (тез. 3-го Всесоюзн. совещ. по зоогеогр. суши). Ташкент, 1963. С. 133. **Ковшарь А.Ф.** Птицы высокогорья западной части Таласского Алатау (Тянь-Шань)//Охотничьи птицы Казахстана (Тр. Ин-та зоол., т. 24). Алма-Ата, 1964. С. 121-141. **Ковшарь А.Ф.** О раннем гнездовании полевого жаворонка в Таласском Алатау// Охотничьи птицы Казахстана (Тр. Ин-та зоол., т. 24). Алма-Ата, 1964. С. 215-216. **Ковшарь А.Ф.** Влияние весенних похолоданий на птиц предгорий Таласского Алатау// Орнитология, вып.7. М., 1965. С. 474-476. **Ковшарь А.Ф.** Дополнения к фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы//Труды заповедника Аксу-Джабаглы, вып. 2. Алма-Ата, 1965. С. 237-246. **Ковшарь А.Ф**. О зимующих птицах западной части Таласского Алатау//Новости орнитологии. Алма-Ата, 1965. С. 176-177. **Ковшарь А.Ф.** Птицы Таласского Алатау. Алма-Ата, 1966. 435 с. **Ковшарь А.Ф.** Авифаунистические особенности крайнего северо-запада Тянь-Шаня//Четвертая межвузовская зоогеографическая конфер. Одесса, 1966. С. 130-131. **Ковшарь А.Ф.** Расселение семян арчи птицами//Охрана и рац. использ. ресурсов дикой живой природы. Алма-Ата, 1966. С. 199-200. **Ковшарь А.Ф.** Синяя птица в Западном Тянь-Шане// Орнитология, вып. 8, М., 1967. С. 236-244. **Ковшарь А.Ф.** О гнездовании рыжешейной синицы в Западном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 359-360. **Ковшарь А.Ф.** Опыты по привлечению синиц

на гнездование в арчовые леса Западного Тянь-Шаня//Мат-лы первой науч. конф. молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1968. С. 351. **Ковшарь А.Ф.** Об изученности гнездовой жизни воробьиных птиц Тянь-Шаня//Орнитология в СССР, кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 296-301. **Ковшарь А.Ф.** О гнездовой биологии ястребиной славки в Западном Тянь-Шане//Мат-лы 2-й науч. конф. молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1970. С. 372-374. **Ковшарь А.Ф.** Семейство мухоловковые и род синяя птица//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 424-452, 497-505. **Ковшарь А.Ф.** О величине кладки у воробьиных птиц в Тянь-Шане// Зоол. журнал, 1971, вып. 4. С. 553-560. **Ковшарь А.Ф.** Семейство славковые (роды: пеночка, бурая пеночка, камышевка, тонкоклювая камышевка, сверчок)//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 14-58, 75-147. **Ковшарь А.Ф.** Материалы по гнездованию птиц в Кунгей-Алатау//Орнитология, вып. 10. М., 1972. С. 343-345. **Ковшарь А.Ф.** Пролет птиц весной 1968 г. в Чокпакских воротах//Трансконт. связи перелетных птиц и их роль в распростр.арбовирусов. Новосибирск, 1972. С. 112-114. **Ковшарь А.Ф.** Об эффективности размножения горных воробьиных//Экология, 1972, вып. 4. С. 53-57. **Ковшарь А.Ф**. Описание пуховых птенцов некоторых горных воробьиных//Зоол. журн., 1974, т. 53, вып.1. С. 140-142. **Ковшарь А.Ф.** Сроки гнездования воробьиных птиц в Западном Тянь-Шане//Мат-лы 6-й Всесоюзн. орнитол. конфер., ч. 2. М., 1974. С. 67-68. **Ковшарь А.Ф.** Трёхкратное гнездование бледной завирушки (*Prunella fulvescens*) в высокогорье Тянь-Шаня// Зоол. журнал, 1975, т. 54, вып. 11. С. 1737-1739. **Ковшарь А.Ф.** Индивидуальное цветное мечение как перспективный метод изучения биологии птиц//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 227-232. **Ковшарь А.Ф.** Летне-осеннее гнездование клестов на Тянь-Шане как пример приспособления вида-стенофага к условиям существования//Экология, 1976, №3. С. 94-97. **Ковшарь А.Ф.** Об экологии джунгарской гаички (*Parus songarus*)//Вестник зоол., Киев, 1976, № 3. С. 34-39. **Ковшарь А.Ф.** Интенсивность пения птиц в субвысокогорье Тянь-Шаня и ее связь с фазами репродуктивного цикла//VII-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Тез. докл. Киев, 1977, кн. 2. С. 19-22. **Ковшарь А.Ф**. О некоторых редких птицах казахстанской части Тянь-Шаня//Редкие и исчезающие звери и птицы Казахстана. Алма-Ата, 1977. С. 190-193. **Ковшарь А.Ф.** Субвысокогорье Тянь-Шаня как переходная полоса от лесных орнитокомплексов к высокогорным //Вестник АН КазССР, 1977, №; 9. С. 62-69. **Ковшарь А.Ф.** Полицикличность размножения певчих птиц в условиях субвысокогорья Тянь-Шаня//Зоол. журнал, 1977, вып. 7. С. 1071-1076. **Ковшарь А.Ф.** О двух репродуктивных циклах у арчового дубоноса//Известия АН КазССР, серия биол. 1977, № 2. С. 25-29. **Ковшарь А.Ф.** Совмещение сроков размножения и линьки у певчих птиц в условиях субвысокогорья Тянь-Шаня//VII-я Всесоюзная орнитологическая конференция. Тез. докл. Киев, 1977, кн. 1. С. 258-259. **Ковшарь А.Ф.** Смена сезонных аспектов авифауны у верхней границы леса в Заилийском Алатау (Тянь-Шань)//Вторая всесоюзн. конф. по миграц. птиц. Ч. 1. Алма-Ата, 1978. С. 34-37. **Ковшарь А.Ф.** О вертикальных перемещениях птиц в горах//Вторая всесоюзн. конф. по миграц. птиц. Ч. 1. Алма-Ата, 1978. С. 124-127. **Ковшарь А.Ф.** Певчие птицы в субвысокогорье Тянь-Шаня (очерки летней жизни фоновых видов). Алма-Ата, 1979, 194 с. **Ковшарь А.Ф.** Кормление чужих птенцов у певчих птиц//Всесоюз. конф. «Экология гнездования птиц и методы ее изуч.». Самарканд, 1979. С. 105-106. **Ковшарь А.Ф.** Некоторые итоги прижизненного изучения биологии птиц в субвысокогорье Тянь-Шаня// Орнитология, вып. 16. М., 1981. С. 6-15. **Ковшарь А.Ф.** Особенности размножения птиц в субвысокогорье (на материале Passeriformes в Тянь-Шане). Алма-Ата, 1981. 259 с. **Ковшарь А.Ф.** Полициклия и гипсоморфный эффект в размножении горных птиц//Экология и охрана птиц (тез. докл. VIII Всесоюзн. орнитол. конфер.). Кишинев, 1981. С. 108. **Ковшарь А.Ф.** Синантропное гнездование клушицы в хребте Кетмень (Тянь-Шань)//Орнитология, вып. 16. М., 1981. С. 169-170. **Ковшарь А.Ф.** Авифаунистическое население основных подразделений ландшафта. Сельский и городской типы застройки как основа селитебного ландшафта//Позвон. животные Алма-Аты (фауна, размещение, охрана). Алма-Ата, 1988. С. 57-93. **Ковшарь А.Ф.** Залет райской мухоловки в пустыню Бетпак-Дала//Орнитология, вып. 23. М., 1988. С. 212. **Ковшарь А.Ф.** Проникновение майны в высокогорье Северного Тянь-Шаня//Экол. аспекты изуч., практич. использ. и охраны птиц в горных экосистемах. Фрунзе, 1989. С. 46-47. **Ковшарь А.Ф.** К биологии майны (*Acridotheres tristis* L.) в высокогорье Тянь-Шаня//Selevinia, 1994, т. 2, № 3. С. 68-74. **Ковшарь А.Ф.** Путевые заметки о птицах Джунгарии (северо-западный Китай)//Selevinia, 1994, т. 2, № 2. С. 34-38. **Ковшарь А.Ф.** Гнездовая фауна птиц заповедника Аксу-Джабаглы//Террит. аспекты охраны птиц в Средней Азии и Казахстане. М., 1999. С. 24-30. **Ковшарь А.Ф.** Наблюдения за ночевками майны (*Acridotheres tristis*) в центре города Алматы//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 203-206. **Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с группой «Miksture» из Дании //КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 131-133. **Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с группой «Naturetrek» в Алматинской области//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 129-130. **Ковшарь А.Ф.** Наблюдения птиц в Алматинской области с группами Birdwatchers в мае 2005 г.//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 145-146. **Ковшарь А.Ф.** О гнездовании кашгарского сорокопута (*Lanius isabellinus isabellinus*) в верховьях р. Каркара (Центральный Тянь-Шань)//Selevinia-2005. Алматы, 2006. С. 178. **Ковшарь А.Ф.** О черноголовой форме чернозобого дрозда//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 211-

213. **Ковшарь А.Ф.** Список птиц Тянь-Шаня (в пределах его западной, среднеазиатской половины// Selevinia-2006. Алматы, 2007. С. 27-43. **Ковшарь А.Ф.** Указатель названий птиц на языках народов Средней Азии//Птицы Средней Азии, том 1. Алматы, 2007. С. 564-572. **Ковшарь А.Ф.** Некоторые результаты орнитологических поездок по Алматинской области//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 132-134. **Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения в Алматинской области со смешанной англо-американской и японской группами в июне 2007 г.//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 112-114. **Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с двумя группами туристов английского клуба «Naturetrek» в Алматинской области в мае 2007 г. //КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 107-111. **Ковшарь А.Ф.** Орнитологические наблюдения с двумя группами туристов (английский клуб «Naturetrek» и японский клуб “Shinwa Tourist») в Алматинской области в мае 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 146-149. **Ковшарь А.Ф.** Певчая славка [*Sylvia hortensis* (J.F.Gmelin, 1789)] в Средней Азии//Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 172-189. **Ковшарь А.Ф.** Птицы Тянь-Шаня: состав, распределение, изученность, задачи исследований//Орнитология в Северной Евразии (мат-лы XIII МОК). Оренбург, 2010. С. 11-13. **Ковшарь А.Ф.** Биология и поведение певчей славки по наблюдениям в Средней Азии//Selevinia-2010. Алматы, 2011. С. 133-145. **Ковшарь А.Ф.** Необычно позднее размножение майны в Алматы//Selevinia-2010. Алматы, 2011. С. 188. **Ковшарь А.Ф.** Пустынная славка [*Sylvia nana* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)] в Казахстане и Средней Азии: распространение, численность, биология// Орнитологический вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 1. Алматы, 2012. С. 139-163. **Ковшарь А.Ф.** Расписная синичка (*Leptopoecile sophiae* Severtzov, 1873) – эндемик центральноазиатских высокогорий//Selevinia-2012. Алматы, 2013. С. 9-24. **Ковшарь А.Ф.** Индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus* Blyth, 1847) в Казахстане и Средней Азии: распространение, численность, биология//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 3. Алматы, 2014. С. 35-59. **Ковшарь А.Ф.** Птицы. Дороги. Люди (воспоминания орнитолога). В двух частях. Алматы, 2014. 664 с., 556 с. **Ковшарь А.Ф.** К истории создания и становления Чокпакского орнитологического стационара//Selevinia-2015. Том 23. Алматы, 2016. С. 193-200. **Ковшарь А.Ф.** Авифауна Западного Тянь-Шаня (состав и динамика в XX – XXI в.)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 11-50. **Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** К биологии индийского жаворонка (*Alauda gulgula* Franklin, 1831) на юго-востоке Казахстана//Selevinia, 1995, том 3, № 2. С. 63-68. **Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Материалы по гнездованию птиц в долине реки Копа (юго-восточный Казахстан)//Selevinia-1996/1997. Алматы, 1999. С. 121-133. **Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Материалы по фенологии весенней миграции птиц в долине реки Копа (юго-восточный Казахстан)// Selevinia, 1998/1999. Алматы, 2000. С. 170-175. **Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Тенденции изменения границ ареалов птиц в Казахстане во второй половине XX ст.//Достижения и проблемы орнитологии Северной Евразии на рубеже веков. Труды Международной конференции «Актуальные проблемы изучения и охраны птиц Восточной Европы и Северной Азии». Казань, 2001. С. 250-270. **Ковшарь А.Ф., Березовиков Н.Н.** Тенденции изменения границ ареалов птиц в Казахстане во второй половине XX столетия//Selevinia-2001. Алматы, 2002. С. 33-52. **Ковшарь А.Ф., Гаврилов Э.И.** Биология размножения сибирского дрозда-дерябы в Тянь-Шане//Растит. и животн. мир заповедников Казахстана. Труды заповедн. Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1973. С. 41-59. **Ковшарь А.Ф., Гаврилов Э.И., Родионов Э.Ф.** О биологии тусклой зарнички//Орнитология, вып. 11. М., 1974. С. 253-268. **Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** Гнездование черноспинной желтоголовой трясогузки (*Motacilla citreola calcarata* Hodgson) в верховьях Каркары и Шолкудысу//Selevinia, 1993, т. 1, № 1. С. 50. **Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** О размножении пустынной славки в Казахстане//Вестник зоологии, 1990. № 5. С. 35-40. **Ковшарь А.Ф., Губин Б.М.** Пустынная славка в Казахстане: распространение, размещение, гнездостроение// Вестник зоологии, 1991, № 1. С. 50-55. **Ковшарь А.Ф., Жатканбаев А.Ж.** Синантропное гнездование краснобрюхой горихвостки в Заилийском Алатау//Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии (Мат-лы III республ. орнит. конфер., Бухара, октябрь 1990 г.). Ташкент, 1990. С. 108-110. **Ковшарь А.Ф., Жигайлов В.В.** О гнездовой жизни красношапочного вьюрка в Заилийском Алатау//Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии (Мат-лы III республ. орнит. конфер., Бухара, октябрь 1990 г.). Ташкент, 1990. С. 101-104. **Ковшарь А.Ф., Жуйко Б.П., Пфеффер Р.Г., Белялов О.В.** Некоторые орнитологические находки в Заилийском Алатау//Биол. птиц в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С. 115-119. **Ковшарь А.Ф., Иващенко А.А., Губин Б.М.** Материалы по экологии горной славки в Таласском Алатау//Запов. Аксу-Джабаглы 50 лет. Алма-Ата, 1976. С. 139-150. **Ковшарь А.Ф., Иващенко А.А., Ковшарь В.А.** Биология желчной овсянки в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань). Сообщ. 1//Вестн. зоол., 1986, № 5. С. 36-40. **Ковшарь А.Ф., Иващенко А.А., Ковшарь В.А.** Биология желчной овсянки (Aves, Passeriformes) в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань). Сообщ. II. Репродуктивный цикл. Календарн. сроки гнездования. Плодовитость// Вестн. зоол., 1987, № 1. С. 59-63. **Ковшарь А.Ф., Ланге М., Торопова В.И.** Орнитологические наблюдения джунгаро-кетменьской зоологический экспедиции «Казахстан-2002»//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 109-121. **Ковшарь А.Ф., Ланге М., Торопова В.И.** Орнитологические наблюдения во Внутреннем, Центральном и Южном Тянь-Шане и в пограничных хребтах Алайской горной системы в пределах Кыргызстана//

Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 65-96. **Ковшарь А.Ф., Ланге М., Торопова В.И.** Результаты международной зоологической экспедиции по Центральному Тянь-Шаню в 2005 г.//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 84-88. **Ковшарь А.Ф., Левин А.С.** Очерк экологии гнездового периода седоголовой горихвостки//Бюллетень МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1975, т. 80, вып. 5. С. 48-57. **Ковшарь А.Ф., Левин А.С., Губин Б.М.** Нахождение гнезд жемчужного вьюрка на Тянь-Шане//Вестник зоологии, 1982, № 5. С. 42-46. **Ковшарь А.Ф., Лопатин В.В.** Сроки сезонных миграций птиц в субвысокогорье Заилийского Алатау//Миграции птиц в Азии, вып. 8. Алма-Ата, 1983. С. 66-76. **Ковшарь А.Ф., Мальцева С.М.** Биология размножения зеленой пеночки в Заилийском Алатау (Тянь-Шань)//Биология птиц в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С. 7-19. **Ковшарь А.Ф., Митропольский О.В.** Николай Алексеевич Зарудный – орнитолог и путешественник (13 сентября 1859 – 17 марта 1919)//Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 7-14. **Ковшарь А.Ф., Некрасов Б.В.** О подъязычных мешках вьюрковых птиц//Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 320-326: илл. **Ковшарь А.Ф., Пфеффер М.Г.** Некоторые черты урбанизации птиц в Алма-Ате. 3.3.1. Черный дрозд// Позвоночные животные Алма-Аты. Алма-Ата, 1988. С. 117-132. **Ковшарь А.Ф., Пфеффер Р.Г.** Появление зеленушки на гнездовании в Алма-Ате//Орнитология, вып. 23. М., 1988. С. 212. **Ковшарь А.Ф., Рукина А.К.** Биология размножения певчей славки в Западном Тянь-Шане//Новости орнитологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 58-63. **Ковшарь А.Ф., Скляренко С.Л., Губин Б.М.** Расписная синичка в Заилийском Алатау: численность и некоторые вопросы гнездовой биологии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол. 1982, т. 87, вып. 6. С. 74-85. **Ковшарь А.Ф., Торопова В.И.** Путевые заметки о птицах Тянь-Шаня и Алая (по материалам экспедиций 1998 и 1999 гг.)//Selevinia, 1998/1999. Алматы, 2000. С. 106-121. **Ковшарь А.Ф., Торопова В.И.** О некоторых редких птицах внутренних и южных районов Тянь-Шаня//Наземные позвоночные животные аридных экосистем (Мат-лы конференции, Ташкент, 24-27 октября 2012). Ташкент, 2012. С. 175-181. **Ковшарь А.Ф., Чаликова Е.С.** Многолетние изменения фауны и населения птиц заповедника Аксу-Джабаглы//Орнит. исслед. в заповед. Пробл. заповед. дела. М., 1992. С. 28-44. **Ковшарь А.Ф., Чаликова Е.С., Колбинцев В.Г.** Список птиц Аксу-Жабаглинского заповедника (на фоне авифауны северного макросклона и подгорной равнины Западного Тянь-Шаня)//Труды Аксу-Жабаглинского государственного природного заповедника. Вып. 11. Алматы, 2016. С. 414-436.

Ковшарь В.А. Особенности экологии сороки в ботаническом саду города Алма-Ата//Изуч. птиц СССР, их охрана и использ. (Тез. докл. 9-й Всесоюз. орнит. конф.). Ч. 1. Л., 1986. С. 300-301. **Ковшарь В.А.** Заселение сорокой города Алма-Аты//Врановые птицы в естественных и антропогенных ландшафтах (Мат-лы 2-го Всесоюз. совещ.). Липецк, 1989. Ч. 2. С. 132-133. **Ковшарь В.А.** Роль ботанического сада в формировании авифауны города Алма-Аты//Мат-лы 10-й Всесоюз. орнитол. конфер. Минск, 1991. Ч. 2, кн. 1. С. 286-287. **Ковшарь В.А.** Размножение наземногнездящихся птиц в городе//Selevinia, 1994, т. 2. № 1. С. 79-80. **Ковшарь В.А.** К вопросу о специфичности городской авифауны на примере некоторых городов Средней Азии// Selevinia, 1995, т. 3. № 1. С. 12-18. **Ковшарь В.А.** Летняя фауна птиц гор Машаттау (Ирсу-Даубабинский заказник Южно-Казахстанской области)//Пробл. охр. и устойч. использ. биоразнообр. жив. мира Казахстана. Алматы, 1999. С. 72-73. **Ковшарь В.А.** Встреча красного вьюрка в верховьях Пскема//КОБ-2002. Алматы, 2003. С. 134. **Ковшарь В.А.** К авифауне верхней части бассейна реки Пскем//Selevinia-2002. № 1-4. Алматы, 2003. С. 135-149. **Ковшарь В.А.** К авифауне нижней части бассейна реки Пскем и низовьев р. Угам (Западный Тянь-Шань) по материалам экспедиции 2003 г.//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 109-115. **Ковшарь В.А.** Наблюдения за птицами на узбекской части хр. Каржантау весной 2003 г.//КОБ-2003. Алматы, 2004. С. 100-101. **Ковшарь В.А**. Орнитологические наблюдения в Бостандыке (Западный Тянь-Шань) в 2003 г.// КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 101-104. **Ковшарь В.А.** О встречах некоторых зимующих и пролетных птиц на северо-западном склоне Кураминского хребта (Западный Тянь-Шань)//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 220. **Ковшарь В.А.** Гнездование большой синицы в горах Богуты//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 185. **Ковшарь В.А.** О гнездящихся птицах северо-западного склона Кураминского хребта (Западный Тянь-Шань, Узбекистан)//Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 107-111. **Ковшарь В.А.** Наблюдения за птицами с туристами группы «Limosa»//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 142-143. **Ковшарь В.А.** Наблюдения за птицами с туристами группы «Sunbird»//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 144-145. **Ковшарь В.А.** Орнитологическая поездка с группой французских любителей птиц//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 151-153. **Ковшарь В.А.** Орнитологический тур с британской группой «Limosa»//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 147-148. **Ковшарь В.А.** Орнитологический тур с британской группой «Sunbird»//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 148-149. **Ковшарь В.А.** Наблюдения за гнездящимися птицами жилого района в северной части Алма-Аты//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 192-194. **Ковшарь В.А.** Тур группы Limosa в юго-восточном и центральном Казахстане в 2007 г.//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 116-118. **Ковшарь В.А.** Наблюдения за птицами с группой «Sunbird» весной 2008 г. //КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 150-152. **Ковшарь В.А.** Встреча краснозобого конька (*Anthus cervinus*) на юго-востоке Казахстана//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 4. Алматы, 2017. С. 304. **Ковшарь В.А.** Гнездование дрозда-дерябы вне хвойного леса в предгорьях и на подгорной равнине Северного Тянь-Шаня//

Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 4. Алматы, 2017. С. 305. **Ковшарь В.А.** Птицы Иле-Алатауского национального парка и прилегающих территорий//Труды Иле-Алатауского национального парка. Выпуск 1. Алматы, 2015. С. 147-210. **Ковшарь В.А., Гаврилов Э.И.** О линьке маховых перьев у желчных овсянок//Selevinia, 1996/1997. Алматы, 1999. С. 247-248. **Ковшарь В.А., Лопатин В.В.** Некоторые черты урбанизации птиц в Алма-Ате. Сорока//Позвоночные животные Алма-Аты. Алма-Ата, 1988. С. 144-147. **Ковшарь В.А., Скляренко С.Л.** Авифаунистическое население основных подразделений ландшафта. Зелёные зоны//Позвоночные животные Алма-Аты. Алма-Ата, 1988. С. 93-106.

Козлов П.К. Маршрут Тибетской экспедиции М.В. Певцова (1899-1891 гг.) и географическое распределение млекопитающих и птиц в местностях, исследованных ею//Ежегодник Зоол. музея Академии наук, т. 4, 1899а. С. 257-287. **Козлов П.К.** Отчёт помощника начальника экспедиции П.К. Козлова//Труды эксп. Рус. географ. об-ва по Центр. Азии, совершенной в 1893-1895 гг. под начальством В.И. Роборовского, 1899 б. 2. С. 1-296. **Козлов П.К.** Маршрут Тибетской экспедиции Русского географического общества под начальством П.К. Козлова 1899-1901 гг.//Ежегодн. Зоол. музея Акад. наук, т.7, 1902. С. 1-19.

Козлова-Пушкарева Е.В. Географическая изменчивость обыкновенной чечевицы *Erythrina erythrina* в связи с историей расселения вида//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1939, т. 48, вып. 2-3. С. 63-70. **Козлова Е.В.** Авифауна Тибетского нагорья, ее родственные связи и история//Тр. ЗИН АН СССР, 1952, т. 9, вып. 4. С. 964-1028. **Козлова Е.В.** К методике изучения истории региональных орнитофаун//Тр. проблемных и тематич. совещ. ЗИН, 1960, вып. 9. С. 56-60. **Козлова Е.В.** Птицы зональных степей и пустынь Центральной Азии. Л., 1975. 250 с.

Колбинцев В.Г. Тенденция к расширению области гнездования райской мухоловки в Западном Тянь-Шане//VIII Всесоюз. зоогеогр. конф. (Тез.докл.) М., 1984. С. 74-75. **Колбинцев В.Г.** Роль заповедника Аксу-Джабаглы в сохранении генофонда редких позвоночных животных //Заповедники СССР, их настоящее и будущее. Новгород, 1990. Часть 3. Зоол. исслед. С. 254-256. **Колбинцев В.Г.** Райская мухоловка в Малом Каратау (Южный Казахстан)//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 223-246. **Колбинцев В.Г.** Новая находка гималайской пищухи на юге Казахстана//Selevinia, 1995, т. 3. № 3. С. 44. **Колбинцев В.Г.** К фауне птиц западной части Таласского Алатау (Южный Казахстан)//Пробл. охр. и устойч. использ. биоразнообр. жив. мира Казахстана. Алматы, 1999. С. 73-74. **Колбинцев В.Г.** К биологии и распространению большого скалистого поползня в горах Каратау//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 193-196. **Колбинцев В.Г.** О зимовках некоторых видов птиц на юге Казахстана//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 220. **Колбинцев В.Г.** О зимней встрече князька в городе Таразе//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 217. **Колбинцев В.Г.** Из материалов орнитологических туров с голландскими группами “Central Asia Birding” на юго-востоке Казахстана//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 114-116.

Колесников И.И. Дополнение к списку птиц Казахстана [белоножка]//Изв. АН УзбССР, 1951, № 6. С. 76-77.

Командиров А.В. Гнездование майны (*Acridotheres tristis*) в Бишкеке//Selevinia, 1996/1997. Алматы, 1999. С. 248.

Конюхов Н.Б. Состав и распределение птиц Майдантальского участка Чаткальского заповедника (курсовая работа). М. МГУ, биологический ф-т., 1982. 40 с. [пеночка-трещётка]

Корелов М.Н. Об экологическом распределении птиц в Восточном Тянь-Шане//Изв. КазФАН СССР, серия зоол., 1939, № 1. С. 71-74. **Корелов М.Н.** Материалы по позвоночным левобережья реки Или (междуречье Чилика и Чарына)//Изв. АН КазССР, серия зоол., 1948, № 63, вып. 8. С. 94-121. **Корелов М.Н**. К экологии кедровки (*Nucifraga caryocatactes rotschildi* Hart.)//Вестник АН КазССР, 1948, № 2. С. 72-75. **Корелов М.Н.** Добавление к списку птиц Казахстана [*Calandrella acutirostris*]//Изв. АН КазССР, серия зоол., 1950, № 84, вып. 9. С. 119-120. **Корелов М.Н.** О форме казахстанских полевых жаворонков//Вестник АН КазССР, 1953, № 5. С. 113-115. **Корелов М.Н.** Семейство иволговые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 142-150. **Корелов М.Н.** Фауна позвоночных Бостандыкского района//Природа и хозяйств. условия горной части Бостандыка. Алма-Ата, 1956. С. 259-325. **Корелов М.Н.** Материалы к авифауне хребта Кетмень (Тянь-Шань)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1956, т. 6. С. 109-157. **Корелов М.Н.** О видовой самостоятельности солончакового жаворонка//Уч. зап. Моск. ун-та, вып. 197, орнитология. М., 1958. С. 223-230. **Корелов М.Н.** Миграции птиц в Тянь-Шане//Тез. докл. 2-ой Всесоюзн. орнитол. конфер. Кн. 3. М., 1959. С. 69-70. **Корелов М.Н.** К истории формирования орнитофауны Северного Тянь-Шаня// Мат-лы к конфер. по вопросам зоогеогр. суши. Алма-Ата, 1960. С. 64-65. **Корелов М.Н.** Список птиц и орнитогеографические районы Северного Тянь-Шаня//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1961, т. 15. С. 55-103. **Корелов М.Н.** Изменения границ ареалов южных видов птиц в Северном Тянь-Шане//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1964, т. 24. С. 142-156. **Корелов М.Н.** Семейства жаворонковые и сорокопутовые//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 194-285, 364-399. **Корелов М.Н.** Семейство славковые (роды: бормотушка, широкохвостка, славка, рыжехвостая славка, скотоцерка)//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 58-75, 147-212. **Корелов М.Н.** О воронах Казахстана//Изуч. птиц СССР, их охрана и рац. использ. Часть 1. Л., 1986. С. 315-316. **Корелов М.Н.** Орнитологические наблюдения в Киргизском Алатау в 1957 г.//

КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 254-264. **Корелов М.Н.** Орнитологические экспедиции в Каратау в 1958 и 1960 гг.//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, Вып. 1. Алма-Ата, 2012. С. 25-41. **Корелов М.Н., Губин Б.М., Левин А.С.** Формирование и состав авифауны//Позвоночные животные Алма-Аты. 1988. С. 51-57. **Корелов М.Н., Долгушин И.А.** О путях формирования фауны птиц городов//Природа, 1957, № 12.

Кормилицын Ю.Г. Сезонная динамика населения птиц Ала-Арчинского ущелья//Экол. аспекты изуч., использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 47-49. **Кормилицын Ю.Г.** Заселение птицами искусственных гнездовий в Кыргызском государственном природном парке «Ала-Арча»//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 119-120. **Кормилицын Ю.Г.** Колония грачей в буферной зоне природного парка «Ала-Арча»//Selevinia, 1996/1997. Алматы, 1999. С. 248-249.

Коровин А.П. Ревизия географических форм *Erythrina rhodochlamys* преимущественно по материалам Зоологического музея Академии наук//Бюлл. Среднеаз. ун-та, 1934, № 12, вып. 19. С. 67-74.

Крылов Д.Г. Особенности фауны птиц Сарыджазских сыртов (Центральный Тянь-Шань)//Орнитология в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 323-326.

Крюков А.П., Панов Е.Н. О возможности гибридизации кашгарского (*Lanius isabellinus* Hempr. et Ehrenb.) и туркестанского (*L. phoenicuroides* Schalov) жуланов//Зоол. журн. 1980, т. 59, вып. 9. С. 1378-1387.

Кузнецов А.А. Распределение птиц в высокогорье Киргизского хребта//Вторая Всесоюзн. орнитол. конфер. Тез. Докл. Часть III. М., 1959. С. 64-65. **Кузнецов А.А.** О кашмирском красном вьюрке//Орнитология, вып. 3. М., 1960. С. 351-361. **Кузнецов А.А.** К биологии туркестанской альпийской завирушки//Бюлл. МОИП, отд. биол. Том 66, 1961. **Кузнецов А.А.** Зимняя фауна высокогорья центральной части Киргизского хребта// Изв. АН КиргССР, сер. биол. наук, 1961, т. 3, вып. 1. С. 55-65. **Кузнецов А.А.** Состав, численность и размещение авифауны высокогорья Киргизского хребта//Орнитология, вып. 4. М., 1962а. С. 237-255. **Кузнецов А.А.** К биологии птиц высокогорья Киргизского хребта //Орнитология, вып. 5. М., 1962б. С. 215-241. **Кузнецов А.А.** О птицах верховьев ледника Фортамбек (Памир) //Орнитология, вып. 14. М., 1979. С. 112-114. **Кузнецов А.А.** О птицах ледника Дикого (Центральный Тянь-Шань)//Орнитология, вып. 21. М., 1986. С. 135. **Кузнецов А.А., Степанян Л.С.** Находка красного вьюрка на Тянь-Шане//Природа, 1958, № 4. С. 117.

Кузьмина М.А. Семейство дроздовые (роды: чекан, синехвостка, горихвостка, соловей, красношейка, варакушка, зарянка, соловей-белошейка, белоножка) //Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 557-637. **Кузьмина М.А.** Семейство синицевые//Птицы Казахстана, том 4. Алма-Ата, 1972. С. 264-311. **Кузьмина М.А.** Орнитологические наблюдения в Бортагое в 1955 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 285-288.

Кулагин С.В. О гнездовании долгохвостой синицы (*Aegithalos caudatus*) и соловьиного сверчка (*Locustella luscinioides*) в Прииссыккулье//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 314. **Кулагин С.В.** Зимний учет численности фоновых воробьиных птиц на участках Иссык-Кульского заповедника //Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 290-292. **Кулагин С.В.** О находке гнезда кедровки в Кунгей Ала-Тоо//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 184. **Кулагин С.В.** О нахождении певчего сверчка (*Locustella certhiola*) и певчего дрозда (*Turdus philomelos*) в Прииссыккулье//Selevinia-2005. Алматы, 2006. С. 180. **Кулагин С.В.** Население и численность воробьиных птиц прибрежных кустарниковых зарослей Иссык-Кульской котловины//Орнитология в Северной Евразии (мат-лы XIII МОК). Оренбург, 2010. С. 175. **Кулагин С.В.** О гибели птиц от града на Иссык-Куле//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 173. **Кулагин С.В.** О находке лапландского подорожника (*Calcarius lapponicus*) на территории Кыргызстана// Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 173. **Кулагин С.В.** Серый снегирь (*Pyrrhula cineracea*) в Кыргызстане//Selevinia-2017, том 25. Алматы-2018. С. 168. **Кулагин С.В., Сагымбаев С., Ахмедова А.** Осенний учет птиц на Иссык-Куле//Selevinia-2005. Алматы, 2006. С. 180-181. **Кулагин С.В., Сагымбаев С.С.** Результаты учета птиц на оз. Иссык-Куль в марте 2004 г.// Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 223-225. **Кулагин С.В., Торопова В.И.** О роли кустарниковых зарослей в разные сезоны года в жизни воробьиных птиц Прииссыккулья (Тянь-Шань)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, Вып. 1. Алма-Ата, 2012. С. 125-131.

Кумушалиев Б.К. Численность перелётных птиц в Алайской долине//Вторая Всес. конфер. по миграциям птиц. Часть 1. Алма-Ата, 1978. С. 132-134. **Кумушалиев Б.К., Шукуров Э.Д.** Весенние перемещения птиц в Нарынской котловине//Миграции птиц в Азии. Ашхабад, 1990. С.73-82.

Кыдыралиев А. Гнездование птиц в Центральном Тянь-Шане//Труды ИЗИП АН КиргССР, вып. 6. Фрунзе, 1957. С. 85-95. **Кыдыралиев А.** Новые для Киргизии птицы//Тр. ИЗИП АН КиргССР. вып. 7. Фрунзе, 1959. С. 283-286. **Кыдыралиев А.К.** Размножение краснобрюхой горихвостки в Центральном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 2. М., 1959. С. 209-213. **Кыдыралиев А.** Зима на Сон-Куле//Изв. Киргиз. филиала Всесоюз. геогр. об-ва, вып. 2. Фрунзе, 1960. С. 91-93. **Кыдыралиев А.К.** Птицы высокогорий Центрального Тянь-Шаня//Изв. АН КиргССР, сер.биол.наук, 1961, т. 3, вып. 1. С. 5-17. **Кыдыралиев А.К.** Бледная завирушка в Центральном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 4. М., 1962. С. 256-259. **Кыдыралиев А.К.** Биология гималайской завирушки в Тянь-Шане//Орнитология, вып. 7. М., 1965. С. 200-202. **Кыдыралиев А.К.** Пролетные пути

и их роль в формировании авиакомплексов высокогорий Центрального Тянь-Шаня//Новости орнитологии (Мат-лы 4-й Всесоюз. орнитол. конфер.). Алма-Ата, 1965. С. 208-209. **Кыдыралиев А.К.** Кольцевание птиц в Тянь-Шане//Перелетные птицы и их роль в распространении вирусов. Новосибирск, 1969. С. 42-48. **Кыдыралиев А.К.** Новые данные по гнездованию некоторых птиц в Тянь-Шане//Орнитология, вып. 10, М. 1972. С. 352-356. **Кыдыралиев А.К.** Распределение и встречаемость птиц и млекопитающих в Арпинской долине//Изв. Киргизского географ. общества, вып. 9. Фрунзе, 1972. С. 40-44. **Кыдыралиев А.К.** Птицы водоёмов Центрального Тянь-Шаня. Фрунзе, 1973. 117 с. **Кыдыралиев А.К.** О весенних и осенних миграциях обыкновенного скворца и черного стрижа на юго-западном берегу озера Иссык-Куль//Мат-лы VI Всесоюз. орнитол. конфер. М., 1974. Ч. 2. С. 181-182. **Кыдыралиев А.** Сравнительная характеристика пролета птиц на восточном и западном берегах оз. Иссык-Куль// Миграции птиц в Азии. Новосибирск, 1986. С. 82-86. **Кыдыралиев А.** Структура населения птиц высокогорья Тянь-Шаня//Изучение птиц СССР, их охрана и рац. использ. Тез. IX Всес. орнитол. конфер. Часть 1. Л., 1986. С. 352-353. **Кыдыралиев А.К.** Исторические и современные аспекты формирования фауны птиц Тянь-Шаня//Экол. аспекты изуч., практич. использ. и охраны птиц в горных экосистемах. Фрунзе, 1989. С. 67. **Кыдыралиев А.** Птицы озер и горных рек Киргизии. Фрунзе, 1990. 238 с. **Кыдыралиев А.** Структура и изменения фауны птиц Тянь-Шаня//Мат-лы 10-й Всес. орнитол.конференции. Ч. 2, кн. 2. Минск, 1991. С. 13-14. **Кыдыралиев А.К.** Основные факторы формирования населения птиц высокогорного оз. Сон-Куль//Фауна и экол. наземн. позвон. Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 23-28. **Кыдыралиев А.К., Акмолдоев Д.Д.** Миграции птиц в Иссык-Кульской котловине// Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 198-211. **Кыдыралиев А.К., Султанбаева З.Б.** Наблюдения за малоизвестными птицами Киргизии//Миграции птиц в Азии. Новосибирск, 1977. С. 218-221. **Кыдыралиев А.К., Султанбаева З.Б.** О передвижении и гнездовании некоторых птиц на озёрах Иссык-Куль и Сон-Куль//Миграции птиц в Азии. Новосибирск, 1977. С. 131-135. **Кыдыралиев А., Султанбаева З., Сагынбаев С.** О миграции птиц в западной части Иссык-Кульской котловины//Миграции птиц в Азии. Ташкент, 1978. С. 74-79. **Кыдыралиев А.К., Султанбаева З.Б.** Миграции птиц на западе Иссык-Кульской котловины//Миграции птиц в Азии. Вып. 6. Ашхабад, 1981. С. 218-232.

Кыдыралиева Р.А. Кольчатая горлица и майна в Киргизии//Редкие и малоизуч. птицы Средней Азии. Ташкент, 1990. С. 133-134.

Лановенко Е.Н. Семейство ласточковые; саксаульная сойка, клушица, альпийская галка, даурская галка, серая ворона, ворон, пустынный ворон//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 33-52, 129-139, 245-146, 160-174. **Лановенко Е.Н.** Исследование орнитофауны Чаткальского биосферного заповедника // Труды заповедников Узбекистана. Выпуск 2. Ташкент, 1997а. С. 45-54. **Лановенко Е.Н.** Структура летнего населения птиц Чаткальского биосферного заповедника//Труды заповедников Узбекистана. Выпуск 2. Ташкент, 1997б. С. 62-72. **Лановенко Е.Н.** Орнитомониторинг в Чаткальском биосферном заповеднике. Отчёт о НИР за 1999 год. Паркент, 1999. 13 с. **Лановенко Е.Н.** Значение Чаткальского заповедника для сохранения биоразнообразия птиц в узбекистанской части Западного Тянь-Шаня//Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня: охрана и рациональное использование. Ташкент, 2002. С. 126-129. **Лановенко Е.Н., Сагитов А.К.** Чёрная ворона//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 153-159. **Лановенко Е.Н., Филатов А.К., Шерназаров Э., Азимов Н.** Авифаунистические находки в Узбекистане в начале XXI в.// XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 286-287. **Лановенко Е.Н., Шерназаров Э.Ш., Тен А.Г., Третьяков Г.П., Филатов А.К., Филатова Е.А.** Роль майны *Acridotheres tristis* в составе орнитокомплексов садов и виноградников в Узбекистане//Selevinia-2007. Алматы, 2008. С. 143-150.

Лебяжинская И.П. Структура и динамика летнего населения птиц Сары-Челекского государственного заповедника// Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 51-69. **Лебяжинская И.П.** Пространственная структура летнего населения птиц Сары-Челекского заповедника//Биол. ресурсы Кыргызстана. Бишкек, 1992. С. 93-99. **Лебяжинская И.П.** Пространственно-временная гетерогенность населения птиц Сары-Челекского биосферного заповедника//Актуальные пробл. изуч. и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии. Казань, 2001. С. 372-373.

Левин А.С. О гнездовании журавля-красавки в условиях интенсивного животноводства//Журавль-красавка в СССР. Алма-Ата, 1991. С. 96-98. **Левин А.С.** Орнитологические сукцессии 1988-2008 гг. на дачном участке в полупустыне близ Алматы и встречи здесь выводка долгохвостых синиц (*Aegithalos caudatus*)// Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 208. **Левин А.С. Белялов О.В.** О совместном обитании дроздовидной и туркестанской камышевок в Бетпак-Дале//Орнитология, вып. 23. М., 1988. С. 216-217.

Леонович В.В. К биологии малоизученных птиц Таджикистана//Бюлл. МОИП, отд. Биол., LXVII, 2: 121-124.

Лобачев Ю.С. О нахождении красного вьюрков в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1964, т. 24. С. 213-215. **Лобачев Ю.С.** Гибель кладок и птенцов у некоторых воробьиных птиц в горах Каржантау (Западный Тянь-Шань)//Орнитол. в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 377-380.

Лобачев Ю.С., Капитонов В.И. Экология рогатого жаворонка (*Eremophila alpestris albigula* Br.) в горах Каржантау (Западный Тянь-Шань)//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1968, т. 73, вып. 3. С. 17-25.

Лопатин В.В. Случай кормления туркестанским жуланом двух кукушат//Орнитология, вып. 22. М., 1987. С. 214. **Лопатин В.В., Ерохов С.Н., Гаврилов Э.И., Букетов М.Е**. К современному распространению туркестанской и дроздовидной камышевок в Казахстане//Фауна и биол. птиц Казахстана. Алматы, 1993. С. 191-192.

Лоскот В.М. Внутривидовая изменчивость и систематика каменки чёрной//Вестник зоологии, 1972, № 4. С. 28-34. **Лоскот В.М.** Материалы по биологии и систематике индийской пеночки *Phylloscopus griseolus* (Blyth)// Орнитологические исследования в Палеарктике [Труды ЗИН РАН, т. 210]. Л., 1990. С. 46-58. **Лоскот В.М.** Распространение и образ жизни кавказской большой чечевицы *Carpodacus rubicilla rubicilla* (Güld.) // Эколого-популяционные исследования птиц. Труды ЗИН АН СССР. Т. 231. Л., 1991. С. 43-115. **Лоскот В.М.** Систематическое положение и географическая изменчивость горной славки//Актуальные пробл. изуч. и охраны птиц Вост. Европы и Сев. Азии. Казань, 2001. С. 381-383.

Любущенко С.Ю., Пирхал А.Б., Матюхин А.В., Панов Е.Н. Состав полиморфной популяции и гнездование черных каменок в Приташкентском Каратау//Изуч. птиц СССР, их охрана и использ. (Тез. докл. 9-й Всес. орнит. конф.). Ч. 2. Л., 1986. С. 46-47.

Мадж С.К., Коатсон П.К. Иранская пеночка (*Phylloscopus neglectus*): самая северная находка в Узбекистане // Русск. орнит. журн., 1993, т. 2, вып. 1. С. 93-94.

Мальчевский А.С. Явление зональности в Северной и южной Фергане//Труды Ленинград. об-ва естествоиспыт. Том 68. Л., 1941. С. 117-136. **Мальчевский А.С., Кадочников Н.П.** Методика прижизненного изучения питания гнездовых птенцов насекомоядных птиц//Зоол. журн., 1953, т. 32, вып. 2. С. 277-282.

Мамбетжумаев А.М. К биологии размножения южной бормотушки (*Hippolais rama*) в низовьях Амударьи// Русск. орнитол. журн., 1993, т. 2, вып. 1. С. 77-86.

Матюхин А.В. Многолетние изменения авифауны Дарбазинского сая в Южном Казахстане (реакция птиц на смену экономических реалий)//Орнитол. исслед. в Северной Евразии. Тез. 12 Междунар. орнитол. конфер. Северной Евразии. Ставрополь, 2006. С. 337-338. **Матюхин А.В.** Чёрная каменка (*Oenanthe picata* Blyth, 1847) в Южном Казахстане (биология, экология, поведение, паразиты, эпидемиологическое значение) (история одной популяции). М., 2014. 79 с.

Матякубов С. Состав птиц Ташкентского оазиса и его изменение за 100-летний период//Узб. биол. журнал, 1970, № 2. С. 47-50.

Мекленбурцев Р.Н. Материалы по млекопитающим и птицам Памира//Труды САГУ, серия VIII-а. Выпуск 22. Ташкент, 1936. 40 с. **Мекленбурцев Р.Н.** Зимующие и пролетные птицы Восточного Памира//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1946, т. 51, вып. 1. С. 87-110. **Мекленбурцев Р.Н.** Новые данные о некоторых птицах Средней Азии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол., 1950, т. 55. Вып. 6. С. 45-49. **Мекленбурцев Р.Н.** Налёт зимой 1948-1949 гг. в окрестностях Ташкента северных и горных видов воробьиных//Изв. АН УзССР, 1950, № 6. С. 91-93. **Мекленбурцев Р.Н.** О нахождении черной каменки и кеклика в Южном Казахстане// Изв. АН КазССР, серия зоол., 1951, вып. 10. С. 137-140. **Мекленбурцев Р.Н.** Семейства завирушковые, ласточковые//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 624-659, 685-750. **Мекленбурцев Р.Н**. О распространении и особенностях скотоцерки в горах Средней Азии//Узб. биол. журн., 1960, № 2. С. 42-46. **Мекленбурцев Р.Н.** Новые данные о распространении некоторых птиц гор Средней Азии//Орнитология, вып. 5. М., 1962. С. 211-214. **Мекленбурцев Р.Н.** О вмешательстве в расселение майны (*Acridotheres tristis* L.) //Зоол. журнал, 1965, т. 44, № 3. С. 463-464. **Мекленбурцев Р.Н.** О нахождении в Алайском и Заалайском хребтах некоторых представителей фауны ельников Тянь-Шаня//Зоол. журн. 1966. т. 45, вып. 5. С. 778-779. **Мекленбурцев Р.Н**. О внутривидовой изменчивости желтогрудой лазоревки//Орнитология, вып. 13. М., 1977. С. 153-156. **Мекленбурцев Р.Н.** Ошибки в некоторых работах по орнитологии//Бюлл. МОИП. Нов. сер., отд. биол., 1981, т. 80, вып. 2. С. 48-50. **Мекленбурцев Р.Н.** Изменения в природной обстановке окрестностей Ташкента и их воздействие на некоторых наземных порзвоночных//Охрана и воспроизводство животного мира Узбекистана. Ташкент, 1982. С. 7-9. **Мекленбурцев Р.Н.** Население гнездящихся птиц Ташкента и многолетние изменения его состава//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1982, т. 87, вып. 4. С. 36-44. **Мекленбурцев Р.Н.** Пролетные и зимующие птицы Ташкента (по данным многолетних наблюдений)//Бюлл. МОИП. Отд. биол., 1982, т. 87, вып. 6. С. 86-93. **Мекленбурцев Р.Н.** Об изменениях природной обстановки и состава населения птиц в окрестностях Ташкента //Русск. орнитол. журн., 1993, т. 2, вып. 1. С. 29-36. **Мекленбурцев Р.Н.** Семейства крапивниковые, завирушковые, славковые, корольковые// Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 189-275. **Мекленбурцев Р.Н.** Экспедиции 1926 и 1933 гг. в заповеднике Аксу- Джабаглы//Тр. заповедн. Аксу-Джабаглы, вып. 7. Алматы, 1996. С. 7-12.

Мензбир М.А. Обзор ремезов туркестано-сибирской фауны//Мат-лы к познанию фауны и флоры Рос. империи, отд. зоол., 1910, вып. 10. С. 261-300. **Мензбир М.А.** Зоологические участки Туркестанского края и вероятное

происхождение фауны последнего//Временник о-ва содействия успехам опытных наук и их практич. применений им. Х.С. Леденцова. Прилож. 4, отд. биол. М., 1914. 144 с.

Миграции птиц Киргизии (А.И. Янушевич, А.К. Кыдыралиев, Г.С. Умрихина, Т.Ф. Федянини, В.И. Торопова и др.). Фрунзе, 1978.

Митропольский М. Новые и редкие виды птиц Западного Тянь-Шаня (Узбекистан)//Биоразнообразие Западного Тян-Шаня: охрана и рац. использ. Ташкент, 2002. С. 156-157. **Митропольский М.** Гнездование воронка (*Delichon urbica*) в Ташкенте//Selevinia-2002. Алматы, 2003. С. 315. **Митропольский М.Г.** Летняя авифауна плато Пулатхан (Чаткальский хребет, Узбекистан)//Труды заповедников Узбекистана. Выпуск 6. Ташкент, 2008. С. 121-128. **Митропольский М.Г.** О встречах большой синицы в Узбекистане// Selevinia, 2010. С. 191.

Митропольский О.В. Черногрудая красношейка – новый вид в фауне Узбекистана//Selevinia-2000. № 1-4. Алматы, 2001. С. 223-224. **Митропольский О.В.** Обзор птиц семейства дроздовых (Aves, Passeriformes, Turdidae) Западного Тянь-Шаня как возможных биоиндикаторов состояния экосистемы//Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня: охрана и рац. использ. Ташкент, 2002. С. 158-170. **Митропольский О.В.** Биоразнообразие Западного Тянь-Шаня. Материалы к изучению птиц и млекопитающих в бассейнах рек Чирчик и Ахангаран (Узбекистан, Казахстан). Ташкент–Бишкек, 2005. 166 с. **Митропольский О.В.** Черная каменка (*Oenanthe opistoleuca* Strickland,1849) в Южном Казахстане//Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 218-220. **Митропольский О.В.** Вековое потепление климата и изменения ареалов птиц и млекопитающих в Средней Азии//Selevinia, 2008. Алматы, 2009. С. 113-122. **Митропольский О.В.** Летние нахождения обыкновенной горихвостки и зяблика в Западном Тянь-Шане//Selevinia, 2008. Алматы, 2009. С. 259-260. **Митропольский О.В.** Белоножка *Microcichla scouleri* в Западном Тянь-Шане//Исслед. по ключевым орнитологич. террит. в Средней Азии и Казахстане. Выпуск 3. (Ред. Р.Д. Кашкаров). Ташкент, 2010. С. 118-122. **Митропольский О.В., Митропольский М.Г.** Редкие виды горихвосток фауны Узбекистана//Орнитология, вып. 33. М., 2006. С. 181-183. **Митропольский О.В., Митропольский М.Г., Кашкаров О.Р.** Птицы среднего течения реки Ойгаинг и прилежащей части хребта Майдантал (Западный Тянь-Шань)//Труды заповедников Узбекистана. Выпуск 6. Ташкент, 2008. С. 129-140. **Митропольский О.В., Третьяков Г.П., Фоттелер Э.Р.** Материалы к оологической характеристике птиц Западного Тянь-Шаня//Экол. некоторых видов млекопит. и птиц равнин и гор Узбекистана. Ташкент, 1981. С. 69-89.

Мищенко В.П. О встрече черноголовой формы чернозобого дрозда в городе Алматы//Selevinia-2009. Алматы, 2010. С. 44.

Нейфельдт И.А. Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц//Труды ЗИН АН СССР, т. 47. Л., 1970. С. 111-179. **Нейфельдт И.А., Леонович В.В., Малышевский Р.И.** Заметки о птицах окрестностей Большого Алматинского озера (Заилийский Алатау)//Сист., морфол. и биол. птиц. Тр. ЗИН АНСССР, т. 68. Л., 1978. С. 228-267.

Новиков Г.А. Суточная жизнь лесных птиц в Субарктике//Зоол.журнал, 1949, вып.5. С. 461-470. **Новиков Г.А.** Полевые исследования по экологии наземных позвоночных. М., 1953. 502 с.

Ноздрюхин В.В. К вопросу о гнездовании вьюрковых в альпийском поясе южных склонов Алайского хребта (верховье р. Коксу)//Фауна и экол. птиц Узбекистана. Самарканд, 1989. С. 162-168. **Ноздрюхин В.В.** Летний орнитологический комплекс верховьев реки Коксу в Алайском хребте//Экол. аспекты изуч., практич. использ. и охраны птиц горных экосистем. Фрунзе, 1989. С. 75-77. **Ноздрюхин В.В.** Распространение и некоторые вопросы биологии дроздовых верховьев р. Коксу (ледник Абрамова)//Фауна и экология птиц Узбекистана. Самарканд, 1989. С. 168-177. **Ноздрюхин В.В.** Некоторые редкие и малочисленные птицы Западного Алая//Редкие и малоизуч. птицы Ср. Азии (Мат-лы 3-й республ. орнит. конф.). Бухара, 1990. С. 26-27. **Ноздрюхин В.В.** Залет пустынного ворона в высокогорье Алайского хребта//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 131.

Нукусбеков М.С. Интересные орнитологические встречи в Жуалинской долине, предгорьях Каратау и других местах Южного Казахстана//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 299-300.

Остапенко М.М., Лаханов Ж.Л. Род трясогузки//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 73-82.

Остащенко А.Н. Визуальные наблюдения за передвижением птиц в окрестностях с. Мраморного (Чуйская долина)// Вторая Всес. конф. по миграциям птиц. Алма-Ата, 1978. Ч. 1. С. 150-151. **Остащенко А.Н.** Распределение некоторых гнездящихся и пролетных птиц по посевам злаковых культур в Чуйской долине//Миграции птиц в Азии. Душанбе, 1980. С. 314-417. **Остащенко А.Н.** Миграции грачей, гнездящихся в Чуйской и Сусамырской долинах (по материалам кольцевания)//Миграции птиц в Азии. Вып. 6. Ашхабад, 1981. С. 261-264. **Остащенко А.Н.** Гнездовой комплекс птиц в сооружениях человека в Северной Киргизии// Изуч. птиц СССР, их охрана и использ. (Тез. докл. 9-й Всесоюз. орнит. конф.). Ч. 2. Л., 1986. С. 123-124. **Остащенко А.Н.** Влияние локальных антропогенных факторов на авифауну открытых горных ландшафтов Северной Киргизии//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989.

С. 78. **Остащенко А.Н.** Визуальные наблюдения за осенней миграцией птиц в Сусамырской котловине и в бассейне р. Сары-Джаз//Миграции птиц в Азии. Ашхабад, 1990. С. 105-107. **Остащенко А.Н.** Запасание корма горихвосткой-чернушкой//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 132. **Остащенко А.Н.** К распространению двупятнистого жаворонка в Кыргызстане//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 132-133. **Остащенко А.Н.** Влияние снижения антропогенной нагрузки на птиц в Кыргызстане//Орнитол. исслед. в Сев. Евразии (Тез. XII МОК). Ставрополь, 2006. С. 406-407. **Остащенко А.Н.** Массовая зимовка расписной синицы в высокогорье Внутреннего Тянь-Шаня//Selevinia-2007. Алматы, 2008. С. 176. **Остащенко А.Н.** Предельные высоты зимовки птиц в Центральном и Внутреннем Тянь-Шане//Орнитология в Северной Евразии (мат-лы XIII ВОК). Оренбург, 2010. С. 243. **Остащенко А.Н.** Встречи пеночки-трещотки (*Phylloscopus sibilatrix*) в Северном Кыргызстане//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 4. Алматы, 2017. С. 309. **Остащенко А.Н., Попов Е.А., Яблонкевич М.Л.** Масса тела и жирность воробьиных птиц, пойманных во время осенней миграции на северо-восточном Тянь-Шане//Энергетич. ресурсы птиц, перелет. аридные и горные простр. Ср. Азии и Казахст. Л., 1985. С. 119-128.

Паненко А.Н. О состоянии ресурсов водоплавающих птиц на оз. Иссык-Куль//География ресурсов водопл. птиц в СССР, состояние запасов, пути их воспроизводств и правильного использ. Вып. 2. М., 1965. С. 20-21.

Панов А.В. О зимней встрече номинативного подвида черногорлой завирушки в Алматинской области//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 183. **Панов А.В.** Гнездование черноспинной желтоголовой трясогузки в хребте Жетыжол//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 207.

Панов Е.Н. Гибридизация и этологическая изоляция у птиц. М., 1989. 510 с. **Панов Е.Н.** Сорокопуты (семейство Laniidae) мировой фауны. Экология, поведение, эволюция. Москва: Товарищество научных знаний КМК, 2008. 650 с.

Пекло А.М. Каталог коллекций Зоологического музея ННПМ НАН Украины. Птицы. Вып. 3. Киев, 2002. 312 с

Пестов М.В., Коваленко А.В., Даулетов А.З. Новая находка черной каменки *Oenanthe picata* Blyth, 1847 в Южном Казахстане//Selevinia-2015. Алматы, 2016. С. 224.

Петров О.В. Вертикальное распределение птиц и млекопитающих западного Кунгей Алатау//Тр. Ленингр. О-ва естествоиспытателей, 1950, т. 70, вып. 4. С. 155-193.

Пирхал А.Б., Карабалиева Р.К. Малоизученные птицы в составе орнитофауны Китабского заповедника //Редкие и малоизученные птицы Средней Азии [Мат-лы III республиканской орнитологической конференции. Бухара, октябрь 1990 г.]. Ташкент: «ФАН», 1990. С. 93-94.

Плеске Ф.Д. Птицы. Научные результаты путешествий Н.М. Пржевальского по Центральной Азии. Отдел зоол. СПб., 1894. Т. 2. Вып. 1-3. С. 1-88, 81-160, 1-192.

Позвоночные животные Алма-Аты (ред. А.Ф. Ковшарь). Алма-Ата, 1988. 223 с. [Птицы: с. 51-164].

Позвоночные животные Ферганской долины (ред. Г.С. Султанов). Ташкент: «Фан», 1974. 218 с.

Поливанов В.М. Заметки о птицах Джунгарского Алатау//Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та, 1951, т. 18. Каф. зоол. Вып. 1. С. 125-128.

Попов А.В. Птицы Гиссаро-Каратегина: эколого-географический очерк. Сталинабад, 1959. 183 с.

Попов Е.А., Цопов С.П. Ориентационное поведение некоторых видов птиц осенью на оз. Иссык-Куль//Миграции птиц в Азии. Ашхабад, 1990. С. 169-174.

Портенко Л.А. Обзор форм палеарктических ремезов [*Remiz pendulinus* (L.)] и их таксономическая оценка//Труды ЗИН АН СССР. Т. 18. Л., 1955. С. 459-492. **Портенко Л.А.** Из результатов одной орнитологической разведки в Казахстане//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1961, т. 15. С. 115-131. **Портенко Л.А.** Изменчивость ареалов птиц//Орнитология, вып. 11. М., 1974. С. 143-149. **Портенко Л.А.** Географическая изменчивость темнозобых дроздов (*Turdus ruficollis* Pallas) и ее таксономическая оценка//Филогения и систематика птиц [Труди ЗИН АН СССР, т. 102]. Л., 1981. С. 72-110.

Потапов Р.Л. О биологии горного вьюрка (*Leucosticte arctoa pamirensis* Sev.) на Памире//Зоол. журн. 1963, т. 42, вып. 5. С. 716-726. **Потапов Р.Л.** Об истории орнитофауны хвойных лесов Тянь-Шаня//Зоол. журнал, 1966, т. 45, вып. 7. С. 1067-1073. **Потапов Р.Л.** Особенности гнездования птиц на Памирском нагорье//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1966, т. 71, вып. 6. С. 31-41. **Потапов Р.Л.** Птицы Памира//Труды ЗИН АН СССР, т. 39. Л., 1966. С. 3-119.

Пржевальский Н.М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор//Изв. Рус. Геогр. об-ва, 1878. 13 (5): 195-329. Второе издание: М., 1947. 156 с. **Пржевальский Н.М.** От Кульджи через Тянь-Шань на Лобнор и по Джунгарии до Гучена//Изв. ВГО, 1940, т. 72, вып. 4/5. С. 505-606. **Пржевальский Н.М.** Дневник второго путешествия Н.М. Пржевальского в Центральную Азию//Изв. ВГО, 1940, т. 72, вып. 4/5. С. 501-606. **Пржевальский Н.М.** Дневник последнего путешествия Н.М. Пржевальского в 1888 г.//Изв. ВГО, 1940, т. 72, вып. 4/5. С. 630-640. **Пржевальский Н.М.** От Кяхты на истоки Желтой реки: исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. М., 1948. 365 с.

Промптов А.Н. Изучение суточной активности птиц в гнездовой период//Зоол. журнал, 1940, вып. 1. С. 143-159.

Птушенко Е.С. Семейство славковые (часть: пеночки, камышевки, сверчки, пересмешки) //Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 146-329.

Пфандер П.В., Шмыгалев И.С. О гнездовании ополовника (*Aegithalos caudatus*) в Заилийском Алатау//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 227-228.

Пфеффер Р.Г. К экологии синиц на зимовках в Заилийском Алатау//Вторая Всес. конф. по миграциям птиц. Алма-Ата, 1978. Ч. 1. С. 54-56. **Пфеффер Р.Г.** Численность и размещение воробьиных птиц в нижней части пояса хвойного леса Заилийского Алатау (Тянь-Шань)//Биология птиц в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С. 137-143. **Пфеффер Р.Г.** Судьба гнезд воробьиных птиц лесного пояса Заилийского Алатау//Тез. конф. «Экол. гнездов. птиц и методы ее изучения». Самарканд, 1979. С. 173. **Пфеффер Р.Г**. Наши друзья животные Алма Ата, 1984. 172 с.

Рахилин В.К. Опыт изучения биологии птиц с применением индивидуального мечения//Миграции животных. Вып. 2. М., 1960. С. 185-196.

Редькин Я.А. Туркестанский нагорный полевой жаворонок: систематическое положение и номенклатура//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, Вып. 1. Алма-Ата, 2012. С. 48-50.

Родионов Э.Ф. Биология крапивника в Заилийском Алатау//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 50-57. **Родионов Э.Ф.** О гнездовом паразитизме обыкновенной кукушки в Заилийском Алатау//Орнитология в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 537-539. **Родионов Э.Ф.** Семейство крапивниковые//Птицы Казахстана, том 3. Алма-Ата, 1970. С. 416-423. **Родионов Э.Ф., Гаврилов Э.И.** Орнитологические находки на юго-востоке Казахстана//Фауна и биол. птиц Казахстана. Алматы, 1993. С. 193-194.

Рустамов А.К. Семейство вороновые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 13-103. **Рустамов А.К.** Семейство славковые (часть: рыжая и вертлявая славки)//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 388-398.

Рябицев В.К., Абдулназаров А.Г., Белялов О.В., Березовиков Н.Н., Ковшарь А.Ф., Ковшарь В.А., Кулагин С.В., Митропольский О.В., Рустамов Э.А. Птицы Средней Азии: Справочник-определитель в двух томах. Москва-Екатеринбург: «Кабинетный учёный», 2019. Том 1, 390 с. Том 2, 398 с.: илл. **Рябицев В.К., Ковылов Н.С., Рябицев А.В.** К фауне птиц Курайской степи и её окрестностей (Юго-Восточный Алтай)//Русский орнитологический журнал 2012. Т. 21. Экспресс-выпуск № 810. С. 2669-2693. [о смещении ареала краснозобого дрозда]

Сагитов А.К. Материалы по биологии чернолобого сорокопута – *Lanius minor* Gmelin//Труды Узб. ун-та, вып. 88. Самарканд, 1959. С. 65-72. **Сагитов А.К.** К биологии размножения горной славки-завирушки в бассейне Зеравшана//Орнитология, вып. 3. М.: МГУ, 1960. С. 346-350. **Сагитов А.К.** Семейства сорокопутовые, иволговые//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 83-107. **Сагитов А.К., Бакаев С.Б.** Экология гнездования массовых видов птиц юго-западного Узбекистана. Ташкент, 1980. 136 с.

Сатаева З. Смена сезонных аспектов авифауны по Ташкенту и его окрестностям//Тр. Среднеаз. гос. ун-та, VIII-а, зоол. Ташкент, 1937, вып. 29. С. 1-74. **Сатаева З.Л., Гнедовская Л.** К биологии индийской майны (па наблюдениям в неволе)//Труды Узбекистанского зоол. сада, том 2. Ташкент, 1950. С. 44-50.

Свенссон Ларс. Находки маргеланской славки-завирушки в Казахстане//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 186. **Свенссон Ларс.** О находке большеклювой камышевки *Acrocephalus orinus* на территории Казахстана//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 225-226.

Северцов Н.А. Об исследованиях магистра Северцова в Туркестанской области в течение 1866 г.//Известия Русского Географического об-ва, т.II, отд. II, 1866. С. 203-205. **Северцов Н.А.** Поездка в западную часть Небесного хребта (Тянь-Шань), или Цун-Линь древних китайцев от западных пределов Заилийского края до Ташкента//Зап. РГО, 1867, т. 1. С.75-164. **Северцов Н.А.** Отчет о работе 1865-1866 гг. в горах Каратау//Зап. РГО, 1867, т. 1. **Северцов Н.А.** Поездка на верховья Нарына. Из журнала годового собрания Русского Географического о-ва 17 января 1868 г. Сообщение о поездке на верховья Нарына и на реку Аксай//Изв. Русского Геогр. об-ва, СПб, 1868, т. 4, № 1. С. 1. **Северцов Н.А.** О поездке на верхний Нарын, Атбашу и Аксай для исследования Тяньшанского нагорья между Иссык-Кулем и Китайским Туркестаном//Изв. Русского Геогр. об-ва. СПб., 1869, т. 5. С. 47-53. **Северцов Н.А.** Нагорье к югу от Иссык-Куля и общие результаты исследований//Изв. Русского Геогр. об-ва СПб., 1869, т. 5. С. 61-63. **Северцов Н.А.** О возвратном пути с Аксая на Нарын и через Кара-гаджур и Буамское ущелье в Токмак//Изв. Русского Геогр. об-ва. СПб., 1869, т. 5. С. 93-103. **Северцов Н.А.** Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению РГО доктором зоологии, членом РГО и других обществ Н. Северцовым. СПб., 1873; 2-е издание: М., 1947, 304 с. **Северцов Н.А.** Вертикальное и горизонтальное распространение Туркестанских животных//Изв. о-ва любителей естествозн., антропологии и этнографии, 1873, т. 8. Вып. 2. Второе издание: М., 1953, 270 с. **Северцов Н.А**. Природа и животные Тянь-Шаня//Природа, кн. 1, 1874. С. 1-48.**Северцов Н.А.** О зоологических, преимущественно орнитологических, областях внетропических

частей нашего материка//Изв. РГО, 1877, т. 13, вып. 3. С. 125-155. **Северцов Н.А.** Новые виды туркестанских птиц//Зап. Туркест. отдела Импер. о-ва любителей естествозн., антропологии и этнографии, т. 1, вып. 1. СПб, 1879. С. 45-57. **Северцов Н.А.** Об орографическом образовании Высокой Азии и его значении для распространения животных//Речи и протоколы 4 съезда русских естествоиспыт. и врачей, 1880. С. 94-118.

Северцов С.А. Поездка в заповедник Аксу-Джабаглы//Землеведение, 1929, том 31, вып. 2/3. С. 163-186.

Селевин В.А. Фаунистические материалы//Результаты Бетпак-Далинской экспедиции Среднеазиатского гос. университета [Труды САГУ, серия VIII-а. Зоология. Выпуск 21.]. Ташкент: САГУ, 1935. С. 3-23.

Сема А.М. Предварительные результаты акустического отпугивания скворцов на виноградниках//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1968, т. 29. С. 216-218. **Сема А.М.** О количестве кладок у туркестанского скворца//Орнитология в СССР. Кн. 2. Ашхабад, 1969. С. 574-576. **Сема А.М.** О расселении майны в Казахстане//Мат-лы 2-ой научн. конф. молодых ученых АН КазССР. Алма-Ата, 1970. С. 376. **Сема А.М.** Биология обыкновенного скворца на юго-востоке Казахстана и снижение его вредоносности на виноградниках. Автореферат канд. дис. Алма-Ата, 1975. 25 с. **Сема А.М.** Вредоносная деятельность скворцов на виноградниках юго-востока Казахстана и анализ результатов их акустического отпугивания//Орнитология, вып. 12. М., 1976. С. 160-165. **Сема А.М.** Биология обыкновенного скворца на юго-востоке Казахстана//Биология птиц в Казахстане. Алма-Ата, 1978. С. 42-57. **Сема А.М.** Сбор птиц, разбившихся ночью о высокие мачты//Вторая Всес. конф. по миграциям птиц. Алма-Ата, 1978. Ч. 1. С. 61-62. **Сема А.М.** Миграции и некоторые черты биологии обыкновенного скворца в Казахстане (по данным кольцев.)//Миграции птиц в Азии. Душанбе, 1980. С. 248-253. **Сема А.М., Гаврилов А.Э., Гаврилов Э.И., Соколов Л.В.** Многолетний мониторинг весенней миграции птиц на перевале Чокпак и изменение климата//Selevinia-2008. Алматы, 2009. С. 223-228.

Семенов П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1956-1957 годах. 1867 (1946 переизд.).

Серебренников М.К. Розовый скворец (*Pastor roseus* L.), его образ жизни и экономическое значение в Узбекистане// Труды Узб. опытной станции защиты растений. № 18, Ташкент, 1930. 55 с.

Симкин Г.Н. О биологическом значении пения птиц//Вестник МГУ. Биол., почвовед. М., 1972а. № 1. С. 34-43. **Симкин Г.Н.** Акустические отношения у птиц//Орнитология, вып. 10. М., 1972б. С.111-122.

Скалон Н.Н., Скалон И.А. Гнездование белошапочной овсянки в горах Тянь-Шаня//Тр. Алматин. заповедн., вып. 9. Алма-Ата, 1970. С. 135-137.

Скляренко С.Л. К биологии райской мухоловки на юге Чимкентской области//Редкие птицы и звери Казахстана. Алма-Ата, 1991. С. 247-249. **Скляренко С.Л.** Враги и конкуренты птиц в искусственных гнездовьях в горных лесах Казахстана//Изв. НАН РК, сер. биол. 1995, N 3 (189). С. 26-31. **Скляренко С.Л.** Наблюдения в Семиречье с голландскими туристами//КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 149-151. **Скляренко С.Л.** Наблюдения в Семиречье с голландской группой//КОБ-2006. Алматы, 2007. С. 127-129. **Скляренко С.Л.** Наблюдения птиц в Семиречье и Кургальджино с американской группой в мае 2008 г.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 141-144. **Скляренко С.Л., Ковшарь А.Ф.** Биология тянь-шаньской московки//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1992, т. 97, вып. 1. С. 43-52. **Скляренко С.Л., Ковшарь В.А., Лопатин В.В.** Некоторые черты урбанизации птиц в Алма-Ате. 3.3.2. Большая синица//Позвоночные животные Алма-Аты. Алма-Ата, 1988. С. 132-140. **Скляренко С.Л., Лопатин В.В.** Формирование контактной зоны между большой и бухарской синицами в Семиречье//Вестник зоологии, 1989, № 6. С. 59-63.

Слудский А.А. К орнитофауне юго-востока Казахстана//Труды Ин-та зоол. АН КазССР, том 2. Алма-Ата, 1953. С. 173-179.

Смогоржевский Л.А., Смогоржевская Л.И. Оологическая коллекция зоологического музея Киевского госуд. Университета. Препринт Ин-та зоол. АН УССР, 89/9. Киев, 1989. 46 с.

Спангенберг Е.П. Некоторые добавления к фауне птиц оз. Сары-Чилек (горная Фергана)//Сборник трудов Зоомузея МГУ, том 4. М., 1937. С. 51-58. **Спангенберг Е.П.** Птицы нижней Сыр-Дарьи и прилежащих районов// Сб. тр. Зоол. музея Моск. ун-та. М., 1941, т. 6. С. 77-140. **Спангенберг Е.П**. Семейство скворцовые// Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 109-141. **Спангенберг Е.П.** Свиристели, райские мухоловки//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 61-69, 118-125. **Спангенберг Е.П.** О перелётах саксаульного воробья//Миграции животных, выпуск 1. М.,1959. С. 147-148. **Спангенберг Е.П., Степанян Л.С.** Материалы по зимовкам птиц в некоторых южных районах СССР//Уч. зап. Орехово-Зуевск. пед. ин-та, 1958, т. 11. С. 167-174. **Спангенберг Е.П., Судиловская А.М.** Семейство овсянковые// Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 376-510. **Спангенберг Е.П., Судиловская А.М.** Материалы по биологии и вертикальному размещению птиц в Киргизском Алатау//Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Крупской, 1959, т. 71. Тр. каф. зоол. Вып.4. С. 142-150. **Спангенберг Е.П., Фейгин Г.А.** Птицы нижней Сыр-Дарьи и прилегающих районов//Сб. тр. Зоомузея Моск. ун-та. М., 1936, т. 3. С. 41-184.

Средняя Азия (колл. монография под ред. Э.М. Мурзаева. М., 1958.

Степанян Л.С. К биологии гнездования расписной синички//Зоол. журн., 1956, т. 35, вып. 3. С. 470-471. **Степанян Л.С.** К биологии размножения арчового дубоноса//Зоол. журн., 1956, т. 35, вып. 10. С. 1587-1588.

Степанян Л.С. К вопросу о происхождении некоторых элементов высокогорной авифауны Туркестана// Пробл. зоогеогр. суши. Львов, 1958. С. 247-250. **Степанян Л.С.** Материалы по авифауне сыртов Центрального Тянь-Шаня//Уч. зап. Орехово-Зуевск. пед. ин-та, 1958, т. 11. С. 175-182. **Степанян Л.С.** Новые данные по распространению некоторых птиц в Тянь-Шане//Бюлл. МОИП. Нов. серия, отд. биол., 1958, т. 63, вып. 4. С. 133-135. **Степанян Л.С.** Некоторые особенности размножения птиц в высокогорье Тянь-Шаня//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1959, т. 64, вып. 2. С. 126-129. **Степанян Л.С.** К биологии индийской пеночки//Зоол. журн., 1959, т. 38, вып. 7. С. 1106-1108. **Степанян Л.С.** Птицы Терской Алатау (Тянь-Шань)//Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та им Н.К. Крупской. Том 71. , труды каф. зоол., вып. 4. М., 1959. С. 24-141. **Степанян Л.С.** Размещение авифаунистических комплексов в Центральном Тянь-Шане//Орнитология. Вып. 3. М., 1960. С. 366-376. **Степанян Л.С.** К биологии горихвосток Тянь-Шаня//Труды проблемных и тематических совещаний ЗИН АН СССР. Л., 1960. С. 276. **Степанян Л.С.** К биологии красноспинной горихвостки (*Phoenicurus erythronotus* Eversm.) в Центральном Тянь-Шане//Зоол. журн., 1960, т. 39, вып. 6. С. 940-942. **Степанян Л.С.** Снижение численности некоторых видов птиц в Иссык-Кульской котловине//Охрана природы и озеленение. М., 1960, вып. 2. С. 42-46. **Степанян Л.С**. Зоогеографическая оценка пустынного элемента фауны западной части котловины озера Иссык-Куль//Науч. докл. высшей школы. Биол. науки, 1961, № 1. С. 44-49: карт. **Степанян Л.С.** Наблюдения над бурой оляпкой в Центральном Тянь-Шане//Орнитология, вып. 5. М., 1962. С. 243-248. **Степанян Л.С.** Весенние наблюдения над некоторыми птицами в Тянь-Шане//Миграции животных, 1962, вып. 3. С. 142-144. **Степанян Л.С.** О номенклатуре памиро-тяньшаньских арчевых дубоносов (*Mycerobas carnipes* Hodgson)//Сб. тр. Зоол. музея МГУ, 1964, т. 9. С. 225-227. **Степанян Л.С.** Фрагменты истории горной авифауны Палеарктики//Науч. докл. высшей школы. Биол. науки, 1964, № 1. С. 31-36. **Степанян Л.С.** Нахождение *Carpodacus rubicills diabolica* в СССР//Орнитология, вып.7. М., 1965. С. 437-439. **Степанян Л.С.** Виды-двойники и некоторые вопросы их изучения на орнитологическом материале//Журн. общей биологии, 1966, т. 27, № 2. С. 233-243. **Степанян Л.С.** Новые данные по авифауне Тянь-Шаня//Орнитология, вып. 8. М., 1967. С 387-389. **Степанян Л.С.** Горно-пустынная авифаунистическая группировка Передней Азии и ее орнитогеографическая оценка//Орнитология, вып. 8. М., 1967. С. 123-132. **Степанян Л.С.** Крапивники (*Troglodytes troglodytes* L.) Средней Азии//Науч. докл. высшей школы. Биол. науки, 1969, № 12 (72). С. 14-19. **Степанян Л.С.** Гипсоморфный эффект размножения птиц//Журн. общей биол., 1970, т. 31, № 5. С. 609-614. **Степанян Л.С**. Распространение тонкоклювого жаворонка (*Calandrella acutirostris*) в Средней Азии//Зоол. журн. 1971, т. 50, вып. 3. С. 447-448. **Степанян Л.С.** О систематическом положении желтогрудой лазоревки [*Parus flavipectus* Severtzov (Paridae, Aves)]//Науч. докл. высшей школы. Биол. науки. 1972, № 2. С. 11-16. **Степанян Л.С.** О зимней авифауне Восточного Памира//Орнитология, вып. 11. М., 1974. С. 417. **Степанян Л.С.** Состав и распределение птиц фауны СССР. [1] Неворобьиные. Non-Passeriformes. М., 1975. 370 с. [2] Воробьинообразные. Passeriformes. М., 1978. 390 с. **Степанян Л.С.** Явление морфизма у обыкновенной оляпки (*Cinclus cinclus*) и его таксономическая оценка//Зоол. журн. 1977, т. 56, вып. 12. С. 1834-1838. **Степанян Л.С.** Конспект орнитологической фауны СССР. М., 1990. 726 с. **Степанян Л.С.** Замечания о таксономическом составе рода *Myophonus* (Aves, Muscicapidae)//Зоол. журн. 1996, т. 75, вып. 12. С. 1815-1827. **Степанян Л.С.** Таксономическое положение красного вьюрка *Pyrrhospiza punicea* (Fringillidae, Aves) Памиро-Тяньшаньской горной страны//Зоол. журн. 1998, т. 77, вып. 9. С. 1026-1031. **Степанян Л.С.** Конспект орнитологической фауны России и сопредельных территорий (в границах СССР как исторической области). М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. 808 с. **Степанян Л.С., Гусев О.К.** Замечания о систематике горных коньков из области Байкала//Уч. записки МГПИ им. Ленина. № 186. М., 1962. С. 91-94.

Стогов И.И. Орнитологические наблюдения в Текесской долине и на северном склоне Терской Алатау в 1947-1953 гг.//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 271-276.

Судиловская А.М. О соотношении экотипов и географических рас *Leptopoecile sophiae* Sev.//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1935, т. 44, вып. 5. С. 253-261. **Судиловская А.М.** О распространении и систематических особенностях некоторых птиц Восточного Туркестана //Изв. АН СССР. Сер. биол., 1938, № 1. С. 117-127. **Судиловская А.М.** Семейство ткачиковые//Птицы Советского Союза, том 5. М.: Сов. наука, 1954. С. 306-373. **Судиловская А.М.** Семейства: корольковые, крапивниковые, оляпковые//Птицы Советского Союза, том 6. М.: Сов. наука, 1954. С. 126-141, 660-685. **Судиловская А.М.** Зимняя авифауна Таримского бассейна и окружающих его горных хребтов//Орнитология, вып. 9. М., 1968. С. 289-294. **Судиловская А.М** Птицы пустыни Такла-Макан и окружающих ее гор//Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. Ленина. 1970, № 394. С. 224-229. **Судиловская А.М.** О пролете птиц через пустыню Такла-Макан//Проблемы освоения пустынь. 1970, № 5. С. 61-68. **Судиловская А.М.** Дополнения к списку типов орнитологического собрания Зоологического музея Московского университета//Орнитология, вып. 10. М., 1972. С. 320-323. **Судиловская А.М.** Птицы Таримского бассейна и окружающих его гор//Исслед. по фауне Сов. Союза. Тр. Зоомуз. МГУ, т. 14. М., 1973. С. 50-154.

Тараненко Л.И. Весенние встречи свиристеля в Западном Тянь-Шане//Орнитология. Вып. 9. М., 1968. С. 376-377.
Тараненко Л.И. Новые материалы по экологии райской мухоловки//Орнитология, вып. 11. М., 1974. С. 268-273.
Тарасов П.П. Об элементах пустынной фауны в Центральном Тянь-Шане//Пробл. зоогеогр. суши. Львов, 1958. С. 275-278.
Тен А.Г., Грицына М.А., Нуриджанов Д.А., Абдураупов Т.В., Солдатов В.А. Орнитофауна верхней части бассейна реки Пскем//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 51-76. **Тен А.Г., Кашкаров Д.Ю.** Опыт управления массовыми ночевками майны и вороновых в Ташкенте// Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 157-161.
Торопова В.И. Массовые концентрации пролётных и зимующих птиц в Северной Киргизии//Вторая Всес. конф. по миграциям птиц. Алма-Ата, 1978. Ч. 1. С. 167-168. **Торопова В.И.** Распределение и численность вороновых птиц на зимовках в Киргизии//Миграции птиц в Азии. Вып. 6. Ашхабад, 1981. С. 265-269. **Торопова В.И.** Редкие и исчезающие птицы Чуйской долины (Северная Киргизия)//Редкие и малоизученные птицы Средней Азии (Бухара, 1990). Ташкент, 1990. С. 29-30. **Торопова В.И.** Оологическая коллекция Г.В. Вердина//Selevinia, 1996/1997. Алматы, 1999. С. 217-224. **Торопова В.И.** Дополнения к списку редких и исчезающих видов птиц Кыргызстана (Красная книга, второе издание)//Орнитол. исслед. в Сев. Евразии (Тез. XII МОК). Ставрополь, 2006. С. 521-522. **Торопова В.И., Гаврилов А.Э.** К вопросу о стратегии миграции *Passer hispaniolensis* и *P. indicus*//Орнитология в Северной Евразии (мат-лы XIII конференции). Оренбург, 2010. С. 306. **Торопова В.И., Еремченко В.К.** Дополнение к списку гнездящихся птиц Чуйской долины//Миграции птиц в Азии. Новосибирск, 1977. С. 222. **Торопова В.И., Еремченко В.К.** Миграции птиц в урочище Кар-Кара (Киргизия)//Миграции птиц в Азии. Душанбе, 1980. С. 119-124. **Торопова В.И., Командиров А.В.** Птицы города Бишкек (состав и характер пребывания)//Selevinia, 1995, т. 3. № 1. С. 19-26. **Торопова В.И., Кулагин С.В.** Третий систематический список птиц Кыргызстана//Selevinia-2006. Алматы, 2007. С. 44-54. **Торопова В.И., Торопов С.В.** О встречах певчей славки, соловья-белошейки и земляного дрозда в новых районах Кыргызстана//Selevinia-2004. Алматы, 2005. С. 239. **Торопова В.И., Федянина Т.Ф.** Некоторые особенности миграции врановых в Северной Киргизии//Пробл. геогр. Киргизии. Фрунзе, 1975. С. 150-151. **Торопова В.И., Шукуров Э.Д.** Массовые миграции птиц в Северной Киргизии. Бишкек, 1991. 199 с. [Библ.: с. 181-198].
Третьяков Г.П. Материалы по биологии красношапочного вьюрка и обыкновенной чечевицы в высокогорьях Западного Тянь-Шаня//Тез. конф. «Экол. гнездов. птиц и методы ее изучения». Самарканд, 1979. С. 212-213. **Третьяков Г.П.** К биологии размножения снежного вьюрка в Западном Тянь-Шане//Редкие и малоизуч. птицы Узб. и сопред. терр. Ташкент, 1994. С. 45-46. **Третьяков Г.П.** Семейство оляпковые// Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 179-188. **Третьяков Г.П., Фоттелер Э.Р.** Материалы по гнездовой биологии каменки-плясуньи в Западном Тянь-Шане//Экол. охр. и рац. использ. птиц Узбекистана. Ташкент, 1988. С. 59.
Турусбеков А.К. Современное состояние редких и исчезающих птиц Беш-Аральского государственного заповедника//Труды заповедников Кыргызстана. Бишкек, 2005. С. 190-191.
Тюрин П.С. О гнездовании белошапочной овсянки (*Emberiza leucocephalus* Gm.) в Тянь-Шане//Изв. АН КиргССР. Сер. биол. 1959, т. 3, вып. 1. С. 31-35.
Умрихина Г.С. Материалы о воробьях Чуйской долины//Уч. зап. биол-почв. ф-та Кирг. ун-та, вып. 5. Фрунзе, 1955. С. 119-124. **Умрихина Г.С.** К экологии пустынного вьюрка//Орнитология в СССР. [Мат-лы 5-й Всесоюзн. орнитол. конфер. Книга 2]. Ашхабад. 1969. С. 652-654. **Умрихина Г.С.** Птицы Чуйской долины. Фрунзе, 1970. 133 с. **Умрихина Г.С.** Птицы города Фрунзе и его окрестностей//Любите, охраняйте природу Киргизии. Вып. 6. Фрунзе, 1970. С. 64-70. **Умрихина Г.С.** Весенние миграции птиц в Чуйской долине//Мат-лы VI Всесоюз. орнитол. конфер. М., 1974. Ч. 2. С. 107-108. **Умрихина Г.С.** Материалы по осенним миграциям птиц в Чуйской долине (Киргизия)//Миграции птиц в Азии. Душанбе, 1980. С. 125-130. **Умрихина Г.С.** Животный мир Чуйской долины. Фрунзе, 1984. 213 с. [Птицы: с. 25-121]. **Умрихина Г.С.** Грачи в Чуйской долине//Мат-лы 10-й Всес.орнит.конфер. Часть 2. Книга 2. Минск, 1991. С. 258-259. **Умрихина Г.С.** Экология размножения розового скворца в Чуйской долине//Мат-лы 10-й Всес.орнит.конфер. Часть 2. Минск, 1991. С. 259-260. **Умрихина Г.С., Джурабаева Е.Н., Остащенко А.Н.** Миграции и гнездование некоторых птиц в Киргизии//Миграции птиц в Азии. Душанбе, 1980. С. 112-117.
Урманова Т.Г. Каталог орнитологической коллекции музея [Республиканский музей природы]. Ташкент: «Узбекистан», 1982. 48 с.
Федоренко В.А. Об интересных залётах дроздов в Алматинскую область зимой 2012/13 г.//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 2. Алматы, 2013. С. 215-218. **Федоренко В.А.** О гнездовании краснокрылого чечевичника *Rhodopechys sanguinea* Gould, 1838 в горах Каратау//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 175. **Федоренко В.А.** Новый подвид горихвостки-чернушки – *Phoenicurus ochruros murinus* subsp. nov. из Алтайско-Саянской горной страны и актуальный ареал горихвостки-чернушки//Труды Зоологического

института РАН. Том 322, № 2, 2018, с. 108–128. **Федоренко В.А.** К биологии пёстрого дрозда *Zoothera varia* на Тянь-Шане//Рус. орнитол. журнал, 2018, том 27. Экспресс-выпуск 1685. С. 5222-5232. **Федоренко В.А., Пфандер П.В.** О вероятном гнездовании певчего дрозда *Turdus philomelos* на Тянь-Шане//Рус. орнитол. журнал, 2018, том 27. Экспресс-выпуск 1637. С. 3283-3286. **Федоренко В.А., Торопов С.А.** Новые данные по чёрной каменке *Oenanthe picata* Blyth, 1847 в Южном Казахстане//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 163-164.
Федянина Т.Ф. Перелёты некоторых птиц в предгорьях Киргизского хребта//Мат-лы Всесоюз. конф. по миграциям птиц. М., 1975. 2 часть. С. 47-48. **Федянина Т.Ф.** О взаимоотношениях обыкновенной галки и черногрудого воробья в летний период в Чуйской долине//VII-я Всесоюз. орнитол. конфер. Киев, 1977. Ч. 1. С. 331-332. **Федянина Т.Ф.** Распространение, миграции и гнездование каменного воробья в Киргизии//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 99-100. **Федянина Т.Ф., Кумушалиев Б.К.** Перелеты птиц в предгорьях Киргизского хребта//Геогр. растит. и жив. мира Кирг. (Изв. КГО, вып. 14). Фрунзе, 1980. С. 114-120. **Федянина Т.Ф., Торопова В.И., Кумушалиев Б.К., Джапаров А.К.** Наблюдения за миграциями птиц в восточной части Чуйской долины//Миграции птиц в Азии. Алма-Ата, 1976. С. 166-181.
Формозов А.Н. О движении и колебании границ распространения млекопитающих и птиц//География населения наземных животных и методы его изучения. М., 1959. С. 172. **Формозов А.Н., Зимина Р.П.** Животный мир// Средняя Азия. М., 1958. С. 362-472.
Фоттелер Э.Р. Род коньки//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 53-72. **Фоттелер Э.Р., Митропольский О.В., Третьяков Г.П.** Материалы по гнездованию трясогузок в Западном Тянь-Шане// Орнитология. Вып. 19. М., 1984. С. 113-119. **Фоттелер Э.Р., Митропольский О.В., Третьяков Г.П.** Биология размножения рогатого жаворонка (*Eremophilla alpestris* L.) в Западном Тянь-Шане//Фауна и экология птиц Узбекистана. Самарканд, 1989. С. 217-225. **Фоттелер Э.Р., Третьяков Г.П.** Материалы по гнездовой биологии дерябы в Западном Тянь-Шане//Экология, охрана и рациональное использование птиц Узбекистана. Ташкент. 1988. С. 62-65.
Хардер Т. О смешанной паре лазоревок (*Parus cyanus & Parus flavipectus*)//Selevinia-2006, Алматы, 2007. С. 223.
Хахлов В.А. Палеарктические оляпки (*Cinclus*) в связи с промежуточными формами//Изв. Томск.ун-та, 1926, т. 76, вып. 1. С. 6-26. **Хахлов В.А.** Материалы по орнитофауне Эмильской долины и западных предгорий Барлыка//Изв. Томск. ун-та, 1926, т. 76, вып. 1. С. 27-34. **Хахлов В.А.** Зайсанская котловина и Тарбагатай. Зоогеографический очерк. Птицы. Ч. 1. Общая//Изв. Томск. ун-та, 1928, т. 81. С. 1-157. **Хахлов В.А.** К вопросу о переходных формах между обыкновенной (*Emberiza citrinella*) и белошапочной (*Emberiza leucocephalos*) овсянками//Орнитология, вып. 25. М., 1991. С. 214-215.
Хроков В.В., Гаврилов Э.И., Ерохов С.Н., Лопатин В.В., Гаврилов А.Э. Орнитологические находки в низовьях р. Сарысу//Орнитология, 25. М., 1991. С. 176. **Хроков В.В., Ерохов С.Н., Лопатин В.В., Гаврилов Э.И., Гаврилов А.Э., Карпов Ф.Ф.** Орнитологические находки в Алакольской котловине//Фауна и биол. птиц Казахстана. Алматы, 1993. С. 194-196.
Чаликова Е.С. О летнем населении птиц арчовых лесов Таласского Алатау//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе, 1989. С. 103. **Чаликова Е.С.** Динамика численности птиц в арчевых лесах Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань)//Заповедники СССР, их настоящее и будущее. Новгород, 1990. Часть 3. Зоол. исслед. С. 328-330. **Чаликова Е.С.** О проникновении серой синицы в среднегорье Таласского Алатау//Современная орнитология 1991. М., 1992. С. 271-273. **Чаликова Е.С.** Новые находки гнезд серой неясыти и ворона в заповеднике Аксу-Джабаглы//Редкие и малоизученные птицы Узбекистана и сопредельных территорий. Ташкент, 1994а. С. 54-55. **Чаликова Е.С.** Об успешном гнездовании смешанной пары большой (*Parus major*) и бухарской (*Parus bokharensis*) синиц в предгорьях Таласского Алатау// Selevinia-2001, Алматы, 2002. С. 204. **Чаликова Е.С.** Несколько слов о колебании численности некоторых видов птиц Западного Тянь-Шаня//Рус. орнитол. журн. 2003а. 12 (228): 736-744. **Чаликова Е.С.** О находке гнездовой колонии грача в предгорьях Каржантау//КОБ-2003, Алматы, 2004. С. 183. **Чаликова Е.С.** Галка в Таласском Алатау (Западный Тянь-Шань)//Selevinia-2003. Алматы, 2004. С. 222. **Чаликова Е.С.** Некоторые результаты экспедиции на Западный Тянь-Шань в 2003 г.//КОБ-2003. Алматы, 2004. С. 93-97. **Чаликова Е.С.** Интересные встречи птиц в заповеднике Аксу-Джабаглы в 2004 г.//КОБ-2004. Алматы, 2005. С. 53-55. **Чаликова Е.С.** К орнитофауне хребта Казгурт (Западный Тянь-Шань)//Selevinia-2005. Алматы, 2006. С. 167-168. **Чаликова Е.С.** О характере пребывания зеленой пеночки в Западном Тянь-Шане //КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 209. **Чаликова Е.С.** Орнитологические наблюдения в Таласском Алатау в 2005 г.// КОБ-2005. Алматы, 2006. С. 70-73. **Чаликова Е.С.** Основные причины и последствия пульсаций ареалов птиц в Западном Тянь-Шане//Русский орнитологический журнал. Л., 2006, том 15, экспресс-выпуск 317. С. 399-429. **Чаликова Е.С.** Наблюдения за птицами Таласского Алатау в 2007 г.//КОБ-2007, Алматы, 2008. С. 56-57. **Чаликова Е.С.** Из наблюдений за птицами заповедника Аксу-Джабаглы//КОБ-2008. Алматы,

2009. С. 86-89. **Чаликова Е.С.** Экскурсия в Сайрам-Угамский национальный парк//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 78-82. **Чаликова Е.С.** Наблюдения за птицами в верховьях р. Арысь//КОБ-2008. Алматы, 2009. С. 83-86. **Чаликова Е.С.** Орнитофауна Ирсу-Машатского участка Сайрам-Угамского национального парка// Selevinia-2008. Алматы, 2009. С. 171-176. **Чаликова Е.С.** Весенне-осенние орнитологические наблюдения по Каратау (Западный Тянь-Шань)//Наземные позвоночные животные аридных экосистем. Ташкент, 2012. С. 317-321. **Чаликова Е.С.** Изменение характера и сроков пребывания птиц в Таласском Алатау в начале XXI века)//Selevinia-2011. Алматы, 2012. С. 214-217. **Чаликова Е.С.** Встреча синей птицы (*Myophonus caeruleus*) на р. Сырдарья//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 2. Алматы, 2013. С. 229. **Чаликова Е.С.** Зимовка розовой (*Carpodacus grandis*) и большой (*Carpodacus rubicilla*) чечевиц в предгорьях Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань)//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии. Вып. 3. Алматы, 2014. С. 212-214. **Чаликова Е.С.** Свиристель в Западном Тянь-Шане//XIV орнит. конфер. Сев. Евразии. 1. Тезисы. Алматы, 2015. С. 522. **Чаликова Е.С.** Дополнения к списку птиц заповедника Аксу-Джабаглы// Selevinia-2015. Том 23. Алматы, 2016. С. 206-209. **Чаликова Е.С.** Встреча чёрного чекана в городе Чимкент (Южный Казахстан)//Selevinia-2016. Алматы, 2017. С. 176. **Чаликова Е.С.** Очередная зимовка большой чечевицы в предгорьях Таласского Алатау//Орнитол. вестник Казахстана и Средней Азии, вып. 4. Алматы, 2017. С. 313. **Чаликова Е.С.** Райская мухоловка, черный чекан и красношапочный вьюрок в г. Чимкенте// Selevinia-2017. Том 25. Алматы, 2018. С. 144. **Чаликова Е.С., Колбинцев В.Г.** К орнитофауне Каратау и Боролдайтау//Selevinia-2005. Алматы, 2006. С. 110-116. **Чаликова Е.С., Скляренко С.Л.** Желтогрудая лазоревка в Таласском Алатау//Selevinia-2002, № 1-4. Алматы, 2003. С. 233-239.

Чельцов-Бебутов А.М. Об ареале в орнитогеографии//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1956, т. 61, вып. 2. С. 41-44. **Чельцов-Бебутов А.М.** О пульсации ареалов некоторых видов птиц в районе Тургайской ложбины в связи с колебаниями уровня озер//Мат-лы к совещ. по вопросам зоогеогр. суши. Львов, 1957. С. 160-161. **Чельцов-Бебутов А.М.** О пульсации ареалов некоторых видов птиц в районе Тургайской меридиональной депрессии//Пробл. зоогеогр. суши. Львов, 1958. С.325-334.

Чернавин В.В. Отчет о поездке в Западный Тянь-Шань летом 1913 г.//Ежегодн. зоол. музея АН, 1915, т. 19.

Шална А.А. Зимняя подкормка хищных птиц в Иссык-Кульской котловине//Охрана хищных птиц М., 1983. С. 32-34.

Шапошников Л.В. О фауне и сообществах птиц Каратау (Орнитологические результаты поездок летом 1926 и 1927 гг. в горы Каратау)//Бюлл. МОИП, отд. биол. 1931, т. 40, вып. 3/4. С. 237-284; 1932, т. 41, вып. 3/4. С. 406-411.

Шарипов М. Материалы по экологии бухарской синицы (*Parus major bokharensis* Licht.) в городах Ферганской долины//Орнитология, вып. 18. М., 1983. С. 207.

Шевченко В.В. Птицы государственного заповедника Аксу-Джабаглы//Тр. заповедн. Аксу-Джабаглы, 1948, вып. 1. С. 36-70. **Шевченко В.В.** Суровая зима 1944/1945 г. и ее влияние на птиц предгорий Таласского Алатау// Охрана природы. М., 1948 (1949), сб. 6. С. 36-41. **Шевченко В.В.** Массовая гибель степных жаворонков (*Melanocorypha calandra*) в предгорьях Таласского Алатау (Западный Тянь-Шань)//Зоол. журнал, 1949, т. 28, вып. 6. С. 575-576.

Шерназаров Э. К биологии размножения розового скворца в Узбекистане//Тез. конф. «Экол. гнездов. птиц и методы ее изучения». Самарканд, 1979. С. 234. **Шерназаров Э.** Экология и хозяйственное значение семейства скворцовых в Узбекистане. Автореф. канд. дис. М., 1981. 16 с. **Шерназаров Э.** Семейство скворцовые//Птицы Узбекистана, том 3. Ташкент: Фан, 1995. С. 108-122. **Шерназаров Э.Ш., Лановенко Е.Н., Филатов А.К., Тен А.Г.** Изменение состояния коллективных ночевок майны (*Acridotheres tristis* L.) в условиях постоянного роста ее численности в Узбекистане//Selevinia-2007. Алматы, 2008. С. 151-154.

Шестоперов Е.Л. Материалы для орнитологической фауны Илийского края//Бюлл. МОИП, отд. биол., 1929, т. 38, № 1/2. С. 154-204; № 3/4. С. 205-248.

Шнитников В.Н. К вопросу о современном расширении границ ареалов животных//Изв. АН КазССР, 1948, № 51. Сер. зоол., вып. 7. С. 29-33. **Шнитников В.Н.** Птицы Семиречья. М.-Л., 1949. 665 с.

Штегман Б.К. Основные типы авифауны Тянь-Шаня и их генезис//Вестник АН КазССР, 1946, № 7/8 (16/17). **Штегман Б.К.** О дальних миграциях крапивника в области Тянь-Шаня//Труды Алматинского заповедника, вып. 7. Алма-Ата, 1948. С. 151-152. **Штегман Б.К.** О птицах высокогорной зоны Заилийского Алатау//Тр. Ленингр. о-ва естествоиспыт. отд. зоол., 1954, т. 72, № 4. С. 255-275. **Штегман Б.К.** Воробьи в Казахстане и изыскание мер борьбы с ними//Зоол. журн., 1956, т. 35, вып. 8. С. 1203-1213. **Штегман Б.К.** Жизнь в субнивальной зоне//Природа, 1957, № 10. С. 93-95.

Шубенкин В.П. О наличии трех кладок у скотоцерки на Южном Устюрте//Орнитология, вып. 21. М., 1986. С. 173.

Шубенкин В.П. Связь репродуктивного периода вертлявой славки с некоторыми фенологическими явлениями в пустыне//Экология, 1989, № 6. С. 76-77.

Шукуров Э.Д. Эколого-географический анализ авифауны еловых лесов Тянь-Шаня. Диссертация на соискание учёной степени кандидата биологических наук. Фрунзе, 1968 (рукопись). **Шукуров Э.Д.** Птицы еловых лесов Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986. 154 с. **Шукуров Э.Д.** Опыт орнитогеографического районирования Киргизии//Экол. аспекты изуч., практ. использ. и охраны птиц в горных экосист. Фрунзе,1989. С.109-110. **Шукуров Э.Д.** Эколого-географический очерк Иссык-Кульской котловины (обзор данных и комментарий). Фрунзе, 1990. 36 с.: схемы, графики. **Шукуров Э.Д.** Систематический список птиц Кыргызстана//Фауна и экология наземных позвоночных Кыргызстана. Бишкек, 1991. С. 3-22. **Шукуров Э.Д., Кормилицын Ю.Г.** Краткие данные о птицах Ала-Арчинского государственного национального природного парка//Труды заповедников Кыргызстана. Бишкек, 2005. С. 259-276.

Шульпин Л.М. О фаунистических особенностях северо-западного Тянь-Шаня//Докл. АН СССР, 1936. Нов. серия, т. 3 (12), № 9 (104). С. 449-451. **Шульпин Л.М.** Экологический очерк птиц Алма-Атинского государственного заповедника (По наблюдениям в августе-сентябре 1932 г. и в мае 1933 г.)//Тр. Алматин. заповедн., 1939, вып. 1. С. 1-150. **Шульпин Л.М.** Материалы по фауне птиц заповедника Аксу-Джабаглы (Таласский Алатау)//Тр. Ин-та зоол. АН КазССР, 1953, т. 2. С. 53-79; 1956, т. 6. С. 158-193; 1961, т. 15. С. 147-160; Тр. запов. Аксу-Джабаглы, вып. 2, 1965. С. 160-200. **Шульпин Л.М.** (1905-1942). Ландшафтные зоны Аксу-Джабаглинского заповедника и их авифаунистическое население//Труды Аксу-Жабаглинского природного заповедника. Вып. 11. Алматы, 2016. С. 303-413.

Щербак Н.Н., Клименко А.Ф. Расселение майны (*Acridotheres tristis*, Passeriformes, Aves) в западной Киргизии// Сб. трудов Зоол. музея. № 36. Киев, 1976. С. 90.

Ырсалиев Д., Айдаралиев Э. Орнитофауна зоны строительства Камбаратинской ГЭС на реке Нарын//Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конфер. Часть 2, кн. 2. Минск, 1991. С. 310. **Ырсалиев Д., Мельников И.П.** Хищные птицы Кетмень-Тюбинской котловины//Мат-лы 10-й Всесоюзн. орнитол. конфер. Часть 2, кн. 2. Минск, 1991. С. 310.

Юдин Н.М. Майна, или афганский скворец – *Acridotheres tristis.* Его биология и распространение в Средней Азии//Труды Узбекск. зоосада, том II. Ташкент, 1940. **Юдин Н.М.** Расселение майны//Природа, 1955, № 10. С. 107-108.

Яковлев А.П. Современное состояние популяций горного гуся *Anser indicus* в Киргизстане//Казарка, №3, 1997. **Яковлев А.П., Солоха А.В., Ивашова Н.Е.** Экодемографический мониторинг населения зимующих птиц на озере Иссык-Куль//Труды заповедников Кыргызстана. Бишкек, 2005. С. 218-224.

Янушевич А.И., Дементьев Д.П., Яковлева И.Д. Список птиц Киргизии//Учёные записки Кирг. гос. ун-та, вып. 5, зоология. Фрунзе, 1955. С. 82-118. **Янушевич А.И., Яковлева И.Д.** Сезонные явления в жизни птиц Северной Киргизии//Известия АН КиргССР, серия биол. (зоол., ихтиол., энтомология). Том 1, вып. 5. Фрунзе, 1959. **Янушевич А.И., Умрихина Г.С., Федянина Т.Ф., Кыдыралиев А.К. и др.** Миграции птиц в Киргизии //Миграции птиц в Азии. Фрунзе, 1974. С. 6-26 [наиболее интересны результаты кольцевания по видам – *АК*]

Almasy G. Reise nach West-Turkestan und in den zentralen Tian-Schan//Mitteil. D. Kais.-Königl. Georg. Ges., Wien, 1901. Bd. XXXXIV.**Almasy G.** Vorläufiger Bericht ueber eine im Sommer 1900 in das Gouvernement Szemirjetschensk (Russisch Turkestan) unternommene zoologische Expedition//Aquila, 1901, Jg. 8, p. 181-187.

Alstrom P., Mild K. Pipits and Wagtails of Europe. London, 2003. 496 p.

Bamberg O. Nachrichten aus Turkestan//Zeitschr. für Oologie und Ornithologie, Berlin, 15, 1905, 1906. **Bamberg O.** Oologisches aus Asien//Z.Ool., 1905, Jg.14, #10, S.145-147; #11, S. 165-166; # 12, S. 177-181; 1905, Jg. 15, # 1, S. 3. **Bamberg O.** Seltene Abnormitäten aus dem Tien-Schan Gebiet u. a.//Ornith. Rundsch., 1906, Jg. 2, # 8, S. 62-64. **Bamberg O.** Über meine Sammelreisen in Russland und Siberien. I-III//Z. Ool., 1902, Jg. 12, # 8, S. 115-120; # 9, S. 131-136; # 10, S. 148-153.

Bezzel E. Zur Jahresperiodik und Bestandsfluktuation alpiner Fichtenkreuzschnäbel (*Loxia curvirostra*)//Vogelwarte, 1972, 26, 4.

By Gao Xing-yi. A checklist on the classification and distribution of vertebrate species and subspecies in Xinjiang. 2005. P. 332.

Carruthers D. On the birds of the Zerafschan basin in Russian Turkestan//"Ibis", 1909, ser 9, vol. 4, pp. 436-475.

Dolgushin I.A., Gavrilov E.I., Rodionov E.F. The biology of the Whitewinged Grosbeak, *Mycerobas carnipes* Hodgs., in Kazakhstan//Journ. Bombay Nat. Hist., Bombay, 1968, 65, №1. P. 105-119.

Dunajevski A. Uwagi o niekotorych ptakach srodkowo asjatyckich//Acta ornithol. 1937, t. 2, № 6.

Floricke K. Ornithologische Ergebnisse einer Reise durch Transkaukasien, Transcaspien und Bucharei//Ornithol. Jahrbuch, 1897. Bd.VIII.

Gavrilov E.I. A contribution to the biology of the Spanish Sparrow *Passer hispaniolensis transcaspicus*//Ibis, 1962. 104, № 3. P. 416-417. **Gavrilov E.I.** The biology of the Eastern Spanish Sparrow, *Passer hispaniolensis transcaspicus* Tschusi, in Kasakhstan//Journ. Bombay Nat. Hist., Bombay, 1963, 60, № 2. P. 301-317. **Gavrilov E.I.** The biology of the Eastern Spanish Sparrow, *Passer hispaniolensis transcaspicus* Tschusi, in Kasakhstan//Journ. Bombay Nat. Hist., Bombay, 1963, 60, № 2. P. 301-317. **Gavrilov E.I.** On hybridisation of Indian and House Sparrows//Bull. Brit. Ornithol. Club, 1965, № 6, 85. P. 112-114. **Gavrilov E.I., Kovshar A.F.** Breeding biology of the Himalayan Rubythroat, *Erithacus pectoralis* (Gould) in the Tien Shan//J. of the Bombay Nat. Hist. Soc., 1970, 67, 1. P. 14-25. **Gavrilov E.I., Kowschar A.F**. Zur Biologie des Blutfinken//Der Falke, Berlin, 1969, Heft 11. S. 364-369.

Haukioja E. Summer schedule of some subarctic passerine birds with reference to postnuptial moult//Turun yliopiston julk., 1971, A II, 46, 60-69.

Isenmann, P. & **Tyssandier, P**. 1995. Fauvette orphee *Sylvia hortensis.* In Yeatman-Berthelot**,** D. **(**ed.) Novel Atlas des Oiseaux Nicheurs de France 1985-1989: 570-571. Paris**.**

Kasybekov E.Sh. The Birds of eastern part of Issyk-Kul region (Kyrghyzstan, Central Asia). Bishkek, 1993. 75 p.

Kovshar A.F. Polycyclicity and hypsomorphic effect in reproduction of mountain Birds//Acta XVIII Congr, Internat. Orniyhologici. Vol. 1, Moscow, 1985. P. 567-569. **Kovshar A.F**. Polycyclicity of reproduction of song-birds under the subalpine conditions of the Tien Shan//Ornith. studies in the USSR, vol. 1. Moscow, 1982. P. 204-213. **Kovshar A.F., Gavrilov E.I.** On the biology of the Olivaceous Leaf Warbler of the Tien Shan Mountain// Journ. Bombay Nat. Hist. Society. 1976, vol. 71(3). P. 367-375. **Kowschar A.F.** Der Rotflügelige Karminginpel// Der Falke, 1966, Heft 2. S. 48-53. **Kowschar A.F., Zhujko B.P.** Biologische Daten zur Verstadterung der Amsel (*Turdus merula*) in Alma-Ata, Kazakhstan, UdSSR//Mitt. Zool. Mus. Berlin. Bd. 60, 1984. S. 97-105.

Laubmann A. Wissenschaftliche Ergebnisse der Reise von Prof. Dr. G. Merzbacher in Zentralen und östlichen Tian-Schan, 1907-1908. 1. Vögel//Abhandl. Kön. Bayerischen Akad. Wiss. Mat.-phys. Klasse, 26 (3).1913. S. 1-105.

Lönnberg E. Short notes on a collection of birds from Tianschan//Aktiv für Zool. Stockholm, 2 (3). 1905. P. 1-23.

Loudon H. Meine dritte Reise nach Central-Asien und ihre Ornithologische Ausbeute//Journ. Ornith., 1910.

Mac Kinnon J., Phillips K. A field guide to the birds of China. Oxford University Press. 2000. 572 p.

Meinertzhagen R. On the birds of Northern Afghanistan. Part 2//Ibis. 1938. Vol (14) 2, № 4: 671-717.

Miller. Some Voles from Tien-Shan Region. 1906.

Neufeldt I.A. Das Buschhähnchen//Der Falke, 1970, Heft 5. **Neufeldt I.A.** Das Buschhähnchen//Der Falke, 1970. H. 5:148-157. H. 6:194-198. **Neufeldt I.A., Lukina E.W.** Der Meisengimpel//Der Falke, 1966, Jg. 13, H. 4. S. 121-125.

Olier A. De' couverte du vid de *Rhodopechys sanguinea* dans le Mayen-Atlas (Maroc)//Alauda, 1959, XXVII, 3: 205-210.

Paludan K. Of the Birds of Afghanistan. Kopenhawn, 1959. 332 p.

Perrins C.M. The timing of birds breeding seasons//Ibis, 1970, 112, 2, 242-255.

Pleske Th. Ornithologische Notizen aus Ost-Russland//Journ. für Ornith., 1878. **Pleske Th.** Revision der turkestanischen Ornis. Nach Sammlungen des verstorbenen Konservators V. Russov. St.-Petersb., 1888, 58 p. (Mem. Biol., Acad. Sci. St-Petesb. Ser. 7, t. 36, № 3).

Rasmussen P. C. & **Anderton J. C**. Birds of South Asia. The Ripley Guide. V.2: Attributes and Status. Smithsonian Institution and Lynx Edicions, Washington, D.C. and Barselona, 2005. 684 p.

Sarudny N. Kann man den Turkestanischen *Myophonus temminckii* (Vigors) als typische Form ansehen//Ornith. Monatsb. 1909, 17. **Sarudny N.** Uber einen interessanten Pieper aus Turkestan//Ornith. Monatsbericht, 1909. Jg. 17, N3. S. 38-41.

Schalow H. Beiträge zur Vogelfauna Centralasien. II. Übersicht der fon Herrn Dr. Gottfried Merzbacher im centralen Tien-Schan gesammelten Vögel//Jour. f. Ornith., 1908. 56. S. 72-121.

Seebohm H. Catalog of the Birds in the British Museum. London. 1881. Vol. 5. 426 p.

Serebrennikov M.K. Der Rosenstar (*Pastor roseus* L.), seine Lebensweise und ökonomische Bedeutung in Uzbekistan (Turkestan)//J. Ornithol., 1931, Jg.79, H. 1, S. 29-56. 5 Taf.

Severtzoff N.A. Faune des Vertebres du Turquestan. Les Oiseaux. Traduction du russe par Olphe Galliard//Zeitschr. Gesamt. Ornith., 1875. **Severtzoff N.A.** Notices on some Turkestan birds//Stray Feathers, 1875, 3, № 5. **Sewertzow N.** Etudes sur le passage des Oiseaux dans l'Asie Centrale, particulierement par le Ferghana et le Pamir//Bull. Soc. nat. Moscou, 1880, 55. **Sewertzow N.A.** Fauna des vertebres du Turquestan//Zeitschr. Gesamt. Ornith., 1888, Jg.4. **Sewertzow N.A., Menzbier M.A.** Ornithologie du Turkestan et des pays. Adjacents. T. 2. Moskow, 1888-1893.

Shirihai H. The birds of Israel. London, 1996. 692 p. **Shirihai H., Gargallo G., Helbig A.J., Harris A.** & **Cottridge D**. Sylvia Warblers (identification, taxonomy and phylogeny of the genus *Sylvia*). London, 2001. 576 p.

Smallbones G. Eine Beitrag zur Ornis des Tienschan//J. Ornith., 1906, Jg. 54, S.411-428.

Snigirewski S.I. Übersicht der formen *Sylvia curruca*//J. Ornithol., 1929. Jg.77, h.2. S. 252-261.

Snow D.W & **Perrins, C.M.** The Birds of the Western Palearctic. Concise Edition, vol. 2. Oxford. Snow D.W., 1952. Ibis, 1998. 94: 473-498.

Spangenberg E., Dementieff G. Contribution a l'avifaune du Tien-Shan occidental (Monts Alexandrowski)//Alauda, 1935, VII –3.

Stolzmann J. Oiseaux de la Ferghana d'apres les recherches faites par M. Thomas Barey (1892-1895)//Bull. Soc. Nat. Moscou. N.S. 1897 (1898), t. 11, p. 54-81.

Stresemann E., W. Meise und M. Schönwetter. Aves Beickianae//Journ. of Ornithol. 1937. 85, S. 519-524.

Svensson L. Identification Guide to European Passerines. Stockholm, 1992. 368 p.

Swinhoe R. A Revised Catalogue of the Birds of China and its Islands, with Descriptions of new Species, Refrences to former Notes, and occasional Remarks//Proc. Zool. Soc. London, 1871. P. 337-423.

Ticehurst C.B. A systematic reviev of the genus *Phylloscopus*. London, 1938. 193 p.

Vaurie Ch. The birds of the Palearctic fauna. Passeriformes. London, 1959. XII+762 p.

Wassink A., Oreel G.J. The Birds of Kazakhstan. De Cocksdorp, Texel, 2007, 288 p.

Watson G.E. Genus *Phylloscopus*//Check-list of Birds of the World. Cambridge/Mass., 1986. Vol. 11. P. 221-256.

Williamson K. Identification for Ringers. The Genus Phylloscopus//Brit. Trust Orn. Field Guide, 1962. № 8: 88 p.

www.birds.kz

www.kyrgyz.birds.watch

Список сокращений

абс. высота – высота в метрах над уровнем моря

БПИ АН КиргССР – Биолого-почвенный институт Кыргызской Академии наук (Бишкек)

вдхр. – водохранилище

ЗИН РАН – Зоологический Институт Российской Академии наук (Санкт Петербург)

Зоомузей МГУ – Зоологический музей Московского университета (Москва)

ИЗ АН КазССР (ныне ИЗ МОН РК) – академический Институт зоологии, город Алматы

КазССР – до 1991 г. Казахская Советская Социалистическая Республика (сейчас –Казахстан)

КиргССР – до 1991 г. Киргизская Советская Социалистическая Республика (сейчас – Кыргызстан)

КОБ – Казахстанский орнитологический бюллетень (годы издания: 2002-2008, город Алматы)

колл. – коллекция

МОИП – Московское общество испытателей природы (основано в 1805 г.)

обл. – область

ООПТ – особо охраняемая природная территория (заповедник, заказник, нац. парк и т. д.)

публ. – публикация

САГУ – Среднеазиатский (впоследствии Ташкентский) государственный университет

СамГУ – Самаркандский государственный университет (бывший Узбекский госуниверситет)

СОМ – Семиреченский окружной музей, находился в г. Верный (ныне Алматы)

ТаджССР – до 1991 г. Таджикская Советская Социалистическая Республика (сейчас – Таджикистан)

УзбССР – до 1991 г. Узбекская Советская Социалистическая Республика (сейчас – Узбекистан)

NABU – Германское общество охраны природы (Берлин)

Selevinia – Казахстанский зоологический ежегодник (в 1993-2002 гг. – журнал, город Алматы)

Указатель латинских названий птиц

***A**canthis cannabina 981*
Acanthis flammea 988
Acanthis flavirostris 985
Acridotheres tristis 931
Acrocephalus agricola 774
Acrocephalus arundinaceus 784
Acrocephalus dumetorum 776
Acrocephalus melanopogon 773
Acrocephalus orinus 779
Acrocephalus palustris 780
Acrocephalus schoenobaenus 774
Acrocephalus scirpaceus 780
Acrocephalus stentoreus 781
Aegithalos caudatus 839
Alauda arvensis 602
Alauda gulgula 605
Anthus campestris 627
Anthus cervinus 635
Anthus gustavi 635
Anthus hodgsoni 635
Anthus pratensis 630
Anthus richardi 626
Anthus rubescens 636
Anthus spinoletta 638
Anthus trivialis 631

***B**ombycilla garrulus 659*
Bombycilla japonica 661
Bucanetes mongolicus 1002

***C**alandrella acutirostris 589*
Calandrella brachydactyla 586
Calandrella leucophaea 594
Calandrella rufescens 592
Calcarius lapponicus 1067
Carduelis caniceps 978
Carduelis carduelis 976
Carpodacus erythrinus 1010
Carpodacus grandis 1017
Carpodacus puniceus 1021
Carpodacus rhodochlamys 1014
Carpodacus rubicilla 1018
Cecropis daurica 616
Certhia familiaris 876
Certhia himalayana 879
Cettia cetti 765
Chaimarrornis leucocephalus 723
Chloris chloris 971
Cinclus cinclus 662
Cinclus pallasii 664
Coccothraustes coccothraustes 1030
Corvus corax 928
Corvus cornix 924
Corvus dauuricus 916
Corvus frugilegus 917
Corvus monedula 914
Corvus orientalis 920
Corvus ruficollis 926

***D**elichon dasypus 625*
Delichon urbica 621

***E**mberiza bruniceps 1058*
Emberiza buchanani 1055
Emberiza calandra 1036
Emberiza cia 1046
Emberiza cineracea 1054
Emberiza cioides 1051
Emberiza citrinella 1039
Emberiza godlewskii 1050
Emberiza hortulana 1054
Emberiza leucocephalos 1040
Emberiza melanocephala 1062
Emberiza pallasii 1065
Emberiza pusilla 1065
Emberiza rustica 1066
Emberiza schoeniclus 1062
Emberiza stewarti 1043
Enicurus scouleri 756
Eremophila alpestris 596
Erithacus rubecula 728
Erythropygia galactotes 726

***F**icedula albicilla 763*
Fringilla coelebs 964
Fringilla montifringilla 966

***G**alerida cristata 599*
Garrulus glandarius 904
Granativora bruniceps 1058
Granativora melanocephala 1062

***H**erbivocula schwarzi 812*
Hippolais icterina 792
Hippolais languida 790
Hirundo rustica 613

***I**duna [Hippolais] caligata 785*
Iduna [Hippolais] pallida 789
Iduna [Hippolais] rama 787
Irania gutturalis 724

***L**anius collurio 887*
Lanius darwini 892
Lanius excubitor 895
Lanius isabellinus 881
Lanius lathora 897
Lanius minor 892
Lanius phoenicuroides 883
Lanius schach 889
Leptopoecile sophiae 841
Leucosticte brandti 992
Leucosticte nemoricola 989
Locustella certhiola 769
Locustella fluviatilis 768
Locustella lanceolata 772
Locustella luscinioides 768
Locustella naevia 770
Loxia curvirostra 1025
Loxia leucoptera 1028
Luscinia luscinia 732
Luscinia megarhynchos 729
Luscinia pectoralis 733
Luscinia svecica 735
Lusciniola melanopogon 773

***M**elanocorypha bimaculata 580*
Melanocorypha calandra 577
Melanocorypha leucoptera 583
Melanocorypha yeltoniensis 585
Miliaria calandra 1036
Monticola saxatilis 704
Monticola solitarius 706
Montifringilla nivalis 960
Motacilla alba 653
Motacilla calcarata 648
Motacilla cinerea 651
Motacilla citreola 646
Motacilla feldegg 643
Motacilla flava 641
Motacilla lutea 645
Motacilla personata 655
Motacilla werae 646
Muscicapa latirostris 762
Muscicapa ruficauda 762
Muscicapa striata 759
Mycerobas carnipes 1032
Myophonus caeruleus 700

***N**ucifraga caryocatactes 906*

***O**cyris pusillus 1065*
Ocyris rusticus 1066
Ocyris spodocephalus 1065
Oenanthe deserti 750
Oenanthe isabellina 753
Oenanthe oenanthe 743
Oenanthe picata 748
Oenanthe pleschanka 745
Oriolus oriolus 899

***P**anurus biarmicus 837*
Parus ater 854
Parus bokharensis 867
Parus caeruleus 859
Parus cyanus 859
Parus flavipectus 861
Parus major 865
Parus rufonuchalis 857
Parus songarus 852
Passer ammodendri 945
Passer domesticus 946
Passer hispaniolensis 951
Passer indicus 948
Passer montanus 955
Pastor roseus 935
Petronia petronia 957
Phoenicurus caeruleocephala 709
Phoenicurus erythrogastrus 720
Phoenicurus erythronotus 718
Phoenicurus ochruros 714
Phoenicurus phoenicurus 712
Phylloscopus borealis 799
Phylloscopus collybita 793
Phylloscopus fuscatus 811
Phylloscopus griseolus 808
Phylloscopus humei 803
Phylloscopus inornatus 802
Phylloscopus neglectus 797
Phylloscopus occipitalis 802
Phylloscopus proregulus 807
Phylloscopus schwarzi 812
Phylloscopus sibilatrix 798
Phylloscopus sindianus 796
Phylloscopus subviridis 807
Phylloscopus trochiloides 799
Phylloscopus trochilus 792
Pica pica 904
Pinicila enucleator 1025
Plectrophenax nivalis 1067

Prunella atrogularis 681
Prunella collaris 671
Prunella fulvescens 678
Prunella himalayana 674
Prunella modularis 685
Prunella montanella 677
Ptyonoprogne rupestris 618
Pyrrhocorax graculus 911
Pyrrhocorax pyrrhocorax 908
Pyrrhospiza puniceus 1021
Pyrrhula cineracea 1029
Pyrrhula pyrrhula 1028

***R**egulus regulus 834*
Remiz coronatus 849
Remiz macronyx 847
Remiz pendulinus 846
Rhodopechys sanguineus 996
Rhodospiza obsoleta 1007
Rhyacornis fuliginosa 724
Riparia diluta 610
Riparia riparia 609

***S**axicola caprata 741*
Saxicola maurus 739
Saxicola rubetra 738
Schoeniclus pallasii 1065
Schoeniclus schoeniclus 1062
Scotocerca inquieta 764
Serinus pusillus 968
Sitta tephronota 870
Spinus spinus 974
Sturnus vulgaris 940
Sylvia althaea 827
Sylvia borin 813
Sylvia communis 821
Sylvia crassirostris 817
Sylvia curruca 824
Sylvia hortensis 817
Sylvia mystacea 830
Sylvia nana 831
Sylvia nisoria 813

***T**arsiger cyanurus 737*
Terpsiphone paradisi 901
Tichodroma muraria 873
Troglodytes troglodytes 667
Turdus atrogularis 687
Turdus eunomus 689
Turdus iliacus 694
Turdus merula 691
Turdus naumanni 689
Turdus philomelos 695
Turdus pilaris 690
Turdus ruficollis 686
Turdus viscivorus 695

***U**ragus sibiricus 1009*

***Z**oothera varia 699*

Указатель русских названий птиц

Азиатский черноголовый чекан 739
Альпийская галка 911
Альпийская завирушка 671
Амурский свиристель 661
Арчовая чечевица 1014
Арчовый дубонос 1032

Белая трясогузка 653
Белобровик 694
Белокрылый жаворонок 583
Белокрылый клёст 1028
Белоножка 756
Белоусая славка 830
Белошапочная овсянка 1040
Береговушка 609
Бледная береговушка 610
Бледная бормотушка 789
Бледная завирушка 678
Болотная камышевка 780
Большая синица 865
Большая чечевица 1018
Большеклювая камышевка 779
Большой скальный поползень 870
Буланый вьюрок 1007
Буланый жулан 881
Бурая оляпка 664
Бурая пеночка 811
Бурый дрозд 689
Бухарская синица 867

Варакушка 735
Водяная горихвостка 723
Ворон 928
Воронок 621
Восточная малая мухоловка 763
Восточная чёрная ворона 920
Восточный воронок 625

Галка 914
Гималайская завирушка 674
Гималайская пеночка 807
Гималайская пищуха 879
Гималайский вьюрок 989
Гольцовый конёк 636
Горихвостка-лысушка 712
Горихвостка-чернушка 714
Горная коноплянка 985
Горная овсянка 1046
Горная славка 827
Горная теньковка 796
Горная трясогузка 651
Горный конёк 638
Грач 917

Даурская галка 916
Двупятнистый жаворонок 580
Деревенская ласточка 613
Деряба 695
Джунгарская гаичка 852
Длиннохвостый сорокопут 889
Домовый воробей 946
Дроздовидная камышевка 784
Дубонос 1030

Жёлтая трясогузка 641
Желтоголовая трясогузка 646
Желтоголовый королёк 834
Желтогрудый князёк 861
Желтолобая трясогузка 645
Желчная овсянка 1058
Жемчужный вьюрок 992
Жулан 887

Зарянка 728
Зелёная пеночка 799
Зелёная пересмешка 792
Зеленокрылая пеночка 802
Зеленушка 971
Зяблик 964

Иволга 899
Индийская камышевка –774
Индийская пеночка 808
Индийский воробей 948
Индийский жаворонок 605
Иранская пеночка 797
Испанский воробей 951

Каменка 743
Каменка-плешанка 745
Каменка-плясунья 753
Каменный воробей 957
Камышевка-барсучок 774
Камышовая овсянка 1062
Кедровка 906

Клёст-еловик 1025
Клушица 908
Князёк 859
Коноплянка 981
Корольковая пеночка 807
Корольковый вьюрок 968
Крапивник 667
Краснобрюхая горихвостка 720
Краснозобый дрозд 686
Краснозобый конёк 635
Краснокрылый чечевичник 996
Красноспинная горихвостка 718
Красноухая овсянка 1051
Красный вьюрок 1021

Лазоревка 859
Лапландский подорожник 1067
Лесная завирушка 685
Лесной конёк 631
Луговой конёк 630
Луговой чекан 738

Майна 931
Малая желтоголовая трясогузка 646
Малый жаворонок 586
Маскированная трясогузка 655
Монгольский пустынный снегирь 1002
Московка 854

Обыкновенная овсянка 1039
Обыкновенный сверчок –770
Овсянка Годлевского 1050
Овсянка Стюарта 1043
Овсянка-крошка 1065
Овсянка-ремез 1066
Оляпка 662
Ополовник 839

Певчая славка 817
Певчий дрозд 695
Певчий сверчок –769
Пеночка-весничка 792
Пеночка-зарничка 802
Пеночка-таловка 799
Пеночка-теньковка 793
Пеночка-трещотка 798
Пёстрый дрозд 699
Пёстрый каменный дрозд 704
Пищуха 876
Полевой воробей 955
Полевой жаворонок 602
Полевой конёк 627
Полярная овсянка 1065
Просянка 1036
Пуночка 1067
Пустынная каменка 750
Пустынная пересмешка 790
Пустынная славка 831
Пустынный ворон 926
Пустынный сорокопут 897
Пятнистый конёк 635
Пятнистый сверчок 772

Райская мухоловка 901
Расписная синичка 841
Ремез 846
Речной сверчок 768
Рогатый жаворонок 596
Розовая чечевица 1017
Розовый скворец 935
Рыжепоясничная ласточка 616
Рыжехвостая мухоловка 762
Рыжешейная синица 857
Рыжий дрозд 689
Рябинник 690

Садовая камышевка 776
Садовая овсянка 1054
Садовая славка 813
Саксаульный воробей 945
Свиристель 659
Северная бормотушка 785
Седоголовая горихвостка 709
Седоголовая овсянка 1065
Седоголовый щегол 978
Серая ворона 924
Серая мухоловка 759
Серая овсянка 1054
Серая славка 821
Серый жаворонок 592
Серый снегирь 1029
Серый сорокопут 895
Сибирская завирушка 677
Сибирский конёк 635
Сизая горихвостка 724
Синехвостка 737
Синий каменный дрозд 706
Синяя птица 700
Скальная ласточка 618
Скальная овсянка 1055
Скворец 940
Скотоцерка 764
Славка-мельничек 824
Снегирь 1028
Снежный вьюрок 960
Сойка 904
Соловей 732

Соловей-белошейка 724
Соловьиная широкохвостка 765
Соловьиный сверчок 768
Солончаковый жаворонок 594
Сорока 904
Сорокопут Дарвина 892
Стенолаз 873
Степной жаворонок 577
Степной конёк 626

Толстоклювая пеночка 812
Тонкоклювая камышевка 773
Тонкоклювый жаворонок 589
Тростниковая камышевка 780
Тростниковый ремез 847
Тугайный соловей 726
Туркестанская камышевка 781
Туркестанский жулан 883
Тусклая зарничка 803

Урагус 1009
Усатая синица 837

Хохлатый жаворонок 599

Чёрная каменка 748
Черноголовая овсянка 1062
Черноголовая трясогузка 643
Черноголовый ремез 849
Черногорлая завирушка 681
Черногрудая красношейка 733
Чернозобый дрозд 687
Чернолобый сорокопут 892
Черноспинная трясогузка 648
Чёрный дрозд 691
Чёрный жаворонок 585
Чёрный чекан 741
Чечевица 1010
Чечётка 988
Чиж 974

Ширококлювая мухоловка 762

Щегол 976
Щур 1025

Южная бормотушка 787
Южный соловей 729
Юрок 966

Ястребиная славка 813

Оглавление

Семейство **Жаворонковые** – Alaudidae....577
237. Степной жаворонок – *Melanocorypha calandra* (Linnaeus, 1766) 577
238. Двупятнистый жаворонок – *Melanocorypha bimaculata* (Ménétries, 1832).... 580
239. Белокрылый жаворонок – *Melanocorypha leucoptera* (Pallas, 1811).... 583
240. Чёрный жаворонок – *Melanocorypha yeltoniensis* (J.R. Forster, 1768).... 585
241. Малый жаворонок – *Calandrella brachydactyla* (Leisler, 1814).... 586
242. Тонкоклювый жаворонок – *Calandrella acutirostris* Hume, 1873.... 589
243. Серый жаворонок – *Calandrella rufescens* (Vieillot, 1819).... 592
244. Солончаковый жаворонок – *Calandrella leucophaea* Severtzov, 1873.... 594
245. Рогатый жаворонок – *Eremophila alpestris* (Linnaeus, 1758).... 596
246. Хохлатый жаворонок – *Galerida cristata* (Linnaeus, 1758).... 599
247. Полевой жаворонок – *Alauda arvensis* Linnaeus, 1758.... 602
248. Индийский жаворонок – *Alauda gulgula* Franklin, 1831.... 605

Семейство **Ласточковые** – Hirundinidae....609
249. Береговушка – *Riparia riparia* (Linnaeus, 1758).... 609
250. Бледная береговушка – *Riparia diluta* (Sharpe et Wyatt, 1893).... 610
251. Деревенская ласточка – *Hirundo rustica* Linnaeus, 1758.... 613
252. Рыжепоясничная ласточка – *Cecropis daurica* (Laxmann, 1769).... 616
253. Скальная ласточка – *Ptyonoprogne rupestris* (Scopoli, 1769).... 618
254. Воронок – *Delichon urbica* (Linnaeus, 1758).... 621
255. Восточный воронок – *Delichon dasypus* (Bonaparte, 1850) 625

Семейство **Трясогузковые** – Motacillidae....626
256. Степной конёк – *Anthus richardi* Vieillot, 1818.... 626
257. Полевой конёк – *Anthus campestris* (Linnaeus, 1758).... 627
258. Луговой конёк – *Anthus pratensis* (Linnaeus, 1758.... 630
259. Лесной конёк – *Anthus trivialis* (Linnaeus, 1758).... 631
260. Пятнистый конёк – *Anthus hodgsoni* Richmond, 1907.... 635
261. Сибирский конёк – *Anthus gustavi* Swinhoe, 1863.... 635
262. Краснозобый конёк – *Anthus cervinus* (Pallas, 1811).... 635
263. Гольцовый конёк – *Anthus rubescens* (Tunstall, 1771).... 636
264. Горный конёк – *Anthus spinoletta* (Linnaeus, 1758).... 638
265. Жёлтая трясогузка – *Motacilla flava* Linnaeus, 1758.... 641
266. Черноголовая трясогузка – *Motacilla feldegg* Michahelles, 1830.... 643
267. Желтолобая трясогузка – *Motacilla lutea* (S.G. Gmelin, 1774).... 645
268. Желтоголовая трясогузка – *Motacilla citreola* Pallas, 1776.... 646
269. Малая желтоголовая трясогузка – *Motacilla werae* [citreola] (Buturlin, 1907).... 646
270. Черноспинная трясогузка – *Motacilla calcarata* [citreola] Hodgson, 1836.... 648
271. Горная трясогузка – *Motacilla cinerea* Tunstall, 1771.... 651
272. Белая трясогузка – *Motacilla alba* Linnaeus, 1758.... 653
273. Маскированная трясогузка – *Motacilla personata* [alba] Gould, 1861.... 655

Семейство **Свиристелевые** – Bombycilidae....659
274. Свиристель – *Bombycilla garrulus* (Linnaeus, 1758).... 659
275. Амурский свиристель – *Bombycilla japonica* (P.F. Siebold, 1824) 661

Семейство **Оляпковые** – Cinclidae....662
276. Оляпка – *Cinclus cinclus* (Linnaeus, 1758).... 662
277. Бурая оляпка – *Cinclus pallasii* Temminck, 1820.... 664

Семейство **Крапивниковые** – Troglodytidae....667
278. Крапивник – *Troglodytes troglodytes* (Linnaeus, 1758).... 667

Семейство **Завирушковые** – Prunellidae....671
279. Альпийская завирушка – *Prunella collaris* (Scopoli, 1769).... 671
280. Гималайская завирушка – *Prunella himalayana* (Blyth, 1842).... 674
281. Сибирская завирушка – *Prunella montanella* (Pallas, 1776).... 677
282. Бледная завирушка – *Prunella fulvescens* (Severtzov, 1873).... 678
283. Черногорлая завирушка – *Prunella atrogularis* (J.F. Brandt, 1843).... 681
284. Лесная завирушка – *Prunella modularis* (Linnaeus, 1758).... 685

Семейство **Дроздовые** – Turdidae....686
285. Краснозобый дрозд – *Turdus ruficollis* Pallas, 1776.... 686
286. Чернозобый дрозд – *Turdus atrogularis* Jarocki, 1819.... 687
287. Рыжий дрозд – *Turdus naumanni* Temminck, 1820.... 689
288. Бурый дрозд – *Turdus eunomus* [naumanni] Temminck, 1831.... 689
289. Рябинник – *Turdus pilaris* Linnaeus, 1758.... 690
290. Чёрный дрозд – *Turdus merula* Linnaeus, 1758.... 691
291. Белобровик – *Turdus iliacus* Linnaeus, 1758.... 694
292. Певчий дрозд – *Turdus philomelos* C.L. Brehm, 1831.... 695
293. Деряба – *Turdus viscivorus* Linnaeus, 1758.... 695
294. Пёстрый дрозд – *Zoothera varia* (Pallas, 1811).... 699
295. Синяя птица – *Myophonus caeruleus* (Scopoli, 1786).... 700
296. Пёстрый каменный дрозд – *Monticola saxatilis* (Linnaeus, 1766).... 704
297. Синий каменный дрозд – *Monticola solitarius* (Linnaeus, 1758).... 706
298. Седоголовая горихвостка – *Phoenicurus caeruleocephala* (Vigors, 1831).... 709
299. Горихвостка-лысушка – *Phoenicurus phoenicurus* (Linnaeus, 1758).... 712
300. Горихвостка-чернушка – *Phoenicurus ochruros* (S.G. Gmelin, 1774).... 714
301. Красноспинная горихвостка – *Phoenicurus erythronotus* (Eversmann, 1841).... 718
302. Краснобрюхая горихвостка – *Phoenicurus erythrogastrus* (Güldenstädt, 1775).... 720
303. Водяная горихвостка – *Chaimarrornis leucocephalus* (Vigors, 1831).... 723
304. Сизая горихвостка – *Rhyacornis fuliginosa* (Vigors, 1831).... 724
305. Соловей-белошейка – *Irania gutturalis* (Guérin-Méneville, 1843).... 724
306. Тугайный соловей – *Erythropygia galactotes* (Temminck, 1820).... 726
307. Зарянка – *Erithacus rubecula* (Linnaeus, 1758).... 728
308. Южный соловей – *Luscinia megarhynchos* C.L. Brehm, 1831.... 729
309. Соловей – *Luscinia luscinia* (Linnaeus, 1758).... 732
310. Черногрудая красношейка – *Luscinia pectoralis* (Gould, 1837).... 733
311. Варакушка – *Luscinia svecica* (Linnaeus, 1758).... 735
312. Синехвостка – *Tarsiger cyanurus* (Pallas, 1773).... 737
313. Луговой чекан – *Saxicola rubetra* (Linnaeus, 1758).... 738
314. Азиатский черноголовый чекан – *Saxicola maurus* [torquatus] (Pallas, 1773).... 739
315. Чёрный чекан – *Saxicola caprata* (Linnaeus, 1766).... 741
316. Каменка – *Oenanthe oenanthe* (Linnaeus, 1758).... 743
317. Каменка-плешанка – *Oenanthe pleschanka* (Lepechin, 1770).... 745
318. Чёрная каменка – *Oenanthe picata* (Blyth, 1847).... 748
319. Пустынная каменка – *Oenanthe deserti* (Temminck, 1825).... 750
320. Каменка-плясунья – *Oenanthe isabellina* (Temminck, 1829).... 753
321. Белоножка – *Enicurus scouleri* Vigors, 1832.... 756

Семейство **Мухоловковые** – Muscicapidae....759
322. Серая мухоловка – *Muscicapa striata* (Pallas, 1764).... 759
Ширококлювая мухоловка – *Muscicapa latirostris* Raffles, 1822....762
323. Рыжехвостая мухоловка – *Muscicapa ruficauda* Swainson, 1838.... 762
324. Восточная малая мухоловка – *Ficedula albicilla* [parva] (Pallas, 1811).... 763

Семейство **Славковые** – Sylviidae....764
325. Скотоцерка – *Scotocerca inquieta* (Cretzschmar, 1826)....764
326. Соловьиная широкохвостка – *Cettia cetti* (Temminck, 1820)....765
Речной сверчок – *Locustella fluviatilis* (Wolf, 1810)....768
327. Соловьиный сверчок – *Locustella luscinioides* (Savi, 1824)....768
328. Певчий сверчок – *Locustella certhiola* (Pallas, 1811)....769
329. Обыкновенный сверчок – *Locustella naevia* (Boddaert, 1783)....770
330. Пятнистый сверчок – *Locustella lanceolata* (Temminck, 1840)....772
331. Тонкоклювая камышевка – *Acrocephalus* [*Lusciniola*] *melanopogon* (Temminck, 1823).....773
Камышевка-барсучок – *Acrocephalus schoenobaenus* (Linnaeus, 1758)....774
332. Индийская камышевка – *Acrocephalus agricola* (Jerdon, 1845)....774
333. Садовая камышевка – *Acrocephalus dumetorum* Blyth, 1849....776
Большеклювая камышевка – *Acrocephalus orinus* Oberholser, 1905....779
Болотная камышевка – *Acrocephalus palustris* (Bechstein, 1798)....780
334. Тростниковая камышевка – *Acrocephalus scirpaceus* (Hermann, 1804).... 780
335. Туркестанская камышевка – *Acrocephalus stentoreus* (Hemprich et Ehrenberg, 1833)..... 781
336. Дроздовидная камышевка – *Acrocephalus arundinaceus* (Linnaeus, 1758).... 784
337. Северная бормотушка – *Iduna* [*Hippolais*] *caligata* (M.H.C. Lichtenstein, 1823).... 785
338. Южная бормотушка – *Iduna* [*Hippolais*] *rama* (Sykes, 1832).... 787
339. Бледная бормотушка – *Iduna* [*Hippolais*] *pallida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833).... 789
340. Пустынная пересмешка – *Hippolais languida* (Hemprich et Ehrenberg, 1833).... 790
Зелёная пересмешка – *Hippolais icterina* (Vieillot, 1817)....792
341. Пеночка-весничка – *Phylloscopus trochilus* (Linnaeus, 1758).... 792
342. Пеночка-теньковка – *Phylloscopus collybita* (вкл. tristis) (Vieillot, 1817).... 793
343. Горная теньковка – *Phylloscopus sindianus* [collybita] W.E. Brooks, 1880.... 796
344. Иранская пеночка – *Phylloscopus neglectus* Hume, 1870.... 797
345. Пеночка-трещотка – *Phylloscopus sibilatrix* (Bechstein, 1793).... 798
346. Пеночка-таловка – *Phylloscopus borealis* (J.H. Blasius, 1858).... 799
347. Зелёная пеночка – *Phylloscopus trochiloides* (Sundevall, 1837).... 799
Зеленокрылая пеночка – *Phylloscopus occipitalis* (Blyth, 1845)....802
348. Пеночка-зарничка – *Phylloscopus inornatus* (Blyth, 1842).... 802
349. Тусклая зарничка – *Phylloscopus humei* [inornatus] (W.E. Brooks, 1878).... 803
Гималайская пеночка – *Phylloscopus subviridis* (Brooks, 1872)....807
350. Корольковая пеночка – *Phylloscopus proregulus* (Pallas, 1811).... 807
351. Индийская пеночка – *Phylloscopus griseolus* Blyth, 1847.... 808
352. Бурая пеночка – *Phylloscopus fuscatus* (Blyth, 1842).... 811
353. Толстоклювая пеночка – *Phylloscopus* [*Herbivocula*] *schwarzi* (Radde, 1863).... 812
354. Садовая славка – *Sylvia borin* (Boddaert, 1783).... 813
355. Ястребиная славка – *Sylvia nisoria* (Bechstein, 1792).... 813
356. Певчая славка – *Sylvia crassirostris* [*hortensis*] Cretzschmar, 1830.... 817
357. Серая славка – *Sylvia communis* Latham, 1787.... 821
358. Славка-мельничек – *Sylvia curruca* (Linnaeus, 1758).... 824
359. Горная славка – *Sylvia althaea* Hume, 1878 827
360. Белоусая славка – *Sylvia mystacea* Ménétries, 1832.... 830
361. Пустынная славка – *Sylvia nana* (Hemprich et Ehrenberg, 1833).... 831

Семейство **Корольковые** – Regulidae....834
362. Желтоголовый королёк – *Regulus regulus* (Linnaeus, 1758).... 834

Семейство **Суторовые** – Paradoxornithidae.... 837
363. Усатая синица – *Panurus biarmicus* (Linnaeus, 1758).... 837

Семейство **Длиннохвостые синицы** – Aegithalidae.... 839
364. Ополовник – *Aegithalos caudatus* (Linnaeus, 1758).... 839

Семейство **Расписные синички** – Leptopoecilidae.... 841
365. Расписная синичка – *Leptopoecile sophiae* Severtzov, 1873.... 841

Семейство **Ремезовые** – Remizidae.... 846
366. Ремез – *Remiz pendulinus* (Linnaeus, 1758).... 846
367. Тростниковый ремез – *Remiz macronyx* [*pendulinus*] (Severtzov, 1873).... 847
368. Черноголовый ремез – *Remiz coronatus* [*pendulinus*] (Severtzov, 1873).... 849

Семейство **Синицевые** – Paridae.... 852
369. Джунгарская гаичка – Parus songarus [*montanus*] Severtzov, 1873.... 852
370. Московка – *Parus ater* Linnaeus, 1758.... 854
371. Рыжешейная синица – *Parus rufonuchalis* Blyth, 1849.... 857
372. Лазоревка – *Parus caeruleus* Linnaeus, 1758.... 859
373. Князёк – *Parus cyanus* Pallas, 1770.... 859
374. Желтогрудый князёк – *Parus flavipectus* [*cyanus*] Severtzov, 1873.... 861
375. Большая синица – *Parus major* Linnaeus, 1758.... 865
376. Бухарская синица – *Parus bokharensis* [*major*] M.H.C. Lichtenstein, 1823.... 867

Семейство **Поползневые** – Sittidae.... 870
377. Большой скальный поползень – *Sitta tephronota* Sharpe, 1872.... 870
378. Стенолаз – *Tichodroma muraria* (Linnaeus, 1766).... 873

Семейство **Пищуховые** – Certhidae.... 876
379. Пищуха – *Certhia familiaris* Linnaeus, 1758.... 876
380. Гималайская пищуха – *Certhia himalayana* Vigors, 1832.... 879

Семейство **Сорокопутовые** – Laniidae....881
381. Буланый жулан – *Lanius isabellinus* Hemprich et Ehrenberg, 1833.... 881
382. Туркестанский жулан – *Lanius phoenicuroides* (вкл. karelini) (Schalow, 1875).... 883
383. Жулан – *Lanius collurio* Linnaeus, 1758.... 887
384. Длиннохвостый сорокопут – *Lanius schach* Linnaeus, 1758.... 889
Сорокопут Дарвина – *Lanius darwini* Sevetrzov, 1879....892
385. Чернолобый сорокопут – *Lanius minor* J.F. Gmelin, 1788.... 892
386. Серый сорокопут – *Lanius excubitor* Linnaeus, 1758.... 895
387. Пустынный сорокопут – *Lanius lathora* (Sykes, 1832).... 897

Семейство **Иволговые** – Oriolidae....899
388. Иволга *Oriolus oriolus* (вкл. *kundoo*) (Linnaeus, 1758).... 899

Семейство **Монарховые** – Monarchidae....901
389. Райская мухоловка – *Terpsiphone paradisi* (Linnaeus, 1758).... 901

Семейство **Врановые** – Corvidae....904
390. Сойка – *Garrulus glandarius* (Linnaeus, 1758).... 904
391. Сорока – *Pica pica* (Linnaeus, 1758).... 904
392. Кедровка – *Nucifraga caryocatactes* (Linnaeus, 1758).... 906
393. Клушица – *Pyrrhocorax pyrrhocorax* (Linnaeus, 1758).... 908
394. Альпийская галка – *Pyrrhocorax graculus* (Linnaeus, 1766).... 911

395. Галка – *Corvus monedula* Linnaeus, 1758 ... 914
396. Даурская галка – *Corvus dauuricus* [*monedula*] Pallas, 1776 ... 916
397. Грач – *Corvus frugilegus* (вкл. *pastinator*) Linnaeus, 1758 ... 917
398. Восточная чёрная ворона – *Corvus orientalis* [*corone*] Eversmann, 1841 ... 920
399. Серая ворона – *Corvus cornix* [*corone*] Linnaeus, 1758 ... 924
400. Пустынный ворон – *Corvus ruficollis* Lesson, 1831 ... 926
401. Ворон – *Corvus corax* Linnaeus, 1758 ... 928

Семейство **Скворцовые** – Sturnidae ... 931
402. Майна – *Acridotheres tristis* (Linnaeus, 1766) ... 931
403. Розовый скворец – *Pastor roseus* (Linnaeus, 1758) ... 935
404. Скворец – *Sturnus vulgaris* Linnaeus, 1758 ... 940

Семейство **Воробьиные** – Passeridae ... 945
405. Саксаульный воробей – *Passer ammodendri* Gould, 1872 ... 945
406. Домовый воробей – *Passer domesticus* (Linnaeus, 1758) ... 946
407. Индийский воробей – *Passer indicus* Jardine et Selby, 1831 ... 948
408. Испанский воробей – *Passer hispaniolensis* (Temminck, 1820) ... 951
409. Полевой воробей – *Passer montanus* (Linnaeus, 1758) ... 955
410. Каменный воробей – *Petronia petronia* (Linnaeus, 1766) ... 957
411. Снежный вьюрок – *Montifringilla nivalis* (Linnaeus, 1766) ... 960

Семейство **Вьюрковые** – Fringillidae ... 964
412. Зяблик – *Fringilla coelebs* Linnaeus, 1758 ... 964
413. Юрок – *Fringilla montifringilla* Linnaeus, 1758 ... 966
414. Корольковый вьюрок – *Serinus pusillus* (Pallas, 1811) ... 968
415. Зеленушка – *Chloris chloris* (Linnaeus, 1758) ... 971
416. Чиж – *Spinus spinus* (Linnaeus, 1758) ... 974
417. Щегол – *Carduelis carduelis* (Linnaeus, 1758) ... 976
418. Седоголовый щегол – *Carduelis caniceps* Vigors, 1831 ... 978
419. Коноплянка – *Acanthis cannabina* (Linnaeus, 1758) ... 981
420. Горная коноплянка – *Acanthis flavirostris* (Linnaeus, 1758) ... 985
421. Чечётка – *Acanthis flammea* (Linnaeus, 1758) ... 988
422. Гималайский вьюрок – *Leucosticte nemoricola* (Hodgson, 1836) ... 989
423. Жемчужный вьюрок – *Leucosticte brandti* Bonaparte, 1850 ... 992
424. Краснокрылый чечевичник – *Rhodopechys sanguineus* (Gould, 1838) ... 996
425. Монгольский пустынный снегирь – *Bucanetes mongolicus* (Swinhoe, 1870) ... 1002
426. Буланый вьюрок – *Rhodospiza obsoleta* (M.H.C. Lichtenstein, 1823) ... 1007
427. Урагус – *Uragus sibiricus* (Pallas, 1773) ... 1009
428. Чечевица – *Carpodacus erythrinus* (Pallas, 1770) ... 1010
429. Арчовая чечевица – *Carpodacus rhodochlamys* (J.F. Brandt, 1843) ... 1014
430. Розовая чечевица – *Carpodacus grandis* [*rhodochlamys*] Blyth, 1849 ... 1017
431. Большая чечевица – *Carpodacus rubicilla* (вкл. *severtzovi*) (Güldenstädt, 1775) ... 1018
432. Красный вьюрок – *Carpodacus* [*Pyrrhospiza*] *puniceus* (Blyth, 1845) ... 1021
433. Щур – *Pinicila enucleator* (Linnaeus, 1758) ... 1025
434. Клёст-еловик – *Loxia curvirostra* Linnaeus, 1758 ... 1025
435. Белокрылый клёст – *Loxia leucoptera* J.F. Gmelin, 1789 ... 1028
436. Снегирь – *Pyrrhula pyrrhula* (Linnaeus, 1758) ... 1028
437. Серый снегирь – *Pyrrhula cineracea* [*pyrrhula*] Cabanis, 1872 ... 1029
438. Дубонос – *Coccothraustes coccothraustes* (Linnaeus, 1758) ... 1030
439. Арчовый дубонос – *Mycerobas carnipes* (Hodgson, 1836) ... 1032

Семейство **Овсянковые** Emberizidae ... 1036
440. Просянка – *Miliaria* [*Emberiza*] *calandra* (Linnaeus, 1758) ... 1036
441. Обыкновенная овсянка – *Emberiza citrinella* Linnaeus, 1758 ... 1039
442. Белошапочная овсянка – *Emberiza leucocephalos* S.G. Gmelin, 1771 ... 1040
443. Овсянка Стюарта – *Emberiza stewarti* (Blyth, 1854) ... 1043
444. Горная овсянка – *Emberiza cia* Linnaeus, 1766 ... 1046
445. Овсянка Годлевского – *Emberiza godlewskii* [*cia*] Taczanowski, 1874 ... 1050
446. Красноухая овсянка – *Emberiza cioides* J.F. Brandt, 1843 ... 1051
Серая овсянка – *Emberiza cineracea* C.L. Brehm, 1855 ... 1054
447. Садовая овсянка – *Emberiza hortulana* Linnaeus, 1758 ... 1054
448. Скальная овсянка – *Emberiza buchanani* Blyth, 1845 ... 1055
449. Желчная овсянка – *Granativora* [*Emberiza*] *bruniceps* (J.F. Brandt, 1841) ... 1058
Черноголовая овсянка – Granativora [Emberiza] melanocephala Scopoli, 1769 ... 1062
450. Камышовая овсянка – *Schoeniclus* [*Emberiza*] *schoeniclus* (Linnaeus, 1758) ... 1062
451. Полярная овсянка – *Schoeniclus pallasii* (Cabanis, 1851) ... 1065
452. Седоголовая овсянка – *Ocyris spodocephalus* (Pallas, 1776) ... 1065
453. Овсянка-крошка – *Ocyris* [*Emberiza*] *pusillus* (Pallas, 1776) ... 1065
454. Овсянка-ремез – *Ocyris* [*Emberiza*] *rusticus* (Pallas, 1776) ... 1066
455. Лапландский подорожник – *Calcarius lapponicus* (Linnaeus, 1758) ... 1067
456. Пуночка – *Plectrophenax nivalis* (Linnaeus, 1758) ... 1067

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ... 1068
Авифауна западной половины Тянь-Шаня (состав, распределение, динамика) ... 1068
Размножение воробьиных птиц в Тянь-Шане (изученность и некоторые черты гнездовой биологии) 1105
Изученность миграций и зимовок птиц в Тянь-Шане ... 1116
Литература ... 1125
Список сокращений ... 1153
Указатель латинских названий птиц ... 1154
Указатель русских названий птиц ... 1157
Оглавление ... 1160
Фотографии ... 1167

Институт зоологии МОН РК
Мензбировское орнитологическое общество
Союз охраны птиц Казахстана

Ковшарь Анатолий Фёдорович

ПТИЦЫ ТЯНЬ-ШАНЯ

(западной, среднеазиатской половины горной системы
в пределах Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана)

В двух томах

Том 2. Воробьиные

Рисунки птиц *Ф.Ф. Карпова*

На передней странице обложки:

Черногрудая красношейка. *Фото О.В. Белялова*
Красный вьюрок *Фото О.В. Белялова*
Большое Алматинское озеро в Заилийском Алатау. Май 2002 г. Фото *А.Ф. Ковшаря*

На задней странице обложки:

Озеро Тузколь и пик Хан-Тенгри (Центральный Тянь-Шань). 2 мая 2011 г. *Фото А.Ф. Ковшаря*
Арчовое редколесье на суходольных лугах в Западном Тянь-Шане. 26 мая 2006 г. *Фото Л.К. Белоусовой*

Подписано к печати 22 ноября 2019 г.
Формат 70x108 1/16 Шрифт «Times New Roman»
Объем 50,4 усл. п. л.
Отпечатано в типографии ТОО СП «ВКК Druck»

Монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*). *Фото О.В.Белялова*

Фотографии

Рыжешейная синица (*Parus rufonuchalis*) в арчовом лесу. *Фото О.В.Белялова*

Авторы фотографий

Фотографии птиц для этого издания предоставили орнитологи:

Олег Белялов – 1, 2, 4, 5, 7, 8, 10, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 30, 31,33, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 58, 61, 64, 66, 67, 68, 71, 74, 75, 77, 78, 82, 84, 94, 101, 103, 106, 107

Евгений Белоусов – 11, 17, 69, 70, 91, 97

Аскар Исабеков – 32, 40, 52, 54, 62, 63, 79, 80, 85, 88, 96, 98, 99, 105

Андрей Коваленко – 55, 57, 93, 95

Виктория Ковшарь – 6, 9, 14, 24, 45, 65, 87, 89, 102

Салторе Сапарбаев – 83

Василий Федоренко – 23, 26, 27, 28, 29, 34, 42, 48, 53, 56, 59, 60, 72, 73, 76, 81, 86, 90, 92, 100

1

2

3

4

5

6

7

1-3 – степной жаворонок (*Melanocorypha calandra*): взрослая птица, гнездо с кладкой, стайка зимой;
4 – двупятнистый жаворонок (*M. bimaculata*); 5 – рогатый жаворонок (гнездящийся *E. alpestris albigula*);
6 – токующий серый жаворонок (*Calandrella rufescens*); 7 – хохлатый жаворонок.

Фотографии О.В. Белялова (1, 2, 4, 5, 7) *и В.А. Ковшарь* (6)

8 – скальная ласточка (*Ptyonoprogne rupestris*);
9 – бледные береговушки (*Riparia diluta*) на колонии;
10 – деревенская ласточка (*Hirundo rustica*);
11 – деревенская ласточка у гнезда с птенцами;
12 – горный конёк (*Anthus spinoletta*);
13 – полевой конёк (*Anthus campestris*).

Фото О.В. Белялова (8, 10, 12, 13), *В.А. Ковшарь* (9), *Е.М. Белоусова* (11)

14 – самец черноголовой трясогузки (*Motacilla feldegg*);
15 – самец черноспинной трясогузки (*Motacilla calcarata*);
16 – маскированная трясогузка (*Motacilla personata*);
17 – самка горной трясогузки (*Motacilla cinerea*);
18 – свиристель (*Bombycilla garrulus*);
19 – крапивник (*Troglodytes troglodytes*).

Фото В.А.Ковшарь (14), *О.В.Белялова* (15, 16, 18, 19), *Е.М.Белоусова* (17)

20 – оляпка (*Cinclus cinclus*);
21 – бурая оляпка (*Cinclus pallasii*);
22 – альпийская завирушка (*Prunella collaris*);
23 – гималайская завирушка (*Prunella himalayana*)
24 – поющая бледная завирушка (*Prunella fulvescens*);
25 – черногорлая завирушка (*Prunella atrogularis*).

Фото О.В. Белялова (20, 21, 22, 25), *В.А. Ковшарь* (24), *В.А. Федоренко* (23)

26-29 – пёстрый дрозд (*Zoothera varia*): поющий самец, гнездо с птенцами и с кладкой яиц, место гнездования в кроне тянь-шанской ели (29), указано стрелкой. *Фото В.А. Федоренко;*
30 – дрозд деряба (*Turdus viscivorus*) около гнезда. *Фото О.В. Белялова.*

31, 32 – синяя птица (*Myophonus caeruleus*); 33 – самец пёстрого каменного дрозда (*Monticola saxatilis*); 34 – самец синего каменного дрозда (*Monticola solitarius*); 35 – самец красноспинной горихвостки (*Phoenicurus erythronotus*); 36 – самец краснобрюхой горихвостки (*Phoenicurus erythrogastrus*); 37 – самец седоголовой горихвостки (*Phoenicurus caeruleocephala*).

Фото О.В. Белялова (31,33, 35, 36, 37), *А. Исабекова* (32), *В.А. Федоренко* (34)

38 – самец азиатского черноголового чекана (*Saxicola maurus*);
39 – самец каменки-плешанки (*Oenanthe pleschanka*);
40 – тугайный соловей (*Erythropygia galactotes*);
41 – пустынная каменка (*Oenanthe deserti*);
42 – самец соловья-белошейки (*Irania gutturalis*);
43 – южный соловей (*Luscinia megarhynchos*) около гнезда;
44 – самец черногрудой красношейки (*Luscinia pectoralis*).

Фото О.В. Белялова (38, 39, 41, 43, 44), *А. Исабекова* (40), *В.А.Федоренко* (42)

45 – поющий самец варакушки (*Luscinia svecica*);
46 – индийская пеночка (*Phylloscopus griseolus*);
47 – поющий обыкновенный сверчок (*Locustella naevia*);
48 – певчая славка (*Sylvia crassirostris*);
49 – желтогрудый князёк (*Parus flavipectus*);
50 – джунгарская гаичка (*Parus songarus*);
51 – князёк (*Parus cyanus*).

Фото О.В. Белялова (46, 47, 49, 50, 51), *В.А. Ковшарь* (45), *В.А.Федоренко* (48)

52 – рыжешейная синица (*Parus rufonuchalis*);
53 – желтоголовый королёк (*Regulus regulus*);
54, 55 – расписная синичка (*Leptopoecile sophiae*);
56 – ополовник (*Aegithalos caudatus*);
57 – усатая синица (*Panurus biarmicus*);
58 – черноголовый ремез (*Remiz coronatus*) у гнезда.

Фото А. Исабекова (52, 54), *О.В. Белялова* (58), *В.А. Федоренко* (53, 56), *А.В. Коваленко* (55, 57)

59

60

61

62

63

64

65

59, 60 – пищуха (*Certhia familiaris*); 61 – гималайская пищуха (*Certhia himalayana*);
62, 63 – стенолаз (*Tichodroma muraria*); 64, 65 – большой скальный поползень (*Sitta tephronota*).

Фото В.А. Федоренко (59, 60), *О.В. Белялова* (61, 64),
А. Исабекова (62, 63), *В.А. Ковшарь (65)*

66

67

68

69

70

71

66, 67 – райская мухоловка (*Terpsiphone paradisi*) и её гнездо;
68 – туркестанский жулан (*Lanius phoenicuroides*);
69, 70 – иволга (*Oriolus oriolus kundoo*), самец и самка у гнезда с птенцами;
71 – пустынный сорокопут (*Lanius lathora pallidirostris*).

Фото О.В. Белялова (66, 67, 68, 71)
и *Е.М. Белоусова* (69, 70)

72

73

74

75

76

77

78

79

72, 74 – альпийская галка (*Pyrrhocorax graculus*);
73, 75 – клушица (*Pyrrhocorax pyrrhocorax*);
76 – кедровка (*Nucifraga caryocatactes*);
77 – розовый скворец (*Pastor roseus*);
78 – скворец (*Sturnus vulgaris*);
79 – майна (*Acridotheres tristis*).

Фото В.А. Федоренко (72, 73, 76),
О.В. Белялова (74, 75, 77, 78),
А. Исабекова (79)

80

81

82

83

84

85

86

80 – саксаульный воробей (*Passer ammodendri*) около дупла с гнездом;
81 – каменный воробей (*Petronia petronia*);
82, 83 – снежные вьюрки (*Montifringilla nivalis*);
84 – самец краснокрылого чечевичника (*Rhodopechys sanguineus*) на водопое;
85 – буланый вьюрок (*Rhodospiza obsoleta*);
86 – монгольский пустынный снегирь (*Bucanetes mongolicus*).

Фото А. Исабекова (80, 85), В.А. Федоренко (81, 86),
О.В. Белялова (82, 84), *С. Сапарбаева* (83)

87

88

89

90

91

92

93

94

87 – седоголовый щегол (*Carduelis caniceps*);
88, 90 – арчовая чечевица (*Carpodacus rhodochlamys*);
89 – корольковый вьюрок (*Serinus pusillus*);
91 – розовая чечевица (*Carpodacus grandis*);
92, 93 – жемчужный вьюрок (*Leucosticte brandti*);
94 – гималайский вьюрок (*Leucosticte nemoricola*).

Фото В.А. Ковшарь (87, 89), *А. Исабекова* (88), *В.А.Федоренко* (90, 92), *Е.М. Белоусова* (91), *А.В. Коваленко* (93), *О.В. Белялова* (94)

95

96

97

98

99

100

95, 96 – красный вьюрок (*Pyrrhospiza punicea*), самец и самка зимой в высокогорье Заилийского Алатау;
97 – самец большой чечевицы (*Carpodacus rubicilla*) на зимовке в низкогорье Таласского Алатау;
98 – самец арчового дубоноса (*Mycerobas carnipes*);
99 – самец клеста-еловика (*Loxia curvirostra*);
100 – поющий самец скальной овсянки (*Emberiza buchanani*).

Фото А.В. Коваленко (95), *А. Исабекова* (96, 98, 99), *Е.М. Белоусова* (97), *В.А. Федоренко* (100)

101

102

103

104

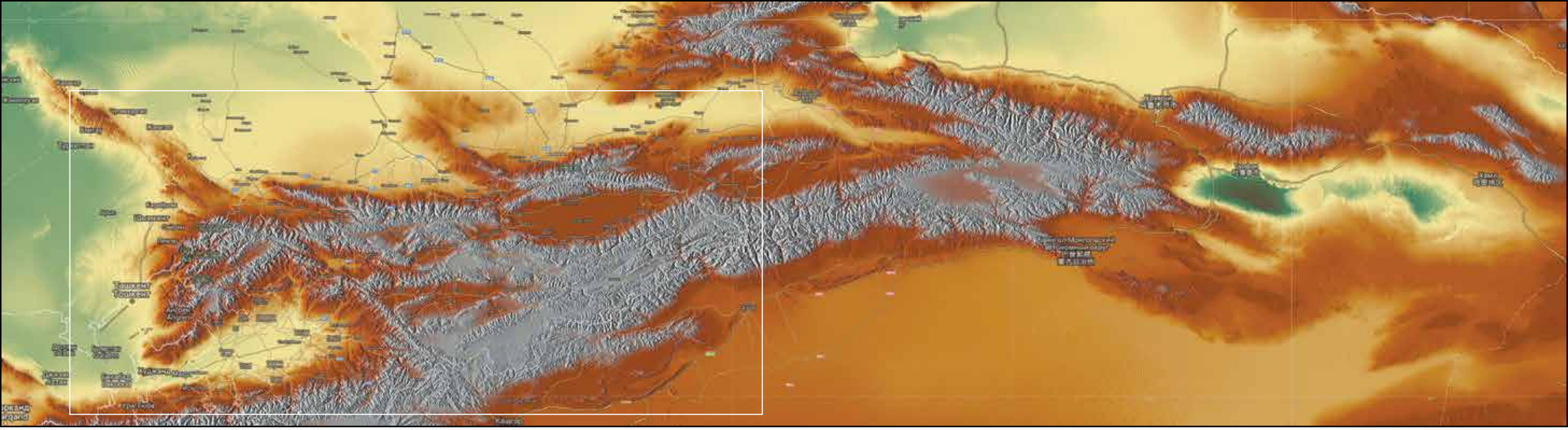

105

106

107

101 – красноухая овсянка (*Emberiza cioides*);
102 – белошапочная овсянка (*Emberiza leucocephalos*);
103, 104 – овсянка Стюарта (*Emberiza stewarti*) и её гнездо;
105 – кашгарская овсянка (*Emberiza godlewskii decolorata*);
106 – горная овсянка (*Emberiza cia*), поющий самец;
107 – самец желчной овсянки (*Granativora bruniceps*).

Фото О.В.Белялова (101, 103, 106, 107),
В.А.Ковшарь (102),
А.Ф. Ковшаря (104), *А. Исабекова* (105).

ДЖАМБУЛ
ФРУНЗЕ
АЛМА-АТА
ТАЛАС
ЧИМКЕНТ
ТАШКЕНТ
ГАЗАЛКЕНТ
НАМАНГАН
АНДИЖАН
ОШ
ФЕРГАНА
ЧАПАЕВ
ЧАРЫН-АТА
ТАЛАССКИЙ АЛАТАУ
ТЯНЬ-ШАНЬ
ФЕРГАНСКАЯ ДОЛИНА

